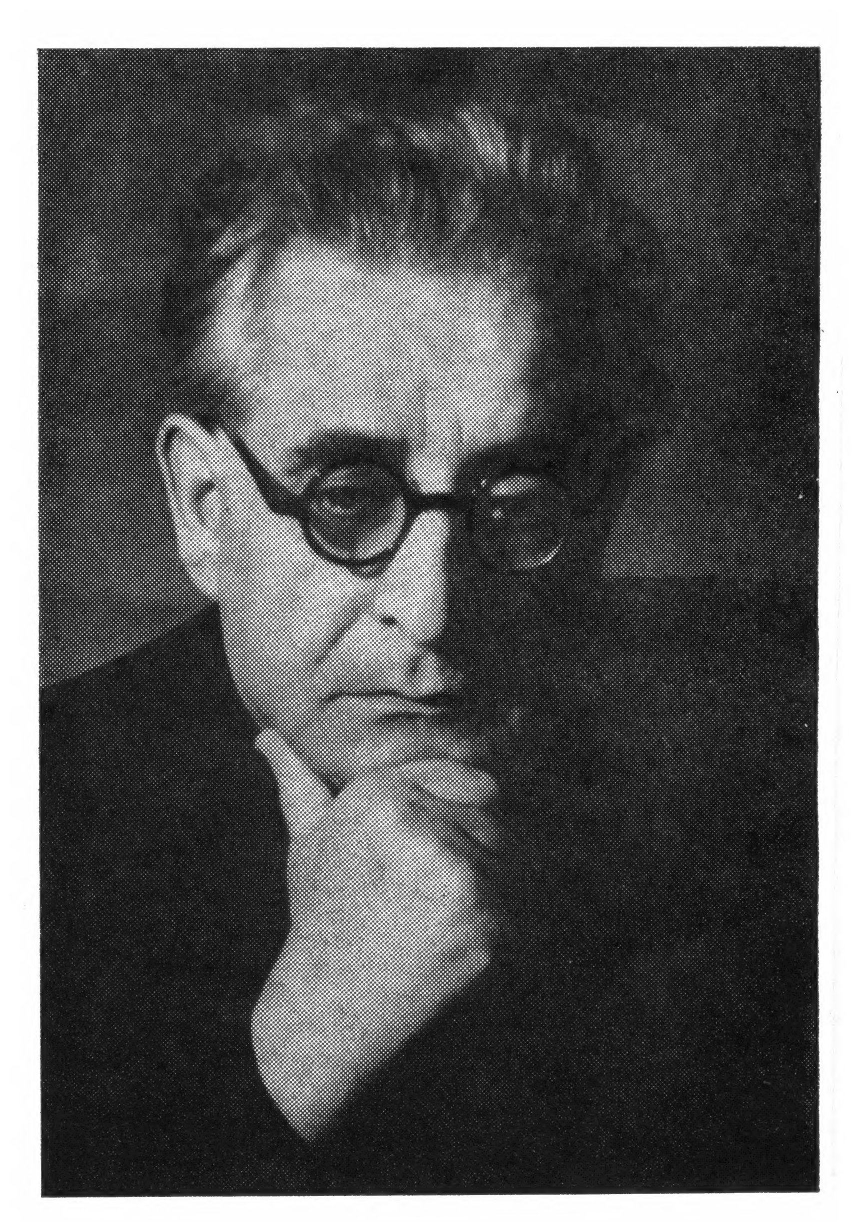
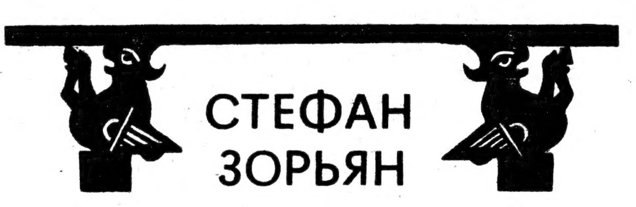
СТЕФАН
ЗОРЬЯН

АРМЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ
ЦАРЬ ПАП

М[redacted] Ю.Н.





СТЕФАН
ЗОРЬЯН

АРМЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ

◆

ЦАРЬ ПАП

Исторические романы

Перевод с армянского
А. Макинцян
В. Дудинцева

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1984

ББК 84.Ар7
З 86

Художник Игорь Бабаянц

З $\frac{4702080200 - 296}{083(02)-84}$ 259-84

АРМЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Исторический роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начнем с того, с чего следовало бы начать историю города, строительство которого стало причиной многих бед и раздоров в Стране Армянской.

Был солнечный полдень.

Гулкий шум наполнял ущелье Аракса; весенний поток вывел из берегов реку, и она со звериным ревом то обрушивалась на сжимавшие ее русло крутые берега, то неслась, лихорадочно пенясь; над камышами прибрежными и окрестными лугами кружили птицы, оглашая воздух криками. Щебет, клекот, писк, трели – все перемешалось, и этот разноголосый птичий гомон отдавался звоном в ущелье; казалось, каждый кустик, каждое деревцо поют свою песнь вместе с водой.

Узкой тропой, бегущей вдоль правого берега раздавшейся реки, против течения, пробирались пятеро всадников. Один из них был ишханом [1], остальные четверо – его телохранителями. Ишхан ехал на сивом коне впереди, телохранители – на почтительном расстоянии от него. Это были молодые люди могучего сложения, с цепким взглядом и все вооруженные – кто мечом, кто копьем и луком. Ведя лошадей за хозяином, они внимательно следили за дорогой, переговариваясь между собой, порой смеясь, но так сдержанно, украдкой, чтобы ехавший впереди не заметил, ибо чувствовали: сегодня он в необычном для себя настроении, озабочен чем-то и даже мрачен.

Впереди ехал хозяин области Габехен ишхан Саак; обширные владения его, богатые плодородными землями и густо населенные благоустроенными селениями, простирались от Аршаруника до Басена. Однако славился ишхан не столько своим богатством, сколько веселым нравом и умением жить на широкую ногу. В дни особых празднеств, а то и безо всяких поводов, по нескольку раз в год он закатывал пышные пиры, на которые съезжались именитые гости как из близлежащих областей, так и из отдаленных. Пиршества эти длились не-

---

[1] Ишхан – князь.

сколько дней кряду, случалось – и целыми неделями, с обильным угощением и охотой за зверем в принадлежащих хозяину лесах и горах.

Однако сегодня ишхан Саак был не на шутку встревожен; хозяин пограничных с ним земель Нерсе Камсаракан дал знать через гонца, чтоб он прибыл без промедления. Вот и ехал он, ишхан Саак, погруженный в думы: что означает этот тон, похожий на приказ: «прибыть без промедления»? Правда, ишхан Камсаракан человек влиятельный, владеет неприступными крепостями, но почему его приглашение должно быть в столь категоричной форме? Может, недоволен им? Или еще какая оказия?

Долго раздумывал Саак-ишхан над этими словами, теряясь в догадках, и, так и не остановившись ни на одной из них, поднял взгляд: навстречу ему, изящно вытянувшись в небе, летела стая птиц; добрая примета, подумал он, несколько успокаиваясь.

Ишхан был одет в черную нахарарскую[1] капу[2], перехваченную в талии поясом, с левого бока висел короткий меч; ноги обуты в желтоватые муйки[3] с голенищами, доходящими до самых колен, на голове – островерхая шапка из черного каракуля. Это был мужчина средних лет, темные вихры на голове еще совсем не тронуты сединой, только в бороде серебрились еле заметные нити, которые еще больше подчеркивали черноту его блестящих как смоль волос.

Ишхан долго ехал в молчаливом одиночестве и вдруг круто осадил коня: впереди на дороге он заметил во весь опор скакавшую ему навстречу группу всадников.

Невольно оглянувшись назад, на телохранителей, он снова перевел взгляд на приближающихся всадников. Кто это может быть? Куда они летят стремглав? Тем временем подъехали его телохранители, остановили коней и с той же настороженностью застыли в ожидании; руки их невольно потянулись к оружию.

Еще несколько секунд – и всадники стали ясно различимы: впереди скакал коренастый крепыш, тоже одетый в каракулевую шапку и черную капу.

– Ишхан Закарэ! – с облегчением воскликнул ишхан Саак, пришпоривая коня. – Доброго здравия тебе, доброго здравия!

– Благодарю, Саак-ишхан, – приветливо отозвался прибывший и, приложив сначала руку к сердцу, в знак уважения к старшему, протянул ее затем, перегнувшись через коня, владетелю Габехена. После обычных приветствий он учтиво спросил: – Можно узнать, куда держишь путь, ишхан Саак?

– К Камсаракану в замок.

---

[1] **Нахарары** – феодальная знать древней и средневековой Армении.

[2] **Капа** – верхняя мужская одежда.

[3] **Муйки** – старинная обувь, которую носили знатные особы.

— О, нам, оказывается, по пути, — обрадовался хозяин области Вананд,— я туда же спешу по приглашению наапета[1].

— Какому приглашению? — невольно поинтересовался ишхан Саак.

— Чтоб сегодня же пожаловал к нему в замок.

— Приглашению, похожему на приказ — прибыть без промедления? Не так ли?

— Точно, ишхан Саак, так и было написано.

— Безо всякого объяснения, зачем и почему?

— Безо всякого, ишхан.

— Более чем странно, — покачал головой владелец Габехена и, усмехнувшись, добавил: — Что ж, поедем, посмотрим, что нас там ожидает. Может, приглашают для оказания почестей? А может, совсем наоборот... — Он немного помолчал. — Уж слишком это приглашение напоминает царский приказ.

Ишхан Закарэ заметил глухое раздражение, проскользнувшее в его словах.

— А ты, ишхан, когда-нибудь был у царя Аршака? — спросил неожиданно он.

— У царя? Никогда! — ишхан Саак покачал головой. — Не был, дорогой, и никогда не стремился попасть к нему, наоборот, прилагал все усилия, чтоб держаться как можно дальше и от государя и от его двора.

— Можно поинтересоваться — почему?

Ишхан Саак придержал коня.

— Спрашиваешь — почему? Так и быть, тебе, как близкому человеку, откроюсь. Я думаю, чем дальше от царской особы, тем спокойней, а главное, безопасней. При дворе если не сам государь, так кто-нибудь из его противников всегда может учинить расправу над тобой. Понял? Нет, приятель, не нужны нам ни царская милость, ни царский гнев. Слава богу, у нас есть свои подчиненные, владения, мы люди независимые; что нам мешает наслаждаться жизнью? Дворцовые связи хотя и почетны, но опасны. Я предпочитаю свободу и спокойствие: жизнь не навечно нам дана, и незачем без надобности рисковать ею.

— Справедливо, ишхан, однако всякий должен уметь защищать себя. Но связи необходимы, ибо чем ближе к царю и его двору, тем больше славы и почета.

— Все прах и пепел, дорогой, выеденного яйца не стоит. Для меня превыше всего — веселая песня и чарка доброго вина. Пей божественный напиток, веселись, и пусть вокруг тебя все вкушают радость жизни. Тогда и никакая смерть не страшна.

Он помолчал минуту, потом добавил:

— «Связи», может, и необходимы, конечно, но только когда они не связывают оковами руки...

— Будем надеяться, что приглашение нам ничего плохого не сулит. — Владетель Вананда перевел разговор на другое.

[1] **Наапет** — патриарх.

— Может статься, нас созывают на весенний праздник,— усмехнулся ишхан Саак.— Может, Камсаракан задумал устроить веселый пир?

Оба загадочно заулыбались и, подстегнув лошадей, тронулись дальше. Их конные телохранители, слившись в одну группу, последовали за хозяевами, не нарушая принятого почтительного расстояния.

Путь лежал все по тому же ущелью Аракса, где с высоких круч с оглушительным ревом низвергались потоки вод; серны, перепрыгивая с камня на камень, взбегали по скалам; под напором струй, как на ветру, качались деревья, одиноко растущие на груди утесов, а внизу порой мелькал и кабан, спеша укрыться в тростниковых зарослях...

Ничто не могло остановить неукротимого бега разлившейся реки и возвращения перелетных птиц, которые парами, а то и целыми стаями кружили над ущельем, порой взмывая ввысь, в чистое звонкое небо.

Замок Камсараканов находился неподалеку, в живописном и недоступном уголке Страны Армянской, там, где две реки, Аракс и Ахурьян, сливаясь, образовывали равнинный полуостров, густо покрытый лесами и фруктовыми садами. В центре этого полуострова, на небольшом пригорке, стоял замок. Это и было фамильное владение одного из именитых и влиятельных нахараров страны Нерсе Камсаракана, не раз перестраивавшееся его предками согласно их разумению и вкусам. Замок был двухэтажный, окна его выходили на все четыре стороны, они были и высокие, вытянутой формы, и маленькие узенькие; на все стороны выходили и каменные балконы, с которых в дни празднеств хозяева вывешивали знамена и ковры. Над обоими арочными входами был высечен фамильный герб Камсараканов: бык, напрягший шею, готовый ринуться в бой.

Замок был обнесен высокой массивной стеной, выложенной из камня, со сторожевыми башнями и железными воротами, увенчанными тоже родовым гербом своих владельцев. На башнях, особенно маленьких надвратных башенках крепостных ворот, днем и ночью стояли вооруженные дозорные, в наголенниках, туго подпоясанные, с мечами, копьями и пиками. От крепостных ворот ко входу в замок вели широкие мощеные дорожки, вокруг которых по всей территории внутри крепостных стен цвели, залитые щедрым весенним солнцем, фруктовые деревья, зеленели виноградники, благоухали кусты сирени. От близости воды с обеих сторон — замок стоял между двумя реками — воздух был наполнен гулким рокотом, который не умолкал ни днем, ни ночью; к нему трудно было привыкнуть поначалу, особенно человеку, только что прибывшему. Однако его совсем не замечали сами обитатели замка.

Все внутренние покои и большие залы его были выстланы

дорогими коврами, которые покрывали стены и полы во всю их длину и вширь; просторным залам придавали торжественность ряды колонн с капителями, украшенными орнаментами. На стенах почти во всех залах висело оружие нового и старого образца, в ножнах и без ножен; сверкали лезвия мечей, клинки кинжалов; в огромном разнообразии были представлены дротики, пики, копья, кинжалы, и над всем этим, как нечто обязательное, высились ветвистые оленьи рога и огромные кабаньи головы.

В замке жили пять братьев Камсараканов со своими семьями. На дню три-четыре раза в трапезной зале, длиною в двадцать локтей, с двумя рядами колонн, собирались они со своими женами, сыновьями, дочерьми и невестками. Согласно обычаю, за столом, кроме главы рода и его жены, никто не имел права разговаривать. Каждый раз их трапезу делили многочисленные гости – дальняя родня, сваты из соседних нахарарств: Камсараканы находились в родственных отношениях со многими известными нахарарскими фамилиями, со знатными родами даже соседних стран – грузин и агванов[1]. Род Камсараканов занимал видное положение среди нахараров Страны Армянской не только благодаря обширным владениям, простирающимся от Ширака, Аршаруника до Сумари и далее, но и своей отвагой, мужеством и особенно крепостями Артагерс и Капуйт, равным которым не было в стране: ни у нахараров, ни у самого царя.

Именно с этих крепостей все и началось... Но об этом позже.

Нынешний глава рода Нерсе Камсаракан был отцом семерых сыновей и трех замужних дочерей. Сыновья, все как один, походили на отца – рослые, широкоплечие; они носили имена, принятые у них в роду, как-то: Аршавир, Раат, Газавон и другие... Все молодые Камсараканы по распоряжению главы рода, согласно издревле установившейся традиции, постоянно упражнялись во владении оружием под наблюдением опытных наставников. Иногда на занятиях присутствовал и сам глава рода.

Да, как владельцы крупных крепостей, Камсараканы особое внимание уделяли их оборонной мощи и личной военной подготовке, недаром за ними прочно укрепилась слава отличных вояк. Говорили, ишхан Нерсе мог положить яйцо на голову своего сына и сбить его стрелой. Как правило, все нахарарские дома держали у себя голубей для жертвоприношения святым – обычай, укоренившийся со времен язычества. Камсараканы голубей держали и для иной цели: их использовали как живую мишень.

– Кто попадет стрелой в летящего голубя, тот действительно меткий стрелок,– говорил наставник юношам.

---

[1] Агваны – народы, населяющие Кавказскую Албанию, нынешнюю территорию Абхазии.

И нынче, когда приятное полуденное солнце пригревало землю, купая в весенних лучах замок, крепостные стены, сады и темнеющий вдали лес, во дворе шли занятия по стрельбе из лука. Юноши выпускали в небо голубей и, когда нежно-белые птицы, широко раскинув крылья, набирали высоту, стреляли влет, одновременно пуская пять-шесть стрел. В знак поощрения наставник рукой касался плеча того юноши, чьей стрелой подбитый падал голубь. Как он определял, кто из одновременно стрелявших попал в цель? Наметанный, видимо, был глаз.

В то время, когда молодое поколение Камсараканов азартно предавалось этой игре, глава их рода, ишхан Нерсе, медленно прохаживался по просторной зале, заложив руки за спину. Порой он останавливался, смотрел в окно или выходил на каменный балкон, мрачно переводя взгляд с крепостных ворот на целящихся в голубей юношей. Хотя вид молодых людей, занятых стрельбой, представлял собой обычное зрелище в стенах замка, сегодня он явно раздражал ишхана, а их воинствующие кличи, оглашавшие воздух, казалось, резали слух. Несколько минут он смотрел на них словно осуждающе, потом, нахмурившись, с недовольным лицом уходил с балкона.

Имя ишхана Камсаракана было Нерсе, но многие его называли Нарсе, и только близкие – Нар-ишханом. Ему было за пятьдесят; высокий, статный, подтянутый, на голове ни единого седого волоска. Он носил коротко подстриженную бородку и длинные густые усы; когда он говорил, создавалось впечатление, что слова застревают в усах, так как он поминутно приглаживал и одергивал их; но кончики усов упрямо закручивались и принимали прежний вид, придавая лицу хмурое выражение.

Надо сказать, что в последнее время Камсаракан был не просто хмур, а мрачен; вот уже месяц ни с кем из домашних не разговаривал, бродил отшельником по отдаленным аллеям и все думал... думал... а когда входил в замок – сразу удалялся на свою половину.

О чем он думал? Чем он был озабочен? – никто не ведал. Не в правилах ишхана было посвящать близких в свои заботы, будь то брат, сын или жена. Но как-то раз, совсем случайно, от возвратившегося в замок гонца домочадцы узнали, что у них в скором времени состоится большое приглашение и должны съехаться ишханы из соседних нахарарств. Ясно, Нар-ишхан замышляет что-то серьезное. Но что? Этого, конечно, гонец сказать не мог. Когда уже стали появляться первые гости, ишхануи[1] решилась обратиться к мужу:

– Можно узнать, Нар-ишхан, с какой целью съезжаются гости?

– По моему приглашению, – уклонился от ответа Камсаракан.

---

[1] Ишхануи – княгиня.

Тон, которым были произнесены эти слова, заставил ишхануи прекратить расспросы и приступить к распоряжению о приеме.

Пока прибыло человек пять нахараров, одни с сыновьями и телохранителями, другие только с телохранителями, как Папак Палуни и Вардза Апауни; одним из первых появился сын покойного старейшины нахарарского рода Ангех ишхан Сурак, которому не было еще и двадцати трех лет. После смерти отца, будучи его единственным сыном, ишхан Сурак вступил в права наследования отцовскими владениями. Все, утомленные дорогой, теперь отдыхали в гостиных покоях замка.

Гостей уже собралось достаточно много, но Нар-ишхана не покидало состояние тревожного ожидания. Все ли будут, думал он, шагая из конца в конец залы, останавливаясь у окна и нетерпеливо поглядывая на надвратную башню — не машет ли белым полотнищем караульный: принятый способ оповещать о приближении всадника или пешего человека к замку. Как только башенный караульный замечал кого-нибудь на дороге, он тут же подавал сигнал условным свистом или взмахами белого полотнища. Тотчас же группа дворцовых слуг направлялась к крепостным воротам, чтобы встретить прибывшего или разузнать, кто там и чего хочет.

Если это оказывался один из званых гостей, то его выходили встречать или братья Камсараканы, или его сыновья, в зависимости от сана и положения гостя.

Время склонялось за полдень, а прибыли еще далеко не все. Нар-ишхан терял терпение. Выйдя в третий раз на каменный балкон, он, к своей великой радости, заметил развевающееся полотнище, потом увидел, как направились к воротам находящиеся во дворе слуги, а за ними и молодые люди, занимавшиеся стрельбой из лука. Нар-ишхан напряг зрение, застыв на месте. Потребовалось порядочное время, пока из крепостных ворот въехал во двор всадник на вороном коне, которого сопровождали молодые люди на гнедых лошадях и несколько конных телохранителей; их сразу же окружили сыновья ишхана и слуги замка.

— Тер[1] Вахевуни! — воскликнул Нар-ишхан, узнав прибывшего, и поспешил к нему по каменным лестницам. Никого он так радушно не встречал. Раскрыв широко объятья, бросился навстречу и прижал к себе спешившегося грузного человека, похожего на хищную птицу выпученными глазами, крючковатым носом и тонкой шеей.

— Безмерно рад тебя видеть, вдвойне рад, что ты не один, а с сыновьями.

Нар-ишхан подходил, поочередно обнимал и целовал сепухов[2] Вахевуни, давно уже вышедших из юношеского возраста, удивительно похожих друг на друга и на своего отца: с крюч-

---

[1] Тер — господин, хозяин.

[2] Сепухи — младшие представители нахарарских фамилий.

коватыми носами, выпученными глазами и тонкими шеями. Лица отца и сыновей обветрились, загорели от солнца и ветра.

— Если б даже не было твоего приглашения, — прокаркал Вахевуни голосом, очень соответствующим его внешности, — я сам бы явился к тебе.

— Я был бы счастлив.

— Хотел заехать к тебе особо, чтоб выразить негодование по поводу нового государева указа. Доколе царь будет творить, что заблагорассудится? Опять пренебрег он нашим посланием.

— Подумаем, тер Вахевуни, подумаем.

— Как пресечь его злые намерения? — простонал Вахевуни. — После последнего царского указа от меня опять сбежало несколько человек. Сущее бедствие!

— Обо всем поговорим, тер Вахевуни, — успокаивал его Камсаракан, хотя видно было, с каким внутренним удовлетворением он воспринимает гневные слова старика.

Только проводили ишхана Вахевуни с сыновьями в гостиные покои замка, как к крепостным воротам вновь бросились слуги: караульный возвещал о прибытии гостей.

На этот раз в крепостные ворота въехали два статных всадника в серых дорожных накидках с конными телохранителями, вооруженными копьями. Это были братья Амуни, оба бородатые, у одного борода была с проседью, у другого — сплошь черная. Старший приходился зятем Камсаракану, был женат на его сестре. Спешившись, он по-родственному поздоровался с Нар-ишханом, с его братьями и сыновьями.

— Надеюсь, все живы-здоровы? — спросил он по-домашнему, просто.

— Слава богу, — ответил Нар-ишхан и сам задал вопрос:

— Как дети, как сестра? — Потом, не дослушав ответа, подошел к младшему Амуни, поздоровался с ним: — Ты, кажется, впервые в моем доме? Милости прошу.

— Так точно, ишхан, — смущенный его вниманием, ответил тот. — Река у вас бурная и опасная, она чуть не снесла мост.

Он имел в виду Ахурьян, который стремительно бежал с высоких круч, с силой ударяясь о деревянный мост, а потом несся неистово и, как меч, вонзался в грудь Аракса.

Следующим явился ишхан Манэч из Басена, бравый мужчина, с серебряного пояса которого свисала сабля в серебряных же ножнах. Его телохранители, вооруженные только мечами, сидели на горячих скакунах, из глаз их прямо-таки сыпались искры.

Только они разместились, появились еще гости — ишхан Саак из Габехена и ишхан Закарэ из Вананда.

Число прибывших перевалило за десять человек, но напряженное ожидание Нар-ишхана не ослабевало, больше того, казалось, возрастало. Создавалось впечатление, что самого главного для него гостя пока нет. Он шагал взад-вперед по

просторному залу, поминутно поглядывая на крепостные ворота, и, не видя сигнала, удрученно качал головой.

– Неужели не получил приглашения? Или не понял, что именно на сегодня назначен сбор? Человек он обязательный, не мог не приехать, значит, помешало что-то серьезное...

День догорал, наступали сумерки. Нар-ишхан все еще ждал кого-то. Каждую минуту ему казалось, вот-вот послышится сигнал. Но когда за окнами просторной приемной сгустились сумерки, надежда его, видимо, покинула, он молча опустился на покрытый ковром большой диван и сидел так некоторое время не шелохнувшись. Потом, тяжко вздохнув, хлопнул в ладоши. Из соседней комнаты вышел юноша-сенекапет [1] и, скрестив руки на груди, замер в ожидании приказания.

– Объяви гостям, – сказал Камсаракан, не меняя позы, – жду их, пусть пожалуют.

Юноша, поклонившись, вышел; немного погодя один за другим стали входить в зал гости – без оружия, скинувшие с себя дорожные одеяния, умытые, причесанные, отдохнувшие. На больших пальцах многие из них носили массивные золотые перстни с геммой-печаткой, на которых были выгравированы фамильные гербы их владельцев. Этими перстнями обычно они ставили печать на важных документах.

Увидев входивших гостей, Камсаракан поднялся навстречу и отвесил общий глубокий поклон.

– Добро пожаловать, господа нахарары, – приветствовал он тоном гостеприимного хозяина, – чувствуйте себя как дома, располагайтесь поудобней.

Люди пожилые и в летах рассаживались на диванах и подушках, помоложе – на треногих стульях; старшие завели обычный разговор о житье-бытье, справлялись о здоровье близких, знакомых, молодые во все глаза рассматривали именитого владельца замка, дворцовое убранство, утварь, украшения. Немного освоившись, они с любопытством стали приглядываться и друг к другу, почтительно прислушиваться к беседе старших, которая пока велась вокруг дорожных впечатлений.

Разговоры и взаимные расспросы продолжались, когда в залу ступили одна за другой женщины. Возглавляла шествие хозяйка замка, жена Нерсе Камсаракана, за нею шли жены его братьев и, наконец, дочери, которые, согласно давно установившемуся порядку, должны приветствовать гостей. В честь их приезда на женщинах была одежда из атласа и тафты с серебряными и золотыми пуговицами и застежками, на шеях и вокруг голов – в несколько рядов нити из жемчуга и янтаря. На крутые плечи хозяйки дома, поверх темно-синего шелкового платья, была накинута пестрая византийская шаль с длинными кистями, на руках переливались кольца с драгоценными каменьями. Еще более нарядно были одеты ее невестки и замуж-

---

[1] Сенекапет – придворный, ведающий канцелярией царя, личный секретарь.

ние дочери – Мариам, Марта и Магдалинэ. Войдя в зал, молодые женщины подходили к гостям и отвешивали молчаливый поклон: это была старинная форма приветствия, которой строго придерживались в нахарарских домах.

Когда церемония приветствия была закончена, хозяйка замка вышла вперед, стала в центре зала и широким жестом пригласила собравшихся перейти в трапезную.

– Прошу дорогих гостей пожаловать к столу.

– С превеликим удовольствием, хозяйка, твое слово для нас закон,– отозвался старший Амуни, зять Камсаракана, человек веселого нрава, остряк и балагур.

– С радостью принимаем приглашение, о прелестная хозяйка,– прокаркал старый Вахевуни.

Гости поднялись с мест и, уступая друг другу дорогу, придерживаясь очередности, соответствующей их сану и положению, двинулись к дверям, ведущим в соседнюю залу. Здесь стояли длинные накрытые столы, высотой в один локоть, вокруг которых были разложены подушки; среди всевозможных яств бросались в глаза целиком запеченные ягнята на огромных серебряных подносах. Нар-ишхан с непокрытой головой, в одной капе, как хозяин занял место во главе стола, а гости, опять же строго соответственно сану и положению, заняли места по обеим его сторонам. Только успели рассесться, как в залу вошел священник с разметавшейся на груди бородой и, беззвучно шевеля губами, благословил стол. Трапеза началась.

Пока гости, пробуя закуски и наполняя бокалы, перебрасывались короткими фразами, Камсаракан хранил молчание. Хотя с лица его, как полагалось в подобных случаях, не сходило выражение приветливого гостеприимства, заметно было, что он чем-то встревожен. Дело в том, что среди собравшихся не было владельца Васпураканского края ишхана Меружана Арцруни, с которым была предварительная договоренность о приезде. А между тем он должен был прибыть раньше всех, так они уславливались.

Камсаракан никому ничего не говорил об этом, надеясь все-таки на его приезд, пусть с опозданием, пусть к ночи, пусть даже к утру следующего дня. Тогда и начали бы ишханский совет... Что могло все-таки помешать? Несчастный случай, тревожно думал Камсаракан, какое-нибудь непредвиденное обстоятельство? Но в таком случае надобно дать знать. От его владений до моего замка не так уж далеко, за два дня можно покрыть расстояние. Поглощенный этими мыслями, Камсаракан не притрагивался к еде и только машинально повторял:

– Угощайтесь, гости дорогие, чувствуйте себя как дома.

Обычно званые обеды в доме Камсараканов проходили в сопровождении музыки, но на сей раз, когда хозяйка заговорила об этом, ишхан махнул рукой: «Не радостная сия встреча». Но гости и без музыки вкушали еду, ибо с дороги изрядно

проголодались; вином запивали закуски и с утроенным аппетитом налегли на жареное мясо.

Хотя за столом, казалось, все были поглощены едой, мысли присутствующих были прикованы к одному: какова цель приглашения? Во всяком случае, об этом не переставая думал ишхан Саак из Габехена. Он украдкой бросал взгляды на озабоченное лицо хозяина замка, силясь что-то прочесть на нем.

Однако по хмурому лицу Камсаракана трудно было что-либо разобрать, ясно было лишь одно – мысли его витают далеко, а слух напряженно ловит звуки за стенами залы. Так продолжалось до той поры, когда, мягко ступая, в трапезную вошел сенекапет и, наклонившись к уху Камсаракана, прошептал:

– Гонец из Васпуракана, тер Камсаракан.

– Зови скорей, – сказал тот и, быстро поднявшись с места, направился в свои покои. Немного погодя к нему вошел юноша с коротко остриженной бородкой, непокрытой головой, в высоких муйках. Из кармана капы, туго затянутой поясом, он достал свиток и, отвесив поклон, протянул ишхану.

Камсаракан раскрыл письмо и стал читать. Постепенно лицо его прояснялось. Дочитав, он с довольным видом свернул послание, дав указание сенекапету накормить гонца, заторопился к гостям в трапезную, где продолжалось шумное застолье.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда угощение подходило к концу и началась разрозненная беседа между распавшимися на группы гостями, ишхан Саак из Габехена, поглядывая на Камсаракана, думал: «Почему он ничего не говорит о цели приглашения? Чего тянет?»

– Сепухи могут выйти прогуляться, поразвлечься, а мы, старики, сядем потолкуем, – сказал наконец Камсаракан, поймав украдкой брошенные в его сторону вопросительные взгляды.

Молодые, поняв намек, тотчас же поднялись и, радуясь возможности поближе познакомиться друг с другом, оживленно беседуя, направились к выходу. С места встал и юный ишхан Сурак; заметив это, Камсаракан подал знак рукой:

– Ты оставайся, ишхан Сурак, будешь присутствовать среди нас как... глава рода Ангех.

Юноша с темными кудрями и черной коротко подстриженной, шелковистой бородкой учтиво поклонился и сел на место. Когда из залы удалились молодые люди, Камсаракан пригласил остальных пройти в его покои, которые тоже, как и другие помещения замка, были убраны коврами, оружием, развешанным на стенах, шкурами убитых на охоте зверей; центральное место среди всего этого занимала большая оленья голова, с ее ветвистых рогов свисали два сильно гнутых лука

и меч в ножнах, а внизу на гвоздях в ряд были выстроены колчаны, украшенные искусной резьбой, полные стрел.

Когда гости-нахарары – их было девять-десять человек – вошли и разместились на диванах и подушках, Камсаракан, как было принято, поднес руку ко лбу и поблагодарил собравшихся за то, что уважили его просьбу и прибыли немедля. Он заявил, что вызвал их по вопросу чрезвычайно важному, который нужно серьезно сообща обсудить.

– Однако, господа, сразу же оговорюсь, – продолжал он, обводя взглядом присутствующих, – наш разговор должен оставаться в строжайшей тайне. – Он умолк на минуту и посмотрел на нахараров из-под густых бровей. – Вы, наверное, догадываетесь, почему мы здесь собрались? С государевым указом, полагаю, знакомы все? И все ясно отдают себе отчет, чем он нам грозит? Вот я и подумал, нам необходимо собраться, дабы вместе решить, как вести себя дальше.

Присутствующие насторожились, стали многозначительно переглядываться, перешептываться, а старик Вахевуни с места вдруг гаркнул:

– Ты прав, надо подумать. С первых дней воцарения на престол Аршак стал сущим бедствием для нас.

– Воистину бедствием, – повторил Камсаракан удрученно и, продолжая свою речь, напомнил, что в первый же год своего царствования Аршак потребовал от них людей для своего войска; чтоб не перечить только что вступившему на престол царю, армянские нахарары пошли ему навстречу; затем он потребовал, чтоб каждый из нахараров представил ему сведения о количестве людей и поголовье крупного скота в своих владениях. Такого себе не разрешал ни один государь, но нахарары и на этот раз не стали возражать ему, молча повиновались.

– Теперь, – голос Камсаракана дрогнул и стал жестче, – царь Аршак, пренебрегая традиционными правами и законами, требует, чтоб я отдал ему свои крепости Артагерс и Капуйт. Разумеется, я этого не сделал. Все об этом знают. Не сделал, потому что не хочу оставлять свои владения незащищенными.

Хотя Камсаракан был взволнован, он старался говорить не повышая голоса, чтоб слушали внимательно. Говорил и краем глаза наблюдал, какое впечатление производят на присутствующих его слова. Зал внимал затаив дыхание. Удостоверившись в этом, он продолжил:

– Месяц назад наш государь огласил указ, требующий сбора людей для строительства нового города; мы тогда же направили ему письмо с протестом; он не обратил на наше письмо никакого внимания. Теперь же, считая содеянное недостаточным, он скрепил еще один указ, самый возмутительный из всех. – Камсаракан резко выпрямился на подушке. – Царь переманивает наших людей в свой город, совращает их посулами. Так что же, будем и дальше терпеть сие великое беззаконие, господа нахарары, или примем меры, чтоб пресечь его пагубные действия? Я далек от мысли, будто Аршак движим

личной местью ко мне из-за того, что я не отдал ему свои крепости. Нет. Я уверен, он хочет отобрать все принадлежащие нам родовые имения, крепости и сделать их своей собственностью.

— Да, старая истина — власть опьяняет, — не стерпев, с места бросил старый Вахевуни, сверкнув выпученными, как у хищной птицы, глазами. — Аршак не просто хочет нас ослабить, он хочет стереть нас с лица земли...

— Что можно ожидать от царя, изгнавшего своего слепого отца в Каваш и осудившего его на вечное одиночество? — вставил нахарар Манэч из Басена.

— Да, господа нахарары, — Камсаракан нахмурил брови, он был недоволен, что его перебивают, не дают высказаться до конца, — Аршак стремится к единовластию. Я знаю, он денно и нощно твердит: «Надо укрепить Страну Армянскую!» Пусть укрепляет, кто ему мешает? Только — почему руками наших людей и силой наших крепостей? Он без конца твердит: «Шапур наш враг». Да, Шапур действительно его враг, враг всех Аршакидов вообще, а нас персидский шах не тронет, если мы проявим терпимость и сдержанность. А что Аршак? Мы верой и правдой служим ему и что же получили взамен? Одни унижения. Он всегда старается нанести нам какой-нибудь ущерб или урон.

— Воистину, Шапур лучше, он не будет переманивать наших людей, не будет посягать на наши законные права! — воскликнул зять Камсаракана ишхан Давид Амуни.

— Грешит гордынею наш государь, — со злой усмешкой на лице опять вступил в разговор патриарх рода Вахевуни. — Слишком возомнил о себе, задумал, видите ли, выстроить город, да еще руками наших людей, и дать ему свое имя. Имеет ли он на то право, не сделав ровным счетом ничего для страны?

Хотя Камсаракан был недоволен, что его прерывают, он вел себя как гостеприимный хозяин, слушал не перебивая, только захотел узнать, много ли сбежало у них людей, и обратился сначала к Вахевуни.

— Много, тер Камсаракан, — сокрушенно покачал головой старик. — Каждый день узнаю: то из этого селения сбежало пять-шесть человек, то из того, поддаются соблазну, ничего не поделаешь; бегут, хотя я предостерегал, что попытку к бегству буду карать самыми строгими мерами — побоями, арестом.

— Точно так же поступил и я, тер Вахевуни, — заговорил ишхан Манэч из Басена густым, низким голосом, так соответствующим его плотному, грузному телу. — А толку мало, все равно бегут, бегут тайком, ночью, прячась в лесах. Когда же случайно удается схватить их и вернуть назад, наотрез отказываются, окаянные, признаться, что бежали. Только плеть развязывает им языки, после порки сознаются, что поддались соблазну, поверили царскому указу.

Камсаракан, совсем омрачившись, покачал головой.

— Так вот, господа нахарары, чем больше вникаю в происходящее, тем больше убеждаюсь, что наш государь самолично нарушает законы Страны Армянской.

— Справедливо, ишхан, государь сам, сам нарушает законы нашей страны! — послышалось сразу с нескольких сторон. — Он ни во что не ставит нас, попирает потомственные незыблемые права нахараров.

— Наши предки при Арташесе[1], Тиридате[2] были могущественными властителями, вольными и независимыми в своих действиях.

— И наших людей никто не забирал. А этот?.. Своим указом...

— Последний из них — настоящее злодеяние, — пробасил зять Камсаракана Давид Амуни, — Аршак взбаламутил народ, посеял смуту. У меня такое ощущение, что каждый из моих людей готовится к тайному побегу. Я начал подозревать всех и каждого.

— А я, господа, — снова вмешался Манэч из Басена, — уже даже побаиваюсь своих слуг, чувствую, они ни перед чем не остановятся, лишь бы сбежать, могут даже убить меня, чтоб я не мешал.

Камсаракан опять огорченно покачал головой.

— Все это следствие того, что затеял царь! — воскликнул он. — Так что же, господа, мы будем и далее разрешать ему такое?

Воцарилось минутное молчание. Казалось, каждый ищет выхода из создавшегося положения. Тишину прервал старый Вахевуни:

— Однако что можно сделать, тер Камсаракан?

— Вот для того я и собрал вас в замке, чтоб мы сообща обсудили, как нам быть дальше. Давайте говорить откровенно и смело.

Прочистив горло, слово взял ишхан Закарэ из Ванanда.

— Я не раз размышлял над этим, ишханы, самым разумным было бы, на мой взгляд, установить наблюдение над нашими людьми и не разрешать им бежать.

— Легко сказать — не разрешать, — пробасил Манэч из Басена, — разве за ними уследишь? Они ведь убегают в любое время дня и ночи, тайными путями, даже не из дому, а прямо с полей, с гор, бросая работу. Я поставил сторожей, приказал вылавливать и возвращать обратно, но что получилось?.. — Манэч остановился, тяжело вздохнул.

— Что же получилось? — поинтересовался владелец Ванanда Закарэ.

— А то, что к беглецам присоединились и сторожа, — вспыхнул Манэч; видно было, что в нем снова закипела досада.

---

[1] Арташес I (? — около 160 до н. э.) — царь Армении Великой.

[2] Тиридат (287—332) — царь Армении Великой, при нем в 301 году Армения приняла христианство.

— Следовательно, надо подбирать надежных сторожей,— ввернул тот же Закарэ.— Или так наказывать беглецов, чтоб остальным бы было неповадно, применять строгости.

— Я так и поступал, ишхан,— простонал Манэч.— Ничего не помогает.

— Тогда надо обратиться к самым строжайшим мерам,— стиснув кулак, сказал Давид Амуни.

Пока все горячились, волновались, говорили, перебивая друг друга, Саак из Габехена думал: «Боже мой, с чего они все так всполошились? Стоит ли из-за двух-трех сбежавших слуг идти против царя?» Видя, что страсти разгораются все сильнее и сильнее, он попросил слова.

— Тер Камсаракан, может, стоит направить еще одно послание государю, попросить, чтоб он собрал людей из дворцовых владений, ведь его владения куда обширней, чем наши...

— Тут Саак-ишхан сделал паузу, окинул взглядом всех, чтоб проверить, одобряют его слова или нет, стоит ли продолжать в том же духе, но старший Амуни не дал ему закончить; выпрямившись на подушке, он поднял руку.

— Ты говоришь, ишхан, направить еще одно послание,— обратился он к Сааку из Габехена,— напрасный труд. Разве не ясно, что наши письма ничего для царя не значат? Ведь Аршак по сути пренебрег нашим последним посланием, огласив свой новый указ... Я считаю, пора переходить к более действенным мерам, иначе его не укротить.

Страстный призыв Амуни пришелся по вкусу некоторой части собравшихся и, видимо, самому Камсаракану тоже, так как он подался вперед и, прищурившись, спросил:

— К каким именно, тер Амуни?

— А к тем,— выпалил сразу тот, словно только и ждал этого вопроса,— что нам надо объединиться и доказать царю, что в нас течет горячая кровь наших предков и мы можем силой оружия отстаивать свои права. Да, настал решительный час, господа нахарары... Вооружимся сами, зачем нам пополнять своими людьми царскую армию? Наше спасение — в нашей силе! Я убежден: если каждый из ишханов будет иметь три-четыре сотни голов конницы, мы сумеем отстоять свои права и достояние, защитить свою нахарарскую честь.

Присутствующие, за исключением одного-двух ишханов, держались самонадеянно, вызывающе, но были мрачны, и за их дерзкой позой крылся тайный страх. После выступления Давида Амуни воцарилось молчание, потом некоторые с сомнением в голосе, а кое-кто с недоверием стали спрашивать, может ли им такое вообще удаться, когда они в меньшинстве, когда у царя армия и бóльшая часть нахараров склоняется на его сторону.

— Вовсе мы не в меньшинстве! — подскочил на подушке Давид Амуни; видно было, он не привык, чтоб ему возражали.— Нет, это не так! Большая часть нахараров очень недовольная Аршаком. Если мы, нахарары Страны Армянской, будем

действовать сплоченно, как истинные единомышленники, царь окажется бессильным перед нами.

Ишхану Сааку из Габехена давно уже наскучил весь этот разговор, нарушающий привычный порядок вещей, к тому же после плотного обеда, когда клонит ко сну. Ему претили слова Амуни. Нет ничего более тягостного и хлопотного, чем ведение государственных дел, думал он, так пусть этим занимается государь, а мы, ишханы, будем себе жить без забот и тревог... Дважды в этом мире не рождаются... Ну, пусть еще немного люда подастся к нему, от нас не убудет. Стоит ли из-за этого подымать такой шум? Предложение Амуни показалось ему совсем нелепым, и он взял слово.

— Какие бы усилия мы ни прикладывали, тер Амуни, собрать войско, которое имело бы численный перевес над царской армией, мы не в состоянии, открытое военное столкновение с Аршаком может привести нас к поражению, этого мы могли бы избежать только в том случае, если к нам присоединятся другие ишханы, более могущественные. А разве есть такая уверенность?

Ишхану Сааку казалось, что его слова остудят головы, заставят трезво посмотреть на вещи и понять, что все разглагольствования здесь — лишние и напрасные: надо отказаться от мысли создать объединенное войско. Но сколь неожиданным прозвучало слово ишхана Саака, столь же неожиданным был и последовавший за ним ответ.

— Есть такая уверенность, тер Саак, есть! — сказал Камсаракан, заметив общее замешательство.

Выражение растерянности на лицах вмиг уступило место любопытству, сразу послышалось несколько голосов:

— В чем она?..

— И реальная?..

Взгляды устремились на Камсаракана, все смотрели ему в рот.

— С нами владелец Васпураканского края Меружан Арцруни, — подчеркнуто спокойно, раздельно произнес ишхан. Ему, по всей видимости, до поры до времени не хотелось упоминать этого имени, но вопрос был поставлен ребром — куда было деться, и, кроме того, он видел, что нужно рассеять опасения, охватившие некоторую часть присутствующих, подбодрить нерешительных.

— Однако кто может поручиться, что он без колебаний примет нашу сторону? — поинтересовался старший Вахевуни.

— Поручиться?! — протянул Нар-ишхан и достал из кармана письмо, недавно доставленное гонцом; подняв его высоко над головой, он произнес: — Здесь письменное свидетельство того, что ишхан Меружан единодушен с нами, он тоже был приглашен на этот совет, но важные непредвиденные обстоятельства помешали ему быть с нами.

Этого было достаточно. Все вмиг воспрянули духом, заговорили наперебой, теперь еще увереннней, чем раньше.

– Если Меружан Арцруни с нами заодно... тогда прочь сомнения!

– Бесспорно, он человек с большим весом и людьми располагает больше, чем все мы, вместе взятые.

– Меружан пользуется огромным влиянием при Тизбонском дворе, в минуту опасности на него можно полностью положиться.

Увлеченные разговором, нахарары не заметили, что сидят в темноте, трудно различить даже лица друг друга. Это сразу почувствовалось, когда вошли слуги с двумя зажженными трехсвечными светильниками и поставили их в центре зала. Свет еще больше оживил беседу.

Снова заговорили наперебой, подбадривая друг друга, от души радуясь тому, что всесильный владелец Васпуракана с ними заодно; в таком случае можно и воспрепятствовать Аршаку творить то, что ему вздумается. Не разделял всеобщего радостного возбуждения один ишхан Саак, ему было не по душе, что дело принимает столь серьезный оборот и теперь нельзя будет беспечно предаваться радостям жизни, охоте, пирам. Но как бы там ни было, он счел за лучшее впредь не высказывать своего мнения, ибо жизненным правилом его было – там, где слово бессильно, разумней всего молчание.

Однако вместо него заговорил другой.

В тот самый момент, когда ликование зала переливалось через край в связи с оглашением письма Меружана, с подушки поднялся юный ишхан Сурак, сидевший до того тихо, ни словом не вмешиваясь в разговор старших, и неожиданно попросил слова.

– Говори, ишхан, – любезно предоставил ему эту возможность Камсаракан.

– Прежде всего, тер Камсаракан, я бы просил разъяснить, какую цель преследует государь, когда требует от нас крепости, людей для усиления армии и строительства нового города?

Камсаракан с усмешкой обвел взглядом гостей, потом со снисходительной улыбкой посмотрел на юношу. Ему казалось, что в своей вступительной речи он достаточно ясно говорил о вещах всем хорошо известных, а тут получается, что кто-то чего-то не понял; поэтому на вопрос он ответил тоже вопросом:

– А как ты сам думаешь, ишхан, какую цель преследует государь?

Юноша вспыхнул; казалось, вопрос застал его врасплох, но, преодолев минутное смущение, он ответил:

– Я впервые присутствую, тер Камсаракан, на ишханском собрании, впервые слышу такие речи, но то, что узнал сегодня, и то, что знал до этого о нашем государе, подсказывает мне другой выход из положения; не лучше ли нам было объединиться, чтоб действовать заодно с ним, а не против него; ведь в таком случае мы бы дали государю возможность распола-

гать многочисленной армией, могущей противостоять в любой момент врагу. Кроме того, мы бы оказались его надежной опорой, в которой он был бы заинтересован. Не станет же он рубить сук, на котором сидит. Я уверен, государь преследует одну-единственную цель – усилить мощь и могущество нашей страны.

На этот раз Камсаракан строго глянул на него из-под бровей. Сказанное юношей было настолько неожиданным и неприятным, что хотелось сразу же одернуть этого желторотого птенца, поставить на место; но долг гостеприимства и желание до конца уяснить себе его настроение удержали хозяина, заставили внимательно слушать. В голове мелькнула мысль: не подослан ли он сюда кем-нибудь из сторонников государя? Как бы то ни было, он слушал ишхана терпеливо, храня молчание. Когда же тот кончил, Камсаракан решил вовсе не проявлять строгости, лишь назидательным тоном заметил:

– Молод ты, ишхан, очень молод и посему заблуждаешься насчет государя и его намерений. Ты наивно полагаешь, что, действуя заодно с ним и помогая, мы заручимся его поддержкой и защитой? Отнюдь! Он с еще большим рвением станет преследовать нас и, превратив в вассалов, будет повелевать нами, как собственными слугами. Нет, дорогой мой Сурак, нам необходимо объединиться, чтоб защитить свои права, свои владения от дерзновенных посягательств Аршака. Ты думаешь, мы ему нужны? Ничуть! Ему нужны лишь наши земли, наши крепости, наши люди. И чем меньше в стране нахараров, тем для него лучше, во сто крат, поверь, он беспрепятственней может творить что захочет.

Ишхан Сурак слушал Нар-ишхана и ждал, когда он кончит, ему явно хотелось что-то добавить. Как только Камсаракан умолк, он поднялся с места:

– Ты говоришь, ишхан, государь не нуждается в нахарарах, но ведь он не может обойтись без военачальников, государственных деятелей, откуда ему их брать, как не из нашего круга...

Ехидно усмехнувшись, Камсаракан остановил его.

– О, молодость, молодость! Неопытность – имя твое! – воскликнул он снисходительно.– Подумай только, ишхан, чем ты рискуешь: ведь став даже военачальником, ты теряешь свободу и независимость. Учти еще, у Аршака есть свои любимчики-нахарары вроде Мамиконянов, Гнуни, Багратуни, между которыми он и распределяет высокие чины при дворе и в армии. Так что на твою долю, дорогой ишхан, ничего не перепадет. Нахарарский род Камсараканов в Разрядной грамоте [1] занимает двенадцатое место, но Аршак обходит меня. Ему нужны только низкие льстецы.

---

[1] Разрядная грамота – официальный перечень нахарарских родов по роли и значимости их в древней Армении.

— Верно, тер Камсаракан, совершенно верно,— одновременно выразили согласие и Давид Амуни, и старик Вахевуни, подчеркивая тем самым явное неодобрение к сказанному молодым человеком. То же недовольство выражали лица других нахараров, кроме ишхана Саака, он после каждого воинственного выступления участников совета думал про себя: «Не лучше ли удовлетворить требования царя, предоставить ему людей для строительства города и не нарушать спокойного течения жизни». Но он не решался высказать свои мысли вслух, не желая выслушивать возражения. Между тем ишхан Сурак не сдавался: то ли из чувства противоречия, то ли от внутренней убежденности в своей правоте, он рвался в бой:

— Тем не менее, тер Камсаракан,— снова попросил он слово,— я думаю, мы не проиграем, если не будем противиться воле государя, тогда бы он не стал и посягать на наши имения, наши права; в противном же случае...

— Дорогой мой ишхан, по молодости ты многого не ведаешь, не представляешь, как бывают порою тщеславны венценосцы. Чтоб сохранить единовластие и осуществлять без помех свои намерения, они готовы пойти на любое преступление, вплоть до убийства родного человека, как, к примеру, это сделал Аршак со своим племянником царевичем Гнелом.

— Однако это недоразумение, ишхан. Говорят, Гнел пал жертвой заговора царевича Тирита.

— А царицу Олимпию тоже Тирит отравил? — гаркнул с места старый Вахевуни, гневно подняв костлявую руку, напоминающую лапу хищной птицы.

Юный Сурак с недоумением посмотрел на рассерженного старика.

— Достоверен ли факт, что царь отравил Олимпию?

Старший Амуни горестно покачал головой.

— Неужели же тебе неизвестно, ишхан, что Аршак убил Гнела, а потом отравил Олимпию, чтоб завладеть Парандзем? Вслед за тем царевича Тирита отправил на тот свет, дабы замести следы преступления.

— Убил и Варда Мамиконяна, чтоб не разглашал его любовных тайн,— добавил Манэч из Басена, шумно вздохнув.

— Преступник, не государь! — воскликнул Вахевуни.

Два-три голоса поддержали его.

Несколько мгновений наперебой говорили они горячась. Молодой ишхан слушал, раскрасневшись, он догадывался, что все это клевета, распространяемая врагами государя, но теперь уже боялся молвить слово, чтоб не подлить масла в огонь.

— Насколько все, что вы говорите, достоверно, господа нахарары? — только и сумел сказать он.

Камсаракан снова покачал головой.

— О молодость! Когда я был в твоем возрасте, ишхан, я тоже, как ты, заблуждался, видел мир в розовом свете и думал, что венценосцы — люди святые, однако с годами убедился в обратном, много раз видя, какие они подчас грешники. О,

ради славы и власти, поверь, они могут пойти на все, совершить любые преступления. Таков, к сожалению, и наш царь Аршак.

— Но, тер Камсаракан, — не утерпел ишхан Сурак, — согласитесь, трудно сомневаться в том, что он вознамерился благоустроить страну, усилить ее военную мощь, укрепить границы

— Ко всему этому он стремится, исходя из собственных интересов, — стоял на своем Камсаракан, кусая кончики усов, что обычно делал в минуты гнева или крайнего раздражения, — единственно ради того, чтоб стяжать славу, чтоб, крепко став на ноги, повергнуть нас, превратить в послушных рабов. Посуди сам, ведь злополучный Аршакаван — обман, да и только, он возводит его, чтоб обобрать вконец нахараров.

Молодого Сурака снова бросило в жар.

— Неужели вы думаете, тер Камсаракан, что он строит город тоже для себя? В нем ведь может жить любой, кто захочет...

Гостей, в большинстве своем слушавших его с изумлением, а то и с осуждением, точно взорвало при этих последних словах; особенно яростно стали возражать ему старший Амуни и старый Вахевуни. Первый из них заметил, что строящийся город как раз наносит им самый непоправимый вред, именно для этой цели царь обманным путем переманивает к себе их людей. Потом сдержанным тоном он упрекнул молодого человека за то, что тот не придерживается взглядов покойного отца, прекрасно понимавшего, чего добивается Аршак, взглядов, которые никогда не расходились с их оценкой вещей. А старый Вахевуни, стараясь не выдать негодования, задал ему вопрос:

— Скажи, пожалуйста, юный ишхан, какой ответ ты дашь государю, если он потребует у тебя людей сверх положенного? Согласишься отдать?

— Если это нужно для блага Страны Армянской, соглашусь, тер Вахевуни. Я уже человек пятьдесят отправил в Аршакаван.

Воцарилась тишина, продлившаяся несколько минут; сидевший рядом с юношей ишхан Манэч из Басена тяжело поднялся с места и, отерев пот с лица, пересел на подушку подальше. То же самое сделал младший Амуни, восседавший все это время молча рядом с ним, не вступая в разговор. Молодой ишхан остался в одиночестве; казалось, все от него отвернулись. «Какой дерзкий и самоуверенный юноша!» — можно было прочесть на лицах присутствующих. А Камсаракан тем временем напряженно думал: «Кто мог внушить этому юноше подобные мысли?» Теперь даже одно пребывание его в замке становится опасным... Что предпринять? Возражать уже не имеет смысла, никакими доводами его не переубедишь, но пренебречь его высказываниями тоже нельзя. И он счел наилучшим объявить:

— Я думаю, господа, нам пора кончать, за окном, смотрите, ночь.

— Верно, тер Камсаракан, время позднее, но прийти к еди-

ному мнению надо,— сказал тер Закарэ из Вананда, до этого момента не высказывавший своего мнения.— На мой взгляд, пока нет нужды прибегать к крайним мерам; может быть, следовало бы еще поговорить с католикосом[1] Нерсесом? Пусть он возьмет на себя роль посредника между нами и государем, объяснит ему, что, если не будет поставлен конец его враждебным действиям против нахараров, дело может кончиться плачевно.

— Я согласен с ишханом Закарэ,— поддержал его Манэч из Басена.— Преждевременно говорить о вооруженном выступлении, тем более что мы к нему не готовы, да и не все нахарары страны присутствуют здесь. Патриарху надо убедить государя подобру-поздорову отменить свой вздорный указ. Вот если он и тогда не будет внимать голосу разума, у нас развяжутся руки и мы станем на защиту своих прав.

— Однако согласится ли патриарх взять на себя такую миссию? — усомнился старый Вахевуни.— Насколько мне известно, он в последнее время не вхож во дворец.

— Да, ты прав, тер Вахевуни,— ответил Камсаракан,— святейший недоволен Аршаком, не может простить ему женитьбу на вдове своего племянника Гнела. Но с другой стороны, он верховный судья Страны Армянской, и разрешать подобные споры входит в его обязанности. Если есть смысл говорить с государем, то это может сделать только патриарх.

— Да будет так! Да будет! — послышалось сразу несколько голосов.— Обратимся к Нерсесу, а если и это не поможет, тогда подумаем, как быть.

Большинство присутствующих согласились с этим предложением; было решено поручить Нар-ишхану обратиться с просьбой к патриарху переговорить с Аршаком, и чем раньше, тем лучше.

— Добро,— кивнул Камсаракан,— испробуем и это.

Когда гости, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по отведенным для них покоям, старший Амуни, схватив за рукав Камсаракана, тихо шепнул:

— Не опасен ли этот юный ишхан, как ты думаешь?

— Подумаем и примем меры,— свел брови на переносице Нар-ишхан.

Через несколько часов хозяева вновь пригласили гостей к столу, на сей раз к ужину, и, когда все опять направились в трапезную, ишхан Сурак вошел в покои к Камсаракану и сказал, что явился проститься с ним, поскольку намерен сейчас же отбыть в свое имение. Хозяин замка удержал его за руку:

— Нет, дорогой, я не пущу тебя в столь поздний час, даже если ты при надежных телохранителях, дорога опасная, времена смутные. Мне спокойней, когда гости проводят ночь под моим кровом, а поутру пускаются в путь.

---

[1] Католикос — патриарх всех армян.

Делать было нечего. Ишхану Сураку, хотя это ему было крайне неприятно, пришлось остаться и сесть со всеми за стол; в течение всего ужина никто не обмолвился с ним словом, когда же все стали расходиться, он поднялся и молча удалился в свои покои. Однако заснуть ему в эту ночь не удалось, сон бежал от него, когда вспоминал, как враждебно слушали его нахарары, как зло смотрели на него из-под нахмуренных бровей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ишхан Камсаракан в эту ночь также не мог заснуть, из головы не выходил молодой Сурак. Откуда идут эти настроения, думал он? Неужели от него не убегают люди в новый город? А может, он по молодости не сознает, какие последствия может иметь для нас царский указ? И правду ли говорит, что по доброй воле послал людей на строительство нового города?.. Что все это значит?.. Неужели есть нахарары, придерживающиеся иной точки зрения?

Тысячи вопросов теснились в голове, отгоняя сон. Выводило Камсаракана из себя и то, что некоторая часть нахараров относилась равнодушно к содеянному царем. Что касается его самого, он не все еще сказал на ишханском совете: предела нет его возмущению. Мало Аршаку того, что натворил, теперь он указом сулит привилегии и переманивает людей в свой город. Что надобно этому беспокойному человеку? Что заставляет его пренебрегать правами нахараров, посягать на их собственность? Давно он был недоволен тем, что на высокие должности при дворе Аршак назначает нахараров из рода Мамиконянов, Гнуни и других, порою представителей менее родовитых нахарарских фамилий, а его, Камсаракана, обходит стороной... Вообще все исходящее от царя – его указы, приказы – претило ему. Порой Нар-ишхану даже начинало казаться, Аршак намеренно действует так, чтоб досадить ему и его единомышленникам. В чем истинный смысл того, что делает царь, Камсаракан постичь не мог, но полагал, что все предпринимается со злым умыслом для него и для его близких.

Что же касается нового государева указа – тут сомнений для него не было: он наиболее опасный... Это вскоре подтвердилось на многих фактах. Еще за десять дней до приглашения нахараров в замок Нар-ишхан вызвал к себе смотрителей двух своих угодий, Аршаруника и Сумари, чтоб выяснить, сколько людей бежало, польстившись царскими обещаниями; хотя он знал, что началось массовое бегство селян, у себя такого положения представить не мог: двести человек!

– И вы допустили такое, болваны! – гневно топнул ногой Камсаракан.

Смотрители спали с лица, с дрожью в голосе отвечали:

– Тер ишхан, они сбегают тайком.

Ишхан смерил их взглядом с ног до головы и заорал:

– Вон отсюда, бездельники!

Слуги не тронулись с места, пали на колени перед хозяином. Но Камсаракан не стал больше разговаривать и, наградив их пинком, вышел из зала, бросив на ходу:

– Сегодня же сдайте дела новым смотрителям, а вы – прочь отсюда...

Однако с назначением новых людей на эти должности положение дел не изменилось, никакими силами невозможно было удержать селян; целыми семьями, группами устремлялись они к пограничной области Коговит, откуда путь лежал к Авану[1], как называли некоторые строящийся город.

Все это и заставило Камсаракана, как мы знаем, через специально посланных гонцов пригласить нахараров-единомышленников в свой замок, чтобы вместе поразмыслить над последним указом царя. Однако он намеренно ни словом не обмолвился о цели приглашения; сначала хотел выяснить обстановку, составить представление о том, что творится в имениях и угодьях других нахараров и что по этому поводу думают они сами, а потом уже обсудить, какие нужно принять меры для обуздания царя. Теперь картина для него полностью прояснилась: бегство в этот «проклятый» город приняло повальный характер и все негодуют на государя... однако ишхан из Ангеха...

О этот неоперившийся ишхан!..

После долгих размышлений Нар-ишхан пришел к выводу, что сказанное юношей не просто плод незрелых рассуждений, а свидетельство глубокой убежденности в своей правоте. Он сожалел, что пригласил его в замок. Но как можно было предвидеть такое, оправдывал он сам себя: юношу он почти не знал и поэтому не мог предположить, что взгляды молодого Сурака могут сильно расходиться со взглядами покойного Артени, который испытывал неприязнь к Аршаку.

Рассуждая таким образом, он все время твердил:

– Ублюдок несчастный, а не ишхан!

Ни на минуту не покидала Камсаракана тревога, что юный Сурак может поставить государя в известность о секретных разговорах в замке. Это ему казалось вполне возможным; ведь молодые люди всегда мечтают о карьере, высоком положении и не брезгуют никакими средствами для достижения своей цели. Не упустит и этот возможности выслужиться перед царем, урвать себе жирный куш, какой-нибудь чин в армии или при дворе. Да, он пойдет на все, если не пресечь. Ни в коем случае этого нельзя допустить, ни в коем...

Вконец измученный беспокойными мыслями, он только под утро забылся сном, и то ненадолго, проснулся ранее обычного, чтобы дать необходимые распоряжения перед отъездом гостей.

---

[1] Аван – населенное место, городище, поселок городского типа

Нар-ишхан только кончил одеваться, когда ему сообщили, что ишхан Сурак просит принять его.

– Пригласи! – велел он сенекапету и, остановившись посередине комнаты, постарался придать лицу приветливое выражение.

Ишхан Сурак вошел в дорожной накидке, с висевшим сбоку мечом.

– Извините, тер ишхан, что пришел в такое раннее время, – сказал он, краснея. – Хочу проститься с вами перед отъездом.

Камсаракан крепко пожал юноше руку, приветливо напутствуя его:

– Навещай нас почаще, не забывай добрососедских отношений, сложившихся между нашими домами еще при жизни твоего покойного отца. – Затем добавил, что даст ему в дорогу своих верных провожатых, не разрешит ехать одному. Ишхан Сурак попробовал было отказаться от услуг хозяина замка, поскольку с ним едут его личные телохранители, да и владение его находится совсем неподалеку.

– Что ты, что ты, дорогой ишхан, долг гостеприимства требует того, у нас принято отправлять гостя в путь в сопровождении телохранителей из замка.

– Спасибо, тер Камсаракан, вы очень добры, но это излишнее беспокойство, ибо дорога совсем безопасная.

– Нет, милый, нет, мы проводим тебя, как у нас принято.

И когда юноша, попрощавшись, вышел, Камсаракан вызвал двух личных телохранителей и распорядился проводить молодого ишхана до границ его владений... а потом что-то тихо добавил еще.

– Слушаюсь, – сказал один из телохранителей, и оба плечистых молодца, низко поклонившись, вышли проводить ишхана Сурака, согласно полученному от хозяина указанию.

В тот же день отбыла большая часть гостей.

Обычно приезжавшие к Камсараканам ишханы и сепухи оставались гостить по нескольку дней, хозяин не отпускал их раньше, таков был обычай гостеприимства. Но ныне обстоятельства изменились: все должны были не медля разъехаться по местам, чтоб учредить строгий надзор над селянами и слугами, всячески препятствуя их побегу, утихомиривая начавшиеся среди них волнения, пока патриарх договорится с государем и убедит отменить указ с обольщающими людей посулами.

После завтрака вместе пустились в дорогу ишхан Закарэ из Вананда и Саак из Габехена с телохранителями, им было по пути, обоим надо было возвращаться в свои владения через ущелье Аракса. Остальным предстояло ехать в разных направлениях; Папак Палуни и Вахевуни со своими сепухами пустились в путь в полдень, а Манэч из Басёна и Вардза Апауни спустя час после них. Позже всех тронулись с места братья Амуни, Давид и Даниэл.

Как близких родственников, Камсаракан вышел проводить их до крепостных ворот. Тут он остановил зятя и сказал:

– Я бы хотел, Давид, чтоб к святейшему мы отправились с тобой вместе, одному мне не хочется. Поедем, а?!

– Ну что ж, я не против.

– Тогда спеши к себе и приведи в порядок дела, установи строжайшее наблюдение за людьми, чтоб не было случаев бегства, а я заеду за тобой денька через два-три. Идет?

– Добро. И моя единственная забота сейчас – поручить самым доверенным людям слежку, чтоб ни одному человеку не удалось бежать. А уж если попадется кто, исполосую так, что волосы дыбом станут. Иного выхода нет.

– Ты прав, – одобрительно кивнул головой Камсаракан, – надо как следует напугать, чтоб им было неповадно. Чтоб хоть до нашего возвращения от патриарха такое безобразие не повторялось.

– Сделаю все возможное, будь спокоен, – заверил его Давид Амуни. – Жду тебя через три дня.

– Договорились, через три дня.

Старший Амуни вскочил на коня и вдруг замер в седле, словно о чем-то задумавшись, затем наклонился к стоящему рядом Камсаракану и тихо прошептал:

– Всех, и меня в том числе, не на шутку встревожил князич из Ангеха. Он может ненароком пойти и всех нас...

– Будь спокоен, он будет обезврежен. – Камсаракан сделал рукой успокаивающий жест, точный смысл которого Давид не совсем понял, хотя и кивнул головой.

– Мир тебе, – сказал на прощание Давид и поднял плеть – его гнедой вскочил на дыбы и стрелой вылетел за ворота. За ним последовали брат Даниэл и четыре конных телохранителя, вооруженные копьями; сначала они шли спокойным шагом, потом все быстрей и быстрей. Через секунду миновали шаткий мост через Ахурьян и направились к своим владениям.

Около часу братья ехали молча, погруженные каждый в свои думы; старший – впереди, младший – сзади, телохранители на небольшом расстоянии от них. Потом братья поравнялись, вернее, старший придержал коня, чтоб младший подъехал ближе и можно было разговаривать.

– У меня такое ощущение, – начал Давид Амуни, – что молодой Сурак погубит нас и наше дело. Недобрые предчувствия гложут мне душу. В толк не возьму, как осмотрительный Камсаракан мог взять да и пригласить в замок человека, которого совсем не знает и никакого представления не имеет о его взглядах и настроениях.

– А что может сделать этот юнец? – спросил младший Амуни.

– Многое. Достаточно передать содержание нашего разговора государю, и Аршак нас призовет к суровому суду... Жаль, очень жаль! Всегда осторожный Нар-ишхан на этот раз дал маху, пригласив незрелого юнца, который посмел дерзко воз-

ражать старшим, не соглашался, видите ли, с нами... Действительно – ублюдок, а не ишхан, как говорит Камсаракан.

– Будет тебе, брат, выкинь из головы мрачные мысли, – успокоил младший. – Лучше давай подумаем, какие принять меры, чтобы удержать от бегства своих людей...

Разговаривая, они доехали до развилки дорог, от нее узкая стезя сворачивала к лесу. Старший повернул коня на нее. Так уж повелось у Давида Амуни: откуда бы он ни возвращался домой, всегда спешил, выбирая кратчайший путь. И на этот раз он избрал лесную тропу. Около двух часов братья ехали не спеша, ведя коней рядышком, переговариваясь. Потом, когда миновали перелесок и углубились в чащу, дорога сузилась и стала еле заметной, им пришлось идти гуськом один за другим. Тропа то расширялась, то вновь суживалась, бежала между деревьев, порой выходила на небольшие, залитые солнцем лужайки, порой пробивалась сквозь заросли кустарника – тогда ветки деревьев хлестали по лицу и плечам всадников; в разлитой кругом тишине раздавался лишь гулкий топот лошадиных копыт да их глухой отзвук вдали.

День был ясный, ни единого облачка на небе, полуденное солнце щедро струило свет на верхушки деревьев, листву кустарника и лужайки; лес благоухал, дышалось легко, свободно, во всю грудь; всадники теперь молчали, словно одурманенные ароматом трав и цветов, кони ступали легко, довольно пофыркивая.

Там, где тропинка неожиданно вынырнула из гущи дерев на маленькую ложбинку, гнедой ехавшего впереди Давида Амуни вдруг тихо заржал. Зная, что конь его подает голос, когда чует что-то неладное, тот остановился и внимательно огляделся. Впереди, шагах в тридцати от себя, он заметил селян с узелками на плечах: женщину, мужчину и бежавшего впереди них ребенка. Ишхан Давид невольно свернул в их сторону. За ним последовал и брат.

Услышав топот коней, селяне остановились, опасливо переглянулись, потом резко отпрянули в сторону, чтоб дать дорогу всадникам.

– В путь добрый, – с иронией бросил Давид Амуни, вплотную подходя и останавливая коня. Он пытливо разглядывал стоявших перед ним в растерянности людей.

То ли от неожиданности, то ли от испуга, оба словно лишились дара речи; первой очнулась от страха женщина.

– На богомолье идем, тер ишхан, на богомолье... – поспешила заверить она всадника.

Старший Амуни смерил их с ног до головы, задержал взгляд на узелках и с той же желчью в голосе спросил:

– На богомолье? А почему несете узелки с одеждой?

На этот раз в разговор вступил мужчина:

– Чтоб ночью надеть на себя...

– Вот как! – деланно удивился Амуни. – А кто твой хозяин?

— Ишхан Камсаракан.

— Ах, ишхан Камсаракан! — растягивая слова, повторил он. — Сдается мне, ты говоришь неправду.

— С чего вы взяли, тер? С семьей иду на богомолье.

На сей раз Амуни выразительно посмотрел на младшего брата и покачал головой.

— Нет, селянин, ты скрываешь правду, — сказал он спокойно, даже несколько равнодушно. — Я знаю, куда вы направляетесь: вы идете в Аршакаван. Если так, что ж, счастливого пути, там, говорят, жизнь полегче.

На застывших лицах людей появилось оживление, и мужчина, словно ища участия, произнес:

— Да, господин, решил податься туда...

Давид Амуни вмиг изменился в лице.

— Решил податься... наглец! — неожиданно заорал он и поднял плеть. — Поворачивай немедленно назад! Слышишь?

Мужчина выпустил из рук узелок, бросился на колени, а женщина в страхе схватила за руку мальчика и села в траву.

— Смилуйся, тер, прости нас, грешных, не гони обратно, двухдневный путь одолели пешком.

Тут подошли телохранители и с любопытством остановили коней.

— Бегут в Аршакаван, а мне голову морочат, что, видите ли, идут в Вардик-Айр на богомолье...

Амуни сказал это, чтоб подошедшие поняли, что происходит. И вдруг замахнулся плетью, огрев по спине стоящего на коленях селянина.

— Вставай и немедленно ступай назад в свое селение, а то я сейчас с тобой расправлюсь.

— Смилуйся, тер, пощади! — взмолился селянин, не двигаясь с места.

— «Пощади»! — передразнил ишхан. — Вы не достойны пощады, за этот побег вас надо карать не плетью, а смертью.

— Мой господин! — вскрикнула вдруг жена селянина и, сбросив со спины узелок, на коленях поползла к ишхану. — Сжалься...

— Замолчи, беспутная тварь! — И ишхан, хлестнув в воздухе плетью, обратился к обоим телохранителям: — Сет и ты, Абет, этого поганца с женой отведите к Камсаракану, скажите, что я их задержал... Ведите насильно, коль сами не хотят идти.

Услыхав сказанное, селянин вскочил на ноги.

— Прости, тер, я сам пойду, сам, — он невольно сделал шаг назад.

Но Давид Амуни не слушал уже его, телохранители бросились исполнять приказание и, взвалив узелки на плечи несчастных, повели их обратно. Женщина и мальчишка, в глазах которых застыл смертельный страх, рыдали, мужчина молчал и, тяжело дыша, отирал пот с лица.

Когда они отошли немного, старший Амуни бросил в сердцах: «Прохвосты!» — и сплюнул в злобе им вслед.

Братья продолжали путь в сопровождении двух оставшихся телохранителей. Хотя в них еще не улегся гнев, они ехали с чувством удовлетворения оттого, что исполнили долг, пресекли в первый же день после нахарарского совета попытку к бегству.

– Надеюсь, Нар-ишхан будет доволен нами, – заговорил младший Амуни после некоторого молчания, когда они снова вступили в лес на тропу, которая теперь петляла под сенью высоких, густолиственных деревьев.

Молодой Амуни заговорил, чтоб немного успокоить разволновавшегося брата. Но старший так разгорячился, что не мог совладать с собой.

– После всех разговоров в замке о бегстве я теперь не доверяю даже своим телохранителям, – сказал он с горечью. – Доведут ли они их до места, передадут ли в руки Камсаракана или сами вместе с ними удерут?

– Не горячись ты, брат, – снова желая успокоить его, сказал Даниэл. – Ложь и коварство нынче укоренились в народе, это верно, доверять кому-либо трудно. Что можно ожидать от мужиков, если государь дает им право выходить из подчинения господ? Но в данном случае твои подозрения несправедливы. Наши телохранители – испытаннейший народ, я в них уверен, и потом, они на свою жизнь не жалуются, как селяне.

Старший Амуни некоторое время молчал; потом продолжил с той же горечью:

– Государь... Не гневи меня. Государь... Я слышать не хочу его имени! – Стон вырвался из его груди. – Он не только чванлив, но еще и беспутен... Пропадем мы, если какая-нибудь случайность не избавит нас от него: ну, скажем, возьмет господь бог да и приберет его к рукам прежде времени...

При этих словах старший Амуни пришпорил коня, тот стал на дыбы и пустился крупным наметом по дороге; младший последовал примеру брата, а два телохранителя остались чуть позади.

Так ехали они довольно долго, храня молчание, на некотором расстоянии друг от друга. Вокруг был все тот же лес, только еще гуще: деревья стеной стояли вдоль дороги. Солнце мало-помалу склонялось к закату, и воздух наполнялся серой полутьмой, которая, казалось, подымалась снизу, с земли, и тропа то становилась еле заметной, то вовсе пропадала в зарослях трав; лошади находили ее чутьем, но безошибочно, и следовали, не убавляя шага. Стайки птиц проносились над головами, словно торопясь на ночлег; порой с карканьем, будто встревоженные надвигавшейся темнотой, пролетали вороны, ища убежища. Лес стоял безмолвный, недвижный, иногда на какой-нибудь веточке покачивался листочек и замирал, будто завороженный.

Довольно долго старший Амуни ехал один впереди; потом вдруг остановил коня и, склонив голову, застыл в выжидательной позе.

– Случилось что? – спросил младший, подъезжая.

– Ты ничего не слышишь? – Старший понизил голос почти до шепота.

Даниэл отрицательно покачал головой.

– Напряги слух. – Старший опять склонил голову. – Мне это показалось или действительно кто-то кашлянул здесь поблизости?

Братья превратились в слух.

– Да, как будто какой-то шорох... и довольно близко, – прошептал чуть погодя младший и застыл на месте, вытянув шею.

– Кто может быть?

Старший напряженно прислушивался, силясь понять, что это за шорох. Но, видимо, не разобрав, поманил пальцем одного из телохранителей и, когда тот приблизился, вполголоса распорядился:

– Пойди, Месроп, вон в этом направлении, посмотри, кто там впереди: зверь ли, человек, – да живо возвращайся...

Так как лес стоял сплошной стеной, телохранитель спешился и с кошачьей гибкостью и ловкостью нырнул в чащу с левой стороны от тропы. Братья Амуни и другой телохранитель, державший за узду коня своего напарника, остались нетерпеливо ждать. Некоторое время слышался хруст сухих ветвей под ногами удаляющегося телохранителя, потом все смолкло, даже листья как будто перестали шелестеть... Но вот опять послышался хруст сухих ветвей, а чуть погодя показался Месроп.

– Ну? – нетерпеливо подался вперед старший Амуни.

– Какие-то люди, тер, видать, селяне со своими женами.

– Что они там делают?

– Расположились на маленькой поляне.

– Идут куда, что ли?

– Не знаю, тер. Я как увидел их, повернул обратно.

Старший Амуни подумал минуту, потом спросил:

– А далеко они?

– Нет, тер, шагах в двухстах от нас.

– Надо посмотреть. Пошли!

И Давид-ишхан погнал коня вперед, а младший, чтоб легче было идти, быстро спешился, отдал поводья другому телохранителю, который держал коня своего напарника, и последовал за братом; так, вдвоем, и пробирались они за идущим впереди Месропом. Дорога, надо сказать, была малоприятной; ветви хлестали по лицу, голове, цеплялись за одежду; особенно доставалось Давиду Амуни, сидящему на коне, но любопытство брало верх: хотелось выяснить, что за люди. Действительно, пройдя около двухсот шагов, братья Амуни и телохранители увидели группу сидевших в тени деревьев на траве: с виду они напоминали селян; здесь были женщины с большими и маленькими узелками, мальчишка лет восьми-девяти, дувший

усердно в свистульку из камышового тростника, молодая мать с ребенком на руках и белобородый старец. Некоторые из них, видимо услыхав шум шагов, поднялись с места и повернули лица в сторону приближающихся; заметно было, что они взволнованы, хотя все хранили молчание, выжидали.

Подъехав, старший Амуни остановил коня, бросил быстрый изучающий взгляд на притихших людей, потом пододвинулся к ним вплотную.

— Кто будете? — обратился он к ним.

— Селяне...

— Куда идете?

— Идем, господин, в Вардик-Айр на богомолье, — от имени всех ответил седобородый старец, поднявшись с места и сняв с головы шапку, как подобает, когда говорят с ишханом.

«Опять на богомолье? — удивился Амуни. — Сговорились они, что ли?»

— А кто ваш хозяин? Чьи вы люди будете? — спросил он.

Вопросы привели селян в замешательство.

Давид Амуни, почувствовав это, сказал нетерпеливо:

— Молчите?.. Раз не хотите говорить, значит, беглецы. Разве не так? — И, не дождавшись ответа, поднял плеть. — Мне все ясно — вы бежите в Аршакаван!

— Нет, господин, мы идем на богомолье, — повторил опять старец.

Тут одна пожилая женщина, видимо привыкшая говорить с ишханами стоя, поднялась с места и то ли от страха, то ли от растерянности вдруг проговорила:

— Да, господин, только...

Сидевшие рядом женщины дернули ее за подол, та умолкла.

Это не ускользнуло от ишхана Амуни, он покачал головой.

— Вы говорите неправду. Думаете, я не знаю, куда вы держите путь? — сказал резко. — Что, недовольны своим хозяином?

Никто не ответил, но на сей раз все поднялись с места, женщины придвинулись к своим мужьям, а одна молоденькая девушка обняла недавно говорившую пожилую женщину и посмотрела на юношу, стоящего чуть поодаль от них; сжав губы, тот исподлобья следил за происходящим.

— И вы думаете обрести свободу в этом Аршакаване? Заблуждаетесь, — продолжал Амуни, придерживая нетерпеливо перебиравшего ногами коня. — Непосильным трудом замучает вас государь.

Опять никто не отвечал; на лицах селян, особенно женщин и маленького мальчика, застыли страх и растерянность. Стоявший поодаль юноша, что смотрел на ишхана исподлобья вдруг сделал шаг вперед.

— Мы не твои люди, ишхан, — сказал он, сдерживая волнение. — Что ты хочешь от нас?..

— Да, да, не твои мы, — повторил за ним старик, словно

желая успокоить сердитого ишхана и скорей отделаться от него.

— Молчи, старый пес! — Амуни поднял плеть. — Я знаю, чьи вы люди! Вы слуги ишхана Камсаракана, небось обокрали его, а теперь уносите ноги, чтоб спасти себя. Возвращайтесь, негодяи, немедленно к своему хозяину! — крикнул он и, обратившись к телохранителю, приказал: — Всех гони обратно!

Телохранитель, у которого в руках было копье, подошел к группе женщин и мужчин, потребовал, чтоб они взяли узелки и следовали за ним. Никто не тронулся с места. Тогда он подошел к старику и юноше, исподлобья смотревшему на него, велел идти, чтоб подать пример другим. Видя тщетность своих усилий, он потянул за рукав юношу.

— Не трогай меня! — вскричал тот, отталкивая телохранителя.

Амуни опешил, он привык, чтоб ему повиновались беспрекословно, а тут... Двинув лошадь на юношу, он замахнулся плетью:

— Негодяй!

Когда плеть со свистом опустилась на плечо и спину юноши, женщины одновременно вскрикнули, а мужчины невольно подались вперед, чтоб подоспеть ему на помощь. Но прежде чем они смогли что-либо предпринять, юноша, который был высок и плечист, неожиданно подскочил и, поймав на лету конец плети, сильно дернул ее к себе.

Это вконец вывело из терпения Амуни: он потянул плеть, чтоб высвободить конец, но тот не пускал ее. Ишхан закричал что было мочи:

— Отпусти, подлец! Повинуйся немедленно! И вы все тоже! — приказал он другим.

— Ну, пошевеливайтесь! — вслед за ним заторопили людей Амуни-младший и телохранитель.

Их не слушали, женщины громко плакали, мужчины, обступив юношу, то ли чтоб не дать ему влезть в драку с ишханом, то ли чтоб уговорить отпустить плеть и не противиться, что-то возбужденно выкрикивали. Дерзкий поступок молодого селянина разъярил Давида Амуни.

Поняв, что он добровольно не отпустит конец плети, ишхан погнал коня на него, словно намеревался растоптать, но тут, — никто не понял, как это получилось, — юноша с силой выхватил из рук ишхана плеть, при этом он невольно задел голову коня. Последний встал на дыбы, чуть было не скинув седока. Собственно, так оно и получилось бы, если б ишхан вовремя не успел вцепиться в гриву коня. Когда животное обрело потерянное равновесие, Амуни почувствовал себя вне опасности и зверем заорал:

— Схватите и свяжите подонка!

Телохранитель и Амуни-младший, в страхе за брата побледневший как мел, бросились к юноше, намереваясь то ли отнять у него плеть, то ли схватить и связать... но не тут-то

было: тот, уже выведенный из себя ударом плети, стал в оборонительную позу.

— Прочь от меня! Не подходите, ударю! — кричал он, со свистом размахивая плетью перед собой.

— Оставь, Торгом, не надо! — взмолилась пожилая женщина, а девушка вместе с двумя мужчинами уговаривала парня быть поосторожней, чтоб не угодить плетью в кого-нибудь из господ.

Но можно ли быть осторожным, когда все внутри кипит? Плеть Торгома нечаянно огрела по руке младшего Амуни, этого было достаточно, чтоб началось нечто невообразимое. Братья Амуни вместе с телохранителем окружили юношу, намереваясь схватить его, но последний яростно размахивал плетью, защищаясь от них, и не подпускал к себе. Между тем двое из селян сзади вцепились в вооруженного телохранителя и тащили его назад, к ишханам же боялись подходить, тем более что один из них был на коне. Несколько мгновений длилось такое положение, слышались мольба и плач женщин, громкие голоса мужчин. Потом телохранитель, желая высвободиться от вцепившихся в него рук, толкнул старика, тянувшего его за рукав, тот упал — и вдруг произошло неожиданное. Селяне ахнули, и двое из них, подняв с земли коряги, бросились на телохранителя...

Давид Амуни погнал коня на безоружных селян. Но это не остановило никого, напротив, завязалась драка. Разъяренный от полученных ударов, телохранитель пустил в ход оружие, рукоятью копья он стал наносить направо-налево удары, не разбирая, где женщины, где мужчины. Селяне отбивались от него, яростно наседая... «Бей! Бей!» — подбадривали хозяева своего телохранителя, но сами не подходили ближе.

Однако, когда положение стало безвыходным, Давид Амуни решил прийти телохранителю на помощь, но сдвинуть коня с места не смог — в него вцепились сзади и не отпускали. Тогда ишхан выхватил из ножен меч.

— Собачье отродье!.. — вскричал он, размахнувшись.

Увидев обнаженный меч, женщины в ужасе отпрянули назад, спрятались у своих узелков, а с ними и девятилетний мальчишка, но остальные, которых подбадривал юноша по имени Торгом, приготовились к защите; и в тот момент, когда меч, описав дугу в воздухе, должен был опуститься на Торгома, последний большой веткой отвел удар от себя; видя, что ишхан все же пытается направить на него свой меч, он нацелился в обнаженное острие, чтоб сильным ударом выбить его из рук противника. Однако дал осечку, конец его палки, не попав в цель, с размаху опустился на голову старшего Амуни и... сначала скатилась меховая шапка ишхана, потом выскользнул из рук его меч, а следом и тело всадника, обмякнув, повисло на стременах.

Все случилось с такой молниеносной быстротой, что люди и опомниться не успели... Конь, почуяв что-то неладное, пове-

нул голову к свесившемуся седоку и в испуге пустился наутек. Телохранитель бросился догонять его, за телохранителем поскакал и другой ишхан.

С трудом переводя дыхание, Торгом рванулся было вперед, чтоб погнаться за ними, но мать окликнула его:

— Не надо, сынок, не пятнай свои руки кровью!

Юноша остановился, а беглецы второпях стали собирать узелки, молодая женщина взяла на руки ребенка, чтоб скорей бежать прочь отсюда, в страхе, что оглушенный ишхан может прийти в себя, очнуться и отомстить им... В общей суматохе все забыли о валявшемся в траве мече, маленький мальчишка подбежал и потянулся к нему.

— Брось, Усик, это проклятый меч! — закричала в испуге его мать.

— Нет, не брошу, а то вернутся те злые дяди и будут опять угрожать нам.

— Бери, бери, малыш, пригодится, — сказал Торгом; по его голосу чувствовалось, в нем не улеглось еще волнение.

Мальчик, обрадованный, схватил за рукоять меч и поволок его за собой.

Оставив полянку, беглецы зашагали быстрей, поминутно пугливо озираясь; никто не произносил ни слова. Прошло достаточно времени, когда наконец Торгом нарушил молчание:

— Надо было всех их перебить, чтоб не донесли на нас, теперь они могут послать за нами погоню...

— Нет, нет, сынок, — задыхаясь, сказал старец, — не говори так... Все произошло из-за меня, не надо было мне... — Он умолк на секунду, затем добавил, осекшись: — Теперь нам остается одно — бежать без оглядки, не то настигнут и никого в живых не оставят эти изуверы.

Все, объятые страхом, прибавили шагу.

Двигались они цепочкой по чаще леса, пробираясь между деревьями, стараясь не шуметь, и даже не замечали, что Усик отстал и волочит за собой обнаженный меч, который то скрывался в зарослях трав, то поблескивал серебристым блеском.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Страх — великая сила. Он может сломить человека, но может заставить проявить смелость, находчивость. Так случилось и с нашими беглецами. В первый момент, когда в лесу появились вооруженные ишханы и телохранитель, их сковал ужас. Однако потом, почувствовав, что их жизнь под угрозой, что их могут взять под стражу и погнать обратно к своим хозяевам, вмиг вышли из оцепенения. И когда свалившегося с седла ишхана конь умчал в сторону, а двое других бросились за ним, селяне с поспешностью, неожиданной для усталых людей, пустились со всех ног по поляне.

День догорал, лес хмурился, мрачнел; поднявшийся ветер

раскачивал деревья, они бились друг о друга, наполняя воздух разноголосым шумом – от еле уловимого шороха листвы до тревожного поскрипывания ветвей.

Теперь группа беглецов углублялась в чащу, стараясь как можно быстрее уйти от места происшествия. Но чем дальше они продвигались, тем лес становился непроходимей; с одной стороны мешали узлы и ноша на плечах, то и дело цеплявшиеся за сучья и шипы, с другой – густой кустарник под ногами, ухабы.

Юноша, которого звали Торгом, нанесший удар ишхану, вел под руку старца и все время беспокойно оборачивался назад: поспевают ли за ним, не отстал ли кто. Порой он подбадривал мать и идущую рядом с ней девушку.

– Сюда, маре[1], осторожней ступай, Мина, здесь заросли колючек.

В лесу не было заметно ни единой тропки, не только тропки, вообще никаких следов человеческого присутствия, словно сюда никто никогда ногой не ступал. Порой под ногами беглецов с треском ломались сухие ветки; в таких случаях все замирали на месте, не зная, что делать – то ли идти вперед, то ли не двигаться. Простояв некоторое время в нерешительности, они снова продолжали путь.

Но чем становилось темнее, тем медленней давалось продвижение. Деревья вставали сплошной стеной, сквозь их стволы не проникал свет; только иногда над высокими макушками показывалась узкая темно-синяя полоска неба и тут же исчезала. Но надо было идти, и они шли; шли, сами не зная куда, лишь бы подальше от той злополучной поляны, лишь бы подальше от тех людей, с которыми повстречались, и они могли в любую минуту прийти с подмогой. В каждом из них сердце билось трепетно: вот сейчас могут нагнать, вот сейчас могут расправиться с ними; а потому вперед, не останавливаясь вперед, лучше двигаться, чем стоять на месте. Если кто спотыкался, тут же ему помогали встать на ноги и продолжать путь... путь неведомо куда... Передние часто окликали задних:

– Идете? Ступайте левее...

Идущие сзади отвечали:

– Идем... идем...

Торопливо семенила мать Торгома, то беззвучно шевеля губами, то переходя на шепот:

– Сыночек, родной, не по своей воле ты совершил недозволенное, бог свидетель... Кабы не отставший сосед с женой и ребенком, нас, может быть, миновала бы чаша сия, может быть, не встретились бы мы с ишханами и не было бы этой драки. И куда эти несчастные подевались, точно сквозь землю провалились...

– Ума не приложу, – отвечала шагавшая рядом с ней де-

---

[1] Маре – мать.

вушка.– Когда они стали отставать от нас, мой папо[1] сказал. «Любое промедление нам грозит опасностью». Так и получилось, маре.

– Заблудились они, что ли? Потеряли нас? Свернули не в ту сторону? Может, тоже напоролись на ишханов, попали им в лапы?

– Что гадать, маре, теперь уж ничего не поделаешь.

Остальные шли, храня молчание. Женщина с младенцем на руках кормила на ходу ребенка грудью, чтоб он не плакал, и старалась не отставать от мужа, который шел впереди, ведя за руку мальчонку, волочащего за собой меч. За ними молча брела еще одна молодая чета. Лишь старик время от времени бормотал себе под нос:

– Какая нелегкая занесла сюда этих окаянных господ? Хорошо, что один из них свалился с седла и конь умчал его прочь от нас.– Помолчав минуту, он добавил: – Если за нами начнется погоня, как ты думаешь, Торгом, сумеют нагнать?

– Думаю, нет, если мы, конечно, не сбавим шагу. Лес густой, на коне здесь не проедешь,– отвечал старцу Торгом, ведя его под руку. И как бы в ответ сыну, с мольбою в голосе шептала старушка, повторяя:

– Скорей... скорей...

Все чувствовали, случилось что-то страшное, а потому, соблюдая осторожность, надо как можно быстрей удалиться от этих мест. Шли они один за другим, стараясь не отставать; а ночь спустилась темная, ни зги не видать кругом. Хотя промедление – они это понимали – равносильно смерти, раза два вынуждены были замедлить шаг, отдышаться, поправить сбившиеся узлы на плечах и прислушаться, нет ли погони.

Лес стоял угрюмо-непроницаемой стеной. Дул порывистый весенний ветер, порою слегка шевеля листву, порою же сильно раскачивая ветви. Но беглецы не ощущали освежающей прохлады ночи, они были разгорячены, пот лил с них ручьями.

Тьма вокруг была полна разных звуков: то вскрикивала где-то птица, то раздавался взмах крыльев и снова становилось тихо, лишь слышалось шуршание ветвей и листьев. Ни единого звука, свидетельствующего о присутствии поблизости человека: ни голосов, ни шагов. Но это не успокаивало беглецов, они понимали, что преследователи будут пробираться осторожно, стараясь не обнаружить себя...

– А могут они окружить весь лес? – тихо, чтоб не разбудить спящего на руках ребенка, спросила вдруг молодая женщина. В ее словах слышался не столько вопрос, сколько страх.

– Нет, что ты,– ответил мужчина, по-видимому муж, явно желая успокоить ее.– Даже всему царскому войску не под силу было бы.

– Владения ишханов могут находиться далеко отсюда, пока они доскачут до них, пока подымут людей,– рассуждал кто-

[1] Папо – отец.

то шагавший рядом,– тьма такая кромешная, не видно ни зги; пока они придут, мы тем временем будем далеко...

Чувствовалось, у всех нервы напряжены.

– Но они знают направление, в котором мы двигаемся, могут перерезать нам путь,– вновь тихо высказала свои опасения женщина с ребенком на руках.

– Нет, этого не надо бояться, мы сейчас далеко от них,– вступил в разговор Торгом.

– Господь нам в помощь! – взмолился старец.

Женщины тяжело вздыхали.

И опять продвигались молча, порой поглядывая на небо, на котором сквозь ветви деревьев виднелись большие и малые звезды, мирно, как светлые очи, мерцавшие с высоты. В ночном мраке только это сияние и вливало в души надежду.

Теперь тьма была полнейшей, и тишина тоже. Только изредка, когда что-либо нарушало тишину, вся цепочка замирала на месте и, затаив дыхание, вслушивалась в ночные звуки.

– Нет, это зверь,– определял старец.– Пошли.

Некоторые трогались с места с сомнением, но разве было время высказывать его? Люди шли гуськом, ничего не видя впереди.

Так прошли довольно много, когда вдруг Мина шепотом обратилась к шагавшей рядом матери Торгома:

– Маре, а мертвые могут оживать?

Мурашки пробежали по спине старушки, она ответила:

– Нет, доченька, никогда... почему спрашиваешь?

– Мне кажется, маре, тот упавший ишхан очнулся, встал и теперь преследует нас.

– Нет, доченька, мертвые не оживают,– сказала она тихо, но уверенно.

– А он точно умер, маре?

– Умер, умер, доченька, выкинь это из головы. Пошли. Скоро вон рассвет... И все муки будут позади.

Мина крепче прижалась к ней, и они прибавили шагу, чтоб не отставать от идущих впереди. Старушка успокоила девушку, а у самой в сердце закралось сомнение: кто знает, может, и впрямь ишхан не умер, может, он только потерял сознание и, придя в себя, преследует их?

– Ой, пошли, доченька, не оглядывайся назад,– сказала она ей,– вон отец твой и Торгом впереди, давай догоним их.

Медленно, но упорно продвигались беглецы; глаза у всех горели, веки отяжелели, воспалились, однако спать никому не хотелось. Один Усик сначала бойко шагал, волоча за собой меч с серебряной рукоятью, потом выбился из сил и повис на отце: «Я спать хочу, папо...» Когда отец поднял его на руки и посадил на плечи, он сквозь сон уже вымолвил: «Смотри, папо, не потеряй мой меч».

Теперь Вардан, отец Усика, шагал пригнувшись от двойной тяжести: в руке была ноша, на спине – сын. Он шел опираясь

на меч, как на посох. Тем не менее старался не отставать от Торгома и шагавшего рядом с ним старца.

Вся цепочка подтягивалась, глядя на передних, стараясь не терять их из виду.

Сколько времени они так шли, трудно было сказать, как вдруг старец остановился и с облегчением вздохнул:

— Скоро наступит рассвет.

— С чего ты взял, отец? — удивился Торгом.

— Деревья просыпаются, птицы начинают перекликаться...

Действительно, прошло немного времени и тьма стала редеть, воздух высвечивался прямо на глазах, обретал прозрачность, как вода, когда на дно оседает муть. Деревья постепенно обрели очертания, выделяясь из сплошной темной массы леса. Уже можно было различить ветки, дупла в стволах; бледнели звезды на небе, приобретшем светло-серый цвет. Слышалось, как порой перекликаются крупные птицы, щебечут мелкие.

Еще немного — и утро с поспешностью, присущей весенней поре, расправило крылья.

Свет вливал бодрость в утомленных, измученных людей, помогал превозмочь ночную тревогу. Уже видно было, куда ступает нога. Выйдя на раскрывшееся перед ними открытое место, беглецы с удивлением разглядывали друг друга: лица и руки у всех грязные, исцарапанные, одежда висела, изодранная колючками и ветками. Шли они по густо разросшейся просеке; о, как велик был соблазн завалиться в траву и забыться сном, пусть ненадолго, на миг... Но страх гнал вперед, женщины и те, хоть совсем выбились из сил, старались побыстрее уйти с открытого перелеска, спрятаться в чаще. Все были охвачены одним чувством — скорее выбраться из этих опасных мест... Но кто мог сказать, где граница, за которой они могли чувствовать себя в безопасности? Может, они ее уже миновали? Выйдут ли они к Аршакавану или сбились с пути и плутают неведомо где? Вперед ли идут они, назад ли?.. Лес без конца и края... Перейдя просеку, Торгом вдруг предложил:

— Давайте-ка отдохните немного, а я пойду погляжу, где мы.

— Торгом, далеко не ходи, — всполошилась мать.

— Я чуточку отойду, маре, только влезу на дерево и осмотрюсь.

— Ни к чему это, — возразил старец, — сейчас взойдет солнце, и станет ясно, где мы находимся: город должен быть на востоке.

Слова старика ободрили всех. Еще немного углубившись в чащу леса, они присели в ожидании восхода. Когда Вардан осторожно опускал мальчика на землю, Усик проснулся и тут же спросонья спросил: «Где мой меч, папо?» — «Вот он, сынок», — успокоил его отец. Ребенок уставился на него не мигая и тут же вновь провалился в сон. Мужчины сели прямо на траву, хотя она была сырой и мокрой от росы, женщины — на

узелки с одеждой, Торгом и Мина опустились на поваленное бурей дерево.

Лес дышал покоем; перестал играть ночной ветерок, деревья стояли неподвижно, вытянув кверху макушки; птицы бесшумно парили над ними, – все замерло в ожидании... Сколько так длилось, трудно было бы сказать; вдруг старец, все время поглядывающий наверх, привстал.

– Солнце! – воскликнул он и рукой показал на верхушки деревьев, затем с облегчением вздохнул и перекрестился.

Все повскакивали со своих мест и устремили глаза на деревья в указанном старцем направлении; первые лучи восходящего солнца и вправду чуть коснулись верхушек высоких деревьев, и листва на них, как живая, радостно затрепетала.

– Не могу сказать, где мы находимся, но точно знаю, надо двигаться в направлении солнца, – сказал старец, затягивая пояс и беря сучковатый посох в руки. – Пошли, друзья, там видно будет, куда идти. Ясно помню – у опушки леса сразу же начиналась кремнистая гора. Сдается мне, мы еще находимся во владениях Камсараканов. В молодости меня приводили сюда рубить лес. Достаточно перевалить за ту кремнистую гору – и мы спасены.

– Но где же гора? – спросил кто-то нетерпеливо.

– Сейчас посмотрим, – ответил старик.

– Значит, за горой уже будет Аршакаван? – с надеждой в голосе спросила мать Торгома.

– За гору я не ходил, – ответил старик, – подойдем – увидим.

После кратковременного привала люди с трудом подымались с места, чувствовали себя разбитыми, ноги у всех горели, тело ныло. Но сознание, что не сбились с пути и вот-вот выйдут к желанной цели, помогало превозмочь усталость.

Когда же наступило ясное безмятежное утро и солнце заискрилось лучами в небесах, людей чуть-чуть отпустил страх, раза два разрешили они себе сесть отдохнуть на поваленные стволы; одна только мать Торгома не унималась:

– Вставайте, вставайте, не время рассиживаться...

Только к полудню идущий впереди Торгом сквозь деревья заметил макушку горы.

– Это и есть та самая гора? – спросил он старика.

Старик, приложив ладонь ко лбу, всмотрелся.

– Да, она, – перекрестился он. – Стоит взобраться на нее – и мы вне опасности...

Все оживились, прибавили шагу. Гора то показывалась между стволами, как луч надежды, как спасительный маяк, то скрывалась из виду, будто обманчивое видение.

– Лес кончается...

В самом деле, они уже вышли на опушку. И Торгом, идущий впереди, раньше всех оказался у подножия склона. Но, добравшись до него, он вдруг застыл в неподвижности: явственно доносился лошадиный топот, и чуть погодя он увидел, как по от-

крытой гряде между лесом и склоном горы проскакало около десятка всадников...

Побледнев, Торгом поднес руку к губам, давая знать своим, чтоб не издавали ни единого звука, не шевелились.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Только на третьи сутки после окончания совета в замке Камсараканов воцарилась обычная тишина, если не считать неумолчного шума воды, доносившегося издалека, который, однако, обитатели замка воспринимали как убаюкивающую колыбельную, да шелеста деревьев рощи, словно рожденного течением вод.

Был ясный полдень. По своему обыкновению, только в одной капе с непокрытой головой прохаживался ишхан Камсаракан по излюбленному укромному уголку сада перед домом, где разросшиеся кроны деревьев скрывали его от любопытных взглядов. Судя по довольному выражению лица и размеренному шагу, он был в хорошем настроении. Хотя прошло два дня после встречи с ишханами и день — со дня отъезда гостей, он все еще находился под впечатлением разговоров в замке. Нар-ишхан остался доволен результатами нахарарского совета; ему казалось, что удалось призвать людей к бдительности. Сожалел он лишь об одном — что отсутствовал Меружан. Радовало его и единодушное решение нахараров не допустить ни одного случая бегства слуг в строящийся город. А уж самой доброй приметой в его глазах было то, что его зятю Давиду Амуни и шурину Даниэлу удалось в первый же день после совета вернуть с дороги двух его людей, мужа с женой и маленьким ребенком.

И вот теперь, расхаживая в тени деревьев, Нар-ишхан думал, что бы предпринять, чтоб наказание было суровым. В то же время из головы не выходил молодой Сурак, тревожила странная позиция, занятая сыном покойного главы рода Ангех ишхана Артени, опасные мысли, высказанные им. Впрочем, Камсаракан был уверен, что этот юнец больше не представляет для них опасности. Он с минуты на минуту ждал прибытия своих телохранителей, предвкушая удовольствие от мысли, что поедет к Амуни с радостной вестью и снимет с него бремя лишних тревог и опасений, а кстати и поблагодарит за возвращенных в поместье беглецов. Теперь об этом юнце и не стоило думать... Куда приятней сосредоточиться на мысли о том, что самый влиятельный и могущественный из нахараров Страны Армянской владетель Васпуракана Меружан его единомышленник, а посему царю Аршаку не видать осуществления своих замыслов как собственных ушей. Потом снова мысль его перескочила на пойманных в дороге и доставленных в замок беглецов, и опять стал думать он, как наказать их — велеть ли высечь здесь, прямо на глазах у всех, во дворе замка,

или устроить публичную порку в том селении, откуда они бежали?..

Последнее ему показалось куда более разумным: чем больше народу увидит, тем лучше... «Но почему только в одном селении?» – разыгралось его воображение. Лучше возить их из селения в селение и на глазах людей истязать розгами, дабы другим неповадно было...

Удовлетворение приносило ему сознание, что провинившихся удастся наказать перед отъездом и принятые строгие меры могут быть гарантией того, что подобное не повторится впредь... Ну, хотя бы на время его отсутствия.

«Да, наказание будет уроком другим», – заключил ишхан, сжав кулаки.

Ход рассуждений Камсаракана прервал знакомый голос, спрашивающий: «Где тер ишхан?» Он услышал, как один из его слуг ответил: «Там вот», указав в его направлении.

Чуть погодя пред ним предстал один из тех двух телохранителей, которые должны были сопровождать молодого ишхана из Ангеха.

– Вернулись? – спросил ишхан, когда тот еще был шагах в двадцати от него.

– Да, тер, но... – телохранитель осекся.

Он произносил слова подавленным, нерешительным тоном, ишхану даже послышались в его голосе виноватые нотки. Камсаракан нахмурился и из-под бровей посмотрел на него. Юноша опустил голову.

– Что молчишь? На тебе лица нет. Почему ты один?

– Мой господин... – Голос его дрогнул и губы задрожали. – Я сопровождал молодого ишхана до границ его владений, а Магакэ, согласно договоренности, сидел в засаде в лесу, он пустил стрелу и...

– И что? – Камсаракан в упор посмотрел на него.

– И промахнулся..

– Промахнулся?.. Не мог пустить вторую?

– Не мог, мой господин, потому что молодой ишхан сразу заметил его между деревьями и напал вместе со своими телохранителями... Я хотел было прийти на помощь... но их было пятеро, а нас всего двое. Ишхан нанес удар Магакэ.

Юноша умолк, поникнув головой.

– Говори, что дальше...

– Потом, тер, Магакэ упал раненый, его лошадь пустилась бежать... А они стали преследовать меня...

Лицо Камсаракана перекосилось.

– Молчи, недотепа, ты недостоин быть моим телохранителем. Прочь, с глаз моих долой!

Нар-ишхан в ярости сплюнул вслед удаляющемуся юноше и, нервно потирая руки, стал ходить взад-вперед по аллее, потом сел, вернее, рухнул на пень, стоявший под деревом, который обычно служил ему скамьей. «Ишхан Сурак все-таки ушел живым-невредимым из моих рук. Какой ужас! Теперь

уж можно не сомневаться, что хранить молчание он не будет. Все передаст государю, все,— в отчаянии думал Камсаракан,— всех известит, весь мир теперь узнает, что в моем замке состоялся нахарарский совет...» Да, он ушел живым-невредимым... Какое несчастье! Кто мог подумать, что его, казалось, опытные, умелые телохранители окажутся такими неумелыми. Что же теперь делать? Как предотвратить надвигающуюся опасность?.. Обдумать надо все обстоятельно...

— И чем скорей, тем лучше,— вдруг вслух сказал он и, поднявшись с места, пошатываясь, направился к замку, чтоб в своих покоях принять решение.— Может, стоит подослать тайного убийцу в замок ишхана Сурака? — Он так был поглощен своими мыслями, что ничего вокруг не замечал.

Но не успел ишхан подойти ко входу в замок, как из крепостных ворот стрелой влетел всадник и, туго натянув поводья, спрыгнул с коня и на ходу крикнул, задыхаясь:

— Беда, тер Камсаракан!

Ишхан остановился, подумав, что этот тоже, наверное, прибыл с недоброй вестью, и выжидающе посмотрел на приближающегося. Но всадник от волнения не мог говорить: нарушив принятый порядок, он подошел к ишхану с плетью в руке, поклонился и замер на месте.

Тут Камсаракан узнал в нем телохранителя своего зятя Давида Амуни и нетерпеливо спросил:

— Что молчишь? Какая еще беда?

— Мой господин убит, ишхан,— простонал юноша.

— Твой господин? Давид-ишхан?.. Как? Когда?!

— В первый же день по возвращении отсюда домой.

— По возвращении отсюда? В дороге? Где? Кто убийца?!

В голосе ишхана слышались ноты нарастающего гнева, а гонец не решался вымолвить слово.

Потом он превозмог себя и робко произнес:

— Твои селяне, тер.

— Мои?! Мои селяне? — У Камсаракана все лицо перекосилось.

— Да, тер. Группа твоих селян бежала в новый град, ишхан Давид приказал им вернуться обратно...

И прибывший гонец сдавленным голосом, все еще тяжело дыша, сбивчиво, упоминая одни подробности, опуская другие, поведал о случившемся; сомнений быть не могло: он был очевидцем описываемой сцены.

У Нар-ишхана дыхание перехватило, глаза готовы были вылезти из орбит, руки конвульсивно сжались, казалось, он еле сдерживается, чтоб не разорвать на куски говорящего. Когда гонец кончил, тяжелый стон вырвался из его груди.

— Подонки несчастные напали на ишхана, а вы не смогли защитить его, не смогли спасти!

— К сожалению, господин, ничего невозможно было сделать: их было много, человек десять, а нас всего двое.

Ишхан прикусил губу и уставился глазами в землю. Подозрение вкралось в его душу: может, его смотрители в страхе за себя порядком преуменьшают количество сбежавших слуг в донесениях, вот ведь что выяснилось: за один день сколько людей сбежало из селений.

— Кто может подтвердить, что это были мои люди?

— Сами признались, тер.

— И что дальше стало? Куда они делись?

— Убежали, наверно, в Аршакаван. Они были с детьми и несли в руках узелки.

Камсаракан потупился и молчал несколько секунд, затем, сделав два шага вперед, закричал что было мочи:

— Подать коня! Я покажу негодяям! Пусть приготовятся телохранители!

Приказал и, что-то бормоча себе под нос, никого больше не замечая, стал вышагивать перед замком, огромные глаза его бегали из стороны в сторону.

— Проклятый Аршакуни... развратил народ, слуги предают своих господ, подымают на них руку! Смутьян и убийца, а не государь!..

Жилы на шее его и лбу вздулись, глаза налились кровью. В один и тот же день, почти в одно и то же время два несчастья! Такое еще никогда не обрушивалось на его голову. Камсаракан шагал взад-вперед, не переставая что-то бормотать под нос; меж тем, узнав о необычном приказании хозяина замка, сбежались все домочадцы, жена, сыновья, братья, слуги и дворовая челядь. Никто, конечно, не осмеливался спросить его, что случилось; ждали, пока он сам объяснит. Но Камсаракан продолжал хранить молчание. Наконец у жены исчерпалось терпение.

— Что еще случилось, ишхан?

Камсаракан оставил вопрос без ответа, он шумно вздыхал и мотал головой из стороны в сторону.

— Опять кто-то сбежал? — поинтересовалась грузная ишхануи. — Да что тут нового? Стоит ли из-за этого так расстраиваться?

— Ах, если б только это!.. — остановился наконец Камсаракан. — Царь своими посулами так обольстил людей, что слуги поднимают руку на своих господ. Вот что случилось!

— Как это так, ишхан? — Кровь отлила от лица ишхануи.

Когда муж сообщил ей о случившемся, о том, что ишхана Давида Амуни убили их селяне во время побега, госпожа Камсаракан ударила себя по коленям:

— Огнь вавилонский на их головы! Позор царю Аршаку!..

Братья Камсаракана, сепухи, прислуга, стоявшие вокруг, обомлели; а те, что побежали исполнять приказание Нар-ишхана, уже вели под уздцы вороного с блестящей шерсткой коня, ноги которого чуть повыше копыт были в белых чулках. Как обычно, он был покрыт попоной из кошмы, прикрепленное на спину седло с потником и чепраком было украшено

бляхами из серебра и слоновой кости, а на голове красовалось вышитое серебром украшение.

— Уберите все это,— велел Камсаракан, показывая на нарядную сбрую,— я не на свадьбу собрался...

Когда его приказание было выполнено, ишхан с помощью телохранителей и слуг сел на коня, который, согласно стародавнему обычаю, совершил круг почета по двору. В этот момент ишхануи обратилась к мужу:

— Возьми меня с собой, ишхан.

— Ты приедешь следом,— бросил мрачно Нар-ишхан и, повернувшись к братьям, сыновьям и прислуге, приказал:

— Все деревни и все дороги возьмите под наблюдение, по нескольку человек в каждом селении накажите розгами, схваченных беглецов порите публично там, откуда они бежали.

Последние слова он адресовал своему управляющему, потом круто повернул коня и быстрой иноходью выехал из крепостных ворот. За ним последовали телохранители — десять — двенадцать человек — и двое из сыновей, все вооруженные, туго подпоясанные. Присоединился к группе и недавно прибывший гонец, две-три секунды дробный топот копыт по обе стороны крепостных стен заглушал все остальные звуки.

Миновав мост, Камсаракан проехал вперед. «Какова цель Аршака?» — весь уйдя в себя, размышлял он. Если б указ государя распространялся на него одного, он бы это объяснил личной неприязнью к себе из-за крепостей... Но ведь он в равной мере касается других, он в равной мере обольщает слуг всех нахараров. Но почему же часть их молчит, набрав в рот воды, удивлялся Камсаракан. Не проявляет недовольства... Страх их сковал? «Позорно жить с чувством страха в душе,— мысленно сказал он сам себе,— Камсараканы никогда не склоняли головы перед государями, не бывать этому и сейчас! Никогда!»

Тут он стегнул коня и понесся к видневшемуся впереди лесу. Войдя под сень деревьев, сбавил шаг, чтоб отставшие, сыновья и телохранители, догнали его. Приблизившись, последние тем не менее придержали коней, чтоб сохранить некоторое расстояние, и последовали за ним молча, с почтением глядя в спину идущего впереди всадника. В мрачные раздумья погружен был Нар-ишхан. Смерть близкого человека казалась ему столь большим бедствием, что, может, требовалось бы вновь срочно созвать совет для принятия более жестких и действенных мер. Сам факт убийства воспринимался им как зловещее предзнаменование. Слуги убивают своих господ, убегают от них... Завтра-послезавтра мужичье может поднять руку и на него...

Душевные переживания Нар-ишхана усугублялись опасениями, что родные и близкие ишхана Давида Амуни косвенным виновником гибели своего патриарха могут считать его: не будь этого затеянного им нахарарского совета, ничего бы не случилось; кроме того, Давида Амуни убили люди Камсара-

кана, по свидетельству телохранителя. Не вдаваясь в существо дела, многие будут осуждать его, трепать его имя. Между тем, если смотреть в корень вопроса, ни он, ни люди его тут ни при чем, целиком и полностью вина ложится на Аршака и его гнусный указ...

Так, рассуждая с самим собой, вел коня ишхан Камсаракан и время от времени боязливо озирался по сторонам; ему повсюду мерещились беглецы: то за стволами деревьев, то в кустах, то под носом, в десяти шагах от него, то там, то здесь... «О, если встретились бы они сейчас, — думал он, — я бы им показал... в случае необходимости даже в бой бы вступил... И вдруг осекся — а в бою всякое бывает. Впрочем, и безо всякого боя одной стрелы, пущенной из засады, достаточно, чтоб...» Мысль эта показалась ему настолько реальной, что он невольно осадил коня; найдя взглядом телохранителя, принесшего печальную весть, он пальцем поманил его к себе.

— Покажи место, где совершилось преступление, — обратился он к телохранителю Давида Амуни, когда тот приблизился.

— Здесь неподалеку, тер, — показал рукой вестник.

— Скажешь, когда подъедем.

— Слушаюсь!

Вновь с тем же глухим топотом понеслись всадники по дороге, по которой всего лишь два дня назад возвращался домой ишхан Давид Амуни. Они двигались один за другим, как караван верблюдов, потому что тропа была узкой и с обеих сторон стояли стеной могучие деревья со стволами в два обхвата. Гулкий топот копыт эхом отдавался в лесу, и создавалось впечатление, что повсюду, и справа и слева, скачут невидимые всадники.

Может, потому Камсаракану все время казалось, что они сегодня должны непременно встретить беглецов, хотя понимал, что они не станут выходить на открытую дорогу, будут пробираться окольными путями.

У развилки, где стоял покосившийся дуб, телохранитель Давида Амуни осторожно пробрался к Камсаракану.

— Вот тут, ишхан, справа от дороги, где густые заросли ольховника. Здесь ишханы услыхали голоса и послали меня выяснить, кто там... Тут и был нанесен удар. Хотите подойти ближе?

Хотя Нар-ишхан сам выразил желание посмотреть место, где было совершено убийство, однако на предложение телохранителя он не отозвался и, стиснув до боли челюсти, погнал коня дальше. До этой минуты ишхан, казалось, не замечал ни солнца, ярко светившего в небесах, ни леса, радостно приветствовавшего его живительные лучи, ни неугомонного пения птиц. Как странно, подумал он, на месте совершенного злодеяния беспечно заливаются птицы, весело шелестит листвою лес...

Он отвернулся и стегнул коня.

Через два часа всадники наконец выбрались из лесу и поскакали быстрей по открытому полю. Теперь перед ними бежала широкая дорога, которая вела к замку ишханов Амуни. По обе стороны дороги простирались пригретые горячим солнцем только взошедшие зеленые нивы и поля. Опять странным показалось Камсаракану, что даже здесь, у самого замка, ничего не говорит о случившемся, нигде ни намека на горе и страданье. Еще немного – и показалось родовое имение ишханов Амуни, обнесенное, как и полагалось, высокой крепостной стеной.

Приближаясь к въездным вратам, Нар-ишхан весь сжался изнутри: сейчас вместо живого, хлопотливого Давида он увидит немой хладный труп. Таким нелепым показалось это ему, что разум отказывался верить. Даже вид скорбно стоящих у крепостных стен селян, которые расступились, с почтением склонив головы, чтоб дать дорогу прибывшим, не убеждал в реальности совершившегося. Однако, когда всадники, миновав ворота, оказались во дворе, их взорам открылась неумолимая действительность. У входа в замок на высоком помосте, устланном ковром, лежал труп Давида Амуни, покрытый белым саваном. У изголовья стоял конь, весь в черном, личный телохранитель покойного ишхана держал под уздцы гнедого скакуна, тоже накрытого попоной черного цвета.

Помост со всех сторон окружили родные, сепухи и ишханы, съехавшиеся из соседних областей, все стояли печальные, с непокрытыми головами и обнаженными мечами. Возмущение было написано на их лицах: простолюдин, слуга посмел поднять руку на ишхана! Так, во всяком случае, казалось Камсаракану. Около нахараров и сепухов толпились женщины, молодые девушки, дети. Народу было много... Справа и слева у самого помоста, стоя на коленях, скорбным голосом причитали плакальщицы, распустив волосы на плечи и грудь. Они воспевали добродетели усопшего, его светлый ум, метко разящую руку, высокий рост, черные как ночь глаза; били себя в грудь, порой, воздев руки кверху, то ли молили господа о спасении души усопшего, то ли посылали проклятья на голову виновников несчастья. На смену одной группе плакальщиц приходила другая, повторяя все, что делала предыдущая, с самого начала.

Заметив приближающегося Камсаракана, плакальщицы заголосили еще громче, к ним присоединились другие женщины.

Когда волна причитаний и плача, дойдя до кульминации, стала немного спадать, послышался голос вдовы покойного, сестры Нар-ишхана, ишхануи Ваандухт.

Увидев брата, она вскрикнула, ломая руки:

– Брат мой, Нар! Какое горе! Твои слуги убили моего соколика, погасили светоч ясный мой! О, чем теперь ты можешь помочь моему горю? Чем? Как должен отомстить за содеянное, чтоб утешить сестру свою?

Плакальщицы подхватили рыдания вдовы, и волна плача

вновь прокатилась по собравшимся. Нар-ишхан невольно опустил голову: опасения его оправдываются, тень вины ложится на него. «Да, Давида убили мои слуги, в моих владениях, в моих лесах,– думал он в отчаянии,– но разве же я виноват в этом? Почему люди не видят истинного виновника случившегося, проклятого государя, который своими указами толкает слуг на преступления?»

Желваки играли на лице Камсаракана, он тяжело дышал. что мог он ответить сестре? Что?

Когда рыдания немного утихли, он посмотрел на окружающих из-под насупленных бровей и, найдя взглядом Даниэла, окруженного ишханами и сепухами из соседних нахарарств, подошел к нему; взяв его за руку, предложил:

– Войдем в дом, ишхан.

Даниэл без слов последовал за ним.

Когда они уселись в маленьком зале, обставленном диванами и искусно инкрустированными треножниками, Нар-ишхан поднял на него строгий взор.

– Как это могло случиться, ишхан? Расскажи подробно,– в его голосе звучал укор.

Ишхан, заикаясь, краснея, с трудом находя слова (собственного брата не сумел спасти!), стал рассказывать подробности случившегося.

Камсаракан покачал головой:

– Почему ты не поднял упавший меч и сам не сразил этих подонков? Как ты мог допустить, что слуги так осмелели?

Даниэл, потупив взор, тяжело дышал. Камсаракан некоторое время молчал, потом словно стон вырвался из его груди:

– Ладно, что было – то было. Это в прошлом. Скажи, что ты предпринял? Послал погоню?

– Конечно, тер Камсаракан.

– И сколько людей?

– Человек десять, ишхан.

– Всего-то? – Горькая, ироническая улыбка появилась на его лице.– До чего же ты наивен, ишхан, и как неопытен. Подыми всех своих людей, сто, двести человек, вели поставить заставы на всех дорогах, прочесать весь лес! Я со своей стороны тоже пошлю телохранителей.– Он резко поднялся с места, повысил голос: – О, если можно было бы вырубить лес, я бы в нем не оставил ни единого дерева, лишь бы найти негодяев...

Тяжело дыша, он нервно стал ходить по зале.

– От посланных им вдогонку людей нет известий?

– Нет еще, тер ишхан.

– Не могут они присоединиться к преступникам и вместе с ними бежать?

– Что вы, тер ишхан, это люди надежные и верные.

– Надежные и верные,– с горькой усмешкой повторил Нар-ишхан,– могут ли в наше время быть надежные люди? Каждый должен карать своей собственной десницей. Если беглецов найдут, надо будет всех перебить. Всех до единого! Слы-

ханное ли дело, слуга убивает господина... А ведь прямой виновник всего случившегося – государь! – взорвался наконец Камсаракан. – Его указ, дающий право каждому бежать от своего господина и укрываться в Аршакаване, оставаясь безнаказанным. Нет, государь, ошибаешься! – Камсаракан поднял сжатый кулак. – Будет отмщение и воздастся виновнику должное!

Он в ярости несколько секунд молча вышагивал по зале, потом снова остановился.

– Если не удастся поймать беглецов, – сказал он, сведя брови, – напишешь письмо градоправителю Аршакавана ишхану Варазу Гнуни, чтоб выдал тебе убийцу твоего брата, и потребуй всех остальных своих людей обратно. Всех! Я, со своей стороны, тоже направлю ему письмо с требованием выдать моих слуг. Всех до единого!..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Если бы все угрозы осуществлялись, наверное, на земле не осталось бы ни единого человека.

В тот день, когда ишхан Камсаракан, выйдя из себя, в ярости кричал: «Найти беглецов, вернуть и всех до единого перебить!» – сбежавшая от него группа селян, миновав лес и перевалив за гору, направлялась к новому городу. Странное они представляли собой зрелище: люди брели из последних сил, еле волоча ноги, спотыкаясь и падая поминутно на кочках и ухабах, но лица, озаренные светом надежды, хранили невозмутимое спокойствие: они миновали рубеж опасности!

Что только им не пришлось пережить! Чтоб быть незамеченными, приходилось пробираться сквозь заросли колючек, пролезать в узкие щели между стволами густо растущих деревьев, прислушиваясь к то усиливающемуся, то утихающему топоту коней преследователей. Иногда пожилая женщина высохшими губами молила: «Осторожно, достаточно одного слабого писка ребенка, и мы пропали» – или глазами, знаком руки давала понять Торгому: не шевелись, не издавай ни единого звука! Улучив момент, когда совсем утихли конский храп и цоканье копыт, Торгом осторожно выбрался из опушки леса, залег в кустах и осмотрелся: тишина и спокойствие, ни души вокруг, ни людей, ни лошадей, впереди – голая, кремнистая гора. Он выжидал некоторое время, не шевелясь. По-прежнему ни единый звук не нарушал царящей вокруг тишины. Тогда вернулся.

– Пошли, пока никого нет, – шепотом обратился он ко всем.

От страха застывшие на месте люди поднялись на ноги и, торопливо, пугливо озираясь, бросились к горе, как к спасительной пристани. А она – вся каменистая, вся в щебне и песке, склоны ее крутые, ливнями обкатанные, с растущей кое-где

чахлой травой. При каждом шаге срывался вниз щебень, катились камни.

Часа два молча карабкались они наверх, все время оглядываясь, нет ли погони. К счастью, погони не было. Но горячее весеннее солнце сильно припекало головы, жгло спины; пот ручьями струился с их лиц, бежал по груди и спинам, выматывая обессилевших вконец людей.

Трудно было сказать, сколько длилось это мучительное восхождение. Наконец они, взбравшись на вершину горы, остановились и, окинув взглядом пройденный путь, вздохнули полной грудью: теперь они могли считать себя вне опасности. Перед беглецами простирался внизу бескрайний густой лес, по которому брели они двое суток. Он покрывал всю широкую ложбину между грядами гор, спускался с одной стороны к реке Аракс, с другой полз по предгорью вверх. Это безбрежное зеленое однообразие напоминало колышущееся море.

Люди, забывшись на минуту, созерцали раскрывшуюся перед ними величественную картину, когда вдруг послышался сдавленный крик Мины: «Конники!» Все разом припали к земле, застыли на месте; усталость с них как рукой сняло. Затаив дыхание, со страхом, смешанным с любопытством, они сверху наблюдали за происходящим. Отряд вооруженных копьями всадников, человек двадцать – двадцать пять, тщательно прочесывал опушку леса, заглядывая под каждый куст, под каждое дерево. А у подошвы горы стояли не шевелясь пятеро всадников – видимо, ожидали результатов поисков. Торгом предположил, что это новые силы, брошенные в погоню за ними; очевидно, они собираются окружить лес, чтоб их выловить. Волна такой злобы вдруг поднялась в нем, что захотелось сбросить на головы этих ищеек камни и раздавить их в лепешку. Но старец, почувствовав, что творится в сердце юноши, схватил его за руку:

– Напрасно не навлекай опасности, сынок. Покуда нас не заметили, давай уйдем.

Однако молодость, горячая кровь и трезвая осмотрительность – вещи несовместимые. Торгом не послушался, в сердцах спихнул ногой огромный валун прямо на головы неподвижно стоящих у подножья всадников и, даже не посмотрев, что стало с ними, двинулся вместе со всеми вниз по склону.

Спустившись, беглецы несколько часов подряд уже шли по дороге. Старик уверял, что они давно уже миновали владения Камсараканов и теперь идут по коговитской земле, значит, где-то недалеко и Аршакаван.

Нисхождение оказалось не менее сложным, чем восхождение. Тернистый склон горы, устланный острыми камнями, хотя и был покрыт ковром из цветов и трав, не имел ни единого деревца, ни единого куста. Долго длившееся безлюдье угнетало, кругом не наблюдалось никаких признаков жилья. Только после двухчасового спуска впереди из-за ближайшего пригорка показалась наконец фигура человека. Беглецы сначала насторо-

жились: может, кто из преследователей? Но когда путник приблизился и приветливо поклонился, Торгом собрался с духом:

– Не скажешь, братец, где новый град?

Селянин повернул заросшую волосами голову на восток и показал рукой:

– Идите прямо, потом свернете налево, увидите тропу, пойдете по этой тропе не сворачивая, пока не покажется еще один такой же пригорок, одолеете и его, тогда перед вами откроется широкая, протоптанная дорога, она и выведет прямо в город.

Хотя Торгом и не очень ясно себе представил, как идти, он сорвался с места, а за ним последовали в радостном возбуждении остальные.

Совсем пустынный большак на глазах оживал: сначала мимо беглецов, поскрипывая, прошли два обоза в сторону города, доверху полные свежесрубленными, сырыми бревнами, потом стали попадаться порожняком идущие навстречу. А дальше потянулись вереницей обозы, телеги, груженные строительным камнем, тростником. Некоторые беглецы клали свои узелки на попутные арбы, но арбы двигались черепашьим шагом, а людям надо было спешить, чтобы засветло попасть в город, пришлось стащить с задков свои нехитрые пожитки и снова взвалить их на плечи. Солнце склонялось к закату, а Аршакавана еще не было видно. В сердце каждого подползала тревога: как бы не остаться ночью без крова в незнакомом городе.

Когда, прибавив шагу, они перевалили пригорок, о котором говорил встречный путник, взорам их открылись зеленые нивы, возделанные поля. Здесь и там одиноко бродили козы, паслись, сбившись в кучу, овцы, – словом, все говорило о близости человеческого жилья.

– Приближаемся к городу, – со вздохом облегчения вымолвил старец и обратился к старушке, пасущей скот: – Далече до Авана?

Как и первый встречный, она повернула лицо на восток и показала рукой:

– Видишь дым? Это и есть город.

Теперь беглецы шли, не сводя глаз с маячившего вдали столба. Навстречу чаще стали попадаться козы, овцы с пастушками, даже коровы, которые, увидев странного вида людей, подымали морды и медленным удивленным взглядом провожали их. А вот и наконец дома! С крыш вьются столбы дыма. О, какими они показались беглецам родными и милыми!

– Город! Город! – восклицали они, не веря собственным глазам.

Поразительно! Только беглецы достигли желанной цели, как забыли о ночных волнениях и даже крайней усталости, лица оживились, глаза зажглись жадным любопытством. Вот идут они по городской окраине, удивленные всем, что видят и слышат: на улицах громко переговариваются горожане,

окликают друг друга, деловито обсуждают что-то; на стенах домов без крыш работают каменщики, рядом роют огромный котлован под фундамент, видимо, большого здания, чуть поодаль перекрывают крышей уже отстроенное здание. Кое-где работают женщины. По всей видимости, это был вновь воздвигаемый квартал города. Между домами втискивались кое-как обозы, подводы, арбы, сгружая в одном месте бревна, в другом – камень, в третьем – камышовый тростник.

– Это и есть новый город? – разочарованно пробормотал себе под нос старец. Он многое перевидел на своем веку, был и в Вагаршапате, и в зеленом Арташате, но вновь возводимый город не походил на эти армянские столицы. Дома строились на совершенно голом месте, буквально на пустыре, не огражденном городскими стенами. Это последнее обстоятельство показалось старцу более чем странным: царев град – без крепостных стен и без врат? Может, их еще не успели воздвигнуть, предположил он.

На одной из улиц беглецы услыхали мерный, однообразный звон, они хотели было спросить кого-нибудь из прохожих, что это такое, но внимание их тут же отвлек показавшийся в глубине улицы караван верблюдов, важно шествовавший под мелодичный перезвон бубенцов. Женщины, мужчины, особенно детвора толпились вокруг животных, с любопытством поглядывая на тюки с товаром: что везут? откуда идут? Вытянув длинные шеи, равнодушно смотрели верблюды поверх голов людей и крыш куда-то вдаль, за горизонт.

Увидев караван, беглецы остановились, Торгом спросил одного пожилого человека: «Что это за караван?»

– Да кто его знает, мало ли их, приходят – уходят, – равнодушно бросил тот.

Постояли чуток, посмотрели, пошли дальше. Им навстречу попался священник с длинной спутанной бородой. Он остановился напротив строящегося здания и смотрел, как рабочие, привязав веревками бревна, подымали их наверх. Торгом подошел и поздоровался.

– Добро пожаловать, сынок, – приветливо отозвался тот и внимательно оглядел юношу, точно хотел понять его без слов. – Новенькие будете?

– Да, святой отец, не скажешь ли нам, где останавливаются здесь вновь прибывшие?

– Останавливаются? – протянул священник. – А вам сначала надо пойти отметиться, сынок, потом думать о пристанище. – Увидев недоумение на лице Торгома, он пояснил: – Пойдите сначала к градоправителю ишхану Варазу или к его писарю Давиду Длинному и попросите, чтоб вас занесли в списки прибывших.

– А где найти ишхана градоправителя? – сразу же спросил Торгом, выступив вперед, остальные издали прислушивались к их разговору. Священник показал рукой:

– Выйдете к центру, увидите два здания: одно черное, вы-

тянутое — это ночлежный дом для прибывающих, другое — белокаменное, двухэтажное — это дом, где живет ишхан Вараз... — Потом поинтересовался: — А вы кто будете? Царевы слуги или...

— Слуги, — ответил Торгом неопределенно и, не желая больше тратить время на разговоры, подал своим знак, чтоб следовали за ним. Быстро взвалив на спины узелки, с надеждой в сердце, что уже близится конец их испытаниям, все заторопились.

Добравшись до белокаменного здания с лестницей, тоже выложенной из камня, с черепичной крышей, спускающейся вниз с одной стороны круто, с другой — под тупым углом, образуя покатый скат, они остановились, огляделись: на улицах и во дворах маленьких домиков разгуливали куры, блеяли телята, сушилось на веревках белье.

— Маре, это дом градоправителя? — спросил Торгом старушку, кормившую наседку с выводком цыплят.

— Да, сынок, — кивнула головой старушка, — но сейчас ишхана...

Торгом не дослушал ее, передав узелок матери, прямо зашагал к зданию. Несколько смущаясь, но уверенной поступью он подошел к ступенькам, поднялся и постучал. Его спутники расселись на бревнах, лежащих посреди улицы, и стали дожидаться Торгома.

На стук вышел молодой человек, видимо слуга.

— Что надо?

Выслушав объяснения, он, ничего не ответив, исчез в проеме дверей. Через минуту Торгом услышал: «Отец Давид, новые прибыли...» Дверь отворилась, и на этот раз навстречу вышел человек в черной капе, с длинными волосами и пышной бородой. Он большими близорукими глазами в упор посмотрел на Торгома, отчего последний ни с того ни с сего смутился и невольно подобрался.

— Только что прибыл? — спросил он певучим голосом.

— Да, ишхан.

Человек покачал головой:

— Я не ишхан, сынок, я писарь Давид. Откуда ты?

Торгом замялся: выложить правду или?..

— Из Аршаруникской области, тер, но я не один.

— Сколько же вас?

— Десять человек, вот они здесь, сидят на бревнах.

— Добро, — кивнул писарь, — я сейчас всех вас занесу в городскую запись.

Торгом последовал за ним. Человек достал из глубокой ниши в стене пухлый пергаментный реестр, страницы которого были такими огрубевшими, что отделялись друг от друга, как листы фанеры. Сев на треногий стул, писарь вынул из кармана узкую тесемочку, обхватил ею волосы, чтоб не лезли в глаза, и, положив книжку на колени, стал заносить имена всех прибывших, задавая заученным тоном вопросы: «Сколько лет?

Женат? Есть ли дети?» Когда дело дошло до Торгома, он остановился.

– Такой парень и не женат? Непорядок! – шутливо покачал он головой. – Не добро быти человеку единому.

– Да, тер Давид, постараюсь исправить дело, если, конечно, богу будет угодно.

– Богу будет угодно, будет. Такую тебе найдем хорошую девушку, будь спокоен, и священник у нас есть, обвенчаем в церкви чин чином. Мы молодых холостыми не держим – чтоб порядок был. Такова воля царя.

– Спасибо, тер, – с удивлением ответил Торгом, ему показалось странным, что царь занимается подобными вещами. – У меня есть невеста, она здесь, с нами.

– Вот как! – прикинулся разочарованным писарь и, собрав растрепанную бороду в ладонь, добродушно добавил: – Ну что ж, тогда надеюсь погулять на твоей свадьбе.

– Рад буду, тер, большая честь для меня, – не очень веря в серьезность его слов, ответил Торгом.

Когда все были занесены в список, Торгом поинтересовался: «А нас устроят на работу? Дадут нам где жить, тер Давид?»

Вместо ответа писарь закрыл городскую запись, снял с головы тесемку, аккуратно положил ее в карман.

– Ну, теперь зови своих, представлю ишхану – таков порядок.

Немного погодя Торгом вместе с двумя селянами, с которыми успел подружиться в пути, Варданом и Овсепом, последовал за писарем на верхний этаж. Они вошли в комнату, где человек лет пятидесяти, заложив руки за спину, спокойно шагал из угла в угол. Первое, что они заметили, – это огромные черные проницательные глаза, с прищуром остановившиеся на них.

– Откуда будете? И сколько среди вас работоспособных? – обратился он к ним властным тоном.

Это был сам ишхан Вараз Гнуни, полноправный правитель города, или, как его здесь называли, градоправитель Авана. Густая темная борода кольцами ниспадала на грудь, вились и кончики волос на голове, доходившие до ворота капы серого цвета; удлиненные рукава были закинуты на плечи, придавая ему деловитый вид. Ноги были обуты в черные муйки, спина туго схвачена шелковым красным поясом (ишханское отличие), оба конца которого с кистями свисали с правого бока до бедра. На большом пальце правой руки виднелся огромный золотой перстень с геммой-печаткой, на которой ясно и четко была выгравирована оленья голова – фамильный герб рода Гнуни.

Отвесив глубокий поклон, вошедшие отвечали на вопросы.

– Из десяти человек всего трое работоспособных? – разочарованно произнес градоправитель.

– Да, тер ишхан, остальные – женщины и старики.

— У нас и женщины работают,— подчеркивая слова, заметил тот.— Город очень нуждается в рабочих руках. А вы, я вижу, люди молодые, стало быть, и жены ваши молодые...

Он умолк, оценивающе скользнул взглядом по плечам трех здоровых молодцов, стоящих перед ним, и, явно оставшись доволен, молвил:

— Ну ладно, идите, расположитесь на ночлег, там разберемся, кто чем может заняться. Городу нужны работники, сильные и умелые, и много, много.— Он дал указание писарю Давиду, чтоб новых проводили в ночлежный дом и выдали из складов необходимое.

Когда писарь с Варданом и Овсепом вышли, Торгом задержался в дверях, переступая с ноги на ногу.

— Тебе что-нибудь нужно сказать? — спросил ишхан, заметив, что он мнется у выхода.

— Да, тер ишхан, если разрешите.

— Говори.

Торгом стал подробно рассказывать о причинах, побудивших его друзей и его самого бежать от Камсаракана, и с опаской спросил, не будут ли за это они нести наказание.

— Здесь нет преступления, сынок,— ответил управляющий щурясь.

Хотел было Торгом без утайки все выложить, рассказать об убийстве в лесу, да передумал.

— А то, что мы бежали от господ?

— Что тут особенного? — поднял плечи ишхан Гнуни, дивясь наивности молодого человека.— Это не преступление, сынок, вы от одного хозяина ушли к другому, более могущественному, только и всего. О царском указе слыхал? Разумеешь его смысл?

— Да, конечно, только вот что,— помедлил Торгом,— я хочу знать, даст ли город убежище человеку, ну, скажем, убившему своего господина. Такого не заставят вернуться обратно?

Градоправитель часто замигал глазами, в упор посмотрел на юношу.

Не выдержав его взгляда, Торгом потупился: «Лишнее несу, ни к чему... Теперь станет допытываться, кого имею в виду»,— мелькнуло в голове. Но ишхан невозмутимо продолжал:

— Убийство — дело последнее, сынок; однако в царском указе говорится, что «правосудие не свершится над тем, кто, совершив злодеяние, попадает сюда». Царский град предоставляет убежище всем без исключения, следовательно, о возвращении речи быть не может. Но человек тот, конечно, плохо поступил.

Торгом вышел от ишхана недовольный собой: кто его тянул за язык? Зачем надо было говорить об убийстве? Ожидавшие его селяне с любопытством заглядывали ему в лицо: всем было интересно, о чем говорил он с управляющим с глазу на глаз. Однако Торгом хранил молчание.

После этого в сопровождении писаря Давида группа напра-

вилась к зданию, которое горожане называли ночлежным домом, тут им предстояло после долгих мытарств наконец-то обрести свой первый кров над головой.

Ночлежный дом представлял собой вытянутой формы строение, внутри разделенное на множество клетушек – келий; в узких коридорах толпились люди; одни стояли, прислонившись к стенам, другие с усталыми лицами сидели на узелках прямо на полу и тихо переговаривались.

– Тоже новоприбывшие,– кивнув на них, сказал писарь Давид.– Они временно разместятся здесь, пока не обзаведутся собственными домами. Видите, как много народу? Всё прибывают и прибывают, устроить всех, как хотелось бы, невозможно,– он развел руками.– Но со временем ишхан наш поможет вам...

Писарь говорил тоном человека, хорошо знакомого с положением дел; упоминая ишхана Вараза, он с таким подобострастием раскланивался, точно тот воочию стоял перед ним. Кроме своих прямых обязанностей – занесение имен прибывших в городскую запись, писарь Давид выполнял всякие поручения хозяина: размещал людей, улаживал возникающие недоразумения, выслушивал жалобы, просьбы и передавал их градоправителю – словом, действовал как его помощник.

Когда Торгом и его спутники устроились в маленьких клетушках ночлежного дома, писарь Давид, поймав Торгома за рукав, сказал:

– Это, сынок, как я уже говорил, временное жилье. Не унывай, нос не вешай, дом у тебя будет, для этого нужно только одно – старание. Кто владеет ремеслом – займется своим делом, у кого его нет – пойдет на строительство. Там большая нехватка рабочей силы. При желании, кстати, могут работать и женщины. Условия такие: кто работает на строительстве домов, получает жилье в первую очередь, сразу же по завершении стройки, и может пользоваться этим жильем, пока не обзаведется собственным. Продовольственный паек будете получать на складе. Я лично веду учет проделанной работы, будьте спокойны, каждому воздастся должное. Будет у вас и дом, и земельный участок. Ишхан заботится обо всех, старается делать так, чтобы недовольных не было...

Писарь Давид говорил долго, давал обнадеживающие обещания, а когда собрался уходить, лукаво подмигнул Торгому:

– Ну, смотри, сынок, на свадьбу не забудь пригласить.

Только писарь удалился и измученные люди, кое-как разместившись в тесном ночлежном доме, стали располагаться ко сну, в комнату Торгома и его друзей без стука ввалился седобородый мужчина с посохом в руке. Он стал шумно приветствовать прибывших:

– Добро вам, родненькие. Кто будете? Беглые селяне или дворцовые слуги?

Трудно было понять, простое ли любопытство движет чело-

веком, или он задает вопросы с неким умыслом. Кроме того, присутствующие не очень разобрали, что означает слово «беглые», потому, притихнув, насторожились.

— А тебе, собственно, что нужно, братец? — выступил вперед Вардан.

— Вы беглые селяне или царские слуги? — не унимался бородач. Друзья подозрительно переглянулись: чего надобно этому человеку? — Ну, откуда вы, не понимаете?

— Скажем, из области Аршаруник, — от имени всех ответил Торгом, стараясь увернуться от прямого ответа. Ему этот тип явно не внушал доверия — казалось, он неспроста интересуется ими.

— Ах, из Аршаруника, — разочарованно потянул бородач. — А я-то думал, может, из наших краев, может, что узнаю о своих близких. Давно от них сведений не имею. Так, получается, вы беглецы? Да не бойтесь вы меня, чего уставились? Мы так называем тех, кто бежал от своих господ, как вы от своего хозяина. Выходит, вы удрали от Камсаракана? Молодцы! Сколько вас? Десять человек? Ух ты! — искренне поразился непрошеный гость. — Небось трудно пришлось, ведь сейчас такая слежка установлена на дорогах, ишханы нынче лютуют повсюду. Не без того, Камсаракан, наверное, поднял тревогу, всех поставил на ноги. А вас не преследовали?

Торгом чуть было не сказал «преследовали», но вовремя удержался. А незнакомец продолжал говорить без умолку.

— Неужто незамеченными проскочили? Повезло? А что собираетесь здесь делать?

— То, что делают все, — вступил в разговор Овсеп, до того хранивший молчание. — Что еще можем делать?

— О, тут много всяких занятий. Работы — непочатый край. — Он широким жестом обвел вокруг. — Если ремесла в руках не имеешь, можешь пойти на каменоломни, можешь копать землю, возить на арбах строительный материал, пока чему-нибудь да выучишься. Я, к примеру, — продолжал словоохотливый незнакомец, удобно располагаясь на тахте, — кузнец, меня здесь все зовут «кузнец Давид». Тоже беглый. Уже год, как здесь. Вначале за все брался, а сейчас занимаюсь тем, что по душе. Хотя здесь стал мастером на все руки: и стены класть умею, и плотничьим делом овладел, и кровельщиком могу быть.

— А ты, братец, откуда бежал и когда? — поинтересовался Вардан, мало-помалу втягиваясь в разговор.

— Я же сказал, год назад, из владений Вахевуни. — Он погладил бороду. — Когда был объявлен первый царский указ, мы с женой решили стрекануть. Наш хозяин тер Вахе не давал нам обосноваться на одном месте, все время гнал из одного селения в другое, устали мы скитаться без постоянного угла. Когда я сказал жене: «Давай, Мариам, удерем отсюда в Аван», она ответила: «Давай, будь что будет». И мы реши-

лись на побег... Шли таясь, крадучись... долго, пока вышли к Авану.

По всему видно было, что он собирался подробно рассказать все обстоятельства своего побега, но в этот момент в комнату ввалились еще несколько рослых парней. Они поздоровались со всеми за руки, расселись на тахте под стеной и забросали новеньких вопросами. Бородач с нетерпением ждал, когда они замолчат, чтоб продолжить рассказ, но те не давали ему рта раскрыть. Завязалась оживленная беседа, каждому было что поведать другому. Среди собравшихся оказались такие, которые бежали с земель, принадлежащих монастырям. Таких называли борборитами, по названию христианской секты.

— Вы что, не армяне? — не поняв, спросил Торгом.

— Армяне, но борбориты.

Один из присутствующих объяснил, что это люди, отклонившиеся от учения Христа, не принимающие церковных догм. Они бежали с монастырских земель в город и здесь вместе со всеми трудятся на стройках.

Разговор затянулся допоздна. У спутников Торгома слипались глаза, некоторые откровенно клевали носом. Заметив это, кузнец наконец поднялся с места.

— Пошли, друзья, люди устали, им спать надобно.

Все встали и, пожелав новичкам спокойной ночи и удачи, разошлись по своим каморкам. Торгом тут же растянулся на полу около дремавшей матери. От сильной ли усталости или впечатлений последних дней сон не шел. Радость, что все живыми-невредимыми добрались до города, омрачалась тревогой: не отомстят ли ему родные Амуни, не потребуют ли, чтоб им выдали человека, нанесшего удар ишхану? Но кто может узнать его в лицо? Только те, кто были свидетелями этой сцены, а они сюда не придут, успокаивал себя Торгом. Да и то, что сказал управляющий Вараз о царском указе, обнадеживает: все бежавшие в город становятся подданными царя и власть нахараров на них более не распространяется.

Чуть успокоившись, он вспомнил разговор с писарем Давидом. У Торгома и впрямь невеста есть, он, собственно, ради нее пошел на опасный побег. Случилось так, что управляющий тем селением, в котором жили Торгом и его нареченная Мина, не поладил с ним и, чтоб досадить, всеми мерами старался расстроить его брак с любимой девушкой, ставил всячески палки в колеса, дошел до того, что запретил священнику венчать их. Что было делать? Торгом уговорил мать и отца Мины бежать от преследований наглого управляющего, податься в новый город, там и обвенчаться. Узнав о намерении Торгома, и сосед его с женой и ребенком выразил желание бежать, потом к ним присоединился человек, которого, вместе со своими телохранителями, ишхан Амуни посылал к Камсаракану. По пути отряд пополнялся новыми беглецами из соседних областей, среди них были Вардан с женой и восьмилетним сы-

ном, Овсеп с молодой женой. Чем больше нас, тем лучше, думал Торгом, сообща легче преодолевать трудности.

Однако появление в лесу ишханов было совсем неожиданным для него. Кто такое мог предвидеть? А потом эта вдруг вспыхнувшая драка... Ну, а теперь новый город... в нем, несомненно, должно быть много интересного, думал он, но мрачный ночлежный дом, теснота, сутолока оставляли тяжелое впечатление. Лежал он в темноте, и перед его мысленным взором вставала Мина; как же в этих условиях жениться?.. Пока Аршакаван маячил вдали, ему казалось, достаточно достигнуть города – и все пойдет как по маслу: и дом сразу получит, и женится – словом, заживет своей семьей. А на деле – переполненные людьми каморки, кто-то входит, кто-то выходит, разве сюда приведешь невесту?

Единственное утешение – слова, сказанные писарем Давидом, что все это трудности первых дней, потом дела пойдут на лад – и участки они получат, и дома себе отстроят. Да, думал он, засыпая, надо набраться терпения, другого выхода нет, поставить дом, а потом жениться...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

После похорон зятя ишхан Камсаракан еще на несколько дней задержался в замке Амуни, чтоб побыть немного с сестрой, утешить ее, дать нужные советы. Кроме того, ему хотелось дождаться сведений от конного отряда, посланного вдогонку за беглецами, и самому лично учинить расправу над ними.

Однако на четвертый день преследователи вернулись с ошеломляющим известием: беглецам удалось бесследно скрыться, и они, по всей видимости, теперь находятся в Аршакаване. Ярости и гневу Нар-ишхана не было предела, он раздраженно набросился на начальника конного отряда, стал злобно обвинять его в нерасторопности. Мало того, что выпустили из рук ишхана Сурака, который преспокойно их всех может теперь выдать, проморгали еще и этих подонков, убивших в его лесах ишхана Давида. Как такое снести!

– Мерзавцы! – От негодования ишхан не мог усидеть на месте. Он метался по комнате, по привычке жуя кончики усов. – Что теперь делать? Снова созывать совет? – Он метался как зверь, не находя выхода из положения. – Сообщить о случившемся владельцу Васпураканского нахарарства?

Или...

Тут он вспомнил о серьезном поручении, данном ему: надо было поговорить с католикосом Нерсесом, просить своим авторитетом воздействовать на царя Аршака, призвать его к порядку. Выяснив, что святейший находится в Гарнийском горном монастыре, он стал готовиться к отъезду.

Уже в дороге, подстегивая своего вороного коня, он думал:

«Удачно получилось, что святейший оказался в Гарни, будь он в Вагаршапате, поездку пришлось бы отложить». Камсаракан давал себе отчет, что его появление в стольном граде не могло пройти незамеченным, а то, что он не посетил бы царя, дало бы повод для всевозможных толков: венценосец мог усмотреть в этом пренебрежение к своей особе. Кроме того, были и другие причины, заставлявшие Камсаракана держаться дальше от дворца: во-первых, после отказа передать Аршаку свои крепости ему не хотелось встречаться с ним лицом к лицу; во-вторых, он не был на похоронах царицы Олимпии, не объяснив причин своего отсутствия. Наконец, последние события, связанные с убийством ишхана Амуни, до того восстановили его против царя, что и ногой не хотелось ступать в Вагаршапат.

Ишхана Камсаракана сопровождали два его сына и двенадцать телохранителей на конях, с длинными копьями в руках и луками за спинами. Казалось, ишхан собрался в военный поход, а не на прием к католикосу.

Обитатели замка, и сестра его в трауре в том числе, вышли проводить их. «В добрый путь!» — говорили они отъезжающим, желая удачного завершения ответственной миссии, тревожась в душе, как бы чего не случилось с ними в дороге...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Покинем ишхана Камсаракана на пути в Гарни и поведаем о событиях тех дней, когда царь Аршак стал проводить в жизнь свои деяния, вызвавшие такое возмущение самого Камсаракана и близких ему нахараров.

О, деяний много свершалось тогда, много!.. Достаточно упомянуть строящийся Аршакаван, о котором шел разговор на ишханском совете. Собственно, он и был главным камнем преткновения, но, кроме разговоров о городе, такие прозвучали обвинения в адрес царя: что он-де отравил свою супругу, убил родного племянника, чтоб завладеть его красавицей женой. И многое другое...

Для того чтобы разобраться во всем этом, надо вернуться на десять — пятнадцать лет назад и рассмотреть события в том порядке, как они имели место на самом деле.

Поэтому начнем с того, что важнее всего.

На втором или третьем году своего властвования царь Аршак основал город, который строился вот уже более пятнадцати лет на месте скрещения караванных путей, идущих из Византии в Иран и из Индии в Китай, в той части Коговитского края, где чаще всего переходили границу персы. Почему именно в таком беспокойном месте государь велел заложить город, для многих оставалось загадкой. Когда возникал об этом раз-

говор, Аршак старался уклониться от ответа, даже приближенным во дворце не удавалось что-нибудь выведать у него. «Крайне важно, чтоб город стоял именно там», — говорил он, не вдаваясь в подробности. Окружающие же этой необходимости не усматривали ни в чем: в стране было достаточно много важных городов, к чему еще один? Потому в глазах многих даже серьезных людей эта государева затея казалась «царской блажью» — только и всего.

Неодобрительно относилась к новому начинанию мужа и царица Олимпия, гречанка по происхождению. «Есть ли необходимость, мой василевс[1], взваливать на себя бремя дополнительных забот?» — спрашивала она по-гречески. «Есть, моя василея», — немногословно отвечал Аршак, стараясь перевести разговор на другое; он бережно относился к своей жене и, как мог, старался охранять ее покой.

Однако надо сказать, что выбор места для основания города оказался делом не только не случайным, но и тщательно продуманным. Как-то раз во время одной из очередных поездок по стране царь Аршак оказался в Коговитской области. Это был малонаселенный край, по которому проходили пути дальнего следования караванов. Царь задумался. Почему бы не заселить эти безлюдные просторы? И он предпринял несколько специальных поездок в Коговит для выяснения возможностей осуществления задуманного: есть ли поблизости лес, камень и другие строительные материалы?

Сведения из чужих рук его не удовлетворяли, хотелось самому во все вникнуть. Так, в сопровождении свиты, в которую входили азарапет[2] Давид Гнуни, аспет[3] Смбат Багратуни и ишхан Вард из рода Мамиконянов, он предпринял поездку на близлежащие каменоломни, потом осмотрел окрестные озера, убедился, что водных и рыбных запасов в них достаточно; тут его внимание привлекли тростниковые заросли, простиравшиеся за озерами на необозримые пространства. Летом в их гуще водилась птица, зимой полным-полно было дикого зверя, спускающегося вниз с обледенелых горных круч. Но кроме того, сам камышовый тростник в рост человека и даже выше являлся отменным строительным материалом: мог заменять дерево, служить топливом, если испытывалась бы в нем нужда. За лесом и топливом не всегда удобно было бы ездить в Басен, хоть и соседняя область, но не такая уж близкая, а тростник кругом — под рукой.

Аршак подробнейшим образом изучал местность, вдоль и поперек объездил ее, по нескольку дней подряд проводил

---

[1] В а с и л е в с, в а с и л е я — царь, царица (*греч.*).

[2] А з а р а п е т — управляющий хозяйственной жизнью страны, ведающий налогами, податями.

[3] А с п е т — княжеский титул, присваивавшийся только роду Багратуни.

в лесах и горах, ночуя в шатре. Предпринял поездку к горе Тондрак — некогда действующему вулкану, — нынче она не причиняла селениям вокруг беспокойства, хотя иные и уверяли, что над ее кратером и сейчас частенько можно видеть «пыль столбом». Добрался он и до удивительнейшей из гор страны — так называемой Ехджерасар, похожей на голову драчливого быка, готового забодать само небо двумя торчащими темно-синими отрогами скал-рогов. Долго стоял он в немом восхищении перед ней.

После обстоятельного осмотра и изучения местности он определил местоположение будущего города. Выбор пал на ровное плато, рассеченное надвое руслом реки, берущей начало из озера Рыбенка. Река отличалась обилием рыбы, и вода в ней бежала чистая, прозрачная.

Однако спутники Аршака, все трое — азарапет Гнуни, Смбат Багратуни и Вард Мамиконян — неодобрительно отнеслись к его выбору.

— Почему? — поразился царь и, по обыкновению прищурив глаза, испытующе посмотрел на своих приближенных.

— Во-первых, потому, — начал азарапет, — что слишком близки граница и торговые пути, идущие из Ирана.

— Вот потому и надо именно там, — ввернул Аршак.

После этого остальные сочли излишним вступать в разговор.

Через несколько дней в присутствии царя и группы его придворных состоялась церемония основания нового города. Согласно поверью, чтоб дом стоял прочно, в фундамент бросают монету. Царь метнул в вырытый котлован первого здания будущего города золотой, его примеру последовали члены свиты, побросав простые монеты — таков был стародавний обычай. На церемонию основания нового города сбежались любопытные из всех окрестных деревень: интересно же посмотреть, как будут освящать фундамент, да, кроме того, представится возможность поглядеть на царя и других знатных особ, которых никогда не приводилось простым людям видеть.

Когда государь бросил в зияющую яму сверкнувшую на лету золотую монету — селяне ахнули от удивления: целый золотой — в землю! Очень досадовали собравшиеся, что на церемонии не оказалось царицы Олимпии. Интерес к ней был особый, она — дочь императора Византийской державы, поговаривали — собой хороша, одевается чудно́, держится по-особому и лопочет на непонятном языке.

С первого же дня основания города его верховным правителем был назначен младший брат азарапета Давида — Вараз Гнуни. В его обязанности входило руководить строительными работами. В неделю раз он являлся ко двору и докладывал государю о положении дел в новом городе. Не дай бог, если он опаздывал, — Аршак всех подымал на ноги, выспрашивая, не слышно ли вестей из Авана, не приехал ли кто.

Сам царь называл строящийся город Аваном, Аршакава-

ном же его нарекли придворные и нахарары, то ли в насмешку, то ли чтоб польстить государю.

По высочайшему приказу из царских угодий, а также владений и имений, принадлежавших дворцовой знати, посылалась на стройку рабочая сила. Сюда приезжали работать кладчики, каменщики, кровельщики, всякого рода ремесленники и прочий мастеровой люд. Но дело продвигалось медленно, не хватало рабочих для выполнения всех видов работ по строительству города. Это серьезно беспокоило Аршака: если так будет продолжаться, сетовал он, дело может растянуться на долгие годы. Тогда он решил обратиться с просьбой к нахарарам своей страны, чтоб они предоставили в его распоряжение людей и вообще обеспечили бы всяческое содействие в его начинании. Специально для этой цели нахарары были вызваны на совет в стольный град Вагаршапат. Выслушав государя, нахарары согласно закивали головами и обещали сделать все возможное. Однако, разъехавшись по своим родовым имениям, предали забвению данные обещания. Ни одного человека из нахарарских владений не было послано на строительство города. Такое длилось более года. Царь Аршак выжидал, не прибегал к напоминаниям, а тем паче – к угрозам. Положение на строительстве оставалось прежним. И вот государь обратился к нахарарам страны с посланием, в котором говорилось:

«Дабы обеспечить спокойствие границ государства, дабы суметь дать отпор врагам в случае войны, предлагаю всем владельцам укрепленных крепостей отдать их в мое распоряжение».

«Не выделили в достаточном количестве людей для усиления армии, – думал возмущенно Аршак, – не дали рабочих рук для строительства города, так пусть уступят крепости, чтоб я мог обеспечить безопасность страны». Отправив послание, он с нетерпением стал ждать ответа. Прошло полтора-два месяца – ни слуху ни духу. Что теперь делать, тревожно размышлял он, как подчинить своей воле нахараров?

Пока он думал и выжидал, случилось нечто такое, что заставило царя Аршака забыть на время о строящемся городе и о крепостях тоже.

Но не будем забегать вперед, все расскажем по порядку.

Утро в Вагаршапатском дворце; по обыкновению, в одной капе, с непокрытой головой царь расхаживал по тронному залу, внимательно слушая доклад хранителя царской печати и сенекапета Варда Мамиконяна о положении дел в стране. Сенекапет – лет сорока с лишним, среднего роста, с крупным носом и черными проницательными, как у всех Мамиконянов, глазами – монотонно рассказывал о новостях, поступивших во дворец: случаев нарушения границ не наблюдалось, в стране царит спокойствие; налоги взимаются с большими трудностя-

ми, «ибо град побил урожай и была засуха». Затем последовали сообщения о малозначительных вещах: один сепух, повздорив со своим соседом, убил двух его слуг, один селянин, недовольный своим господином, выкрал у него коня и скрылся в неизвестном направлении, один нахарар...

Утомленный нудным изложением малозначительных вестей, царь остановился перед сенекапетом:

– От Камсаракана есть ответ?

– Пока нет, государь.

– Не удалось выяснить, что он думает?

– Говорят, – ишхан Вард опустил глаза, – что он и не собирается уступать тебе крепости, государь, ибо считает, что они обеспечивают ему главенствующее положение в стране и безопасность владений. Согласно достоверным слухам, Камсаракану будто бы принадлежат следующие слова: «Только безумец может вложить свой меч в руки противника».

На смуглом лице царя Аршака гневно блеснули синие белки глаз. В течение всех последних недель не было дня, чтоб, дослушав доклад сенекапета до конца, он не задал бы один и тот же вопрос: «От Камсаракана есть ответ?» И хранителю печати неизменно приходилось отвечать: «Пока нет, государь». Царь хмурился, мрачнел. Однако сегодняшнее сообщение его взорвало.

– Так... так... – после недолгого молчания начал он, – значит, ишхан Камсаракан не желает отдавать укрепленные крепости Страны Армянской, предпочитает держать их в своих руках, поскольку царь для него не кто иной, как противник. Ясно, его заботят только собственные владения, что касается страны – тут ему дела нет. Вот его истинное лицо. А знает этот заносчивый ишхан, что крепости, которые он считает своей неотъемлемой собственностью, построены вовсе и не Камсараканами?

– Знает, государь, конечно, знает, и все помнят, что еще блаженной памяти царь Тиридат принес их в дар его предкам. Но Камсараканы утверждают, что именно они, вложив огромные средства, восстановили крепости, превратив их в недоступные твердыни.

Аршак сузил глаза – белки будто исчезли с лица.

– Может быть, из всего сказанного надо сделать вывод, что он хочет получить здоровый куш из царской казны?

– Вряд ли, государь, их золото не прельщает, они просто крепко держатся за свои потомственные права.

Аршак шумно вздохнул и зашагал по залу.

– Ясно одно, Камсаракан меня и в грош не ставит, а собственное спокойствие почитает превыше благополучия всей страны.

Ишхан Вард не знал, что отвечать царю.

– Владелец крепостей Капуйт и Артагерс, мой государь, считается человеком трезвым и рассудительным, он не стал бы так думать.

— Однако мы судим о людях не по их словам, а по поступкам. Разве не так?

— Так, конечно, и все же, мне думается, ишхан Нар не столь своеволен и дерзок.

— Не столь... — усмехнулся царь, — он уже показал свое лицо: не явился на церемонию коронации, теперь, сам видишь, оставил без ответа мое послание.

— По имеющимся у меня сведениям, он в то время был нездоров.

— Нет, дело не в этом. Впрочем, многое станет ясным, когда все же придет от них ответ. Может, согласятся сдать крепости в обмен на большие земельные угодья?

Аршак на секунду умолк, потом тряхнул темноволосой головой, словно хотел отогнать неприятные мысли.

— Все готово для поездки в Аван?

— Да, государь, я сделал нужные распоряжения. — Сенекапет внимательно посмотрел на царя, переступая с ноги на ногу, точно старался припомнить, что еще должен был сказать.

Аршак, зная его привычку, насторожился:

— Хочешь еще что-нибудь добавить, ишхан?

— Разреши, государь: я хотел сказать, что царевич Тирит...

Глаза Аршака расширились, белки блеснули на потемневшем лице.

— Царевич Тирит?.. Что с ним случилось?

— Нет, ничего особенного, государь, — успокоил царя сенекапет. — Я просто хотел поставить вас в известность, что он прибыл этой ночью в Вагаршапат.

Глаза царя забегали.

— Кто разрешил ему приехать в стольный град?

— Должен сознаться, государь, он приехал без разрешения.

— Как так?

— Он прибыл с очень важным донесением.

Аршак сделал нетерпеливый знак.

— Более чем важным, государь, — перешел на многозначительный шепот Вард-ишхан.

Аршаку не понравились ни загадочный тон, которым говорил сенекапет, ни заискивающие манеры.

— Говори без обиняков, — строго приказал он.

— Слушаюсь, государь, — Вард-ишхан приложил руку к сердцу, — ты требуешь — я повинуюсь и буду краток: заговор зреет против тебя, мой господин.

Воцарилось гнетущее молчание. Несколько минут царь и ишхан не мигая смотрели друг на друга.

— Заговор, говоришь? — процедил сквозь зубы Аршак. — И кто же его замышляет?

— Твоя кровная родня, государь.

Опять воцарилось молчание. Сузив глаза, Аршак впился в сенекапета, словно хотел на его лице прочесть больше, чем он говорил.

— Кто именно?

— Царевич Гнел,— ишхан Вард невольно осмотрелся,— вместе со своим дедом, лишенным трона царем.

Глаза Аршака полыхнули огнем, он так сжал губы, что волосы на подбородке стали дыбом.

— Еще месяц тому назад эти подозрения уже раз были высказаны мне устами царевича Тирита; тебе было поручено проверить их достоверность. Что-нибудь сделано?

— Да, государь,— еще тише продолжил сенекапет.— Я тогда не мог найти прямых доказательств и попросил царевича Тирита держать ухо востро, все примечать и при появлении малейших улик, подтверждающих подозрения, немедленно дать мне знать.

— И что же?

— Он и прибыл сейчас с важным сообщением.

— Гнел против меня? Этот еще не оперившийся юнец? Невероятно! Я разрешил ему, нарушая принятые правила, жить в Каваше вместе с дедом-слепцом. И двух месяцев нет, как он женился. Что же получается? В медовый месяц он занимается интригами, плетет заговор против меня? И это вместо благодарности?

— Человек, мой государь, существо неблагодарное, все равно — простолюдин он или знатный вельможа. Я пришел к этому выводу, исходя из своего опыта. К тому же, государь, ты не пожелал присутствовать на его свадебных торжествах, а он как-никак приходится тебе родным племянником. И потом, чужая душа — потемки. Может, затаил обиду на тебя, может, захотелось власти, славы...

Царь пропустил мимо ушей пространные рассуждения своего сенекапета. Он несколько минут сосредоточенно изучал мозаику на полу тронного зала, потом резко поднял голову:

— А у царевича Тирита есть доказательства, могущие убедить меня? Но постой,— Аршак вдруг сорвался с места,— где же он сам?

— Царевич остановился у меня,— с виноватым видом сообщил сенекапет.

— Не понимаю. Если у него такие серьезные подозрения, почему он сразу не явился ко мне?

— Он этого и жаждет, только обратился к моему посредничеству, чтобы встретиться в тобой с глазу на глаз. Если ты прикажешь, он вмиг будет здесь.

— Зови, хочу сам послушать и разобраться, что творится там в Каваше.

Осторожно переступая, из тронной вышел Вард-ишхан. А царь Аршак, задумавшись, стал ходить по тронному залу. Он — высокого роста, широкоплеч, ноги длинные, худые как жерди, отчего кажется — нет соответствия между нижней частью тела и торсом. Поступь твердая, пружинистая, лицо смуглое, вытянутое, с небольшой черной бородкой. Самое примечательное на лице — крупные глаза в дугах густых бровей. Они

сверкали каким-то неестественным блеском в минуты гнева или душевного беспокойства, глубокая морщина перерезала переносицу.

Подойдя к ступенькам трона, он положил руку на подлокотник кресла. «Неужели Гнел претендует на царскую корону? Как старший сын после смерти отца, что ли? – подумал он. – Но я на престоле... и теперь... Да, кажется, я и вправду пригрел змею на своей груди. Впрочем, надо все проверить». У него было такое чувство, что со всех сторон его окружают одни враги и предатели. Даже собственный отец ополчился против него, и очень возможно, что сам подстрекает Гнела на такое дело. Видно, старик не примирился с положением низложенного царя.

«Отец!» – с горечью вырвалось у Аршака, и он вспомнил своего родителя, царя Тирана, поселившегося с его разрешения в крепости Каваш. Слепому старцу очень хотелось остаться в Вагаршапате и быть в курсе каждого начинания, предпринимаемого сыном. «Нет, справедлив неписаный закон, которого, как видно, надо строго придерживаться, – размышлял Аршак, – низложенных владык, царевичей, кроме престолонаследника, держать подальше от двора. Как отец этого не понимает? – искренне удивлялся Аршак. – Недовольство всем, видимо, крепко засело в нем, и он не нашел ничего лучшего, как толкнуть Гнела на заговор против меня. Может, он рассчитывает стать фактическим правителем, посадив внука на престол? – мелькнула в голове догадка. – Сейчас лучше всего послушать самого Тирита, – сказал он сам себе, – и выяснить, что творится в Каваше, какие силы действуют там».

В этот момент вошел пожилой сенекапет с копной седых волос на голове и, приложив руку к груди, склонился в поклоне.

– Царевич Тирит и ишхан Вард.

– Пусть входят, – сказал Аршак, насупившись.

Когда тяжелый занавес раздвинулся, в проеме двери показался юноша в дорожной накидке; лицо его было загорелое, темные волосы, едва доходившие до плеч, волною ложились вокруг шеи. За ним следовал Вард-ишхан. Войдя в зал, царевич блуждающим взглядом посмотрел по сторонам, потом поднял руку и приветствовал царя.

Аршак, прищурившись, внимательно изучал племянника.

– Подойди ближе, Тирит. Надеюсь, ты с добрыми вестями?

– Да, конечно, мой государь и дядя, – ответил тот, все так же шаря глазами по сторонам.

– Как себя чувствует отец?

– Жалуется на старость и свое положение, государь, – тут он смиренно опустил глаза.

– А как проводит свой медовый месяц молодожен Гнел?

– Строит воздушные замки, мечтает, грезит, – не задумываясь выпалил Тирит, словно заранее приготовился к такому ответу.

— Мечтает... грезит...— медленно повторил государь, еще более суживая глаза, точно желая пронзить взглядом стоящего перед ним собеседника.— О чем же он мечтает и грезит?

— Наверное, о славе и величии,— тут же ввернул Тирит.

Аршак насторожился, однако, чтоб скрыть охватившее его внутреннее волнение, неторопливыми шагами подошел к трону и, удобно усевшись, закинул ногу за ногу.

— Прежде всего садись, Тирит, и чувствуй себя как дома.— Он рукой показал на стул.— И давай будем откровенны.— Аршак старался не выдавать своего беспокойства.

Юноша, подобрав полы накидки, опустился на рядом стоявший треногий стул, инкрустированный серебром.

— Расскажи, как живет Гнел, чем заполнены его дни после женитьбы.

— Он проводит время в пирах и военных играх, государь.

— И кого он приглашает на свои пиры и игры?

— В основном сыновей тех нахараров, которые принимали участие в свадебных торжествах, и еще тех, кто,— он немного замялся,— недоволен тобой, государь.

— Вот как? А кто именно?

— Сепухи из знатных фамилий Камсараканов, Вахевуни, Амуни.

— Еще?

— Иногда бывают и ишханы из родов Арцруни, Абехенц и Габехена.

— И все время проводят в военных играх?

— Нет, почему же, выезжают и на охоту.— Тирит умолк и вновь украдкой бросил взор в сторону.

— Так,— сказал Аршак и тоже умолк. Взгляд его сощуренных глаз скользил по племяннику, его накидке, капе с обшитым золотом подолом, желтым муйкам. Вдруг он широко раскрыл глаза — белки так и блеснули.— Скажи мне, дорогой, сепухи сами приезжают в Каваш или их специально приглашает Гнел?

— Иногда сами, иногда по приглашению, государь, собираются, ведут беседы.

— О чем же они ведут беседы? — Аршак опять сощурился.

— Этого я не могу сказать, государь, обычно они разговаривают с глазу на глаз, без свидетелей.

— С глазу на глаз, без свидетелей?

Аршак посмотрел в упор на Тирита, тот не выдержал его взгляда, опустил голову.

— А ты никогда не принимал участия в их беседах?

— Нет, государь, они их ведут тайком, на дворцовой половине Гнела, где, кстати, всегда останавливаются и пользуются гостеприимством хозяина. Но я принимал участие в играх. И не раз бывал свидетелем таких сцен, когда Гнела окружали сепухи и за метко пущенную стрелу или далеко заброшенный диск поднимали на руки и кричали: «Да здравствует наш Гнел! Молодой наш царевич!»

Брови сошлись на лбу Аршака, морщина глубже залегла на переносице.

– Так... так...

Тирит робко взглянул на государя, точно опасался вспышки гнева. Но тот вдруг совершенно неожиданно спокойно перевел разговор на другую тему:

– А как зовут жену Гнела?

– Парандзем.

– Ах да, слышал, запамятовал просто, – рассеянно сказал Аршак. – Гнел любит свою жену?

Тирит удивленно смотрел на дядю: почему он интересуется женой Гнела?

– Надо полагать, государь!

– Так, так, – царь Аршак часто повторял это слово в минуты задумчивости. – Значит, любит, говоришь, тогда зачем ему в первые же месяцы брака предаваться играм, забавам, тайным беседам? А? Я не прав?

– Может, и правы, только...

– А как на все это смотрит твой дед Тиран? – прервал его Аршак.

– Дед Тиран доволен, что Гнела окружают знатные сепухи, – оживился Тирит, радуясь, что речь опять зашла о Гнеле. – Он часто приглашает Гнела с его гостями в свои покои и ведет там нескончаемые беседы.

Аршак слыхал о нежных чувствах старца к внуку от старшего сына. В день его свадьбы он отдал Гнелу в дар свою часть владений и богатств. Сказывают, Гнел очень щедр, все привезенное из Византии золото раздарил нахарарам и их сыновьям, приехавшим к нему на свадьбу. Вот почему все любят его и своих отпрысков посылают к нему для обучения военному делу. Щедрость ли это или хитрый прием расположить к себе, завоевать симпатии, думал теперь Аршак. Но он впервые слышал, что с ними заодно и отец, лишенный трона старец. Резко встав с кресла, он вплотную подошел к Тириту.

– Из всего этого, стало быть, ты заключаешь, что замышляется что-то недоброе против меня?

– Без сомнения, государь. – Он на минуту задумался и, словно вспомнив что-то, добавил: – Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что у Гнела много друзей в Византии, с которыми он находится в тесных связях и постоянной переписке.

Аршак снова зашагал по залу, теребя короткую бородку. Что отец недоволен им, для него не новость; что он престолонаследником считал не его, а старшего своего сына, тоже известный факт. Но когда отец Гнела умер в Византии, даже не возникло вопроса, кто должен взойти на трон. В чьей же голове нынче могла зародиться эта сумасбродная идея – посадить Гнела на престол? Кто в этом может быть заинтересован?

– Ты говоришь, замышляют недоброе. А можешь сказать, что сам Гнел думает обо всем этом?

— Сам Гнел?..— растерянно повторил Тирит: вопрос был, видимо, неожиданным.— Не исключена возможность, что после смерти отца он считал себя наследником престола и теперь, приехав в Армению, хочет добиться власти с помощью нахараров и византийских друзей,— затем разом выложил он.

У Вард-ишхана, все время молча стоящего за ним, отвисла челюсть от удивления. Аршак строго посмотрел на племянника:

— Есть доказательства?

— Да, государь. Если он чист перед тобой, почему ни разу не приехал навестить?

— Нет повода, нечего сказать, может же быть?

— Не может. Это оттого, что он спесив и высокомерен, кичится своим образованием, притом не забывает, что на троне вместо тебя мог бы сидеть его отец. Еще, быть может, потому, что византийский император даровал ему титул консула...

Тут Тирит умолк, почувствовав на себе сверлящий взгляд царя.

— Не злословишь ли ты? — неожиданно спросил он.

Тирита залила краска.

— Клянусь, государь, своей честью и твоей мантией.

По лицу Аршака пробежала тень; он опустил голову: это означало — прием окончен. Тирит поднялся и, протянув руку, произнес:

— Пусть пребывает в добром здравии государь! — и, не поворачиваясь, отступая спиной к дверям, скрылся за занавесью.

Вслед за ним, отвесив глубокий поклон, вышел и ошеломленный Вард-ишхан.

Когда за ними закрылась дверь, в Аршаке проснулись дремавшие в душе подозрения. Услышанное оказалось настолько же неожиданным, насколько и тревожным. «Царевича Гнела связывают с Византией прочные нити дружбы... Не прибыл ли он действительно оттуда со специальной целью захвата власти? Не потому ли так щедро раздаривал направо-налево привезенное с собой золото? В стране немало недовольных нахараров,— тревожно рассуждал царь,— теперь подымут голову и те, кто хранил молчание. Вот где таится загадка того, что оба моих послания остались без ответа». Чем больше думал Аршак, тем больше приходил к выводу, что заговор — вполне возможная вещь. «И неспроста, конечно, Гнел избегает меня, в словах Тирита есть доля правды, хотя он, может быть, несколько сгущает краски».

Племяннику своему он не очень доверял: Тирит мог возвести напраслину на Гнела, чтоб задобрить его, мог судить поверхностно о вещах, не вникая в их истинную суть. «С другой стороны,— думал Аршак,— Тирит не ребенок, не может же не понимать, что все сказанное будет тщательно проверено и, ес-

ли факты не подтвердятся, он понесет наказание за клевету и донос по всей строгости закона. Нет, тут все же что-то есть... Заговор! – со стоном вырвалось из груди Аршака, – и нити его тянутся к моему отцу, слепому старцу. Теперь понятно, почему он обратился ко мне с просьбой разрешить Гнелу по возвращении из Византии остановиться у него в Каваше и жить с ним вместе. А я, ничего не подозревая, пошел ему навстречу, вопреки принятому решению – держать царевичей и сошедших с трона царей подальше от дворца, и разрешил деду с внуком быть вместе, тут, в ближайшем соседстве с собой...»

Нежный голосок за дверью оборвал мрачные рассуждения царя.

– Можно, мой василевс? – послышалось по-гречески.

Аршак поправил ворот капы, затянул красный пояс на талии и по-гречески же ответил:

– Пожалуйста, василея.

Плавной походкой в тронную вошла царица Олимпия. Стройная, статная, с гладко зачесанными волосами, собранными в узел на затылке и приколотыми золотым гребнем, она держалась очень прямо, голубые глаза на лице с нежно очерченным овалом и ровным греческим носом излучали холодный блеск.

– Как твое настроение, мой василевс? – спросила она вкрадчивым мелодичным голоском, не могущим не располагать к себе.

Аршак медлил с ответом.

– Дурные вести, Арзас? – спросила она, почувствовав что-то неладное. Она говорила по-гречески с византийским произношением, вместо звука «ш» произносила «з». Верхняя губа ее вздернулась, обнажив десны.

– Да, василея, один из моих военачальников чуть не сломал себе ногу.

– Где?

– На персидской границе.

Царица вздохнула:

– Опять эти персы, не уймутся никак. Неужели войной пошли?

– Нет, василея. Это чистая случайность, он упал с коня и повредил голень.

– А-а, – с облегчением произнесла Олимпия и, подойдя к Аршаку, прильнула к его плечу. – Не расстраивайся, дорогой, это дело поправимое. Я испугалась, не война ли.

– Нет, василея, пока войны нет, однако... – задумчиво произнес он и умолк.

Царица внимательно посмотрела на мужа:

– Однако?

Аршак молчал.

– Нахары спокойны? – Она в свою речь порой вставляла армянские слова, которые коверкала и сокращала: ей казались

армянские слова слишком длинными, вместо «нахарар» и «нахарары» произносила – «нахар» и «нахары».

– На-ха-ра-ры, – растягивая слоги, произнес Аршак, – может, и не спокойны, но пока молчат, василея. А тебе что-нибудь известно?

– Нет, василевс. Дай бог спокойствия Стране Армянской, мира и благоденствия. Тогда только ты и можешь быть спокойным, а значит, и я, ибо твой покой – это и мой покой. Когда вижу твое мрачное чело, вся тревогой наполняюсь. Кроме тебя, у меня здесь нет ни единой родной души...

– Олимпия, – Аршак подошел к ней, усилием воли отогнав тяжелые думы, – неужели наши дворцовые дамы невнимательны к тебе?

– О нет, василевс, они очень внимательны и стараются развлечь, но... Ведь они не понимают меня. Только перед тобой открыта моя душа. Не оставляй свою василею в одиночестве, молю тебя.

Подобие улыбки появилось на лице Аршака, глаза его смягчились, и он обнял ее за талию.

– Будь спокойна, Олимпия, ты должна быть всегда спокойна и не обращать внимания на мое настроение, глава государства всегда может быть чем-нибудь озабочен или расстроен.

Царица внимательно всматривалась в лицо супруга.

– А тот гонец, Арзас, что прискакал ранним утром? Я видела из окна своей опочивальни, как мчится он по полю, и недоброе предчувствие кольнуло сердце.

– Это был не гонец, Олимпия, а царевич Тирит. Мой племянник, ты его знаешь. Он приехал навестить меня и просить разрешения побыть несколько дней со слепым дедом.

– Ты, конечно, ему разрешил.

– Да, дорогая.

– Тирит, – медленно произнесла царица, вскинув брови. – Знаю, знаю. А ты уверен в его порядочности, что допускаешь ему быть так близко от столицы? Ведь по армянским законам...

– Не только по армянским, и в Византии члены царской фамилии, кроме наследного царевича, не имеют права жить близко от стольного града. Но я сделал исключение для Тирита и Гнела...

– Это тот, что недавно женился?

– Им обоим разрешено жить в замке Каваш – поехать к деду погостить.

– Ты успокоил меня, василевс, – Олимпия улыбнулась, стараясь, чтоб не вздернулась губа. – А когда ты отправляешься в Аван? Сегодня или завтра?

– Это выяснится сегодня, василея.

– Ты мне дашь знать?

– Непременно.

– Я, собственно, пришла узнать об этом, – кокетливо склонила голову царица. – Теперь могу идти.

Аршак, отступив, поклонился ей, приложив руку к груди, согласно византийскому дворцовому этикету.

Царица вышла той же плавной, величавой походкой.

Аршак подождал, пока затихли удаляющиеся шаги, потом тихо хлопнул в ладоши. Вошел его сенекапет; лицо его как всегда выражало благодушие.

— Позови Варда Мамиконяна.

Когда сенекапет вышел, он воскликнул в сердцах:

— Опять сорвалась поездка!

Аршак давно намеревался съездить в Аван на несколько дней, а по пути в столицу завернуть и в Шахапиван, где в скором времени должны были состояться торжества в честь Навасардских[1] празднеств, на которых он обычно присутствовал. Кроме того, хотел осмотреть царский гарнизон, постоянно пребывающий там. «Все сорвалось!» — зло процедил он сквозь зубы.

Вошел Вард-ишхан, как всегда подтянутый, уверенный в себе. Однако на этот раз в глазах его Аршак прочел некое смятение.

— Жду указаний, господин.

— Ишхан, завтра же отправишься в Каваш и сам проверишь достоверность сведений, привезенных царевичем Тиритом. Кстати навестишь и отца моего, повезешь, как обычно, подарков, его любимых лакомств, и постараешься вызвать его на разговор.

— Слушаюсь, государь. — Вард слегка наклонил голову. — А поездка в Аван?

— После, ишхан, после.

— Все готово...

— Скажи, что поездка откладывается на неопределенное время, — с сожалением в голосе сказал Аршак, удрученно покачав головой. Проверить сведения Тирита он, по-видимому, считал делом первостепенной важности.

Вард Мамиконян понял своего господина.

— Добро, государь, — сказал он и, отступая назад к дверям, добавил: — Завтра же отправлюсь в Каваш.

— А вечером следующего дня — возвратишься. Выясни, по специальному ли приглашению Гнела ездят к нему сепухи, или их посещения носят обычный характер. — Аршак на секунду умолк. — Еще: я хотел бы, ишхан, чтоб наш разговор и цель твоей поездки в Каваш оставались бы в строжайшей тайне.

— Понял, государь.

«Нельзя допустить, чтоб из искры разгорелся пожар, — сказал про себя Аршак. — Поездку в Аван можно отложить, огонь надо тушить сейчас же, без промедления».

Однако царю не суждено было в скором времени попасть в строящийся город, выяснялись новые и новые обстоятель-

---

[1] Навасард — первый месяц года по древнеармянскому календарю.

ства, заставлявшие его каждый раз откладывать желанную поездку на более поздние сроки...

Пока во дворце происходил этот разговор между царем Аршаком и Вард-ишханом, Тирит в сопровождении телохранителей не спеша двигался по дороге, ведущей в Каваш, которая сначала петляла по садам, кольцом окружающим столицу, потом тянулась ровно к каменистому Арагацотну.

Он ехал в одиночестве, довольный собой и разговором с государем, оставив далеко позади телохранителей. Вспоминал, какое впечатление производили его слова на царя, и внутренне ликовал. Да, он знал хорошо, что дядюшка подозрителен до крайности, даже собственного отца, слепого немощного старца, и того заподозрит в чем угодно. Теперь можно не сомневаться, что его раздирают сомнения и разговор этот не останется без последствий. Царевич Гнел посмел окружить себя сепухами из знатных нахарарских домов. Разве дядюшка простит такое? Ни за что! И кто знает, может статься, красивая Парандзем останется вдовушкой...

Ехал Тирит по дороге, и довольная ухмылка не сходила с лица. «Я, кажется, удачно намекнул, что сепухи под предлогом охоты и игр собираются у Гнела, ведут тайные разговоры. И что ж, я не так далек от истины, – подбодрил себя Тирит. – Может даже прямо в точку попал. Я не удивлюсь, если царь лично захочет заняться расследованием этого дела. Не исключена возможность, что в Каваш будет направлен Вард-ишхан собственной персоной. На нем ведь лежит обязанность посещать слепого старца...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

На рассвете следующего дня той же дорогой, что и Тирит, в Каваш отправился по поручению царя Аршака Вард Мамиконян. Он ехал на вороном коне, ровно держась в седле, окруженный четырьмя вооруженными телохранителями, за которыми следовали четыре навьюченных мула, везущих дары государю-слепцу. Хотя лишенному трона Тирану была отдана во владение целая область со своими доходами и урожаями, царь Аршак аккуратно каждый месяц из дворцовых запасов уделял ему долю продовольствия, которое, как правило, отвозил старцу Вард-ишхан. Чтоб не вызывать подозрений, он сегодня тоже собрался в Каваш под этим предлогом. И теперь, мерно покачиваясь в седле, весь уйдя в себя, всесторонне обдумывал обстоятельства порученного ему дела.

Если сказанное Тиритом имеет под собой почву и Гнел действительно, опираясь на недовольных нахараров и своих византийских друзей, захватит власть в свои руки, то, в результате переворота, никто из нынешних придворных во дворце не оста-

нется, в этом можно не сомневаться, рассуждал Вард-ишхан; Гнел разгонит всех, не пощадит и меня.

Возможно ли такое? Ишхан лично знал царевича Гнела, он производил впечатление скромного малого. «Впрочем, в тихом омуте черти водятся, надо самому разобраться во всем,– решил он, невольно погоняя коня.– С другой стороны, стал бы Тирит без серьезных оснований порочить своего двоюродного брата? Более того, не имея в руках твердых фактов и бесспорных доказательств, стал бы делать такие заявления, да еще кому, самому царю? – спрашивал он сам себя и отвечал: – Не стал бы,– значит, нет дыма без огня».

Он недоуменно поднял плечи. Если византийские власти разрешили Гнелу, находящемуся у них в качестве заложника, возвратиться на родину, да еще дали ему консульский титул, надо полагать, у них на то были свои основания. Может, они действовали в собственных интересах, ведь одно присутствие в стране провизантийски настроенного царевича, возможного претендента на престол, гарантирует им в нужный момент безотказную помощь со стороны Армении. А могло случиться и так, продолжал рассуждать Вард-ишхан, недовольные нахарары взяли да и сами обратились к византийскому императору с просьбой помочь им сбросить с престола царя Аршака и посадить на его место Гнела. Могло быть такое? Вполне. Мотивировали бы они это тем, что армянский царь-де не в достаточной мере верен союзническому долгу перед Византией. И тогда эта хитрая лиса император Валент любезно пошел бы им навстречу и помог осуществить то, чего они добиваются. Не убедительно же, в конце концов, что Гнела пустили на родину из особого расположения к царю Аршаку. Но тогда как же царица Олимпия? Фу-ты, ее он в расчет не брал, это-то и сбило его с панталыку. «Трудно понять козни византийских хитрецов»,– тряхнул головой Вард и поглядел вдаль, не видны ли башни Кавашской крепости.

Пока их было не видать. С двух сторон тянулись бесконечные гряды гор, дорога извиваясь подымалась кверху. В воздухе, пронзенном светом утра, парили птицы, солнце бросало абрикосовый отсвет на листву, травы и сбегающие с Арагаца ручейки, которые так поблескивали, что казалось, в них бежит не простая вода, а жидкое золото.

Вард-ишхану были хорошо знакомы эти места. Достигнув одного из холмов – в этом месте дорога круто петляла,– он натянул поводья и оглянулся на скачущих сзади телохранителей. В безлюдной теснине, раскрывающейся за холмом, путника на каждом шагу могла подстерегать опасность. Вард-ишхан придерживался мнения, что человеку в его положении надо быть осторожным и зря не рисковать собой. Он многое перевидал на своем веку и хорошо знал: лучшего места для расправы с противником не сыскать, а людей, как известно, без врагов не бывает.

Однако, благополучно миновав холм, всадники достигли се-

ления Журчан, получившего свое название от бесчисленных ручьев, говорливо бегущих по косогорам. Отсюда до Каваша уже было рукой подать. Чуть погодя показались башни крепости, распластавшейся на пологом склоне, затем стали видны каменные зубчатые стены, а над ними верхушки рядами стоящих деревьев. Осень уже вступила в свои права, и листва была здесь желтей, чем в долине и вагаршапатских садах. Хотя солнце стояло в зените, воздух не прогревался, было довольно свежо. По обе стороны дороги встречались селяне, они рылись в земле и выкапывали какие-то корни, подбирали сухой хворост; девушки, забравшись в заросли шиповника, срывали ягоды, рядом с ними паслись стада коров и овец, уткнувшись мордами в густую траву, не отрываясь от нее.

Каваш выглядел безлюдным. Однако, когда путники подошли поближе к крепостным воротам, они увидели двух стражников: один сидел с ребенком на руках, прислонив копье к стене, другой стоял, приложив руку козырьком ко лбу, и внимательно всматривался в приближающихся. Когда они подъехали на достаточно близкое расстояние, стоявший на ногах стражник заглянул в щель ворот и что-то туда передал. Тем временем его напарник, спустив ребенка на землю, стал навытяжку с копьем в руках.

Навстречу прибывшим из ворот вышли три человека. Один из них – мужчина среднего роста – шел впереди с непокрытой головой в ладно сидевшей на его фигуре капе; двое других чуть отставали и были одеты поскромней. Все трое склонились в поклоне, а шагавший впереди почтительно подошел к спешившемуся Вард-ишхану и принял из его рук поводья.

– Добро пожаловать, Вард-ишхан, – сказал он приветливо.

– Добро вам, – отозвался Вард, еще издали узнав гостеприимного коменданта крепости. – Как чувствует себя царь Тиран и когда он сможет меня принять?

– Слава богу, неплохо, сейчас изволит почивать.

Пока они обменивались короткими фразами, распахнулись железные врата и впустили вовнутрь конных телохранителей и нагруженных мулов. Приветливый комендант, раскланиваясь, повел царского сенекапета в приемный зал крепости, где обычно отдыхали с дороги высокопоставленные гости и дожидались приема посетители. Зал был убран скромно: ковры, диваны, у стен простые треножники и треногие стулья, несколько четырехсвечных светильников, в которых часто вместо свечей горело льняное масло.

В зал вместе с Вард-ишханом вошел его личный телохранитель, обычно обслуживающий его в поездках. Привычными ловкими движениями он помог своему господину скинуть дорожную накидку, высокие муйки, принял из его рук головной убор и подал мягкую обувь. Когда он вышел, Вард растянулся на одном из диванов и стал думать, с чего приступать к делу. То ли начать с расспросов о житье-бытье в крепости, здоровье государя-слепца, то ли пока не спеша, внимательно присматри-

ваться к окружающему. Может, нелишне было бы нанести визит Гнелу под предлогом поздравления с женитьбой – своими глазами посмотреть, как выглядит занимаемая им половина замка, прощупать его разговором. Тут со двора послышались громкий взрыв смеха и веселые голоса. Кто это может быть? Смена ли дозорных вошла во двор, или пьяные стражники подняли шум? Такого здесь никогда не бывало, да еще под окнами старца Тирана, который, как сказали, «изволит почивать». Вард поднялся с дивана и подошел к окну. Его взору открылась удивительная картина.

В отдаленном углу просторного двора группа молодых людей занята была метанием диска. Юноши, легко одетые, с обнаженными по самые голени ногами, высоко засученными рукавами и непокрытыми головами, брали в руки диск, старательно размахивались и ловко пускали вверх. Совершив плавный полукруг в воздухе, диск падал на землю. Кто отметался, бежал в поле за снарядом – так и мелькали загорелые ноги и руки, – приносил его и отдавал следующему по очереди. Над тем, чей диск не долетал до отметки, громко посмеивались:

– Ну и слабак! Ну и метнул ты!

Сейчас диск находился в руках очередного участника игры. Его лицо показалось Вард-ишхану знакомым. Юноша отошел в сторону, повернулся спиной к полю и, как бывалый игрок, после предварительного размахивания, перешел на вращение и метнул диск.

Металлический круг парил в воздухе несколько мгновений, сверкая на солнце, потом с грохотом ударился о торчавший уступ скалы и с дребезжанием покатился по земле.

Послышалось единодушное одобрение:

– Здорово, Гнел! Молодчина!

Тут только понял Вард, кто был перед ним: одежда царевича делала его неузнаваемым. «Так это и есть занятия, о которых рассказывал Тирит? Понятно...» – пробормотал он себе под нос и напряг зрение, чтоб узнать остальных участников состязания. Но юноши были одинаково одеты, и различить их было невозможно. Игра была в разгаре. Увлеченные юноши старались не уступать друг другу в ловкости и силе.

Снова кто-то оплошал.

– Ну и дал же ты маху, дорогой, – посмеивались над ним.

У одних снаряд не долетал до отметины, у других его вовсе относило в сторону, у третьих попадал враз. Опять диск оказался в руках Гнела, и он дважды подряд с поразительной точностью попадал в цель.

– Браво, Гнел! Вот это меткость! – послышалась восторженная похвала.

После второй удачи его подняли на руки, стали качать:

– Слава нашему Гнелу!

«Ну и дела! – вытаращил глаза Вард-ишхан, прильнув к окну. – Здесь творится такое, что трудно даже вообразить себе».

Вслед за метанием диска начались военные игры; к юношам подошли дворцовые слуги и раздали копья с наконечниками. Разбившись на две партии, по шесть человек в каждой, они отошли в разные стороны. По команде все стали в боевую готовность и пошли друг на друга, держа копья перед собой. Хотя все это происходило на довольно большом расстоянии от окна, где стоял ишхан Вард, он слышал их воинственные крики, видел, как скрещивались копья, жадно ловя отдельные слова: «Ударь еще! Смелей!..», «Давай, давай, точнее!»

Так длилось долго: кончался один круг игры, начинался другой. Яростно скрещивались в воздухе копья, каждый из игроков старался самым серьезнейшим образом сразить противника, целясь в грудь, в живот. Вард-ишхану трудно было следить за кем-нибудь в отдельности: все смешалось, как в настоящем бою. Только когда раздался победный возглас: «Браво Гнелу! Слава нашему Гнелу!» – Вард-ишхан понял, за какой из сторон осталась победа. Зардевшийся от успеха и аплодисментов, Гнел поднял руку, приложил к груди в знак благодарности и, лицом оборотясь к той стороне здания, откуда наблюдал за игрой Вард, послал кому-то наверх приветствие.

Вард-ишхан заинтересовался: кого бы мог там приветствовать царевич? Вслед за ним он тоже взглянул наверх и только сейчас заметил в нескольких шагах от себя каменную террасу, где стояла группа богато разодетых женщин, которые, возбужденно переговариваясь, смотрели на играющих. Его внимание сразу же приковала молодая особа, стоявшая в центре, с белой, ниспадающей к плечам кисеей на голове. Лицо ее излучало свет, огромные синие очи в дугах черных бровей полыхали огнем. Вард впился в нее глазами, забыв обо всем на свете. Волны золотисто-русых волос обрамляли ее высокий лоб, спускались по лебединой шее вниз на плечи. Овал лица был тонко очерчен, на щеках играл румянец. Она затмевала всех окружавших ее женщин своей красотой. Чтоб удобней наблюдать и остаться незамеченным, Вард прижался к краю рамы, не в состоянии отвести от нее глаза.

Только жгучее любопытство, желание скорей выяснить, кто она такая, заставили его оторваться от окна. Он хлопнул в ладоши и, когда вошел сенекапет старого царя с угодливой улыбкой на лице, нетерпеливо спросил, показывая на террасу:

– Кто эти особы?

– Жены сепухов, пожаловавших к царевичу Гнелу в гости, ишхан, – поклонился старик.

– А та, что в центре?

– Жена царевича Гнела, ишхануи Парандзем.

– Парандзем? – повторил за ним Вард, не отрывая взгляда от террасы. – Ты свободен, – бросил он, повернувшись вполуоборот, и снова припал к окну.

Вот она какая, жена царевича Гнела, дочь хозяина Сюникского края ишхана Андока! Он, конечно, слышал о ее красоте,

но ничего подобного даже представить не мог. Ай да Гнел, думал пораженный Вард, какую красавицу взял в жены. И сам хорош собой, ничего не скажешь, и удачлив, и пользуется всеобщей любовью...

Когда стали расходиться сепухи, тронулись с террасы и дамы. Теперь Вард видел ишхануи Парандзем во весь рост, она была одета в платье фиолетового цвета без фалд и складок; плотно облегая ее стройную фигуру, оно подчеркивало тонкий стан и изящную линию бедер. Ишхануи шла величественной, плавной походкой.

Дверь в приемную залу отворилась, появился длинноусый слуга.

— Царь Тиран изволил проснуться и ожидает вас, — сообщил он, учтиво кланяясь.

Усилием воли Вард-ишхан заставил себя вернуться к действительности. «Встречу со старым слепцом ни в коем случае нельзя откладывать», — сказал он строго себе и, подтянувшись, деловой походкой поспешил к выходу.

Едва открылась дверь — он быстрым взглядом окинул зал и увидел царя Тирана восседающим на мягком диване, обитом виссоном; он был в длинном подряснике, в каком обычно ходят дома богатые епископы. Крупную голову держал неестественно прямо, отчего вся фигура казалась очень напряженной. Седые волосы падали на плечи, смешивались с белой густой бородой, покрывавшей полгруди, что еще сильнее подчеркивало темноту его пустых глазниц. За последние пять лет, после того как он попал в плен к Шапуру и жестокий перс приказал выколоть ему глаза за установление дружественных отношений с Византией, поседел как лунь, но тело не утратило бодрости.

— Наш низкий поклон отцу-государю, — сказал Вард-ишхан и сделал несколько шагов вперед, приложив руку к груди, как положено в таких случаях, хотя прекрасно понимал, что старец не мог его видеть.

— Ишхан Вард Мамиконян? — послышался старческий, но не лишенный властности голос. — Очень рад тебя видеть и сразу же должен сказать — очень недоволен тобой: редко навещаешь мою обитель.

Он говорил, отчеканивая каждое слово, не меняя неестественной позы головы; услышав приближающиеся шаги, протянул высохшую, костлявую руку тоже как-то неестественно, неловко.

Ишхан приблизился с чувством почтения к старцу — то ли былое его величие вызывало в нем уважение, то ли сострадание к горестному настоящему — и приложился к протянутой руке.

— Сядь, ишхан, и порадуй меня добрыми вестями, — произнес он надломленным голосом, — вдали от стольного Вагаршапата я оторван от мира; что в нем хорошего, что плохого — ничего не ведаю.

Вард осторожно опустился на стул, обитый атласом с золотым шитьем.

— Я понимаю, занятие из малоприятных — сидеть, вести беседы со слепым, лишенным власти и короны старцем, — по лицу его пробежала тень, — потому я и позабыт всеми, даже собственным сыном, — с горечью сказал он и осекся.

— Царь Аршак, — ответил Вард, поднявшись со стула, несколько растерянный тем, что забыл сказать самое важное, — велел кланяться вам и передать пожелания здоровья и благополучия.

Ишхан умолк, уставившись в сухие, пергаментные руки старца, не смея поднять глаза на незрячее лицо. Потом продолжал:

— Государь просил узнать: не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь?

На лицо старца опять легла тень.

— Да, был полновластным повелителем, венценосцем, а стал всего немощным, лишенным трона государем. Аршак хочет знать, в чем я нуждаюсь? Почему бы ему самому не спросить об этом меня? Почему он говорит со мной через других? Ты, ишхан, пожалуйста, не обижайся, дело не в тебе. Неужели же так трудно покрыть однодневный путь и навестить несчастного родителя?

Веки в пустых глазницах задрожали, он удрученно махнул рукой. Захваченный волной сочувствия, Вард не знал, как утешить его, невольно поднялся с места и отвесил глубокий поклон, точно старец мог видеть это.

— Прошу прощения, хочу заверить вас, что царь Аршак часто вспоминает и говорит о вас, только занятость неотложными государственными делами, особенно заботы, связанные со строительством нового города, не дают ему...

— Он не нашел времени, чтоб приехать на свадьбу Гнела, — прервал его старец, подняв руку, — чего больше? Он просто пренебрегает нами. На свадьбу своего племянника, оставшегося сиротой, сына его старшего брата, он обязан был явиться при всех обстоятельствах. Не прав я, ишхан?

Припертый к стене, Вард не знал, как выйти из затруднительного положения, и вдруг заявил:

— В дни свадебных торжеств царь Аршак находился в Коговите, неотложные дела требовали его присутствия там.

— Слышали, слышали об этом городе — Аршакаване, — с иронией произнес старец, — необдуманный шаг, продиктованный непомерным тщеславием. — Он осуждающе покачал головой. — А мог бы посоветоваться с отцом, прежде чем приниматься за столь важное дело. Или он думает — потеряв зрение, я потерял и разум? Ошибается, ишхан, бог не отнял у меня способности мыслить и трезво судить, что в интересах нашего государства, а что во вред.

Лишенный трона государь умолк, веки закрытых глаз за-

дрожали, словно он силился их открыть, потом продолжал с обидой в голосе:

— Ар-ша-ка-ван... задумал по примеру Тиграна Великого, выстроившего столицу Тигранакерт, построить город и дать ему свое имя. Однако он упустил из виду один важный момент: Тигран Великий сделал это после больших военных побед, руками пленных рабов. А этот как будет строить, хотел бы я знать? У него на счету нет ни побед, ни славных дел. Позаботился бы лучше о нуждах страны, пока выдалось мирное время, обеспечил бы ее всем необходимым, порядок бы навел. Уж этого одного достаточно было бы, между прочим, чтоб обессмертить себя на века. А то с места в карьер — город воздвигает. Таким путем хочет обессмертить свое имя? Не получится. Разве я не прав?

— Извините меня, пожалуйста, отец-государь, — вновь машинально положив руку на грудь, начал Вард-ишхан. — Но вам, видимо, не совсем известны истинные причины, побудившие царя предпринять этот шаг.

— Причины? Помимо тщеславия есть еще и другие обстоятельства? Будь любезен, посвяти меня, пролей свет на слепые мысли слепого старца.

— Прежде всего, — начал Вард, осторожно подбирая слова, — государь считает, что в интересах страны было бы иметь город на караванных путях в Коговите. Строительство ведется силами селян и ремесленного люда всей страны. Есть специальный указ, согласно которому должна предоставляться всеми областями, входящими в страну, рабочая сила в распоряжение государя для ведения работ общественного назначения.

Старик насмешливо покачал головой:

— Тогда, дорогой, строительство будет длиться долгие годы и, главное, ни к чему путному не приведет.

— Государь надеется получить помощь от нахараров, к которым обратился с просьбой выделить дополнительную рабочую силу.

— Просьбой? Ха-ха! — ехидно рассмеялся старец. — К армянским нахарарам с просьбой? Какая опрометчивость! И он надеется, что они его поддержат? Страну Армянскую, да будет тебе известно, ишхан Вард Мамиконян, подрывают изнутри именно нахарары, они и развалили ее в военном отношении. Для наших недальновидных и тщеславных ишханов, этих мелких царьков на местах, собственная коза дороже интересов всей страны. Разве не их предательству я обязан тем, что все мои старания противостоять персам потерпели крах? Они не поддержали меня военной силой в самый нужный момент. Разве не они подбили этого прелюбодея сенекапета Писака совершить предательство и выдать меня в руки персов со всей секретной службой?

Под спудом тяжких, мучительных воспоминаний бывший венценосец горестно поник большой седой головой.

Вард-ишхан слушал его, стараясь понять, к чему клонит старик: то ли просто осуждает сына, то ли хочет уберечь от опасного шага. Недоумевая, он выжидал момент, когда можно будет повернуть разговор на нужную тему, расспросить о том, что творится в Каваше, что означает присутствие в таком большом количестве сепухов в крепости, и прочее, и прочее... Но старик продолжал:

— Должен еще отметить, ишхан,— он перешел на доверительный тон,— как для Страны Армянской, так и для прочности ее трона не меньшее зло, чем нахарары, представляют наши черноризники, это дерзкое и наглое племя фанатиков, проповедующее смирение, а на деле сеющее в народе смуту и раздор.

Вспомнил Вард-ишхан, как в бытность свою царем этот старец приказал за неповиновение бичевать католикоса Усика до тех пор, пока он «не испустит дух». Вспомнил и подумал: а не помутился ли разум у этого лишенного престола и света очей старца? Он хотел задать ему вопрос, но государь-слепец опередил его.

— Так, ишхан Мамиконян,— сказал он, задыхаясь от волнения и склонив голову набок,— не думай, что я выжил из ума. Наоборот, слепота придала ясность и проницательность моей мысли. Если б я в дни своего правления видел все так же ясно и четко, как сейчас, изничтожил бы на корню всех врагов Страны Армянской — злонамеренных нахараров и коварное духовенство.

Тут Вард-ишхан подумал: хорошо бы старцу задать вопрос, кого из нахараров он считает злонамеренным. Ясно стало бы — кому он доверяет, кому нет, а значит, и Гнел, едва ли его мнение отличается от дедова. Но старец не давал возможности и рта раскрыть.

— Подумайте только, чем занят глава государства! Строит город, чтоб прославить себя в глазах будущих поколений. Жажда славы ослепила его, он многого не видит. Взял жену из византийского двора, «дабы соединить державы, искони враждебные, узами братства». Делать ставку на коварного византийского императора более чем наивно. Ни ромеи [1], ни персы, ни злонравные ишханы, ни краснобайствующие церковники никогда не были и не будут той силой, на которую можно опереться. Аршак не справляется с задачей правления государством, он оказался бессильным подчинить своей воле противника. Чтоб властвовать, надо уметь подавлять сопротивление, а тем, кто не повинуется,— отсекать головы. Если б я так поступал, не оказался бы в таком плачевном положении.

«Совсем спятил с ума, совсем,— думал ишхан Вард Мамиконян.— Есть ли смысл задавать ему дальше вопросы, хоть они так и роятся в голове?» Он не перебивал царя Тирана, дожидаясь, пока тот выскажется до конца, выльет всю горечь, на-

[1] Ромеи — так называли римлян в ранней Византии.

копившуюся в душе. Когда наконец-то наступило молчание, он, не глядя в лицо старцу (его не покидало ощущение, что из пустых глазниц за ним наблюдают), задал вопрос:

— А как чувствует себя здесь царевич Гнел? Не скучает после роскошной жизни в Византии?

Вард-ишхану надо было перевести разговор на другую тему, чтоб потом исподволь подойти к существу интересующего его вопроса.

— Скучает? — повел плечами старец. — Если б ему пришлось жить со слепым, лишенным власти и почета старцем, возможно бы и скучал. Но я все заранее предусмотрел и женил его на дочери великого ишхана Сюника. И поскольку я люблю его не менее, чем покойного моего сына, я даровал ему в день свадьбы все принадлежащие мне владения и имущество.

«Все владения и имущество, — подумал Вард-ишхан, — это было сделано неспроста».

— Я думаю, что внуку моему не приходится теперь скучать, друзей-сепухов у него много, они навещают его, проводят вместе время в играх и беседах.

«Не хочет сказать — в военных играх, — думал Вард-ишхан. — В беседах... Вот самое для меня интересное. Но как выведать, о чем они ведут разговор и кто эти сепухи?» Поскольку прямо задать вопрос об этом он не мог, с сочувствием промолвил:

— Конечно, я понимаю, отец-государь, какая большая отрада для вас — присутствие царевича в крепости.

— О да, конечно, — с умильной улыбкой на лице произнес старец, — он свет моих очей.

«Свет его очей не сын Аршак, а внук Гнел. Вот как?» — отметил в уме Вард-ишхан.

— Поскольку я полон искренней симпатии к царевичу Гнелу, — с почтением заговорил он, — а мне не довелось присутствовать на его свадьбе и самому лично поздравить с женитьбой, пожелать счастья и долгих дней жизни в радости и здравии, надеюсь, вы на этот раз разрешите с ним встретиться и высказать свои чувства.

— Да, конечно, ишхан, — с готовностью отозвался старец. — Только сейчас он занят играми: там молодые люди собрались и мечут диск, сражаются копьями. Я держу свое окно всегда открытым, чтоб слышать их звонкие голоса и не чувствовать себя одиноким, заброшенным в эту ссылку... — Последние слова он произнес со стоном, исторгнутым из самых глубин измученной души.

Чуть позже, распрощавшись со старцем, в сопровождении коменданта крепости Вард-ишхан спустился со второго этажа, где располагался бывший государь, и вышел на площадку, откуда удобно было наблюдать за играющими. Они в этот момент толпились в дальнем углу просторного двора. Варда в душе не покидала надежда еще раз взглянуть на ишхануи Парандзем.

Между тем Тирит, принимавший участие в играх, узнав, что прибыл Вард-ишхан и уже посетил деда, смекнул сейчас же, почему он здесь, и, улучив удобный момент, подошел к Гнелу

— Знаешь, что из Вагаршапата приехал Вард-ишхан? - шепнул он.

Гнел кивнул головой.

— А чего ради?

— Думаю, навестить деда и привезти обычные дары — его любимые фрукты и сладости.

— А я думаю — нет, Гнел, — покачал головой Тирит. — Мне кажется, у него есть и другая причина: хочет посмотреть, что мы тут делаем, лоботрясничаем ли, утопаем ли в лености и роскоши или полезным делом заняты. Давай, Гнел, продемонстрируем этой дворцовой крысе высокий класс игры, чтоб ему ничего не оставалось бы делать, как доложить государю, что царевичи и сепухи в Каваше не баклуши бьют, а с прилежанием и старанием овладевают военными знаниями, проводят дни в упражнениях. Царю Аршаку это не может не понравиться: он строго придерживается взгляда, что молодые люди должны хорошо владеть оружием.

— Правда? — простодушно улыбался Гнел, обнажив белый ряд зубов. В глазах его блеснул задорный огонек. — Тогда, дорогой Тирит, постараемся лицом в грязь не ударить.

После небольшой разминки участники игры вновь принялись за дело: взяли в руки копья и яростно двинулись друг на друга.

— Кто эти молодые люди? — спросил Вард-ишхан управляющего.

— Царевичи Гнел и Тирит, сепухи и юноши из знатных фамилий.

Ишхан кивнул головой, подумав, что настало время подробней расспросить обо всем.

— Царевичей я узнаю, а другие кто такие?

— Тот шустрый, — управляющий показал рукой, — сын ишхана Нара Камсаракана, рядом с ним сын Манэча из Басена, а вот этот вот...

Пока управляющий с готовностью отвечал на вопросы ишхана, польщенный его вниманием к себе, Вард украдкой посматривал на террасу.

Тут к площадке, откуда смотрел на игры Вард-ишхан, подбежали разгоряченные и раскрасневшиеся царевичи Гнел и Тирит.

— С приездом, тер Мамиконян! — воскликнул Гнел звонким голосом и приветливо протянул для рукопожатия обнаженную по локоть руку.

То же сделал и Тирит, но ведя себя более сдержанно.

— Забавляетесь византийскими играми, — радушно отозвался Вард-ишхан, крепко пожав обоим молодым людям руки.

— Легкий поединок на мечах с друзьями, — улыбнулся Гнел.

— Похвально: занятие, достойное молодых людей, поедин-

ки на мечах, военные игры. Отлично, царевич, отлично,— сказал он, глядя на его светящееся радостью лицо. «Явно старается придать всему происходящему характер безобидного развлечения»,— думал между тем Вард-ишхан.— Но извини меня, пожалуйста, царевич, я забыл о главном,— улыбнулся он,— от всей души хочу поздравить тебя с женитьбой на дочери ишхана Сюника.

— Я тронут твоим вниманием, ишхан,— весь зарделся юноша.— Надеюсь, ты с добрыми вестями пожаловал к нам? Как поживает дядюшка-государь, спокойно ли все в стольном граде?

— Спокойно, царевич, а государь велел передать свои сожаления, что не сумел из-за неотложных дел присутствовать на свадебных торжествах.

Гнел отвесил глубокий поклон в знак благодарности высочайшему за внимание к своей особе.

Вард-ишхан еще раз попытался найти среди женщин на террасе Парандзем, но тщетно: ее уже не было.

Утром следующего дня Вард-ишхан пустился в обратный путь. Всю дорогу неотступно преследовали его полыхающие синим огнем глаза...

Удаляющегося из крепости ишхана провожал взглядом царевич Тирит, беспокойно думая, что он теперь расскажет государю о Каваше, в каком свете представит здесь происходящее: выведет его правым или нет...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возвратившись из Каваша, Вард-ишхан обстоятельно рассказал государю о виденном и слышанном. Аршак внимал ему не перебивая.

— Сепухи там из каких нахарарских фамилий? — спросил он, когда тот кончил говорить.

— Я видел из Арцруни, Вахевуни, Камсараканов и Абехена.

— А самих нахараров там не было?

— Нет, государь, я, по крайней мере, не встречал.

После минутного молчания:

— А как на все это смотрит мой отец?

— Более чем благосклонно, говорит, что эти молодые люди — его единственная отрада и утешение.

— Так,— Аршак отвернулся от Варда и на секунду умолк. Потом точно хотел еще что-то спросить, но передумал.— Ты свободен, ишхан,— подал знак рукой.

Вард вышел из тронной в недоумении: какое впечатление произвели на государя его слова? Придал он им значение или нет? Расстроился сразу, это было заметно: сильно прикусил нижнюю губу...

Все последующее за этим время Аршак не выходил из состояния мрачной задумчивости. Большую часть дня провел

в уединенных покоях, молча расхаживая взад-вперед. Он ни с кем не делился тем, что с ним происходит; более того, старался скрыть от окружающих свое настроение. Как всегда, занимался государственными делами, принимал Давида Гнуни, сенекапета Варда, давал необходимые указания. Но все – и управляющий дворцом Дхак Айр-Мардпет, и спарапет Васак, и начальник царской охоты Авнуни, и аспет Смбат Багратуни – видели, что с государем творится что-то необычное.

Однако никто из них не осмеливался спросить его об этом: не было принято. Другое дело, если государь сам соизволит заговорить...

Но он молчал, создавая вокруг себя атмосферу гнетущего ожидания. Что могло случиться? Окружающие стали беспокоиться за него, теряясь в догадках и делая разные предположения. Однако кто из них мог быть уверенным, что близок к истине? Один Вард-ишхан понимал, что между нынешним настроением государя и привезенными им из Каваша сведениями есть связь, да помалкивал. И так как на царские послания к нахарарам по-прежнему не приходило ответа, многие думали, что дело кроется именно в этом. Они знали, с каким нетерпением ждет Аршак обещанную рабочую силу для строительства города, как он надеется с помощью нахараров укрепить боеспособность страны, ее мощь. А ответа все пока не поступало.

Тщетны были и усилия Олимпии выведать что-либо у супруга, отвлечь его от мрачных дум.

– Ты грустен, василевс, что-нибудь случилось? – как-то спросила она.

– Нет, василея, пока ничего.

– Может, опять персы зло замышляют? – допытывалась царица. – Пусть тебя это не тревожит, василевс, император всегда придет нам на помощь.

– Нет, василея, персидская граница спокойна, – отвечал Аршак, кусая нижнюю губу и нервно шагая из угла в угол. – Бывают, дорогая, порой заботы и иного характера. – На смуглом, заросшем волосами лице его сверкали белки огромных глаз.

Какие это заботы «иного характера», государь не объяснял. Изо дня в день становился нелюдимей и мрачней; потерял интерес ко всему, перестал даже справляться о строительстве любимого детища Авана. Придворным оставалось одно: набраться терпения и ждать, пока государь сам разорвет кольцо отчуждения, пока какой-нибудь счастливый случай не выведет его из внутреннего затворничества и не вернет ему обычное состояние духа.

Однако все складывалось как нельзя неблагоприятно. Как раз в это время пришли послания от нахараров южных областей страны – свернутые свитки, перевязанные лентой и закрепленные печатью, – которые еще больше усугубили и без того мрачное настроение государя. Их вручил Вард-ишхан, он ви-

дел, как вспыхнули гневом глаза Аршака, как тот сжал челюсти и швырнул пергаментные свитки на пол.

— Вели, ишхан, собраться старейшинам на совет,— сказал он.

В правилах Аршака было: когда возникал какой-нибудь сложный вопрос или нужно было срочно решать какую-то задачу — созывать совет старейшин, выслушивать мнение его членов, не высказывая при этом своего. Таким образом он проверял себя, выяснял настроения других. По какому поводу государь решил на этот раз собрать совет, Вард-ишхан не мог себе представить.

— Когда прикажете, государь? — спросил он.

— Сегодня же.

— Слушаюсь! — Низко поклонившись, сенекапет вышел из покоев, оставив царя в состоянии крайнего раздражения и гнева.

К вечеру того же дня, когда зажглись светильники во дворце, к тронному залу потянулись старейшины. Первым явился начальник царской охоты Манасп Авнуни — высокий, статный, хорошо сохранившийся для своих шестидесяти лет мужчина, с седой шевелюрой и длинными усами, которые свисали со щек, загибаясь у подбородка как клешни. В обязанность Авнуни вменялось все, что имело отношение к царской охоте. Несмотря на возраст, он принимал самое живое участие во всех царских забавах, как молодой гарцевал на коне, держа наготове лук и стрелы. Обычно он старался во время охоты держаться близко от государя, чтоб в случае необходимости оградить его от опасности.

Славился он и как меткий стрелок, очень часто лавры своих побед великодушно приписывал государю. «Нет, нет, это ты попал в зверя, это твоя стрела»,— добродушно твердил он. Аршак любил его, доверял и сделал членом совета старейшин. Теперь Авнуни был постоянным участником всех государственных советов и, как правило, являлся на сборища первым.

Вслед за ним вошел в тронный зал управляющий дворцом и царскими поместьями Дхак Айр-Мардпет. Голова его прочно держалась на крутых угловатых плечах, лицо, на котором никто никогда не видел улыбки, было изрыто оспой и лишено всякой растительности: Айр-Мардпет был скопцом,— возможно, этим и объяснялся желчный характер его. Женщин он презирал, к мужчинам относился с ревностной злобой. Сторонников провизантийской ориентации, так же как и церковников, считал своими заклятыми врагами и не скрывал этого. Убежденный персофил, он считал Византию виновницей разлада между армянами и персами. Что же касается духовенства, то он всегда советовал государю держаться подальше от него.

Войдя в зал и заметив ишхана Авнуни, он поклонился.

— Приветствую тебя, тер Авнуни, надеюсь, дела идут хорошо и ничто не угрожает царской охоте? — с оттенком иронии в голосе спросил он.— Когда назначена очередная охота?

– Когда государь освободится от дел, тер Мардпет, – с простодушной серьезностью ответил начальник царской охоты.

– Значит, в этом году охота не состоится, – многозначительно заметил скопец, – ведь государь ушел с головой в дела.

Ишхан Манасп весь обратился в слух.

– Что-нибудь случилось, Айр-Мардпет?

– А вот сейчас выяснится, тер Авнуни. Если государь созвал внеочередной совет старейшин, стало быть, что-то случилось.

Их разговор прервался появлением азарапета Давида Гнуни, старца с умными пытливыми глазами. Он вошел уверенной поступью, с озабоченным и деловым видом. За ним следовал аспет Смбат Багратуни, чувствующий себя во дворце как у себя дома. На церемонии коронации Аршака он собственноручно возложил на голову царя венец – это было привилегией, традиционно закрепленной за представителями рода Багратуни. Но, кроме того, Смбат располагал к себе людей своим радушным и общительным характером.

Айр-Мардпет и ишхан Авнуни молча приветствовали вошедших поклонами.

– Вард-ишхана еще нет? – обратился Багратуни к присутствующим.

– Пока нет, – услужливо ответил скопец, еле скрывая распиравшее изнутри любопытство. – А тебе что-нибудь известно о причине созыва совета? – не удержался он от вопроса.

– Абсолютно ничего.

В этот момент быстрыми шагами в зал вошел невысокий, плотный человек. То был спарапет Васак Мамиконян с висящим на боку мечом в серебряных ножнах. При его появлении все присутствующие подтянулись, привстали и почти одновременно склонили головы в поклоне. Смбат Багратуни, самый молодой среди старейшин, поспешил ему навстречу.

– И тебе ничего не известно о цели созыва совета, спарапет?

– Ничего, тер аспет. Надеялся узнать у тебя. Вард-ишхан только что сказал, что получено важное сообщение, чрезвычайно расстроившее государя.

– Военного характера?

– Понятия не имею.

Всем стало ясно, что никто на самом деле ничего не знает, а делать сообща предположения нет смысла, ибо, едва успели собравшиеся рассесться на подушках, в зал вошел пружинистой походкой, как всегда подтянутый, в малиновой мантии на плечах сам царь Аршак. За ним следовали Вард-ишхан и царский письмоводитель Езр, малый с густой пышной шевелюрой и остренькой длинной бородкой. Он нес серебряный поднос, на котором лежали два свитка, чернила и перо.

При появлении Аршака все поднялись с мест и, отвесив поклон и приложив руку к груди, согласно дворцовому этикету, ждали, пока он сядет, чтоб занять свои места. С плотно сжаты-

ми губами Аршак подошел к трону, поднялся на две ступеньки и погрузился в просторное деревянное кресло, спинка и сиденье которого были покрыты тигровыми шкурами. Поверх пестрого ковра на ступеньки и пол тоже были постланы звериные шкуры.

Усевшись на трон, царь резким движением руки предложил старейшинам занять места. Все степенно стали рассаживаться на подушках.

Когда разместились, Аршак обратился к своему письмоводителю:

— Начинай, Езр.

Царский писарь поставил поднос на ближайший от себя треногий стул, взял один из двух пергаментных свитков и, убрав острую бородку в сторону, чтоб не мешала, начал читать. Выглядел он растерянным, голос срывался. Все обратились в слух, старый азарапет даже приложил руку к уху, чтоб ничего не пропустить.

Послание было от владельцев южных нахарарств, в нем говорилось, что данное государю на всеобщем сборе несколько месяцев назад обещание выделить людей для постройки нового города и пополнения царской армии было с их стороны не до конца продуманным и теперь, разъехавшись по местам, взвесив все «за» и «против», они пришли к выводу, что не могут удовлетворить его просьбу, ибо сами «зело нуждаются как в работниках, так и в слугах».

За сим следовали подписи довольно большой части нахараров, среди них имена Арцруни, Меружана, нынешнего патриарха из рода Камсараканов Нерсе Камсаракана, Вахе Вахевуни, Манэча из Басена и других. В конце послания была приписка: «Просим не нарушать давно установленного порядка, согласно которому нахарары обязались выделять государю определенное количество людей, которое полагалось обычно представлять во время войн, и ни на единицу больше», ибо сами, повторяли, «зло нуждаются в работниках».

Второе послание было от владельцев крепостей; ишханы Камсаракан и Вахевуни отказывались отдать свои военные крепости государю, мотивируя тем, что тогда они лишатся возможности обеспечить неприкосновенность своих владений и перед лицом военной опасности могут оказаться безоружными.

«Вот почему, — подумал Вард-ишхан, — с такой яростью Аршак швырнул на пол пергаментные свитки».

Закончив чтение, Езр осторожно свернул послания, положил их на поднос и, вытянувшись в струнку и сложив руки на животе, краем глаза стал наблюдать, какое впечатление произвели они на старейшин.

Очевидно было, все сидят потрясенные услышанным. Однако никто не спешил выразить свое мнение первым. Поведение нахараров южных областей выходило за все рамки приличия и норм. Подумать только: большая группа влиятельных людей

страны отказывается удовлетворить просьбу своего государя, хотя два месяца назад публично на всеобщем сборе обещала это сделать. Случай, не имевший себе равного, просто-напросто открытый вызов царю – иначе не расценишь. Неслыханная дерзость. Старейшины думали и молчали, полные самых недобрых предчувствий; что за этой акцией кроется нечто очень серьезное, чреватое самыми опасными последствиями, они уже не сомневались.

– Уважаемые старейшины, я хочу слышать ваше мнение,– не меняя выражения лица, осекшимся голосом произнес Аршак.

Теперь уже нельзя было отмалчиваться, первым взял слово начальник царской охоты Авнуни:

– Прежде всего, государь, каждый из нас обязан не только на словах, но и на деле быть честным, выполнять данные обещания, быть хозяином своего слова, кроме того, долг каждого подчиняться своему государю, иначе воцарятся в стране хаос и анархия.– Авнуни шумно вздохнул, словно на него давил тяжелый груз, затем продолжал, не сводя глаз с Аршака: – Что касается крепостей – их просто надо отобрать у владельцев, они им и не нужны, поскольку все обязаны подчиняться единому повелителю страны, а самовластие на местах – недопустимое явление. Кроме того, почему одни нахарары должны иметь крепости, а другие нет? Справедливей, чтоб они перешли во владения государя. Твое требование разумно, я так считаю.

Собравшиеся понимающе переглядывались. Ни для кого не было секретом, что Манасп Авнуни люто ненавидит своих соседей, Камсаракана и Вахевуни, владения которых значительно превосходят по территории его область. Помимо того, его не на шутку задевало, что эти ишханы пользуются весом и влиянием среди других, потому что обладают сильными военными крепостями. Он говорил гневно, резко; лицо внимательно слушавшего его спарапета передергивалось, казалось, он еле дожидается конца речи, чтоб возразить. И правда, как только Манасп умолк, спарапет вскочил на ноги, хотя старейшинам полагалось говорить сидя, и, отведя в сторону меч, чтоб не мешал, начал:

– Государь, те, кто направил тебе эти послания,– он показал на поднос со свитками,– поступили, конечно, неблаговидно. Но сейчас наказывать их за такой проступок, как того требует тер Манасп, означало бы развязать внутреннюю войну, что было бы на руку только врагам Страны Армянской.

– Нет, спарапет, я не призываю к внутриусобной войне, просто считаю нужным поставить этих дерзких людей на место.

– Я тоже не против, но надо вести себя так, чтоб ответные действия исключали военное столкновение. Между тем, чтоб отобрать у них крепости, имеющие стратегическое значение, надо применить оружие, а оружием располагают и они – вот

вам и война. Считаю этот путь неприемлемым, государь, он не принесет тебе чести и не в интересах нашей страны.

Аршак слушал спарапета, сузив глаза, весь обратясь в слух, и, когда тот подчеркнуто произнес «неприемлемым», подался корпусом вперед.

– А наказание в какой форме считал бы ты приемлемым?

Вопрос был поставлен ребром. В первую минуту он, казалось, застал спарапета врасплох, но когда тот, собравшись с мыслями, хотел ответить, государь опередил его.

– Любому раздору можно положить конец, если прибегнуть к силе,– резко бросил он. И все поняли: царь – сторонник жестких мер. Теперь вдвойне любопытно было, что ответит спарапет.

– Я ревностный сторонник мира на нашей земле,– с достоинством начал тот,– потому отвергаю политику жестких мер, могущую привести к конфликту с оружием в руках. У нас есть враждебно настроенные соседи, которые не преминут воспользоваться неустойчивым положением внутри страны. Вы хотите знать, какие меры наказания я счел бы возможным применить? Извольте: лишение их особых привилегий, которые предоставляются им как высокопоставленным лицам, и, конечно, публичное осуждение их позиции и поведения.

Государь выпрямился на месте, оперся на подлокотник, снова прищурив глаза, он не любил спорить со спарапетом: два года назад ему с большим трудом удалось уговорить его взять на себя обязанность верховного командующего войсками.

Когда-то царь Тиран, отец Аршака, лишил Мамиконянов их наследственного права занимать этот высокий пост, чем нанес неслыханное оскорбление этому роду.

Аршак умолк, не желал возражать Васаку, но, когда он кончил, закусив нижнюю губу, выжидающе посмотрел на остальных.

Смбат Багратуни одобрил план спарапета:

– Тер Авнуни, бесспорно, очень уважаемый нами человек, но его предложения могут привести к серьезным последствиям. Я за предложенную спарапетом тактику.

Свое согласие со спарапетом высказал и ишхан Меендак, да еще добавил:

– Может, и людей не стоит у них требовать, чтоб не обострять положение.

Спарапет сразу согласился:

– Да, конечно, надо их на время оставить в покое, чтоб улеглись страсти..

Аршак покачал головой:

– Не требовать людей означает приостановить строительство города. А я убежден, что город надо возводить, и как можно быстрей.

Он обошел молчанием тот факт, что строительству города могут помешать назревающие в стране события. Вообще он не

был откровенен до конца, не объяснял, для чего ему позарез понадобились в таком большом количестве рабочие руки.

Азарапет Давид Гнуни сидел, уставившись глазами в одну точку, и, беспрестанно поглаживая седую бороду, напряженно думал. Казалось, он вникает в каждое произносимое в зале слово.

Когда аспет Смбат и ишхан Меендак, высказавшись, замолчали, Аршак посмотрел в сторону Давида Амуни.

– А что думает владелец области Гнунянц? – спросил он голосом, в котором слышались и уважение и доверие.

Азарапет перестал теребить бороду и задумчивыми глазами посмотрел на царя.

– Мне кажется, государь, – начал он размеренно, – нам надо вновь вернуться к этим нахарарским посланиям, рассмотреть каждое положение пообстоятельней. А со строжайшими мерами – не спешить. Нельзя действовать необдуманно и сгоряча. Следует сначала испробовать все возможные пути мирного решения вопроса, объяснить, чем грозит Стране Армянской их упорство, да и им самим тоже.

– Значит, тер азарапет советует быть уступчивым и не наказывать нахараров за дерзкий поступок? – Аршак испытующе взглянул на Гнуни.

Последний нисколько не смутился.

– Вовсе нет, государь, я просто за осмотрительность, что-то делать нужно безусловно, но сначала надо предпринять шаги для выяснения причин, заставивших их пойти на такую крайнюю меру, может, удастся, действуя уговорами и убеждениями, избежать конфликта. – Последние слова он произнес подчеркнуто раздельно.

Царь разочарованно откинулся на спинку кресла и перевел взгляд на Айр-Мардпета – это означало, что он хочет знать мнение управляющего дворцами. Но тот словно язык проглотил. Какая муха его укусила, удивился Аршак. А, догадался он, старая лиса отмалчивается, чтоб ненароком кому-нибудь не наступить на хвост. И так как он знал по опыту, что уж если Айр-Мардпет решил молчать, из него и силой слова не вытянешь, отвернулся и, шумно вздохнув, обратился к присутствующим:

– Ну что ж, господа, коль вы так советуете, возвратимся вновь к рассмотрению создавшегося положения. Однако нарушение долга и взятых на себя обязательств – вещи недопустимые.

Он резко поднялся с кресла, – как многим показалось, с недовольным видом. Это означало: совет окончен. Старейшины, откланиваясь, один за другим покидали тронный зал. Обычно после подобных сборищ Аршак просил кого-либо из нахараров задержаться для разговора с глазу на глаз. Но сегодня он так не поступил. Когда все вышли, он обратился к своему письмоводителю:

– И ты свободен, Езр.

Письмоводитель взял в руки серебряный поднос с пергаментными свитками и удалился. Отдавая низкие поклоны, он как-то смешно пятился назад, тряся козлиной бородкой.

Оставшись один, Аршак задумался. Пожалуй, правы старейшины – и спарапет, и Багратуни, и азарапет: надо пока воздержаться от строгих мер, выяснить, что на самом деле побудило нахараров пойти на открытый вызов ему и какие силы стоят за этим. Два месяца назад на всенахарарском сборе незаметно было никаких признаков недовольства, они вели себя смиренно и были почтительны к нему.

Царь медленно прохаживался по просторному залу, скинув с плеч мантию; порой заходил в свои покои, прилегавшие непосредственно к тронной. Отказ нахараров выполнить его просьбу не просто задел его, а глубоко уязвил: он в нем усмотрел выражение явного пренебрежения к своей особе. Другую сторону медали – что его требование не имело себе подобного и представляло собой нечто из ряда вон выходящее – он не принимал во внимание, просто опускал ее в ходе своих рассуждений, все более и более убеждая себя в том, что есть тайный вдохновитель и организатор этого дерзкого бунта.

Теперь уже Аршак не сомневался, что во всем видна рука Гнела. Привезенные Вардом сведения подтверждали сказанное Тиритом, а нахарарские послания рассеяли сомнения на этот счет. И царь решил: сначала надо вскрыть заговор, потом заняться городом.

Но кто же заговорщик? Аршак все больше склонялся к мысли, что это Гнел – да, только Гнел! «Не хотят передать мне крепости, не дают людей. Несомненно, у нахараров появилась опора – претендент на престол. Достаточно одного его присутствия в Каваше, чтоб смущать умы. Пока Гнела не было рядом, нахарары были покладистее, учтивее со мной. Все резко изменилось с его приездом. Каваш стал центром сборищ: сначала ездили туда на свадебные торжества, теперь – развлекаться на пирах и участвовать в веселых играх, имеющих военный характер. Всего этого, увы, не знают мои старейшины, потому судят однобоко,– приходил к выводу Аршак.– Только Айр-Мардпет, видимо, разнюхал кое-что, потому набрал в рот воды. А стоит ли вообще всех вводить в курс дела? Факты красноречиво говорят об изменении настроений среди нахараров. О, нахарары, на что только не способны они! Вот где таится зло! – словно сделав вдруг великое открытие, вслух сказал он.– С корнем надо вырвать зло, пока не поздно, иначе не миновать беды. Гнел, царевич Гнел несомненно зачинщик и вдохновитель всего».

Чтоб обуздать распоясавшихся нахараров, надобно в первую очередь, продолжал рассуждать сам с собой царь, убрать Гнела с женой куда-нибудь подальше из Каваша. Тогда мятежники останутся без своего вдохновителя и поймут, на что способен государь для восстановления порядка в стране: родного племянника не пощадил, а с ними тем более будет суров.

В конце концов, существует положение, освященное древней традицией, согласно которому лицам, находящимся в кровном родстве с государем, за исключением наследного царевича, не разрешается жить в Араратской долине, им предоставляется для поселения область Агиовит. Ему сейчас надо только придерживаться установленного порядка вещей. Теперь Аршак кусал себе локти, что пренебрег в свое время этим положением, разрешил Гнелу поселиться у деда в Каваше. Он с горечью признавал, что создавшееся положение – результат его собственной оплошности.

Да, во имя сохранения спокойствия внутри страны надо изгнать Гнела.

– Молодчина Тирит, вовремя предупредил меня! – воскликнул Аршак и хлопнул в ладоши.

Вошел старый сенекапет и остановился в дверях в ожидании приказаний.

– Позови Вард-ишхана.

Не прошло и нескольких минут, как явился Вард Мамиконян, крайне удивленный неожиданным вызовом сразу же после совета.

Увидев его, Аршак перестал ходить из угла в угол, подошел поближе:

– Значит, так, ишхан. Сегодня же надо подготовить приказ и доставить царевичу Гнелу, чтоб в три дня собрался и уехал на жительство в область Аштениц или в Агиовит, Арберан... с женой, конечно.

Сказав это, он на минуту задумался и добавил, отчеканивая каждое слово:

– Это в равной мере относится и к царевичу Тириту.

– Тириту? – не смог удержать удивления Вард-ишхан. – А его почему, можно узнать, государь?

– Исключения из правил не должно быть.

– Разрешите высказать свои соображения, государь?

– Говори, ишхан.

– Если эти меры принимаются, чтоб пресечь нежелательное развитие событий в Каваше, то, мне думается, результат будет прямо обратный. Это развяжет руки царевичу Гнелу. Изгнанный из Каваша в отдаленную область, теперь уже открыто недовольный вами, он, не боясь быть замеченным, соберет вокруг себя бунтарски настроенных нахараров и будет свободно плести интриги против двора. Вот где будет полное раздолье для него! Здесь, в Каваше, за ним легко установить слежку, да и он сам будет осторожен в действиях, не посмеет открыто идти против вас.

Государь решительно мотнул головой:

– Нет, ишхан, трижды нет. Мы сделаем так, чтоб царевич находился под нашим неусыпным надзором и вдали. Тирита отправляем туда же. Слышишь? Он и будет держать нас в курсе событий, – заключил он, довольный своим решением.

– А как посмотрит на это ваш отец? – Вард вопроситель-

но взглянул на Аршака.– Ему ведь захочется узнать, зачем изгоняют его любимого внука. Что ему ответить? Не подумает ли он, что вы испугались Гнела? Так могут истолковать новое распоряжение ваши явные и скрытые недоброжелатели.

Густые черные брови государя сошлись на переносице.

– Прежде всего, ишхан, за моим отцом должны смотреть и обслуживать тоже не царевичи, а люди, специально поставленные мною. Внукам положено приезжать к нему, навещать – и только. Нельзя допустить, чтоб зло пустило корни, чтоб из искры разгорелся пожар. Что ж до того, будут ли злословить наши враги или нет, – дело последнее. Враг есть враг, и говорить хорошо он не может. Дальше всю эту нечисть от меня и Вагаршапата, чтоб не мешала спокойно делами заниматься.

Вард-ишхан слушал государя как громом пораженный. В конце он заметил упавшим голосом:

– Решение это будет тяжелым ударом для вашего отца.

Аршак снова зашагал по залу, некоторое время храня молчание.

– Ударом, говоришь, – произнес он, не останавливаясь, – а мы его без внимания не оставим, в конце концов, как жил до приезда внука, так и будет жить впредь.

– Я уверен, он будет протестовать, может даже проклясть...

– Это уже будет напрасным делом.

– Он посчитает, что ваше распоряжение прежде всего направлено против него.

– Вдвойне напрасным, – повторил Аршак, остановившись. – Итак, ишхан, пусть Езр подготовит приказ.

Подготовить приказ – дело не трудное, Вард сам мог бы вмиг его составить. Тут сложность в другом: кто повезет его в Каваш? Вот что в этот момент более всего тревожило Варда. Его старания убедить государя не трогать царевичей потерпели провал. Еще позавчера он поздравлял Гнела с женитьбой, а завтра явится с приказом об изгнании? И что подумает царевич о нем? Лжец, предатель, да и только. Крайне неприятно. Его душа омрачалась при мысли, что может оказаться неизбежной скорая встреча с Гнелом, с царем-отцом и особенно... Парандзем. Господи, думал он, зачем такую красавицу упрятывать в глухую провинцию? А Тирита, этого доверчивого и славного малого? Что он подумает? В конце концов кто-нибудь из этих двух юношей может в один прекрасный день оказаться на престоле.

Вард-ишхан горячо молил бога, чтоб его миновала эта неприятность, в то же время искал благовидный предлог отказаться от выполнения поручения, если все же его заставят.

В крайнем случае решил прикинуться больным, запереться дома, никому на глаза не показываться, тогда вынуждены будут вместо него послать другого. Он чувствовал, что не может вновь встретиться со слепым старцем, не в состоянии более

выслушивать его упреки, угрозы. Настоящий приказ может вывести Тирана из себя не на шутку, тогда он никого не пощадит.

Глубоко озадаченный, ишхан вышел из тронного зала. «Как тяжело быть исполнителем чужой воли»,– простонал он в коридоре, направляясь к Езру, чтоб передать приказ государя. Тут вспомнилось ему обещание, данное царевичу Тириту: он должен был замолвить о нем доброе словечко перед Аршаком. Ну и положение...

Весь этот день до полуночи, до подготовки приказа, а потом и до самого рассвета Вард не смыкал глаз, все думал, думал, беспокойно ворочаясь в постели.

Пока Вард-ишхана донимали тревожные мысли о предстоящем поручении, царь Аршак, раздираемый сомнениями, метался в своих покоях из угла в угол. Разумно ли принятое решение? Не вызовет ли всеобщее осуждение изгнание царевича из Каваша? Не станут ли злорадствовать его враги, утверждая, что он действует из страха перед Гнелом, как сказал Вард?

«Враги будут злорадствовать, иначе быть не может»,– молвил вслух Аршак. И тут же стал искать себе оправдание: его вынуждает необходимость сохранения спокойствия в стране. А спокойствие нужно, чтоб завершить строительство Авана. Поскольку нахарары отказываются сдавать свои крепости, возникает крайняя необходимость в укреплении этого нового города, превращении его в настоящую твердыню, которая была бы не собственностью одного человека, а принадлежала бы всем, являясь всеобщей армянской крепостью. И вдруг в нем заговорил другой голос: может, лучше позвать племянника в Вагаршапат, доверительно поговорить с ним, пригреть, обласкать, ведь Гнел неопытный юнец, и таким образом вывести его из-под влияния злонамеренных нахараров?

Воистину, рассуждал он сам с собой, почему бы не испробовать этот путь? Ласковым обращением можно многого добиться, даже врага превратить в преданного друга. Можно ведь ему дать при дворе приличествующий его положению чин, хотя это у нас и не очень принято. Но тем самым изолировать его от нежелательного окружения. Открыть юноше глаза на козни нахараров, показать, сколь лживы их обещания, напомнить, что во все времена, всегда они были противниками Аршакидов, порой для достижения своих корыстных целей нарочно сеяли раздор между царем и царевичами.

«А если Гнел подослан императором?» – вдруг мелькнула в голове догадка. Возможное дело, продолжал думать Аршак, потому что император им не очень доволен, его, может быть, больше устроил бы на троне Гнел. Однако и это можно было бы выяснить в откровенной и прямой беседе.

Под каким предлогом встретиться с ним? Поехать в Каваш, якобы навестить отца? Пожалуй, нет, в этом есть что-то задевающее его достоинство, да и потом, отец начнет жало-

ваться на свою жизнь, как только его увидит. Нет, не подходит. Тем паче что он не выбрался в Каваш к свадебным торжествам племянника. А может, разумнее было бы пригласить Гнела с женой погостить в царской резиденции? Здесь всегда представится возможность поговорить по душам. И тут, по какой-то странной случайности, он вспомнил, что скоро наступает праздник Навасарда, который обычно отмечается в Шахапиване и куда, как всегда, он собирается поехать вместе с Олимпией.

Новая идея захватила его: пригласить Гнела с женой на праздник, кстати и поздравить с женитьбой, даже подарки повезти. Лучше не придумаешь, заключил он, сразу двух зайцев поймаю, и слепого старика тем ублажу.

Принятое решение сразу успокоило Аршака, он поднялся на трон, сел в кресло и позволил себе расслабиться. Однако голова не переставала работать: уладив дело с Гнелом, можно будет заняться Аваном, а потом подумать о том, как наказать взбунтовавшихся нахараров...

Немного погодя царь Аршак вызвал старого сенекапета.

— Пригласи Айр-Мардпета.

Отвесив поклон, сенекапет молча удалился. Через несколько минут явился скопец в легкой накидке на крутых плечах, не скрадывающей оплывшей фигуры: лицо его, в оспинах, без растительности, было красное: то ли оттого, что он спешил, то ли оттого, что был взволнован неожиданным вызовом.

— Доброго здравия тебе, государь, — сказал он, склонив голову в почтительном поклоне.

— Добро, Айр-Мардпет, — подчеркнуто официально ответил Аршак и, рукой предложив занять место, сам тоже сел на один из стоящих треногих стульев.

Когда они уселись друг против друга, Аршак в упор посмотрел в глаза скопца, храня молчание. Потом, через минуту, спокойно произнес:

— Я, Айр-Мардпет, очень недоволен тобой.

Айр-Мардпет спал с лица, отчаянно заморгал веками без ресниц.

— Чем я вызвал твою немилость, государь?

— Почему ты на совете сегодня молчал, а?

Айр-Мардпет растерялся.

— Молчал, потому что я был крайне возмущен.

— А разве можно оставаться спокойным, когда злоумышленники бесчинствуют?

— Нельзя, конечно, но гнев плохой советчик, когда надо принимать решение.

— Так что же, по-твоему, на противника не сердиться?

— Разные бывают, государь, противники, и относиться к ним надобно по-разному.

— Противник — всегда враг, а врага надо наказывать. —

Брови Аршака сошлись на переносице, образовав сплошную линию.

Айр-Мардпет криво усмехнулся:

— Не всегда, государь, противника ведь можно и победить, заключив с ним союз, к примеру, или купив золотом, наконец, внеся в его ряды раскол.

«Ох и хитер старый лис, да еще и не глуп. Он предвосхитил мою мысль: я же решил именно так действовать с Гнелом», — думал Аршак. Он, собственно, вызвал Айр-Мардпета для того, чтобы потолковать о царевиче, но теперь, после его слов, спросил:

— Не следует, значит, наказывать противника?

На лице скопца появилось нечто похожее на улыбку.

— Если это в интересах страны и трона, то противника следует наказать. Я думаю, со слабым врагом можно справиться и одним запугиванием, сильного — необходимо удушить, жадного — купить дорогими дарами, земельными угодьями, золотом, равного по силе — подчинить. Ну, а если говорить конкретно: нахарары не равны по силе с тобой, государь, поэтому достаточно сломить их единство — каждого в отдельности легко добить. Кого обольстить высоким чином, кого задобрить подношением. А вообще, извини, пожалуйста, за смелость, но государю следует не терять спокойствия, даже когда он крайне разгневан.

— Если человек разгневан, как он может хранить спокойствие? — Аршак с ухмылкой замотал головой.

— Должен, государь, — точно не замечая ухмылки, продолжал управляющий дворцом, — царь должен уметь с улыбкой говорить даже с тем, кто наносит ему обиду.

Государь вновь покачал головой:

— Айр-Мардпет, ты вроде бы не любишь церковников, а говоришь на их языке и думаешь, как они.

— Ошибаешься, государь, они проповедуют смирение и покорность, а я, извини за смелость, даю дельные советы для управления страной. Надо уметь улыбаться, когда готовишься наносить удар, и не переставать говорить любезности, когда бьешь.

— Опомнись, Айр-Мардпет, — прервал его Аршак, — ты учишь царя лицемерию.

— Вовсе нет, государь. Просто положение твое, как царя, ко многому обязывает. Надо обладать такими качествами, чтоб управлять страной, чтоб легче добиваться успеха в борьбе с противником. В случае же победы над врагом говорить с поверженным любезно, даже с сочувствием. И поверь, так ты снищешь уважение к себе не только окружающих, но даже и врагов.

Аршак поднял брови, морщина на переносице разгладилась.

— Напрасный разговор, Айр-Мардпет. Врага встречают с оружием в руках и бранью на устах. А сказанное тобой — чи-

стейшей воды лицемерие и притворство. Ты, видимо, сам следуешь этим правилам, не так ли?

Аршак в упор посмотрел на собеседника.

Айр-Мардпет замолк, обидевшись.

Аршак заметил это и продолжил с иронической ноткой в голосе:

– Что далее, мудрец?

– Ничего, государь, нет смысла продолжать разговор, коль ты насмехаешься надо мной, грешным,– прикинулся глубоко уязвленным скопец.– Я желал быть полезным тебе и нашей стране.

– О, если ты ведом такими благими намерениями, то продолжай, пожалуйста,– Аршак похлопал по колену Айр-Мардпета.– Я слушаю тебя.

Скопец подобрал полы капы.

– Государь, исходя из интересов нашей страны, мы обязаны взвесить все «за» и «против» мирного урегулирования конфликта и военного его разрешения. Если чаша весов между миром и войной приходит в равновесие, надо избрать мир, ибо война – это разрушение, смерть, и преступен тот, кто развязывает ее первым. Это в равной мере относится и к нахарарам. Пойти сейчас на военное столкновение ради того, чтоб наказать непокорных, было бы опрометчивым шагом, потому что нахарары сплочены единой волей и целью. Их даже лучше не раздражать, а, тихо действуя, рассорить между собой, потом в одиночку с каждым расправиться «во имя родины и царя».

«Коварен и умен, старый лис»,– подумал вновь государь, опустив голову, что означало: разговор окончен.

Не успел Мардпет покинуть зал – Аршак распорядился вызвать спарапета. Теперь ему нужно было узнать мнение Васака о Гнеле и его пребывании в Каваше.

Старый вояка вошел к царю с нескрываемым недоумением на лице: только кончился совет, что могло новое произойти?

Но первый же вопрос государя все поставил на место.

– Тер спарапет, твоя позиция по поводу нахарарского послания мне не совсем ясна. Я не хотел при старейшинах входить в подробные расспросы. Теперь прошу четко изложить свою точку зрения.

– Ты прав, государь, я не все сказал, что хотел. Постараюсь быть более откровенным. Ты хочешь строгими мерами обуздать непокорных нахараров, подчинить их своей воле, чтоб в час опасности стать на защиту отечества объединенными силами. Задача из труднейших, ибо испокон веку наше нахарарство было самовольным, самовластным сословием, так просто оно не уступит свои позиции и уж подавно добровольно не отдаст свои крепости.

– Но можно ли, спарапет, без принудительных мер имеющуюся в их распоряжении военную силу передать в твое распоряжение, как верховному главнокомандующему, чтоб страна в состоянии была отразить любую опасность?

Васак сощурил глаза.

— Принудительными мерами в этом случае действовать нельзя. Нам в равной мере важно спокойствие как внутри страны, так и у ее границ. Поэтому пусть их крепости останутся при них. А ты, государь, строй свою.

Аршак пристально посмотрел на своего главнокомандующего и вдруг неожиданно порывисто обнял его за плечи.

— Золотые слова говоришь, Васак, ты угадал мою тайную мысль. Я давно вынашиваю ее в душе: я мечтаю воздвигнуть могучую крепость, нерушимую всеармянскую твердыню. Потому и строю новый город. Однако скрываю от окружающих, с каким дальним умыслом делаю это. Я рад, что ты сам пришел к этому, и прости уж, что скрывал от тебя свои заветные думы. Кстати, они не сразу обрели кровь и плоть, и я опасался открывать все карты перед нахарарами: довели бы до ушей Шапура, не без того, и сами еще крепче ухватились бы за свои крепости. А я бы желал, чтоб все крепости и цитадели Страны Армянской были бы в твоем единоличном ведении, во имя безопасности нашего отечества.

«Не буду расспрашивать спарапета о Гнеле, еще подумает, что я его боюсь, излишне это», — решил Аршак про себя.

Долго длилась беседа между царем и спарапетом, в ходе ее Васак высказал мысль, которая пришлась очень по сердцу государю: когда будет стоять такая крепость, сказал он, нахарары проникнутся уважением к верховной власти, а Страна Армянская обретет прочное спокойствие, не будет опасаться более Ирана. Аршак просиял и поделился еще одним своим решением — поставить крепость там, откуда более всего персы совершают нападения на территорию Армении.

— Разумно, государь, — одобрил Васак, — это будет прочный форпост мира и спокойствия на нашей земле.

Когда спарапет распрощался с Аршаком и удалился, царя вновь обступили недавние сомнения: какие силы стоят за нахарарами и определяют их поведение? И опять после долгих раздумий пришел к выводу, что присутствие Гнела в Каваше окрыляет его противников... А может, его противники действуют с царевичем заодно?

Что же делать? Изгнать Гнела из Каваша или постараться перекинуть мост дружбы с ним? Царь ломал голову над этим вопросом и к окончательному решению никак прийти не мог.

Когда утром следующего дня Вард-ишхан вошел в царские покои с готовым приказом в руках, Аршак покачал головой:

— Не надо приказа, ишхан. Отправишься в Каваш без него.

Вард-ишхан побледнел; значит, все же ему суждено ехать туда с этой горестной миссией, да еще без письменного приказа, устно передать... Хуже быть не могло...

— Тяжкое поручение, государь, — удрученно вымолвил он.

— Нет, ишхан, теперь нисколько.

— Как? — поразился Вард.

— Ты отправляешься туда же, но с иным поручением
Вард поднял плечи, недоумевая.

— Да, дорогой, ты поедешь в Каваш и пригласишь Гнела с женой в Шахапиван на Навасардские праздники. Я хочу сам видеть царевича и с глазу на глаз переговорить с ним. После празднеств обязательно будет и охота.

Недоумение Варда сменилось крайним изумлением, и гора с плеч свалилась. Но как непоследователен государь, думал он, что могло случиться за одну ночь, чтоб заставить его сменить гнев на милость? Стали известны новые обстоятельства?

Царь между тем продолжал:

— Повезешь с собой подарки для моего отца, то, что он больше всего любит. Понял?

Вард, глубоко раскланявшись, заторопился к выходу: как бы царь не изменил снова своего решения!

На следующий день Вард-ишхан с нагруженными мулами и конными телохранителями вновь пустился в путь. Хотя дорога была неровной, вся в ухабах и рытвинах, да еще то вверх ползла, то круто спускалась вниз, он не замечал трудностей: на сердце было легко.

Когда Вард передал Гнелу приглашение государя, царевич зарделся от удовольствия и глаза просияли радостью.

— Передай, пожалуйста, мою великую благодарность дядюшке-царю,— сказал он, прижав руку к груди.— Мне он оказал большую честь. С огромной радостью принимаю приглашение.

Потом Гнел поинтересовался, когда начнутся празднества.

— Молодоженам простительно все на свете забывать,— с лукавой улыбкой заметил Вард. Он напомнил царевичу, что Навасардские праздники начинаются через десять дней, так что достаточно времени, чтобы сделать необходимые приготовления.

Ни дурные вести, ни добрые никогда не остаются в тайне, самыми невероятными путями проникают они во все уголки. Так произошло и на этот раз. Не успел Вард передать приглашение царя Аршака, как весь дворец уже обсуждал его, все, конечно, были очень довольны, кроме... одного Тирита.

Значит, государь не поверил ему, если приглашает на празднества Гнела с женой, а его нет, подумал он, упав духом. Вместо ожидаемого наказания царевичу оказывается честь... Ну и дела...

— Нет,— вдруг воскликнул Тирит,— не все потеряно! Парандзем...— С этими словами он поспешил к Вард-ишхану. Но где он сейчас? Где он остановился?

Посланный за сведениями слуга сообщил, что Вард-ишхан отдыхает в гостином покое при дворце и собирается завтра же в обратный путь. Хотя по положению не полагается царевичу являться к ишхану, Тирит помчался к Варду. Надо выяснить,

как могло случиться, что царь послал приглашение только Гнелу с женой, а ему – нет.

– Рад видеть царевича, ты оказываешь мне большую честь,– встретил Вард-ишхан его с искренним почтением в голосе.– Чем я заслужил его?

Тирит даже не обратил внимания на его слова.

– Мне передали, ишхан, что государь через тебя послал приглашение Гнелу и его жене поехать в Шахапиван на праздник,– выпалил он, глотая окончания слов.– Как это могло случиться?

Вард внимательно оглядел царевича: вид у Тирита растерянный, лицо искажено гримасой, длинные штанины неряшливо засунуты в муйки. Видно было, он так спешил, что не успел привести себя в порядок. И вообще выглядел подавленным.

– Как это могло случиться? – повторил Тирит, неловко присаживаясь на предложенный ему стул.– Неужели государь не поверил мне? Не придал значения моим словам? Но ты сам был свидетелем того, что происходит в Каваше, собственными глазами видел и военные игры, и приготовления... Неужели я мог выдумать такое?

Голос его осекся, Тирит поднес руку ко лбу, точно он пылал, и весь съежился. Юноша казался в этот момент таким несчастным, что Вард поспешил успокоить его:

– Дело не в том, что он не поверил или не придал значения,– сказал он,– просто государь не был на свадьбе своего племянника и теперь решил восполнить этот пробел, хочет встретиться, поговорить с ним.

– А меня?

Вард-ишхан не понял его:

– Тебя он видел не раз, царевич.

– Нет, ишхан, я не о том. Почему он и меня не пригласил в Шахапиван? Может, пригласил, а ты забыл передать?

– Нет, царевич, такие вещи не забывают.

Тирит поник головой, потом через секунду, дрогнув, поднял ее:

– Скажи мне, ишхан, в каком свете ты рассказывал государю о слышанном и виденном в тот приезд?

– В том, в каком видел и слышал, царевич.

Тирит замолчал, потупив взор; лицо его передергивалось, он кусал губы в страшном волнении. Потом как-то неожиданно сорвался с места и быстро стал мерить шагами зал, не обращая внимания на Варда. Так прошло несколько минут.

– Как ты думаешь, ишхан,– наконец остановился он,– удобно ли и мне поехать в Шахапиван на праздники? Как ты думаешь? – повторил он, впившись глазами в Варда, словно хотел в его ответе угадать настроение самого государя.

– Конечно, царевич, можешь поехать,– отвечал Вард-ишхан, придав голосу уверенную интонацию, чтоб успокоить его.– Все имеют право быть в Шахапиване на Навасардских празднествах, и ты тоже.

— А как отнесется к моему появлению там государь? — В его глазах появилась тревога. — Не будет для него нежелательным?

— Нисколько, царевич, ну что ты? Я уверен — нисколько...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шахапиван... Не велик этот поселок, не богат, однако славен на века, потому что издревле считается священным центром армянского язычества; здесь ежегодно в шумном веселье и бурной радости проходят традиционные Навасардские празднества. Свое культовое значение Шахапиван не утратил и после принятия армянами христианства. Со всех концов страны, из самых ее отдаленных областей устремлялись сюда и стар и млад, и пеший и конный; всем в равной мере: селянину и нахарару, азату[1] и простолюдину, воину и церковнику — хотелось принять участие в народном гулянье, своими глазами увидеть, какие будут совершаться обряды, какие будут даны представления, какие будут игры и состязания. Люди ехали, нагруженные всевозможными лакомствами, фруктами, сладостями, везли с собой животных для заклания языческим богам.

Не велик Шахапиван, но велика его слава.

Может быть, особую привлекательность этому селению придавали еще раздолье раскинувшихся вокруг полей, пышные сады и постоянная синь над головой. В это время года, где бы ни дождило, где бы ни хмурилось, в Шахапиване всегда стояла ясная, солнечная погода.

И сегодня вот небо прозрачно-чистое; осеннее солнце нежно пригревает стоящие особняком одноэтажные дома; прилегающие к ним густые сады, полыхающие всеми цветами осени, возвышающуюся за домами гору Шахапиван, давшую название селению и, как верный страж, века подряд ограждающую его от дыхания холодных северных ветров.

Однако обычная безмятежная тишина и покой, свойственный этим местам, сегодня были нарушены разноголосым шумом оживленной толпы, казалось, жужжат тысячи невидимых ос; смех, песня, громкие голоса смешались воедино; повсюду царило радостное возбуждение.

Вот уже два дня нескончаемым потоком прибывают сюда толпы людей; народ запрудил улицы, затопил окраины. Все вокруг одеты празднично, ярко, нарядно; женщины в красном, синем, оранжевом — пестрые, как окружающая осенняя листва; мужчины одеты более скромно: они в длинных или коротких капах, широких штанинах с бахромой, на головах — набок надвинутые войлочные или кожаные шапчонки, вышитые бисером, некоторые щеголяют в широкополых плетенных из соломы

---

[1] А з а т — буквально: свободный, знатный человек.

шляпах; сбоку на серебряном или кожаном поясе висят разных размеров мечи в ножнах.

Тянутся по дорогам вереницы подвод с семьями селян и азатов, рядом скачут сепухи на конях, попадаются и нахарары, ишханы со своими женами, дочерьми, невестками, многих членов их семей везут на колесницах, запряженных парой вьючных животных. Полным-полно и церковников, съезжавшихся из разных монастырей и храмов. Казалось, людской поток разнесет в щепу селение, сотрет его с лица земли. Подводы, накрытые кошмой, коврами и разноцветными паласами, преимущественно располагались на окраинах, где как грибы росли вокруг шатры. Между обозами и шатрами можно было видеть распряженных и стреноженных быков, лошадей и рядом – перевязанных веревками и цепями беленьких бычков, предназначенных для жертвоприношения; много было и белых голубей, их тоже привозили паломники, чтоб положить на алтарь, согласно древнему языческому обычаю.

Как на всех Навасардских празднествах, так и на сей раз в Шахапиване собрался разноликий люд: заломив набекрень высокие колпаки, разгуливали с размалеванными лицами шуты, сновали гадалки с чашами для ворожбы; позвякивая бубенцами на головных уборах, проходили канатоходцы с пестрыми треугольными нагрудными вышивками, чтоб их сразу можно было распознать среди толпы; важно шествовали гусаны с инструментами в руках; песня и музыка не умолкали ни во дворе церкви, ни вокруг нее. Юноши и девушки вели хороводы, молодые селяне в безрукавках размахивали в пляске яркими платками, девушки пели и пританцовывали – все в широких, развевающихся юбках, не очень, быть может, дорогих, но новых и празднично ярких; у всех волосы заплетены в две или семь косичек, украшены осенними цветами; у всех на шеях ожерелья из разноцветных камней, сушеных фруктовых косточек, а то и простых стекляшек; у всех блузки, украшенные серебряными пуговицами, пояса – блестящими бусинками, в ушах непременно горят серьги. Позвякивая и поблескивая украшениями, девушки неслись в танце под град рукоплесканий и возгласы одобрений:

– Славно пляшете, молодцы!

И танцующих и музыкантов это вдохновляло.

Народное гулянье началось задолго до объявления начала торжеств. Официальное открытие должно было состояться после заутрени, которую готовились отслужить в небольшой местной церквушке. Она была бескупольной, в форме удлиненного прямоугольника с колоннадой, тянувшейся вдоль фасадов. Вместить всех желающих церквушка, разумеется, не могла, потому огромная толпа народу осталась за ее пределами. Когда началось богослужение, собравшиеся обступили ее со всех сторон и с нетерпением ждали конца обедни; особое нетерпение проявляли молодые, жаждущие начала скачек, состязаний и игр. Но развлечений хватало и сейчас: в одном месте

косолапый мишка, став на задние лапы и закинув на плечо хозяйский посох, неуклюже переваливался с ноги на ногу; в другом – шли жаркие петушиные бои; чуть поодаль две змеи, белая и черная, выползая из ящика, обвивались вокруг обнаженного по пояс хозяина, вокруг рук его и шеи, а он, не шевелясь, хладнокровно улыбался публике; но больше всего толпилось вокруг канатоходцев, которые, взяв в руки длинные шесты, надев на ноги кастрюли, плясали на толстом канате, туго натянутом между двумя столбами.

Как всегда в праздничные дни, вокруг церкви и на улицах шла оживленная, бойкая торговля фруктами, сластями, всевозможной мануфактурой: шелком, полотном, тафтой. Продавцы украшений, обвесившись товаром, расхаживали среди толпы, обольщая молодых женщин ожерельями, бусами, монистами, золотыми и серебряными серьгами, браслетами, массивными серебряными поясами. На каждом шагу попадались коробейники, торговавшие всякой мелочью: иголками, наперстками, пуговицами, кольцами, булавками. И каждый на свой лад расхваливал свой товар.

– Девушки-невестушки, сепухи-молодцы, берите, покупайте, носите на здоровье!

Хотя и селение и его окраины уже переполнены были до отказа, народ все валил и валил; прибывали семьями, группами, празднично настроенные, хоть и усталые, но довольные и радостные, как бывает обычно, когда идут на богомолье... Каждый вновь прибывающий спешил прежде всего к церкви, где, смешавшись с паломниками, толкались местные дворцовые служители, воины, военачальники. Им тоже хотелось послушать богослужение, тем более что его должен был вести специально для этой цели прибывший из стольного града католикос. Слух о том, что на богослужении будут присутствовать царь с царицей, облетел весь Шахапиван. То и дело слышалось:

– Царь прибыл?

– Не знаем.

– А архимандрит?

– Наверное, служит в церкви.

И каждый старался протиснуться в церковь. Многие оставляли лошадей, повозки на окраине селения, а сами спешили к центру, чтоб успеть на богослужение, посмотреть на нарядных людей и знатных особ.

Архимандрит прибыл накануне, его многие видели. О том, что и царь уже в Шахапиване, мало кто знал, потому что он приехал ночью и со своей свитой расположился во дворце у военачальника и пока нигде не показывался. В это утро, когда всех занимало, где же государь, государь лежал, укрывшись собольим покрывалом, и интересовался только одним: где же Гнел?

– Все еще нет царевича? – в который раз спрашивал он Вард-ишхана.

– Еще нет, государь.

– Неужели может не приехать?

– Ни в коем случае. Он сказал, что будет непременно к первому же дню празднества вместе с женой.

– Он на самом деле сказал, что принимает приглашение с удовольствием?

– Да, так и сказал и был рад безмерно, я вам передавал, государь.

– Почему же тогда опаздывает? Сегодня ведь начинается праздник.

– Мы ждем его с минуты на минуту, – ответил Вард-ишхан и немного погодя вышел узнать, прибыл ли царевич.

Ничего выяснить ему не удалось. Поэтому, взяв двух телохранителей, он направился к церкви. Народ таким тесным кольцом обступил ее, что приходилось с трудом прокладывать дорогу.

Пока за стенами церкви пели и танцевали, внутри, под ее сводами, шло торжественное богослужение, мерцали горящие свечи, из раскачиваемых кадил курился ладан. Священники и дьяконы в парадных ризах совершали положенные к случаю обряды, католикос Нерсес и епископы, отойдя к алтарю, время от времени крестились, задыхаясь от духоты в набитом до отказа помещении. У всех входов и в боковых проходах толпились люди, а те, кто находился внутри церкви, стояли прижавшись друг к другу так, что яблоку негде было упасть.

И в этот самый момент, когда внутри шло богослужение и народ за стенами церкви, затаив дыхание, прислушивался то к молитвам и шараканам[1], то к чуть поодаль звучащим песням гусанов, воздух огласил душераздирающий крик; женский истошный вопль перекрыл все звуки:

– Спасите! Увели! На помощь!!

Крик повторился еще раз, громче и страшней.

Народ содрогнулся, вмиг оборвались песня и музыка. Что могло случиться? Кому нужна помощь? Кого увели? Куда? Кто кричит «Спасите!»?

Все как один обернулись в сторону леса, откуда доносились крики.

Через мгновение показалась женщина на коне, не просто всадница – полыхающий огонь: полы роскошной одежды и концы повязки, спадающей с головы, развевались на ветру. Она скакала галопом к селению, подняв руку к застывшему от ужаса лицу.

– Спасите! На помощь! Увели его! Убьют!

Оторопелая толпа молча расступалась перед ней, боясь попасть под ноги коню.

Лица всех выражали испуг и удивление: кто эта женщина, что случилось?

---

[1] Шараканы – церковные гимны, песнопения.

А всадница, забыв стыд и приличие, отчаянно взывала:

– На помощь! Где архимандрит? Где святейший? Где государь?

Так ужасна и в то же время величественна была скачущая женщина, что люди, не решаясь что-либо спросить, молча давали ей дорогу, указывая рукой на церковь. Когда же она, спрыгнув на скаку с коня, топча ногами полы дорогой одежды, влетела в церковь, произошло неожиданное: как гром средь бела дня прозвучал ее душераздирающий вопль посреди торжественной литургии, и богослужение прервалось. Внутри церкви, так же как и снаружи, люди в ужасе шарахались, давая дорогу к месту, где стоял католикос.

Потрясенный Нерсес обернулся на крик – ему навстречу бежала, обливаясь слезами, женщина в атласном платье. Не успел он узнать ее, как та бросилась на колени, верней, не бросилась, рухнула к его ногам:

– Святейший, спаси Гнела, его хотят убить!

Нерсес вздрогнул, густые брови его взлетели вверх, крупные темные глаза расширились от ужаса.

– Встань, женщина, и объясни толком,– обратился он к ней, рукой подавая знак, чтоб помогли ей подняться. Двое из священников бросились к коленопреклоненной, подняли ее, и только тут патриарх узнал в исступленной, растрепанной женщине дочь владельца Сюникского края Парандзем.

– Кто увел твоего супруга, ишхануи? – вскричал он дрогнувшим голосом.– Кто посмел?!

– Не знаю, святейший,– лицо Парандзем пылало, слова застревали в горле.– Когда мы на конях подъехали к опушке леса, на Гнела напали вооруженные люди в масках. «Именем государя!» – сказали они и, схватив его, скрутили ему за спину руки – я бросилась звать на помощь. Спасите его, святейший, молю вас... Они убьют моего Гнела!

Глаза Нерсеса сверкнули гневом, он подал знак, чтоб помогли ему скинуть ризу, и огромными шагами по живому коридору, вмиг раскрывшемуся перед ним, поспешил к выходу; за ним повалил народ, прихожане и священнослужители.

Нерсес выскочил из церкви разъяренный; стоявшим поблизости воинам тут же дал распоряжение немедленно скакать к месту происшествия и спасти невинного; потом быстрыми, нервными шагами, путаясь в длинных полах рясы, направился к расположенному в двух шагах от церкви, охраняемому вооруженными стражниками зданию, где остановился государь.

Увидев взволнованно приближающегося патриарха, стражники у ворот с почтением расступились: за святейшим было право входить к государю без доклада. Но если б даже не было этого права, они не посмели бы его остановить – таким уверенным шагом, сверкая свирепо глазами, шел он ко входу в здание.

— Государь! — уже с порога позвал Нерсес. Увидев лежащего лицом к стене Аршака, он повысил голос: — Государь!!

Аршак не двигался; тогда он подошел поближе, потряс его за плечо и, позабыв всякий этикет, заорал над ухом:

— Вставай, государь, убивают твоих близких!!

Аршак зашевелился под собольим покрывалом, разом сел:

— Кого убивают, где? — и вскочив на ноги: — Нападение?! Война?!

— Да нет же, не война, — задыхаясь от волнения, объяснял католикос. — Какие-то люди в масках арестовали в лесу царевича Гнела, якобы по твоему велению, и хотят учинить расправу над ним.

— Что?! — заорал Аршак, застыв на месте. — Я его вызвал для разговора... Кто смел его тронуть?!

— Неизвестные люди, государь, спеши предотвратить беду, иначе...

Нерсес не мог продолжать, и государь спросил:

— Кто принес это известие?

— Жена царевича, ишхануи Парандзем... Не мешкай, государь!

От волнения и гнева Нерсес задыхался, большие черные глаза его лихорадочно бегали на мертвенно-бледном лице.

Сбитый с толку от неожиданности, Аршак пытался что-то уяснить себе.

— Постой, святейший, как так Гнела? Может, ошибка какая произошла? Кто мог посметь поднять руку на царевича?

— Пойми, государь, — почти закричал Нерсес, — Гнела заставили спешиться и связали ему руки...

— Я сейчас, — Аршак захлопал в ладоши, чтоб вызвать сенекапета Варда, но в этот момент вошел начальник царского полка телохранителей Ваан Хорхоруни. — Ишхан, — обратился он к нему, — патриарх принес ужасную весть, одетые в маски неизвестные люди напали в лесу на царевича Гнела и хотели его убить, спеши скорей туда, не дай свершиться преступлению.

Хорхоруни стал навытяжку, сжав рукоять меча.

— Уже поздно, государь, — сказал он густым басом, соответствующим его крупному, грозному телу, — царевич убит.

Светлейший встрепенулся и, сжавшись, метнул яростный взгляд на царя, потом подозрительно перевел глаза на начальника охранного полка и отступил к дверям.

— Это преступление, достойное Каина! Виновник понесет божью кару! Кто поднял меч, тот от меча и погибнет... — бросил он на ходу и вышел, не оборачиваясь.

Немного погодя — католикос, наверное, еще и не успел вернуться в церковь — к Аршаку вошел Вард-ишхан; они вместе

с Хорхоруни рассказали известные им подробности убийства, о том, какое тяжелое впечатление оно произвело на собравшихся людей, на паломников.

— Кто же мог совершить преступление? — сжав кулаки, спросил Аршак.

— Трудно сказать, государь, они были в масках и скрылись бесслёдно.

— Что же дальше?

Аршак хотел было спросить: правда ли преступники говорили, что действуют от имени государя, но смолчал.

— Везут труп царевича, толпа двинулась навстречу.

— Куда везут?

— Решено похоронить на холме Лисин.

Аршак умолк, минуты две, опустив голову, взволнованно шагал взад и вперед, потом встал, выпрямившись, перед сенекапетом.

— Распорядись, ишхан, чтоб отслужили в церкви заупокойную по Гнелу и чтоб все пошли на траурный молебен. Все!..

— Слушаюсь, государь.

Через два часа толпа хлынула на холм Лисин, находившийся в просеке неподалеку от Шахапивана. Здесь смешались воедино люди разных возрастов и сословий: местные прихожане, паломники из дальних нахарарств, простолюдины, селяне. Выделялись в толпе юноши из знатных фамилий, ишханы и церковники. Среди этого пестрого люда бросались в глаза воины, вооруженные копьями и луками; они пришли сюда якобы для поддержания порядка и вместе со всеми старались протолкнуться в передние ряды, чтоб увидеть, что творится там, у ограды заповедного парка, откуда доносились плач и стенания. Один голос надрывался так сильно, что душу выворачивало.

— Кто так горько плачет? — спрашивали друг у друга в толпе.

— Вдова покойного...

И всем хотелось вперед, чтоб взглянуть на незнакомую несчастную ишхануи, которая вскачь примчалась в Шахапиван, прося о помощи, а теперь безутешно рыдает над трупом мужа; женщины, слышавшие ее голос, не могли сдержать слез. Люди все шли и шли, не столько по приказу государя, сколько влекомые интересом к таинственным обстоятельствам странного происшествия.

— Правда, царевича убили разбойники с целью грабежа? — спрашивал один своего соседа.

— Точно не знаю, но краем уха слыхал, что в момент нападения возле него не было телохранителей, он один оказывал сопротивление, жена же поскакала звать на помощь.

В другой группе сведения носили иной характер.

— Да, да, какое таинственное убийство... Неизвестные в ма-

ских... жуть... – сжимая губы, шептал один. – Видно, много было у него врагов.

– Э, приятель, – отвечал рядом стоящий, – в такие годы какие могут быть враги? – И понизив голос, добавил: – По распоряжению царя все совершено... тсс...

– Если б это было так, – тоже еле слышно ответил первый, – разве стал бы царь распоряжаться об упокойной по царевичу?

– Говорят, на месте преступления видели дворцовых людей.

– Что же странного, они были посланы туда, чтоб поймать убийц, сам святейший, говорят, распорядился.

– Что бы ни было – преступление ужасное: молодой, только женился... и убивают чуть ли не на глазах у жены...

В этот момент за спинами тихо перешептывающихся людей зашевелилась, задвигалась объятая страхом и тревогой толпа; послышался приглушенный приказ:

– Дорогу, государь!..

– Посторонитесь!

И, повинуясь не столько приказу, сколько внутреннему чувству, толпа распалась на две части, образовав проход, и те, кто стояли наверху, действительно увидели у подножья холма государя со свитой. Рядом с царем шла царица. Возглавляли шествие, как и полагалось, воины в шлемах и одежде охранного полка государя с дротиками и пиками в руках. Царь шел просто одетый, на голове круглая шапка, на плечах – темная дорожная накидка, которую он носил в будничные дни. На плечи царицы была накинута скромная пелерина, прикрепленная к груди византийскими застежками, волосы на голове были стянуты повязкой из тонких кружев.

Распавшаяся на две части толпа во все глаза смотрела на это необычное шествие, не осмеливаясь даже звука издать. Ведь большинство собравшихся были простолюдины, селяне из близлежащих деревень и городов, им никогда не приходилось видеть царских особ. Позабыв о печальных обстоятельствах, они жадно ловили каждое их движение, рассматривали повязки на головах, накидки на плечах. Внимание многих приковали желтые, блестевшие как золото муйки царя и видневшиеся из-под накидки полы его капы, обшитые серебром.

Государь поднимался по склону не спеша, несколько придерживая шаг, точно для того, чтоб за ним поспевала царица, опасливо обходившая каждую кочку под ногами: видно было, что она очень боялась споткнуться и упасть.

Обычно появление царя Аршака в народе встречалось радостными выкриками и приветствиями, порой искренними, порой заученными. Но нынче все хранили молчание.

Когда оплакивающие Гнела женщины узнали, что приближаются царь с царицей, они заголосили громче; сквозь рыдания и сплошной плач пробивался один скорбный голос:

– О солнышко мое в ясный день! О месяц ясный в темной ночи! Кто погасил мой светоч? Кто?

Вслед за этими словами прокатывалась волна всеобщего плача; когда она немного стихала, снова стал слышаться голос:

– Мой славный Гнел, ты пал жертвой зависти черной...

Государь со своей немногочисленной свитой достиг вершины холма и остановился в двух шагах от скорбно оплакивающих царевича женщин – и плач и рыдания усилились. Среди них Аршак заметил одну с распущенными волосами. Скрестив белые руки на груди, она покачивалась взад и вперед и горестно причитала, заставляя плакать всех вместе с собой. Столько отчаяния было в ее голосе, столько боли, что Аршак невольно опустил голову, а в глазах царицы и многих из свиты появились слезы. Аршак понял, что это Парандзем, и краем глаза из-под насупленных бровей стал наблюдать за ней. Она была в платье из атласа, смятом и разодранном.

Прошло некоторое время, поникшая в горе Парандзем вдруг вскинула голову и, ломая руки, снова принялась оплакивать мужа. Пораженный Аршак перевел взгляд на царицу, потом на приближенных: он впервые видел жену Гнела. Какое лицо! Какие глаза! Какой изгиб бровей... И царь невольно сравнил ее со своей Олимпией, всегда холодной, бесстрастной. Вот и сейчас она стояла рядом, как чужая, невозмутимо спокойная, точно и не взволнованная случившимся. А Парандзем полыхала огнем, глаза в дугах бровей сверкали синим пламенем, разметавшиеся золотисто-русые пряди волос горели на солнце. Аршак, конечно, слышал, что жена Гнела красива, но такое представить трудно...

Пока царь предавался этим размышлениям, утихли женский плач и стенания, Парандзем же, обхватив руками голову, опять несколько мгновений молча покачивалась взад и вперед.

– Свет моих очей, Гнел мой, – начала она... и вдруг вскрикнула: – Тебя убили из-за меня, да, пусть слышат все, – она воздела руки к небу, – пусть слышат, моего славного Гнела убили из-за меня! Из-за меня! Его нужно было убрать с дороги... Чьи-то слова дошли до слуха моего: «Не тужи, не мучь себя, найдешь себе мужа лучшего...»

Сказав это, она исторгла душераздирающий вопль и, откинув назад сбившиеся волосы, упала на труп мужа.

– Тебя нет, а меня утешают, чтоб не мучилась я, не убивалась... – захлебываясь в слезах, говорила она.

До этого момента Аршак слушал Парандзем с сочувствием и удивлением, весь уйдя в себя; при последних словах встрепенулся и вопросительно глянул на окружающих: что могут означать слова женщины? Среди толпившихся он заметил несколько знакомых лиц – нахараров, сепухов, церковников; горестно склонив голову, стоял неподалеку и царевич Тирит.

Постояв еще немного, царь приблизился к группе скорбящих женщин, склонился над лежащим под белым саваном Гне-

лом и, трижды осенив его крестным знамением, стал медленно удаляться по дороге, по которой пришел.

Свита последовала за ним.

Весь обратный путь он хранил молчание. Молчали и сопровождавшие его лица. Только перед самым входом во дворец, давший гостеприимный кров царской чете, Олимпия остановилась и, тяжко вздохнув, сказала: «Как все это ужасно, василевс». Он ответил: «Да, василея...»

— Ты не будешь возражать, если мы пригласим несчастную ишхануи к нам в Вагаршапат? Здесь, оказывается, нет у нее родных, она останется совсем одна со своим горем,— произнесла она, участливо заглядывая в мрачное лицо супруга.

— Нет, не буду,— рассеянно ответил Аршак. И они, попрощавшись, направились каждый на свою половину.

Войдя в свои покои, царь отдал распоряжение следовавшему за ним Вард-ишхану:

— Пусть никто не нарушает мой покой, царица тоже.

— Слушаюсь, государь,— Вард-ишхан удалился, несколько удивленный.

А Аршак, оставшись один, стал, по своему обыкновению, вышагивать по залу. Его не на шутку взволновали красота Парандзем и сказанные ею слова. Что они означали? Кто потерял голову из-за нее и, чтоб завладеть ею, пошел на убийство Гнела? Кто нашептывал ей эти странные слова? Имеет ли она в виду кого-нибудь конкретно?

Аршак ощущал внутреннюю растерянность. Весть о случившемся скоро облетит всю страну, повсеместно будут склонять его имя: «именем государя» совершено убийство, государь убрал Гнела, чтоб избавиться от претендента на престол. Боже, как опровергнуть все это? Но Парандзем... она же прямо сказала, что мужа ее убили из-за нее, сказала во всеуслышание, перед всем честным народом. Правда, преступники прикрылись именем государя, но есть живое свидетельство самой вдовы...

Роившиеся в его голове вопросы требовали ответа, а он не в состоянии был разобраться во всех этих странных обстоятельствах, поэтому искал, с кем бы поговорить, кого послушать. Могла бы Парандзем что-нибудь напутать или придумать, к примеру, такое, чего не было? Нет, Аршак хорошо знал, что люди в горе бывают предельно откровенны, особенно в тяжелом горе.

«Следовательно, женщина искренна»,— заключил он, решив все разузнать у нее самой.

Тут перед его мысленным взором встала Парандзем во всем великолепии своей красоты, которую не могли затмить никакие печальные события. Он подумал: «Такая красавица может толкнуть человека на преступление, ничего удивительного тут нет». И вдруг, вспомнив о предложении Олимпии пригласить ее во дворец, позвал сенекапета.

— Попроси Вард-ишхана, да побыстрей.

Не прошло и нескольких мгновений, как в дверях, вытянувшись в струнку, стал Вард-ишхан. Он был несколько насторожен неожиданным вызовом. Обычно по возвращении во дворец царь Аршак имел обыкновение отдыхать и Варду тоже давал свободу.

Однако нынче дело обстояло иначе: Аршак испытывал непреодолимое желание поговорить с кем-нибудь из своих приближенных, порасспросить как следует, что люди думают обо всех этих странных событиях, особенно о сказанном Парандзем... Ему важно было докопаться до истины, выяснить, кто совершил это черное дело, бросившее тень и на него, невольно и его сделавшее виновником перед богом и людьми. Но, взглянув на утомленное лицо Вард-ишхана, явно не настроенного к доверительной беседе, Аршак передумал. Так и быть, не буду проявлять нетерпение, может, само собой все распутается.

Государь смотрел на усталое лицо Вард-ишхана, вытянувшегося в струнку перед ним, и медлил с решением.

– Явился по вашему вызову,– как бы напоминая о себе, сказал Вард.

– Да, ишхан, вот что,– Аршак остановился,– я намеревался провести здесь несколько дней – ты об этом знал,– проверить подготовку армейских частей, посетить казармы. Но теперь, после всего случившегося, пожалуй, сочту за лучшее уехать. Распорядись о приготовлениях к отъезду. Завтра же, утром.

Государь умолк и снова уставился на Варда, лицо которого выражало искреннее удивление.

– Естественно, со мной поедет и царица. Запомни, ее не следует волновать подробностями об убийстве царевича. Ясно?

Вард кивнул, не понимая, к чему клонит царь.

– Распорядись также, чтоб помогли собраться в дорогу и ишхануи Парандзем, она поедет вместе с Олимпией в Вагаршапат. Нельзя женщину в трауре оставлять одну, родные и близкие ее далеко, некому даже утешить. Во дворце вдову окружат вниманием придворные дамы и царица Олимпия. Это, кстати, желание самой царицы.

Вард опять отвесил поклон.

– Прими меры предосторожности по пути и создай благоприятные условия для езды,– продолжал он, вышагивая по залу,– вези Парандзем на повозке, верхом не сажай.

Он задумался на секунду, потом добавил:

– Нет, пожалуй, вернее было бы предоставить ей одну из дворцовых колесниц... Может, Олимпия возьмет ее в свою? Гнел нам слишком близкий человек, нельзя его вдову оставлять в тяжелом горе одну.

Омрачилась радость в Шахапиване... Смолкли музыка и песни. Никто не молился, никто не торговал. И это не было распоряжением свыше, а получилось само собой: умер человек – и все тем сказано.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Расскажем теперь о том, что последовало за Шахапиваном.

Как ни рассчитывал царь Аршак после Навасардских празднеств и несостоявшегося разговора с Гнелом отдаться заботам о строительстве города — все не получалось. Желанную поездку в Аван каждый раз расстраивали какие-нибудь непредвиденные вещи. А теперь вот — убийство Гнела! Оно настолько сбило его с толку, что он не нашел времени, да и не было настроения хоть разок взглянуть на подарки грузинского царя, посланные ему к празднику в Шахапиван — согласно принятой между обоими царями традиции — обмена любезностями к Новому году. А надо бы не только взглянуть на дары, но и распорядиться об ответных знаках внимания. Только ли это? Недосуг даже вспомнить об Аване. Вынужден сидеть в Вагаршапате и заниматься делом Гнела. Разумеется, убит не простой смертный и при обстоятельствах тоже не простых — таких, которые могут дать повод к подозрениям и кривотолкам.

И впрямь, об убийстве царевича Гнела в тот же день узнала вся страна. Возвращающиеся из Шахапивана паломники разнесли весть по городам и селам, довели до крепостей, вызывая повсеместно удивление и большой интерес. Одним из первых услыхал о случившемся Нерсе Камсаракан: два брата его и трое сыновей принимали участие в Навасардских празднествах. Они скакали обратно в крепость, как сами говорили, быстрее птицы, чтоб раньше всех доставить своему патриарху ошеломительную весть.

Запыхавшись от быстрой езды, перебивая друг друга, рассказывали они о событиях в Шахапиване.

— Это дело рук Аршака,— сказал Нар-ишхан.

Затем, когда они изложили все подробности, связанные с убийством, упомянули о преступниках, действовавших в масках, Камсаракан уверенно заявил:

— Яснее ясного, это задумано Аршаком из страха перед Гнелом как претендентом на престол.

Разговор их прервали сообщением, что в крепость прибыли нахарары из соседних областей. Нар-ишхан тотчас приступил к распоряжениям о приеме. Один за другим въезжали во дворец старший Вахевуни, тер Закарэ из Каруца и зять Камсаракана Давид Амуни.

— Мы спешили, ишхан, с новостями. Знаешь о случившемся? — прокаркал первый из них еще с порога.— Аршак распоясался, теперь уже он действует не только против нас.

— Тем лучше, ишхан, тем лучше,— повторял Камсаракан.— Это преступление ускорит его падение; у людей откроются глаза, увидят они наконец, какое чудовище сидит на престоле.

Завязалась общая беседа, затянувшаяся допоздна. Ишхан Вахевуни был того мнения, что Аршак навсегда покрыл позором свое имя и песенка его спета.

— Хочу надеяться, что теперь уж он оставит нас в покое,— со вздохом облегчения заметил Давид Амуни.

— Ты так думаешь? — с сомнением покачал головой Нар-ишхан.— А мне кажется, наоборот: убийца, совершив преступление, не успокаивается, а сатанеет. Наш отказ, конечно, его обозлил, и теперь он может направить свое жало на нас: напасть на наши крепости с целью их захвата. Во всяком случае,— заключил он,— будем начеку, чтоб он не застал нас врасплох, не разрешим осуществить ему свои злые намерения.

— А что для этого надо делать? — вопросительно заглянул в глаза Камсаракану владелец Каруца Закарэ.

— Сохранять сплоченность и единодушие,— ввернул тут же Нар-ишхан.— Помните, в одиночку нас легко сломить, всех вместе — невозможно.

— Хоть есть надежда, что он в конце концов оставит нас в покое? — снова спросил Вахевуни.

— Конечно, есть,— уверенно ответил Амуни,— сейчас ему будет не до крепостей и не до строительства города.

Камсаракан многозначительно посмотрел на зятя.

— Ты уверен? — снова усомнился он.

В эти дни подробности убийства Гнела обсуждались и среди нахараров-старейшин. Как в Шахапиване, так и во дворце все до одного ломали голову над тем, кто мог быть убийцей. Как там, так и здесь высказывались догадки, делались предположения. Когда при этих разговорах присутствовал Вард-ишхан, он считал своим долгом пояснять, что государь вызывал Гнела в Шахапиван для дружеского разговора, исходя из самых добрых побуждений, а злоумышленники задумали это убийство, чтоб сорвать встречу близких людей.

— Правда, что убийцы ничего не взяли? — полюбопытствовал Айр-Мардпет.

— Ничего,— подтвердил Вард-ишхан,— но, возможно, потому, что жена Гнела подняла крик и стала звать на помощь. Они испугались и скрылись.

— Какой отважной оказалась жена Гнела, а? — удивлялись ишханы.

— Еще бы,— отвечал Вард-ишхан,— она ведь дочь сюникского ишхана.

Надо сказать, среди придворных, хорошо настроенных к царю, было немало таких, которые считали, что убийство Гнела подстроено нарочно, с целью опорочить государя. Некоторые даже, услыхав обвинения в его адрес, решительно заступались за него, доказывая, что Аршак никогда не пошел бы на такой шаг, который уронил бы его в глазах окружающих и всего народа. Кроме того, напоминали они, ни для кого не было секретом: царевич собрался в Шахапиван по личному приглашению дяди. И наконец, стал бы он омрачать такой светлый, ра-

достный праздник, как Навасард, настраивать всех и вся против себя?

Видно, все же мало кто слыхал слова Парандзем, будто убийство было совершено из-за нее, или, быть может, те, кто слыхали, не придали значения сказанному? Так или иначе, большее распространение получила версия, что убийство совершилось по велению государя. Переходя из уст в уста, эта версия обрастала новыми подробностями, дополнялась новыми предположениями. Такого мнения придерживались и церковники, обсуждая новость в стенах монастырей.

– Ни один волос с головы Гнела не упал бы, не будь на то воля государя,– шептались они, осуждающе покачивая головами.

Но все – нахарары и селяне, придворные и церковники,– как бы ни расходились во мнениях, в одном были едины: убийство родит «тьму подозрений» и поставит царя в затруднительное положение.

Эти опасения оправдались.

В те времена и вправду во все сердца вселилось подозрение. Исключения не составлял и сам государь; может, даже больше всех мучился сомнениями именно он, приходя к выводу, что злодеяние – дело рук враждебно настроенных к нему нахараров, которые ничем не брезгуют, чтоб сорвать строительство Авана, опорочить его в глазах народа; отсюда и слова: «Именем государя!..»

Однако были все же такие, которые слышали признание несчастной вдовы: «Кому-то надо было убрать с дороги Гнела...» Эти последние, категорически отметая подозрения, бросающие тень на государя, вместе со всеми ломали голову над тем, кто мог в слепой страсти пойти на такое преступление. Их подозрения падали на сепухов и юношей знатного происхождения, частенько наведывавшихся к молодоженам в Каваш. Вполне возможно, что кто-нибудь из них был тайно влюблен в сюникскую ишхануи еще до брака, а теперь, потеряв голову, решил добиться ее любой ценой.

В конце концов и они приходили к выводу, что ключ разгадки свершившегося таится в самой Парандзем: кому, как не ей, знать, кто тайно вздыхал по ней?

Так думал и царь Аршак, но пока считал неудобным подступать к вдове с расспросами, хотя она уже более двух недель находилась в Вагаршапате, поселившись в отведенных для нее покоях в тихой половине дворца, где каждый день ее навещали царица Олимпия и придворные дамы.

Вела она себя сдержанно, стараясь не показывать своего горя,– только синие глаза, полные глубокой печали, говорили о ее страдании. Больше молчала, на вопросы отвечала односложно. Часами сидела с застывшим взором, порой же, закрыв лицо руками, тихо вздыхала. Когда навещавшие ее дамы, выразив сочувствие, удалялись, она беззвучно лила слезы. Каждый раз вновь переживая случившееся, она посылала про-

клятье на голову тех, кто совершил это страшное злодеяние. Наедине с собой она часто задумывалась над тем, кто мог нашептывать ей те бесстыжие слова: «Не тужи, не мучь себя, найдешь себе мужа получше...» И потому что не могла вспомнить (слыхать слыхала, но не видела и по голосу не узнала), мучилась в догадках и подозрениях.

Но ни придворные, приходившие к ней с соболезнованиями и утешениями, ни она сама при разговорах этой темы не касались. Олимпия неизменно окружала ее заботой и вниманием, утешала, как могла. К великой радости царицы, Парандзем знала греческий, как свой родной: она многие годы провела в Византии вместе с родителями. Так что женщины могли свободно изъясняться друг с другом.

– Тяжело, дорогая Парандзем, очень тяжело, – говорила Олимпия, смягчая твердые согласные на византийский лад, – но надо мужаться. На мою долю тоже выпало немало горя, я потеряла отца, потом брата, жениха... Ничего не поделаешь, надо нести свой крест. Моя мать, дорогая Парандзем, говорила, что души умерших родных и близких не хотят, чтоб по ним долго скорбели, иначе они не могут найти себе покоя на том свете. Надо беречь себя, чтоб сохранить память о них... Так говорила моя мать...

Парандзем трогали ее слова, и она старалась скрыть от нее навернувшиеся на глаза слезы.

– Не плачь, сестра, молю тебя. Мы помянем Гнела добрым словом, а слезам надо положить конец. Души усопших жаждут покоя...

Порой встречи царицы с Парандзем были мимолетными, порой их беседы длились часами, ишхануи с каждым днем все больше привязывалась к Олимпии. Царица оказалась человеком чутким и разумным. Она приехала в Армению из далекой Византии и чувствовала себя здесь, в стране чужой и незнакомой, очень одиноко. Жизнь при византийском дворе – она была нареченной брата императора – научила ее многому, прежде всего осторожности и осмотрительности. Олимпия хорошо знала, какую роль играют при дворе козни и интриги. И у великих мира сего есть свои явные и скрытые враги, которые могут в любой момент пустить в ход оружие, и нередко этим оружием оказывается яд.

Напуганная всем виденным, она, уже будучи царицей в Армении, принимала еду только из рук верных служанок, прибывших вместе с нею. Осторожность делала ее крайне подозрительной. В первое время, попав из византийских палат, отличающихся изощренной роскошью и великолепием, в скромный Вагаршапатский дворец, она пережила горькое разочарование, многое претило ее вкусу, не нравилось. Дворец Аршакидов показался ей убогим строением, где не было привычной для ее глаза позолоты на мебели, ваз, украшенных работой искусных мастеров, дорогих ковров. Да и жизнь в его стенах текла вяло и серо; как ни мал был дворец, а казался

пустынным, потому что не было в нем развлечений, музыки, танцев; ни тебе пышных приемов в честь иностранных гостей, ни нарядно разодетых чужеземных послов с подарками и подношениями; и, наконец, в стране арменов не было для нее самого важного – моря. О, как она скучала по нему! Дома день начинался со взгляда из окна опочивальни на водный простор, от которого на сердце сразу становилось легко. А здесь, в Армении, одни лишь неприступные громады гор. Они такой сплошной грядой обступают человека, что кажутся непроходимой стеной, откуда выхода нет.

Но, прожив некоторое время в этой горной стране, она почувствовала открытую сердечность и душевную теплоту ее дочерей. Надо признать, придворные дамы относились к ней с уважением и почтением, иные из них: жены азарапета Давида Гнуни ишхануи Нана, спарапета Васака Катранидэ и Вард-ишхана Шушан – часто говорили ей: «Дорогая василея, твои близкие, мать и сестра, далеко отсюда. Мы готовы заменить их тебе. Не грусти, скажи только, что тебе хочется, и мы охотно исполним твое любое желание». Олимпия ценила такое чуткое отношение к себе и платила им тем же. Однако безоговорочно доверяла она только одному Аршаку, хотя имя его произносить правильно так и не научилась...

Поговаривали, и это не было секретом, что Олимпия не хотела ехать в Армению, считала дикой, варварской эту страну, не прельщалась даже царской короной. Но ее сумели убедить, что во имя любви к родине надо стать женой царя арменов, чтоб укрепить дружеские отношения между императором и соседней державой. Уверяли, будут навещать ее несколько раз в году, часто приглашать в Византию. Олимпия не верила, но, повинуясь долгу, вышла замуж за царя Армении и приехала в страну, где весной буйно цвели сады, летом и осенью благоухали плоды, зимой завывала вьюга и выпадали глубокие снега. Такой резкой смены времен года не было у нее на родине; она постепенно стала находить в этом прелесть, оценила суровую красоту горного края. Но более всего ее пленяла прямота и доброта армянских женщин, их темпераментный и горячий нрав...

К Парандзем она почувствовала сразу же расположение, ей понравились ее воспитанные манеры, умение властвовать собой, а свободное владение греческим просто покорило.

Вдову Гнела навещали и другие придворные дамы, порой вместе с Олимпией, порой и без нее, прикладывали все силы, чтоб отвлечь ее от тяжелых дум, рассеять тоску...

Посещал Парандзем и царь Аршак, однако реже, чем Олимпия. В первый раз он пришел вместе с царицей, во второй – в сопровождении азарапета Гнуни и начальника царской охоты Авнуни. Трудно было ему во время первой встречи. Мучило сознание, что она может его считать причастным к убийству мужа, ведь сама засвидетельствовала, что преступники действовали от имени государя. Но, помня слова, сказанные

ею над телом Гнела, он старался отогнать от себя эти сомнения. Пройдя на половину дворца, где располагалась Парандзем, и вместе с царицей в первый раз переступив порог ее покоев, он, по обыкновению своему, сощурился и сдвинул брови.

Парандзем была с ног до головы в черном, черный цвет оттенял белизну лица, на котором горели в дугах тонко очерченных бровей синие глаза. Страдание, казалось, придавало ее облику скорбное величие.

Заметив царя с царицей, она полным достоинства движением хотела было встать, но Аршак поднял волосатую руку:

– Сиди, Парандзем, чувствуй себя как дома.

Однако она все же поднялась им навстречу, и Аршак впервые увидел ее во весь рост; она не показалась ему высокой, однако была удивительно стройна и изящна. Тонкий стан облегало платье цельного покроя, воланы которого свободно спадали к ногам. Олимпия поспешила усадить ее со словами:

– Горе твое, дорогая Парандзем, дает тебе право не придерживаться этикета.

Аршак опустился на стоящее напротив вдовы кресло, инкрустированное перламутром, он был в мантии, с непокрытой головой. И хотя для Парандзем это была первая встреча с царем (в день похорон она никого не замечала), она сидела не подымая глаз. Аршак не мог понять: смущена или таит что-то в душе против него? Меж тем он чувствовал, что надо начинать разговор, и, обратясь к царице на греческом языке, спросил:

– Ишхануи здесь всегда бывает одна, василея?

– Нет, василевс, при ней служанки и наша няня, – ответила Олимпия. – Каждый день ее навещают придворные дамы и я.

– Так, правильно поступаете, ее нельзя оставлять одну, – продолжал Аршак по-гречески, глядя на сникшую вдову. – Да, Парандзем, тяжела твоя участь, но не надо поддаваться горю.

Аршак умолк и снова из-под густых бровей взглянул на нее. Ни один мускул на лице сидящей напротив женщины не дрогнул. «Смущена или все же таит что-то против меня?» – опять тревожно подумалось ему. Приняла бы она предложение ехать во дворец, если б хоть чуточку сомневалась в его невиновности? «Да и на ноги разве поднялась бы, – старался успокоить он себя, – при моем появлении? Но почему молчит?»

– Я просил наших придворных дам не оставлять тебя одну... – сказал он, чувствуя, что повторяется, но нужных слов не находил.

Парандзем и на этот раз словно и не слышала его слов. Между тем элементарное приличие требовало, чтоб она хоть отблагодарила государя за проявленное внимание.

– Я понимаю, сколь ужасна твоя потеря, но слезами горю не поможешь, – сказал он мягко и опять почувствовал, что не то говорит, не то... Задумавшись, он остановил взгляд на Парандзем, которую нежно обнимала Олимпия, и вдруг добавил твердо: – Будь спокойна, ишхануи, преступник будет найден

и понесет должную кару,— и тут-то ему наконец показалось, что он сказал, что нужно.

Но Парандзем как будто пропустила мимо ушей и эти слова.

Аршак встал с кресла, подошел к окну. «Видимо, горе очень сильно сразило ее... Надо вывести ее из этого оцепенения. Но как?»

Побыв еще некоторое время с Парандзем, царская чета удалилась на свою половину.

Многое хотел узнать царь у вдовы Гнела, но на сей раз не вышло, и у него осталось чувство неудовлетворенности.

При второй встрече с трудом, но удалось втянуть ее в разговор.

Как и в первый раз, Аршак спокойно расположился против ишхануи и сказал:

— Смерть Гнела тяжелая потеря для всех нас, но тяжелее всего, конечно, тебе. Однако...

С первых же слов царя глаза Парандзем наполнились слезами, и она опустила голову.

— Слезы, конечно, облегчают душу,— продолжил Аршак с сочувствием в голосе,— но ими Гнела не вернешь.

Тронули ли ее слова Аршака, или это получилось невольно, но только Парандзем смахнула слезы с глаз и снова застыла в неподвижности. Опять показалось ему — она отводит глаза, вроде смущена... Может, стесняется? Нет, дочь ишхана Сюникского края не простолюдинка. Она из знатного рода, выросла в Византии. Не от робости она немеет, нет, заключил Аршак.

— Я уже послал гонца в Византию, чтоб приехали ишхан Андок и ишхануи Мариам. Тебе необходимо присутствие близких, верно?

И так как Парандзем сразу не ответила, Аршак добавил:

— Надеюсь, ты довольна?

Наконец Парандзем подняла голову, посмотрела на царя.

— Довольна, государь, и очень благодарна,— произнесла она мягким, скорбным голосом, в котором слышались нотки признательности. От сердца его отлегло: напрасны опасения, она его ни в чем не подозревает. Теперь можно кое о чем и порасспросить ее. Но вместо этого он сказал:

— Так что, Парандзем, мужайся, родные твои уже в пути.

— Благодарю, государь,— повторила Парандзем тем же нежным, ласкающим слух голосом, на этот раз взглянув в глаза Аршаку.

От ясного взгляда Парандзем стало легко на душе у государя.

«Нет, ни в чем не подозревает она меня»,— сказал он сам себе, выходя из ее покоев.

После первых двух встреч Аршак стал чаще наведываться к вдове Гнела, иногда заходил и один в сопровождении своего телохранителя Езника. Когда государь входил в покои ишхануи, Езник оставался стоять в коридоре у дверей.

Войдя к Парандзем, он прежде всего справлялся о ее здоровье, потом говорил слова утешения. Когда она поднимала на него взгляд, ему казалось, на него смотрят глаза газели, глубокие, ясные, полные неизбывной печали. Какое-то неизъяснимое очарование исходило от них, порой они вспыхивали горделивым блеском, оттеняя мраморную белизну лица. И как там, на холме Лисин, Аршак невольно сравнивал ее с холодной, сдержанной Олимпией и удивлялся: если она даже разбитая горем так великолепна, какой же была в дни радости и счастья?

Смотрел он на Парандзем, а в голове все время вертелась мысль: как коснуться этой щекотливой стороны вопроса, чтоб не оказаться бестактным?..

Каждый раз, когда государь навещал ишхануи, дворцовые слуги, служанки подсматривали из дверных щелей, из-за углов и шушукались между собой.

– Царь опять направился к ней...

– Наверно, бедняжке очень худо.

– Да, очень. Няня, ухаживающая за ней, говорит, что глаза ее не просыхают. Даже царице не удается ее утешить.

Частые посещения царя не остались незамеченными и старейшинами во дворце.

Но, конечно, никто, ни придворные, ни слуги, не догадывались, что движет Аршаком, никто не мог представить, как важно было ему узнать, кто нашептывал Парандзем те злополучные слова. Каждый раз, заходя к вдове, он твердо решал задать ей этот вопрос и каждый раз уходил ни с чем. Не получалось.

Разговор не удавалось направить в необходимое русло; он справлялся о ее самочувствии, она благодарила за внимание – и все, изо дня в день разговор вращался вокруг одного и того же, а главное обходилось молчанием.

Аршаку доставляло удовольствие слышать ее голос, любоваться ее изысканными манерами, невольно он сравнивал ее с придворными дамами, знакомыми ишхануи, наконец, с Олимпией и диву давался – до чего же красива Парандзем. Как-то между слов он почувствовал, что она с нетерпением ждет родителей, прямо как пленница освобождения. Это кольнуло Аршака, в нем вновь поднялись опасения: может, недовольна им? С прибытием родных, видимо, она связывает свой отъезд из дворца...

Но как же она может покинуть дворец, когда еще ничего не выяснено? Ведь разгадка тайны в ее руках. И после долгих колебаний он решился:

– Ты не можешь не думать о преступнике, правда, Парандзем?

– Неотступно думаю, государь, – призналась она.

– Будь уверена, я накажу злодея со всей суровостью. Но тебе надо помочь мне найти его.

Парандзем насторожилась:

— Чем я могу помочь, государь?

— Тем, что вспомнишь, кто тебе нашептывал слова: «Не тужи, не мучь себя, найдешь себе лучшего мужа». Ведь так?

— Точно так, государь. Но в те минуты я ничего не видела, а сейчас, как ни стараюсь, не могу припомнить, кто был тот бессердечный, подлый человек.— Парандзем в волнении вскинула голову.— Молю вас, государь, найдите преступника... Я сама хочу расправиться с ним... отомстить за Гнела, хоть и женщина... О, мне нет покоя, пока убийца ходит ненаказанным...

При этих словах ресницы ее дрогнули, глаза полыхнули необычным огнем. Аршак почувствовал в сидящей напротив женщине какую-то скрытую внутреннюю силу, не побежденную горем, и решительность, которую раньше не замечал. Да, подумал он, такая может отважиться на смелый поступок; то, что она бросилась вскачь в Шахапиван и звала на помощь, очень похоже на нее.

Аршак с минуту смотрел на возбужденное лицо Парандзем, хотел было сказать, какое восхищение она вызывает в нем, но... сдержался. Он обещал найти преступника... Как же быть, когда выбита из рук самая важная карта...

Наконец, по истечении третьей недели после смерти Гнела, прибыл отец Парандзем, прибыл один, без жены. Это был мужчина лет за пятьдесят, крепкого сложения, очень мужественной внешности. За два дня пребывания во дворце ему удалось несколько успокоить дочь. Когда она начинала лить слезы, ишхан Андок обхватывал руками ее голову, целовал в лоб и говорил:

— Не надо, дитя мое, не надо. Не пристало дочери сюникского ишхана так поддаваться горю. Отец твой найдет преступника и сотрет весь его род с лица земли.

Слушая эти слова ишхана, Аршак думал: «Этот действительно из той породы людей, которые всего добьются».

Вскоре стало известно, что ишхану удалось из разговора с дочерью кое-что выяснить и он пришел к заключению: злодеяние было подстроено. Так он и заявил государю:

— Я убежден, государь, что мой зять пал жертвой коварной интриги.

— Ты прав, ишхан, прав,— с облегчением согласился с ним царь Аршак.— Я не меньше тебя переживаю случившееся, ведь Гнела пригласил в Шахапиван я... Кто мог такое предвидеть?..

— Меня, государь, величают Андоком Сюникским, я доберусь до истины и расправлюсь с негодяем, кто бы он ни был.— Ишхан замолчал, задыхаясь от волнения.— Прости за резкость, государь, и разреши мне действовать по своему усмотрению.

— Даю тебе все полномочия, ишхан, поступай, как считаешь нужным,— ответил царь, отчеканивая каждое слово. Он

невольно заглянул в большие темные глаза владельца Сюникского края, полные гнева и жажды мести.

– Благодарю, государь, твоя готовность оказать мне содействие поддерживает во мне решимость быть беспощадным.

Аршаку очень хотелось узнать, подозревает ли он уже когонибудь, ведь наверняка дочь была с ним откровенна, но терпеливо выжидал, пока он сам об этом скажет – разговор вроде бы и склонялся к тому. Однако ишхан Андок обошел молчанием интересующую царя сторону вопроса. «Возможно, до поры до времени он не хочет делиться своими соображениями, – подумал Аршак, – опасаясь, что, узнав, кто преступник, я начну выгораживать его и тем самым мешать действовать, как он считает нужным».

Так объяснил сам себе царь Аршак нежелание ишхана Андока быть откровенным с ним до конца. Вместе с тем предположил: может, ишхан пока ничего не знает, а только собирается заняться расследованием?

Однако пускаться в долгие поиски, чтоб найти преступника, не пришлось.

Как-то к Вард-ишхану ночью неожиданно явился царевич Тирит и прямо с порога задал вопрос: «Как чувствует себя ишхануи Парандзем?»

Вард-ишхан выложил все, что знал: живет в отведенных для нее покоях, обслуживают ее несколько служанок и няня, приставленная специально к ней. Каждый божий день навещают придворные дамы, иногда заходят к ней и царь с царицей. Совсем недавно приехал наконец и отец.

– Будь спокоен, царевич, Парандзем здесь окружена вниманием и заботой, – закончил он свое сообщение.

Однако это явно не удовлетворило Тирита. Ему хотелось знать гораздо больше. Как проходит жизнь ишхануи, чем заполнены ее дни, очень ли переживает? Наконец он сказал, что хотел бы лично повидать ее, «утешить и подбодрить»... Возможно это? Он так и спросил:

– Могу я проникнуть во дворец, ишхан?

Тут Вард заморгал глазами: разные мысли вдруг зароились в голове, и, словно догадываясь о чем-то, он стал медленно почесывать затылок, что обычно делал, когда бывал в затруднительном положении.

– У тебя важный разговор с ней, царевич?

– Важный? О да... более чем важный.

Понимая всю сложность задачи – не просто проникнуть во дворец, а именно к Парандзем, – Вард-ишхан предложил:

– Может, скажешь мне, я передам?

Тирит в задумчивости опустил голову, точно прикидывал что-то в уме, потом неожиданно заявил:

– Мне необходимо во что бы то ни стало увидеться с Па-

рандзем с глазу на глаз, потому что у меня есть к ней важный разговор...

– Но, царевич, она еще в трауре, – сказал растерянно и удивленно Вард-ишхан, давая тем самым понять, что желание это невыполнимо.

Тирит простонал:

– О, как трудно ждать конца траура! А если после сороковин вдруг...

И, не закончив мысль, спросил, не делал ли кто уже предложение Парандзем. Не намеревается ли отец ее увезти отсюда и отдать в жены какому-нибудь из ишханов? Ведь, выйдя из траура, она получает право на брак...

«Вот где собака зарыта», – почесал еще раз себе затылок Вард-ишхан.

– Для такой встречи, друг мой, нужно просить разрешения у самого государя, – сказал он в глубоком раздумье. – Причем должен это сделать ты сам, царевич. А я, как в прошлый раз, смогу только попросить его принять и выслушать тебя.

– Добро, ишхан. Только как можно скорей. Сегодня же я бы хотел видеть ее, пока не увез отец...

На следующий день, когда царь Аршак прохаживался взад и вперед по приемному залу, недовольный и раздраженный, что обстоятельства не разрешают ему заняться Аваном и до наступления зимы у него так и не будет возможности хотя бы раз побывать в городе, вошел Вард-ишхан и, отвесив поклон, как полагалось, стал навытяжку у двери:

– Царевич Тирит просит встречи с вами, государь.

– Тирит? – удивился Аршак. – Он здесь, в Вагаршапате?

– Да, государь, – теперь удивился и Вард. – Он вчера приехал и остановился у меня.

Аршак замолчал и сощуренными глазами пристально посмотрел на Вард-ишхана, словно видел его впервые.

– И что ему нужно? – поинтересовался он.

Ледяным тоном брошенные слова привели в замешательство Варда; минуту, опустив голову, он соображал: стоит ли говорить о цели визита Тирита.

– Говори, ишхан, почему молчишь?

– Простите, государь, боюсь, не сумею изложить просьбу так, как следовало бы, как хотелось бы...

– Говори, как можешь, – резко потребовал государь, не без любопытства смерив его взглядом с ног до головы.

– Царевич Тирит, государь, просит вашего высочайшего разрешения... – Вард-ишхан запнулся.

– На что? Говори же, ишхан, силой вытягивать из тебя слова, что ли? Что он у меня просит?

Теперь уж ишхану некуда было деваться.

– Царевич Тирит, государь, просит вашего высочайшего разрешения на встречу с вдовой Гнела, – произнес Вард и опустил голову, словно застеснялся сказанного, – он очень сочувствует ишхануи Парандзем и считает своим долгом...

– Своим долгом? – прервал его государь. – А где он был до сих пор? Почему с таким опозданием спешит со своим сочувствием?

– Считал неудобным, – с ходу придумал Вард, чтоб оправдать царевича, но под пристальным взглядом государя вынужден был выложить все как есть, ничего не тая. – Он не сомневался, что во дворце она будет окружена вниманием, теперь же, когда вот-вот кончится траур, стал испытывать беспокойство...

– Почему?

– Опасается, как бы вдруг Парандзем после сороковин не вышла замуж, как бы родители ее не устроили ей новый брак...

– Опасается? Почему? Может, у самого на уме женитьба на ней, так, что ли?

– Как будто...

– Как будто?! И решение это пришло сейчас или давно?..

Аршак в упор посмотрел на Варда, ожидая ответа.

Но поскольку Вард не нашелся сразу что ответить, он резко встал с места.

– Ясно, ишхан. Теперь все ясно и понятно, – повысил голос царь. – Значит, сначала он оклеветал Гнела в моих глазах, потом убрал его с дороги, теперь хочет жениться на его вдове?

Вард остолбенел, а Аршак уже почти кричал:

– Низко и подло убил царевича, чтоб овладеть его женой! Немедленно взять под арест негодяя и обезглавить! Сделал еще и меня повинным в крови родного человека!

Мышцы на лице Вард-ишхана дрогнули: ему никогда не приходилось видеть государя в такой ярости, он в страхе вобрал голову в плечи.

– Ваша воля – закон, государь, – проговорил он, лихорадочно соображая, как унять его гнев.

– Иди и немедленно вручи его в руки Еразмака...

Еразмак был царским палачом.

Вард побледнел и неверными шагами стал отступать к дверям.

– Стой! – приказал государь.

Вард замер на месте. Аршак свирепо блеснул глазами.

– Скажи, ишхан, – спросил он изменившимся, резким голосом, – как он оказался в Шахапиване? Я его туда не приглашал.

Вард остолбенел: что ему было отвечать? Сказать, что он пригласил царевича, – Аршак ему этого никогда не простит. Лучше ничего не говорить, и он молчал. А царь впился в него колючими глазами:

– Как он посмел туда явиться без приглашения, ишхан? – Он еле сдерживал гнев. – Может, ты пригласил? Вы так близки с ним... Он останавливается всегда у тебя...

Такая злая ирония звучала в его словах, что Вард с ног до головы покрылся испариной.

— Наверно, ему хотелось на праздник... — промямлил Вард, переступая с ноги на ногу.

— А почему по прибытии не представился мне, как положено? — Государь не спускал глаз со своего сенекапета.

Вард-ишхан потупил взор и на сей раз, набрав в рот воды, промолчал.

— Можешь идти! — Аршак резко отвернулся от него.

Однако сразу же после ухода Варда, что-то заподозрив, он приказал вызвать Еразмака и, когда тот явился — рослый детина могучего телосложения, — приказал:

— Царевич Тирит находится в доме у Вард-ишхана. Немедленно схватить его и обезглавить!

— Слушаюсь, государь, — с готовностью отозвался Еразмак, отвесив всем своим грубо сколоченным, мускулистым телом низкий поклон. У него был такой довольный вид, точно на его долю выпала удача.

Однако прошло несколько дней, а приказ царя оставался невыполненным. Тирит как в воду канул, а с ним вместе — Вард-ишхан. Только на шестой день пришло известие, что в Басенском лесу мчавшегося вскачь Тирита нагнали и убили.

— Доказательство? — потребовал Аршак.

— Голова у Еразмака.

— А подлый Вард?

— Его убили преследователи стрелой.

Аршак вздохнул с облегчением.

— Преступник наказан, Парандзем, — начал Аршак на следующий день, входя в ее покои. — Злодея, совершившего убийство Гнела, больше нет.

— Подлый Тирит, — покачала головой Парандзем: ей уже успела сообщить об этом няня.

— Да, подлая тварь, — повторил за ней государь и внимательно посмотрел на нее. — Значит, это по его поручению нашептывали тебе: «Не тужи, не мучь себя...»

Парандзем поразилась: государь не забывает об этом — и опять подтвердила сказанное — не помнит, совсем не помнит, кто их произносил. Что же касалось Тирита, она сказала, что замечала его неискренность в отношении к Гнелу, чувствовала, что под личиной друга скрывается недоброжелатель...

— Вот так, Парандзем, а несколько дней тому назад этот негодяй просил у меня разрешения свидеться с тобой, чтоб предложить тебе свою руку и сердце. Что ты на это скажешь?

Холод пробежал по телу Парандзем, она вся сжалась.

— Меня оскорбляет даже вопрос этот, государь, — впервые Парандзем заговорила с царем как равная с равным. — Быть его женой? После Гнела? Проклятье!.. — вскричала она взволнованно и вдруг, с подступившими к горлу рыданиями, бессильно склонилась к плечу Аршака. Что ею двигало? Благодарность... признательность... или?..

– Теперь уже грешно лить слезы, Парандзем,– Аршак нежно, как успокаивают плачущего ребенка, коснулся ее белой руки, покоящейся на его плече.– Теперь сознание, что преступник наказан, должно помочь тебе воспрянуть духом. Мне бесконечно жаль, что убийца оказался царевичем из рода Аршакидов... Он запятнал наше имя, меня... нас всех... Будем довольны хотя бы тем, что он понес достойную кару... Давай считать, что все уже позади. Ты еще молода, Парандзем, и жизнь тебе не дает права оставаться долго в трауре.

При этих словах она отошла от государя и обеими руками закрыла лицо.

– Да, Парандзем, ты молода,– повторил Аршак и, приблизившись к ней, погладил ее плечо, затем усадил на диван и сам сел подле нее.– Скорбь похожа на ржавчину, которая поражает и тело и душу. Ни к чему твое затворничество, выйди из него, сама навещай царицу и придворных дам. Мне говорили, ты отказываешься от приглашений. Напрасно, одиночество только усугубляет душевную боль...

Парандзем сидела с застывшими глазами.

– Хочу надеяться, что ты прислушаешься к моим советам.

Она молчала.

– Я попрошу ишхануи Нана по-прежнему быть внимательной к тебе, ты ее слушайся, она человек, умудренный опытом.

– О да, государь, она добра ко мне, как родная мать.

– Найди в себе силы преодолеть горе, теперь и отец рядом. Я движим единственным желанием – сделать тебе добро.– Он опять нежно коснулся ее плеча, как бы в знак прощания, и, подобрав полы накидки, вышел из покоев.

Оставшись одна, Парандзем предалась размышлениям: наконец преступник понес достойную кару, зло наказано, и ей надо быть до глубины души благодарной государю. Однако каким злодеем оказался Тирит, удивлялась она. Вспомнила встречи, разговоры с ним в Каваше, его светское обхождение, почтительную предупредительность, веселые шутки... «Боже! – воскликнула она в ужасе.– И за всем этим крылись такое коварство и зависть». Потом вдруг вся похолодела: правда, значит, я была причиной гибели Гнела...

А Аршак, возвращаясь на свою половину, в который раз думал, какой же станет она, когда успокоится, оправится от удара. Ей надо помочь выйти из плена мрачных дум. После наказания преступника Аршак стал чаще наведываться к Парандзем. Прослушав обычные доклады о состоянии государственных дел: донесения азарапета о налогах и податях в стране; отчет Айр-Мардпета о том, что творится во дворце, за его стенами, в царских поместьях и угодьях; сообщение спарапета Васака о положении в войске и на границах и других менее важных фактах,– Аршак выходил из палат отнюдь не для обычной прогулки; с мантией на плечах раз в два-три дня он направлял шаги к тому крылу дворца, где располагалась Парандзем, часто заранее и не предупреждая о своем приходе, по-

тому порой заставал ее в кругу придворных дам. Они тут же при появлении царя вставали и, молча кланяясь, удалялись: не полагалось им оставаться при нем. Несколько раз его визиты проходили в присутствии ее отца, ишхана Андока. Входя к Парандзем, царь приветствовал ее, садился напротив, справлялся о самочувствии, потом начинал вспоминать свое прошлое, рассказывал о днях, проведенных в Византии.

Парандзем испытывала какую-то неловкость; порой ей даже становилось не по себе при мысли, что царь, оставив государственные дела, занимается ею, много времени уделяет тому, чтоб утешить. И вообще ее мучило сознание, что она доставляет всем окружающим столько хлопот – придворным дамам, царице Олимпии. Сердце ее переполняла благодарность, но выражала она свои чувства очень сдержанно.

– Спасибо, государь, – вот и все, что иногда можно было услышать от нее.

Во время этих бесед внимательный взгляд Аршака то задерживался на лице ишхануи, то скользил по линии груди; порою царь срывался с места и прохаживался взад-вперед на длинных, упругих ногах; порой внезапно останавливался и, сощурившись, долгим взглядом изучал молодую вдову, каждый раз открывая в ней что-то новое, в лице, манерах, во взгляде, подернутом печалью. Не переставал он восхищаться правильностью и гармоничностью черт ее лица, грацией движений. Это еще горе не дает полностью раскрыться ее красоте, каждый раз отмечал он в уме. И как-то, решив, что надо отвлечь женщину, сделать ей приятное, явился к ней с подарком – золотым, в два пальца толщиной, браслетом с тонкой резьбой, изображающей птиц.

Парандзем вся вспыхнула; но как отвергнуть царский подарок – приняла и молча положила браслет на подушку дивана. Пристало ли человеку в трауре радоваться подношению?

– Возьми, Парандзем, и посмотри, по руке ли он, – попросил Аршак и, заметив, что она мешкает, сам взял браслет и надел на ее тонкое, нежное запястье.

Парандзем не сопротивлялась из уважения к государю, но чувствовала себя неловко.

– Так, – сказал Аршак, щелкнув замочком, – я бы хотел, чтоб ты никогда его не снимала.

Парандзем повиновалась: не сняла браслета, но, не глядя на него, смущенно опустила руку. Аршак был доволен собою, он бережно взял ее нежную ручку с браслетом и погладил...

– Носи на радость, Парандзем.

Как бы то ни было, внимание государя было приятно ей.

А Аршак с этого дня только и думал, чем бы еще обрадовать ее, что придумать, чтоб развеять тоску. Он был как раз в этих думах, когда сообщили, что прибыл из Каваша сенекапет царя-слепца и просит его принять.

– Пусть входит!

Вошел усатый, кривобокий старец – тот самый, что не так

давно сопровождал Вард-ишхана к царю Тирану. Выслушав его приветствия, Аршак поинтересовался:

— Что-нибудь угодно моему отцу?

— Угодно самого естественного, государь. Того, чего уж он не раз просил.

— А именно?

— Чтоб вы отпустили несчастную вдову Гнела в Каваш. Ваш отец...

— Кстати, как он себя чувствует? — перебил его Аршак.

— Плохо, хуже, чем когда-либо. Беспрестанно твердит, что Гнел — жертва злого умысла. Оплакивает его и проклинает день, когда он поехал в Шахапиван. Теперь вконец измучен тем, что вы удерживаете здесь вдову. Просит передать, что надеется — уж на этот раз вы выполните его просьбу.

Царь заерзал в кресле. От старца не скрылось это, и он заметил:

— Царь-отец желает сам утешить свою невестку, немного унять и свою тоску по Гнелу.

— Вряд ли в Каваше можно будет успокоить вдову, — заговорил Аршак, вперив задумчивый взгляд в сенекапета. — Возвратиться туда, где все напоминает о Гнеле?.. Не думаешь ли ты, что это только разбередит рану души? Здесь она окружена придворными дамами, которые делают все, чтоб облегчить ее участь, заботятся о ее здоровье...

— Ишхануи Парандзем нездорова? — удивился старец.

— Да, — печально заверил Аршак, довольный своей уловкой.

— Болеет, — произнес медленно старец. — Тогда, конечно, невозможно. Конечно. Царь Тиран об этом не знал. Тогда разумеется...

Старый сенекапет поклонился и, приложив руку к груди, отступая назад, удалился.

После этого разговора царь Аршак прямиком направился к Парандзем.

— Ты бы хотела, Парандзем, возвратиться в Каваш? — спросил он после обычных приветствий.

Бросив быстрый взгляд на государя, она опустила голову: видно было, что вопрос этот застал ее врасплох. «Может, я здесь ему надоела, — тревожно мелькнуло у нее в голове, — и царь хочет избавиться от моего присутствия?»

— Если это воля государя, я готова хоть сейчас...

— Нет, Парандзем, — прервал ее Аршак, — я только хотел узнать, нет ли у тебя такого желания.

— Нет государь, поехать туда, где все дышит Гнелом, — это выше моих сил. Если дело в моем желании, я бы хотела к родным — к матери, сестрам и братьям.

— В Византию?

Как Каваш для Парандзем, так и Византия для Аршака оказалась неожиданностью, и он впал в раздумье.

— В Византию, — повторил он, глядя на покорно потуплен-

ную Парандзем, длинные ресницы которой в этот момент дрожали. – Зачем? Тебе здесь плохо? Может, что-нибудь не по душе? – спросил он, силясь заглянуть в глаза.

– Нисколько, государь. Мне здесь очень хорошо, ко мне внимательны и ласковы царица Олимпия, придворные дамы. Но я бы хотела быть с родными...

– Отправиться в Византию посреди зимы? Когда и горные и морские пути закрыты? Ишхану Андоку чудом удалось пробраться сюда, преодолевая опасности в пути. А ты как?..

Парандзем молчала.

Аршак подошел и осторожно поднял ее голову.

– Не думай, Парандзем, что я чиню тебе препятствия. Нисколько. Я бы желал только, чтоб ты задержалась, пока пройдут сильные морозы.

Не принято было возражать царю, и Парандзем опять покорно опустила голову.

Когда царь Аршак, выйдя от вдовы Гнела, направился по коридору к себе, за ним бесшумно последовал его телохранитель, всегда охраняющий двери, за которыми находится государь. Аршак направил свои шаги к тронному залу, думая о Парандзем и ее желании ехать в Византию. Не продиктовано ли оно соображениями отца, которому, быть может, не хочется задерживаться здесь в качестве гостя? Как бы то ни было, с тоской признался он себе, с ее отъездом здесь все для него опустеет...

Аршак, как утопающий, ухватился за соломинку: придержу ее, пока погода неблагоприятна для поездки, а там посмотрим.

К вечеру того же дня, когда зажглись дворцовые огни и тишиной было объято все вокруг, Аршак вызвал к себе ишхана Андока.

– Ишхан, – обратился он к нему, – у меня важное поручение к тебе, хочу надеяться, что не откажешь его исполнить.

– Я к твоим услугам, государь, если только это в моих силах, – ответил тот с чувством готовности.

– Скромность делает тебе честь, ишхан, думается мне, никто из моих старейшин не справится с этим делом лучше, чем ты. Ты муж многоопытный и мудрый. А это залог успеха.

Лицо ишхана Андока прояснилось, он явно чувствовал себя польщенным.

– Слушаю вас, государь.

– Тебе надо съездить в Грузию с миссией доброй воли, – Аршак в упор посмотрел на изборожденное глубокими морщинами лицо ишхана, словно хотел проверить, какое впечатление произвели его слова. Однако лицо сюникского ишхана было невозмутимо. Аршак продолжал: – В дни Навасардских празднеств грузинский царь послал мне поздравления и подарки, я хочу ответить ему тем же.

– Добро, государь, – ответил Андок, склоняя седеющую голову в поклоне, что означало: цель поручения понятна и оно принято к исполнению.

На следующий день в сопровождении группы царедворцев и телохранителей с подарками ишхан Андок пустился в путь в Грузию.

«Теперь Парандзем придется подождать возвращения отца», – подумал царь, с довольным видом прохаживаясь по тронному залу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Читатель, наверное, давно уже чувствует, что данная часть повествования сильно затянулась. Но вина, поверьте, не автора: обойти молчанием или коснуться мимоходом событий, происходящих в этих главах, нельзя, потому что впоследствии именно к ним будет приковано внимание недовольных нахараров. Потому чуточку терпения, и автор закончит эту часть.

Итак, начнем с главного.

Отъезд ишхана Андока не только не прошел незамеченным, но вызвал много толков. Старейшины, царедворцы, придворные дамы, встречаясь друг с другом, шушукались:

– Не знаете, куда отправился ишхан Андок? А почему?..

– Подарки, говорят, повез грузинскому царю.

– Подарки?..

– Приехал он сюда, чтоб увезти дочь в Византию и... Почему не поручил государь это сделать кому-нибудь из старейшин?

– Кто знает, может, Андока хочет сделать старейшиной.

– Тсс! – Собеседники умолкали, опасливо оглядываясь.

Кроме азарапета Давида Гнуни, которого Аршак поставил в известность о своем намерении послать ишхана Андока в соседнюю страну, для всех остальных старейшин это была новость, причем новость не из приятных: почему на долю владельца Сюникского края должна выпасть такая честь? Кроме того, ни для кого не было секретом, что Андок вернется оттуда по-царски одаренный. Аспет Багратуни, к примеру, считал самой подходящей особой для выполнения этой миссии себя, поскольку его владения граничат с Грузией и он свободно говорит на языке своих соседей; потом, принадлежит к представителям рода, являющегося потомственным венценалагателем аршакидских царей. Недоволен был и Айр-Мардпет, хотя, по своему обыкновению, не подавал виду. Он был убежден, что главному управляющему царскими поместьями следует быть в курсе всего происходящего во дворце. Но царь скрыл от него свое намерение. В чем же дело? Тут надо разобраться... А в его понимании «разобраться» означало: выведать, вынюхать, докопаться до причины.

– Тер Авнуни, ты наверняка посвящен в подробности этого поручения, не правда ли? – в тот же день спросил он начальника царской охоты.

– Клянусь, тер Мардпет, я совсем недавно узнал эту новость.

Айр-Мардпет осмотрелся.

– Тихо, нас услышат, – предостерег он, понизив голос. – Чем этот ишхан заслужил такое доверие государя, а? Разве ты, к примеру, не достойнее его?

– Я не вмешиваюсь в дела государя, тер Мардпет, – простодушно ответил Авнуни, – ему видней...

– Может, тебе все-таки что-нибудь известно, почему именно на него пал выбор?

– Нет, тер Мардпет, ничего. А ты что, считаешь его недостойным доверия государя?

– Вовсе нет, тер Авнуни, только тише, пожалуйста, я из любопытства... – Он умолк на мгновение, потом, кончиком языка облизнув губы, спросил: – А почему, по-твоему, Аршак забросил охоту и совсем не интересуется Аваном?

– О, тер Мардпет, да разве события разрешают ему заняться тем, чем он хочет?

– События... да, события, безусловно, мешают, – согласился Айр-Мардпет. И через минуту опять принялся за свое: – А почему ишхан Андок не спешит увезти свою дочь в Византию? Ведь для этого он приехал сюда, не правда ли?

– И тебя это беспокоит? – искренне удивился Авнуни.

– Да нет же, просто так, интересно... – замял разговор тер Мардпет.

Как мы говорили, царь Аршак вообще не имел обыкновения посвящать окружающих в каждое предпринимаемое им дело. Дворец продолжал жить своей обычной, размеренной жизнью, только его хозяина точно подменили: замкнулся в себе, ничем не интересовался. Такое не могло пройти не замеченным окружающими, не могло и не вызывать удивления. Как было заведено, государь выслушивал сообщения, касающиеся внутреннего и внешнего положения страны, отдавал распоряжения; потом зачастую садился на коня и ехал на прогулку в горы или, если оставался во дворце, раза два в неделю навещал Парандзем. И все: об Аване словно забыл. Бывало, и дня не проходило без расспросов о нем, а теперь – ни слова. Это было тем более странно, что все знали – месяц назад он собирался съездить туда, просто-таки рвался в Аван. Другое дело, когда государя отвлекают серьезные обстоятельства, такое, скажем, как убийство Гнела. Но сейчас преступник найден и наказан. Что же теперь его отвлекает от дел?

Как-то раз в эти самые дни, возвратившись во дворец с очередной прогулки, Аршак спросил азарапета Гнуни, вышедшего ему навстречу: «Что нового?»

– Прибыл градоправитель Авана и ждет приема.

– Ишхан Вараз?! – воскликнул царь, остановившись, словно громом пораженный. Как он мог забыть про строящийся город, свое обещание ишхану Меразу послать рабочую силу? Что с ним происходит? Вспомнились послания к нахарарам, их

отказ удовлетворить его просьбу, наконец, все треволнения последних дней. Но они уже позади. Что же теперь отвлекает его от обычных дел и забот? Парандзем? Ее переживания?

Все, что касалось армии и возведения города, как правило, всегда находилось в центре внимания государя. Провал идеи, связанной со строительством, мог бы лечь позором на его имя, трон, бросить тень на все его дела и поступки, поэтому каждого сообщения, каждой новости, поступающей оттуда, он ждал с нетерпением и волнением. Сегодня же, узнав о прибытии ишхана Вараза, Аршак не на шутку забеспокоился и, хотя время было позднее и он чувствовал себя утомленным после прогулки, велел позвать градоправителя.

– Надеюсь, ты приехал с добрыми вестями, ишхан,– встретил его Аршак, когда тот вошел и отвесил поклон. Затем, предложив сесть за маленький треножник, инкрустированный рыбьими зубами, продолжил:– Строительство, наверное, приостановлено из-за холодов? Так ведь?

– Нет, государь, хотя стоят морозы, работы продолжаются. Однако можно было бы сделать гораздо больше, если бы подоспела помощь – обещанная рабочая сила.

Чтоб не уронить своего достоинства в глазах Вараза, Аршак прикинулся удивленным: не вдаваться же ему в объяснения, почему он не может выполнить своего обещания, не признаваться же, что нахарары ему не повинуются.

– Неужели еще не подоспела помощь? Может, их остановила непогода и они решили, что строительство в этих условиях не может вестись? Я склонен полагать, ишхан, что с наступлением весны этот вопрос будет улажен.– Про себя он подумал: «Вот и я дождусь весны...»

– Я был бы счастлив, государь, если б...

– Ты что, сомневаешься, ишхан?

– Не без оснований, государь,– ответил Вараз Гнуни; заметно было, он что-то знает и не решается сказать.

От Аршака это не скрылось.

– Будь предельно откровенным, ишхан. Твои сомнения имеют серьезные основания?

– По слухам, дошедшим до меня...– начал было он.

– Давай говорить начистоту, ишхан.

И Вараз выложил все, что знал, ничего не тая: сказал, что нахарары не собираются отдавать людей для нужд строительства, что они прямо заявляют: «Зачем нам усиливать царскую власть себе на голову?»

– Так, так,– Аршак встал с места и прошелся по залу. Значит, не хотят усиливать царскую власть... получается, не хотят повиноваться мне. Собственно, это видно было по их посланию. А это уже не имеет никакого отношения к убийству Гнела, никакого... И он напрасно надеялся...

Аршак снова занял свое место и предложил сесть Варазу: ишхан встал, как только поднялся государь,– принятый дворцовый этикет.

— Я приму все необходимые меры,— спокойно произнес царь Аршак, хотя в его голосе слышался еле сдерживаемый гнев.— Скажи, пожалуйста, сколько домов уже отстроено?

Ишхан Вараз стал считать в уме, загибая палец за пальцем, потом заявил: да около двух-трех сотен наберется. Они заселены рабочими-строителями, другие отданы под склады для продуктов: кроме того, уже функционирует вновь открытый гостиный двор для новоприбывших, сооружено три-четыре родника. Рассказал и о работах по очистке земельных участков от камней и тростниковых зарослей, дабы к весне следующего года заложить фундаменты будущих зданий. Затем он отметил, что трудятся на этих участках вместе с мастеровыми и наемными работниками селяне из царских угодий, поместий и близлежащих деревень, которые специально для этой цели направлены в Аван. Вот если бы сдержали свое слово нахарары и тоже послали людей, дело бы заспорилось.

Слушая ишхана, царь Аршак покачивал головой и думал о нахарарах, о занятой ими позиции. Как наказать их, в который раз задавался он вопросом. И сожалел, что события последних дней помешали ему сразу же по получении ответа расправиться с ними. Пока государь пребывал в этих размышлениях, ишхан Вараз докладывал далее: котлованы для закладки фундаментов церкви и дворца уже вырыты, но, чтоб приступить вплотную к строительным работам, нужны в огромном количестве работники, опытные мастера разных дел.

Когда ишхан Вараз закончил, Аршак легонько поощрительно хлопнул его по колену:

— Продолжай, дорогой, в том же духе. Я же со своей стороны сделаю все, чтоб к весне ты был обеспечен людьми. Будь уверен. Я даю тебе слово.

Вновь в Аршаке вскипел гнев против нахараров и их дерзкого поступка. Он теперь локти кусал, что поддался уговорам спарапета Васака и оставил без ответа их наглый вызов. Впрочем... да... помешали события, связанные с убийством Гнела. «Однако я расправлюсь с ними»,— сказал он себе. Когда же ишхан Вараз, довольный встречей с государем и разговором с ним, покинул приемную, Аршак вскочил на ноги и большими шагами стал вымеривать зал. Поступок нахараров и сейчас, как и в день получения отказа, больно жалил сердце. Мало того, что они отказываются выполнять свои обещания, тем самым подавая дурной пример другим, еще и нагло заявляют: «Зачем усиливать царскую власть себе на голову...» «Но Аван растет и будет расти, а я сначала обращусь с суровым предупреждением к тем, кто подписал послание,— решил царь.— Неисполнение данного слова, напишу, повлечет за собой серьезные последствия. В случае же, если будут упорствовать, обращусь к строжайшим мерам, усмирю в конце концов наглецов... Они еще раскаются...»

Однако к какому наказанию прибегнуть, чтоб они действительно раскаялись в содеянном, он до сих пор себе ясно не

представлял. «Как поставить на колени взбунтовавшихся нахараров? Напасть на крепости? Окружить их логова войсками? Может, стоит снова вызвать некоторых старейшин, скажем, азарапета Гнуни и спарапета Васака, и опять вместе с ними потолковать об этом? Однако же они, и азарапет и спарапет, совершенно определенно высказались против принятия строгих мер. Но теперь, – думал Аршак, – другого выхода нет... Я буду решителен и суров, неповиновение государю должно караться самым строгим образом...»

Придя к определенному решению, Аршак немного успокоился: «Я поставлю на колени мятежников, и все пойдет на лад». Тут он вспомнил, что два дня не виделся с Парандзем. Теперь можно навестить ее, чтоб, паче чаяния, она не подумала, что стоило уехать отцу – государь стал менее внимателен к ней.

И немного погодя направился к вдове Гнела, как обычно накинув на плечи мантию. Телохранитель Езник, который после Варда исполнял еще и обязанности хранителя царской печати, сопровождал его, идя на расстоянии за ним к тому крылу дворца, где располагалась Парандзем; здесь, у дверей ее покоев, он останавливался как вкопанный в ожидании государя. Покои, куда вошел Аршак, были освещены трехсвечными светильниками, дрожащий свет их падал на ковер под ногами и кресла. Всякий раз, переступая этот порог, Аршак думал, с чего начать беседу, а сегодня в голове ни единой мысли. Потому, наверное, после обычных приветствий, вдруг неожиданно спросил:

– Знаешь, Парандзем, я строю большой новый город?

– Конечно, знаю, государь, в Каваше все говорили об этом.

– И какого были мнения? – сразу заинтересовался государь.

– Считали делом труднодостижимым.

– Труднодостижимым? Почему? Что имелось в виду?

Парандзем замялась в нерешительности, Аршак не стал настаивать на ответе.

– Поверь мне, Парандзем, вполне достижимое дело, более того, оно уже на пути к осуществлению. Это будет не просто город, а могущественная крепость, достойная нашей страны. Да... Я, кроме спарапета Васака и Давида Гнуни, об этом ни с кем не делился. Ты слыхала, наверное, что нахарары отказались сдать мне свои крепости? Вот я и строю свою твердыню, вернее, не только свою, но всеобщую армянскую, которая будет оплотом спокойствия наших границ.

На этот раз Парандзем не могла не откликнуться на слова Аршака.

– Без сомнения, государь, каждый честный человек хочет видеть свою родину сильной и могущественной. Нам так нужно быть уверенными, что ни персы, ни византийцы никогда не посмеют нарушить наш покой.

Она говорила убежденно, с достоинством, и Аршак весь просиял. Тронутый до глубины души, с улыбкой на лице, он заглянул в ее бездонные глаза.

— Золотые слова говоришь, Парандзем! — воодушевился он. — Надо, чтоб никогда никто не смел нарушать наш покой. Новый город должен стать нашей опорой, несокрушимой крепостью, ограждающей страну не только от внешнего врага, но и от внутреннего — нахараров-злоумышленников, думающих только о собственных интересах и совсем не заботящихся благополучии родины.

Парандзем с любопытством следила за Аршаком: к чему он все это рассказывает ей?.. Государь всегда производил на нее впечатление человека скрытного, не склонного вести откровенные беседы. Собственно, такого же мнения придерживались об Аршаке и все, кто близко его знал.

— Я хотел, чтоб ты была в курсе того, что творится в нашей стране, и безмерно рад, что слова мои нашли в тебе отклик: я мало сказал — ты многое поняла... А вот нахарарам все невдомек, что нужней всего стране...

Совсем уже необъяснимым показалось Парандзем, что государь так откровенно и доверительно говорит с ней о своих врагах, о своих намерениях... «Наверное, — думала она, — для него нет ничего на свете дороже этого города. Как он загорается, когда говорит о нем!»

— Вот завершится строительство, я повезу тебя туда, Парандзем. Увидишь сама, скоро подымутся стены церкви и летней резиденции... твое понимание меня вдохновляет, вселяет уверенность в себе. Да... Я не знал никогда, что такое взаимопонимание... Олимпия считает все это пустой затеей, излишней тратой сил... А ты окрыляешь меня...

С этими словами он вдруг в необъяснимом порыве встал с места, схватил ее руку, неожиданно привлек к себе и коснулся устами волос. Это было больше похоже на отцовский поцелуй. Но Парандзем вскочила и отпрянула в сторону.

— Государь! — невольно воскликнула она в замешательстве и испуге.

— Моя царица...

— Царица? — еле слышно повторила она за ним. «Что такое с ним?» — мелькнуло в голове. Вслух она сказала:

— Опомнись, государь, я не царица, а несчастная вдова.

— Нет, Парандзем, с сегодняшнего дня ты царица моей души...

Пораженная Парандзем смотрела на Аршака и, заметив странный блеск в его глазах, прошептала:

— Не бери на душу грех, государь, перед царицей Олимпией... Я молю... — Ей хотелось сказать: «оставь меня в покое», но она не посмела и только медленно отступила назад.

— Однако же ты строга, Парандзем.

Она опустила голову: ей хотелось тем самым дать понять,

что его высокое положение и ее скорбь не разрешают вести себя иначе.

— Я твоя гостья, государь, и прошу... — молвила она робко.

— Приказывай, Парандзем. Я готов исполнить любое твое желание.

Парандзем вся зарделась.

— Я снова прошу, государь, разреши мне скорей поехать к своим родным.

— Опять об этом? — Аршак покачал головой. — Любую твою просьбу я готов исполнить немедленно, только не эту. И потом, надо же дождаться возвращения ишхана Андока. — Он взглянул на нее глазами, излучающими доброту. — Ты останешься в моем дворце, как его украшение, как его душа, как его царица...

— Государь!.. — с укором в голосе произнесла Парандзем и закрыла лицо руками.

Воцарилось молчание, в котором Аршак слышал биение собственного сердца. Он оглянулся вокруг, посмотрел на дверь и совсем понизил голос:

— Цари тоже люди, Парандзем, и умеют, как и простые смертные, любить...

— Но вы, государь... — Голос ее дрогнул и прервался. — Вы женаты на благороднейшей из женщин, и она любит вас беспредельно...

— Не благородней же тебя, Парандзем...

Послышался скрип открывающейся двери, царь умолк. В соседней комнате раздались шаги: мелькнула тень и мгновенно исчезла.

Выходя из покоев Парандзем, государь быстрым взглядом окинул дворцовых слуг и служанок в коридоре и пронесся мимо, не успев заметить на их лицах выражения крайнего любопытства, вызванного столь долговременным пребыванием у вдовы племянника, и откровенного удивления в глазах своего телохранителя.

Аккуратно через день вдову Гнела навещала царица Олимпия, беседовала с ней, стараясь отвлечь от тяжких дум. Ей самой доставляли удовольствие встречи с Парандзем; разговор они вели на ее родном языке, и свободное владение греческим, в глазах Олимпии, придавало особую привлекательность собеседнице. В общении с ней немного утихала тоска по родине, постоянно живущая в ее душе. Благодарная Парандзем, она часто думала, что бы сделать ей приятного. Может, подарком каким-нибудь порадовать? В Византии это принято, но тут могло выглядеть бестактно, ибо вдова все еще находилась в трауре. Даже пригласить прогуляться по парку неудобно: не прошли сороковины. Когда же наступили ненастные дни, Олимпия сама заперлась во дворце и, навещая Парандзем, у нее дольше задерживалась. Пробовала она пригласить ее на свою полови-

ну, в свои покои, но безуспешно. Как царь, так и царица обращались ко всем с просьбой проявлять внимание и участие к несчастной вдове, чаще навещать ее.

— Твой визит, василевс, особенно приятен будет ей, а потому принесет больше пользы, — говорила Олимпия мужу.

Но так было до отъезда ишхана Андока в Грузию.

В последнее время царица стала замечать, что визиты Аршака к Парандзем слишком участились. Время шло, вдова вроде бы немного успокоилась, а царь стал уделять ей больше внимания, чем прежде. Есть ли в этом теперь настоятельная необходимость, если учесть его постоянную занятость — то злонамеренными нахарарами, то строительством Авана, думала она. О чем они могут так долго говорить?

И Олимпия решила, чтоб выяснить для себя картину, узнать у самой Парандзем, довольна ли она частыми посещениями государя, а потом спросить Аршака: что думает он об их гостье, не утихло ли ее горе? А тут сама Парандзем возьми да скажи: «Хочу вернуться к родным, молю, царица, выпроси у государя разрешение на мой отъезд». Видно, она уже тяготилась сознанием, что своим присутствием во дворце доставляет беспокойство окружающим, кроме того, очень возможно, опасалась последних двусмысленных государевых речей и намеков.

— Сорок дней уже прошли, василея, и я могу сейчас же собраться в путь, — уверяла она.

У Олимпии сразу отлегло от сердца, и, сбросив тень подозрений, она сказала:

— Ведь холода еще не прошли в горах.

— Я к ним привыкла, не боюсь морозов.

«Напрасно ее заподозрила», — упрекнула себя Олимпия. И в тот же вечер вызвала мужа на разговор, который убедил ее, что и к нему она оказалась излишне подозрительной. Аршак говорил в спокойных тонах, не проявляя ни тени волнения, и без того особого блеска в глазах, который всегда выдавал его, если он был увлечен.

— Для такого слабого существа, как Парандзем, — трезво рассуждал он, — долгая дорога по обледенелым горам будет тяжелой. Возвратится отец и сам решит, когда им удобней ехать. Не будет же она без отца пускаться в дорогу? Правда ведь?

Довод был более чем логичен, и Олимпия успокоилась.

— Значит, лучше ей пока задержаться?

— Конечно.

Скинув с души груз мучительных сомнений, она отправилась в свою опочивальню, по пути с сочувствием думая о Парандзем: «Красивая, молодая и такая несчастная. Потерять любимого мужа, как ужасно...»

Утром, ранее обычного, она заторопилась к вдове, чтоб убедить ее в неразумности желания пускаться в дорогу сейчас, когда в горах лежит снег, уговорить дождаться весны, тогда

и она, быть может, присоединится к ней и они вместе совершат путешествие в Византию.

— Ты очень добра, василея,— отвечала признательно Парандзем,— но я очень стосковалась по своим.

— Это понятно, дорогая моя Парандзем, меня тоже часто мучает тоска по родным и близким. Но надо запастись терпением.

Парандзем не отвечала и только изредка глубоко вздыхала. Олимпия брала ее маленькую холеную ручку, ласкала и приговаривала:

— Еще немного терпения, дорогая, и василевс такого же мнения, что ехать сейчас опасно.

Парандзем молчала, опустив голову. И царица не могла понять: согласна она или нет?

Разговор этот повторялся не единожды все с тем же неопределенным результатом. Потом, узнав, что царь по-прежнему навещает Парандзем и подолгу задерживается у нее, Олимпия подумала, что, наверное, ему приходится прилагать большие усилия, чтоб отговорить ее ехать, и удивлялась упрямому характеру Парандзем. А раз, встретив супруга, выходившего из покоев ишхануи, она спросила:

— Удалось ее уговорить, василевс?

— Нет еще,— поднял плечи Аршак и хотел было пройти вперед, но царица продолжала:

— Я, василевс, видела твой подарок Парандзем.

— Мой подарок? — На лице его сверкнули белки глаз.

— Да, василевс. Почему ты удивляешься? Это очень мило с твоей стороны. Так и следовало поступить, надо быть внимательным к ней. Я тоже хотела бы что-нибудь подарить. Может, посоветуешь мне?

— Хорошая мысль, Олимпия, только я тебе не советчик, женщины более изобретательны в таких делах,— ответил он, подозрительно сведя брови к переносице и пристально глянув на жену. Уж не испытывает ли она его?

— По правде говоря, я очень сочувствую ей и полюбила ее, как сестру.

Аршак не знал, что отвечать, и только кивал головой, нахмурив брови. Ему хотелось скорее кончить разговор, но он заставлял себя слушать жену, не проявляя нетерпения.

Его страшно тревожило другое: известен ли Олимпии его последний разговор с Парандзем? Прослышала что-нибудь она или интуитивно что-то чувствует? Он сам себе не мог дать отчета — пристойно ли он вел себя в тот день? Однако понимал; иначе поступить не мог.

— Значит, василевс, Парандзем не соглашается остаться? — продолжала Олимпия. Не получив ответа, она вскинула удивленные глаза на Аршака и только тогда заметила растерянность на его лице, отчужденность во взгляде. Вмиг подняли голову задремавшие было подозрения. О, как ей хочется знать, что творится в душе Аршака, присутствовать при его встречах

с молодой вдовой и самой видеть и слышать, что они говорят и как ведут себя! По выражению глаз, интонации голоса можно бы многое определить. Она раза два присутствовала при их встречах, но разговор велся на языке арменов, и она ничего не понимала. Но сейчас и без знания языка можно было бы догадаться, что с ними происходит, ибо есть язык взглядов, жестов. Парандзем, безусловно, очень хороша, остаться равнодушным к ее красоте невозможно. Но неужели Аршак увлечен ею? Олимпия внимательно изучала лицо супруга, казавшееся ей сейчас чужим, скользнула взглядом по волосатым рукам, еле заметно дрожавшим.

Она даже не услыхала ответа Аршака: «Нет, не соглашается». Сжав губы и опустив голову, поспешила на свою половину дворца. Войдя к себе в покои, она позвала одну из своих служанок – молодую гречанку – и сказала:

– Когда государь в следующий раз пойдет к вдове Гнела, дашь мне знать.

И вот через два дня ей сообщили, что царь Аршак на половине Парандзем. Не теряя времени, в одной длинной накидке на плечах Олимпия последовала туда. Она шла не спеша, осторожно ступая, на ходу придумывая благовидный предлог, чтоб оправдать свое неожиданное появление.

Войдя в первую из занимаемых Парандзем комнат, она замедлила шаги. Когда же подошла к залу, в котором ишхануи обычно принимала посетителей, остановилась: войти или нет? Прилично ли в неурочный час, без предупреждения являться к ней? Здесь, в комнате перед залом, всегда бывала няня, ухаживавшая за Парандзем, но в этот момент ее не оказалось, и это обстоятельство решило все. Вплотную подойдя к дверным занавесям, она заглянула в щель. Аршак сидел рядом с Парандзем, свободно откинувшись на спинку обшитого шелком дивана, и что-то говорил. Глаза его были оживлены более, чем обычно... О чем шла беседа, ей трудно было угадать, но видно было, она носила необычный характер, казалось, имела интимный оттенок, как будто Аршак старается в чем-то убедить Парандзем...

И тут Олимпия впервые пожалела, что не знает языка арменов...

Аршак говорил спокойно, сколько можно было разглядеть в щель занавески, спокойна была и Парандзем. Она слушала царя склонив голову, не шевелясь, сжав губы. Когда он кончил, заговорила. Ох, как досадно было царице, что не понимает армянского...

Она не понимала, а разговор продолжался.

– Быть наложницей! – вдруг встрепенулась Парандзем. – Нет, государь... Дочь сюникского ишхана..

Аршак изменился в лице.

– Ты меня неверно поняла. Не наложницей, а царицей.

Парандзем с изумлением посмотрела на государя, из груди чуть было не вырвался крик, она еле сдержала себя.

— Пощади меня, государь! — сказала она и закрыла лицо руками.

«Почему он разрешает себе так говорить со мной? — в замешательстве думала она. — Чем он обольщает меня — царским троном? Меня, вдову Гнела, после всего пережитого?» И Парандзем застыла от ужаса и стыда.

— Говори, Парандзем.

— Пощади меня, государь, — повторила она лишь.

Аршак потянулся к ней, чтоб схватить ее руку, но Парандзем, то ли в страхе, то ли как-то инстинктивно, отпрянула назад, отдернула руку, как вспугнутая птица, и посмотрела на него. Вслед за этим, не успела она очнуться, он сделал попытку ее обнять.

Как ужаленная отскочила от него Парандзем и, с рассыпавшимися от резкого движения волосами, отошла в противоположный угол зала. Тут Аршак порывисто встал с места и, скинув с себя мантию кинулся к ней.

Страсть превратила государя в обыкновенного мужчину.

Олимпия всем телом задрожала, удивление и ужас сковали ее, и, чтоб не упасть, она ухватилась за край свисавшего шелкового занавеса. Минуту стояла она с широко раскрытыми глазами, потом вдруг сорвалась с места и торопливым шагом пустилась прочь.

Аршак услыхал шум удаляющихся шагов, посмотрел на дверь и сквозь колышущийся занавес заметил подол платья Олимпии. В миг, как был, в одной капе, без мантии, бросился за ней, забыв обо всем на свете: где находится, кто вокруг, не заметив даже стоящего у дверей собственного телохранителя.

— Олимпия! — кричал он ей вслед.

Но царица успела скрыться в своей половине дворца и, зайдя к себе, заперлась изнутри.

— Я никого не принимаю, — бросила она своим служанкам еще в коридоре, — двери никому не открывать.

— Слушаемся, василея, — гречанки склонились в поклоне.

Услыхав шум захлопнувшейся двери, Аршак остановился, нахмурившись. Что делать? Пойти и постучать или возвратиться назад? Стучаться в двери жены, как чужой? Просто дико; что могут подумать служанки-гречанки, его телохранитель Езник, следивший за ним с застывшими от удивления глазами. А потом, он знал упрямый нрав жены, если уж она решила не впускать его, не впустит. Вместе с тем он чувствовал, что повернуться и уйти без объяснения нельзя.

В таком безвыходном положении ему никогда не приходилось бывать: двери заперты перед ним. Никто с ним в его царстве не мог бы так поступить... только женщина, его жена, царица... Аршак понимал унизительность положения, в котором очутился. Он государь, не простой мужик... а стоит беспомощно у захлопнувшейся перед носом двери. Однако не это в данный момент больше тревожило его, а мысль: что успела увидеть царица? Как это могло случиться? Как он мог ока-

заться таким неосторожным? И откуда она взялась в этот час? Сама пришла или по чьему-либо навету?

Что бы то ни было, совершившееся ужасно, думал Аршак, надо немедленно объясниться с ней, просить прощения. Но как оправдать себя? Хотел утешить Парандзем?.. Нет, конечно. Не нужно объяснений, не нужно лжи... Надо только просить прощения. Но простит ли Олимпия, вот в чем вопрос. Удалялась она не оглядываясь, во гневе, в ярости захлопнула двери перед ним. Это ли не ответ? И могущественный владыка, вольный и смелый, почувствовал себя бессильным и жалким...

Он не видел выхода из создавшегося положения. Оставалось одно: пойти к ней с повинной на следующий день, а может, даже сегодня вечером, когда она чуточку успокоится. Но как сейчас ее оставить одну в состоянии крайнего душевного волнения?

Еще мгновение постояв в нерешительности, он повернулся вдруг, словно очнувшись: теперь глаза всей дворцовой прислуги небось прикованы к нему, ведь служанки следят за каждым шагом царя и царицы. Какой позор! Завтра весь двор будет судачить о случившемся. Боже, простонал Аршак, этого только не хватало! Какая пища для пересудов!

С этими мыслями он вошел в тронный зал, чтоб побыть одному и подумать, что предпринять. И, как всегда, когда бывал в состоянии сильного возбуждения, стал нервно шагать взад-вперед. Парандзем, конечно, неповторима, удивительна, думал он: лицо, взгляд, манера говорить... трудно устоять перед ее чарами... Неужели любовь такая сила, что заставляет склонять головы даже владык? Это порыв страсти... или? Он опять вспомнил убегающую царицу. Как унизительно и постыдно...

Надо уладить конфликт как можно скорей, чтоб не мучить Олимпию. Он знал: она самолюбива и горда; под холодной, сдержанной внешностью кроется легкоранимая душа. Привыкшая к утонченным манерам византийского двора, она часто обижалась на самые безобидные вещи, если они были высказаны не в должной форме; не так сказанное слово, не так брошенный взгляд могли расстроить ее и огорчить. Как же она сейчас оскорблена увиденным! Все ли было видно из-за занавески? По всей вероятности, все, иначе не была бы так разъярена. Сегодня же, когда уберется по своим комнатам дворцовая прислуга, не будет больше подслушивающих ушей и подсматривающих глаз, он пойдет к царице...

Но к вечеру Олимпия не явилась к ужину. Прошел слух, что она заперлась в своей опочивальне и не отвечает на стук в дверь. «Не больна ли?» – тревожно делились опасениями гречанки со старшей из дворцовых слуг. Последняя в свою очередь передала новость сенекапету Езнику, и оба вместе пошли проверить, в чем дело.

Двери в опочивальню царицы были закрыты, на стук изнутри не отзывались.

— Надо дать знать Айр-Мардпету,— сказал сенекапет.

Тяжело переступая с ноги на ногу, с выражением недовольства на изрытом оспой лице, показался главный управляющий дворцом. Он тоже вслед за другими стал стучать в дверь, сначала тихо, потом все сильней и сильней — ответа не было.

Все это собравшиеся проделывали, соблюдая по возможности нужные меры предосторожности: чтоб, во-первых, не напугать царицу, если она отдыхает, во-вторых, не поднять шумом дворцовую прислугу. Айр-Мардпет обратился к гречанкам:

— Давно спит царица? А перед тем как удалиться на покой, ничего не говорила?

— Ни единого слова,— отвечала со слезами на глазах одна из служанок и добавила, что царицу видели три-четыре часа назад в страшно расстроенном состоянии, с тех пор она никого не вызывала.

Айр-Мардпет подумал с минуту, затем решил пойти к государю, поставить его в известность о случившемся. Таков был порядок. По коридору, переваливаясь как утка, шла навстречу ишхануи Нана.

— Что с царицей, тер Мардпет?

С бесстрастным выражением лица скопец в двух словах рассказал, в чем дело. Жена азарапета, не дослушав его, бросилась к опочивальне Олимпии.

И на ее стук, на ее голос ответа не было. Обычно, удаляясь ко сну, царица не имела обыкновения запирать за собой дверь, это-то больше всего удивляло. Почему она так сегодня поступила? Ишхануи Нана не находила ответа. Снова переваливаясь с ноги на ногу, она проковыляла к себе, чтоб дать знать мужу. Мардпет же тем временем направился к царю.

Выслушав скопца, Аршак встрепенулся:

— Заперлась в опочивальне, говоришь? И ни звука оттуда?

— Ни звука,— подтвердил скопец.

— Что могло случиться? — пробормотал Аршак, стараясь сохранять спокойствие, и, не глядя на Айр-Мардпета, следует он за ним или нет, встревоженный, поспешил к выходу.

Заметив приближающегося государя, служанки и ишхануи Нана посторонились, дали ему пройти. Торопливым, но уверенным шагом он подошел к опочивальне жены.

Никто не посмел следовать за ним. Дойдя до дверей, он легонько коснулся ее кончиками пальцев.

— Василея... василея!..

Никто не отозвался, никто не ответил и на его стук.

. . . .

Когда вынуждены были взломать дверь, Олимпию нашли бездыханной в постели. Рядом валялся пузырек с ядом, изготовленным в Византии.

«Приняла яд,— простонал Аршак и поник головой,— покончила с собой...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как весть об убийстве Гнела, так и слух о смерти царицы Олимпии с молниеносной быстротой распространился по всей Стране Армянской, приводя людей в трепет и удивление.

— Царица отравилась!..

Многим смерть ее казалась совершенно непонятной и нелепой.

Придворные, дворцовые слуги ходили потрясенные неожиданным известием, никто не мог дать случившемуся сколько-нибудь вразумительное объяснение. Даже видавший виды Айр-Мардпет, человек сметливый и проницательный, разводил лишь руками.

Как-то, встретившись лицом к лицу с азарапетом Гнуни, он сказал:

— Я все-таки в толк не возьму, отчего умерла царица.

— А что тут голову ломать, Айр-Мардпет? Олимпия приняла яд, кончила жизнь самоубийством.

— Правда?

— А ты что, сомневаешься?

— Да нет же, ишхан. Просто мысли беспокойные донимают меня. Потерпеть поражение в бою и принять яд, чтоб не попасть в плен врагу,— это можно понять, потерять горячо любимого человека и не захотеть больше жить на свете — еще куда бы ни шло. Но слыханное ли дело, чтоб человек, живя в почете и славе, утопая в роскоши и довольстве, взял бы да и порешил с собой! Не могу понять, что могло толкнуть Олимпию на подобный шаг. Причина не ясна, понимаешь, ишхан, причина. Потому и голову ломаю столько дней подряд...

Азарапет испытующе посмотрел на мясистое, все в оспинках лицо собеседника и многозначительно вздохнул:

— Чужая душа потемки, тер Мардпет, особенно женская. Кто знает, может, тоска по родине свела в могилу, может, что другое...

— Это-то я и хочу выяснить,— подозрительно сощурился скопец.— Вижу, как подавлен царь Аршак, и душа за него болит.

— Ну еще бы, тер Мардпет, смерть царицы — потеря тяжелая для всех, для него — тем более.

В эти дни не меньше, чем других придворных, подозрения мучили Давида Гнуни, но он виду не подавал. Особенно старался держаться настороже с Айр-Мардпетом: управляющий дворцом не умеет держать язык за зубами, скажешь ему что-нибудь — пойдет растрезвонит: азарапет так говорит, азарапет этак говорит. Потому и счел за благо при встрече с ним не продолжать далее разговора, быстро откланявшись, отошел прочь.

Уже прошло около трех недель со дня похорон Олимпии, а люди не могли угомониться. Смерть молодой царицы всем казалась загадочной.

Олимпию хоронили со всеми почестями, полагающимися ей как царице Армении. За гробом шли не только придворные, нахарары, церковники, прибывшие из близлежащих областей, но и толпы горожан. Пересудов и толков было очень много, земля полнилась слухами. Нашлись такие нахарары, что заподозрили самого Аршака в смерти жены, объясняли по-разному: одни – де царю необходимо было порвать союзнические отношения с Византией, другие – за четыре года брака царица наследника не родила. Многие свидетельствовали, что Аршак очень мечтал о сыне, продолжателе своего рода и дела, добавляя при этом, что он остыл к жене, недоволен ею.

Досужие люди утверждали, что она запиралась с гостями из Византии, вела с ними продолжительные разговоры, а мужа в известность не ставила ни о чем. Или еще: царь случайно обнаружил письмо, содержащее тайные сведения о делах государственной важности в стране, и Олимпия, испугавшись разоблачения, приняла яд.

Предположения беспочвенные, одни нелепее других передавались из уст в уста, и теперь уже почти никто не верил в то, что царица отравилась сама. «В почете, славе, в роскоши дворца кто наложит на себя руки?» – твердили все от мала до велика.

В тяжелых душевных переживаниях находился и царь Аршак. Случившееся было из ряда вон выходящим, и сознание этого усугубляло внутреннюю подавленность. Что теперь подумают о нем окружающие, старейшины и ишханы, особенно враждебно настроенные нахарары?.. Какая ужасная смерть! Теперь на его долю останутся на веки веков лишь стыд и позор. Не будут говорить: «царица умерла», будут твердить: «Царица отравилась», и это в лучшем случае, а то найдутся и такие, которые не упустят возможности оклеветать его: «Царицу отравил государь». Во всех случаях, он был уверен, виновником ее смерти будут считать его, и только его. Тем мучительней было выслушивать соболезнования царедворцев, ишханов, приезжавших во дворец из разных областей, придворных дам, хотя иные говорили слова утешения искренне, со слезами на глазах. А какой ответ придется держать перед Византией и как отнесется к случившемуся император, он даже и представить себе не мог.

На следующий день после смерти Олимпии в византийскую столицу был послан специальный нарочный с извещением о смерти царицы, написанным азарапетом Давидом Гнуни. В нем содержались такие строки: «Покойная царица связывала наши страны нерушимыми узами братства, мы хотим надеяться, что и впредь наши отношения останутся дружественными и добрососедскими». В ответ на это послание, через пятнадцать дней, из Византии к армянскому двору прибыл в сопровождении свиты молодой патриций. Он привез письмо от императора с соболезнованием, которое вручил царю Аршаку, совершив при этом особый ритуал: сначала приложил свиток

ко лбу, потом к груди, затем от себя лично сказал слова сочувствия и утешения. Юный посланник поинтересовался обстоятельствами безвременной кончины царицы. Азарапет Гнуни сообщил, что смерть была скоропостижной, опустив при этом подробности — пузырек с ядом и прочее. Царедворец осведомился, каков теперь будет политический курс главы армянского государства, и, убедившись, что ни у царя, ни у его приближенных не наблюдаются изменения настроений в отношении к его стране, успокоился, посетил могилу Олимпии, возложил цветы, походил по столице, погостил еще три-четыре дня, проявив огромный интерес к местной породе лошадей, а также к редким видам фруктов. В обратный путь он пустился с семью лошадьми, груженными разными фруктами, и тремя мулами, навьюченными коврами работы армянских мастеров. Перед отбытием царедворец выразил надежду, что дружба и добрососедство между Арменией и Византией будут и впредь нерушимы.

— Без сомнения, — подтвердил царь Аршак, — мы были дружественными державами и останемся таковыми.

Византиец откланялся и отбыл.

Письмо императора и то, что посланник уезжал не омраченный сомнениями, почерпнутыми из предвзятых источников, подействовали несколько успокаивающе на государя, хотя он не переставал переживать смерть жены и тяжелейшие обстоятельства, связанные с ней. Все вокруг старались, как могли, облегчить его страдания; приближенные, царедворцы, порой незнакомые ишханы, сепухи, приезжавшие в столицу, навещали его, выражали свое сочувствие, отвлекали разговорами на разные темы (однако от внимания Аршака не ускользнуло, что среди них не оказалось ни единого представителя из рода Камсараканов или Арцруни. «Наверняка, — думал он, — замышляют зло»).

Дни проходили однообразно: утром выслушивал доклады, занимался текущими государственными делами, затем принимал посетителей, приходивших навестить его в связи с постигшей утратой. Через день являлся к царю спарапет Васак, заводил разговор о своих планах пополнения армии, занимал проблемами вооружения, хорошо зная, что эти вопросы всегда волнуют царя. Азарапет же сосредоточивал его внимание на вопросах внутренней жизни государства, скрывая теневые стороны, старался в благоприятном свете представить положение: вроде урожай в этом году обильный, заполняются закрома страны, обеспечены будут все нужды армии и т. д. Таким же образом действовали и аспет Багратуни, и Айр-Мардпет. Причем первый из них всегда кончал разговор словами: «Надеюсь и верую, что это ваша последняя печаль, государь», а Айр-Мардпет добавлял: «Горести проходят, государь, а жизнь продолжается, так заведено в мире». Надо сказать, скопец никогда не испытывал особого расположения к царице-византийке; может, это была обоюдная антипатия, Олимпия сама относилась

к нему неприязненно, по возможности обходила стороной, никогда не обращалась к нему с вопросами как к управляющему дворцом, между тем он видел, других придворных она не избегала, со многими даже бывала очень мила и приветлива.

Единственной отдушиной для царя Аршака в эти дни были встречи с Андоком. Ишхан намеревался по прибытии из Грузии, с успешно завершенной миссией и богатыми дарами, тотчас же с дочерью отправиться в Византию. Но, застав Вагаршапат в трауре, отменил свое решение. Оставалась во дворце и Парандзем, совершенно потрясенная смертью Олимпии. Ей теперь, более чем когда-либо, хотелось уехать подальше отсюда, но долг вежливости останавливал и отца и дочь. Позабыв о Гнеле, Парандзем неотступно думала о несчастной царице, холодея в душе при мысли, что, может быть, и она в какой-то мере причастна к этой смерти.

Вместе с ишхануи Нана, на третий день после похорон, ей пришлось пойти к государю с соболезнованиями. Тогда еще ишхана Андока не было в Вагаршапате. Второй визит она нанесла уже вместе с отцом, который сказал дочери: «В дни твоего траура государь был предельно внимателен, тебе надо отплатить ему тем же». Аршак был признателен им обоим и просил ишхана Андока чаще его навещать.

— Беседы с тобой приносят душе отраду и успокоение. Хочу думать, ты не спешишь с отъездом?

— Задержусь, сколько пожелаешь, государь, — отвечал польщенный ишхан.

Ишхан Андок был великолепным рассказчиком, ярко и живо нарисовал он картину приема при грузинском дворе, церемонию вручения подношений царю Михрану, который просил заверить великого армянского государя в своей любви и преданности. Мимоходом только упомянул, что и его не обошли подарками: неудобно же государя в трауре занимать столь незначительными подробностями. Во время бесед Андок порой касался вопросов безопасности страны, удивляя Аршака знанием предмета, трезвостью и самостоятельностью суждений. Будучи хорошо знакомым с жизнью Византии и обстановкой там, он уверял Аршака, что смерть царицы не повлияет на отношение императора и его двора к Армении, если, конечно, сам царь Аршак будет поддерживать дружеские связи с ними.

Все эти разговоры отвлекали государя от горестных событий, втягивали в круг интересующих его проблем, заставляли заниматься текущими делами и помогали забыться; правда, он не совершал своих обычных дальних прогулок, не ездил на охоту, это было бы неприличным и дало бы повод для нежелательных толков; в долгие свободные часы предавался размышлениям на разные темы, но более всего о строительстве нового города. Хотя стояла зима, работы там не прекращались, и градоправитель исправно докладывал царю о положении дел.

Постоянно одни и те же вопросы задавал государь ишхану Варазу: «Сколько зданий уже отстроено, каково общее количе-

ство занятой на стройке рабочей силы, в чем самая большая нужда?..» Градоправитель отвечал, вынимая из кармана кусок пергамента. Свое одобрение Аршак выражал молчаливым кивком головы, когда же был несогласен, отрицательно качал головой, делал замечания: «Мало, надо успеть больше». В свое оправдание ишхан Вараз говорил, что в работниках крайняя нехватка, на что Аршак неизменно отвечал: «Я подумаю об этом...» – и мрачнел.

Как-то раз во время беседы со златокудрым правителем Авана в приемную вошел ишхан Андок. Когда Вараз удалился, он заметил:

– Я вижу, государь, ты не очень полагаешься на Византию как военную союзницу и дружественную державу, коль так усердно воздвигаешь свою крепость.

Государь смекнул, что сведения у ишхана Андока об Аване идут от дочери.

– Византия – военная союзница? – усмехнулся он.

– Разве нет, государь? Если мы будем поддерживать и развивать дальше с нею дружеские отношения, а мы в этом заинтересованы, она может оказаться надежной опорой для нас в час опасности.

– Разве можно рассчитывать на длительный мир и спокойствие, опираясь на внешние силы, ишхан? Никогда. Я думал, забота о безопасности наших границ должна была тебе внушить иные мысли. Обеспечить прочный мир и спокойствие нашей стране должны мы сами собственными средствами, своими крепостями, своей армией, а уповать на других – дело последнее; ищут опору в других лишь слабые, немощные, сильному и отважному это не к лицу...– Аршак в упор посмотрел на собеседника.– Неужели ты иного мнения, ишхан?

– Нет, государь, конечно нет,– поспешил оправдаться ишхан Сюника.– Мне интересно было знать, что ты думаешь на этот счет. Разумеется, ни одна иностранная держава, какой бы она ни была богатой и могущественной, не станет оказывать помощь бескорыстно. Взамен потребует оплату в трехкратном, а то и большем размере. Что ж, желаю от души успеха, государь. Свою же крепость в Сюнике отдаю тебе, распоряжайся ею как хочешь.

– Благодарю, ишхан. Есть еще ишханы, добровольно уступившие свои крепости. Но этого недостаточно. Страна нуждается в могущественной твердыне...

– Твоя правда, государь: чем больше сильных крепостей, тем безопасней границы нашей родины.

– Нет у меня, однако, верных единомышленников, ишхан, если не считать спарапета, он, конечно, двумя руками за такую программу. Но он противник насильственных мер в отношении нахараров, а те добровольно не отдают своих людей на строительство города. Вот какой заколдованный круг. Делиться же с каждым встречным по этому поводу не хочу. Достаточно открыться одному, другому – как дойдет до ушей Шапура.

Он сразу сообразит, зачем мне понадобилась крепость... Хочу добиться своего без шума и в предельно сжатые сроки. Но разве убедишь наших недальновидных нахараров, что город и крепость нужны до зарезу? Посоветуй, ишхан, как поступить с ними, как образумить, как объединить их, ведь интересы всеобщей безопасности того требуют.

– Как объединить? – впал в раздумье ишхан Андок, склонив голову набок. – Объединить... – Он прекрасно знал, что нахарары Страны Армянской никогда не чувствовали над собой верховной власти, действовали самостоятельно даже в моменты крайней военной опасности. Что сейчас могло бы их заставить отступиться от своих правил, да еще в пользу государя? – Я слышал, ты потребовал у них крепости, на что они ответили отказом.

– Отказом, да. И я решил воздвигнуть свою крепость, более могущественную, чем их, она станет нашей всеобщей твердыней, и тогда я осуществлю самое главное – объединю все силы страны. Это духовное единение и будет залогом непобедимости, несокрушимости нашей страны. Да, ишхан, нужно единение сил, крепость внутри нас, и она куда важней реального военного строительства.

Что имел в виду царь Аршак, говоря «крепость внутри нас», не очень-то разобрал ишхан Андок, но счел неудобным расспрашивать. Для Аршака же это означало – подчинить нахараров своей единой воле, создать сильную армию, превратить Страну Армянскую в могущественную державу.

На глазах у ишхана Андока от встречи к встрече менялся государь, становился общительней, разговорчивей, голос утрачивал скорбные тона, порой он так оживлялся, что и тени печали не оставалось в глазах. В ходе беседы вдруг загорался новыми мыслями, начинал строить новые планы. Бывало, ишхан Андок не соглашался с ним, тогда Аршак с азартом начинал доказывать свою правоту, воодушевлялся, а когда наступал момент расставания, просил: «Пожалуй ко мне и завтра...» А раз как-то поинтересовался:

– Когда ты собираешься ехать, ишхан?

– Когда тебе будет угодно, государь, – склонил голову Андок. – Я задерживался тут сначала из-за дочери, а теперь – из-за тебя, твоего траура.

– Надеюсь, Парандзем немного оправилась после всего пережитого?

– Конечно, государь, время – лучший врачеватель, но смерть царицы...

Ишхан хотел было сказать «нанесла новый удар», но Аршак перебил его:

– Итак, я завтра жду тебя, ишхан.

Странным показалось это владельцу Сюника, но он промолчал и, откланявшись, направился к себе.

Дни шли обычной чередой, однообразно, на исходе были сороковины, и государь вот-вот должен был выйти из траура. Чем ближе этот день, тем больше разговоров во дворце и за его стенами вокруг того, кто будет новой царицей Армении. Согласно принятому положению, овдовевший государь обязан был по истечении сорока дней вновь вступить в брак. Считалось, что это делается в интересах страны: чтоб не предавался он слишком сильно горю, не запускал государственных дел; была здесь и другая тонкость – чтоб, не дай бог, не коснулись сплетни государевой особы и репутации дворцовых дам...

Опять пошли строить предположения, высказывать догадки, из какой страны теперь возьмет себе жену армянский государь, из грузинского ли двора, албанского или опять византийского. Все, конечно, сгорали от любопытства, что думает об этом сам царь, спросить же никто не решался, ну а больше всего проявляли интерес, разумеется, придворные дамы.

– Что думает об этом государь? – почти каждый день допытывалась ишхануи Нана у мужа, когда он возвращался от Аршака.

– Ничего не знаю, Нана, – отвечал азарапет, – как я могу знать, что думает он, когда он словом об этом не обмолвился?

– Тогда сам закинь словечко, – не унималась ишхануи. – Сорок дней проходят, надо же выяснить его намерения.

– Удобно ли, жена?

– Вполне. Если он еще сам не определился или запамятовал это положение, надо напомнить. И следует именно тебе начать разговор, как старшему среди старейшин. Если хочешь знать, ты даже обязан это сделать, – упорно наседала на него Нана. – А трудно тебе, разреши мне повести об этом речь.

– Не спеши, жена, дело это деликатного свойства. Дай мне поразмыслить.

– Поразмысли, ишхан, поразмысли... Только знай, все теряют уже терпение.

Не меньший интерес проявляли и другие придворные дамы.

– Умираю от любопытства, хочу знать, имеет ли когонибудь на примете государь. Из армянских знатных фамилий изберет себе жену или опять привезет иностранку? – прикидывала сухонькая, костлявая жена спарапета.

– Все равно откуда, дамы, лишь бы была добра и отзывчива, – говорила, вскидывая тоненькие брови, жена аспета Смбата Багратуни.

– Да, да, лишь бы не была спесивой и надменной, – соглашались одни.

– Была бы приветливой и доброжелательной, – желали другие.

Отдельно от дам горячо обсуждали между собой этот животрепещущий вопрос и мужчины. Как главный управляющий дворцом, Айр-Мардпет считал своим долгом при каждой встрече с азарапетом или Смбатом Багратуни касаться этой

темы. Причем только с ними, с другими не считал возможным подобные обсуждения. Спарапет Васак – так тот уже стал избегать его.

– Как ты думаешь, тер аспет, опять из Византии он привезет жену или возьмет из другой иностранной державы? – пристал он как-то к Багратуни.

– А тебе как хотелось бы, тер Мардпет? – поинтересовался со своей стороны аспет Багратуни.

– Я не скрою своего желания, ишхан. Предпочтительней было бы, чтоб избранница нашего государя была бы из Тизбонского дворца.

– Почему?

– Чтоб тесней связать нас дружбой с Персией, – ответил скопец. – Но подозреваю, что византийцы уже готовят нам новую претендентку на престол – им нужно быть уверенными в нашем расположении. Я думаю об этом с опаской.

– Полагаю, тер Мардпет, что Византия на этот раз не станет делать такого предложения. Это было бы слишком. С Олимпией обстоятельства были иные. Аршак в то время находился в их стране. Такое уж не повторится.

– А если повторится, тер аспет?

– Государь отвергнет.

– Отвергнет... легко сказать, – с сомнением покачал головой тер Мардпет и спросил: – Если, ишхан, византийский двор обратился бы к тебе с подобным предложением, смог бы ты отвергнуть его?

– Ко мне? Почему же ко мне? – растерялся Багратуни. – Я, по всей видимости, отверг бы, ибо не собираюсь отказываться от собственной жены, а персидское многоженство мне не по душе. Да, тер Мардпет, я точно бы отказался от этой чести.

– Ну, ты, возможно, бы и отказался, а государю – трудно будет.

– А ты с самим Аршаком говорил об этом? – поинтересовался аспет Смбат, прикинувшись наивным, чтоб еще что-нибудь выведать у скопца.

– Нет, тер Багратуни, пока еще нет. Если государь спросит меня, я без стеснения выскажу свое мнение.

Айр-Мардпет, потолковав с азарапетом и поняв, что он не посвящен в намеренье государя, выложил и ему свою точку зрения: де наилучшим вариантом было бы, если б царь Аршак взял в жены одну из сестер Шапура. Тем самым была бы заложена крепкая основа дружбы между нами и персами и исключена всякая угроза персидского нападения.

– Согласен со мной, тер азарапет?

– Решать должен сам государь, – подчеркнул свою беспристрастность Гнуни.

Обсуждения не прекращались.

– Надо, чтоб кто-нибудь поговорил с государем, напомнил о существующем положении.

– Лучше азарапета никто этого не сделает. Государь уважает его.

– Действительно. А если он откажется, тер Багратуни не подойдет, как вы думаете?

– Еще как подойдет, ведь он из рода венценалагателей аршакидских царей. К тому же умеет при случае блеснуть красноречием.

– Мы совсем упустили из виду, ведь в последнее время царь явное предпочтение оказывает ишхану Андоку, стоит, наверное, поручить начать разговор с государем ему.

Все сошлись на мнении, что ишхан Андок действительно самая подходящая кандидатура: ему не откажешь в смелости, никто так свободно и прямо не высказывает своего мнения при государе, и государь прислушивается к его словам, он не может и дня прожить без него.

Придворные мужи были близки к истине: присутствие Аршака не сковывало ишхана Андока, он вел себя непринужденно и естественно. Возможно, тут сказывался огромный жизненный опыт, накопленный годами, и еще то, что он являлся владельцем Сюникского края, само по себе обеспечивающее ему главенствующее положение среди нахараров. Была и другая сторона, не менее важная: все последние годы Андок жил в Византии и был принят при императорском дворе. Ну, а к сказанному надо добавить еще, что известен он был и как умелый военачальник. Аршак ценил его как человека самостоятельного и независимого суждения; достаточно было ишхану не появиться два-три дня, как сразу посылал за ним спарапета. Нельзя сказать, чтоб это приятно было старейшинам, особенно Айр-Мардпету.

Как-то раз царь Аршак был один у себя, с накидкой на плечах он медленно прохаживался по пестрому ковру тронного зала, порой останавливался, задумчиво глядя в одну точку, порой садился на обитый шелком диван и прислушивался к голосам за окном.

Дворец был погружен в тишину, даже отдаленного скрипа дверей не было слышно; Аршак томился ожиданием, ему казалось, вот-вот послышатся уверенные, тяжелые шаги Андока – и возникнет он сам. Но, увы, давно прошло время его обычного визита, а его все не было. Никогда так напряженно не ждал Аршак ишхана. Уже несколько дней подряд не показывался, между тем именно сегодня он нужен как никогда, не для приятного времяпровождения, а для серьезного разговора. Что могло случиться? Вышел, по обыкновению своему, навестить знакомых или задержался за разговором со старейшинами во дворце, думал царь. Удивлялся Аршак его неизбывной энергии и беспокойному нраву. Не сидится этому человеку на месте, то здесь, то там... А мог он запамятовать просьбу навещать его каждый день?

Просидев в таких раздумьях довольно много времени, Аршак вызвал сенекапета. Вошел его личный телохранитель Ез-

ник, вытянулся в струнку у дверей в ожидании распоряжения.

— Пригласи ишхана Андока, — сказал государь, шумно вздохнув.

Телохранитель Езник всегда с особой готовностью исполнял это поручение, он шел за ишханом Андоком в надежде, что представится возможность разочек взглянуть на его красавицу дочь. И на этот раз опрометью бросился по коридору, помчался к тому крылу дворца, где располагались ишхануи Парандзем и ее отец. Добежав до места, он замедлил шаги, приосанился и тихо постучал. Дубовые двери отворились, и вместо служанки на пороге перед ним возникла сама Парандзем, в черном одеянии, стройная, с лучистыми глазами. Езник от неожиданности замер на месте и, почувствовав на себе ее взгляд, растерялся так, что забыл, зачем явился. Парандзем спасла положение.

— Ты, наверное, пришел за моим отцом? — спросила она.

— Так точно, ишхануи. Государь просит зайти к нему.

— Его нет, он вышел из дворца.

— Вышел? — оторопел Езник, словно не мог уйти без него; он смотрел на женщину, стоявшую в проеме двери, не мигая. Парандзем повторила:

— Вышел совсем недавно, когда вернется, передам.

Езник наконец превозмог себя, повернулся, чтоб идти, и, сделав шаг, быстро обернулся — ее уже не было. Когда он входил в приемную царя, чтоб сообщить об ишхане Андоке, ноги с трудом ему повиновались.

Царь задумчиво глянул на своего сенекапета, затем вдруг сильно прикусил нижнюю губу:

— Никого, говоришь, там нет?

— Нет, ишхануи Парандзем одна.

Собрав в кулак бороду, Аршак несколько секунд сосредоточенно смотрел на пол.

— Тогда так и быть, пригласи ишхануи Парандзем, — решительно сказал он.

Удивленный Езник опять радостно помчался выполнять приказание: он еще раз увидит ее. Только открылась дверь — выпалил сияя:

— Простите, ишхануи, вторично беспокою вас, государь просит к себе...

Глаза Парандзем выразили крайнее удивление.

— Я же сказала, ишхан вышел.

— Извините, ишхануи, государь просит вас.

— Меня? — переспросила Парандзем.

— Да, да, ишхануи, вас.

— Ты не ошибаешься?

— Нет, как я могу...

— Однако... — замялась Парандзем и чуть погодя тихо произнесла: — Ладно, жди. — Прикрыв дверь, она стала лихорадочно соображать: что могло случиться? Отца государь пригла-

шал к себе, ее – никогда. Она всего два раза была у него, и то не одна, всегда в присутствии других, все их встречи происходили на этой половине дворца, царь приходил сюда сам.

Но порядок есть порядок, царь велит – надо идти, тем более что нет отца,– может, важное известие от матери?.. Набросив на себя накидку, Парандзем вышла в ярко освещенный коридор.

– Пошли,– бросила она Езнику, пройдя вперед. Сенекапет был наверху блаженства, сегодня ему как никогда везло: он дважды имел возможность видеть ишхануи, счастливый, шел за ней, любуясь ее стройной, изящной фигурой. А когда Парандзем спокойной, неторопливой поступью вошла в тронный зал, остался стоять у дверей; на лице его играла улыбка... В то же время глаза выражали нескрываемое любопытство: что могло заставить государя вызвать ишхануи вместо отца? Явно что-то необычное.

Переступив порог тронной, Парандзем увидела государя, стоявшего в центре зала в мантии, с непокрытой головой. Заслышав ее шаги, он пошел ей навстречу.

– Добро пожаловать, Парандзем.– Государь слегка склонил голову.

Парандзем зарделась от такого приема и тоже отвесила поклон.

– Изволь сесть.– Откинув рукой мантию, он гостеприимным жестом указал на обитый шелком диван, на котором были разложены бархатные подушки.

Когда Парандзем села, подобрав подол черного платья, Аршак опустился на стоящий против нее простой треногий стул.

– Прости меня, Парандзем, за беспокойство,– он приложил руку к груди.– Хотел поговорить с ишханом Андоком, но, поскольку его нет, может, потолкуем мы вдвоем?..

Странное начало разговора, подумала Парандзем и невольно склонила голову в ожидании.

– Спасибо, что изволила прийти...– медлил Аршак, словно подыскивал слова, чтоб начать разговор.– Я хотел поговорить с твоим отцом о вопросах, касающихся безопасности границ нашей страны. Однако с тем же успехом могу вести об этом речь и с тобой, ты в состоянии меня понять и помочь, как никто другой...

Она бросила на него быстрый, удивленный взгляд.

– Я, государь? Каким образом?– невольно вырвалось у нее, и, чтоб скрыть замешательство, она попыталась даже улыбнуться.

– Да, именно ты, Парандзем,– повторил Аршак.

Синие глаза ишхануи от удивления расширились, она замерла в ожидании. Аршак минуту разглядывал ковер, украшавший стену, диван и пол, потом стал нервно стискивать пальцы рук. Парандзем чувствовала себя неловко, глядя на него, и думала: почему государь так волнуется?

– Помнишь, Парандзем, мы с тобой однажды говорили о городе, который я строю? – начал он.

– Конечно, государь, – ответила она, все больше недоумевая.

– Помнишь, когда я объяснил тебе, зачем его строю, ты сразу меня поняла и поддержала, сказала слова, которые глубоко запали мне в душу?

Внимательно слушала Парандзем и не могла понять, куда он клонит.

– Когда же я заводил разговор на эту тему с покойной моей супругой, она, при всех ее достоинствах, оказывалась не в состоянии понять меня и желала только одного: оградить от лишних хлопот и тревог. Ей хотелось, чтоб я жил беспечно, как византийский император, не думая о строительстве городов и крепостей, утопая в роскоши и праздном веселье... Не могла она понять нашей страны, ее забот и моих тревог. С тобой иначе, Парандзем, ты с полуслова понимаешь все... и окрыляешь меня...

Парандзем, конечно, не забыла того разговора, но не понимала, почему государю надо было вызывать ее, чтоб об этом напомнить. Она волновалась, и пальцы ее лихорадочно сплетались.

– Теперь же я желаю, чтоб ты помогла мне строить Аван, – сказал Аршак и очень нежно коснулся ее холеной руки – казалось черная птица крылом коснулась белой голубки.

Парандзем вся залилась краской, но она не отдернула руки, как в прошлый раз, не посмела, и только промолвила:

– Чем я могу помочь, государь, я всего лишь слабая женщина...

– Достаточно твоего сочувствия, Парандзем... любви...

Она, ничего не сказав, опустила голову, длинные ресницы бросали тень на щеки. Аршак продолжал:

– Ты знаешь, конечно, что до конца сороковин остались считанные дни, я должен вступить снова в брак, таков порядок, установленный традицией.

Дальше Парандзем не слышала, по всему ее телу побежали мурашки – до нее дошел смысл его слов. О, как она жалела, что пришла... А Аршак все говорил, что его брака требуют интересы государства и он обязан подчиниться... что не хочет брать царицу для армянского престола из императорских дворцов иностранных держав или пускаться на поиски по замкам армянских нахарарств...

Аршак все выложил разом и, как ему показалось, не очень складно, досадуя на себя, что не смог сказать так, как хотелось бы, как следовало бы. А Парандзем вся точно сжалась в комок, вобрав голову в плечи; до нее будто издалека доходили его слова, произнесенные с искренней нежностью и мольбой в голосе.

– Надеюсь, Парандзем, не откажешь... быть царицей своего несчастного государя...

В безвыходном положении оказалась Парандзем: как быть с царем, называющим себя несчастным? И тут совершилось нечто неожиданное. Парандзем вдруг – сама не поняла, как это получилось, – соскользнула с дивана и пала на колени перед Аршаком.

– Прости, государь, – сказала она сдавленным голосом, – я не хочу делать тебя несчастным...

Аршак вытянулся от удивления:

– Как это?..

– Меня, государь, проклял бог, я не хочу, чтоб ты, связав свою судьбу со мной, стал несчастным. – Голос ее совсем осекся. – Мне колдунья нагадала, что счастья в жизни я не буду знать. Потому, после постигших меня бед, дала обет уйти в монастырь.

– Что за мысли, Парандзем! – вскочил с места Аршак и, взяв ее за руки, бережно, как нечто хрупкое, дорогое, поднял и усадил снова на диван. – Нелепое желание, дорогая, зачем такую красоту заточать в стены монастыря?

– Зачем? – машинально произнесла Парандзем. – Затем, государь, что эта красота, говорила колдунья, будет причиной многих несчастий. Она так и сказала: «Твоя красота принесет тебе одни лишь беды» – и строжайше наказала, чтоб я замуж не выходила. Я ослушалась ее... и вы были свидетелем, как моя красота погубила Гнела, причинила мне столько горя...

– Нет, Парандзем, несчастья уже позади, забудь о них и выкинь из головы злую колдунью. Ты рождена не для монастыря.

Аршак умолк на минуту, а потом, взяв ее руку, нежным голосом продолжил:

– Молю твоей помощи, Парандзем, и сострадания. Я очень одинок, жажду родной души... Такой, как твоя... Будь со мной, и я...

С этими словами Аршак встал на ноги и, видимо, собирался склонить колени перед нею, как вдруг она сорвалась с места и, закрыв лицо руками, кинулась к дверям.

Сидевший в коридоре в томительном ожидании сенекапет поднял на ишхануи удивленные глаза. Она шла как-то странно торопливо, не оглядываясь по сторонам. Езник не успел подумать – надо ли ему проводить ее или нет... Что-то творилось с ней, он это почувствовал, и сердце его сжалось; Езник проводил ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась из виду.

Когда Парандзем влетела в первый из занимаемых ею покоев, отец с помощью служанки снимал с себя верхнюю одежду – он только что вернулся во дворец. Как ни старалась она скрыть волнение, отец тотчас же заметил.

– Откуда ты, доченька, и чем так взволнована?

Парандзем не в состоянии была отвечать, она задыхалась и прижимала руку то к вискам, стараясь скрыть лицо, то к сердцу. Но когда отец повторил вопрос, вынуждена была сказать:

– От государя.

– Государя?! – Ишхан Андок внимательно посмотрел на дочь, точно по ее лицу хотел догадаться, что с ней творится. – Удивительно... От государя?! – еще раз повторил он невольно.

– Да, отец, совсем недавно его сенекапет приходил за тобой – тебя не оказалось на месте. Я так и сказала: тебя нет. Однако он минуты через две явился опять и на этот раз пригласил меня...

– К самому государю? – словно не веря собственным ушам, переспросил ишхан Андок.

– Да, отец.

– Ему что-то спешно надо было сообщить мне?

Парандзем не знала, что отвечать. И Андок, заметив, что дочь замялась с ответом, предложил ей пройти во внутренние покои.

– Говори теперь, Парандзем, что сказал государь?

– Государь... государь... – запинаясь произнесла Парандзем, пряча взгляд. – Государь, отец... не смею сказать, – она закрыла глаза руками.

– Говори, доченька.

– Государь просил меня...

– Ну, говори, – Андок нетерпеливо схватил ее за руку. – Говори откровенно.

– Государь... просил меня стать... царицей, – с трудом выдавила она из себя и разрыдалась.

– Царицей?.. И ты плачешь?

В голосе ишхана было и удивление, и откровенное любопытство, он приблизился к дочери и, положив ей руку на плечо, спросил:

– Что же ты ответила?

– Отказала ему, отец.

От изумления брови ишхана Андока взлетели на лоб.

– Отказала?!

– Да... разве можно после Гнела?..

– Так и сказала – нет?

– Нет, отец. Сказала, что я проклята небесами, что я... – И Парандзем рассказала отцу, что говорила государю о колдунье, нагадавшей ей злую судьбу, и о своем решении уйти в монастырь.

– Неразумные, ненужные слова, – омрачился ишхан. – Гадалки вруньи, ворожба – ложь и обман.

– Я тоже, отец, так считала, однако предсказанье ее оправдалось: Гнела убили.

– Что было, то прошло, Парандзем. Ты не имеешь права уходить из мирской жизни в монастырь. Этого не хочет твой отец, Андок Сюникский.

— Однако, отец...

Ишхан строго, укоризненно посмотрел на дочь:

— Выкинь из головы эти мрачные мысли, дочь моя, будь рассудительной. Твое замужество с Гнелом кончилось печально. Все сочувствуют тебе. Но теперь перед тобой раскрываются врата счастья. И ты отказываешься войти в них?

— Но, отец, еще кровоточат раны моей души, жизнь потеряла для меня всякую привлекательность.

— Утешься пока мыслью, что будешь царицею армянскою, Парандзем. Подумай!.. Не каждой выпадает на долю такое, это участь лишь избранниц. Твоя гадалка оказалась подлой обманщицей. Она просто позавидовала тебе и захотела отравить твою душу.

— Нет, отец, нет, — покачала головой Парандзем, — не обманщица: она погладила меня по волосам и с грустью сказала: «Тебе суждено высоко подняться и низко пасть».

— Брось, Парандзем. Отказать государю, — да это значит нанести ему оскорбление.

— Упаси господь, я бы не хотела его обижать, я очень сочувствую ему, он потерял жену и остался одинок...

— Тем более не должна отказывать, если жалеешь его.

— А памяти Гнела я бы не осквернила?..

— Никогда, Парандзем! Что ты говоришь? Если ты откажешь государю, значит, ты пренебрегаешь моим отцовским советом, моим желанием видеть тебя счастливой. Не упрямься, дочь, послушай своего отца.

Вместо ответа Парандзем упала на диван и разразилась рыданиями. Ишхан Андок не выносил слез; он подошел к дочери, ласково погладил по плечам и попросил успокоиться.

— Прекрати, Парандзем. Сердце часто оказывается плохим советчиком. Прислушайся к разуму. Государь может себе в жены взять любую красавицу из любой страны, но он предпочтение отдал тебе...

Парандзем, уставившись в одну точку, не отвечала. Она не играла в разочарованность и отчаяние, нет. После смерти Гнела мир действительно утерял привлекательность в ее глазах, он казался ей враждебным и злым, а люди вокруг — отталкивающими. В таком душевном состоянии согласиться на брак? После лучезарного Гнела — стать супругой волосатого, черного Аршака? Но всего же не выскажешь. И она молчала. А отец рвал и метал:

— Скажи наконец, ты уважаешь своего отца или нет? Если уважаешь, ты не пойдешь против его воли, иначе... Оскорбителен будет твой отказ как для государя, так и для меня лично... Отвечай, Парандзем, неужели ты хочешь нанести мне удар?

— Нет, отец, не хочу.

— Значит, должна принять предложение государя...

Парандзем слушала, потупив взор, помолчала немного, затем произнесла:

— Пусть будет по-твоему, отец... Но я ему уже отказала...
— Это предоставь мне, дочь...

Пока в одном крыле дворца происходил нелегкий разговор между ишханом Андоком и его дочерью, царь Аршак, расстроенный, часто дергая темную коротенькую бородку, шагал взад-вперед все по тому же цветастому ковру. Он был не просто поражен, но потрясен до глубины души.

Пока он безвылазно сидел во дворце и занимался исключительно текущими государственными делами, времени хватало, чтоб обдумать предстоящий важнейший шаг для себя — вторичный брак, обязательный, согласно издревле установленному для коронованных особ порядку. Сороковины подходили к концу, и каждый раз, когда он думал об этом, перед его мысленным взором вставала Парандзем. Сколько раз ему хотелось начать разговор с ишханом Андоком о его дочери, но все не представлялся удобный случай. Что сюникский владелец даст свое согласие, он нисколько не сомневался. А как посмотрит на это Парандзем? Впрочем, он и в ней не сомневался, лишь бы суметь преподнести все в надлежащей форме, ведь память о Гнеле еще жива в ней.

После долгих размышлений он счел лучшим начать с отца и потому вызвал его. Страшно досадуя, что не застал ишхана на месте, он все же решил не откладывать вопроса до следующего раза, поскольку решение уже созрело, и вызвал Парандзем. Не предвидел он такого оборота дела, нет, и думал, есть ли смысл теперь говорить с ишханом. Немного поразмыслив, все же решил, что надо поговорить с ним, объяснить, что он был ведом самыми лучшими чувствами, ибо Парандзем достойна счастья, особенно после всех бед, обрушившихся на нее.

Тут вошел сенекапет Езник и сообщил, что ишхан Андок ждет приема.

— Пусть войдет.

— Прости, государь, за неурочное появление,— начал ишхан взволнованным и несколько виноватым голосом, входя в зал.— Ты вызывал Парандзем и вел с ней разговор; дочь моя поступила необдуманно, видимо находясь под гнетом тяжких дум и переживаний.

— Да, ишхан. Я не сумел проявить достаточного такта и чуткости, не нашел нужных слов, задев в ее душе болезненные струны.

— Нет, государь, моя Парандзем просто поспешила с ответом. Я поговорил с ней, объяснил, что государя нашего грешно оставлять в скорби и одиночестве, и... и...

— И?..— не утерпел Аршак.— Согласилась?

— Согласилась...

Аршак не дослушал его, бросился к ишхану и горячо обнял его.

— Спасибо, ишхан, за добрую отеческую заботу обо мне,—

сказал он, порозовев. – Я конечно же допустил ошибку, что сначала не поговорил с тобой.

Все свершилось, как полагалось: по истечении сорока дней, через неделю еще, царь Аршак и ишхануи Парандзем вступили в брак. Обряд венчания совершил дворцовый священник, которого неизвестно почему прозвали Муравейчиком. На церемонии бракосочетания присутствовали все придворные со своими женами, совершенно изумленные тем, что царь избрал себе жену не из царской фамилии. Присутствовали и представители духовенства, кроме католикоса Нерсеса, который в этот момент был якобы нездоров.

Став женой Аршака, Парандзем еще долго не могла привыкнуть к своему новому положению, особенно к новому супругу, к его заросшим волосами лицу и рукам. А когда через несколько месяцев почувствовала, что забеременела, горячо молила бога, чтоб ребенок не был похож на отца, не был таким черным, волосатым. И тем не менее по-женски она жалела Аршака, видела, что он одинок. А там со временем пришло и чувство...

Наше отступление в прошлое сильно бы затянулось, если бы мы помянули все события. Вспомним еще несколько важных моментов, вернее наиболее важных, и продолжим прерванное повествование.

Через год после брака у Парандзем родился сын, которого нарекли Папом. Рождение наследника окрылило царя Аршака, и, поскольку это было летом, он с утроенной энергией взялся за строительство Авана, совсем было заброшенного в связи с убийством Гнела, а потом и смертью Олимпии. Помимо того что по специальному приказу с помощью азарапета удалось собрать из дворцовых имений и угодий селян и мастеровых для работ в Аване, он еще намеревался через гонцов послать повторные напоминания нахарарам, обещавшим «по возможности оказать помощь строительству града людьми и слугами», в душе надеясь, что на этот раз они не откажутся выполнить обещание и все пойдет на лад. В случае отказа он уже решил не идти на поводу у спарапета и азарапета, действовать самым строгим образом, предварительно, конечно, выяснив, не привели ли к военному конфликту напряженные отношения между Персией и Византией. Эта политическая ситуация не благоприятствовала ведению строительных работ в Аване, она фактически свела их на нет. Был момент, когда царь Аршак получил сведения, что Шапур потребовал у византийского императора Междуречье и поставил условие, чтоб он отказался от помощи Армении, согласно существующему договору. Естественно, это не могло не встревожить царя Аршака. Он вынужден был созвать военный совет и держать армию наготове, чтоб в нужный момент выступить на защиту своих границ.

Ирано-византийская война продолжалась годами, одни го-

ворили, она длилась десять лет, другие утверждали – двенадцать-тринадцать; за это время один за другим пали в боях два византийских императора, Константин и Юлиан; и на протяжении всего военного времени угроза вторжения персов висела над Арменией как дамоклов меч, а потому не было ни времени, ни средств для ведения строительных работ.

В эти смутные времена, в дни тягчайших забот для Аршака, когда и находился-то он далеко от стольного града, в Каваше скончался его старый слепой отец, прокляв мир и своих врагов.

В тяжелейшем положении был царь Аршак. Страна находилась меж двух огней – двух могущественных хищнических держав, враждующих друг с другом, часто становясь ареной кровопролитных битв между ними. Что мог в этих условиях делать армянский царь? Открыто защищать интересы одной из воюющих стран? Это означало бы вступить в войну. Не становиться на сторону ни одной из них? Но как? Заявить: «Вы воюйте между собой на моей территории, а я останусь наблюдателем...» В обоих случаях, он понимал, страна не избежала бы лишений и бед. Приходилось лавировать, избирать по возможности наименьшее из зол: сохранять невмешательство, пока войска враждующих сторон находились близ границ.

Конечно, он склонялся симпатиями больше к Византии, даже тайно поставлял продовольствие для ее войска; но армию свою держал наготове у границ. Между прочим, в эту войну случилось, когда царь Аршак назначил своего тестя ишхана Андока, как опытного воина, правителем древней армянской столицы Тигранакерт, находящейся у южных границ государства; и Андок, последовательно придерживаясь невмешательства, не дал Шапуру расположиться войском на ночлег в армянской столице, когда шах с многочисленной армией двигался в направлении Византии. Зато потом злопамятный перс в отместку за это, во время своего триумфального возвращения оттуда, разорил Тигранакерт, расхитил его богатства. Однако не остался безнаказанным. Годы спустя ишхан Андок отомстил ему, напав со своим конным полком на персидскую столицу Тизбон и разрушив дворец Шапура.

Это между прочим.

Вражда между соседствующими с Арменией могущественными державами, длившаяся долгие годы, доставляла много тревог и волнений Стране Армянской. Опустим подробности имевших место событий, в которые волей-неволей втягивались армяне... Чтоб не допустить к своим границам театр военных действий и не дать стране превратиться в арену боев, царь Аршак убеждал византийского императора, что армянские горы и глубокие ущелья неудобны для маневрирования его войск. И в основном война велась на территории Междуречья, у южных границ Армении. Но это не снимало угрозу вторжения иностранных войск, заставляя постоянно находиться в состоянии боевой готовности. Однако и в этих условиях

мысль об Аване не покидала Аршака, наоборот, еще больше он чувствовал необходимость в укрепленных крепостях, еще сильней переживал отказ нахараров отдать свои крепости. Он часто удрученно восклицал: «Когда же, ну когда же представится возможность осуществить свою мечту, воздвигнуть свою твердыню?»

Эта возможность представилась только тогда, когда был положен конец продолжительной ирано-византийской войне. Аршак приступил к строительству Авана с неистовой энергией. Пока не было внешней угрозы, пока вели себя спокойно соседи, надо было достроить Аван, обнести его массивной крепостной стеной, чтоб на пути обычного вторжения персов иметь город с многочисленным населением, мощный бастион, надежно охраняющий страну с востока. Вызвав ишхана Вараза, он распорядился возобновить прерванные строительные работы.

— К счастью, ишхан, потери наши в этой войне невелики Но мстительный Шапур наверняка точит против нас зуб, ведь мы не помогали ему (только глупец может помогать своему врагу); я уверен, он вынашивает сейчас планы мести. От Византии же нам больше нечего ожидать, как бы она там ни играла в дружбу. Дружба между странами никогда не бывает длительной. Надо иметь свою крепость.

— Слушаюсь, государь, однако мастеровых, строителей где взять?

И опять Аршак распорядился, чтоб Гнуни, уже стареющий азарапет, из селений, принадлежащих дворцовым владениям, собрал людей для посылки в Аван. Но, хорошо понимая, что меры эти половинчаты, снова поднял вопрос о предоставлении нахарарами помощи людьми, снова обратился к ним с посланием, причем новое послание было написано так, словно отказов от нахараров в прошлом и не бывало.

Принадлежащие царю и дворцовой знати селения, естественно, беспрекословно подчинились приказу: оттуда взяли столько людей, сколько хотели. Но проходили неделя за неделей, а от большей части нахараров ответа не поступало.

Аршак рассердился и послал вторичное напоминание.

Картина та же: ни ответа, ни людей.

Тут царь уже вышел из терпения. Он негодовал не только на нахараров, но и на себя, что не может столько времени расправиться с непокорными. В конце концов решил привести в исполнение давнишнюю угрозу — послать войска и силой сломить их сопротивление. И опять азарапет Гнуни, спарапет Васак да еще присоединившаяся к ним царица Парандзем стали отговаривать его.

— Не надо, государь, это будет на руку только Шапуру. Надо суметь найти с ними общий язык.

— Хватит, сколько можно терпеть, надо их образумить. Должны они в конце концов уразуметь, чт́о в интересах

страны, что нет? На кого не действует слово, на того подействует меч.

Бушевать бушевал, но уступил.

— Будь по-вашему, но я тоже поведу себя так, как они того заслуживают.

Азарапет вопросительно глянул на него.

— Не хотят подобру-поздорову отдавать людей — отдадут поневоле. Да, люди сами ко мне придут, вопреки их желанию.

Слова царя показались совсем загадочными, и азарапет и царица хотели было спросить, что они означают, но Аршак вдруг поднялся с места и удалился в свои покои. Вечером того же дня, позвав Езника, он продиктовал следующее:

«Я, царь армянский Аршак II, обращаюсь к своему народу с сим посланием, пусть слушают меня все, и стар и млад в Стране Армянской.

Ежели кто хочет обрести свободу, пусть идет в строящийся град, что я велел заложить в долине Коги на третьем году своего царствования.

Все, кто придет туда и изъявит желание работать на строительстве, будут обеспечены жильем, пропитанием, вдобавок будут освобождены от барщины и оброка.

В царев град может прийти всяк, кто недоволен своим хозяином и хочет получить волю, всяк, кто скрывается от правосудия и наказания. А также и тот, кто задолжал и не может уплатить долг.

Тому, кто вступит ногой на землю моих владений, не будет отныне угрожать ни суд, ни расправа».

Когда указ был готов, Аршак приказал его размножить, скрепил царской печатью и направил во все концы страны.

Через несколько дней с указом в руках летели по нахарарствам Араратской долины гонцы. Причем им было дано указание — читать царское послание во всех церквах и на площадях в часы наибольшего скопления народа.

Разослав указы, Аршак мысленно стал представлять себе, как слуги нахараров, узнав о предоставляемых царем привилегиях, бросают своих господ и устремляются в Аван, и, довольный собой, потирал руки, что таким образом сумеет поставить нахараров на колени, заставит сожалеть о содеянном и просить прощения у него; то, теряя веру в себя, терзался сомнениями: а вдруг никто не явится, вдруг нахарарам удастся удержать их силой? Что тогда?

Больше месяца царь пребывал в состоянии мучительного ожидания, когда надежды попеременно сменялись сомнениями, не давая покоя; и бог знает, сколько бы продлилось это положение, если б не приезд в стольный град правителя Авана ишхана Вараза.

Ишхан Вараз был в крайнем замешательстве.

— Государь, я в затруднительном положении, я не располо-

гаю нужным количеством общежитий и продуктов для пропитания. Что делать?

В первую минуту, глядя на его трясущуюся бороду, Аршак встрепенулся, заподозрив что-то неладное. Но вскоре из рассказа градоправителя стало ясно, что взволнован он тем, что в новый город ежедневно приходит огромное количество беглого люда, валят целые толпы, и он не знает, куда их разместить и чем кормить.

— Не волнуйся, ишхан,— сказал Аршак, успокоившись,— царские амбары открыты перед тобой, бери сколько нужно, обеспечь людей питанием, раскинь палатки и строй, строй...

Сомнения рассеялись, и царь торжествовал. Он взял быка за рога, теперь заспорится работа в Аване, и нахарары, с которых сбита спесь, падут к его стопам...

Но всякой радости в жизни бывает конец.

Не долго пришлось Аршаку ликовать. Не прошло и нескольких месяцев, как однажды его письмоводитель Езр, с дрожью в козлиной бородке, протянул ему свернутый свиток:

— От нахараров, государь.

— Нахараров? — Письмо-раскаяние, не иначе, мелькнуло в голове. Он сделал знак, чтоб Езр прочел.

— Мне трудно, государь,— сказал письмоводитель запинаясь.

Царь с удивлением взглянул на него:

— Ты нездоров?

— Нет, государь,— он робко переступал с ноги на ногу,— написано крайне непочтительно.

Аршак взял письмо и стал читать сам.

Его густые черные брови то взлетали вверх, то сходились на переносице; когда он кончил, кривая усмешка исказила его лицо.

— Возмущены... негодуют... Пусть себе возмущаются и негодуют сколько им влезет...

Письмо было следующего содержания:

«Армянские нахарары кланяются своему царю Аршаку Второму.

Государь!

Твой указ, предоставляющий привилегии и льготы нашим селянам и слугам, дабы переманить наших людей в строящийся град, посеял в народе смуту. И вот всякий сброд: убийцы, клятвопреступники, грабители, прелюбодеи и преступники, бросив все, позабыв свой долг и обязанности, устремились в Аршакаван и нашли там убежище.

Мы, нижеподписавшиеся нахарары, во имя справедливости и законности, во имя порядка и спокойствия в стране, просим

тебя отменить сей указ, поощряющий преступление, нарушающий правозаконность, установленную издревле на нашей земле.

Закрой врата соблазна злого, не заставляй нас, подданных твоих, ополчиться против своего государя.

Владелец Арцруникского края — Меружан
Владелец Мамиконяновского Тарона — Ваан
Владелец Аршаруника и Ширака — Нерсе Камсаракан
Ишхан Басена — Манэч
Владелец Вахевунянца — Вахе...»

Затем шли подписи менее владетельных нахараров.

Царь Аршак еще раз прочел письмо и, когда в зал вошел азарапет Давид Гнуни, протянул ему:

— Прочти и скажи, что думаешь.— Только Гнуни кончил читать, он спросил: — Если бегут от хозяев воры и преступники, хозяева должны этому радоваться или нет?

— Разумеется, должны радоваться, государь,— ответил старик.— А раз ты избавляешь их от преступников, они должны быть тебе еще благодарны, им следовало бы не недовольство выражать, а слать подарки.

— Да, да,— ответил Аршак и разразился таким жутким смехом, что у азарапета мороз по коже пробежал, в смехе том слышались вместе с торжеством и злорадство и месть.

Все это происходило тогда, когда наследнику Аршака Папу было пятнадцать лет. Когда же ему исполнилось шестнадцать, ишхан Андок взял внука с собой в Византию, чтоб дать, как он говорил, достойное престолонаследника образование. А то, чему он может научиться тут у персофила Айр-Мардпета или дворцового священника Муравейчика, который толком и греческого языка-то не знает? Несколько царедворцев со своими конными телохранителями проводили престолонаследника до Евфрата. По возвращении в Вагаршапат они рассказали, что очень заметно было недовольство нахараров тех областей, через которые им пришлось ехать.

— Нахарары провожали нас хмурыми взглядами,— свидетельствовал письмоводитель Езр.— Узнав, кто проезжает мимо, даже не выходили навстречу, чтоб хотя бы из приличия проводить немного. За исключением ишханов Дзюнакана и Авнуни.

Аршак не придал значения сказанному, недовольны — ну и пусть! Это не омрачило радости Аршака. Пап отправился учиться в столицу мира, его отцовское сердце тешило сознание, что после него на армянский престол вступит сын, и теперь хотелось одного: чтоб из рук его наследник получил страну благоденствующую и могущественную. Он понимал: чтоб этого добиться, надо приложить много труда и усилий, и в первую голову достроить город в течение ближайших же двух лет, что сейчас ему казалось вполне реальным. Радовало его и то, что город, пока еще стоящий весь в лесах, бурными

темпами заселяется, что туда валит народ со всех концов страны. Ликовал он, что идея, вынашиваемая им в душе много лет подряд, изо дня в день обретала плоть и кровь.

— Да, Парандзем,— сказал он как-то жене,— мы выстроим город, воздвигнем крепость, и она будет прочной опорой для мирного существования страны, а потом объединим всех нахараров под единой своей властью, и Страна Армянская станет могущественной державой на века.

Все эти события-перипетии предшествовали созыву нахараров на совет в крепость Камсараканов.

Теперь последуем за ишханом Камсараканом, отправившимся в Гарни к католикосу...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гарни...

Прохладный, ясный полдень; воздух бодряще свеж,— может, от близости гор и реки Азат, может, от прозрачной синевы небес, нависшей нежным шелковым шатром над устремленными ввысь и застывшими как пики верхушками гор.

На склоне Арегуни, там, где виднеется обнесенный стенами монастырь с прилегающими к нему подсобными помещениями, ясно различаются медленно передвигающиеся фигурки людей в черных одеяниях. Склонив головы, в одиночку и парами, они блуждают вокруг монастырских стен, словно бормочут молитвы под открытым небом. Это юные члены монашеской братии, вышедшие из келий, чтоб собрать с грядок первые весенние овощи.

— Я не для себя стараюсь, а для отца Барнабаса, который очень любит лакомиться свежими овощами, запеченными в яйцах,— говорит как жердь худой и длинный инок своему соседу — коротышке с мягким пушком на юном лице.

— А я, брат инок, для отца, что ведает кладовой, он тоже большой любитель ранних овощей, просил ему нарвать побольше.

Сказав это, коротышка поднял полы рясы и нагнулся над кустом спаржи; когда, выдрав ее с корнем, стал засовывать в мешок, вдруг заметил отряд конников с пиками и копьями, взбиравшийся по крутой тропе вверх из ущелья.

— Ужасное видение! — вскричал он в испуге и залез в кусты.— Не иначе как набежчики...

Долговязый инок взглянул на отряд всадников и тоже, присев на корточки, в страхе прошептал:

— В самом деле набежчики... Надо дать знать настоятелю монастыря.

И, не дожидаясь ответа соседа, согнувшись в три погибели, быстрыми шагами побежал к монастырю, где во дворе стояли несколько иноков и архимандритов в одинаковых сутанах до пят и остроконечных клобуках из мягкой ткани, концы которых свободно свисали на их длинные волосы. Увидев запыхавшегося инока, один из них спросил:

– Куда, брат инок? Случилось что?

– Нашествие! Набежчики! – крикнул инок и, не останавливаясь, понесся к келье настоятеля. – Святой отец, приближаются набежчики! – сообщил он, преклонив колена.

– Набежчики? – оторвавшись от чтения, вскочил с места настоятель.

– Да, отряд вооруженных людей.

– Может, это войска нашей страны?

– Неизвестно, святой отец...

Настоятель, человек в летах, с приятной, ухоженной бородкой, укоризненно покачал головой:

– Пойди сначала выясни, потом приходи с точными сведениями, чтоб понапрасну не тревожить покой его святейшества.

Когда инок в замешательстве вышел, чтоб исполнить поручение святого отца, настоятель в ожидании его беспокойно заметался по келье. Чтоб идти к католикосу, находящемуся в здании неподалеку от монастыря, надо располагать точными сведениями. Нерсес дней десять тому назад прибыл в Гарни вместе со своими дьяконами Фавстосом и Апостосом не ради отдыха на лоне природы, как это обычно делал в летние месяцы; он имел обыкновение с началом весны совершать поездки по монастырям для ознакомления с жизнью братий. А сейчас до него дошли слухи, что в некоторых монастырях члены братий вели себя крайне недостойно, в результате чего селяне отвернулись как от монастыря, так и от духовенства. Вообще в последнее время среди народа наблюдалось недовольство церковниками, круто обращавшимися с селянами при сборе налогов; поступали сведения, что люди покидают монастырские земли, убегают в отдаленные селения, подаются в лес, где присоединяются к еретикам, которые называют себя мессалианами и борборитами.

Та же картина наблюдалась и в Гарнийском монастыре и во всей его округе, поэтому Нерсес, как верховный владыка, прибыл на место, чтоб выяснить положение дел и приструнить, если надо, членов братии. Он уже успел провести несколько бесед с архимандритом и иноками о том, как должен соблюдаться устав жизни духовных отцов, как обязаны они вести себя, чтоб народ не видел противоречия между их проповедями и делами. Он дал совет настоятелю послать несколько сведущих, дельных архимандритов в глубь области, куда сбежали местные жители, чтоб убедить их вернуться, ибо случалось, когда, доведенные до отчаяния налогами и податями, селяне снимались с места всем селом и исчезали; были случаи, когда они отказывались слушать проповедников Христова учения,

а встретившись с архимандритом, сворачивали с дороги. Святейший внушал настоятелю, что монахи должны быть «сведущими и умными, ибо они призваны управлять страной, учить уму-разуму людей, всех – от простолюдина до ишханов, от ишханов до государя...». И сегодня он сидел в своих прохладных покоях с непокрытой седеющей головой и уже побелевшей бородой на груди, вел беседу с одним из епископов, когда вошел настоятель монастыря и сообщил, застыв в поклоне:

– Прибыл великий ишхан Камсаракан и просит встречи с вами.

Услыхав имя владельца богатых областей, влиятельнейшего ишхана, Нерсес подобрался, с недоумением посмотрев на настоятеля и собеседника-епископа.

– Что могло привести надменного Камсаракана ко мне? – удивился он.

– Может статься, задумал построить церковь в своих владениях и прибыл за соответствующими советами и указаниями? – предположил настоятель.

– Вряд ли, святой отец, вряд ли. Он не так благочестив, – слегка покачал головой Нерсес. – Два года назад, когда ширакский епископ просил его в каждом селении выстроить молельню, он отказал со словами: «Ничего с селянами не станет, пусть ходят богу молиться в соседнюю деревню», да еще добавил: «Селянин – скотина, вполне может обойтись и без молитв»... – Нерсес горестно вздохнул и, словно думая вслух, произнес: – Что могло его заставить прийти ко мне?.. Пригласи, святой отец.

Чуть погодя вошел ишхан Камсаракан в короткой капе, без дорожной накидки и, как принято являться пред очи святейшего, с непокрытой головой, без оружия. Его крупная фигура заняла весь проем двери, заслонив собой свет. Переступив порог, он поклонился, но не всем корпусом, как то делали другие, а лишь головой.

– Хвала и слава всевышнему, господу нашему Иисусу Христу!

– Во веки веков. Аминь!

Затем, согласно принятому порядку, ишхан приложился к руке католикоса.

– Благослови, святейший.

– Да будет благословен твой очаг, Нерсе Камсаракан, и весь твой большой род. – Подняв руку, католикос осенил его крестным знамением.

Когда ишхан опустился всем своим грузным телом на стул, тот скрипнул под ним. Нерсес не мог понять, почему Камсаракан вдруг насупился: или присутствие настоятеля и собеседника-епископа неприятно ему? Во всяком случае, он счел нужным обратиться к собеседникам:

– Мы потом продолжим наш разговор, святой отец, а сейчас я потолкую с ишханом.

Поняв, что ишхану и католикосу надо остаться наедине, настоятель и епископ поднялись. И когда, откланявшись, удалились, Нерсес с приветливой улыбкой на лице обратился к Камсаракану:

– Надеюсь, все в семье живы-здоровы и божья благодать тебя не покидает?

У ишхана вместо ответа вырвался стон из груди.

– Покидает, святейший, покидает, – ответил он сдавленным голосом.

Крупные, проницательные глаза католикоса остановились на лице ишхана, в них было столько удивления, что Камсаракан ответил без замедления:

– Покидает, святейший, и предает во власть злоумышленного и коварного царя Аршака.

Нерсес невольно поднял плечи.

– Я ничего не знаю, ишхан, – сказал он с неподдельным удивлением.

Камсаракан опять простонал:

– Неужели святейшему ничего не известно об основании Аршакавана?

– Известно, как же, ишхан.

– И конечно, о царевых указах тоже?..

– Которыми он обещает свободу всем, кто убежит от своих господ? – прервал его католикос.

– Не просто обещает, но и подстрекает к преступлению и насилию над своими господами.

Нерсес в тревоге заморгал глазами:

– Царь?..

– Да, сам царь Аршак. – Ишхан в третий раз сокрушенно простонал.

– Ты не берешь греха на душу, тер Камсаракан?

– Нисколько, святой владыка.

– Расскажи, ишхан. Я более месяца нахожусь в отъезде и давно не имею вестей из Вагаршапата.

– Я, собственно, и прибыл с этой целью, святейший, прибыл, чтоб высказать все, что накопилось на душе у меня и у нахараров.

Тут Камсаракан взволнованно поведал о событиях последних дней, о возмущении ишханов в связи с указом государя, о бегстве слуг, обольщенных посулами царя, от своих законных господ, рассказал о последнем случае, когда селяне в лесу во время тайного побега убили его зятя Давида Амуни, после похорон которого, собственно, он и явился к святейшему.

– Селяне убили ишхана Амуни?! – не поверил ушам Нерсес. – Какое преступление!

– Да, святейший, так...

Когда Камсаракан с горечью говорил, что царь хочет превратить нахараров в своих вассалов, в послушное орудие для исполнения своей воли, католикос воскликнул:

— Неужели, ишхан. Аршак проявил бы такую суровость, если б все исполняли свой долг перед ним?

— А царь сам исполняет свой долг перед нами, святейший? Нет, никогда. Он жаждет одного — всех нас обездолить, погубить, чтоб завладеть нашими землями, нашими людьми, нашими крепостями. И в этих делах конечно же ему оказывает всяческое содействие его тесть, ишхан Андок Сюникский, возможно еще и Васак. Этого и добивается государь, святейший.

— Не думаю, чтоб этого он добивался, ишхан, не может царь быть столь жестоким.

— Однако такова реальность. Судите сами, он потребовал, чтоб я сдал ему свои крепости Артагерс и Капуйт, я, естественно, отказался это сделать, ибо не могу оставить владения свои незащищенными. Без крепостей я не мыслю себе своего существования, как и существования всего нашего рода Камсараканов. А Аршак хочет высосать из меня кровь, как паук, потом удушить.

Сказав это, Камсаракан просунул палец в давящий ворот капы, вздохнул и продолжал тоном человека, глубоко задетого за живое:

— Ради прославления собственной особы строит город. А чьими руками он хочет это сделать? Руками наших слуг, которых обманным путем переманивает к себе? Все его обещания лживы, святейший, никаких благ он им не даст, да еще и толкнет на воровство, убийство, преступление.

Мы направили царю послание, в котором просили отменить указ, предупреждали, чтоб он не оглашал его перед народом. И что? Царь не только пренебрег нашим предупреждением, но и, словно в пику, велел его читать повсеместно, где скопление народа, в церквах с амвона. И вот вам результат: злодеяния, убийство.

Католикос, несомненно, был в курсе происходящих событий, но слушал Камсаракана не перебивая; ожидал, когда выяснится причина приезда ишхана и смысл всего затеянного им разговора. Был момент, когда он даже чуть было не вставил, что и с монастырских земель участились случаи побегов, но удержался: прежде времени не следует выражать своего недовольства; потом, что и говорить, мало чести для монастырей... А ишхан продолжал:

— Если не будет положен конец произволу и слуги наши по-прежнему будут убегать в этот город, подымать руку на своих господ, нам останется только одно — тоже поднять меч против своего господина...

Последние слова неприятно кольнули слух католикоса, он сжал руки и снова часто заморгал глазами.

— Что за мысли, ишхан! Совсем недостойные патриарха рода Камсараканов.

— Я выразил не столько собственные мысли, святейший, сколько то, что думает подавляющее большинство нахараров, слуг которых переманивает государь обманным путем. Като-

ликос слушал, весь уйдя в думы; когда ишхан кончил говорить, он спросил огорченно:

— Неужели нельзя положить конец этой вражде?

— Это можете сделать только вы, святейший. Я потому и прибыл к вам как к верховному судье Страны Армянской.— Камсаракан выпрямился, в упор посмотрев на собеседника.— Я прибыл со специальным поручением от недовольных нахараров, чтоб вы, святейший, призвали к порядку царя Аршака, иначе мы будем вынуждены прибегнуть к суровым мерам...

Нерсесу в самом деле предоставлялось право решать сложные или спорные вопросы, возникавшие как между самими нахарарами, так и между нахарарами и государем.

— Война против царя? — опять, подняв голову, заморгал глазами Нерсес.— Ни за что! Я не допущу такого, ишхан! У нас достаточно враждебно настроенных соседей. Страна погибнет от братоубийственной войны, враг беспрепятственно перейдет границы, разрушит наш дом... Нет, никогда!..

— Мы будем вынуждены, святейший. Вынуждены, если Аршак не прекратит враждебные действия против нас. Ему следовало бы знать, что нахарары Страны Армянской могут обходиться без него, а он не может без нахараров. В час испытаний именно нахарары выручают царя, становясь его военной опорой. Пусть знает, что собственными руками он роет себе могилу. Если вам не удастся обуздать его, дело кончится плачевно и для вас тоже, великий владыка: сегодня он посягает на наши права, завтра посягнет на ваши; цель его одна — сосредоточить в своих руках всю полноту власти.

На крупное дряблое лицо Нерсеса легла тень, омрачив чело. После всего случившегося в Шахапиване он редко наведывался во дворец, ездил, когда приглашали, а сам, по собственному почину являлся только в случае крайней необходимости, если имело место какое-нибудь правонарушение или узнавал о совершившейся несправедливости. Раздумывая над просьбой ишхана, он мучился сомнениями. Как ехать к Аршаку, когда он принимает его недружелюбно, выслушивает с постным выражением лица, очень часто не соглашаясь с ним, открыто высмеивает? Каждый раз, когда он вынужден бывал идти во дворец, чувствовал внутреннее сопротивление. Как же поступить сейчас? Поехать и опять обречь себя на муки унижения? А не пойти, чувствовал, нельзя, случай чрезвычайно опасный. Выхода нет, сокрушенно думал он, надо перебороть себя, исполнить свой христианский долг и предотвратить беду.

— Твои слова, ишхан, очень расстроили меня,— сказал он после минутного раздумья.— Разумеется, неугодны всевышнему вражда и кровопролитие. Пойду к государю.

— Только одна просьба, святейший.

— Говори, ишхан.

— Для вас не секрет, конечно, что Аршак враждебно на-

строен ко мне; чтоб миссия ваша не была обречена на провал, благоразумней было бы моего имени не упоминать.

– Я и не собирался упоминать, ишхан,– заверил Камсаракана католикос.– Сам достаточно хорошо знаю, как недовольно наше нахарарство; стало быть, буду говорить от имени всех.– Нерсес умолк на секунду.– Однако, тер Камсаракан, не ручаюсь за благоприятный исход дела. Послушает ли меня государь?..

Нар-ишхан встал на ноги и опять оттянул тугой ворот капы.

– Ну что же, ежели не послушает, у нас руки будут развязаны. Все живое стремится к самосохранению, мы не будем покорно подставлять выю под ярмо.

Камсаракан сказал это так внушительно, что Нерсес невольно поднял руку и осенил его крестом.

– Мир тебе, ишхан, без мира нет жизни на земле. Я постараюсь исполнить свой долг верховного владыки.

– А я, святейший, буду дожидаться здесь вашего возвращения, чтоб решить, как далее поступать.

Не по себе стало Нерсесу от последних слов Камсаракана; он хотел поехать к государю чуть позже, но, когда ишхан сказал, что останется ждать, вынужденно согласился:

– Добро...

Не по себе стало Нерсесу еще и потому, что в словах ишхана слышались нотки угрозы, да и, в конце концов, необходимость спешного отбытия из Гарни нарушала предусмотренный им порядок действий. Католикос прибыл сюда по важным монастырским делам, чувствовал потребность побыть наедине, поразмыслить о путях усиления авторитета церкви, особенно в такой момент, когда народ отступает от веры Христовой, бросает монастырские земли, бежит в леса. Вот уже несколько дней подряд он диктовал дьякону свои мысли об этом. А когда утомлялся, выходил на зеленый откос с книгой на греческом языке под мышкой, садился на краю обрывистого берега и под журчанье реки Азат погружался в чтение и раздумья.

С тем же рвением, с каким царь Аршак предавался строительству своего Авана, Нерсес основывал новые монастыри, обители, скиты; следуя примеру византийского епископа Евстатеоса, опутывал всю страну сетью богаделен, приютов для калек и юродивых, странноприимных домов, чтоб усилить влияние церкви и собственной верховной власти, доказать всем, что христианство – учение, проповедующее любовь к человеку. Если царь Аршак старался усилить армию, то Нерсес, используя опыт стародавних языческих времен, прилагал все старания, чтоб укрепить монашеский орден, мужские, женские монастыри. С этой целью, опережая даже светскую власть, он созвал большой собор в Арташате, где были составлены каноны не только для внутрицерковной жизни, но и для всего населения Страны Армянской. В канонах было сказано, что всякая душа должна повиноваться властям предержащим, ибо нет власти не

от бога, а господа должны заботиться и опекать своих подчиненных и слуг.

Теперь, задумываясь над словами Камсаракана, Нерсес приходил к выводу, что государь действительно сам первый нарушает законы, установленные в стране. «И почему? — спрашивал он себя и сам же отвечал: — Конечно же виной тому тщеславие. Чтоб построить город, не брезгует ничем: незаконным путем переманивает к себе селян, простолюдинов от нахараров и духовенства. Не знает разве царь, что его предшественники воздвигали города обычно после удачно завершенных походов силами пленных? Как же поступает Аршак? У него за душой ни побед, ни пленных, одна лишь спесь и самомнение, которые и толкают его на поступки, восстанавливающие против него нахараров».

Размышляя таким образом, католикос убеждался, что поездка его к царю необходима: надо поговорить с ним, постараться уговорить отказаться от подобных действий, могущих привести к опасным последствиям, действий, которые направлены не только против нахараров, но и не в меньшей мере против церковных служителей, ибо, если и с монастырских земель начнут убегать, уменьшатся доходы церкви, падет ее авторитет. А кроме всего прочего, Аршак станет еще высокомерней, когда почувствует себя окрепшим... «Нет, ехать надо», — решил Нерсес после долгих раздумий.

Дьякон Фавстос, как только стало известно о прибытии ишхана Камсаракана и состоявшейся между ним и святейшим беседе, уединился в своей келье и, достав тайно хранимый свиток, сделал следующую запись в нем:

«Наш владыка духовный католикос Нерсес выслушал справедливые жалобы патриарха рода Камсараканов Нар-ишхана, что царь Аршак предоставляет убежище и привилегии всякого рода преступникам из нахарарских слуг и тем самым повсеместно разжигает порочные страсти. Он молил святейшего взять на себя роль посредника между нахарарами и государем, уговорить его отменить указ с посулами. Глава нашей церкви во имя христовой веры и мира на земле обещал поехать к царю с целью увещевания, дабы не давал он более повода слугам творить беззаконие, предавать своих господ, иначе воцарятся в Стране Армянской хаос и произвол. Великому же ишхану Камсаракану наказал быть верным Христовым заповедям, которые предписывают миролюбие и послушание своему государю, наказал воздавать «кесарева кесареви и божия богови...».

Два последующих дня Нерсес провел в мучительных раздумьях: как ехать в стольный град, как говорить с Аршаком? Хотя он обещал Камсаракану незамедлительно отбыть, чувствовал, что взвалил на себя непосильную ношу. Что такое разговор с Аршаком, он хорошо представлял себе: беседа, порой носящая самый безобидный, мирный характер, могла

вдруг принять резкий оборот, дать повод для неожиданного выпада с его стороны; как часто он уходил от Аршака уязвленный, с гнетущим чувством на душе, не проходившим неделями... В острых, конфликтных ситуациях Нерсес всегда старался держаться золотой середины.

Такая позиция имела свое преимущество: укрепляла его авторитет (обе стороны проникались к нему уважением) и в глазах народа он представал в выигрышном свете. «Прислушается ли к моим словам на этот раз Аршак?» – тревожно вопрошал себя католикос.

По правде говоря, католикосу очень не хотелось встречаться с царем, человеком вздорным, по его мнению, упрямым и своевольным, тем более после его женитьбы на вдове своего племянника Гнела, за что он его в душе осуждал...

Католикос знал, что строительством города недовольно не только нахарарство, но и духовенство, особенно багревандский епископ Хад, владения которого пограничны с Аваном. Хад убеждал Нерсеса проклясть Аршакаван, потому что и его селяне, обольщенные указами, подавались в этот «трижды проклятый град». Но Нерсес считал разумным проявлять сдержанность: нет нужды открыто враждовать с Аршаком, и без того отношения достаточно натянутые. В то же время он не мог не думать, что малейшая попытка подобного рода могла бы уронить его в глазах народа. Правда, сам он тоже был недоволен всей этой затеей с Аршакаваном, но чтоб дойти до проклятья!.. Нет! Теперь ему было на руку, что нахарары восстали против царя; с монастырских земель тоже ведь сбегали селяне. До него дошли слухи, что борбориты и последователи иных ересей, отлучившиеся от креста и церкви, нашли убежище в Аршакаване.

Обо всем этом католикос знал, о многом слышал, но избегал разговора с Аршаком. Теперь же видел, что крайнее недовольство нахараров может привести к опасным последствиям, под угрозой не только трон, но и страна и Христова вера. Если начнется война между государем и нахарарами, персы вторгнутся в страну и, разрушив церкви, поставят свои капища. Такая перспектива ужаснула Нерсеса, и он решил немедля ехать к государю и выполнить свой священный долг.

Католикос пустился в путь ранним утром, когда воздух так свеж, что пробегает по коже холод. Однако по мере того, как спускался вниз, становилось теплей, чувствовалось живительное дыхание Араратской долины. Погруженный в думы, он не погонял коня. Обычно Нерсеса в поездках сопровождала свита, на этот раз он взял с собой только епископа, постоянно находившегося при нем, и дьякона Фавстоса.

«Если и на этот раз Аршак не захочет послушаться меня, дам ему решительный отпор, – думал Нерсес, – прямо скажу, что своим Аваном он ведет страну к гибели, что нахарарство – та сила, без которой невозможно представить существование нашей страны, церкви и христианства... Если будет упря-

мо стоять на своем, прокляну,— продолжал размышлять Нерсес, спускаясь по извилистой тропе к равнине.— Много недопустимого он совершал – я молчал... Можно ли довести до того, чтоб слуги подымали руку на господ? Это уже поступок, заслуживающий проклятья».

Всю дорогу, занятый этими мыслями, он хранил молчание.

Добравшись до столицы, Нерсес не сразу отправился к царю, как это обычно делал, когда бывали неотложные дела. Предпочел сначала отдохнуть с дороги в патриарших покоях, затем разузнать, во дворце ли Аршак или, по своему обыкновению, в поездке, может, даже в новом городе. Собор с патриаршими покоями и кельями иноков находился за пределами города и был обнесен стеной. Там никто не знал о местопребывании государя, поэтому только наутро следующего дня, когда специально посланный во дворец епископ сообщил, что государь на месте, Нерсес стал готовиться к отъезду.

Узнав, с какой целью направляется к государю патриарх, его местоблюститель, святейший Хад, усмехнулся:

– Пустое дело затеваете, святейший, вы только восстановите против себя Аршака. И потом, чем сильней недовольство нахараров, тем лучше. Зачем их мирить? Все равно он не послушает вас.

– Долг мой,— ответил Нерсес и пустился в дорогу с двумя епископами и дьяконом. Ехали они опять верхом, того требовал принятый порядок: святейший не мог являться ко двору пешим, да и расстояние от патриаршества до дворца немалое, надо пройти несколько пыльных дорог и две-три узенькие, кривые улочки.

Стольный град опоясывали три кольца: первое – предместья, располагающиеся за городскими стенами, сплошь утопающие в абрикосовых, персиковых садах и виноградниках; второе – внутри стен, уже собственно город, где проживали обслуживающие дворец и горожан ремесленники. С этими последними жили и работали простолюдины, торговцы, сезонные работники. Третье кольцо представлял собой сам дворец с зубчатыми стенами и многочисленными сторожевыми башнями. Внутри его простирался огромный парк со всевозможными декоративными и фруктовыми деревьями, клумбами и цветниками. В центре парка возвышались двухэтажные царские палаты с разбегающимися от него во все концы аллейками. За крепостными стенами были и другие строения: подсобные помещения, амбары, жилые дома царедворцев. От всех них сквозь густые заросли ко дворцу вели дорожки, выложенные камнем.

Когда прямо восседавший на коне Нерсес, с белоснежной бородой, раскинутой по черной рясе, в сопровождении епископов вступил в городские ворота, направляясь во дворец, перестук молотков и громкие голоса на улице затихли – шествие духовных отцов приковало к себе внимание всех; когда же они подошли к железным вратам, вооруженные пиками стражники почтительно распахнули перед ними обе створки ворот.

Католикос торжественно двигался ко дворцу, а царь тем временем вел беседу о строительстве Авана с градоправителем Варазом Гнуни. В уединенных государевых покоях на крепко сколоченном столе стоял большой медный поднос с песком. В плотно утрамбованный песок были воткнуты длинные палочки и квадратики в полпальца величиной. Поднос представлял собой макет города, где палочками и квадратиками обозначались улицы и дома.

Указывая на одну из длинных палочек-улиц, ишхан Вараз рассказывал о том, как продвигается строительство на ней и сколько домов уже отстроено.

Аршак выражал недовольство – медленно идет дело.

– Отовсюду только и слышу, валом валит народ, а результат...

– Народ-то валом валит, государь, да не все могут быть использованы на строительстве, нужны работники со знанием дела, с опытом, да и камня, лесоматериалов не хватает.

– Ну, а церковь? Ее-то можете отстроить? – бросил он недовольно и отошел от стола.

В этот момент сообщили, что прибыл духовный владыка для встречи с ним. В первую минуту Аршак почувствовал раздражение, что его отвлекают от важных дел, глаза его полыхнули недобрым огнем, но затем он подумал: может, произошло что-то серьезное, коль Нерсес покинул раньше срока свой Гарни. Аршак знал, что католикос имел обыкновение подолгу задерживаться в крупных монастырских центрах и конгрегациях, когда совершал поездки по стране. Что могло привести его сюда, заинтересовался царь и, отпустив градоправителя, велел пригласить святейшего отца.

Нерсеса ввели в тронный зал, а сопровождающие его епископы остались дожидаться в приемной. Католикос вошел с серебряным жезлом в руке, Аршак в это время медленно прохаживался по ковру в легкой пурпурной мантии, накинутой на плечи. Заметив патриарха, он остановился, подобрался:

– Добро пожаловать, святейший.

– Добро государю, его дворцу и всему цареву роду, – Нерсес поднял крест и осенил знамением Аршака и тронный зал, с досадой отметив, что царь его принимает без должного почтения.

– Извольте садиться, святейший. – Аршак рукой предложил ему занять кресло. Когда Нерсес опустился в него, уселся и сам, вперив колючий взгляд в лицо гостя. – Вчера как раз меня известили, что вы изволили отбыть в Гарни. Чем вызван ваш непредусмотренный приезд?

– Беспокойством за положение дел в стране.

На довольно недружелюбно поставленный вопрос последовал довольно неожиданный ответ, и Аршак насторожился.

– Случилось несчастье?

– Пока нет, государь. Но может случиться каждую минуту.

— Говорите ясней, святейший,— сверкнул белками царь.— До вас дошли какие-нибудь тревожные слухи?

— Не только дошли, государь, я прибыл с достоверными сведениями, что в стране зреет недовольство тобой и, если ты срочно не примешь меры, может вспыхнуть пожар. И сие не слухи вымышленные.— Тут католикос сделал паузу, взвешивая каждое слово, которое должен был произнести: для успешного исхода дела, он знал, Аршака не надо выводить из себя.— Ты строишь город, государь, похвальное начинание,— мягко, торжественно продолжил он.— Но зачем баламутить народ, посягать на потомственные права нахараров? Ты не можешь не знать, какое произвели впечатление твои указы.

— Да, верховный владыка, знаю. Мне известно даже о созыве ишханского совета. Известно, что владелец Васпураканского края Арцруни Меружан, пренебрегая своими обязанностями перед государем, подстрекает против меня ишханов из смежных с его владениями областей, настраивает против меня друзей, приближенных, претендует чуть ли не на престол. Известно еще...— Аршак вдруг оборвал себя и спросил: — Святейший, а вам не хотелось бы видеть нашу страну могущественной и процветающей?

Неожиданный поворот в разговоре и полная осведомленность государя несколько сбили с толку Нерсеса, он часто заморгал большими глазами. Откуда было знать католикосу, что за день до его приезда здесь побывал ишхан Сурак из Ангеха, рассказал о событиях в крепости Камсараканов, умолчав лишь о покушении на себя, и обратился к Аршаку с просьбой дать ему какую-нибудь должность при дворе или армии, ибо он не хочет более возвращаться в свои владения. Царь пошел навстречу молодому человеку и послал его на службу в армию.

Хотя от удивления Нерсес еще не мог прийти в себя, он счел нужным ответить сейчас же на вопрос государя, поскольку тот прозвучал почти как обвинение.

— Ты спрашиваешь меня, хочу ли видеть нашу страну могущественной и процветающей? Разве может быть иначе, государь? Ничего другого я бы в жизни не желал. Страна Армянская — наша надежда и упование.

— Следовательно, верховный владыка, вам следовало бы поспешать не ко мне, а к тем недовольным нахарарам, что сеют вражду и раздор, устыдить, что пекутся только о своем благе и собственных владениях, втолковать, что обеспечение безопасности наших границ не может ложиться на плечи одного государя.

Аршак умолк, а Нерсес опять почувствовал себя уязвленным: бесцеремонно перебивает, переводит разговор на другую тему.

— Да, святейший, если бы вы действительно были обеспокоены положением страны, вы поступили бы именно так. А на деле — и у вас на уме только свое: как бы не пострадали интересы церкви, как бы не сократилось число богаделен, моле-

лен. А мне, святейший, молитва не поможет. Чтобы править страной и даровать ей спокойствие, мне нужна сила, крепости, единая воля...

— Неужели же, государь,— прервал его Нерсес, задетый за живое,— я бы не хотел, чтоб нахарарство было твоей верной опорой в деле защиты наших границ?

— Между тем, патриарх, нахарары объединяют свои усилия, чтоб действовать против меня. Вас беспокоят вопросы военной безопасности страны? Отрадно. А что требуется для обеспечения ее безопасности? — спросил Аршак, вдруг остановившись перед Нерсесом, и, не дожидаясь ответа, добавил: — Чтоб крепости находились в ведении царя или нахараров?

Нерсес испытывал какое-то замешательство, у него создалось впечатление, что государь давно искал повод, как бы сорвать на нем свое недовольство, и, словно стараясь отвести новый удар, раскрыл было рот... Но Аршак не дал ему вымолвить и слова.

— Недовольны, видите ли! Я просил у них людей для усиления армии — получил отказ; попросил крепости на договорных условиях — не дали. Теперь судите сами, святейший, я,— Аршак пальцем указал на себя,— повелитель Страны Армянской, должен склонять голову перед ними?

— Ни в коем случае, государь,— тяжело дыша, сразу же выпалил Нерсес.— Ты их великий господин и ныне, и присно, и во веки веков. Они обязаны подчиняться тебе.

— Однако слишком для этого заносчивы и надменны, не правда ли? Неужели я преследую личные цели, когда прошу людей и крепости? Святейший, я призван защищать безопасность своей страны, и народ — это моя армия, которая не должна оставаться под властью нахараров.

Нерсес внимательно следил за ходом мысли Аршака, стараясь найти удобный момент, чтоб перевести разговор на нужную тему, тут он счел должным заметить:

— Этим-то и недовольны нахарары. Недовольны, что ты переманиваешь к себе их слуг. Они не только выражают недовольство, но и требуют, дабы ты пересмотрел свои позиции и отменил последние указы...

Аршак не дослушал его.

— Значит, они угрожают мне? — остановился он, сверкнув белками глаз.— Хотят заставить меня отказаться от идеи строительства города, лишь бы слуг у них не отбирали. Что, разве я город строю для себя лично? — Аршак вопросительно в упор посмотрел на католикоса.

Но Нерсес не растерялся.

«Конечно же строишь не для себя лично, но в угоду собственной гордыне»,— подумал он, а вслух сказал:

— Так или иначе, государь, следует уважать наследственные родовые права нахараров.

— Родовые права! — На лице Аршака появилась кривая усмешка.— Скажите, святейший, вы бы потерпели неповиновение

епископов или настоятелей монастырей? По душе вам было бы, если бы каждый их них считал себя независимым и неподвластным вашей воле?

— Нет, это было бы с их стороны нарушением долга.

— Вот как? А мои нахарары строят козни против меня — это ничего? До чего дошли: им предпочтительней правление иностранной державы, чем мое. Все средства хороши — лишь бы сохранить свою независимость. А вы еще являетесь, чтоб защитить их, меня призываете проявить добрую волю, видите ли.

Нерсес почувствовал, что Аршак дает ему отпор и в словах его неприкрыто звучит ирония.

— Я божий пастырь, государь, мой долг проповедовать мир, по мере сил стараться, чтоб не разгоралась вражда.

— Мир,— насмешливо протянул Аршак,— мир, святейший, воцарится на нашей земле лишь тогда, когда страна не будет опасаться вражеского нападения. Так вот. Прежде чем призывать меня к добру и миролюбию, вы бы уяснили себе, что такое добро для Страны Армянской.

«Опять говорит обидные вещи, никакого уважения ко мне... необуздан, дерзок, упрям...» — думал Нерсес подавленно.

— Неужели ты полагаешь, государь, что я не отличаю, где добро и где зло? — с явной обидой в голосе возразил он, желая дать понять царю, что так говорить с ним нельзя.

— Не вполне, владыка,— раздельно произнес он.

Нерсес спал с лица.

А Аршак, и не заметив реакции собеседника на свои слова, продолжил:

— Нет, духовный отец, не все себе ясно представляете, вы, видимо, имеете в виду благо только сиюминутное, может быть, еще добро в отвлеченном христианском понимании. А нужно смотреть на вещи шире, видеть их во временно́м отдалении, для будущих поколений нам надо крепить мощь нашей страны. А вы призываете меня к миролюбию. Эту мудрость вам следовало бы проповедовать среди недовольных нахараров.

Нерсес заерзал на месте, сделал недовольное движение. Обижен он был до глубины души и, желая дать понять государю, что прекрасно во всем разбирается, сказал:

— Государь, пока нерушима наша дружба с Византией, нам нечего бояться...

— С Византией? — прервал с иронией Аршак.— Помощь иностранной державы? Нет, святейший, ставка на чужую помощь не выход из положения. Вот этого именно вы и не разумеете.

Нерсес сжал губы и, тяжело дыша, произнес:

— Ты, государь, говоришь о сохранении мира, а сам своими действиями восстанавливаешь против себя нахараров тем, что пренебрегаешь их потомственными правами, отбираешь слуг... — Тут Нерсес вспомнил слова Камсаракана и добавил: —

Однако, государь, тебе следует знать, что армянское нахарарство – та сила, без которой не может существовать наша страна. В час опасности она именно и станет для тебя надежной опорой. Зря ты отвергаешь ее.

– Нахарары... они всегда думают о собственном благе, а вы силитесь внушить мне уважение к их привилегиям.

– Если ты и впредь будешь продолжать не считаться с ними...

– Что тогда? – резко перебил его Аршак. – Хотите сказать, дерзнут на открытую борьбу со мной?

– Вполне возможно, никто добровольно не отказывается от того, что имеет, тем более нахарары, за которыми воистину исстари закреплены привилегии.

– Так что же? – С усмешкой в глазах, смешанной с любопытством, Аршак смотрел на утомленное лицо патриарха.

– Я же сказал, государь: не пренебрегать их правами, не переманивать их слуг.

– Я должен выстроить город.

– Строй без их людей.

– Невозможно, святой отец. Мне нужны работники, много работников, нужен густонаселенный город.

– В таком случае, государь, сам будешь в ответе перед богом и людьми, я прибыл, чтоб предупредить о возможных тяжких последствиях, поскольку беглые слуги начали убивать своих господ.

Аршак насторожился: это было новостью для него. Заметив его удивление, Нерсес рассказал об убийстве ишхана Амуни.

– Вот результат, государь, – подчеркнул он. – Что можно ожидать от раба, которому дали свободу? Сегодня он поднял меч на нахарара, завтра поднимет на меня, послезавтра на тебя. Подобные случаи убийств могут переполнить чашу терпения, и нахарары подымутся против тебя, твоей власти... и тогда будет поздно.

С последними словами разгневанный патриарх решительно встал с места и, не глядя на царя, стуча жезлом по полу, покинул тронную.

Ожидавшие его в приемной спутники, заметив, как взволнован Нерсес, молча обступили его.

После ухода Нерсеса Аршак почувствовал облегчение, даже повеселел: значит, расчет его верен, город будет обеспечен необходимой рабочей силой. Пусть теперь нахарары кусают себе локти, пусть знают, как идти против царя, думал он, довольный собой, точно выиграл сражение, и, радостно потирая руки, расхаживал по залу, когда вошла царица Парандзем; она была в легком, тонком платье с ожерельем на шее и блестящими шпильками в волосах. Хотя шел уже восемнадцатый год их брака, царица сохранила свежесть и красоту, синие глаза полыхали прежним огнем, черты лица не утеряли былой прелести.

– Можно узнать, государь, зачем пожаловал к тебе духовный владыка? – поинтересовалась она, как только вошла.

– Пожаловал с добрыми вестями, дорогая...

Царица поразилась:

– С добрыми? А мне сообщили, что он вышел от тебя крайне разгневанным.

– Тем не менее привезенные патриархом вести отрадные, царица.

– Отрадные? – с недоумением произнесла Парандзем.

– Да, он сообщил, что нахарары сильно недовольны мной.

– В чем же радость тогда? – Царица широко раскрыла глаза. – Это более чем печально.

– Нет, царица, это благая весть, ибо, если они так недовольны, значит, много народу от них бежит в Аван. Значит, быстрей пойдет строительство города, значит, скорей окрепнет оборонная мощь нашей страны. А после города воздвигну еще и крепость и тогда только успокоюсь; захлопнутся одни из распахнутых ворот перед вражеской силой, перед персами.

Так сказав, Аршак все же вкратце рассказал о цели прибытия католикоса.

– Словом, выступает в роли посредника, просит меня не забирать у нахараров людей для Авана.

Парандзем озабоченно покачала головой, потом недовольным голосом произнесла:

– А церкви и монастыри строить можно? Причем везде и всюду... Нет, государь, не обращай внимания на его слова, продолжай свое дело...

Подобрав полы платья, она опустилась в кресло, на котором еще недавно восседал католикос.

– Правда на твоей стороне, государь, город и крепость нужны как надежный оплот мира и спокойствия на нашей земле, не прекращай строительные работы. Ты должен оставить наследнику и народу своему страну могущественную и не боящуюся угрозы извне.

В представлении Парандзем понятия страна, государство, наследник слились воедино. В первые годы брака она относилась равнодушно к вопросам политики; когда же родился Пап, стала интересоваться всем, что касается сына и супруга; теперь она ясно отдавала себе отчет, в какой прямой зависимости находятся их жизнь и существование от положения страны, ее государственной безопасности. И при удобном случае советовала Аршаку не проявлять слабости, быть беспощадным. Может, в ней жил непримиримый дух отца, внушавший отвращение к проперсидски настроенным нахарарам. Она в каждом персофиле видела заклятого врага страны и вслед за отцом твердила:

– Не может быть пощады тому, кто предал родину, тем паче кто прислуживает персам.

Аршак часто делился с Парандзем своими заботами о государстве, каждый раз дивясь живому отклику в ее душе.

Узнав, что Нерсес приехал с посреднической целью и уговаривает мужа пойти на соглашение с нахарарами, нарушившими свой долг, Парандзем всполошилась:

— Никогда, государь, никакой уступки и мягкосердечности.

— Будь спокойна, моя царица, я уверен, что наши усилия не окажутся напрасными. Слова же твои радуют мне душу. Я доведу до конца строительство как Авана, так и крепости... Армянской твердыни...

Парандзем порывисто встала и молча обвила шею супруга.

— Нашей твердыни, оплота мира и безопасности страны...

Камсаракан томился в ожидании католикоса, места себе не находил в монастыре, порой выходил побродить вокруг его стен, словно изучал прочность кладки; порой в сопровождении двух телохранителей отправлялся в соседнюю деревушку или близлежащий молодой лесок; иногда спускался в ущелье бурной, стремительной реки Азат, вступал в разговоры, чтоб скоротать время, с пожилыми архимандритами, выходившими из своих келий подышать свежим воздухом. От них-то он и узнал, что и с монастырских земель немало селян сбежало. Это внушило надежду Камсаракану, что святейший будет строг в разговоре с царем. Где-то в глубине души он надеялся, что духовный владыка, считающийся высшим судьей Страны Армянской, сумеет уломать царя и он отменит свой последний указ. Ему казалось, что Аршак не до конца осознает, какой серьезный размах приняло недовольство, а поняв, не станет упорствовать, уступит в конце концов.

Так думал ишхан Нар Камсаракан; каковы же были его удивление и негодование, когда Нерсес явился с категорическим отказом царя отменить указ.

— Я сделал все, что мог,— заключил свой рассказ патриарх.

Его слова надо было понимать так, что он больше не в силах что-либо добавить. Патриарх скрыл от ишхана, какие неприятные минуты ему пришлось пережить, не рассказал, как нелюбезен был с ним государь, принимая без должного уважения.

Дослушав его, Камсаракан резко поднялся с места.

— Так пусть же он будет в ответе за все, что свершится,— процедил он сквозь плотно сжатые зубы и быстрыми шагами направился к выходу.

Ишхан взлетел на коня и, не попрощавшись ни с кем, поспешно скрылся за воротами, хотя посланный ему вдогонку патриархом дьякон просил его остаться, разделить с ними монастырскую трапезу.

Оторопелые телохранители бросились догонять хозяина.

Куда спешил ишхан и зачем? Он ничего не говорил. Мысли его вертелись вокруг одного: что делать далее? Созвать ли вновь ишханский совет, чтоб выяснить мнение и волю боль-

шинства? Или достаточно переговорить с одним или двумя из них? Но тогда с кем? К кому спешить?

В минуты, когда тяжелые думы одолевали ишхана и он не мог сам принять решение, обычно отправлялся к своему зятю или приглашал его к себе в замок. Куда теперь податься? Кто поймет его и даст разумный совет? Давида Амуни больше нет... Может, к Вахевуни поехать? Не стоит, несерьезный он человек, вспыхивает, еще не разобрав, в чем дело, и начинает ругаться... Поехать к ишхану Сааку – лишний труд; наверняка он сейчас где-нибудь пирует и даже вспомнить, сколько слуг от него сбежало, не сможет. А если... Камсаракан перебирал в уме своих соседей-ишханов, но ни на ком остановиться не мог; с них всех как с козла молока, пользы никакой, грустно заключил он. И вдруг воскликнул: «Владелец Васпуракана, вот кто!» Но где может находиться Меружан в этот момент, в каком из центров своих владений? В Адамакерте или Ахтамаре?

Не теряя времени, ишхан Камсаракан направился к нему, ни слова не сказав сопровождающим телохранителям. Они сами скоро заметили, что едут в обратном направлении по дороге, которой прибыли в Гарни, и обрадовались: значит, домой.

Однако почему мрачен ишхан, спрашивали они себя, но кто мог осмелиться задать такой вопрос Камсаракану? После двухдневной скачки с короткими передышками они достигли центра владений Камсараканов; тут ишхан неожиданно обогнул замок стороной, послав туда двух из своих телохранителей за едой, а с остальными продолжил путь дальше.

«Куда едет ишхан, куда нас везет?» – упав духом, гадали скакавшие рядом телохранители, радость на их лицах сменилась выражением недовольства и грусти.

А Нар-ишхан, погоняя коня, не переставал думать об одном: где вероятней всего сейчас может находиться Меружан? Ему было не все равно, куда ехать – в Адамакерт или Ахтамар. И на это, безусловно, были свои причины.

Ишхан Меружан Арцруни был правителем богатого края Васпуракан, имел большие связи, пользовался непререкаемым авторитетом среди нахараров. Когда соседние ишханы начинали какое-нибудь серьезное дело, обычно обращались за советом к нему. Меружан умел вести себя с достоинством и тактом. Многие знали, что он недоволен царем Аршаком, как вообще всеми Аршакидами, потому что в свое время отец нынешнего венценосца, опальный царь Тиран, жестоко расправился со своими противниками из рода Арцруни. И свое отношение к Аршаку он не скрывал до такой степени, что даже не поехал на торжества по поводу его коронации. Зная это, недовольные царем ишханы ездили к нему, чтоб излить душу и спросить совета.

Центром родовых владений васпураканских нахараров являлся город Адамакерт, однако Меружан большую часть года проводил в своей летней резиденции на острове Ахтамар, а в последнее время прямо с первыми весенними днями переез-

жал туда и оставался до поздней осени. Сам он это объяснял тем, что любит жить в тиши и покое. На деле же Камсаракану говорили, что Арцруни просто избегает принимать на виду у домочадцев приезжающих к нему с деловыми разговорами посетителей; особенно остерегался, чтоб не попадались они на глаза матери и жены; обе женщины донимали его своим любопытством. Конечно, он мог не отвечать на их назойливые расспросы, мог скрывать истинную причину приезда гостей, на худой конец, придумать какой-нибудь благовидный предлог. Но все время так поступать тягостно. Тем более что мать учредила строгий контроль за каждым, кто переступал порог ее дома, чтоб среди них, не дай бог, не оказался вдруг злонамеренный человек. Требовала она от сына, чтоб у него не было от нее никаких тайн. Все она делала, как сама говорила, из желания оградить сына от дурного влияния. Старую, осмотрительную ишхануи тревожили частые посещения персидских вельмож. К ним она относилась с неимоверной подозрительностью.

– Кто такие эти персы, Меружан? – спрашивала она сына. – Что у тебя может быть с ними общего, почему они все время домогаются тебя?

– Да ничего особенного, мать. Знакомые, соседи, приходят поговорить-потолковать. Разве можно им отказывать в гостеприимстве? – отвечал Меружан, словно оправдываясь. Но както, почувствовав, что и жена воинственно настроилась против, вскипел:

– Кто, в конце концов, хозяин Васпуракана?

– Разумеется, ты, сынок, – отвечала мать. – Но я, как великая ишхануи Арцрунянц и твоя мать, должна быть посвящена во все твои дела и помыслы. От меня у тебя не должно быть тайн.

Опека матери и жены так надоела Меружану, что он в течение последних уже более чем десяти лет каждый год с нетерпением дожидался весны, чтоб перебраться на остров и там спокойно жить себе, без их надзора, и принимать кого захочет. А посетители именно с начала весны начинали свои наезды и не прекращали их до самой зимы. Бывало, Меружан оставлял у себя гостей на несколько дней, вел с ними беседы, прогуливаясь по острову или просторным залам замка, унаследованного им от отца. В замке было много помещений, много прислуги, а теперь и много гостей, посетителей. Давно был установлен порядок сигнализации для приезжающих: взмахом белого полотнища давали знать с другого берега о своем прибытии и желании навестить остров. Заметив сигналы, одна из имеющихся на острове ладей с четырьмя гребцами выезжала за ними. Часто прибывшие оказывались управляющими владениями Меружана или близкая и дальняя родня, с которыми он обычно вел разговор о пахоте, посеве, налогах, доходах и прочих хозяйственных заботах, гостями же большей частью – нахарары и сепухи.

Приезжали они из разных областей, и разговоры их носили самый различный характер; один жаловался на соседа, другой просил совета, третий – помощи. Беседа велась обычно в замке или прямо на берегу моря под открытым небом, смотря по погоде. Меружан предпочитал беседу на берегу моря: подальше от всеслышащих ушей и всевидящих глаз. Слугам он не очень доверял, они могли быть подосланными матерью или – что тоже не исключено – государем. Когда разговор кончался, он приглашал посетителя в замок и угощал. Конечно, все это делал с величайшей осмотрительностью и избирательностью, единомышленников принимал с распростертыми объятиями, незнакомых посетителей сдержанно, даже не без опаски: все бывает, царь или какой-нибудь враждебно к нему настроенный нахарар могли бы подослать и убийцу. Надо быть начеку... Осторожность нужна была особенно теперь, ибо Меружану казалось, что Аршаку стало известно, что его вызывали в Тизбон. Он, естественно, никому ни слова не говорил об этом, но опасался, что подозрительный царь не успокоится, пока не выяснит причину вызова, а не сможет выяснить, обозлится и, чтоб отомстить, подошлет человека с заданием расправиться с ним... Соблюдая все меры предосторожности, Меружан думал: если дело пойдет на лад, как ему того хотелось бы, остров Ахтамар вскоре станет царской резиденцией, откуда он будет править Страной Армянской. Вместо трех ладей здесь будет целая флотилия, которая побежит по волнам в разных направлениях, понесет его приказы во все концы...

В день прибытия Камсаракана он бродил по берегу моря, не расставаясь с заманчивыми мечтами. С утра чуть заметная зыбь рябила поверхность воды, мелкие волны мерно бились о берег, смывая прибрежный песок, потом спокойно текли назад, унося с собой блики солнца; казалось, море сияло тысячами улыбок. Однако к полудню зыбь сменилась волнением, которое постепенно усиливалось, и волны с белыми гребешками вскоре покрыли весь водный простор, приводя его в движение. Поднялся неистовый ветер, и воздух наполнился ревом и грохотом.

Меружан совершал свою обычную послеобеденную прогулку по пологому берегу. На нем была темно-синяя капа, рукава которой свободно свисали по бокам. Ноги обуты в остроносые муйки, на голове повязка из тех, что носит персидская знать, и, как у последних, волосы и борода слегка завиты, особенно концы. Говорили, Меружан одевался на персидский манер не потому, что так ему нравилось, а чтоб угодить персам; будучи нахараром пограничных с Ираном земель, он имел частые встречи с высокопоставленными особами этой страны, а в последнее время его нередко приглашали в Тизбон, где принимали с почетом, вели любезные разговоры и делали многообещающие намеки...

Размеренным шагом прохаживался Меружан по берегу, не обращая внимания на ветер, который играл в полах одежды,

трепал длинные рукава. Мысли его сейчас были сосредоточены на многих вопросах, из которых самый важный – сохранение мирных и дружественных отношений с персами, иначе достаточно одного набега – и все его владения окажутся в их руках. Надо искать пути сближения и к обещаниям персов относиться со всей серьезностью. Шапур всесилен, при желании кого угодно может посадить на престол...

Рассуждая таким образом, хозяин острова взглянул в даль моря и заметил развевающееся полотнище.

«Опять посетитель? – подумал он. – Кто это может быть?»

Снова переведя взгляд на развевающееся полотнище, он повернулся к замку и поднял руку. Несколько слуг, всегда с расстояния наблюдавшие за ишханом, готовые в мгновение ока исполнить его приказания, бросились к хозяину.

– Пошлите ладью на берег, – сказал он, когда слуги, опережая один другого, подбежали к нему.

Распорядившись, он продолжал прогулку вдоль берега тем же размеренным, спокойным шагом.

Пока он думал, кто может быть на том берегу, одна из ладей, отчалив, понеслась за посетителями. Волнение на море не мешало продвижению, гребцы энергичными движениями умело вели деревянную ладью, похожую на корыто с почерневшими от смолы боками; она скользила по поверхности воды, как крупная хищная птица, преследующая добычу.

Когда ладья достигла другого берега и, приняв на борт людей, взяла курс на остров, Меружан остановился и пристально всмотрелся в даль, силясь узнать приближавшихся. В ладье, ближе к носу, сидел, держась очень прямо, мужчина в черном головном уборе и черной верхней одежде, за ним еще двое.

«Двое сзади, видимо, слуги прибывающего», – подумал ишхан, не узнавая человека, стоящего впереди.

Ладья качалась на белопенных волнах, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Но гребцы, не сбиваясь со взятого направления, вели ее уверенно и быстро. А Меружан тщетно напрягал зрение, но, пока ладья не причалила к берегу, так и не смог узнать Камсаракана.

– Тер ишхан! – воскликнул он наконец, протянув ему руку, чтоб помочь сойти на берег.

И через секунду они уже вместе направлялись к замку.

– Рад тебя видеть, дорогой мой ишхан, – сказал Меружан, когда они оба устроились на мягком диване в зале приемов. – Однако ты, вижу, не весел? Неужели провалился нахарарский совет, созванный тобой?

– Нет, тер Арцруни, не провалился, однако...

– Однако? – насторожился Меружан. – Каковы результаты? Ты меня не поставил в известность.

– Результаты тоже вполне обнадеживающие, – отчеканивая слова, сказал Камсаракан. – Все возмущены и полны решимости впредь не разрешать государю обманным путем заманивать к себе слуг.

— В таком случае тебе незачем быть в печали,— заметил Меружан, продолжая испытывающе смотреть на гостя.

— Да, я подавлен, ибо случилось непредвиденное...

И Камсаракан рассказал о ходе переговоров в замке и решении обратиться к духовному владыке с просьбой о посредничестве... Как участники совета, так и он сам были убеждены, что Аршака встревожит недовольство среди нахараров и заставит отменить свой указ, однако...

Меружан, усмехнувшись, покачал головой:

— Аршак и не мог поступить иначе, дорогой мой ишхан. Он, несомненно, должен был отказать вам и был прав. Вы расписались в своей слабости тем, что пошли к нему с просьбой. Тот, кто зол на противника, не взывает к его милосердию, а наносит удар. С противником можно вести переговоры, но только тогда, когда нужно выиграть время, и ни в коем случае не для того, чтоб вступать с ним в прения. Непоправимая оплошность. Аршак, конечно, должен был ответить отказом, более того, наполниться еще и презрением к вам.

Лицо ишхана Камсаракана сначала залила краска, потом оно покрылось мертвенной бледностью. Он понял: поступил опрометчиво; да, не надо было католикосу обращаться к царю. Понял и подумал: «Если б Меружан прибыл в замок, мы бы избежали этого неверного шага».

— Что же теперь нам делать? — сказал он упавшим голосом.

— То, что надо делать с любым врагом,— искать друзей, союзников и...

— Часть нахараров очень настроена против Аршака,— сказал Камсаракан — это наши верные союзники.

— Крайне надостаточно,— покачал головой Меружан.— Чтоб усмирить Аршака, нужен более могущественный союзник.

— Где его взять? А вообще такой есть?

— Хотя бы... Шапур.

Камсаракан подскочил на месте как ужаленный и немигающими глазами уставился на собеседника.

— Шапур? Как? Не принесет ли он нам бóльших бедствий, тер Арцруни? Ведь он...

Меружан улыбнулся:

— Не беспокойся, ишхан, я так просто назвал его имя. Но мы могли бы попросить Шапура помочь нам сбросить с трона Аршака и поставить на его место человека, который больше нас бы устраивал, уважал нас...

— А не поставит ли в таком случае Шапур кого из своих?

— Почему же, может назначить правителем кого-нибудь из армянских ишханов.

— А есть такой армянский ишхан?

— Почему нет? — ответил Меружан.— Вот, пожалуйста, ты.

— Я? — опешил Камсаракан.— Изволишь шутить, тер Арцруни.

– Нисколько, тер Камсаракан. Вместо Аршака может с успехом править страной любой ишхан из знатного армянского нахарарского рода. Что, нет такого?

Камсаракан подумал секунду и сообразил: «По всей видимости, Меружан себя именно имеет в виду и об этом хочет слышать сейчас из моих уст». Но Нар-ишхан промолчал, повторив только:

– Нет, тер Арцруни, греха не буду брать на себя, пусть себе царствует Аршак, только пусть оставит нас в покое.

Арцруни прикусил губу.

– Оставит в покое... Какая наивность! – медленно произнес он, как бы рассуждая сам с собой, потом коснулся освященных традицией прав нахараров, напомнив Камсаракану, что в прошлом ни один царь не замахивался на их потомственные привилегии, не играл их нахарарской честью. Затем добавил, словно подводя итог сказанному:

– Однако запомни, ишхан, пока царь строит этот так называемый Аршакаван, нам не видать покоя, наши слуги будут убегать. Да, кстати, а можешь ли ты сказать: Аршак строит только город или еще и крепость?

На неожиданно прозвучавший вопрос Камсаракан ответил не задумываясь:

– Все равно, тер Арцруни, что строит, лишь бы оставил нас в покое.

Но Арцруни не унимался:

– А Аршакаван, ты считаешь, будет всего городом?

– Конечно.

– Однако ходят слухи, что Аршак его намеревается превратить в город-крепость. Так ли обстоит дело?

– Должен признаться, никогда не слышал об этом, – молвил Камсаракан, впав в глубокое раздумье. – Знаю только: Аршак потребовал у меня мои крепости, я отказался их отдать, тебе об этом известно. После этого он приступил к строительству города. Если он строит крепость, пусть себе строит на здоровье; может, тогда не будет зариться на наши.

Меружан опять покачал головой:

– Ты думаешь, выстроив себе крепость, он твои оставит в покое?

– Почему нет?

– Точно так, как сейчас отбирает у тебя, у меня, у других нахараров слуг, почувствовав в себе силу, присвоит все наши крепости, а нас превратит в своих подчиненных. Сдается мне, он строит не просто город, а крепость, чтоб потом всех нас взять за горло. Сегодня он позарился на слуг, завтра начнет наступление на все наши родовые права. Надо быть дальновидным. Отведем беду, пока она не обрушилась на наши головы.

– Неужели такое зло замышляет Аршак?

– Ты в этом сомневаешься, ишхан?

– Я думал, он переманивает людей, чтоб лишить нас силы.

— Не просто силы, стереть с лица земли, стереть! Сначала убрать крупных нахараров; тех, кто помельче, легче удержать в повиновении. Ведь у самого Аршака много владений, почему он не выделяет из них нужное ему количество рабочей силы, почему не введет обязательную трудовую повинность? Не желает, ибо цель его иная — сровнять нас с землей. А у тебя много сбежало слуг, тер Камсаракан?

— Много, мои же земли близко прилегают к Аршакавану. А у тебя, тер Арцруни?

— И у меня достаточно. Но я не оставлю это так. Не позволю.

Меружан тяжко вздохнул.

Тут Камсаракан со всеми подробностями рассказал об убийстве Давида Амуни.

— Вот видишь, ишхан, — сказал хозяин острова, — если мы разрешим Аршаку делать что хочет, погибнем все. Он действует хитро, натравливая на нас слуг. Кстати, если хочешь знать, так же действует католикос Нерсес. У обоих одна цель — привлечь народ на свою сторону и свести на нет наше влияние на него...

Камсаракан был изумлен: он не думал, что опасность столь велика, не представлял, что у Аршака, как утверждает Меружан, такие далеко идущие планы, и теперь, слушая его, думал: если сумеем вернуть сбежавших слуг и предотвратить их дальнейшее бегство, может, тем самым и расстроим планы царя.

Затем они продолжили свою беседу, совсем перейдя на шепот, говорили до поздней ночи, когда уже море штормило и доносился грохот разбивающихся о берег волн.

На следующий день Камсаракан с легким сердцем покинул остров.

О чем они говорили ночью — осталось неизвестным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Аршакаван... Прохладное летнее утро.

Город давно проснулся, из ердиков[1] и дворов тянутся ввысь колеблющиеся струйки дыма и тают в прозрачной синеве; мало-помалу все приходит в движение: кто корову гонит на выпас, кто бежит за жеребцом, где-то домохозяйки шумно выгоняют забредших в огороды коз; по улицам в одиночку, группами в разных направлениях спешат мужчины; девушки и женщины подметают дворы; одни с глиняными кувшинами на плечах идут за водой, другие уже возвращаются с родников. Постепенно воздух наполняется разными звуками: переговаривающимися голосами, однообразными, непрекращающимися ударами по наковальне, доносящимися из кузницы, где из-

[1] Ердик — круглое отверстие в крыше дома, служащее и дымоходом и окном.

вестный на весь город кузнец Давид вместе со своими учениками прямо на улице бьет по раскаленному железу: бух-бух! бух-бух! Грохот кузницы порой покрывает остальные городские шумы, даже перестук молотков каменотесов.

День вступает в свои права, и с каждым часом оживленней, многолюднее улица. На лесах строящихся домов появляются рабочие, на улицах – поскрипывающие арбы, каждое утро отправляющиеся за строительным материалом: тростником, лесом, камнем. На улицах их обычно поджидает детвора, чтоб уцепиться за задки и немного прокатиться. Аробщики, по обыкновению, шутливо грозят им пальцем или взмахом плети и погоняют быков: «Ну-ну!»

А чуть позже, когда оживление немного стихает, на главной улице появляется в сопровождении двух телохранителей градоправитель Вараз-ишхан; вот и сейчас он медленно продвигается по улицам, заваленным связками тростника и смятыми ветками; топча все это под собой, тонконогий вороной конь с маленькой головой ступает величественно и горделиво. Он покрыт попоной, украшенной желтоватыми бляхами, мягкое седло и уздечка вышиты серебром. Конь и без того хорош, а богатая сбруя придает ему особую красу. Когда ишхан Вараз, будучи даже в самом плохом расположении духа, садился на него, душевное равновесие возвращалось к нему.

Восседая в седле, ишхан Вараз с высоты обозревал раскинувшийся перед ним город, в котором прежде всего бросались в глаза два недостроенных больших здания на пригорке – царский дворец и церковь, они высились над всеми городскими одноэтажными строениями, серый вид которых слегка оживляли островки деревьев – небольшие палисадники. Хозяйским оком оглядывал он квартал за кварталом строящиеся дома, замечал рабочих на лесах и подходил с приветствиями:

– Доброго здравия, мастера!

Останавливал коня, две-три секунды наблюдал за работой, потом продолжал путь со своими двумя телохранителями. Он носил капу темно-зеленого цвета, длинные рукава которой, по обыкновению, закидывал за плечи, голову покрывал шапкой, из-под которой выбивались волнистые волосы, спускающиеся до ворота капы, черная борода его с еле заметной проседью обычно тряслась в такт езды. И поскольку уздечку держал он правой рукой, на большом пальце виднелся массивный золотой перстень, на плоской грани его был выгравирован родовой герб Гнуни – олень во весь рост. Это был его каждодневный обход, когда он проверял, как идет градостроительство, подбадривал мастеров.

По указанию ишхана Вараза одновременно шло строительство нескольких крупных зданий, прокладывались новые дороги, ведущие в соседние селения. Сооружались родники, вода в Аван поступала по глиняным трубам из далеких горных источников. Человека, наблюдающего за стройкой со стороны, поражала рабочая лихорадка, охватившая не один, не два

квартала, а весь город сразу, и шум, не прекращающийся ни на минуту; здесь тесали камни, готовили раствор, клали стены, там – стругали бревна, прикрепляли двери. На многих улицах валялся строительный материал, в котором играли дети; оглашая воздух резким поскрипыванием немазаных колес, вереницы подвод везли камень, тростник, длинные бревна. Ко всему этому добавлялись покрикивания аробщиков, голоса кладчиков стен, требующих снизу камень, кирпич или раствор...

Особенно много мастеров работало на сооружении церкви, она вместе с дворцом воздвигалась в центре города на пригорке. Стены этих двух зданий, еще даже не поднятые до нужного уровня, возвышались над другими строениями. Вместе с работниками из дворцовых угодий здесь трудились люди, прибывшие из разных нахарарств, местный люд называл их «беглыми», то есть сбежавшими от своих господ; однако это не воспринималось как нечто обидное, наоборот, к таким относились с уважением, как к людям, совершившим смелый шаг.

Согласно установленному порядку, мастера и работники разбивались на бригады, за каждой из которых был закреплен свой участок и установлен круг обязанностей. Этот распорядок был узаконен градоправителем с первых дней, и он, на его взгляд, вполне себя оправдывал. Кроме того, ишхан Вараз придерживался мнения, что поощрение и подбадривание самым наилучшим образом влияют на настроение людей, повышают их работоспособность, поэтому слов не жалел, чтоб похвалить мастеров, рабочих, не скупился и на обещания:

– Не забывайте, по окончании строительства всем будут царские награды, всем...

Обещания, конечно, были заманчивыми, тем более что раза два уже несколько человек получали награды – царские награды!

На стройках трудились и женщины. Они выполняли сравнительно легкую работу: подносили песок для глины, просеивали его, готовили раствор, глину смешивали с песком и соломой, из этой смеси изготовляли кирпичи, сформованные кирпичики складывали на ровном месте для просушки. Кувшинами приносили воду для раствора из родника или реки Рыбенки. Некоторые охапками сбрасывали с арб камыш, чтоб просушить на солнце, а уже просохший подымали на крыши и устилали балки отстроенных домов.

Камыш!.. Город был полон им, потому что он считался прекрасным строительным материалом, мало чем уступающим дереву, им покрывали крыши домов, из него строили летние палатки – временные жилища для новоприбывающих. Иногда даже плели стены, а потом снаружи и внутри оштукатуривали, и в таких домах тоже жили. Ну, а что касается топлива как для обогрева, так и для тонира [1], ничего лучшего быть не могло: и много вокруг, и прекрасно горит.

---

[1] Тонир – врытая в землю печь для выпечки хлеба – лаваша.

Самым радостным моментом работы над домом всегда оказывалось перекрытие крыш балками. То ли потому, что это завершающий этап, то ли сам характер труда таков. Люди, стоявшие на стенах, тянули перевязанные веревками балки и громко кричали:

– Давай тяни!.. Давай тяни!

Повторяясь все время, слова превращались в нечто похожее на песню, заглушая даже шум кузницы, приковывая внимание людей всего околотка. Из разных углов и дворцов выбегали женщины, детишки посмотреть, что происходит. Дети от удовольствия визжали и вместе с рабочими кричали во всю мочь:

– Давай тяни!.. Давай! Тяни!

Особую радость доставляли подводы, тянувшие за собой длинные бревна. Ребятишки слетались, как стайки воробьев, усаживались рядышком и с довольными личиками катались по улицам. Не меньше веселья было и от груженных камышом арб; заметив их издали, они сбегались с разных сторон, тянули свисающие ветки, из чего потом мастерили дудочки; разбившись на два враждующих лагеря, устраивали баталии, оружием им тоже служили тростниковые пучки. Они так яростно хлестали ими, что всюду валялись переломанные прутики, смятые сучки.

Та часть города, что была застроена несколько лет назад, имела уже упорядоченный вид: тянулись тесными рядами дома, вдоль фасадов росли деревья, со стороны дворов к ним прилегали огороды и подсобные помещения для скота и прочих хозяйственных нужд. В этих кварталах почти все старожилы держали коров, коз и кур. Здесь пролегала и главная улица города, на ней находились два родника, выложенные камнем, из которых днем и ночью щедро струилась вода, оживляя улицу плеском и журчанием. У каждого дома был каменный чан с водой для скота; быки, бодаясь рогами, тянулись к воде, лошади со ржаньем припадали к ней, а козы словно только пробовали ее, тряся длинными бородками.

На этой улице был расположен и большой постоялый двор, разделенный на две части. В одном крыле комнаты с узкими окнами предназначались для странствующих купцов, которые со своими слугами и гружеными караванами шли из Индии через Иран в Византию или из Византии в Иран и далее. Другое крыло представляло собой просторный хлев, где умещались сразу тридцать – сорок верблюдов и лошадей. Это только зимой, летом же верблюды усаживались прямо во дворе и на улицах; вытянув шеи, как легендарные гигантские птицы, сбросившие оперенье, они жевали не переставая все ночи – под звездным небом, все дни – под солнцем, привлекая к себе внимание окружающих, особенно детворы.

Кроме караванов, следовавших в дальние страны, в город заезжали два-три раза в неделю небольшие караванчики, мелодичным звоном бубенцов возвещая о своем прибытии. Эти последние привозили с собой разнообразные товары, ими начина-

ли торговать тут же у постоялого двора, на улице. Появление каравана было радостным событием для горожан. Многие, услыхав звон бубенцов, выбегали навстречу. «Идут! Идут!» — кричали они, сопровождая верблюдов к постоялому двору. Как только с животных спускали груз, улица и постоялый двор превращались в торжище. Все с нетерпением ожидали этой минуты, а когда разворачивали тюки, начиналось невообразимое: женщины, мужчины, старики, молодые, толкаясь, шумя, протискивались вперед, чтоб первыми увидеть заморский товар. Из тюков извлекали всевозможные ткани: шерстяные, атласные, шелковые, полотняные, разных цветов — красные, синие, белые; скобяные товары из меди, бронзы, железа; а также украшения: бусы, пуговицы, блестящие монеты-поделки, которыми женщины обшивали обшлага рукавов, нанизывали на нитку и носили на лбу, или как ожерелье надевали на шею, или как браслет — на запястье.

В день прибытия каравана и на следующий день у постоялого двора и вокруг него шныряло огромное количество бездомных собак, им было чем поживиться среди жующей и бросающей объедки на землю толпы. Эта купля-продажа собирала столько народу, что казалось, именно здесь пролегает основная артерия города и сильней всего ощущается его пульсация. Кроме этого праздничного базара, шла каждодневная торговля вещами первой необходимости, работали ремесленники. Хотя и обувь и скобяные товары в большом количестве завозили караваны, город имел своих сапожников, которые шили разного вида обувь, женскую, мужскую; своих столяров, плотников. Когда утихал городской шум, явственней начинали звучать ритмичные удары жестянщиков по жести, но они, конечно, не перекрывали мощные раскаты, доносящиеся из кузницы Давида, располагавшейся неподалеку от постоялого двора.

На этой главной улице находились и лавки, где получали продовольствие строители и мастеровые, не имеющие семей, а также последние новоприбывшие. К складам примыкали тонратуны [1], в них ежедневно выпекался хлеб; запах свежеиспеченного хлеба с утра распространялся по всей округе, возбуждая аппетит рабочих, а в ветреные дни и по всему городу. Недалеко от тонратунов на кострах в больших чанах кипела похлебка, ее варили под наблюдением старушек — опытных стряпух — молодые женщины и раздавали, как хлеб и другие продукты, бессемейным, одиноким работникам, кои, к примеру, кроме этого обеда и хлеба, на другое пока средств не имели. Со дня прибытия и в первые месяцы здесь питались Торгом и его друзья Вардан и Овсеп.

Ишхан Вараз тоже жил на этой улице, в большом особняке, похожем на цитадель,— единственном двухэтажном строении города, обнесенном высокой оградой. За оградой были разные

[1] Тонратун — специальное помещение, где находится тонир для выпечки хлеба и готовят обед.

постройки: кладовые, хлевы, сараи. Дом имел каменный балкон, откуда открывался вид на город, окружающую гряду гор, часть Коговитской долины. Семья ишхана была немногочисленной: жена да двое сыновей. Но в доме содержалось много прислуги, работающей как в помещении, так и в саду и огороде. Летом, в три дня раз, из особняка на лошадях и мулах отправлялись в столицу или в область Сурмари за продуктами, фруктами, ибо ишхан любил изысканный стол. Из его дома всегда исходил запах пряностей и всевозможных снадобий.

Ишхана часто навещали гости, приезжавшие из столицы или областных центров, чтоб ознакомиться с городом. Раз както навестил его и азарапет Давид Гнуни, приходившийся ему дядей, братом отца. Градоправитель обычно возил гостей по городу, показывал улицы и дома, уже застроенные и только еще застраивающиеся, рассказывал о каждой стройке в отдельности. Когда же гостей не бывало, как, например, сегодня, он садился на своего коня и в сопровождении одного или двух телохранителей отправлялся смотреть, как идут работы, в первую очередь подъезжал к зданиям церкви и дворца, где трудились самые опытные мастера.

Этим двум зданиям ишхан Вараз уделял особое внимание. Спешившись, проверял, как отесан камень, каково качество лепки и сколько сделано за день; дольше задерживался у здания дворца. Если что-нибудь было непонятно или вызывало сомнение, обращался к старшему мастеру, и, если устное слово не проясняло для него картины, тот на гладко утрамбованном песке наглядно рисовал интересующую ишхана деталь.

— Добро,— кивал головой градоправитель и снова взлетал на коня, направляясь к следующей стройке.

И сегодня ишхан Вараз с двумя телохранителями (которые нужны были ему не столько для охраны собственной персоны, сколько для исполнения поручений) спокойно шествовал по городу.

Он помнил все время наказ, данный царем: в первую очередь закончить церковь; потому, как всегда, направился туда. Мостовая, по которой двигались всадники, была ухабистой, исполосованной колесами арб, покрытой ветками тростника и мятой листвой. Встречные, будь то женщина или мужчина, останавливались и, наклонив голову, приветствовали хозяина города. Ишхан, закинув рукава капы за плечи, отвечал им, слегка приподняв руку кверху.

Пройдя немного вперед, он раскланялся с пожилым человеком и натянул поводья.

— Куда путь держишь, мастер?

Человек остановился.

— По семейным делам, ишхан.

— Добро,— сказал ишхан Вараз,— еду смотреть вашу последнюю работу. Жена твоя поправилась? — спросил он.

Получив утвердительный ответ, он пришпорил коня и поехал дальше.

Ишхан знал лично многих из мастеровых и работников на строительстве; бывало, после деловых расспросов вступал с ними в разговоры, интересовался житьем-бытьем, семьей, справлялся, сколько у кого детей, как зовут, кто будет крестным ожидаемого ребенка. Часто с готовностью брал на себя обязанности крестного отца. Это тоже было для него одним из видов поощрения, неизменно дававшим желаемый результат.

Когда наконец он достиг пригорка, находящегося в центре города, где шло строительство церкви, погнал лошадь прямо ко входу в молельню. Столпившиеся строители и мастера расступились с поклоном, чтоб дать ему дорогу; здесь полным ходом шли отделочные работы внутри помещения.

— Добро вам, мастера и строители! — сказал он, пытаясь спешиться, — телохранители тут же подлетели, помогли ему высвободить ногу из стремени. Ишхан Вараз передал поводья одному из них и направился к церкви. Это было вытянутое строение с узкими окнами (такими узкими, что с расправленными крыльями голубь не смог бы влететь вовнутрь) и большим входом, над арочными створками ворот, в центре и по бокам на монолитных камнях были высечены равнокрылые кресты, каждый длиной в один локоть.

— Можно считать работу законченной? — спросил он, рассматривая кресты.

— Да, безусловно, — ответил один из мастеров-резчиков, человек с проседью в бороде и сильными бицепсами. Он подошел с зубилом и молотом в руках.

Вараз Гнуни внимательно рассматривал каждый крест в отдельности, потом сказал:

— Кажется, хороши они, будем надеяться, что и государю понравятся. А вы как думаете?

— Мы сделали все, что могли.

— А алтарь, старший мастер?

— Над ним еще надо поработать, ишхан Вараз.

— Поторапливайтесь, друзья, я дал слово государю завершить строительство до лета и освятить церковь.

С этими словами он переступил ее порог, за ним последовал старший мастер. Группа рабочих складывала в одном углу обтесанные каменные плиты. Там и должен был быть алтарь, возвышающийся над полом на один локоть.

— Поторапливайтесь, друзья, поторапливайтесь, — повторил ишхан, несколько минут наблюдая за работой над внутренней отделкой Когда же собирался выйти, снова спросил: — Надеюсь, через семь-восемь дней завершите, правда?

Ответ удовлетворил его, а результат обхода внушил надежду, что он выполнит данное царю обещание и в скором времени можно будет освятить церковь. На эту церемонию должен был приехать сам царь с царицей. Хорошо сделанная работа подняла настроение ишхана Вараза. С освящением особенно торопились, потому что город не имел церкви и цер-

ковные обряды: крещение детей, венчания – совершались в обычном помещении стараниями двух местных священников.

– Закончите вовремя – будет царское вознаграждение,– сказал он по обыкновению, пытаясь взобраться на коня. Телохранители и на этот раз вовремя помогли ему.

Ишхан был так доволен, что не пошел смотреть на работы, которые велись во дворце, как это делал обычно, а погнал коня в восточный район города, где не был уже несколько дней. Немного погодя он подъехал к большому зданию, это было новое общежитие для беглых слуг, второе по счету в городе.

Все трудились не подымая головы. Заметив ишхана, все заработали энергичней, а один молодой человек подошел к нему и поздоровался. Это был беглый слуга Торгом, которому градоправитель еще год назад сказал: «Будешь стараться – сделаю надсмотрщиком» – и сдержал слово.

– Все же медленно подымаются стены,– сказал Вараз, не спешиваясь.

– Стараемся, ишхан, выполнять задание.

– Старайтесь, старайтесь, вас ожидает награда,– и он хотел было повернуть коня, но вдруг остановился: – А ты, сынок, дом себе отстроил?

– Нет, тер ишхан.

– Почему же? Я выделил тебе землю, дал нужные материалы...

– Времени не остается для работы на себя.

– Приложи двойные усилия и доведи дело до конца. Прибывают новые люди, и жилища нужны всем,– сказал ишхан и погнал коня...

Торгом посмотрел ему вслед и впал в грустное раздумье.

Почему загрустил Торгом? Ведь он уже в Аршакаване, градоправитель выделил ему земельный участок для строительства дома, сделал надсмотрщиком...

Мы покинули Торгома по прибытии его в новый город, теперь продолжим рассказ о нем.

Торгом!.. Самолюбивым и чувствительным юношей он был. Упрек, брошенный сегодня ишханом-Варазом, больно ранил его сердце.

Ему самому ох как хотелось поскорей поставить дом и выбраться из тесного и шумного общежития, кроме того, с собственной крышей над головой связана была у него женитьба на Мине. Однако выстроить дом – дело не такое уж легкое, как казалось вначале. Ишхан Вараз, правда, выделил ему участок, как и всем его друзьям, дал строительный камень... Но все остальное он должен был добывать сам и строить своими руками. И все же самая главная помеха была не в этом: будучи надсмотрщиком большой бригады рабочих, занятой на спешной стройке крупного здания – нового общежития, он не мог выкраивать для себя время и строил дом только по воз-

вращении домой в вечерние часы. Пока приходил домой, пока с матерью обедал, солнце садилось, темнело. Так что дом подымался медленно. И не каждый день удавалось работать, порой по многу дней он не бывал на своей стройке, мешали и зарядившие дожди.

Жизнь его протекала однообразно, в заботах и трудах. В городе раньше всех подымались в общежитии, где жил Торгом, наскоро умывшись во дворе, группами или в одиночку спешили на свои рабочие места. Мать Торгома была на ногах с первыми петухами. После нее вставал и сын. Когда, слегка перекусив, он выходил из каморки, чтоб собрать свою бригаду, мать провожала его обычными вопросами: «Скоро вернешься, сынок? Удастся пораньше освободиться, поработать над домом?..» – «Должно... – следовал ответ, потом тихо – уже просьба: – Ты за Миной хорошо смотри, маре...» А когда мать входила в дом, Торгом заворачивал к окнам знакомой комнаты, останавливался под ними.

– Мина, как здоровье отца? – спрашивал он у своей невесты. Узнав, что все в порядке, добавлял: Ну, ладно, я пошел. Ты за маре хорошо смотри...

Мина молча, нежным взглядом провожала его, пока он не скрывался за поворотом.

Это был обычный, каждодневный ритуал, совершаемый Торгомом перед уходом на работу. Что и говорить, малый он был совестливый, себя считал ответственным за судьбу людей, которых уговорил бежать...

Истекший год оказался тяжелым для Торгома, он брался за любую работу, ничем не брезговал. Но с того дня, как его назначили надсмотрщиком, четко определился круг его обязанностей: вставал рано, собирал свою бригаду мастеровых и строителей, шел с ними вместе на участок и строго следил за бесперебойностью в работе. Однако он не только следил за работой, как это делали другие, сам включался в дело, чтоб оправдать доверие ишхана Вараза. Потому и сил на свой дом не хватало. Когда его спрашивали друзья и знакомые, что же он не женится, отвечал:

– Вот дострою дом...

И мать твердила: «Пока нет своего угла, тонира, своей крыши над головой, что толковать о женитьбе? Вот справим все, тогда, бог милостив...»

И на вопросы знакомого священника: «Ну, сынок, когда тебя венчать будем?» – Торгом неизменно отвечал: «Вот дострою дом, тогда...» – «А когда достроишь?» – «Скоро, скоро...»

И строил. Торгому помогали мать, Мина, иногда и ее отец.

Друзья Торгома Овсеп и Вардан тоже хлопотали вокруг своих домов, совсем неподалеку от него, почти рядом. Возвращаясь с работы, Торгом сначала обедал, немного отдыхал и шел трудиться для себя. Изо дня в день подымались стены, принося радость не только Торгому, но и его матери, отцу

Мины, которому очень хотелось поскорей увидеть дочь устроенной. Иногда забегала Мина – посмотреть, как продвигаются дела, с детским любопытством приходя в восторг от всего. Торгом очень старался, чтоб успеть к концу лета поднять стены и перейти к покрытию крыши. Но дело, вопреки его желанию, продвигалось медленно; только приступал к работе – темнело. Надо еще и то учесть, что Торгому приходилось делать все собственными руками: дверь приладить, рамы оконные смастерить, обстругать бревна; он никогда свободного времени не имел.

– Бог нам в помощь, – говорила его мать, – будет дом – будет и невеста.

Торгом мечтал о том же, но, когда видел затаенное ожидание в глазах матери, понимал, что такое для нее свой дом, удваивал старания, чтоб скорей доставить ей радость.

– Теперь уже скоро, маре, все будет так, как тебе хочется, – говорил он ей.

– Да, сынок, увидеть бы своими глазами, потом умереть.

Во время работы порой Торгом замечал, как рядом старается Мина, наклонялся к ее уху и шептал: «Достроим скоро дом, и ты войдешь в него хозяйкою...» Зардевшись как мак, девушка опускала глаза.

В горячке дней Торгому нет-нет да вспоминался случай в лесу, иногда он думал: «Ведь не может быть так, чтоб они не захотели отомстить за погибшего ишхана. По всем приметам это был действительно ишхан. Те двое с ним могли бы и опознать меня... Кто знает, может, завтра-послезавтра заявятся...» Он отгонял тревожные мысли, но избавиться от них не мог, ибо постоянно возникала какая-нибудь ситуация, подающая повод для опасений. Так, дней через десять после прибытия в Аван по городу пронесся слух, что ишхан Вараз получил от нахараров сообщение о происшедшем в лесу столкновении, в нем содержалось требование сдать убийцу в руки брата погибшего ишхана. Градоправитель Вараз, разумеется, не знал и не мог знать, кто в толпе валом валивших в это время беглецов – убийца, потому не стал заниматься вопросом всерьез. Он порасспросил того-другого, не знают ли они о случае в лесу. Большей частью получал отрицательный ответ...

С этим вопросом ишхан обратился и к Торгому, как вновь прибывшему: «Ты слыхал, сынок, об убийстве в лесу?..» В первую секунду Торгома оторопь взяла. «Как он мог узнать?» – мелькнуло в голове. «... Ишхана Амуни?» – закончил Вараз. «Амуни? – опешил Торгом. – Амуни... Амуни... – пробубнил он, мотая головой. – Нет, тер ишхан, ничего не слыхал...» Ишхан Вараз уже отошел, а у Торгома все внутри тряслось; ему казалось, его запросто могут взять под арест, но... он стал себя успокаивать: ведь у ишхана есть царский приказ – никого из беглых слуг ни при каких обстоятельствах господам не возвращать, поскольку на слугу, ступившего ногой в город, более не распространяется власть его хозяина. И все же в этот день

Торгом не возвратился сразу домой с работы, а поспешил к Овсепу и Вардану. Рассказав о случившемся, он добавил: «Если вас спросят, скажите – не знаете, ладно?..» – «Конечно», – успокаивали его друзья.

Это было на одиннадцатый день их прибытия в Аван. Но и по прошествии нескольких месяцев, когда порой ему на память приходило жуткое происшествие в лесу, мороз пробегал по коже, он старался отогнать от себя воспоминания: уходил с головой в работу, искал все время общества друзей, знакомых, вступал в долгие беседы с ними, чтоб забыться. Уже вошло в привычку, как только темнело и работать дальше было невозможно, он не оставался один, шел к друзьям. У него уже завелся обширный круг знакомых, по вечерам зимой у кого-нибудь дома, летом под какой-нибудь стеной располагались они на бревнах или камнях и вели беседы на разные темы, молодые иногда затягивали песни тех краев, из которых бежали, то были песни праздничные, свадебные, трудовые, которые пелись во время полевых работ. Часто старожилы вспоминали пережитое, молодые же рассказывали о своих мытарствах. Один, к примеру, говорил, что решение бежать в Аршакаван в нем созрело давно, но удобного случая не представлялось, в конце концов он бежал прямо с поля жатвы с серпом в руках, так его никто не заподозрил ни в чем. Другой рассказывал, что вынужден был бежать, потому что хозяин требовал, чтоб он женился на беременной девушке.

– Что было делать, согласился, но не хотел жениться на нелюбимой женщине, деру дал ночью.

На таких сборищах обычно присутствовали вместе с Торгомом и его друзья, Вардан и Овсеп, расходились, когда надо было ложиться спать.

И в этот день, в день встречи с ишханом Варазом, поработав до наступления темноты, Торгом, по обыкновению, пошел к друзьям поболтать и отдохнуть. Собирались они неподалеку, у стены большого общежития, где были сложены бревна. Стояла тихая ночь, звезды струили свет. Торгом подошел в тот момент, когда один из новичков рассказывал, какие строгости, обозлившись на Аван, ввели нахарары, чтоб препятствовать побегу слуг. Договорились между собой, говорил он, выслеживают чужих в своих владениях и не разрешают проходить, берут под стражу и ведут к их хозяевам.

Это были сведения беглеца из Вананда. А один каменотес из Вана своими глазами видел, какие ловушки расставляли на больших дорогах по приказу Меружана Арцруни, чтоб поймать беглецов и тут же «чинить над ними расправу».

– Горе попавшему в яму, его мучили и убивали, – вздохнул каменотес.

После его слов воцарилось молчание, затем один из присутствующих, беглый слуга, воскликнул:

– Не дай боже снова попасть им в лапы, уморят голодом или каторжной работой.

— Э, работа и здесь нелегкая,— простонал кто-то,— целый год не покладая рук тружусь, ни кола ни двора, миска похлебки да кус хлеба — вот и все...

Больше всего выражали недовольство первые беглецы, не сбылись их чаяния.

— Но царь дал нам свободу, избавил от налогов и штрафов,— вставил другой.

— Пусть и тяжела работа, ничего, лишь бы хозяева оставили нас в покое,— заметил сидевший рядом с ним.

— Ну, теперь всё, если и захотят, ничего сделать не смогут; мы теперь слуги его высочества государя,— вступил в разговор еще один.

То, что люди находились на земле, принадлежащей государю, в городе, строящемся по его велению, вселяло в них уверенность, что они в безопасности. Но один вдруг спросил: «Не может потребовать хозяин своих слуг обратно, а? Я что-то такое слыхал...» Среди соседей Торгома была пожилая женщина по имени Маринэ, бойкая, сварливая, любившая принимать участие в мужской беседе. Услышав это, она пятерней послала проклятье господам.

— Околеть бы им всем, чтоб я своих сыновей опять отдала бы в услужение Камсаракану? Ни за что никуда не двинусь отсюда, лучше умру.

— А если за ними явится сам ишхан? — пошутил кто-то.

— Чтоб ни дна ему, ни покрышки, окаянному,— выругалась она, сплюнув в сердцах.

Рассмеялись, но потом воцарилось тяжелое молчание Долго никто его не нарушал.

— А бывало, когда слуги убивали своих господ и убегали? — обратился один к новенькому беглецу, который рассказывал о строгостях, введенных нахарарами.

— Бывало, как же,— подтвердил тот.— Разве не слыхали об убийстве ишхана Амуни год тому назад в лесу? Как тогда искали убийцу... Лютовали, и все напрасно. Так что всякое бывает, дорогой.

Тут Овсеп и Вардан взглянули на Торгома, Торгом сам почувствовал, как запылало его лицо; весь обратившись в слух, он ждал, что еще скажет новичок, но тот ничего не добавил к сказанному, лишь заметил напоследок:

— Говорят, потому так рассвирепели нахарары, хотят даже стать подданными другого государя, лишь бы избавиться от нашего.

— Изменить своей вере? — послышался голос из темноты.— Предать свою страну, пойти на поклон к иностранному государю?

— Почему на поклон? Своими землями, владениями, селениями перейти под правление другого царя и потребовать своих людей обратно.

— Черта с два потребовать людей обратно, провалиться им в преисподнюю,— выругалась Маринэ.

Беседа в этот вечер на том и кончилась под стеной.

Расставшись с друзьями, Торгом шел домой, размышляя: «По всей видимости, меня еще ищут; может, потому ввели такие строгости; значит, теперь уже никому не удастся бежать...»

Он ошибался, ошибались и последние беглецы. Народ не переставал прибывать и прибывал помногу, целыми группами. В начале весны, когда еще было холодно, их почти не было видать, но, когда проклюнулась травка и деревья налились почками, беженцы пошли нескончаемым потоком. Торгома это радовало: чем больше людей, тем лучше, забот у нахараров будет по горло, может, и забудется убийство в лесу... Каждый раз, вспоминая этот случай, он вздрагивал и всеми силами старался отогнать от себя страшные видения.

– Надо достроить дом во что бы то ни стало...

А ишхан Вараз не мог нарадоваться, что население в городе так бурно растет, ведь ему нужны были работники, и в большом количестве. Надо завершить строительство многих домов в этом году; он торопился сам и поторапливал всех.

– Старайтесь, старайтесь! Вас ждут царские награды!

Надежда на «царскую награду», конечно, воодушевляла мастеровой и рабочий люд. Радовала она и Торгома: вот достроит дом, женится на Мине, получит за хорошую работу приличную награду... и заживет на славу.

И все же к чему была такая сумасшедшая гонка? Ишхан Вараз объяснений никому не давал, хотя вокруг поговаривали, что царь якобы летом собирается посетить Аван, посмотреть на строительство, и ишхан старается больше успеть сделать. Говорили еще, царь пожелал видеть свой город образцовым: благоустроенным для самих обитателей и привлекательным для посетителей, должным образом прославляющим того, чье имя носит. Дворцовые сооружения строились по образцу Арташатского и Вагаршапатского дворцов с добавлением, конечно, и чего-то нового. Говорили, царь дал ишхану Таразу распоряжение «ничего не жалеть!». И Вараз-ишхан лез из кожи вон, чтоб успеть к приезду государя отстроить все родники, бани, дороги, ведущие в соседние селения, церковь и даже дворец; эти два последних сооружения, если бы были завершены, придали бы городу законченный вид и великолепие. Главный иерей чуть ли не каждый день посещал градоправителя.

– Приспособленные под молельню помещения не вмещают всех прихожан, – говорил он, – поспеши, умоляем. Молодые откладывают свадьбы, чтоб обряд венчания совершить в новом божьем храме. Помолимся за тебя, ишхан, – уговаривал он его.

А другой иерей, помоложе главного, часто появлялся сам на стройках, уговаривая мастеров работать живей:

– Если быстро отстроите церковь, Иисус Христос благословит вас и даст спасение вашим душам... – Однако, почувствовав раз, что слова его носят слишком отвлеченный характер и мало что говорят рабочим, перешел на более доступный

язык: – Детей ваших хочу здесь крестить, молодых венчать под сводами нового храма, счастье им даровать...

– А с отпеванием как, святой отец? – с иронией спросил один из мастеров.

– Упаси господь, желаю вам только здравия и счастья.

– Ну, коли так, завершим.

Трудно сказать, что сыграло роль, усердие ли людей, молитва ли чья-то, но строительство церкви продвигалось с поразительной быстротой и раньше срока близилось к концу. Впрочем, на то ведь была воля царская: «Сначала храм божий – церковь, потом мой храм – дворец».

Прошло несколько дней. Окрыленный носился по городу ишхан Вараз, то в одном квартале появлялся в сопровождении двух телохранителей, давал указания расчистить улицы, то в другом – подмести дворы, привести в порядок фасады домов. Особые хлопоты доставляла ему дорога, ведущая в город, и конечно же главная улица. Трудно было поспеть всюду самому – посылал телохранителей с указаниями.

– Ишхан градоправитель приказал убрать, подмести...

– Ишхан Вараз наказывает быть готовым к большой радости.

Какой такой большой радости?

Настал наконец долгожданный день, церковь готова, идут приготовления к церемонии освящения. Ишхан посылает специального нарочного к государю с известием о том. От царя тут же поступает ответ, содержащий приказ: в ближайшие же десять дней подготовиться к важному событию и о назначенном дне предварительно поставить его в известность. Теперь уже нет сомнений – государь на самом деле собирается в Аван; и Вараз распоряжается придать церкви праздничный вид, пол застлать коврами, кадить благовонным ладаном, а сам с двумя телохранителями отправляется в Багреванд к епископу ближайшей области, местоблюстителю католикоса Хаду, чтоб пригласить его совершить обряд освящения.

Ехал ишхан Вараз довольный собой, в предвкушении приятной встречи с известнейшим всей Стране Армянской епископом Хадом, который, несомненно, похвалит его за выстроенную церковь и будет признателен, что его приглашают на столь почетное дело.

Каково же было его удивление, когда Хад отказался от этой чести.

– Нет, ишхан, – отрезал он, – не могу я совершать неугодное богу дело, не возьму на душу такой грех – освятить церковь, которая будет служить ворам и убийцам!

Вараз опешил.

– Отец наш святой, владыка духовный, – голос ишхана дрогнул, – сам царь должен пожаловать на это торжество. Разве можно отказывать?

— Отказывать — мое право, ишхан,— сказал Хад, вскинув густые брови,— и никто не может мне приказывать, ни один владыка в мире.

Когда ишхан Вараз стал настойчиво его молить, епископ, немного смягчив жесткое выражение лица, поставил условие:

— Я, тер ишхан, могу исполнить твою просьбу лишь в одном случае: если все сбежавшие слуги будут возвращены своим господам, а также селяне, бежавшие с монастырских земель,— своим хозяевам, иначе — ни в коем случае.

Вараз счел нужным дать разъяснение:

— Я, святой отец, без разрешения царя не имею права ни одного человека вернуть обратно. Каждый прибывший на жительство в Аршакаван переходит в ведение государя, от него получает свободу, ему подчиняется, стало быть, не подвластен мне.

— Следовательно, я не могу освящать церковь, запятнанную кровью,— отрезал Хад.

Но ишхан Вараз был не из тех, кто опускает руки. В тот же день в сопровождении двух телохранителей отправился он к епископу соседней области и, получив его согласие, довольный возвратился домой. Затем, учитывая желание государя присутствовать на церемонии освящения, послал гонца в стольный град с сообщением, что торжество состоится в день праздника Вардавара[1]. В ответ на это из Вагаршапата прибыл гонец с вестью: его величество пожалует за два дня до празднества.

И ишхан Вараз, несколько успокоившись, в капе с подолом, обшитым золотом, на вороном коне, высоко подняв голову, мчался по городу, отдавая последние распоряжения надсмотрщикам, мастерам, встречным прохожим, всем, кого видел на улицах и стройках.

— Государь прибывает, сообщите всем, чтоб приоделись, привели город в порядок, навели везде чистоту.

И правда, за два дня до начала праздника прибыл царь с царицей Парандзем и огромной свитой, в которую входили Смбат Багратуни, ишхан Меендак Рштуни и другие. Все на конях, и царица тоже. Вместе с ними в город вступил охранный полк государя во главе с молодым начальником Вааном Хорхоруни.

Ишхан Вараз, предварительно узнав о приближении высоких гостей, вышел встречать их далеко за город, он думал пригласить царя остановиться у себя в особняке, поскольку другого удобного места нет. Как бы то ни было, хоть и хлопотно, зато какая честь!

О приглашении к себе он объявил, когда торжественная процессия приблизилась к городу. Однако Аршак не принял

[1] Вардавар — праздник преображения.

приглашения, решив расположиться в палатках, «покуда еще тепло...». Градоправитель сделал вид, что огорчился, а в душе радовался, что освободит семью от такой тяжкой обузы. Достаточно ему забот о приеме гостей и ответственности за все, что будет происходить в эти дни.

Царь прибыл с большим количеством слуг, они сейчас же раскинули привезенные шелковые шатры, разложили посуду на столах; группа поваров без замедления, еще когда только разворачивали шатры, приступила к делу, разожгла костры на зеленом лугу вдали от города, поставила сверкающие боками котлы и стала варить еду; а царь с царицей и члены свиты удалились в шатры отдыхать, чтоб на следующий день осмотреть город, ознакомиться со строительством.

Так все и происходило; два последующих дня ишхан Вараз метался по городу, не зная покоя; то на коне чинно, в предупредительной позе сопровождал государя, то, спешившись, стоял у его шатра в ожидании указаний.

Наконец наступил день церемонии освящения. По распоряжению Гнуни все улицы, по которым должен был следовать царь с царицей и свитой, были тщательно вымыты, дорожка в церковном дворе устлана коврами до входа в молельню.

День стоял ясный, солнце купало город в теплых лучах, жители высыпали на улицы, окружили церковь, некоторые взобрались на крыши, чтоб лучше видеть, иные влезли на заборы или даже на большие камни.

Когда Торгом с матерью и Миной подошли к церковному двору, он был весь переполнен. Епископ-требоисполнитель, архимандрит, прибывший вместе с ним, и местный священник, празднично одетые, курили ладаном, воздавали молитвы громкими певучими голосами, осеняя крестом стены, амвон, пол, царя и царицу, придворных и весь народ, толпившийся внутри церкви, у входов в него, во дворе.

Люди жались у входов и в проходах... Всем хотелось увидеть обряд освящения, особенно взглянуть на царскую чету.

Когда внутри церкви завершили ритуал, епископ с архимандритами вышли в проход, размахивая кадилами и распевая молитвы, потом, обойдя всю церковь вокруг, освятили ее внешние стены, опять крестя и окропляя святой водой. Водой прыскали два архимандрита и один из священников; в глиняные сосуды, которые держали левой рукой, окунали правую и брызгали стены и каждый раз, прежде чем опустить руку, усердно крестили сосуд со святой водой. На церемонии присутствовал дьяк Давид, что-то неся за епископом и архимандритами. Глядя на него, Торгом диву давался: неистовый взгляд, козлиная бородка трясется мелкой дрожью, словно все время не переставая шепчет молитвы.

Вместе с требоисполнителем, епископом и архимандритами вокруг церкви совершали крестный ход с зажженными свечами в руках царь и царица, придворные и народ; люди так тесно жались друг к другу, что с трудом продвигались вперед. Мно-

гие с любопытством разглядывали царицу, ее наряд, украшения на шее и руках... Разглядывали и шептались:

— Царь черный-пречерный, а царица беленькая-беленькая. Почему так, а?

— На все воля божья.

Торгом слушал, что говорят вокруг, и старался провести мать и Мину в такое место, где было бы удобней смотреть. Но ему не удавалось этого сделать. Наконец, когда все двинулись вокруг церкви, он со своими занял место у стены, откуда все же было видней. Мать Торгома представляла, что царь с царицей должны быть выше всех, она была поражена, что это не так. Торгому тоже показалось странным, но времени, чтоб разобраться в своих впечатлениях, у него не было, ибо в этот момент один из мастеров его бригады спросил:

— Торгом, награды будут сегодня раздавать?

— Не знаю,— повел плечами Торгом.

— Как не знаешь? А все ждут...

Все ждали «царских даров», обещанных ишханом Варазом, думали, в присутствии государя будут награждать... Обряд освящения подходил к концу, а об этом — ни слова. Вараз-ишхан после окончания церемонии устроил угощение под открытым небом.

— Сегодня попируйте, а там видно будет,— сказал он.

Царь еще на два дня задержался в палаточном лагере после освящения церкви. По утрам он с царицей и придворными отправлялся осматривать город. У палаток, придя на час раньше, его дожидался ишхан Вараз, неизменно сопровождавший гостей по городу. Аршак на своем белом коне объезжал квартал за кварталом, вглядывался в каждое здание, порой останавливался перед каким-нибудь из них, внимательно изучая. Смотрел и молчал. Ишхан Вараз ожидал от него похвал, замечаний, а он ни слова... Но этим не кончались волнения градоправителя. Всякий раз, когда кони царя и царицы, подходя к строящемуся зданию, спотыкались о камни и глину, валявшиеся у строек, ишхану становилось не по себе; он бросался на помощь, просил прощения. И все же более всего его удручало полное молчание государя. Не поймешь, нравится ему или нет, думал он. Каждый раз, когда Аршак, сощурив глаза, всматривался в строящееся здание, душа ишхана уходила в пятки, его бросало то в жар, то в холод. Почему государь не молвит ни слова?

«По всей видимости, недоволен,— решил он,— явно не нравится, и того гляди, перед всеми сделает мне замечание».

— На этой улице все дома уже отстроены, ишхан? — спрашивал иногда царь.

— Еще нет, государь.

— А когда будут отстроены?

— Верно к следующему году.

Переходили на другую улицу, смотрел царь влево-вправо на дома и опять обращался с вопросом:

— Кого поселили в этом доме, ишхан?

— Геологов и городских служителей, государь.

Во время обхода города царь Аршак задавал все время вопросы, внимательно выслушивал ответы и молчал.

Наконец, по прошествии нескольких часов, он остановил коня.

— Достаточно, я думаю, — обратился он к ишхану, свернув в сторону палаток. То же сделали члены его свиты — аспет Смбат Багратуни, Меендак-ишхан, начальник охранного полка Ваан Хорхоруни и другие. Вараз последовал за ними ни жив ни мертв. «Неужели он устроит мне разнос в шатре в присутствии царицы и других членов свиты?..»

Но случилось иначе. Когда царь спешился, он всех отпустил отдыхать, ишхана Вараза же пригласил пройти в свой шатер.

— Пожалуй, ишхан.

Вараз переступал порог с внутренней дрожью. Приглашение — несомненно честь, но чем оно кончится?

Когда они уселись, Аршак снял с пальца золотой перстень с каменьями и протянул градоправителю:

— Ты, дорогой ишхан, мое поручение исполнил с любовью, потому, в знак благодарности, прими этот подарок.

Ишхан Вараз просиял, не находя слов, чтоб выразить благодарность.

— Теперь, ишхан дорогой, — продолжал Аршак, — как можно скорей приступай к строительству крепостных стен.

Вараз поклонился:

— Да будет ваша воля, государь.

— Ты должен для этого напрячь все силы, чтоб неприступной и мощной была наша крепость.

Вараз снова поклонился.

— Да, ишхан. Камсаракан и его сторонники не пожелали мне доверить свои крепости, так мы построим свою, всеобщую армянскую крепость... Строить надо быстро, чтоб не проведал враг и не помешал. Пусть думают, что ты обносишь город стеной, и только.

Воодушевленный хорошим положением дел на строительстве, бурным ростом города, царь Аршак подумал: а может, не помешало бы издать еще один указ, чтоб вызвать новую волну переселения в город, обеспечить дальнейшее развитие строительных работ. Он поделился своими мыслями с ишханом Варазом.

— Не думаешь ли ты, ишхан, что нужно скрепить еще один указ, или рабочей силы уже достаточно?

— Хорошо бы, государь, начинаем крупное строительство, нужно большое количество людей, чтоб суметь справиться, — согласился Вараз. — Однако не повлечет ли это за собой опять недовольство нахараров? Новые беглецы свидетельствуют, что они страшно возмущены.

До ишхана Вараза на самом деле доходило много слухов; чем больше народу становилось в городе, тем больше росло

недовольство среди нахараров; он даже слышал, что они собираются поднять мятеж, чтоб свергнуть с трона Аршака и на его место поставить нового царя. Насколько достоверно все это, он, конечно, не знал, но раза два рискнул и сказал государю, что недовольные нахарары вооружаются и ведут военные учения, тренируя своих людей в стрельбе из лука, в метании копья.

Аршак не верил в серьезность всего этого, вернее, не придавал значения слухам. Об этом говорила с ним и Парандзем, но он отшучивался: «Пустое все, царица моя...» И на предупреждения ишхана Вараза отвечал в том же духе: «Полно, ишхан. Они не могут мериться со мной силами...»

Подозрителен был по природе своей Аршак, но вот порой мог проявить непростительную беспечность. И впрямь не придавал значения недовольству нахараров и слухам об их военных приготовлениях, безотчетно радовался, что строительство Авана продвигается быстро, население города бурно растет. Доволен был ишханом Варазом, который неукоснительно выполнял его указания, наряду с домами строил родники, бани, прокладывал дороги, связывающие город с селениями, откуда поступали для горожан продукты питания и прочие необходимые товары; следуя его совету, вел подготовку к строительству моста через реку Рыбенка, чтоб связь с близлежащими селениями была бы прямой и удобной. Говорили, что город уже насчитывает около десяти тысяч населения; всех надо было обеспечить питанием... Да, около десяти тысяч, а ведь каждый божий день продолжали прибывать новые беглецы, несмотря на введенные хозяевами строжайшие меры.

Что же заставляло людей совершать побег? Пренебрегать опасностью? Бесправный, неимущий люд, обложенный непомерными налогами, искал выхода из тяжелого положения; свобода, обещанная царем, была соломинкой, за которую они хватались, часто даже не задумываясь, что ожидает их.

Желание обрести свободу было сильнее страха перед опасностью. Чем больше убегало людей в город, тем яростней негодовали господа.

О волне возмущений, охватившей нахарарство, ишхан Вараз счел должным еще раз упомянуть в разговоре с царем во время их последней встречи.

– Сколько хотят пусть возмущаются, – с пренебрежением махнул рукой Аршак, – не имеет значения. Я не боюсь ничего, меня только удивляет их наглость.

В смежном отделении шатра царица Парандзем невольно слышала разговор мужа с ишханом, и сердце ее радостно затрепетало: «Будет у нас скоро сильная опора, укрепленная крепость-город, которая обеспечит нам независимое существование, не будет больше страха перед неожиданным вторжением, и заживет наш народ спокойно и мирно, не зная бед и кровопролития...»

— Господи, помоги народу армянскому! — воскликнула Парандзем, молитвенно сложив руки на груди и подняв глаза вверх.

На следующий день царская чета со всей свитой снялась с палаточного лагеря и отбыла в стольный град, а Вараз Гнуни приступил к подготовительным работам по закладке фундамента крепостных стен. Когда же кто-нибудь из мастеров напоминал ему об обещанных «царских наградах», объяснял

— Царские награды, дорогие мои, будут, когда подымем крепостные стены. В этом можете не сомневаться...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ликованию ишхана Вараза не было границ. Благодарность царя Аршака так окрылила его, что хотелось, не теряя ни минуты, приступить к исполнению новых заданий: начать воздвигать городские стены, чтоб потом перейти к закладке самой крепости. Для исполнения этой задачи он решил использовать всю имеющуюся в его распоряжении рабочую силу: и каменщиков, и кладчиков, и аробщиков, и плотников, и всякого рода мастеровых. Раза два на дню верхом на коне он объезжал достраивающиеся объекты и поторапливал людей, твердя одно и то же:

— Живей доделывайте, надо возводить крепостные стены.

— Без крепостных стен город не может спать спокойно.

— Как только подымутся крепостные стены — все получат награды, все.

Спешил и Торгом закончить свое жилье. Его друзья, Овсеп и Вардан, уже отстроили себе дома и вселились в них, а этот все возился и возился, хотел, как сам говорил, придать жилью «пригожий вид»; оштукатурив стены, отбеливал их и снаружи и внутри. Однако еще до завершения всех работ он с матерью переселился из общежития (часть вещей оставив там) в недостроенный дом, ему так легче было выкраивать время для работы. Он твердо решил, как только штукатурка подсохнет, поведет невесту под венец и возьмет к себе.

Оштукатурив внутренние стены, он перешел к фасаду здания, так делали многие в городе. Усердие, проявляемое Торгомом, не осталось не замеченным соседями и друзьями. Оттого ли это было, что в оштукатуренном и отбеленном виде комнаты выглядели светлей и просторней, или потому, что это были последние усилия, кто знает? Во всяком случае, Торгом был безмерно рад, что будет иметь свой кров, свой очаг, заживет наконец-то с любимой Миной, матерью и тестем. Торгом питал к отцу Мины чувство особой благодарности и уважения за то, что он решился на побег, чтоб уберечь для него дочь. Ну, а старик проявлял к нему нежную отеческую заботу.

Интересен был первый день переселения. Когда с большими и маленькими узелками мать и сын переступили порог двора, произошло нечто неожиданное для Торгома: старушка вдруг выпустила из рук узелки, упала на колени перед входом, хотя во время строительных работ она не раз бывала внутри помещения, и, поцеловав деревянный приступок, стала неистово крестить дом, приговаривая, чтоб был счастливым для них, чтоб никто не сглазил его, чтоб вселилась навсегда в него радость...

Растянулся Торгом на постели под собственной крышей и почувствовал себя наверху блаженства; наконец может свободно вздохнуть, вкусить плоды своих трудов, жениться. Вспоминался прошедший год, полный забот и трудностей. Сколько думал он о собственном доме, сколько пришлось приложить усилий, чтоб мечта наконец стала реальностью. И вот он у цели... Дом, быть может, был бы и раньше отстроен, если б Торгом приступил к делу с первых дней прибытия. Но пока получил земельный участок, пока обеспечил себя строительным материалом... Правда, камень и дерево были бесплатны, но их надо было из каменоломен и леса доставить в город... Что бы ни было, дом готов, остается исполнить последнее желание – обвенчаться и привести жену...

В эту первую ночь от волнений и тревог не могла долго сомкнуть глаз и мать Торгома. Какая же для нее была радость чувствовать себя в собственном доме! А скоро она еще увидит счастье сына, который поведет под венец любимую девушку. После этого можно и спокойно умереть, думала она. Впрочем, нет, зачем умирать так рано, надо дождаться первого внука, тогда и закрыть навеки глаза. Но почему же одного внука? Может, дождаться двух или даже трех? Нянчить их, растить, словом, увидеть дом, полный детворы, продолжателей рода... Сердце трепетно билось в груди старой женщины, она прислушивалась к шороху в соседней комнате, знала – сын не спит, ворочается, зевает. Наконец не выдержала и тихо позвала:

– Сынок, ты не спишь?

– Жарко, маре, уснуть не могу.

Действительно, стояла жара, в комнатах было душно. Но не потому, конечно, не спалось Торгому, мысли о предстоящей женитьбе волновали его, заботы, пусть и приятные, о том, как справить свадьбу. Промаявшись еще немного, он собрал постель и поднялся на кровлю дома, решив, что на воздухе будет прохладней.

Не оттого ли так сладок летний сон, что ночь в это время года коротка? Глаза Торгома вскоре сомкнулись, отступили заботы и тревоги... Не потому ли, хотя и занялась уже августовская заря, жители Аршакавана погружены в глубокий сон в домах, на кровлях, во дворах? В предрассветной мгле, окутавшей город, только две-три еле заметные струйки дыма тянутся ввысь, теряясь в серой пелене. Иногда с какой-то улицы доносится беспокойное мычание коровы, нарушающее дремот-

ную тишину; порой перекликаются петухи, словно один спрашивает другого: «Про-сну-лись?» – и слышит в ответ: «Давно-о!» Бодрствуют всю ночь напролет собаки, то бегают вдоль улиц, то, сев на задние лапы, как истинные сторожевые псы, охраняют дворы, пустые улицы.

Соседями Торгома по новому дому были все те же друзья Овсеп и Вардан. Когда шло распределение, они просили, чтоб им дали участки в одном квартале; живя по соседству, они могли всегда поспеть друг другу на помощь. Хотя все трое были выходцами из разных селений и только во время побега узнали друг друга, выпавшие на их долю переживания и страдания накрепко связали их узами дружбы. Кроме того, Овсеп и Вардан постоянно помнили, что спаслись от хозяев только благодаря Торгому: останься в живых тот вооруженный ишхан, всех взяли бы под стражу и погнали бы назад. Ставили друзья дома рядом, чтоб даже на работу ходить вместе.

Торгом просыпался спозаранок, перед уходом на работу помогал по хозяйству матери, приносил воду из родника, по каменным ступеням подымался на кровлю, убирал постель. Каждый раз, взбираясь на крышу дома, он поворачивался лицом к восходу солнца, к новой церкви, и крестился: «Господи, отведи от нас зло, даруй нам счастье!» И сегодня, поднявшись на кровлю и убрав постель, он лицом оборотился на восток... и замер на месте, забыв осенить себя крестом; глаза его расширились, впились вдаль; потом он взглянул направо, налево на горизонт и вмиг осекся: в предрассветной утренней пелене различались движущиеся отряды конников, они вроде бы шли на город, причем со всех сторон, их было много, очень много...

«А может, это караван, а не войско?» – подумал он, потом, приглядевшись, понял: на животных нет никакой поклажи, на них сидят всадники, вооруженные копьями. Может, дворцовые полки? Но если это дворцовые полки, почему движутся к городу с трех сторон, в трех направлениях? – продолжая наблюдать за уже ясно различимыми полками, сам с собой рассуждал Торгом. И потому что город еще не имел стен, все впереди было видно как на ладони, от окраинных домов до скачущих всадников; в ясные же дни проглядывались даже отдаленные горы на горизонте. А сейчас багровые лучи зари словно пронзали стрелами сумрачную мглу, освещая все окрест и скачущие полчища. Торгом вдруг сорвался с места, опрометью бросился во двор и понесся с тревожным криком к дому друзей:

– Подымайтесь! Войско идет на нас! Просыпайтесь!

– Какое войско? – вскакивали с постелей люди.

Но, оставляя вопросы без ответа, он мчался по улице сломя голову, словно спешил на пожар. По дороге с какого-то двора послышался хриплый голос: «Куда, Торгом?» Но Торгом не обратил внимания и на него, бежал, размахивая руками как крыльями.

Так он пронесся по одной улице, потом по другой и, наконец выбежав на главную, остановился перед домом градоправителя. Кинув быстрый взгляд на балкон, он влетел во двор.

– Где ишхан, где?! – спросил он, еле переводя дыхание, сонного сторожа, стоящего с копьем в руке у дверей.

– Ишхан? – переспросил тот сердитым голосом. – Ты что, не знаешь, где может быть в этот час ишхан?

– Знаю, знаю, – торопливо прервал его Торгом. – Но мне необходимо его видеть, иди буди его.

Пока Торгом утирал пот с лица, с нижнего этажа здания, на ходу натягивая на себя одежду, вышел во двор знакомый Торгому телохранитель и спросил:

– Что случилось?

– Буди ишхана градоправителя, сведения очень важные.

Телохранитель нахмурился:

– Какие такие сведения?

– Войско движется на нас!

Телохранитель юркнул в дверь и через минуту, вновь показавшись, позвал Торгома наверх. Когда, с трудом переводя дыхание, Торгом сообщил ишхану о виденном, градоправитель вскочил на ноги.

– Войско! Конница! – вскрикнул он и, не задавая больше вопросов, быстро одевшись, вышел на каменный балкон. С трех сторон на город и впрямь двигались отряды конников. Видны были их остроконечные пики.

Картина была ошеломляющей, зловещей, ишхан отскочил как ужаленный от каменных перил и, весь покрывшись красными пятнами, крикнул телохранителю:

– Зови начальника гарнизона, скорей!

Он опять впился глазами в движущееся войско, лихорадочно соображая, кто это может быть: если царское войско, дали бы предварительно знать через гонца, чтоб позаботился об их размещении и обеспечении пропитанием, значит...

Между тем войско продвигалось, и продвигалось странным образом: во-первых, в трех направлениях, во-вторых, не по прямой, а растягиваясь полукругом. Ишхан Вараз наблюдал за всем этим с возрастающим удивлением. С каждой минутой усиливались его опасения и подозрения; в этот момент подошел начальник гарнизона.

– Что это за войско? Видишь? – нетерпеливо обратился к нему ишхан.

Начальник гарнизона – человек средних лет, с проседью на висках и в бороде, глядя на горизонт, ответил мрачно:

– Вижу, мой господин, войско вражеское, нет сомнения.

– Так. Ты послал кого-нибудь выяснить, кто такие и что им надо?

– Нет, ишхан, хотел было, но не успел. Да еще подумал, не мешало бы посоветоваться с вами...

– Тогда я сам сию минуту, – ишхан позвал дьяка Давида, одного из своих телохранителей и распорядился: – Отправ-

ляйтесь им навстречу, выясните, кто такие, куда идут они и зачем!

Когда дьяк и телохранитель вышли, ишхан обратился к начальнику гарнизона:

— А ты, друг, будь готов ко всему. Иди вооружай людей

Между тем слух о приближающемся войске поднял с постелей жителей; мужчины, старики, женщины, наскоро одевшись, выбегали на улицы, взбирались на крыши, на церковный пригорок, откуда открывался вид на окрестности города, иные спешили к дому ишхана Вараза, чтоб узнать какие-нибудь подробности. А утро тем временем вступило в свои права, мало-помалу все вокруг стало обозреваться четче и ясней: число конных отрядов, казалось, возрастало, войско приближалось, широко раскинув фланги. Что за чертовщина!

Смотрели люди и делали разные предположения: одни думали, что это персы или войско другой иноземной державы, другие — что царская армия. Но если так, почему они двигаются медленно и не по прямой линии, а словно окружая город со всех сторон?

— Как будто ищут в поле место для привала, — высказал догадку один.

— Нет, совсем другие намерения у них...

Всех охватил глубокий ужас. Глаза присутствующих были прикованы к фигурам двух всадников, скачущих навстречу войску. Ждали, какие вести принесут они. Может, и впрямь царские войска вышли на летние маневры, проводившиеся всегда перед тем, как стать на зимовку...

Тревожное ожидание, мучившее взрослых, передалось и детям, не было слышно обычного ребячьего крика, смеха, побросав игры, они молча жались к взрослым, силясь понять по их лицам, что происходит вокруг.

Ожидание это длилось довольно долго, посланные ишханом представители, дьяк и телохранитель, подъехали к предводителю приближающегося войска и вступили в разговор с каким-то всадником, отделившимся от полков, этот всадник теперь сопровождал их к другой группе воинов. Аванцы заметили, что дьяк и здесь завел с ними разговор, но говорил на этот раз недолго — повернулся и пустился в обратный путь.

Непонятно было для ожидающих, почему он не гонит коня, а когда повернул в город, почему на вопрос встречных: «Кто такие? куда идут?» — ничего не отвечает. Покров таинственности сгущался. Дьяк мрачно пробирался по улицам к дому ишхана.

— Какие вести? — вышел ему навстречу ишхан Вараз.

— Тер Гнуни, — еле выговаривая слова, начал Давид, — это нахарарские войска, вооруженные до зубов. На мой вопрос, что им надо и куда идут, их главный, один ишхан в шлеме, ответил: «Передай градоправителю, что пришли нахарары с войском и требуют своих слуг обратно... всех до единого, кто сбежал от своих господ».

Ишхан Гнуни спал с лица, его бросило в дрожь, отчего затряслась курчавая борода: он хорошо знал, как злы нахарары на сбежавших слуг, как точат зуб на Аршакаван. Кроме того, не раз слышал, что они ведут какие-то тайные военные учения, но никогда не мог допустить и мысли, что посмеют явиться с войском к городу и требовать своих слуг обратно. Такого оборота дела он предвидеть, конечно, не мог и, естественно, не был готов держать ответ перед ними, тем паче оказывать военное сопротивление.

– Что дальше? – Борода его опять затряслась.

– Дальше, тер Гнуни, их начальник заявил, что, если беглецы сами, по своей воле не вернутся к своим хозяевам, их уведут силой. Так и сказали: «Силой уведем!» На обдумывание и ответ дали полдня, – закончил дьяк, то бледнея, то краснея, видимо сознавая, какие тяжелые вести пришлось ему привезти своему хозяину.

Хотя вести были более чем тяжелые, ишхан Вараз, успев справиться с первой растерянностью, принял их спокойно.

– Ты узнал, какие там нахарары?

– Нет, тер ишхан, я поинтересовался было, но они оставили без ответа мой вопрос.

– Ладно, теперь удалитесь все и ждите внизу моих распоряжений, – сказал он дьяку и телохранителю, видимо желая наедине обдумать создавшееся положение. Но только они вышли, явился снова начальник гарнизона.

Узнав требования противника, он покачал головой.

– Необходимо немедленно обратиться к царю за помощью, ишхан, – сказал он, сжимая кулак. – Немедленно!

– Я тоже так думаю, дорогой Артак. Надо послать быстроходов гонцов к государю, не теряя времени.

Сказав, ишхан хлопнул в ладони. Вошел его старый домоуправляющий.

– Позови моих телохранителей Врама и Арама.

И Вараз сел за лист пергамента, чтоб написать царю в двух словах о случившемся.

Только он кончил писать – вошли телохранители, два здоровых молодца двадцати – двадцати пяти лет, денно и нощно служивших Варазу: они доставляли его распоряжения в дальние концы. Войдя, юноши, как бывалые воины, вытянулись в струнку перед ишханом, остановив взгляд пристальных черных глаз на нем. По их лицам было видно, что они ожидают нелегкого задания.

Ишхан не стал испытывать их терпения, поднявшись с места, подошел к ним:

– Арам и Врам, седлайте быстрее коней и стрелой летите в стольный град. – Он протянул письмо. – Здесь все написано, но скажу вам и устно, чтоб в случае утери письма вы могли бы передать его содержание. Итак, сообщите царю, что враждебные нахарары осадили войском Аван и требуют выдачи слуг, бежавших от них и нашедших убежище в нашем городе.

Отправляйтесь тотчас же, пока мы еще не в полном окружении. Действуйте осторожно! Найдите обходные дороги, чтоб не попасться им в руки. Не забудьте сказать, что мне дано всего полдня на обдумывание, потому помощь должна быть незамедлительной.

Телохранители бросились исполнять поручение, ишхан же подошел к начальнику гарнизона:

— Теперь, дорогой Артак, обращаюсь к тебе как к опытному воину, скажи, что сделать, чтоб предотвратить беду? Само собою ясно, я никаких шагов самолично предпринять не могу, не зная воли государя, не могу действовать без его приказа, стало быть, вынужден буду ответить отказом.

— Ваша правда, ишхан,— с некоторым промедлением ответил начальник гарнизона, весь взмокший от волнения.— Удовлетворить их требование мы не можем, не можем разрешить им, хоть они и нахарары, войти в наш город и хозяйничать в нем как хотят. Малочислен наш гарнизон, но будем стоять до конца, постараемся не допустить их в город. Это мой долг.

— А военным снаряжением ты обеспечен?

— Гарнизон, конечно, обеспечен. А почему вы об этом спрашиваете, тер Гнуни?

— Думаю, как только они получат наш отказ, без промедления пойдут в наступление. Потому лучше предварительно раздать населению все имеющееся в нашем распоряжении оружие, разумеется тем, кто может его носить. Я не сомневаюсь, что аванцы будут отчаянно сопротивляться, не для того они бежали сюда, чтоб теперь сдаваться прежним господам. Они будут драться насмерть. Только их надо вооружить, тем более что твой гарнизон немногочислен. Они пополнят его и будут надежным подспорьем для тебя.

— Боюсь, ишхан, это излишний труд, нет проку от оружия, если оно в неопытных руках, а учить их и некому, и некогда.

Начальник гарнизона поставил ишхана в затруднительное положение: что было ему отвечать? Озадаченный, он отвернулся, плотно сжав губы.

— Во всяком случае, будем наготове и сделаем все от нас зависящее, пока подоспеет царское войско. Может, имеет смысл вступить с ними в переговоры, чтоб выиграть время, хотя бы день... Я об этом подумаю. А ты,— он поднялся с места проводить начальника гарнизона,— сделай все необходимое, дабы суметь на время остановить наступление...

Не успел начальник гарнизона выйти и сесть на коня, как послышались шум и тревожные голоса:

— Где ишхан Вараз, где?

— Ишхана хотим видеть!

Голоса доносились со стороны улицы — у дома градоправителя толпились люди. Вараз вышел на балкон и увидел человек двадцать или тридцать молодых людей, глаза их лихорадочно

горели. Один из них, увидев ишхана, вышел вперед и поднял руку. Ишхан узнал его, это был Торгом.

— Извините нас, ишхан Вараз,— начал он взволнованно,— мы бежали от своих господ — вы нас приютили. Теперь разрешите спросить.

— Говори, сынок, говори,— ответил ишхан Вараз.

— Мы узнали, с каким требованием явились сюда наши прежние хозяева, и пришли услышать ваше решение. Как поступите с нами — возвратите обратно нахарарам?

Столько отчаяния и боли было в последних словах Торгома, что Вараз растрогался.

— Возвратить обратно? Да что ты, сынок? Я и мысли такой допустить не могу! Будьте покойны, друзья, не поддавайтесь панике.

— В таком случае мы станем бороться до последней капли крови,— решительно ответил Торгом.— Распорядитесь нас вооружить, мы будем защищать себя и свой город.

Торгом и группа молодых людей напряженно ждали ответа ишхана, все устремили на него горящие взоры, точно от того, что он скажет, сейчас зависела их судьба. У Торгома бешено колотилось сердце. Ишхан видел, что творилось с парнями, понимал, как важно то, что они услышат сейчас из его уст.

— Идите к начальнику гарнизона, сыны мои, идите все. Он вам выдаст, что надо. Я уже отдал распоряжение.

Удивительно устроен человек: достаточно и нескольких спокойно произнесенных слов, чтобы вывести людей из отчаяния, хмурые лица прояснились, глаза оживились, в парнях зажглась вера во спасение; подталкивая друг друга, они поспешили к казармам гарнизона.

Ишхан Вараз проводил их печальным взором: «Смогут ли они отстоять себя и свой город без помощи войска?»

Только отошли молодые люди, с ближайшей улицы донесся шум, а чуть погодя к дому градоправителя хлынула разноликая толпа женщин, стариков и детей. Женщины со сбившимися волосами выкрикивали проклятья, размахивали кулаками, грозились:

— Пусть сколько хотят требуют, мы не вернемся! Провались они в преисподнюю!

Толпа голосила, бурлила, слышались гневная брань, угрозы. Как видно, весть, принесенная дьяком Давидом, успела уже облететь весь город.

— Не вернемся!.. Чего захотели!.. Нас градоправитель не выдаст!

Теперь уже все знали, что ишхану Каразу пополудни надо держать ответ перед нахарарами. Или откажет, или... Потому его появление на каменном балконе было встречено волной мольбы и стенаний:

— Не губи нас, ишхан! Не бросай в беду, эти кровопийцы замучают нас, убьют...

Вид толпы, объятой страхом, страдальческие лица женщин и стариков подействовали на ишхана.

– Будьте спокойны! – крикнул он. – Никого, никого я не собираюсь отдавать в руки нахараров, я знаю, как они злы на вас. Они не имеют права ногой ступить в город, принадлежащий государю. Разойдитесь по домам, и у кого есть оружие, держите его наготове. Когда прозвучит призыв к сопротивлению, выходите с оружием в руках, будем обороняться, пока подойдут царские войска.

– Правда твоя, ишхан! Побожись, что так поступишь! Заклинаем тебя...

Опять ишхан Вараз почувствовал, как глубок страх и ужас этих людей перед нависшей опасностью.

– Клянусь могилой своих предков! – произнес Гнуни, сначала подняв руку вверх, потом опустив и прижав к груди. И это подействовало на возбужденную толпу, мало-помалу люди стали расходиться, обнадеженные хотя бы тем, что самого страшного для них ишхан не допустит.

– Видишь, клянется, что не выдаст, – повторяли его слова.

– И не может выдать, не имеет права, перед царем будет держать ответ...

Опасность, страшная опасность, нависшая над городом, заставила людей забыть обычные занятия, жизнь точно остановилась. Что можно делать, когда враг у порога, когда город окружен? Женщины забросили домашние дела, мужчины и не приступали к работе. До того ли! Город напоминал взбудораженный улей; беспокойно метались люди в ожидании дальнейших событий; никто свой скот не выводил на выпас, мучимые голодом и жаждой животные протяжно выли во дворах, усиливая тревогу. Часть горожан, особенно женщины и дети, поднимались на плоские кровли домов, взбирались на деревья, устраивались на возвышениях и оттуда наблюдали за происходящим, за продвижением конницы то ли противника, то ли карателей... люди не знали, как их называть. Как бы там ни было, их конные отряды все время находились в движении, словно изучая местность, дабы расположиться так, чтобы город был окружен со всех сторон.

Наблюдая за их грозным передвижением, женщины посылали в их адрес яростные проклятья.

Мать Торгома, окруженная женщинами, воздевала руки к небу и беспрестанно повторяла: «Сгореть вам в огненной геенне! Сгореть!»

Рядом со старой женщиной стояли жены друзей Торгома Овсепа и Вардана и сын последнего Усик. Пока женщины взволнованно переговаривались, а мать Торгома слала проклятья на голову врагов, подошли Мина и ее отец. Бедная девушка дрожала всем телом, глаза горели, словно она была в лихорадке. Всегда робкая и стыдливая, Мина подбежала к старушке и, запинаясь от волнения, спросила:

– Мамо, они за нами пришли? – И не дожидаясь отве-

та: – Где Торгом, где? Что он говорит? Нас погонят обратно?..

– Прах им на голову, не бойся, дитя мое. Ишхан Гнуни сказал, что никто не будет выдан им. Мы теперь полностью перешли во владение государя.

– А может, мамо, все бросить и бежать отсюда, пока еще не поздно, – продолжала Мина, не обращая внимания на слова старушки, – бежать в соседние селения...

– Что ты говоришь, доченька, – обомлела старуха, – оставить наш новый дом и уйти?

– Уходить еще рано, – вступил в разговор один старец, – подождем, посмотрим, градоправитель не может выдать нахарарам государевых слуг, чтоб они над нами чинили суд. И не разрешит им вступить в город.

– А если все же вступят? – спросила жена Вардана.

– Не могут, – утверждал старик, – это государев град. Не посмеют.

– А если все же посмеют и войдут? – не унималась жена Вардана.

– Если осмелятся, – простонал старик, – все подымемся на бой, все.

Усик, слушавший разговор старших, вставил:

– Если они войдут, у меня есть меч для них! – Сказал и побежал со всех ног.

Чуть погодя, пока взрослые продолжали обсуждать положение, мальчик вернулся, неся меч с серебряной рукоятью. Мать, увидев, рассердилась:

– Зачем притащил?

– Для них, – Усик рукой показал на движущееся войско.

Мать вышла из себя:

– Отнеси сейчас же и положи на место.

– Почему, мамо? Тогда отдам папо.

И не успела мать запретить это сыну, Усик помчался в направлении двух виднеющихся вблизи тополей. Ему сказали, что там, во дворе одного дома, сидит в укрытии со своими друзьями его отец.

– Видели вы его? – всплеснула руками женщина и хотела было остановить сына, да подумала, ладно, так и быть, к отцу бежит, вдогонку только крикнула:

– Отдай и сразу же воротись, слышишь?!

Дошли ли до мальчика слова матери – неизвестно: он бежал без оглядки.

Чуть погодя он был уже во дворе дома на окраине города, где полным-полно было людей с копьями и пращами. Он быстро отыскал в толпе своего отца, тоже с копьем на плече, и подбежал к нему.

– Папо, я тебе меч принес! – крикнул он с довольным видом и протянул его отцу.

Присутствующие заулыбались, улыбнулся и отец мальчика; он взял меч из рук сына, похлопал его по плечу и сказал:

— Иди к мамо и отдай ей; у меня есть, видишь, и копье и праща. — Он возвратил меч сыну, но Усик только повел плечами, что, видимо, означало: не хочу! — Иди, говорю же, — повторил отец, — а то мамо одна.

— Я с тобой хочу...

Во всех городских кварталах, в домах, дворах царила неописуемая суматоха; мужчины, молодые, пожилые, вытаскивали из погребов и сараев железный скарб: вилы, топоры, лопаты, ломы, клали на виду, сами торопливо переодевались в простую, удобную одежду, скидывали с себя все то, в чем обычно ходили, точно собирались взяться за черную работу... От дома к дому ходили вооруженные ополченцы, среди них был и Торгом со своими друзьями, они успокаивали людей, говорили, чтоб не поддавались панике, были готовы к бою.

— Вооружайтесь чем можете, что попадет под руку: дубинкой, железным ломом, даже камнями, не щадите никого, если пойдут на нас.

Торгом получил для мужчин своего отряда от начальника гарнизона примерно сто дротиков, пятьдесят луков со стрелами и двадцать кинжалов. Он хорошо понимал, как это мало, потому, оставив свой отряд, обходил дома и дворы, призывая всех вооружаться.

И по другим кварталам тоже ходили вооруженные молодые люди с тем же призывом к населению.

Со странным, однако, явлением они сталкивались повсеместно: та часть горожан, которая бежала от своих господ, в страхе металась, негодуя на нахараров, а та, что переселилась в город из дворцовых угодий и владений, не проявляла беспокойства, уверенно заявляя: «Не за нами пришло войско, нас не тронут», и даже не считала должным вооружаться, хотя приказ ишхана Вараза в равной мере относился ко всем.

— Нам незачем вооружаться, нас это не касается, мы не беглые слуги, нахарары требуют только своих слуг...

— Напрасно так говорите, они не будут разбирать, кто беглый, кто нет, им ненавистен город, всех перебьют, никого не пощадят. Образумьтесь!

Подобные настроения и разговоры некоторой части горожан стали известны ишхану Варазу, и он обдумывал меры, которые надо принять, чтоб убедить людей, что опасность в равной мере угрожает всем, потому каждому необходимо быть готовым к сопротивлению; в этот момент вошел начальник гарнизона и сообщил, что все имеющееся в его складах оружие роздано населению, его воины находятся в боевой готовности, хотя численный перевес противника очевиден... Затем задал вопрос:

— Ваш ответ, тер Гнуни, остается неизменным?

— Разумеется, только отказ, — сказал ишхан решительным тоном.

— Ну что ж, кажется, подходит время, надо давать ответ.

— Да, подходит, сейчас пошлю людей с отказом выполнить их условия и потребую от имени государя очистить окрестности города.

Положение казалось начальнику гарнизона более чем опасным. Хотя он и сделал все, что мог: определил позиции на подступах к городу, которые должны были занять его воины и вооруженные горожане, тем не менее понимал — это ничтожно мало. Если противник начнет боевые действия, спасенье будет возможным лишь при незамедлительной помощи царского войска. Сопротивляться город может от силы день, ну два, не более, а дальше...

Есть еще один шанс — если Варазу удастся путем переговоров выиграть время, тогда...

Обдумывая все это, начальник гарнизона обратился к градоправителю:

— Тер Гнуни, а может, попытаться выиграть время? Попросить отсрочки ответа хотя бы на два дня, ну — на день. Категоричный отказ может их обозлить.

Ишхан Вараз тряхнул кудрявой головой:

— Нет, дорогой военачальник, нет! Просить отсрочки и вообще просить чего-либо — это значит признать свою слабость, противник станет еще наглей. С ними надо говорить сурово. Да и в конце концов, кто они такие, чтоб я их просил? Это даже было бы оскорбительно для государя, задевало бы его честь! Нет, дорогой, нет!

Между тем градоправитель уже отдал приказ Давиду готовиться исполнить поручение. Когда начальник гарнизона кончил свое сообщение об оборонительных позициях, занятых войском и вооруженными горожанами, он вызвал дьяка; тот вошел, туго подпоясанный, в длинных, доходящих до колен наголенниках.

— Готов? — спросил ишхан.

— Жду ваших указаний, тер.

— Тогда повтори, что должен говорить.

— «Мой господин, — начал дьяк, вытянувшись в струнку и отчеканивая каждое слово, — градоправитель Аршакавана ишхан Вараз Гнуни велел передать, что не может удовлетворить ваши требования. Не может возвратить ни одного человека, ибо каждый, кто нашел убежище в городе, принадлежащем государю, становится его слугой, его подчиненным...»

Здесь дьяк запнулся, а ишхан поднял палец.

— «И право распоряжаться их судьбами по своему усмотрению тоже принадлежит одному государю», — недовольно продолжил он. — Ну, будь смелей, не сбивайся!

— Слушаюсь, ишхан. «И право распоряжаться их судьбами по своему усмотрению тоже принадлежит одному государю», — краснея повторил за ним дьяк, затем продолжал: — «В то же время мой господин, градоправитель ишхан Вараз Гну-

ни, требует именем царя Аршака снять осаду с города и немедленно удалить отсюда войска».

Словно непомерно тяжелый груз давил на дьяка Давида, когда он повторял заученный текст; кончив, стер со лба пот и с облегчением вздохнул.

– Ладно, – видимо, остался доволен ишхан. – Теперь иди с богом. Возьми с собой моего телохранителя Бена. Говори смело и уверенно.

Чуть погодя дьяк Давид, сев на коня, направился к осадившим город войскам. Улицы и крыши вновь кишели женщинами и детьми, а мужское население города, особенно молодые, с выданным ему на руки оружием поспешило занять заранее намеченные начальником гарнизона места в окраинных районах города. Начальник тоже, оседлав коня, поскакал к своим войсковым частям, чтоб сделать последние распоряжения. Он явно был недоволен ишханом, не послушался он его совета вступить в переговоры с противником, выиграть время, – послал человека с категорическим отказом. Начальник гарнизона был убежден, что это ошибка, что их ответом теперь будет наступление. «Смелость – вещь похвальная, но только тогда, когда за нею сила», – подумал он с горечью.

Совсем иного мнения придерживалась толпа людей на улицах и кровлях; все знали, что содержалось в ответе градоправителя, и взволнованно обсуждали между собой.

– Вот увидите, повернутся и уйдут, – предсказывал один.

– Пожалуй, ты прав, не посмеют они пойти против воли царя, силой занять его город.

– Все так, да царя-то тут нет, чтоб на них страху нагнать.

– Ну и что ж, что нет, город все равно принадлежит ему, и ишхан Вараз поставлен им правителем здесь.

Переговариваясь, люди не сводили глаз с рыжего рысака дьяка, который шел мелкой иноходью, сохраняя достоинство и спокойствие, словно сознавал всю ответственность поручения, возложенного на своего седока.

Вражеская конница стояла на расстоянии полета стрелы от городской черты, так что хорошо видны были не только лошади, но и копья, луки, и сейчас ясней, чем утром, потому что стоял полдень, солнце высоко плыло в синем небе, щедро освещая землю, лучи его сверкали на острие оружия и упряжи коней. Теперь совершенно ясно было видно, что город окружен со всех сторон; отряды вооруженных всадников явно с какими-то важными донесениями скакали от одного фланга к другому. С какими донесениями, холодея от ужаса, думали следившие за всем происходящим аванцы; без сомнения, они вели подготовку к чему-то серьезному.

Чем ближе подъезжал посланник, тем большее беспокойство наблюдалось в рядах войска. Чувствовалось, что и вражеская сторона с напряженным вниманием следит за всадником, который везет ответ от городского начальства.

Когда дьяк Давид и телохранитель Бен подъехали на до-

вольно близкое расстояние, от самой большой группы всадников отделились два конника. Лошади движущихся навстречу друг другу всадников неожиданно в одно и тоже время заржали, это ржание прозвучало над притихшим в ожидании городом – для одних как доброе знамение, для других – как зловещее предостережение.

Едущие наперерез один другому всадники подъехали к дьяку Давиду, обступили его с двух сторон и направили, по-видимому, к своему главному.

На кровлях домов и улицах интерес и напряжение возросли.

– Встретили... повели, – слышалось с разных сторон. – Что будет? Что скажут?..

С не меньшим волнением, только более сдержанно проявляя его, следили за посланцами воины гарнизона, притаившиеся в окраинных районах города, и ополченцы, что, только получив снаряжение, копье, саблю и лук, таились у стен липнувших друг к другу домов.

Но в этот момент больше всех, пожалуй, переживал сам дьяк Давид. Он не знал, как встретят его, как примут привезенный отказ, сочтут ли его за дипломатического посланника, разрешат ли вернуться в город или схватят, убьют, как очень часто поступали в подобных случаях. Однако отдадим должное, дьяк сохранял спокойствие и чувство собственного достоинства. Придав лицу подобающую моменту серьезность, он вел коня между сопровождавшими его с обеих сторон всадниками, считая излишним спрашивать, куда его ведут. Ясное дело, думал он, должны вести к своему главному.

И в самом деле, миновав ряды хорошо вооруженных воинов, сопровождающие его всадники подвели Давида к большому белому шатру, перед которым сидел пожилой человек с мрачным лицом, в шлеме и военном облачении, с пояса его свисали короткий кинжал и сабля в серебряных ножнах. Давид не знал, кто это, никогда не видел; приблизившись, он поклонился, не спешиваясь.

– Кто ты? – мрачно спросил тот.

– Посланник ишхана Вараза Гнуни.

– Чем занимаешься? Твое имя?

– Я – дьяк, имя мое Давид.

– Говори.

Сойдя с коня, дьяк приступил к выполнению своего задания.

– Мой господин, градоправитель Аршакавана ишхан Вараз Гнуни велел передать вам, что не может удовлетворить ваши требования. Не может возвратить ни одного человека, ибо каждый, кто нашел убежище в городе, принадлежащем государю, становится его слугой, его подчиненным. И право распоряжаться их судьбами по своему усмотрению тоже принадлежит одному государю...

Тут дьяк вдруг остановился, забыл, что дальше должен говорить. Пока он мучительно старался вспомнить, кто-то строго заметил:

— Сними шапку, посланник, ты стоишь перед великим ишханом Камсараканом.

Услышав имя влиятельнейшего ишхана, дьяк застыл на месте и уставился на сидевшего перед ним человека. Но через мгновение пришел в себя и, вспомнив наказ своего хозяина говорить смело, продолжал:

— Мой господин предлагает вам от имени нашего царя Аршака снять осаду с города и убрать войска из его окрестностей...

Перед дьяком действительно был не кто иной, как сам ишхан Камсаракан, окруженный нахарарами в таких же военных доспехах, как и он сам: никого из них Давиду никогда не доводилось видеть. Среди них находились старый кривоносый Вахевуни, все время бросавший на него гневные взгляды, Басен из Манэча, Каруц Закарэ, Вардза Апауни и другие. Камсаракан слушал дьяка насупившись и, только тот кончил говорить, прорычал:

— Твой хозяин не ишхан, а презренный раб! Мы не трогаем царевых слуг, мы хотим только своих, тех, кто от нас бежали тайно. А поелику твой хозяин не уразумел этого, он трижды глуп!

— Мой хозяин, ишхан, принадлежит известному роду Гнуни, — оскорбился Давид.

— Не ишхан, а болван! — зло бросил Камсаракан.

Воцарилось молчание. Стоявший рядом с Камсараканом кривоносый ишхан Вахевуни спросил:

— Можешь ответить, какое количество жителей насчитывает Аван твоего хозяина-градоправителя и какова численность его войск?

Дьяк понял, зачем им эти сведения, и не моргнув ответил:

— Более двадцати тысяч...

Его подняли на смех, кривоносый ишхан сказал:

— Считая кур и коз? Так тебя учил отвечать твой хозяин, ослиная башка?

Давид, сильно оскорбленный, молчал, переводя изучающий взгляд с одного вооруженного ишхана на другого. Потом опять сосредоточил внимание на мрачном лице ишхана в шлеме, зло поглядывавшего куда-то вдаль. Камсаракан не сомневался, что беглецы по доброй воле не захотят возвратиться к своим бывшим хозяевам и городские власти тоже не сдадут их добровольно.

— Я иного и не ожидал, — сказал он, резко поднявшись с места. — Ну, раз так, подобру-поздорову не хотят отдавать, заберем силой оружия.

Сказав это, он повернул голову вправо, потом влево, словно проверял готовность войска, и неожиданно изменившимся голосом крикнул:

— Немедленно начать наступление!

Посланник-дьяк побледнел, растерянно произнес:

— Значит, я могу возвратиться в город... — Он хотел было сделать шаг к своему коню, Камсаракан остановил:

— Нет, посланник, ты останешься здесь... как заложник, — и, подав знак рукой, приказал отвести его с телохранителем за шатер.

«Все, конец нам», — подумал дьяк, но сопровождающему виду не подал.

— Поживем — увидим, — сказал лишь.

А что «увидим», сам не знал. Коней их отвели в сторону, а им, подведя к отдаленному шатру, велели войти. Вокруг шатра толпились вооруженные ишханы и сепухи, они спорили между собой так взволнованно и горячо, что не заметили их приближения. Войдя в шатер, Давид опустился на стул, еле сдерживая стон в груди, изо всех сил стараясь, чтоб телохранитель не заметил, как он удручен. Между тем вокруг шатра не переставали кипеть страсти; Давид невольно прислушался, понимая, что их разговор не может не иметь отношения к происходящим событиям.

И не ошибался. Один говорил:

— Нар-ишхан страшно возмущен поведением Саака из Габехена, и сам не явился, и войска не послал.

— А без войска он не нужен, — съязвил другой. — Небось в пирах и забавах о долге позабыл.

— Нет, не забыл, а просто струсил, — с осуждением заметил первый, — ему же принадлежат слова: «Человек создан, чтоб наслаждаться жизнью, а не воевать».

— И за свое поведение понесет кару. Этого не простит ему ишхан Камсаракан, — ответил первый голос. — И правильно: нельзя прощать такое, нельзя прощать и то, что сделал ишхан из Ангеха Сурак, передал, видите ли, права на управление своими угодьями и владениями сестре и зятю, а сам сбежал в Вагаршапат.

— Какая низость! Измена! — воскликнули одновременно несколько человек.

Дьяк слушал и дивился: все, что говорили они, было новостью для него; позабыв о себе, о положении, в которое попал, не замечая присутствия телохранителя, он прислушивался к разговору затаив дыхание. А столпившиеся у шатра ишханы и сепухи продолжали горячиться, обвинять еще каких-то ишханов, пренебрегших своим долгом. Говорили, что Камсаракан явился с пятью своими сыновьями и всеми братьями, с огромным количеством войска, а иные (имелись в виду другие ишханы) послали людей, и то не очень много.

— А Меружан, обещавший помощь из Васпуракана, интересно, сдержал слово? — спросил один.

— Не совсем, — ответил кто-то, — его войско на пути к нам, но, пока оно подоспеет, мы, наверное, возьмем приступом город и уведем своих слуг.

– Да, да, всех до последнего,– резким голосом уверенно высказался кто-то.

А другой заметил:

– Нам надо спешить с этим делом, не то узнает Аршак и явится со своим войском.

– Город может без него оказать сопротивление, как вы думаете? Он располагает гарнизоном?

– Небольшим, с ним справиться – пара пустяков. Всех возьмем в плен.

Здесь дьяк не выдержал, схватил за рукав телохранителя.

– Слышишь, Бен,– прошептал он,– они собираются нас взять в плен... Наших жен... наших детей. Неужели не подоспеет царь Аршак? – Он умолк, потом, немного помолчав, снова шепотом, как бы сам себя успокаивая, сказал: – Нет, конечно же подоспеет царь и спасет всех. Пощади, господи! – перекрестился он: – Их здесь много, Бен, очень много, но ишхан Вараз не сдаст город, да и беглый люд костьми ляжет, не допустит этого.

Хорошо зная судьбу каждого из беглых слуг, дьяк понимал, что они ни за что не сдадутся без сопротивления, будут драться до последнего; значит, бои могут принять затяжной характер. Что же в таком случае произойдет с нами, оставленными заложниками, здесь, в шатре? Ну и попали же в историю!

Если наши потерпят поражение, нас тут же прикончат, и сомневаться не приходится, рассуждал он сам с собой, дивясь внутренне, почему ишхан Вараз вверг их в такую беду. Вспомнились жена и дочери, которые сейчас, наверное, с волнением ждут его возвращения. А будет ли оно, возвращение?

«Нет, они не посмеют. Царь Аршак непременно подоспеет и накажет наглецов»,– сам себя пытался успокоить дьяк Давид.

Когда с крыш домов и наблюдательных высот горожане увидели, что их посланников, дьяка и телохранителя, уводят куда-то в сторону, они невольно ахнули, многим это показалось дурным признаком; значит, ответ ишхана Вараза принят с возмущением, осада не будет снята, войско не уйдет отсюда.

Об этом догадался первым, конечно, сам ишхан Вараз, наблюдавший за всем происходящим с каменного балкона своего дома. Более того, ему было ясно, почему от человека в шлеме, который вел разговор с посланниками, врассыпную бросились конные всадники. Без сомнения, они спешили с приказом о начале наступления. Ишхан Вараз не сомневался в этом, иначе его посланцам разрешили бы вернуться обратно. Пока всадники скакали в разных направлениях к застывшим наготове войскам, началось какое-то перемещение в рядах конников, стоящих прямо напротив ишхана, и он услышал глухой топот и шум голосов. Это тоже, бесспорно, было признаком начинающегося наступления.

Вскоре уже и сомневаться не приходилось: напряженную тишину разорвал зловещий трубный призыв. У Вараза похолодело внутри. И первая мысль, пронзившая его, была: какая роковая ошибка, что мы не успели обнести город крепостными стенами!

Но предаваться сожалениям было некогда, надо было мобилизовать все имеющиеся силы, чтоб не допустить вторжения нахарарских полков в город, продержаться до тех пор, пока подоспеет царское войско. Он им задаст! А пока он повернулся и приказал:

– Передайте начальнику гарнизона и всем защитникам города, чтоб не дрогнув принимали бой: царское войско вот-вот подойдет. – Он обращал свои слова и к стоящим у дома вооруженным юношам, выражение лица его было суровое, но голос предательски дрогнул.

Услыхав приказ градоправителя, юноши мигом вскочили в седла и помчались в разных направлениях к городским окраинам. Вслед за ними и ишхан Вараз, оседлав своего вороного, с одним телохранителем, поехал к позициям вооруженных отрядов, где должен был находиться и начальник гарнизона.

Наступление нахарарского войска началось со всех сторон одновременно. Враг приближался с огромной быстротой. Под полуденным ярким солнцем поблескивали шлемы, горели острия пик и обнаженных мечей.

Конные полки нахарарского войска с устрашающей быстротой сокращали расстояние между собой и городом; они сотрясали воздух оглушительным криком, держа наготове пики и луки с натянутыми тетивами. Такого шума горожане не слыхали еще никогда. В ответ на это необычное явление подняли лай собаки, со всех кварталов доносился их истошный вой. Воинствующие клики наступающих войск, протяжный лай собак устрашающе действовали на людей, особенно пугали женщин и детей, которые тем не менее не прятались по домам, а оставались на крышах и улицах. Какая-то сила приковала их к своим местам. Были, конечно, такие, что, совсем потеряв голову, метались растерянно по городу.

Однако истинную выдержку и самообладание проявляли вооруженные защитники города, сидевшие в напряженном ожидании в укрытиях. Их было немало, очень даже немало. Начальник гарнизона, насколько это было возможно в данных условиях, наметил оборонительные позиции, определил место каждого отряда, и для гарнизонных воинов и для ополченцев, расставил силы так, чтоб все были на определенном расстоянии друг от друга и лицом смотрели на противника; каждому отряду придал одного или двух своих воинов, которые должны были помогать неопытным оборонцам, давать команду, когда нужно пускать стрелы в противника, и вообще поддерживать

боевой дух. Кроме луков и стрел в руки каждого из них вложил копье на случай, если враг подойдет на близкое расстояние. Торгом, например, кроме копья имел еще лук с колчаном для стрел, где-то добыл шлем и кольчугу из металлических колец. Его парни тоже были снаряжены несколько необычно: наголенники они спустили от колен до стопы, а верхнюю одежду туго подпоясали бечевками и кожаными ремнями. Большинство же имело обычное оружие – лук и копье; были такие, что вооружены одними топорами или тяжелыми дубинками с утолщенным концом, похожими на палицу.

Чем ближе с шумом и гиком подходила нахарарская конница, тем нестерпимей становилось ожидание, люди высовывались из укрытий, чтоб удостовериться, где противник; глаза их метали искры.

Торгому тоже трудно было усидеть на месте: он то выскакивал, взлетал по каменным ступенькам вверх и, чуть подняв голову над кровлей дома, вглядывался в приближающееся войско, то, когда замечал, что парни из его отряда вслед за ним покидают свои места, давал команду:

– По местам! Быстро!

Их было двадцать человек, бывших слуг, сбежавших из нахарарских угодий и имений, все совсем молодые, кроме друзей Торгома Вардана и Овсепа да еще одного старика, который прислушивался к шуму сверху с невозмутимым спокойствием, держа в руках лук наготове в ожидании команды. Услышав голос Торгома, молодые бежали занимать свои места.

А конные отряды нахарарских войск продолжали наступать, теперь уже пустив лошадей мерным шагом и обнажив мечи. Защитникам захотелось начать стрельбу, остановить их наглое и угрожающее продвижение, однако еще не было приказа командующего обороной.

И вдруг настал момент, – никто не знал, была дана команда или нет, – когда все, с крыш домов, наблюдательных высот, заметили, как несколько всадников, во весь опор скачущих впереди по большой дороге, полетели с коней. Увидел это и ишхан Вараз. Раздались радостные крики: «Упал! Упал!» А дальше то всадник валился с коня, то конь наземь падал, увлекая за собой седока. Но наступательное движение противника не останавливалось: лошади не могли замедлить бега, потому что напирали задние ряды, они порой раненых и убитых волочили по земле с застрявшими в стременах ногами.

Вначале нахарарские отряды не стреляли; казалось, у них была одна только цель – достичь города и занять его. Но когда аванцы начали стрельбу, стали отвечать им тем же; останавливали лошадей на мгновение, натягивали тетиву, отпускали ее и вновь неслись вперед; чем ближе подходили они, тем сильнее становилась стрельба с обеих сторон. Стрелы летели навстречу друг другу, словно по кривой, издавая дребезжащий звук, как оборванная струна.

От всего этого больше страдала наступающая сторона, по-

тому что защитники действовали, не выходя из укрытий. А противнику на всем скаку нечем было прикрыться, тем более что продвигались конники сомкнутыми рядами; почти все стрелы аванцев без осечки достигали цели. Чем ближе подходила конница, тем больше всадников выпадало из строя. Город охватывало радостное возбуждение.

— Опять упал! Смотри, смотри! — слышалось с крыш и возвышений. — Давай, давай еще! — кричали они, подбадривая своих.

Однако растерянности в рядах противника не наблюдалось; он продолжал упорно рваться вперед, перескакивая через упавших животных, порой топча их копытами. Сидевшие в укрытиях защитники видели это и старались бесперебойно посылать стрелы. Такого упорного и сильного обстрела противник не ожидал, с разных сторон на подступах к городу вдруг послышались крики, средь общего шума и гама можно было разобрать:

— Слушайте и знайте! Мы население трогать не будем... Мы требуем только своих слуг! Только своих слуг! Пусть беглецы выходят вперед!..

— Кто сам выйдет — будет прощен, кто нет — понесет наказание!

Выкрикивая, продвигались они вперед к черте города, властно требуя своих слуг, угрожающе сверкая саблями.

На их призывы защитники отвечали новым градом стрел, женщины — проклятьями и бранью:

— Сгиньте, исчадия ада!

— Убийцы! Палачи!

И громко, во все горло, не задумываясь, доходят ли их слова до слуха воюющих, подбадривали своих:

— Бей неверных! Бей поганых псов!

Видя, как падают всадники, в запале приписывали удачу своим стараниям, еще яростней начинали махать кулаками, повторяя: «Бей! Бей!..» Или, взяв ком земли, с плоской кровли швыряли в противника: «Подохнуть вам, негодяи!»

Один, различив слова, истошно заорал в ответ:

— Умрем, но не вернемся! Нас здесь много, тьма-тьмущая!!!

То там, то здесь появлялся ишхан Вараз на своем коне, и начальник гарнизона в сопровождении двух воинов объезжал позиции. Оба старались поспеть всюду, где бой, подбодрить людей.

— Держитесь, друзья, держитесь, вот-вот подоспеет царское войско!

Всегда спокойное лицо ишхана Вараза было искажено до неузнаваемости, резко обозначились морщины, завитки волос потемнели от пота и прилипли к шее и вороту капы. Широко раскрытые глаза горели, взгляд их был так прикован к скачущим всадникам, что он ничего не замечал перед собой.

Наблюдая бой, он думал: может, все-таки удастся немного

продержаться, еще немного до прихода войск... А враг напирал, бои шли на подступах к городу со всех сторон, не считая крутого склона горы, особенно труднопроходимого для коней. Враг намеревался, видимо, ворваться в город сразу с нескольких сторон.

Но взятие города оказалось не таким уж простым делом, как это думал противник, потому что защитники не только вели усиленный обстрел, но и забрасывали камнями, выбегали из укрытий, метали копья, дубинами били по головам всадников и лошадей. Некоторые стреляли камнями из пращей, приговаривая:

— На тебе, злодей, на тебе, собака, получай!

Однако весь этот крик и шум, проклятья оборонцев, вопли горожан дошли до апогея к вечеру, когда солнце стало склоняться к закату. Нахарарские конники хотели во что бы то ни стало до наступления темноты занять город, защитники же старались удержать их натиск; пускали в ход что могли: стрелы, сабли, камни, копья. Особую сноровку в ведении боя проявляли воины гарнизона, ловко и умело орудовали мечами, пиками, когда из своих укрытий целились в противника. «Бей! Бей!» — кричали они, подбадривая друг друга; им помогали горожане, швыряя в противника палки, камни. Было много раненых и среди защитников города, но их не оставляли на улицах, быстро подбирали, уносили в дома и оказывали помощь; женщины неистово кричали, набирали в подолы камни, бежали к местам схваток с врагом, чтоб забросать его камнями.

Когда день угас, бой сам собой прекратился с обеих сторон; первыми отошли атакующие войска, а потом скрылись в своих укрытиях и защитники. Хотя бой прекратился, обе стороны были неспокойны. Этой ночью никто не спал ни в осажденном городе, ни в стане противника. Там, вдали, виднелись языки пламени,— видимо, противник разжигал костры; слышалось ржание коней, топот копыт. В городе тоже все было в движении: убитых убирали, раненых переносили в дома к родным, женщины толпами спешили по улицам к местам укрытий своих близких, многие шли с едой в узелках. Со всеми вместе была и старая мать Торгома, она тоже несла поесть сыну; со слезами на глазах умоляла его быть осторожным.

— Я осторожен, маре, ты за Миной смотри, чтоб не испугалась она.

— Будь спокоен, сынок, Мина с отцом у нас дома, я от себя их никуда не отпускаю,— успокаивала сына старуха, хотя сама была ни жива ни мертва: сегодня-то сын жив-здоров, а завтра что будет?

И жена Вардана спешила вместе с матерью Торгома, очень волнуясь за сына, оставшегося с отцом; он еще утром побежал к нему и домой не возвращался. Усик спал на сухом сене в углу двора с мечом под мышкой. Накануне отец и его друзья уговаривали мальчика пойти домой, но он не согласился. Мать тщетно пыталась разбудить сына.

— Хочу быть с папо, — не размыкая глаз, твердил он и тут же снова засыпал, свернувшись калачиком на сене.

Видя, что старания ее напрасны, мать прикрыла сына сеном попросила мужа и его друзей, особенно Торгома (как начальника отряда), не оставлять его без присмотра.

— Иди, сестра, не беспокойся, посмотрим за ребенком, — заверил ее Торгом, хотя у самого на сердце было тревожно. Все время неотступно думал о завтрашнем дне, когда бой снова возобновится, о Мине... Постояв некоторое время в этих раздумьях, он вдруг сорвался с места и сказал друзьям:

— Покараульте без меня, я ненадолго отлучусь...

И вмиг исчез в темноте. Был поздний час, но дома никто не спал, ни мать, ни Мина, ни ее отец. Они сидели у светильника, горевшего на конопляном масле, молчаливые и печальные. Когда, открыв дверь, встал у порога Торгом в боевом снаряжении, в шлеме и кольчуге, все вначале перепугались, но мать бросилась к сыну:

— Вай, ослепнуть мне, это мой Торгом!

— Я пришел за ножом, — сказал Торгом, словно хотел чем-то оправдать свой приход. Немного порывшись в старом барахле, он подозвал Мину: — Выйдем на минутку.

Он первым покинул комнату. Старики увидели, что им хочется поговорить наедине, и понимающе закивали головами.

Когда Мина оказалась во дворе, Торгом взял ее за руку:

— Мина, дорогая, я здесь, чтоб успокоить тебя, не бойся, мы не пустим их в город...

— А тебя не ранят? — тревожно спросила девушка.

— Не волнуйся, я осторожен, видишь, что на мне, — он показал кольчугу и шлем, — стрелы не пробивают их. Ты смотри за мамо и папо, держись, будь мужественной.

— Не могу, я боюсь, — призналась Мина подавленным голосом и склонила голову к плечу Торгома.

— Боишься? Я же сказал, не надо, мы их не впустим в город, скоро подойдут наши войска и погонят их отсюда.

Но Мина, не подымая головы, лила молча слезы, Торгом взял ее за руки, привлек к себе и поцеловал в лоб. Девушка вскинула вдруг голову, руками обвила его шею и прижалась к нему.

— Раз говоришь, не буду больше бояться, только ты береги себя.

— Не волнуйся...

Спустя некоторое время Торгом уже был со своими друзьями.

Всю эту ночь ишхан Вараз беспокойно метался по городу. На взмыленном вороном с одним только телохранителем он объезжал оборонительные позиции, говорил с людьми, обнадеживал их:

– Держитесь мужественно, сыны мои, защищайте свой город свою жизнь. Наш великий господин царь Аршак воздаст вам за это сторицей, ваши заслуги не будут забыты. Еще немного усилий – и подоспеет помощь.

Голос его срывался, хрипел, то ли от бессонной ночи, то ли от распоряжений, которые он делал беспрерывно. Но говорил он с внутренней убежденностью, с большим чувством.

– Будем бороться до последней капли крови! – отвечали защитники, словно давали клятву.

Не сходил в эту ночь с коня и начальник гарнизона; объезжая оборонительные позиции, он проверял боевую готовность защитников и, довольный ими, давал новые указания:

– Заградите бревнами улицы, особенно те, что ведут к центру, чтоб лошади не могли перескочить через барьер... действуйте завтра без паники, хладнокровно... вот-вот подоспеют наши войска...

И эта надежда, что вот-вот подойдут царские войска, поддерживала в аванцах боевой дух, вселяла уверенность в победе. Пристально следили они за малейшим движением противника, одновременно, напрягая слух, прислушивались – не идет ли спасительная армия.

Ночь стояла теплая, звездная, свет с небес струился, делая все вокруг нереальным, похожим на сон. Казалось, эта красота взывала к человечеству: опомнитесь, люди, чем вы заняты на земле, гоните прочь зловещий призрак войны!

Между тем, не успели забрезжить рассвет и рассеяться мгла, бой возобновился.

Только появилась на небе денница, всю ночь бодрствовавший ишхан Вараз подъехал к начальнику гарнизона, в этот момент находившемуся в южной части города.

– Начинай, обрушь на их головы ливень стрел, пока они в сонной неподвижности, – сказал он.

Нахарарские воинские отряды в темноте казались сплошной неподвижной массой, целиться приходилось вслепую, но ишхан Вараз рвался в бой, в душе надеясь отбросить противника назад неожиданным ударом. Чувство ответственности перед государем и горожанами заставляло напрягать все силы, чтоб не допустить врага в город. Так как он прекрасно понимал, что силы его немногочисленны, а подготовка защитников города во многом уступает обученным войскам нахараров, ставку сделал на неожиданный удар. К его приказу начальник гарнизона отнесся с явным неодобрением, но не стал вступать с ним в спор, не возражая, послал всадников к войсковым частям и отрядам защитников, сидящим в укрытиях в разных районах города, чтоб готовились к стрельбе.

– Старайтесь попадать в цель! – напутствовал он их.

Всадники понеслись с его приказом во все концы города, и немного погодя в предрассветной мгле стрелы, как вылетевшая из гнезд стая птиц, пронзая воздух, полетели в стан врага. На той стороне началось страшное замешательство; крики,

стоны раненых, брань и угрозы перемешались с командой идти в атаку.

Началось нечто невообразимое; люди истошно кричали, угрожали друг другу:

— Сукины сыны!

— Исчадия ада!

— Бей гадов, бей подонков, давай, давай!

И схватка началась с новым ожесточением. В сумрачной дымке утра происходящее казалось кошмаром; первые стрелы достигли осаждающих, в бешенстве и злобе они кинулись к своим коням; в темноте скачущие всадники казались крылатыми чудовищами, летящими один за другим; слышались топот копыт, ржанье и фырканье лошадей. Наиболее смелые вырывались вперед, опережая остальных, и напролом неслись к городу. Однако им не удавалось достигнуть цели, они падали, скошенные стрелами защитников. И в темноте, еле различая друг друга, они вели бой, все более ожесточаясь. И так как конники уже делали попытки ворваться в город, защитники выскакивали из надежных укрытий и вступали в рукопашный бой, чтоб преградить им дорогу...

Такое положение длилось довольно долго; как только свет и тьма отделились друг от друга, вооруженные всадники противника стали вторгаться в черту города, появляясь у оборонительных позиций защитников, во дворах домов, преодолевая барьеры, неслись по мостовым...

Не оправдался расчет ишхана Вараза, внезапное нападение не привело к ожидаемому результату; отбив удар, противник вторгался в город со всех сторон. С наступлением утра все перемешалось в Аване; кричали люди, ржали кони...

Защитников с главной улицы оттесняла конница нахараров, они отступали, ведя бой; в другой части города под натиском превосходящих сил противника аванцы вынуждены были сложить оружие. Вражеское войско заняло город. И тут ярость и гнев горожан достигли предела. Когда с обнаженными мечами нахарарская конница победно понеслась по улицам, на всадников обрушился град камней с крыш домов, и не только камней, кидали в них всем, что попадало под руки женщин, стариков, детей. Все население города высыпало на улицы, кто бежал к раненым, кто искал в неразберихе близких.

Торгом со своим отрядом держался долго. Укрытие их было надежным, много людей и коней пало от их стрел, но в конце концов и им пришлось отступить под натиском врага; они побоялись попасть в плен и стали убегать задними дворами, где враг их не мог преследовать. С ними был и сын Вардана Усик с завернутым в тряпку мечом в руке.

Когда они отступали, Торгом вдруг заметил в одном конце города дым и языки пламени. Страшная догадка как молния поразила его: не поджег ли враг тростниковые вязанки, всюду валявшиеся в городе?

Уличные бои шли почти во всех кварталах. Пронесся слух, что убит ишхан Вараз.

— Проклятье! — крикнул кто-то.

Это известие вызвало новый взрыв негодования, рукопашный бой стал отчаянней. Аванцы героически боролись, все еще с надеждой взирая на дорогу, откуда должна была подойти долгожданная помощь...

Нахарарское войско громило и крушило все вокруг, оглашая воздух криками:

— Сдавайтесь, прекратите сопротивление! Мы не будем трогать население города, уведем только своих людей!

— Кто вернется добровольно — будет помилован, кто станет сопротивляться — понесет наказание! Выдайте беглецов и давайте прекратим бой!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Какие поразительные порой бывают контрасты в жизни!

В тот день, когда отряды нахарарской конницы, озверев от оказанного им сопротивления, вторглись в Аршакаван, в стольном граде царили мир и спокойствие. В его трех городских кольцах жизнь шла обычной чередой. Садоводы, обитающие вокруг крепостных стен, готовились к сбору винограда; одни чинили тачки, другие — давильни, третьи ходили между грядками и поправляли шпалеры; если лоза пригнулась к земле, подвязывали ее, если кисти оказывались на теневой стороне, поворачивали к солнцу, чтоб налились гроздья. В садах собирали персики в плетенные из прутьев корзины, ставили подпорки под ветки айвовых и гранатовых деревьев, ломившихся под тяжестью плодов.

А за крепостными стенами своими будничными делами были заняты ремесленники и торговцы; гончары обжигали глиняную посуду, выставляя ее напоказ перед мастерскими; медники с оглушительным шумом били по металлу, изготовляя кастрюли, тазы; портные, сапожники, седельщики, кузнецы и другие ремесленники занимались тем, чем обычно занимались изо дня в день. По тесным улочкам, задевая прохожих, пробирались груженые ослы и мулы, с позвякиванием бубенцов важно шествовали верблюды, их головы на длинных изогнутых шеях, казалось, парили над крышами домов, глаза с пренебрежением взирали на прохожих.

Шумное оживление царило на улицах.

Дворец же был погружен в тишину. Городской шум не проникал сквозь толщу стен; здесь слышались лишь плеск воды в бассейнах и журчание множества родников, от которых веяло приятной прохладой; в царском парке, аллеях, цветниках, на клумбах, вторя журчанию вод, беспечно заливались невидимые глазу птахи.

Поскольку стояли жаркие дни, большая часть царедворцев

находилась в своих летних резиденциях. Во дворце оставались только Айр-Мардпет, азарапет и ишхан Авнуни.

Государь, закончив завтрак, намеревался отправиться на охоту. У парадных лестниц, ведущих во дворец, его дожидались в полной готовности участники охоты с длинными копьями в руках, луками и короткими дротиками; рядом стояли, нетерпеливо перебирая ногами, заранее выведенные из конюшен и уже оседланные лошади, которых держали под уздцы слуги, а у центральных ворот крепостных стен, которые назывались Трдатовскими, помахивая хвостами, толпилось около двадцати охотничьих и гончих собак.

– Как ты думаешь, ишхан Манасп, мы к вечеру возвратимся во дворец? – спросил один из участников охоты.

– Никак нет, дорогой, – ответил ишхан Авнуни, добродушно поглаживая седеющие усы. – Царь давно не выезжал на охоту, и ему хочется вырваться из городской духоты хотя бы на несколько дней.

– Ну, а в какую сторону направляемся, можешь сказать?

– По всей видимости, в сторону Варажнунийских лесов, где много зверя.

В этот момент собаки у ворот подняли невообразимый лай, точно их всех одновременно огрели плетью.

Беседовавшие тревожно повернули головы в сторону Трдатовских врат и увидели всадника, который, соскочив со взмыленного коня, бежал навстречу.

– Где государь? – тяжело дыша и обливаясь потом, спросил он.

– А кто ты будешь, сынок? – подошел к нему Авнуни.

– Я гонец из Аршакавана.

– С какими вестями прибыл?..

– Плохими, ишхан, Аван осажден, скорей ведите меня к государю.

– Осажден? – обомлел Авнуни. – Сию минуту, сынок. – И он помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки.

Не прошло и минуты, как потного, в пыли с ног до головы вестника проводили к государю, стоявшему в приемном зале в охотничьей одежде, в высоких, доходящих до колен муйках. Когда вестник, вытирая лицо, протянул ему письмо и, стараясь отдышаться, стал рассказывать, как нахарарские полки окружили город и требуют своих слуг назад, Аршак побледнел и, швырнув плеть в сторону, вскрыл письмо.

– Вот как... – простонал он, пробежав написанное ишханом Варазом; всплыли в памяти все разговоры последних месяцев о готовящемся нахарарами заговоре, вдохновителем и организатором которого был Нар Камсаракан. А он этим слухам не придавал значения, не верил, что недруги решатся на военные действия против него, и послал в Аван всего лишь один небольшой гарнизон для поддержания порядка в случае возможных враждебных акций, да еще велел градоправителю

быть суровым, жестоко карать всякую попытку к неповиновению.

Собственно, он никогда не сомневался, что, если даже слухи оправдаются и нахарары взбунтуются, их укротить будет проще простого: откуда у противника такое войско, чтоб противостоять царской армии? Однако откуда оно взялось теперь, что дало возможность окружить город и угрожать ему?

— Ты когда оставил Аван? — обратился он к гонцу после короткого раздумья.

— Вчера утром, государь.

— И большое войско окружило город?

— Большое, государь.

— Когда оно появилось?

— Вчера на рассвете, — отвечал молодой гонец, отводя мутные, воспаленные глаза от Аршака: он учащенно моргал глазами, точно боялся, что они помимо его воли могут слипнуться. А царю показалось, что малый очень растерян и потому сведения его сбивчивы. Он решил поподробней расспросить его.

— Говоришь, большое войско? Больше, чем гарнизон?

— Да, государь, раз в пять.

— И город, значит, окружен весь?

— Только крутой склон горы остался не занят.

Белки глаз сверкнули на лице Аршака, он прекратил расспросы и, шумно выпустив воздух из ноздрей, обратился к неподвижно стоящему сенекапету:

— Позови Зарэ Аматуни. — Потом повернулся к гонцу и подавленным голосом сказал: — Ты свободен, иди.

Чуть погодя вошел молодой человек с почетной родовой повязкой золотистого цвета вокруг головы. Это был Зарэ Аматуни, помощник спарапета Васака и во время отсутствия последнего его заместитель. В эти дни спарапет находился в своем отдаленном поместье в центре области Тайк.

Войдя, юноша наклонил голову и с военной выправкой стал в ожидании.

— Вы приказали явиться, государь?

— Да, сепух. Сейчас же, не теряя ни минуты, вели направиться в Аван Вагаршапатскому гарнизону, пошли туда же роты, находящиеся на летней стоянке в Арагацотне, и сам поспешай незамедлительно.

И потому что молодой военачальник выслушал его молча, Аршак удивился:

— Однако не спрашиваешь почему?

— Я в курсе происшедшего... недавно узнал.

Молодой человек снова наклонил голову, готовясь уйти, сделал было несколько шагов, — Аршак окликнул его.

— Да, государь.

— Будь суров, слышишь? Никакой пощады мятежникам! Руби головы подряд, чтоб знали смутьяны, что значит встать

против царя. Объяви войску и народу, что я иду им на помощь.

Когда молодой военачальник удалился, Аршак дал распоряжение сенекапету Езнику сделать приготовления к его отъезду.

– Поставь в известность и начальника охранного полка Ваана Хорхоруни, чтоб и он к вечеру был в полной готовности.

Только успел Аршак закончить распоряжения, вошла разгневанная царица Парандзем.

– Знаю, все знаю... Ты тоже отправляешься? – спросила она взволнованно. – Будь тверд, государь, не щади врагов!

Ее красивые глаза, казалось, метали искры, лицо пылало и губы дрожали.

– Они хотят разрушить армянскую крепость... Такого допустить нельзя! Будь тверд, государь!

– Иным и не могу быть, – сурово ответил он.

В этот момент сообщили, что прибыл от ишхана Вараза второй гонец, который из-за ранения, полученного конем в ногу, отстал от первого. Выслушав его, Аршак рассвирепел:

– Медлить нельзя! На помощь Авану!

Через два часа конница стольного гарнизона под предводительством своего командира перешла Тапераканский мост. Вечером того же дня выступил и охранный полк вместе с государем. Он был мрачен как грозовая туча, за всю дорогу не проронил ни слова. Крепко вцепившись в поводья, напряженно гнал своего коня, а тот шел подпрыгивая, выгибая то влево, то вправо длинную шею; казалось, настроение седока передалось и животному. Аршак был в дорожной накидке, которая во время быстрой скачки то раздувалась, то развевалась сзади по ветру, а то прилипала к телу. Он несся впереди охранного полка, обогнав даже Хорхоруни. Не замечая никого вокруг, он рвался вперед, подгоняемый нетерпением. Вскоре догнали конницу стольного гарнизона, к которому уже присоединился пехотный полк из Сумари. И пехота и конники, смешавшись, взбирались по каменистому косогору: слышался то мерный топот копыт, то звон оружия, то цокот подков.

Пока дорога была видна и достаточно широка, продвигались довольно быстро, но с наступлением темноты начался подъем по узкой тропе, пешие и конные замедлили шаг. Особенно трудно приходилось животным, они поминутно спотыкались, вставали на дыбы, и всадники еле удерживались на их спинах. А склон становился все круче, дорога отвесней; порой приходилось пробираться по извилистым расщелинам. Чем больше торопили командиры, тем трудней, казалось преодолевался подъем.

Когда в походе участвует сам государь, на командиров ложится большая ответственность: надо в оба следить за порядком, держать людей в узде, чтоб не позволяли себе вольностей, не распускались и не болтали лишнего. Но воин есть воин,

в какие бы условия он ни попадал, всегда найдет момент украдкой обмолвиться словом с соседом. И когда Аршак приближался к ним на близкое расстояние, он улавливал обрывки фраз. «Почему нас так гонят? – спрашивал один своего соседа. – Враг, что ли, напал на нас, персы или еще кто?..» – «Ничего не могу сказать, тер сепух молчит...» – «А я думаю, велика беда, коль сам царь в поход пустился с нами», – дошел до Аршака приглушенный шепот.

«Правильно судит», – подумал он про себя, стегнув коня, и обогнал разговаривавших. Хотя он и не был облачен в обычную походную форму (серебряный панцирь, поверх тигровая или ягуаровая шкура, что сразу отличало государя от других), а оставался в простой одежде военачальника, его узнавали по коню темной масти и окружающим телохранителям. В одном месте кто-то из говоривших, вдруг заметив его, еле слышно предупредил других:

– Тсс, государь рядом...

Аршак рванул коня и проехал мимо. Подъем был крутой, дорога каменистая, а он стремился вперед, чтоб скорей собственными глазами увидеть, что происходит в городе. Не отставал от государя, понятно, и его охранный полк, начальник которого то и дело поторапливал воинов:

– Живей, живей пошевеливайтесь!

Но как бы ни старались люди идти быстрей, двухдневную дорогу невозможно покрыть за одну ночь, тем более что тьма затрудняла продвижение вперед. Как-то незаметно кончился вечер, и ночь вступила в свои права; мрачное, почти беззвездное небо нависло над головами, и под ногами ничего не было видать; дорогу животные угадывали чутьем и одолевали с тяжелым храпом, стуча подковами, закусывая удила... Казалось, ночь полна этими только звуками, а пути нет ни конца ни краю...

Никто не мог сказать, сколько они уже прошли, как вдруг Хорхоруни различил спереди какие-то тени. Пройдя несколько шагов, он придержал коня.

– Подождем немного, государь, – сказал он.

– Что, устал?

– Нет, государь, впереди виднеются подозрительные тени.

– Значит, надо скорей выяснить, кто такие, – нетерпеливо ответил Аршак, вглядываясь во тьму.

Через несколько секунд стали различимы фигуры людей, шла целая группа мужчин, женщин и детей.

– Кто такие? – окликнул их Хорхоруни, придав голосу строгость.

Люди, застыв в страхе, не отвечали; и только тогда, когда начальник гарнизона повторил вопрос, послышался сиплый голос:

– Беженцы мы, тер.

– Откуда? – не стерпел государь.

– Из Аршакавана, – послышался тот же хриплый голос.

Сердце бешено заколотилось в груди Аршака.

— Аршакавана?.. А что там происходит?

— Побоище, кровопролитие, пожар!

— Битва началась? — взорвался Аршак. Царский гнев мог легко выдать его, но людям было не до того, они его и не узнали. Царь продолжал — Гарнизон и население оказывают сопротивление?

— Оказывать-то оказывают, но враг превосходит силами, вооружен хорошо, а горожане идут на него с вилами да топорами...

— Что же делает градоправитель?

— Командует боем, тер.

— А начальник гарнизона?

— Тоже, тер.

«Значит, не все еще потеряно», — подумал Аршак и вдруг рванул поводья и отъехал прочь. По-видимому, ему было больно смотреть на жалких, объятых страхом и ужасом людей, ибо чувствовал себя виноватым: как он мог беспечно отмахиваться от разговоров, предупреждавших его о враждебных действиях нахараров, военных приготовлениях против него? Сведения, полученные сейчас от аванцев, показались ему преувеличенно мрачными, хотя вид людей не оставлял сомнений в их правоте. Ох, как хотелось Аршаку на крыльях полететь туда и предотвратить беду!

Но чтоб достигнуть Аршакавана, надо было идти, идти всю ночь, бесконечно долго... А успеет ли он с помощью? Так или иначе, надо спешить...

— Передай всем, пехоте и конникам, чтоб торопились, — сказал Аршак начальнику своего охранного полка, а сам помчался вперед.

Всадники под предводительством Хорхоруни последовали за ним.

Было все так же темно: звезды на небе тускло мигали, свет от них не доходил до земли, не освещал дороги; это и доставляло больше всего беспокойства Аршаку и командирам.

Пройдя еще немного, они встретились с новыми группами беженцев, которые к сказанному первыми добавили еще более тревожные вести: уже идут уличные бои, враг предает огню и мечу все на своем пути.

— А что же градоправитель?

— Убит, тер.

— Начальник гарнизона?

— Тяжело ранен...

«Надо спешить, спешить...»

«Когда наконец наступит рассвет?»

Казалось, все думают об одном и том же, словно рассвет мог принести облегчение.

Еще два или три часа пробирались они, не видя ничего перед собой, и вот в горах начал рассеиваться мрак; одна сторона верхушек мало-помалу высвечивалась, другая оставалась

окутанной тьмой. Сквозь плотный слой мглы в ущелье не было видно ни селений, ни лесов... Там, внизу, все еще погружено было в сон, а наверху, в горах, занимался день. Почувствовав его приближение, заржали кони с разных сторон и прибавили шагу, наверное в надежде добраться до цели и отдохнуть. Хотя все были утомлены бессонной ночью и трудностями пути, рассвет влил в людей бодрость и силы. Пехота сильно отставала от конницы, вырвавшейся вперед. А Аршак со своим охранным полком скакал впереди всех. Ему казалось, что одно его появление может устрашить врагов и спасти город. «Надо спешить, спешить»,— думал он и снова погонял коня... Порой оборачивался, словно проверял, где войско, следует ли оно за ним, не задержалось ли у подножья горы. Несколько человек из охранного полка все время находились вблизи, не оставляя государя одного. Среди них был, конечно, Хорхоруни, который вел своего коня почти рядом с конем Аршака; он не осмеливался заговорить с ним, хотя ему и казалось, что они слишком оторвались от полка, а это мало желательно в безлюдных местах. Аршак же неотступно думал об одном: поспеть бы, поспеть... «Никому не будет пощады, никому!» — шептал он, пригнувшись к шее коня, вперив взор вдаль, словно желая первым увидеть то, что творится в Аване.

Наконец на исходе дня, когда солнце клонилось к закату, его взору открылась чудовищная картина: там, где на ровной части горной ложбины обычно виднелся Аван с выстроенными в ряд домами, деревьями, с возвышающейся на пригорке церковью, теперь стоял сплошной дым, из которого временами, как огненные столпы, вырывались языки пламени.

Аршак остановил коня, чтоб лучше разглядеть. Но как ни напрягал зрение — ни в городе, ни вокруг людей не замечал. В глубине долины и на склоне горы кое-где виднелся скот... Но когда он, чуть приблизившись, взглянул на западную часть города, увидел огромную людскую толпу, которая двигалась вниз по ущелью.

— Смотри, сепух Ваан, видишь, что там? — показал Аршак, обращаясь к стоящему рядом с ним начальнику полка.

— Вооруженные отряды, государь,— ответил Хорхоруни, прищурив глаза.— Пехота и конница,.. Нет, извините, государь. Кажись, всадники ведут под конвоем безоружных людей... среди них и женщины.

Все стало ясно Аршаку, и первое, что он почувствовал,— боль и досаду: горстка мятежных нахараров напала на его город, предала его огню и мечу и теперь уводит народ в плен... Город, в котором процветали торговля и ремесла, где кипела жизнь,— сровнять с землей? разве такое можно оставить безнаказанным?

Кусая губы, он внимательно всматривался в удаляющуюся толпу людей и вскоре сам заметил всадников, конвоирующих безоружную толпу, они гнали женщин и мужчин, как стадо баранов...

Он, возможно, еще долго не мог бы оторвать глаз от этого страшного зрелища, если б не топот копыт и ржанье коней; оглянувшись, Аршак увидел передовую конницу своей армии во главе с помощником спарапета Зарэ Аматуни. Оставив его приветствие без ответа, он крикнул:

– Смотри, смотри, Аматуни,– он рукой показывал в направлении удаляющейся толпы,– вон наши враги! Они угоняют население Авана в плен. Спеши расправиться с ними! Только осторожно действуй, чтоб пленные не пострадали... Часть конников отправь в город тушить пожар!..

Большая часть конницы с дробным стуком подков понеслась по кремнистой дороге к теснине. Некоторое время Аршак не двигаясь наблюдал за их нисхождением, потом тронул своего коня, обратившись к начальнику охранного полка:

– А мы поскачем в Аван!

Хорхоруни последовал за ним.

Когда царь вместе со своим конным отрядом подъехал к городу, тот весь дымился; уже издали слышался удушающий запах паленого и гари; когда же они ступили на одну из окраинных улиц – увидели трупы женщин и мужчин, распростертые под стенами домов, рядом с некоторыми из них валялись копья, дубины... но большей частью здесь были безоружные люди, лежавшие в лужах крови в разодранных одеждах; там и сям попадались полуобугленные дома, тлеющие и дымящие тростники и бревна... Из каких-то укрытий порой выскакивали люди, женщины и мужчины, и в страхе метались по улицам. Очевидно, это были остатки тех горожан, которые вели уличные бои с противником и теперь прятались при малейшем цокоте копыт.

– Какое варварство! – невольно вырвалось у Аршака.

Чем дальше продвигались они, тем больше видели полуистлевших, обвалившихся домов. Пожар, по всей видимости, начался со складов и сараев, прилегавших почти ко всем домам, где хранился тростник, от них переметнулся к деревянным перекрытиям и камышовым настилам крыш. У охваченных пламенем домов можно было видеть женщин, детей, которые вытаскивали на улицы ковры, одежду, узелки и домашний скарб. Везде на улицах были трупы и стонущие раненые. Особенно гнетущее впечатление произвела на Аршака и его людей одна картина. Став на колени, два человека старались вытащить стрелу, вонзившуюся в спину раненого, последний истошно кричал:

– Не трогайте, молю, отпустите меня!

При приближении оказалось, что раненой была женщина.

Аршак поспешно отошел, чтобы не видеть страданий несчастной и не слышать ее душераздирающих воплей, звучавших в его ушах укором и обвинением.

«Нет, пощады им не будет...» – со скрежетом сжал челюсти царь. Перед его мрачным взором вставал красивый, мирный город, каким он его оставил в свой последний приезд. И сколь-

ко тогда народу было на улицах, на крышах домов, горестно думал он. Где они? Прячутся, убиты врагами, угнаны в плен? Боже, почему их так мало осталось? Почему безлюдны улицы? Везде трупы, трупы, лежащие ничком, распластанные на спине... Когда Аршак со своими конными телохранителями свернул на одну из узеньких улочек, люди, возившиеся с ранеными, женщины, мужчины и даже дети, бросились в испуге врассыпную.

Заметив это, один из телохранителей подался вперед:

– Не разбегайтесь, люди, не бойтесь, едет государь...

На этот крик с лежащего на улице трупа поднялась растрепанная, в лохмотьях, старая женщина и, воздев кверху темные от копоти руки, повернулась к подъезжающим, на лице ее, тоже вымазанном сажей и копотью, неестественно ярко горели глаза.

Она на миг задержала взгляд на государе и неожиданно вскричала:

– О царь Аршак! О царь Аршак, почему ты нас сгубил, почему привел сюда и оставил беззащитными?! Почему?! Почему?!

«Нет, никому, никому пощады не будет, каждый получит смертный приговор»,– думал он в волнении, потом стегнул коня и отъехал прочь. Он свернул на другую улицу, но не проехал и нескольких шагов, как заметил еще одну старушку; она разжигала костер из тростника и над пламенем держала деревянный крест. Это было так странно, что Аршак приблизился.

– Что делаешь, мать? – спросил он, останавливаясь.

– Пусть сгорит, превратится в прах ваш крест... Врет новый бог со своим крестом... Столько молилась я перед ним, столько стояла на коленях. Не помог, не помог! Двух сыновей убили, трех забрали в плен... Уничтожу я этот крест, чтоб пришли всеслышащие и всевидящие старые боги. Что толку, что мы освятили новую церковь, разрушить надо было ее до основания, бессильна она...

– Несчастная мать... – прошептал один из телохранителей.– Не в своем уме.

– Нет, она в своем уме,– ответил Аршак, отъезжая,– только разуверилась и в боге и во мне.

Выбравшись из города, он долго хранил мрачное молчание. Ждал вестей от полка, преследовавшего нахарарское войско, чтоб решить, что делать дальше. Он ни минуты не сомневался, что его воины наголову разобьют врагов и вернут освобожденных пленных. Ох, как хотелось ему, чтоб вместе с пленными привезли они с собой взятых под стражу вероломных нахараров, виновников этих непостижимых бедствий...

Ему не долго пришлось ждать. Вскоре из теснины показались несколько всадников, скачущих как-то странно один за другим. Точно они бегут от чего-то в смятении и страхе... Почуяв что-то неладное, несколько телохранителей из личной охраны государя, среди которых находился и Ваан Хорхоруни,

ринулись им навстречу. Приблизившись к скачущим всадникам, они услыхали:

– Мы терпим поражение...

– У противника несметные полчища, а наши кони выбились из сил...

Один из говоривших был помощником спарапета Зарэ Аматуни. Путаясь от волнения, доложил об обстановке Аршаку, белки блеснули у царя.

– Возьмите и второй полк, пленных непременно освободите, слышите! – скомандовал он.

В этот момент с шумным топотом подошла другая часть конного полка. Всадники пытались остановить своих коней, когда Зарэ Аматуни крикнул:

– За мной! – и направил своего коня к теснине.

Только что прибывший полк с гулким топотом повернул лошадей и последовал за ним.

Дорога из Аршакавана спускалась вниз к ущелью и шла к Багреванду; она извивалась, взбиралась на холмы, порой круто бежала вниз; попадались и места, откуда ясно виделся людской поток, двигавшийся по ущелью.

Заходящее солнце играло на гибких копьях и остриях сабель, золотило клубы пыли на дороге. Воины с острым зрением различали то всадников с пиками, то бредущих безоружных людей. А в том же направлении по склонам гор двигались отряды, вооруженные копьями. На вопрос, кто это такие, один из встретившихся аванцев объяснил, что по теснине следует нахарарская конница, которая конвоирует угнанное население, а по склонам гор бегут близкие и родные попавших в плен людей, наверное, хотят узнать, куда ведут их, или, быть может, хотят помочь спастись...

За выступившим под предводительством Зарэ Аматуни вторым полком метнулся и царь, бросив команду:

– Вперед!!!

И конный отряд, хотя и усталый, понесся стремглав к теснине; казалось, нахарарские войска, увидев эти новые отряды всадников, устрашатся, пустятся в бегство; но конвоирующие пленных отряды, заметив приближающуюся царскую конницу, сначала остановились, потом резко повернули головы коней, чтоб пойти наперерез врагу... Однако в тот самый момент случилось нечто неожиданное: со склонов ринулись вниз вооруженные толпы людей, пошли на слияние с воинами царской армии. Их возглавлял некто в каске и панцире с длинным копьем в руке.

Царь Аршак на своем коне темной масти, окруженный телохранителями, стоял на вершине холма и неотрывно наблюдал за происходящим. Широко раскрыв глаза от удивления, он смотрел и ничего не понимал. Лицо его от волнения было бледно, глаза лихорадочно горели. Он нетерпеливо ждал сведений от конного отряда, дополнительно брошенного в бой, надеясь, что на этот раз удастся сломить сопротивление нахарар-

ских войск, отбросить к границам их владений, вернуть угнанных людей в город, а может, еще взять мятежников в плен... Тогда он сам свершит свой суд над ними... сам.. собственноручно!

Но противник и не думал сдаваться; он оказывал ожесточенное сопротивление, один за другим падали воины царской конницы. Началась перестрелка с обеих сторон, и теснина наполнилась оглушительными криками и воплями людей.

Схватка была горячей, противник находился на расстоянии полета стрелы, воины целились из луков на скаку, слегка придерживая коней и громко подбадривая друг друга:

– Еще, еще!

Издали наблюдал Аршак за всем этим, слышал голоса их и сжимал челюсти так сильно, что мышцы передергивались на лице. Хотелось громко крикнуть своим воинам: «Не падайте духом! Бейте гадов, не жалейте их!» Но он сдерживал себя в надежде, что вот-вот наступит наконец долгожданный перелом.

Между тем противник ожесточался, упорней вел бой, ему на помощь подходили все новые и новые подкрепления: это возвращались с дороги уходящие части и включались в бой.

Некоторое время царь Аршак напряженно следил за ходом событий, сжав кулаки и сотрясаясь всем телом от гнева; его волнение, видимо, передалось коню; он стал вздыматься на дыбы, беспокойно мотать головой и рваться вперед, это словно подстегнуло Аршака, он вонзил шпоры в бока животного и понесся с холма вниз; за ним последовал и полк телохранителей.

Столкновение между сторонами приобретало опасный оборот, бой перемещался с дороги и холмов в долину.

– Пошлите гонца, чтоб подошла на подмогу пехота, скорей!.. – приказал Аршак на скаку.

Но схватка, вопреки ожиданию царя Аршака, в этот день не закончилась. Не таким простым делом оказалось сломить сопротивление взбунтовавшихся нахараров. На следующий день бой переместился в Коговит и стал еще ожесточенней...

Коговит...

Эта небольшая долина Страны Армянской с незапамятных времен была ареной жарких, кровопролитных боев с иноземными захватчиками. Больше всего здесь происходило столкновений с персами, когда они вторгались в пределы страны. Именно Коговит принимал на себя первый удар врага, первым оказывал ему сопротивление. Старое название долины было Ког. По ней бежала небольшая речушка Рыбенка, которая вытекала из озера, носящего то же название. Со всех сторон долину окружали скалистые горы, на вершинах которых снег не задерживался, такие они были острые и крутобокие.

Одна из этих гор называлась Екджерн[1], она напоминала голову оленя с двумя торчащими рогами.

Плодородием долина не отличалась, однако на ней располагалось много деревень, население которых хоть и жило на скудные урожаи от земли, зато пользовалось щедрыми дарами природы: на склонах прилегавших к селам гор было много озер, богатых рыбой; одно из них носило название Красное, другое — Белое, третье — Бездонное, четвертое — Гусиное.

Селения здесь находились на небольшом расстоянии друг от друга, их разделяло не более чем полпарсаха[2], а то и меньше. Справа по течению реки располагался Мардуцан, чуть поодаль от него — Дарак, за последним Аранц и другие. На противоположной стороне реки — Сарак, весь утопающий в плакучих ивах, за ним виднелся Теперсвиз, где росли только тополя и могучие ореховые деревья, а уже за всеми названными селениями — Тондрак, получивший свое название от знаменитой горы, той самой, которая раз в десять — двадцать лет просыпалась ото сна и выбрасывала из своего чрева дым и пепел, напоминая голову великана, попыхивающего исполинской трубкой.

Достопримечательностью этих мест был замок Даронк, принадлежавший роду ишханов Багратуни. С высот его крепостных башен хорошо обозревались серебристая лента реки Рыбенки, селения, прячущиеся в зелени деревьев, а по обоим берегам пашни, огороды, над которыми светило мирное солнце. Покой в этих местах нарушался только тогда, когда персы нападали на страну.

Однако нынче все тут были охвачены тревогой, особенно население Тира и Аранца.

Был месяц Навасард, дни стояли теплые, ночи прохладные, дозревали колосья на нивах, вот-вот должен был начаться сбор урожая; землепашцы молили бога, чтоб он уберег поля от ливней и града.

И потому что основой жизни коговитцев было выращивание пшеницы и бахчеводство, они возделывали свои поля и огороды с особой тщательностью, на пашнях и у грядок можно было видеть мужчин с мокрыми лопатами, женщин, девушек в пестрых платьях, отовсюду слышались песни и смех...

Однако уже семь дней, как прекратились все сельские работы в Коговите.

Вот уже семь дней подряд армяне воюют против армян, царские полки против нахарарских войск.

Первый день выдался страшным, с огромными потерями для обеих сторон. Но и следующий день оказался не менее ожесточенным, то одна сторона наступала, то другая. Отступающие топтали нивы и огороды, наступающие преследовали

---

[1] В слове есть корень «рог».

[2] Парсах — мера длины, равная приблизительно 5000,3 метра.

противников, сметая все на своем пути. Каждая из сторон преследовала одну лишь цель: во что бы то ни стало уничтожить противника, и тут уж воинам было не до посевов, не до грядок...

Земледельцы приходили в ужас, совершающееся на их глазах было подобно божьей каре, стихийному бедствию, граду. Да только град бьет день или два, не может идти подряд неделями, а этому бедствию не было конца. Но это не все: то наступающие, то отступающие с криком, шумом проносились через селения, в такие минуты несчастные жители прятались в домах, чтоб не попасть под ноги лошадям, не сделаться жертвой случайной стрелы; когда же на улицах стихало, с опаской выходили и не успевали с облегчением вздохнуть – снова раздавался топот копыт; теперь преследователи превращались в преследуемых, и так по нескольку раз на дню. Порой воины устраивали засады прямо в домах, погребах и оттуда вели обстрел противника. Стычки, крики, шум на улицах не кончались. Обе стороны были вооружены луками и пиками. Последние пускались в ход, когда бой шел на близком расстоянии. И нахарарские воины, и царские, покидая селение, оставляли на улицах раненых и убитых.

Так происходило днем. Как только наступала ночь, бой прекращался. Тогда воины, оказавшиеся в селении или близ него, все равно – царские или нахарарские, рыскали по домам в поисках еды, требовали хлеба, молока, мяса. Селяне уже не знали, куда упрятать свои запасы, как самим на глаза не попадаться. О, если бы они могли спрятать еще и сено! Не спрашивая разрешения у хозяев, воины охапками брали его и подбрасывали лошадям или просто подводили животных к стогам. Голодные, те набрасывались гуртом и объедали их со всех четырех сторон, так что они обваливались, как скошенные, или оставались стоять, как огромный гриб на тонкой ножке.

Три дня назад бой шел у селения Аранц; накануне царские войска потеснили нахарарские части, отбросив их к Тиру, и теперь военные действия разворачивались на прилегающих к этому селению нивах и лугах.

Царские полки сосредоточились на склонах горы до берегов реки, где трава была уже скошена, сложена и заскирдована, а нахарарские войска заняли все пространство от подступов к селению до начала огородов и токов.

Аршаку шатер разбили на пологом склоне горы Тондрак, откуда открывался вид на всю долину с островками крыш, садов, с единственной речкой, петлявшей между селениями; она казалась огромной змеей из волшебной сказки, которая ползла в поисках жертвы, переливаясь серебристой чешуей.

В первый день боев царь Аршак находился среди воинов. Без обычной своей накидки, просто одетый, появлялся то тут, то там, подбадривая воинов: «Бейте, бейте, не жалейте преда-

телей!» Однако на следующий день, по настоянию командиров, вынужден был держаться на расстоянии от военных действий и только иногда, чтоб видеть, что творится, выходил из шатра, всматривался в даль. Сердце царя сжималось от боли, когда нахарарские войска подминали его роты. По ночам от переживаний и волнений не мог совсем сомкнуть глаз. Порой вспоминалась Парандзем, и тогда он с болью думал: «Ну что я могу ей писать, какие вести слать?»

Бывало, он вызывал своего письмоводителя Езра, чтоб продиктовать письмо царице, но каждый раз передумывал, откладывал «на завтра», потому что положение на фронте не улучшалось, а огорчать ее не хотелось. Выбились из сил, измотались и воины. Весь день в жарких боях, они с наступлением ночи в чем были, не снимая доспехов, валились на землю; но не всем удавалось заснуть, дневные кошмары преследовали, не давали покоя. Лежали они на голой земле, над головой – звездное небо, вокруг – сплошные горы, где-то поблизости – противник... и каждый думал, что будет с ним завтра, останется ли в живых, падет ли бездыханным, как многие пали сегодня, вчера, позавчера... Мысли всех кружились вокруг одного – когда же кончится эта неожиданно возникшая страшная война, в которой армянин идет на армянина...

Всеми боевыми действиями государевой армии руководил Зарэ Аматуни вместе со своим помощником ишханом Сураком Ангеха, тем самым, что несколько месяцев назад прямо после ишханского совета отправился к царю и оповестил его обо всех событиях, происходящих в замке Камсараканов. И Зарэ Аматуни и ишхан Сурак были в кольчугах, напоминавших чешуйчатую рыбу, щиты их были из чистой стали. Каждый вечер, когда утихал бой, сотники приходили к ним для получения дальнейших заданий, после чего оба командира направлялись к государю, чтобы вместе с ним обсудить план действий на следующий день, думали, к каким прибегнуть тактическим приемам, чтоб наконец поставить на колени противника. Аршак был неумолим:

– Что хотите делайте, только снесите головы мятежникам, схватите злодеев!

Зарэ Аматуни, насколько позволяли ему опыт и знания, действовал обдуманно, проявляя находчивость. Но враг был силен; не однажды царским войскам приходилось отступать под натиском превосходящих сил противника, но раза два и Зарэ удавалось обращать в бегство нахараров; в такие минуты он несся стремглав со своей конницей по полям и пашням, приводя в ужас бедных земледельцев.

– Безбожники проклятые! – кричали вслед всадникам они.

– Хотят воевать – пусть воюют друг с другом, при чем тут мы?

– Мало им – тащат хлеб, сено, а теперь еще топчут созревшие поля. Гнев божий на их головы!..

Селение Тир славилось своими аистами, свивающими гнезда на ветвях высоких деревьев. Стоя на одной ноге, они смотрели на летящие внизу стрелы и тревожно курлыкали. В этом крике селянам и воинам слышались укор и осуждение, суеверным страхом наполнялись их сердца, когда птицы выпархивали из гнезда, вспугнутые бегом конницы или сильной перестрелкой. А раз на глазах у всех стрела попала в аистенка, селяне в этом усмотрели грозное предзнаменование.

– Проклятие небес, не иначе!..

От шума грохочущих по дорогам копыт, крика и бряцанья оружия приходили в неистовство собаки; лай, вой, вопли людей – все смешивалось, сотрясая селение. Слыханное ли дело, спрашивали люди друг друга, чтоб не персы шли на нас, а армяне, чтоб свои же воевали против своих?

– Когда они уберутся, когда? Господи, смилуйся, пощади нас, грешных, – крестились они в ужасе.

С вопросом, когда кончится война, селяне обращались и к нахарарским воинам и к царским, ни те, ни другие ответить ничего не могли. Им тоже больно было смотреть на истоптанные нивы. Но что они могли поделать?

– Не знаем, – говорили они, отводя глаза, – подождем, посмотрим, что и как.

И действительно, создавалось впечатление, что обе стороны чего-то выжидают, причем важного. С наблюдательных постов стремглав мчались в разных направлениях дозорные верхом или пешими, что-то долго высматривали, потом возвращались назад. Порою можно было наблюдать и с той и с этой стороны одну и ту же картину: два-три человека карабкаются на уступ скалы и оттуда обозревают местность. Дело было в том, что обе стороны ожидали подкрепления. И когда оно прибывало на радость одной стороне – другая, терпя поражение, отступала.

«Сколько же такое может продолжаться? – недоумевали селяне и воины. – Почему государь не бросает в бой все военные силы страны, чтоб положить конец этим бессмысленным жертвам? Ведь количество нахарарских войск не может превышать численность регулярной царской армии». Вслух высказывали свое недоумение и селяне, и воины, и те горожане, что присоединились к полкам царской армии во время бегства из Авана. Так думал и Торгом, искренне пораженный тем, что царь допускает подобное положение; он считал его всесильным, непобедимым, а вот поди... не может справиться с нахарарами. «Что ему мешает это сделать?» – задавался мучительным вопросом он.

Однако тут нелишним было бы спросить, как попал Торгом в царскую армию.

Читатель, наверное, помнит: когда армия Аршака приближалась к городу, многие заметили высоко по склону горы продвигающуюся многочисленную группу вооруженных людей, которая шла параллельно воинам, угоняющим в плен аванцев;

помнит, как они, заметив царские полки, спустились вниз под предводительством человека в броне. Этим человеком и был Торгом. Его отряд пошел на соединение с царскими воинами и вместе с ними вступил в бой с врагом. С Торгомом было много беглых слуг-аванцев, были и его друзья Овсеп и Вардан, даже Усик, не отходивший от отца с самого начала боев, причинивший своим упрямством столько хлопот и беспокойства ему и его друзьям. С осложнением положения в городе Вардан решил отослать мальчика к матери, но тут неожиданно закрылись дороги, а когда нахарарские конники были на подступах к городу, отец уже не отпускал его от себя.

Мальчонка остался в отряде; тяжелая забота легла на плечи Вардана; каждый раз, когда ему надо было выходить из укрытия, вступать в бой, он поручал кому-либо из своих присмотреть за ним. Правда, заботу о малыше в равной мере разделяли и друзья, особенно Торгом, который приносил ему еду и всегда наказывал Усику не отходить ни на шаг от места, где его оставляют взрослые.

— А мой меч не возьмешь? — все приставал он к Торгому.

Ему казалось, что его оружие чудодейственно, достаточно взмахнуть им — и враги полягут...

— Держи, держи его при себе, — говорил ему Торгом, — может, и понадобится.

Вначале ни у Торгома, ни у его друзей не было коней, воевали они как пехотинцы, но потом им выдали по одной из тех нахарарских лошадей, с которых защитники города сбивали седоков; теперь они получали приказы военачальника, выполняли боевые задания, несясь галопом, как истинные воины.

Торгома трудно было узнать, так он изменился: осунулся, исхудал, весь оброс и почернел; неделями не снимал с себя доспехов, спал прямо в шлеме и броне, где попало.

Он был простой селянин, не обученный военному делу, однако в боях за последние десять дней приобрел опыт, научился стрелять, и даже довольно метко, как уверяли друзья. Натягивал тетиву и, плотно сжав зубы, сосредоточенно пускал стрелу только тогда, когда был уверен, что она попадет в цель. Торгом все любил делать обстоятельно и сейчас старался попасть не столько в воинов, сколько в нахараров, ибо их считал виновниками всех бед. Только ведь поставил дом, только собирался начать жить, все перевернули вверх дном, душегубы... Можно забыть убитых, лежащих на улицах? А что стало с матерью, Миной, ее отцом? Он ничего не знал...

Разные поступали вести из города: одни утверждали, что с помощью населения царским воинам удалось затушить пожары, другие говорили, что город все еще горит и люди бегут кто куда, в соседние селения, в горы. Сказывали еще, что многие попали в плен. Торгом, кого ни спрашивал о своих, никаких сведений о них получить не мог. Сердце сжималось от боли: как узнать, где родные, что с ними? Дом, быть может, сгорел, родные остались без крыши над головой...

Мучимый этими думами, он раз обратился к Вардану:

– Слушай, друг, а не пойти ли нам в город и не разузнать ли о своих?

– Я и сам хотел бы это сделать, – ответил Вардан, – да, может, завтра-послезавтра наступит конец этой войне...

И Торгом остался, в надежде, что в скором времени война действительно кончится и тогда все вместе возвратятся в город.

Чем больше предавался Торгом мыслям о судьбе своих близких, тем больше мрачнел, порой комок подкатывал к горлу – и тогда оставалось только одно – натянуть лук и пустить стрелу, чтоб излить всю желчь и досаду на голову противника.

Никогда прежде не бравшие оружия в руки, Торгом и его друзья теперь не расставались с ним; вместе с царскими воинами шли в бой, вместе пили-ели, вместе несли дозор, вместе водили на водопой лошадей.

Как-то раз Торгому выпало на долю нести ночной дозор; он должен был охранять ночной покой воинов, бдительно следить за противной стороной, а в случае, если заметит что-нибудь подозрительное – немедленно дать знать командиру.

Ночь была теплая; небо низкое, обложенное облаками; на расстоянии пятидесяти – шестидесяти шагов трудно было что-либо различить; Торгом слышал только плеск прохладных волн реки, откуда-то доносившийся недовольный лай собак, а иногда шорох налившихся колосьев, – нивы выделялись в ночи тусклыми белесыми пятнами; когда же колосья не шевелились, казалось, что земля покрыта огромными циновками. Днем над несжатыми полями кружились стаи перепелок, слышался стрекот кузнечиков; по ночам же, как и сегодня, пели сверчки да стоял глухой, однообразный рокот реки.

Всегда, когда Торгом оставался наедине с самим собой, безрадостные мысли одолевали его, он очень сожалел, что в последний момент, перед тем как покинуть город, не забежал к своим, оставил их в тяжелую минуту одних. Впрочем, как он мог успеть это сделать, ведь все свершилось с такой молниеносной быстротой... враг ворвался в город со всех сторон...

Прохаживался в задумчивости Торгом взад-вперед; слева простирались нивы, справа, в десяти – двадцати шагах, спали воины; дойдя до определенной точки, он поворачивал назад, медленно, тихо ступая, оглядываясь по сторонам. Который был час – трудно сказать, вдруг на фоне белесых пятен нив мелькнула тень, – казалось, кто-то движется по полю со стороны селения прямо на него. Кто это может быть?

Торгом остановился, пристально всмотрелся. Тень приближалась, вот она все ближе и ближе – и вдруг исчезла в зарослях.

«Человек ли, животное какое-нибудь? – пронеслось в голове. – Сообщить сотнику или немного обождать, может, выяснится...»

Торгом стоял не шевелясь, устремив взгляд туда, где, ему показалось, исчезла тень. Ничто не нарушало тишины и покоя. Он стал уже терять терпение, как вдруг опять мелькнула тень, на этот раз она была короче, словно кто-то подкрадывался к нему согнувшись.

Торгом сделал несколько осторожных шагов, всмотрелся. Удивительное дело: тень то удлинялась, то укорачивалась. Теперь уже Торгом не сомневался, что это человек, но не мог понять, что тот делает. Движимый любопытством, он подкрался к нему ближе, и тут, услыхав знакомый звук, понял: человек жал поле...

Отлегло немного от сердца Торгома. «Но надо все же выяснить, кто это», – подумал он, уже вплотную подходя к нему.

Тень замерла, ни звука.

– Кто ты будешь? И что тут делаешь? – спросил Торгом шепотом, как говорят, когда рядом кто-то спит.

Так как человек продолжал молчать и стоял, словно пойманный на месте преступления, Торгом повторил вопрос:

– Кто ты, вор?

– Почему вор? – заговорил наконец человек обиженным голосом. – Поле мое, брат, и я его жну, чтоб пшеница не пропала под копытами животных.

Подозрения совсем рассеялись, и Торгом, несколько растрогавшись, сказал:

– Ладно, делай свое дело, только смотри, осторожно...

Почему «осторожно», он и сам не знал; постоял, полюбовался, как жнец ловко орудует серпом, потом спросил:

– Семья у тебя большая?

– Двенадцать душ.

Торгом задумался, затем, внимательно осмотревшись, пригнулся и стал помогать селянину; убирал и складывал сжатые колосья в снопы, тихо расспрашивая его о житье-бытье, сколько земли у него, сколько живности. По скупым ответам понял, что, кроме этой нивы, у человека за душой ничего не было, единственную телку зарезали день назад воины царской армии. Удовлетворив любопытство незнакомого воина, селянин и сам стал задавать вопросы.

– Когда конец этой войне, братец, не знаешь?

– Когда будут разгромлены нахарарские войска, – ответил Торгом.

– А будут они разгромлены?

– Обязательно.

– Но ведь они армяне...

– Да, но плохие армяне, потерявшие совесть армяне.

Сказанное, видимо, показалось селянину не очень убедительным, он замолчал, продолжая ритмично работать серпом.

Еще немного повозился с колосьями Торгом, потом возвратился на место; и так до рассвета все ходил, посматривал на жнеца, словно охранял его, чтоб никто не посмел ему помешать.

Что и говорить, все в душе сочувствовали селянам, попавшим в беду: с одной стороны царское войско топтало их поля, с другой – нахарарское. Как меж двух огней оказались они. А несколько дней тому назад, преследуя вражеский отряд, Торгом на окраине одного селения стал свидетелем следующей картины: прямо на дороге у околевшей коровы сидела старушка и, ударяя себя по коленям, обливалась слезами, посылая проклятья на головы воинов. То ли нарочно, то ли случайно – в корову кто-то попал стрелой.

– Зачем поносишь воинов, мамо? – упрекнул Торгом, подходя к ней. – Ты лучше прокляни нахараров, ишханов, что развязали такую войну.

Старушка встрепенулась:

– О, чтоб пусто было и ишханам и царю, все одним миром мазаны, провалиться им в преисподнюю, сплошные беды от них!

Коговитские селяне прекрасно понимали, что царем движет чувство мести за разрушенный нахарарами Аршакаван. Но дни проходили, а ему не удавалось справиться с врагами, неопределенность положения мучила. Уж скорей бы, думали селяне, кто-нибудь из них взял бы верх и положил конец этой разрушительной войне; можно было бы с полей собрать то, что осталось незатоптанным, избавиться наконец от голодных ртов, все время требующих хлеба, яиц, молока, особенно от прожорливых лошадей, которых нужно кормить сеном, овсом, потому что нельзя пускать на луга свободно пастись – война же. Когда от селян требовали еще корма для животных, они начинали причитать:

– Откуда? Где взять? Был бы овес, ячмень – сами бы ели, не умирали с голоду.

Но кто их слушал? Врывались в дома, переворачивали все вверх дном, обыскивали погреба, амбары, заглядывали в хлева.

Найденное уносили, не обращая внимания на мольбы и слезы. Если же не удавалось найти, требовали с угрозами, чтоб показали, куда все спрятали. – Боже, спаси нас от этой напасти! – молились селяне.

То ли седьмой день боя шел, то ли восьмой, когда к цареву шатру направился в сопровождении двух телохранителей владелец крепости Даронк ишхан Саак Багратуни.

– Я прибыл к вам, государь, с мольбой великой – прекратить эту братоубийственную резню и возвратить моей земле утраченные мир и покой.

Хмуро глянул царь Аршак на владетеля Даронка, мужчину крупного и весьма привлекательного собой, как все Багратуни.

– Почему ты с той же просьбой не обращаешься к этому ... Камсаракану и прочим?

– Обращался, государь; прежде чем к вам явиться, я поехал к ним. Они сказали: «Если государь согласен, мы тоже сложим оружие».

– Вот как! – сверкнул глазами Аршак.

Саак Багратуни, стоя перед государем, изучающе смотрел на его лицо, дивясь изменениям, происшедшим в его внешности.

– А какое ты держишь войско, ишхан? – спросил вдруг Аршак после минутного молчания.

Вопрос был неожидан.

– Какое войско? Очень немногочисленное, государь, – с недоумением ответил ишхан Багратуни.

– Какое бы ни было, ишхан, собери его и иди бить неугомонных нахараров, тогда будет то, чего жаждешь ты, – мир.

Багратуни был сбит с толку.

– Вы предлагаете и мне принять участие в братоубийственной войне? – краснея, спросил он.

– Мятежные нахарары тебе не братья, ишхан. Они смутьяны, нарушители мира и спокойствия в стране, и ты своим участием поможешь мне восстановить мир. Если же откажешься, я тебя причислю к своим недругам, действующим с ними заодно.

Ишхан изменился в лице.

– Род Багратуни всегда был верен царской короне, государь, – с трудом вымолвил он.

– Вот тебе и предоставляется возможность доказать истинность этих слов. Я буду тебя ждать, ишхан, – и царь, считая разговор оконченным, повернулся к сенекапету: – Проводи ишхана.

Саак Багратуни вышел из шатра бледный, взволнованный. Он весь сник и не казался уже таким крупным и плечистым, как несколько минут назад; лицо его выражало растерянность и тревогу. На что он рассчитывал – на то и напоролся. Как теперь быть?

А Аршак, сидя в шатре, думал: выполнит ли он его требование, пошлет хотя бы сотню или увильнет?.. Он теперь, по правде говоря, и сам не прочь был бы закончить войну, но противник вел себя активно, а это вынуждало продолжать военные действия, напрягать силы, чтоб, сломив сопротивление, добить его; а потом, когда развяжутся руки, размышлял он, сейчас же начну восстанавливать город и строить крепость. Тут он с болью подумал, что нет больше преданного ишхана Вараза, с таким умением и старанием претворявшего его замыслы в плоть и кровь.

Между тем бои разгорались все сильней. Аршаку приходилось пополнять свои войска вновь сформированными подразделениями, а вот как пополняет свои отряды противная сторона, оставалось для него загадкой. Незаметно было, чтоб за десять дней боев нахарарская армия поубавилась. Значит, она тоже получает пополнение, но откуда? – недоумевал царь. Об-

щее количество вооруженных нахарарских сил не велико, это было известно.

К вечеру того же дня все прояснилось; днем, во время боев, в плен был взят молодой воин из нахарарского отряда, который преследовал Торгом; юношу схватили, когда он силился вытащить ногу из-под навалившегося на него раненого коня. Торгом помог ему высвободиться и погнал к военачальнику Зарэ Аматуни. По велению царя пойманного допрашивали в его присутствии.

Это был молодой человек, лет двадцати – двадцати пяти, среднего роста, смуглый, темноволосый. Пока его вели к царю, он сильно прихрамывал от боли, но держался молодцевато, с любопытством смотрел по сторонам, – только вошел в шатер, увидел Аршака, потупил взор и больше не поднимал головы; на вопросы отвечал робко, все время краем глаза наблюдая за окружающими.

Когда Зарэ Аматуни спросил, из какого нахарарства он, юноша ответил:

– Вахевуни.

– Давно находишься в армии?

– Вот уже двадцать дней.

– А до этого чем занимался?

– Работал в поместье у хозяина, косил, жал, молотил, за садом следил...

– Почему в армии оказался?

– Ишхан приказал: стрелять научили и послали защищать своих людей, чтоб их в Аван не забрали.

Тут Аршак поднял руку – Аматуни понял, что ему надо замолчать.

– Можешь сказать, сынок, какова численность вашей армии? – спросил Аршак, в упор глядя на него.

Юноша, хотя и не подымал головы, почувствовал, что к нему обратился государь, и растерялся. Он продолжал искоса наблюдать за окружающими.

– Говорят, более двух тысяч, государь.

– Как так? После стольких потерь численность армии не убавилась?

– Так точно, государь, не убавилась, а возросла.

– Ты мне правду говори! – погрозил пальцем Аршак.

Юноша не сробел:

– Говорить вам неправду, государь, я не посмею.

– Ну, так как же может войско сейчас насчитывать больше людей, чем в начале военных действий?

– Приходит постоянно помощь.

– Помощь?! Откуда?

– Из Таронского и Васпураканского краев, государь.

Молчание.

– Ишхан Меружан здесь, с вами?

– Нет, государь.

– А где же, можешь сказать?

– Нет, государь. Посылает пополнение, но самого не видать, говорят, его вообще нет среди ишханов.

– Говори как на духу, – опять пригрозил Аршак, – солжешь, поплатишься жестоко.

Пленный, видно было, не знал. Подозрения царя Аршака получили теперь полное подтверждение. Значит, Меружан Арцруни и Ваан Мамиконян помогают мятежникам, тоже недовольны им...После этого разговора царю стало ясно, что войне не скоро конец, если уж и богатый хозяин Васпуракана да еще ишхан Тарона встали против него... А он-то надеялся на быстрый исход событий, уже подумывал, как наказать заговорщиков, а затем приступить к восстановлению города, строительству крепостных стен и других оборонительных сооружений. Что же делать? Как подавить этот мятеж? Подтянуть с границ еще военные силы или?..

Без лишнего промедления он в тот же день посовещался с Зарэ Аматуни; пришли к единодушному мнению, что надо стянуть боевые силы, все бросить на разгром врага.

– Мне это по душе, государь! – обрадованно воскликнул командующий.

Только Зарэ и сенекапет Езник вышли из шатра, их сразу же обступили селяне, что-то стали говорить, энергично размахивая руками.

«Кто такие и что им надо?» – подумал Аршак, удивившись такой необычной картине. Чуть позже, когда Езник вошел в шатер, он спросил:

– Что это за люди там?

– Селяне, государь, ходоки из деревень Тир и Аранц, пришли к вам с петицией.

– А чего просят?

Сенекапет стал рассказывать с усмешкой в голосе.

Аршак насупился.

– Перенести арену действий в другое место? Оставить их поля? – повторил ошеломленный царь, шумно втягивая воздух в ноздри, что обычно делал в минуты крайнего гнева. – Передай им, что эти поля вовсе не им принадлежат, они государевы прежде всего... Какая чушь! Я еще не расправился со своими противниками... Я еще...

И, не докончив, приказал:

– Чтоб с подобными петициями никто не смел ко мне обращаться! Ишь чего захотели! Чтоб я удалился, не наказав своих врагов!

Сенекапет поклонился, вышел.

Аршак из шатра наблюдал, как селяне, поникнув головами, медленно шли с холма.

С гримасой, исказившей его лицо, он скорбно покачал головой:

– Слыхано ли, царю первому покинуть поле боя, прекратить боевые действия, когда противник пополняет свою армию и готовится к новым сражениям!

Для Аршака делом чести было выйти с победой из этой войны, чувство собственного достоинства не разрешало ему думать иначе, и теперь он мучительно искал выхода из этого затруднительного положения. Аршак решил – без победы в город не возвращаться.

Глядя на засевшего в долине врага, он думал: «Как жаль, что Коговитский горный хребет не разрешает выйти в тыл противнику или обойти его с флангов, в таком случае можно было бы отрезать дорогу, по которой осуществляется снабжение армии и, главное, поступает помощь... В настоящих же условиях остается одно – подготовиться к решительной схватке».

В тот же день вечером он объявил Зарэ Аматуни:

– Я считаю необходимым, тер Аматуни, как только мы получим дополнительные резервы, дать решающее сражение.

– Всегда к вашим услугам, государь, – слегка поклонившись, с готовностью откликнулся помощник спарапета. – Мне тоже этого очень хочется, если, конечно, позволят наши возможности...

– Ступай и действуй!

На следующий день, чуть только забрезжил рассвет, царская армия вместе с прибывшими ротами, вооруженная копьями, пиками и луками, понеслась на противника, располагавшегося в ложбине между селениями Тир и Аранц.

Однако неприятеля царские конники не застигли врасплох; заметив их приближение, нахарарские воины тотчас же вскочили в седла и встретили атакующих градом стрел.

Конница Аршака мчалась плотными рядами с огромной скоростью, но встречный шквал стрел умерил бег коней, тогда всадники пошли врассыпную и тоже стали целиться из луков. Однако обороняющиеся занимали более удобные позиции, все пространство между двумя селениями утопало в садах; они пускали стрелы и прятались за стволами деревьев. Их надо было прежде всего выбить из этих позиций, заманить в открытое место и дать сражение. Зарэ Аматуни скомандовал: «Сотникам продвинуться вперед, потом разыграть отступление, свернуть к равнинному берегу реки!»

Полк исполнял команду: пошел сначала в наступление с нацеленными луками, несколько стрел даже сорвалось с тетив, и вдруг, встретив беспорядочно пущенные в них стрелы противника, в панике, с криками пустился наутек.

Маневр удался. Нахарарская конница бросилась преследовать их. Когда она достаточно далеко оставила за собой полосу садов, Зарэ Аматуни скомандовал своим войскам – остановиться, принять бой!

Достигшие пашен царские воины круто повернули коней и бросились в бой.

Противник принял вызов.

С переменным успехом шло сражение, то одна сторона, то другая наступала, безжалостно уничтожая нивы. Так длилось долго.

В самый момент горячих боев, когда летели стрелы и бряцало оружие, воюющие вдруг увидели странную картину: большая группа селян, мужчин, женщин и даже детей, подростков, с вилами, серпами, вышла из близлежащей деревушки и мерными шагами направлялась к полям...

Среди заметивших это шествие был и Торгом. «Куда идут? – недоумевал каждый, кто видел. – Воевать?.. К кому на помощь?»

Однако с минуты на минуту становилось ясней, что они ни к какой из сторон и не думают примыкать...

Двигались селяне спокойным, твердым шагом, достигнув нив, остановились, разбились на небольшие группки, распределили между собой принесенные орудия и приступили к жатве; те, кто держал в руках вилы, стояли, те, кто взял серпы, присели на корточки...

Мужчины жали поле, женщины, мальчики подбирали скошенные колосья, связывали в вязанки, складывали...

Обе стороны на минуту, видимо от изумления, прекратили перестрелку. Но потом она началась с новой яростью.

Селяне не обращали внимания на идущий рядом бой, хотя над их головами с одного конца поля в другой со зловещим свистом летели стрелы; они продолжали делать свое...

Между тем силы у сражающихся иссякали, перевес был то на одной стороне, то на другой, стояли ругань, крик, шум – селяне тем временем жали поле... Казалось, они были исполнены презрения как к воинам, так и к их стрелам.

Чуть погодя показались новые группы селян, последовавших примеру смельчаков, и поле постепенно наполнилось жнецами: урожай поспел – надо было убирать...

Глядя на эту картину, у воинов невольно опускались руки...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войн много видела Страна Армянская, но такой еще не было: нахарары подняли меч на царя, царь – на нахараров...

Ничто столь быстро не распространяется, как весть о кровопролитии.

О боях в Коговитской долине через день-два знали все в стране. Всюду говорили, что против мятежных нахараров поднялся сам государь во главе с войском. Сведения, в разном свете освещающие событие, просачивались в самые отдаленные уголки страны. В одном месте утверждали, что царские войска наголову разбили мятежных нахараров, после того как последние предали огню и мечу Аршакаван; в другом, выдавая за точные данные, уверяли, что нахарары собрали огромное войско и сильно теснят царскую армию, и сам государь чуть ли не в руках мятежников.

Подобные слухи ходили как в глубине страны, так и в ее

центрах. В областях многие нахарары откровенно радовались, что «гнездо воров и преступников разорено», в столице же искренне сетовали, что на новый город обрушилась такая беда.

Эти сведения, естественно, проникали и во дворец.

Айр-Мардпет шнырял по коридорам, подслушивая разговоры то под одной дверью, то под другой... В душе он радовался, что нахарарам удалось нанести удар государю, разрушить его Аван, будет впредь знать, как вести себя... слишком уж зазнался он. Однако перед отъездом Аршака из стольного града он дал ему совет: не щадить никого... Теперь, не имея сведений, беспокойно метался по залам, ловил слуг и допытывался: «Что нового?»

Разговоры эти не могли не дойти и до царицы Парандзем. И хотя она не все принимала на веру, поражалась, что от Аршака уже более недели нет известий. Если слухи лживы, чем объяснить его молчание? Государь всегда бывал внимателен к ней, где бы ни находился, давал о себе знать, писал, чем занят и когда рассчитывает быть во дворце... А теперь полное молчание; разве можно было не тревожиться?.. И Парандзем то решала послать гонца на место событий, то откладывала намерение на денек, надеясь все же дождаться сведений.

Война, казавшаяся делом двух-трех дней, принимала затяжной характер; при таких обстоятельствах молчание Аршака становилось невыносимым. Царица дошла до того, что подозрительно всматривалась в лица своих служанок: вдруг они что-нибудь знают и скрывают от нее. При всем этом она умела держать себя в руках, ничем не выдавала внутреннего волнения; раза два на дню, встречаясь с азарапетом, спокойно справлялась:

– Есть вести от государя?

– Пока никаких, – следовал неизменно ответ.

– Не мог он попасть в тяжелое положение?

– Вряд ли, царица, мы недавно послали второй полк на подмогу.

Но эти слова не успокаивали ее, не рассеивали сомнений.

Как-то утром, когда ей стало совсем невмоготу, позвала она к себе старого азарапета.

– Далеко от меня мой отец, ишхан, замени его, будь добрым советчиком, скажи, не считаешь ли ты сейчас самым разумным прекратить войну? Правда, государь возмущен поведением нахараров, его можно понять, и сомневаться не приходится, Аршак в силах подавить мятеж, но критическим положением страны могут воспользоваться наши внешние враги. Имеет ли смысл продолжать кровопролитие, ишхан? Я хотела бы, чтоб Аршак пошел на мир и, развязав руки, скорей бы достроил свою крепость.

– Ты права, царица, война может только радовать наших противников, чем скорей выйдем из нее, тем лучше. Мы и без того никогда себя не считали неуязвимыми перед лицом могу-

щественных соседей, а теперь и вовсе ослабеем, потому что вместо созидания предаемся разрушению.

Вспомнилось Парандзем, что и спарапет Васак, находившийся сейчас в своем родовом имении Ерахан, говорил примерно то же еще год назад, когда Аршак грозился военной силой усмирить нахараров. И тогда она была на стороне Васака, опасаясь возможных осложнений. Однако, узнав, что нахарары пошли с оружием на Аршакаван, возмутилась и всей душой желала, чтоб государь наказал мятежников самым суровым образом. Парандзем была убеждена, что преступления против государства, его главы и строящегося города не должны оставаться безнаказанными; если б государь смирился с подобным положением вещей, это всеми расценивалось бы как проявление слабости и малодушия. Так что тут вопрос касался чести, авторитета государя, незыблемости его трона. А в данный момент, рассуждала она, речь идет не о наказании мятежников, а о ведении военных действий против них... Дальнейшее упорствование чревато опасностями; не дай бог, с Аршаком что-нибудь случится, Шапур тут как тут, немедленно воспользуется неустойчивым положением страны и вторгнется в ее пределы... Нет, мир сейчас – единственный выход из положения.

Собственно, эти опасения и заставили царицу вызвать азарапета и поделиться с ним своими соображениями.

– Тогда, ишхан, государь был прав, что принял вызов нахараров и выступил против них; если бы он этого не сделал и сразу же заговорил о перемирии, его могли бы заподозрить в трусости. Теперь дело другое: идет война, действуют законы иного времени, предложение о ведении мирных переговоров нисколько не ущемит самолюбие государя, и противник в этом не усмотрит проявления слабости.

– И я так думаю, царица.

– Однако, пока мы будем здесь судить и рядить, многое может измениться, время бежит. Надо торопиться. Давай подумаем, кого можно послать в качестве посредника для установления перемирия между враждующими сторонами. Кому под силу с одинаковым успехом вести разговор и с царем и с нахарарами. Сожалею, что отсутствует спарапет. Ему бы удалось уговорить Аршака, но, пока мы вызовем его из далекого Тайка, пройдет слишком много времени.

– Ты права, царица. Давай подумаем, кого можно послать, – опять согласился старый азарапет.

После недолгих раздумий их выбор пал на католикоса Нерсеса, который считался верховным судьей Страны Армянской, пользовался огромным авторитетом у нахараров и не лишен был дара убеждения.

– Однако согласится ли патриарх? – с сомнением в голосе спросил старик. – Он очень обижен на царя...

Сказал Гнуни и пожалел, почувствовал, что допустил оплошность; ведь Нерсес больше всего негодовал на Аршака

именно за то, что он женился на Парандзем, вдове своего племянника, поправ законы кровного родства... Стоило ли напоминать об этом? Но прежде чем азарапет мог бы подумать, как выйти из неловкого положения, Парандзем спросила:

— Чем недоволен католикос, что при последней встрече с государем его посредничество не увенчалось успехом? Аршак не отменил свой указ?

Отлегло от сердца старика, он об этом совсем забыл и теперь ухватился за сказанное ею, как за спасительную соломинку:

— Да, да, царица, именно это я имел в виду.

Теперь они вдвоем обсуждали, как подойти с просьбой к католикосу Нерсесу, как убедить его взяться за это важное дело. Они действовали из убеждения, что решение подобных вопросов входит в функции духовного владыки страны, великого пастыря храма божия.

Но с чего начать? И тут царица изъявила желание самой поехать к Нерсесу и изложить просьбу; это бы было приятно патриарху и как-то, может быть, сгладило его обиду на Аршака.

— Увы, невозможно,— возразил азарапет,— не положено царице являться к католикосу.

— Неужели, ишхан, я не могу навестить его как духовного владыку?

— Не полагается, царица, будет разумней его самого пригласить во дворец.

Парандзем оставалось согласиться. «Однако примет ли он приглашение после того, что недавно случилось между ним и государем?» — вслед за азарапетом тревожно подумала Парандзем.

Слухи о происходящих в Коговите сражениях дошли и до католикоса Нерсеса, он тоже осуждал братоубийственную войну, в то же время не без удовлетворения думал: «Пусть немного с Аршака собьют спесь, слишком уж возомнил о себе, творит что хочет; уговаривал я его отменить пагубный указ — не внял моим речам; так пусть теперь пожинает плоды посеянного...»

Сегодня, когда патриарх вернулся с дневного богослужения, дьякон Фавстос встретил его радостным оживлением:

— Хорошие вести, святейший.

— Говори.

— Царь Аршак опять терпит поражение.

— Почему тебя это радует?

— Потому что наш государь ведет себя непристойно.

Нерсес промолчал: незачем открыто выражать свое отношение. Чуть погодя он с укором заметил:

— Не к лицу нам, слугам божьим, радоваться кровопролитию.

Фавстос почувствовал себя неловко и, чтоб скрыть смущение, поспешно доложил:

— Святой отец, три крестьянина и с ними один сельский священник прибыли и просят принять их срочно по очень важному делу.

Хотя время было неподходящее для приема, католикос устал от долгого стояния на ногах и хотел прилечь, тем не менее заинтересовался необычными посетителями.

— Пригласи, — велел он.

Немного погодя вошли три крестьянина и с ними сельский священник; крестьяне в поношенных одеждах, не прикрывающих ног, все седоголовые, на плечах же священника, со спутанной щетинистой бородой на лице, болталась верхняя накидка, спускавшаяся ниже колен. Войдя, все четверо склонились в поклоне, потом по очереди, согласно установленному порядку, подошли к католикосу и приложились к его руке. Сенекапет дьякон Фавстос предложил им сесть, показав рукой на кресла и длинный диван.

Когда посетители разместились, крупные проницательные глаза Нерсеса остановились на них; селяне и священник растерялись, казалось, им трудно было начать говорить.

— Надеюсь, вы с благими вестями прибыли, — первым заговорил Нерсес, желая немного подбодрить их.

— Святейший, — начал священник, — разреши поведать тебе о страданиях народа, о бедствиях ужасных...

Католикос вопросительно вскинул брови и подал знак, чтоб говорили.

— Мы, великий владыка, — продолжал священник сдавленным голосом, — пришли с горемычной коговитской земли. Пришли оттуда, где льется кровь, где слышатся стенания...

— Хочешь сказать, с места военных действий? — уточнил католикос.

— Именно, святейший. Мы прибыли прямо из тех мест, где идет братоубийственная война. — Священник прочистил горло. — Более недели, как область превращена в арену жарких боев, кони топчут посевы, разоряют нивы, бессовестно уничтожают сады...

— Да, святой наш отец, — вступил в разговор один из селян, самый седой, лицо которого больше, чем у других, испещрено было морщинами. — Топчут хлеба, бьют скотину... Это нас вынудило прийти к тебе... Помоги, святой отец, спаси нас!

При последних словах два других старца, словно по команде, заголосили:

— Помоги, святой владыка, спаси!

И все трое разом пали на колени. За ними последовал священник.

— Мы ходили к государю — не принял нас, пошли к нахарарам — не стали слушать. Святой отец наш, убеди царя...

Это были ходоки из деревень Тир и Аранц.

Сказав все это, все четверо застыли в скорбных позах. Патриарх тем временем погрузился в размышления. Значит, военные действия происходят прямо на засеянных полях, разо-

ряются деревни. Что боями охвачена область Коговит, патриарх знал, но эта подробность для него была новостью. И все из-за злосчастного государева града, из-за прихоти вздорного Аршака, гневно подумал он. Тут мелькнуло у него в голове: «Кажется, представляется прекрасная возможность показать народу, кто является истинным защитником его интересов, доказать, что не нахарары и не государь заботятся о них, а церковь». Придя к этой мысли, Нерсес решил, что ему надо во что бы то ни стало еще раз съездить к царю и приложить все усилия, чтоб уговорить прекратить братоубийственную войну. Даже в случае провала, если государь не послушается его, все равно он в выигрыше – народ оценит его старания. Надо, убеждал он себя, хотя дорога трудная и разговор с Аршаком предстоит нелегкий.

Взвесив все это в уме, он сказал:

– Я, сыны мои, подумаю об этом. А пока ступайте с богом...

– Ждем желанного мира, уповаем на тебя...

Когда ходоки выходили, один из них горестно заметил:

– Государь и видеть нас не захотел, нахарары прогнали, католикос не обещает... куда теперь податься?..

После ухода крестьян и священника Нерсес велел дьякону Фавстосу вызвать к себе епископа Хада, который вот уже недели две как находился в соборе, часто встречался с ним и вел беседы.

Сегодня ему захотелось поговорить о коговитских событиях, узнать его мнение, тем более что Хад является одновременно и епископом этой области.

Вошел местоблюститель католикоса, подтянутый, серьезный, опустился в кресло, предложенное ему, аккуратно подобрав полы рясы. Когда Нерсес рассказал о ходоках, явившихся к нему, и их просьбе, Хад ехидно усмехнулся:

– Сказано же: «Свершающие зло да истребятся!» Это божий гнев обрушился на Аршака, на слуг, бежавших к нему. Но гордыня нашего государя не сломлена. Он оказывает сопротивление, надеясь не только отомстить нахарарам, но и прибрать к рукам их владения, крепости, особенно Артагерс и...

– Знаю, знаю, святой отец, – нетерпеливо прервал Нерсес своего местоблюстителя, не впервые слышавший от него подобные речи. – Сейчас мне нужно иное: дай мне полезный совет, как остановить это кровопролитие.

– Остановить кровопролитие... можно, конечно, но для этого надо, верховный владыка, чтоб надменный Аршак снизошел до того, чтоб послушался нас, слуг божьих.

– Да... – протянул Нерсес, недовольно морщась, – спесив он и упрям, что и говорить, слушаться советов не хочет, особенно если они исходят от пастырей церкви.

– Не хочет, потому и кара суровая обрушивается на его голову, и впредь за постыдные заблуждения во грехах воздастся ему должное, – злорадно выпалил Хад. – Аван разрушен, к ве-

ликой радости нашей... Меня еще хотели пригласить туда для освящения церкви, греховен в этом проклятом городе и храм божий...

– Оставь это, отец святой,– опять прервал его Нерсес.– Дай лучше совет дельный.

– Какой бы совет я тебе ни дал, будет бесполезным, великий владыка. Хочешь знать мое мнение? Не езжай к государю, пусть нахарары разнесут в щепу его трон, коль так люто он ненавидит нас, смиренных божьих слуг, коль пренебрегает святыми заповедями всевышнего нашего. Тот, кто преступниками переполнил свой град, поощряет блуд и беззаконие, должен понести заслуженное наказание. Руками нахараров сам господь бог карает его.

Нерсес поспешил унять разошедшегося Хада:

– Успокойся, святой отец, подумай, что ты говоришь? От братоубийственной войны страдает прежде всего наша паства, невинный народ, обеспечивающий нас хлебом насущным.

– Да, справедливо, хлебом насущным...

– Вот и думаю я, достославный Хад, что не может церковь оставаться в стороне от происходящего, мы должны взять под защиту нашу паству.

– Положим, но что мы в состоянии сделать?

– Мы должны взять на себя миссию посредника между Аршаком и нахарарами.

– О нет, святой владыка, избавь меня от такого удовольствия, я не хочу идти к Аршаку, он недостоин того, чтоб я с ним говорил,– прервал Хад католикоса, подумав, что он хочет послать его.

– Будь спокоен, Хад, я не собираюсь на тебя возлагать эту неприятнейшую миссию; знаю, ты нрава вспыльчивого и горячего. Я решил сам ехать к нему, вот только мнение твое хотел узнать.

– Посредничество будет напрасным, святейший,– покачал головой Хад.– Аршак не послушается тебя, вдобавок еще может надерзить.

Когда, после состоявшейся беседы, Хад удалился, Нерсес впал в раздумья; сказанное его местоблюстителем напомнило ему последнюю встречу с Аршаком, государь тогда, бесспорно, вел себя бестактно и дерзко, и нет никакой уверенности, что это не повторится. Однако от его злобной мстительности могут пострадать и нахарары, о них тоже следует подумать. Нерсеса раздирали сомнения, он качал в задумчивости головой. Покрыть огромное расстояние и подвергнуться злобным нападкам? Фактически съездить впустую. Более чем неприятно. Эта мрачная перспектива сломила его решимость. Он уже склонялся к тому, что не стоит ввязываться в это дело, надо дальше держаться от Аршака, путь понесет он заслуженное наказание.

Патриарх пребывал в этих размышлениях, когда торопливыми шагами вошел дьякон Фавстос и, волнуясь, доложил:

— Святейший, гонец от царицы Парандзем.

— Парандзем? — удивился он. — С чем прибыл?

— Царица просит ваше святейшество посетить дворец. Нерсес опешил. Неожиданность какая! Его давно не приглашали во дворец; значит, произошло что-то необычное. Приглашение, да еще поступившее от царицы! С того памятного дня, когда государь обошелся с ним более чем нелюбезно и ни с чем отправил обратно, Нерсес принял твердое решение никогда впредь ногой не ступать туда. Но приглашение исходит от царицы, «по вопросу очень важному», пишет она; и католикос отправился в цитадель, взяв небольшую свиту — четырех епископов и дьякона Фавстоса.

У Трдатовских врат его встречали азарапет Гнуни с придворными, они проводили прибывших в палаты.

Когда католикос вошел в приемную, убранную яркими коврами, и, как положено, осенил крестом все его четыре стены и стоящую в центре без короны на голове и пурпурной мантии на плечах царицу, Парандзем приветливо шагнула ему навстречу, приложилась к руке его и стала просить прощения, что вынуждена была потревожить его.

— Однако, владыка духовный, причина очень важная заставила меня так поступить.

— Слушаю тебя, царица, — ответил заинтересованный католикос. Он видел Парандзем двадцать лет назад в Шахапиване, где она бурей ворвалась в церковь, зовя на помощь к супругу... потом на холме Лисин, когда оплакивала несчастного Гнела. Нерсес поразился. Парандзем совсем не изменилась, лицо ее не было таким страдальческим, как тогда, хотя выглядела она сейчас озабоченной и несколько взволнованной, однако это вовсе не портило ее красы. Тот же взлет бровей, те же синие излучающие свет глаза, в которых Нерсес увидел выражение искреннего почитания и уважения к себе.

«Хорошо, что она не похожа на мужа, мила и любезна», — про себя отметил католикос, погружаясь в кресло.

Когда они уселись друг против друга, азарапет Гнуни остался стоять на ногах. Парандзем без обиняков и лишних церемоний прямо приступила к делу, сказала, что настоящее кровопролитие причиняет ей боль, что государя можно понять в его стремлении наказать мятежных нахараров, однако братоубийственная война наносит непоправимый урон стране.

— Потому, святой владыка, я осмелилась просить вас приехать сюда, чтоб совместными усилиями принять меры для предотвращения дальнейших бедствий.

Парандзем не стала говорить о том, сколько ночей подряд, волнуясь за Аршака, она не смыкает глаз, сколько дней тревожно обсуждает с азарапетом создавшееся положение, приходя к выводу, что скорейшее заключение перемирия единственно желанный исход. Вслух она произнесла:

— Внутренние раздоры на руку только нашим врагам. Не правда ли? Твой долг как верховного владыки склонить к пере-

мирию враждующие стороны, чтоб воцарился в стране мир и покой... – Тут она бросила быстрый взгляд на католикоса, чтоб проверить, какое впечатление производят ее слова, затем продолжала: – Ты, святейший, не можешь не хотеть, чтоб кончилась распря, не можешь не опасаться того, что враг, пользуясь внутренней смутой, вторгнется в страну, разрушит наши города и храмы... Конечно, государь рано или поздно, но расправится со своими противниками, и жестоко расправится, но сколько крови прольется напрасно... страшно подумать. Сделай возможное, святейший...

Нерсесу приятно было сознавать, что царица и двор в нем нуждаются, к его авторитету взывают. «Один лишь Аршак не считается со мной...» – с досадой мелькнуло в голове. И хотя в душе он был согласен с ней, произнес:

– Я денно и нощно проповедую мир и согласие, царица. Год назад я лично прибыл сюда, чтоб предупредить государя, что его враждебные действия против нахараров могут иметь печальные последствия, он не внял моим словам. И вот результат. – Нерсес на минуту умолк; казалось, обдумывает предложение царицы. – Вести мирные переговоры... – произнес он задумчиво. – Братоубийственная война противна духу Христа. Нужно немедленно прекратить ее, чтоб предотвратить еще более страшные бедствия. Да, враг наш не дремлет... Однако я не уверен, что государь пожелает выслушать меня, положительно отнесется к сказанному мной.

– Не сомневайся, святейший... – В голосе царицы прозвучала тревога: вдруг Нерсес откажется. То же почувствовал и азарапет, сразу вступивший в разговор:

– Очень важно ваше вмешательство, святейший, очень...

Нерсес размышлял, опустив голову, потом сказал:

– Если б я знал, как настроен сейчас государь, царица, с готовностью тронулся бы в путь, однако у меня есть печальный опыт... Я вообще сомневаюсь, что он примет меня.

– Будь уверен, святейший, – произнесла Парандзем горячо и убежденно.

Хотя Нерсес был доволен, что ему поручают столь важное дело, но предпочел определенного ответа не давать.

– Я подумаю, царица, постараюсь сделать все возможное.

Когда, после состоявшегося разговора, католикос удалялся из палат, мысли его целиком были заняты одним: как отнесется к его новой миссии Аршак...

Летние солнечные дни стояли в Коговитской долине; беспредельная синева небес, пронзенная сиянием лучей, дышала покоем, наполняя душу человека тихой радостью и жаждой жизни.

Однако в Коговите под этим мирным небом шла ожесточенная битва между двумя враждующими армянскими армия-

ми; чем больше проливалась кровь, тем больше озлоблялись люди, наполняясь чувством мести, яростней топтали посевы, доводя до отчаяния несчастных селян.

На восьмой день неутихающих боев, в полдень, вдруг в долине Коговита показалась группа конников в черных ризах, она двигалась в направлении к царскому стану. Их появление было настолько неожиданным, что обе стороны ослабили стрельбу, люди устремили удивленные взоры на приближающихся, как бы спрашивали: кто такие? куда скачут? Явление было, что и говорить, слишком необычное.

Со стороны царской армии отделилась фигура всадника и помчалась им навстречу: он, размахивая руками, подавал знак, чтоб не двигались дальше: мол, опасно!.. Но группа скачущих не обращала на него никакого внимания, она продолжала ехать вперед с подчеркнутым спокойствием. Тогда всадник сильно пришпорил коня и подлетел прямо к ним.

— Отцы духовные, остановитесь! — крикнул он. — Остерегайтесь! Стрелы летят!

— Стрелы не страшны божьим слугам, — ответил скачущий впереди седобородый человек. — Проводи нас, сынок, к царскому шатру.

Слова эти он произнес таким тоном, что воин невольно повиновался. Это тоже вызвало немалое удивление среди воинов обеих сторон, перестрелка вовсе прекратилась. Духовные лица, их было семь человек, сочтя это знаком уважения к себе, погнали коней быстрее.

— Где государь? — спросил воина все тот же седобородый, со степенным спокойствием ведя лошадь рядом с ним.

Тот показал красный шатер, стоявший среди других шатров на склоне горы. Он отличался размером и тем, что поставлен был на возвышении, откуда во все стороны видны были поля и дороги.

Ехавший впереди был католикос Нерсес. После долгих колебаний он решил исполнить свой долг, постараться склонить стороны к перемирию; и вот уже три дня трясся в седле вместе с тремя епископами и тремя архимандритами (одним из них был дьякон Фавстос), пока наконец прибыл на место назначения. Воин, сопровождавший духовных лиц, не узнал католикоса, но почувствовал, что имеет дело с важным лицом. Царский шатер находился на довольно большом расстоянии от линии боев, группа двигалась молча, на лице сопровождающего застыло выражение любопытства и удивления. Когда они уже стали приближаться к шатру, то же удивление и любопытство появилось и на лицах дозорных, каждый из них словно спрашивал: кто такие? каким образом очутились здесь? Начальник же стражи помчался к сенекапету Езнику, а потом — к государеву шатру.

Хотя Хад и считал старания католикоса заведомо обреченными на провал, Нерсес счел нужным поехать на место военных действий; если в народе узнали бы, что он отказался от

предложенной ему мирной миссии, авторитет его мог поколебаться. С другой стороны, если война будет продолжаться, нахарары могут выдохнуться; надо их выручать. По правде говоря, Нерсес не прочь был бы узнать, что Аршаку немного намяли бока: может быть, это сломило бы его гордыню; но не дай бог, чтоб его противники потерпели поражение, тогда заносчивости государя не будет границ... Но самым главным для него оставалось сознание, что посредничество в деле установления мира между двумя враждующими сторонами усилит его влияние как католикоса, все увидят воочию, что единственным истинным защитником интересов народа является он, а не нахарары и государь.

Когда католикос спешился, дьякон Фавстос, поспешив к нему, вручил скипетр с серебряным крестом (который вез с собой, заботливо обмотав куском материи), поправил полы рясы, помявшиеся от сидения в седле. Вышедший им навстречу сенекапет молча пригласил войти в шатер. Когда католикос, оставив у входа сопровождавших его церковников, вошел вовнутрь, он застал Аршака сидящим в кресле в одной капе, туго стянутой на талии: по всему видно было, что он был взволнован (лихорадочно сверкали черные глаза), с трудом сохраняет внешнее спокойствие; война затянулась, его полки ведут сражение без видимого успеха, — малоприятное положение, при котором, конечно, никому на глаза не хочется показываться. Но католикосу он не посмел отказать: что могли подумать окружающие, воины?

Кстати говоря, как только он узнал, что прибыл католикос, сейчас же догадался, с какой целью он здесь. Первая мысль, пришедшая в голову, была: положение нахараров, видимо, пошатнулось.

— Благословение тебе, государь, — сказал Нерсес, входя и осеняя крестом стены шатра, самого государя.

Аршак еле заметно поклонился в ответ.

— Надеюсь, ты явился с благими вестями, — процедил он сквозь зубы, остановив тяжелый взгляд на нем.

Зная, что государь не любит излишних церемоний, Нерсес приступил прямо к делу.

— Как пастырь духовный, государь, я явился, чтоб исполнить свой долг; хочу надеяться, что слова мои будут услышаны тобой.

— Говори, святейший.

— Я духовный владыка страны, государь, и не могу хладнокровно смотреть на происходящее; с болью в сердце и слезами на глазах вижу, как погибает моя паства, как губят Страну Армянскую внутренние раздоры.

Аршак глядел из-под бровей на взволнованное лицо Нерсеса и думал: «Совсем не изменился». А католикос отметил в уме: «Как изменился царь, под глазами мешки, на лице следы жестокой бессонницы...»

— Стало быть, духовный владыка, ты хочешь, чтоб я про-

стил преступникам нахарарам, уничтожившим целый город, предавшим мечу его мирное население?

– Государь, этого им не простят ни господь бог на небе, ни люди на земле. Но чем виновны мирные селяне, воины, взявшие в руки меч не по своей воле, а по приказу свыше?..

Аршак резко сдвинул брови, прервал его:

– Святейший, вы прибыли сюда, чтоб наставления мне читать? Разве я воюю против селян? Вы не знаете, против кого я поднял меч? Не знаете, какое злодеяние совершили нахарары? – Аршак мотнул головой. Он прекрасно понимал, что Нерсес прибыл с миротворческой целью, и рад был тому, ибо уже не верил в благоприятный для себя исход событий. Однако старался держаться сурово. – Разве я, святейший, когда-либо вмешивался в дела церкви? – продолжал он, прикинувшись рассерженным. – Никогда! Я разрешаю вам действовать так, как вы считаете нужным. Разрешите и мне действовать в моем государстве так, как я считаю нужным для блага Страны Армянской.

Выражение лица Нерсеса изменилось.

– Я, государь, не считаю себя вправе запрещать тебе делать то, что ты хочешь, – ответил он, несколько задетый. – Однако душа моя болит, моя паства, народ армянский, разделенный на два враждующих лагеря, занят самоуничтожением.

– Мир – великое благо, святейший, благо, желанное для всех во все времена. Но мир без того, чтоб наказать нахараров за злодеяния, неприемлем для меня, – сказал Аршак, глядя на католикоса. – Как бы ты поступил, святой владыка, если бы епископы и архимандриты пошли против тебя? Простил бы им? Конечно, нет! А почему от меня ждешь всепрощения?

– Однако, государь, вместе с двумя-тремя нахарарами, совершившими преступление, страдает много безвинных людей, проливается зря кровь. Чтоб наказать преступивших закон епископов, я не стану подымать армию против них; я предам их анафеме, как того требует святой закон церкви.

– Так, – кривая усмешка появилась на губах Аршака, – но ведь и епископы не с армией пойдут на тебя, как нахарары на меня. Если ты прибыл сюда, чтоб взывать к всепрощению, старания твои напрасны. Вместо того чтоб осудить, ты ратуешь за них, хочешь, чтоб я им простил?

– Нет, государь, не хочу, чтоб ты им прощал. Я желал бы лишь, чтоб братоубийственной войне был положен конец.

– Не я начал братоубийственную войну, святейший.

Здесь была минута, когда Нерсесу захотелось напомнить государю, что в свое время он пренебрег его предостережениями о возможных печальных последствиях, но сдержался, это могло бы вывести из себя Аршака и поставить исход переговоров под удар; он только заметил:

– Мир – основа жизни на земле, государь.

Аршаку вновь показалось, что у нахараров что-то неблагополучно, даже мелькнуло подозрение – может, они сами по-

слали католикоса с предложением о перемирии. Решил проверить.

— Однако почему, святейший, ты с предложением о перемирии не обратился к нахарарам?

«Если он скажет, что был у нахараров, значит, прибыл по их воле»,— подумал Аршак. Но Нерсес поспешил заверить:

— Государь, я предпочел заручиться сначала твоим согласием, поскольку ты хозяин страны; твоя десница карает, твоя и милует...

Аршак почувствовал себя польщенным, но напустил на себя строгость.

— А посему ты должен проклясть злодеев! — Он все испытывал католикоса.

Нерсес снова нашел выход из положения.

— Государь, проклясть никогда не поздно; однако этим не будут достигнуты ни мир, ни спокойствие на земле.

Аршак сам понимал бессмысленность дальнейшего сопротивления. Но так сразу взять да и согласиться самолюбие не позволяло.

— Нет, святейший, я должен наказать преступников. Если для этого недостаточно будет моих сил, я военную помощь попрошу у Грузии,— добавил он, гневно сжав кулаки и сверкнув глазами.

— Однако, государь, ты постоянно твердил, что хочешь видеть нашу страну могучей и процветающей, а на деле ведешь внутреннюю войну, которая подрывает ее силы. Чего ты добился? Заговорщиков не наказал, а сколько народу погубил; ведь во время внешней угрозы именно народ встает на защиту отечества и своего государя.

«Он прав,— с горечью признал Аршак.— Все понимает, умен, ничего не скажешь. И говорит вслух то, что думаю я про себя. Да, подонки не понесли наказания, невинные же пострадали».

Его словно окатило холодной водой.

— Так какова же цель твоей миссии, святейший? — Аршак умолк на минуту, наклонил голову, потом резко вскинул ее.— Я решил жестоко покарать изменников,— произнес он строго,— стереть их с лица земли. Однако, коль ты явился сам, не хочу отказывать. Уступаю твоей настоятельной просьбе. Пусть они сложат оружие и признают свою вину предо мной, а также обязуются восстановить своими силами разрушенный город.

— Государь, это будет после перемирия,— сказал Нерсес, подумав: «Слава всевышнему, обошлось без грубостей на этот раз»...— И чтоб,— продолжал Аршак,— такое впредь не повторялось; желал бы я еще, чтоб перемирие заключалось с соблюдением всех принятых условий и правил. Пусть нахарары соберутся и поклянутся на святом кресте, что впредь будут покорны, а ты, святейший, благословишь этот мир...

Аршак умолк на минуту.

— Важно, чтоб мир был прочным. Я не склонен доверять их словам.

— Несомненно, государь, так все и должно происходить,— согласился Нерсес.

— Так значит...

— Теперь разреши, государь, мне с этой же миссией направиться в противоположную сторону.

После ухода католикоса Аршак впал в раздумья: поверят ли нахарары? Согласятся ли на перемирие? Они не могут не знать, какой ущерб нанесли ему... С другой стороны, продолжаться так дальше не может, враг еще больше сплотится и обратится за помощью к иностранной державе. Ставка тут на мое великодушие, может, оно их остановит.

Пока шел этот разговор между государем и католикосом, с царского шатра глаз не спускали находящиеся поблизости воины, все были охвачены волнением: что может означать столь необычное посещение верховного владыки? И каждый в душе связывал его прибытие с надеждой на окончание войны. Но возможен ли мир, когда между государем и нахарарами не утихает вражда?.. Горожане-аванцы, особенно беглые слуги, которых судьба забросила в сражающуюся армию, часто в перерывах между боями собирались, разговаривали между собой. Сегодня они проявляли особый интерес к прибытию католикоса. Группа воинов, стоящих у подошвы горы, среди них были Торгом, Овсеп и Вардан, горячо обсуждала новость.

— Не может царь пойти на мир,— говорил Торгом,— когда нахарары разрушили его город, убили столько людей, столько домов предали огню... И Вараз-ишхана убили... Вряд ли возможен мир...

— Да, пока царь им не отомстит, не успокоится,— соглашался с ним Овсеп.

Однако высказывалось и другое мнение: если он не пойдет на мир, обострится обстановка, будет больше жертв с обеих сторон, больше разрушений...

— А не будет мира — и мы скоро в живых не останемся. Уж скорей бы отпустили по домам, к родным...

Торгом слушал сначала, не выдавая возмущения, но, когда последний кончил говорить, не стерпел:

— Пойти на мир, не наказав виновных?.. Как можно?.. Чтоб царь простил тем, кто разрушил его Аван?

— Не простит... Но если католикос потребует — повинуется.

— Разве власть католикоса выше царской, чтоб требовать?

— А как ты думал? Ведь помазание совершает католикос,— с видом знатока ответил тот.

— Да? — поразился Овсеп. Его удивление разделяли все вокруг. Умолк и подавленный Торгом. Он таких вещей не знал. «Значит, разрушившие город нахарары останутся безнаказанными, государь простит им? Если так произойдет, наш царь просто трус»,— решил Торгом про себя.

Тут их разговор прервался, потому что из шатра вышел католикос и в сопровождении сенекапета и царских дозорных направился к дожидавшимся его духовным лицам.

Увидев католикоса Нерсеса, воины впились в него глазами, силясь что-нибудь прочесть на его лице: если оно было бы радостным, значит, мир, если печальным – война... Но их старания не увенчались успехом: лицо святого владыки было непроницаемо, вдобавок он торопливо, не глядя по сторонам, подошел к коню и, сев в седло, направился в сторону нахараров. За ним последовала его свита, три епископа и три архимандрита. Нерсес в двух словах передал им содержание разговора, и группа всадников, довольная тем, что патриарху удалось склонить государя к перемирию, понеслась быстрей.

– Самое трудное позади,– говорил Нерсес своему епископу,– с нахарарами дело иметь легче.

Нерсес был уверен, что с ними договорится. Если уж удалось склонить к перемирию такого упрямого человека, как Аршак, то дальше уж он не сомневался в успехе: в случае чего пригрозит «всевышним судом», не будут упираться, нет. В конце концов, и для них желателен мир, не может же война длиться бесконечно... Уступят, особенно если заверить их, что после перемирия всем будет гарантирована безопасность.

Две враждующие а мии разделяло друг от друга расстояние в один час, а кое-где – в полет стрелы. Когда в нахарарских войсках заметили приближающуюся группу всадников в черных ризах, затихшая стрельба вовсе прекратилась. Тут же навстречу им поскакали два воина и поинтересовались, куда они едут. Узнав, что прибывший – католикос Нерсес и просит отвести его к ишхану Камсаракану, оба спешились и, низко склонив головы, проводили его к шатру, не уступавшему своими размерами царскому. Он тоже располагался вдали от боевых действий, над селением Аранц, на склоне горы, с которого хорошо обозревалась местность, вся долина с деревушками, нивами и одной-единственной рекой.

Чтоб добраться до шатра Камсаракана, надо было пересечь все село. Отовсюду высыпали селяне, взрослые, дети, с любопытством разглядывая духовных лиц: «Откуда идут? Куда направляются?» Один из впереди скачущих воинов с полпути отделился от группы и стрелой помчался к шатру.

Заметив приближающихся, вышел навстречу сам ишхан Камсаракан, одетый строго по-военному, в высоких муйках до колен, со шлемом на голове. Узнав католикоса, он обнажил голову, поклонился и приложился к руке святейшего, затем помог ему спешиться. Точно так же поступали выходившие из соседних шатров другие нахарары. С коней сошли и епископы и архимандриты; дьякон Фавстос, как тогда у царя, так и теперь, вручил Нерсесу скипетр, потом поправил полы его рясы.

С первого же взгляда Нерсес заметил, что Камсаракан выглядит мрачно, мрачней, чем при последней их встрече в Гарни. Под верхней одеждой виднелась броня, в броне были и другие ишханы, вышедшие из шатров.

— Вот до чего, святой отец, довело упрямство Аршака,— заговорил Камсаракан взволнованно.— Я предупреждал, что указ его будет иметь печальные последствия, ты свидетель тому. Но он пренебрег моим предупреждением, упорно не захотел отречься от заблуждений...

Камсаракан, разговаривая, вел католикоса к шатру, а потом, когда вошли, усадил с почтением в кресло. Тем временем у входа в шатер столпились остальные нахарары. Интерес к происходящему подогревался еще и тем, что святейший ехал от царя, об этом уже знали все. Какие вести принес? О чем говорил с ним?

Заметив всеобщий интерес, Камсаракан обратился к католикосу:

— Святой отец, могут мои друзья присутствовать при нашем разговоре?

— Отчего же нет, пожалуйста,— разрешил Нерсес.— Не тайная сия беседа будет, тер Камсаракан.

Этого было достаточно — один за другим ввалились в шатер ишхан Вахе Вахевуни с кривым носом и хищными глазами, ишхан Даниэл Амуни, который после гибели старшего брата считался патриархом рода Амуни, ишхан Манэч из Басена, владелец Вананда и другие.

— Я прибыл с добрыми вестями,— начал Нерсес, обводя взглядом присутствующих, замечая на их лицах крайнюю заинтересованность.— Как божий пастырь, я прибыл к вам с предложением о мире, в надежде, что вы прислушаетесь к тому, что будет говорить ваш святой отец.

Нерсес чувствовал себя здесь свободней, чем у государя, говорил с достоинством, как старший, к слову которого должны прислушиваться все, как христианин, которому глубоко ненавистно богопротивное дело — война.

— Перемирие вещь желанная, конечно, но слишком запоздалая,— проговорил Камсаракан.— На каких условиях, однако, святой отец? — поинтересовался он после минутного молчания, с почтительным вниманием глядя в усталое, набрякшее лицо Нерсеса.

— Условия следующие, дорогой ишхан: ты и твои друзья по оружию попросите прощения у государя за ущерб, нанесенный ему, и поклянетесь повиноваться ему.

Камсаракан внимательно посмотрел на патриарха, потом обвел взором собравшихся, лица всех были крайне напряжены. Он словно прочел их мысли и после минутного молчания, как бы от имени всех, спросил:

— А обмана за этим не кроется?

Нерсес поднял голову.

— Ни в коем случае, ишхан, не был я никогда орудием зла

и обмана и не буду, – с обидой в голосе ответил он. – Неужели тер Камсаракан такого мнения о своем католикосе?

– Тебе я полностью доверяю, верховный владыка, – как бы оправдываясь, сказал ишхан, – однако Аршаку...

Тут Нерсес взглядом скользнул по лицам молча сидевших на коврах нахараров и торжественно произнес:

– Аршак дал мне слово, царское слово, тер Камсаракан, я ручаюсь за сказанное. К Страшному суду призову его, если посмеет...

– А правда, святейший, что Аршак грузинские полки собирается двинуть против нас? Если это так, мы не сложим оружие, – сказал один из присутствующих.

Католикос Нерсес был тонким психологом и опытным политиком, он знал, где что надо говорить.

– Да, слышал, если война будет продолжаться, он намерен бросить в бой грузинские полки...

И, продолжая в этом духе, говорил, что насилу уломал государя, убедил, что внутренняя война гибельна для обеих сторон, нужно проявить великодушие и прочее.

Нерсес чувствовал себя посланником доброй воли, вошел в роль, говорил с воодушевлением: вложить мечи в ножны, остановить братоубийственную войну – что может быть более благородное для истинного христианина? Теперь он «надежда народа» в глазах всех.

Камсаракан и его единомышленники слушали с вниманием, взвешивая каждое произнесенное им слово. Когда он умолк, все почти одновременно устремили взоры на своего предводителя, желая на челе его прочесть ответ, в то же время каждый, внутренне сосредоточившись, обдумывал предложение патриарха. Между тем Нерсес как бы мимоходом заметил, что нахарарам не следует забывать, что численный перевес войска на стороне государя и у него опыта ведения войны больше, чем у них, что в конце концов Аршак может на самом деле обратиться за помощью к дружественному грузинскому царю...

Когда Нерсес кончил, воцарилась полная тишина, теперь каждый был погружен в самого себя, порой ишханы лишь молча обменивались взглядами. Сам Камсаракан несколько минут задумчиво теребил бороду, потом, казалось, чтоб прервать неловкое молчание, спросил:

– И более Аршак не будет требовать с нас крепостей? Не будет отбирать слуг?

А старый Вахевуни поспешил вставить, скривив еще больше рот в кривой усмешке:

– Не будет, значит, больше посягать на наши потомственные права?

Эти вопросы сразу точно разомкнули молчавшие уста, все заговорили разом о неприкосновенности их собственности, о священности потомственных прав... Хотя Нерсес эти вопросы не обсуждал с государем, счел нужным успокоить:

— Я убежден, что Аршак отменит строгости, ибо мир предполагает забвение старых счетов, старых споров во имя торжества справедливости и здравого разума.

Снова воцарилась тишина; казалось, уже нечего было сказать, и опять первым прервал молчание Камсаракан; неожиданно поднявшись с места, он произнес:

— Верховный владыка, ты отдохни со святыми отцами, а мы тем временем удалимся, посовещаемся.

Только покинул шатер Камсаракан, вошли сопровождающие Нерсеса святые отцы, епископы и архимандриты. Для них внесли еду на подносах.

Пока утомленные святые отцы занимались едой, нахарары, удалившись в отдаленный шатер, обсуждали предложение; их голоса, обрывки фраз, хотя и приглушенно, доносились до слуха Нерсеса и его сотрапезников, но разобрать, что там говорят, нельзя было. Однако нахарары и впрямь не заставили себя долго ждать, вскоре явились Камсаракан и Вахевуни, первый из них, отчеканивая каждое слово, заявил:

— Верховный владыка, мы согласны начать мирные переговоры, если, разумеется, государь будет твердо придерживаться своего слова.

— Согласны, — вслед за ним решительно произнес Вахевуни. Нерсес поднял руку:

— Положитесь на вашего духовного владыку. Если б я не был уверен, не стал бы посредничать. Подробности об условиях перемирия — после.

— Однако, святейший, — снова вступил в разговор Вахевуни, — сначала же одно условие: чтоб ты обязательно присутствовал во время переговоров, иначе нам не найти общего языка с государем.

— Опасения ваши излишни, господа, я буду принимать участие и несправедливости не допущу.

Слово верховного владыки было законом для всех в Стране Армянской, гарантией прочности и незыблемости, а он утверждал: «Я ответствен перед богом и людьми».

После этих слов ишханы Камсаракан и Вахевуни склонили головы перед патриархом, и он осенил их крестом.

А через час Нерсес со своей свитой и посланником от Камсаракана, ишханом Закарэ из Каруца, были вновь у царского шатра, они сообщили государю, что нахарары согласны сложить оружие и заключить мир.

Аршак хмуро посмотрел на нахарарского дипломатического посланника, произнесшего после католикоса эти слова, и сказал:

— Ладно, принимаю заверения в верности нарушивших свой долг нахараров и со своей стороны тоже прекращаю военные действия.

Хотелось ему добавить, что перемирие — это предварительное условие, для того чтобы нахарары просили прощения у него за содеянные преступления, признали себя виновными

и обязались восстановить разрушенный город, но сдержался; обратившись к одному из телохранителей-сепухов, он распорядился:

– Дай команду, чтоб трубили отбой...

Нет, наверное, для воина более счастливой и желанной минуты, чем трубный сигнал об окончании военных действий; сколько чувств и надежд рождает он в сердцах!..

В ответ на сигналы, поданные с царской стороны, протяжно затрубили с противоположного стана, и воины, бросая на землю шлемы и щиты, недели подряд ни днем ни ночью не снимавшие их с себя, кидались друг другу в объятия в радостном волнении, точно не виделись сто лет. Затем, в знак перемирия, самопроизвольно, без распоряжения командиров, с обеих сторон одновременно запылали костры, огненные языки их прорезали ночную тьму, освещая окрестности. С обеих сторон стали слышаться песни и звуки музыки, наполнявшие долину и ложбину между гор. Казалось, совершается ночное языческое богослужение в долине Коговита.

Трубный глас достиг близлежащих селений, вызвав всеобщее ликование; мужчины и женщины из Аранца подымались на плоские кровли и смотрели на костры; что творилось в более отдаленных местах, разглядеть было невозможно. Однако вскоре со всех сторон к кострам потянулись селяне, таща за собой ягнят.

– Заколите и ешьте на здоровье, братцы... проклятье войне...

В эту ночь разделял со всеми радость и маленький Усик, сын Вардана. Он восхищенно смотрел на пылающие костры и все время дергал отца за рукав:

– Папо, войны больше не будет?

– Нет, сынок, война кончилась.

– Теперь пойдем к мамо?

– Пойдем, сынок, пойдем теперь домой, к мамо.

Говорил Вардан, а сам не верил, что встретится с женой. Где она? Уцелел ли их новый дом? Он слышал, что многие жители попали к нахарарам в плен, многие из страха быть угнанными, бросив все, убегали из города, знал, что немало было жертв среди женщин, которые с крыш домов бросали камни в противника, когда начались уличные бои...

Радовался и Торгом, но лишь потому, что теперь представится возможность попасть в город и все там разузнать; он, как и Вардан, не имел никаких сведений от родных; в то же время чувство досады преследовало его: как удалось нахарарам безнаказанно выйти из этой истории, хоть бы на одном из них сумели бы сорвать злобу...

– Жаль, государь должен был все же наказать их за преступления, совершенные в городе, жаль, – говорил он друзьям.

– Мало сказать «жаль», – соглашался с ним Овсеп. – Госу-

дарь должен был их повесить в центре города, чтоб все видели, кто предал огню и мечу Аван!

В армии кроме Торгома и его друзей было много аршакаванцев, принимавших участие в боях вместе с царскими воинами. Они тоже недовольны были, что государь помирился с нахарарами. Значит, он им прощает содеянное; такое не укладывалось в голове. Неужели царь бессилен или, может...

Как бы там ни было, уже хорошо, думал Торгом, что мы остались в живых, не попали в плен. А то что бы делали наши родные, моя старая мать, Мина с больным отцом? «Боже мой, где же они теперь?» – прервал ход его размышлений злосчастный вопрос.

Радостные крики воинов доходили до царского шатра; из-за задвинутого полога Аршак смотрел на золотисто-огненные языки пламени, колеблющие тьму; слушал разрывающие ночную тишь разноголосое пение и музыку. Однако на лице его трудно было заметить даже самые отдаленные признаки радости, наоборот, оно было мрачным и злобным, точно царя грызли мучительные думы. Хотя противник просил прощения и клялся в верности, гнев и возмущение переполняли душу. Разрушить целый город, который воздвигался с такими огромными усилиями в течение стольких лет!.. Как мириться с подобным? Отчаянию царя не было границ. Ему казалось, что нанесен удар самим основам его государства, развеяна мечта его о сильной, могущественной стране...

В чьей голове могла родиться такая чудовищная идея – поджечь город? Нару Камсаракану пришло на ум или кому-либо другому? Кого он мог спросить об этом, с кем поговорить? Покоя не было от этих мыслей ни в шатре, ни за его стенами, когда он выходил в ночную тьму. Не следовать совету католикоса нельзя было, тут он правильно поступил... Но Аван, будущая крепость?! Да, он не захотел губить народ, проливать дальше кровь; но кто возместит урон, понесенный им? Правда, теперь в глазах людей он не будет слыть царем, потерпевшим поражение, будут говорить о его великодушии... Но город! Но крепость!..

Аршак думал долго, думал всю ночь напролет, до самого утра, а когда наступил день, приказал сенекапету Езнику пригласить католикоса к себе. Только явился Нерсес, усадил его напротив себя и начал так:

– Владыка верховный, мы сложили оружие и положили конец братоубийственной войне. Однако, мне кажется, мир наш был бы непрочным и неполным, если б я и недовольные нахарары не встретились и, поговорив с глазу на глаз, не выработали единые соглашения, обеспечивающие мир на долгие време-

на; и еще, я думаю, следуя стародавней традиции, мир между враждующими сторонами надо скрепить клятвенным заверением; пусть нахарары дадут слово соблюдать верность государю, я же обещаю свое отеческое покровительство им.

— Ты прав, государь, — согласился католикос. — Собственно, я иначе и не представлял дело; безусловно, необходимо, чтоб мир был прочным, устроить встречу, на которой обе стороны дали бы присягу в верности, поклялись на святом кресте...

— И еще, святой владыка, — поспешил добавить Аршак, — чтоб наше перемирие достигло своей цели, мне пришло на ум после нашей вчерашней беседы, что желательно было бы нахарарам, Камсаракану и другим его единомышленникам, явиться на заключение перемирия не одним, а вместе с сыновьями, братьями и иными представителями своих фамилий, чтоб и они приняли участие в официальной церемонии заключения мира и в свою очередь тоже дали клятву в верности, тем самым исключалась бы в дальнейшем возможность клятвоотступничества с чьей-либо стороны.

— Что ж, будь по-твоему, государь, — согласился католикос.

— Стало быть, — заключил беседу царь Аршак, — назначим место и дату встречи, пусть встреча для заключения перемирия состоится ровно через десять дней после нашего сегодняшнего соглашения.

Патриарх дал слово и в тот же день в сопровождении епископа отбыл в свою резиденцию. По прибытии на место, в ту же ночь, уединившись в келье, Фавстос сделал следующую запись:

«Глава нашей церкви католикос Нерсес Великий призвал к миру царя и нахараров; вложили все мечи в ножны, и ликование было повсеместное. Будем молиться и надеяться, что заключенный мир окажется прочным и долговечным для Страны Армянской»...

После прекращения военных действий обе стороны начали покидать Коговит, царь со своим войском направился в стольный град, нахарары с полками — в свои владения. Часть аванцев, присоединившихся к царской армии и принимавших участие в боях, стала возвращаться в город. Туда же поспешили Торгом и его друзья.

Они были верхом на лошадях, поскольку им в армии выдали коней павших в боях противников. Когда друзья собирались домой, обратились к сотнику своей части с вопросом, что делать с животными.

— Возьмите себе, вы их заслужили, — ответили им.

Так они оказались на конях.

Вардан посадил Усика на круп лошади и наказал крепко сзади держаться за него, чтоб не упасть.

— Поскачем поскорей, я так соскучился по вкусным обедам мамо, — радовался мальчик.

«Будет ли мамо там?» – думал Вардан с тревогой. Тот же вопрос заставлял мучительно страдать и Торгома, и Овсепа.

Через три дня после перемирия из центра Тайкской области вернулся в Вагаршапат спарапет Васак и в тот же день отправился на прием к царю, который к тому времени успел прибыть в стольный град.

– Какое несчастье, государь! – воскликнул он взволнованно. – И кто зачинщик всего этого?

Сжав губы, Аршак взглянул на своего невысокого, но крепко сложенного спарапета;

– Возможно, спарапет, мои враги воспользовались твоим отсутствием и решили отомстить мне.

Васак удивленно уставился на Аршака:

– Стало быть, государь, виноват я своим отсутствием?

– Да нет же, спарапет, я просто хочу сказать, что при тебе смутьяны не посмели бы поднять оружие, а твоим отсутствием воспользовались и пошли на Аван.

Хотя слова Аршака были призваны польстить самолюбию спарапета, от них у Васака остался тяжелый осадок на душе.

– Я не раз предупреждал, что строгие меры могут привести к тяжелым последствиям, – сказал он.

Аршак сверкнул глазами, потом сдержанно произнес:

– Я бы не стал идти войной на них, если б они не разрушили мой город. Ну ладно, с этим кончено, думаю, такое не повторится уже, да и примирение состоялось.

В уголках губ Аршака появилась еле заметная усмешка.

– Возблагодарим небеса, что кончилось так, могло быть и хуже. По дороге сюда я узнал, что заговорщики должны дать присягу верности государю... Разумное решение.

– Конечно, а ты останешься в Вагаршапате или уедешь в Тайк? – спросил вдруг Аршак, точно хотел перевести разговор на другую тему.

– Останусь, государь, тем более что с моим присутствием ты связываешь спокойствие в стране, военное столкновение нанесло чувствительный удар нашей боевой силе...

– Думаю, не будет более столкновений. Ты можешь быть теперь спокоен, и здоровье твое для меня важней, отправляйся в Тайк и продолжай свой отдых.

Странно ведет себя государь, думал озадаченный Васак, никаких подробностей о боях, никаких вопросов по поводу предстоящего мирного договора, одна лишь забота о нем. Не хочет, чтоб я присутствовал на заключении перемирия? Или он неправильно понял его? Может, все же ему показалось?.. Вслух он сказал:

– Я хотел бы, государь, присутствовать на официальной церемонии перемирия.

Аршак, прищурившись, посмотрел на него.

– Ни к чему, спарапет, твое присутствие не обязательно, здоровье важней, отправляйся в Тайк.

Васак был потрясен: теперь яснее ясного, государь не хочет, чтоб он был на церемонии перемирия, такого важного государственного акта... А ему казалось, что участие главнокомандующего страны должно быть обязательным. Промолчав, он поднял руку, как подобает военному человеку, и произнес:

– Да хранит тебя бог, государь!

Васак вышел глубоко уязвленный, в душе приняв решение, несмотря ни на что, явиться на место назначенного церемониала и лично поздравить всех присутствующих с заключением мира.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Спустя семь дней после этого разговора по старой дороге, пролегавшей через ущелье Ерасха, гулко стуча копытами и взметая клубы пыли, неслись отряды всадников; направлялись они к древнейшей столице Армении Армавиру, вернее, к его затерявшимся в многовековой кленовой роще палатам, обнесенным кое-где обвалившейся крепостной стеной из камня и кирпича. Среди всадников были люди и пожилые и молодые: ишханы, сепухи, телохранители. Все на чистокровных скакунах, все богато разодетые, все с пасмурными лицами... Празднично нарядные и невеселые...

Среди зеленого однообразия леса порой попадались желторжавые и багряные пятна – приметы ранней осени. В гуще листвы перекликались невидимые глазу птицы, иногда слышались одинокие голоса, но это не было звонким весенним пением, скорей напоминало глухие стоны, полные предчувствия ближайшей разлуки, в них звучали тоска и печаль, как в пожелтевшей листве деревьев.

Старинные палаты, отданные под присмотр двух сторожей, обычно были пусты и безлюдны, штукатурка на их стенах от ветра и дождей кое-где потрескалась и обвалилась, окна, наглухо заколоченные и затянутые паутиной, давно не отворялись. Однако сегодня здесь царило необычное оживление. Сновали слуги, услужливо хлопоча вокруг прибывающих гостей. Особое рвение проявлял огромного роста детина с пышной бородой, величавший себя распорядителем, видимо ответственный за приготовления к приему; он то и дело отдавал распоряжения, не произнося ни слова, глазами и мимикой. Пока слуги вместе с телохранителями отводили лошадей в находящиеся на довольно большом расстоянии от палат конюшни, распорядитель сопровождал гостей во внутренние покои; здесь в просторных залах расставлены были кресла, покрытые коврами, и на полу, тоже застланном ковром, разложены разноцветные подушки для сидения. В других залах стояли в ряд деревянные столы и стулья. Переступая порог палат, гости прежде

всего скидывали с себя запыленные накидки, располагались в креслах, на подушках, чтоб отдохнуть с дороги; некоторые шагали туда и обратно вдоль длинного зала, чтоб размять затекшие от долгой езды ноги.

Все прибывающие выглядели утомленными, заметно озабоченными. Слуги, не знавшие многих в лицо, были предупреждены, что встречают важных особ, среди которых были и мятежные нахарары, недавно поднявшие меч на государя и разрушившие его город; знали они также, что гости съезжаются по приглашению царя Аршака и католикоса Нерсеса для заключения официального перемирия и принесения торжественной клятвы.

Нахарары были с сыновьями, некоторые с телохранителями; лица всех хранили сосредоточенную серьезность, сквозь которую, однако, порой сквозило любопытство.

Одним из первых появился в Армавире ишхан Камсаракан со своими пятью братьями и четырьмя сыновьями; он осматривал старинные палаты, их внутреннее убранство, внимательно изучал стершуюся настенную роспись, изображавшую сцены охоты, а кое-где и виды природы, остановился перед полуобломанными лепными украшениями, напоминавшими то ли виноградную лозу, то ли айву, то ли гранат. Хотя Нар-ишхан с виду был спокоен и, казалось, с интересом рассматривает палаты, все внутри у него было натянуто как струна; его не переставала тревожить мысль о предстоящих событиях: какие условия выдвинет государь? Окажутся ли они приемлемыми для него? Предвидеть все возможные осложнения в ходе переговоров ему, конечно, было не под силу, потому он нервничал; лишь то, что инициатором мирных усилий является католикос, несколько обнадеживало его,– возможно, и будут найдены взаимоприемлемые условия. Аршаку Нар-ишхан не очень доверял; если б предложение о мире исходило только от него, он не откликнулся бы с такой готовностью. Немалую роль в его решении пойти на мир сыграло известие о том, что в дело могут быть брошены военные силы грузинского царя. Это обстоятельство могло бы изменить положение в пользу сторонников царя и предопределить нежелательный исход событий. Опасения Нар-ишхана полностью разделяли и его единомышленники; предпочтительным, на их взгляд, было принять предложение о ведении мирных переговоров и, без дальнейших потерь в живой силе, прекратить военные действия.

О решении пойти на переговоры Камсаракан не счел должным ставить в известность Меружана, наперед зная, что он будет против, более того, настоятельно потребует не складывать оружия; между тем его воины выдохлись, полки понесли значительные потери, та же картина наблюдалась в войсках других нахараров: Вахевуни, Басена, Вананда...

После всего происшедшего хорошо было бы заключить мир, не ущемляющий достоинства нахараров, а это должен гарантировать католикос. Но согласится ли государь с подоб-

ным миром? И тут, казалось Камсаракану, важную роль сыграет Нерсес как посредник и верховный судия, к гласу которого обязаны прислушиваться обе стороны, тем более что он будет принимать личное участие в церемонии заключения перемирия. Если же царь Аршак станет навязывать неприемлемые условия, сам с собой рассуждал Нар-ишхан, нам в конце концов ничто не мешает отвергнуть их и удалиться в свои владения, в случае необходимости даже возобновить военные действия, попросив помощи у Меружана.

Следующим прибыл Манэч из Басена со своим единственным наследником; третьим – с двумя сыновьями и несколькими телохранителями – Вахе из Вахевуни. Последний, войдя в зал и шмыгнув кривым носом, направился прямо к Камсаракану и, не здороваясь, точно продолжая только что прерванный разговор, спросил:

– Как ты думаешь, ишхан, перемирие со стороны Аршака будет окончательным или временным?

Статный Нар-ишхан глянул с высоты своего роста на низкорослого друга:

– Трудно что-либо предсказать, тер Вахевуни,– на это прольют свет условия, которые выдвинет государь.

– Это так,– согласился Вахевуни, беспокойно оглядываясь,– тем не менее, если Аршак потребует от нас восстановить разрушенный город, как мы к этому должны будем отнестись?

– Ни за что! – отрезал Камсаракан.

– И я на такое не пойду. Того же мнения придерживаются и другие ишханы. Ни за что!

Он перевел дух.

– А если потребует вернуть пленных, наших бывших слуг, что тогда?

– Ни в коем случае,– резко мотнул головой Камсаракан.– Мы с оружием пошли на Аван, для того чтоб вернуть своих слуг; как это оставлять их у него? Об этом и речи быть не может.

Камсаракану казалось, что государь теперь не будет ставить такие жесткие условия; если на самом деле он окажется прав и перемирие состоится, все войдет в обычную колею: как было заведено, нахарары заплатят Аршаку установленную дворцовую подать, десятину, выделят конников для царской армии и... дело с концом.

Разговаривал ли Нар-ишхан, разглядывал ли роспись на стенах – мысли неотступно вертелись вокруг этих вопросов; он с нетерпением дожидался приезда запаздывающих ишханов и государя с католикосом.

Приглашенные продолжали прибывать с сыновьями, телохранителями, вот уже явился и Закарэ из Вананда.

Расторопные слуги подбегали к гостям, помогали спешиться, сопровождали в палаты, предупредительно предлагали занять кресла, диваны, давали объяснения, касающиеся ста-

ринных залов. Вездесущим оказывался распорядитель, он всюду поспевал, стараясь исполнить малейшее желание господ. На их вопросы, когда прибудут царь и католикос, отвечал учтиво:

– В самое ближайшее время.

– Явится и царица?

– По всей видимости, – отвещивал поклон распорядитель, громадный детина. – Кроме государя, возможно, прибудут и азарапет Давид Гнуни с аспетом Смбатом Багратуни.

Как и следовало ожидать, всадники показывались со стороны не только ущелья Ерасха, но и Вагаршапата, группами и в одиночку. Но в палатах пока не было видно ни придворных, ни дворцовых старейшин.

– Речь о перемирии будет держать государь или кто-нибудь из придворных? – поинтересовался один из сепухов.

– Точно сказать трудно, – отвечал распорядитель. – Может, поручат азарапету или самому святейшему.

Ишханы и сепухи многозначительно переглянулись, затем, приблизившись друг к другу, стали перешептываться:

– Не худо было бы, чтоб переговоры вел не государь, а кто-нибудь из его придворных...

– С Аршаком разговаривать невозможно.

Всех интересовали условия мира... Какими они будут? Многие обращались с этим вопросом к Камсаракану; в одном случае он отвечал, как Вахевуни, в другом пожимал плечами: мол, поживем – увидим; будут приемлемыми – примем, нет – отвергнем...

Наконец настал момент, когда должны были появиться государь и его свита; специально ожидающий его отряд заметил издали конный полк, вооруженный копьями и стрелами, и тотчас поспешил навстречу.

– Охранный полк! Охранный полк! – послышались голоса.

Гости тоже приняли приближающихся за охранный полк царя, который обычно посылают вперед. Но, въехав в крепостные ворота, вооруженный отряд стал вести себя странно: бросился врассыпную и окружил палаты; большая группа всадников, спешившись, заняла подступы ко входу; как все, они были вооружены. Казалось, ждут государя и его свиту.

Но время шло, а их все не было, охраняющие вход воины стояли на местах не шевелясь; чуть погодя высокий мужчина, видимо их командир, приблизился вплотную к воинам и что-то им сказал, тогда они чинно, по два-три человека двинулись ко входу; войдя в палаты, обнажили мечи.

Некоторым из гостей показалось, что это ритуал в честь прибытия государя, но тут один из сепухов вдруг с ужасом воскликнул:

– Заговор! Заговор! – и бросился к ишхану Камсаракану, находившемуся в одном из дальних от входа залов. – Защищайся, отец, заговор против нас!

Из гостей только один Камсаракан был при оружии. Не-

смотря на возраст и грузность, он вмиг вскочил на ноги и двинулся наперерез воинам, идущим к залу с обнаженными мечами.

— Не подходить! — свирепо крикнул он.

Огромный и разъяренный, он выхватил из ножен меч и приготовился принять бой. Лицо его исказилось до неузнаваемости, глаза метали искры.

Тут случилось неожиданное.

Готовые к нападению воины отринули, не осмеливаясь подойти к нему: страшен он был и грозен.

Но такое замешательство длилось лишь мгновенье. Сзади послышалось: «Смерть противникам государя!» — и десятки стрел, пущенных из-за спин стоящих с оружием в руках воинов, вонзились в грудь Камсаракана. Когда он упал, зал огласился истошным криком, сквозь который едва можно было расслышать отдельные слова:

— Измена! Ловушка!.. Помогите! Где телохранители?!

Братья и сыновья Камсаракана первыми бросились безоружными в бой, пытаясь выбить из рук нападающих мечи. Один из них успел подхватить меч упавшего Нар-ишхана, он стал им яростно размахивать, не подпуская никого к себе. Другие — ишханы, сепухи — защищались чем могли; некоторые хватали деревянные стулья, стараясь увильнуть от удара, другие заслонялись большими подушками, третьи опрокидывали столы и прятались за ними. Кое-кто бежал в соседние комнаты, запираясь изнутри; человека два пытались выпрыгнуть в окно и звать на помощь телохранителей. Но окна были наглухо заколочены. Не сдавался лишь один молодой Камсаракан, в руках которого было оружие; он размахивал перед собой длинным мечом, сражая каждого, кто осмеливался подойти близко. Теперь крики нападающих, вопли и стоны людей, вынужденных сопротивляться безоружными, раздавались за стенами палат. Трудно сказать, сколько это длилось, когда вдруг раздалась громовая команда:

— Прекратить!!!

Голос прозвучал повелительно-грозно.

Воины как один повернули головы ко входу, откуда послышался голос, — они узнали в разъяренном человеке, стоящем в проеме входных дверей с обнаженным мечом, спарапета Васака.

Откуда он взялся? Его никто не ожидал. Позднее выяснится, что главнокомандующий прибыл в Армавир по своему почину, узнав, когда и где должна состояться церемония перемирия. Он решил, что ему надо присутствовать на таком торжественном событии, если даже это идет вразрез с желанием государя. Взяв с собой двух телохранителей, Васак пустился в дорогу. Приблизившись к палатам, он услыхал душераздирающие вопли, спрыгнул с коня и побежал ко входу. То, что открылось его взору, заставило содрогнуться от ужаса; он побелел как мел и, выхватив меч, грозно закричал.

Голос командующего армиями заставил застыть на месте готовые опуститься мечи.

Переступив порог палат, он увидел трупы людей, лежавших на полу ничком, навзничь, истекающих кровью. В одном из залов спарапет опознал труп ишхана Камсаракана, распластанного в центре на полу, с раскинутыми в стороны руками, во всем ишханском облачении; лишь голова была непокрыта — шапка валялась за три локтя от него...

Васак пришел в ярость.

— Кто смел такое натворить? Кто?! Где государь?!

Застывшие на месте воины попятились назад, они жались к стенам, пряча мечи за спины, а их командир метнулся в дверь столь молниеносно, что спарапет не успел его разглядеть. Собственно, он и не мог увидеть, потому что неотрывно, с ужасом смотрел на трупы. Переходя из одного зала в другой, мимо мертвых, агонизирующих раненых, он в одной из комнат увидел юношу, стоявшего в оборонительной позе с поднятым оружием в руке, глаза его были широко раскрыты, челюсти плотно сжаты. Он узнал спарапета и крикнул:

— Позор вам, спарапет, стыд и позор зачинщикам подлого заговора!

Васак побледнел: что он мог в свое оправдание ответить ему? Заинтересовавшись смельчаком, он приблизился к нему.

— Не бойся, юноша,— сказал он, опустив свой меч,— не посмеет никто к тебе прикоснуться.

— На что мне ваша милость, пусть что хотят делают со мной, пусть доведут свое черное дело до конца. Проклятье на ваши головы!

— Успокойся, успокойся,— с болью в душе произнес Васак.— Кто ты будешь?

— Для чего вам знать, кто я? — перекосилось от возмущения лицо несчастного юноши.

— Будь спокоен, твоя жизнь вне опасности.

— На что она мне, когда убиты мой отец и все близкие, возьмите ее, вонзите меч свой в мою грудь и торжествуйте...

Спарапет обернулся к телохранителям:

— Уведите сепуха отсюда, возьмите его в мое имение.

Распорядился и поспешил из армавирских палат в стольный град к царю.

В Вагаршапатском дворце все было тихо и мирно. Царь Аршак беседовал со Смбатом Багратуни и Айр-Мардпетом; неожиданное появление спарапета его удивило. А Васак, попирая установленный порядок поведения, прямо с порога крикнул:

— Что же ты наделал, государь? Ты обрек на вечное проклятье и нас и себя!..

Аршак выпрямился: подобным образом никто в стране не имел права говорить с ним; изменившимся голосом, с трудом

сдерживая себя, чтоб не взорваться, он раздельно произнес:

– Я, спарапет, иначе поступить не мог. Того требовали интересы страны. Вот так!

Взволнованное лицо Васака выразило полную растерянность.

– Не удивляйся, дорогой спарапет, ты просто не знаешь, какие преступления совершили нахарары. Я вынужден был вступить с ними в жестокий бой, это тебе известно, чтоб наказать за разрушенный Аван, мы бились яростно дни подряд... пока в дело не вмешался католикос Нерсес с уговорами заключить перемирие; я пошел на это, будучи убежден, что заставлю нахараров восстановить разрушенный их руками город... Но они оказались клятвопреступниками; тайно предали мечу сотни безвинных людей; никто, даже мои старейшины, не знает, что убиты не только градоправитель Вараз Гнуни, но и два его сына. Я хотел было при нашей последней встрече обо всем рассказать тебе, да решил не расстраивать и держать в стороне от этого грязного дела. До сегодняшнего дня таил я в груди священный огонь мести...

Он не успел досказать, как дверь с шумом отворилась и на пороге появился католикос, он не вошел, а ворвался в зал.

– Проклятье, государь! Если ты намеревался совершить сие злодеяние, зачем вводил меня в обман, сделал виновным перед богом и людьми? Ведь, ратуя за мир на земле, я ведом был благими намерениями.

Нерсес тяжело дышал, седая борода его тряслась на груди, в руках дрожал скипетр, лицо пылало, а воспаленные глаза метали искры из-под нависших бровей.

– Проклятье! – продолжал он, еле переводя дыхание. – Зачем ты вовлек меня в невольные соучастники преступления? Теперь вина, государь, лежит не только на тебе, но и на мне тоже. Пролита кровь Камсаракана...

Аспет Багратуни стоял опустив голову, не в состоянии поднять глаз. Спарапет Васак мрачно взирал то на царя, то на католикоса, Айр-Мардпет вращал глазами без ресниц, силясь понять происходящее.

Аршак слушал Нерсеса сдержанно, когда же он на минуту умолк, подошел к нему вплотную:

– Успокойся, святой отец, успокойся! Ты не можешь не желать нашей стране мира и благоденствия, не правда ли? Так пусть же сгинет род изменников и земля наша очистится от скверны. Подавление мятежа и крушение надежд сторонников раздробленности будут способствовать упрочению мира, а значит – благополучию и могуществу Страны Армянской.

Трудно было понять, слышал католикос его слова или нет, он продолжал тяжело дышать и трястись всем телом.

И Нерсес со свитой, епископами и архимандритами, полный сознания важности своей миссии, должен был направиться в Армавир...

После того, что он увидел своими глазами, уже слов не на-

ходил для выражения своего возмущения, лицо его передергивалось. Государь кончил говорить – горящий взгляд Нерсеса на мгновенье задержался на нем, потом он вдруг ударил тяжелым жезлом об пол и крикнул что есть силы:

– Про-кли-на-ю!!!

Вложив все свое негодование в единственное слово, он резко поднялся и, точно преследуемый привидениями, метнулся вон из зала.

Опустилась тишина, гнетущая, тяжелая, все стояли потрясенные. Свидетели этой сцены: аспет Багратуни, Айр-Мардпет и спарапет Васак – не знали, как себя вести, что говорить. Аршак огромными шагами мерил зал вдоль и поперек, казалось, он никого не замечал.

Придворные знали: если царь молчит, ни на кого не смотрит, надо его оставить наедине с самим собой... Первым удалился Айр-Мардпет, за ним, неслышно ступая, последовали спарапет Васак и аспет Багратуни.

Все трое были под впечатлением того, что произошло на их глазах, и подавленно молчали. Понимали, случилось нечто из ряда вон выходящее, но разобраться в сути дела, увидеть тайные пружины были не в состоянии, ибо не знали, кого винить, кого оправдывать. Васак вспомнил прошлое:

– Точно так в свою бытность поступил царь Хосров, прекратив существование рода Слкуни.

Оставшись один, Аршак медленно направился к своим покоям и вдруг рухнул на колени.

Чуть погодя, узнав о неожиданном прибытии католикоса и столь же неожиданном отбытии, вошла в опочивальню супруга царица Парандзем и застала его коленопреклоненным, с молитвенно сложенными руками перед крестом, висевшим на стене.

– Что случилось, государь? Ты молишься и на глазах у тебя слезы?

– Да, Парандзем, – изменившимся до неузнаваемости голосом простонал Аршак. – Помолись и ты за меня, дорогая, помолись... Католикос проклял меня крестом... Но я не преступник, Парандзем. Я совершил большой грех, но не ради себя... ради интересов Страны Армянской... Грешен тот, кто сеет раздор, кто подрывает основы нашего существования...

– Конечно, государь, конечно, – подавленно произнесла царица. – Недаром говорится: «Кто поднял меч, от меча и погибнет». Свершилась божья кара, на то была воля всевышнего... Однако не надо падать духом... Тебе надо строить свою крепость...

– Да, мою крепость... Армянскую крепость...

Пока происходил этот разговор между царской четой, первый писарь католикоса дьякон Фавстос, запершись в своей келье, при свете масляной коптилки сделал следующую запись:

«Царь Аршак совершил великое из злодеяний: уничтожил, стер с лица земли весь род Камсараканов и его единомышленников, наш великий пастырь католикос Нерсес предал его анафеме...»

Что стало с городом? Что стало с населением, с беглыми слугами?

Нет в жизни ничего более ужасного, чем потеря близкого человека, и еще тяжелей, если дорогое для тебя существо погибает при неизвестных обстоятельствах. Когда усопшего предают земле, душа оставшегося на этом берегу разрывается от печали и тоски, однако он понимает, что близкий ему человек теперь обрел свою последнюю, вечную обитель. Что же сказать, когда близкие пропадают без вести, когда не знаешь, погибли ли они, а если погибли, в какой земле зарыты...

В таких переживаниях были Торгом и его друзья.

Жаркий полдень стоял в той части Коговитской долины, где не было боев. Исхудавшие, обросшие, понурые, три горемычных друга скакали на конях по пыльной проселочной дороге. Лошади их шли взмыленные, частым пофыркиванием давая понять хозяевам, что выбились из сил. И всадники выглядели совсем изможденными, они даже не переговаривались меж собой. Скакали молча, вперив взгляд в горизонт. Мрачнее всех выглядел Торгом. Нетерпеливей нравом был он или чувствительней?

Тряслись три всадника в седлах довольно долго и вдруг у развилки дорог одновременно натянули поводья.

– Куда теперь податься? – спросил Торгом в нерешительности.

Ответа не последовало. Постояли некоторое время молча.

– Подождем, может, кого встретим, разузнаем, куда ведут дороги, – предложил Овсеп, спешиваясь.

– Подождем, – согласились другие и спрыгнули с коней, чтоб дать отдохнуть животным и самим перевести дух. Густая зелень, тень под ивами, журчащий ручеек – все располагало к отдыху.

Только они уселись, как, на их счастье, показалась фигура селянина – растрепанная голова, через плечо перекинут тугой овечий бурдюк. Заметив путников, человек остановился, поздоровался.

– Из каких краев будешь, братец? – спросил Торгом, ответив на его поклон.

– Из верхнего села, – он показал рукой на невысокую гору, по ней через скалистые уступы ползла извилистая тропка вверх.

– В твоем селении, случаем, беженцев из Авана нет? – спросил Торгом.

– Полным-полно, в каждом доме ждут, пока представится возможность вернуться домой.

— Женщины, мужчины?

— И тех и других много, но больше, конечно, женщин с детьми.

Так хотелось друзьям что-нибудь услышать о своих, да где было случайному человеку знать... Порасспросили, куда ведут дороги. Оказалось, все они идут в небольшие горные селения, но есть ли там беженцы, селянин точно не мог сказать.

— А вы куда путь держите, не из города? — со своей стороны поинтересовался он. — Война-то кончилась?

— Кончилась.

— Слава богу, — перекрестился крестьянин. — А вы что, своих ищете?

Получив положительный ответ, он сказал:

— Идите, идите, там много деревень, наверняка и беженцы будут.

Когда он распрощался с ними, друзья оседлали коней и направились к видневшимся вдали кровлям, которые то возникали красными полосами, то исчезали за отрогами гор. Хотя и устали, но гнали коней, чтоб попасть засветло.

Сколько дней и ночей подряд искали они своих родных, сколько селений, городов обошли! Все напрасно. Неудача преследовала их по пятам.

В начале этой истории мы с нашими друзьями встретились в этом же лесу, на этой же труднопроходимой тропе, когда они вместе с семьями бежали от господ в вольный город... По знакомым местам теперь брели они унылые в поисках родных... Их тяжкие скитания разделял Усик, сидевший на крупе лошади и крепко державшийся за отца. Совсем невыносимо становилось, когда Усик начинал хныкать:

— Папо, где же наша мамо?

Последняя надежда теперь оставалась на город, — может, они остались там, укрылись где-нибудь? Ведь, покидая Аван, друзья наказывали своим семьям именно так поступить. Приблизившись наконец к городу, они остановились как вкопанные. Уже издали виднелись полуобгорелые дома, закопченные стены, обвалившиеся крыши. Ступив на мостовые окраинных улиц, они увидели, что деревянные, тростниковые части подавляющего большинства домов сгорели дотла, лишь каменные стены и колонны торчали, сгорела и домашняя утварь: столы, стулья, тахты... Кое-где сквозь полуобвалившуюся стену или в проеме двери можно было видеть медные кастрюли, глиняные горшки, в ряд стоявшие на полках... Хозяев же не было видать. Точно все вымерло вокруг. Везде следы запустения и разбоя... А если вдруг кто-нибудь показывался на улице — больше походил на привидение, пугливо озирающееся и сторонящееся встречных, — жалкие остатки потерпевшего бедствие народа... Ни звука не издали друзья... все было ясно и без слов... Один Усик не унимался, он в который уже раз спрашивал:

— Что это такое, папо?

— Погоди, сынок, еще немного, — только и мог выдавить из себя Вардан.

Добравшись до своей улицы, друзья замедлили шаги. Первым спрыгнул с коня Торгом и побежал к своему дому, вошел во двор — дверь на запоре, внутри никого. Часть дома уцелела, а матери нет. Он кинулся к Овсепу, — может, у него... Овсеп стоял в пустой, полуобгоревшей комнате, растерянно озираясь по сторонам. Схватив его за руку, Торгом вместе с ним побежал к Вардану. Еще с улицы они услыхали голос Усика:

— Где же наша мамо, где же?

Что мог ответить несчастный отец? Домашняя утварь на месте, а жены и дочери нет. Долго стояли три друга в безмолвном молчании. И тут вдруг возник перед ними соседский старик. От него узнали они, что пришлось пережить аванцам, когда враг ворвался в город, как насильно собирали беглых слуг и угоняли под конвоем...

— Куда угнали? — спросил нетерпеливо Торгом.

— Откуда знать, взяли в плен...

Значит, случилось худшее, оказались наши близкие среди толпы угоняемых в плен, сокрушались друзья.

— Ты своими глазами видел наших? — подавленно спросил Торгом.

— Нет, я такого не говорил, собственными глазами я их не видел, столько народу было, приметишь разве?

С тяжелым сердцем пустились друзья по знакомым улочкам, мимо обгоревших, полуразрушенных домов, мимо свисающего с крыш полуистлевшего тростника, ступая по обугլившимся остаткам оконных рам и дверей... В горле стоял ком... Друзья обошли все районы города, спрашивали каждого встречного. Однако толком никто ничего сказать не мог. Рассказывали, что многим горожанам удалось укрыться в соседних селениях и так избежать плена. Одним словом, ничего достоверно установить не смогли. Перебрались ли они через гору в Сумари, чтоб выйти к стольному Вагаршапату, или попали в руки бывших господ?.. Говорили, были и такие, что скрылись в крепости Даронк, в надежде найти убежище у ишхана Багратуни, показывали, по какой дороге бежали люди. Когда началось бегство и друзья стали отступать, они видели на склоне горы толпу угоняемых женщин, детей, стариков. Их вели по пыльной дороге под вооруженным конвоем.

Еще два дня потратив на поиски в городе, друзья решили направиться в ближайшие селения, — может, там удастся напасть на след. Хотя военные действия и закончились, в нахарарских владениях опасно было появляться, ведь и они сами — из беглых слуг. Когда они вновь пустились в путь, Усик плача спросил:

— Теперь куда, папо?

— Мамо, наверное, ушла в соседнюю деревню, пойдем за ней.

Уже десять дней, как они искали своих родных, обошли пять или шесть селений, видели много беженцев, дожидавшихся объявления перемирия, чтоб возвратиться в город, вели расспросы... Попадались знакомые; так, в одной деревушке встретили кладчика Петроса, обрадовались очень, но и он ничего утешительного не мог им сказать.

— Ваших видел перед самым занятием города нахарарами,— говорил он,— но, когда началось паническое бегство, потерял из виду, мы с семьей сюда подались.

В другой деревне беженцы свидетельствовали:

— Мы последние оставили город — за нами враг закрыл дорогу.

— Какую дорогу, на Масьяц или Даронк?..

— К Даронку, на Масьяц дорога и до этого была перекрыта, чтоб никто к государю не пробрался.

Подобные разговоры друзья вели в отсутствие Усика, они его обычно оставляли у лошадей, а сами ходили за сведениями, стараясь уберечь ребенка от переживаний. Но он понимал, что взрослые ищут близких, его отец — мамо и сестренку, и по возвращении их спрашивал:

— И здесь наших не оказалось?

— Нет, мамо наша ушла в другое селение, хорошее селение,— успокаивал сына Вардан.

— Наш дом сгорел, куда мы приведем мамо?

— Найдем сначала, потом и решим, куда идти...

Близ крепости Даронк, в одном селении, друзья увидели знакомого кузнеца Давида, он и тут стучал молотком по наковальне под открытым небом.

Давид был в числе тех, кто до последней минуты оказывал сопротивление врагам, но, когда нахарары ворвались в город и стали собирать беглых слуг, вскочил в седло случайно подвернувшейся лошади и бежал прочь.

— В плен боялся попасть, шкуру с меня содрали бы, вместе с быками в ярмо бы впрягли...

— А как различали, кто беглый, кто нет? — прервал его Торгом.

— По-разному бывало: узнавали своих слуг, нередко их выдавали коренные жители, да, было и такое, а то сами со страху признавались, когда нож к горлу приставляли...

Вокруг друзей образовалось тесное кольцо беженцев.

— А вы после боев были в городе?

— Много домов сгорело, много народу согнали в плен?

— А наш дом уцелел? — спрашивал кто-то настойчиво.— Когда мир будет подписан? Когда можно возвращаться домой?

На голову друзей сыпались вопросы.

— Возвращаться уже можно,— отвечал Торгом.

— А нахарары больше не будут требовать своих слуг?

— Кто их знает, лучше здесь отсидеться...

Людей страшила мысль о возвращении к бывшим господам, в их глазах это было равносильно верной смерти. В сердце каждого жил страх, как бы государь не выдал их нахарарам.

Опасались этого и Торгом с друзьями. Не дай бог, если родные попали в плен, думали они в ужасе, замучают до смерти. А Торгом был уверен, что его родных в живых не оставят: как только узнают, что он убил Амуни...

Но так уж устроен человек: какое бы отчаяние ни охватывало его, в глубине его души всегда живет искорка надежды.

Поддерживая и подбадривая друг друга, упорно вели они свои поиски, переходя из одной деревни в другую.

— Убежали от господ-нахараров, а в государе защитника не нашли...— горько заметил Торгом.

— Он город свой защитить не смог, куда там...— усмехнулся Овсеп.

Иногда в самые тяжелые минуты друзей выручало умение подтрунивать над самими собой. Поскольку Торгом собирался жениться прямо накануне всех этих скорбных событий, дружком должен был быть Овсеп, крестным отцом — Вардан,— начинали с него.

— Эх дружок, не судьба тебе жениться, все что-нибудь да мешает. Вот теперь, дай бог, найдем Мину, сразу обвенчаем, и дело с концом. Ну, что скажешь?

— Вашими устами да мед пить, друзья мои...— с тоской в глазах отвечал Торгом,— лишь бы нашлись...

Так с полушуткой на устах, с грустью в глазах шли три всадника по дороге, ведущей в ближайшее селение... может, там их ждет удача? Не прошли они и ста шагов, как заметили галопом скачущего навстречу всадника. Он мчался со стороны деревушки, куда направлялись друзья. Его белый конь был весь в солнечных бликах. Кто это может быть и куда несется? Из любопытства натянули поводья. Ждать пришлось недолго. Скоро стал виден седок. Это был здоровенный мужик лет тридцати. Как выяснилось, житель той деревни, куда ехали друзья. Только стали его расспрашивать о беженцах, как он перебил их:

— Вы не знаете подробностей убийства нахараров?

— Какое убийство? Каких нахараров? — удивленно воскликнул Торгом, испугавшись в душе: не о нем ли речь, не ишхана Амуни ли имеет он в виду?

— Вы что, ничего не знаете? Не знаете, что царь загнал нахараров в капкан и всех до единого перерезал?

— В какой капкан? Что ты говоришь, братец? — закидали его вопросами оторопевшие друзья.

— В Армавире; ничего не слыхали?

Друзья переглянулись. Вот так новость, ошеломительная, неожиданная...

— Расскажи, человек божий,— взмолились все трое и спешились.

Незнакомец рассказал об армавирских событиях, коротко, в таких выражениях, что не оставляли сомнений, на чьей стороне его симпатии. Согласно его сведениям, государь пригласил нахараров на званый обед и тут же за столом всех заколол. Вы, сказал государь, в прах обратили мой город, так и сами станете прахом.

Незнакомец рассказывал живо, взволнованно, словно сам был свидетелем событий. Может, потому Торгом спросил его:

— Ты все видел своими глазами?

— Нет, рассказывали прибывшие из стольного града.

Из первых ли рук сведения или нет, не имело значения. Важен сам факт, поразительный, в который верилось с трудом. Сердца трех друзей радостно затрепетали.

— Так им и надо! — воскликнул Овсеп, самый немногословный из друзей. — До чего нас довели, по заслугам получили...

— Не будут теперь нам войной угрожать, — зло бросил Вардан.

Торгом хранил молчание; он тоже был доволен, жалел только, что своими глазами всего этого не видел. Вскоре радость его прорвалась наружу.

— Обидно, — воскликнул он, — нас там не было! — А после минутного молчания добавил: — А может, поехать туда, одним глазком взглянуть?..

— Нет, Торгом, нам надо искать своих, — возразил ему Вардан, — кто знает, где, холодные, голодные, они ждут нас.

— Да, да, пойдем искать мамо, — вдруг совсем неожиданно по-взрослому вставил Усик.

Всех троих словно окатили холодной водой.

— Конечно, — согласился Торгом, — сначала надо найти своих, потом думать об остальном...

Попрощавшись со встречным всадником, они продолжили свой путь. Удивительно, как радостная весть вмиг стерла с их лиц мрачное выражение, приободрила. Теперь, если в селениях их не окажется, пойдут они искать по областям, хозяев которых уже нет в живых. Безопасны нынче эти места для них.

«Если бы мы нашим, — думал Торгом, — не советовали оставаться в городе, никуда не уходить, они могли бы оказаться среди беженцев в этих деревеньках. Впрочем, как могла бежать его старая мать или больной отец Мины? Хотя страх придает силы...»

— Теперь, как найдем Мину, тут же обвенчаем вас, чтоб опять что-нибудь не помешало, — прервал нить размышлений Торгома Вардан, ведя лошадь рядом с ним.

— Лишь бы нашлась, — откликнулся тот.

— Ну ладно, допустим, нашли, а куда мы их возьмем? — вдруг спросил молчаливый Овсеп.

— Куда? В город, конечно.

— Но ведь наши дома сгорели, — снова заговорил Овсеп.

— Восстановим, ничего... — ввернул Торгом.

— А город?..

На этот вопрос ответить было сложней, друзья погрузились в грустные раздумья. Будет ли восстанавливаться Аван? Или останется в руинах? Вернутся ли его жители, рассеянные кто где?

— Государь сурово покарал своих врагов, чтоб строить свой город, — выразил своё мнение Вардан.

Торгом в душе был согласен с ним. Замолкли, каждый уйдя в себя. Потом он сказал:

— Найти бы, а там видно будет.

Действительно, думали все трое, сначала надо найти родных.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В те дни и царь Аршак был озабочен восстановлением города. Прошло чуть больше месяца после армавирских событий; в тронном зале, откинувшись на спинку просторного кресла, царь слушал Айр-Мардпета, стоявшего перед ним с накидкой на плечах, ниспадающей широкими фалдами до пят; придав рябому лицу, лишенному всякой растительности, многозначительную серьезность, скопец говорил:

— Я, государь, после долгих раздумий заключил, что нахарары вели себя крайне возмутительно, а посему должны были понести справедливое наказание.

Царь слушал и время от времени из-под насупленных бровей поглядывал на своего царедворца, точно ждал, скажет он что-нибудь важное или нет. Айр-Мардпет тоже украдкой смотрел сквозь щелки глаз на Аршака и продолжал:

— Что ж с того, что недоволен спарапет, подавлен случившимся аспет Багратуни? Со временем все забудется. Придет день, и они осудят их подлый поступок; и святейший в конце концов успокоится; ему пришлось трудней, он был связан данным словом... Владыка церкви, к сожалению, не до конца вникает в сложную обстановку наших дней, его больше заботят интересы церкви. Однако правда на твоей стороне, государь, и ты будешь трижды прав, если впредь начнешь тесней сотрудничать с персами...

До этого момента царь слушал Айр-Мардпета спокойно, не меняя выражения лица, при последних же словах нахмурился и вперил колючий взгляд в него.

— Оставь в покое это, Айр-Мардпет, куда важней было бы сейчас услышать от тебя что-нибудь дельное об Аване. Можешь помочь советом, говори.

Управляющий дворцом прикусил губу: город никогда в его душе симпатий не вызывал, какой он мог дать совет?

— Тебе видней, государь, — уклончиво ответил он.

«Старый лис, — подумал Аршак, — всегда увиливает от разговора о городе; небось боится, что затребую людей; конечно,

дружеские отношения с персами в интересах Айр-Мардпета: его обширные владения граничат с Ираном...»

После всего случившегося Аршака часто занимала мысль о необходимости начать восстановительные работы с возведения городских стен. Если бы они с самого начала стояли, думал он, нахарары не посмели бы напасть на Аван. С этого и надо сейчас начинать. И опять всё тот же проклятый вопрос о рабочей силе – придется вызволять ее со всех концов страны, с угодий и имений теперь уже наследников Камсаракана и других ишханов. И строить быстрыми темпами... Поднять город из руин назло врагам... А Айр-Мардпет избегает разговора на эту тему. Аршак его вызвал, чтоб поговорить еще о том, как наказать «мерзкого предателя» Меружана, но, поскольку он отказывается говорить об Аване, Аршаку не хочется далее вести с ним беседу.

Теперь, думал царь, после расправы с непокорными нахарарами, в стране воцарятся мир и порядок. Оставшиеся в живых будут вести себя тише воды, ниже травы; и представится возможность заняться городом с помощью слуг преданных ему ишханов; вот только надо еще обезвредить Меружана и владельца Тарона Ваана Мамиконяна, постоянно замышляющих против него козни. Ему казалось, что полный мир воцарится в стране лишь тогда, когда будут убраны с дороги все его противники; по его убеждению, именно в этом случае создадутся благоприятные условия для новых работ по сооружению города-крепости.

Не прошло и месяца после армавирских событий, когда гонец из Византии доставил во дворец два письма: одно от ишхана Андока – государю, другое от Папа – матери-царице.

В пространном письме ишхан Андок одобрял учиненную Аршаком расправу над взбунтовавшимися нахарарами, иначе, писал он, «они мешали установить в стране порядок, не давали возможности спокойно управлять ею, постоянно создавали ненужные затруднения...». С болью в сердце говорил он об Аване, его страшной судьбе, выражая надежду, что после очищения страны от смутьянов создадутся условия для возведения крепости и ведения восстановительных работ в городе, «крайне важном» в стратегическом отношении, ибо находится он на пути в Иран. Он советовал зятю-государю усилить армию, собрать оставшихся нахараров под единое начало. «У тебя много соседей, а соседи никогда не бывают дружественными...» И еще: «Укрепляй армию, чтоб крепить Страну Армянскую». Так заканчивал он свое послание.

Письмо пришлось по сердцу Аршаку, его тесть ишхан Андок уверял, что византийский двор одобрил поступок царя, убравшего с пути враждебных ишханов-персофилов, сам император Валент, отмечалось в письме, увидел в этом знак дружественного расположения к своей стране.

А юный Пап писал царице-матери, что дед окружил его заботами и вниманием, что он продолжает изучать науки и фи-

лософию у греческих мудрецов, посещает с большим усердием их лекции, особенно увлекается учением о природе и космологии, что на эти лекции приходят царевичи, знатные особы из царских фамилий, со многими из которых он ведет дружбу, часто на ладье вместе с ними отправляется на прогулки в открытое море... Затем уверял, что страшно стосковался по родным и близким. Далее шла приписка: «Поправился...» Мать в этом одном-единственном слове усмотрела для себя успокоительное сообщение о состоянии здоровья сына.

Все радовало сердце Парандзем, кроме одного. Пап отправляется на ладье в открытое море. Страх обуял ее. Какая неосмотрительность! Кто ему разрешает так поступать? Куда смотрит дед Андок? Море – это тебе не шутка, коварная и опасная вещь. Как же Пап не понимает этого?

Чем больше думала об этом Парандзем, тем больше расстраивалась, в конце концов решила написать письмо отцу, чтоб он строго-настрого запретил внуку совершать прогулки по морю; ведь не маленький Пап, рассуждала царица, уже женат, имеет ребенка, а так неосторожен. Обеспокоенная, она с письмом в руке направилась на половину мужа.

– Возьми, прочти. Сын совершает прогулки в открытом море. Допустимо ли такое? Сколько я его предупреждала... Впервые он сообщает о подобных вещах...

– Не писал, по-видимому, ибо не умел грести и далеко не уплывал, – заметил Аршак.

– Это меня не успокаивает, государь. Надо написать, чтоб был поосторожней.

В голосе Парандзем слышалась не только мольба, но и тревога.

Супруги не раз перечитывали полученные письма. Парандзем радовалась, что от родных, после долгого молчания, поступили вести, они живы-здоровы. Однако Аршак не реагировал на письма так, как бы ей хотелось: хотя он и должен был быть доволен полученными известиями, где-то в глубине его глаз затаилась тревожная настороженность. Царица это давно заметила, пожалуй, сразу же после армавирских событий, но объяснить себе, отчего это, не могла.

– Государь, ты чем-то сильно озабочен, а меня в последнее время не посвящаешь в свои думы, – сказала Парандзем, когда исчерпался разговор о письмах. – В чем причина твоей грусти? Неужели я ничем не могу помочь тебе? Враги наши повержены... Ничто не мешает снова приступить к строительству Авана и крепости... За чем же стало дело?

– Да, Парандзем, я снова буду строить город и свою крепость, – тяжело вздохнув, ответил Аршак. – Только, понимаешь, меня расстраивает, что некоторые из старейшин покинули дворец и удалились в свои родовые имения... Неужели они, как Нерсес, осуждают меня? Неужели думают, что я пошел на такой шаг ради личных интересов?

Меж тем католикос Нерсес, который с проклятьями на

устах покинул тронную Аршака, через два дня после того отбыл в Византию для участия в каком-то важном церковном соборе. Он так был разгневан, что не счел даже нужным поставить двор в известность о своем отъезде. Аршака расстроил его пренебрежительный акт, но... вот сообщение ишхана Андока: император Валент выслал на какой-то остров греческих епископов и вместе с ними Нерсеса...

...— Они конечно же ошибаются, государь,— ответила Парандзем, подчеркивая слова,— и аспет Смбат, и другие. А спарапет Васак, хотя и противник подобного метода разрешения споров, особенно в отношении рода Камсараканов, тебя не покидает... и таких немало. Многие остались во дворце и продолжают исполнять свои обязанности, как и прежде. Даже Айр-Мардпет, известный своими персофильскими настроениями, и тот, я знаю, не осуждает тебя. А братья Гнуни, Давид и Зенон, так преданы тебе; они понимают, что ты вынужден был пойти на такой шаг ради интересов страны. У тебя нет оснований для тревог и сомнений, государь.

— К сожалению, есть, Парандзем, и ты даже не можешь представить себе, какие серьезные,— ответил Аршак подавленно.— Десять дней тому назад я узнал, что Меружан и Ваан Мамиконян, услыхав о случившемся в Армавире, тайно покинули пределы страны. Теперь человек, натравливающий на меня нахараров, настраивающий их против меня, укрывается в Тизбоне.

— Что тут плохого? — оживилась царица.— Враг покинул нашу страну — скатерью ему дорога. Пусть себе сидит там и не сует свой нос в наши дела.

На лице Аршака появилось некое подобие улыбки.

— Хорошо бы так, дорогая, но в том-то и дело, что он будет оттуда самым злостным образом вмешиваться в наши дела. Ах, если б он остался здесь, в своих владениях, я бы его так наказал, я бы с него семь шкур содрал. Мне, конечно, удалось разорить осиное гнездо предателей и всякого рода подстрекателей, уверен, это оздоровило обстановку в стране, но я не довел дело до конца. Что касается Спандарата Камсаракана, с семьей перебравшегося в Византию,— меня это не волнует, он не опасен. Однако того же не скажешь о Меружане. Ведь это он во время войны оказывал военную помощь мятежным нахарарам, натравливал их на меня. И теперь не будет сидеть сложа руки. Знай, Парандзем, пока жив этот коварный интриган, это исчадие ада, мне нет покою на земле!

— Он в страхе бежал, государь,— возразила царица,— значит, не уверен в себе, не до интриг ему теперь. Ей-богу, ты преувеличиваешь опасность, не впадай в крайность и понапрасну не мучь себя. Меружана здесь нет, он далеко и ничем не угрожает нам, лучше давай займемся своими делами.

Парандзем старалась отвлечь супруга от навязчивых дум, напомнила о полученных из Византии письмах и необходимости ответить на них.

Когда царица удалилась на свою половину, чтоб написать сыну, Аршак вновь погрузился в безрадостные думы. С того момента, как стало ему известно о бегстве ишханов, Меружан не выходил из головы, он неотступно думал об одном – что сделать, чтоб заполучить этого подонка, пока тот не успел в Тизбоне пустить в ход свои ядовитые щупальца.

Прошло более месяца после расправы над мятежными нахарарами. Страна жила мирной жизнью, залечивая раны, нанесенные войной, уже с самого того дня, как прозвучал сигнал о прекращении военных действий; воины, селяне, горожане одинаково радовались концу бойни; а к тому, как поступил государь с нахарарами, отнеслись довольно равнодушно: в их глазах важнее всего был мир, дававший возможность спокойно заниматься своими делами. Землепашцы были довольны, что могут обрабатывать землю, сеять, растить хлеб, собирать урожай, и, бог с ним, что часть его отбирают церковники, нахарары и дворцовая знать. Лишь бы не было войны, говорили они. Тем более такой, необычной. Армяне не раз испытывали на своем веку превратности, связанные с нападением внешних врагов, но кровопролитие, возникающее внутри страны, явилось для них дотоле незнаемой бедой. И люди осуждали зачинщиков: «Нахарары первыми подняли оружие, и поделом им!»

– Проклятье войне! – можно было слышать повсюду. – Упаси господь от такой напасти наших сыновей и внуков, – молились женщины.

Все думали, что войне конец, что воцарился желаемый мир, царь же считал, что мир для Страны Армянской наступит лишь тогда, когда будут уничтожены все его противники, все до единого, и Меружан, и его приспешник Ваан Мамиконян. Аршак прекрасно понимал, от внешнего врага государство страдает порой меньше, чем от внутренних раздоров, потому считал важным вырвать зло с корнем, не оставить и маленького росточка ни здесь, ни там, за границей.

Уже из рассказов Ангеха Младшего знал Аршак, что военный поход против него начался с благословения Меружана, а когда, уже во время войны, увидел, какую военную помощь он оказывает мятежникам, убедился, что самый заклятый его враг именно он. Прежде чем начать восстанавливать город, думал царь, надо вырвать жало у змеи, обезвредить ее.

Да, он подымет из руин свой Аван, сделает его еще краше и богаче, и будет он стоять как бастион славы и могущества Страны Армянской, и никогда ни один перс не посмеет ступить ногой на священную землю.

Однако недаром говорится: человек предполагает, а бог располагает...

Царь Аршак весь был в этих раздумьях, когда с границы пришло известие, что из Ирана, от шахиншаха Шапура, направляется в Вагаршапат представительная делегация.

Неожиданное известие, естественно, вызвало всеобщий интерес; не только царь, но и все его окружение удивленно пожимало плечами: что это может значить? Готовит ли Шапур новое военное нападение на Армению или ищет себе союзника в ней? Так или иначе, пока прояснятся обстоятельства, надо подготовиться и надлежащим образом встретить гостей; Аршак дал распоряжение Айр-Мардпету – взять двух сопровождающих и выйти навстречу.

Через два дня делегация прибыла и разместилась в гостином дворе цитадели. Среди прибывших только один был приближенным Шапура, остальные – знатные вельможи из видных персидских фамилий. У всех на головах – островерхие, высокие шапки из каракуля мелкого завитка, на плечах – широкие шерстяные накидки, ниспадающие фалдами до пят. У всех одинаковые черные бороды, подстриженные клином. Их сопровождал целый полк телохранителей, вооруженных копьями и луками. Воины носили торчком стоящие войлочные шапки.

Отдохнув в гостином дворе цитадели, гости на следующий день явились в палаты. На приеме с армянской стороны присутствовали старейшины нахараров: прозорливый спарапет Васак, рассудительный Давид Гнуни, его смышленый племянник Зенон Гнуни, молодой, но уже поседевший серьезный Адам Гнтуни, высоченный, добродушный Меендак, ишхан из области Рштуни, возвышающийся над всеми на целую голову, наконец, рябой скопец Айр-Мардпет и другие.

Аршак восседал на троне; рядом, чуть пониже, сидела царица, за ней – старейшины, согласно занимаемому положению и сану. Хотя царь знал персидский язык не хуже греческого, на прием были приглашены два переводчика из армянских ишханских фамилий, чтоб в случае необходимости помочь разобраться в сказанном высокими гостями, потому что персидские официальные лица любили говорить возвышенным, витиеватым слогом.

Когда все были в сборе, дворцовый церемониймейстер объявил:

– Представительство от царя царей Шапура в составе: ишхана Ден-Мира, ишхана Мир-Мушка, ишхана Вер-Шабана, письмоводителя царя царей Сур-Сури, военачальника Закария.

– Пусть жалуют, – кивнул Аршак, невольно выпрямляясь на троне и повернув царский жезл так, чтоб венчающая его большая львиная голова, отлитая из золота, смотрела в зал.

Персы вступали в тронную степенно, чинно, что свидетельствовало об их особом уважении к присутствующим, один за другим на расстоянии полутора-двух шагов – то есть с соблюдением высшего этикета. Все были в высоких головных уборах, шелковых накидках, свисающих с плеч волнистыми складками, бороды, смазанные ароматическими маслами, отливали блеском. Все это делало их похожими друг на друга, отличались они только ростом и возрастом.

Руководитель делегации, опустив голову и глубоко склонив-

шись, шествовал впереди, он был старше и выше остальных. Следовавшие за ним все время отдавали поклоны. Затем руководитель поднял медленно голову и произнес торжественно и четко:

— Пусть здравствует великий царь армянский и да светит над его головой вечно солнце!

Он отвесил низкий поклон.

— Мой солнцеликий повелитель, царь царей Ирана, всемогущественный, непобедимый Шапур шлет привет тебе и желает благополучного царствования и мирной жизни твоему народу, мира и благополучия твоей досточтимой супруге, наследнику и всему двору. — Говоря, он отвешивал поклоны то направо, то налево, что означало — сказанное относится ко всем присутствующим. Потом остановился, вытянувшись в струнку, и продолжал: — Кроме того, мой всемогущий повелитель просит передать, что питает к тебе самые искренние и братские чувства, желает видеть тебя в полном здравии и счастье... — Кончив речь, он опять отвесил привычный поклон.

Царь Аршак поднялся с трона, крепко сжимая жезл в руках, вслед за ним тут же встали старейшины, сидеть осталась лишь одна царица Парандзем.

— Наша великая благодарность царю царей Ирана и не-Ирана за добрые пожелания и приветствия, — сказал Аршак на чистейшем фарси, растягивая слова, придавая им певучесть, как принято делать в Иране в знак уважения. — Я бы просил тебя, любезнейший посланник, передать твоему солнцеликому повелителю мое почтение и такие же добрые пожелания, братский привет и дружеское расположение.

После короткой ответной речи Аршака послы — все пятеро сразу — согнулись в поклоне. Когда они выпрямились, руководитель делегации кивнул головой — самый юный из послов, стоящий с краю, тотчас же вышел из зала. Через минуту он явился с двумя персами, одетыми с ног до головы в синее. Каждый из них нес в руках серебряный поднос, покрытый шелковой накидкой с кистями.

— Позволь, государь всемогущий, — заговорил руководитель делегации, показывая рукой на подносы, — поднести тебе дары царя царей в знак дружбы и братской любви.

Он сбросил накидку с одного из подносов — на нем оказались: золоченый винный кувшин с изогнутым, как у птицы, горлышком и бокалами; серебряный кинжал с золотой рукоятью и золотой пояс, усыпанный драгоценными камнями.

Затем посланник взял в свои руки второй поднос и, почтительно ступая, подошел к царице; слегка поклонившись, он поставил его перед нею и сорвал накидку; на подносе переливались драгоценными каменьями золотые и серебряные украшения, браслеты с крупными бриллиантами, изумрудные кольца, ожерелья из желтого, черного и красного янтаря, мониста, серьги, диадемы...

После церемонии вручения даров руководитель перешел к изложению цели делегации.

— Теперь, великий царь Страны Армянской, разреши слуге твоему покорному исполнить данное ему поручение.

— Говори, посланец шахиншаха, сделай милость,— сказал Аршак, сгорая от нетерпения.

Посол, вновь согнувшись в поклоне, начал:

— Царь царей, повелитель вселенной просит посетить его столицу Тизбон для ведения дружественных переговоров по вопросам, представляющим взаимный интерес для наших двух пограничных стран. Вот его приглашение, скрепленное печатью.

Посланец протянул царю Аршаку письмо и серебряный ларец, в котором была соль, припечатанная перстнем с изображением льва.

Таким образом припечатанная соль была для огнепоклонников самой святой, самой нерушимой клятвой. Всегда относящийся к Шапуру с подозрением, считавший его коварным хитрецом, царь Аршак тут проникся доверием, решив, что приглашение, видимо, искреннее и причина очень серьезная.

— С превеликой радостью принимаю дары царя царей, досточтимый посол, и прошу передать мою благодарность,— сказал Аршак.— Что же касается приглашения, я должен посмотреть, как складываются дела в государстве, чтоб решить, когда смогу посетить вашу страну. Ответ мой вы получите через два дня,— сказал он опять на фарси.— А пока я бы желал, чтоб дорогие гости отдохнули после дальней и утомительной дороги.

Послы поклонились и в том порядке, в котором вошли, торжественно-важным шагом покинули зал.

Аршак поднялся с трона. Прием был окончен. Армянские старейшины поочередно выходили из зала, на их лицах было написано недоумение: что означает это приглашение? Каково содержание послания? О том же думал и царь Аршак.

Когда в зале никого не осталось, он распечатал письмо Шапура и стал читать:

«Я, шахиншах Ирана и не-Ирана, повелитель вселенной, брат солнца, луны и звезд Шапур, шлю армянскому царю Аршаку II, сыну моему, привет...

Радуюсь за тебя, полностью одобряю учиненную тобой расправу над непокорными слугами, посягающими на твой покой и на твои права. Ты поступил мудро, наказывать надо строго, когда подчиненные идут против своего господина, все равно простолюдин это или ишхан...»

Затем Шапур выражал желание встретиться с ним в самом ближайшем времени, чтоб обсудить жизненно важные вопросы, касающиеся двух пограничных стран и их будущих отношений, после чего добавлял:

«Пусть всегда будет меж нами мир, согласие и любовь, а мы с тобой будем что сын и отец».

За сим следовали опять слова приветствия, примерно такие, какие говорил глава их делегации на приеме.

Прочел царь Аршак послание и возликовал.

Быть может, случай предоставляет ему возможность расправиться со своими врагами и раз навсегда избавиться от тяжкого, давящего душу гнета? Поехать в Иран и там на месте схватить подонков – Меружана и Ваана Мамиконяна.

Достаточно сейчас дать согласие на приезд, рассуждал Аршак, как Шапур пойдет ему навстречу – выдаст злонамеренных нахараров, во имя дружбы глав двух государств не станет прятать у себя преступников, тем более что сам порицает их поведение в последнем послании.

По правде говоря, Аршаку совсем не хотелось в Иран; он мало верил в то, что с Шапуром возможна дружба, но попытка не пытка, коль послана запечатанная соль... Видимо, у Шапура свои виды на союз с армянами, приходил к выводу Аршак, может, этот союз сейчас ему на руку, особенно в свете последних событий в стране. Наверно, он думает, что армянский царь, справившись со своими противниками, окрепнет, а с сильной страной под боком спокойней быть в добрососедских отношениях. Да, нынче в мире все решает сила... Почему бы не поехать, хотя бы ради того, чтобы захватить Меружана и привезти сюда? Привезти и здесь свершить свой суд... Такой, чтоб надолго всем запомнился...

Ради одного Меружана стоит ехать, ради одного Меружана...

Приезд делегации Шапура вызвал огромный интерес как во дворце, так и за его пределами: говорили о привезенных дорогих дарах и удивлялись сделанному приглашению. Зачем понадобилось Шапуру звать к себе армянского царя? Что будет обсуждаться при этой встрече, ради которой надо было посылать столь представительную делегацию? Может, Ирану угрожает какая-нибудь военная опасность? Скажем, со стороны византийцев или тех же кушанов[1]. После долгих размышлений все приходили к выводу, что только военная угроза могла вынудить Шапура послать запечатанную соль, то есть прибегнуть к такой чрезвычайной мере...

– Надо обстоятельно все взвесить, – говорил Айр-Мардпет, – царь царей желает установить с нами добрососедские отношения, это в наших интересах.

Но не только Айр-Мардпет, так думали и другие придворные. Их мнение разделял и царь Аршак.

Шапуру явно угрожает реальная военная сила, иначе не стал бы он подносить такие дорогие дары, не стал бы посылать за-

---

[1] Кушанское царство, где жили кушаны, находилось на территории современных Таджикистана и Туркмении.

печатанную соль. Разве не об этом говорит приглашение поехать в Тизбон и спарапету Васаку?

Все это льстило самолюбию Аршака: значит, Шапур нуждается в армянской помощи, ищет союза с ним...

Вечером Аршак собрал старейшин на совет, счел нужным зачитать письмо иранского шаха и послушать их мнение. Пришли спарапет Васак, Айр-Мардпет, оба брата Гнуни, Меендак-ишхан, даже начальник охранного полка Ваан Хорхоруни. Когда все были в сборе и каждый занял свое место в тронном зале, вошел Аршак с непокрытой головой, в одной мантии, укрепленной на плече застежкой. Старейшины все поднялись и приветствовали его поклоном. Аршак сел на трон – старейшины заняли свои места.

Совет начался, было зачитано письмо Шапура, после чего Аршак обратился к присутствующим с просьбой высказаться.

Первым взял слово Айр-Мардпет.

– Приглашение царя царей надо рассматривать как готовность вести с нами серьезный разговор, как счастливую возможность для нас наладить дружеские отношения с персами. Ни в коем случае нельзя этим пренебрегать. А что приглашение свидетельство доброй воли – об этом говорит запечатанная соль.

Как всегда, Айр-Мардпет прежде всего думает о безопасности своих владений, отметил в уме Аршак, рассматривая его персидскую накидку, ниспадающую с плеч широкими фалдами, подол которой описывал вокруг подушки, на которой восседал скопец, полукруг на полу.

– Приглашение, бесспорно, почетное, – не спеша начал азарапет Гнуни, – но непонятно, чем оно вызвано и какие цели преследует. Сколько ни думаю, взять в толк не могу, что могло Шапура заставить пойти на такой шаг. Военная ли угроза со стороны Византии заставляет срочно искать союза с нами? Впрочем, насколько мне известно, это маловероятно, потому что у Византии сейчас с Персией трений нет. Может, со стороны Кушанского царства грозит им какая-нибудь опасность? Во всяком случае, государь, думаю, нам строго надо придерживаться невмешательства в иностранные дела... В случае, конечно, войны... – добавил он, подчеркивая слова.

– Не разумней ли было бы, тер азарапет, вступить в прочный союз с ними и отвести навсегда угрозу персидского нападения на нашу страну? – перебил его Айр-Мардпет.

– А такой союз с Персией не значил бы разрыв отношений с Византией? – послышался иронический голос спарапета.

Айр-Мардпет растерялся.

– Возможно, и так. Но нам предпочтительней дружба с Ираном, чем с ромеями, ибо...

Аршака забавляло, как Айр-Мардпет из кожи лезет, чтоб оградить от опасности свои владения, граничащие с персами. Это было настолько откровенно, что у всех вызывало усмешку.

– Что тебя беспокоит, всем известно, Айр-Мардпет, – снова заговорил старый азарапет. – Дружеские отношения с соседями вещь желательная. Но я думаю, что для нашей страны важнее сейчас придерживаться полного невмешательства в чужие дела.

Слушая спор старейшин, Аршак думал: «Если Шапур выдаст мне Меружана, я пойду на многое. Если он действительно добивается дружбы со мной, скажу: «Нашему сближению мешают такие интриганы, как Меружан, они клеветой и наветами отравляют воздух, портят отношения между нами. Посему, чтоб дружба наша была прочной, выдай мне его – и мы навеки друзья».

Обсуждение старейшин шло обычным чередом, Аршак то слушал их, то отдавался потоку своих мыслей, но, когда стал говорить спарапет Васак, сосредоточился и, устремив внимательный взор на своего военачальника, глянул прямо в его проницательные глаза.

Спарапет говорил:

– Правда, Шапур коварен, каждому его слову верить нельзя, но, когда сказанное слово скреплено очень веским для огнепоклонника подтверждением, в искренности сомневаться не следует. Дружба, господа, бывает разная; может быть близкая, может быть и на расстоянии; мы можем дружить, оставаясь на нейтральных позициях, и не брать на себя никаких военных союзнических обязательств.

Старейшины говорили долго; вспоминали много случаев из истории взаимоотношений с Ираном, когда персы оказывались вероломными и коварными, но приходили к единодушному мнению: в данном случае приглашение с запечатанной солью отвергать нельзя. В конце концов, связи устанавливаются при личных контактах, общении, встречах. Нельзя же вечно враждовать с соседями. Кое-кто сделал туманный намек, что не грех прикинуться другом, а там быть себе на уме. Аршак из всего сказанного сделал вывод: надо соблюдать осторожность, остерегаться обещаний и твердо держаться линии невмешательства...

В общем, большинство старейшин сходилось на мнении, что приглашение надо принять, не следует упускать возможности наладить отношения с соседом, что в итоге в выигрыше оказывается не тот, кто враждует, а тот, кто дружит.

В этом был убежден и Аршак, но прежде всего его, конечно, интересовал Меружан.

Однако против поездки супруга в Тизбон категорически возразила царица Парандзем. Узнав мнение старейшин, она всполошилась:

– Нет, государь, не принимай приглашения. Шапур коварен. Может опутать тебя хитрой сетью обязательств. Наверняка он не забыл твою помощь византийцам в последней войне. Вспомни, с какой жестокостью он разорил Тигранакерт только за то, что мой отец остался верен принятому решению не вме-

шиваться в дела иностранных держав. Ни в коем случае, государь...

Аршак попытался успокоить ее:

— Ты права, Парандзем, Шапур коварен и хитер, но какие-то обстоятельства сейчас явно толкают его на дружбу с нами, иначе не стал бы он посылать такую представительную делегацию, запечатанную соль и дорогие дары — все это говорит о серьезности его намерений.

— Государь, не могу объяснить, но сердце подсказывает, что не надо...

— Парандзем, Шапур сейчас нуждается в нашей дружбе, и нам нельзя пренебрегать этим; кроме того, мне надо заполучить проклятого Меружана, причинившего нам столько бед; доколе будет он безнаказанно мутить воду? Нарушать покой в стране? Нельзя упускать возможность...

— А город, государь? — вдруг вспомнила Парандзем, подумав, может, это заставит его отступить от своего решения.— Кто же будет все восстанавливать? Разве можно оставлять его в руинах, кто должен начать строить армянскую крепость?..

— Не думай, Парандзем, что я забыл об этом. Я даже предусмотрел назначение нового градоправителя на место ишхана Вараза, чтоб он, не дожидаясь моего возвращения, приступил к работам. Однако подумал, что неопытный человек на этой должности без моих указаний не справится, только потому отложил до приезда... Будь спокойна, по возвращении моей главной заботой будет — восстанавливать и строить. Но прежде надо обезвредить Меружана...

Парандзем слушала и качала удрученно головой, потом не стерпела, прервала супруга:

— Боюсь, государь, погнавшись за Меружаном, упустишь что-то другое, более важное... Да и дорога дальняя, опасная, к тому же холодно...

— Нет, дорогая, до зимы далеко.

— Тем не менее, государь, желательно было бы повременить с отъездом, пока не уточнишь цель приглашения Шапура. Если ты поедешь без этого, я сойду с ума от волнения.

— Я буду посылать гонцов, Парандзем,— с нежностью в голосе обещал Аршак, добавив, что женской натуре свойственно тревожиться, надо побороть себя.— Мужайся и пойми, мне нужен Меружан.

Через два дня армянский двор проводил дипломатических посланников Шапура с почетом, как полагается, с дарами и ответом, что приглашение принято.

А еще через неделю царь Аршак отправился в путь вместе со спарапетом Васаком и полком телохранителей. Стояло ясное утро. Солнце щедро купало в лучах небольшой отряд — горели их доспехи, медные каски, щиты, пики и копья. Многие из дворцовых старейшин и нахараров, а также царица и жена Васака Катранидэ провожали их до реки Аракс. Все скакали верхом на конях. Добравшись до Таперинского моста, спеши-

лись, начали прощаться. Провожающие желали счастливого пути, удачной поездки и скорейшего возвращения, отбывающие отвечали: «Счастливо оставаться, пусть будет так, как вы хотите...» Обнимались, целовались...

Только воинов охранного полка никто не провожал, они с грустью наблюдали со стороны за этой сценой.

— Мужайтесь, держитесь крепко...

— С нетерпением буду ждать гонцов,— сказала царица, утирая слезы.

— Добро, царица. Как прибудем в Тизбон — наши гонцы-скороходы привезут тебе известие.

Отбывающие взлетели на коней и с громким топотом переправились через мост; а провожающие стояли до тех пор, пока всадники не скрылись из виду. Чтобы сократить дорогу, они должны были спуститься к области Гер не со стороны Нахчавана, а через горные перевалы.

Для Парандзем начались дни томительного ожидания. Что будет? Почему вдруг Шапуру захотелось завязать дружбу с армянским царем, думала она, целыми днями одиноко бродя по просторным палатам Аршакидов. Правда, каждый божий день навещали ее жена азарапета Гнуни Нана, жена Васака Катранидэ и другие дамы, занимали разговорами, но отвлечь от тревожных дум не могли; ежедневно она справлялась, где теперь находятся путники.

— А сколько им еще осталось ехать?

— Десять, может, и пятнадцать дней, смотря с какой скоростью продвигаются, царица.

Когда прошло десять дней, Парандзем решила, что они уже достигли Тизбона, Шапур не сегодня завтра примет их. Прибудет и гонец. В эти дни ей особенно тяжело было, что ее родных нет рядом: «Хоть кто-нибудь был бы здесь, отец, мать или Пап...»

Однако только по истечении двадцати дней прискакал первый гонец. Это был воин из охранного полка государя. Его ввели к царице Зенон Гнуни и азарапет. Юноша старательно стряхнул пыль с каски и со шлема, по обветренному и загорелому лицу видно было, что он покрыл большое расстояние и, хотя старается выглядеть бодрым, с трудом держится на ногах.

Парандзем начала подробные расспросы: где провели первую ночь, как чувствовал себя государь, не утомился ли? Гонец отвечал обстоятельно, описывал дорогу, ночевку в пути...

— Теперь, сынок, расскажи, как вошли в Тизбон, как вас принимали персы?

Гонец был смышленый малый; он живо описал прием, оказанный персидской знатью, вышедшей им навстречу далеко за город, и затем предоставленный государю роскошный дворец с охраной и слугами.

Не прошло и недели со дня прибытия гонца, как из Тизбона прискакал посланник, на этот раз к царице Парандзем, с приглашением: царь царей Шапур низко кланяется и просит великую госпожу армянскую вместе со старейшинами посетить его дворец для участия в предстоящих больших персидских торжествах.

Вместе с посланником Шапур снарядил в Вагаршапат еще одного ишхана армянского происхождения. Этот последний рассказал подробно о приеме в честь прибывших армянских гостей, почестях, оказанных царю, подношениях и обещаниях дать земли. Затем передал приглашение шахиншаха царице и влиятельным царедворцам посетить его страну и присутствовать на больших персидских торжествах.

Приняв нового посланника и выслушав его, царица осторожно спросила:

— Почему меня не пригласили вместе с моим супругом? Тогда я и наши старейшины, возможно, и в состоянии были бы ехать.

— Наш венценосный господин остался так доволен ходом переговоров с армянским царем, что решил отметить это событие в день большого персидского празднества — при участии глав и знатных особ двух стран.

Парандзем сжала губы:

— Добро. Вы отдохните, а мы посовещаемся.

Царице не надо было совещаться. Ее мнение заранее было известно старейшинам. Тем не менее она созвала совет, чтоб поговорить, и большинство царедворцев высказалось против принятия приглашения; какой смысл совершать такое тяжелое путешествие, чтоб быть в Тизбоне ради каких-то празднеств, ну пусть даже и очень важных для персов? Один Айр-Мардпет твердил, что приглашение надо принять во имя дружбы и добрососедства, как тогда, когда речь шла о приглашении царя Аршака.

Заметив, как Айр-Мардпет рьяно поддерживает предложение персов, Зенон Гнуни с насмешкой предложил:

— Давайте пошлем Айр-Мардпета.

Скопец не обиделся.

— Если бы меня пригласили, я б не отказался. Готов ради благополучия родной страны на все.

Парандзем говорила последняя.

— Мы, — сказала она, — не можем оставить страну без надзора. Я не вижу в этом приглашении ничего хорошего. Если результат переговоров положителен, пусть же празднуют главы государств, спарапет Васак и другие. Нет настоятельной необходимости и крайней нужды пускаться в далекое путешествие. Думается, мы можем ограничиться одним благодарением... Я, во всяком случае, не могу доверять человеку, который обманул моего отца.

На том кончилось обсуждение.

На следующий день азарапет Гнуни, пригласив персидского

посланника, сообщил об отказе царицы ехать в Персию, конечно в такой форме и в таких выражениях, чтоб это не задевало его достоинства: царица-де нездорова и прочее... А коль царица нездорова, они не могут ее оставить одну.

А Парандзем вместе с армянским ишханом, сопровождающим персидского посланника, отправила письмо царю-супругу, осторожно намекая, что ее приезд в Тизбон нецелесообразен и пусть он сам спешит домой. Письмо она написала специально, чтоб Аршак не подумал, что она на самом деле больна, и зря не волновался.

Спустя какое-то время как-то утром к царице, на ее половину, ступая тяжелей обычного, вобрав голову в плечи, пришел старый Гнуни.

– Ты, царица, дочь мужественного ишхана Андока. Твой отец умел переносить стойко удары судьбы...– простонал он.

– Тер азарапет, твои слова пугают меня, говори ясней и не тяни.

– Повинуюсь, царица; постараюсь быть ясней,– продолжал Давид-ишхан, подавленно.– Только прошу, держи себя в руках.

Парандзем встрепенулась:

– По выражению лица и тону разговора, ишхан, чувствую, что ты мне принес плохие вести.

– Ты права, царица,– опустил голову старый азарапет.– Мне выпала на долю горестная обязанность предстать пред тобою вестником печали.

– Говори, азарапет. Я слушаю. С отцом случилось что-нибудь?

– Нет, царица, он жив-здоров.

Парандзем вмиг стала мертвенно-белой.

– Может, с сыном, с Папом, в море?..

– Нет, царица, нет.

– Так что за беда?

– Мужайся, дочь Андока, и слушай: наш государь и спарапет стали жертвой ужасного заговора,– голос старца дрогнул, осекся...

– Какого же заговора? – сжала руки царица.

– Коварный перс взял обоих под стражу.

Парандзем опять спа́ла с лица; сердце ее заколотилось, она положила руку на грудь и замерла, поникнув головой... Прошли мгновения, много мгновений, прежде чем наконец резким движением она подняла голову.

– Нас обманули, ишхан, зло обманули... Что можно было ожидать от коварного и жестокого Шапура? Провели нас на этом ларце с солью... Клятвопреступники, поправшие свою же собственную святыню. О боже!..

Она умолкла, затем спросила:

– Кто принес эту весть?

— Вестник, царица.
— Доверенное лицо?
— Вполне, царица, сепух из охранного полка государя.
— Прикажи, ишхан, позвать его. Хочу сама поговорить.

Через несколько мгновений перед царицей предстал сепух из охранного полка царя и подробно рассказал об обстоятельствах ареста государя и спарапета.

— В первые дни, — говорил он, — Шапур с большим уважением относился к нашему государю, был такой случай, дворцовый конюший Шапура на персидском языке сказал о нашем государе что-то оскорбительное, спарапет обнажил меч и снес ему голову; Шапур похвалил его за это. Однако... Через два дня отдал приказ об аресте и спарапета и государя.

— Причина? — не стерпела Парандзем.

— Причина, царица, как вы слыхали, якобы в этом. А вообще, говорят, Шапур недоволен армянским царем. Мало того что тайно помогает византийцам, говорит, теперь еще крепость воздвигает у меня под боком. И приказал: «Заковать в цепи их, пусть царь и спарапет вместе отправляются строить крепость в Замок забвения...»[1]

Царица, опустив голову, долго молчала.

— А что стало с членами свиты государя и охранным полком его?

— Тоже взяты под стражу.

— А ты остался на свободе? Как?

— Я, царица, по распоряжению начальника полка отправился на рынок, — и телохранитель-сепух рассказал, как, возвратившись с рынка, он узнал, что весь армянский полк обезоружен и взят под арест.

— До ареста государя или после?

— После, царица, но в тот же день.

Юноша продолжил: узнав об этом, он не стал возвращаться на стоянку, где они находились, а нашел укрытие в одной знакомой армянской семье, где его прятали. Через два дня узнал о заключении в тюрьму государя и спарапета. Переодевшись в перса, пробрался в Армению, чтоб сообщить о случившемся.

— Все ясно, — глухо произнесла Парандзем после минутного молчания, — ты свободен, сынок.

Бежавший сепух рассказал лишь то, что слышал от других, а что происходило в персидском дворце, он, естественно, знать не мог.

А там до ареста царя и спарапета произошло следующее, как выяснилось потом или верней было бы сказать, как засвидетельствовали позднее очевидцы.

В тот момент, когда Шапур объявил царю Аршаку свой приговор, среди персидских придворных находился Меружан

---

[1] Место пожизненного заключения в Иране.

Арцруни, который после Шапура обратился к армянскому царю:

— Ты вздумал уничтожить нахарарство... так получай!

— Низкий предатель, — отвечал ему Аршак, — ты не избежишь возмездия!

— Пока что, как видишь, ты его не избежал.

— Благодаря твоей измене, продажная душонка.

Меружан опустил голову.

— Не измене, а стараниям.

Шапур и персидские вельможи слушали этот разговор, ничего не понимая, ибо говорили армяне на своем языке. Однако не могли не заметить, как в один миг перекосилось лицо Меружана.

Затем царя Аршака и спарапета Васака заковали в цепи и под конвоем копьеносцев удалили из зала.

Их отправили в Замок забвения, откуда никому никогда возврата больше нет.

Так закончилось приглашение Шапура.

ЭПИЛОГ

Что было потом?

Шапуру казалось, что, захватив армянского царя, он поставит страну на колени... Ему казалось, что, заключив Аршака в Замок забвения, он заставит ее покорно склонить голову перед ним, и тогда осуществится его давнишняя мечта — Армения превратится в одну из провинций Ирана.

Ничуть не бывало!

Ошибался шахиншах, Страна Армянская — это не только царь и спарапет; были народ и воинство армянское, было много самоотверженных людей. Когда весть о заключении царя и спарапета дошла до Армении, волна возмущения прокатилась по стране. Подлый обман персидского шаха наполнил все сердца священным гневом и жаждой мщения.

— Поганые клятвопреступники! Хлеб-соль поправшие подонки! — бранили они Шапура и его приспешников, угрожающе размахивая кулаками в сторону далекого Тизбона.

А царица с первой же минуты, как узнала о беде, почувствовала приближение грозной опасности. Осознав, какую ответственность судьба взваливает на ее плечи, она было всплакнула, но потом быстро взяла себя в руки.

— Недаром сердце предчувствовало беду... Значит, этот распутный Шапур решил сначала обезглавить страну, чтоб потом без труда захватить ее.

Некоторое время, погруженная в думы, она бродила по палатам, потом велела позвать сына спарапета Васака.

Не прошло и нескольких секунд — предстал перед ней Мушег, похожий на отца, крепко сколоченный, подтянутый, с го-

рящими как смоль черными глазами. Лицо его было скорбным.

Парандзем взглянула на него и поняла: знает о случившемся.

— О, дорогой мой Мушег, — простонала царица, — мы с тобой понесли тяжелые потери, я лишилась царя-супруга, ты — своего доблестного спарапета-отца! Велика потеря, нет границ нашей печали... Но у нас, сын мой, нет времени предаваться горю. Над страной нависла страшная угроза. Крепись, дорогой, и пусть этот подлый поступок наполнит твое благородное сердце таким же священным гневом, как и мое. Но я женщина и взять оружие в руки не могу, не могу стать во главе войска... А ты воин, и воин из рода Мамиконянов. Так будь беспощаден к нашим врагам!

Мушег склонился в глубоком поклоне.

— Итак, сын мой, — продолжала царица взволнованно, — назначаю тебя спарапетом армянских войск вместо твоего доблестного отца. Глубоко убеждена, что будешь защищать нашу отчизну так же смело, как и твой отец. Я знаю, с какой любовью относятся к тебе воины, не сомневаюсь, что и ты им платишь взаимностью. Крепи же мощь наших боевых сил, защищай границы страны! Знай, подлый Шапур наверняка пойдет на нас...

Ничего нового в том, что сказала царица Парандзем, для Мушега не было; и его сердце переполнено было гневом и болью. Как мог, сокрушался он, отец, всегда осмотрительный и рассудительный, поверить этому подлому и коварному Шапуру? Видимо, и его и царя Аршака ввела в заблуждение злополучная «запечатанная соль». Впрочем, заключил он, все это дело прошлое и непоправимое, и, как бы оно ни тяготело над нами, надо думать о настоящем...

Он тоже понимал, что следующим шагом Шапура будет непременно война, причем незамедлительная, ибо не за горами зима... Значит, надо быть готовыми.

— К любой случайности быть готовыми, — повторила царица и, пожелав удачи, отпустила Мушега.

Готовыми к любой случайности... Тревога, охватившая царицу, передавалась старейшинам и военачальникам во дворце. По настоянию Парандзем в тот же день был созван совет, во все концы страны поспешили гонцы с предупреждением об опасности, военные удалились обсуждать свои дела; оружейники, получив заказ на изготовление разного вида оружия — копий, стрел, луков, щитов, немедленно приступили к его исполнению.

Сделав эти распоряжения, Парандзем собрала волосы узлом на затылке, чтоб не мешали, и направилась в городской гарнизон, чтоб проверить боевую готовность войск, выяснить численный состав их, поддержать в воинах моральный дух и, главное, предупредить начальников отрядов, чтоб были готовы «к любым случайностям». Царицу сопровождали два при-

дворных и телохранитель-сенекапет царя Аршака ишхан Езник, трогательно взявший на себя в эти дни заботу о ней...

Возвратившись во дворец, Парандзем распорядилась, чтоб на следующий день царская казна и дворцовые сокровища были перевезены в крепость Артагерс и спрятаны в надежных тайниках...

Несмотря на преклонный возраст, весь день в бегах и хлопотах был азарапет Давид Гнуни, он вместе со своим племянником Зеноном Гнуни организовывал переброску дворцовых запасов из складов и амбаров в Артагерс, наказывал зарыть пшеницу и другое зерно в землю, в случае необходимости быть готовыми немедленно покинуть город; угнать скот и самим укрыться в горах. Старый азарапет действовал энергично, умело, с сознанием ответственности перед надвигающейся опасностью. Но когда заходил к царице, старался не показывать виду:

– Может, бог милует, обойдется, но мы обязаны быть начеку...

Парандзем понимала: старику не хотелось ее волновать.

– Да, ишхан, сделаем все, что можем, чтоб потом нас не мучили угрызения совести. Я в ответе перед страной и наследником престола... Судя по всему, Шапур, чтоб добиться своего, сначала действовал через мятежных нахараров; когда же эта попытка провалилась, вступил в сговор с Меружаном Арцруни и Вааном Мамиконяном, этими двумя окопавшимися в персидской столице вдохновителями военного похода на Аван. Ясное дело, предатели нахарары хотят видеть Шапура правителем Армении.– Парандзем говорила с азарапетом откровенно, как с собственным отцом.– Да, Шапур, несомненно, действовал обманом и коварством, тер Гнуни. Но это не признак храбрости. Если б он был человеком смелым, он бы вступил с нами в бой, а не пускался бы на обман... Ну что ж, война так война. Если мы победим – хвала и честь нам, Шапур будет повержен царицей. Если он победит, он возьмет верх всего лишь над слабой женщиной. Мало чести ему.

Парандзем умолкла под грузом тяжелых дум, потом, подняв голову, продолжила спокойней:

– Тер Гнуни, опасность велика, дай знать всем честным нахарарам, пусть станут на защиту Страны Армянской... Вызови и аспета Смбата Багратуни...

Вагаршапатцы усиленно готовились к войне, все время держа ухо востро: что там в Персии? Поговаривали, что Шапур сердит на царя Аршака за то, что он в прошлой войне не оказывал ему военной помощи, при этом разрешил ромеям пройти через армянские земли... Потом якобы за то, что расправился с персидски настроенными нахарарами, укрепляет Страну Армянскую, усиливает армию... Словом, понимали старейшины, Шапура не устраивает могущественная пограничная держава и все, что делается для достижения этой цели, вызывает раздражение. Ему больше по душе была бы Армения

раздробленная и слабая. Потому он в Аршаке, строящем на границе с Ираном город-крепость, почувствовал своего главного противника.

— Хитрая, хитрая лиса,— повторил старик Гнуни удрученно.— Но мы, мы-то как попались на удочку? Ты оказалась права, Парандзем, Аршак не должен был принимать приглашение.

— Женщина, тер Гнуни, порой в чем-то может и не разобраться, но интуиция ее никогда не обманывает.— Она вздохнула.— Нам остается теперь одно: сплотить все силы и спасти страну от гиены. Надо повысить оборонную мощь наших крепостей, зорко следить, чтоб не было предательства: Шапур может действовать подкупом...

Обо всем этом царица вела разговор с азарапетом с глазу на глаз, чтоб, не дай бог, не дошло до ушей Айр-Мардпета, чьи откровенные симпатии в такой момент к персам делали его более чем опасным. В последнее время она установила за ним негласный надзор, особенно после того, как он попросил ее разрешения на месяц съездить в свои владения. Парандзем сумела найти вполне благовидный предлог, чтоб отказать.

— Твое присутствие, Айр-Мардпет, сейчас крайне необходимо, будь с нами и помоги своим советом, ты человек, умудренный опытом.

Управляющий дворцом смиренно опустил голову: что он мог ей сказать? Не принято возражать царской особе. Но скопец оставался верен себе, при удобном случае не упускал возможности шепнуть: «Не надо, царица, углублять раздор с Шапуром, лучше найти с ним общий язык. Даже если он объявит войну, сразу же надо будет заговорить о перемирии и предотвратить развитие военных действий».

Парандзем молча слушала. «Коварный персофил, видишь ли, без войны и сопротивления сдай страну Шапуру, пусть он себе хозяйничает здесь как хочет...» — возмущенно думала она и прекращала разговор с ним.

Парандзем была в эти дни с утра до вечера на ногах. По ее и Мушега распоряжению часть оборонных войск направилась к персидской границе для укрепления рубежей страны. Несколько конных полков поспешили занять дорогу, по которой с Междуречья через долину Тибра осуществлялась связь с Арменией, остальные конные полки под предводительством нового спарапета Мушега двинулись к областям Гер и Зареванд, где обычно пересекали границу персы.

Недели две все было без изменений. Но к началу третьей от Мушега прискакал гонец с известием, что персидское войско во главе с Шапуром движется к границе Армении со стороны области Гер. Всех обуяла тревога, не сломив, однако, решимости оказать врагу сопротивление.

— К оружию! К оружию! — взывали глашатаи, кружа по улицам столицы.— Перс движется на нас, наш заклятый враг!

Это делалось по распоряжению царицы; она считала, что ничего не надо таить от народа, пусть всяк знает о положении

в стране и ищет средства к самозащите. Людям, не могущим держать в руках оружие, старикам, детям, предлагалось покинуть город, уйти в горные селения. Два дня призывали к оружию глашатаи. А Парандзем верхом, в сопровождении двух царедворцев, каждый божий день объезжала оружейные мастерские, находящиеся и в черте города и в его окрестностях, городской гарнизон, склады боеприпасов. В результате этих проверок – приказ: оружейникам – мечникам, лучникам, стрельникам, бронникам – и всяких дел кузнецам перебазироваться в крепость, туда же переместить склады с провиантом.

– В Артагерс! В Артагерс! – взволнованно повторяла царица.

Артагерс был мощной твердью, славившейся в веках своей недоступностью. На нее уповали царица и весь народ. В эти дни на улицах столицы только и можно было слышать:

– В Артагерс! В Артагерс!

Дни подряд вереницы груженых арб и подвод с лошадьми, верблюдами, мулами нескончаемым потоком двигались к Аршарунику, чтоб оттуда пройти к крепости Артагерс и Капуйт. Всю дорогу от столицы до крепостей по всей протяженности реки Аракс шли колонны. А в самом Артагерсе комендант крепости принимал грузы и распределял их по тайникам, местонахождение которых никто, кроме него и нескольких доверенных лиц, не знал.

Две недели длилась эта операция, Парандзем сама лично следила за ходом ее исполнения.

Весь день на ногах, весь день в хлопотах: то здесь поможет в трудностях, то там; каждый запросто обращался к ней за советом и помощью. А как ночь наступала, уединялась царица в свою опочивальню и после долгих и мучительных раздумий преклоняла колени.

– О всемогущий, – взывала она к богу, – трудно людей посылать на смерть. Дай мне силы выдержать до возвращения сына. Страну и трон я сдам законному наследнику и сама удалюсь в монастырь... искупать грехи...

Долго молилась она.

– Я женщина грешная и слабая, но я мать и сильна своей материнской любовью, она поведет меня на врага...

Царица горячо молилась, чтобы беда миновала Страну Армянскую, чтоб народ не узнал тягот войны. Иногда, поднявшись на ноги после молитвы, звала поговорить старика азарапета.

– Помоги, ишхан, спасти страну. Будь отцом мне, дай верный совет, чтоб те, кто придут после нас, ни в чем не могли меня упрекнуть, чтоб сделала все, что должна сделать... Я буду стараться не жалея сил, жизнью пожертвую, приму мученичество, ни перед чем не остановлюсь. Клянусь богом, не дрогнет душа моя перед самым тяжелым испытанием...

Настал черед перебираться в Артагерс и придворным, знатным ишханам, селянам со своими семьями; оставляли сто-

лицу и городской охранный полк, и войсковые части, чтоб пополнить военные силы крепости. Столичная конница тронулась к границе.

После всего этого Парандзем сделала последние распоряжения: Айр-Мардпету остаться на месте, как управляющему царским поместьем, охранять Вагаршапатский и Двинский дворцы. С ним выразил желание остаться в городе Давид Гнуни, сославшись на годы и состояние здоровья. Царица долго отговаривала, в конце концов вынуждена была уступить.

— Надеюсь, ишхан, враг пощадит твои седины. Сохрани царские палаты до приезда...— она хотела сказать: Папа, но удержалась.— Спрячь что возможно и следи за скопцом, как бы он чего-нибудь не натворил...

Тут царица умолкла, задумчиво, пристально глядя на старика.

— Ты действительно хочешь остаться, тер азарапет?

Он поспешил заверить ее, что решение его непреклонно и твердо, что он не может оставить страну без присмотра. Парандзем кинулась ему в объятия.

— Ты был мне отцом, ишхан... Так трудно расставаться... Но, прошу тебя, переберись в Двин. Может, враги всю ярость обрушат на Вагаршапат и успокоятся?.. О боже! Вдруг свершится чудо и чаша сия минует нас...

Во время этого короткого разговора оба прослезились. Но Парандзем скоро взяла себя в руки:

— Теперь в Артагерс!

Она села на своего вороного коня и пришпорила его, телохранители последовали за ней. Среди них был, конечно, и ишхан Езник.

В эти дни, когда город был объят тревожной суетой: из одних ворот выезжали груженые подводы, из других — двигался к Арагацу людской поток, в стольный град с противоположной стороны въехали три всадника. Худые, почерневшие от солнца, они сидели на таких же, как сами, тощих лошадях. На крупе одной из них мальчонка любопытными и удивленными глазами смотрел на происходящее на улицах.

— Папо, а царь здесь живет?

— Здесь, здесь...

— В этом шуме и гаме?

— Нет, он живет во дворце, там тихо и спокойно.

— Куда люди спешат, а, папо?

Этот вопрос интересовал не только Усика.

Миновав две-три улицы, Торгом остановил старца, гнавшего перед собой стадо коз:

— Скажи, отец, что тут происходит? Куда это валит народ?

— Как куда? — удивился старик.— Ты что, с луны свалился? Не знаешь, что персы идут на нас?

— Персы?!! — вскрикнули всадники удивленно.— А что делает царь?

— Царь? — совсем опешил старец.— Так его же Шапур с месяц назад пригласил к себе в Тизбон и заточил в темницу.

Друзья слышали, что Аршак в Персии, но не знали, что с ним случилось такое.

Грустно переглянулись они друг с другом и застыли в молчании: куда им теперь деваться? где искать своих?

После долгих скитаний по разным областям в поисках родных, пройдя Сумари и владения Камсараканов, они в конце концов решили выйти к Вагаршапату. Им говорили, что в стольном граде нашли убежище много аршакаванцев.

И вот они здесь; стоят, огорошенные шумом, гамом, пораженные лихорадочным возбуждением, охватившим город, совершенно потрясенные услышанными новостями.

— Царь взят под арест, персы идут войной... Вот до чего довели нахарары! — зло воскликнул Торгом, толком и не разобравшись в случившемся. Теперь для него во всех бедах были виноваты нахарары.

Еще немного продвинулись они к центру; все так же шли вереницы арб, навьюченные верблюды и мулы, везущие продукты, домашний скарб, перевязанный веревками. Толкались, торопили друг друга:

— Живей, живей, смотри, мы отстаем...

С разных концов города доносились голоса глашатаев, зловеще возвещавших:

— Персы идут!!! Персы!!! Слушайте приказ царицы: мужчинам — вооружаться, остальному населению — вывезти продовольствие и скот из столицы!!!

Опасность показалась друзьям куда более реальной, чем можно было предположить.

— Кто даст нам оружие? — спросил Торгом.

— А наши семьи?..

Все трое поникли головой.

Вагаршапатцы продолжали в спешке покидать город, через несколько дней улицы опустели; остались одни старики, не могущие преодолеть трудностей дороги, в надежде, что враг пощадит их седины. Они поторапливали молодых: скорей, скорей, вам нельзя здесь оставаться, война прежде всего касается молодых...

Что было делать друзьям? Влились они в колонну отступающих вагаршапатцев и последовали за воинами, сопровождающими царицу. Вместе с последней покидала столицу большая группа придворных дам; среди них — жена спарапета Васака Катранидэ, волновавшаяся теперь за сына, заменившего на ответственнейшем посту отца: как он справится с возложенной на него обязанностью, думала она, в таких тяжелых условиях? Помогут ли ему командиры, отнесутся ли к нему без зависти? Мушег в это время был далеко от столицы. О сын

мой, тревожилась ишхануи Катранидэ, сумеешь ли отомстить за отца и остаться в живых в этой войне? В волнениях были и другие дамы, у каждой были свои тревоги, но никто не жаловался на трудности, все понимали – впереди их ждут суровые испытания, и надо быть готовыми ко всему.

– В Артагерс! В Артагерс!..

Артагерс издревле славился в Стране Армянской своей неприступностью. Много раз в дни лихих годин он выручал армян, даруя спасение. Он с незапамятных времен был и военной крепостью и надежным убежищем для населения, и когда еще не принадлежал ишханам из рода Камсараканов и когда перешел в их руки. Ныне, после расправы с нахарарами, Артагерс считался собственностью государя. Расположенный в ущелье Ерасха, по левому берегу реки Аракс, на просторном пологом склоне горы, он высился, опоясанный тремя рядами мощных крепостных стен с зубчатыми верхушками и круглыми сторожевыми башнями. С трех сторон он был естественно огражден отвесно спускающимися скалами, внизу, в теснине, стремительно нес свои воды Аракс; они бурлили, клокотали, находясь в вечной схватке с каменными громадами. Горы окружали его голые, темно-багровые, кое-где на них рос колючий кустарник, нога человека не могла ступать сюда, только козы прыгали по острым отрогам.

К крепости с западной стороны плотно прилегала одна из кремнистых гор, круглый год вершина ее утопала в тучах и густых туманах. Артагерс и с этой стороны был недоступен: из крепости с огромным трудом еще удавалось взобраться на ее вершину, а подняться с подошвы на нее было делом невозможным. По ту сторону начиналась область Ваnанда. Артагерцы порой совершали восхождение на вершину, отсюда раскрывалась широкая панорама местности, обозревался горный кряж Страны Армянской со снеговыми макушками, ущелья, ложбины. Крепость имела два подземных хода; один из них по каменистому уступу круто спускался вниз, в ущелье к реке Аракс, обеспечивая жителей водой; другой – представлял собой длинный коридор, выходивший к тайнику, надежно спрятанному от взоров; ни входящие в крепость, ни выходящие из нее заметить его не могли. Видать, крепость строили люди дальновидные и с большим опытом. Артагерс опоясывали три кольца, что делало его похожим на гигантское трехэтажное сооружение. От основания почти до макушки горы в три этажа как бы ярусами поднимались стены, причем нижний ярус имел двойные массивные крепостные стены и башни, два верхних – одинарные; внутри каждого из ярусов было много помещений, жилых и хозяйственных; в нижнем этаже, в толще стен и башен, располагались казармы; внутри крепостных стен и между внешними и внутренними – жилые помещения, могущие вместить огромное количество войска и мирного населения. Здесь находился хозяйственный центр, склады, амбары, тонратуны, со сложным сплетением подсобных помещений, призванных

обеспечить всем жизненно необходимым. Во втором ярусе располагались семьи горожан, в третьем, самом верхнем, – семьи ишханов и сама царица Парандзем... Говорили, что Артагерс в состоянии вместить в себя десятитысячное войско и такое же количество мирного населения. В час опасности сюда устремлялись как в надежное укрытие не только дворцовая знать, горожане, селяне из близлежащих деревень, но и простой люд из самых разных концов страны.

– В Артагерс!!! В Артагерс!!! – взывали глашатаи.

В армянских горах дули осенние навасардские ветры. Особенно порывисты были они у крепости. То ли тянуло из глубины ущелья, то ли они набирали силу, спускаясь со снежных вершин.

Ветры стихали только в утренние часы; обычно в это время вся в черном царица Парандзем выходила из своих покоев и, в сопровождении двух придворных дам, совершала обход, шла по верхнему ярусу, пересекала крепостную площадь, подымалась на стену, обращенную лицом к ущелью; отсюда обозревалась вся ложбина реки Аракс, тянувшаяся до Большого Арарата. Выйдя из сковывающего ее каменного панциря, река, петляя, текла по равнине; на берегах ее еще зеленели луга, горели ярко-красные ягоды бузины, стояли селения в уборах желтеющих садов.

Смотрела Парандзем на все это, смотрела молча и грустно, потом, подавив стон, готовый вырваться из груди, вызывала коменданта крепости.

И сегодня она послала за ним.

Чуть погодя вошел в покои царицы человек среднего возраста, невысокого роста, с внешностью истинного горца: бронзовое, опаленное солнцем лицо, черные живые глаза полыхают огнем. Давно в каком-то бою он получил сабельный удар, рассекший всю щеку от виска до мочки уха, от него остался глубокий шрам, придававший лицу мужественность. Горец носил длинные волосы, они сильно вились на концах и выбивались завитками из-под шлема. Он был в длинных муйках, туго подпоясанный, с саблей на боку, с которой никогда не расставался. Вошедший склонился перед царицей:

– Жду приказаний, госпожа.

– Что нового, комендант? Гонцы прибыли?

– Прибыли, царица, но никаких особенных вестей не привезли, вот только – что персидское войско подошло вплотную к нашим границам, и Зарэ Аматуни дал первый бой.

– Каковы наши потери? – спросила Парандзем.

– Незначительны, царица.

Комендант Бадас щурился, как обычно щурятся люди, привыкшие вглядываться в даль, в узких щелочках между век сверкали глаза. Но когда он отвечал царице, глаза его широко раскрывались и черные брови взлетали вверх...

Лишних вопросов Парандзем не задавала, знала, что комендант ничего не утаивает от нее, какие бы ни были вести.

– Ты позаботился, чтоб не было нехватки в воде?

– У меня есть люди, специально приставленные к этому делу, они днем и ночью следят за запасами воды.

И правда, по каменистым ступеням, подымающимся с реки, доставляли наверх воду в огромных кувшинах и чанах. Кроме того, ее набирали из родника, тоненькая струйка которого бежала по проложенным в земле глиняным трубам.

Ответив на вопросы царицы, комендант, отвесив глубокий поклон, удалился, положив руку на рукоять сабли.

Уже семь дней находилась царица в Артагерсе, все время напряженно следя за всем, что происходит вокруг, нетерпеливо ожидая сведений с границы, где шли военные действия, правда, на не большой протяженности границы и не очень сильные, но все равно бои.

Каждый день, выслушав доклад коменданта, Парандзем давала новые указания, касающиеся внутренней жизни в крепости. Никогда она не чувствовала себя столь ответственной перед страной и народом, как теперь: около десяти тысяч людей, женщин и детей, понадеявшись на нее, укрылись в Артагерсе.

Кроме войска и селян, населяющих нижний ярус, в крепости нашли убежище много семей именитых армянских фамилий, нахараров, сепухов; здесь находился известный ишхан Саак Сааруни, а также ишханы: Карэн Палуни, Хорен Андзеваци, Меендак со своими дочерьми и женой, ишхануи Катранидэ с невесткой Ашхен, ишхануи Нана. Все оказывали внимание Парандзем и больше заботились о ней, чем обычно. Но царица старалась никому не причинять беспокойства, довольствовалась малым, пользовалась услугами двух-трех служанок, будучи убежденной, что бедствие ставит всех в равное положение. Она ни на минуту не забывала о своей большой ответственности перед всеми.

До неузнаваемости изменилась Парандзем в крепости, одевалась просто, ходила в черном длинном платье без всяких украшений, даже без колец и серег, туго стянув волосы на затылке. Глядя на нее, и другие придворные дамы скинули с себя нарядные одеяния. Когда строго одетая царица выходила из своей опочивальни и прохаживалась по крепости, взбиралась на стены и оттуда обозревала окрестность, все, кто узнавал ее, говорили вслед:

– Она по-прежнему красива...

Дни проходили однообразно. Прибыв в Артагерс и разместившись в нем, люди стали жить новостями с границы, где происходили столкновения между армянскими и персидскими

войсками. Пока ничего утешительного не было. Армянские воины во главе со спарапетом оказывали сопротивление, не давая врагу вступить на территорию страны; никто не мог сказать, чем все это кончится. Одно лишь было ясно: долго такое положение длиться не может; враг будет стремиться проникнуть в глубь страны, и кровопролития не избежать. По мнению военных специалистов в крепости, персов удается удерживать у границы только потому, что Шапур не все силы стянул к границе... Склонялись к этому мнению и царица и ее приближенные.

— Правда, — говорили они, — наши сражаются храбро, но Шапур такое положение долго не потерпит. Коль он развязал войну, не будет долго топтаться на месте, перейдет границу.

Волновались и военные и миряне. Среди воинов в крепости оказались Торгом и его друзья. Жили они опять все вместе в нижнем ярусе. Средь сплошных бед и горестей им улыбнулось вдруг счастье — нашлись родные. Да, жизнь полна неожиданностей. На второй день по прибытии в крепость они стали встречать знакомых аванцев, некоторые из них подались сюда из селений, куда бежали из Аршакавана, другие — прямо из плена. Первым знакомым, кого они встретили здесь, оказался писарь Давид, исхудалый, с тонкой шеей, с совсем поседевшей козлиной бородкой. Когда Торгом к нему приблизился, старик встрепенулся:

— Это ты сынок? Как я рад тебя видеть!

— Как ты сюда попал? — удивился Торгом.

Дьяк Давид рассказал, что его с телохранителем нахарары оставили заложниками, а потом вместе со всеми угнали в плен. С болью в сердце говорил о гибели ишхана Вараза, о разрушенном городе, сказал, что с удовлетворением узнал об учиненной царем расправе над злодеями нахарарами.

— Я уже полтора месяца нахожусь здесь — мы раньше всех прибыли сюда; нас как стадо баранов пригнали в крепость, заточили в нее, посадив на хлеб и на воду. Жизнь наша висела на волоске, мы молились богу, чтоб он наказал злоумышленников; негодяи несколько сот пленных у самых стен крепости предали смерти... И бог услышал наши мольбы... По заслуге получили: поднявший меч от меча и погибнет...

— Много наших было с тобой?

— Много. Крепость наводнили пленные аршакаванцы: мужчины, женщины с детьми. Нас освободили после расправы с нахарарами...

— А где теперь освобожденные?

— Всюду, сынок. Некоторые хотели было возвратиться в город, подались туда, но, узнав о новой опасности, вернулись с дороги.

Торгом понесся как сумасшедший, то одного аванца расспрашивал, то другого, искал знакомых... И вдруг услышал голос Вардана: «Скорей, Торгом! Сюда!» У Торгома сердце за-

трепетало: друг звал его таким голосом, что не оставалось сомнений – там ждет его радость.

В первом ярусе крепости Вардан и Овсеп нашли своих близких, с ними были мать Торгома и Мина.

Трудно описать встречу близких людей: и смеялись, и плакали, обнимаясь и целуясь, выкрикивали отдельные слова.

– Торгом... Торгом... уж не верила, что увижу тебя, – в слезах голосила его мать. – Боже, мы опять вместе!.. – смотрела она то на сына, то на Мину, точно не верила глазам.

А Мина не бросилась в объятья жениху, не стала целоваться с ним, как другие, пала на колени и приложилась к его руке.

– Папо мой умер, Торгом, – в слезах сказала она.

Торгом нагнулся, обнял девушку и, нежно прижав к себе, сказал:

– Мы его никогда не забудем, Мина...

Радость встречи была так велика, что заслонила собой печальную весть, заставила на время забыть даже опасность, нависшую над головой.

– Ну все, теперь уж поженим Торгома и Мину, – сказал Вардан решительно, чтобы положить конец бедам.

Усик, крепко обняв мать, не отпускал ее, все повторял: «Мамо... мамо...» Рядом валялся его меч...

Родные, близкие успели в несколько секунд все рассказать друг другу... Отец Мины пережил пленение и умер в крепости на следующий же день по прибытии. После расправы с нахарарами Мина с матерью Торгома в первое время были в нерешительности, то ли бежать, то ли ждать... В конце концов решили податься в Аван, домой, но в дороге передумали, узнав о надвигающейся новой беде.

Когда все чуть успокоились, Вардан принялся снова за свое:

– Давайте поженим Торгома!

Но его никто не поддержал.

– Повременим... Посмотрим, что нас ожидает, – сказал Торгом.

В первые дни все население крепости, воины, селяне с большим любопытством разглядывали царицу Армении Парандзем, важных придворных дам, именитых ишханов, но скоро интерес к ним пропал; они оказались такими же обыкновенными людьми, как все: ели, пили, говорили и, как все, боялись врага...

Но что бы ни делали люди, об опасности, нависшей над головами, не забывали. Некоторые были настроены очень мрачно, особенно когда сгущалась тьма и завывал ветер; в такие минуты им казалось, не сегодня, так завтра враг подойдет к стенам Артагерса... Даже привезенные гонцами вести, что Мушег продолжает удерживать персов у границы, не успокаивали их. Особенно паниковали ишханы и их жены. Нет спара-

пета Васака, кто может остановить вражеское наступление? Что может сделать неопытный Мушег с небольшой армией против несметных полчищ персов? Очень тревожились они и приходили к выводу, что единственное спасение – в помощи извне, в необходимости обратиться к византийскому императору.

Однако вскоре поступили известия настолько ошеломительные, насколько и радостные, вызвавшие бурное ликование в древней крепости, угрюмо высившейся на склоне горы. Два гонца один за другим подтвердили достоверность известий: Мушег на стыке областей Гер и Зареванд разбил наголову противника и отбросил его далеко назад, во время преследования отступающих частей вражеской армии армянский спарапет перехватил шахский гарем.

Гарем Шапура? Так удивительно, что верилось с трудом. Радости не было границ.

– Молодец Мушег! – можно было слышать повсюду.

А старики, довольные услышанным, покачивали головами:

– Достойный сын своего отца... Отомстит он коварному персу. Десница карающая...

– Пожалеет Шапур о содеянном.

– Такого позора ему никогда не доводилось испытывать.

Ликование и гордость за своего спарапета были всеобщими.

Вскоре поступили более подробные сведения об этой победе, подтверждающие доблестный подвиг армянских воинов и их спарапета и вместе с тем неожиданно омрачившие людей: Мушег, взяв действительно гарем Шапура в плен, в тот же день великодушно возвратил его владельцу, заявив: «Я не воюю против женщин...» Какое недопустимое великодушие, граничащее с легкомыслием, порицали Мушега старики. Даже его мать, Катранидэ, всполошилась: поступок этот мог быть дурно истолкован и послужить поводом для кривотолков, даже вызвать открытое осуждение. В душе она оправдывала сына: зачем ему во время военного похода гарем, лишняя обуза и лишние рты? Достаточно и того, что он покрыл небывалым позором Шапура. Однако многие в крепости придерживались иного мнения.

– Что он сделал? Ведь мог вынудить Шапура убрать войска с границы в обмен на гарем? – говорил ишхан Саак Сааруни.

– И в то же время такое великодушие не может не подкупить Шапура, – возражал ишхан Палуни; разделял его мнение и Хорен Андзеваци.

– Нет, должен был держать как заложников, чтоб обуздать звериный аппетит Шапура, – продолжал Сааруни.

С ним соглашался ишхан Меендак:

– Да, очень опрометчиво поступил, очень...

Были такие, которые утверждали, что молодой армянский спарапет преподал зверю-кровопийце Шапуру урок высокого

благородства и человечности и это возымеет свое действие: усовестит его, устыдит...

— Виданное ли дело, чтоб зверь ощущал стыд? — усмехались скептики. — Лишнее, даже вредное великодушие, недальновидный поступок, что и говорить, — заключали они.

Несколько дней население крепости, разбившись на группы, обсуждало эту новость. И почти все склонялись к мнению, что врага щадить не следовало...

Такого мнения придерживалась и царица Парандзем. Однако сам факт победы войска расценивался ею так высоко, что пленению шахского гарема, его возвращению она не придала особого значения; притом еще она допускала мысль, что у Мушега могли быть на то свои веские соображения, неизвестные им. По получении известия о победе армянских войск Парандзем распорядилась поднять флаги, раздать воинам вино и отслужить богослужение в крепостной церкви силами местных архимандритов и священников.

Но успех и радостный подъем не лишали царицу способности трезво судить о положении; она знала, что противник превосходит силами армянскую армию, значит, нужна помощь. И в первую очередь страна нуждается в хозяине, крайне важно присутствие Папа как престолонаследника.

Об этом Парандзем думала неотступно с первых дней тревожных известий, но события сменялись с такой быстротой, что времени не хватало обстоятельно взвесить все «за» и «против»... Теперь, в своих покоях, в тишине кромешной ночи, в ней созревало решение: вызвать Папа, чтоб вселить в народ и армию уверенность и поднять их боевой дух. Пусть не думает Шапур, что Страна Армянская осталась без хозяина и ее одним молниеносным ударом можно повергнуть ниц. Если престолонаследник будет в стране, Шапур не достигнет своей цели. И дело вовсе не в том, что Пап с оружием в руках будет воевать, нет, в значении его имени, авторитета его как царя, и это важно как для самой страны, так и за ее пределами.

Наконец, тоже немаловажное обстоятельство, с внуком прибудет и дед ишхан Андок, чьи военные знания и опыт как никогда сейчас нужны; Пап будет слушаться его советов и вместе с ним разрабатывать тактику ведения войны с Шапуром. Приедет и брат Бабик, прекрасно разбирающийся в вопросах стратегии... Они могут привести с собой и византийские войска, полки, принадлежащие армянским нахарарам, живущим в Византии. Парандзем ни с кем не делилась этими мыслями, никому их не доверяла, но военные успехи Мушега и общая радость в крепости сделали ее откровенной, она поделилась с Зеноном Гнуни, племянником азарапета Давида Гнуни, и поинтересовалась его мнением.

— Несомненно, царица, — степенно отвечал Зенон, — присутствие престолонаследника воодушевит войско, а может, и уме-

рит притязания персов: надо его вызвать, царица, и чем скорей, тем лучше... и византийскую помощь тоже...

Тот же совет дали ей и ишханы Саак Сааруни, Карен Палуни, Меендак и Хорен Андзеваци.

– Однако кто может поехать за ним? – спросил Зенон.

– Я все продумала, – заявила Парандзем, заметно оживившись; ей придало силу всеобщее одобрение. – Самая подходящая кандидатура Мушег.

Зенон изумился:

– Мушег?

– Да, ишхан, почему удивляешься? Не каждому можно доверить престолонаследника, а кроме того, Мушега в Византии хорошо знают как сына спарапета Васака.

– Кто же защитит наши границы, царица?

– Мушега на время заменит Зарэ Аматуни. Пока Шапур опомнится после последнего удара и стянет новые силы к границе, Мушег возвратится с Папом и византийской помощью.

– Возможно... – с сомнением произнес Зенон.

Мысль о возвращении сына на родину так завладела царицей, что она потребовала немедленно вызвать Мушега в Артагерс. И когда через несколько дней тот явился, заключила в объятья и в волнении поцеловала героя.

– Я довольна тобой, Мушег дорогой, за проявленную доблесть, благодарю тебя за победу от имени народа и всего войска.

Мушег склонил густо обросшую голову.

– А теперь садись, сынок, я должна поговорить с тобой. И прямо, без обиняков: хочу поручить тебе очень важное дело.

Юный спарапет в тяжелых военных латах опустился на стул, убрав в сторону висевший сбоку меч, точно он мог мешать вести разговор. И Парандзем поведала ему, какие думы терзали ее все последние недели и к какому решению она пришла на днях.

– Возьми с собой несколько человек и поезжай за Папом в Византию, дорогой, чтоб никто, ни персы, ни другие наши соседи, не думали, что армянский престол пуст. Присутствие Папа здесь крайне необходимо, я никому не могу доверить это сделать, Мушег; мне нужно, чтоб сына-престолонаследника ты самолично доставил в Армению и заодно привез с собой войско ромеев для ведения войны с персами. На тебя одного я могу возложить эту миссию, как на сына Васака, как на спарапета страны.

Предложение царицы показалось Мушегу разумным, а ее доверие к нему наполнило признательностью.

Он и сам не раз думал о необходимости просить помощи у византийского императора. Кроме того, надеялся, что дополнительные военные силы могут дать и армянские ишханы, живущие за границей. Тут предоставляется возможность сделать сразу два важных дела: привезти Папа и организовать помощь. Он сейчас же согласился, подумав, что надо будет дей-

ствовать самым быстрым образом, чтоб свои обязанности спарапета ненадолго перепоручать другому. Мушег на следующий же день пустился в дорогу с небольшой группой телохранителей, решив ехать туда морским путем, обратно — по суше.

— Ты должен привезти нам спасение, Мушег,— отчеканивая слова, говорила Парандзем.

— И не опоздай с этим спасением, сынок,— напутствовала ишхануи Катранидэ с мольбою в голосе.

Членом этой делегации был и Зенон Гнуни. Царица снарядила его в путь в помощь Мушегу. У Зенона был вид, точно его осудили на изгнание.

Упомянем еще об одном событии в крепости, которое радостно всколыхнуло артагерцев.

Однажды, проходя вместе с комендантом мимо крепостной стены, царица Парандзем услыхала звуки музыки и пение. Музыка в крепости? Остановилась, удивленная:

— Что это значит, тер Бадас?

— Юноша один женится, царица.

— Женится?

— Да.

— Добрая примета, не правда ли?

— Без сомнения.— Коменданту захотелось поддержать царицу.

Это действительно была свадьба. Удача на границе всех окрылила, многим даже показалось, что войне скоро конец... Всеобщее чувство радости не могло не охватить и трех наших друзей, и Вардан вновь принялся за свое:

— Давайте поженим Торгома, может, действительно бедам будет конец.

Бывают моменты, когда простые слова обретают особую силу и значимость. Так случилось и на этот раз. Подхватили предложение Вардана и решили сыграть свадьбу.

Это не было обычной свадьбой, скорей она напоминала старинный обряд, восходящий к языческим временам, с поклонением богу солнца и огня. Обратились с просьбой совершить обряд венчания к священнику-вагаршапатцу, тот охотно согласился и предложил жениху с невестой прийти в крепостную церквушку. Но друзья Торгома не захотели венчать в церкви.

— А как же? — удивился священник.

— Мы хотим их поженить по старинке, на очаге, чтоб брак был прочным и счастливым.

Священник, человек в летах, с седой бородой, исполнил их волю: подвел жениха с невестой к пылающему тониру и благословил серебряным крестом.

В тесно набитом близкими, родными и даже незнакомыми людьми тонратуне можно было слышать, как радуются и плачут одновременно.

Мать Торгома обняла сына и осенила крестом:

– Дай, бог всемогущий, стране нашей мир и спокойствие, чтоб дети наши... – Голос ее дрогнул, и старушка зарыдала от счастья, что своими глазами увидела этот долгожданный день.

Явились музыканты, и радость победы Мушега слилась со свадебным торжеством.

Парандзем думала: значит, народ не сломлен, он верит в победу.

Послав Мушега в Византию, Парандзем особым распоряжением направила к персидской границе Меендака и Хорена Андзеваци с сообщением, что на время отсутствия Мушега выполняющим обязанности спарапета назначается Зарэ Аматуни, а прибывшие ишханы должны будут оказывать последнему всяческое содействие как советники. Затем позвала коменданта и приказала организовать пополнение запасов продовольствия за счет близко расположенных селений; предложила семьям, укрывшимся в крепости, при желании конечно, покинуть Артагерс, пока персы удерживаются у границы, удалиться в сравнительно безопасные районы: в Ванaнд, Таширк и Тайк, что, естественно, не касалось военных.

Сама царица решила остаться в крепости, быть вместе с войском, морально поддерживать его, вообще находиться в центре событий. Последнее распоряжение было продиктовано двумя соображениями: во-первых, воинам в крепости спокойней заниматься своим делом, когда на них не давит груз ответственности за население; во-вторых, чем меньше людей, тем легче решить проблему питания. Но не оказывала нажима на людей, подчеркивала, что каждый должен решать этот вопрос сам для себя. Многие семьи предпочли спокойную жизнь в горных областях Армении опасным треволнениям в крепости. Уходили, пока персы не переступили границу и не нагрянула зима: дороги открыты. Не захотели уходить и оставлять царицу одну ишхануи Катранидэ с невесткой и внуком, Адам Гнтуни с семьей, Саак Сааруни, Карэн Палуни, Манасп Авнуни и другие. Многие селяне не двинулись с места, видимо считали, что надежнее укрытия не найти, да и удаляться от домов своих, находящихся в окрестностях Артагерса, видимо, не хотелось. Остались молодожены Торгом и Мина, его друзья с семьями. Жили они в нижнем ярусе крепости, внутри первой, наружной крепостной стены, в маленьких клетушках. Все население первых двух ярусов, селяне, горожане, ремесленники, работало с утра до вечера на крепостных стенах: восстанавливали обвалившиеся участки стен, башен, зазубрин; некоторые приводили в порядок мастерские, особенно кузницы, где работали оружейники, ковали новые мечи, чинили поврежденные, подновляли тонратуны, обеспечивали хлебом войско и население крепости. Сотни голов рогатого скота выгоняли подальше

от стен крепости, забивали и, засолив, складывали в погребах. С лесистых склонов тащили срубленные и спиленные дрова для топлива. Из близлежащих соляных копей Кохба доставляли мешками соль. Пока враг далеко, надо было всем запастись, все предусмотреть на несколько месяцев вперед.

Комендант со шрамом на щеке целый день отдавал распоряжения, следил за исполнением порученной работы; особое внимание уделял ремонтникам, восстанавливающим каменную кладку стен, требовал, чтоб везде на крышах, крепостных стенах находились камнеметы и рядом кучи камней. Раза два на дню комендант поднимался на верхний этаж к царице и докладывал о ходе работы, получал новые указания. Однако Парандзем сама была в курсе всех проводимых работ, ежедневно обходила крепостные стены. Обычно в такие моменты ее сопровождал ишхан Езник, державший руку на рукояти сабли, точно для того, чтоб при необходимости мгновенно обнажить ее и защитить царицу. Парандзем интересовало буквально все, во все старалась она вникнуть, делала замечания или хвалила за усердие. Лицо ее было суровым и очень озабоченным. Однажды, наблюдая за работами в верхнем ярусе крепости, она заметила мальчишку с мечом в руке. Остановилась.

— Кто этот малыш? — спросила она коменданта.

— Это мой сынок, царица, — сказал, несколько растерявшись, Вардан: он так близко никогда не видел царицу. А Парандзем смотрела на мальчика и вспоминала сына: Пап был в этом возрасте, когда его взяли в Византию. Боже, как давно это было... Сердце ее сжалось...

— А ты из каких краев? — спросила она.

— Мы из Аршакавана, царица, и я и мои друзья, — он показал рукой на работающих рядом Торгома и Овсепа.

— Значит, здесь есть горожане, спасшиеся в войне?

— И много, царица, мы покидали Аван с боями...

— А ваши семьи где были?

— Их угнали в плен.

— В плен?.. Проклятье нахарарам!..

Нам повезло, мы встретились с ними здесь.

— А этот вот юноша женился в крепости, — вставил комендант, подходя к Торгому ближе.

Парандзем с любопытством взглянула на него.

— Почему решил жениться здесь и по старинному обычаю? — поинтересовалась она.

— Мы с моей нареченной уже раз теряли друг друга, испугались, как бы опять судьба нас не разлучила, — ответил тот.

На лице Парандзем появилось что-то похожее на улыбку.

— Это твоей жене, — сказала она, снимая с груди золотую брошь и протягивая ее Торгому.

Парандзем была взволнована и, чтоб скрыть навернувшиеся слезы, отошла прочь.

После месячного затишья на фронте стали поступать тре-

вожные известия: Шапур с новыми силами движется к границе. Зарэ Аматуни каждый день посылал гонцов в крепость с сообщениями о приближении к армянским границам вражеского войска и мерах, предпринимаемых для оказания сопротивления. Персов ждали со стороны Гера и Зареванда... И вдруг удивившее всех сообщение: Шапур, переправив огромное войско вверх по течению Тигра, движется к Тарону; и далее: с ним вместе во главе персидского войска идет на Армению Меружан Арцруни, намереваясь взять в свои руки власть в стране и восстановить урезанные царем потомственные права нахараров.

– Проклятье предателю Меружану! – гневно воскликнула Парандзем, выслушав сообщение. – Противопоставим ему нашу единую волю и мужество. Комендант Бадас, укрепи все подступы к крепости. Потайным ходом пошли гонцов за более подробными сведениями. Помолимся, чтоб до приезда Папа и Мушега враг с новыми силами не сумел дойти до Артагерса. Если суждено быть худшему и он все же окажется здесь, сделаем так, чтобы взять ее не смог, надо продержаться, пока не подоспеет византийская помощь.

Что помощь должна поступить, никто не сомневался, ни царица, ни комендант, ни кто-либо в крепости.

– Пока Шапур доберется до Артагерса, Пап и Мушег с византийскими войсками будут у нас, – твердила Парандзем, и вслед за ней все повторяли ее слова.

Хотя крепость уже была приведена в боевую готовность, комендант не переставал ходить вокруг нее, что-то высматривать, проверять прочность кладки стен и башен, надежность железных ворот, засовов, наказывать дозорным быть начеку и при появлении подозрительного человека близ крепости – стрелять. Селянам, ремесленникам втолковывал, как вести себя во время боя, предупреждал всех, чтоб остерегались соглядатаев.

– Защищайте крепость и берегите знамя наше как зеницу ока, – говорил он напоследок.

Торгом задумывался над сказанным комендантом: защищать крепость – это ему было понятно, а знамя зачем?

– Знамя важнее, чем крепость, – объяснил ему как-то один знакомый воин. – Нет большего позора для страны, чем потерять свое знамя; если его захватит враг, значит, страна повержена.

– Вот как? – поразился Торгом.

Хотя повсюду на крепостных стенах лежали камни, их не переставали собирать и подымать наверх, складывая в кучи. В этой работе принимали участие и селяне, жены их тоже не сидели сложа руки, перемалывали на жерновах зерно в муку, пекли хлеб, готовили еду для воинов.

Люди работали и ждали новостей.

Однажды в крепость прискакали подряд несколько гонцов с сообщением, что персы из Басена двигаются к области Ар-

шаруник, намереваясь до наступления зимних холодов занять Артагерс. Чтоб осуществить задуманное, Шапур решил сосредоточить главные ударные силы своей армии в направлении этой крепости, не занимая всей территории страны.

Сведения, доставляемые гонцами, отличались точностью, но на этот раз многие отнеслись к сказанному с недоверием: кто может знать намерения шаха, он в свои военные планы никого не посвящает.

Но вести подтвердились: через неделю после этого сообщения ударные силы персов появились сначала в Камырджадзоре, затем у подножия крепости... Люди так свыклись с мыслью, что он будет у их стен, — не поддались панике, вышли на крепостные стены и с любопытством наблюдали за передвижением противника.

Перемещение частей длилось два дня; переправившись через мост, персы заняли все подножие горы и близлежащие склоны. Часть войска, причем бо́льшая, осталась на другом берегу Аракса.

Готовятся к наступлению — заключили в крепости.

— Как будто; будем надеяться, что твердь сия оправдает наши надежды.

— Бог нам в помощь! — крестились люди.

Однако противник, с трех сторон окружив крепость, не начинал военных действий. Набирается сил для решительного удара, предположили защитники. Зловещая мертвая тишина еще больше взвинчивала нервы. Артагерцы с крепостных стен наблюдали за персами: по утрам те выходили из палаток, стряпали еду, чистили оружие, несли дозор, подбрасывали лошадям корм. Порой казалось, что воины ведут какую-то игру и, глядя в сторону крепости, потрясают кулаками.

— Они нас окружили, чтоб отрезать от Зарэ, теперь, при всем нашем желании, мы бы не смогли оказать ему помощь, — высказал догадку ишхан Саак Сааруни.

— Может быть, они хотят заставить нас сдаться при помощи длительной осады? — недоумевал ишхан Гнтуни.

Предположений делали много и, набравшись терпения, ждали. К обычным заботам коменданта прибавились новые: надо было обеспечить связь с внешним миром, выяснить положение в стране, разузнать, где находится Зарэ Аматуни с войском и где спарапет Мушег. И поскольку теперь уже из крепости нельзя было выходить, как прежде, он по тайному ходу послал двух опытных и сметливых малых за сведениями о вражеском стане: численном составе, передвижении по территории страны — и вообще за точными сведениями о происходящем. Через день-два поступили известия: персы заняли весь Ахдзник, Тарон, Туруберан до Аршаруника. Выяснилось также, что заместитель спарапета Зарэ Аматуни отступает с боями и теперь находится у берегов Аракса, намереваясь в случае поражения подняться в Гарни и укрепиться там.

— Вот почему не атакуют персы, — объяснил комендант ца-

рице, изложив новости. – Теперь я прошу твоего разрешения начать боевые действия, чтоб помочь Зарэ.

– Делай, комендант, все необходимое. Постарайся, чтоб жертвы были минимальные. Нам дорог каждый воин. И еще: пошли гонца к Зарэ Аматуни с моим приказом: отступая, двигаться не к Гарни, а к Тайку, навстречу Папу и Мушегу, на соединение с ними. Это желательней, нет смысла укрываться в Гарнийской крепости, где армию трудно будет обеспечить продовольствием.

– Слушаюсь, царица, – комендант поклонился и вышел в дверь.

Ему очень хотелось по подземному тайному ходу послать опытных лазутчиков в тыл врага в тот момент, когда он начнет наступление. Но, поразмыслив, передумал: испугался выдать тайник.

Начиная с этого дня защитники крепости незаметно стали выходить по деревянной лестнице за пределы стен и ворот, прятаться в удобных местах за каменные уступы и метать стрелы. Персы приходили в замешательство и тоже начинали посылать стрелы в сторону крепости, но стреляли они наугад, ибо никого перед собой не видели. Слышалась громкая ругань, крики; некоторые, набравшись смелости, начинали карабкаться по склонам горы, но стрелы и камни летели градом на головы, вынуждая их спасаться бегством, оставляя раненых и убитых. Сверху, с крепостных стен, артагерцы видели, как ползут они за своими ранеными и, не добравшись до черты безопасности, падают недвижимыми.

Такое положение длилось несколько дней. Днем защитники, оставаясь невидимыми для противника, обстреливали их из луков и пращей, ночью во все глаза следили, чтоб они не приближались на близкое расстояние.

Но однажды утром артагерцы заметили на том берегу Аракса новое интенсивное передвижение войск; разбившись на роты, персы переправлялись через мост к крепости. Комендант спешно отправился к царице.

Парандзем вместе со своими телохранителями и двумя придворными дамами в это время находилась на южной стороне крепостных стен; она одна из первых услыхала странные звуки и поняла, что они значат; когда в полном снаряжении, с оружием и щитом, комендант крепости предстал перед ней, она не дала ему начать:

– Вижу, комендант. Что надо предпринять?

– Жду, царица, чтоб они приблизились тесными рядами, тогда начну стрелять.

– А если подойдут к стенам?

– На головы полетят камни, для этой цели собранные в кучи наверху; кроме того пустим в ход копья, если осмелятся подойти к воротам.

– Ладно, комендант, поступай как знаешь, в твоих руках теперь судьба людей, войска и всего народа. Твоя царица обра-

щается к тебе с просьбой: действовать обдуманно и осторожно, спасти тех, кто искал в тебе опору, укрылся в крепости. А сейчас позови войско, чтоб я благословила его...

Через полчаса крепостную площадь запрудил народ; здесь были и старожилы и новоприбывшие. Воины, все друг на друга похожие, в шлемах, со щитами и луками, заняли центр площади; их окружали горожане, селяне — женщины, мужчины. Внутри крепости царила тишина — за стенами ее слышались дикие крики и барабанный бой. Момент был напряженным. Ждали появления Парандзем. Она взошла на помост площади, как всегда, в черном, подтянутая, сосредоточенная. Воцарилась полнейшая тишина. Грудь ее от волнения вздымалась, глаза смотрели решительно, строго. За нею на ступеньках стояли: мать спарапета Мушега Катранидэ, ишхануи Нана, ишханы Саак Сааруни, Манасп Авнуни, Гнтуни.

Окинув взглядом всю площадь, Парандзем подняла руку, и в глубокой тишине прозвучал ее взволнованный голос:

— Защитники крепости и народ армянский, с вами говорит ваша несчастная царица, вы знаете, что коварный Шапур вторгся в нашу страну. Он хочет превратить нас в своих рабов, отнять у нас свободу, попрать нашу веру. Он идет на нашу крепость, прекрасно понимая, что, пока она стоит, страну нельзя считать покоренной. Защищайте Артагерс, как свой отчий дом; разбейте разбойничьи банды Шапура, и ваш ратный подвиг не забудется в веках! Держитесь смело, пока на помощь не придут спарапет Мушег и престолонаследник Пап. Благословляю вас на подвиги, сыны мои!..

Парандзем трижды осенила собравшихся на площади крестным знамением.

— Знайте, что царица ваша всегда с вами, каждая достигшая цели вражеская стрела будет ранить мое сердце, я буду неустанно молиться за вас. Защищайте свою твердыню, и тем самым вы отстоите свою отчизну!

Царица опять трижды осенила собравшихся крестным знамением... и прослезилась.

Ее волнение передалось всем на площади.

После напутственных слов Парандзем прозвучал голос коменданта:

— Вперед, на крепостные стены и башни!

Через несколько мгновений весь нижний ярус заполнился вооруженными людьми.

Здесь явственней слышались крики и топот бегущих по склону горы персов, барабанный бой. По мере их приближения отчетливей виднелись фигуры воинов в касках, со щитами, пиками, копьями и луками.

Одним из первых оказался на крепостной стене комендант; приложив руку козырьком ко лбу, он внимательно всматривался в приближающихся персов, потом бросился вниз к сотникам:

– Будьте готовы.... Но пока не получите команды – ни единой стрелы не пускать!

Противник продолжал продвигаться с тем же шумом и гамом. Он еще находился дальше полета стрелы. Те, кто шли по ровной дороге, особенно громко голосили, тем же, что ползли по крутому подъему, было не до крика, они еле переводили дыхание. Натянув тетивы и подняв дротики, защитники крепости ждали команды. Вооруженный с ног до головы комендант обходил воинов и сотников, подбадривал их.

Первыми на расстояние полета стрелы подошли роты, двигавшиеся по дороге, на них первых и обрушился шквал стрел защитников.

Один упал... вот второй... третий...

Окрыленные успехом, артагерцы усилили стрельбу, но теперь и персы стали им отвечать тем же. Однако с высот крепостных стен целиться было удобней, противник был виден как на ладони, армяне умело пользовались своим позиционным преимуществом; и все же враг не отступал; броня и щиты порой оказывались надежной защитой, и многим удавалось прорваться вперед; карабкаясь вверх, они оглашали склоны криком и руганью.

Только взошедшее солнце играло на мечах и пиках защитников и атакующих персов; гладкая поверхность оружия из меди и железа вспыхивала ярким блеском по всей округе, заставляя людей сосредоточиться.

Когда началась двухсторонняя стрельба, Парандзем поднялась на крепостную стену верхнего яруса, чтоб ее со всех сторон видели воины и она их – тоже. Ей казалось, что в такой момент царице следует быть со всеми, поддерживать воинов. Не двигаясь, как изваяние стояла она, вперив взгляд в приближающегося со всех сторон противника. Когда меткие стрелы защитников достигали цели, еле заметное выражение удовлетворения появлялось на ее лице.

– Осторожно, царица, вы находитесь на расстоянии, доступном стреле,– остерегал Езник из-за спины.

Но Парандзем не обращала внимания на его слова; словно в забытьи, смотрела на происходящее вокруг, наполняясь благодарностью к воинам и мысленно молясь за них: «Господь всемогущий, помоги Стране Армянской... защити ее сынов, спаси от гибели...»

Стрельба с обеих сторон продолжалась до полудня, затем к закату дня стихла. На башнях и стенах уставших воинов сменяли новые. То же делал противник, упорно прорываясь к крепости. Но когда солнце зашло, он стал отходить, унося с собой раненых и убитых. Стрельба прекратилась, но угроза не миновала. Всю ночь неусыпные сторожевые стояли на крепостных стенах, башнях и у ворот. Не спали в эту ночь и обитатели крепости... Что будет? Персов несметное количество, а армян по

сравнению с ними – горстка. Комендант успокаивал всех, особенно царицу и ишханов, что нет оснований для волнений и страхов, в конце концов, мы находимся в неприступной твердыне, которую не могли взять даже римляне...

Хотя ишхан Бадас старался всех успокоить, сам он был в немалой тревоге: в этот день прибывшие по подземному ходу лазутчики сообщили – в тылу врага ходят слухи, что Шапур намеревается взять крепость до наступления зимы. Это не выходило из головы коменданта. Артагерс неприступен, думал он, подобными приемами ведения войны – криками, руганью, угрозами – его не возьмешь. Численный перевес в данном случае не имеет решающего значения.... опасался он только одного – длительной осады, в случае если останутся без помощи.

«Шапур может приказать взять крепость штурмом, он может этого желать, но... Впрочем, посмотрим...»

На следующий день, как только забрезжил рассвет, по крепости пронесся слух – сообщили сторожевые на башнях, – что персы начали наступление опять со всех трех сторон. Но на этот раз тихо, ползком.

И снова артагерцы наводнили крепостные стены, наблюдая за действиями противника. И вправду, персы ползли тихо, не издавая ни единого звука: видимо, задумали некоторое время оставаться незамеченными, а потом неожиданно напасть. Но вскоре поняли, что армяне наблюдают за ними, тогда начали кричать, ругаться, как обычно, и, уже не таясь, бежать к крепости.

И сегодня, как вчера, все началось с перестрелки. Противник, пренебрегая опасностью, старался во что бы то ни стало подойти к воротам крепости. Однако, встреченный ливнем стрел и градом камней, откатывался с воплями и проклятиями назад. Но наступление не прекращал, предпринимая все новые и новые попытки достигнуть цели.

– Эй, армяне! Если хотите остаться в живых, открывайте ворота, сдавайтесь!..

И в этот день в боях участвовали не только защитники крепости, воины, но и все могущее держать в руках оружие мужское население, с ними и Торгом со своими друзьями, они находились на южной части крепостной стены. Как в Аршакаване, так и здесь Торгом где-то раздобыл шлем, дротик и лук; он стрелял уже как бывалый воин. Испытывал удовлетворение, когда метко попадал в цель, а сегодня ему еще поднял настроение комендант:

– Молодец, парень! Бей без пощады! Защищай крепость и свою молодую семью.

У Торгома глаза загорелись.

Как вчера, так и сегодня в верхней части крепостной стены стояла Парандзем. Она следила за происходящим и молилась:

– Дай, господь, силу защитникам, упаси страну нашу.

Молилась и, застыв на месте, не отрывала глаз от летящих стрел.

И в этот день бой прекратился, как только стемнело.

Утро следующего дня было холодным и хмурым; тем не менее как только рассвело, персы стали появляться большими отрядами с шумом, оглушительной барабанной дробью, что говорило об их решимости во что бы то ни стало взять крепость штурмом. Однако и этот день закончился, как предыдущие, безрезультатно для них; град камней, ливень стрел не давали им возможности осуществить задуманное; персов полегло много; раненых и убитых заменяли новые силы, которые с тем же криком, гамом под барабан рвались вперед.

Артагерцы из своих удобных укрытий наблюдали за ходом событий, усиливая стрельбу из луков, работая камнеметами.

Бой к полудню, однако, неожиданно прекратился, независимо от воли воюющих: из нависших свинцовых туч вдруг повалил крупными хлопьями снег такой густоты, что белая пелена, опустившись с небес до самой земли, поглотила персов. Под снегом постепенно стали угасать звуки, и вскоре перестрелка прекратилась.

Атакующие покинули склоны гор, не возобновляя попыток к бою.

– Нас спас снег, – сказала Парандзем, обратившись к окружающим, среди которых был и комендант, пришедший к ней за дальнейшими указаниями.

– Я убежден, что теперь персам не подняться к крепости. Говорят, они боятся холода и снега не меньше, чем огня. Тем не менее будь начеку, ишхан Бадас, пошли опять лазутчика, пусть проберется в тыл врага и разузнает, что собираются предпринимать далее, что говорят о прибытии Папа и Мушега...

Теперь, как никогда, Парандзем волновалась за сына и спарапета: почему опаздывают? Она уже знала, что Мушег достиг Византии, что его приняли честь честью и попросили немного подождать, ибо заняты войной с северными племенами; обещали: как только развяжутся руки – помогут армянам. Мушег уже третий месяц ждет обещанного. Может, сейчас он на пути к нам? Парандзем более месяца не имеет сведений. Все эти обстоятельства не могли не тревожить царицу, она денно и нощно молила бога лишь об одном – дать ей силы продержать крепость и страну до приезда сына. Отныне у нее в жизни осталась одна цель – передать в руки сына бразды правления, что дальше будет с ней – неважно, сын бы и страна были невредимы... Надо напрячь все возможности, чтоб, отразив персов, сын продолжил дело отца, достроил крепость... Как и Аршак, Парандзем была глубоко убеждена, что самостоятельность Армении, ее независимость могут обеспечить только сосредоточенные в одних руках все военные силы страны.

И хотя стояла зимняя пора и дороги закрылись, она с возрастающим нетерпением ожидала вестей от Мушега и Папа. Где они теперь, ведут ли помощь? Трудно объяснить их за-

держку, сомнения раздирали ее. В таких же страданиях были и Катранидэ с невесткой.

— Повезло, царица, со снегом, и персы убрались отсюда,— говорила она Парандзем.— Зима даст возможность выиграть время, а там подойдут Пап, Мушег с византийской помощью и нас спасут.

— Да, ишхануи,— разделяла ее мнение Парандзем,— они придут и спасут нас. Я очень надеюсь... Надеюсь и верую!..

Обе матери ждали своих сыновей, ждали как спасителей; и с ними вместе ждали войско и все обитатели крепости.

Зима действительно спасла осажденных, но на какое время, никто сказать не мог. Некоторым казалось — до весны, а с наступлением теплых дней персы возобновят военные действия. Большая часть артагерцев была уверена, что до того, как начнут вновь активизироваться персы, Пап и Мушег с большой армией успеют очистить страну от врагов. И тем не менее смотрели на кружащиеся в воздухе крупные хлопья снега и радовались: чем холодней становилась зима, тем дальше отступали персы. Они теперь уже не могли ютиться в палатках, а в окрестностях поблизости не было сел, где можно было бы разместиться. Приходилось в поисках жилья отходить на довольно большое расстояние, к отдаленным деревням, и оттуда следить за осажденными, чтоб они не выходили из крепости, не спускались к селениям за продуктами.

Персы, разумеется, не могли знать, что крепость располагает большими запасами еды и питья, и, кроме того, не могли себе представить, что окруженные со всех сторон артагерцы осуществляют связь с внешним миром. Хотя и с большими трудностями, но по подземному ходу Парандзем сумела благополучно переправить в надежное место часть царской казны и драгоценностей.

Как бы ни радовались артагерцы зиме, оторванность от мира, неопределенность положения и тягостное однообразие дней подавляли. Когда крепость заметало снегом и все становилось белым-бело, многим из тех, кому впервые довелось зимовать в Артагерсе, казалось, что в этом безлюдном просторе, кроме них, на свете нет больше никого, что они навеки оторваны от мира, забыты богом и людьми. Это ощущение усугубляли туманы, неделями обволакивающие крепость, так что не были различимы даже зазубрины крепостных башен. Когда же небо прояснялось, белое однообразие подавляло своей пустынностью, лишь в очень ясные дни иногда вдали просматривались струйки дыма, заставлявшие радостно трепетать сердца артагерцев.

— Нет, там в селах есть люди, еще не всех перебили...

Но вместе с радостью в их души вползало сомнение: а что, если это не селяне, а персы, занявшие их жилища? Жгут деревья в садах, поедают запасы, учинив расправу над хозяева-

ми?.. От таких мыслей становилось невыносимо тяжко... Неужели все потеряно, думали они и ждали весны, чтоб что-нибудь узнать о положении в стране...

Иногда с разрешения коменданта молодые люди на лыжах, или, как селяне их называли, склизнях, выходили за крепостные стены, спускались по склонам к подножию горы, а потом, раскрасневшиеся, возвращались назад; порой они с корнем выворачивали небольшие деревья и волокли наверх: пригодится, говорили, для топлива; но и эти вылазки не могли разогнать тоску, пустившую корни в их душах: вынужденная бездеятельность и постоянное напряжение угнетали, разжигали ненависть к врагам. Когда они замечали, как персидские воины тащат животных, закалывают, а потом коптят на огне туши, все в них вскипало. А то, по злобе, рубили плодовые деревья, разжигали костры на виду у артагерцев, на дальнем берегу Аракса, и начинали плясать вокруг огня...

От такого зрелища тошно становилось на душе у осажденных, и кто-нибудь обычно, не выдержав, восклицал:

— Когда же в конце концов наступит весна?

Весну ждали все, и эта тоска по ней не была похожа на обычное ожидание теплой погоды, когда хочется освободиться от сковывающих зимних пут, увидеть зеленую траву, листья на деревьях. Здесь, в крепости, весну ожидали как спасительницу. С ней связывали приход Папа и Мушега с войском, освобождение всей земли от персов.

Но дни и месяцы тянулись медленно и однообразно, ночи были длинные, дни — короткие, большей частью хмурые, мглистые.

Однако постепенно дни стали заметно теплеть, подули сильные весенние ветры, а там и снег начал таять. Сначала на южном склоне горы появились первые проталины, потом стали различимы глазом дальние селения, люди, животные... Открылись дороги, и на ближайших из них появились группами персы, пики их сверкали на солнце, они передвигались от одного селения к другому.

А Мушега все не было. По последним сведениям, персы перекрыли все пути от низовья Евфрата до границ Армении, таким образом отрезав возможность поступления византийской помощи.

Тревога обуяла Парандзем, все ее надежды рухнули. Пап и Мушег опоздали. Теперь враг возобновит атаки. Так оно и случилось; сначала появились маленькие, словно вышедшие на разведку, отряды, чтоб выяснить, есть ли в крепости люди, много ли их... Эти разведывательные рейсы они совершали несколько дней подряд, затем вооруженная до зубов армия расположилась у подножия горы. И бои начались с прежней интенсивностью.

Как осенью, так и теперь с обеих сторон беспрерывно шла перестрелка, слышалась брань, с наступлением же темноты все стихало, персы спускались вниз к своим палаткам, а артагерцы

использовали ночную передышку для подготовки к следующему дню.

Чем теплей погода, тем горячей становились схватки; персы по-прежнему с шумом и гамом штурмовали крепость и, отброшенные стрельбой и камнями, откатывались назад, оставляя убитых и раненых.

Вскоре, однако, противник понял, что таким путем ничего не сумеет добиться, и изменил тактику. После двух-трехдневного перерыва пошел на хитрость: собрал из селений армян и, погнав их перед собой, пустил на крепость. А порой переодевали несчастных селян в свою военную форму и приказывали идти вперед.

Но артагерцы, к счастью, скоро разобрались, в чем дело, и стали стрелять поверх первых рядов, целясь в персов, вооруженных луками и мечами.

Такая позиционная война длилась долго, неделями, месяцами, с короткими передышками в день-два.

В крепости знали, что персы появляются на склонах горы с рассветом; выходили затемно из обоих крепостных ворот и, вооружившись самым древним и испытаннейшим оружием армян – камнями, поджидали их; как только показывался противник – град камней, набирая на лету скорость, обрушивался на их головы. Так необходимо было действовать потому, что обычно на штурм шли согнувшись, ползком, что делало противника малодоступным для стрел, пущенных сверху. Но была и другая серьезная причина: артагерцы экономили стрелы, их запасы заметно таяли; в камне же недостатка не было.

Видя тщетность своих усилий, персы вновь пускались на уловки: на два-три дня прекращали штурм, даже на неделю, делали вид, что снимают осаду, уходят, потеряв надежду на взятие крепости. Они надеялись заманить осажденных вниз, а потом окружить, взять в плен и молниеносным ударом захватить Артагерс. Но коменданта Бадаса трудно было провести, да и защитники не давали себя обмануть, не доверяли врагу, проявляли большую бдительность.

Дни проходили однообразно, в тревоге, волнениях и, конечно, в ожидании вестей с фронта. Воины выполняли свой воинский долг, остальное население крепости занималось своими обычными делами. Царица, как всегда, занимала свою наблюдательную позицию, подымалась на верхнюю стену или на одну из башен и оттуда следила за боями. Ее постоянное присутствие давало силы воинам, поддерживало их.

Они давно уже перестали видеть в ней только царицу, в их глазах она была доблестной женщиной, в час опасности вместе с ними делившей все превратности судьбы.

За последние месяцы Парандзем сильно сдала: осунулась, побледнела, но глаза горели прежним огнем. Никто, даже близкие не подозревали, какие мрачные предчувствия грызут ее. Что стало с Мушегом? Где Пап? Неужели за столько времени не сумели найти возможность послать весточку о себе?

Так уж перекрыты все дороги? Тяжкие думы отгоняли сон, она раскаивалась, что послала Мушега в Византию... Однако на людях крепилась и виду не показывала, что с ней происходит, наоборот: других старалась успокоить. Но в глубине ее глаз затаилась тревога, говорившая о многом. Добравшись до опочивальни, бросалась на колени.

– Господь всемогущий, услышь меня, дай силы и помоги выстоять, – воздевала она руки к небу, – сжалься над рабой своей, недостойной и грешной, спаси безвинных людей от погибели, избавь их от мучений...

Как-то раз в минуту такого отчаяния вошел комендант Бадас с сияющими от радости глазами и сообщил: «Пап и Мушег два месяца тому назад покинули Византию; Мушег собрал войско из людей, предоставленных армянскими нахарарами, проживающими в Византии». Добавил еще, что к полкам Мушега и Папа присоединились военные части Спандарата Камсаракана, Смбата Багратуни и других нахараров.

Весть эта была доставлена в крепость по потайному ходу, ее привезли гонцы, посланные комендантом еще два месяца тому назад в глубь страны, которых он считал погибшими.

Возликовала исстрадавшаяся Парандзем, позвала ишхануи Катранидэ, бросилась в ее объятия.

– Ишхануи, они на пути к нам, Пап и Мушег, – со слезами радости сообщила она, – теперь я уверена – мы спасены! Надо еще немного продержаться, еще немного усилий – и вручу страну в руки Папа...

– Боже, не верю собственным ушам! – воскликнула Катранидэ, тоже прослезившись.

– Не время нам проявлять слабость, – чуть погодя опомнилась царица, утирая глаза. – Сегодня радостный день, комендант, сообщи войску и народу, что Пап и Мушег идут нам на помощь, что весть принесли гонцы... их надо щедро вознаградить...

И несмотря на то что в этот момент шел бой, комендант спустился на второй этаж крепостных стен и оттуда, отчеканивая каждое слово, прокричал:

– Орлы мои доблестные, разите смелей! К нам на помощь идут с византийскими войсками спарапет Мушег и престолонаследник Пап... Помощь идет!..

Радостные возгласы и воинственные кличи огласили склоны гор, окрыленные надеждой армяне с утроенной энергией повели обстрел, а персы в замешательстве даже перестали натягивать луки...

С этого дня воспрянула духом Парандзем, прояснилось ее чело... Теперь она не стояла на своем обычном месте молча и неподвижно, а ходила по крепостной стене, живо реагируя на происходящее.

— Еще немного усилий, сыны мои, еще немного... Помощь уже в пути! — подбадривала воинов.

Комендант в такие минуты следовал за ней и предостерегал:

— Стрелы противника, царица, достигают этого места стены, прошу тебя!..

И Езник молил ее о том же, но Парандзем трудно было удержать...

— Еще немного надо продержаться, сын мой, несколько дней!..

С весной установилась связь между крепостью и внешним миром. Гонцы проникали во все концы страны. Однажды они принесли известие, что персидское войско, осаждающее Артагерс, теперь возглавляет военачальник Зик вместе с Меружаном Арцруни.

Надо сказать, что на защитников новость эта не произвела никакого впечатления, но когда неделю спустя стало известно, что у стен крепости появился сам Шапур, все переполошились. Значит, персы придают большое стратегическое значение захвату Артагерса; гонцы сообщили — шахиншах вне себя от ярости, его армии тринадцать месяцев подряд не удается захватить крепость, и он решил возглавить штурм сам.

— «Стыд и позор! — бросил, говорят, он в лицо своим военачальникам. — Не можете победить женщину...»

Узнав, что Шапур намерен сам руководить военными действиями, Парандзем созвала на совещание коменданта и приближенных ишханов. Комендант, Сааруни и Гнуни считали нужным продолжать сопротивление до прихода помощи, а оба других ишхана, Карэн Палуни и Авнуни, больше склонялись к мысли, что надо вести мирные переговоры с Шапуром, пока еще не поздно, иначе последствия будут тяжелейшими: запасы оборонцев на исходе, люди существуют на полуголодном пайке...

— Наилучший исход — перемирие, царица, — приходили они к выводу.

Парандзем возражала:

— Ни в коем случае, я Шапура видеть не хочу. Скоро здесь будет Пап, спарапет, мой отец, и мы победим! Я обязана перед Страной Армянской вести войну до конца...

Через несколько дней в крепость прибыл Айр-Мардпет с предложением о ведении переговоров. Явился он на коне, в длинной персидской накидке в сопровождении двух телохранителей-армян. Чтоб стражники у ворот видели, кто подъезжает, и не стреляли, один из телохранителей высоко держал в руках знамя армянских царей. Был момент, когда зищитники заподозрили подвох со стороны персов, но наметанный глаз коменданта вскоре узнал подъезжающего и распорядился, чтоб не стреляли.

От царского знамени засветились у всех лица. Значит, оно не потеряло своего значения в глазах персов, самого Шапура,

коль под его прикрытием видного царедворца снарядили в путь с важным предложением.

Миновав ворота, Айр-Мардпет спешился и устремился в верхний ярус крепости, к царице. Парандзем приняла его в своей маленькой комнатенке. Скопец вошел, отвешивая глубокие поклоны, с опаской оглядываясь по сторонам.

– Прими мой низкий поклон, царица.

– Чувствую, тер Мардпет, что ты посланец нашего злостного врага Шапура,– сразу взяла быка за рога царица, не проявив никаких признаков радости по поводу его прибытия.

– Я, царица, здесь с мирной миссией, шахиншах Шапур предлагает прекратить кровопролитие, протянуть друг другу руку дружбы. Это в интересах обеих сторон.

– Кто должен прекратить кровопролитие: мы или они?

– И мы и они, царица. А если изволишь – в первую очередь мы, ибо победить персов невозможно. Как не счесть в пустыне песчинок, так не счесть воинов в армии Шапура. Если ты прекратишь военные действия, Шапур проявит великодушие, а нет – камня на камне не оставит. Нам надо проявить трезвое благоразумие,– продолжил Айр-Мардпет, одним глазом вскользь посмотрев на Парандзем,– и воздержаться от проявлений симпатии к Византии, тогда, быть может, и избежим многих бед и несчастий. Да, Шапур велел мне передать: если царица сдастся добровольно, он будет великодушен, освободит из-под ареста царя Аршака и спарапета Васака. Подумай, царица, от тебя сейчас зависит спасение Страны Армянской и судьба нашего царя.

Парандзем слушала, сжав губы, вперив горящий взгляд в одну точку; когда Айр-Мардпет кончил, перевела глаза на него и, еле сдерживая гнев, в упор спросила:

– Имеешь ли ты какие-нибудь сведения о престолонаследнике и спарапете Мушеге, тер Мардпет?

– Никаких, царица, ничего о них не слыхал.

Парандзем не мигая смотрела на царедворца, в его глаза с желтоватыми белками и побитой оспой лицо.

– Никаких?! – Парандзем с укоризной покачала головой.– Как ты смеешь делать мне подобные предложения – сдаться кровопийце Шапуру? Не знаешь разве, что Пап и Мушег идут с войском и скоро будут здесь?

– Неужели? – недоумевающе поднял плечи Айр-Мардпет.

– Сомневаешься?

– Не уверен в этом, честно говоря, царица.

– Ну так знай. Скоро сын мой, спарапет и мой отец будут здесь. У меня точные и верные сведения, они уже находятся у города Карин.

Айр-Мардпет скептически склонил набок голову.

– Как? Ты не веришь?

– Хотел бы верить, царица, однако...

– Однако предпочитаешь лгать, продажная душа! Помнишь, как тогда советовал мне принять предложение Шапура,

чтоб и я попалась в его лапы... и твердил все: «Во имя дружбы нельзя отказывать шаху...» И теперь захотелось тебе предать меня гнусным клятвопреступникам?! Да?!

— Обида, нанесенная тобой, больно ранит сердце, но предотвратить то, что неизбежно должно случиться, видимо, невозможно. Я уполномочен спросить тебя: сдашься ты добровольно или нет?

— Закрой поганый рот свой, новоявленный пророк! Черна твоя душа, а помыслы твои коварны и злы. Убирайся, чтоб я тебя не видела, не отравляй воздух, которым дышат мои воины в крепости. Ступай скажи своему Шапуру, что считаю его негодяем и лжецом, ни одному его слову не верю и отвергаю все его предложения!

Видимо, непримиримый дух сюникских ишханов заговорил в ней, отцовская ненависть к персам, особенно армянам-персофилам. Ведь недаром Андок твердил всегда: «Никакой пощады предателям, а прислужникам персов — тем более!»

— Вон отсюда, исчадие ада! — вскрикнула царица, указав скопцу на дверь.

Айр-Мардпет удалился, бормоча:

— Пожалеешь, дочь высокомерного Андока, пожалеешь, но будет уже поздно.

Выставив из крепости предателя скопца, Парандзем стала ожидать ответа Шапура: она не сомневалась, что последует незамедлительный штурм Артагерса, поэтому приказала коменданту собрать воинов на крепостную площадь. Она хотела поговорить с ними: пусть знают истинное положение дел. Чуть погодя, когда просторная площадь, находящаяся во внутренних стенах среднего яруса, заполнилась народом, воинами и мирянами, Парандзем вышла, как обычно, вся в черном, в сопровождении нескольких ишханов и придворных дам. Дойдя до последней ступеньки каменных лестниц, она остановилась и окинула взором собравшихся. За нею остановились ее спутники. Все были в ожидании. Она не сразу начала; обвела печальным взглядом стоящих перед ней людей, словно проверяла, все ли на месте, потом спокойно произнесла:

— Родные мои, персидский шах, коварный Шапур через Айр-Мардпета обратился к нам с предложением: сложить оружие и заключить мир. Это означает — сдаться на милость врагу. Я отвергла предложение.

— Правильно! Правильно! — послышались голоса. — Им доверять нельзя, это может быть новой уловкой...

— Я знаю, наши запасы на исходе, вы получаете все меньше и меньше хлеба. Но нам надо продержаться во что бы то ни стало, пока придут на помощь Пап и спарапет.

— Лучше умереть, чем сдаться врагу! — воскликнул кто-то очень взволнованным голосом.

Послышались и другие голоса:

— Сопротивляться! До конца держаться!..

Шум нарастал, площадь бурлила.

«Сопротивляться! Стоять насмерть!»

Через два дня действительно началось ожидаемое наступление. Обе стороны ожесточенно сражались. Враг все шел и шел, павших заменяли новые силы; защитникам же крепости помогали селяне, вооружившись мечами и щитами своих же раненых и погибших воинов. Но у защитников кончались стрелы, камня и того не хватало для камнеметов... Все запасы исчерпались...

Люди понимали, в каком безвыходном положении находятся, но надежда, этот мощный жизненный импульс, не угасала в них. Еще верилось им, что скоро придет Мушег и спасет их от врага и голода... Теперь воины получали горсть вареной пшеницы или немного мучной кашицы, сдобренной конопляным маслом. Еще более скудный паек выдавался остальному населению.

Призрак голода уже витал перед их глазами. Парандзем, комендант и ишханы думали сопротивляться до последнего, а потом, если все еще не будет помощи, незаметно, небольшими группами по потайному подземному ходу покинуть крепость. Ход этот ишхан Саак Сааруни называл «спасительными вратами».

Но... не будем забегать вперед.

В последнее время, после выдворения Айр-Мардпета из Артагерса, Парандзем часто ложилась на постель не раздеваясь, по ночам выскакивала на каменный балкон, наблюдая за тем, что творится внутри крепости или вокруг, а порой, набросив накидку на плечи, спускалась в первый ярус; удостоверившись, что дозорные бодрствуют на башнях и воины спят на крепостных стенах, возвращалась к себе, отмечая с признательностью: как развито чувство долга в простых людях, тружениках... В такие моменты никто ее не окликал, ничего не спрашивал. Не замечали? Вряд ли, скорее, узнавали и молчали. Но однажды ночью во время такого ночного обхода она столкнулась на каменных лестницах с комендантом, она подымалась наверх, он спускался с крепостной стены.

— Царица! — замер пораженный комендант.

— Да, я, комендант. Не могу спать, вышла подышать воздухом. А ты куда спешишь?

— Проверяю... слежу...

Голос звучал подавленно. Царица заметила.

— Ты чем-то обеспокоен? Что случилось?

Комендант глубоко вздохнул:

— Вести грустные, царица.

— Говори, — и она застыла на месте.

Час назад гонцы его по возвращении в крепость сообщили, что персы обнаружили потайной ход и выставили стражу у входа.

Подкосились колени у Парандзем, но она старалась не показать страха, обуявшего ее. Кто мог выдать, лихорадочно думала она. И подозрение пало на Айр-Мардпета.

– Отомстил несчастный кастрат... Это точно, комендант?

– Совершенно точно, царица.

– Значит, мы оторваны от внешнего мира, – потупившись произнесла Парандзем. – Ничего не будем знать о Мушеге, Папе... Но не сдадимся, – подняла она голову. – Будем сопротивляться и ждать. Ведь они достигли Карина... Одного я прошу, комендант, чтоб никто не знал, что противник обнаружил потайной ход. Пусть безвыходность нашего положения не отчаивает людей... Ты свободен.

Однако комендант не тронулся с места. Парандзем насторожилась:

– Тебе еще есть что сказать?

– Да, царица. Разреши, у меня просьба к тебе.

– Говори.

– Осмеливаюсь просить тебя, царица, покинуть крепость... Мы долго не удержимся... – Он умолк на секунду и продолжал взволнованно: – У меня есть надежные люди, которые проводят тебя через гору в Вананду и Тайк.

Парандзем слушала, сжав губы, и, когда комендант кончил, сказала:

– Нет, дорогой, Бадас. Я останусь и буду с вами до последней минуты. Я здесь должна ждать сына... Я не оставлю людей в опасную минуту. В конце концов Шапур не сможет взять меня в плен...

Комендант хотел было что-то сказать, но она остановила его, подняв руку: «Больше ни единого слова...»

Ишхан Бадас поклонился и, попросив разрешения удалиться, оставил царицу одну.

Атаки персов участились и приняли более настойчивый характер. Теперь они находились у самых крепостных стен. Но изможденные голодом люди продолжали сопротивляться. Каждый делал все, что мог... Бывали случаи, когда воины падали не от стрел, а потому, что не в состоянии оказывались более держаться на ногах, рядом же стоящие тоже не имели сил, чтоб поддержать их... Дух армян не сгибался, а тело сдавало... Голод косил людей...

Стоя на крепостных стенах и давая распоряжения, комендант видел, в каком положении люди. Но что он мог сделать? Нет, не предполагал ишхан Бадас, что осада будет столь длительной и упорной, думал, персов сломит неприступность Артагерса, заставит снять осаду. А на деле она длится тринадцать месяцев подряд, бои все кровопролитней, а помощи никакой... В который раз он спрашивал себя, почему опаздывают Пап и Мушег? Неужели не знают, какую огромную армию сосредоточил Шапур под Артегерсом? Если они достигли Карина, то давно должны были быть здесь. Остается предположить, приходил к выводу, что и они втянуты в военные действия с персами. Конечно, могут быть и другие причины...

И Парандзем подозревала, что Пап и Мушег пробиваются к ним с тяжелыми боями, потому и опаздывают. «Дай, боже, им силы справиться с противником и подоспеть к нам...» – горячо молилась она. А в последние дни, когда от изнурительного голода и болезней катастрофически поредели ряды бойцов, она совсем пала духом. Может, Пап и Мушег проигрывают войну, оставшись без помощи? И еще хуже: может, Пап в плену? Может, убит?

«Это было бы ужасно, – стонала Парандзем, – пусть уж мне тут будет худо, пусть останусь без помощи, лишь бы с ним ничего не случилось, это было бы уже крахом всего, концом самостоятельности страны, падением армянского престола, то есть все, чего жаждет Шапур... О, это будет самым черным днем для Страны Армянской...» Когда в Парандзем говорило материнство, она забывала все на свете, и крепость, и осаду, и оборону. Но воинствующие крики штурмующих персов, голоса армянских командиров заставляли ее опомниться, и, виня себя в слабости и эгоизме, она выбегала на стену, стараясь поддержать в людях последние искорки надежды.

– Еще немного, дорогие, еще немного...

Ряды защитников редели день ото дня, и те, кто еще держались на ногах, походили на тени... На помощь уже не рассчитывали, уповали только на чудо... Вдруг какая-нибудь случайность заставит персов убраться отсюда?

Но персы и не думали уходить, словно знали о положении за стенами крепости, и еще упорней штурмовали; а в последние два дня буквально вплотную приблизились к крепостным стенам. Комендант и защитники предположили, что они ищут брешь в стене, какую-нибудь щель, чтобы проникнуть вовнутрь. Но с высоты артагерцы зорко следили за их действиями и, когда они оказывались очень близко, прямо на головы сбрасывали камни, не такие, которыми целились из камнеметов, а большие, которые с трудом подкатывали к краю стены и сталкивали вниз. Уже и камней не хватало, и сил в руках не оставалось, а персы все шли и шли, то здесь копошились у стены, прикрывшись щитами, то там. Теперь и по ночам не прекращались бои. А в одно утро дозорные ясно услыхали лязг инструментов, увидели, как упорно орудуют ими под железными воротами... Защитники переполошились. Комендант распорядился: все имеющиеся камни сбросить на них. Но персов было так много, что их не удавалось отогнать ни камнями, ни стрелами. Отгоняли с одного места – появлялись в другом.

Видя безнадежность положения, ишхан Бадас направился к царице.

– Больше нет сил сопротивляться... – сказал он.

– Я вижу сама, – ответила Парандзем. – Прекрати сопротивление, и пусть будет что будет. Спаси по возможности хотя бы тех, кто остался в живых. Ты говорил, что под покровом ночи можно перевалить через гору, спуститься подземным путем к берегу Аракса... Сделай все, что можешь...

Сказала Парандзем и, как всегда суровая, в своем черном одеянии, направилась к крепостным стенам, комендант решил, что она пошла занять свое обычное место; однако царица спустилась вниз, вышла прямо на стену первого яруса, под которым находились ворота. Ишхан Саак Сааруни и другие поспешили за ней, чтоб помешать ей подвергнуть себя опасности, но она их не слушала...

Безоружную женщину в черном вскоре заметили персы и замерли от удивления. Парандзем стояла некоторое время молча, потом окинула взором персидских воинов, беспорядочно столпившихся внизу у крепостных стен и у ворот, взглянула на их коричневые, волосатые лица, искаженные ненавистью, и подняла руку.

Воцарилась тишина, и в этой тишине прозвучал голос Парандзем:

– Воины персидские, кто ваш военачальник?

– Военачальник армии Зик! – ответил один голос.

– Если он здесь, пусть выйдет вперед!

Прошло немного времени, и в сопровождении двух конных телохранителей на гнедом коне выступил вперед вооруженный с головы до ног военный в медно-желтом шлеме и вытянулся в струнку.

Парандзем сверху посмотрела на него и с лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, произнесла:

– С тобой говорит армянская госпожа. Что ты хочешь?

– Чтоб вы сдали крепость, госпожа армянская.

– Я сдам, военачальник, крепость, но при условии, что вы не тронете моих воинов, не причините зла мирному населению, нашедшему здесь убежище, даруете им свободу. Знайте, смерть нам не страшна, ни мне, ни моим воинам, мы готовы сопротивляться до последней капли крови. Если вы примете мое условие – мы сложим оружие. При вашем согласии – будет еще одна просьба: я должна иметь в распоряжении хотя бы два дня...

– Я, госпожа армянская, от имени царя царей обещаю исполнить вашу волю, – ответил военачальник Зик с рыцарской учтивостью.

– И прекратишь бой? – продолжала она.

– Будьте уверены, царица.

По виду Зика, по тону голоса чувствовалось, как он торжествует, что вынудил надменную хозяйку крепости сдаться. Его просто распирало от гордости. А Парандзем довольна была уже тем, что выиграла два дня: ох как много можно успеть сделать за эти два дня!..

И успела. Немедленно вызвала коменданта и первым делом распорядилась спрятать в тайники, которые известны были только ей, дворцовые драгоценности, увезти что возможно. По подземному ходу велела вывести из крепости на берег Аракса оставшихся в живых молодых людей; они должны были по отвесной круче, стараясь остаться незамеченными, спуститься

к ущелью и, выйдя из зоны вражеского расположения войск, укрыться в отдаленных селениях. Другая группа воинов-юношей и защитников крепости с наступлением темноты должна была начать подъем на гору Вананда по узкой лазейке у той стороны стены, где персов не было.

Чего стоил людям этот подъем!

Когда условия сдачи Артагерса стали известны всем, никто не верил, что персы могут их пощадить и отпустить с миром... Поэтому все, начиная от коменданта и кончая последним воином, озабочены были одним – как сделать, чтоб в руки персов не попало ничего из драгоценных вещей и самим спастись?

Подумывали, как оставить крепость, и Торгом с друзьями, то ли через лазейку по ущелью пробраться, то ли карабкаться на отвесную гору. Остановились на последнем.

Конечно, это было чрезвычайно трудно, но зато более надежно.

«Только при полнейшей тишине, – предупредили их. – Если персы услышат какой-нибудь шорох – начнут стрелять, не посмотрят на ночь...»

Когда друзья покинули свои кельи, их окутала густая тьма, на небе ни звезд, ни луны. Это показалось доброй приметой, может, удастся остаться незамеченными; но, чтоб начать восхождение, надо хоть видеть под ногами что-нибудь... Ни единого человеческого голоса... Только однообразный рокот воды в теснине. Едва успели сделать два шага – Торгома не стало.

– Торгом... где Торгом? – спросил Вардан у Мины.

– Его нет? – остановилась удивленная Мина.

Начали искать, звать... Как в воду канул. Овсеп направился к келье: может, за чем-нибудь вернулся домой? Его там не оказалось. Позвали... ответа нет. Все застыли в недоумении. Мину душили слезы. Первое удивление сменилось тревогой... Но Торгом как внезапно исчез, так же внезапно и появился. Он что-то нес с собой.

– Принес, – сказал он задыхаясь.

– Что ты принес?

– Знамя.

Только сейчас заметили они, что под мышкой Торгом держал какой-то длинный предмет.

– Комендант дал?

– Нет. Сам взял.

– Зачем?

– Чтоб не попало оно в руки персов...

Все одобрительно закивали и, не теряя времени, через лазейку вышли на гору... Надо ли говорить, как тяжел был этот путь, особенно для женщин? Подымались, карабкаясь по крутизне почти ползком, нащупывая руками землю, цепляясь за уступы скал. Дышали тяжело, но старались, чтоб неосторожный стон нечаянно вдруг не вырвался из груди и не выдал их. Раз только, улучив момент, Торгом коснулся руки Мины и тихим голосом произнес: «Не бойся, как только достигнем

вершины горы — мы спасены...» А чуть погодя, положив руку на плечо Усику, прошептал на ухо: «Не бойся, если даже вдруг встретим персов и завяжется бой, бери знамя, беги и прячься... никому его не отдавай, слышишь, пока не придут наши...»

— А мой меч? — Усик показал на завернутый меч.

— Вместе с мечом спрячешь и знамя...

Сделав все распоряжения, комендант поднялся к царице. Сообщив об исполнении ее заданий, он сказал:

— Теперь очередь за тобой, царица. Этой ночью я тебя должен проводить в Вананд, в безопасное место.

— Нет, комендант; спаси еще кого можешь, а мы удалимся последними, в следующую ночь...

Парандзем не сомкнула глаз до рассвета.

А ранним утром в ее покои ворвался персидский полководец с группой копьеносцев и сообщил ей, что она взята под арест.

Молча взглянула Парандзем на Зика, потом обратилась к нему:

— Ты, полководец, дал мне два дня сроку, зачем нарушил условие?

— Вынужден был, царица армянская, два дня оказались слишком большим сроком.

Парандзем изучающе взглянула на персидского полководца.

— Иного я и не ожидала от военачальника Шапура.

— Оставим это. Я пришел сообщить, что шахиншах ждет в своем шатре. Облачитесь в подобающую царице одежду, госпожа армянская, я жду у дверей.

— Постой, полководец, скажи на милость, зачем вам надо, чтоб я одета была как царица? Ведь я всего лишь пленница.— Парандзем горделиво подняла голову.— Я пойду в том, в чем хожу.

— Неудобно, царица, являться пред очи высочайшего в черном,— растерялся Зик.— Он не поверит, что вы царица армянская.

Парандзем горько усмехнулась:

— А с чего ты взял, что я хочу видеть твоего шаха, чтоб еще специально наряжаться? Мне этого не нужно.

— Невозможно, царица. Вы должны предстать перед шахиншахом. Он приказал вас доставить к нему.

— Можешь доставить,— иронически бросила она.— Ну что же, раз суждено — посмотрим на него...

И она быстро вышла из своих покоев. За ней хотели пойти дамы и ишханы, Катранидэ и Нана, Сааруни, Авнуни и оба Гнуни, но персидский воин повелительным жестом руки велел им остановиться:

— Вы, как пленники, должны оставаться здесь до распоряжения высочайшего...

Все остановились, один сенекапет Езник отошел от группы ишханов и на некотором расстоянии последовал за ней.

Парандзем вышла из крепости в сопровождении полководца Зика и нескольких персидских командиров. Ее вели по пологому склону, где виднелись шатры персидских воинов, к стоящему особняком самому большому из них, увенчанному флагом с изображением льва — эмблемой иранского государства. Вокруг него стояли копьеносцы и вооруженные мечами командиры. Шли молча; когда стали подходить, полководец сказал:

— Вот шатер царя царей.

Сердце сильно заколотилось в груди Парандзем, невольно закрылись глаза: сейчас она увидит того, кто принес стране столько бед и несчастий...

Пока Парандзем, конвоируемую военачальниками, подводили к шатру, персидский шах сам вышел ей навстречу, с накидкой на плечах, сотканной из золотых и серебряных нитей, с короной, переливающейся драгоценными каменьями, и длинным жезлом с золотым набалдашником в руке. Лицо его, дубленное от солнца, глубоко избороздили морщины, неразглаживающимися складками покрыв лоб и щеки. Когда армянскую царицу подвели к нему, Шапур злорадно и самодовольно окинул ее взглядом, потом гневно перевел глаза к Артагерсу: на прилегавшей к нему горе, в вышине, виднелись армянские воины и селяне, покинувшие ночью крепость.

Они высоко несли армянское знамя...

Вместе с Шапуром туда же глядели воины и командиры его свиты. Лучи восходящего солнца играли на копьях армянских воинов, знамя развевалось на ветру.

Утопающие в морщинах глаза Шапура вспыхнули.

— Бесстыдница! — гаркнул он. — Думаешь, сумела спасти их? Ничуть, они будут перехвачены...

С этой угрозой, весь ощерясь, он надвинулся на нее.

— Не пожелала с почестями в Тизбон приехать, так пленницей пойдешь, рабой...

— Пленницей, рабой... — Парандзем резко подняла голову. — Царица Армянская никогда не будет рабой, тем более дочь ишхана Андока.

Упоминание об Андоке перекосило застывшее в неподвижности лицо Шапура.

— Андок! — произнес он, зарычав. — За себя и своего отца ты ответишь сполна, негодяйка!

Тут произошло нечто неожиданное. Поверженная армянская царица внезапно сорвалась с места, так что окружающие не успели опомниться, и, раненой пантерой подскочив к Шапуру, дала ему пощечину.

— На, получай, ублюдок! — послышался ее голос. — Не умеешь подобающим образом говорить с женщиной, шахиншах... Знай, ты получил оплеуху от дочери ишхана Андока...

При этих словах она еще плюнула в лицо Шапура.

Так неожидан был этот дерзкий поступок, что шах на минуту опешил, невольно поднес руку к лицу... И вдруг заорал, глядя на своих оцепеневших полководцев:

– На кол посадить злодейку, на кол!

Вооруженные мечами и копьями телохранители бросились к царице, скрутили ей руки.

Пройдя несколько шагов, Парандзем опомнилась и обратилась к вцепившимся в нее воинам:

– Пустите меня. Я пойду без вашей помощи.

Голос все еще был взволнован и строг, и это подействовало на людей. Ее отпустили, она пошла сама по каменистой тропе, в сопровождении телохранителей и военных главарей Шапура. В этот момент ишхан Езник, издали следивший, напрягая зрение, за царицей, незаметно последовал за ней по склону горы.

Чтоб унизить армянскую царицу, персы вели ее, грубо поторапливая, по трудной, извилистой тропе, круто спускающейся к берегу реки. Чуть погодя она уже шла по краю стремнины, вся запыхавшись, часто замедляла шаг, чтоб отдышаться. В одном месте, переведя дух, она остановилась.

– Персидские командиры, мой военачальник захватил в плен весь гарем вашего царя... и освободил его, возвратив в Тизбон. Я такого у вас не прошу, но перед смертью разрешите мне здесь совершить молитву,– обратилась она к конвою.

– Молись! – позволил один из командиров, которому, видно, тоже невмочь было идти дальше без передышки.

Парандзем опустилась на колени, лицом обратясь к обрыву.

Персидские командиры остались стоять с обеих сторон ее, но отвернулись, чтоб не мешать. Царица молилась, что-то шепча, потом вдруг поднялась... персы только и услыхали:

– Царице Страны Армянской не быть вашей рабой!

И, не успев понять, что происходит, увидали, как, широко раскинув руки, пленная царица огромной черной птицей полетела в бездну...

Где же были спарапет и престолонаследник?..

Через три дня после падения крепости и мученической смерти Парандзем в Аршаруник вошли армянские войска под предводительством спарапета Мушега и престолонаследника Папа. После непродолжительных боев персидская армия бежала в панике из Артагерса, сдав крепость без сопротивления.

Что же стало с Армянской крепостью?

При отступлении персы всю ярость и злобу обрушили на Аршакаван, разрушив его до основания.

С тех пор так и осталась лежать в руинах Армянская крепость.

1959

ЦАРЬ ПАП

Исторический роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По большой дороге, ведущей из стольного города Вагаршапта в Двин, которую проложил еще царь Хосров, а Аршак II благоустроил, установив каменные тумбы, чтобы всаднику удобнее было садиться на коня, и столбы, отмечающие каждый парсах, – по этой широкой дороге шли два гусана-армянина. Один из них, невысокий старик, опирался на суковатый посох. Седеющая борода его, закрывающая полгруди, придавала ему степенный вид. Этот гусан держал под мышкой бубен и свирель. Его спутник, ростом повыше среднего, нес за спиной на ремне старенький бамбир[1]. Темноволосый и стройный, он казался почти юношей, но глаза его были закрыты, и он шел спотыкаясь, крепко держась за локоть своего бородатого спутника. Одежда на гусанах была сильно изношена, доходившие до колен капы прорвались во многих местах, штаны с нашитыми большими заплатами, заправленные в шерстяные носки, побелели от пыли, как и старые чувяки из козьей кожи. Все это говорило, что гусаны давно не раздевались и прошли длинный путь.

– Закарэ, ты не устал? – спросил молодой гусан своего пожилого поводыря. – Может, отдохнем немного?

– Нет, сын мой, я еще могу ходить, – ответил тот и в подтверждение своих слов зашагал быстрее. – Идем, пока светло. А то стемнеет, городские ворота закроют и нас не пустят в Двин. Ты же знаешь, что делается сейчас на дорогах – везде снуют персидские вояки, не с каждым столкуешься, не каждого обведешь вокруг пальца. Можно наткнуться на такого...

– Это верно, Закарэ. Пока светло, надо успеть в город. И молодой гусан тоже ускорил шаги.

Стояла осень, прохладная и ясная, какой обычно бывает осень в Араратской долине. С бесконечно высокого синего неба вместе с теплыми солнечными лучами словно бы струилась

---

[1] Бамбир – старинный щипковый музыкальный инструмент.

родниковая свежесть, растекаясь над долиной. Яркими красками горели отяжеленные гроздьями виноградники, и среди них, как флаги осени, колыхались персиковые, абрикосовые, айвовые и гранатовые деревья – то группами, то в одиночку, пестрея красной, ярко-желтой или темно-зеленой листвой. Богато были убраны и деревья пшата, плотными рядами тянувшиеся вдоль садов и дорог, иногда от одной деревни до другой. Отягощенные грузом красно-желтых ягод, серые, слегка серебристые ветви этих деревьев, будто покрытые пылью веков, свешивались почти до самой земли, как волосы плакальщиц. А под ними на земле, на траве будто рассыпаны шелковичные коконы – все устлано пшатом, хоть сгребай лопатой в кучи. А сколько кругом воды! По всей долине, по обочинам дорог и вдоль тропинок, почти через все сады струились прозрачные осенние ручьи. Они журчали то тут, то там, но чаще текли бесшумно и спокойно, словно крадучись, – вперед и вперед, но все равно выдавали себя, вдруг сверкнув под солнцем, как кинжал. И все ручьи несли на своей поверхности то упавший с дерева персик, то грушу, орех или пшат.

Обильный урожай был рассыпан по садам и дорогам, его уносила вода, а под деревьями не было людей с корзинами, не звенели песни сборщиц винограда – загорелых девушек и невест, не слышался скрип тяжело нагруженных телег, везущих виноград к погребам, не покрикивали возчики...

Зловещее безлюдье царило кругом. Только иногда под далеким деревом вдруг показывался настороженный старик с ветхой корзиной в руках или старуха с приподнятым передником, собиравшая фрукты. Человек тут же исчезал за деревом, в сарае или глинобитном домике. Попадавшиеся по дороге крестьяне торопились как можно скорее попасть домой, испуганно оглядывались, словно кто-то преследовал их.

Это была та самая осень, когда войска персидского царя Шапура под командованием полководца Зика и армянского нахарара вероотступника Меружана Арцруни заняли большую часть Страны Армянской, тяжело осели в Араратской долине. Почти все города Армении: Ван, Багаван, Карин, Ервандашат, Вагаршапат, Нахчаван, Арташат – были заняты персами. Новая столица Двин тоже была полна чужеземных солдат, а в городской цитадели вместо царя Аршака, которого персы обманом взяли в плен, теперь властвовал сам Меружан Арцруни, тот, что торжественно поклялся Шапуру уничтожить в Армении династию Аршакидов вместе с ненавистным ему христианством, пресечь византийское влияние... И он уже принялся уничтожать и пресекать, действуя огнем и мечом. А персидские воины с наглостью завоевателей в городах и селах врывались в дома, требуя серебра, золота, еды, девушек и молодых женщин. Грабили прохожих по дорогам, снимали с них одежду, целыми шайками врывались в сады, разбивая калитки, и не столько ели, сколько ломали и топтали. А если были на конях, пасли их в виноградниках, среди кустов и деревьев.

Вот почему кругом царило такое запустение, такая страшная тишина.

Но гусаны шли по дороге спокойно, уверенной поступью и, что удивительно, были бодры, собранны и как бы с любопытством прислушивались и примечали все, что происходит вокруг. Странным могло показаться и то, что молодой гусан изредка приоткрывал глаза и смотрел в даль дороги, словно что-то проверяя. И если замечал вдали какое-нибудь движение или слышал сзади себя шаги, опять закрывал глаза и беззвучно шагал рядом со стариком, взяв его крепко за руку. Когда замеченный человек сворачивал в сторону или же уходил достаточно далеко, «слепец» опять осторожно открывал глаза и продолжал разговор со своим пожилым спутником.

– Ты заметил это, Закарэ? Дворец в Вагаршапате почти весь сгорел, – сказал он. – И патриаршие покои разгромили. Дома нахараров пустуют... Посмотрим, в каком положении сейчас Двин и Арташат.

– Ш-ш-ш, глаза! – прошептал старик. – Кажется, кто-то идет.

– Закрыл, Закарэ, закрыл. – И молодой гусан тут же крепко зажмурился. – Не сердись, Закарэ, я два года не видел этих мест, хочу тоску утолить, посмотреть, что изменилось. Разве можно удержаться?

– Ты очень неосторожен, сын мой. Особенно здесь, перед опасностью, надо быть хладнокровнее, терпеливее. Только так ты сможешь выполнить, что тебе поручили... Не забывай этого. И помни о глазах...

Молодой гусан вздохнул и умолк.

Некоторое время они шли молча, старик тяжело опирался на посох, а молодой шагал с закрытыми глазами, держась за поводыря, чуть отставая и иногда спотыкаясь.

Когда прошли так еще немного, молодой опять заговорил, приглушив голос:

– Закарэ, в Вагаршапате как будто обошлось лучше, чем в Ервандашате. Посмотрим, как пойдет у нас в Двине и Арташате. Прежде всего, конечно, в Двине. Там Меружан, – значит, персы будут следить зорче.

– Это верно. Но все зависит от божьей милости и от твоего умения, сын мой.

– И от твоего, Закарэ, и от твоего, не забывай этого, – добавил с благодарностью молодой гусан. – Меня вот что беспокоит: вдруг в Двине наткнемся на какого-нибудь подлеца, и он узнает меня...

– Узнает... – усмехнулся старик. – Сам дьявол тебя не узнает! У тебя теперь не только одежда – и лицо другое.

– И тебя тоже не узнать, – сказал молодой, слегка пожав руку спутника.

Оба, довольные, улыбнулись.

– А теперь ш-ш-ш!..

Они шли по той же дороге, и по обе стороны ее простира-

лись большие виноградники, а среди них то тут, то там виднелись глинобитные домики. Вокруг – ни души! Густые ряды ореховых и пшатовых деревьев придавали дороге вид аллеи. Впереди она круто поворачивала, и оттуда, из-за скрытого деревьями поворота, вдруг донесся близкий конский топот. Гусаны сразу насторожились – молодой закрыл глаза, а старик принял грустный вид и тяжелее налег на посох. Конечно, это приближались персы: армяне не только не имели права ездить верхом по своей стране – не все осмеливались даже выйти на дорогу.

И действительно, из-за поворота показались пять персидских воинов в высоких войлочных, будто глиняных, шапках. У каждого за ушами выпущены пучки волос, с пояса свисает длинная сабля, бьет коня по боку в такт езде.

Старик прижал руку молодого гусана. Это был условный знак: персы! Молодой сильнее зажмурился, его ресницы затрепетали.

Персидские воины придержали коней и, приблизившись к странникам, почти остановились, а один, видимо главный, чуть не наехал на гусанов и закричал, коверкая армянскую речь, издевательски перевирая слова:

– Кто? Куда шел?

– Мы гусаны, сын мой, – сказал Закарэ спокойным, почти бесцветным голосом. – Идем в Двин играть и петь.

– Право имеет? – Перс ткнул хлыстом в плечо старика.

– Право?.. Наше право – право гусана, сын мой, – указал старик на свою свирель и бамбир спутника. – Кто видел, чтобы гусана спрашивали о правах? Право гусана – его песня, игра, которые радуют всех. Давай сыграем для тебя.

– Нет, нет. Идешь, идешь. Не имеешь времени, – сказал перс и, стегнув коня, ускакал.

Глядя вслед всадникам, старик перевел дух.

– И от этих избавились. А ведь до Двина еще не раз придется встретиться с проклятыми...

Пройдя немного, они увидели двух пожилых крестьян-армян. Погоняя навьюченных ослов, они только что вышли из виноградника и тревожно оглядывались по сторонам. Увидев гусанов, стали удивленно присматриваться к ним. Потом двинулись вместе с ними в путь.

– Куда держите путь, братья гусаны? – спросил один. А взгляд его говорил больше: «Что гонит вас скитаться по дороге в эти смутные времена?»

– В Двин, братцы, в столицу Двин, в Арташат.

– Двин! Арташат! – повторил крестьянин грустно. – Не знаете разве, что в Двине и Арташате полно персов?

– Знаем, братец, знаем. Но что же из этого, и они – люди. Что они могут нам сделать?

– «Что могут нам сделать», – с горестной улыбкой повторил крестьянин. – Все могут сделать, брат гусан, все. Вот уже

год с лишним, как мы не хозяева своего добра. Ни днем ни ночью нет покоя.

— Почему? — вдруг спросил молчавший до этого молодой гусан. — Ведь говорят же что в Двине живет нахарар Меружан. Он, слыхать, по-человечески относится к народу.

При этих словах крестьяне замерли словно ужаленные, посмотрели друг на друга и смерили «слепого» взглядами с ног до головы.

— «По-человечески»! — усмехнувшись, повторил крестьянин. — Такое ты нам сказал, брат гусан! Не скажи кому-нибудь другому. По-человечески. Мы ни живы ни мертвы, а ты говоришь «по-человечески»...

— Я только слышал так, братец, — хотел, казалось, оправдаться молодой гусан.

Но крестьянин смотрел на него недоверчиво.

— «Слышал»... Ты что — не в нашей стране живешь, парень? Сказал тоже! Еще не встречал я человека, который хорошо отзывался бы о Меружане, этом пеплопоклоннике. Нет, братья гусаны, такое вы только от язычника услышите или от перса. «По-человечески»... всех заставляет пеплу поклоняться — вот он каков. Воины-персы душу нашу совсем иссушили. А ты говоришь «по-человечески»! — Тут крестьянин умолк, словно его остановила сердечная боль. — И сейчас, — продолжал он, крякнув, — не дают нам свободно ездить по дорогам, не пускают в Двин, в Арташат. Все следят: «Откуда идешь, куда, зачем».

— Дней двадцать назад было не так, — заговорил другой крестьянин, длинный и худой, с высохшей щетиной на лице. Грустный, он до этого молча прислушивался к разговору своего друга и гусанов. — А сейчас совсем озверели. Не понимаю, в чем дело... Это хорошо, что воины-персы вас пропустили. Правда, гусаны — божьи люди, — добавил он.

— Может, и верно, ничего не скажут...

Молодой гусан, которого слова первого крестьянина заставили задуматься, как бы очнулся:

— Значит, нас и в город не пустят?

— Не могу сказать, брат гусан. Времена сейчас такие. Верно говорят или нет, не знаю, только дошло до моего слуха... — Тут худощавый крестьянин понизил голос. — Вы армяне, крещеные, от вас мне нечего таить... Говорят, Мушег и Пап начали войну против пеплопоклонников, вы слышали?

— Неужели есть такие слухи? — удивились гусаны.

— Есть, братья гусаны, есть. Как же это вы не слышали? А говорят еще, что гусаны узнают новости раньше всех...

Гусаны повторили, что ничего такого не слыхали, но крестьян это не удовлетворило. Видно, давно не встречались им люди из далеких мест. А ведь так хочется узнать, что происходит за пределами их деревни, в мире, что говорят люди, когда же наконец Страна Армянская освободится от «пеплоедов»...

— А может, правда, что Мушег воюет, а? — И невысокий крестьянин с искорками надежды в страдальческих глазах посмотрел на гусанов.

— Нет, братец, такого мы не слышали, — ответил молодой гусан. — Но если это верно, нехорошо это для нас, совсем нехорошо.

— Что нехорошо? — остановился невысокий крестьянин и даже заглянул в лицо незрячего.

— Война, — ответил молодой гусан. — Опять обе стороны потеряют людей, опять будут разорены села и города. Лучше пусть все так останется, и мы спокойно будем жить. Да и Меружан ведь не перс, а армянин.

— Армянин!.. Видно, вы, как и Меружан, поклоняетесь пеплу, — заговорил крестьянин со сдержанной болью. — Ступайте, ступайте...

И остановил ослов, чтобы гусаны ушли вперед. Лицо его потемнело от боли и гнева. Когда гусаны чуть отошли, он сказал:

— А я еще хотел угостить их виноградом...

Гусаны услышали его слова и улыбнулись.

— Поверили! — Молодой гусан открыл глаза. — Если и персы нам так поверят, мы войдем в город!..

— Ты обидел их, сын мой, — заметил Закарэ.

— Ничего, Закарэ, ничего, — сказал молодой гусан. — Я хотел узнать, как они ненавидят Меружана. Видишь, здесь то же, что и везде. Это хорошо...

Они опять были одни на дороге, шли быстрым, но осторожным шагом. И опять, если кругом никого не было, молодой гусан чуть-чуть приоткрывал глаза и внимательно осматривался, а заметив человека, зажмуривался и сильнее сжимал руку старика.

Когда они наконец добрались до садов, окружающих столицу, он совсем закрыл глаза. Теперь персидские воины попадались чаще. Нет-нет да и покажется то верховой, то пеший. Или вдруг выйдет из сада какой-нибудь вояка с саблей на боку, с гроздьями винограда или персиками в шапке. Чуть позже, когда Закарэ сказал: «А вот и цитадель показалась», — молодой гусан не выдержал.

— Цитадель! — радостно воскликнул он и, забыв осторожность, опять открыл глаза. И верно — перед ним была хорошо знакомая цитадель, сверху донизу окруженная деревьями, опоясанная высокой зубчатой стеной с башнями. Из-за деревьев виднелась лишь верхняя часть царского дворца и широкая каменная лестница, белые ступени которой сбегали к стенам цитадели. На самом верху холма как бы светились мраморные колонны галереи, там часто прогуливались и отдыхали царь с придворными, и оттуда они могли видеть не только весь раскинувшийся внизу город, но и всю долину вокруг с ее мирными селами, реками и дорогами, не говоря уже об окружающих горах — они видны до самого подножия, особенно Большой

и Малый Арарат, которые кажутся такими близкими, что можно разглядеть на них все морщины.

Молодой гусан не сводил жадных глаз с цитадели. Дворец казался заброшенным, пустынным, несмотря на то что здесь теперь жили персидский полководец Зик и Меружан Арцруни со своими людьми. Забыв об опасности, гусан напряг взор: хоть бы одного человека увидеть среди колонн галереи или на длинной лестнице, хоть бы одну тень разглядеть, чтоб понять – что же изменилось во дворце. Старик по привычке прижал его руку.

– Довольно, сын мой.

Молодой гусан тяжко вздохнул. Это получилось так неожиданно – старик даже остановился.

– Ты что невесел, сынок? Ведь к городу подходим!

– Эх! – Молодой гусан опять вздохнул. – Я оставил здесь кое-кого и не знаю, жив этот человек или его уже нет. А может, и в плен угнали. Давно нет никаких вестей...

Сказав это, он глубоко задумался. Гусаны долго шли в молчании, потом молодой вдруг словно взорвался:

– Велишь мне терпеливым быть! А я вот даже не знаю, как буду держаться, если встречу Меружана. Кажется, зубами перегрыз бы ему горло – ведь сколько несчастий нам принес...

И опять наступило тяжелое безмолвие. Но вот поводырь Закарэ прижал локтем руку молодого и прошептал:

– Городские стены...

Старик почувствовал: от его слов по всему телу молодого человека пробежала дрожь – то ли от страха, то ли от радости. Но гусан удержался, не открыл глаза, а только сказал вполголоса:

– Сейчас начнутся строгости. Будь что будет! Ты не боишься, Закарэ?

– Почему? Куда ты, туда и я, – сказал Закарэ, не отрывая глаз от городских стен. Их зубцы и башни постепенно вырастали над окружающими садами. Уже были видны пучки высыхающей травы, которая кое-где пробилась из каменной кладки стен.

Потом показались две башни и между ними высокая арка – Главные, или Вагаршапатские, ворота. Железные створы были открыты настежь. Под аркой – по обе ее стороны – на каменных скамьях, держа копья между колен или прислонив их к стене рядом с собой, восседали в тени шесть или семь персидских воинов в своих шапках, будто сделанных из глины. Они что-то ели и на расстоянии переговаривались друг с другом.

– Главные ворота... – опять прошептал Закарэ и снова почувствовал волну трепета в руке молодого гусана.

– Стража на месте? – спросил тот.

– Сидят... – ответил Закарэ и сразу смолк.

Теперь они шагали увереннее – один как испытанный

старый поводырь, второй как слепой гусан – схватившись за руку поводыря и спотыкаясь.

Стражники ели дыню и шутя швыряли друг в друга корками. Заметив гусанов, они еще больше развеселились.

– Музыканты! Музыканты! – закричали наперебой, указывая на гусанов.

Когда гусаны подошли ближе, один из стражников, худой и длинношеий, поднялся с места и с копьем в руке шагнул к ним.

– Куда идете? – спросил он, придав голосу строгость и разглядывая музыкантов.

– Бродячие гусаны мы, сынок, – сказал старик. – В Двин идем играть для войска царя Шапура.

– А для нас не сыграете? – спросил один из сидящих стражников.

– Пожалуйста! – с готовностью ответил Закарэ. – Наше дело – играть и радовать сердца людей.

– Нет, нет, проходите, – сказал длинношеий. – Здесь не место для музыки.

В это время сверху, из наблюдательной башни над воротами, кто-то спросил резким голосом:

– Кто такие? Что нужно?

– Музыканты, начальник, гусаны, – ответил стражник с копьем, глядя вверх.

– Гусаны? Пусть проходят, – сказал сверху черноглазый, с густыми волосами начальник стражи и тоже швырнул сверху дынную корку – то ли в стражника, то ли в гусанов. Корка ударила по руке молодого гусана, тот вздрогнул, словно от прикосновения змеи. Но сдержался – только Закарэ услышал его шепот: «Поганые собаки» – и крепко прижал руку товарища.

Пройдя Главные ворота, гусаны приободрились, зашагали быстрее, а на лицах их засветилось нечто похожее на радость: цель достигнута, они вошли в свою столицу! Что будет дальше – об этом как будто и думать забыли.

Но, пройдя шагов двадцать, они опять притихли: и в городе та же тишина, то же безлюдье...

– Неужели и здесь нет ни души, Закарэ? – спросил молодой гусан.

– Похоже, – вздохнул старик.

Они шли по главной улице, ведущей к центру города – к площади. На этой улице, когда-то гудевшей от движения, где не только двигались пешие и всадники, но и гнали всякого рода живность: навьюченных верблюдов, мулов, ослов, – сейчас здесь встречались лишь персы-воины, дети да еще изредка старухи. Дома по обеим сторонам улицы казались нежилыми, из них словно вынули душу, даже собаки не лаяли. В некоторых домах даже были сняты двери, попадались и проломленные стены, ограды – такого прежде не бывало.

Постепенно вокруг гусанов собиралась толпа детей, удивленно разглядывавших их инструменты. Вскоре музыканты уже были на городской площади. По трем ее сторонам расположились лавки и мастерские ремесленников, а всю четвертую занимала большая церковь Двина с высокой каменной оградой и сводчатым входом, в глубине которого темнела дверь с вырезанным на ней крестом. В каждом из четырех углов площади был одетый в камень родник, бьющий тремя струями в три стороны. И при каждом роднике – медная чаша для питья, соединенная цепью с камнем.

В окружении детей и воинов-персов гусаны уселись на плоском ноздреватом камне и запели протяжную персидскую песню. Вернее, молодой гусан играл и пел, а его пожилой поводырь устало подпевал ему своим густым голосом. И дети и персы слушали их в глубокой и почтительной тишине, в глазах воинов уже не сверкала надменность завоевателей, там теплилось что-то похожее на тоску...

Число любителей песни и музыки росло. Лишь персидские маги и служители огня в длиннополых одеяниях и островерхих шапках, входившие в церковный двор вместо армянских епископов, архимандритов и дьяконов, недовольно косились в сторону бродячих музыкантов.

А гусаны, продолжая петь, будто изучали все вокруг себя – старик открыто посматривал во все стороны, а молодой хоть и обещал не открывать глаз в городе, но от нетерпения или из любопытства не мог сдержать себя и иногда, играя длинными ресницами, сквозь плотный прищур наблюдал за площадью.

По сравнению с прежними временами площадь была пустынной, можно было подумать, что в городе никого нет. Но это лишь на первый взгляд. Люди показывались на улице очень редко и с большой осторожностью. Хоть персы хозяйничали повсюду уже больше года, население не могло примириться с этим. Правда, народу в городе поубавилось – еще до прихода персов многие ушли отсюда в северные области страны – Варажнуник, Гарни, Гехаркуник, Гугарк и Утик – до самой верхней границы Страны Армянской, а иные перебрались даже в Страну Грузинскую. Оставшиеся прятались в своих домах или в окружающих город садах, чтобы, не дай бог, не заставили поклоняться огню. Никто не верил захватчикам, хотя сам верховный главнокомандующий персидскими войсками полководец Зик и армянский нахарар Меружан устами глашатаев возвестили народу, что преследований не будет, чтобы каждый чувствовал себя свободно и продолжал заниматься своим делом. Какая уж тут свобода – на площади показывались лишь старики да старухи или калеки, которые, казалось, пренебрегали смертью и выходили на улицу по праву старости или увечья.

Давно уже не показывались в городе гусаны и не было слышно на улицах ни песен, ни музыки. Видно, поэтому первые робкие звуки бамбира, свирели и бубна собрали не только детей и персидских воинов, но и взрослых горожан – и число их

увеличивалось. Даже женщины удивленно смотрели на игравщих гусанов из-за стен и дверей, но подойти не решались...

Гусаны, осмелев, пели уже в полный голос. И тут на площади вдруг раздался крик ликования: человек в лохмотьях и со спутанными волосами, державший в руке воловий хвост, прорвал кольцо собравшихся. Стегнул по земле своим странным бичом.

Эй, гусаны вы, гусаны –
К нам пожаловали сами?
Или ветер вас принес?
Иль водою плыть пришлось?

Эти слова он пропел, кланяясь и по-скоморошьи кривя рот. Подняв брови и склонив голову, он заглядывал в лица гусанов, словно пытался узнать их. Какой-то пожилой горожанин строго остановил его:

– Тише, Махкос!..

Да, молодой гусан сразу узнал его – это был известный в Двине юродивый Грешник Махкос – еще не старый, крепкий детина. Он умолк и стал слушать песню гусанов, а потом вдруг громко расплакался. Персы-воины участливо посмотрели на него и заказали новую песню.

Пока гусаны пели, любопытствующих становилось вокруг все больше и больше. Наконец, когда после нескольких песен решили сделать передышку, один из горожан, старик с белой повязкой на шее, подойдя к Закарэ, тихо спросил:

– Откуда пришли, брат гусан?

– Из Вагаршапата, – ответил вместо Закарэ его слепой товарищ.

– Как там, в Вагаршапате? – спросил тот же старик еще тише – чтобы персы не услышали.

– То же, что и здесь, приятель, – ответил молодой гусан безразлично и, пробежав пальцами по струнам бамбира, начал персидскую солдатскую песню. Старик двинец молча кивнул.

И опять гусаны играли и пели. Звенел бамбир, пела свирель, глухо отбивал такт бубен. Когда воины-персы наконец наслушались и всей группой ушли, Закарэ дважды пожал руку молодого человека, что означало: «Чужаков нет».

Тогда молодой гусан ударил по струнам и запел по-армянски. Собравшиеся двинцы услышали знакомый мотив. Сами собой поднялись брови, лица прояснились, в глазах заискрилось что-то, казалось бы, давно угасшее...

В этой пестрой толпе один человек упорно смотрел на слепого гусана, будто хотел запомнить каждое его движение. Это был мужчина лет сорока с бледным лицом, с черными вьющимися бородой и усами и тонкими белыми пальцами, которые лишь иногда показывались из широких длинных рукавов его потертой капы. Он не был похож на человека, занятого землей,

садом или другой грубой работой, и — это было заметно — пользовался уважением среди собравшихся.

Когда певец опять умолк и устало опустил бамбир на колени, этот человек подошел к нему и, наклонившись, коснулся его руки, чтобы слепой почувствовал: с ним хотят поговорить.

— Брат гусан, — сказал незнакомец участливо и негромко, — вы, наверное, устали и голодны. Пойдемте ко мне — вкусите хлеба и отдохнете.

— Благодарствуем, незнакомый брат. Справедливы твои слова — и устали мы, и не ели давно. Но не слишком ли далеко твой дом для наших усталых ног?

— Нет, не очень далеко, — сказал человек так же тихо. — Пройдем две коротких улицы — и вы будете в моем доме.

Напряженное, озабоченное лицо молодого гусана сразу же посветлело: он словно услышал знакомый, а может быть, и родной голос и сказал: — Пойдем, Закарэ...

И, поднявшись, осторожно повесил бамбир за плечо, взял руку старого поводыря.

— Идите за мной, — сказал негромко двинец и, отделившись от толпы, не оглядываясь пошел впереди, помахивая широкими рукавами капы.

Гусаны поплелись за ним, и до самого дома, который был не так уж близко, они больше не обменялись ни единым словом.

Когда вслед за двинцем музыканты наконец вошли в его двор и дверь за ними была надежно заперта, слепой гусан открыл вдруг глаза и, улыбаясь, посмотрел на хозяина. Тому показалось, что лохмотья молодого гусана исчезли: перед ним стоял бодрый и сильный воин.

— Раат! — воскликнул он.

— Не ждал, Газавон-варпет?[1] Я сразу узнал тебя по голосу. Даже почувствовал, что ты очень удивлен.

— Удивлен! — воскликнул хозяин. — Этого мало, дорогой Раат, — я прямо сгораю от любопытства. Скажи-ка, дорогой, что это такое? Что заставило тебя притворяться слепым гусаном?..

— Вижу, тебе в самом деле не терпится все узнать, — сказал гусан, по-дружески похлопав хозяина по плечу. — Но прежде чем насыщать свое любопытство, накорми нас, чтобы мы набрались сил для беседы. Это мой добрый поводырь — честный человек, можешь свободно говорить при нем.

— Уж прости, брат Раат, — смутился Газавон, — я так удивлен и взволнован, что забыл правила гостеприимства. Сию минуту. Пожалуйста, пройдемте вот сюда.

И засуетился, заспешил, ведя гостей в глубину двора, к дому, что стоял под сенью двух больших шелковиц. В этом доме оказалось три комнаты, их обнаженная нищета поразила Раата, который знал, что хозяин — богатый ювелир. Стены были

[1] **Варпет** — мастер.

без убранства, совсем голые, на тахту наброшена серая кошма, свисавшая до полу.

Пока гусаны, расположившись на тахте, разглядывали голые стены и разостланные на полу дешевые циновки, плетенные из болотной травы, гостеприимный Газавон ушел в соседнюю комнату, негромко сказал кому-то несколько слов и вскоре вернулся.

– Не дивись, что мы так обеднели, брат Раат,– заговорил он, усаживаясь против гостей на другой тахте.– Мы спрятали все, что имели, чтобы неверные пеплоеды не разграбили. Хватают все подряд, переходя из дома в дом. Все, что понравится персу, хозяину больше не принадлежит... Но оставим это. Ты вот что скажи, братец Раат: где ты был, как сумел пробраться в Двин и почему на тебе личина слепого гусана?.. Ох, прости, я же обещал сначала накормить...

В это время из соседней комнаты вышла еще не старая женщина, повязанная платком, неся длинногорлый кувшин и маленький тазик. Она молча поклонилась, поставила тазик на пол и стала лить воду гостям на руки. Когда они умылись и вытерлись, женщина так же бесшумно вынесла кувшин и тазик в соседнюю комнату и вскоре опять появилась, держа обеими руками деревянный поднос, на котором теснились глиняные миски и круглые поджаристые хлебы. С поклоном поставив поднос на тахту перед гостями, она опять вышла.

Пока усталые и голодные гости были заняты едой, хозяин, также разделявший с ними трапезу, нетерпеливо посматривал то на Раата, то на Закарэ, словно ожидал, когда же они насытятся, чтобы начать беседу. Он знал, что Раат был одним из телохранителей спарапета Мушега, знал, что вместе с главнокомандующим молодой воин ездил в Византию за престолонаследником Папом, которому предстояло взойти на престол вместо коварно плененного в Персии отца. Теперь Газавону хотелось узнать, откуда идет Раат, зачем пришел, да еще притворился слепым гусаном, и кто его старый поводырь, который ничем не отличается от настоящего гусана.

Молодой гость почувствовал нетерпение хозяина и улыбаясь заметил:

– Сейчас, Газавон, сейчас все расскажу.

– Кушай, брат Раат, угощайся. Я подожду.

– Нет, варпет Газавон, вижу я, любопытство мучит тебя больше, чем меня мой голод.

Не сводя с хозяина улыбающихся глаз, Раат быстро покончил с едой и наконец поднялся.

– Ты отдыхай здесь, Закарэ, а я пойду немного побеседую с мастером Газавоном. Ты ведь все знаешь, снова слушать будет скучно.

И когда они перешли в соседнюю комнату, Газавон узнал такие вещи, что больше не в силах был удерживать свое удивление.

– Что-о?.. В самом деле?.. Значит, все это правда, что мне

передавали?..– говорил он, то и дело приподнимаясь с места и опять садясь.

Раат действительно рассказывал удивительные вещи. Византия уже признала царем престолонаследника Папа и даже дала ему в помощь войско. И они теперь вместе с армянскими полками, что год назад, отступив, укрепились в областях Спер, Тайк и Даранали, воюют против персов под предводительством Мушега и Папа.

– Что ты говоришь! – приподнялся в восторге Газавон.– Ну и как? Бьют они пеплоедов?

– Бьют, еще как бьют! Потому что у персов там нет больших сил. Плохи у них дела – поражение за поражением, отступают после каждого боя. А наш спарапет, узнав о том, как Шапур убил его отца спарапета Васака – ведь персы содрали с него кожу, набили его сеном и поставили чучело перед узником – нашим царем,– так вот, наш спарапет сам начал делать так же: когда берет в плен персидского полководца, велит содрать кожу, сделать чучело и во время боя ставит перед персидским войском, чтобы видел каждый...

– Ну, брат, и дела! – опять не удержался от возгласа Газавон. Он будто не верил слышанному или считал все это чудом.– А ты, ты-то почему оставил войско, когда наши побеждают? Прикинулся гусаном, слепцом притворился...

– Потерпи, Газавон-варпет, подожди. Не могу отвечать на все вопросы сразу,– улыбнулся Раат и рассказал, что его послал спарапет – сообщить народу весть об их победном возвращении, чтобы все были начеку, готовились к предстоящим битвам, а способные носить оружие немедленно шли бы в горы, укрылись в лесах.

– Это зачем? – нахмурился Газавон.

– Для того, варпет, чтобы персы, когда побегут, не захватили с собой их или не убили. Поэтому они теперь должны укрыться, а как подойдет наше войско – придут с тыла на помощь. Так распорядился спарапет.

– Мудрец! – восхитился ювелир.– Мудрое распоряжение! А теперь, где же наши теперь?

– Когда я уходил от них, это было месяц назад, наши заняли Карин и двинулись к области Багреванд.

– Значит, ты проходил через вражий стан? – поразился Газавон.

– Каким же еще путем я мог идти...

– И не заметили?

– Прошел как слепой гусан.

– И ни разу не заподозрили?

– Гусан с бамбиром им так же приятен, как и нам.

– Значит, ты все время притворялся слепым и играл для них?

– Не только играл, но и пел, как ты видел.

– И по-армянски, как сегодня?

– Нет, для них только по-персидски.

— И не обижали?

— Иногда даже подпевали нам и заказывали песни. А в Вагаршапате потребовали, чтобы мы остались у них. Обещали заботиться о нас, хорошо кормить. Но я отказался, сказал, что играю только из уважения к ним — тяжело у меня на сердце, отец при смерти в Двине. Надо успеть.

Молодой телохранитель спарапета Мушега, прикинувшись слепым гусаном, побывал со своим поводырем в Багаване, Ервандашате, Вагаршапате и во многих других городах и деревнях, тайком рассказывая армянам о приходе нового молодого царя, о победах его войска и распоряжении спарапета Мушега. И везде обошлось без приключений — так хорошо пристала к нему роль гусана. А началось все так: спарапет Мушег, чтобы поднять дух народа, живущего в областях, захваченных персами, пробудить в армянах надежду на скорое освобождение и предостеречь неопытных от вражьего коварства, предложил молодым воинам опасное и почетное дело. Вызвались многие, но спарапет выбрал лишь шестерых. Одним из них и был Раат, он взял на себя роль гусана еще и по другой, известной лишь ему причине и попросил спарапета именно его послать в Двин и Арташат. Остальные пошли в другие концы страны, некоторые отправились в горы, понесли письма Папа и Мушега нахарарам областей, не занятых врагом, чтобы те присоединились к войне, начатой против персов.

Газавон, слушая гостя, так и сыпал вопросами. Ему хотелось узнать, как одет молодой царь, какой меч носит и есть ли у него на голове корона, с ним ли новая царица или осталась в Византии. И еще: много ли ромеев пришло с армянским войском, есть ли у них хорошие полководцы и охотно ли идут сражаться.

Слушая ответы, ювелир не унимался:

— А дальше что? Что потом? Что еще нового?

— Вот еще одна новость, Газавон,— сказал Раат.— Спандарат Камсаракан примкнул к Папу и Мушегу и сейчас воюет против персов.

— Ишхан Спандарат! — подпрыгнул на месте ювелир, словно услышав о чуде.— Это после того, как царь Аршак уничтожил его род и раздал его владения другим нахарарам?..

— Да, пришел сам. Во имя любви к родине.

— Значит, избавимся от огнепоклонников?

— Скоро, Газавон, скоро! — кивнул Раат уверенно и таинственно.— Я рад, что встретил тебя. Теперь необходимо все это сказать народу. Сколько у тебя есть верных людей, пусть все примутся за дело. Но осторожно, о гусане ни слова!..

— Будь спокоен, дорогой Раат. Газавон знает свое дело.

Поговорили еще немного. Потом Газавон отвел гостя в соседнюю комнату, к спящему Закарэ, и оставил там отдыхать.

Осенний мрак уже опускался на завоеванную столицу и постепенно обволакивал цитадель с ее дворцом, стенами и сада-

ми и дом ювелира. Раат лежал на мягкой кошме, но, несмотря на крайнюю усталость, не мог заснуть. Его осаждали давно волновавшие мысли. Отправляясь в Двин и Арташат, он надеялся повидать здесь и свою невесту Назени, дочь оружейника Зомы, с которой расстался полтора года назад. Вот почему попросил от спарапета, чтобы послал его именно сюда... И как тогда, у спарапета, так и теперь – уже в Двине – Раат не знал, где искать девушку, в городе ли, в домике их сада, что за городскими стенами, или же они с матерью укрылись где-нибудь в более безопасном месте... Раат во время беседы хотел было спросить об этом Газавона, но не счел удобным говорить о своем, а кроме того, не был уверен, что Газавон может знать жену и дочь оружейника Зомы. Подумав, Раат решил было сейчас же отправиться в дом мастера Зомы, но вспомнил, что на каждом углу в городе стоят воины-персы, а он все еще не выполнил поручение спарапета. Решил дождаться утра.

– Утром, – вздохнул он, – утром все выяснится...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хоть Двин и не был так разрушен завоевателями, как другие города Армении, однако над его кровлями за последние два года пронеслось больше бед, чем над любым другим городом.

Эта молодая столица, высокую цитадель которой увенчивал царский дворец и опоясывали зубчатые многобашенные двойные стены, была невелика. Вокруг цитадели располагались большие и малые дома знатных нахараров и зажиточных горожан, и все это было обнесено еще одной высокой стеной, за которой теснились роскошные сады и пространная роща – «лес Хосрова», как его называли. В Двине, как городе новом, было много красивых мест, ласкающих глаз. Но в те дни он оставлял тяжелое, невыразимо тяжелое впечатление. В его цитадели и на улицах вместо воинов армянского дворцового полка надменно прохаживались персидские военачальники и солдаты, а малочисленные двинцы жались по углам, как тени, чувствуя себя чужими в родном городе. Всего тяжелее были тишина и запустение, царившие в столице.

А между тем всего два года назад здесь кипела радостная жизнь, как в весеннем улье. Каждый гражданин имел свое дело и занятие. В низеньких лавках и мастерских, окружавших квадратную площадь города, с утра до вечера трудились мастера всех ремесел – скорняки шили из овечьих, ягнячьих и оленьих шкур папахи на любой вкус; портные кроили всяческую одежду – капы для горожан и крестьян, шубы и мантии для нахараров и сепухов; сапожные мастера выставляли на продажу разную обувь, а также греческие сандалии; гончары выделывали всякую глиняную посуду, начиная с огромных пузатых ка-

расов[1] и кончая маленькими кружками для питья воды и чашами для вин — их обжигали здесь же в мастерской над горном. Седельщики на дверях своих мастерских кроме седел, висевших на больших крюках, развешивали разные ремни, уздечки, недоуздки, кожаные пояса и связки бубенцов — их привязывали к шее верблюдов, мулов и ослов, чтобы было веселее в пути. На площади особенно громко давали о себе знать оружейники, ковавшие различное оружие и доспехи — копья, пики, кинжалы, а также налокотники и наголенники — все, что нужно для охоты и войны... Вся эта работа вместе с оглушающим звоном медников заполняла площадь грохотом, казалось, что так будет продолжаться без конца. Зимой оживление в городе усиливалось — из Вагаршапата или из какой-нибудь летней резиденции в Двин перебирался царь со всем двором, старшими нахарарами и дворцовым полком и жил в цитадели до середины весны. Зима проходила в торжествах, военных играх и в охоте. Все это придавало городу особенный, праздничный облик.

Два года назад эта беззаботная суета столицы вдруг сменилась тревогой. Персидский царь Шапур пригласил в Тизбон царя Аршака и его отважного спарапета Васака — заключать дружеский союз. Армянский двор и кое-кто из старших нахараров, помня коварный нрав Шапура и хорошо зная, что лукавый перс недоволен армянским царем за его симпатии к Византии, ничего хорошего не ожидали от этого приглашения.

Не прошло и месяца со дня отправления царя и его спарапета, как из Тизбона прибыл новый посланец, окруженный телохранителями, и сообщил, что царь царей любезно приглашает в свою столицу также и великую госпожу армян — царицу Парандзем, а с нею и старших нахараров. Двор во главе с царицей обсудил это приглашение и решил отказаться от чести, оказанной им царем царей, полагая, что не с добрым намерением оказывается эта честь.

«Почему вдруг скупой, недоброжелательный Шапур стал таким гостеприимным? — говорили армянские старшие нахарары и люди из дворцовой знати. — Неужели дело так сложно, что с армянским царем и спарапетом его не решить и возникла нужда пригласить еще и царицу с влиятельными нахарарами?..»

«А может, для оказания почестей? — предполагали другие. — Видимо, подарками и почестями он хочет склонить армян на свою сторону».

«Однако эти подарки и награды он мог бы послать и в Двин, а не навязывать царице тяжкое, как каторга, путешествие», — возражали третьи.

Из старших нахараров единственный человек, склонявшийся к принятию приглашения персидского царя, был скопец Дхак Айр-Мардпет — управляющий дворцом и царскими поместьями. Он считал, что армянскому двору не следует обострять от-

---

[1] Карас — большой кувшин для хранения вина.

ношения с персами, а, напротив, надо применить все средства, чтобы сохранить дружбу могущественного соседа. Будучи персофилом и ненавидя Византию и ее сторонников, что он, впрочем, и не скрывал, Айр-Мардпет не упустил возможности проехаться по адресу друзей Византии: «Мы охотно бежим в Византию, где умерщвляют душу армянина, но не хотим идти в Тизбон, от которого зависит безопасность армянской плоти». И еще добавил, как мрачный прорицатель: «Нет, царица, я считаю, лучше приглашение принять и остаться другом персов, иначе будут тяжелые, печальные последствия...»

Но царица не послушалась его, заметив, что ничего хорошего в этом приглашении не видит, а, напротив, все это очень подозрительно, стало быть, ехать в Тизбон опасно.

И предчувствия царицы подтвердились.

Через несколько дней после второго приглашения Шапура прискакал армянский гонец, посланный захваченным в плен нахараром, и сообщил, что Шапур арестовал царя Аршака и спарапета Васака и собирает большое войско для нашествия на Страну Армянскую, чтобы положить конец ее государственности и раз и навсегда вывести ее из-под влияния Византии и подчинить себе. Потому-де, что он не выносит, его попросту приводит в бешенство то, что армяне не только своей религией связались с постоянным и заклятым его врагом – с Византией, но заключили с нею и политический союз. Персидского царя беспокоило и то, что молодые армяне большими группами едут в Византию – учиться наукам и военному искусству. Царя бесила эта любовь к ромеям, которая особенно поощрялась армянским духовенством. Шапур видел: армяне, не считаясь с ним, постепенно приблизили его врагов – византийцев к границам Персидской страны. Царь Аршак преследовал армянских нахараров-персофилов, захватывал их поместья или же отстранял их от двора, как он обошелся с Меружаном Арцруни – владетелем и ишханом обширной части Васпураканского края. Сильный и влиятельный нахарар Меружан не захотел подчиниться царю Аршаку, который стремился держать всех нахараров в зависимости от себя, от своей власти, и перебежал к царю царей. Особенно разгневала его попытка Аршака прибрать к рукам нахараров с помощью города Аршакавана, специально построенного для этой цели. Интриги недовольных армянским царем нахараров, которые подобно Меружану, убежали из Армении и, приняв огнепоклонство, нашли пристанище при персидском дворе, также сыграли свою роль. Шапур задумал одним ударом решить старый вопрос и поставить Армению под свою зависимость.

Об этих намерениях Шапура давно догадывались нахарары, но весть, которую принес армянский гонец, положила конец всем догадкам – царь Аршак и спарапет Васак были уже пленниками персидского царя. И поэтому царица и нахарары сразу же стали готовиться к войне. Должность спарапета решили передать сыну Васака Мушегу, который хоть

и был молод, но считался отважным полководцем среди армянских военных. Распорядившись спрятать часть дворцовой казны и драгоценностей в тайниках цитадели и то же сделать с казной в Вагаршапате и Арташате, а часть сокровищ взяв с собой, царица с десятитысячным войском отправилась в крепость Артагерс, принадлежащую нахарарам рода Камсаракан. Эта крепость считалась самой неприступной, она была построена на вершине скалистой горы, на берегу реки Аракс.

После ухода царицы и старших нахараров жизнь в Двине словно замерла, город притих, выжидая: что будет завтра? Во дворце цитадели остались лишь два нахарара — Айр-Мардпет, который объяснил, что он управляющий, обязан быть при дворце, оберегать его, чтоб не разграбили, и Давид Гнуни — этот старец не смог уйти из-за своей дряхлости. С ними, конечно, осталось много челяди, особенно слуг самого Айр-Мардпета — их было больше пятидесяти.

Не прошло и месяца после ухода царицы, как по Двину поползли слухи, будто персы, перейдя армянскую границу, осадили Артагерс. Несколько раз они приступали к крепости, но гарнизон отбил их. После многих месяцев осады они, чтобы прокормиться, начали нападать на беззащитные армянские деревни и города и заняли многие из них. Но Двин, хоть и не имел большого гарнизона, стойко защищался с помощью крестьян, прибывших из окрестных деревень, и не подпускал персов даже к стенам. Все же Айр-Мардпет убедил защитников, что сопротивляться персидским войскам бесполезно и нужно открыть городские ворота, иначе персы разрушат столицу и учинят в городе большую резню. Народ, уставший от длительной борьбы, поставил, однако, условие, что ворота будут открыты лишь после того, как Айр-Мардпет возьмет клятву с персов, что те не тронут город и горожан.

И действительно, когда Айр-Мардпет с белым знаменем поднялся на верх городской стены и получил от персов обязательство, гарантирующее городу безопасность, Двин открыл свои железные ворота. В то время как персы вступали в город, через другие ворота выходили из города многие его жители со своими семействами и скрывались в лесу Хосрова. Их путь лежал в далекие нагорные области — Котайк, Варажнуник и Гехаркуник, туда, где не ступала вражья нога.

А через день в Двин въехал на белом коне сам Меружан Арцруни и с ним полководец персов Зик. Окруженные многочисленными телохранителями и в сопровождении Айр-Мардпета, они поднялись в цитадель.

И сразу побежала молва о том, что Айр-Мардпет окружил Меружана большими почестями, как царя, и Меружан, в свою очередь, ласков с ним.

После въезда в город Меружан прежде всего распорядился сжечь, уничтожить в церквах христианские украшения и утварь, установив там алтарь огня. Горожанам он велел поклоняться вечному огню и приказал: если не подчинятся, заставлять на-

сильно... В ответ на это новые потоки двинцев устремились из города. Одни уходили лишь им известным потайным проходом в безопасные районы, а иные попросту укрывались в своих садах за городской стеной, где у каждого был свой домик или глинобитная сторожка. Те, кто оставался, совсем не выходили на улицу, чтобы персы не заставили поклоняться огню.

Пока Артагерс защищался, двинцы были бесстрашны и неуступчивы. Их обнадеживало еще и то, что царица Парандзем, защищая крепость, послала тем временем Мушега в Византию просить у императора Валента помощи и привезти престолонаследника Папа, который уже несколько лет учился в византийской столице. Значит, близко спасение, еще немного потерпеть – и Страна Армянская избавится от притеснителей. Но вот однажды прошел слух, что Меружан послал в Артагерс Айр-Мардпета – уговаривать царицу, доказывать ей, что сопротивление бесполезно. Царица пристыдила Айр-Мардпета, выгнала его из крепости, и эта весть – была ли она верной или ложной – наполнила сердца двинцев гордостью.

Однако через несколько дней пришло новое, печальное известие: Артагерс пал, а царицу взяли в плен. Рухнула последняя надежда двинцев. Говорили, будто причиной падения крепости была «черная напасть» – чума, которая проникла к осажденным и истребила почти всех. В крепости осталась горсточка защитников вместе с царицей, и, узнав об этом, видимо, от Айр-Мардпета, персы пошли на приступ. Много врагов полегло, но в конце концов ворота затрещали и поток персов хлынул в крепость.

Рассказывали, что отважная царица, пока не случилась эта беда, боролась со всякими трудностями, воодушевляла осажденных, сообщая им каждую радостную весть из тех, что доставляли ей подземным ходом гонцы. Спарапет Мушег и царевич Пап просили воинов еще немного продержаться, они уже спешили на помощь вместе с византийской армией и армянскими полками из Спера и Тайка. И осажденные держались, сколько могли, обманывали врага: днем одни и те же люди поднимались на стены и спускались, и получалось, будто в крепости стоит многочисленная армия, всегда бдительная и готовая к сражению. Но Айр-Мардпет, как говорили, выдал персам и тайну малого числа защитников. Войдя туда как друг и управляющий двинским дворцом, он вышел как враг и изменник.

А как же иначе понять все происшедшее? Ведь сразу после возвращения Айр-Мардпета персы по приказу Меружана и полководца Зика пошли на приступ и взяли эту крепость нахараров династии Камсараканов. Не знавшую поражений твердыню, куда со дня ее сооружения не ступала неприятельская нога и под стенами которой, вместе с тысячью римлян, погиб внук императора Августа Цезарь Гай!

Вот как рассказывали в народе об этом страшном дне. Ворвавшись в крепость, персы перебили всех оставшихся

в живых ее защитников и разграбили богатства крепости. А к царице Парандзем вошел персидский полководец:

— Вы отправитесь в Персию пленницей.

Отважная царица и тут не утратила своей удивительной выдержки и величия.

— По чьему приказу? — спросила она.

— Моего господина, царя Шапура,— был ответ.

— Ничего другого я и не могла ожидать от того, кто обманом заманил моего мужа и арестовал его,— заявила гордо царица.— Да, разница между нами большая: вы уводите в неволю беззащитную армянскую царицу, а мы вернули вам попавших к нам в плен всех жен Шапура.

— Вы не только великая царица, вы и полководец,— заметил персидский командующий.— Вы воевали в этой крепости против наших войск тринадцать месяцев и нанесли немалый урон войску царя царей!..

И увели в плен отважную армянскую царицу. О ее мученической смерти никто еще в те дни не знал.

Народ был в отчаянии; люди говорили друг другу: что́ будет дальше? Царь — в заключении, царица — в плену, враг — на нашей земле... Кто нас спасет?

После падения Артагерса персы еще больше распоясались — и в Двине, и в соседних с ним деревнях. Прежде они только обирали сады, а теперь, озверев после победы, врывались в любой дом или двор, где видели дым: чуяли, что здесь должен вариться обед. И если в самом деле у хозяйки что-нибудь варилось, брали котел с огня и уходили. Не дай бог, если в ноздри персов попадал запах выпекаемого хлеба — целой ватагой врывались они в тонратун и не просто ели — забирали все с собой. А если на улице попадалась им женщина — бежали следом, чтобы обесчестить ее дома, среди семьи. Мужчину, который вступался за жену, били, иногда до смерти, крича, что он, мол, оскорбил их веру. За такое оскорбление им дано было право убивать на месте. Меружан отправлял в Персию армянских епископов и священников, оставшихся в стране, его люди охотились за греческими книгами и бросали их в огонь.

— Не конец ли это Стране Армянской?..— говорили в отчаянии двинцы.

В эти-то тяжелые дни и распространилась новая весть. Тайком, особенно в потемках и по ночам, люди стали ходить друг к другу и шептаться.

— Новость! Пап стал царем и идет к нам вместе со спарапетом Мушегом. Наши бьют персов! Уже взяли Карин, бои идут под Багревандом... Прячьтесь подальше от пеплопоклонников, чтобы не увели в плен... Бегите в лес Хосрова...

Вначале люди не верили — ведь персы сами могли пустить этот слух, чтобы перебить тех, кто поверит, или увести в плен. Останавливали друг друга:

— Ш-ш-ш!.. Не всякому слуху верь. Это может быть ло-

вушкой Меружана. Персы раньше всех узнали бы, если бы наши начали их бить.

— Но ведь, говорят, так и есть!

— Ювелир Газавон! Он слышал от телохранителя спарапета Мушега...

Ювелир Газавон! Это имя уже внушало веру, и у людей разгоралось воображение: хоть бы увидеть этого телохранителя, поговорить с ним... Но это, конечно, было невозможно: не только телохранителя спарапета — даже Газавона трудно было теперь найти.

И вести, дошедшие до Двина, быстрее птицы летели дальше — в окрестные виноградники, в лес Хосрова, где укрывались двинцы и крестьяне.

В жизни столицы произошла перемена. Город, казавшийся днем, как и раньше, пустым, вымершим, по ночам теперь оживал. Многочисленные тени скользили по узким улицам, двигались к городским стенам, карабкались на стены, исчезали в садах. Неизвестными для чужаков тропинками люди шли к лесу, который простирался от Мецамора до Гарни, до самых истоков реки Азат, и исчезали в его чаще. Персы не осмеливались показываться в этом лесу — не один огнепоклонник исчез здесь навсегда. Но если лес внушал персам ужас, то двинцев он звал и манил, обещая покой и безопасность.

А слухи все множились, ветвились, проникая и в город и в лес.

— Наши идут!.. Приближаются!.. Вошли в Багреванд, Коговит... Подходят к Араксу...

Что из этих слухов было верным и что выдумкой — проверить никто бы не смог. Айр-Мардпет заперся в цитадели и не показывался в городе, а в цитадель ходить никто не решался. Однако двинцы кое-что все же замечали. Им казалось, что персы мрачны и растерянны. Стражу у городских ворот и на дорогах усилили, начались обыски в домах.

И как-то вдруг — это было на седьмой или восьмой день после прибытия гусанов — Меружан на своем белом коне, в военных доспехах, окруженный персидскими телохранителями, спустился из цитадели на площадь и, возглавив там персидское войско, направился к Главным воротам города, ведущим к Вагаршапату.

Как всегда, он был красив и осанист на своем белом коне. Голову и стан держал прямо, черные крупные глаза, горящие на его смуглом лице, хранили властное выражение.

Его отъезд, конечно, никто не посчитал бегством, потому что часть его войска и городской гарнизон остались в Двине. В цитадели он как будто бы оставил и свои личные вещи, и слуг. Многие говорили в городе, что он выступил против Мушега.

— Уйти тебе да не вернуться, проклятый пеплопоклонник! — проклинали его старухи в калитках дворов.

Айр-Мардпет, который в это время был во дворце и дер-

жался с достоинством, как и в дни царя Аршака,– он тоже видел сборы и отъезд Меружана с войском, но, по старой привычке царедворца, не спросил, куда соизволил отправиться ишхан Арцруни и когда он вернется. В широкой своей мантии, с открытой головой Айр-Мардпет вышел на окруженную колоннами галерею, где обычно прогуливались придворные, посмотрел вслед уходящему войску и покачал головой. И до его ушей дошли слухи о Папе и Мушеге и то, что персидская армия из областей Котайка, Арагацотна и даже города Арташата отошла к Вагаршапату и Ервандашату. Слышал он также, что Мушег и Пап в Карине, а потом и в Багревандской области одержали несколько серьезных побед, даже прогнали персов из двух важных крепостей. Однако он не верил этому и ждал подтверждения.

Дряхлый ишхан Давид Гнуни, оставшийся во дворце, тоже слышал обо всем от слуг. Теперь, сидя тут же в галерее, он смотрел на безмолвно шагавшего Айр-Мардпета. Старцу хотелось поговорить с ним, но начать беседу он не находил удобным. И Айр-Мардпет хотел бы узнать, что думает старый ишхан. Но ему тоже неловко было начать первым.

Наконец он не выдержал и спросил:

– Слыхал ли ты новость, ишхан Гнуни?

– Говорят; идут, Айр-Мардпет, да?

– Говорят, ишхан Гнуни, говорят.

– Значит, это только слухи? Точнее ничего не знаешь, Айр-Мардпет?

– Говорю только то, что слышал, ишхан Гнуни.

– Почему же ушли Меружан и персы?

– Да, ушли, представь себе...

– А куда? Почему?

– Этого сказать не могу, ишхан Гнуни. Не знаю.

Дряхлый ишхан выпрямился.

– А я знаю, Айр-Мардпет. Сдается мне, наши идут. А персы побежали. Все говорит об этом. Как ты думаешь?

– Может быть, и так,– ответил Айр-Мардпет, как отвечают ребенку – уклончиво и осторожно, словно его занимали другие мысли.

Слабые, боящиеся солнечных лучей глаза старца внимательно смотрели на управляющего. Ишхан Гнуни ждал серьезного ответа.

На время оба смолкли. Айр-Мардпет, заложив руки за спину под длинной мантией, шагал по галерее, задумчиво глядя под ноги, словно считал квадратики мозаичного пола.

А старый Гнуни, пригретый осенним солнцем, щуря потухшие глаза, смотрел на управляющего дворцом и тоже будто разжевывал какие-то мысли, от которых его малокровное острое лицо то прояснялось, то темнело.

Вдруг на этом лице и в угасших глазах заиграла едкая старческая улыбка, и он сказал в спину Айр-Мардпету:

– А если придут, что делать будешь, Айр-Мардпет?..

Айр-Мардпет или не услышал его вопрос, или же не придал ему значения.

– Кто придет, ишхан Гнуни?

– Новый царь Пап. И спарапет Мушег,– выразительно выговорил, повысив голос, старик.

– Спрашиваешь, что буду делать? – Айр-Мардпет, остановившись, насмешливо посмотрел на старика.– Что делал всегда, ишхан Гнуни. Что делал всегда,– повторил он словно для того, чтобы старик лучше понял.

– Но ты ведь и Меружана...

Айр-Мардпет сразу понял его мысль, перебил:

– Кто бы ни вошел в этот дворец, ишхан Гнуни, я – управляющий... Дворец – на мне, я обязан следить...

Но сразу же он почувствовал, что это не настоящий ответ. Вопрос старика задел его и насторожил. Действительно, думал он, может случиться так, что молодой Пап, который, как говорят, уже царь, и Мушег, которого управляющий не терпел, как не терпел и весь род Мамиконянов,– оба будут мстить ему. А то, что он принял Меружана во дворце Аршакуни,– хороший для них предлог. Но кто другой на его месте мог поступить иначе? Все равно Меружан должен был войти в цитадель и, конечно, хуже бы обошелся с дворцом, не окажись здесь Айр-Мардпета... Если кто-нибудь заговорит об этом, он найдет что сказать. Да, этот дворец стоит благодаря ему, управляющему,– не будь его, Меружан сровнял бы дворец с землей, как дворец в Вагаршапате. Неужели Гнуни этого не понимает?

И Айр-Мардпет счел нужным растолковать это старцу.

– Знаешь, ишхан,– сказал он, опять остановившись перед Гнуни,– если бы ты и я не оказались здесь, Меружан, злой на всех Аршакуни и особенно на царя Аршака, не оставил бы камня на камне от этого дворца. Наше присутствие смягчило его, да и я в своих беседах сдерживал его пыл. Могу это сказать с гордостью. Много бы зла он натворил, если бы не приняли его здесь с почестями. Прежде всего убил бы нас с тобой А потом и город бы разрушил, и дворец Хосрова. Ты подумал об этом, ишхан?

– Справедливо это, Айр-Мардпет,– согласился старик, тяжело вздохнув, и сложил руки на коленях.– С него станется, разрушил бы дворец. Меружан – змеиное отродье. Тот, кто изменил своему народу, на все способен. Ему ничего не стоит плюнуть и на наши святыни, и на нашу славу... Справедливо, Айр-Мардпет, справедливо.

И разволновавшийся старик Гнуни замолк, постепенно погружаясь в раздумье или в старческую дремоту. Айр-Мардпет продолжал ходить по галерее. Он все твердил себе: никто не вправе обвинить его, что принял во дворце Меружана. Он сохранил дворец и город, спас от разрушения... Если бы не принял, разве мог бы один устоять против персидского войска

полководца Меружана? А если его обвинят в том, что убедил народ не сопротивляться персам и открыть городские ворота, — он тогда скажет: спасал город и его жителей, не допустил, чтобы они обозлили персов своим ненужным сопротивлением. Если такая неприступная крепость, как Артагерс, не устояла под натиском персов, как мог устоять не имеющий ни припасов, ни войск, ни полководцев Двин.

Артагерс!.. Надменная Парандзем возгордилась, что не позволит вражьей ноге вступить в крепость, продолжал думать Айр-Мардпет, шагая по галерее. «Только через мой труп...» А что получилось?.. Крепость пала, защитники погибли, а сама надменная царица в плену!

Тут Айр-Мардпет вспомнил о своем неприятном объяснении с царицей. Вот если Пап и Мушег узнают об этом — дело может кончиться не только обвинением, но и... смертным приговором. Но кто слышал, что он говорил царице? Никто. Кто может сказать, что он уговаривал царицу сдаться... или помог Меружану?.. Никто не видел, нет свидетеля. И наконец, что ни случись, Пап и Мушег не решатся поднять руку на него. Они знают, а если не знают — поймут, как его влияние, опыт и связи необходимы для государства.

Хоть Пап и стал царем, как говорят, но он еще молод, неопытен. Вот какая мысль вдруг пришла в голову Айр-Мардпета. Пожалуй, на него можно будет повлиять, вразумить его, объяснить, где истинная польза и где вред для Страны Армянской. Надо поставить нового царя на путь истинный, уберечь от влияния ромеев и всех, кто кланяется перед Византией. Особенно от Мушега и Нерсеса. Айр-Мардпет уже слышал, что император Валент освободил из ссылки католикоса Нерсеса и разрешил ему вернуться на родину.

Эти два человека были особенно неприятны Айр-Мардпету. Нерсес, самодовольный и тщеславный, ради прославления своего имени готов отдать все, пусть от этого даже пострадают страна и государство. Старания Нерсеса укрепить в стране христианство управляющий дворцом считал пустыми и был уверен, что христианство, эта религия нищих, никогда в Армении не пустит корней. А если укоренится, армянский народ потеряет многое — и свою воинственную мощь, и расположение соседей — персов...

И Мушега Айр-Мардпет не выносил, хоть и знал, что этот молодой воин уже прославился своей отвагой. Но ведь он был сыном бывшего спарапета Васака, этого тощего коротышки Мамиконяна, ходившего всегда с высоко поднятой головой, чтобы казаться выше. Каждый раз, встречая Айр-Мардпета, Васак смотрел на него с пренебрежением, а однажды в споре даже позволил себе в его адрес резкое слово. Яблоко от яблони недалеко падает, думал Айр-Мардпет. Мушег должен быть похож на отца. А может, и хуже... Мамиконян — этим все сказано. Ну и что из того, что они — отважные, безрассудно кидаются в бой или в спор. Все они, друзья Византии или персо-

филы,— шипы с одного куста. Всегда они любили высокие посты и почести.

«Если этот молодой Мамиконян победит,— думал Айр-Мардпет,— он возгордится еще больше, всех будет презирать...»

Шестидесятилетний Айр-Мардпет, хоть и скопец, был человеком еще бодрым, проницательным и сметливым. Говорил он мало, казался подчас бесстрастным, безразличным. Однако теперь, беспокойно прохаживаясь, он напряженно думал. Как поведет себя с ним Пап, если явится?.. Будучи мудрым собеседником, он снискал уважение царя Аршака, несмотря на то что его персофильство было монарху неприятно. В часы грусти или одиночества Аршак часто звал его в свои покои, подолгу беседовал с ним. Живые и остроумные речи Мардпета всегда рассеивали пасмурное настроение царя. Но то — царь Аршак... Каким окажется его сын? Как он посмотрит на Айр-Мардпета после всех этих событий? Только бы Пап сам потребовал с него объяснения... Айр-Мардпету казалось, что его красноречие и мудрость, всегда ценимые Аршаком, не только спасут его от обвинения, но и откроют перед ним все двери, как при Аршаке и, в последние месяцы, при Меружане... Одного он не мог простить Меружану. Несмотря на его преданность, Меружан не полностью доверял ему, не во всем был с ним искренним. Недавно Меружан пригласил Айр-Мардпета по какому-то поводу посоветоваться. Управляющий поинтересовался, есть ли основания для слухов о Папе и Мушеге, распространенных в городе. Надменный Арцруни пренебрежительно махнул рукой:

— Нелепица, выдуманная врагом. По нашим сведениям, это болтовня некоего слепого гусана, который скоро будет схвачен и понесет заслуженное наказание. Персидская армия,— добавил он,— еще не настолько слаба, чтобы такой мальчишка, как Пап, и такой выскочка, как Мушег, сын спесивого Васака, могли бы победить ее...

После этого разговора не прошло и двух дней. И вот сегодня утром сам Меружан с персидским войском, похоже, выступил против Папа и Мушега. А те, похоже, все продвигаются вперед...

«Значит, есть что-то серьезное,— думал Айр-Мардпет.— Так зачем же говорить, будто какой-то безвестный гусан распространяет небылицы! Даже дворцовые слуги давно болтают об этом, а полководец Зик уже неделю назад отправился в том же направлении...»

Думая о прошлом, он вспомнил, что после ухода царицы Парандзем в Артагерс роскошный дворец Аршакуни в Двине остался без убранства и украшений. Кое-что из ценностей царица взяла с собой в крепость, и все это вместе с частью дворцовых сокровищ захватили персы. Остальное — золотые и серебрянные вещи, шелка и тафту, редкие и дорогие ковры и многое другое — запрятали в подземных тайниках, о которых среди людей, оставшихся в городе и во дворце, знали только

Айр-Мардпет и часть дворцовых слуг. Когда Меружан вступил в Двин, Айр-Мардпет приказал слугам украсить часть дворца спрятанными вещами – коврами, диванами и шелковыми занавесями... И сам встретил у городских ворот Меружана и полководца Зика, отвел их в те покои дворца, где когда-то жил сам Аршак, где он принимал нахараров и послов, объявлял свои указы, получал подарки, вручал награды и, наконец, беседовал с ним, с Айр-Мардпетом, о делах Страны Армянской и о судьбах людских.

Если Пап и Мушег победят и придут, как они отнесутся ко всему этому?

Правда, не верилось, чтобы царь Пап и спарапет Мушег с ромеями, сколько бы их ни прислал Валент, могли победить сильные персидские войска, которые захватили уже большую часть Страны Армянской. И эту новую войну он считал бедствием для армян. Он знал – положение Страны Армянской начало ухудшаться с того дня, когда она приняла христианство и тем самым навечно испортила отношения с персами. Персы справедливо говорили, Айр-Мардпет тоже думал так: Византия постепенно овладеет Страной Армянской, поглотит армян... А персы – старые соседи, близкие по обычаям и привычкам. С ними легче найти общий язык. Византия – это дурные нравы, нежелательные перемены, колоссальные привилегии для церкви и ее высших иерархов, которые привыкли соваться в государственные дела, корили ишханов и пытались диктовать свою волю даже царям...

И вообще Айр-Мардпет считал недостойным делом, чтобы монахи, мужчины в бабьих одеяниях – это было его любимое выражение, – учили уму-разуму ишханов и людей военных. Не прошло еще и ста лет, как христианство проникло в Страну Армянскую, а духовенство уже почти все прибрало к своим рукам. Управляют страной как хотят и всё поворачивают к Византии, всё к Византии... А враждебность персов между тем растет.

Больше всех, конечно, в этом деле постарались католикос Нерсес и его местоблюститель Хад... Айр-Мардпет с горечью видел, что многие нахарары пошли за так называемыми духовными отцами и забыли об интересах и пользе страны.

А положил всему начало царь Трдат. Первые уступки этим церковникам сделал он, подарил им земли и поместья. Вот и обнаглели...

Однако, о чем бы ни думал Айр-Мардпет, медленно прохаживаясь в галерее, он опять возвращался все к тому же: как отнесется Пап к нему, если на самом деле победит... Все же, наверно, не забыл его – ведь управляющий, можно сказать, взрастил царевича, Пап был почти его питомцем.

– Да, он должен хорошо помнить меня, – прошептал Айр-Мардпет и прислонился к мраморной колонне галереи. Отсюда были видны не только обе вершины Арарата и теснящиеся вдали другие снежные горы, но и вся Араратская долина, покры-

тая осенними садами и рощами. Она простерлась до самых подножий гор и словно таяла, сливаясь с вечерней мглой. Как на ладони лежал под цитаделью Двин с его большими и малыми домами, улицами и городскими стенами. Отчетливо выделялись башни и арки городских ворот, особенно Главные ворота, ведущие в Вагаршапат.

Сумерки постепенно обволакивали дальние сады и рощи. А Большой Арарат сиял над окутавшеи его подножие вечерней мглой, сверкал гордой, седой вершиной.

Айр-Мардпет посмотрел на Арарат, определяя время, чтоб отдать вечерние распоряжения дворцовым слугам и караулу.

И в тот миг, когда он повернулся, чтобы позвать кого-нибудь из слуг, его внимание привлекло странное зрелище: персидские воины, весь гарнизон в полном составе, на конях, скакали, растянувшись по главной улице города, к Вагаршапатским воротам. Не то чтобы двигались как раньше – спокойно, победной поступью, а в беспорядке, отчаянно стегая коней.

Это поразило Айр-Мардпета. Что же происходит?.. Основная часть персидского войска уже ушла сегодня во главе с Меружаном, а несколькими днями раньше большой отряд вывел из города полководец Зик. Теперь, стало быть, уходят остатки гарнизона. И так спешат, забыли о порядке!.. Неужели убегают? Движением руки Айр-Мардпет поманил к себе начальника слуг, который во дворе под галереей тоже удивленно смотрел вниз, на главную улицу.

– Что это, Врен? Куда они?..

Тот почтительно подошел к цоколю галереи и громко прошептал снизу:

– Удирают, господин мой...

Не дослушав, нахарар поманил таким же движением руки стражника-перса, с копьем бегущего через двор.

Тот смущенно и испуганно посмотрел на армянина-нахарара.

– Подойди ближе,– сказал Айр-Мардпет.– Куда отправляется войско?..

– Враг приблизился, господин! Ваш новый царь идет.– И перс бросился догонять своих товарищей, которые тоже с копьями бежали к воротам цитадели.

«Значит...» – прошептал Айр-Мардпет, и его нижняя губа дрогнула.

Все произошло так неожиданно – он не знал, как быть дальше. Остаться?.. Или уйти с персидским войском?..

Мучившие его сомнения, однако, не привели ни к чему. Он шаркая вошел в пустые залы дворца, туда, где в последние месяцы жил Меружан. В покоях теперь стояла пугающая тишина – все персидские слуги Меружана ушли, оставив вещи своего господина – даже соболью зимнюю шубу и меховую шапку.

— Не уйду никуда. Останусь здесь и скажу: «Я сохранил дворец Аршакидов для его законного наследника»,— проговорил вполголоса Айр-Мардпет и, сев на покрытый коврами диван, невесело задумался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уже два дня бурлили улицы армянской столицы.

После ухода персидских войск двинцы один за другим стали выходить из тайников и подвалов. Многие покинули виноградники и убежища в лесу Хосрова, и сразу город стал опять многолюдным. Группа горожан в первый же день неизвестно как обзавелась старыми и новыми копьями, дротиками, секирами с длинными рукоятями и другим оружием. Откуда-то раздобыв коней, пестрое ополчение поскакало во весь опор по Вагаршапатской дороге. Это, конечно, были не воины, а заросшие бородами и одетые во что попало горожане и крестьяне. С ними видели Раата, он скакал с длинным копьем в руке, совсем не похожий на гусана. Он-то и собрал их и повел за собой узнать, куда ушли персы и где идет бой.

Последние десять дней Раат со своим старым другом Закарэ, как гусан, был в Арташате, побывал в селах и везде приносил радость: «Наши идут!» Молодой гусан предупреждал людей, чтобы были готовы и старались не попасть в руки персов. Вернувшись в Двин, он прямо в обличье гусана пошел к Назени, но дверь ее дома была заперта. Какая-то старуха сообщила, что девушка еще до прихода персов вместе с матерью ушла из города, но куда — неизвестно. Раат хотел расспросить других соседей, но их дома были еще заперты в тот день. А теперь, когда все выходили из своих убежищ, когда можно было бы кое-что узнать, он с отрядом конников ускакал к Вагаршапату. С ним был и Закарэ, который, несмотря на преклонный возраст, крепко сидел на коне, словно слился с ним, и это выдавало в нем бывшего воина. За первым отрядом последовали и группы поменьше, и одиночки, иные верхом, а больше — пешие, эти шли не по дороге, а тропами, проложенными поблизости от нее в виноградниках и садах: так безопаснее.

Узнав, куда отправились эти конники и пешие, те, кто остался в городе, крестились: «Бог в помощь, бог в помощь!..» А иные в тревожном нетерпении поднимались к зубцам городских стен и их башен и смотрели оттуда вдаль.

А между тем толпы горожан на площади, на главной улице и у Главных ворот росли. С утра здесь собирались не только мужчины всех возрастов, начиная от стариков, опиравшихся на посохи, и кончая энергичными, шустрыми мальчишками,— подходили и женщины всех возрастов, дети и крестьяне из ближайших деревень. Все они с горящими надеждой лицами приветствовали друг друга и спрашивали:

— Значит, идут? Верно это?

— Говорят. Бог в помощь.

— Если перс так улепетывает, значит, наши побеждают,— говорили люди ликуя.

Но слышались и осторожные голоса.

— То, что ушли, еще ничего не значит. Может, ушли воевать. А чем кончится битва, попробуй угадай. Надо ждать и держать ухо востро,— рассуждал пожилой горожанин.

— Да, на войне всякое случается,— соглашался его собеседник.— Однако если не сбежали, почему тогда ушел гарнизон? Почему ушел и последний слуга-перс? Значит, увидели, что дело плохо, нельзя оставаться. Разве не так?

— И все-таки говорить, что все кончено,— рано.

В другой группе шли иные разговоры.

— Наши победят, непременно победят,— твердил один седой, совсем белый старик с быстрым взглядом.— Столько раз побеждали, значит, и на этот раз победят. Дай бог силы их рукам!..— Он перекрестился.

— Ну а если, не приведи бог, не победят, дедушка Мартирос? — спросил робко один юноша.— Что будем делать?

Старик посмотрел на юношу острыми глазками и покачал головой:

— Если такие здоровяки, как ты, будут толкаться здесь, мы никогда не победим. Уж это верно.

Юноша покраснел и исчез в толпе.

В другом месте двое мужчин из тех, что ускакали вслед за персами, а теперь вернулись, рассказывали: бои идут под Вагаршапатом. Персов много, они берут верх.

— Ты сам видел?

— Рассказывали.

— Не всякому рассказу верь...

— Персы наступают? — послышался испуганный голос.— Что же нам делать?.. Опять в лес?

— Ш-ш-ш... Какой лес? Кто сказал — наступают?.. Если бы наступали — не бросились бы наутек.

Во время этого разговора кто-то крикнул на площади:

— Алтарь огня, христиане, алтарь... Раскидаем гнездо огнепоклонников!

— Раскидаем! Давно надо!..

Толпа разделилась — добрую половину ее словно ветром перенесло на площадь. Толкаясь, люди бросились к церкви, каждый хотел пробиться первым. Многие, не надеясь войти через ворота каменной ограды, карабкались на нее, чтобы так попасть в храм...

Однако, пока у ворот и у ограды мужчины и женщины ломились в церковь, какой-то юноша со спутанными волосами поднялся на стену со стороны двора.

— Кончено, двинцы, кончено! Поганый алтарь разбит!

Огонь погас, неугасимый огонь погас!.. Проклятье денимаздезу[1].

— Огонь погас!.. Проклятье денимаздезу! — загудела толпа на площади.

Многие перекрестились.

Но положение все-таки было неясным. Стоило кому-нибудь сказать, что Пап побеждает. а персы бегут, — и всех сразу охватывала радость. Но вот появлялся другой и мрачно объявлял, что персов много и наши, кажется, не выстоят, — радость мгновенно гасла, сменяясь уныньем и вздохами.

— Подождем, подождем...

Не выдержали этой тревоги и многие из дворцовых слуг, спустились с цитадели и, прохаживаясь в толпе горожан, с достоинством и снисходительностью осведомленных людей вмешивались в беседу. В одном месте увлеченно толковали о том, что в городе не осталось ни единого перса, все убежали, даже слуги Меружана покинули дворец. Дворцовый слуга, оказавшийся поблизости, с серьезностью посвященного в тайну заметил, что персы, однако, оставили вещи Меружана — соболью шубу и бобровую шапку... Эта весть дала повод для новых догадок. Раз вещи Меружана — даже дорогую шубу — оставили, значит, не сбежали, потому что, как бы ни спешили, вещи Меружана непременно забрали бы с собой.

— А если они так перепугались, что им было не до шубы? — возражали в толпе. — Нет, удрали, это будет вернее.

— Подождем еще немного, — повторял один осторожный старик. — Все прояснится.

Чтобы покончить с неопределенностью и получить какие-нибудь сведения, горожане в первый день послали людей к Айр-Мардпету: узнать, какие у него вести и что вообще нужно делать — не закрыть ли городские ворота, чтобы персы, отступая, не вошли и не разграбили город. Айр-Мардпет ответил, что нужно соблюдать спокойствие, ворота же запирать нет нужды... Он и сам не был уверен, что персы ушли совсем. Но в городе его слова истолковали так, будто Айр-Мардпет наверняка знает, что враг больше не вернется и, следовательно, не к чему запирать ворота.

Однако этот ответ не уменьшил беспокойства, и в наступившую после тревожного дня ночь никто, кроме детей, не уснул, почти все остались на площади, на главной улице или же у Главных ворот — и каждый силился уловить какой-нибудь звук, доносящийся с большой дороги, услышать успокаивающую весть. Утром к городской толпе прибавилось много новых людей, пришедших из садов, из леса, из сел — узнать что-нибудь. Невыспавшиеся, усталые двинцы обступали прибывших. Оказывается, и в ближайших деревнях, и в Арташате ни одного перса не осталось, ушли все сразу...

---

[1] Денимаздез — древняя персидская религия, зороастризм.

Ювелир Газавон, втихомолку усердно распространявший принесенные гусаном вести, переходя от группы к группе, открыто рассказывал всем, что персы действительно бегут, царь Пап и спарапет Мушег громят их и скоро придут, а с ними и католикос Нерсес, и ишхан Спандарат Камсаракан с сыновьями... Эти слова толпа повторяла на разный лад, они поднимали новую волну радости, а нетерпение все больше накалялось. Иные, услышав такое, даже пускались бежать к Вагаршапатским воротам, и так стремительно, что встречный невольно спрашивал:

– Куда разогнался?..

– Царь, царь едет!..

Вагаршапатская дорога хорошо была видна с цитадели, а еще лучше – с галереи, откуда теперь, прислонившись к колонне, смотрел на нее Айр-Мардпет. Вдали желтели и краснели осенние сады, разделенные кое-где узкими проселочными дорогами. Белеющая под солнцем большая дорога напрямик пересекала сады и терялась вдали.

Обычно в ясную погоду на ней было заметно любое движение – человек ли шел, ехала ли телега. Но сегодня она была совсем пуста. Безлюдье, какого никогда не было на этой дороге, даже во время зимних морозов... И это безлюдье вместе с царившей в городе неопределенностью удивляло и беспокоило Айр-Мардпета.

«Хотя бы одна весть, один гонец хотя бы прибыл», – думал он, глядя с высоты цитадели то на пустую дорогу, то на запрудившую улицы толпу, шум которой долетал до него.

«Хорошо еще, что не идут ко мне, – сказал нахарар про себя. – Понимают, наверно, что я ничего не знаю. Или кто-нибудь им наболтал, что я Меружану...» И Айр-Мардпет косо посмотрел на дремлющего в своем кресле старого ишхана Гнуни, чьи увядшие губы все время шевелились, а рука с прозрачной кожей изредка вздрагивала, словно кто-то ее толкал.

Но вдруг, как бы почувствовав на себе чужой взгляд, старик поднял голову, открыл тусклые глаза и уставился на Айр-Мардпета.

– Что случилось, нахарар Мардпет? – прошамкал он сонно. – Идут? Виднеется что-нибудь?..

– Нет, ишхан Гнуни, ничего не видно, – сказал нахарар холодно и, отвернувшись, начал прохаживаться по галерее, изредка поглядывая на Вагаршапатскую дорогу. Ему было неприятно, что в эти минуты кто-то врывается в его одинокие думы.

Старик смотрел, поворачивая голову за ним то в одну сторону, то в другую.

– Что ты думаешь, Айр-Мардпет? – опять заговорил Гнуни. – Если Пап приедет, с ним, наверно, будут и нахарары, не так ли?

– Вероятно, – ответил Айр-Мардпет, не останавливаясь.

— А царица, новая царица будет с ним, Айр-Мардпет? — продолжал старик. Он выспался и жадно ждал новостей.

— Не могу сказать, ишхан Гнуни.

Старик на время замолк, но продолжал смотреть на Айр-Мардпета.

— У Папа, кажется, два сына не так ли, Айр-Мардпет? — опять заговорил он.

— Да, кажется... — На этот раз Айр-Мардпет слегка вздохнул, уже утомленный вопросами старого ишхана, которым, ему казалось, не будет конца. Но старик опять погрузился в молчание, словно задремал с открытыми глазами. Айр-Мардпет в широкой персидской мантии продолжал задумчиво ходить по галерее, изредка поглядывая на Вагаршапатскую дорогу, где пока не было видно ни тени, на городскую площадь и на Главные ворота. Здесь толпа постепенно росла. Он видел людей, поднявшихся на городские стены и крыши домов. Как и нахарар, они смотрели туда же — на Вагаршапатскую дорогу.

«Видно, идет тяжелая сеча, — подумал Айр-Мардпет. — Если бы дело шло к чьей-нибудь победе, непременно прислали бы в Двин одного, а то и двух гонцов».

Горожане, толпившиеся у Главных ворот, поминутно спрашивали у тех, кто был на стене:

— Видно что-нибудь?

— Ничего, ничего не видно, — доносился печальный ответ.

Наконец, почти уже под вечер, когда народ устал, а крестьяне, пришедшие из далеких деревень, собирались уходить, те, кто стоял на стене, вдруг замахали руками, завопили отчаянно:

— Едут!.. Едут!!!

Людской поток, подобно реке, нашедшей себе новое русло, хлынул к Главным воротам. Молодые люди, гибкие юноши тут же поднялись на стены, по каменным ступенькам взбежали на башни, чтобы лучше разглядеть ехавших.

На дороге виднелись всадники. Их было всего-навсего трое. Они скакали к городу. Однако пока трудно было сказать, кто они — нетерпеливые молодые люди из города, ушедшие за вестями, или гонцы спарапета Мушега, спешившие возвестить о победе армян и прибытии царя. А то могли быть и персы, которые, победив и воспрянув духом, опять возвращались в Двин грабить и сеять ужас.

Вскоре, однако, чьи-то зоркие глаза с гребня стены различили на острие копья одного из скакавших к городу всадников знамя спарапета — красное с белым крестом посредине.

И сразу беспокойство сменилось ликованием.

— Наши, наши!..

— Победа! Победа! — Добровольные дозорные на стенах и башнях еще яростнее замахали руками. За считанные секунды радостная весть разнеслась от Главных ворот до площади, пролетела по всем улицам города, выманивая за ворота стариков и старух, которые еще оставались в домах.

В несколько мгновений плоские крыши домов заполнились людьми, мальчишки влезли на деревья. Известный всему городу юродивый Махкос в едва доходящих до колен лохмотьях расталкивал толпу и, крутя над головой хвостом быка, повторял:

– Пустите! Дайте посмотреть на царя!.. Дорогу!..

Непонятно – сами по себе или по чьему-то велению заиграли сразу в нескольких местах бамбиры и свирели гусанов. Трое музыкантов играли у городских ворот, двое – на площади, еще двое – словно для того, чтобы их игра стала слышнее,– взобрались на крышу дома. И везде гусанов окружала ликующая толпа.

Айр-Мардпет, опираясь на колонну, напрягал свои маленькие дальнозоркие глаза, стараясь разобрать, кто же эти всадники, скачущие вдали. Узнав наконец знамя спарапета, он позвал начальника слуг Врена и отрывисто сказал:

– Привести дворец в порядок. Пусть достанут из хранилищ все убранства, все драгоценности и покрывала. Как следует украсьте царскую половину. Ковры расстелешь и на дворцовых лестницах – до самых стен цитадели! Чтобы было сделано все точно так, как всегда делали, когда царь возвращался из походов.

Распорядившись таким образом, Айр-Мардпет вскоре и сам появился во дворце, чтоб поторопить слуг. Прежде всего он прошел на царскую половину, в самый красивый из ее покоев – зал приемов. Здесь был очень высокий потолок с золоченым куполом. Подпиравшие стены пилястры из красного камня были покрыты резным орнаментом, выпуклый поясок из красного камня, обегающий по верху стен весь зал, и двустворчатые позолоченные двери – все было в тонкой ажурной резьбе. Отсюда Айр-Мардпет перешел в трапезную – просторный длинный зал, где на царских обедах за стол усаживались сотни гостей, соответственно своему сану и положению. Здесь на стенах и потолке была богатая роспись. Окруженные лепными украшениями, на Айр-Мардпета глядели со стен играющие музыканты, танцующие девушки, сыновья ишханов сепухи, обнажившие мечи, силачи-борцы, охотники, натянувшие лук, бегущие львы и другие звери, птицы с ярким оперением... Все эти картины в трапезной должны были радовать и развлекать обедающих и ужинающих гостей.

Дальше следовали один за другим еще несколько залов и в самом конце тронный зал, где, всегда одетый в пурпурную мантию, царь принимал гостей, нахараров и послов. Здесь стоял трон, украшенный золотом и серебром, его удобные подлокотники кончались головами львов с раскрытой пастью. Раньше в этих залах стояла разнообразная мебель, обитая материей из плотного льна, которую дворцовые женщины расшили золотыми нитками. Стояли диваны, покрытые парчой и дорогими коврами и украшенные большими и малыми подушками с вышивкой.

Некоторые из залов дворца, хоть Айр-Мардпет и велел в свое время украсить их для Меружана и персидского полководца Зика, все же были лишены большей части их убранства. Сейчас Айр-Мардпет потребовал, чтобы они были украшены точно так, как при царе Аршаке. Чтобы Пап, когда войдет, увидел все на своем месте, как было до его отправления в Византию. Пусть почувствует, что старый Айр-Мардпет спас все это за месяцы господства персов.

«Это будет хорошо,– говорил нахарар про себя.– Это закроет рот моим врагам».

Проходя через покои, где жил Меружан, управляющий вдруг увидел соболью шубу спесивого Арцруни, его круглую зимнюю шапку и другие вещи; он тут же приказал унести все это подальше от глаз. И снова в своей длиннополой мантии на плечах он вышел в галерею и, прислушиваясь к отдаленным голосам, доносящимся из города, подошел к старому Гнуни, тихо коснулся его плеча.

Старик вздрогнул и вопросительно уставил в лицо Айр-Мардпета потухшие глаза.

– Наш царь едет, ишхан Гнуни,– сказал Мардпет.

Худые бескровные руки старика задрожали.

– Да?.. Где же он?.. Однако я не одет...

– Еще успеешь, ишхан Гнуни, есть еще время, твой слуга быстро приоденет тебя,– успокоил нахарар старика и, опять прислушиваясь к голосам, долетавшим из города, прищурив маленькие глаза, посмотрел на Вагаршапатскую дорогу.

Между тем замеченные на дороге три всадника уже доскакали до Главных ворот, и один из них, еле сдерживая взмыленного коня, поднял знамя спарапета, прикрепленное на копье, и крикнул:

– Двинцы! Едет царь Пап! Готовьтесь принять его!..

Всадники были в легких шлемах и вооружены копьями и длинными мечами. Кони под ними словно дымились, мокрые бока их подымались и опадали. Все трое гонцов спрыгнули на мостовую, множество рук протянулось к ним – принять поводья. Толпа окружила их, посыпались вопросы:

– Кончилось сражение или еще бьются?

– Где сейчас персы?..

– А Меружан? Меружана взяли в плен? Или околел?

Гонцы не успевали отвечать. Переданная ими весть, что царь едет и скоро будет в Двине, что персы разбиты под Вагаршапатом и отступили, не удовлетворила кипящую от любопытства толпу. Все хотели знать подробности, имена героев, увидеть врага плененным, услышать о возмездии за перенесенное горе. Но гонцы спешили. Один из них – тот же молодой человек с загорелым и обветренным лицом, который объявил о приходе царя,– влез на пьедестал одной из колонн городских ворот и еще раз крикнул тем же усталым, охрипшим голосом:

— Двинцы! Наш царь едет! Готовьтесь принять. Об остальном после...

Все трое опять вскочили на коней и поскакали к цитадели. Они влетели в ее ворота, когда слуги, убрав двор и сады, поспешно раскатывали и расстилали ковры — от дворцовых лестниц до ворот цитадели. Над крышей дворца вместо персидского знамени уже полоскалось на ветру армянское царское знамя — белое с красным.

Айр-Мардпет принял гонцов в галерее. Важный, с серьезностью, подобающей его сану, он выслушал их сообщения, переводя маленькие острые глаза с одного на другого. Потом поднял голову, обернулся к слугам, стоящим на почтительном расстоянии:

— Накормите гонцов! Пусть отдохнут.

И ушел в свои покои — готовиться к торжественной минуте.

Вскоре он быстро вышел, нарядный и преобразившийся. На голове его сияла золотая тиара старшего нахарара. Серебром был вышит на ней фамильный герб рода Мардпетов — барс, гордость старого царедворца. В ушах нахарара были серьги, на шее — ожерелье. Вместо длиннополой широкой мантии — плотно облегающее фигуру военное одеяние, он в нем появлялся во время больших празднеств, когда садился на коня. Рукава были подвернуты, сияющие золотые пуговицы-шарики напоминали ягоды шиповника, ворот и манжеты украшали кружева и золотистая шелковая кайма. Талию Айр-Мардпет перетянул тонким золотым поясом, обсыпанным жемчужинами и драгоценными камнями. К поясу привесил короткий меч в золотых ножнах. Ноги управляющего были обуты в тонкие чувяки. Один чувяк черный, другой красный, что было знаком больших заслуг перед царским домом и государством.

Через несколько секунд Айр-Мардпет уже был на своем черном коне. Окруженный конной свитой, он выехал из ворот цитадели. Толпа на площади разделилась надвое, открыв широкую дорогу перед торжественно едущим нарядным царедворцем и его свитой. Все чувствовали, что именно он — единственный в столице человек, которому полагается первым встретить нового царя.

— Несколько месяцев тому назад он вот так же встречал и вероотступника Меружана. А теперь едет встречать Папа,— сказал кто-то в толпе на ухо соседу. Но вокруг услышали.

— Это его обязанность,— ответил другой сосед.— Все-таки он остался с нами, не убежал, как другие.

— А известно тебе, зачем он остался?

— Дворец оберегать, зачем же еще?

— Думаешь?

Разговор собеседников был прерван радостным криком, донесшимся сверху, с городской стены. Потом вдали в первых рядах толпы возник многоголосый клич, который покатился вглубь, и народ закипел, задвигался, забурлил. Каждый старался продвинуться вперед и занять удобное место. Над горо-

дом вдруг загудели и зазвонили колокола, сразу покрыв все голоса. Откуда-то появились и люди, которые начали водворять порядок, оттесняя толпу с проезжей части улиц к домам и заборам. Какие-то люди принесли армянские знамена и стали прикреплять их на обеих сторонах сводчатых городских ворот, торопя при этом друг друга:

— Скорей! Уже приближаются!..

Воздух опять вздрогнул от радостного дружного крика толпы. И сразу наступило глубокое молчание. Все, кто был близко к Главным воротам, услышали спокойное размеренное цоканье конских копыт.

К воротам приближалась первая группа всадников. Их было около двадцати — прямо сидящие на конях воины в шлемах и латах, с копьями в руках.

Потом показался еще один всадник. Тонконогий белый конь с темными глазами, высоко подняв голову и как бы танцуя, нес на себе вооруженного молодого человека в шлеме, украшенном пером. За ним следовала еще одна группа копьеносцев.

Из-под шлема на смуглом и серьезном лице молодого наследника сверкали черные глаза; короткая кудрявая бородка была похожа на черную виноградную гроздь. Но на этом лице не было соответствующего минуте радостного выражения. Всадник был озабочен и, казалось, смотрел не на горожан, а поверх их голов, вдаль, словно хотел увидеть, что же сталось с городом, с цитаделью, что происходит там, по ту сторону города.

Двинцы конечно же сразу узнали его. Это был молодой спарапет Мушег Мамиконян, который после гибели отца Васака стал командовать армянскими войсками. Увидев выехавшего ему навстречу пышно разодетого Айр-Мардпета, он, казалось, едва принял его приветствие — лишь легко кивнул. Белый конь его двигался все той же ровной рысью. Тем же ровным строем ехали сзади и телохранители, державшиеся от спарапета на почтительном расстоянии.

Ювелир Газавон, узнав среди телохранителей Раата, так и засиял улыбкой, поднял руку и хотел было воскликнуть «да здравствует спарапет!». Но сосед схватил его за локоть.

— Не знаешь порядка? Когда едет царь, спарапету не кричат «да здравствует».

— «Да здравствует» — это мало, — отозвался другой сосед, — я бы хотел подойти и поцеловать его руку за то, что спас нас всех.

— Это после, после! Смотри... Кто это такие?

После Мушега и его телохранителей на довольно большом расстоянии от них ехали еще три всадника. Один — на вороном коне — был молодой человек с длинными, падающими до плеч волосами, короткой бородкой и с мечом на боку. Другой, в се-

редине, ехавший на золотистом черногривом коне, был еще моложе, в малиновой мантии и в легком шлеме, из-под которого выбивались остриженные кругло волосы. Лицо этого всадника было выбрито. Третий, сидевший на высоком сизом коне, был смиренный с виду человек лет за пятьдесят. Он привлекал внимание всех своей пышной лиловой мантией с непонятными знаками на груди и особенно — высокой шапкой с золотой каймой, сверкавшей под косыми лучами вечернего солнца, как корона.

— Это Пап?.. Царь? — спрашивали крестьяне, находившиеся в толпе.

— Нет, братец, это император ромеев, — заметил кто-то с видом знатока. — Не видишь корону? Пап молодой.

— Император ромеев?! — удивились люди. — Он-то почему приехал?

— Таков порядок, — сказал тот же знаток. — Нового царя полагается проводить до самой его столицы.

— А где же Пап? Неужели едет сзади всех?..

В народе многие Папа не знали, потому что он несколько лет назад уехал в Византию. А знавшие ожидали, что царь будет в сверкающей одежде, с царской короной, в пурпурной мантией. Поэтому не сразу дошло до людей, что всадник, ехавший между пышно разодетым византийским послом — полководцем Теренцием — и молодым письмоводителем Папа, его товарищем по ученическим годам Иеремией Аматуни, — этот молодой всадник на золотистом с черной гривой коне и есть сам царь Пап. Улыбаясь крупными карими глазами, молодой царь смотрел на толпу, теснившуюся по обе стороны дороги. Несмотря на радостную улыбку, между его бровями пролегла морщинка заботы...

Царя не приметили лишь в первую минуту. Вскоре двинцы узнали знакомые черты юноши, и сразу же со всех сторон раздались крики:

— Да здравствует Пап!.. Пап!..

Радостный крик толпы заглушил не только отдельные голоса, даже колокола, казалось, притихли, и на миг умолкли свирели и бамбиры нескольких гусанов. Народ приветствовал нового царя, цветы и зеленые ветви летели под ноги его коня.

Молодой царь еще больше оживился и, подняв руку, удивительно белую и красивую, слегка помахал ею в воздухе, обращая улыбающееся, но в то же время и озабоченное лицо то в ту, то в другую сторону.

Это простое движение белой красивой руки вызвало в толпе новую бурю: все теперь ясно увидели, кто же из троих — царь Пап. Люди тянулись вверх, чтобы еще лучше видеть, и не переставая кричали: «Да здравствует царь!» Знающие молодого царя удивлялись — как он вырос, возмужал...

— А кажется почему-то грустным.

— Легко разве потерять отца и мать?

Впервые увидевшие Папа не находили в нем никакого сход-

ства со смуглым густоволосым отцом. Скорее он был похож на мать – синеглазую блондинку Парандзем и немного – на деда, отца царицы, ишхана Андока.

Иные чесали затылок:

– Посмотрим, будет ли он похож на отца как царь...

– Пусть выгонит персов и установит мир в стране, остальное устроится.

– А верно ли, что и католикос Нерсес прибыл?

– Это хорошо, избавимся от Хада.

– Тише! Айр-Мардпет приветствует царя...

Айр-Мардпет на своем вороном коне вместе с конными телохранителями стоял неподвижно перед городскими воротами. Когда царь подъехал ближе и заметил их, нахарар с несвойственной его возрасту живостью спустился с коня и, выйдя на середину дороги, степенно склонил седую голову с коротко остриженными волосами перед Папом.

– Приветствую моего нового государя! – послышался его высокий голос. Потом, подняв голову, Айр-Мардпет продолжал, медленно и отчетливо чеканя слова: – Приветствуя твое желанное для всех нас прибытие и победный въезд, вручаю тебе, государь, ключи от священной столицы твоих отцов. Прими и ключи от цитадели и твоего дворца...

Сказав все это, Айр-Мардпет посмотрел на молодое, но усталое лицо Папа, ожидая, что тот улыбнется и эта улыбка скажет ему многое, развеет его тревоги.

Но лицо царя не изменилось.

В это время рослый дворцовый слуга на серебряном блюде поднес царю ключи от пяти городских ворот, цитадели и дворца. Семилетний малыш едва ли поднял бы каждый из них – так были велики и тяжелы эти черные железные ключи.

Пап посмотрел на них, как бы недоумевая. По-видимому, для него это было неожиданно и ново. Словно не зная, что ему надо делать, он сказал «добро» и, опять подняв руку, двинулся вперед.

Айр-Мардпет, скрыв смущение, стал выжидать, пока проедут все приближенные царя. Это были большей частью армянские военные в шлемах; горожане их не знали, кроме одного, совсем седого; на смуглом, загорелом лице особенно заметны были белые брови, нависшие над внимательными глазами, и седые усы, похожие на белые крылья. Это был известный всем ишхан Андок – отец царицы Парандзем, глава рода владетелей края Сюник. Несколько последних лет он жил в Византии. Несмотря на свою старость, Андок тоже был одет в плотно облегающую кольчугу и легко вооружен. С ним ехал и его сын Бабик – широкоплечий молодой человек, с мощной, как и у отца, шеей. Подгоняя коня вслед за отцом, он посматривал на толпу исподлобья. Узнали люди и азарапета Кенана Аматуни, бодрого мужчину лет под пятьдесят с тонким, продолговатым лицом, обрамленным черной, но в середине уже седеющей бородкой. Он был в капе и в круглой нахарарской

шапке – единственный в свите человек без воинских доспехов и шлема.

Когда царь Пап придержал коня, чтобы выслушать приветствие Айр-Мардпета, этот большой отряд военных, составлявших его свиту, тоже остановился чуть поодаль.

Однако, как только Пап тронулся с места, двинулись и все военные, и Айр-Мардпету пришлось стоять до тех пор, пока его не миновал последний всадник. Тут и он присоединился к свите царя.

Потом показалась коляска с четверкой белых коней, а вокруг нее большая группа конных епископов и архимандритов; их черные одеяния и черные капюшоны придавали особый оттенок этой воинской процессии. В коляске сидел длиннобородый патриарх. Пергаментную бледность его лица как бы оттеняли большие горящие глаза.

Это был вернувшийся из ссылки католикос Нерсес. Он был в Византии, и тамошний император, вспыльчивый Валент, из-за какого-то религиозного спора сослал его на необитаемый остров, где он и пробыл целый год. Теперь, освобожденный по просьбе Папа и Мушега, католикос возвращался на родину. Он был очень истощен, не мог сесть на коня, и большую часть пути его везли на носилках, приспособив для этого двух мулов. Из Вагаршапата святой старец уже ехал в коляске. Одна его рука вместе с широким рукавом черной рясы бессильно лежала на колене, другая с широким рукавом, словно безжизненная, свисала с подлокотника коляски.

Когда тихоходная коляска католикоса подъехала ближе к воротам, три человека – архимандрит и два священника, растолкав толпу, выбежали вперед и проскользнули между конными епископами, припали к коляске. Двое благоговейно облобызали повисший рукав патриарха, третий – сельский священник, перекрестившись, приложился к черной поле рясы.

Католикос, устремив взор в пространство, не заметил их, но, почувствовав, что кто-то целует его руку и кто-то потянул за полу его рясы, привычно и торжественно поднял десницу и перекрестил толпу. По дороге в патриарший дворец он машинально повторил это движение несколько раз, уверенный, что толпа ждет этого и надо ее удовлетворить. И действительно, в нескольких местах к коляске пробивались старухи с внучатами и матери с грудными детьми.

– Благослови, владыка! Благослови!..

И Нерсес, устремив лихорадочный взгляд куда-то вдаль, крестил их, воздевая дрожащую старческую руку в широком рукаве рясы.

Среди духовных особ, следовавших за католикосом, один человек привлек особое внимание всех. Это был седобородый епископ со строгим выражением лица. В отличие от других пастырей, сопровождавших патриарха, он сидел не на коне, а на кротком сером ослике. Его появление вызвало в толпе шумок сдержанных смешков.

Это был епископ Багреванда и Аршаруника – Хад, местоблюститель католикоса Нерсеса. Известный своим строгим аскетизмом, он за каждое, хоть и малое отклонение от религиозных догм и канонов христианства сурово порицал всех, будь то царь, ишхан или простолюдин – все равно. Однако при всем этом в начале своей деятельности епископ любил пышно одеваться, посыпал бороду золотой пудрой, а на его лошадях была сбруя, отделанная золотом и серебром. Это обстоятельство и использовали несколько нахараров, которым досталось от Хада. В свою очередь, они обвинили его в страсти к роскоши и в любви к лошадям. С того дня епископ, отказавшись от пышных одежд, облачался в простую волосяную рясу, а вместо коня садился на осла. Духовные лица благоговели перед ним и боялись его. Даже и теперь они не осмеливались обгонять на своих конях его осла, который, хлопая длинными ушами, торопливо семенил за коляской католикоса, стуча копытцами по сухой осенней земле.

Вслед за католикосом и сопровождавшим его клиром ехали опять конные воины – большей частью легко вооруженные и в шлемах. За ними следовал полк царской охраны, что было видно по развевающемуся знамени. Он нес богатое вооружение – луки со стрелами, дротики и длинные копья, острия которых сверкали под косыми вечерними лучами. Казалось, конники несли не копья, а большие горящие свечи.

Иногда вспыхивали на солнце и их медные шлемы и латы, которые были начищены ради этого торжества. Полк возглавлял молодой воин с энергичным лицом, крепкой шеей и слегка вздернутым кончиком носа. Он с любопытством смотрел на толпу, словно искал знакомого.

– Это сын ишхана Сааруни, я узнал его, – сказал кто-то в толпе. – Наверное, ищет отца... Думает, жив...

Да, это был не кто иной, как сын известного нахарара Саака Сааруни Бат, который вместе с Папом и Иеремией Аматуни ездил в Византию. Как и отец Иеремии, его отец пал в дни защиты Артагерса. Бат еще не знал этого и высматривал в толпе своего родителя. А полк, рассыпая цокот копыт, следовал за ним равномерным шагом, сверкая оружием и держа на стременах древки тяжелых копий. Когда воины вступали под арку городских ворот, казалось, что копья заденут каменный свод, но каждый воин вовремя ловко склонял свое копье.

Последним в город вступил небольшой отряд византийских воинов, одетых совсем иначе, чем воины-армяне. Это были телохранители посла-полководца Теренция, по распоряжению своего командующего они шли в самом конце.

Присоединившись к отряду следовавших за царем военных, Айр-Мардпет словно не заметил тех, кто ехал позади, даже Нерсеса, и лишь кивнул слегка князю Андоку, которого не ждал увидеть в этой процессии.

Он так надеялся, что Пап при виде его хотя бы приветливо улыбнется. Мог бы и обнять своего старого воспитателя. Что

же значит эта неподвижность его лица? Устал? Был смущен? Или, может быть, его заранее успели настроить?.. Так думал Айр-Мардпет, двигаясь на коне в свите царя. И настолько он был поглощен своими мыслями, что не заметил, как торжественная процессия от городских ворот выехала на главную улицу, вступила на площадь, как коляска католикоса с группой сопровождавших ее епископов и архимандритов отделилась от свиты и покатила к большой церкви Двина. Наконец под радостные крики заполнившего площадь народа вся процессия повернула к цитадели. Нахарар очнулся от своих грустных дум лишь тогда, когда у первых ворот цитадели высокая женщина в черном закричала:

– Бат!.. Сын мой!..

Это вдовствующая ишхануи Сааруни вдруг увидела среди прибывших сына. Пять лет назад, отправляясь в Византию, он был еще юношей с пушком на лице, а теперь на коне ехал взрослый мужчина с небольшой бородкой, в воинских доспехах и шлеме. Ишхануи узнала его, бросилась к его коню. Сын сразу же спрыгнул на дорогу, обнял мать, поцеловал ее руки.

– А где Пап, где Пап? – задыхаясь, спрашивала овдовевшая ишхануи сквозь радостные слезы.

Несчастная женщина не узнала Папа, уже сошедшего с коня, и, когда ей показали, она с той же материнской сердечностью, нарушив этикет, стала целовать царя в голову и в лоб. Потом, повернувшись к Иеремии Аматуни, поцеловала и его.

– Мои сироты, мои несчастные дети! – вдруг, воздев руки, заговорила она срывающимся голосом. – Я рада, счастлива, что опять вижу вас... Отомстите им, дети, за ваших убитых отцов, плененных матерей, сестер!..

Ее поднятые руки задрожали, она остановилась на мгновение.

– Каиново проклятье нечестивым персам! – повысила голос ишхануи. – Каиново проклятье на голову изменника Меружана!

Ее голос перешел в плач, оборвался, и слезы покатились по щекам.

Многих глубоко взволновали слова гордой, недавно овдовевшей ишхануи. Правда, не всех – посол Теренций благодушно наблюдал эту сцену, прищурясь и скрывая удивление. Папа глубоко растрогал порыв сердечной женщины. Молодой царь словно стал серьезнее, крупные карие глаза грустно заблестели, правая половина лица нервно дернулась.

Он ждал, что и его мать – царица Парандзем тоже встретит его, празднично одетая, и, обнимая, заплачет от радости, как ишхануи Сааруни... И до самого дворца он смотрел вперед и по сторонам, ожидая встретить лицо матери, которое не потускнело в его памяти за эти годы. Ждал: вот-вот покажется ее стройная фигура, сверкнут ее искрящиеся огнем глаза. Даже в боях, когда армянские полки летели на персов и, врубаясь в ряды врага, гнали его, Пап думал о встрече с матерью. Од-

нако царицы не было видно... Он ждал, что, может быть, мать спустится по ступеням дворца в окружении придворных дам. И здесь она не показалась. Отсутствие матери удивляло Папа все больше. Ведь ему говорили, что после падения Артагерса по приказу Меружана царицу содержат под замком в Двинском дворце. Значит, она должна быть здесь. Он словно ничего не видел вокруг себя. Когда и у дворцовых ступенек мать не показалась, он, нигде не останавливаясь, даже не сняв мантии, прошел в ближние залы дворца и специально зашел в покои матери – будто бы для того, чтобы увидеть, в каком состоянии оставили дворец персы и Меружан.

Все показалось ему таким же, как и многие годы назад. Но матери не было!..

И здесь – это было в спальне царицы – Пап не выдержал, и с его уст сорвался вдруг какой-то неуверенный крик:

– Где мать?.. Где царица?..

Айр-Мардпет, пристально следивший за Папом, на некотором расстоянии шел за ним из зала в зал. Услышав этот тревожный крик Папа, нахарар бросился было к царю, но тут непонятно откуда появился спарапет Мушег и сразу же за ним Иеремия Аматуни... Айр-Мардпет так и не увидел, что произошло: дверь захлопнули перед его лицом. Он не дал никому почувствовать свою обиду, остался стоять у двери.

И Мушег, и Иеремия, и Бат на всем пути успокаивали Папа, уверяли, что слышали, будто царица заперта во дворце. И теперь они не забывали, что Пап наверняка спросит о матери. Поэтому, когда царь, отделившись от них, направился к покоям царицы, оба неслышно последовали за ним, чтобы вдали от людей сообщить печальную весть и, насколько это возможно, утешить его. Услышав крик: «Где мать?.. Где царица?..» – Мушег тут же бросился в спальню и обнял Папа. В этот миг он совсем не был похож на подъезжающего к городским воротам холодного полководца со строгим взглядом. Царя обнял любящий брат, который хотел разделить с ним горе. Вбежал и Иеремия. Взглянув на них, Пап понял, что случилась беда. Правая его щека от нижнего века до подбородка нервно задергалась. Это появилось у него с тех пор, как он услышал о пленении отца.

– Что случилось с моей матерью? Неужели беда, которую надо скрывать?

– Да, дорогой Пап, – опять обнял его Мушег. – Мы не смогли сразу сказать тебе. Вынести столько горя не под силу и зрелому воину.

– А дедушка, ишхан Андок? Знает он об этом?

– Да, Пап, он тоже щадил тебя, скрыл свое отцовское горе.

– Что же случилось? – Пап выпрямился, и правая часть его лица опять передернулась. – Я все должен знать. Рассказывайте.

Мушег, который на десять с лишним лет был старше Папа,

заботливо усадил молодого царя в кресло и затем кратко рассказал, как отважно сопротивлялась царица персам, как попала в плен после падения Артагерса, и повторил слова, сказанные ею персидскому полководцу: «Ничего другого я не ждала от вашего коварного царя, который, прикинувшись другом, вызвал моего мужа и захватил в плен...»

Услышав все это, Пап с горечью вздохнул:

– Значит, Шапур лишил меня и отца и матери. – И умолк, опустив голову. – Да, мы пришли поздно, – проговорил он с глубокой горечью и встал. – Вот почему ишхануи Сааруни назвала нас сиротами, звала отомстить за матерей...

Тут быстро вошел приземистый и крепкий ишхан Андок с непокрытой седой головой и с коротким мечом, все еще висящим на боку. Он решил, что пора сказать царю правду, и это должен сделать он, дедушка по матери. Увидев пустые покои своей дочери-царицы, он как бы наткнулся на что-то – вскрылась его совсем свежая рана. Тут же он заметил, что Пап все знает.

И Андок и Пап, взглянув друг на друга, молча обнялись, по лицам обоих потекли слезы.

– Дедушка, я уже все узнал, – заговорил первым Пап. Он остановился, овладел собой. – Ее отвага пусть будет примером для нас...

– Да, сынок, моя Парандзем зовет нас в бой, – проговорил старый ишхан с дрожью в низком, глуховатом голосе, но это была словно дрожь стали. – Мое сердце тоже не успокоится, пока не отомщу старому волку...

Иначе как «старым волком» ишхан Андок и не называл Шапура, с которым столкнулся еще в то время, когда был правителем Тигранакерта. Шапур, отправляясь с огромной армией в поход на Византию, дойдя до Тигранакерта, потребовал от Андока пустить его войска в город на ночлег или доставить им продовольствие. Андок отказал ему и в том и в другом, не желая нарушать нейтралитет Страны Армянской. Поступок благоразумный со стороны любящего свою страну нахарара. Однако Шапур не простил этот отказ ишхану Андоку и отомстил ему, разграбив Тигранакерт на обратном пути. Злой нрав персидского царя Андок не оставил без наказания. Год спустя он со своею конницей ураганом внезапно ворвался в Тизбон, поджег город и, захватив царские сокровища, прошел в Сюник, а оттуда в Византию; его зять, царь Аршак, не желая возбудить вражду или просто боясь Шапура, не захотел, чтобы ишхан после этого смелого набега оставался в Армении. Но и в Византии Андок всегда думал о своей стране и ее бедствиях... И сейчас, удалившийся от политических и военных дел Армении и постаревший, он втайне ждал случая еще раз как следует проучить «старого волка».

Ради этого и приехал, оставив купленное в Византии тихое поместье.

– Да, месть, дети мои. Только месть успокоит наши ра-

ненные сердца,– повторил ишхан, и его густые белые усы дрогнули, как два белых птичьих крыла.

Чувством мести был полон не только старый ишхан, чью дочь-царицу увел в плен Шапур, и не только Пап, чей отец-царь был заточен Шапуром в Замке забвения и мать увезена в неволю. Местью был полон не только спарапет Мушег, не забывший отца, с которого враг содрал кожу. Местью горели и друзья Папа по учению и чужбине Иеремия Аматуни и Бат Сааруни – они мечтали отомстить за своих отцов, павших при защите Артагерса, за разрушенные города и деревни, за всех зарезанных и обесчещенных соотечественников. В эти дни всей Страной Армянской владело жгучее чувство мести, оно охватило даже отцов церкви и пастырей, проповедовавших христианское всепрощение. И католикос, и последний священник помнили о разрушенных монастырях и церквах, об оскорблении веры армян... Возмездия притеснителям требовал и весь народ, все армяне, потерявшие родных, дома и имущество, больно задетые в святом чувстве – человеческом и национальном достоинстве.

– Да, только месть,– повторил снова старый ишхан.– А теперь, дети, надо отдохнуть – ведь утром в Нахчаван. Силы нам всем нужны, надо отдохнуть...

Между тем Айр-Мардпет, недовольный жестом спарапета Мушега, захлопнувшего перед ним дверь, постоял немного перед этой дверью и перешел к гостям. Как управляющий дворцом, он приказал начальнику слуг разместить приехавших, каждого по его положению и достоинству, затем распорядился:

– Как стемнеет, зажечь все светильники дворца в честь прибытия царя. Зажечь огни и во дворе, и по всей верхней стене цитадели.

И ушел на свою половину.

Едва наступила темнота, во всех залах и коридорах дворца зажглись многосвечные люстры и висящие в нишах и углах пяти- и семисвечные светильники и лампады, которые давно уже не зажигались и теперь щедро освещали богатую роспись залов, рельефы и орнаменты, ковры и мебель.

Яркие огни зажглись и в просторном, обсаженном деревьями дворе, на лестницах дворца и между колоннами галереи – здесь расставили большие, выше человеческого роста, светильники. Это были укрепленные на железных прутах с подставками глубокие медные чаши, в них ярким пламенем горело масло.

По всей окружности верхней стены цитадели горели еще более яркие огни, из города они казались огненной цепью, опоясавшей цитадель, а взглянув издалека, можно было подумать, что над городом повис полыхающий огненный венок.

Когда все огни были зажжены, Айр-Мардпет, все еще в праздничных одеждах, собрался пойти к Папу – справиться о его здоровье, узнать о его желаниях и распоряжениях по дворцу. Но тут же, поразмыслив, решил, что нет надобности

сейчас нарушать покой царя: он сам позовет, если будет нужно. Однако, постояв еще в раздумье, управляющий нашел, что все же лучше будет, если он явится к царю сам, тем более что к этому обязывает его должность; может быть, и у царя есть какие-нибудь распоряжения. Будет повод спросить Папа о его здоровье, а если он окажется совсем один, можно и поговорить с ним доверительно, как с его прежним воспитанником, узнать наконец его настроение.

Не может быть, думал Айр-Мардпет, чтобы враги, и особенно Мушег, этот новоиспеченный спарапет, не злословили изрядно по его адресу. Все это можно выяснить по отношению царя к нему и по его настроению. То, что Пап у городских ворот лишь взглянул на ключи и сказал «добро», – еще ничего не значит. Надо встретиться и поговорить.

Движимый своими сомнениями, нахарар твердым шагом направился к царской половине. Когда степенно, как и подобает управляющему дворцом, Айр-Мардпет шел по широкому коридору, еще издали он увидел: двери покоев царицы были открыты и за ними алела мантия царя. Вместе с Папом попрежнему были Иеремия и ненавистный Мушег. И еще появился третий – ишхан Андок, который взволнованно прохаживался перед опечаленными молодыми людьми и говорил о какой-то мести.

«О какой мести может говорить сейчас этот вспыльчивый Андок?» – подумал Айр-Мардпет, останавливаясь и из-за тяжелого занавеса глядя на старого ишхана. Ему почему-то показалось, что говорят о нем. Или, может быть, говорили, а теперь Андок подсказывает решение.

Постояв еще несколько секунд, Айр-Мардпет опять услышал слово «месть» и, почувствовав, что время для разговора с царем неудобное, тихо вернулся на свою половину. Он решил, что лучше явиться к царю утром. А если у Папа будет нужда в нем, он может вызвать его и через дворецкого, как это делал его отец – царь Аршак.

«Все выяснится утром», – сказал он про себя, входя в свои комнаты, украшенные коврами и тафтой, где его слуги уже зажгли стоящие на полу пятисвечные и семисвечные светильники. Он отпустил своего дворецкого и стал прохаживаться, неслышно ступая по мягким коврам.

Шли часы, однако от Папа никто не являлся. Что это могло означать – царь лег отдыхать или недоволен, не хочет его видеть и поговорить с ним?

Постепенно лицо Айр-Мардпета темнело, стало грустным. Он еще долго прохаживался, такой же мрачный и задумчивый. Но вдруг нахарар улыбнулся в свою редкую бородку.

Он нашел предлог и теперь смело может войти к царю, поговорить с ним и узнать то, что его интересует.

– Да, так и сделаю, – успокаиваясь, сказал нахарар чуть слышно.

Когда темнота окутала город и зажглись огни дворца и цитадели, из ее ворот выехал один всадник и погнал коня по пустой улице. Это был Раат.

Он скакал с такой быстротой, словно спешил по неотложным делам или к больному, – летел, наклонившись вперед, не отрываясь смотрел в темноту.

Вот и малые городские ворота. За стеной почти сразу начинались сады Двина. Раат повернул коня в узкий темный проход, еле обозначавшийся среди деревьев. Здесь было темнее, чем на улицах города, справа и слева тянулись изгороди, и над ними свешивались деревья, больно хлеща всадника. Сначала Раат ехал, закрываясь рукой, потом спрыгнул с коня и быстро пошел вперед, ведя его под уздцы.

Эта садовая улица была не только темной, но и пустынной. Ни одного прохожего, ни души. Миновав несколько калиток, Раат наконец остановился перед одной и постучал кулаком по доске.

За калиткой темнел тихий сад. Ни движения, ни голоса.

Несколько дней назад, когда Раат приходил в Двин в обличье гусана, он уже был здесь, и калитка оказалась запертой. Не нашлось ни одного соседа, который знал бы, куда ушли Назени и ее мать. В день отступления персов Раат был в Арташате. Поспешив в Двин, он сразу же заглянул сюда и опять нашел калитку запертой. Не показывались и соседи, а разыскивать их не нашлось времени – нужно было догонять отступающих персов. Теперь Раат был свободен и мог сколько угодно, даже до самого утра, искать и расспрашивать соседей, если только Назени не вернулась.

Он постучал во второй, в третий раз.

Опять – ни звука.

«Может быть, пришли и уснули, устали с дороги», – подумал он и сильно толкнул калитку.

Скрипнув, она отошла. Войдя в сад, Раат привязал коня к дереву, задевая в темноте кусты и деревья, подошел к домику, черневшему в глубине сада.

Два года назад из узких окон этого домика сквозь листву деревьев улыбался, смеялся свет.

Раат неуверенно постучал в дверь. Где они? Неужели не послышится сейчас густой, приятный голос оружейника Зома?

Но в домике залегла тишина.

Раат провел рукой по двери и замер: на скобе висел большой железный замок.

«Значит, еще нет... не пришли», – сказал молодой человек про себя и, постояв, повернул обратно. Вдруг в темноте кто-то подал голос:

– Кто здесь? Что нужно?..

Какой-то мужчина шел по саду, его еще не было видно, но Раат ответил:

– Мне нужен Зома, отец Зома. А ты кто, приятель?

— Я сосед Зомы, — сказала чуть различаемая тень, приближаясь. — А кто будешь ты, уважаемый?

— Я его знакомый, — ответил Раат. — Они все еще не вернулись?

— Эти? — протянул сосед, вздыхая. — Нет, братец, еще не вернулись.

— А что случилось, дружище? Ты отвечаешь так тяжело, грустно.

— Грустно?.. А как же, братец. — И сосед вздохнул тяжелее. — Разве ты не знаешь, что случилось?..

Кровь бросилась к лицу Раата, по телу пробежала дрожь.

— Что случилось? С кем?

— С Зомой, — сказал человек. — С нашим мастером Зома.

— С самим Зомой или с его семьей?

— С Зомой, братец мой, с мастером Зомой.

Раат облегченно вздохнул в темноте и, помолчав, спросил, что же случилось с мастером Зомой. И человек с грустью рассказал, как оружейник был убит в Артагерсе.

— Да, братец. Кто услышит, жалеет очень. Честная была душа и искусный мастер.

— Жаль, — ответил Раат. — Хороший был человек. А где же его семья — жена, дочь?

— Семья... — снова протянул человек. — Семья, то есть жена и дочь Назени, проводив отца, немного пожили в городе, потом ушли — еще до прихода персов.

— Куда? — Раат, тяжело дыша, приблизил лицо почти вплотную к собеседнику.

— Не могу сказать, братец. Жаль, но не могу...

— Почему?.. Тайна?

— Нет, братец. Какая тайна? Не могу, потому как не знаю.

— Хоть в надежном они месте?

— Это уж бог знает, братец. Не могу знать.

— Почему говоришь так коротко и неопределенно, приятель?

— А как же, если неведомо мне их место. Многие из тех, кто ушли из города, говорят, попали в руки персов, в плен...

— В плен!.. — Голос Раата осекся, и он прислонился к стене дома, а потом, словно чтобы не упасть, сел на положенный под стеной камень-скамью.

«В плен...» — повторил он про себя и замолк, и сердце его словно сжала холодная рука. Все вылетело из его головы, все, что задумал, о чем должен был спросить. Сосед что-то рассказывал, но он не слышал. Вокруг него, в саду, сгущался мрак, наверху небо улыбалось искрящимися золотом звездами. Но Раат ничего не замечал.

Перед его глазами была Назени. То видел ее в толпе армянских пленников, окруженную персидскими воинами, и персы торопили ее, толкали копьями. То вдруг она представлялась ему одна на дороге, со слезами на глазах, босая, па-

дающая от усталости. С удивительной ясностью он вспоминал ее и все, что было связано с нею, видел стройную, тонкую фигуру, белое овальное лицо с крупными черными глазами под черными бровями, облегающее фигуру платье, серебряный пояс, охватывающий тонкую талию. Особенно ясно вспомнилась ему минута, когда он в первый раз встретил ее... Он проезжал на коне по этой улице среди садов и вдруг у родника увидел тонкую девушку с кувшином в руке. Ее глаза с ресницами, похожими на стрелы, всего лишь на одно летучее мгновение сверкнули перед ним; девушка бросила на него ясный, бархатный взгляд и стыдливо склонилась.

Раат невольно остановил коня, удивленный красотой девушки; он смотрел на нее, на пару длинных кос, свисавших над родником, смотрел на ее тонкие и нежные руки – одной она поддерживала кувшин под струей воды, другой оперлась на камень родника. Еще мгновение – и взгляд Раата опять встретился с глазами девушки, и Раат, не то удивленный, не то обрадованный, сам не заметил, как улыбнулся и спрыгнул с коня.

Девушка тоже улыбнулась, и от этой легкой, беглой улыбки сердце Раата затрепетало, он словно опьянел. И, ведя коня на поводу, он последовал за девушкой до их сада, где стоял их домик – этот домик... Перед тем как открыть калитку, девушка еще раз оглянулась назад, посмотрела на него и опять улыбнулась. На другой день он опять ждал ее у родника. И девушка снова пришла с кувшином в руках, длинные косы качались на ее спине в такт шагам. Он подошел, неловко улыбнулся и попросил воды... Потом они встречались на краю их виноградника под большим пшатовым деревом, прятались в его свисающих ветвях. Сам он входил сюда через брешь в раздавшейся глинобитной ограде и, став в тени пшатового дерева, посылал в глубь сада тонкий птичий свист. Назени бесшумно прибегала, легкая как птица. Блаженные мгновения!.. Была весна, пшатовое дерево распространяло свое хмельное благоухание, и они, опьяненные, целовались снова и снова... Иногда садились здесь же на косой ствол дерева и говорили, говорили... Родители, всегда следившие за девушкой, чтобы она надолго не уходила из дому, заметили что-то, догадались и запретили Назени вечером бегать в сад, а днем ходить к роднику за водой. Тогда Раат пришел к ним, представился и сказал: «Отец Зома, я люблю твою Назени. Отдай ее мне, буду тебе верным сыном...». Согласился оружейник Зома и обрадовался, что его дочь берет в жены телохранитель спарапета. Обрадовалась и жена Зомы, Майрик Марта.

Последний раз Раат видел Назени в тот день, когда вместе со спарапетом, царицей и с придворными нахарарами он должен был отправиться в Артагерс, а с ними и отец Зома, искусный оружейник.

«И меня возьми с собой, – попросила Назени, – я боюсь оставаться здесь».

Но Раат не захотел везти ее в гущу битвы, подумал, что безопаснее будет в доме родителей, в саду. И кроме того, еще не обвенчанный, он не имел права сделать так. Не думал он тогда, что перс войдет в Двин. И осталась Назени в своем доме, у матери...

Однако и в Артагерсе образ Назени оставался перед глазами и в мыслях Раата. А когда вместе со спарапетом Раат отправился в Византию, он думал лишь об одном – привезти Назени редкий подарок, дорогую вещь, какой не найти в Двине. И купил серебряный обруч для волос и серебряные серьги... Сколько уж месяцев хранит на груди в особом кармане, который сам сшил, этот обруч и серьги, как заветную святыню. Так, с подарком на груди, он, притворившись слепым гусаном, пришел и в Двин, чтобы вручить наконец эти подарки невесте... Но Назени нет!.. Отец убит в Артагерсе... Где же она сама?

Эти мысли и воспоминания одолевали Раата, когда вдали послышался женский голос.

– Где, где? – повторял этот голос, приближаясь к нему.

– Под стеной сидит. На камне, – ответил знакомый басок соседа.

– Ладно, – сказала женщина. – Ты иди, я сейчас приду.

Раат выпрямился и пристально смотрел в сторону идущих.

– Кто ты, братец? – спросила женщина издали и, еще не получив ответа, продолжала с любопытством: – Ты случайно не телохранитель господина спарапета?

– Да. – Раат удивился – женщина знала его.

– Хорошо, что пришел, сынок, – сказала она радостно, сердечно и, почувствовав недоумение Раата, добавила, успокаивая его: – Не удивляйся, сынок, я все знаю. Я соседка Назени. Когда муж мой сказал, что во двор оружейника пришел какой-то человек, интересуется... я поняла, что это ты и есть. Не удивляйся, сынок! Я знаю, что ты и Назени любите друг друга и, если бы не война, вы бы обвенчались. Так ведь? Знаю, сынок, все знаю. Мать Назени все мне рассказала. Любить и жениться не стыдно. Дело старое, как мир. Мамаша Марта так радовалась, что ты будешь ее зятем. А уж печалилась, когда проведала, что ты в боях. И Назени не знала ни сна, ни отдыха! Ничего не говорила мне, конечно, но я-то видела. Боль женщин я хорошо понимаю. Говорить мне не надо – все вижу по глазам. Когда встречали царя, я была на улице, думала, встречу тебя и скажу... Только не встретила.

– И что ты должна была сказать? – перебил ее Раат.

– А то хотела сказать, сынок, что Назени с матерью ушли из города, не ищи их напрасно. Мамаша Марта велела тебе передать.

– А куда они могли уйти?

– Куда ушли, точно не знаю. Куда-то в сторону Котайка, Варажнуника...

– Верхом или...

— Пешком, сынок, пешком. В такое время где возьмешь коня, кто отдаст? Каждый торопится убраться подальше.

— А были с ними родные, знакомые? — поинтересовался Раат.

— Многие были с ними — женщины, мужчины, девушки. Каждый шел, куда ему было нужно.

Раат, казалось, успокоился, но тут же новая тревога заставила его нахмуриться.

— Еду они с собой взяли?

— Конечно. Разве мамаша Марта отправится в путь без припасов? Но много она, конечно, взять не могла...

— Почему? — Раат насторожился.

— Нездорова.

— Кто?

— Майрик Марта, сынок, Майрик Марта. Охала немного. Больше ничего. Да ты об их житье не думай. Куда бы они ни ушли, голодными не останутся.

Раат умолк, задумался. Потом, словно очнувшись, спросил:

— А не могли они попасть в плен?

— В плен? Почему это в плен? — ответила женщина вопросом на вопрос. — Они вышли из Двина, когда персы здесь еще не показывались. Шли со мной вместе; потом свернули к Котайку и Варажнунику, а я в Гарни. Нет, сынок. Не думаю, чтоб попали в плен.

— Спасибо, мамаша, спасибо. — Раат поднялся. — А не известно тебе, дошли они до Варажнуника?

— Дошли, нет ли — не могу сказать, сынок. Но что свернули в сторону Варажнуника — это я знаю точно. За это будь спокоен! Пойдем, сынок, поешь. Пошли! Узнает Майрик Марта, что я оставила тебя без внимания, не оказала тебе чести, — обидится очень.

Раат поблагодарил.

— В другой раз, Майрик, в другой раз. Сейчас я тороплюсь на службу к спарапету.

И Раат, попрощавшись с соседкой Назени, пошел к калитке сада, где стоял конь.

Но тут же он и остановился, подумав, не отдать ли обруч для волос и серьги, привезенные для Назени, на хранение этой женщине, чтобы обрадовать Назени сразу же, как вернется. Все же Раат решил, что будет лучше, если он вручит подарки сам. Да и не мог он расстаться с ними, пока нет Назени...

Но вместо того чтобы пройти к коню, он повернул к деревьям. Медленно шагая в темноте, он добрался до старого пшатового дерева и опять остановился. Здесь стояла непроглядная тьма, густой мрак, казалось, заполнил весь сад. Не были видны даже стволы деревьев. И пшатовое дерево не благоухало, как прежде, когда под ним стояла Назени...

«Кто же прав — сосед Назени или его жена? — думал Раат. — Действительно ли Назени с матерью в Варажнунике

или... или попали в плен еще по дороге, не добравшись до места?.. Кто же может знать достоверно?»

«Варажнуник!.. Плен!» – повторял он мысленно, сидя на кривом стволе пшатового дерева.

А мрак в саду все густел, по листьям деревьев пробегал легкий ветерок, и они шептались в темноте, как прежде... И ручеек журчал, как тогда; все было почти таким же, лишь Назени не было, не благоухало дерево, и огонек в их доме не горел...

«Назени!.. Где же она сейчас, в эту ночь?» – думал Раат.

Он так мечтал о радостной встрече, ради нее пересек полстраны, добрался сквозь опасности до Двина... Он не мог смириться с мыслью, что не увидит Назени, и медлил, ждал – вдруг случится чудо, вдруг девушка возникнет среди деревьев и легкими шагами подойдет, обнимет его, как прежде; он снова почувствовал бы ее прерывистое дыхание, тяжесть длинных кос...

Ему показалось, что он слышит шаги и шорох листьев. Очнувшись, с бьющимся сердцем, он огляделся... Нет, это ветерок, становящийся ветром, пробежал между деревьев, это ветви дерева бились друг о друга, это зрелые орехи или, может быть, поздно созревающие персики и груши падали на землю...

Он вздохнул и снова погрузился в раздумье.

Сколько времени он думал так, он и сам не мог бы сказать. На этот раз из раздумья его вывел конь, который топнул о землю и коротким ржаньем словно дал хозяину знать о своем беспокойстве.

Раат поднялся.

«Скакать в Варажнуник или ждать?» – думал он, направляясь к коню. Но для поездки в Варажнуник нужно было просить разрешения у спарапета... Как попросишь, как скажешь, что хочешь найти свою Назени, если завтра спарапет отправляется в Нахчаван... Да и в Варажнунике ли она?.. Если там, найти ее легко... А если в плену?

В тяжелом раздумье он отвязал коня и вывел его на улицу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Был уже поздний вечер, когда Пап наконец ушел в свою опочивальню. Это был один из покоев его отца, убранный редкими мехами и дорогим оружием, – зал, превращенный теперь в спальню. Здесь стояли на полу два высоких серебряных светильника, на каждом горело семь свечей, освещая разнообразные меха и оружие на стенах, резную деревянную кровать с шелковой постелью, тяжелые виссоновые и парчовые занавеси на дверях.

Войдя туда, Пап с помощью дворецкого отца – старого Аршама – снял верхнюю одежду и остался в византийской ту-

нике и сандалиях. В таком виде он целый час уже ходил то вдоль зала, то поперек и никак не мог успокоиться. В этот вечер, как никогда, его правая щека беспрерывно дергалась. Не только усталость была тому причиной и не одни лишь впечатления этого яркого торжественного дня...

Как только молодой царь вошел в любимый покой отца, украшенный резьбой и орнаментом, обставленный в точности так, как три-четыре года назад, его захватил и понес поток воспоминаний. Отсюда отец проводил его в Византию. Мать, стройная, с гордой осанкой царица Парандзем, с горящими глазами входила сюда, и зал сразу как бы оживал... В какую бы сторону Пап ни обращался – вещи напоминали ему отца или мать в его юношеские годы... При каждом взгляде на вещи, стены воспоминания, образовав стремительный поток, втягивали его в свой водоворот. Ему вспоминалось детство в мирном дворце, когда, окруженный любовью и заботой, он не знал еще ни горя, ни тревог, а мир казался ему прочной и вечной обителью игр и увеселений. Вспоминал он молодость, такую же радостную, выезды на охоту, путешествия. Затем Византия... И везде удовольствия, веселье и постоянное чувство, что мир и родина прочны, ничто их не изменит и Страна Армянская навеки останется такой...

Но вот массивные стены этого украшенного зала словно раздвигаются, и царь видит Страну Армянскую, вернее, пройденный за эти дни путь – от Даранагского края до Карина, от Карина до Багреванда, оттуда к берегам Аракса, к Ервандашату и Вагаршапату. Все разрушено, разорено, стало почти пустыней. Поля истоптаны, в садах запустение, и везде трупы...

«Почему так получилось? – думал он, то садясь и остро вглядываясь куда-то в даль перед собой, то прохаживаясь по коврам, почти сплошь закрывшим мозаичный пол. – Почему страна дошла до такого состояния? Неужели виноваты только персы, неужели нельзя было предотвратить беду или защититься?.. Кто виноват?.. Говорят, отец пошел против воли нахараров, решил силой подчинить их и создать сильную централизованную власть, чтобы страна стала могущественнее. И будто делал он это жестокой рукой, не щадил непокорных. Почти весь род Камсараканов уничтожил... А в результате большая часть нахараров покинула царя. Оставили одного перед нашествием врага. А некоторые даже поносили его перед Шапуром... Не смог отец найти общего языка с нахарарами, такими разными и по интересам и положению... И вместо того чтобы объяснить, что единение выгодно для них же и для всей страны, он напал на них. Решил силой навязать свою волю».

– А нужно ли было так поступать? – сказал Пап почти вслух и, остановившись, вздохнул. Его большая тень на стене колебалась вместе с пляшущим пламенем свечей. В их переменчивом свете лицо царя казалось особенно усталым и издерганным.

Он не раз пытался избавиться от воспоминаний, подумать

о делах завтрашнего дня – и не мог. Неужели армянские нахарары так и не поняли или не желают понять, как необходимо их единение перед лицом соседей, которые всегда были грозными, опасными врагами! Неужели они не поняли, что слабость Страны Армянской – в ее рассеянных силах и в усобице, – ведь этим и пользовался всегда враг, не уважающий армян по этой причине, притесняющий их и разоряющий страну!..

Пап знал, слышал, а теперь и видел, что не было у нахараров заинтересованности в единстве родины, не вмещалась в их головы высокая мысль о свободе для всей их страны. Не было и власти, которая смогла бы объяснить им это; каждый нахарар делал то, что находил полезным для себя лично, для своего положения, своих интересов... У каждого была своя армия, и при всяком раздоре обиженный нахарар отделялся от центральной власти страны или же затевал интриги, а то и свою местную войну. А если возникала большая война против всей его родины, он больше думал о себе, о своей собственности и в случае опасности или сдавался врагу, или ценой предательства и подкупов сохранял себя и свои владения. Персидские самодержцы, хорошо зная эту слабость нахараров, часто подкупали щедрыми посулами, привлекали на свою сторону того или иного нахарара или бдешха и сеяли раскол в стране. Именно этим раскольническим стремлениям нахараров пожелал положить конец царь Аршак и потерпел неудачу из-за своего злополучного Аршакавана... А враг, окончательно убедившись, что у нахараров нет объединяющей связи, что они все тянут в разные стороны, по сей день коварно играет с иными из тщеславных обладателей недалекого ума. И с их помощью бьет остальных армян... Кто такой Меружан Арцруни?.. Не пожелав подчиниться своему царю, недовольный им, он объединился с заклятым врагом своей родины и всячески помогает теперь персам разорять Страну Армянскую.

Что это, слепота? Глупость? Мстительность?.. Недовольный царем, он мстит всей стране и объявляет ей войну!

Пап остановился, морщась от досады: он вспомнил, что Меружан жил здесь и своим дыханием отравил этот дворец его отцов.

– Против кого воюешь? – шепнул он. – Против своей страны? Против христианства?.. Если против церкви, почему ты не боролся, когда не был в ссоре со своим царем? Ясно, что все это ты делаешь потому, что тебе вскружили голову. Пообещал тебе Шапур, вот и хочешь угодить ему...

Ослепленный своей страстью, этот честолюбец Меружан, наверное, не понимает, что, запретив даже обычаи армян, их праздники, песни, навязывая вместо них персидские, он подтачивает саму основу своего народа...

Все же царю казалось, что он не до конца понимает цель этого человека. Есть еще что-то неясное...

Привыкнув при сомнениях беседовать с кем-нибудь, обме-

ниваться мыслями, Пап вспомнил Иеремию, своего письмоводителя, который тоже ночевал на его половине. За годы, проведенные в Византии, Пап настолько подружился с Иеремией, что для него стало привычкой беседовать и советоваться с ним. Он часто звал его или шел к нему сам.

Вспомнив Иеремию, он хотел было вызвать его и открыл уже дверь, но в смежной комнате на стуле спал дворецкий. Пап не захотел будить старика. Решил сам заглянуть к Иеремии, проверить, спит ли он.

Он осторожно прошел через маленькую комнату, где спал старый дворецкий, и, как был, с непокрытой головой, в тунике, вышел в коридор, где вместо большой многосвечной люстры сейчас чуть мигал высокий треногий светильник, едва освещая небольшую часть коридора.

В конце коридора Пап заметил двух воинов-стражников, сидевших на полу, привалясь спиной к стене. Оба спали, держа копья между коленями. Царь почти крадучись, осторожно — чтобы воины не проснулись и не увидели его в тунике — подошел к комнате Иеремии. И первое, что заметил Пап, был отблеск света, который виднелся сквозь щель двери.

Пап обрадовался, как увидевший свет спасения. «Значит, Иеремия все еще не спит», — подумал он и осторожно открыл дверь. Иеремия сидел спиной к двери перед пятисвечным светильником, его пышные и тонкие волосы локонами рассыпались на плечах, он писал на длинном листе пергамента, нагнувшись всем телом над треногим столом. Перед ним лежали его покрытые воском дощечки, которые он обычно в пути и даже в битве носил, подвесив на боку, и на которых делал заметки, даже если сидел верхом на коне. Позднее он переписывал эти заметки с дощечек на пергамент, расширяя свои записи для будущей книги.

Иеремия был так увлечен своей работой, что не услышал, как Пап подошел к нему. Он очнулся, лишь когда Пап по-дружески положил руку ему на плечо — так он привык обращаться к нему еще в Византии.

— Опять пишешь, Иеремия?..

— Пап!.. — Иеремия удивленно поднял голову. — Неужели ты не спал?

— Спать... — тяжело вздохнул Пап. — Как спать?.. Как могу спать здесь, в этом доме, где все напоминает мне прошлое? Напоминает о том, что делается сейчас вокруг... Как тут заснешь... Одиночество даже теперь тяготит меня, Иеремия...

— Это естественно, Пап, — сказал Иеремия грустно. — Несчастье, случившееся с царицей...

— Иеремия, дорогой, — прервал его Пап, — ты видел разорение нашей страны, наши бедствия... Что нужно делать? В комнате, когда я один, все, кажется, восстает против моего покоя. Все как будто требует, чтобы я был решительным, чтобы отомстил... Но я чувствую себя настолько беспомощным перед этой чудовищной бедой... — Пап расхаживал по комнате с опу-

щенной головой, и правая часть лица его опять нервно дергалась. – Говоришь, спать... Как спать, когда... – Он махнул рукой, словно отгоняя недобрые мысли. – Иеремия! Ты и Бат всегда помогали мне советами. Что нужно делать?..

– Прежде всего успокойся, Пап, – сказал Иеремия. – Об этом нужно говорить спокойно, взвешивая все. А пока, если тебе угодно мое мнение, вот оно...

Пап глубоко вздохнул и уселся напротив Иеремии на треногий стул со спинкой.

– Говори, Иеремия...

– Пап, прежде всех других забот мы должны подумать об изгнании из нашей страны врага. Это сейчас делает Мушег. Этим заняты наши полководцы – Смбат Багратуни в Васпуракане, Спандарат Камсаракан с сыновьями...

– Я знаю это, дорогой Иеремия, знаю: пока не очистим страну от врага, мы не можем заняться исцелением наших ран. Но мы не можем не думать уже сейчас об этом.

– Время и земля, Пап, залечат все...

– Время и земля!.. Как мне понять тебя, дорогой Иеремия? – Пап пристально взглянул на своего собеседника. – Ты хочешь сказать, что все мы со временем станем землей и все пройдет?

– Ты сегодня мрачно настроен, Пап, – заметил Иеремия, дружески покачав головой. – Я не изрекаю одни философские истины, а хочу сказать, что, если мы изгоним врага до зимы, весной наши крестьяне опять вспашут землю, обработают ее и свои сады, и земля опять накормит нас. Она залечит наши раны и души. Земля и время... Нам остается только предотвратить новые бедствия, и это сделает наше с каждым днем растущее войско, которое полно чувством мести, это сделают наши полководцы, они, как видишь, не щадят своей жизни для родины и для тебя.

– А что ты скажешь, Иеремия, об этом Меружане? Что ему нужно, почему он привел персов в нашу страну и помогает им разорять ее? Что это – слепота или страсть честолюбца?

– И то и другое, Пап. Греческий мудрец давно сказал, что страсть ослепляет человека. Вот Меружан и ослеп. Кроме того, он в ярости – почему народ не идет за ним, не признает ни персидской религии, ни языка, ни обычаев.

– Персидская религия... Язык... – повторил Пап озабоченно. – Почему это один народ должен принять религию и язык другого? Я этого не понимаю. Сам Меружан тщеславия, корысти ради может добровольно забыть себя и стать похожим на перса, жить его духом, обычаями. Но почему целый народ должен идти за Меружаном?

– И никогда не пойдет за ним, Пап, – прибавил Иеремия. – Потому что слепо подражать может только личность вроде Меружана, народ – никогда.

– И мне тоже так кажется, Иеремия. Кто наделен достоинством, никогда не захочет быть похожим на другого. Как мож-

но жить подражанием – не могу постичь. – Пап умолк, стараясь что-то припомнить. – Да... Когда я думал о Меружане, вот что мелькнуло в мыслях. В природе, как тебе известно, каждое растение имеет свой цвет, каждый цветок – свой аромат, каждое животное – свой голос, каждая птица – свою песню. И никто не может уйти от свойств, данных ему природой... Почему мы по своей воле должны отказаться от своего цвета, голоса, от нашей песни и повторять других? Кто так поступает в природе? Ни одно существо, ни одно растение. А вот Меружан хочет, чтобы весь армянский народ поступил таким образом. Когда это делает враг, когда он стремится лишить нас нашего голоса, нашего облика – это понятно, это можно объяснить. Но когда человек сам хочет отречься от своего голоса, облика – этого понять не могу. Думаю, что напрасно живет такой человек... Меружан Арцруни сам отступник и хочет навязать отступничество своему народу. А когда народ не последовал за ним, он с персидскими стрелами и слонами пошел на него войной: сотру, мол, тебя с лица земли за то, что не хочешь отречься от самого себя!..

Пап вздохнул, умолк на мгновение, потом продолжал с грустью:

– Вот что меня мучит, Иеремия, – Меружан, к несчастью, не один стремится к отступничеству. Я заметил, что есть еще нахарары и отцы духовные, которые стараются быть похожими на ромеев. И не только сами – они хотят, чтобы вся Страна Армянская была как Византия. Ты думал об этом? Мало нам того, что перс говорит: «Молитесь, как я», – ромеи тоже хотят, чтобы мы молились, как они. И мы сами тоже делимся на две части. Одни говорят: «Будем молиться, как персы», другие: «Будем молиться, как ромеи»... Вот еще несчастье, Иеремия! Одна группа нас тянет в одну сторону, другая – в другую, и лишь немногие опираются на свою землю... Я не знаю, как можно царствовать в такой стране.

– Выход найдется, Пап, – сказал Иеремия. – Не представляй все в таком мрачном свете. Это всего лишь несколько церковников и нахараров. Большая часть не такая, Пап. Совсем не такая.

– Признаюсь тебе, Иеремия, что все еще не знаю своего народа, – продолжал грустно Пап. – Однако чувствую, что иные наши нахарары разорят дом моего народа пуще врагов иноземных. Ведь как было до сих пор? Достаточно одному нахарару поссориться с царем – и он уже во весь опор мчится в Тизбон или в Византию: «Идите к нам, образумьте нашего царя или замените его, он недоброе замыслил против вас, хочет держать не ту сторону, которая вам угодна, хочет вам навредить». Так поступили наши нахарары с царем Хосровом и моим дедом, так поступили они и с моим отцом... И вся эта ложь для того, чтобы удовлетворить свои страсти, что-нибудь выгадать. Подлые люди, не думающие, что из-за их самолюбия, из-за их корысти гибнет вся страна... Вспомни, что мы ви-

дели в пути – разоренные города, деревни, бесприютных, полунагих, голодных людей... Хорошо еще, что пока осень... Неужели только перс виновен в этих бедствиях? Печальна, печальна Страна Армянская,– сказал Пап, вздыхая.– Да, Иеремия, теперь единственный выход из беды – гнать перса с нашей земли и дать мир этой несчастной стране.

Иеремия, который и сам был удручен описанной Папом картиной, при его последних словах пришел в себя и даже оживился.

– Да, Пап, мир – мать всех благ. И сделать все это нужно мощью оружия...

– И что удивительно, Иеремия,– с грустью заговорил опять царь,– наравне с нахарарами, а может быть и больше, вызывают удивление наши духовные отцы, служители церкви. В пути, помнишь, какое бы село мы ни занимали – все принадлежало церкви. Что же было государственное? Не знаю... А архимандриты? Ты заметил – так себя ведут, будто они хозяева страны... Повелевают не только священниками, но и крестьянами, даже нахарарами. И когда однажды я удивился этому, католикос Нерсес меня успокоил: «Так облегчается дело твое, сын мой...» Кто дал им столько прав? Не столько молятся, сколько вмешиваются в государственные дела. Да как их много, и все без дела...– Пап умолк на миг.– Нет, Иеремия, я думаю, они могут принести стране больше вреда, чем пользы.

– Любят, любят наши духовные отцы приказывать и брать всех под свое покровительство,– заметил Иеремия.

– Верно, верно, Иеремия. Католикос Нерсес и мне советует в случае затруднения обращаться к нему: «И я приду к тебе на помощь, сын мой». Видно, и меня хочет взять под свою опеку,– грустно улыбнулся Пап.

Иеремия ответил ему такой же грустной понимающей улыбкой.

– По-моему, и комес Теренций помышляет об этом. До столицы он тебя сопровождал как дружественного царя. А вот какую роль он будет разыгрывать дальше – мне неизвестно, Пап. Он полководец восточной византийской армии, однако...

– Он и представитель своего императора,– прервал Пап Иеремию.– Он очень мягкий, доброжелательный человек. «Полюбил я вашу страну,– говорит он мне,– и позабочусь, чтобы ни один перс не переступил ее границы...»

Они спокойно беседовали в полутемной комнате, и колеблющееся пламя светильника шевелило их тени на полу и стенах. Вдруг дверь открылась, и в комнату стремительно вошел второй друг Папа по учебе и чужбине – Бат Сааруни. Он вошел уверенно, с высоко поднятой головой, что придавало ему облик отважного человека.

– Услышал ваши голоса и заглянул,– сказал он.– Я отвел мать в ее покои, успокоил ее, насколько это было возможно.

Он хотел рассказать, о чем говорили они с матерью, но, вспомнив о горе Папа, решил не касаться свежих ран.

– Почему не спите?.. Спарапет – понятно, ему утром отправляться в Нахчаван. Он не спал, когда я проходил мимо его покоев. Наверно, отдает распоряжения...

– Он всегда такой, – заметил Пап. – Ни разу не видел, чтобы он отдыхал. Я узнал его, когда он прибыл в Византию. Там еще ничего, бывало, и посидим и побеседуем. А как началась война с персами, совсем переменился: не спит и не разговаривает...

– Почему не спит, не знаю, – сказал Бат. – Но молчание я объясняю тем, что спарапет считает нас юношами, Пап. Не хочет не только советоваться даже с тобой, но и говорить о своих намерениях.

– Это оттого, Бат, что мы не знаем военное дело, как знает он. Поэтому он считает ответственным за все только себя, – объяснил Пап. – Ты напрасно сомневаешься.

Пока друзья беседовали о Мушеге, тот действительно не спал – диктовал своему секретарю письмо к нахарарам горных областей и бдешху края Гугарк. Утром рано он должен был отправиться в путь, чтобы присоединиться к войскам ишхана Камсаракана, которые шли в Нахчаван. В его покое сидел присоединившийся к свите царя еще на пути в Двин нахарар Зенон Гнуни, грузный, широкоплечий мужчина с большой бородой, которого Мушег вызвал с особой целью: он только что попросил нахарара Гнуни остаться во дворце и своими советами помогать молодому царю до окончания войны.

– Я об этом беседовал и с азарапетом, – говорил Мушег. – Айр-Мардпету доверять нельзя. Пап еще молод, неопытен и в государственных делах неискусен, а у Айр-Мардпета язык змеи, он может взять царя под свое влияние. Мардпет известный персофил, он оставался при персах и принял Меружана в этом дворце... Пока мы разберемся в его поведении, он многое может расстроить. Посему, ишхан Гнуни, повторяю: не оставляй Папа одного, помогай ему советами и своим опытом, пока я не вернусь.

– Я готов, дорогой мой Мушег, – заговорил нахарар, польщенный доверием Мушега. – Род Гнуни всегда преданно служил престолу. Мой дядя Давид Гнуни здесь и состарился. Когда он увидел Папа, даже заплакал: удостоился увидеть третьего царя! А я и в дни царствования Аршака, как тебе известно, был здесь и достойно хранил традиции своих предков. Так что можешь быть спокойным. Однако, спарапет, какой характер у Папа?

– Пока он очень прост, ишхан. Даже царем не хотел стать. «Трудно мне, – так и говорил. – Я занимался только науками... Приеду – буду воевать. А вот царствовать – смогу ли? Трудное дело... Давай-ка сначала прогоним врага, а там посмо-

трим...» Значит, надо его опекать и присматривать за ним. Он полон духа мести, но для царствования еще неопытен, доверчив и вспыльчив.

– Словом, горячий юноша, – сказал Зенон Гнуни многозначительно. – Что ж, юности нужен опытный наставник, и им будешь ты, спарапет...

– А пока, ишхан, возьми это дело на себя, – сказал Мушег, все же польщенный словами нахарара. – А теперь, ишхан, иди отдыхать, мне еще надо посоветоваться с Папом, а до этого я должен обдумать свои дела.

Зенон Гнуни поднялся и степенно простился со спарапетом, Мушег опять принялся диктовать незаконченное письмо. Окончив работу, он отпустил секретаря и быстро прошел на половину Папа.

В эту ночь Айр-Мардпет, несмотря на тревогу, сумел уснуть. Утром, едва рассвело, он поднялся и стал одеваться с особой живостью. Его как бы подгоняла пришедшая в голову еще вечером счастливая мысль. Это был прекрасный повод встречи с царем для личной беседы с ним. Теперь наконец станет ясно, слышал ли Пап что-нибудь дурное о нем и как царь сам смотрит на это.

В одну минуту радостно-задумчивый Айр-Мардпет надел вчерашние парадные одежды старшего нахарара, тщательно пригладил перед серебряным зеркалом густые волосы и редкую бороду и потом, вызвав троих слуг, в их сопровождении направился в хранилище царских одежд, или, как принято было говорить во дворце, в Дом облачений, который находился в его ведении и под его надзором. Там в специальном внутреннем помещении хранились царские сокровища, наряды, короны и оружие – все отделанное драгоценными камнями.

Айр-Мардпет бережно достал из настенного шкафа одну из лучших царских пурпурных мантий, которую еще носили цари Тигран и Аршак. Взял также сшитый из шелка и виссона подрясник с короткими рукавами. Затем из посеребренного ларца извлек изящный пояс, расшитый золотыми нитями и украшенный бриллиантами. Из другого ларца он достал расшитые золотом налокотники с золотыми пуговками. Открыв большой сундук, он вынул также красные царские башмаки, которые, как и другие царские наряды и сокровища, после отъезда царицы в Артагерс сохранялись в тайниках и всего лишь два дня назад были водворены на свое прежнее место – в Дом облачений.

По распоряжению Айр-Мардпета слуги принесли серебряные подносы, на них и разложили все одежды царя вместе с короной, украшающей ее цепью и серебряными латами. Когда все было готово, управляющий дворцом послал одного из слуг узнать, проснулся ли царь. Царь уже не спал. Айр-Мардпет распорядился:

— Берите подносы и следуйте за мной,— и довольный, гордый степенно зашагал на царскую половину.

Когда они шли через мощеный двор, слуги и стражники в шлемах и с копьями ошеломленно смотрели то на пышно разодетого Айр-Мардпета, то на блестящие наряды, которые несли за ним слуги. Все догадывались, что это, несомненно, для царя, и почтительно давали дорогу маленькой процессии, тем более что Айр-Мардпет был не только управляющим дворца, но и старшим нахараром и поэтому мог свободно входить на половины царя и царицы днем и ночью, как отец в покои своего сына.

Когда он ступил на половину Папа, стража и слуги, подавшись назад, открыли ему дорогу, и он чинно, торжественным шагом вошел в царские покои. Пока еще было рано и к царю не вошли его приближенные, управляющий дворцом хотел без помех торжественно вручить Папу царские наряды и потом, в беседе с ним, наконец проверить свои сомнения. Он был уверен, что Папа приятно удивит предстоящая церемония и царь будет тронут его вниманием.

Подойдя к залу приемов, он вдруг остановился. То, что он увидел, было неожиданно: Пап сидел в окружении тех же своих друзей, что и вчера. Письмоводитель царя Иеремия что-то писал за столом и передавал пергаментные листы Папу и Мушегу на подпись, а Бат Сааруни свертывал и опечатывал их перстнями-печатками царя и спарапета.

Видимо, эту работу они начали давно — на столе лежало много опечатанных пергаментных свитков.

«Они и не ложились этой ночью»,— подумал Айр-Мардпет, стоя у дверей зала. Вместе с ним выстроились в ряд слуги, высоко держа подносы и удивленно взирая на царя и окружающих.

Пап первый заметил Айр-Мардпета и его свиту. Спросил недоуменно:

— Что желает нахарар Мардпет?

Несмотря на холодный прием и явную неуместность его появления здесь, Айр-Мардпет не растерялся. Чинно и важно, как привык и как требовал того дворцовый этикет, он выступил на два шага вперед и, приложив руку к груди, слегка поклонился.

— Государь! Я принес твои царские наряды — подрясник и пурпурную мантию, золотой пояс и красные башмаки, золотую корону и серебряные латы...

— Все это после, нахарар Мардпет, после,— сказал Пап, отмахнувшись рукой, как показалось Айр-Мардпету, с полным безразличием.

— Однако, государь...

Айр-Мардпет хотел сказать, что после вступления во дворец царь должен принять свое облачение. Но Пап не дал ему продолжить:

— Потом, Айр-Мардпет, потом. Не время сейчас... мы заняты очень важным делом.

Опять управляющему дворцом не удалось поговорить с Папом.

«Одни неудачи», — подумал он и прошептал старшему слуге, который, стоя рядом с ним, держал самый большой поднос:

— Врен, унесите все обратно, но не в Дом облачений, а в один из царских покоев, пока государь не освободится...

При этом он не сводил глаз с собравшихся у царя. Похоже, что они действительно не спали всю ночь: об этом свидетельствовали их покрасневшие, сонные глаза.

Наблюдательность Айр-Мардпета не обманула его: всю ночь царь и спарапет готовили письма, чтобы ранним утром с гонцами разослать их нахарарам горных областей и начальникам крепостей, как они это уже сделали один раз при вступлении в область Даранали. Тогда у спарапета Мушега было малочисленное войско, и они не только разослали письма нахарарам ближайших областей, но и отправили людей, как говорил Мушег, знающих и толковых — объяснить серьезность положения и предостеречь нахараров об опасности, грозящей тем, кто останется особняком. Ишхан Андок, несмотря на старость, поехал в Тарон и так трогательно изобразил положение дел местному нахарару Зарэху, что тот с войском в несколько тысяч человек поспешил принять участие в святом деле спасения родины. Бата Сааруни отправили в область Тайк к ишхану Сааку Мамикояну... Здесь письмо Папа и Мушега и искусная речь молодого Бата привели к тому, что самолюбивый патриций не только обещал свою помощь, но согласился даже командовать одним из полков. А сам Мушег в те дни ездил в Спер просить у Смбата Багратуни помощи людьми и продовольствием. Как и остальные посланцы, он сообщил знатному нахарару, что на помощь армянским полкам идут ромеи с большим войском. «Большое войско» было в то время лишь обещанием, но о нем следовало сказать — чтобы поддержать народный дух и убедить недоверчивых, колеблющихся нахараров.

Владетель области Спер Смбат Багратуни не поверил пылким доводам Мушега.

— Но ведь у ромеев есть с персами договор — не помогать нам, — заметил он и пронзительно посмотрел на спарапета. — Еще сам император Иовиан заключил этот договор, и, насколько мне известно, он пока не расторгнут.

Мушег сразу же возразил, что это ему известно, но император Валент тайно помогает армянам.

— Как это можно делать тайно, спарапет Мушег? — удивленно протрубил могучий Багратуни своим густым басом. — Вы думаете, персы спят? Нет у них глаз и ушей?

— Ромеи будут сражаться в наших войсках под армянским знаменем...

— Под армянским? — усмехнулся ишхан Смбат. — Во-первых, надменные ромеи не согласятся воевать под армянски-

ми знаменами. А во-вторых, если и согласятся, думаешь, это останется незамеченным?

— Надеюсь.

— А персофилы разве дремлют? Известно тебе, что Айр-Мардпет принял Меружана в Двине?

— Известно...

— Значит...

Казалось, резкие и неопровержимые доводы ишхана Смбата нужно было принять и умолкнуть. Но Мушег подтянулся и устремил в лицо Багратуни взгляд, горящий тревогой.

— Выходит, что мы, боясь предательства, должны оставаться в неволе? Склонить перед мечом врага головы? И с этим может мириться сердце патриарха воинственного рода Багратуни? Я ушам своим не верю! Кто со мной говорит? Неужели доблестный Смбат Багратуни, чьи волосы поседели в боях и чьей отваге я всегда завидовал? Неужели ишхан, который был для меня образцом героизма и высокой самоотверженности?.. Ты думаешь, ишхан, что Шапур, заняв все области, оставит тебя в покое в твоем мирном Спере? Не забывай, что он самый заклятый враг родов Багратуни и Мамиконянов, давших Стране Армянской стольких спарапетов и полководцев...

Тут произошло неожиданное. Глаза Багратуни стали влажными, он молча встал и обнял Мушега.

— Ты покорил мое старое сердце, Мушег. Тебе — и мое золото, и мое войско. Бери и меня. Верно, царь Аршак был несправедлив ко многим нахарарам, но ради нашей страны, тебя и молодого Папа, который, надеюсь, не будет похож на отца, я готов!

Это происходило несколько месяцев назад, в дни, когда в Даранагской области начались бои с персами. Пап и Мушег остро нуждались тогда в боевой силе, в помощи нахараров, и для этого многих нужно было убеждать лично. А теперь большая часть страны отвоевана у врага, и народ, объединившись, помогает армии; теперь царь и спарапет решили разослать письма и тем нахарарам, которые из страха, а может, и из-за недовольства прежним царем не участвовали в войне. В посланиях к этим нахарарам Пап и Мушег писали: «Если вы не объединитесь теперь против врага Страны Армянской, если враг останется в нашей стране, он позаботится о каждом из вас, всех предаст огню и мечу или сделает вас рабами в ваших же владениях».

Примерно такого же содержания были и личные письма Мушега, которые он направлял знакомым нахарарам и ишханам, живущим в неприступных горных областях Северной Армении: «Имейте в виду, победа — это безопасность и честь, поражение — разорение и рабство. Кто желает быть рабом или разориться — пусть злонравно сидит в своем доме и ждет врага». А в конце Мушег добавил: «Знайте: кто не придет на помощь, тот потом получит свою справедливую кару». От кого

будет кара — от врага или от него, — не писал, пусть подумают сами над этим.

В это же раннее утро конные гонцы, покинув городские ворота, поскакали во всех направлениях к армянским горным областям, увозя с собой письма Папа и Мушега нахарарам, ишханам и сепухам.

Царь и Мушег отправляли последние письма, когда к ним вошел старый ишхан Андок.

— Ну, дети мои, я пришел проститься с вами... Пора мне ехать.

Пап и Мушег встали с мест и поклонились старому ишхану. Спарапет предложил ему свой треногий стул.

— Соблаговоли сесть, ишхан.

— Нет, дорогой спарапет, я не могу терять ни минуты. Надо спешить. Кони оседланы.

Его короткое крепкое тело было уже в доспехах, они придавали пожилому вельможе вид многоопытного и отважного воина.

Впрочем, владетель края Сюник не только видом своим, но и делами заслужил славу опытного бойца. Он участвовал во многих походах и много раз побеждал, так что его знали даже в Византии, его знал сам Шапур. Ныне сердце старого Андока, казалось, должно было остыть и стать безразличным к мирскому злу. Однако в нем кипели пламенные чувства ненависти и мщения. Для ишхана, всегда побеждавшего в войнах, было невыносимо свалившееся на него в преклонном возрасте горе и бесчестие. Андок был похож на орла, который, вернувшись в гнездо, увидел, что подруга его убита, а птенцы похищены. В таких случаях орел или кончает с собой, или же, обнаружив врага, яростно бросается на него. И ишхан, когда узнал о несчастье, постигшем его родных, был так разбит горем, что даже взялся за меч, чтобы покончить с собой. Но эта слабость длилась лишь мгновение. Нет, он не порадует своего врага — «кровожадного старого волка». Андок решил не умирать, пока не ответит врагу достойным ударом, пока не сделает все, что сможет. Ему казалось, что и жена его, и дочь, находясь в плену, думали лишь об одном — чтобы он не оставил безнаказанным преступление Шапура, как уже отомстил ему когда-то за ограбление Тигранакерта.

«Да, Андок не оставит безнаказанным ваше бесчестие, родные мои», — то и дело шептал старый ишхан, глубоко вздыхая. Перед его взором всегда стояли пленные жена и дочь, а в мыслях зрели планы мести. На всем пути до Двина старик крепился, чтобы Пап не услышал его вздохи и стоны. В присутствии царя он таил горе и даже шутил, чтобы поднять настроение внука. Лишь однажды Пап, когда они миновали Карин, заметил необычную грусть деда и расслышал его слова, сказанные громко и со вздохом: «Да, родные мои, Андок не оставит безнаказанным ваше бесчестье...»

— О ком это ты, дедушка? — спросил он удивленно, заме-

тив к тому же и слезинки, дрожавшие на морщинистых бронзовых щеках старого воина.

Старик не растерялся, пальцем смахнул слезинки и, вздыхая, заговорил:

– О ком?.. Обо всех, Пап, кого убил и пленил Шапур...

Пап почувствовал, что дед ушел от прямого ответа.

– Однако, дедушка, я слышал, ты говорил о родных...

– Да, внучек, неужели не мои родные все, кто уведен в плен – твой отец, наши ишханы, да и... все. Все, Пап, все, раз они сыновья страны нашей, стало быть, и нам родные.

Пап не стал больше расспрашивать старика, хотя ему показалось, что дед что-то скрывает. И ишхан был доволен, что внук не потребовал от него откровенности.

Тогда Андок не смог бы нанести ему еще один удар...

Однако теперь, когда Пап уже обо всем знал и видел, что царь не подавлен, а, напротив, рвется в сражение, Андок еще больше распалился местью.

Вот почему старый ишхан, войдя и застав молодых людей за письмами, удивился:

– В такое время писать, сыновья!.. Вы забыли Нахчаван?..

Старый ишхан, казалось, торопился больше молодых. «Скорей, скорей!» – повторял он в этот день без конца, торопя всех и прежде всего себя. Ему казалось, что персы могут собрать в Нахчаване большие силы и армянским полкам будет трудно их одолеть, хотя армянами командовал испытанный полководец Спандарат Камсаракан. Сам ишхан Андок заранее отправил гонцов через область Гехаркуник в родной Сюник, чтобы спешили оттуда на подмогу пешие и конные ратники. Он боялся, что они скоро прибудут в Нахчаван, а его там не окажется. Ишхан хотел сам руководить нахчаванским сражением и со своими «сюникскими удальцами» нанести персам такой удар, чтобы Шапур получил сразу и за старое и за новое... Андок еще вчера отправился бы в Нахчаван, но ему пришлось остаться с Папом, чтобы утешить его в горе. В эту ночь нетерпеливый ишхан дважды поднимался и будил телохранителей и конюхов, наказывая им хорошенько кормить коней, чтобы утром были готовы в путь...

– Сейчас, ишхан, сейчас, – сказал Мушег. – Я тоже скоро отправляюсь... Как мы можем забыть Нахчаван – последнее логово врага. Ведь он увел туда столько пленных, унес столько добычи!

– Да, да, нельзя терпеть это бесчестье. Надеюсь, мы снова покажем Шапуру силу нашего оружия. Только скорее, скорее. Я давно бы уехал, дети мои, но не захотел отправляться, не повидав вас. – И, подойдя к Папу, старик взял его за руку, посмотрел ему в глаза. – Пап, дорогой, в этом мире ты у меня один остался... Ты и родина. За вас обоих я готов умереть.

В глазах этого железного старика блеснули слезы, он опустил голову, чтобы скрыть слабость, недостойную мужчины.

– Увидимся в Нахчаване! – Взор его опять сверкнул. – Ты,

Мушег, поедешь отсюда, а я со своими сюникцами как снег свалюсь врагу на голову с гор... Надеюсь, ваш старый Андок не посрамит себя перед молодыми. По всем сведениям, Меружан в Нахчаване. Надо схватить отступника и в цепях привезти в Двин...

И пока Мушег отправлял последнего гонца в область Варажнуник и отдавал перед отправлением последние приказы, ишхан Андок со своими телохранителями и с сыном Бабиком выехал из Двина в Урцадзор, чтобы оттуда через горы, ущельем Вайоц добраться до Гохтана. Там в назначенном месте – в ущелье – он соединится со своими сюникцами и с тыла нападет на врага, как они и решили с Мушегом еще до прибытия в Двин.

Оставшиеся во дворце нахарары Зенон Гнуни, Кенан Аматуни и даже Айр-Мардпет провожали ишхана Андока до ворот цитадели, где он, подняв плеть, повторил:

– Торопитесь! В Нахчаван!.. Там Меружан, не забудьте! Чтобы ишхану Камсаракану не ждать нас. – И, хлестнув коня, поскакал.

Ишхан Камсаракан, о котором все говорили с уважением, одним своим поступком изумил всех. Ведь от рода Камсараканов остался лишь один – ишхан Спандарат, да и то потому, что ему удалось с семьей найти убежище в Византии. Несмотря на то что царь Аршак, отец Папа, несколько лет назад вырезал всех Камсараканов – известных нахараров – с семьями, захватив их богатства и сокровища, а их земли раздал другим нахарарам, тем не менее, услышав о беде, постигшей Страну Армянскую, ишхан Спандарат сразу обратился к византийским властям с просьбой, чтобы ему разрешили собрать способных носить оружие армян, живущих в византийском городе Кесарии, и с ними отправиться на помощь родине. Византийцы уважили его просьбу, и он, собрав небольшой полк, занял крепость Ани в Даранагской области, чтобы не отдать врагу это важное укрепление, где к тому же хранилась часть царских сокровищ. Отважный ишхан хотел продвинуться еще дальше и занять несколько крепостей, но в это время ему сообщили, что Пап уже стал царем и вместе с Мушегом идет из Византии во главе армянских и византийских войск. Ишхан не захотел распространять свою ненависть к царю Аршаку на его сына и присоединился к войскам Папа. Вместе с ним стали под знамена царя и его сыновья Газавон и Шаварш. Узнав обо всем, Пап тут же вызвал к себе ишхана Камсаракана. В шатер к нему вошел высокий плечистый мужчина с черной седеющей бородой, облаченный в военные доспехи, в шлеме и с мечом на боку. Ишхан приветствовал государя, приложив правую руку к груди и склонив голову. Пап быстро поднялся с места и шагнул к нему навстречу.

– Мой отец, – сказал он, – был несправедлив к тебе и к твоему роду, ишхан. Я глубоко сожалею об этом. А твой великодушный поступок глубоко тронул меня. Скажи, что по-

будило тебя после всех несчастий стать под наши знамена?

— Моя родина, государь,— спокойно ответил ишхан.— Правда, отец твой меня оскорбил... Но не родина. Скажу еще яснее — царь был моим врагом, но не родина. Когда мою родину топчет враг, я не могу сидеть спокойно в Византии и взирать оттуда, как персы избивают моих братьев и сестер...

С этими словами ишхан отстегнул свой меч в серебряных ножнах и на вытянутых руках подал его царю как знак покорности. Молодой государь взял меч и тут же вернул ишхану.

— Бери, ишхан, свой разящий меч и направь его против наших врагов. Твой благородный поступок делает тебе честь и переполняет мое сердце признательностью. Ты опять, ишхан, будешь полноправным владетелем своих родовых поместий.

— Я не поместий ищу в этой войне, государь, а безопасности для родины, умереть за нее для меня высокая честь,— сказал ишхан, пристегнув меч.— Со своим образованием я найду кусок хлеба и службу в Византии. Но родину — нигде и никогда! А мне нужна родина, даже если нет мне там места...

Молодой царь, взволнованный, крепко пожал его руку. И спарапет Мушег, присутствовавший при этой сцене, тоже пожал руку этого мужественного человека и сказал:

— Ишхан, ты здесь совершил свой первый подвиг, во имя родины предав забвению несчастье, постигшее твой род. Уверен, что твои дальнейшие подвиги будут еще более славными.

Теперь ишхан Камсаракан, возглавив закаленные в боях войска, преследовал на берегах Аракса отступающих персов и был уже на подступах к Нахчавану, в то время как ишхан Смбат Багратуни с еще большими силами двигался к краю Васпуракан, к границе страны Атрпатакан.

Туда, на поля сражений, торопился и Мушег. Однако когда он, закончив рассылку писем, распорядился готовить коней, возникло неожиданное осложнение. Пап объявил, что он тоже решил участвовать в Нахчаванском сражении и спарапет не должен уходить без него.

— Государь, ты нарушаешь наш уговор,— мягко сказал ему Мушег.— Ты должен остаться здесь, чтобы народ чувствовал себя спокойнее. Твое присутствие здесь важнее, чем на поле битвы.

— Нет, спарапет, не могу оставаться. Я должен быть там и проследить, чтобы Меружана схватили и в цепях привезли в Двин.

— Государь, положись на меня и твоих полководцев.

— Нет, спарапет. Я доверяю тебе, но должен участвовать и сам...

Для Мушега резкий тон Папа был неожиданным. Он внимательно посмотрел в крупные карие глаза молодого царя и удивился, обнаружив в них решительное и твердое выраже-

ние, которого раньше не замечал. Особенно его удивила линия, появившаяся между бровями Папа, она тоже говорила о твердости.

В это время в покои вошел роскошно одетый византийский полководец – посол Теренций. Услышав разговор царя и спарапета, он остановился, кротко поглядывая то на Папа, то на Мушега, словно стараясь вникнуть в армянскую речь. Мушег объяснил ему суть спора и попросил поддержать его, ведь и император Валент, давая согласие на царствование Папа, пожелал, чтобы царя держали вдали от опасностей. Теренций подошел к Папу:

– Тебе, государь, надо остаться в Двине. Не подвергай опасности свою особу. Да и отдохнуть тебе надо после утомительного пути и сражений.

– Как же, комес! После всего, что натворили в нашей стране персы, я буду спокойно сидеть здесь!.. Никогда, комес, никогда!

– Чувства твои святы, государь, и делают тебе честь, – сказал Теренций кротко и почтительно. – Однако все же полезнее будет, если ты останешься здесь, в столице. Мой император приказал, чтобы мы оберегали твою особу для Армении и для ее народа. Я уверен, что твои отважные полководцы с честью выполнят свой долг, как выполняли до сих пор.

– Благородный комес, – сказал Пап, поднимаясь с места, – Стране Армянской, или, как ты изволишь говорить, Армении, не нужен царь, который будет спокойно сидеть в своем дворце, когда враг топчет его землю. Если не народ – мое сердце меня осудит.

Никакие доводы не действовали на царя. Мушег вызвал даже католикоса, чтобы тот повлиял на царя своим авторитетом. Патриарх пришел, опираясь на длинный посох с серебряной головкой, и, взяв руку Папа, усадил его напротив себя.

– Сын мой, – сказал он, – нам дорога твоя жизнь. Твое присутствие здесь необходимо. Внемли мужам, желающим тебе добра, и скромному совету твоего патриарха. Останься в сей столице твоих отцов...

– Нет, святейший, – прервал его Пап. – Я еду в Нахчаван.

Эти слова Пап произнес так решительно, что старый католикос с невольным уважением приподнял голову, посмотрел из-под густых седеющих бровей в задумчивые карие глаза молодого царя и на его вздутую вену между бровей.

«Не таков, каким кажется, – сказал он про себя. – Упрям... Своеволен».

После Нахчавана война должна окончиться, так что битва за этот город будет последней. Враг уйдет через границу и хотя бы на время оставит в покое Страну Армянскую. Так думал Пап. После изгнания персов можно будет заняться восстановлением и благоустройством страны. А если Нахчаван останет-

ся в руках персов, они будут для армян постоянной угрозой. Значит, нужно срочно отбить у них старинный армянский город. Занять и укрепить его, пока враг не получил подкрепления. Пап чувствовал, что он должен быть там. Его решение крепло.

Между тем Айр-Мардпет, кружа в своей половине, иногда выходя на каменный балкон, напряженно следил за всеми приготовлениями и думал: вот когда все, особенно Мушег, уедут под Нахчаван, наконец появится возможность поговорить с Папом, сказать ему все, что должен знать молодой царь о событиях, происшедших в его стране, дворце и столице. Управляющему было неприятно, что Пап окружил себя молодыми советниками вроде этого новоявленного Бата и длинноволосого позера Иеремии, который не расстается с дощечками, покрытыми воском, выставляя свою ученость. Не нравился Айр-Мардпету и византийский посол, который хоть и был с виду кроток, но смотрел на все и всех явно свысока. Когда управляющего дворцом представили комесу, Мардпету показалось, что этот ромей в ярких одеяниях косо посмотрел на его одежду персидского покроя, как бы догадываясь о чем-то. «Наверное, хотел бы, чтобы и я одевался в византийские одежды или носил длинные волосы, как этот Иеремия»,– думал Айр-Мардпет, все выжидая, когда же уедут эти люди, чтобы он мог спокойно поговорить с царем.

Ему доложили, что с Мушегом в Нахчаван отправляется и Пап. Айр-Мардпет резко изменился в лице. Царь уезжал, не сказав ему ни слова. «Сейчас, наверно, вызовет, сделает хотя бы распоряжения»,– подумал он и, приведя в порядок свои праздничные одежды, стал ждать, прохаживаясь под колоннами галереи.

Но вот Пап в доспехах, верхом на своем золотистом черногривом коне и в окружении телохранителей вместе с Мушегом выехал из цитадели и двинулся по нахчаванской дороге. Айр-Мардпет удивленно глядел ему вслед. «Уехал, стало быть... Не сказал мне ни слова!..»

И тяжелые сомнения опять подступили к нему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В тот самый день, когда царь Пап со своей свитой и дворцовым полком вступил в Двин, армянская вторая армия – несколько тысяч конников и столько же пехоты – лучники, копьеносцы и секироносцы – под водительством ишхана Камсаракана спустилась в плодородную долину Шарура. Крестьяне, вышедшие из своих тайных убежищ, ликуя встречали их, обнимали воинов и их коней, не зная, как выразить радость. Многие бежали навстречу ишхану, чтобы поцеловать его руки, а какой-то старик, дрожащий от слабости, стоял на обочине дороги и, кланяясь пришедшим воинам, повторял:

— Да будет благословенна пройденная вами дорога!.. Целую вашу дорогу!..

Крестьянки — в одном глазу радость, в другом слеза — ротягивали воинам ивовые корзины с виноградом.

— Ничего другого для вас не имеем! Все, что было, съел, унес, испортил поганый перс... Не оставил ни хлеба, ни скотины!..

Войско, выдержавшее подряд несколько сражений и после победы, одержанной под Вагаршапатом, дни и ночи преследовавшее врага, остановилось наконец здесь, чтобы отдохнуть в просторных садах. Коней под присмотром охраны выпустили на блеклую, уже увядающую зелень садов, а сами усталые воины, умывшись в бегущих ручьях, разбрелись по виноградникам, разлеглись под ореховыми деревьями, и это не вызывало у крестьян никакого ропота.

— Пусть едят! Ломайте и топчите, раз освободили нас от поганого перса, — говорили почти все. И даже указывали, где еще остался хороший виноград.

Хотя за эти последние день и ночь войско еще не встретило врага, ишхан Камсаракан постоянно посылал вперед разведчиков и дозорных, чтобы обследовать окружающую местность и собрать точные сведения. По донесениям разведки, на расстоянии двух парсахов врага не было видно. Поэтому ишхан и остановил войско здесь на ночевку. А утром армия снова отправилась в путь и к вечеру, опять не встретив врага, добралась до невысоких, почти лишенных растительности гор, где местные жители добывали каменную соль.

И опять, когда стемнело, армия, вместе с добровольно присоединившимися к ней вооруженными чем попало крестьянами, расположилась отдыхать. Ишхан выбрал для привала горный склон, который волнистыми уступами спускался к Нахчаванской долине.

Была ночь. Одна из тех темных ночей, когда в небе не видно ни одной звезды, деревья, шепчущиеся на расстоянии нескольких шагов, кажутся заговорщиками и человек на своем пути ждет ям и опасностей. Армия, которая заняла почти весь склон горы и соседний овраг, была почти неподвижной, воины крепко спали — на предыдущем привале как следует отоспаться не удалось. А те, кто бодрствовал, шепотом, словно украдкой, беседовали — сосед с соседом. Между тем на правой стороне склона, недалеко от расположившихся для отдыха полков, чувствовалось большое оживление — всадники спешно то двигались к едва угадывающейся в темноте точке, то удалялись от нее. Этой точкой был большой, единственный в армии шатер — шатер ишхана Камсаракана. Оттуда до слуха находившихся близко воинов часто доносились конский топот и обрывки разговоров. Полог шатра колебался и шелестел — туда входили командиры полков, чтобы посоветоваться с ишханом о предстоящей битве, получить распоряжения или же просто узнать, какие вести принесла разведка. Сведения, полученные

вчера днем, были известны всем: персы расположили войско по обе стороны Аракса, но их немного, и это понятно – они усердно готовятся оборонять город.

Молодой человек по имени Варсам, из первой группы лазутчиков, посланной ишханом к городу, переодевшись персидским крестьянином и прикинувшись пострадавшим от армян, проник два дня назад в Нахчаван и узнал, что персы сильно всполошились, потому что на севере Персии восстало какое-то племя. «Вроде как кушаны», – передал Варсам. И вот персы большую часть своего войска увели из Страны Армянской в эту страну кушанов, чтобы усмирить восставших. А в Нахчаване оставили войска меньше обычного, хотя и считают, что его достаточно для обороны города. Варсам рассказал еще, что в городе собрано много армян-пленников, которых раньше заставляли трудиться в садах, а теперь перебросили укреплять стены и башни города. Другие лазутчики хоть и не добрались до города, но подтверждали почти то же самое. Они слышали, что в Нахчаване раньше было много войска, но часть его переброшена против кушанов.

Это известие обрадовало ишхана Камсаракана, и был даже момент, когда он подумывал сразу напасть на город, захватить врага врасплох. Но ишхан вспомнил, что они со спарапетом условились: до его прибытия ничего не предпринимать, даже если обстановка будет благоприятной. Кроме того, он должен был ждать гонца от ишхана Андока, чтобы знать, готов ли тот со своими сюникцами к битве. Наступление должно было начаться с нескольких сторон и обеспечить победу с малыми потерями. Так что ишхан решил дождаться и спарапета – Мушег должен был поспеть к рассвету, – и гонца, которого ожидали с минуты на минуту. А между тем в этот вечер ишхан опять отправил разведчиков обследовать окружающую местность и проверить, что же видно вокруг, по правую и левую сторону дороги, в долине реки. Хоть и тяжело было выполнить задание из-за тьмы, но семеро легко вооруженных воинов живо пустились в путь, вниз по склону.

Было уже за полночь, но разведчики не возвращались, и от них не приходило никаких вестей.

Ишхан был неспокоен. Высокий и плечистый, в боевых доспехах, он то и дело выходил из своего шатра и прохаживался перед ним, напрягал слух и всматривался сквозь мрак в ту сторону, откуда ждал разведчиков. В темноте слышался бессонный шум Аракса, который, казалось, доносился из бездны. И этот шум реки, и непроницаемая тьма ночи еще более усиливали беспокойство ишхана. Он уже хотел было поручить одному из стоящих вблизи военачальников, чтобы послали новую разведку, как услышал внизу быстрые шаги. В темноте кто-то спешил к нему. Он напрягся, круто подбоченился по давней привычке.

Человек подбежал к нему. Это был один из молодых его

телохранителей, живой, энергичный княжич Гнел из рода Андзеваци.

— Гнел? — удивился Спандарат. — Что случилось?

— Важная новость, — проговорил Гнел, почти задыхаясь. — Разведчик принес.

Услышав голос своего друга, из шатра выбежали полусонные сыновья ишхана Спандарата — Шаварш и Газавон, оба такие же высокие, плечистые, как отец, выполнявшие при нем обязанности телохранителей. Гнел начал было рассказывать то, что услышал от разведчика, но последний подошел уже сам в сопровождении двух воинов и еще издали, разглядев перед шатром фигуру командующего, крикнул:

— Ишхан! Персидское войско!.. Со стороны реки идут. Из наших некоторых поймали, двоих убили... мы вдвоем убежали. — И, едва дойдя до ишхана, упал на колени, хватая ртом воздух.

Он, похоже, был ранен. Камсаракан, его сыновья, Гнел и командиры, ждущие распоряжений ишхана, обступили воина-разведчика. Нет, он не был ранен, но настолько ослабел и запалился от бега, что не мог нормально дышать. По распоряжению командующего его увели в шатер и дали вина. Отдышавшись, воин повторил то же, что уже сказал: персидское войско движется по долине Аракса, разведчики попали в засаду.

— Поднять войско и быть готовыми! — коротко приказал ишхан присутствующим военачальникам. А сам наклонился над воином, распростертым на кошме.

— А много их? Можешь сказать? — спросил он.

Воину было неловко говорить с командующим лежа. Он хотел подняться, но ишхан положил руку ему на грудь:

— Лежи, сынок, лежи! Если можешь, отвечай на мои вопросы. Много их?

— В темноте, ишхан, трудно было разобрать... но похоже, что немало... Как будто всю долину заполонили...

В темноте и небольшая воинская часть могла показаться воину армией. Но могло получиться и так, что персы, узнав о продвижении армян, вывели из города войско и направили его занять важные высоты. Это ухудшило бы положение армянской армии. Что надо было теперь делать? Позволить, чтобы враг занял удобные позиции, или же помешать ему в этом? Но как действовать в такую темную ночь, когда на расстоянии пяти шагов ничего не видно... Хорошо бы, конечно, подождать рассвета, тогда хоть каждый воин будет видеть, что делает. А там, возможно, подоспел бы и Мушег. Но ведь так можно и опоздать с ударом, а если персы сами начнут наступление и остановят армянскую армию вдали от города, тут уже и сюникцы не помогут. Нужно было искать какой-то выход.

Ишхан решил все же проверить сведения, принесенные разведчиком.

— Пойду я со своими воинами! — выступил вперед Гнел

Андзеваци, положив руку на рукоятку меча. Его глаза сияли в темноте.

В зыбком полумраке слабо освещенного шатра ишхан растерянно смотрел на этого взволнованного юношу. Старый Андзеваци доверил сына попечению Камсаракана.

— А ты ходил в разведку?

— Среди моих воинов есть и бывалые. И я наконец должен набраться опыта, ишхан!

— Идти надо очень осторожно. С тобой пойдет [illegible] или Шаварш.

К Гнелу присоединились оба сына ишхана, и с десятком воинов они ушли в темноту. Хоть Камсаракан и сильно тревожился, проводив их, но он был уверен, что сведения, которые принесет разведка, будут верными.

И опять, стоя перед шатром и подбоченясь, он вглядывался во тьму. Смотрел и в то же время прислушивался к неугомонному шуму пробуждающегося войска. Десятники и сотники поднимали воинов:

— Вставайте, вставайте! Отправляемся дальше!..

Слышалось знакомое движение — движение готовящейся к походу армии: лязгало оружие и доспехи, доносились ржание и топот коней, приглушенный кашель. Ишхан расхаживал перед шатром. Он не мог определить, сколько прошло времени, но вдруг послышался условный свист, чей-то негромкий голос откуда-то снизу, из тьмы, сообщил:

— Идут... Наши...

Действительно, это вернулась разведка во главе с Гнелом и двумя сыновьями ишхана. Они подтвердили сказанное первым воином-лазутчиком. Враг подошел ближе, стоит по другую сторону холмов, что напротив них, и как будто собирается двигаться сюда.

«Значит, персы решили занять холмы, помешать нашему продвижению», — подумал ишхан.

— Надо их встретить. Выступаем! — сказал он стоящим рядом старшим и младшим военачальникам, которые ждали его решения. — Хоть спарапет Мушег и хотел наступать вместе с нами, промедление может принести всем нам гибель...

— А тьма нам не помешает, ишхан? — спросил Гнел, удивленный тем, что решено напасть на врага ночью.

Военачальники, собравшиеся у шатра, оживились. Молодой Гнел сказал то, о чем все думали, но не решались произнести вслух.

— Воин должен видеть врага, ишхан... Чтобы метко послать в него стрелу, — осторожно заметил один из них.

Но ишхан нисколько не обиделся на это замечание.

— Ты прав, дружище, — мягко сказал он. — Но разве я предлагаю идти в бой с луками и стрелами? Нападение наше будет особенное. Мы не дадим персу занять холмы, что перед нами.

— А что можно сделать в таком мраке? Как будем действовать? — зашептались вокруг князя.

— Сейчас попробуем,— сказал ишхан Камсаракан и распорядился отправить два десятка воинов в ближайшую деревню за шестами и еще нескольких — за растительным маслом из войсковых запасов.

При этом распоряжении стоявшие вокруг командиры обменялись удивленными взглядами. Даже сыновья ишхана не поняли мысль отца и переглянулись. Сотники, к которым относились слова командующего, побежали выполнять приказ.

Между тем отдыхавшее на склоне горы и в овраге войско продолжало готовиться. Тьма вокруг шатра словно бы извивалась и бурлила. Отовсюду доносилось бряцание оружия и лат: воины надевали свои доспехи.

Вскоре к шатру Камсаракана один за другим стали подходить командиры. То и дело слышалось негромкое:

— Приказ твой выполнен, ишхан. Войско готово.

Подошли и двадцать воинов с охапками длинных, как копья, деревянных шестов. Несколько человек принесли глиняные кувшины с маслом.

— Готово, ишхан,— сказал молодой командир, войдя в шатер.

И Камсаракан, от глаз которого не ускользнуло общее любопытство, словно желая придать еще более таинственности своей затее, распорядился:

— Обмотать концы шестов тряпками, облить эти тряпки маслом и поджечь!

Приказ ишхана тут же был выполнен. Когда десятки факелов вспыхнули вокруг шатра, мрак словно сжался, отступил от этого развевающегося пламени, стал виден шатер командующего и группа военных перед ним. Рядом с шатром стояли кони ишхана и его сыновей, кося на огонь крупные умные глаза. Поодаль виднелись стражники в доспехах и шлемах. с копьями в руках.

Зажгли еще несколько факелов, и Камсаракан приказал:

— Факельщики! Рассыпаться пошире и — вперед! Армия — за ними!..

Факелы разбежались по склону вправо и влево, двинулись вперед. От этих огней тьма словно разорвалась на части.

Войско, будто завороженное, двинулось за факелами, его словно влекла за собой игра этих огней. Все уже знали: надо захватить холмы, поднимающиеся перед ними,— чтобы их не занял перс. Воины чувствовали, что эти огни должны напугать врага.

— Огнепоклонникам — огонь! — послышался чей-то веселый голос.

— Как бы не подумали, что и мы превратились в огнепоклонников! — отозвался кто-то другой.

Между тем некоторые командиры полков все еще опасались, что персы, увидев освещенных армянских воинов, могут пустить в них из темноты стрелы. Один из молодых команди-

ров даже подошел с этим вопросом к ишхану, который уже сидел верхом на коне.

– Ишхан Камсаракан, не получится ли так, что перс увидит нас и пустит стрелы? – сказал он робея.

– Не бойся, сын мой, – сказал командующий. – Погасить всегда успеем. Факельщики идут далеко впереди войска. Мы еще поговорим на холмах об этом, когда увидим действие огней.

Войско быстрым шагом продвигалось вперед. Через час факельщики, а за ними и вся армия были уже на вершинах нескольких холмов. В глубокой тьме перед ними лежала долина, и оттуда доносились странные крики, разноголосый шум. Ржали кони, иногда отчетливо долетал звон оружия и доспехов.

– Персы побежали! – сказал кто-то. Эти два слова пронеслись среди воинов, и вся армия покатилась вниз, в долину. Факельщики, размахивая своими шестами, бросились вперед... Полки, не ожидая приказа, двинулись за их огнями. Враг побежал, – значит, надо его преследовать.

У персов началась паника. Это чувствовалось не только по конскому топоту и удаляющемуся лязгу оружия. Внизу слышались яростные крики, команда на персидском:

– Назад! Стой, куда бежишь! Стойте!..

Но конский топот удалялся, вместе с ним затихал вдали и гул бегущих ног. Персы убегали от этих странных огней, которые чудом вдруг возникли среди темной ночи на вершинах гор, как грозное предзнаменование, видимо сулящее им бедствия и потери, а армянам – победу. Чувствовалось, что персы убегают к Араксу.

Это бегство врага от огней было явлением новым и для армян. Прием, впервые примененный ишханом Спандаратом Камсараканом, и вызванная им паника в войске врага внушили гордость армянам и придали новые силы.

Во мраке с холмов скатывалась вниз пехота, полки, вооруженные копьями и щитами, лучники с луками и дротиками. А по низинам между холмами продвигалась вперед армянская конница, в тихой ночи земля глухо гудела от топота тысяч копыт, и казалось, что этому потоку конницы не будет конца.

Однако целью ишхана Камсаракана не было это безудержное преследование противника. Он считал достаточным захват господствующих холмов, и теперь, когда его войско стихийно катилось вперед, он вдруг понял, что в темноте, продолжая так продвигаться, его армия может оказаться среди более многочисленных войск противника и к рассвету попасть в окружение. Может получиться и так, что персы, отступая, войдут в город и укрепятся в его стенах. Это было нежелательно, даже опасно. Ишхану Спандарату казалось, что вот-вот его командиры поймут это и остановят войско.

Но армия продолжала катиться вперед с победными криками, не отставая от развевающихся огней. Несколько факелов

погасло. Но на тряпки снова плеснули из кувшинов, и огни запылали еще ярче.

Видя, что войско не останавливается, ишхан натянул поводья и приказал:

– Немедленно остановить всех!

– Будет исполнено! – И несколько всадников, отделившись от свиты ишхана, помчались в разных направлениях и скрылись во мраке, как рыбы, нырнувшие в мутную глубину.

Прошло немало времени, прежде чем войско остановилось. Ишхан послал еще нескольких адьютантов, и наконец один за другим они стали возвращаться, сообщая, что приказ выполнен.

– Все полки стоят? – спрашивал сурово Камсаракан.

– Как было приказано, все!

А между тем мгла постепенно редела, небо на востоке бледнело; за горами, словно освещенные пожаром, румянились облака, загорались вершины дальних гор. И Спандарат Камсаракан на холме, на своем длинноногом синеватом коне, в окружении двух сыновей и нескольких телохранителей, уже ясно видел простиравшуюся перед ним долину и спустившееся туда войско – пехоту и конницу. Он заметил: персы ушли с большой дороги, видно хотели оторваться от погони. Их конница остановилась в долине Аракса, а пехота спустилась к полю, вероятно, чтобы оттуда перейти в город.

Однако теперь и пехотинцы персов не двигались вперед, стояли, как бы выжидая. Стояли настороже и армянские полки: обе стороны, словно очнувшись от сна, как будто осматривали одна другую в полумраке рассвета. Расстояние между ними было не больше полета стрелы.

– Вовремя остановились, – сказал ишхан. – Если бы продолжали двигаться, перс ударил бы на нас с двух сторон... Позиции у нас удобные, теперь можем ждать спарапета.

Но тут же ишхан заметил, что конница персов, перешедшая к Араксу, двинулась рысью к армянам, меча стрелы.

Армянское войско, хотя и не было приказа о наступлении, ответило целым облаком стрел и двинулось вперед.

Между тем персидские пехотинцы, почти целый полк, вдруг начали широким полукругом растекаться по полю. Должно быть, они хотели соединиться с частями, находившимися у реки, чтобы преградить путь армянам и окружить их с трех сторон.

Это движение показалось ишхану опасным. Пришпорив коня, не говоря ни слова, он поскакал с холма. За ним молча последовали его сыновья и ординарцы. Все вместе достигли подножья, и здесь Камсаракан сказал:

– Конницу вперед! Не дать левому крылу персов соединиться с правым! Конницу персов отбросить к Араксу!

Постепенно светало. Словно разрывалась пелена мрака и тумана, открывая новые и новые картины. Горы и холмы, окружающие долину, прорезывались все отчетливее, а город

со своими стенами и садами, казалось, был совсем рядом.

Ординарцы понеслись с приказом ишхана к конным и пешим полкам, и несколько минут спустя часть армянской конницы уже скакала наперерез движущимся конникам персов. Кони мчались, как бы стелясь над землей, их гривы развевались по ветру.

Приблизившись к персидскому войску, армянские конники выпустили облачко стрел. Вскинули луки и персы. Вот, обнажив мечи, оба полка сшиблись...

И начался неожиданный бой. Персы старались соединиться со своими или уйти в город, армяне вклинивались в их ряды, чтобы помешать этому... Через несколько секунд уже трудно было различить, где персы и где армяне. Слышался беспорядочный шум битвы. Дикие пронзительные крики персов смешивались с дружным кличем армян, лязгали, скрещиваясь, мечи, взлетали копья, стучали щиты. Ишхан видел: уже не один воин упал с коня, и сами кони, поднимаясь на дыбы, сбрасывали всадников и убегали из этого яростно ревущего скопища людей и животных.

Опасаясь, что армянским частям будет тяжело, ишхан тут же выслал на помощь два конных полка. Вскоре, уже при ясном свете утра, он увидел, как в двух местах на городских стенах сверкнули витые трубы. Они громко запели, и по этому сигналу часть персидских воинов отступила к воротам и скрылась в городе. Вскоре они высыпали на стены и стали метать стрелы в армянскую пехоту, которая подошла близко к городу, чтобы отрезать персам путь к отступлению. Однако стрелы пока до армян не долетали...

В этот же час позади армянской армии на пройденной ею дороге появилась вооруженная конница. Она неслась во весь опор.

Это был спарапет Мушег со своими ординарцами, телохранителями и конным полком.

На предпоследнем привале он, предусмотрительно оставив царя с его телохранителями отдыхать, еще ночью, подняв конницу, поспешил в Нахчавану, чтобы расположить войска и начать атаку на город. Не найдя ишхана в назначенном месте, Мушег удивился. Когда же, чуть продвинувшись, он услышал шум сражения, удивление его сменилось гневом. Ишхан Камсаракан двинулся вперед раньше, чем они условились. Пришпорив коня, Мушег поднялся на холм и, остановившись здесь, сразу увидел все: бой шел на равнине, уже неподалеку от города. Армянские полки – пехота и конница, по заранее составленному спарапетом плану, должны были напасть с северо-западной стороны, чтобы привлечь все внимание и силы персов и создать впечатление, будто армяне нападают лишь с одной стороны... Было условлено также, что еще один сильный полк

войдет в долину Аракса и займет мост, закроет персам путь для получения помощи. А ишхан Андок с его сюникцами должен был напасть с тыла, спустившись с Еринджака и гор Гохтана.

Теперь битва разворачивалась иначе, и спарапету было неясно, добрались ли воины Андока до назначенного места, успел ли полк занять мост.

Ему казалось, что не выполнено ни то, ни другое решение и армянское войско раньше времени вступило в бой. Теперь дело осложнялось и могло привести к тяжелым последствиям.

– Что они наделали, что наделали! – повторял спарапет возмущенно. Его белый конь ни на миг не оставался спокойным, все время переступал и рыл копытом землю.

– Мои доспехи! Шлем! – крикнул спарапет.

В то время как адъютанты и телохранители надевали на него и на его знаменитого белого скакуна доспехи, с поля боя примчался юноша в доспехах и, спрыгнув с коня, учащенно дыша, поклонился спарапету.

– Господин спарапет, ишхан Камсаракан велел встретить тебя и сообщить...

– Что мой приказ не выполнен? – перебил спарапет гневно.

Юноша – это был Гнел Андзеваци – смутился на секунду, но, сразу же подтянувшись, продолжал взволнованно, но связно рассказывать о том, что произошло ночью. Упомянул, конечно, и о факелах. Его крупные черные глаза словно кипели огнем.

– Так, – смягчился спарапет, уже одетый в доспехи, и посмотрел на юношу испытующим взглядом. – Иначе ишхан и не мог поступить. Не предусмотрели мы... А какие вести от ишхана Андока?

– Никаких вестей, господин спарапет, – снова подтянувшись, ответил Гнел. – Гонца от него пока нет, а наши гонцы, посланные его искать, еще не вернулись.

Спарапет молча покачал головой. Если Андок опоздает со своими сюникцами, для армянского войска, сражающегося под стенами города, создастся тяжелое положение: полки могут потерпеть жестокое поражение, сражаясь под тучей стрел, летящих с городских стен, лишь на одной линии, лицом к лицу с персидским войском, вышедшим из города.

– Так невозможно, – проговорил спарапет. – Скажи ишхану, чтобы не держал все войско в одном месте. Пусть разделит армию и отвлекает противника в трех местах, пока не получим весть от Андока.

Молодой Гнел поклонился, приложив руку к сердцу, ловко вскочил в седло и ускакал, оставив Мушега в тяжелом раздумье. Было о чем подумать спарапету. Ведь старик Андок, еще не добравшись до своих сюникцев, мог попасть в руки персидских разведчиков. Он вышел из Двина лишь с небольшой группой – всего пятьдесят человек. Спарапет хорошо знал

путь, по которому должен пройти ишхан Андок. Были ведомы ему опыт и осторожность Андока. Вряд ли могли попасть на ту дорогу персы, и не так-то легко захватить врасплох старого ишхана. Тем не менее молчание Андока тревожило. Однако бой уже начался, нужно было принимать решение.

— Пошлите на помощь нашу конницу, — приказал спарапет и сам, полностью вооруженный, в шлеме, украшенном перьями, и с копьем в руке, готовый к бою, тронул своего Белого. За ним двинулись и телохранители, среди которых был Раат, тоже в доспехах, в шлеме и с длинным копьем, конец которого упирался в стремя. Так и не найдя свою Назени в Двине и не узнав, куда же она ушла с матерью, он все время думал о ее судьбе. Ведь персы могли увезти ее и в Нахчаван. Раат надеялся, что, когда город будет взят, ему удастся хотя бы узнать что-нибудь о них от армянских пленных. И он с нетерпением ждал, когда армия двинется на приступ — брать городские стены... Чтобы не выдать волнение, он часто отворачивал свое лицо от друзей и смотрел в сторону города.

А спарапет, продвигаясь вперед, замечал, что битва становится отчаяннее. Местами армянские и персидские войска так перемешались, что, если бы не армянское знамя, он не узнал бы, держится ли еще армия Камсаракана. В других местах сражающиеся стороны стояли на довольно большом расстоянии одна от другой, меча стрелы с такой быстротой, что в воздухе между ними, ни на миг не обрываясь, как бы висел мост из стрел. В поле часть армянской пехоты слишком далеко продвинулась и попала в тяжелое положение: с одной стороны ее осыпали стрелами поднявшиеся на городские стены персидские стрелки, а с тыла ей угрожал вражеский полк копьеносцев. Но в дело вмешалась армянская конница, она остановила персов и сама пробивалась на помощь к своей пехоте... Все эти полки и отряды с яростью шли друг на друга, топча сухую землю осеннего поля и поднимая огромную тучу пыли, в которой сражающиеся иногда совсем исчезали. Спарапету казалось, что армяне терпят поражение. Однако, проследив за движением облаков пыли, он заметил, что эта пыль перемещается к городу и вовсе не из-за ветра, а потому, что армяне идут вперед

«Значит, наши теснят персов», — подумал Мушег, следя за этой пылью, в которой иногда сверкали мечи или мелькали конские головы. Огромная масса людей и лошадей словно извивалась в туче пыли...

А между тем солнце уже поднялось из-за гор, и Нахчаванская долина, город и его окрестности были залиты его щедрым светом. С удивительной четкостью проступили горы. Волнами, словно стремясь достичь друг друга, они вздымали свои вершины, и среди них заметно выделялась остроконечная глава Одзасара. Но особенно ярко было освещено поле боя: большую часть долины покрывало огромное позолоченное солнцем облако пыли, и в нем то там, то тут вспыхивали огнями клинки и стальные доспехи.

Конница, посланная спарапетом, мчалась во весь опор, обнажив мечи. Она уже почти достигла цели, и спарапет почувствовал, что ее свежие силы внесут в битву решительный перелом. Но именно в это время Мушег заметил: из городских ворот валила персидская пехота, спеша на помощь своим.

– Оттянуть войска от стен! Чтоб стрелы не долетали! – закричал спарапет ординарцам и телохранителям и хотел было, пришпорив Белого, броситься вперед, но тут он заметил, что большой полк армянской конницы вытягивается из-за холмов и с поднятыми мечами несется к городу, к персидскому войску, выходящему из ворот. Эту конницу возглавлял сидящий на синеватом длинноногом коне плечистый всадник в шлеме. Мушег узнал ишхана Камсаракана.

«Откуда он появился?» – обрадованно подумал спарапет. Он еще не знал, что ишхан с этой конницей час назад утопил в реке большой отряд персов и захватил мост. Теперь он спешил возглавить бой.

Быстро приближавшуюся конницу Камсаракана заметили и выходившие из городских ворот персидские войска. Сразу же в сторону конников ишхана полетели стрелы и копья.

В это время случилось неожиданное. Вместо того чтобы лететь вперед, конница Камсаракана вдруг повернула и стала отходить. Начали отступать и другие армянские полки, сражавшиеся у стен. Ишхан, видя, что его войско слишком близко подошло к стенам города, решил отвести его. Засевшие на них персидские лучники осложняли дело, а отойдя, можно было увлечь за собой и персов и сдерживать их там до прихода сюникцев ишхана Андока...

А спарапету казалось, что армяне попросту терпят поражение. Он уже собирался помчаться на поле битвы и своим присутствием воодушевить воинов, как он всегда поступал в трудные и тяжелые минуты, но вдруг за его спиной послышался топот копыт и голос одного из телохранителей:

– Государь едет!.. Государь!

На лице Мушега, обрамленном курчавой бородкой, промелькнула досада. Обернувшись, он увидел большую группу всадников, впереди которых на своем золотистом черногривом коне скакал царь Пап. Красная мантия его и волосы, доходившие до плеч, развевались от быстрой езды. Царя, как всегда, сопровождал Иеремия Аматуни на черном коне. Дощечка, покрытая воском, подпрыгивала на его бедре от скачки. Рядом с царем был и Бат Сааруни, его пламенно-рыжеватый конь скакал, отвернув голову направо, будто родился с кривой шеей. Около двухсот человек свиты – все сыновья нахараров и сепухи, блистая доспехами и оружием, составляли сопровождающий царя отряд.

Согласно принятому обычаю, спарапет и его ординарцы сошли с коней и склонили головы перед царем.

– Почему ушел без нас, спарапет? – с укоризной сказал Пап, натягивая поводья.

— Государь, так поступить меня вынудил прежде всего мой долг. Кроме того, тебе следовало отдохнуть.

— В такое время!..— сказал Пап и проехал дальше, чтобы увидеть поле сражения. Мушег подошел к Бату Сааруни.

— Почему не удержали?

— Не захотел остаться, спарапет. Когда услышал, что ты уехал, приказал немедленно отправляться.

— Так держите его хоть здесь! Это я поручаю тебе, Сааруни!

— Будет исполнено, спарапет,— откликнулся Бат.

И Мушег, опять сев на коня, подъехал к царю, который пристально наблюдал за битвой.

— Наших теснят, спарапет,— сказал Пап встревоженно.— И ты спокоен?..

«Этот юноша делает мне замечание»,— подумал спарапет, усмехнувшись.

— Я хочу, чтобы ты тоже был спокоен, государь... Это война. Подождем... Ишхан Камсаракан не даст персам одолеть его.

Спарапет говорил так, чтобы успокоить царя, а сам, как и его белый конь, рвался к месту боя. Но сдерживал себя, знал — если сам сдвинется с места, Пап тоже не удержится, поскачет за ним, как это уже бывало и раньше в других боях.

— Ты говоришь «подожди», спарапет, но посмотри, наши отступают! Надо ехать туда, спарапет.

— Подождем, государь. Ишхан отвлекает врага, а когда получим вести от ишхана Андока, пойдем в наступление.

— Значит, дедушка еще не подал вестей о себе? — удивился царь.— Что бы это могло...— Он не закончил, напряженно подался вперед.— Спарапет, смотри! Из городских ворот выходит подкрепление...

— И ведет их кто-то очень важный,— добавил Иеремия.

Действительно, из городских ворот выступил отряд конницы, впереди которого, подняв меч, ехал крупный осанистый человек. Его доспехи и высокий шлем сверкали под солнцем желтоватым блеском.

Это был персидский полководец Зик.

Выехав из ворот, персы в густом облаке пыли сразу же помчались с обнаженными мечами к коннице ишхана Камсаракана, которая отступала, сражаясь с другим отрядом. Было видно: персы хотели биться только мечами.

Пап, Мушег и все вокруг них заметили это сразу. Особенно когда персидский воин с обнаженным мечом отделился от своих и погнал коня прямо к ишхану Камсаракану. Перс еще не добрался до ишхана, а от армянской конницы уже отделился всадник и, припав к своему коню, понесся навстречу персу. Они сшиблись. Меч перса отлетел в сторону, вторым ударом армянский воин сбросил врага на землю и поскакал назад.

— Кто этот храбрец? — спросил Пап, который не отрываясь следил за этим поединком.

— Из рода Андзеваци – Гнел, государь,— сказал Мушег узнав в юноше гонца, который недавно был у него.

— Достоин награды,— заметил Пап.

Как только новый отряд персов приблизился к месту сражения, на него опустился поток стрел, выпущенных конниками, отделившимися от полка ишхана Камсаракана. Их вел тот же Гнел Андзеваци.

Пуская одну за другой стрелы, эти конники сразу же поскакали в сторону, увлекая часть персов за собой... Отряд Зика, устремившийся на ишхана, разделился. А Камсаракан со своим полком продолжал сражаться, медленно отступая. По полю бегали кони, потерявшие седоков. Некоторые из них, упав, бились на земле.

— Спарапет, мне кажется, наши терпят поражение,— сказал Пап, поджав губы и бледнея.— Жаль, мы не пошли...

Спарапет молчал, он тоже был обеспокоен, но сдерживал себя и выжидал перелома в битве. Персы сражались яростно и, несмотря на то что многие из них падали, пронзенные стрелами, выбитые из седла копьями и мечами, тем не менее продвигались вперед, как всегда с дикими криками и ругательствами. Взмахивая мечами, они врывались в ряды армян, и тогда все смешивалось, и в туче пыли опять лишь сверкало оружие и мелькали головы вздыбившихся коней. То тут, то там показывались знамена, и похоже было, что знаменосцы торопливо уносили их с поля битвы.

Противник явно теснил армян, которые хоть и защищались, но отходили.

— Поедем, спарапет! Не могу больше,— сказал Пап, и его правая щека начала нервно подергиваться.

Но едва он произнес эти слова, как вдруг тонко прозвенела труба, возвещавшая отступление, и персидские лучники, находившиеся на городских стенах, стали быстро спускаться вниз.

Это удивило и спарапета, и царя, и окружавших их воинов.

«Хитрость со стороны персов или же по-настоящему отступают?» – подумал спарапет и сразу же заметил: ряды персидской конницы, вышедшей из города против армян, расстроились, всадники повернули коней и быстро поскакали к воротам. За ними, подчиняясь звуку трубы, стали пятиться, стягиваясь к городу, и другие персидские части.

Все это произошло так неожиданно, что армянские воины на миг остановились в недоумении: не было ли это бегство ложным? Не собирались ли персы подтянуть армян к городским стенам и опять окатить их ливнем стрел?

Так думал и ишхан Камсаракан. И хотел уже приказать, чтобы армия остановилась. Но тут со своего длинноногого коня он заметил, что отступавшие персидские отряды вдруг остановились, сбившись, перед городскими воротами. А из ворот в панике и с криками выбегали воины и невооруженные люди. Пешие и конные, смешавшись, бежали к реке, к мосту, не зная, что он уже занят конниками Камсаракана. В пыли и толчее

всадники били дротиками тех, кто закрывал им отход, пешие теснились между конями, копьями прокладывая себе дорогу. В эту давку вливались и те персидские части, что отступали с поля.

При виде этого застывшее было армянское войско с победными криками хлынуло вперед. Во главе конницы скакал юноша с развевающимися по ветру волосами, поблескивая обнаженным мечом.

Но на пути армян встал персидский конный полк — видимо, прикрывая отступление. Армянские конники врезались в него, и опять завязалась отчаянная сеча. В этой схватке поднимались щиты, катились шлемы, падали люди, кони, сливались воедино крики и лязг оружия, стоны раненых, ржанье и хрип коней.

А подошедшая к городу пехота армян уже слышала доносившиеся из-за стен звуки еще более отчаянной паники: там тоже звенело оружие, шумел бой.

Что произошло — никто не мог сказать. Было ясно только: персы, придя от чего-то в ужас, убегали к мосту, чтобы укрыться на той стороне реки. Не знали они, что ждет их на этом мосту.

Невдалеке от ворот между наступающими армянами и бегущими персами шла еще одна отчаянная схватка, в которой воины с обеих сторон пускали в ход пики, копья и мечи... Армяне хотели ворваться в город и запереть ворота, чтобы захватить врага в плен. Персы пробивались к мосту.

Но вот в воротах вдруг показались конные сюникцы в их черных остроконечных шапках. С обнаженными мечами они налетали на отступавших персидских воинов, рубили и кололи врага. Персидский полк, прикрывавший отступление, дрогнул, смешался и, давя бегущих, двинулся к реке...

Тут и объяснилась та загадка, которую никто не мог разгадать — ни царь, ни спарапет, смотревшие издали, ни сам ишхан Камсаракан, командовавший войсками.

Два часа назад сюникцы ишхана Андока напали на Нахчаван с тыла и, проломив ворота, около которых не было даже стражи, ворвались в город. Началось ожесточенное побоище.

Несколько дней назад, узнав от гонца, посланного ишханом Андоком, что старый нахарар велел им быть готовыми и прибыть в Ехнакар, сюникцы сразу же с трехдневным запасом еды добрались до назначенного места и затаились в лесу. А когда через день добрался к ним второй гонец и сообщил, что ишхан ждет их в Гайладзоре, чтобы напасть на Нахчаван, и что из Двина тоже идет войско, сюникцы не стали терять времени и в полном вооружении спустились вниз, к месту встречи. Гайладзор заполнился приветственными криками. Окружив ишхана, сюникцы ждали его распоряжений.

— Ну, дети мои, терять время больше нельзя, — сказал Андок. — Ишхан Камсаракан со своей армией добрался до Нахчавана и уже сражается... Поспешим на помощь!..

Ишхан Андок, оказывается, послал своего гонца к спарапе-

ту, но этот воин, издали увидев, что битва уже началась, не теряя времени повернул обратно и помчался сообщить об этом. И старый Андок со своими конными сюникцами полетел к Нахчавану... Вот почему гонцы Камсаракана не обнаружили его в назначенном месте...

Ворвавшись в город, воины ишхана Камсаракана увидели на улицах немало убитых сюникцев и персов. Множество раненых пряталось по углам. Разъяренные сюникцы волокли из домов укрывшихся там персидских воинов и, отняв у них мечи, этими же мечами рубили им головы и руки.

Увидев это, ишхан Камсаракан закричал:

– Сейчас же прекратить!

Сюникские воины, как бы очнувшись, удивленно посмотрели на него.

– А эти собаки щадят нас? – запальчиво крикнул один из них.

Ишхан почувствовал в его голосе непокорность.

– С вами говорит ишхан Камсаракан.

Сюникцы сразу отрезвели и, отпустив захваченных персов, почтительно столпились вокруг командующего, рассматривая его шлем, доспехи и коня. Окончательно придя в себя, они бросились к ишхану и его телохранителям...

Воины двух полководцев радостно обнимались, как истосковавшиеся родные, хотя и видели друг друга первый раз. Эта бурная, восторженная встреча, наверное, длилась бы долго, если бы Камсаракан не спросил:

– А где же ишхан Андок?

– Господин, наш ишхан тяжело ранен... Там он, на площади.

Лицо Камсаракана потемнело. Застонав, он пришпорил коня и поскакал туда, куда указал сюникский воин.

В центре небольшой площади собралась большая толпа воинов с конями и луками, с ними был и сын Андока Бабик. Все они окружили покрытую ковром тахту, на которой с закрытыми глазами, вытянувшись лежал старый ишхан.

Андок был неподвижен. Его густые седые усы, похожие на полусложенные крылья белого голубя, поникли, одна сторона смуглого лица была в крови.

Камсаракан спустился с коня и подошел к старому воину, который дышал часто и неровно. Он был ранен в голову, его рана Камсаракану показалась смертельной, и тут только ишхан понял, почему у сюникцев были такие суровые взгляды.

Он нагнулся к старику и хотел заговорить с ним. Но в это время на площадь въехали царь и спарапет со свитой. Пап спрыгнул с коня, подбежал к Андоку и почти упал ему на грудь.

– Дедушка, это я!..

Услышав голос внука, старик вдруг открыл глаза и пристально посмотрел на него. Глаза его опять закрылись, и,

кряхтя, словно пытаясь сбросить с груди тяжелые камни, он проговорил:

— Кончено, Пап... Нахчаван свободен, но... но нет моей Парандзем...

Он долго молчал, потом опять в полной тишине послышался его слабый голос:

— Отдай меня... моим сюникцам... Пусть похоронят в наших горах...

Пап наклонился к лицу деда:

— Я повезу тебя в Двин, буду лечить твою рану...

Некоторое время ответа не было слышно. Но вдруг усы шевельнулись.

— Нет... — прошептал старый ишхан и умолк. Его тело вздрогнуло, чуть приподнялись белые усы — и опали...

На город словно сошла тишина. Окружающие склонили головы над телом старого бойца, некоторые глубоко вздохнули и перекрестились.

В глазах многих воинов показались слезы. А один из сюникских военачальников подошел к Андоку, переложил его протянутые вдоль тела руки на грудь — крест-накрест — и, поцеловав правую кисть старика, отошел.

Его примеру последовали Пап, сын Андока — Бабик, Мушег, Камсаракан и все стоявшие вокруг.

В эту грустную и торжественную минуту тишина вдруг была прервана громким конским топотом, и кто-то, осадивший коня, задыхаясь крикнул сзади толпы:

— Господин спарапет! Здесь были пленные армяне. Мы освободили их! Есть пленные и в других местах...

— Всех пленных армян освободить немедленно! — распорядился спарапет.

А другой всадник, примчавшийся вслед за ним, громко возвестил:

— Мы захватили коменданта крепости, полководца Зика и других военачальников.

Спарапет поднял опечаленное лицо и круглыми черными глазами посмотрел на принесших известия сотников. Его грустные глаза вдруг изменились, стали глазами разгневанного орла.

— А Меружан! Меружан!!

— Нет его, господин спарапет...

Спарапет прикусил губу и приказал:

— С пленных содрать кожу... Набить сеном и выставить на городских стенах.

Он еще раз взглянул на умершего ишхана, потом на Камсаракана и сказал опять упавшим голосом:

— Ишхан Спандарат... Тяжело потерять ишхана Андока... Но наше дело еще не кончено. Преследуйте, ишхан, убегающего врага! Гоните! Топите в реке!

Потом, подойдя к Камсаракану, шепнул ему на ухо:

— Царя отправлю в Двин и сразу же последую за тобой...

— Добро,— коротко ответил Камсаракан и, с помощью телохранителей усевшись на длинноногого синеватого коня, кивнув сыновьям, поехал исполнять приказ спарапета.

Отряд телохранителей и сыновья двинулись за ним. А Раат, не спросив разрешения спарапета, отделился от его свиты и поскакал туда, где, как говорили, есть пленные армяне.

Может быть, там Назени?..

Раат скакал так быстро и был так взволнован, что не чуял под собой коня. Вдруг спохватился: куда ехать? Впереди ехал сотник, вез приказ спарапета. Раат догнал его:

— Далеко пленные?

— Не очень.

— Женщины, девушки есть среди них? Или одни мужчины?

— Этого не могу сказать,— ответил сотник, подстегивая коня.

До их прибытия армянские воины и местные жители, вышедшие из убежищ, успели взломать двери подвалов и выпустили всех пленных. Когда Раат подъехал, улица была запружена возбужденной толпой. Он и сам не заметил, как спрыгнул с коня и протолкался вперед. Сердце застучало сильнее. Влажными жадными глазами он смотрел на пленных, особенно на женщин и девушек, которые на радостях забыли свою обычную стыдливость.

Изможденные и бледные, похожие на привидения, плача от радости, они обнимали друг дружку, обнимали армянских воинов.

— Да будет благословенна ваша дорога! — говорила пожилая женщина, обнимая одного за другим армянских воинов, как мать родных сыновей.— Вы спасли нас. От ада, от мук!

Казалось, что люди обезумели в плену или же радость спасения от гибели пошатнула их душевное равновесие. Многие женщины не могли стоять на месте, бегали по просторному двору, кого-то искали, целовали и плакали. Иные выкрикивали чьи-то имена, должно быть, имена родных, но, не получая ответа, плакали, били себя кулаками по голове и коленям. Некоторые плакали беззвучно, улыбались сквозь слезы.

Раат, продвигаясь в их толпе, почему-то чувствовал, что вот-вот увидит Назени, вот-вот она появится и, плача и смеясь, бросится к нему. Он искал лишь ее лицо, ее крупные темные глаза, стройную фигуру.

Но Назени не было видно. Не было и ее матери... Ведя коня за узду, Раат перешел к другой женской группе.

— Двинцы есть среди вас?

— Есть, солнышко мое, есть. Есть и двинцы, и арташатцы, и вагаршапатцы,— ответила крепкая, красивая женщина.— Из всех мест есть, солнышко мое, из всех мест...

Вдруг она замолчала и, пробежав несколько шагов, обняла воина с копьем, стала целовать его.

— Осеп! Мой Осеп, ты ли это?.. Мой ненаглядный, неужели ты? — повторяла она. — Неужели ты?

— Я, я, — сказал воин. — А где же Айцемник, где матушка Анна?

— Айцемник... — горестно вздохнула женщина и покачала головой. — Увели нашу Айцемник, Осеп мой, увели! Разлучили со мной и увели... Ослепнуть мне...

Раат отвернулся, чтобы не видеть боль этой женщины, и заметил, что из большого каменного погреба все еще выходят пленные. Он прошел туда. Среди пленных здесь были почти все — священники и дьяконы.

— Святой отец наш остался там. Святой отец... — говорил кто-то.

— Ведут его, ведут, — ответил другой.

И вскоре из сарая вывели старого священника с широкой бородой и с крупными выразительными глазами.

— Свободу нашим полоненным братьям! — говорил он голосом, словно доносящимся из пропасти, напевно, как будто читал молитву. — Свободу нашим братьям!.. Меч армянский могуществен!.. Молитесь, братья, ликуйте!.. Меч армянский могуществен...

Женщины, услышав его, стали плакать, а мужчины нахмурились, старались сдержать слезы.

Старика усадили на камень, он смолк и будто успокоился.

В это время Раат подошел к другой группе, на которую указали как на двинцев.

— Есть здесь двинцы? — спросил он.

— Есть, есть! — отозвались из дальнего угла двора.

Раат повел коня на этот голос. Вскоре он увидел воина в шлеме, с луком на плече и с колчаном у пояса. Он стоял в окружении большой группы мужчин и женщин. Воин рассказывал:

— Мы пришли, ночью пришли с факелами... Ишхан приказал сделать факелы из шестов... Персы в темноте как увидели эти огни, как пустятся бежать... До самого города... Мы с божьей помощью, с помощью сюникцев...

— Бог пусть будет заступником нам и опорой! — стали креститься в толпе.

Раат подошел. Он не знал — как бы поосторожнее спросить о Назени. Какая-то внутренняя сила не позволяла ему говорить о своих чувствах перед этой измученной, убитой горем толпой. К тому же он стеснялся открыто, при всех произнести имя своей невесты. Могли спросить, кем она ему приходится, почему он ею интересуется. К счастью, один земляк узнал его.

— Раат, Раат дорогой! — Это был худой, изможденный человек средних лет. — И ты здесь?.. Иди сюда, солнце мое, иди... Вы спасли нашу душу. — И он обнял, расцеловал воина, как родного брата. — Наш Раат — телохранитель спарапета, — повернулся он к соседям.

Но и без его слов остальные двинцы уже окружили Раата,

несколько человек потянулись поцеловать его, некоторые запросто припали к плечу, устало улыбались.

— А где спарапет? Где он, да будет благословенна его десница...

— Здесь, здесь, — ответил Раат, по очереди оглядывая двинцев и думая, кого же из них спросить о Назени. Наконец, увидев, что нет никого подходящего, он сказал: — А нет ли здесь других двинцев?

— Есть, это мы и еще несколько женщин и девушек, они там.

— Где? — спросил Раат, беспокойно оглядываясь.

— Там, дорогой, — указал тот, кто первым узнал его. — Ты кого ищешь?

Раату вдруг так захотелось увидать этих пленных женщин, что он даже не ответил на вопрос, повел коня туда, где они сидели, приводя в порядок свою одежду. Поздоровавшись, спросил, не из Двина ли они.

— Да, исконные двинцы, братец, — ответила одна, вытирая слезы со щек. — Чтобы ослепли эти персы... Выгнали нас из нашего города и привели сюда...

Пока женщина говорила, Раат окинул взглядом всю группу. Назени не было и здесь.

— А другие женщины здесь из Двина есть или только вы? — спросил он.

— Только мы, братец, только мы, — сказала женщина. — Были раньше еще двинцы, увели их поганые. Десять дней назад увели.

У Раата словно перехватило дыхание.

— Это женщины были или мужчины?

— И женщины и мужчины. Ты кого ищешь, братец?

— Я? — Раат запнулся, не зная, чье имя назвать.

— Говори, говори, я всех двинцев знаю, — сказала женщина, заметив его колебание.

— Меня просили узнать, не было ли среди пленных жены и дочери оружейника Зомы? — сказал он, краснея.

— Оружейника Зомы? — задумалась женщина, словно припоминая.

— Да, дочь зовут Назени, если ты их знаешь.

— Назени... — протянула женщина в сомнении. — Было такое имя, братец, но я не узнала, чья она дочь... Была ведь такая? — обратилась она к другим женщинам.

— Я их знаю, — выступила вперед сухая старушка. — Ты кем им приходишься?

— Я? — Дыхание Раата опять словно перехватило. — Родственник их.

— Родственник! Нет, их здесь нет, они не в плену.

— Точно знаешь? — Раат облегченно вздохнул.

— Точно, точно. Они ушли из Двина, когда персы еще не вступили в город.

— Правда?

– Правда, братец, правда, как тебя вижу. Ушли они...

– А в какую сторону?

– Этого не скажу, братец. Своими глазами видела, как они прошли по площади. Вот как тебя вижу...

– В какую же сторону пошли? – перебил нетерпеливо Раат.

– В какую? Ну как я могу знать... Пошли, наверно, в лес Хосрова или в Гарни. А может, и в Варажнуник...

– А дороги в то время были свободны? Не было опасности? – Раат пристально всматривался в глаза старушки, словно пытаясь прочесть в них ответ на свой вопрос.

– Не могу этого сказать, сынок. Случалось, что на дорогах и хватали, уводили в плен, как меня...

Раат, который успокоился было, вдруг опять помрачнел. Значит, могло статься, что и в плен попала...

Он постоял неподвижно, глядя на пленных женщин, потом молча потянул за собой коня и зашагал вдоль улицы.

Он шел, и перед его глазами опять была Назени. Вспомнился тот миг, когда после прощания, уже уходя, Раат вдруг оглянулся. Назени стояла в воротах сада и смотрела ему вслед. Ее взгляд, полный тревоги, словно толкнул Раата в грудь, и он вернулся.

– Не грусти, Назени... – сказал нежно.

Назени опустила голову. Две слезинки скатились по ее щекам и упали.

– Ты плачешь, Назени? – подошел к ней Раат. – Почему? Говори, не стесняйся...

Назени медлила. Потом проговорила тихо:

– Война затянется, ты уйдешь далеко, и... мы больше не увидимся...

– Этого не может быть! – почти закричал он. – Нет, Назени, война долго не продлится.

Но Назени опять молча вздохнула.

– Неужели не веришь мне, Назени?

– Не знаю. – Она вздохнула. – На сердце у меня неспокойно... Мне кажется, это у нас последнее свидание.

– Почему, почему ты так думаешь?

Назени опустила голову на грудь, и опять из ее глаз закапали слезы.

– Сама не знаю почему... Сердце подсказывает, Раат, – сказала она, впервые называя его по имени, – сердце чует, что мы можем потерять друг друга и... больше не найти...

– Нет, Назени, нет, этого не будет. Война скоро кончится, и мы обвенчаемся, – обнадежил ее Раат, однако не очень уверенно.

Назени молчала, опустив глаза.

– Говори, говори, Назени, почему молчишь? Говори, что ты хочешь?.. Что я должен сделать?..

– Возьми меня с собой. – Назени подняла влажные глаза. – Я боюсь.

Раат удивился:

— Чего ты боишься, Назени?

— Что потеряем друг друга... — И, не договорив, заплакала.

Вспомнив все это, Раат тихо застонал.

«Так и получилось, — подумал он. — Сердце Назени чуяло верно. Как сказала, так и случилось, мы потеряли друг друга... Но неужели больше не увидимся?..»

Оружейник Зома убит, это точно, но где были Назени с матерью? Угнаны в плен или спаслись, приютились где-то? То, что сказала пленная старушка, говорили и соседи в Двине... В самом деле, где же они?..

Неопределенность приводила Раата в отчаяние. Особенно он мучился, когда чувствовал в кармане на груди обруч для волос и серьги. И теперь он шел, ведя за собой коня, не замечая проходивших мимо воинов. Добравшись наконец до узкой улицы, он ощупал на груди подарки, привезенные для Назени. Две слезинки вдруг скатились из его глаз. Он вздохнул, вытирая щеки.

— Раат! — вдруг услышал он рядом. — Что случилось?.. Ты плачешь?

С ним поравнялся всадник — один из телохранителей спарапета, друг Раата — Атом.

С большим трудом удалось Мушегу убедить царя Папа вернуться в Двин и предоставить преследование противника войскам и спарапету. Пап отправился небольшой свитой в путь, глубоко опечаленный смертью деда и досадуя на то, что не захватили Меружана. В пути он не раз возвращался к мысли, что надо устроить в Двине для народа пир победы. Хоть потеря деда причиняла ему глубокое горе, все же он не раз думал об этом торжестве как о деле необходимом. Нужно было утешить народ и дать ему понять, что сражением под Нахчаваном война окончилась, враг изгнан за пределы страны, надо, стало быть, восстанавливать и благоустраивать города, села, дороги, мосты... И во дворце надо будет убрать покои царицы, обставить их мебелью и послать людей за женой и сыновьями, пока не наступила зима.

Но, вернувшись в Двин, он, к своему удивлению, увидел, что царица с сыновьями уже прибыла. Ее сопровождала большая свита во главе с отцом царицы Багаратом Таеци. В этой свите были и жены Иеремии и Бата, вместе с молодой царицей они ждали в Тайке окончания войны. С ними приехали многочисленные няньки, воспитатели и слуги. Как ни старался ишхан Багарат убедить дочь подождать до конца войны, она не согласилась, поторопилась пораньше добраться до Двина — не хотела оставлять Папа одного. Хорошо зная, как она говорила, вспыльчивый нрав Папа, царица опасалась, что он может броситься в бой, и некому будет удержать его от опасностей.

Вслед за освобождением Нахчавана — такая приятная неожи-

данность! Первыми на лестнице к Папу бросились его сыновья – Аршак и Вагаршак, похожие друг на друга мальчики четырех и пяти лет. Царь расцеловал их, приподняв каждого от земли. Сыновья заметно подросли за несколько месяцев. Потом показалась царица, ее тонкое лицо обветрилось в дороге, но крупные черные глаза с длинными ресницами оставались теми же. Та же невысокая фигура, та же походка.

– Как тебе понравился Двин, твои покои? – спросил Пап после первых объятий.

– Очень хорошо везде, – сказала царица. – Айр-Мардпет нас принял прекрасно. Какой добрый человек! Он сделал все, чтобы мы хорошо себя чувствовали. Какой чудесный человек! Если все здесь окажутся такими же, я буду счастлива.

Пап не ответил на восторг царицы. Отныне, сказал он, начнется мирная жизнь, он надеется, что война закончена, и даже решил, по обычаю предков, устроить для народа пир...

– Пусть хоть на нем забудут перенесенные беды... Нравится тебе моя мысль?

– Конечно, Пап! – сказала царица.

Несколько дней Пап был занят мыслью о «пире победы», даже советовался с азарапетом Аматуни, каким образом все нужно сделать. Но однажды, когда они говорили об этом, быстро вошел старый дворецкий.

– Государь, гонец из Багреванда...

Обычно гонцов принимал начальник канцелярии или азарапет, но на этот раз гонец должен был вручить спарапету срочное письмо и сообщить очень важные вести, а так как спарапета не было в Двине, хотел видеть царя.

Едва лишь дворецкий удалился, как вошел молодой человек с темным лицом, огрубевшим от ветра. Хоть он и стряхнул с одежды дорожную пыль, все же она осталась в складках его капы и на чувяках.

Войдя, он, приложив руку к сердцу, поклонился – сначала царю, потом царице – и затем, шагнув вперед, передал царю запечатанный свиток.

– От начальника крепости Даронк, государь, – сказал он, запинаясь от спешки или, может быть, от смущения.

Пока Пап читал, еле сдерживая волнение и тревогу, царица смотрела то на мужа, то на молодого гонца, пытаясь угадать содержание этого письма, которое было послано так срочно из крепости, находящейся у самой границы.

Пап кончил читать письмо, мускулы его лица играли, как всегда в минуты волнения. Царица это сразу же заметила. Она осторожно спросила, что же пишет начальник крепости, но Пап не услышал ее и обратился к гонцу:

– Что еще можешь сообщить?

– Государь, начальник крепости приказал мне узнать у спарапета, как вести себя, если персы перейдут границу. Но поскольку господин спарапет находится в Нахчаване, я прошу твоих распоряжений, государь.

— Значит, опять персы...— шепнула царица, не в силах сдержать беспокойство.

— Да, Зармандухт, но страшного ничего нет.— Пап старался говорить спокойно.— Это Меружан хочет испортить нам праздник.

Пап не сказал большего, чтобы не огорчать царицу. Начальник крепости сообщал, что, по точным сведениям, Шапур после поражений, нанесенных его армии в последние месяцы, опять собирает войско у границы для нового нападения, которого можно ждать со дня на день. А армянское войско в крепости слишком малочисленно, чтобы сопротивляться бо́льшим силам противника.

Пап не сказал всего этого царице, однако, заметив ее волнение, постарался ее успокоить. Сразу же он отправил гонцов в Нахчаван, чтобы сообщить спарапету и ишхану Камсаракану печальные вести и вызвать их в Двин. В тот день прибыл и второй гонец с тем же сообщением, но на этот раз из Васпуракана от ишхана Смбата Багратуни. Шапур, придя в ярость от последних поражений, собрал новые войска и хочет из областей Гер и Зареванд — этих доступных для врага ворот Страны Армянской — вместе с Меружаном Арцруни вторгнуться в Багреванд и до зимы захватить всю страну. Меружана он собирается посадить в Двине на престол.

«Значит, Шапур решил не давать нам покоя,— думал Пап, ожидая спарапета Мушега.— Что же, сделаем все, что можем и что обязаны сделать».

Спустя несколько дней армянское войско проходило через Вагаршапат в Багреванд. Горожане, заполнив улицы, наблюдали за шествием полков.

Первой двигалась конница Камсаракана, возглавляемая ее рослым командиром-ишханом, который ехал со своими двумя сыновьями. Затем шла пехота, вооруженная копьями, дротиками, луками и стрелами, потом снова конница и опять пехота, конница и пехота. Глухо гудела земля под мерно шагающим войском, лязгало оружие, длинным плотным рядам воинов, казалось, не было конца. Можно было подумать, что проходит не армия, а весь народ поднялся и идет защищать свою страну.

Двигался густой, бесконечный лес копий и пик, сверкая на солнце остриями.

Сначала шли царские полки, потом — полки нахараров с их знаменами, на которых были родовые гербы. Тут были гербы Кенана Аматуни, Дара-Сюни, Адама и Аргама Гнтуни, нахарара Варажнуника, владетеля Вананда ишхана Сета и многих других.

Вслед за войсками ехали царь Пап со спарапетом Мушегом и придворными. С ними был и византийский полководец Теренций в своем пышном наряде, с маленькой группой телохранителей. Во главе дворцового полка ехал Бат Сааруни, а рядом с

ним царский письмоводитель Иеремия, на этот раз в боевых доспехах и в круглой византийской шапке, из-под которой выбивались локоны его темных волос.

За войском ехал и католикос со своими двенадцатью епископами и двенадцатью дьяконами, а в самом конце двигалось множество мулов, груженных продовольствием, палатками, шатрами и другим имуществом. Тут же шли женщины и старики, искусные в перевязывании ран и врачевании, среди них можно было увидеть бывшего поводыря старика Закарэ и золотых дел мастера Газавона.

Жители Вагаршапата, а с ними и все духовенство города, стоя по краям улиц и на плоских кровлях, смотрели вслед проходящим войскам. Многие плакали и молились:

– Господи всемогущий, протяни десницу... Помоги Стране Армянской.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На обширную Дзиравскую долину опустилась ночь. Освещенная яркой луной долина призрачно голубела. Вдали, образовав с трех сторон надежный полукруг, ее словно охраняли горы, и она, казалось, спокойно дремала, нежась в мутно-молочном тумане. Волнистые холмы и бугры, появлявшиеся на ней при дневном свете, казались разглаженными. Даже река – священная армянская Арацани – чуть виднелась. На берегах ее, заглушая шум воды, шелестели под набегавшим ветром заросли тростника.

Лишь несколько деревень чернело в долине, но в них не замечалось признаков жизни. Они были пустынны, покинуты. Однако тот, кто знал эту долину, мог даже при лунном свете заметить здесь кое-что новое, необычное. Правый берег Арацани, еще до вчерашнего дня пустынный и безлюдный, теперь пестрел бесчисленными белыми и серыми палатками, которые, заняв огромное пространство, как бы убегали к подножию горы Нпат.

Кругом царили неподвижность и безмолвие. Правда, это не было похоже на безжизненную тишину деревень: здесь распростер над палатками свои крылья сон. Но не над всеми... У нескольких палаток, особенно крайних, иногда чуть слышно звякали доспехами часовые с копьями в руках. Они казались ставшими на хвосты огромными рыбами, поблескивающими чешуей при лунном свете. Виднелись и стражи, охранявшие весь палаточный лагерь, тоже вооруженные, в доспехах и почти такие же молчаливые и неподвижные. У палаток и чуть подальше от них были привязаны и кони, бесчисленные кони, которые тоже отдыхали, иногда фыркая во сне.

Армянское войско крепко спало после непрерывного, лишь с небольшими привалами, трехдневного похода. Здесь были царская пехота и конница, полки нахараров, разбивших свой

стан на некотором расстоянии один от другого. В каждом полку выделялся своей величиной и охраной шатер нахарара. Но особенно заметны были три шатра, два из них охранялись стоявшими неподвижно вооруженными воинами, а третий – дьяконами и иноками в длинных черных рясах. Самым просторным был шатер Папа, второй принадлежал Мушегу, третий – католикосу Нерсесу.

Все воины, как в царских войсках, так и в полках нахараров, спали, положив возле себя оружие, чтобы при первом же звуке трубы быть готовыми вскочить на ноги. Их храп и мерное дыхание, доносившееся из палаток, нагоняли сон и на усталых часовых, им хотелось бросить оружие и тоже развалиться на земле. Сознание долга сдерживало их, и они топали, прохаживались на своем посту, чтобы прогнать дремоту. То один, то другой посматривал в сторону, откуда ожидался враг. Однако в молочной мгле, сколько позволял человеческий глаз, ничего не было видно, ничто не двигалось. Только однообразный шум тростника, доносившийся издали, со стороны Арацани, нарушал безмятежность ночи. Но и этот шум иногда умолкал, и тогда слышался лишь мерный храп спящих в палатках воинов. Небо было настолько мирным, звезды – такими яркими, лучистыми... Казалось странным, что в такую мирную и светлую ночь возможна война, кровопролитие...

Однако, если бы кто-нибудь прошел мимо палаток и внимательно прислушался, он услышал бы кое-где сдержанные и осторожные голоса. Несмотря на усталость, мысли о предстоящей битве не давали спать некоторым воинам; они заводили тихую беседу или просто лежали с открытыми глазами, думая о завтрашнем дне.

В таком молчаливом, неспокойном раздумье находился и молодой Гнел Андзеваци. Его начальник ишхан Камсаракан, вместе с сыновьями и со всей его конницей, по приказу спарапета этой ночью покинул лагерь и уехал с важным поручением. Пехоту с военачальниками ишхан оставил в распоряжении спарапета. Вместе с ними остался и Гнел. Теперь он думал: как же они будут сражаться без ишхана, да еще на глазах царя и спарапета...

Ему уже передали слова царя, который похвалил его за отвагу в Нахчаванской битве. И теперь он думал, что если завтра опять не отличится, то уж во всяком случае, последним в битве не будет. И, слушая храп воинов, завидовал им, что не думают о завтрашнем дне, не беспокоятся, как он.

– Помоги мне, господи... – вздохнул он.

– Гнел? Ты не спишь? – спросил его сосед по палатке, один из сотников.

– Нет, господин сепух, – сказал Гнел, узнав говорившего по голосу.

– Почему? Боишься завтрашней битвы?

– Из чего ты заключил это, господин сепух? – удивился Гнел.

— Кряхтишь, вздыхаешь...

— Ошибаешься, господин сепух... Меня другие мысли занимают.

— Какие?

— Разные...

Гнел почувствовал: сотник улыбнулся в темноте.

— Бояться не к чему, дорогой Гнел,— сказал он.— Когда-нибудь мы должны умереть, не в этой войне, так в другой. Будешь много думать, сражаться не сумеешь. Презирай смерть и не думай. Так будет вернее.

Гнел хотел было объяснить ему, что он не о смерти думает. Но чувствовал: если скажет все начистоту, сотник будет смеяться, поэтому умолк.

В одном из шатров несколько нахараров, собравшись вместе, тихо беседовали.

— Ишхан Гнтуни, ты веришь, что ромеи нам помогут? — спрашивал ишхан Сет сидевшего напротив нахарара Аргама Гнтуни, чья слабо освещенная свечой седая голова казалась высеченной из мрамора.

— Помогут ли? — Старый Гнтуни медленно выговаривал слова, по очереди глядя на каждого из нахараров, сидевших в палатке.— Надежду на помощь чужестранца можно сравнить с тучей; захочет — пошлет дождь, а захочет — и не пошлет. Они, пожалуй, помогут: мы будем идти впереди, а они за нами... Я так думаю: нам надо надеяться только на себя...

— Но персов много, нас мало, справимся ли мы одни? — вмешался ишхан Зарех, энергичный молодой человек. Ему хотелось, чтобы старый опытный военачальник подтвердил его надежды.— Сможем, ишхан Гнтуни?

— Уповаем на бога,— опять медленно ответил старик.— На врага идут не только с войском и оружием, но и с мудростью. Если уловка, предпринятая спарапетом, окажется удачной...— Он замолчал и посмотрел в приоткрытый полог шатра, в темноту.— Но сражение, несомненно, будет решающим.— Эти слова он проговорил таким пророческим тоном и таким глухим голосом, что всякие другие слова были уже не нужны.

Почти такие же мысли занимали Папа и его письмоводителя Иеремию. Они были вдвоем в царском шатре.

— Иеремия, мне кажется, завтра решится судьба Страны Армянской,— говорил Пап.— Или мы будем жить, или умрем...

— Жить будем,— сказал спокойно Иеремия.— Не в первый раз, Пап, Страна Армянская поднимается на войну. Раз поднимается, значит, есть у нее воля к жизни. Любое существо на свете живо борьбой. Если тело перестает сопротивляться боли — оно умирает... Кто борется, Пап, тот не умрет.

— Ты прав, Иеремия, борьбой живо любое существо,— повторил задумчиво Пап.— Однако эта ночь мне кажется такой длинной... Я бы хотел, чтобы скорее рассвело.

Пап ударил кулаком по колену и задумчиво умолк.

Из всех шатров в лагере этой ночью особенно выделялся один, перед которым был привязан белый конь. Освещенный луной, конь был виден со всех сторон, и из-за этого шатер стал как бы центром внимания. За пологом шатра горел масляный светильник, его отблески отражались на латах и украшенном перьями шлеме, стоявших на возвышении, и на стальном наконечнике копья, прислоненном к латам. Было освещено и обрамленное густой курчавой бородой озабоченное лицо человека, сидевшего в шатре на треножнике. Он то и дело обращал свои глубокие, задумчивые глаза в сторону входа, но, ничего не увидав там, опять погружался в думы.

Это был спарапет армянских войск Мушег Мамиконян. Он тоже думал о предстоящем сражении, однако его мысли шли несколько иначе, чем у остальных. Он получил точные сведения, что персы идут с большой армией, с боевыми слонами и что они подошли к холмам, обрамлявшим восточную сторону долины и, возможно, ночью же продвинутся дальше. Еще вчера, узнав расположение персов и разгадав план их передвижений, Мушег приказал Спандарату Камсаракану и Смбату Багратуни, чтобы каждый из них со своей конницей прошел за горами, ограждающими долину с севера и юга, и, двигаясь с двух сторон параллельно, старался пройти в тыл врага. А потом, соединившись, оба ишхана должны были окружить персов. Спарапет разъяснил Камсаракану этот план сам, а к Смбату Багратуни, который должен был прийти из Васпуракана, отправил начальника царского полка Бата Сааруни.

Было уже за полночь. Вокруг шатра все спали, задремали даже некоторые из стражников, прислонившись к копьям. Но Мушег не мог уснуть, и не только потому, что чувствовал свою ответственность за все, и не из-за того, что каждую секунду к нему могли примчаться гонцы, а потому, что не привык спать перед сражением. Он был уверен, что завтра будет сражение, и нужно многое взвесить, обдумать все. Спарапет имел обыкновение делать это один, в уединении, поэтому он отпустил телохранителей спать, приказал отдыхать до рассвета и всем военачальникам.

Проведя некоторое время в таком неподвижном раздумье, он вдруг поднялся и вышел из шатра. Сразу же перед ним выросла вооруженная фигура.

– Раат? Почему не спишь? – спросил спарапет.

– Вышел присмотреть за конями, мой господин.

– А конюхи где?

– Спят, мой господин.

Раат сказал неправду. Просто не мог уснуть – лунная ночь напомнила ему о Назени. Все его надежды, что после победы под Нахчаваном война окончится и он отправится искать свою невесту или же Назени с матерью сами вернутся в Двин, – рухнули. Персы опять разрушили все, и его мечта увидеть Назени гибнет. Сердце его было полно грусти и горечи. Он ненавидел и персов и Меружана, которые разлучили его с Назени. «Гос-

поди, где же она может быть?» – думал он, готовый примириться с любой случайностью, лишь бы девушка осталась в живых и персы не увели ее в плен. «Пусть уехала куда ей было угодно, пусть даже вышла замуж, лишь бы не плен», – думал он и стонал, как больной, вспоминая свои свидания с нею в лунные ночи под сенью старого пшатового дерева.

...Назени, как лань, легкой поступью приходила к тенистому пшатовому дереву, ее черные глаза в темноте словно отсвечивали, искрились, как звезды. А когда она обнимала его, косы играли на ее гибкой спине и Раат чувствовал легкое пьянящее благоухание и не мог сказать – от дерева ли этот аромат или от ее волос. Маленькая рука Назени, как птица в силке, дрожала в его грубой руке...

Воспоминания увлекали за собой Раата, но тут же чей-нибудь кашель, или шаги, или фырканье коня напоминали, что он находится близ поля боя, в армии, у спарапета, и он грустнел, мрачнел. «Подлые пеплопоклонники», – шептал он. Если бы после Нахчавана их не принесло сюда – Назени с матерью уже вернулись бы, а если бы и не вернулись, он сам отправился бы на ее поиски и, наверно, уже нашел бы ее сейчас. Если только не в плену. Пусть эта новая битва даже кончится победой – и тогда, пожалуй, им не вернуться до весны: снег завалит горные дороги, и женщинам уже не спуститься в Двин из горных областей. Если только они там...

«А если не будет победы... если не будет?» – поднималось в его сердце сомнение. И он думал: если не будет победы, тогда не только они не вернутся... Тогда и сам он тоже не вернется в Двин...

«Господи, ниспошли нам победу... Господи, ниспошли нам победу, чтобы мне вернуться в Двин живым и найти Назени», – шептал он. Если армянское войско одерживало победы с начала войны – от области Даранаги до Нахчавана, даже гнало и преследовало персов, неужели на этот раз армяне потерпят поражение и все опять пойдет прахом, погибнет! Вот о чем думал Раат, когда из шатра вдруг вышел Мушег.

– Иди отдохни и ты, – сказал ему спарапет.

«Лишь бы не была в плену, лишь бы не была в плену», – шептал молодой воин, входя в ту часть палатки, где спали другие телохранители спарапета. Громче и беспечнее всех сопел во сне его товарищ Атом.

Позавидовав приятелю, Раат и сам растянулся на войлоке и, положив руку под голову, сразу же унесся в мечты.

После ухода Раата спарапет несколько раз прошелся перед шатром, посматривая на небо. «До рассвета еще далеко», – думал Мушег. Он был без шапки, лишь набросил на плечи накидку, которую носил всегда во время походов. При каждом резком движении накидка эта приоткрывала короткий меч, висевший на бедре. Иногда спарапет останавливался и смотрел

поверх белевших палаток вдаль, стараясь проникнуть взглядом сквозь молочно-белую мглу, за которой находился враг. Хоть Мушег и расставил вдоль реки сторожевые отряды, чтобы те вовремя предупреждали его о появлении персов, все же он хотел еще раз проверить, не заметно ли движение врага. И хотя ничего не было видно, он знал, чувствовал, что сражение завтра неизбежно. Смогут ли его войска противостоять свирепой персидской армии, у которой кроме многочисленной пехоты была большая конница и страшные отряды боевых слонов?.. Спарапет знал, что персам помогают царь леков Шергир и царь агванов Урнайр с конными полками. Сможет ли его армия устоять против этой силы?..

Надежду, что персам будет дан отпор, подкрепляла счастливая мысль: что ишханы Спандарат Камсаракан и Смбат Багратуни с полками уже двигались вдоль флангов вражеской армии, чтобы зайти ей в тыл. Если только их не обнаружат... Ободряло Мушега и прибытие из Карина полка византийских щитоносцев, они разбили лагерь за полпарсаха от армянского стана. Правда, Мушег хотел бы, чтобы армянские войска одержали победу сами и ничем не были обязаны ромеям. Поэтому он думал о мерах, которые нужно будет предпринять, как только станут ясными намерения врага. Два распоряжения он уже сделал, а об остальном, смотря по обстоятельствам, распорядится ближе к началу сражения. Первый шаг – отправка полков Камсаракана и Багратуни в тыл к персам. А второй – те сто молодых людей, что ушли, чтоб нанести удар по боевым слонам персов...

Прохаживаясь перед своим шатром, Мушег думал то об ишханах Камсаракане и Багратуни, то о молодых людях, посланных против слонов. Дойдут ли они вовремя? Сумеют ли точно выполнить все, что им поручено? Особенно те, юные воины, они могут попасть в тяжелое положение. Нелегко приблизиться к персидским отрядам боевых слонов и сделать все как надо. Однако самоотверженность этих ста могла спасти многое. Удастся ли – вот в чем дело.

Персидские боевые слоны!.. Спарапет знал по опыту – армянских воинов больше всего страшили эти слоны. И противник знал это. Как только он попадал в трудное положение, сразу же выпускал этих чудовищ, если, конечно, бой происходил на равнине. Слоны вторгались в ряды войск и топтали воинов, а находившиеся в укрепленных на их спинах башенках защищенные броней лучники посылали вправо и влево стрелу за стрелой. Чтобы придать слонам более устрашающий вид, персы прикрепляли к их головам высоко торчащие перья. Самыми яростными были индийские слоны, которые врывались в бой, как слепая стихия, – они топтали все, что им попадалось на пути. А чтобы они были яростнее, персы еще поили их вином, смешанным с перцем и какими-то другими возбуждающими снадобьями. Одурманенные животные, подняв змеевидные хоботы и широко разинув мясистые рты, пронзи-

тельно трубя, неслись, как катящиеся с гор скалы, и всей тяжестью своих тел обрушивались на стоявшее против них войско. Персы специально оттачивали им клыки или надевали на них острые железные наконечники, этим оружием слоны мгновенно убивали и людей и коней, а хобот между тем творил свое дело – хватал конного или пешего и швырял о землю. Не только воины приходили в ужас, когда серые огромные тела лавиной катили на войско, – бросались, храпя, в стороны и кони и неслись наугад, не подчиняясь ни шпорам, ни узде.

Вот почему спарапет Мушег вчера решил послать сотню молодых воинов против слонов, надеясь хотя бы ослабить эту угрозу. Когда в окружении телохранителей он на своем белом коне появился перед войском и, напомнив об этом оружии персов, сказал, что необходима сотня смельчаков, которые прошли бы в тыл противника, туда, где стоят отряды слонов, и обезвредили их, в войске началось странное движение. Мушегу показалось, что его воины испугались. Нелегко, конечно, пробраться в тыл противника, да еще к слонам... Но спарапет ошибся – воины расталкивали друг друга, чтобы выступить вперед.

Бывают времена, когда люди готовы лучше умереть с честью, чем жить в позоре, когда чувство мести так сжигает их, что они презирают даже собственную жизнь. В войске не было ни одного человека, который не пострадал бы от персов, не потерял бы родного. Всех объединял один порыв: освободить родину, спасти родных даже ценой жизни... Вот почему в ответ на речь спарапета из разных частей вышло вперед не сто, а более двухсот воинов, прося направить их на опасное дело. Среди молодых людей был и юноша из рода Палуни, сын известного нахарара Карена Палуни, убитого при осаде крепости Артагерс. Выйдя вперед в полном вооружении, он попросил, чтобы и его послали на слонов. Сколько ни толковали ему товарищи, что он еще очень молод, юноша и слышать не хотел, настаивал на своем.

– Ты слишком юн, – сказал ему и Мушег. – Рано еще тебе состязаться со слонами.

– Юность не мешает быть храбрым, спарапет, и ненавидеть врага. Я чувствую, что смогу...

И он настоял, ему тоже вручили особый длинный кинжал и нож и отправили в путь с остальными. Прощаясь, многие целовали уходящих, словно видели их в последний раз. На молодых смельчаков смотрели как на обреченных... А спарапет, еле сдерживая слезы, прощаясь, лишь сказал:

– Доброго пути, сыновья мои. Родина не забудет вашего подвига.

Обняв Палуни, он поцеловал его в лоб.

– В лице этого юноши целую вас всех, – сказал он и, перекрестив воинов, пожелал им удачи.

С сердечной теплотой вспоминая молодых людей, ушедших

на слонов, особенно юного Палуни, спарапет чувствовал: порыв самоотверженности охватил всю армию.

Он посмотрел на восток, на луну и, мерно шагая перед шатром, продолжал думать... Еще вчера на основании донесений разведчиков спарапет пришел к решению, что основным силам не стоит продвигаться дальше, а, наоборот, нужно разбить стан на этой стороне Арацани и ждать врага. Преимущество этого, как он объяснил Папу, заключалось вот в чем: если персы перейдут реку, армяне нападут здесь на них и можно будет утопить часть персидских войск в реке, а другую часть окружить и взять в плен. Если даже противник не станет переходить реку, они сами смогут перейти на тот берег и напасть там на персов. А когда враг перейдет в ответное наступление, можно изобразить бегство, увлечь врага на эту сторону реки, чтобы Камсаракан и Багратуни могли без помех зайти в тыл противника. С этой мыслью согласились многие военачальники. Одобрил этот план и царь, только высказал сомнение: все ли пойдет так, как предполагает спарапет Мушег, не проникнут ли сами персы в тыл армянского войска, не отрежут ли конные полки, направленные в обход их флангов.

— Нет, государь, — сказал спарапет уверенно, — мы сразу же узнаем об их продвижении. На всех перевалах и дорогах поставлены дозоры. Кроме того, наши военачальники лучше знают свою страну.

— Не забывай, однако, спарапет, что проклятый Меружан тоже знает нашу страну, — сказал Пап. — Ты, несомненно, лучше меня искушен в воинском деле, но, прошу тебя, действуй со всей своей осторожностью.

Вспоминая события прошедшего дня, Мушег все беспокойнее ждал рассвета.

Однако до рассвета, казалось, было далеко. Полная луна еще медленно плыла среди звезд, склоняясь к западу, и ее молочный свет продолжал щедро освещать бескрайнюю долину, горы и палатки армян.

Но прошло немногим больше часа, и луна скрылась за горами, словно свалилась в пропасть. Сразу же выползли темные тени, растянулись по всей долине, внезапно наступивший мрак прикрыл все. Не видно было больше ни гор, ни палаток, ни вооруженных стражей, слышались лишь шум тростника и редкое пофыркивание коней.

Сколько времени прошло — трудно сказать. Вдруг послышалось странное пение, оно доносилось из глубины мрака. Спарапет, поглощенный мыслями, не сразу обратил на это внимание, но многие из стражи и воинов напряженно прислушивались. Голоса поющих лились легко, их песня постепенно ширилась во мраке. В ней было что-то знакомое, она звучала спокойно и величаво... что-то грустное, даже потустороннее, неземное было в этой песне, звучавшей так близко... Те, кто проснулся, будили своих товарищей, выходили из палаток и группами шли к поющим голосам.

Неподалеку от палаток в поле стояла большая группа людей в черных одеяниях. Похожие на ночных птиц, образовав большой круг, они пели, обратив лица к востоку, изредка смиренно опускаясь на колени, – словно посылали сердечные приветствия утренней звезде, которая ярче всех других звезд искрилась на востоке.

Это были пришедшие вместе с армянским войском священнослужители – епископы, архимандриты и дьяконы. Во главе с католикосом Нерсесом они молились, чтобы небо ниспослало армянскому войску, его военачальникам и государю победу над нечестивцами...

Вскоре вокруг собралось множество воинов. Священнослужителей больше не было видно, и опоздавшим уже приходилось тянуться вверх и вытягивать шеи.

Молебен подходил к концу, когда с четырех сторон армянского стана в предутренней мгле запели витые трубы, будя еще спящих воинов. Во всех палатках и вокруг них началась утренняя суета: воины облачались в доспехи, пристегивали мечи, надевали шлемы или же стоя ели свой приготовленный еще с вечера завтрак. Иные уже седлали коней, приводили в порядок оружие и колчаны. Ясный осенний воздух заполнился говором, звоном и лязгом оружия.

Между тем постепенно светало, и Нерсес, кончая молебен, золотым крестом уже осенял собравшихся воинов, неторопливо и степенно поворачиваясь во все стороны – высокий, с белой бородой. В чистом утреннем воздухе вдруг раздался его старческий голос:

– Господи! Помилуй народ армянский, помилуй и даруй победу войску его, спарапету и военачальникам нашим...

Словам католикоса протяжно вторили епископы и архимандриты:

– Помилуй, господи... Помилуй... По-о-ми-и-луй...

Их протяжное, взывающее к милосердию пение то словно возносилось к небу, то спускалось к земле и, как печальная мольба, лилось вдаль.

Когда это пение смолкло, Нерсес опять поднял золотой крест.

– Дети мои! – Старый католикос обвел всех горящим взглядом, и тишина стала еще суровее. – Святым крестом сим обращаюсь к вам: защищайте нашу землю, святую нашу отчизну, ибо землей и отчизной мы живы. Враги наши, персы, идут на нас, как тигры пустынные. А вы станьте львами перед ними. Ползут, как змеи, – станьте пятой топчущей. Не давайте осквернить могилы ваших отцов и ваш священный кров! Поклянитесь, дети мои, что...

Последующие слова старого католикоса заглохли в громких выкриках:

– Клянемся!.. Клянемся!..

Пока католикос говорил, стало еще светлее. Какие-то маленькие птички со щебетом летели неизвестно откуда и не-

известно куда. Небо все больше розовело, запоздавшие звезды словно таяли в густой синеве, и в прозрачном утреннем воздухе уже выступали горы. Эти горы, казалось, спросонья приподнимали свои головы, чтобы увидеть, что происходит в долине. За горами стояло персидское войско.

Долина становилась словно бы все шире, горы как бы расступались, и долина растекалась вдаль, открывая свою обнаженность, скудную осеннюю растительность. Кое-где отчетливо виднелись кусты, заросли болотного тростника. Но и они, и прорезавшая долину река не нарушали гладь равнины, которая постепенно высвобождалась от скрывавшего ее молочного тумана. Персидского войска еще не было видно.

А армянские полки продолжали снаряжаться: готовясь, воины то и дело смотрели на восток, где кроме розовеющего неба теперь виднелось что-то похожее на дым, который поднимался и таял в вышине. Был ли это просто дым или пыль, поднятая в стане персов, – трудно было определить. Но дальнозоркие воины замечали там и палатки, и людское движение. Некоторые говорили даже, что видят разукрашенных слонов.

По распоряжению спарапета начались передвижения армянских войск. Одетые в панцири и доспехи лучники и часть конницы, которые должны были сражаться под руководством самого спарапета, группировались в центре. На правом и левом флангах располагались как конница, так и полки лучников и копьеносцев во главе с их командующими. Нахарары вели свои полки туда, где по известному им плану должны были занять позицию. Шли, строились в порядки, перестраивались и двигались, двигались, чтобы занять позиции перед рекой или притаиться в тростниках.

На высоком месте, там, где были шатры царя и спарапета, за этими приготовлениями следили Пап, Мушег и Теренций, только что прибывший из византийского лагеря. Был здесь и католикос Нерсес, как всегда окруженный епископами и архимандритами.

Как раз когда спарапет отсылал полкам свои последние распоряжения, облако пыли на восточной стороне горизонта стало расти. Самые зоркие из воинов уверяли, что это движется, подымая пыль, персидская армия.

И действительно, вскоре все увидели эту армию, она двигалась как сплошная мрачная лавина, как вал вышедшего из берегов потока. Сначала показался строй конницы с характерным для нее мельканием бесчисленных ног и голов. Потом стала видна и пехота – полк за полком. Надвигалось море остроконечных шапок, копий и луков. И наконец, стали видны движущиеся башенки. Они были укреплены на темных спинах слонов.

Постепенно эта масса войск залила всю долину по ту сторону реки. Продолжая двигаться вперед, она делилась на части, перестраивалась, разливалась вширь.

Две враждебные армии теперь могли ясно видеть одна дру-

гую. Воздух был так чист и прозрачен, что были видны не только люди, но и их оружие. Конные группы персов сходились и расходились. Иногда от одной группы отделялся всадник и, поднимая за собой пыль, скакал к другой группе. Это, видимо, были ординарцы, они передавали распоряжения отдельным частям.

Отряд слонов, идущих позади персидских войск, стал виден совсем отчетливо, и шутки в армянской армии приумолкли. Воины сурово смотрели вперед. Казалось, на всех лицах был написан один вопрос: «Что же будет дальше?» Но была видна и решимость: что бы ни было – не отступать, биться до конца. Умереть, но вытеснить врага с родной земли. Войска продолжали строиться в центре и особенно на флангах, которые, по плану Мушега, должны были вести себя как настоящие левый и правый фланги, чтобы противник даже не мог предположить, что могут быть еще и другие фланги и полки, прошедшие за горы.

Когда спарапет, разослав ординарцев с последними распоряжениями, вошел в шатер, чтобы надеть доспехи, в армянском стане заметили: с персидской стороны к реке скакали три всадника. В руке одного из них трепетало белое знамя. Заметил это и Раат и сразу же побежал к Мушегу.

– Спарапет! С персидской стороны к нам идут трое с белым знаменем!

Спарапет, удивленный, полуодетый, молча вышел из шатра. Да, верно, отделившись от персидской армии, к армянской стороне скакали три всадника и над головой одного из них развевалось белое знамя.

– Поезжайте вчетвером к берегу, узнайте, кто они и что им надо! – приказал он Раату и телохранителям.

– Будет исполнено! – поклонился Раат. Четверо вскочили на коней.

Когда они подъехали к реке, персидские конники на том берегу уже ждали встречающих. Они были в длинных и широких персидских накидках и в одинаковых остроконечных шапках. Самый молодой из них старался держать белое знамя повыше, чтобы армяне хорошо его видели. Раат спросил по-персидски, что они хотят. С того берега ответили на чистом армянском.

– Мы посланцы царя царей Шапура, желаем говорить с армянским царем или со спарапетом.

То, что персидский посланник говорил по-армянски, удивило телохранителей Мушега, и один из них поскакал, чтобы сообщить обо всем спарапету.

– По-армянски? На чистом армянском? – удивился Мушег. – Что за загадка?..

Хоть это сообщение ординарца показалось странным, Мушег, не теряя времени, сообщил царю, что пришли люди от Шапура и хотят говорить с государем.

– Хотя подобные переговоры никакой пользы не приносят, почтим принятый порядок, – сказал Пап, который в этот час

тоже надевал боевые доспехи, готовясь к сражению.— Ведите их сюда, выясним, что еще замыслил коварный Шапур. Видно, хочет и меня заманить в Замок забвения или занять нас болтовней и в это время действовать.

Спарапет приказал телохранителям, чтобы разрешили посланцам перейти реку и с завязанными глазами привели их в царский шатер.

Через полчаса люди Шапура уже были в царском шатре. Когда с их глаз сняли повязки, царь и спарапет почти в один голос воскликнули:

— Ишхан Меендак!

Да, это был ишхан Меендак, приближенный плененного царя Аршака. Его считали убитым в Артагерсе, но он, оказывается, попал в плен и был увезен в Персию.

— Ты тоже стал изменником? — сказал Пап, глубоко опечаленный. Мушег только покачал головой.

— Не растравляйте мое израненное сердце, государь, и ты, Мушег,— сказал Меендак по-армянски.— Неужели не знаете, что я несчастный пленник, а не прихлебатель-изменник. И если теперь я пришел к вам как посланец, так это — воля Шапура... Но об этом потом,— добавил он и продолжал на персидском: — Я со своими спутниками послан к вам царем царей Шапуром предложить тебе, государь, следующее, если соизволишь выслушать.

— Ишхан,— заговорил Пап, глядя только на Меендака.— Если бы Шапур вместо тебя прислал другого, я его, не слушая, отослал бы обратно. Не хочу обидеть твою старость и тебя, которого уважал с детства. Говори, ишхан.

И Меендак на персидском, чтобы и пришедшие с ним могли понять его слова, сообщил: Шапур предлагает Папу отказаться от дружбы с Византией, и тогда он даст ему и корону, и власть не только над отцовскими землями, но и над другими странами, которыми его отец не сумел бы овладеть из-за своего нерешительного и неверного характера.

— В противном случае,— продолжал ишхан Меендак, попеременно глядя то на взволнованного Папа, то на сдержанного и мрачного Мушега,— в противном случае, говорит царь царей, не оставлю камня на камне и...— Тут старый ишхан запнулся, но собрал силы и добавил взволнованно: — И тебя тоже схвачу и отправлю к отцу твоему.

Пап, в молчаливом волнении слушавший Меендака, усмехнулся на его последние слова и спросил с усмешкой:

— Что еще обещает старая лиса?

При этих словах Папа персидские посланцы выпрямились и приняли оскорбленный вид. А ишхан Меендак лишь добавил:

— Я все сказал, государь...

— Все? Добро. Но я хотел бы узнать, сколько же корон и престолов у Шапура? И мне обещает, и Меружану... Откуда такая щедрость и почему?

Старый Меендак, растерявшийся от этих слов, не зная, что сказать, посмотрел на персов. А те в свою очередь посмотрели на Меендака.

– Однако оставим это, ишхан. Нынче я сам желаю тебе задать вопросы. Если бы ты был на моем месте, принял бы ты это предложение Шапура? Кроме того, что он заманил моего отца и бросил в темницу, захватил мать-царицу и многих нахараров, в том числе и тебя, он разорил еще нашу страну, предав огню города и села. Можно ли после этого всего верить ему и говорить с таким зверем на человеческом языке? – Пап вдруг возвысил голос, словно не в силах был сдерживаться. – Со зверем, который умеет лишь обманывать!..

– Государь! – выпрямился опять один из персов. – Ты оскорбляешь царя царей Персии.

– Такова моя воля, – мрачно сказал Пап. – Можете передать вашему государю, – прибавил он и опять обратился к Меендаку: – Я нарочно говорю по-персидски, ишхан, чтобы люди, пришедшие с тобой, поняли мои слова и донесли их до своего коварного государя. Пусть мы малочисленны и слабы, но мы не будем говорить с ним на человеческом языке... И ты, ишхан, – продолжал он по-армянски, – как ты мог поверить его словам и прийти ко мне с таким предложением?

– Только для того, чтобы быть полезным моей родине, государь. – Старик опустил глаза. – Я не хотел бы видеть новой резни и новых разрушений. Не забудь, государь, Шапур силен, с ним царь леков Шергир и царь агванов Урнайр...

– Шергир и Урнайр! – не вытерпел Мушег и добавил с усмешкой: – Две гиены подружились с волком. Хотят получить от него долю!..

В палатке наступила тишина. Оскорбленные персидские посланцы в упор уставили на Папа и Мушега свои крупные черные глаза. Царь и спарапет, которые уже были в доспехах, едва сдерживали гнев.

– Может, найдешь общий язык, государь? – опять с осторожностью заговорил Меендак по-армянски. – Избавишь страну от нового несчастья...

– Бесполезно, ишхан, – сказал Пап взволнованно. – Я уже сказал: с ним мы будем говорить не на человеческом языке, а стрелами и копьями. Мой народ и мои нахарары сейчас желают лишь одного – не только защитить свою страну от Шапура, но и отомстить ему за все преступления, что он совершил у нас. Если даже я пожелаю помириться с Шапуром, мой народ не помирится.

– Государь, я не как посланец Шапура, а как армянин, которому дорога его родина, его святыня и религия, говорю: Шапур очень силен и разорит нашу страну...

– Значит, ты, ишхан, предлагаешь мне сдаться? – опять повысил голос Пап. – Не забывай – сдавшийся никогда не сможет защитить ни свои права, ни свою жизнь!

Старый Меендак удивленно смотрел на Папа. Правая сто-

рона лица царя в эту минуту дергалась, горящие глаза были страшны. Мушег, чтобы сдержать себя, сжимал губы и молчал.

– Ты, наверное, удивляешься, ишхан, на мои слова, – сказал Пап, заметив взгляд старика. – Не удивляйся и знай: пусть Шапур владеет могучей державой – мой народ зато владеет могучей ненавистью к Шапуру. Вот Мушег, отца которого Шапур заманил к себе и содрал с него кожу. Может он верить Шапуру и сдаться ему? Никогда! И так все! Всех нас теперь сжигает чувство мести. Нет, ишхан, поезжай к нему и скажи: мы лучше умрем свободными, чем станем рабами Шапура.

– Чувства, государь, не всегда хорошие советчики, – осторожно заметил Меендак. – Там, где нужно действовать холодно...

– Не забывай, ишхан, – резко прервал его Пап, – несокрушимой силой в борьбе становятся чувства, а не холодный рассудок!

– Боюсь, государь, ошибаешься.

– А я не боюсь. И больше того, предлагаю тебе не уходить, а остаться у нас.

– Нет, государь, я поклялся отвезти твой ответ персидскому царю. Думаю, ты не желал бы, чтобы я поступил нечестно и уронил честь армянского ишхана. Тем более что и моя семья находится в плену.

– Ладно, я оставлю это тебе, на твоей совести, ишхан. – И Пап поднялся. Это означало, что переговоры кончены.

Посланцев, завязав им глаза, увели, и Пап сказал Мушегу:

– Спарапет, когда ишхан Меендак и персы перейдут реку и доедут до персидской армии, начинай наступление...

Однако до начала наступления пришлось решать трудную задачу – опять надо было убеждать Папа, чтобы он держался подальше от битвы. А царь как раз подготовился, чтобы участвовать в наступлении, – в латах и шлеме, с серебряным мечом на боку вышел из шатра, и два придворных воина подвели к нему коня на золотой уздечке. Пап вовсе не собирался оставаться в роли наблюдателя. Просьбы спарапета, военачальников, письмоводителя Иеремии держаться подальше на него не действовали, он так и заявил, что пришел сражаться, а не наблюдать.

Мушег, Иеремия и нахарары, зная горячий характер царя, были уверены, что он погонит коня в самую гущу врагов... И все отговаривали его и приводили в пример католикоса Нерсеса, который со своими епископами и архимандритами уже поднялся на гору Нпат молиться и наблюдать оттуда битву. Пап не уступал:

– Как это так! Что скажут мои воины? Царь поднимется на гору вместе с католикосом, подальше от опасности! Хотите, чтобы я вел себя, как инок?

В это время верхом на коне, окруженный телохранителями, к царскому шатру подъехал византийский посол Теренций, тоже в доспехах и в сверкающем шлеме, украшенном перьями. Узнав, в чем дело, он сошел с коня и кротко, мягко принялся доказывать царю, какое трудное положение возникнет, если он вступит в бой. Все станут тревожиться о царской особе, как бы уберечь царя от опасности, во-вторых, будут думать, что царь стал рядовым воином, а руководителя, вовремя присылающего подкрепления, у войск нет.

— В-третьих,— продолжал Теренций, еще более смягчив тон увещеваний,— в-третьих, государь, у меня есть приказ императора охранять твою особу от любой опасности, я уже не говорю о таком большом испытании, как война. Прошу тебя, не превращай меня в человека, пренебрегающего своим долгом перед императором. Интересы Армении и твоей армии требуют, государь, чтобы ты был вдали от битвы, там, где положено быть командующему... Ты должен быть на возвышенном месте и наблюдать оттуда битву, руководить ею.

Слова Теренция подействовали на царя. А может быть, он сам обдумал это дело всесторонне — он согласился наконец подняться на гору Нпат и оттуда вместе с Теренцием и католикосом наблюдать за боем.

После ухода царя Мушег надел поданный ему Раатом спарапетский шлем с гербом и, звеня горящими, как чешуя, доспехами, без помощи ординарцев вскочил на своего белого коня. На коне сиял серебряный нагрудник, утыканный острыми шипами, который при столкновении с противником должен был ранить его или его коня. Проверив подгонку седла, спарапет взял свое длинное копье, которое держал наготове один из телохранителей. Почувствовав шпоры, Белый, как бы играя, рванулся вперед... Этот конь не терпел, чтобы другой конь обгонял его или равнялся с ним. И наоборот, когда Белый несся впереди всех, из глаз его будто сыпались искры радости, а ногами он перебирал так легко, словно приплясывал, будто не нес на спине никакой тяжести. Если попадался на пути ручей или яма — перелетал препятствие плавно и так мягко, что всадник даже не чувствовал прыжка. Мушег и сам очень дорожил своим конем и никогда не понукал его зря. Когда в Багреванде он заметил, что его Белый все стремится опередить царского коня и нет никакой возможности его удержать, Мушег попросил у царя разрешения уехать вперед, чтобы сделать распоряжение. И это только для того, чтобы его Белый не мучился и чувствовал себя свободно. А ведь самому ему очень хотелось быть рядом с царем, как и приличествовало спарапету. Но Мушег знал, что Белый своенравен и может выкинуть какую-нибудь штуку, если ему не дашь волю.

И сейчас, когда спарапет выехал осмотреть построение своих войск, Белый оторвался от группы телохранителей и полетел вперед. От этого сразу же поднялось настроение спарапета.

Мушег хотел пока издали увидеть боевые порядки армии и проверить, все ли сделано, как он велел. Он поглядывал и в сторону персов. Войска там все еще строились – теперь уже отчетливо были видны их конница, пехота и вдали, сзади всех – ряды слонов.

«Если все их силы собраны в этой долине, можно надеяться, что ишханы Камсаракан и Багратуни успешно выполнят то, что им поручено», – подумал Мушег, подъезжая к ближайшему холму. Белый, словно понимая волю хозяина, в несколько длинных прыжков одолел подъем и остановился. Здесь спарапет стоял, как конная статуя. Из-под руки он осматривал расположение своих войск. Конница и часть пехоты, как он и велел, образовали полукруг против Арацани. На правом и левом флангах армянская пехота небольшими частями простиралась до холмов, обозначивших края долины. Дальше уже начинались горы, на их склонах и стояли фланги, которые должны были обмануть персов.

«Все как будто в порядке», – сказал спарапет про себя, довольный, что его приказ выполнен в точности. Тут же он послал Раата, который хорошо знал греческий, к византийскому военачальнику Аддэ – просить, чтобы его войска образовали второй эшелон позади армян для укрытия уставших и раненых. Этот военный прием Мушег применил впервые, хорошо зная, как важно защищенное место для уставшего или раненого, которому необходима перевязка. Затем спарапет отправил двух конных гонцов к ишханам Камсаракану и Багратуни: сообщить им, что наступление скоро начнется и что они должны быть готовы.

– Так и скажите, пусть поспешат занять позиции, – сказал он молодым гонцам и, съехав с холма, погнал коня к горе Нпат.

Он направился к царю – получить его последнее распоряжение.

Высоко на склоне горы Нпат на небольшой площадке был разбит шатер Нерсеса, около него стоял патриарх в окружении своих епископов и архимандритов, все в длинных черных одеяниях. Чуть дальше вокруг царя собрались нахарары, ишханы и отряд телохранителей. Были там и византийский посол Теренций, царский письмоводитель Иеремия, нахарары Кенан Аматуни и Адам Гнтуни – все в боевых доспехах, в шлемах, с мечами у поясов. Поднимаясь в гору, спарапет посмотрел на них, и его глаза ослепило: не доставшие еще долины солнечные лучи уже играли здесь на доспехах, отражаясь огненными искрами.

Когда наконец Мушег на своем Белом достиг площадки на склоне горы, он спрыгнул с коня, передал уздечку одному из телохранителей и, степенно приблизившись к царю, отстегнул меч и положил его перед Папом.

– Прежде чем начать битву, государь, я хочу исполнить традиционный обряд, – сказал он серьезно и сурово. – Приня-

то, чтобы царь дал разрешение начать битву и пожелал удачи своему спарапету, собственноручно привязав его меч.

— Мы, конечно, для того и пришли сюда, спарапет, чтобы сражаться. И если таков обычай, я с любовью его выполню,— сказал Пап и сразу же помрачнел.— Разрешаю тебе, начинай святое дело. Но предупреждаю, спарапет, чтобы на этот раз не произошло такой истории, как тогда с женами Шапура, которых ты захватил, а потом отпустил... На твое великодушие, как ты помнишь, Шапур ответил тем, что увез мою мать-царицу и многих жен наших нахараров. Помни, спарапет, и знай: с противником надо обращаться как с противником и быть таким же беспощадным, как и он.

При этих словах лицо Папа опять нервно задергалось. Он был очень взволнован, чувство мести переполняло его. Но Мушег услышал в его словах укор.

«Делает мне замечание»,— подумал он и, прямо посмотрев в лицо царя, мягко сказал:

— Мне, спарапету из рода Мамиконянов, государь, не годится брать в плен женщин. Мы воюем против вооруженных мужей, а женщины безоружны, и даже если они жены Шапура — все-таки слабые женщины, матери, жены и сестры.

— Забываешь, спарапет,— перебил его царь с явным неудовольствием,— забываешь, как они обошлись с твоей царицей, с женщинами твоей страны.

— Не будем, государь, уподобляться варварам. Враги наши не женщины, а персидское войско.

Сказав это, спарапет умолк. Потом, посмотрев в крупные карие глаза царя, проговорил:

— Если мой царь сомневается в преданности своего спарапета, я, государь...

Пап сделал нервное движение головой, закусил губу.

— Я только предостерег тебя, спарапет. Я вовсе не хотел оскорблять твое достоинство и никогда не сомневался в твоей преданности. Ведь Шапур так же был жесток с моим отцом, как бесчеловечен и с твоим отцом-спарапетом...

— Я, государь, буду с тобой и умру с тобой, как мои предки умирали с твоими, как мой отец — с твоим... Но не слушай злоречивых...

В этих словах звучала горечь, царь почувствовал, что неосторожно обидел спарапета. Отстегнув свой меч, Пап протянул его Мушегу.

— Благодарю, государь,— сказал Мушег,— за доверие и честь. Только не обижайся, государь, я буду действовать моим мечом...

Старый католикос, который во время этого разговора незаметно подошел к ним с двумя епископами, приблизился к спарапету.

— Да будет тебе опорой наша светлая вера,— сказал он,— да будет разящей твоя десница...

И, воздев высохшую руку, истово перекрестил его.

Спарапет хоть и склонил голову перед католикосом, но мысли его были заняты Папом. Он не осуждал молодого царя, понимая его состояние – ведь, лишившись отца и матери и увидев разоренную страну, царь и должен был стать таким непреклонным и суровым.

«А все же нрав у него как у юнца...» – подумал он, спускаясь с горы. И вдруг заметил, что построение в персидской армии закончено. Войска больше не двигались, лишь изредка один или два всадника скакали от полка к полку. Это означало, что персы готовятся к наступлению.

Видя это, Мушег дал волю коню, и через несколько минут он на своем Белом уже ехал с телохранителями перед полками центра. Ряды молчали. Сотники первого полка наготове стояли перед своими сотнями. Неподвижная масса войска ждала последнего приказа, чтобы тронуться с места и ринуться вперед. Мушег, не замедляя хода коня, поднял руку в налокотнике и воскликнул:

– Да здравствуют мои храбрецы!

Полк, состоявший главным образом из конницы, вооруженной луками, и немногочисленной пехоты со щитами и копьями, загремел подобно эху:

– Да здравствует спарапет!

Голоса эти еще не растаяли в воздухе, а Мушег со своей свитой был перед вторым полком, который тоже состоял из конницы и вооруженной пехоты. И тут спарапет, подняв руку, так же приветствовал воинов и получил тот же громовой ответ. То же повторилось и у третьего полка, после чего Мушег поскакал назад и стал в центре трех полков. Тысячи взглядов устремились на него, все, затаив дыхание, ждали, что спарапет сейчас даст приказ выступить. Но он опять поднял руку:

– Мои храбрецы! Братья! На ваших лицах я вижу такую решимость, а в глазах такое чувство мести, что считаю лишним говорить, как следует поступать с врагом... С врагом, на мече которого еще не высохла кровь наших родных... Наши мученики взывают к мести, и я знаю: вы пришли отомстить и победить. Верно я говорю?

– Победить! Победить! – загремели войска.

– Так выполняйте ваше заветное желание! – воскликнул спарапет, натянув поводья и удерживая беспокойного Белого. – Шапур хочет уничтожить нас и стать хозяином нашей страны. Наши деды и отцы оберегали и хранили эту страну для нас. Защищайте ее и вы – для наших сыновей. Не бойтесь многочисленности врага и не поворачивайтесь к нему спиной. Кто отважно бросится вперед, тому народ воздаст должное как герою.

Спарапет тронул коня. За ним гремели голоса воинов, по рядам эхом прокатилось: «Да здравствует спарапет!» Потом наступило тяжелое молчание. Сразу стал слышен шум Арацани.

Мушег ехал, блистая своими доспехами, время от времени

поднимая руку, приветствуя и благодаря войска. Ишхан Мамиконян, как и его предки, с детства воспитывался в воинском духе, любил военное дело, любил своих воинов и знал, что каждый из них любит внимание и поощрение. И он не скупился ни на то, ни на другое.

— Да здравствуют мои храбрецы! — воскликнул он в последний раз и широко махнул рукой в сторону врага. Это был сигнал к наступлению.

И медные витые трубы запели в ясном утреннем воздухе, зовя войско вперед, и масса, сверкающая доспехами, вооруженная мечами, копьями и луками, двинулась с места.

На другом конце Дзиравской долины, видимо, услышали звуки армянских труб. Там тоже затрубили и задребезжали трубы, и войско персов тронулось, потекло навстречу.

И солнце словно ждало этих трубных звуков, оно вдруг выглянуло из-за голых гор, находившихся в тылу персов, и вместе с его первыми лучами вся местность — горы и обширная Дзиравская долина — сразу ожила и засверкала. Персидские войска еще оставались в глубокой тени, зато войско армян засияло по эту сторону Арацани блеском оружия и доспехов. На холмах, на склоне горы и в долине светилось и мерцало множество искр, и тем, кто смотрел в это время на поле предстоящей битвы, показалось, что армянское войско вдруг увеличилось вдвое.

Солнце, выглянув из-за вершины горы, если бы могло, должно было удивиться этому зрелищу. Каждый день, поднимаясь, оно видело лишь отары овец, мирные стада и земледельцев, пашущих свою землю. Теперь долина заполнилась тысячными массами вооруженных людей, которые вытеснили мирных жителей и с яростной решимостью собирались уничтожить друг друга.

С обеих сторон прежде всего двинулась конница. Словно два урагана ринулись навстречу друг другу, к Арацани, которая безучастно текла в своих зеленых берегах, местами заросших тростником.

Зная, что персы для устрашения противника всегда нападают с дикими криками, армяне не переставали дуть в свои многоголосые трубы, но и в их рядах то тут, то там звенел боевой клич, заглушавший даже звуки труб.

За мчавшимися друг на друга полками конницы с обеих сторон двигались и другие конные и пешие части и отряды. Каждый воин у персов был так вооружен, что, казалось, совсем не имел на теле уязвимых мест. Железом были прикрыты и лица персов, стрелы могли поразить их лишь в тех местах, откуда смотрели глаза.

Вдали по-прежнему стояли полки персидских пеших лучников и копьеносцев. А позади всех темнели огромные спины слонов.

В стане армян за конницей тоже двигались пехотные полки, а вдали неподвижно стояли запасные войска. За ними видне-

лись ряды византийцев, вооруженных до зубов. Кроме знамен они держали над собой сшитые из шелка изображения драконов. Они уже устроили щитовой заслон — держали вплотную один к другому высокие, обитые яркой медью щиты.

А позади, дальше всех и выше всех, на склоне горы Нпат стоял и наблюдал за всем этим царь Пап, в латах, со шлемом на голове, окруженный своей свитой.

Пап молчал. Он пристально и напряженно смотрел то на ближнюю к нему часть долины, то на дальнюю. Вся Дзиравская долина перед ним кипела и двигалась. Конные полки, летящие с двух сторон к реке, неслись с такой стремительностью, будто не всадники это были, а густые снопы стрел. Папу казалось, что он слышит их крики... Но это было лишь эхо, гремевшее в горах. Конные полки постепенно сближались, держа наготове стрелы и копья. Просвет между ними становился все меньше.

Первой достигла реки армянская конница и, не остановившись, поднимая белую пену, стала переходить ее. Местами вода заливала спины лошадей, седла и даже колени всадников. Папу это показалось странным, он думал, что река была надежной преградой, защищавшей от врага; перейдя ее, армяне подвергали себя опасности. Почему Мушег позволил такое? Ведь персы сами идут сюда, и наши напрасно переходят реку. Лучше дождаться их здесь.

«Неужели Мушег не понимает, что это опасно?» — думал он, беспокойно следя за армянской конницей. Одна ее часть, собравшись на этом берегу, ждала своей очереди, чтоб войти в реку, а другая, уже мокрая, выходила на том берегу Арацани.

Пап подумал: не совершил ли ошибку спарапет, приказавший вчера, чтобы полки ишханов Багратуни и Камсаракана за горами обошли фланги персов. Пока они дойдут до места, персы могут потеснить конницу, перешедшую на тот берег, и тогда удар с флангов или тыла будет запоздалым. Достаточно было армянам укрепиться на этом берегу, и они могли бы стрелами перебить немало персов, подошедших к реке, а с теми, кто переправился, разделались бы здесь. Кроме того, армяне переправлялись на тот берег слишком большими группами. Это казалось Папу очень опасным.

— Ты не думаешь, что наших переправляется туда очень много? — спросил он стоящего рядом Иеремию.

— Подождем, увидим, государь, — спокойно ответил письмоводитель. — Спарапет, наверное, делает это с умыслом.

Пап больше не говорил. Опять напряженно, не отрываясь, он следил за переправой армянской конницы, и ему все казалось, что переправляющихся слишком много. Между тем Мушег на продолговатом холме, покрытом сухим пыреем, в окружении ординарцев спокойно наблюдал за переправой. Он все время посылал гонцов, поторапливая конников.

Выбравшиеся на тот берег всадники не останавливались, на мокрых конях продолжали скакать вперед. Вспугнутые пти-

цы поднялись из зарослей тростника и кружили над войсками.

Между надвигающимися конницами еще оставалось расстояние чуть больше полета стрелы, когда с двух сторон одновременно поднялись луки, и в воздухе как бы повис поблескивающий мост из стрел. Хоть выпущенные стрелы падали, не достав противника, их поток усиливался.

Вот упала первая жертва, это был армянский воин, скакавший впереди всех. Он свалился на бок, и его конь, увлеченный скачкой, продолжал мчаться без седока прямо на несущихся во весь опор персов. Однако на полпути упал и он – от стрелы, вонзившейся в лоб...

За первой этой жертвой стали падать и другие, падали и армяне, и персы, падали воины, кони... Уже с ржанием по полю скакали кони без седоков или волоча убитого, повисшего на стремени, – неслись назад или в стороны, словно желая спастись.

Вот полки сшиблись, въехали друг в друга, и над ними засверкали мечи. Сразу же стало ясно, что натиск персов сильнее. Они рубились хладнокровнее и продвигались вперед.

Армяне долго сдерживали их, казалось, даже остановили. Но вот воины одного из армянских полков вдруг подались назад, стали отступать – сначала лицом к врагу, потом повернули коней и, оборачиваясь, пуская стрелы в противника, поскакали к реке.

Это словно послужило сигналом – другие конные части армян тоже повернули коней, и воины, пригнувшись, понеслись к реке и, вспенив воду, заспешили к своему берегу. Некоторые, отступая, оборачивались к наседавшим персам, возникали короткие схватки. Но это не помогало: персидская конница продолжала двигаться широким фронтом и поражала стрелами отступающие части армян.

Это особенно обеспокоило наблюдавшего битву Папа. Он не знал, что это – заранее предусмотренное, умышленное отступление или же настоящее бегство, и думал: неужели в первом же часу боя Мушег может уступить победу врагу? Неужели придется просить Теренция, чтобы он с войском ромеев выступил на помощь?..

Напряженно следя за пришедшим в смятение армянским войском, царь думал с тревогой: «Отступить после первого же натиска персов – это позор». Задыхаясь, следил он, как рассыпавшаяся армянская конница бросилась в реку и переправилась на свой берег. Запоздавшие воины падали, сраженные стрелами, их кони бегом, уже без седоков, бросались в реку, словно спасаясь от стрел противника. Наконец Пап не выдержал.

– Что это, Иеремия? – сказал он письмоводителю, стоявшему с ним рядом. – Неужели бегут?

– Подождем, государь, подождем. Мушег что-нибудь сделает. Так просто он не уступит.

Стихийное отступление армянской конницы наблюдал со своего холма и спарапет. Однако на его темном лице ни один мускул не выражал тревоги. Напротив, казалось, он даже был доволен, что персидские силы – конница, а за ней пехота – движутся к центру его войск и подошли к реке. Все складывалось удачно – ведь это он дал распоряжение начальникам конных сотен, переправлявшихся через реку, стремительно нестись на противника и завязать с ними бой, чтобы персы бросили сюда большие силы. А когда враг увлекся битвой, началось ложное бегство, оно было разыграно, чтобы заманить персов за реку...

По замыслу Мушега, когда персы окажутся на этой стороне, армянские воины должны будут повернуться и опять броситься на противника... Притаившиеся в прибрежных камышах армянские лучники тоже должны будут вступить в бой, а полки ишханов Багратуни и Камсаракана – свалиться с гор на фланги противника, а может быть, прорваться и в тыл врага.

Первая часть сражения шла по плану спарапета: вслед за персидской конницей, видя ее удачное продвижение и бегство армян, к реке двинулись и другие персидские полки.

– Господин спарапет! Персы переходят реку, – сказал один из ординарцев.

– Пусть переходят, пусть... – успокоил его Мушег. – Это к добру. Скачи и передай лучникам, прячущимся в тростниках, чтобы были готовы.

Персидская конница с победными криками начала переходить реку в нескольких местах, громко плеща водой.

Когда значительная часть персидской конницы уже переправилась, спарапет вдруг спустился с холма. Выхватив меч, он крикнул стоящим резервным войскам, которые, казалось, безразлично наблюдали бой:

– Вперед! Вперед!..

И погнал коня к отступающим полкам. Вымокшие при переправе армянские конники, увидев своего спарапета, остановились и сразу же повернули обратно, а из прибрежных камышей вышли таившиеся там пешие лучники и копьеносцы. И сразу в нескольких местах закипела битва.

На этом берегу реки на обширном пространстве сверкали копья и дротики, слышались лязг щитов, угрожающие крики армян и персов, над ними проносились стаи стрел... В одном месте столкнулись армянские пехотинцы и персидские конники, смешались круглые, будто глиняные, персидские колпаки и короткие шапки армян. В стороне от них сшиблись два конных отряда и, оставив луки, бились копьями и дротиками. Лучники из тростников посылали словно ветер из стрел в персидских всадников, которые все еще продолжали переходить реку. Рубились и в реке и на берегу. Вместе с поднявшимся на дыбы конем вздымался и меч и, как бы остановившись, сиял перед противником... И тот падал с тяжелым стоном или проклятия-

ми. Падал иногда и его конь – прямо на седока, если тот не успевал ловким прыжком уйти от беды. Иногда из толпы сражающихся вылетал конь с валящимся набок всадником, обезумевший конь, который бежал как-то боком, повернув голову, словно дивился странной позе своего седока. Поле боя гремело грозными голосами, звучали медные трубы, рожки, дребезжали бронзовые и железные литавры. В этот общий шум иногда врывались зычные голоса армянских и персидских военачальников:

– Заходи правее! Бей! Вперед!..

Реяли знамена, и сверкали мечи, мечи... Все это происходило по эту сторону реки. А с другой стороны неслась оставшаяся часть персидской конницы, бежала пехота на помощь своим.

Все это видел с горы Пап. И опять, волнуясь, подумал: не допустил ли Мушег ошибку, позволив нескольким полкам персов перейти на этот берег.

Царя беспокоило и то, что сам он – вдали от боя, и это может плохо отразиться на настроении войска. Не броситься ли и ему в гущу битвы? Если воины увидят их царя рядом с собой, тут уж никто не поддастся страху, ничья рука не дрогнет... Он помнил из книг Плутарха, как часто государи сами участвовали в сражениях, как они благодаря этому выигрывали битвы...

Странное движение в далеком тылу персов отвлекло его от этих мыслей. Позади наступающего персидского войска творилось что-то удивительное и странное. Слоны, стоявшие там четкими отрядами, вдруг задвигались, смешались. Их огромные темные тела колыхались, бросаясь то вправо, то влево. Вертя змеевидными хоботами, слоны топтали все, что попадалось на пути.

Папу показалось, что персы выпустили слонов, чтобы быстрее разбить армян и выиграть битву.

– Плохо... – стиснул зубы царь. – Плохо получилось. А Багратуни и Камсаракан опоздали. Пока появятся, все, наверно, уже будет кончено.

Так думали и придворные, стоявшие возле Папа, и военачальник Теренций, который молча, сдержанно покачивал головой. Лишь престарелый Адам Гнтуни, нацелив дальнозоркие выцветшие глаза вдаль, разговаривал с самим собой:

– Это, пожалуй, что-то другое... Слоны бегут не прямо, мечутся...

Пап и его окружение не первыми заметили выпущенных слонов. Еще раньше их увидели сами персы, которые с криком: «Слоны! Слоны!» – разбегались во все стороны, чтобы слоны шли прямо на армян.

Но слоны, вместо того чтобы идти прямо к реке, врывались в ряды персидских войск, топтали попадавшихся, били хоботами и клыками или, обезумев, кружились на одном месте.

Персидские военачальники были поражены: в башнях на спинах слонов не было воинов, на шеях не сидели погонщики.

Особенно же удивляло то, что слоны потеряли свою выучку и бежали не к врагу, а странно кружились, нападая на своих же – персов. Было похоже, что слонов сильно напоили вином с перцем. Как воплощенная ярость, они несли гибель всем, кто оказался на их пути. Один лишь вид поднятых хоботов и острых железных наконечников, насаженных на клыки, сеял ужас среди персидских воинов. Они не знали, как быть, пытались хотя бы отбежать в сторону. На двух или трех слонах случайно оказались погонщики. Каждый изо всех сил старался всадить нож с железной рукояткой в то место, где шея животного соединялась с головой: он видел, что слон взбесился, а в таких случаях было приказано его убивать, пока не натворил бед.

Но слоны уже сеяли вокруг себя смерть. Один из них, догнав всадника, так ударил хоботом, что тот вылетел из седла и шагах в десяти от своего коня грохнулся в пыль. Слон сбил и коня и, растоптав, понесся дальше.

За короткое время равнина по ту сторону реки заполнилась разъяренными исполинскими зверями, которые, глухо трубя, бегали за людьми, топча землю огромными тяжелыми ногами.

– Что происходит? – недоумевали Пап и его приближенные. – Не приложили ли здесь руку молодые армянские воины? Или, может быть, персы сами чего-то недоглядели?

А Мушег и его ординарцы не удивлялись. Они знали, что это дело рук тех ста молодых людей, которых послал против слонов спарапет.

Эти сто молодцов еще вчера вечером, переодевшись персами, отправились в тыл противника. Большую часть дороги за горами они прошли быстро, а когда их уже могли заметить персы – разделились на несколько групп и затемно, передвигаясь по труднейшим тропинкам, а кое-где припав к земле, ползком, добрались до персидских тылов. Здесь им удачно попался небольшой овраг. Они немного передохнули и на рассвете, услышав пение воинских труб поняли, что сражение уже началось и, стало быть, все внимание персов будет приковано к армянскому войску. Некоторые из молодых людей, выбравшись из оврага, хотели было взглянуть на поле боя. Там все перемешалось, поднялась пыль, так что трудно было что-нибудь увидеть. Однако они заметили то, что им нужно: внимание персов было поглощено боем. Потом совсем близко увидели и слонов с башенками на спинах. Они стояли в несколько рядов на самой последней линии персидских войск и были похожи на плотину, перегородившую долину.

Молодые люди, хоть и были одеты в персидские накидки, из осторожности решили все же двигаться ползком. Они ползли, не отрывая глаз от огромных слоновьих ног, похожих на стволы деревьев, и ничего более не видели, даже не слышали шума и криков, доносившихся издали.

Им показалось, что прошла целая вечность, пока ползком, а иногда перебежками они с разных мест добрались до этих ис-

полинских ног. Опять растянувшись на земле, они отдыхали, потом, отстегнув от пояса длинные ножи, подползли поближе, и каждая группа вошла в свой ряд слонов и приступила к делу...

И это дело выполнили почти все одновременно: ударом острых ножей они перерезали каждому слону жилу задней ноги — лишь таким образом можно было зверей обезвредить... Первый слон, почувствовав удар ножа по голени, встал на дыбы и с диким ревом бросился вперед. За ним, взревев, вырвались из ряда сразу десятки слонов. Под их ногами погибли несколько армянских воинов. Юный Амаяк Палуни, тот самый, что первым откликнулся на зов спарапета, перерезав жилу у одного слона, заметил второго, украшенного золотистым покрывалом. На слоне высилась обвязанная кожаными ремнями башенка с оранжевым балдахином из тафты. Подумав, что этот слон приготовлен для важного военачальника или видного вельможи, Палуни осторожно пробрался под его морщинистое брюхо и вогнал длинный узкий нож в то место, где, на его взгляд, должно было находиться сердце. Он думал, что слон упадет, а сидящий в башенке вельможа вывалится и он прикончит его. Ведь все были поглощены боем, и около слонов почти никого не было, если не считать нескольких погонщиков, которые, растерявшись от рева бегущих слонов, никак не могли понять, почему слоны вдруг взбесились. Но как только Амаяк вонзил нож в сердце животного, слон с пронзительным ревом лег на юношу... Из товарищей лишь некоторые увидели это, они как будто даже услышали, как хрустнули кости юного Палуни под тяжестью слона. Но большая часть армянских воинов сумела ползком добраться до безопасных мест, до холмов, в гору, откуда можно было видеть поле боя. Несмотря на усталость, они поднялись на крутой склон и увидели, что раненые слоны яростно мечутся по долине, описывая нелепые круги. Их было много — три или четыре сотни, и все они обрушивали свои темные туши туда, где видели людей. В их поведении чувствовалась дикая стихия, которая могла бы истребить все... Видимо, поняв это, персидские воины начали пускать в слонов стрелы, целясь в глаза — их самое уязвимое место. Воины метали дротики и копья в их передние ноги, чтобы ранить слонов и сковать их движения.

Царю с его окружением и военачальниками, которые были с ним, теперь стало ясно: слоны не бежали, как бывало, боевыми рядами, а кружили среди персидских войск, и если один-два, прорвавшись вперед, достигали реки — поворачивали обратно. Замыслы и расчеты персов так странно и неожиданно сорвались.

— Какое зрелище, комес! — говорил обрадованный Пап Теренцию. — Смотрите, топчут своих воинов!

— Да, государь, сила и мощь персидского войска — слоны, можно сказать, повернулись против него же. А еще говорят, собака не кусает хозяина!..

Пока царь и Теренций беседовали, глядя на поле боя, Иеремия позади них своим серебряным стилом делал на навощенной дощечке какие-то пометки.

– Грамотей! – шепнул один из старых нахараров, указывая на Иеремию. – Себя показывает в такую минуту...

В тот самый час, когда дико трубящие слоны ворвались в ряды персидского войска, а персы пытались избавиться от них, убивая и ослепляя животных, когда по эту сторону реки армянские и персидские конники в яростной схватке рубили друг друга и падали, пронзенные копьями и стрелами, – в этот час на правом и левом фланге персидских войск, а кое-где и в тылу появились новые войска. Рассыпавшись, как муравьи, они чернели на склонах гор, спускаясь в долину.

Когда Папу указали на это, его охватила новая тревога. Не только ему – всей его свите, и Теренцию, и Нерсесу с его епископами показалось, что это подошли новые персидские силы. Подкрепление могло решить исход битвы в пользу персов.

– Это плохо, – опять забеспокоился Пап. – Неужели наши опоздали?

– Но, государь, смотрите, они на конях, это могут быть Камсаракан и Багратуни! – заметил Иеремия.

– Вряд ли, – усомнился Пап. – Они не могли пройти так быстро. Это уже персидский тыл.

– И мне кажется, государь, что это не персы, – подал голос старый нахарар Адам Гнтуни, известный своей дальнозоркостью. – Смотри, они движутся скорее всего назад, а не вперед. По-моему, это наши стараются зайти персам в тыл. Вот видишь, и персы забеспокоились... Вот уже конники поскакали им навстречу... Вот и стрелы начали метать...

И действительно, персы на том берегу Арацани, заметив новые конные полки, спускавшиеся к ним с горных склонов, словно забыли о слонах и о сече по эту сторону реки – все внимание их было обращено на новых воинов, чьи доспехи, оружие и кончики пик сияли и сверкали под лучами солнца. Как заметил Гнтуни, эти конники держали луки наготове и что-то кричали.

Это действительно были полки Смбата Багратуни и Спандарата Камсаракана, они быстро спускались с двух противоположных горных склонов.

Вскоре эти полки заняли несколько холмов, замыкающих долину с персидской стороны, а через две-три минуты на флангах персов у холмов и в некоторых местах еще более глубокого тыла начались схватки. Запасные персидские войска, спешившие к реке на помощь к своим, повернули назад. Сказать, что персы окружены, было бы неверно, но им теперь приходилось отбиваться со всех четырех сторон. Продолжался бой на берегу реки, по-прежнему буйствовали слоны, а теперь надо было

встречать и свежие полки армян, занявшие выгодные позиции далеко в персидском тылу.

Самый яростный бой шел все же по эту сторону реки и все больше накалялся. Летели стрелы, сверкали мечи и копья, воины метали друг в друга и в коней дротики и пики. В одном месте всадники во весь опор мчались на конные или пешие группы противника, сияя под солнцем копьями и щитами, в другом – отряды пехотинцев в доспехах, на коленях и стоя, направляли друг в друга потоки стрел, и между ними по воздуху словно бы неслась непрерывная стая длинных рыб и змей.

Людей охватила стихийная ярость, над долиной звенели отчаянные выкрики, звучала грозная брань, доносились стоны падающих.

Предприняв свое ложное отступление, спарапет Мушег не думал, что реку перейдут такие большие силы персов; он полагал, что это будет всего лишь несколько частей и их успеют разбить, пока ишханы Багратуни и Камсаракан пройдут в тыл врага, и тогда смятение в персидской армии будет полным, и сам он с этой стороны перейдет реку и ударит по противнику.

Однако на этот берег перешла почти половина персидского войска, и армянской армии приходилось противостоять огромной силе. Бой все усиливался, войска перемешались. Уже не армии сражались, а многочисленные группы, отдельные воины, схватившись, пытались сбить, одолеть друг друга. Людская масса волнами подавалась то в одну, то в другую сторону. Звон оружия, команды сотников и вопли, соединяясь, рождали новый шум такой силы, что подчас люди не слышали своих же голосов, хотя и кричали во всю мощь легких.

Персы нападали смело, всегда с дикими выкриками и бранью – они ненавидели армян. Армяне налетали с яростным упорством, горя местью и ненавистью, каждый старался одним могучим ударом сразу свалить наступавшего, не дать ему продвинуться вперед.

И сражение гремело...

На высоком холме спарапет Мушег, сидя на Белом, рассылал в разные стороны ординарцев, слал помощь сражавшимся, распоряжался отправить раненых за щитовой заслон, а иногда, чтобы ободрить дрогнувших, как собрат по оружию, с обнаженным мечом бросался вперед и раскатистым грозным голосом, которого нельзя было не узнать, останавливал бегущего, поворачивал его лицом к врагу.

Было мгновение, когда близ холма, где находился спарапет, несколько рядов армянского полка дрогнули и побежали назад. Спарапет со своими телохранителями сейчас же поскакал с холма вниз.

– Трусы! – загремел его голос. – Ишхан Камсаракан, ишхан Багратуни уже рубят персов в их тылу, а вы бежите! Только через мой труп! Чтобы я не видел ваше бегство!.. За мной! – И он ринулся вперед, подняв свой меч.

И армянские воины устремились за ним, проламывая стену врагов.

— С нами спарапет! Ишхан Смбат прошел в тыл врага. Ишхан Камсаракан теснит их правый фланг! — кричали конные сотники и мчались вперед.

И Мушег на своем Белом скакал от полка к полку и то исчезал в гуще рубящихся, то вдруг, сверкнув доспехами, как белая молния, оказывался уже в другом месте, рубя направо и налево, и опять исчезал.

Его телохранители, ловко направляя своих коней, с обнаженными мечами следовали за ним. Раат кричал с перекошенным от напряжения лицом:

— Смело вперед!.. Ишхан Смбат уже в тылу врага! Ишхан Камсаракан громит их!.. Вперед!..

Его гнев словно вспыхивал при виде близко подскакавшего перса: перед ним был похититель, разбойник, личный враг.

Заметив группу конных персов, которые, тараща глаза, с криками продвигались вперед, держа копья наперевес, Раат вдруг загорелся. Он словно почувствовал себя оскорбленным: слишком уверенно враги шли вперед. Крикнув воинам: «За мной!» — Раат бросился вперед... С поднятым мечом, пришпорив коня, он налетел на первого же попавшегося ему перса, одним ударом сбил его с седла. Сбил и второго, а когда развернулся на третьего, вдруг упал сам под ударами персов, налетевших на него с двух сторон.

— Раат упал! Раат! — Несколько армянских воинов, пришпорив коней, ринулись на персов, чтобы не затоптали конями Раата.

Схлестнулись копья и мечи, и персы отступили. Воины, сойдя с коней, подняли тяжело раненного товарища и на носилках унесли за щитовой заслон византийцев.

В носилках Раат лежал без движения, глаза были закрыты, только грудь поднималась тяжело и прерывисто... Он чувствовал: с ним что-то делали, но что — не понимал. Иногда ему казалось, что он еще в бою и рядом с ним скачет на белом коне спарапет. Потом вдруг он оказывался у родника, и Назени тепло смотрела на него своими темными глазами.

За заслоном из щитов лекари и их помощники, нагнувшись над ранеными, промывали и перевязывали раны. Опытный врачеватель, сделав надрез, под стоны и крики воина извлекал стрелу из его тела. Когда носилки Раата поставили на землю, старик помощник лекаря подошел, чтобы взглянуть на рану, и упал на колени:

— Раат, дорогой, и ты ранен!..

И ласково потрепал его плечо.

Но Раат был неподвижен, глаза — закрыты. Старик положил руку на его грудь.

— Боже мой, он без сознания, он умирает!

Старый помощник лекаря был Закарэ.

Когда по эту сторону реки часть армянского войска дрогнула и спарапет поскакал в гущу сражающихся, Пап на горе еще больше встревожился. Видя, как Мушег звал воинов в бой и сам врубался в ряды врагов и исчезал, он почувствовал, что его спарапета могут ранить и даже захватить в плен. Перед ним падали и умирали его воины, и ему казалось, что эти люди получают раны и гибнут, чтобы он оставался царем, чтобы не попал в руки персов, как его отец... А он предавал их, уйдя на эту гору, подальше от вражеских мечей и стрел.

Обернувшись к свите, с волнением наблюдавшей за боем, Пап заявил, что он тоже сейчас поскачет туда, в бой, что нужно поддержать дух воинов. Стоявшие рядом с ним нахарар Гнтуни и Иеремия встревожились.

– Ты должен беречь свою особу, государь...

– Но делает ли мне честь быть наблюдателем, в то время когда мое войско сражается с противником, а мои военачальники находятся перед мечами и стрелами?

– Таков порядок, государь, – проговорил Теренций, как всегда мягко и дружелюбно. – Государи должны повелевать...

– И сражаться при необходимости, – заметил Пап. – Вспомните Плутарха, комес.

– В редких случаях, государь, в редких случаях. Лишь тогда только, когда надо личным примером ободрить павшее духом войско. А твое войско сражается отважно.

– Но враг многочислен, комес! Почему, кстати, византийское войско не идет на помощь? – высказал наконец царь то, о чем давно думал.

– Они пока устроили щитовой заслон, государь. Если будет нужда, не откажутся и оказать помощь.

Папа не убедил спокойный и вежливый ответ посла. Между бровей у него залегла глубокая морщина, и он опять повернулся к полю боя, взволнованный и обеспокоенный тем, что сам он не там. Несколько минут он мрачно, не отрываясь смотрел, как его воины бросаются на противника, как они рубятся мечами и, пронзенные копьями, падают. Он тяжело дышал, потом вдруг, быстро оглянувшись на соседей, отошел в сторону на два шага и взялся за рукоять меча. Через мгновение пораженные царедворцы увидели: царь вдруг сорвался с места и, как юноша, убегающий из родительского дома, бросился к своему коню, которого уже держал за узду один из его телохранителей. Еще миг – и он был в седле и стремительно понесся на своем золотистом коне по склону вниз.

Свита царя смущенно засуетилась, но комес Теренций не потерял самообладания.

– Спасите государя! – чуть повысив голос, мягко проговорил он, огорченный тем, что Пап его не послушался. – Не позволяйте ему вступать в бой.

Однако было поздно. Пап уже скакал у подножья горы. Он мчался, пригнувшись к холке коня, сверкая обнаженным мечом, и мантия, развеваясь, летела за ним.

Он подлетел к месту боя в тот момент, когда армянское войско, воодушевленное своим спарапетом, с криками двинулось вперед, оттесняя врага к реке, а персы, видимо почувствовав близость реки и ее опасность, стали биться отчаяннее. Армяне вламывались в их ряды, один армянский воин зычно басил на персидском:

— Вперед!.. Вперед!.. Ромеи идут нам на помощь!

Он летел вперед, и его трубный глас настигал каждого перса:

— Вы окружены! Наши ишханы уже у вас в тылу!.. С нами ромеи!..

Этот бас, должно быть, докатился до самых дальних рядов вражеского войска — у врага вдруг началась сумятица, полки персов подались назад, покатились к реке. Это могло быть и обманом — чтобы заманить армян на ту сторону реки. Во всяком случае, персы хоть и отступали, но один их полк продолжал сражаться, прикрывая остальные части, которые теснились, переходя реку. Всадникам переправа удавалась легко — кони сами выносили их на другой берег. Пехотинцам приходилось труднее — искать брод не было времени, многие бросались в реку, чтобы переплыть, но тяжелые доспехи и оружие тянули их ко дну.

В эту минуту, направляясь к другому крылу сражающейся армии, Мушег заметил группу верховых, которые, пустив коней вскачь, неслись со стороны горы за одиноким, далеко опередившим их всадником в мантии. Они махали ему и что-то кричали... Но всадник словно не слышал их, мчался во весь опор к месту боя. По золотистому темногривому коню, шлему и красной мантии Мушег сразу же узнал царя и, направив Белого ему наперерез, забыв все приличия, закричал своим густым голосом, как кричат на расшалившегося мальчишку:

— Пап, остановись! Пап!..

Но царь, подавшись вперед на своем коне, высоко подняв обнаженный меч, продолжал скакать, влетел в толпу всадников и исчез среди сражающихся.

Молодые телохранители, преследующие царя, и спарапет погнали коней за ним.

«Что ему нужно? Зачем он здесь?» — шептал Мушег с досадой. У спарапета и без того было достаточно хлопот, а тут еще забота прибавилась о безопасности особы государя.

Мушег удивлялся: такая большая свита, столько телохранителей — и не могли удержать молодого царя, позволили ему вмешаться в это побоище... Ища глазами мантию Папа, Мушег с копьем, изготовленным к удару, гнал Белого вслед за ним.

Юноша на черном коне, скакавший туда же, увидев спарапета, крикнул:

— Царь! Там царь!.. — и, хлестнув коня, полетел впереди спарапета.

Вскоре вдали среди армянских воинов Мушег заметил Па-

па. Подняв меч, царь скакал к персидскому всаднику, а другой перс, приметив его необычные доспехи и мантию, шпоря коня, летел к Папу сбоку. Он уже занес меч для удара, но тут юноша на черном коне, скакавший перед спарапетом, с ходу навалился на перса и, вытянувшись вперед, концом меча достал его кисть.

Меч персидского воина с отрубленной рукой упал на землю.

Спарапет достиг Папа и, схватив его коня за узду, вывел из боя. Подскакали телохранители царя:

– Государь!.. Государь!..

Глаза спарапета казались еще темнее от негодования, но он сдерживал себя. Когда отъехали от места битвы, он остановил коня перед Папом.

– Зачем пришел? – закричал он. – Государь, прошу тебя! Уезжай отсюда! – И, повернувшись к подоспевшим телохранителям, приказал: – Уведите государя!

Папа удивил резкий тон спарапета. Все еще тяжело дыша от быстрой скачки, он только и смог сказать:

– Кто может запретить мне сражаться против моих врагов?

– Я! – И спарапет твердо взглянул на Папа. – Я несу ответственность за тебя. Уходи, государь, не мешай мне! Благодари юношу, который спас тебя...

Пап косо посмотрел на спарапета. Помолчав, тихо спросил:

– Кто тот юноша, что отсек руку перса?

– Гнел Андзеваци, – сказал один из молодых всадников.

– Гнел Андзеваци? Я помню его имя. Позовите его, – приказал Пап.

Гнел Андзеваци, скромно отъехав в сторону и сдерживая своего разгоряченного коня, с восторгом и преданностью глядел на Папа, не смея приблизиться. Услышав слова царя, он покраснел и нерешительно тронул коня вперед.

Пап любовно оглядел его коня, доспехи, шлем и сказал:

– Дай твою руку, Гнел Андзеваци! – И, взяв руку юноши, склонившись к нему, поцеловал его в лоб. – Благодарю тебя, юноша. Это второй твой подвиг. В Нахчаване и здесь. С сегодняшнего дня ты будешь в моем придворном полку...

Убедившись, что царь окружен надежной охраной, Мушег поскакал к другому крылу сражающейся армии.

Его настигли одновременно два гонца от ишхана Камсаракана. Обнаружив у подножья горы конницу леков, ишхан разбил и разогнал ее, захватив царя Шергира. «Что ты потерял здесь, горец, любитель добычи? – сказал он царю. – Не хочешь жить в своих горах – так найди могилу в армянской долине...» И приказал убить его и доставить его голову царю или спарапету.

– И убили? – спросил заинтересованно Мушег.

– Да, господин спарапет, – ответил один из гонцов.

— А голова где?

Другой гонец вынул из мешка, привязанного к седлу коня, голову молодого человека с остроконечной бородкой и, держа за волосы, показал спарапету. Лицо, лоб и одно ухо этой головы были окровавлены.

— Благодарю ишхана Камсаракана, — сказал Мушег. И подумал: «А как дела у ишхана Смбата?»

Спарапет, как и многие, видел спускавшиеся с горы полки Багратуни, но пока не имел от него вестей.

Между тем Смбат Багратуни, двигаясь со стороны Васпуракана, одному ему известными дорогами повел свою конницу в тыл персов и укрепился на высотах южной части долины. Оттуда он и начал спускаться, окружая войско врага.

Это вызвало новое смятение в персидской армии. Видно, персы не ожидали от армян такой дерзости, не ждали, что те могут пройти к ним в тыл и занять такие важные позиции. Однако ишхан Смбат превосходно знал все ходы и выходы. Кроме того, ишхану и его воинам указали короткий и безопасный путь местные крестьяне. Узнав, что после освобождения Васпуракана он опять идет на персов, чтобы сразиться с ними в Дзираве, крестьяне присоединялись к нему пешими и конными отрядами.

Спустившись к двум холмам, находившимся в персидском тылу, и заняв их, конница Багратуни столкнулась с пехотой и конным отрядом персов. Захваченные врасплох, они отчаянно сопротивлялись и даже атаковали войска Багратуни, пытаясь сбить их с этих высот.

Другая часть персидской пехоты и отряды конницы схватились со спустившейся с северной стороны гор конницей ишхана Камсаракана, которая тоже успела занять важные высоты и двигалась дальше, стремясь захватить ложбину между двумя горными цепями в тылу у персов.

Полуокруженные полки врага оказались в тяжелом положении. Тем более что за спинами персов внизу, в долине, все еще бегали разъяренные слоны, дико трубя и топча все живое. Неожиданно начавшийся бой продолжался недолго. Чувствуя, что войска, спускавшиеся с двух сторон, могут объединиться и отрезать последний путь к отступлению, персы покатились назад, но не к реке, откуда скакали к ним, что-то крича, мокрые всадники, и не в долину, где буйствовали слоны. И пехота и конница повернули в сторону, к той дороге, которая еще была свободна, но вот-вот могла быть захвачена конницей Камсаракана. Они спешили сами занять это свободное пространство, чтобы не дать армянским полкам окружить их.

Действиями персидского пехотного полка и конных отрядов, сражавшихся с конницей Багратуни, руководил всадник на вороном коне, стоявший вдали. Вокруг него собралась группа конных ординарцев и телохранителей. Это был стройный мужчина в доспехах, он то и дело указывал в разные стороны копьем и посылал к сражающимся персам конных гонцов.

Иногда, подскакав к войскам, он что-то кричал воинам, ободрял их, посылал вперед.

Кто был этот полководец, бесстрашно и умело руководивший отходом своего войска, никто не мог сказать. Даже тот, кто с ним знаком, не узнал бы его: этот человек был весь одет в сталь, черное забрало закрывало его лицо. Но вот один из воинов Багратуни, присмотревшись, вдруг закричал:

— Меружан! Меружан!

И погнал было коня к нему, зовя других за собой. Друзья-воины еле удержали его, не дали зря погибнуть: ведь, чтобы добраться до того, кого он считал Меружаном, нужно было пробиться сквозь сражающееся персидское войско. Некоторые говорили, что еще неизвестно, Меружан ли это.

— Он, он, говорю же я! — взволнованно повторял воин, узнавший всадника. — Я сразу приметил его — по коню и посадке. Он сидит в седле не так, как все, всегда держит зад высоко... Это он!

Но его никто уже не слушал, внимание было поглощено тем, что делалось у персов. Их спокойное четкое отступление быстро переходило в паническое бегство. Пехота уже бежала, расталкивая друг друга; конница скакала во весь опор, иногда врываясь в ряды пехоты, топча людей.

Казалось, всех гнала одна забота, один страх — не оторваться, спастись от окружения и не попасть в плен.

И бежали — кто пуская стрелы, а кто со щитами на спинах, чтобы закрыться от стрел.

А полки Багратуни и Камсаракана, спеша отрезать персам путь к отступлению, двигались навстречу друг другу. Видя, что окружить врага не удастся, Багратуни подозвал Бата Сааруни и послал его сообщить спарапету, чтобы тот поспешно слал помощь. Ишхан решил преследовать убегающих.

— Скажи спарапету, — добавил ишхан Смбат, по старой привычке держа Бата за руку — он всегда так делал, если хотел, чтобы человек его хорошо понял, — скажи спарапету или царю, что я, не останавливаясь, погоню персов до границы. Пусть, когда кончат с ними здесь, идут мне на помощь...

Смбат Багратуни притянул Бата к себе, так что кони их сошлись вплотную, поцеловал и пожелал счастливого пути. А сам поскакал догонять свое с боем продвигающееся вперед войско.

Пока ишхан Камсаракан у подножия противоположной горы сражался с упорно сопротивляющимися врагами, пядь за пядью постепенно захватывая пространство, конники Багратуни, продвигаясь вперед по волнистой местности предгорья, метали стрелы, стараясь хотя бы отрезать часть персидских войск. Армянским воинам приходилось то и дело спускаться в овраги и даже в ущелья, а потом опять взбираться на холмы, и это удлиняло их путь, утомляло. А персы убегали по ровной дороге равнины. Они раньше достигли того места, которое мо-

гло быть отрезано армянским войском, и, миновав опасный рубеж, побежали еще быстрее.

Пешим воинам было тяжело: полы длинных одежд затрудняли бег, груз доспехов, копья, луки и колчаны – все это давило к земле. Коннице персов было легче, она то и дело останавливалась и, прикрывая свою пехоту, пускала стрелы в армян. Командовал отступающим войском все тот же стройный военачальник с забралом на лице.

Разгоряченный, взволнованный воин, узнавший несколько минут назад этого всадника на вороном коне, опять увидел его и закричал:

– Меружан! Меружан!

Один из телохранителей, пришпорив коня, подъехал к ишхану Смбату:

– Мой господин! Говорят, этот начальник, что отдает распоряжения,– изменник Меружан!

– Меружан? – удивился ишхан Смбат.– Погоди, сынок, уж я-то его знаю. Как бы ни маскировался, узнаю проклятого. Погоди!..– И, остановив коня, он долго смотрел на всадника, руководившего отступлением персидского войска. Он тоже знал, что ишхан Меружан Арцруни имеет обыкновение так держаться на коне, что зад не касается седла.

– Та-ак...– приговаривал ишхан, ведя взглядом за скачущим вдали всадником.– Та-ак...– И вдруг чуть не подпрыгнул в седле.– Он! Это проклятый отступник! Он!..– Лицо Багратуни потемнело, он скомандовал: – Окружить!.. Взять невредимым! Не убивать! Живым, живым его...

Через несколько секунд от конного отряда, сопровождающего ишхана, отделились тридцать всадников и помчались вниз по склону горы.

– Погибнем, но возьмем! – крикнул один из них.

Ишхан, словно забыв все, пристально следил за цепочкой всадников, которая летела с горы со скоростью урагана. Лучники ишхана Багратуни пустили в персов золотистое облачко стрел, прокладывая дорогу для тридцати удальцов. С криками «вперед!» этот отряд прорвался через неплотные ряды персидских лучников и издали окружил затянутого в латы военачальника с его телохранителями... К счастью, телохранителей было немного – всего восемь или десять конников.

Увидев скачущих на них армянских воинов, персы подтянулись и напряглись. Но военачальник с забралом, заметив опасность, пришпорил коня и, искусно орудуя копьем, нанося удары направо и налево, сразу же прорвал цепь окружавших и вместе с телохранителями помчался вперед. С большим искусством он вырвался из кольца, видно, понял, что его хотят взять живым.

Армяне преследовали его, как охотники зверя.

Ишхан Смбат заметил с холма, что захватить персидского военачальника не удалось. Не выдержав, разгневанный, он при-

шпорил коня и поскакал вниз, а за ним и его телохранители и воины с луками и копьями.

А те тридцать, которым не удалась их первая попытка, теперь мчались за всадником в латах, пригнувшись, почти припав к гривам коней. Настигнув двух телохранителей, копьями сбили обоих наземь, однако те, что были впереди, вонзив шпоры в бока коней, сумели оторваться от преследующих. Но вот их опять настигли, и еще два телохранителя упали от сильных ударов копьем. Военачальник остался с четырьмя воинами.

Вначале он несся по дороге, но вскоре, почувствовав, что погоня приближается, свернул и с неожиданной быстротой бросился к долине, надеясь, видимо, что здесь, на мягкой земле, преследовать его будет труднее.

И верно, погоня замедлилась – копыта коней увязли в рыхлой почве, подняв тучу пыли. Сам военачальник в латах, мчась впереди, поднимал такую пыль, что его с конем едва можно было различить.

Почему-то его конь не замедлил бега.

– Стой! Стой! – кричали позади него армянские воины по-армянски и по-персидски. – Стой, а то стрелой собьем!..

Преследуемый продолжал мчаться во весь опор.

Но и кони армян прибавили скорости. И опять армянские воины увидели, что добыча уже близка. Один даже поравнялся с вороным конем... Но тут всадник в латах повернулся и двумя искусными ударами копья отбросил двоих преследователей, а сам, повернув коня, поскакал в сторону, и воины потеряли его на миг в облаке пыли.

Громкий голос ишхана Смбата, догонявшего их, словно подстегнул каждого:

– Догнать! Захватить!

И опять началась дикая скачка. Один из конников, чувствуя, что поймать беглеца будет трудно и что этот искусный всадник может без конца крутить их по долине, не выдержал и, улучив удобный момент, изо всех сил бросил копье в вороного коня...

Копье пробило бедро задней ноги скакуна и осталось там торчать. Конь зафыркал, остановился и, потоптавшись, повалился на бок.

Но преследуемый уже выпрыгнул из седла и бросился бежать. Догнав его, молодой армянский воин спрыгнул с коня и обхватил беглеца, как обнимают ствол дерева. Подоспели и другие воины. Спешившись, они обступили пленника, один сорвал с него накидку, другой – медный шлем с забралом, и все воскликнули разом:

– Это он! Он!.. Отступник!..

Когда ишхан Смбат добрался до них, армянские воины, окружив пойманного Меружана, плевались и заглядывали ему в лицо.

– Раб Шапура! Отступник! Предатель!..

А тот, что узнал Меружана первым, кричал навстречу Смбату:

– Это Меружан, господин мой! Самый настоящий Меружан! Я же говорил – так нет же, не верили...

Подъехав, ишхан с помощью телохранителей слез с коня, подозвал этого воина и, указав на дым, поднимавшийся из ближних зарослей тростника, что-то сказал ему. Потом медленно и грозно надвинулся на Меружана, которому один из воинов, стиснув зубы, связывал в это время за спиной руки. Остальные продолжали, плюясь, поносить отступника:

– Ну что, глава рода Арцруни? Хорошо тебе? Приятно?

Ишхан остановил их с усмешкой:

– Воины, не мучьте полководца царя царей. Сегодня день его чествования, – сказал он, подходя ближе и бряцая доспехами. Глядя в красивое лицо Меружана и еле сдерживая чувство гадливости, он обратился к нему: – Итак, ишхан Арцруни, за услуги, оказанные тобой вскормившей тебя родине, ты сегодня будешь удостоен чести и венца. Ты, который столько раз приводил персидское войско в свою страну и не удостоился от огнепоклонников-персов никакой чести. Шапур ведь обещал тебе армянскую корону! И не дал! Я буду щедрее, Меружан...

С этими словами он отошел на несколько шагов и стал смотреть на дым, поднимавшийся из тростниковых зарослей. Он молча смотрел на этот дым и ждал. Его воины тоже ждали, что будет, что сделает ишхан Смбат. «Удостоиться чести» – ведь эти слова что-то означали...

Вот тростники зашевелились, оттуда выбежал воин, неся накаленную добела железную стрелу. Он держал ее за конец, обернутый куском войлока.

– Сверни в кольцо! – приказал Багратуни запыхавшемуся от бега воину.

Секунду помешкав, воин сунул другой конец стрелы под камень и осторожно свернул ее так, что получился обод.

По красивому лицу сидевшего на земле Меружана прошла тень ужаса. Он вздрогнул, словно пытаясь освободить связанные за спиной руки.

– Это не делает тебе чести, ишхан Смбат, творить суд над ишханом, связав ему руки.

– Чести! – усмехнулся Багратуни. – А когда ты таким вот раскаленным железом сжигал свою родину... Это тебе делало честь? Успокойся, Меружан, я хочу лишь почтить тебя за совершенные тобой дела. – И, взяв у воина раскаленный обод, возложил его на красивую голову Меружана. – Вот, ишхан из рода Арцруни, Меружан... Я, ишхан Багратуни, вместо обманщика Шапура венчаю тебя короной по твоему любимому огнепоклонническому обычаю...

Вместе с запахом паленых волос распространился тяжелый запах горелого мяса. Отвернувшись, Багратуни пошел к коню, а воины, оставшиеся возле Меружана, добили его копьями и оттащили тело в ближайшее болото.

Когда его бросали в болото, один из воинов хотел было снять с него золотой перстень с камнями, но другой прикрикнул:

— Не смей брать! Осквернишься! Все на нем поганое!..

Покарав Меружана, ишхан Смбат, окруженный телохранителями, поскакал вслед за своей конницей.

Когда молодой командир придворного полка Бат Сааруни верхом на своем сером коне в сопровождении двух воинов скакал среди холмов предгорья к спарапету, чтобы передать ему просьбу ишхана Смбата, он все время видел то с одной высоты, то с другой персидскую и армянскую армии, смешавшиеся по обе стороны реки. Ветер приносил оттуда звон клинков, яростные крики...

На каждом шагу попадались трупы, пронзенные стрелой или копьем. Иных, должно быть, раздавили слоны — так они были изуродованы...

Видел Бат и коней — пронзенных копьем, бездыханных или бьющихся в агонии. Несколько раз Сааруни объехал большие, как холмы, туши поверженных слонов. Их бивни были окровавлены, иногда до половины ушли в землю. Но больше всего внимание Бата останавливали кони, которые с пустыми седлами, а то и вовсе без седла, волоча уздечку, мчались иногда целыми табунами по всей ширине и длине долины или, сбившись в тесной лощине, кружились на одном месте с диким и горестным ржанием. Иногда они не бежали, а летели как ураган, распустив гривы по ветру. Увидев трупы или приблизившись к месту боя, они шарахались, всем табуном поворачивали обратно и опять летели с диким ржанием в облаках пыли.

Сааруни и два его воина держались подальше от долины, чтобы не оказаться на пути их стихийного бега. Ведь эти безумные табуны могли увлечь за собой и их коней.

Бат ехал и все время оглядывал те места на склоне противоположной горы, где два часа назад сражалась с персами конница князя Камсаракана. Теперь ее не было видно.

«Куда они пропали, где они? — думал Бат. — Преследуют персидский полк по ту сторону холмов? Или все пали в неравном бою и эти кони, бегающие табунами, — их кони?»

Он решил все же как-нибудь узнать расположение войска Камсаракана и вскоре, заметив у холма группу армянских воинов, погнал к ним коня. Еще издали Бат увидел, что они нашли изображение Шапура, нарисованное на доске, — одни хотели разбить его копьем, другие считали, что доску нужно невредимой доставить спарапету.

Спор разрешил Бат.

— Верно, отнесите спарапету, он вас за это наградит, — сказал он и спросил, не знают ли воины, где полк Камсаракана.

— Камсаракана? — качали те головами. — Вот, может, они

знают.– И указали на большую группу конников и пехотинцев, собравшуюся поодаль от холма.

Бат направился туда, а когда подъехал, удивленно остановил коня: среди толпы воинов он увидел Мушега. Спарапет был в доспехах, на своем белом коне. Судя по почтительному интересу в позах и взглядах воинов, окруживших Мушега, там происходило что-то необычное.

Подъехав ближе, Бат увидел: перед Мушегом стоял и смотрел на него молодой военачальник в богатых доспехах, в запыленной мантии и странном головном уборе.

– Кто он? – спросил Сааруни всадника, стоявшего рядом.

– Царь агванов Урнайр, господин,– ответил воин, с уважением отводя в сторону коня, чтобы дать Бату дорогу.– Просит пощадить его и отпустить на свободу.

Бат сразу же сошел с коня, передал узду одному из своих воинов и, протиснувшись через плотную толпу, оказался в первом ряду. Ему хотелось увидеть этого царя агванов, союзника персов, который так ненавидел армян, что собственной персоной явился на поле боя. Мушег гневно спрашивал этого попавшего в плен царя:

– Что же заставило тебя идти на армян? Ты беден? Жаждешь добычи?

Смуглое лицо Урнайра, обрамленное черными как уголь волосами, его глаза под черными, гибкими, как пиявки, бровями, толстые красные губы, которые, казалось, были смазаны маслом,– все это вместе тряслось и выражало страх, когда он заговорил:

– Ты спрашиваешь, что заставило меня участвовать в этой войне. Не жажда добычи, а глупость, спарапет. Простая глупость. И если ты сохранишь мне жизнь, о чем я тебя прошу,– молодой, одетый в мантию царь вдруг стал на колени,– я обещаю быть верным тебе до последнего вздоха. До последнего вздоха! – подчеркнул он и добавил уже упавшим голосом: – У меня маленькие дети...

Он умолк и из-под бровей посмотрел на Мушега так, словно ждал, что спарапет вот-вот опустит на его голову меч.

На лице спарапета видно было лишь отвращение, он не сводил гневно-насмешливых глаз с Урнайра.

– Бедняга, ты похвалялся перед Шапуром уничтожить армянское войско и взять в плен армянского царя! Вот тебе плен! Вот тебе армянский царь! – И Мушег древком копья ударил его по голове.– Иди! – сказал он гневно и, обратившись к воинам, захватившим Урнайра, приказал: – Отпустите его, пусть идет и продолжает свою позорную жизнь!

Сказав это, он опять древком копья ударил поднимавшегося на ноги Урнайра и добавил, подчеркивая каждое слово:

– Хочу испытать тебя, царь Урнайр. Не выполнишь свою клятву – где бы ты ни был, поплатишься головой. Помни – головой!..

И, больше не глядя на подобострастно кланявшегося царя, Мушег с места пустил коня галопом.

За спарапетом, погоняя своих коней, поскакали его ординарцы и телохранители.

Присутствующие при этой сцене воины удивлялись поступку Мушега: как можно было отпускать врага? В их руки попался такой видный, знатный противник – и вдруг спарапет его отпускает!..

Больше всех были удивлены и обескуражены те, кто захватил Урнайра.

– Неверно поступил наш спарапет, – говорил один с сожалением.

– А я вот пойду сейчас, отсеку ему голову и отнесу царю, – вспыхнул другой.

Его одернули:

– Эй, поосторожнее! Нельзя вмешиваться в дела спарапета...

Бат Сааруни тоже был удивлен, даже забыл, куда и для чего послан. А когда вспомнил, вскочил на коня и поскакал, догоняя Мушега.

Когда спарапет выслушал Бата, суровое лицо его посветлело.

– Добро! – обрадовался он. – Этого я и ждал от ишхана Смбата. Пошлем ему помощь. Ишхан Камсаракан сейчас освободится и со своей конницей двинется за ним...

Бат еще хотел спросить, можно ли было верить Урнайру и стоило ли отпускать его. Но удержался. Знал – спарапет с ним никогда не будет откровенным. А поступок его, конечно, непонятен...

«Есть тут какая-то тайна», – думал Бат, следуя за спарапетом, который в окружении телохранителей на своем Белом ехал к полку, сражавшемуся у подножья противоположной горы. Это как раз были воины Камсаракана. Под руководством своего ишхана они пытались окружить отступающую со стороны реки толпу персов. Но до прибытия спарапета исход боя был решен; часть персидских войск, отчаянно рубясь, прорвалась через окружение армян и пустилась наутек. За этими всадниками, растянувшимися цепью, погнались армянские воины. Другая часть персов осталась в окружении. Эти все еще продолжали сопротивляться.

Однако всему этому – и погоне, и схваткам в разных концах долины – положило конец заходящее солнце, которое весь день освещало долину, словно наблюдая за битвой. С его заходом долина постепенно затихла...

Когда до Папа дошла весть о победе и о позорной смерти Меружана, в его глазах от радости появились слезы. Но тут же ему сообщили, что Мушег отпустил схваченного воинами царя агванов, и его радость сменилась удивлением и гневом.

«Камсаракан убил царя леков Шергира, а Мушег отпустил агванского Урнайра! – думал Пап. – Почему он это сделал?» И не мог постичь странного поступка спарапета. Это его огорчало, особенно потому, что Мушег ведь был уже предупрежден.

– Вызовите немедленно спарапета! – приказал он.

Не прошло и часа – Мушег уже стоял перед царем.

Пап в возмущении кусал губы, и было видно, что он не знает, как начать разговор. Наконец, сдержав волнение, царь сказал:

– Ты, спарапет не выполнил свое обещание. Несмотря на мое серьезное предупреждение, ты опять... – Пап остановился. – Тогда объяснил тем, что перед тобой были женщины. Армянский спарапет не сражается с женщинами, сказал ты... А теперь?.. Царь агванов кем был тебе? Родственником?

И Пап, глядя на спарапета, ждал, что же он скажет. Царь был уверен, что Мушег не найдет ответа.

Спарапет ответил не сразу. После укоризненных слов Папа он некоторое время молчал, потом, взглянув на царя и на окружавших его, спокойно сказал:

– Я убивал себе подобных, государь. Но один такой же молодой, как ты, царь обещал мне дружбу и просил, чтобы я сохранил ему жизнь. И рука моя не поднялась на него, так как он, подобно тебе, был молод и был царем...

Пап более не разрешил ему продолжать. Подошел и взволнованно поцеловал Мушега.

– За обещание дружбы ты пощадил врага – потому что он царь и молод!.. Насколько же, стало быть, ты уважаешь своего царя...

«Младенец», – сказал про себя Мушег.

На Дзиравскую долину устало опустился вечер.

Луна опять выглянула из-за гор и заполнила долину молочным светом, посеребрила воды Арацани. Они текли между шуршащими тростниками так спокойно и торжественно, будто ничего не произошло на их берегах...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Был ясный день поздней осени.

На улицах Двина уже с утра было необычное оживление. Мужчины, дети, даже женщины бежали к площади, торопили друг друга.

– Скорее... Уже началось...

Бежал к площади и юродивый Грешник Махкос в своей изодранной одежде и с бычьим хвостом в руке. Полы капы лохмотьями хлестали по его обнаженным голеням.

– Куда спешишь, Махкос? – спрашивали его дети и любящие повеселиться взрослые.

— Царь меня вызвал, — отвечал серьезно Махкос, поворачивая кудлатую голову к спрашивающему.

— А для чего он тебя вызвал?

— Чтобы почести мне воздать, — говорил Махкос, продолжая бежать и тряся лохмотьями.

Городская площадь, куда спешили люди, с утра гремела от веселой музыки, радостных людских возгласов, которые неслись вдаль, плескались над Двином.

На площадь бежали не только дети и праздные зеваки, шли и прервавшие свои занятия степенные люди — ремесленники и даже крестьяне, находившиеся в городе. Но больше всех в толпе бегущих выделялись дети, криком и щебетаньем напоминавшие стайки скворцов.

Добравшись до площади, все останавливались, удивленные необычным ее видом.

Широкая мощеная площадь Двина, на одной стороне которой высилась большая церковь, три других сплошь заняли мастерские и лавки, а во всех четырех углах радовали глаз одетые в камень родники, всегда журчащие чистой водой, — эта просторная площадь была заполнена пестрой толпой, которая с неумолкающим шумом и гомоном теснилась вокруг длинных, сколоченных из досок столов.

Чего только не было на этих столах! Здесь высились горы белого хлеба, на подносах исходило паром тушеное и жаренное на огне мясо, теснились глиняные кувшины с вином, чаши и деревянные сосуды. И еще — фрукты, много разных фруктов...

В дальних углах площади, у ларьков, на пылающих каменных очагах тушили мясо в огромных котлах. Пар из них поднимался вместе с дымом и таял над головами пирующих... А толпы пирующих были так велики, что столы едва виднелись. Женщины и мужчины с засученными рукавами приносили на медных и деревянных подносах новые куски мяса, горы лаваша, кувшины с вином. С большим трудом прокладывая себе путь, они ставили подносы на стол. А в голове каждого стола играла и пела группа гусанов. Оттуда неслись радостная музыка и песни, которые народ поет на больших праздниках и свадьбах.

Пир был устроен по велению Папа. Пять дней назад царь с победой возвратившийся в Двин после Дзиравской битвы, приказал азарапету ишхану Аматуни устроить для народа пир победы с песнями и музыкой.

— К добру твой приказ, государь, — согласился азарапет. Но так как дворцовые склады и запасы из-за войны оскудели, он, в свою очередь, вызвал богатого торговца Тироца, который только что вернулся из своего убежища — Сюника и попросил его помочь.

Выслушав ишхана Аматуни, Тироц приложил руку к груди:

— С радостью, господин азарапет. В честь победы я готов служить тебе.

Этот Тироц, известный в Византии под именем Тирос-армен, отправлял из Армении в Византию и Сирию целые караваны товаров и привозил оттуда парчу, драгоценные камни, золотые украшения для придворных и ишханов, а для горожан и крестьян шерстяные ткани, полотно, цветные бусы, ожерелья, браслеты и серебряные украшения. Его богатство и караваны были известны всей стране. Был Тироц принят и у духовенства. Иногда письма армянских епископов помогали ему в торговых делах, а взамен он привозил для монастырей кресты и утварь, а для епископов отменную тафту и нарядные ризы. Еще до начала войны, узнав, что персы перешли армянскую границу, Тироц погрузил на верблюдов большую часть своего движимого имущества и увез в Сюник, а оставшиеся товары упрятал в специальных, построенных на случай войны, подземных хранилищах, вход в которые знали лишь он и несколько его приказчиков.

Когда Тироц узнал от Аматуни о желании царя устроить для народа пир, он предоставил в распоряжение азарапета свои склады пшеницы и винные погреба и велел пригнать в Двин из своих стад триста голов крупного и мелкого рогатого скота.

И вот народ справлял пир победы.

Впрочем, праздновать люди начали раньше. Весть о дзиравской победе пришла в Двин еще до приезда царя, и люди, узнав об этой второй после Нахчавана большой победе, с радостью принялись приводить в порядок и обновлять свои дома. Те, кто бежал в горные районы, за несколько дней вернулись на конях и арбах, привезли свои пожитки, пригнали скот... Город заполнили радостные голоса и звуки кипучей восстановительной работы... Персы так спешили удрать из города, что не успели захватить его запасы, тем более что двинцы, по старому обычаю, спрятали часть их в подземных хранилищах и зарыли в ямах... Вернувшись, они стали вытаскивать все это на свет божий — свои медные котлы, железную утварь и домашние мелочи, хранившиеся в больших карасах и в маленьких кувшинах. Ремесленники города — чувячники, портные, плотники, кузнецы и гончары — опять открыли свои мастерские: в одном месте теперь бухал молот кузнеца, в другом — топор плотника разбрасывал веселые стружки... Так что за несколько дней прежний мрачный город ожил, как разоренный муравейник, где каждый муравей хлопочет о восстановлении общего гнезда.

То же самое происходило в окрестностях Двина и в более отдаленных деревнях, где крестьяне еще до начала войны, услыша об угрозе вторжения персов, как и горожане, угнали свою скотину в Гегамские и Гугарские горы. Теперь уже над крышами всех домов поднимался извилистый голубоватый дым, и тому, кто смотрел издали, могло показаться, что с этими деревнями ничего и не случилось, — таким знакомым и родным был дым, поднимавшийся между мирными осенними тополями.

Когда в этот радостный миг вдруг пришла весть, что царь дает для народа пир в честь победы,— ликование охватило всех. Ведь армянские цари давно не устраивали таких празднеств.

И вот люди пировали. С утра площадь заполнилась толпой — бедные горожане, оставшиеся в городе, воины, крестьяне — под песни и игру гусанов, стоя вокруг столов, с неутолимым аппетитом, даже с жадностью поглощали еду, щедро наливали в глиняную посуду вино и молча пили, лишь изредка пожелав добра соседу. Захмелевшие начинали подпевать гусанам, проталкивались к ним:

— Твой голос до самой души достает, брат гусан!..

— Вина гусанам! Вина гусанам!

А издали — с плоских кровель, из открытых дверей — на все это смотрели дети, женщины и мужчины из зажиточных домов, не считавшие удобным участвовать в пиршестве толпы. Им казалось, что царь устроил это угощение лишь для бедных. Они не могли оторваться от забавного зрелища, одновременно удивляясь: откуда набралась такая масса людей? Из садов они пришли или, может, из-под земли объявились? Всем казалось, что теперь в городе больше народу, чем когда бы то ни было,— площадь так гудела, словно весь Двин был залит толпой. Гусаны за столами играли и пели с таким рвением, что казалось, будто они состязаются — стол против стола. Но общий гул пирующих подчас настолько усиливался, что в нем тонули, исчезали и песни гусанов. Иногда же шум пира вдруг затихал, будто на площади никого не было,— это означало, что на столах появились новые кувшины с вином и новые, полные мяса подносы. Проходило несколько секунд — и гул опять с новой силой вздымался над площадью.

Юродивый Махкос, перекинув через плечо бычий хвост, проталкивался от группы к группе пирующих, от стола к столу и повторял:

— Все вы гости, кушайте и славьте...

Здесь же был и скоморох в пестрой одежде и остроконечной высокой шапке, он тоже ходил от стола к столу и, гримасничая, передразнивал пьяных и тех, кто еще не опьянел. А если кто-нибудь, вспылив от его насмешек, надвигался на него с угрозами, скоморох сразу же менял тон и начинал высмеивать персов, которые так улепетывали от Мушега, Камсаракана и Багратуни.

Ввалился к нам перс, уподобившись волку,
Хотел он сожрать и меня и тебя.
Но тут ему наши намылили холку,
Теперь он не съест ни меня, ни тебя...

В этой песне, которую скоморох сочинил сам, было много визга и диких выкриков и совсем не чувствовалась мелодия, но скоморох ухитрялся под свою песню даже плясать.

Его веселые прыжки развеселили людей. А может быть, вино и игра гусанов пробудили в них охоту поплясать, – еще не покончив с едой и питьем, в нескольких местах толпа раздвинулась, очистив место для плясунов. Первым начал совсем молодой парень. Притопывая, он прошел между столами, то держа руку над головой, то хватая за рукав или за полу когонибудь из пирующих, увлекая за собой. Вот к нему присоединился еще один, такой же молодой человек, и они, продолжая плясать вдвоем, словно соперничая в гибкости, добрались до группы гусанов, стали плясать перед ними под одобрительные клики зрителей.

Несколько воинов, пирующих за столом, стали приплясывать, каждый сам по себе, и вот уже целые толпы задвигались в такт музыке гусанов. Танцевали в одиночку, а иные хороводом, хлопая в ладоши. Подвыпивший ремесленник кричал за столом во все горло, стараясь, чтобы слышали все:

– Выпьем винца! Выпьем винца... На радость!..

За другим столом поднялись вверх сразу несколько рук с чашами:

– Выпьем за государя! Чтобы хранил нас в мире!..

– И в радости! И в радости!

Все вдруг стали чокаться. Громко бухал бубен, звенел бамбир, вся площадь колыхалась в танце...

Шум площади, который, то усиливаясь, то ослабляясь, разносился по городу, прежде всего проникал сквозь стены большой церкви, где в этот час шла служба. Священники и архимандриты, вернувшиеся из мест, где они скрывались во время войны, и сам местоблюститель католикоса Хад три раза в день совершали здесь богослужение, «дабы очистить от скверны храм и восстановить его прежнюю святость». Кроме того, они три раза в день кропили святой водой стены и пол, алтарь и пороги церкви, чтобы навсегда исчезла пыль ног огнепоклонников-язычников и их жрецов и улетучилось их нечистое дыхание. И вот в то время, когда суровый Хад и его архимандриты, отслужив вечерню, выходили из церкви, их удивил гул голосов на площади, музыка и крики:

– Вина, вина!.. Выпьем! Пусть будет веселье в Стране Армянской!

Святейший Хад поморщился и, прислушиваясь, остановился посреди двора. Архимандриты окружили его. Гул и веселый смех по-прежнему волнами доносились с площади. Его пронизывали то громкие, то слабые звуки свирелей и бамбиров. Хоровые и одинокие поющие голоса, соединившись, словно искали выхода... Этот слитный гул, как бы подступающий к самой церкви, показался архимандритам непристойным. Они знали, что о пиршестве для народа распорядился сам царь, и не противились тому, чтобы народ веселился. Но так близко к церкви и так разнузданно – с вином, песнями и криками...

В полдень еще пировали благопристойно, соблюдали приличие, а теперь, к вечеру, толпа, как казалось архимандритам, совсем распоясалась – вино помутило разум людей, они забыли всякую меру. Особенно резали слух песни, песни гусанов, давно запрещенные, напоминавшие о языческих временах. Некоторое время святейший Хад в окружении своих иереев мрачно слушал все это. Потом с глубоким огорчением сказал:

– Неужели не нашлось другого места? Устроили пиршество у святой церкви... Как будто специально для соблазна христиан, – добавил он, качая головой.

– Можно бы и поприличнее, – добавил длинный худощавый архимандрит, отец Согомон. У него была удивительно темная борода, она так блестела, словно была смазана маслом.

В это время за стеной церковного двора раздался новый всплеск голосов:

– Вина, вина! Еще вина!..

Несколько голосов требовали:

– Почему замолчали гусаны? Пусть будет веселье во всей Стране Армянской!

Кто-то прямо под стеной цыкнул:

– Осторожно, тише! Святые отцы услышат! Проклянут...

– Пусть послушают и выпьют вина! Сегодня вся Страна Армянская веселится!..

Святейший Хад побледнел, его руки задрожали. Архимандриты заметили это, один прошептал:

– Языческие слова!..

– Издеваются над святыми служителями церкви, – добавил отец Согомон.

Они опять замолчали, еле сдерживая себя, и посмотрели на святейшего. Тот, почувствовав, что от него ждут действия или слова, сокрушенно заговорил:

– Народ увлечен Бахусом и забывает заповеди Христовы. Пойдем в народ, братие. Увидев нас, служителей церкви, он опомнится и, даст бог, откажется от своих языческих привычек...

И разгневанный святейший епископ Хад первым зашагал к воротам. За ним последовали архимандриты, дьяконы и иереи – человек двенадцать, тоже кипящие гневом, но этот гнев был скрыт под черными рясами, опускавшимися до пят, вид у всех был покорный и кроткий. Они шагали решительно, словно шли умиротворять и призывать к порядку людей, преступивших заповеди Христовы.

Когда, открыв ворота, они чинно молча вышли друг за другом, вид площади изумил их. За стенами церковного двора они слышали лишь голоса и крики, но видеть все, что происходит на площади, не могли. Теперь перед ними открылась пирующая и пляшущая толпа, окружившая длинные столы, поставленные по краям и в центре площади, и это показалось им стихийным языческим игрищем: жующие и причмокивающие рты,

пьяные песни, непристойные пляски... Священнослужители остановились, чтобы лучше рассмотреть все, и, послушав гусанов, стали еще мрачнее. Эти бродячие певцы орали те самые богопротивные песни, которые было запрещено петь не только близ церковных стен, но и вообще где бы то ни было. На площади звучали старые языческие песни-сказы, из-за которых церковь не терпела гусанов, наказывала их, чтобы не распространяли в народе соблазн и праздномыслие.

– Проклятые! – не вытерпел отец Согомон. Он, дрожа, глядел на епископа Хада, рассчитывая получить его одобрение. – Совсем, совсем рядом со святым храмом!..

Святейший Хад молчал, с плотно сжатыми губами он созерцал неистовую радость заполнившей площадь толпы. В пиршестве, к его удивлению, участвовали и женщины. У одного из столов мужчины и женщины с красными, радостными лицами кружились в стремительном хороводе. К ним присоединились и воины – все вместе гоготали, хохотали и прыгали, забыв всякую покорность и почтение... И такие хороводы были не в одном месте. Вся площадь словно колыхалась в танце красок и звуков. Святейший Хад за всю свою жизнь не видел еще такого. Но он знал, что так радовались язычники на своих празднествах.

В довершение всего и святейший Хад, и окружившие его архимандриты заметили в толпе юродивого Махкоса с его бычьим хвостом в руке и пестрого скомороха в длинной остроконечной шапке с кисточкой. Он прыгал и гримасничал, высовывая язык. Вытерпеть одно лишь это – было свыше всяких сил. Но случилось худшее.

Скоморох увидел выстроившиеся в ряд под церковными стенами черные фигуры, встрепенулся, подпрыгнул и завопил:

– Святые отцы! Святые отцы! Вина святым отцам!..

Его крик подхватил юродивый Махкос, подняв бычий хвост:

– Вина святым отцам!..

– Пойдемте, отцы... Не место нам здесь, – сказал Хад, дрожа, но внешне сохраняя спокойствие. Он повернулся и вместе со своими архимандритами, дьяконами и иереями вошел в церковный двор. Ворота за ними закрылись, щелкнул засов.

Но и во двор продолжали доноситься пьяные крики и песни.

– Бесстыжие... Языческие нравы!.. – больше всех был огорчен отец Согомон, от возмущения он не мог найти себе места. Долго кружа по двору, он наконец подошел к святейшему Хаду. – Неужели так все и оставим, святейший отец?..

– А что бы ты хотел, отец Согомон? – Епископ Хад уставился неподвижными зрачками в лицо взволнованного архимандрита, словно не поняв смысла его слов.

– Дурной пример безнравственности подает царь...

– Да, отец Согомон. Но что можно сейчас сделать?

– Что?.. – Отец Согомон растерялся. – Ты, конечно, лучше

меня знаешь, святейший отец. Строго предупредить царя.. Чтобы больше не повторялись сии языческие действа.

– Видишь ли, отец Согомон, он – государь. И новый...– Хад умолк на полуслове, будто увлеченный новой мыслью Вместо него отец Согомон добавил нужное слово:

– И юнец незрелый...

– Да, он юн...– сказал Хад задумчиво и умолк.

Отец Согомон тоже замолчал, ожидая авторитетного слова святейшего. Однако, видя, что тот не желает говорить, начал опять сам:

– Поговори с ним, святейший... Не позволяй, чтобы творил он дела искушающие.

– Пребудь в спокойствии, отец Согомон. Поразмыслим о необходимом.

О чем надо поразмыслить, он не сказал.

Святейший Хад не меньше, чем отец Согомон, был взволнован, однако не хотел сам идти к царю, не посоветовавшись с католикосом. Кроме того, он знал: если он заговорит сам, то скажет слова слишком суровые. Пусть лучше говорит католикос. Тем более что не годится нарушать установленный порядок... Не будь в Стране Армянской Нерсеса, он поговорил бы и сам, но поскольку патриарх в Вагаршапате – пусть уж лучше он.

Затеянный Папом пир победы Хад считал дурным знамением. Царь либо не уважает церковь, либо действует неблагоразумно. Иначе он спросил бы совета у католикоса или у него...

«Обуздать надо этого юнца,– сказал Хад про себя.– Обуздать, пока не поздно, не позволить, чтобы творил дела безрассудные и скверные».

А на площади, несмотря на то что были уже сумерки, пир продолжался с таким же размахом и рвением. Когда на город спустилась темнота, для освещения площади и пиршественных столов, как это делали на больших праздниках в цитадели, зажгли наполненные маслом фонари на железных и деревянных треножных подставках. Их было немного, поэтому зажгли еще и тряпки, политые маслом и привязанные к шестам. Все же и эти факелы не могли как следует осветить огромные столы на площади.

Несмотря на это, веселье не ослабло. Напротив, факелы вызвали новую волну ликования, опять пробудили аппетит. Гусаны с новым рвением затянули свои песни, стали играть, люди подпевали им увереннее, а танцоры, воодушевленные светом и дружными хлопками в ладоши, закружились с большей прытью.

Эти голоса веселья долетали, конечно, и до цитадели. С галереи на это пиршество смотрел царь Пап. Своими полыхающими огнями оно напоминало ему византийские праздники.

Вместе с Папом была царица и большая часть придворных – азарапет ишхан Аматуни, Зенон Гнуни, полный, круглый Ота Апауни, Бат, царский письмоводитель Иеремия и еще несколько нахараров. Были здесь и придворные дамы – среди них одетая в черное ишхануи Сааруни, мать Бата, с нею ее невестка и жена Иеремии. Поодаль стоял Айр-Мардпет. Все были радостно настроены и превозносили мудрость царского замысла, считая, что пир победы будет приятен народу и укрепит добрую славу царя.

– Хорошо начинаешь свое царствование, государь, – говорил азарапет ишхан Аматуни. – Народ не забудет этот день...

– Справедливые, справедливые слова, – кивали Зенон Гнуни и толстяк Ота Апауни.

– Вы думаете? – Пап прищурил глаза.

– Несомненно, – ответил за всех Зенон Гнуни.

– Лишь бы не было беспорядков, – заметил Пап.

– Не беспокойся, государь, – заверил ишхан Аматуни. – Радость не причиняет зла. Но на всякий случай приняты меры, чтобы беспорядков не было.

Пап опять умолк, глядя на площадь. Его лицо было мирно и безмятежно. Ему казалось, что и в самом деле радующиеся люди вряд ли станут чинить беспорядки.

Однако его мысли уходили дальше. Думал: что нужно сделать, чтобы не было больше внешней опасности, чтобы страх и ужасы перестали существовать для страны... Длительный мир... Как его достигнуть? Возможен ли такой мир в Стране Армянской?.. Возможен, думал царь. Но только в том случае, если у страны будет большая армия, объединенная мощь, которая сможет противостоять всем врагам... Как этого добиться?.. Трудный, сложный вопрос. Чтобы найти на него ответ, нужно было думать и думать...

Только здесь не место было для поисков этого ответа. Разговоры окружающих и веселые вскрики, доносившиеся с площади, отвлекали царя. И, слушая неровный глухой гул, приливающий вместе с порывами ветра, всплески музыки и песен, Пап понимал: этот пир был необходим...

А епископ Хад в этот самый час, слушая со своей братией эти крики, хлопки в ладоши, игру и песни, долетавшие из-за стены в церковный двор, прежде всего дивился: как это Пап не понимает, что пир с возлияниями христианам не к лицу? Как мог позволить такое богопротивное дело? И иногда шептал:

– Горе тебе, страна, ибо царь твой младенец...

И архимандриты, расслышав этот шепот, подхватывали:

– Горе, горе тебе, Страна Армянская...

Всем им казалось, что с этим пиршеством на площади, озорными песнями гусанов и бесстыжими разухабистыми танцами поднимает голову язычество и в город вступает грех. А святейший Хад думал: завтра, завтра же отправится он

в Вагаршапат и обо всем поговорит с католикосом. Пусть старец наставит Папа на путь благочестия и мудрости.

Беспокойные мысли одолевали в тот вечер и Айр-Мардпета. Он тоже стоял в галерее среди придворных, но держался серьезно и сдержанно, как и подобает старшему нахарару. Глядя на огни пирующей площади, он думал: когда же наконец Пап останется один, чтобы можно было поговорить с ним. В конце беседы с царем он бы коснулся и этого веселья на площади и похвалил бы пир. Это, конечно, не понравится церковникам, тем более надо похвалить, назло черным рясам, которые все хотят высушить и превратить всю жизнь в тоскливую церемонию. Вот уже сколько дней собирается Айр-Мардпет поговорить с Папом – и все никак не удается. После возвращения с Дзирава царь всегда был или занят, или окружен придворными. Вот и теперь так и облепили его. Поневоле разозлишься, особенно на азарапета Аматуни и Зенона Гнуни, которые все время ведут с Папом ненужные угодливые речи. Айр-Мардпет был рад, что хоть спарапет Мушег отсутствовал. После Дзиравского сражения он остался руководить войсками, и Айр-Мардпет теперь мог свободно поговорить с царем и о Мушеге. Он считал, что Папа надо вывести из-под влияния этого злого Мамиконяна, если, конечно, это влияние существует. Папу нужно объяснить многое, поскольку он молод и еще не знает свой народ, своих нахараров; не знает, как вершить государственные дела и как вести себя с людьми. Айр-Мардпет, старый и опытный придворный, считал даже своим долгом открыть царю глаза на многое... Но прежде всего он хотел наконец узнать отношение Папа к нему, к Айр-Мардпету, и рассеять свои сомнения. Только бы царь остался один и выслушал его.

И этим вечером наконец это удалось. Царица Зармандухт то ли устала смотреть на площадь, то ли озябла в легкой одежде под прохладным ветерком поздней осени. Сославшись на холод, она вместе с дамами ушла во дворец.

– Вы тоже можете идти, – сказал Пап придворным. – Я хотел бы немного побыть один...

Нахарары и другие придворные во главе с азарапетом Аматуни склонили головы и все вместе ушли.

Остался один Айр-Мардпет, стоявший в стороне.

– Не нарушу ли, государь, твое одиночество, оставшись здесь еще две минуты? – сказал Айр-Мардпет, подойдя к сидевшему в кресле царю и стараясь угадать его настроение.

– Нет, – сказал Пап. – У тебя есть что мне сказать?

– Да, государь, если соизволишь выслушать...

– Говори, Айр-Мардпет, – кивнул Пап.

– Да, я давно хотел поговорить с тобой, государь, – начал Айр-Мардпет, – и поговорить наедине.

– Говори, Айр-Мардпет, – повторил Пап. – О чем может

быть твое слово? – спросил он сразу с сомнением и, как показалось Айр-Мардпету, не очень доброжелательно.

– О происшедшем здесь, государь.

– О происшедшем? – опять повторил царь как-то удивленно.

– Да, если позволишь, хотел бы рассказать, что произошло в нашей столице, когда твоя мать-царица удалилась в Артагерс.

Пап косо посмотрел на того, кто был когда-то его воспитателем.

– Я все это знаю, Айр-Мардпет, – сказал он сдержанно. – Меружан пришел, и ты открыл перед ним двери Двина, встретил его с почестями и привел в этот дворец Аршакидов, где еще не ступала нога завоевателя.

Айр-Мардпет побледнел, растерянно затоптался на месте.

– Государь, разреши все объяснить, и ты увидишь, что меня оклеветали мои враги...

– Нет нужды, Айр-Мардпет. Не хочу выслушивать никаких объяснений. Желаю лишь, чтобы глаза мои после всего этого не видели тебя во дворце Аршакидов. Поступить с тобой строже я не могу – ты был моим воспитателем... Удались, Айр-Мардпет...

– Но, государь, если я совершил тяжкое преступление, накажи меня.

– Я не хотел бы омрачать нашу радость, Айр-Мардпет. Удались пока...

Айр-Мардпет хотел еще что-то сказать, но царь, заметив это, добавил:

– Я кончил... – и, поднявшись, направился к дворцу.

Айр-Мардпет остался один.

«Все знает, – подумал он. – Нашептали... Но он все-таки не может убрать меня. Не осмеливается! Убить Айр-Мардпета нелегкое дело», – сказал он про себя и медленно побрел на свою половину дворца, удивленный, что после такого долгого ожидания его беседа с царем завершилась так быстро.

Когда на другой день во дворце распространилась весть об отстранении Айр-Мардпета от дел, все придворные всполошились, каждый, горя любопытством, хотел узнать, какой же разговор предшествовал этому, что сказал Пап, что ответил Айр-Мардпет... Пока все обменивались сомнениями и догадками, Бат Сааруни не выдержал и, пойдя прямо к царю, с порога сказал, переводя дыхание:

– Твой отец, Пап, так не обошелся бы с предателем. Пусть бы не убил, но без наказания бы не оставил.

Пап понял, о ком речь, и ответил:

– Я не желаю, Бат, обагрить свои руки кровью того, кто был моим воспитателем, и притом в первые же дни своего царствования.

— Кровь? Но, государь, ведь каждое государство держится на крови и кровью могущественно.

— Неужели нельзя без крови?

— Нет, государь. Вспомни историю и увидишь, что, к несчастью, это так: и Айр-Мардпет так же опасен, как и Меружан. Наказать его нужно за его преступления.

— Государи не берут свои слова обратно, Бат. Даже если Айр-Мардпет превратится в пламя, что он может нам сделать?

— Многое, государь.

— Например?

— Он влиятельный нахарар. Отправится в свои владения, настроит недовольных нахараров против тебя, против твоей власти, престола...

— Не может он этого сделать, Бат, — заметил Пап уверенно. — Ты всегда был мнителен и во всем видишь дурное.

— Дай бог, чтобы я ошибся, государь, — сказал Бат.

На другой день, еще до рассвета, Айр-Мардпет в сопровождении большого конного отряда, состоявшего из его слуг, выехал из Двина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не прошло и месяца после Дзиравского сражения, как выпал первый снег. Он покрыл не только горы, лег и в полях и в низинах, все вокруг стало однообразно-белым. За одну лишь ночь города и деревни, сады и дороги скрылись в сплошной белизне. А еще через несколько дней подули ледяные ветры...

И началась в горной армянской стране настоящая зима с вьюгами и снежными бурями, которые, дуя в самых разных направлениях, сметали снег с горных высот и гребней, заваливали им ущелья и теснины, насыпали мягкие сугробы, провалившись в которые можно было исчезнуть навсегда. Вьюги сменялись суровыми морозами. Иней покрывал деревья. Словно бы бесчисленные шерстинки поблескивали в воздухе. По утрам в деревнях близ домов дети находили замерзших ворон, воробьев и сорок — зимних птиц Страны Армянской — и несли их, эти окоченевшие игрушки, в теплые хлева или к радостным домашним очагам. А ручьи и реки покрылись таким толстым слоем льда, что крестьянам приходилось поить скотину дома.

Несмотря на суровость зимы, спарапет Мушег с карательным полком переходил из области в область, наказывая и усмиряя тех нахараров и бдешхов, которые некогда восстали против центральной власти царя Аршака, сочувствовали Меружану или же не пожелали принять участие в деле защиты

страны, не откликнулись на его и царя Папа призыв. Продолжая после Дзиравского сражения свой поход к персидской границе, он обезглавил армянского бдешха страны Атрпатакан и правителя области Ноширакан, без войны подчинил область Кордук и край Маров, обложил налогами, взял заложников у местных армянских нахараров, чтобы больше не смели во время опасности отделяться от отечества и «думать лишь о спасении своей головы», как он выразился в своем письме к Папу. Мушег в эти зимние морозы исправно посылал гонцов к царю, докладывая о том, что сделано и что намерен еще сделать. В одном письме он сообщал, что решил «не оставить врагам ни одной пяди земли Страны Армянской и освободить всех, кто был в плену...». Приведя в порядок восточные границы, он собирался перейти в область Шакашен, потом в области Гардманадзор и Кохб и наказать их владетелей – армянских ишханов, отделившихся от отечества. Из письма было видно, что он особенно был разгневан на бдешха края Гугарк который в тяжелые дни обороны Артагерса объявил себя независимым и на призыв спарапета и Папа участвовать в защите страны ответил отказом. Мушег писал Папу, что он не успокоится, пока «не обезглавит трусливого бдешха края Гугарк и не перебьет всю мужскую половину его семьи. Такой карой он грозил и бдешху края Ахдзиник, и владетелю области Мокс. А для города Пайтакарана он приготовил такое наказание, что его жители должны были навечно запомнить, что значит оставить истекающую кровью родину без помощи.

В одном из писем Мушег между прочим выразил свое недовольство тем, что Пап отпустил Айр-Мардпета. Уйдя, нахарар мог смутить умы в своих поместьях, у соседей. Спарапет давал понять, что в дальнейшем таких шагов царю предпринимать не следует, не посоветовавшись с ним.

Пока спарапет Мушег был занят этими делами, Пап, вопреки своему обещанию заняться восстановлением разоренной страны, зажил совсем другой жизнью. Что ни день, то охота или прогулка верхом в сопровождении Иеремии и Бата Саарунн. Иногда он навещал придворный полк, и новый помощник командира молодой Гнел Андзеваци, всегда готовый к самопожертвованию, встречал царя, краснея как девушка. Наведывался Пап и в старые оружейные мастерские, где по его распоряжению ковали оружие, чтобы в стране Армянской каждый муж имел меч или копье. Но охотнее всего он ездил на зимнюю охоту, иногда переодевшись и приняв вид охотника-сепуха, а в иной раз и открыто. Охотился на горных коз, барсуков или волков, которыми был полон лес Хосрова, особенно в горах Гарни. Охотники ехали на специально подобранных быстроногих конях, вооруженные луками, с ними были соколы и гончие собаки. Посланные вперед загонщики поднимали и гнали на охотников зверей и птиц, знающие дело слуги устанавливали капканы.

Иногда Пап отправлялся на охоту и без всего этого, даже

без собак... Бат любил охотничью потеху, а Иеремия ехал поневоле. Дома его ждали привезенные из Византии рукописные книги, любимые Тацит и Плутарх, и собственное сочинение, над которым он работал. Тем не менее, когда Пап приглашал его на охоту или прогулку, он не мог отказаться. Правда, в этих походах были и утешительные стороны: Иеремия видел места, которых давно не посещал, или совсем незнакомые местности, и они вдруг открывали перед ним красоту родной страны. Но и во время охоты, прогулок он мысленно был со своими рукописями и книгами: вдруг видел свое сочинение уже завершенным. Или, вспоминая прочитанное, едучи стремя к стремени рядом с Папом, рассказывал царю о жизни и деяниях римских или греческих героев. Пап всегда слушал его с интересом.

Тепло одетые, они иногда уезжали так далеко, что не могли к ночи вернуться в Двин и оставались ночевать в какой-нибудь деревне, в доме сельского старосты или в монастыре, как сбившиеся с дороги охотники-сепухи, гости настоятеля. Папа словно радовало то, что его не узнают, он охотно беседовал с крестьянами о разных вещах, иногда заговаривал и о новом царе, чтобы узнать, какого о нем мнения простой люд. Эти крестьяне хоть и очень осторожно, но все же высказывались. В одном месте, например, услышав от монастырских крестьян жалобы на настоятеля, Пап спросил, почему они не обращаются за помощью к новому царю.

— Э-э, господин сепух,— ответил старый крестьянин,— что может сделать царь? Он еще неискушенный юнец.

— Однако ты и не обратился к нему, а уже знаешь, что он может и чего не может! — продолжал Пап, еще более заинтересованный.

— Все они одинаковы, господин сепух,— покачал головой старик.— Ни один царь еще не помог нам. И этот не поможет...

Пап нахмурился и умолк.

Зимой он выезжал охотиться и на прогулки не чаще одного раза в десять дней и не уезжал далеко от Двина.

Но с наступлением весны, когда все зазеленело и расцвело, а дни приятно потеплели, Пап участил свои путешествия и стал ездить дальше: до подножий Арарата и Арагаца, где пастухи пасли свои стада, до области Варажнуник, где в густых зарослях водилось много всякого лесного зверя, и даже до Гегамского моря, где рыбаки, войдя в воду, тянули на берег свои сети. Все, что было зимой скрыто под снегом, весна обнажила, делала явным. Среди расцветающей природы повсюду виднелись нищие деревни. Мужчины, женщины и дети, выйдя на поля, пахали землю и собирали пробившиеся травы для еды.

Обычно человек возвращается с охоты или прогулки в радостном настроении. Но молодой царь, куда бы он ни выехал, возвращался грустным и озабоченным, иногда даже мрачным,

и случалось, что день, а то и два никого после этого не принимал.

Заметив такое странное поведение Папа, придворные удивлялись перемене, происшедшей в нем. Все, что он задумал и хотел сделать до и после Дзирава, царь словно забыл, его поглотили какие-то новые мысли.

Управляющий дворцом Зенон Гнуни однажды сказал своему другу – главному управляющему царской конюшней, нахарару Ота Апауни:

– Удивляюсь, ишхан Апауни, что это случилось с Папом? Как подружился с этими влюбленными в путешествия молодыми людьми, совсем не стало видно его во дворце. И делами страны не занимается. Думаю, что нужно его вразумить, поговорить с ним. Или написать, чтобы приехал спарапет. Только он может свободно и смело сказать то, что надо.

– Спарапет! – протянул полный, круглый Ота Апауни, чья голова была будто без шеи приставлена к плечам. Разговаривая, он всегда тяжело дышал открытым ртом. – Конечно, спарапет, господин Гнуни. Только спарапет и может. Но лучше – подождать немного, мы можем помешать спарапету...

– Подождем, – вздохнул Зенон Гнуни, поглаживая длинную бороду.

А азарапет Кенан Аматуни, который тоже все видел, вел себя так, будто его целиком поглотили внутренние дела страны и ничто больше его не интересует.

Странным поведением царя был обеспокоен и обосновавшийся теперь в Вагаршапате католикос Нерсес. Несмотря на свою дряхлость и болезни, он еще с осени, сразу же после дзиравской победы, начал восстанавливать разрушенные персами церкви и монастыри, открывать богадельни и собирать рассеянную братию... Эти работы возглавлял епископ Двина, местоблюститель католикоса Хад. Оседлав своего белого осла, в сопровождении нескольких архимандритов он переезжал из области в область, собирая крестьян для этих восстановительных работ. На прокорм вновь ожившим монастырям и богадельням особо назначенные архимандриты и дьяконы собирали прошлогоднюю десятину, объезжали на мулах деревни.

Услышав, что Пап, или, как Нерсес говорил, «младенец-царь», предался охоте и увеселительным прогулкам, католикос решил лично повидаться с ним и наставить его на истинный путь, чтоб вел себя, как подобает царю. И однажды весной пригласил Папа к себе, в Вагаршапат. Пап был на охоте и не приехал. Тогда Нерсес, разгневанный, сам прибыл в Двин и, явившись к Папу, стал отечески наставлять царя, как ему надлежит вести себя во дворце и за его пределами. Ничего не забыл патриарх – как должен царь обходиться с людьми благородного звания, чтоб заслужить их уважение, как – с церковниками, чтобы удостоиться их молитв и благословения, как обращаться с простым людом, чтобы не распустились. Он дер-

жался с царем так же, как и при возвращении из Византии, в пути. Говорил в том же мягком, назидательном тоне, кладя костлявую руку то на плечо Папа, то на его колено. А в конце заговорил о том пире, который устроил Пап для жителей Двина в честь Дзиравской победы. В этом гульбище католикос видел нечто языческое, не подобающее христианству.

— В таких случаях, сын мой, не мешало бы тебе советоваться со своим патриархом, он с божьей помощью укажет тебе правильный путь и в меру сил поможет в трудном деле управления страной. Никогда не стесняйся обращаться за советом и помощью, ибо государством править — дело сложное, требующее опыта. А так как ты юноша неопытный...

Слушал Пап и молчал, недоумевая и возмущаясь, что католикос разговаривает с ним как с неопытным мальчиком, а пир победы считает языческим и непозволительным. Он даже сделал движение, чтоб заговорить: хотел ответить строго, указать католикосу его место. Но сдержался, уважая старость Нерсеса. Да и не хотел с первых же дней своего царствования сталкиваться с ним по незначительному поводу.

Нерсес, разговорившись, начал его отечески упрекать в том, что он живет беззаботной жизнью. Пап заволновался, заметно изменился в лице.

— Ты так полагаешь, святейший патриарх? — сказал он. — Беззаботной?..

— Это видно каждому, сын мой. Когда...

— Я хотел бы, святейший патриарх, быть действительно беззаботным.

И Пап нахмурился, умолк, словно не желая продолжать неприятный разговор.

Придворные и нахарары решили, что после этого визита католикоса к царю Пап одумается и оставит свои прогулки, займется государственными делами.

Однако Пап как будто не обратил никакого внимания на увещевания католикоса и продолжал поездки по стране, всегда мрачный и поглощенный своими мыслями. Это удивляло многих, особенно была озабочена юная царица Зармандухт. Сперва она не придавала особого значения разъездам супруга, но, когда они участились и Пап стал отсутствовать даже по ночам, по два-три дня, она, соскучившись одна среди все еще чужих ей придворных дам и служанок, стала думать: в чем же причина постоянных отлучек Папа из дворца? Она не думала, что Бат и Иеремия могут повлиять на него в дурную сторону, — знала этих друзей Папа по ученью. Выходит, здесь просто страсть к охоте или... Царица даже стала подумывать, что Пап перестал любить ее и, может быть, нашел себе дочь какого-нибудь ишхана или его жену и теперь под предлогом охоты ездит на свидания и оставляет ее одну. Несколько раз она собиралась поговорить с Папом, но не решалась, не считала удобным волновать царя своими вопросами. Кроме того, Пап теперь был мрачен, озабочен чем-то, и поэтому царица выжидала, надеясь,

что все прояснится само собой. Но однажды, когда Пап был в относительно спокойном состоянии духа, она все же спросила:

— Пап, почему ты так озабочен всегда? Что заставляет тебя так часто уезжать из дворца и оставлять меня одну? Не возьмешь ли как-нибудь с собой и меня?

— Нет, дорогая Зармандухт, нельзя, — ответил Пап невесело.

— Почему? — удивилась царица, внимательно глядя в глаза мужа.

— Те места, куда я езжу, не так уж интересны для тебя.

— А что это за места, Пап, можно узнать? — спросила она неуверенно, с сомнением.

— Это не тайна, дорогая Зармандухт. Поле, лес... оружейные мастерские...

— Оружейные?.. А почему так часто? Неужели опять будет война, Пап?

— Возможно... — избежал ответа Пап.

— Возможно?.. Нет, Пап, если бы было так, если бы опять дело пошло к войне, ты не ездил бы так часто на охоту, а заботился бы о защите страны... Нет, Пап, мне кажется, у тебя горе, тяжелый камень на душе, и напрасно ты скрываешь от меня...

— Оставим это, Зармандухт, — прервал царицу Пап. — Будь спокойна, обещаю теперь бывать дома дольше, не оставлять тебя одну...

Пап ласково обнял плечи царицы, и Зармандухт успокоилась, не стала больше расспрашивать его.

А Пап действительно был поглощен тяжелыми думами. Еще на чужбине, в годы ученья он вместе с Батом Сааруни и Иеремией Аматуни вспоминал с тоской родину. Друзьям казалось, что нет страны лучше, красивее и благоустроеннее, они мечтали о прохладе ее гор, пышных садах, родных песнях, праздниках... Но, вернувшись, они увидели лишь горе, полуразрушенные города, разоренные деревни, бездомные и голодные толпы, которым в своей стране негде было приклонить голову. И сами три друга за год войны потеряли родителей и многих близких. Все, о чем молодые люди думали на чужбине, что выучили и усвоили, куда-то отодвинулось. На смену пришло новое, более сильное и бурное чувство — чувство мести... Нужно было отомстить за все, что совершили персы в Стране Армянской. И еще над ними тяготела величайшая забота — изгнать врага из пределов родной страны, вернуть народу мирную, спокойную жизнь.

Первая из этих целей осуществилась — враг был изгнан из пределов Страны Армянской, ишханы Спандарат Камсаракан и Смбат Багратуни охраняли границы государства, а спарапет Мушег наказывал не выполнивших свой долг бдешхов и непокорных нахараров...

Однако что же думал Пап теперь? Царица надеялась, что

после их разговора царь больше не будет подолгу пропадать где-то – ведь он обещал не оставлять ее одну...

Но через два дня Пап снова отправился на охоту, и опять с Иеремией и Батом, а царица Зармандухт теперь больше чем когда-либо почувствовала, что какое-то горе не дает Папу покоя и он ищет забвения за пределами дворца, в этих поездках по стране.

Однажды царица опять собралась уже серьезнее поговорить с Папом. Когда она вошла в тронный зал, Пап что-то говорил старшему дворецкому. Она услышала:

– Вызови азарапета!

Вскоре вошел статный, с клиновидной бородкой Кенан Аматуни, с подобающим его сану достоинством он поклонился царю и царице.

– Прикажи, государь!

– Ишхан Аматуни, сегодня же отправь гонцов во все области к нахарарам с приглашением на государственный совет. Чтобы были здесь в середине будущего месяца.

Азарапет, стараясь скрыть любопытство, посмотрел на царя.

– А какую я должен указать причину сбора, государь? – спросил он. – Любой из них, конечно, пожелает узнать у гонца, для чего приглашают.

– Все узнают, ишхан, когда прибудут.

И азарапет опять поклонился.

– Добро, – сказал он чуть изменившимся голосом, словно оскорбленный недоверием царя. – Сегодня же, государь, разошлю гонцов во все нахарарские крепости и поместья.

Весна была в полном расцвете, когда нахарары друг за другом стали прибывать в Двин. Это были богато одетые дородные всадники в серебряных украшениях, на отборных конях в серебряной сбруе. Одних окружали конные телохранители, других – сепухи, которые большей частью были их сыновьями или родственниками. Даже поступь их коней была торжественна. Цокая копытами по городской площади, отряд за отрядом рысью проезжали в цитадель. За ними иногда бежал Грешник Махкос с бычьим хвостом в руке и, возвратившись на площадь, объявлял:

– Приехал глава рода Абегян, уже в цитадели... Все едут во дворец трапезничать, а меня вот не пустили...

Приезд нахараров вызвал любопытство и удивление не только у Грешника Махкоса. Все горожане, особенно те, кто работал в окружавших площадь мастерских, спрашивали друг у друга:

– Что случилось? Почему собираются нахарары?

И так как никто не давал вразумительного ответа, шли к известному шорнику Погосу, который имел репутацию человека, сведущего во всем.

– Может, ты знаешь, варпет Погос, почему собираются нахарары? Война будет? Или военные игры?..

– Не возьму в толк, соседи мои,– авторитетно говорил Погос, провожая глазами нахарара, проезжающего со свитой к цитадели.– Война или военные игры – не могу сказать. Поскольку приехал патриарх рода Димаксян, значит, дело предстоит важное,– добавил он многозначительно.– То же могу сказать и о нахарарах рода Дзюнакан. И они приехали оба – отец и сын. Дело тут, конечно, серьезное...

А любопытство все росло, потому что нахарары один за другим все еще продолжали прибывать и в молчании озабоченно поднимались в цитадель.

За три дня уже приехали и остановились в большом гостином доме цитадели нахарары Мар и Нерсех – владетели области Цопк, нахарары Дат и Гнит – владетели области Аштен, ишхан Атом – нахарар области Гохтан, ишхан Горут – владетель области Дзор, глава рода Абегян со своими тремя сыновьями... Приехали похожие на грифов длинношеие Вахевуни, смуглые и костлявые Хорхоруни, живые и круглоликие Гнтуни, нахарар области Басен молодой ишхан Манак, от нахарарского рода Рштуни – Шаэн, вместо патриарха Меендака, который был в плену. Прибыли представители родов Труни, Палуни, старший рода Ангех и, наконец, патриарх рода Авнуни ишхан Манасп – почтенный старец, чьи белоснежные усы доходили до ушей, а глаза сияли юношеским блеском. Явились и многие другие и продолжали прибывать и, встречаясь перед гостиным домом или в его просторном зале, обнимались как старые знакомые. Прежде всего нахарары интересовались здоровьем друг друга:

– Надеюсь, ты в добром здравии, ишхан Вахевуни, и семья твоя тоже?

– Благодарю, ишхан Гнтуни, надеюсь, и у тебя все благополучно и дети здоровы?

После любезных расспросов и благодарностей все сразу же спрашивали об одном и том же:

– Знаешь ли, зачем нас вызвал царь?

– Мне это неизвестно, ишхан Дзюнакан. Может, ишхан Гнтуни знает?

И переходили от одного к другому, чтоб спросить – для чего же их вызвали? Больше всех любопытствовали молодые: ишхан Манак – владетель области Басен, сын нахарара рода Дзюнакан – Врен и ишхан Григорис – нахарар области Кордук. Первые два, постояв немного то с одним, то с другим ишханом, подошли затем к старику Адаму Гнтуни. Его голова, украшенная пышной седой шевелюрой, возвышалась над всеми.

Молодые нахарары все как один склонили перед ним головы.

– Приветствуем, ишхан Гнтуни,– сказали они одновременно.– Есть у нас один вопрос...

— Говорите, дети мои...

— Может, знаете, ишхан Гнтуни, почему царь пригласил нас на этот совет?

— Я сам в сомнениях, дети мои.

— Может быть, азарапет знает?

— Азарапет?..— протянул старик.— Я уже встречался с ним. Не знает.

— А Зенон Гнуни?

— И он не ведает.

— А Ота Апауни?

— Если Зенон не знает, Ота — подавно.

— Кто же знает?

— Может, письмоводитель Иеремия или Бат Сааруни — приближенные царя...

— Подождем, стало быть?

— Да, надо подождать,— кивнул старый Гнтуни.

Но больше всех любопытствовал Григорис, владетель области Кордук, смуглый, крепкий и подвижный, лет сорока. Он то спускался во двор, то входил в гостиный дом и все прислушивался или расспрашивал знакомых нахараров о причине созыва совета. Ему казалось, что тайну прежде всего должны знать старшие, почему и подходил больше к пожилым нахарарам. Когда глава рода Абегян и Адам Гнтуни не удовлетворили его любопытство, он подошел к главе рода Авнуни и уставил на него крупные бычьи глаза, как бы оправленные густыми бровями.

— Ишхан Авнуни, ты-то, наверное, знаешь, почему мы приглашены.

— Нет, сын мой. К сожалению, нет.

— Удивительно,— заволновался Григорис.— Кто же будет знать? И к чему эта тайна? Непонятно...

— Не огорчайся, сын мой, скоро узнаешь. На свете ничто не остается в тайне. Терпение, дорогой. Перед терпением раскрывается все.

— Однако обидно, ишхан Авнуни. Вот уже два дня, как мы здесь, и до сих пор не знаем, для чего приглашены.

— У тебя какие-нибудь подозрения? — Старый Авнуни положил руку на плечо Григориса, словно приглашая его к откровенности, а на самом деле успокаивая.

— Нет, ишхан Авнуни, подозрений у меня нет,— сказал Григорис.— Но ведь нельзя же так: вызвали — и ничего не говорят...

В большой группе, которая собралась перед гостиным домом у деревьев, кто-то сказал:

— Мне кажется, господа, царь нас вызвал на конные состязания или на охоту.

— В таком случае наверняка было бы сказано, чтобы прибыли искусные в охоте, опытные наездники, а не патриархи на-

харарских родов,— заметил нахарар Гнит, владетель области Аштен. Живой, все время улыбающийся, он, разговаривая, по очереди смотрел на каждого из собеседников.— Если бы нас ожидало что-нибудь веселое, не стали бы скрывать.

— Раз не говорят, значит, надо полагать, есть опасность войны или что-нибудь в этом роде,— неуверенно проговорил владетель области Дзор Горут.

— Опасность войны, ишхан Горут,— опять заметил нахарар Гнит,— стала бы известна без слов. У войны есть тайны, но сама она тайной оставаться не может.

— Значит, надо думать, приглашены на почести.

— И это кто-нибудь знал бы, не стали бы скрывать.

— Однако здесь самая настоящая тайна,— засмеялся кто-то.— Ни одна душа не знает!..

— Во всяком случае, надо думать,— сказал Гнит,— что пригласили нас с доброй целью.

— Дай бог, дай бог...— повторило сразу несколько голосов.

Так нахарары беседовали, делились догадками и шутили, собравшись группами перед гостиным двором, когда во дворе появился помощник придворного церемониймейстера. Склонив голову, он приветствовал гостей. Все затихли.

— Господа нахарары,— послышался громкий официальный голос этого человека,— сегодня после полудня вы все приглашаетесь во дворец на государственный совет.

Помощник церемониймейстера делал ударение на каждом слове, чтобы все хорошо расслышали и хорошо запомнили сказанное. Когда он замолк, один молодой нахарар спросил:

— А чем будет заниматься этот совет?

Вопрос был неожиданным. Строгий царедворец помедлил и затем ответил так же четко, официально:

— Об этом узнаете на совете.

Больше никто вопросов не задавал. Не приличествовало такое. Раз не говорят, значит, нечего и спрашивать. До полудня недолго, можно и подождать. И, недоуменно пожимая плечами, все разошлись по своим комнатам, чтобы умыться ароматным мылом и подобающе приодеться к совету.

Пап вызывал нахараров на совет впервые, поэтому многих интересовала не только цель приглашения, но и сама встреча с ним — они хотели увидеть и услышать нового царя. Это желание было всего сильнее у сыновей нахараров, приехавших вместе с отцами. Они просили разрешить и им присутствовать на государственном совете.

— Не подобает,— отвечали старики.— На совет приглашены лишь старшие рода. Могут быть тайны, которые царь не пожелает раскрыть перед молодыми. Понятно? Царя можно видеть в другом месте. Наверно, выйдет из дворца, чтобы повидаться с вами, а может, и примет отдельно.

После полудня просторный тронный зал дворца заполнили богато одетые нахарары. Некоторые уселись в византийских креслах, расставленных вдоль стен, иные — на персидских дива-

нах и армянских подушках. В зале слышался шепот. Разговаривали сидевшие рядом старые друзья, но так тихо, чтобы слова не доносились до постороннего уха.

Яркий дневной свет, лившийся в зал из потолочного фонаря и из высоких окон, подчеркивал роспись стен и блеск убранства нахараров. Некоторые из них надели на головы тиары, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. К тиарам были прикреплены особые повязки для волос, тоже украшенные дорогими камнями. У многих нахараров в ушах красовались драгоценные серьги, а на груди блистали латы. Поверх одеяний нахараров, расшитых золотистыми нитями, были наброшены дорогие парчовые накидки с широкими воротниками из соболя. На ногах у каждого – разноцветная обувь, соответствующая положению и знатности, голени — в шитых золотом наголенниках, пальцы в перстнях, из которых непременно один с дорогой геммой-печаткой, и на ней выгравирован герб — вепрь, овен, лев или еще какое-нибудь благородное животное.

К золотым и серебряным поясам, усыпанным драгоценными камнями, были пристегнуты мечи в позолоченных или посеребренных ножнах. Особенно богатой одеждой и величественной осанкой выделялись нахарары Гнуни, могучим сложением – ишханы Адам и Аргам Гнтуни, почтенностью — владетель области Ашоцк и старый патриарх рода Авнуни, ловкостью и любезными манерами – нахарар Дзюнкан, ишхан Манак – владетель области Басен и нахарар Зарех, владетель области Варажнуник. Эти трое были очень дружны и не отходили друг от друга.

Постепенно шум в зале стал громче, разговоры явственнее, и тут-то в минуту всеобщего оживления вдруг открылась двустворчатая дверь соседнего зала и вошел церемониймейстер — пожилой лысый мужчина в белом одеянии. Не поклонившись, он быстро поднял руку:

— Господа нахарары! Государь идет!

Шагнув назад, он исчез за той же двустворчатой дверью.

Разговоры сразу же словно мечом обрезало, все подтянулись, стали невольно оправлять одежду, чтобы не показаться недостойными, неряшливыми. Старики оглаживали длинные бороды на груди.

Прошло всего несколько секунд, и появился молодой государь, с пурпурной мантией на плечах, с непокрытой головой. Его светлые вьющиеся волосы, остриженные в кружок, спускались до ушей.

Он шел быстро, размеренными шагами, за ним следовали придворные, и все сразу узнали среди них Зенона Гнуни, Ота Апауни, царского письмоводителя Иеремию и Бата Сааруни.

Нахарары шумно поднялись с кресел, диванов и подушек и слегка наклонили головы.

— Приветствуем государя! – послышался в тишине голос старого Авнуни, старшего нахарара.– Армянские нахарары приветствуют тебя, государь!

— Приветствую армянских нахараров! — Пап остановился на секунду и поднял руку. Затем быстро прошел к трону.

— Приветствуем государя, приветствуем!.. Здравия государю! — вразнобой повторили нахарары приличествующими случаю голосами, негромко аплодируя.

Пап поднялся на две ступеньки подножия и, сев на трон, сделал рукой знак, разрешающий нахарарам сесть на свои места.

Все с достоинством, соответствующим сану и положению каждого, заняли свои места. Члены свиты остались стоять у трона: справа — Зенон Гнуни вместе с Ота Апауни, слева — азарапет Кенан Аматуни и Бат Сааруни. Иеремия со свитком пергамента в руке стал у первой ступеньки подножия.

Когда обряд приветствий закончился, Пап, опершись на подлокотники трона, внимательно оглядел присутствующих, словно проверяя, все ли приехали. Затем царь выпрямился.

— Господа нахарары и ишханы... — сказал он и на мгновение умолк.

Все напряглись, не отрывая взглядов от его лица.

— Господа нахарары, — повторил Пап тверже, — я доволен, что в ответ на мое приглашение вы прибыли без задержек. Следуя примеру наших предков, я пригласил вас на чрезвычайно важный для нашей страны совет.

— На важный совет, — прошептал нахарар Григорис, владетель области Кордук, своему соседу нахарару Мурацану.

Мурацан в ответ лишь тронул локтем руку Григориса.

— Теперь я желал бы, чтобы всем вам стал известен наш указ, — сказал царь, опять бросив взгляд на нахараров. — Читай, Иеремия, — обратился он к письмоводителю.

Все напряглись, а некоторые из стариков приложили руки к ушам, чтобы лучше слышать.

Иеремия откинул назад волосы, спустившиеся на лоб, потом развернул свиток пергамента, и в тишине зала зазвучал его мягкий голос:

— «Наш отец несправедливо и противозаконно отобрал у некоторых из нахараров поместья, земли и, конфисковав в царскую казну, лишил их наследственных и родовых прав. Мы отныне, внимая гласу нашей совести и справедливости, возвращаем эти поместья их хозяевам и восстанавливаем их наследственные и родовые права. Во-первых, возвращаем области Ширак и Аршаруник их давнему владетелю — ишхану Спандарату Камсаракану, который смелыми своими деяниями содействовал нашей победе в Нахчаванской и Дзиравской битвах. Затем, высоко оценивая героизм ишхана Смбата Багратуни, возвращаем его родовую крепость Даронк и Багаван...»

Иеремия читал указ, подчеркивая каждое слово, чтобы все было слышно и понятно, и притихшие нахарары слушали вытянув шеи, некоторые удивленно округлив глаза, некоторые с довольными улыбками. После упоминания имен Камсаракана и Багратуни послышались сдержанные, но внятные воз-

гласы: «Достойны, достойны...» И опять, умолкнув, все напряглись.

Иеремия назвал имена и других, не очень известных нахараров, чьи поместья царь тоже возвращал, восстанавливая владетелей в их правах.

Пока Иеремия читал, Пап зорко смотрел на сидевших перед ним старых и молодых нахараров, словно проверяя, какое впечатление производит на них указ. Вначале все были одинаково серьезны, а в процессе чтения лица оживились, посветлели. Два старых нахарара даже поднесли руки к глазам и вытерли капли заблестевших слез, а старый Адам Гнтуни, который ближе сидел к Иеремии, громко вздохнул, успокоенный.

– Достойны, государь, достойны, – не вытерпел он.

Когда Иеремия кончил чтение, Пап опять выпрямился на троне.

– А теперь, господа нахарары, я желал бы знать ваше мнение, – заговорил он, обведя весь зал быстрым взглядом.

– Справедливо поступаете, государь, – взволнованно заговорил патриарх рода Авнуни нахарар Манасп. – Ишхан Камсаракан, ишхан Багратуни и все другие достойны, государь.

– Да, да, достойны! – послышались с мест голоса одобрения. – Достойны!..

Удовлетворение было почти на всех лицах и во всех голосах. Пользуясь возникшим шумом, некоторые стали шептаться – сосед с соседом.

– Значит, вопреки отцу... – заметил ишхан Вахевуни.

– Хорошо, похвально, – прошептал нахарар Мар, владетель области Цопк.

– И умно, – добавил шепотом нахарар Гнит.

Говорили и остальные, неслышно, но так умиротворенно, что казалось, совет считали уже завершенным. Впечатление у всех было такое, что Пап именно для того и пригласил их, чтобы дать почувствовать: он не последует примеру отца. Чтобы нахарары не смотрели больше на трон и дворец враждебно или с холодным безразличием и в час опасности не оставляли царя в одиночестве, как поступили с его отцом – Аршаком.

И, обменявшись двумя-тремя словами, все, довольные, ждали последнего слова царя.

Но, вопреки ожиданию, Пап опять выпрямился и, сдвинув колени, продолжал строгим, деловым тоном:

– А еще, господа нахарары, пригласил я вас в столицу нашу, чтобы помогли мне в весьма важном для страны нашей деле...

Он опять умолк и прикоснулся рукой ко лбу, словно собираясь с мыслями. Некоторые нахарары смущенно переглянулись и, осторожно толкнув друг друга коленом или локтем, дали знать, чтобы были внимательными, а ишхан области Басен Манак сказал соседу:

— Просит помощи...

И все опять напряглись и затихли, чтобы не пропустить ни слова, узнать, в каком деле и как они должны помочь царю. Не только нахарары, но и придворные были заинтересованы. Чувствовалось, что и для них было новым и неожиданным то, что собирался сказать Пап. Новым был и особенно проникновенный тон его слов. Царь как бы сказал: «Помогите мне...»

— Вы уже убедились, наши объединенные силы смогли противостоять врагу на поле боя, в сражениях, и благодаря им мы сегодня живем в мире,— сказал быстро царь.— Так не думаете ли, господа нахарары, что отныне мы должны обладать такой мощью постоянно?..

Мысль царя словно осталась неясной для многих. Выражение лиц не изменилось, иной даже с недоумением посмотрел на соседа, и только старик Авнуни сказал:

— Конечно, государь, конечно!

Пап, заметив общее недоумение или, может быть, почувствовав, что его слова не нашли отклика, продолжал:

— Я думаю, всем вам должен быть желателен мир, господа нахарары. Чтобы все мы жили в мире и в безопасности под нашим кровом, мы должны иметь постоянную военную силу...

Царь опять остановился, словно искал слова, и опять налег на подлокотник трона.

— Учился в Византии, а в ораторстве не искушен,— прошептал один из нахараров. Эти слова услышали его соседи и сердито покосились на него.

— Такую силу, господа нахарары,— повторил Пап, словно не находя нужных слов,— такую мощь, на которую мы могли бы опереться в час опасности. Я думаю, все вы должны помочь мне создать такую силу, чтобы, в случае необходимости, можно было направить ее на врага, вечно зарящегося на нашу землю, наше имущество и жаждущего нашей крови... Надеюсь, не откажете поддержать меня в этом крайне важном деле.

И Пап опять посмотрел на молодых и старых нахараров, которые по прежнему застыли в недоумении, будто еще не поняв до конца, о чем идет речь. И он решил сказать все прямо:

— Вы, конечно, знаете, что после войн наше войско — царское войско — стало малочисленным. Стало быть, мы окажемся преступниками перед родиной, если оставим наше войско таким немощным, неспособным отразить новые бедствия. Посему мы нашли, что надо срочно усилить армию и сделать ее постоянной.

— Благая цель, государь,— сказал седоглавый Адам Гнтуни, сидевший на ближней к царю подушке.— Нужно, несомненно, укрепить могущество армян.

— Нужно, нужно! — послышалось несколько голосов, и среди них особенно выделялись густой бас старого патриарха рода Авнуни и звонкий голос нахарара Дзюнакана.

А когда эти голоса замолкли, кто-то спросил из дальнего конца зала:

— Но чем усилить, государь? Как?

— Вот с этой целью и пригласил я вас,— сказал Пап, поискав взглядом, но так и не найдя спросившего.— Вы говорите «необходимо», «нужно». Это справедливо,— продолжал он.— Так должен рассуждать каждый, кто думает о благе родины. Доволен, что вы думаете, как ваш царь. Наше войско должно быть усилено, и каждый из вас должен быть поддержкой в этом.

— А в чем должна выражаться наша помощь, государь? — опять заговорил старик Гнтуни, до этого с восторженной улыбкой внимательно следивший за речью царя и польщенный, что царь взывает к ним о помощи.

Карие глаза царя остановились на старике, оживились.

— А вот в чем, ишхан Гнтуни. Каждый из вас в меру ваших возможностей должен дать воинов, коней и продовольствие, чтобы мы создали постоянную армию, всегда готовую к защите наших границ. Я бы хотел, чтоб вы подумали об этом, поняли пользу страны нашей и сделали доброе дело. Не сомневаюсь, что все вы с любовью примете предложение вашего государя.

Это было так ново и необычно, что в зале воцарилось молчание. Даже старый Гнтуни и другие нахарары, воодушевленные идеей царя, призадумались. Теперь, кажется, все до конца поняли мысль царя: значит, государь требует от них войско, коней и продовольствие, чтобы иметь постоянную царскую армию. Этого еще не делал ни один царь. И все смолкли в раздумье. Только ишхан Авнуни, прибывший из крепости, что стоит в горах Карина, поднялся с места.

— Желание твое, государь, укрепить наше могущество похвально. Всем, думаю, пришлись по душе слова твои, мы готовы обсудить их. Я, со своей стороны, заявляю: все мои люди — тебе, государь, и кони — тебе... Если бы не армия царская, был бы я сегодня бездомным и беспомощным нищим. Ты вернул наше могущество, нашу честь и здоровье...

Не договорив, он поднес пальцы к глазам.

— И я тоже, государь,— поднялся нахарар Дзюнакан.— Я готов на это ради безопасности и мира нашей страны. Мои люди, мои табуны коней — тебе, только храни страну нашу в мире, чтобы отныне мы не видели врага на своей земле, чтоб не видели новых разрушений...

Он кончил и огляделся. Но последовавших примеру его и Авнуни больше не оказалось. Молчание затягивалось, становилось гнетущим. Пап это заметил и сказал:

— Подумайте, господа нахарары, подумайте... И знайте, что сделать это надо как можно быстрее, чтоб в случае нападения враг нас не захватил врасплох, а мы не оказались неподготовленными, какими были всегда... Подумайте, господа нахарары, о благе нашей страны,— повторил он, поднимаясь с трона.— Успеха вам и здравия.

И, сойдя со ступеней подножия, он степенно направился

к той двери, в какую вошел. Члены свиты последовали за ним, кроме Зенона Гнуни, который вышел вперед, расправляя бороду на груди, и сказал ровным и спокойным голосом:

— Господа нахарары, царь приглашает вас сегодня в дворцовую трапезную отобедать.

До обеда еще было время, поэтому нахарары группами вышли в большую приемную. В этом зале под высоким потолком висело несколько люстр, а в углах, под стенами, между диванами и креслами стояли высокие многосвечные светильники. Пол был устлан яркими, мягкими коврами. Желающие представиться царю ждали здесь его приема.

Группы нахараров-единомышленников, споря и жестикулируя, разбрелись по разным углам зала, и сразу в приемной повис неопределенно-тревожный шум. Многие нахарары были в сомнении, почти все — удивлены. Предложение царя было неожиданностью для всех. Каждый ишхан внимательно и озабоченно смотрел на своего соседа, стараясь понять, какое впечатление произвели слова царя.

Шум приглушенных бесед нарастал, в нем уже можно было различить отдельные слова. А если бы кто-нибудь подошел к той или иной группе, он услышал бы и весь разговор.

— Ишхан Гнтуни, приятно ли тебе было слово государя? — говорил владелец Варажнуника, чернобородый молодой Зарех, своему седовласому соседу-земляку, желая узнать его авторитетное мнение.

Старый нахарар ответил не раздумывая, по привычке медленно выговаривая слова:

— Государь, конечно, прав. Страна должна располагать достаточной военной мощью, чтобы противостоять нашествиям врагов. Но думать об этом надо обстоятельно. Обстоятельно! — повторил он с нажимом.

В другой группе нахарар Гнит, бодрый муж, которому минуло пятьдесят, тихо, шепотом, говорил старому Авнуни:

— Ишхан, ты сказал, что готов выполнить желание царя. Но будем ли мы все в состоянии это сделать?

— А почему нет? — ответил громко старик. — Если хорошенько подумать, увидим, что можем и даже должны.

— А как мы будем защищать наши крепости, если отдадим воинов и коней? — тихо сказал Гнит, давая понять старику, чтобы тот не говорил громко — вокруг них могут собраться люди.

Но Авнуни не изменил манеру разговора.

— Однако, сын мой, царь не для себя хочет получить твоих воинов, — сказал он, расправляя густые усы. — Он хочет этого для защиты Страны Армянской, для защиты меня, тебя и всех нас, для сохранения мира в стране. Не так ли?..

— Я пока размышляю, — сказал, избегая ответа, Гнит. — Хочу понять и уяснить для себя, что мы можем сделать...

— А я это давно выяснил, сын мой, и понял: если бы не

царская армия, не было бы меня здесь сегодня... Надо стать опорой царю. Усилить его армию...

— А как самим защищаться? Чем? Если враг вдруг нападет на нас, - вмешался в разговор нахарар Труни, короткий и худой человек, стоявший до этого молча.

— Царь просит воинов для защиты нас всех,— повторил Авнуни.

— Ишхан, он говорил о внешнем враге,— сказал Труни.— А если на меня нападет сосед? Если угонит мою скотину, коней?..

— Государь этого не позволит...

Пока все, разделившись на группы, разговаривали, объяснялись, осанистые Гнуни и владетели области Цопк, нахарары Мар и Нерсех спокойно кружили по залу — молчаливые, поглощенные своими мыслями. Иные, как Шаэн Рштуни, владетель области Кордук — Григорис и молодой Врен из рода Дзюнакан, с любопытством переходили от группы к группе и прислушивались к говорившим. Необычное предложение царя взволновало всех; многие, казалось, еще не пришли в себя и не знали, что сказать. До сих пор они давали войско и коней лишь в случае войны, а теперь царь хочет того же и в мирные дни. Вместе с воинами еще и коней и продовольствие!.. Как же теперь?.. Кто будет защищать их владения? Не означает ли это полностью разоружиться и всю свою силу отдать государю? Некоторые намекали на это, но большинство молчало, ограничиваясь общими словами:

— Конечно, царь думает о благе, однако надо хорошенько подумать...

Возможно, долго еще говорили бы и размышляли нахарары, но вскоре опять появился лысый церемониймейстер и пригласил всех в дворцовую трапезную отобедать.

Царский званый обед!.. Никогда приглашение царя на обед не было таким тяжелым для нахараров, как теперь. Раньше такое приглашение вызывало у каждого ликование, но теперь оно как будто не произвело такого впечатления. Никто не выразил особого удовольствия, все были поглощены своими мыслями, и никто, кроме старого Авнуни, как будто и не знал, как же решить вопрос, поставленный перед ним. Но в трапезную пошли...

— Что-то даже на обед идти не хочется,— сказал владетель области Кордук ишхан Григорис.

— Неудобно, заметят отсутствие. Пойдем,— посоветовал ему нахарар Мурацан.

И оба последовали за нахарарами.

В этот же вечер после пышного царского обеда, на котором был царь со своими придворными, нахарары стали разъезжаться.

Сразу же после обеда выехали два нахарара со своими те-

лохранителями из цитадели и направились к Араксу. Оба они были люди средних лет, каждый в капе, в смушковой шапке, у каждого свисал с пояса короткий меч. Телохранители и слуги, согласно принятому обычаю, следовали за ними на почтительном расстоянии, чтобы не нарушить беседу хозяев.

А хозяева говорили мрачно и взволнованно.

Это были нахарар Григорис, владетель области Кордук, и нахарар Артавазд из рода Мурацан. Погоняя бок о бок красного и вороного коней в серебряном снаряжении, они говорили о предложении царя.

– Я всегда придерживался того мнения, ишхан Артавазд, что цари созывают нас не для доброго дела. Но на этот раз я подумал, что приглашение Папа преследует добрую цель,– говорил Григорис.– И ошибся. Хочет создать постоянную армию... Ну и пусть он набирает это войско из царских крестьян и азатов. Почему он требует воинов у нас? Не догадываешься?

– Чтобы армия была больше, как я понял,– ответил нахарар Мурацан.

– Нет, дорогой Артавазд,– крякнул Григорис.– Его требование, думаю, преследует иную цель. Чтобы ослабить нас и без труда подчинить себе. Сегодня требует воинов, коней, а завтра скажет, чтобы и мы ему служили. Нет, ишхан, ничего хорошего от всего этого я не жду...

Григорис, взволнованный, умолк, и некоторое время они ехали молча, слышался лишь конский топот в окружавшей тишине. Колосящиеся нивы, цветущие пастбища, даже дорога – все было так спокойно, словно вечная безмятежность опустилась на них. Но нахарар Григорис не успокаивался, он часто посматривал на невозмутимое, сосредоточенное лицо нахарара Артавазда и качал головой. А Артавазд, казалось, был погружен в раздумье.

– А с другой стороны – заметил его хитрость? – прервал молчание Григорис.

– Чью хитрость? – спросил задумчиво Артавазд.

– Царя.

– Царя? – удивился Артавазд Мурацан.

– Ты не удивляйся, дорогой Артавазд. Я с тобой говорю откровенно и свободно и надеюсь, что слова наши останутся в наших сердцах. Да, царь просто хитрит, играет с нами.

– Как?

– А так: его отец Аршак силой, основанием Аршакавана хотел ослабить нас – нахараров, а этот то же самое делает, вернее, добивается того же, только по-другому: мягкостью, уговорами. Однако под этой мягкостью я вижу когти льва. Он сначала обрадовал нас: вот я возвращаю хозяевам их поместья, отнятые моим отцом. Я, мол, против резких мер отца. И тут же требует от нас войско, коней и продовольствие. А что останется нам, если дадим ему войско, коней и продовольствие? Спрашиваю тебя, хитрость это или нет?

– Обдумать надо,– сказал осторожный Мурацан.

— И без обдумывания все ясно, дорогой Артавазд.

— Не совсем...

— Не совсем! — разгорячился Григорис, направляя коня ближе к Артавазду. — Ужели не ясно тебе, что он хочет с нашей помощью сесть на нашу же голову. Юнец! — застонал он. — Единовластия добивается, хочет нас обессилить. А мы и без того ослабели. В Дзираве я потерял двести человек. Во многих деревнях пашут женщины.

— Но царь не требует воинов именно сегодня.

— Когда бы ни потребовал — все равно. Если мы дадим воинов, не сможем больше защищаться ни от соседей, ни от чужеземцев. Если на нашу крепость нападут, царь не придет нас защитить.

— А ты помнишь слова старого Авнуни?

— Авнуни может так говорить... И Дзюнакан тоже. Они хотят выслужиться перед царем и ничего не потеряют если отдадут...

— Но разве не справедливо, что царь спас нас всех от персидского ига?

— Однако он хочет теперь сам нас взять в плен, — заметил взволнованный Григорис и смолк, опять нахмурившись. Помолчав, беспокойно спросил: — О чем думаешь сейчас? Выполнишь предложение царя?

— Пока думать надо, Григорис. Царь сказал «подумайте».

— Это для вида, Артавазд дорогой, — махнул рукой Григорис. — Мы не можем выполнить требование государя. Это значит разорить нас и укрепить Папа, посадить его нам на голову. Мне обдумывать нечего — и без раздумий все ясно. Мы не должны соглашаться. Я, по крайней мере, не могу.

— Ты правду говоришь, Григорис?

— Да, придется отказаться.

— Но не думаешь, что вызовешь гнев царя? Не забывай, спарапет Мушег с особым полком наказывает всех, кто отказался выполнить свой долг.

— Если мы все вместе, сообща упремся, никто нас не возьмет, ни Пап, ни Мушег. Если даже только часть нахараров воспротивится, Пап все равно ничего с нами не поделает...

— Значит, ишхан, ты против предложения царя?

— Да, окончательно и всецело, — подчеркнул Григорис резко. — Я скорее перейду в Персию или Византию, чем дам войско Папу.

— А почему ты не выразил свое мнение там? — поинтересовался нахарар Артавазд, посмотрев на собеседника косым, испытующим взглядом.

— Ты что, смеешься надо мной, ишхан Мурацан? Говорить в его ловушке? У меня есть еще голова на плечах, а в голове — мозги. Вот поднимусь в свои горы — буду говорить свободно, как сейчас с тобой, и скажу всем, что просьба Папа преследует одну цель — ослабить нас и сесть нам на шею. И этого позволить нельзя.

— Но что можно сделать одному?

— Надо поговорить и с другими. И я поговорю...

— А ты уверен, что послушают?

— Уверен. Ни один нахарар не захочет добровольно отказаться от своих прав.

Они опять замолчали и долго ехали так. Был слышен только топот конских копыт.

Наступал вечер. Ущелья уже темнели. Последние лучи света, словно боясь надвигающегося мрака, отступали, находили убежище на вершинах гор.

Оба нахарара быстрее погнали коней.

Через день-два в цитадели не осталось ни одного нахарара. Одни уехали в свои крепости, другие — в гости к друзьям-нахарарам, чтобы обдумать предложение царя.

— Теперь я понял, почему Пап так долго был чем-то озабочен,— сказал Зенон Гнуни азарапету Кенану Аматуни и Ота Апауни, когда последние нахарары покинули цитадель.— Его занимала мысль о создании постоянной большой армии. Однако посмотрим, пойдут ли нахарары навстречу царю, примут ли его предложение...

— Я заметил, многим это не понравилось,— сказал Ота, учащенно дыша.— Неприятно своих слуг и коней отдавать царю. Непривычно, ишхан, непривычно...

— Но царь не принуждает, а просит,— заметил Зенон.

— Одной лишь просьбой здесь не обойтись,— покачал головой азарапет.

— А прикажи — поднимутся на дыбы, как при Аршаке,— сказал опять Зенон Гнуни.

— А теперь, думаешь, пойдут навстречу? — прищурил глаза азарапет.

— Поживем — увидим,— сказал Зенон с сомнением.— Трудное затеял царь дело.

— А я,— задышал Ота,— я боюсь, что из-за этого могут получиться дурные вещи, ишхан Аматуни и ишхан Гнуни. Боюсь. Намерение царя доброе, но нахарары вряд ли согласятся.

— А почему? — спросили сразу оба — и азарапет, и управляющий дворцом.

— Почему?.. Не могу объяснить, господа, но чувствую — не согласятся. Дай бог мне ошибиться... Я хотел бы ошибиться, да...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Было раннее утро, яркое утро одного из тех летних дней в Араратской долине, когда воздух, пока солнце еще не взошло, приносит то вкус родниковой воды, то аромат умытых росой цветов и в открытое окно веет приятной теплотой, про-

хладой ушедшей ночи; когда острокрылые ласточки с оживленным щебетом, словно обезумев от восторга, пронзают воздух в разных направлениях, как бы возвещая друг дружке и всем людям близкий приход матери-солнца, начало нового живительного дня, и когда, наконец, человек чувствует себя таким легким и бодрым, что забывает все свои заботы, и его остро пронизывает любовь к жизни.

В таком бодром самозабвенном настроении был в это утро царский письмоводитель Иеремия Аматуни. Сидя перед открытым окном в одной из своих комнат во дворце, одетый в длинную тонкую рясу, несколько отличающуюся от рясы духовных лиц, он писал на пергаменте, разостланном перед ним на столе. Движения его руки были осторожны и точны. Он занимался этим делом каждый день по утрам, если был свободен от своих обязанностей царского письмоводителя, и старался, чтобы никто о его занятиях не знал и не мешал ему. Поднявшись с постели почти на рассвете, он сначала выполнял гимнастические упражнения, которым научился, будучи студентом в Византии, затем умывался холодной водой и, еще не расчесав свои черные, доходящие до плеч волосы, садился к столу и писал до тех пор, пока из-за стены не начинали доноситься звуки пробуждающегося дворца. Все, что следовало писать на пергаменте, он сначала записывал серебряным стилем на навощенной дощечке, исправлял и уточнял, стараясь образовать точные и емкие предложения, чтобы в немногих словах сказать как можно больше. Когда предложение удовлетворяло его, он чернилами переписывал его на пергамент, и делал это так основательно, словно писал на вечные времена... Он действительно был проникнут сознанием того, что пишет на века. А записывал он события, происшедшие в Стране Армянской, увиденные им самим или переданные очевидцами и достойные упоминания и передачи грядущим поколениям. По установленному им порядку, Иеремия писал в день одну или половину страницы, а иногда так увлекался этой работой, что забывал и об утреннем завтраке, и о начале занятий в Доме приказов. Сначала эту свою работу он исполнял тайно, и никто о ней не знал. Но вот однажды, именно из-за его увлеченности, тайна раскрылась. Пап, по студенческому обычаю привыкший навещать Иеремию и Бата в их покоях в любой час, однажды утром вдруг вошел в комнату Иеремии и увидел его погруженным в работу. Когда царь удивленно спросил, что он пишет, Иеремия, сам не зная почему, взволновался, хотя и спросил его не чужой человек, а друг по учебе на чужбине.

– О событиях нашей страны, государь. Как римлянин Тацит, как грек Плутарх...

Радость и удивление осветили лицо Папа.

– Одобряю, одобряю, Иеремия, – сказал он. – Это будет очень важно для потомков...

И с этого дня Иеремия, ободренный словами Папа, трудился над своей рукописью с еще большим рвением. Теперь он

описывал события Дзиравского сражения и старался излагать все так же четко, как Плутарх и Тацит. Их сочинения он считал недосягаемыми образцами. Иногда Иеремия так увлекался, что кроме утренних часов он посвящал своей работе и один-два часа ночью, работая при подрагивающем свете свечей и лампады... Дворцовые слуги, видя ночью свет в его комнате и зная, что письмоводитель занят каким-то писанием, удивлялись и с сомнением качали головами. Особенно потому, что Иеремия во время работы часто разговаривал сам с собой, расхаживая в полумраке по комнате. Можно было подумать, что он беседует с невидимыми духами. Удивляло и то, что он и в пути – на коне или пешком – не расставался со своей навощенной дощечкой. Многие не понимали, что же это он так бережно носит на боку, ведь мужчине полагалось носить на боку меч, нож или колчан. Если же Иеремия, достав серебряный или медный стиль, писал на дощечке, это удивляло еще больше: неужели то, на чем пишут, положено носить на боку?.. За Иеремией уже закрепилась репутация странного человека – и не только у дворцовых слуг, но и у горожан и нахараров. Но тем не менее все уважали его: во-первых, он был из видного рода Аматуни, а во-вторых, прожил с Папом пять лет в Византии и был искусен в философии и науках.

После встречи Папа с нахарарами в тронном зале прошло уже две или три недели. Иеремия все это время работал над историей Страны Армянской и был доволен, что Пап больше не отвлекает его охотой и прогулками.

«Пап теперь успокоится, займется в Двине государственными делами и больше не будет мешать мне», – иногда думал Иеремия, садясь на рассвете за свою работу.

И в это утро Иеремия сел писать – ему предстояло закончить очередную главу сочинения, последние ее фразы.

Неожиданно вошел Пап в коротком парчовом одеянии с вышивкой на рукавах, подпоясанный шелковым поясом с кистями. Пап вошел странно быстрыми шагами. Иеремии сначала показалось даже, что царь взволнован.

– Я опять тебе помешал, Иеремия! – сказал Пап улыбаясь. У него было веселое, радостное настроение.

Иеремия хотя и почувствовал неудовольствие – ему помешали записать важную мысль, однако, взглянув на радостное лицо Папа и услышав его веселый голос, положил перо на стол, отодвинул пергамент и поднялся из-за стола.

– Да ничего, Пап...

– Опять я тебя прерву, Иеремия, – продолжал царь, словно не слыша слов Иеремии, – и на этот раз, может быть, надолго.

– Это ничего, Пап, я допишу вечером...

– Речь идет не о каких-то часах, Иеремия, – прервал его Пап. – Мне нужно на некоторое время уехать... Отправимся снова в путешествие по стране.

«В путешествие... Опять в путешествие, и, похоже, надолго», – ужаснулся Иеремия. Он больше не слышал слов царя,

думал лишь об одном: опять придется ему оставить начатое, опять погаснет его вдохновение...

Тень, пробежавшая по его лицу, не ускользнула от острого взгляда Папа, он подошел к Иеремии и положил белую руку на его плечо:

– Извини, Иеремия, что отрываю тебя от твоего сочинения. Однако я должен видеть, узнать нашу страну и хотел бы, чтобы вы меня сопровождали – только ты и Бат. Поедем... Надеюсь, тебе тоже будет интересно – новые места, новые встречи...

И на этот раз Иеремии пришлось согласиться, хотя хотелось бы, очень бы хотелось отказаться. Но это было невозможно, особенно теперь, когда Папа охватило такое радостное, мирное настроение. Царь был уверен, что друг охотно поедет с ним. Поэтому Иеремия шутливо спросил, не воспротивится ли этому решению Папа царица Зармандухт, которой придется опять остаться во дворце. Он уже слышал о недовольстве царицы тем, что Пап со своими друзьями ездит на охоту и прогулки и оставляет ее одну.

Папу этот вопрос не понравился.

– Уж не высказывала ли она тебе свое недовольство по поводу наших поездок? – поинтересовался он.

– Никогда, – сказал Иеремия. – Царица ничего мне не говорила. Я только предполагаю, что царица может чувствовать себя одинокой среди придворных. Она ведь не знает почти никого...

Пап пристально посмотрел на Иеремию.

– Справедливы твои слова. Действительно – одиночество нелегкая вещь. Царица говорила мне об этом... Однако, думаю, наше путешествие продлится не больше десяти дней... Значит, отправляемся завтра, еще до рассвета...

– Завтра... – невольно повторил Иеремия, удивленный.

– Завтра, – подтвердил Пап. – А пока продолжай писать свое сочинение. – И он вышел так же быстро, как и вошел.

Оставшись один, Иеремия задумался.

«Опять перерыв...» – подумал он о своем сочинении, и ему показалось, что этот труд так и не увидит конца. Стоит лишь ему как следует втянуться в работу – опять куда-то ехать, и не на один-два дня, а на целых десять, а может, и двадцать...

Иеремия подумал, что пора и ему наконец внушить Папу мысль о необходимости серьезно заняться государственными делами. «Это хорошо, что он весел, однако и дела забывать не следует», – сказал он про себя и, подобрав полы рясы, опять уселся, чтобы дописать хотя бы последние фразы главы. Но и этого сделать не смог. При мысли, что завтра надо отправляться в поездку, все путалось в голове, и он отложил стиль. С другой стороны, его уже занимали мысли о подготовке к отъезду, да и жене следовало об этом сообщить. И Дом приказов нельзя было оставить, не сделав нужных распоряжений...

Собрав свои навощенные дощечки и пергаментные листы, Иеремия сложил все в нише стены и вышел из комнаты.

Еще до рассвета, когда дворец и Двин спали глубоким сном, Пап, Бат и Иеремия спустились из цитадели и, миновав северные ворота города, направили коней в сторону области Котайк. Они переоделись, приняв вид нахарарских сыновей. Этого пожелал Пап, и Иеремии показалось, что царь, как и раньше, хочет не только развлечься, но и задумал что-то. Их сопровождала группа телохранителей во главе с Гнелом Андзеваци, но ехать они должны были на некотором расстоянии от царя. Они везли с собой на мулах палатки и съестные припасы.

Пап, по своему обыкновению, был в охотничьей одежде, с накидкой, которая укрывала его до колен. Почти в такой же одежде были Бат и Иеремия, если не считать их разноцветную обувь. Все трое были похожи на любящих прогуляться сепухов, которые потехи ради занимались охотой, упражнялись в стрельбе из лука или в верховой езде. Настроение Папа, как еще вчера заметил Иеремия, было приподнятое.

С первого дня это путешествие оказалось непохожим на все предыдущие – из-за выбранного царем нового пути, а может быть, потому, что было лето, и на дорогах чаще попадались путники. На каждом шагу трое выехавших на охоту молодых людей встречали крестьян, которые с навьюченными мулами, ослами, арбами шли в города Двин, Арташат, Вагаршапат или возвращались из этих мест.

Однако ничего достойного упоминания в первый день не произошло, если не считать того, что Бат пронзил стрелой лису – это предвещало удачу, – и того, что ночью спали в палатках, под прохладным, усыпанным звездами небом.

На другой день подъехали к женскому монастырю, окруженному высокими зубчатыми стенами. Вокруг монастыря простиралось широкое поле, на нем работало множество женщин, одетых в черные длинные одинаковые платья, одинаково подпоясанные – так, что на груди и подоле получалось много складок. Когда монахини шагали, длинные концы их поясов развевались, повторяя каждое движение. Некоторые женщины поверх платьев накинули на себя подризники, распахнутые спереди; у всех были черные головные повязки, завязанные узлом под подбородком, закрывавшие лоб и уши.

Присмотревшись, Пап увидел, что почти все работавшие в поле – юные девушки, среди них встречались и девочки лет девяти – двенадцати. Вид этих маленьких монашек, одетых во все черное, был особенно жалким. Почему юных дев оторвали от дома, от родителей и подруг и привели в это безлюдное место?.. Когда Пап направил коня к воротам в зубчатой стене, чтобы узнать, как называется монастырь, путь ему загородила пожилая монахиня в черном с маслеными, как оливы, темными глазами. Она встала перед ним всем своим огромным телом.

— Что желает господин сепух? — поинтересовалась она холодно, давая понять, что вход в ворота запрещен.

— Можно посмотреть обитель? — спросил Пап.

— Это женский монастырь, господин сепух, мужчины не имеют права входить сюда,— ответила старая монахиня жестким мужским голосом.— Это можно лишь с разрешения нашей благочестивой настоятельницы. Изволь мне назвать твое имя и род, я сообщу настоятельнице, может быть, она разрешит.

— Раз запрещено, значит, и не будем просить...— отказался Пап, подумав, что открывать здесь свое имя не следует, а называть чужое имя и род неудобно. Но он не удержался от вопроса: — Однако почему вы собрали в этой обители так много юных девушек? Пусть бы они играли со своими подружками или вышли замуж...

Старая монахиня, которая, видимо, была помощницей настоятельницы, сначала побледнела, потом вдруг вспыхнула, кровь бросилась ей в лицо, и, сверкая глазами, напоминающими оливы, она отчеканила:

— Умерь свои слова, господин сепух, и не вмешивайся в порядки, установленные господом. Удались, пока не поздно, чтобы твои богопротивные слова не прослышал кто-нибудь и не сообщил католикосу Нерсесу...

Пап сразу же почувствовал острозубую пантеру, притаившуюся под внешней кротостью и черным одеянием этой старой монахини. Опасаясь, как бы она не подняла шум и не стала допытываться, кто он, царь повернул коня и сказал Бату и Иеремии:

— Поедем, она угрожает нам Нерсесом...

Это приключение развеселило друзей.

— Как думаешь, если бы мы сказали, что ты царь, впустили бы? — заинтересовался Иеремия.

— Во-первых, не поверили бы, во-вторых, могли бы схватить и послать к Нерсесу,— пошутил Бат.

— И он наказал бы меня своими нравоучениями,— засмеялся Пап.

Так, перебрасываясь шутками, они ехали довольно долго. И за ними на большом расстоянии двигались воины-телохранители и слуги с навьюченными продовольствием мулами. Во многих местах Папа и его спутников действительно принимали за нахарарских сыновей, путешествующих или отправляющихся в гости к какому-нибудь нахарару. Два раза дорогу им загораживали какие-то стражники и уважительно спрашивали, кто они и куда следуют. И если Пап и его спутники давали неопределенный ответ, охранники просили говорить точнее, потому что господин нахарар любопытствует узнать, кто проходит по его владениям.

— Мы разбойники,— говорил Пап. Его забавляло, что их не узнают.

А встречавшиеся крестьяне, считая их за путешествующих сепухов, лишь склоняли головы и продолжали свой путь.

После женского монастыря им встретилось несколько селений. В них почти не было мужчин – мужскую работу выполняли женщины, дети и старики. И шерстяная одежда, и обувь, и шапки на них были своей, деревенской работы... Лишь иногда попадались люди, одетые в платье, сшитое из византийской материи; это были большей частью сельские старосты или родичи нахараров... Однако таких встречалось мало.

В другом месте путешественники увидели целую толпу женщин и нескольких мужчин, которые рыли землю и перекатывали огромные камни. Издалека понаблюдав их тяжелую, непосильную работу, Иеремия подошел к ним.

– Что здесь строится? – поинтересовался он.

– Дорога, господин сепух, – ответил надсмотрщик с палкой в руке.

– Для кого?

– Для нашего хозяина нахарара.

– А кто ваш хозяин?

– Ишхан Манэс.

Ишхан Манэс... Иеремия не раз слышал о жестокости этого нахарара, о том, что своих крестьян он считает скотом и говорит о них так: «Имею десять тысяч голов скота и две тысячи голов крестьян».

Продолжая путь, царь и его два товарища встретили еще несколько деревень, в них тоже было мало мужчин.

Пап все мрачнел и наконец умолк. Заметив это, Иеремия спросил:

– Почему ты замолк, Пап?

Царь не сразу ответил, остановил коня.

– Что это за нищета, что за проклятье, Иеремия? – заговорил он наконец, протянув белую руку к видневшемуся селению. – Почему так обезлюдели наши села? В чем причина?

– Война, – отвечал Иеремия, – война, Пап. Будем надеяться, что земля излечит и оздоровит все. Земля, наша кормилица.

– Земля... Земля ли одна? – проговорил Пап задумчиво. – Это для урожая, Иеремия. А что стало с человеком? Где мужчины?.. Чем мы пополним нашу армию, Иеремия?.. Чем?

Иеремия не знал, что сказать.

– В других селениях, наверно, не так, Пап...

Пап опять замолчал. Некоторое время он ехал на коне мрачно и одиноко. Казалось, его расстроила эта прогулка, предпринятая для развлечения. Однако молодой задор не заглушить никакими мыслями, он вскоре опять засветился в глазах Папа, как только подъехали к водопаду, который обрушивался с вершины утеса, грохоча и распространяя вокруг водяную пыль и прохладу. Ниже по течению бурной реки сельские мастера обновляли мост.

– Приятно, когда видишь, что строят и обновляют, – сказал Пап.

– Такова жизнь, в ней все вечно разрушается и обновляется, – заметил Иеремия.

— Однако есть и такая жизнь, которая никогда не обновляется,— добавил Бат.

Иеремия не услышал его и не ответил.

Несколько раз в пути им встретились архимандриты и иноки. Чаще всего, подобрав длинные полы черных ряс, они ехали верхом на конях впереди или позади цепочки навьюченных мулов.

— Да хранит вас бог,— говорили они, перекрестив молодых людей.— Господа сепухи, наверно, изволят идти на охоту?

— Да, отцы,— отвечал всегда Иеремия.

Один раз он, все время горевший любопытством и задававший вопросы особенно часто, остановил коня.

— А вы откуда с таким грузом?

— Десятина, господин сепух.

— Из сел и деревень?

— Да, господин сепух.

— Почему так много?

— Два года не собирали. Из-за войны.

— А после войны у крестьян осталось что-нибудь? — продолжал Иеремия.

— Это верно, господин сепух, затрудняются. Даже ропщут. Но мы получаем. Вы наших крестьян, наверно, не знаете. Они свое богатство постоянно хоронят под землей. Когда отказываются, наши дьяконы тут же принимаются искать и находят ямы. Мы свое дело знаем, господин сепух. Нас не обманут... Не понимают, что монастырскую десятину нельзя не платить. Грех...

— А это что за скотина?

— Это взяли натурой, господин сепух.

Пап, слушавший этот разговор, удивленно спросил Иеремию:

— Неужели крестьяне в самом деле платят церкви такую дань?

— Не только эту десятину и натуру, но, если живут на монастырских землях, два дня из семи трудятся для церкви. Женский монастырь, который мы видели, содержат крестьяне. Ведь ни одна монахиня не может ни пахать, ни сеять.

Пап задумался. Он знал, что крестьяне платят дань церкви, но не ожидал, что так много. В то же время он всегда считал, что церковники и сами обрабатывают часть земли. Да, это было удивительно: считая себя учениками Христа, они собирали сразу двухгодичную дань, не думая о том, что эти крестьяне обязаны платить и дань царскую.

— И что делают они со всем этим добром? — покачал головой Пап.

— Съедают, Пап,— сказал Бат, усмехнувшись.— И богадельни содержат, где собираются бездельники, чтобы жить не трудясь.

Пап опять покачал головой.

Беседуя, они продолжали путь. Кони, ободренные свежим

воздухом и, может быть, чувствуя распространявшееся вокруг благоухание цветов, широко раздували ноздри и фыркали, играя удилами во рту: это считалось признаком хорошего настроения у коня.

Пять дней Пап и его два спутника ехали по дорогам и через селения, где крестьяне вновь клали разрушенные стены, спокойно и неспешно обновляли крыши или, покорные судьбе, стояли, опустив руки, под стенами домов... Дорога все вилась, то входя в ущелье, где с шумом бежала бурная горная речка, то выходя на горную поляну к волнистым созревающим нивам. Приводила она их в лес, и здесь иногда встречались олени, которые, откинув голову назад, неслись, как стрела, или зайцы, с фырканьем вылетевшие из травы и бросавшиеся в чащу, как лягушки в воду. Шлепнулась в реку выдра и затем, высунув из воды голову в другом месте, посмотрела на путников. А птицы, словно соревнуясь друг с дружкой, оглашали весь лес многозвучным свистом.

На пятый день, когда дорога, выйдя из ущелья, спустилась в долину к свежим лугам, путники заметили вдали странную сцену, которая не только удивила, но и очень развлекла их.

Прямо посреди дороги стоял какой-то церковник в черной рясе, простирая руки над головой человека, опустившегося перед ним на колени. Возле них потряхивал гривой оседланный конь. Святой отец то клал правую руку на голову человека, стоявшего на коленях, то устремлял взгляд в пространство и молился. Он словно бы благословлял этого человека.

– Такого странного благословения я еще не видел, – сказал Иеремия.

Пока они приближались к этим двоим, церковник – видимо, архимандрит – завершил молитву и, поспешно сев на коня, ускакал. А тот, что стоял на коленях, вскочил и удивленно, а может быть, и со страхом смотрел вслед всаднику.

– Что это делал святой отец? – поинтересовался Иеремия, подъехав к человеку, который, как оказалось, был еще и облит водой с головы до ног. – Молился он за тебя?..

– Нет, благородный сепух, – заговорил растерявшийся и смущенный крестьянин. – Святой отец рукоположил меня в священники.

– Как! Прямо на дороге?

– Да, господин сепух. Я тоже не считал удобным посреди дороги, но он не послушался и рукоположил, – продолжал тот, вытирая слезы, и нельзя было понять – радуется ли он или, может быть, растроган случившимся.

– Почему же ты плачешь, человек? – подъехал к нему и Пап, заинтересованный и слезами его, и необычным видом.

– Как же мне не плакать, господин сепух! За рукоположение надо платить – и святой отец как плату увел моего коня.

– Если согласился, теперь нечего плакать.

– Нет, благородный сепух, в том-то и дело, что я не соглашался, – заговорил человек дрожащим голосом. – Я ехал на

коне, он остановил меня и сказал: «Сходи, сын мой». – «Почему?» – спросил я. «Сходи,– повторил он. – Сходи, такова воля божья. Бог велит мне рукоположить тебя, как достойного...» – «Но я некрещеный, святой отец!» – сказал я, чтобы избавиться. А он мне именем бога и Христа все равно приказывает слезть с коня. «Я тебя и окрещу и рукоположу...» Поставил меня на колени, вылил мне на голову воду из посудины, что висит у него на боку, окрестил и рукоположил. А потом говорит: «Коня беру как плату за рукоположение». Вскочил на коня и был таков.

Дослушав этот рассказ, Пап усмехнулся.

– Значит, теперь ты священник? – спросил он промокшего и растерянного человека, которому было едва тридцать.

Но тот не уловил иронии в словах Папа, ответил наивно, словно покорясь судьбе:

– А что другое я теперь могу делать, господин сепух? Раз рукоположен, значит, обязан исполнять должность священника в нашем селе, не могу отказаться... Ведь бог может и наказать...

– Иди, человек, занимайся своим обычным делом и корми семью,– сказал Пап.

Ему хотелось добавить: не слушай его, так приказывает твой царь. Но он вспомнил, что сейчас он всего лишь сепух

А крестьянин с убитым видом смотрел себе на ноги.

– Как это так, заниматься обычным делом? Нельзя, господин сепух. Нельзя, бог накажет. Святой отец сказал, что скоро придет в нашу деревню проверить мое поведение.

Услышав эти слова, Пап и Иеремия переглянулись и покачали головами. Видя, что крестьянин настолько же простодушен, насколько был плутом рукоположивший его архимандрит, они больше ничего не сказали этому обманутому человеку и продолжали свой путь, не дожидаясь Бата, который отстал с телохранителями и слугами.

– Как видно, Нерсес собрался заполнить Страну Армянскую священниками и архимандритами,– сказал Пап. – Зачем это ему?

– Конечно, для укрепления христианства,– заметил Иеремия.

– Скорее всего, для укрепления своей власти,– сказал Пап. – И это видно, куда ни взглянешь,– добавил он, вспомнив, что за время их путешествия они не встречали столько крестьян, сколько встретилось им архимандритов, дьяконов и иноков. Они ехали на ослах и мулах по всем дорогам и на вопрос «куда» неизменно отвечали: «в монастырь», «в часовню», «в пу́стынь», «собирать десятину».

Пап и Иеремия некоторое время в раздумье ехали рядом. Потом оглянулись – Бата и охраны пока еще не было видно. Тогда они решили подождать их у видневшегося впереди дерева.

Однако, еще не доехав до этого дерева, они услышали звуки

музыки. Музыка доносилась со стороны леса вместе с радостными кликами – похоже, что там была свадьба. Проехав еще немного, Пап и Иеремия заметили человека, бежавшего к ним от опушки леса. Размахивая руками, он, видимо, звал их к себе, требовал остановиться. Пап и Иеремия натянули поводья.

Бегущий, молодой слуга, задыхаясь, остановился около них, низко поклонился всадникам.

– Приветствую, господа сепухи. Мой повелитель просит вас оказать ему честь и принять участие в его пиршестве.

– А кто твой повелитель? – поинтересовался Пап.

– Владетель области Дзорапор ишхан Амаяк... Просит почтить...

– Мы спешим.

– Нет, господин сепух, вы не можете уйти, – сказал человек смело. – Он очень огорчится, если откажете. Даже почувствует себя оскорбленным. Мой ишхан приказал каждого путника вести сегодня прямо к его столу. Сейчас все равно, если даже уйдете, люди моего господина стоят на дороге, они схватят вас и приведут к нему. Так приказано. Пойдемте, господа сепухи, пойдемте. Мой господин приглашает – угощает всех путников, и вас тоже не отпустит, пока не откушаете и не отведаете его вина.

Кто же этот господин, что это за ишхан, угощающий каждого прохожего со своего стола? И что это за роскошный стол, за которым кормят любого путника? Пап задумался.

– Пойдем, – сказал он Иеремии, и оба направили коней к лесу – на звуки музыки.

Когда они миновали плотный заслон кустарника и немного проехали по лесной тропе, перед ними открылась удивительная картина: на яркой траве лесной поляны под развесистым гигантским буком были разостланы ковры, на коврах – большая скатерть с узорчатой каймой, а вокруг нее сидело более десяти мужчин – все среднего возраста и все уже под хмельком: это можно было сразу определить по их тяжелым взглядам и неуклюжим движениям. Был среди них и епископ в черной атласной рясе, мужчина лет пятидесяти. Он пробовал петь, даже наклонял для этого голову, но, как ни пыжился, не мог издать ни звука, голос словно отказывался вылететь из его горла. А епископ между тем хотел непременно подпевать гусанам, сидевшим, скрестив ноги, с одной стороны скатерти, на отдельном коврике. Один из музыкантов, обняв бурдюк волынки и надув щеки, играл быстро, пробегая пальцами по ладам инструмента, другой играл на бамбире, а третий рядом бил в украшенный колокольчиками бубен и пел гусанскую песню.

Среди разнообразных яств, расставленных на скатерти, высились наполненные вином кувшины. Лоснящиеся поджаренные целиком бараньи туши лежали на больших блюдах... Недалеко от пирующих с веселым шумом потрескивал огонь. Прямо над пламенем поджаривалась баранья туша, подвешен-

ная на цепи к трем воткнутым в землю жердям, связанным концами. Языки пламени, словно голодные змеи, вздымались и, лизнув барана, опадали, чтобы вновь подняться. Запах поджаривающегося мяса разносился далеко вокруг.

Гусаны, заметив приближение Папа и Иеремии, заиграли живее, а певец запел громче. Плечистый курчавый мужчина с закрученными усами и бритым лицом поднялся навстречу гостям. Его живот был охвачен серебряным поясом, на котором висел короткий меч в золоченых ножнах. Это был хозяин стола. Откинув назад рукава капы, он слегка поклонился гостям и помог им сойти с коней. А затем, взяв их под руки, как давних друзей, подвел к скатерти.

— Сегодня мой очередной пир, дорогие сепухи,— сказал он, икнув.— Примите участие и пейте это пахнущее цветами чистое вино. И вы тоже, достойные гости...

И, взяв со стола две чаши вина, он поднес их новым гостям.

Пап и Иеремия выпили. Все участники застолья, кроме гусанов, которые продолжали свою игру, тоже выпили, чокнувшись чашами.

— Соблаговолите сесть,— сказал ишхан. Рассадив гостей, он и сам опустился на прежнее место и своими руками отрезал по куску мяса для гостей.

Едва лишь они принялись за еду, епископ — плотный мужчина с черными седеющими волосами, радостно прорычав что-то, стал на четвереньки и подполз к ишхану, который, придя в восторг от того, что ему удалось завлечь гостей, опять наполнял пустые чаши.

— Я — верблюд. Ишхан, я — верблюд! — пробормотал епископ, стоя на четвереньках рядом с хозяином стола.— Я — верблюд! Дай мне унести твои грехи...

Ишхан, отставив кувшин, положил ему на спину несколько серебряных монет. Епископ собрал монеты и так же на четвереньках заковылял к соседу ишхана.

— Я — верблюд, мой господин! Верблюд! Дай мне и твои грехи, унесу в чистилище.

И этот гость, с виду тоже ишхан, положил на спину епископа несколько монет, и тот опять искусно собрал их со спины и заковылял дальше. Все гости по очереди с веселым пьяным хохотом клали ему на спину монеты или куски мяса. Приближалась очередь Папа. Иеремия заметил, как задергалась правая часть его лица и между бровями залегла глубокая морщина. «Не вспылил бы»,— подумал Иеремия. На странное предложение епископа Пап ответил, еле сдерживая гнев:

— А если у меня ничего нет?..

— Тогда дай грамоту на поместье, молодой сепух! Грамоту дай! На поместье! Получишь отпущение всех грехов!..

Епископ хотел получить в подарок поместье. Пап слышал, что некоторые епископы разными уловками, угрожая загробными муками или пообещав радость рая, получали от на-

хараров и ишханов грамоты на владение богатыми деревнями вместе с крестьянами и землями.

– А если ни поместья у меня нет и ни земли? – сказал Пап. На этот раз его голос так задрожал, что Иеремия серьезно встревожился.

– Тогда... тогда ты – не сепух. – Пьяный, стоящий, как медведь, на четвереньках епископ с большим трудом выпрямился и сел, глядя Папу в лицо. – Значит, ты – не сепух. Не сепух... А ведь похож на сепуха – и лицом и одеждой. Значит, можешь и грамоту дать, верно?

Щека Папа задергалась еще заметнее. Он ударил рукой по колену и крикнул:

– Довольно!.. Замолчи, глупый чернориэец!..

Иеремия побледнел и потянул царя за рукав.

– Ведь мы же скрываем свои имена... – прошептал он. – Скрываем...

Пап остыл немного от этих слов.

– Да, отец епископ, я – не сепух, это правда. Я – несчастный путник, ни поместья у меня, ни власти... Иди проси у других...

И пока пьяные участники пира и гусаны, которые даже прекратили игру, удивленно смотрели на дергающееся лицо этого странного гостя и на его крупные строгие карие глаза, Пап и Иеремия поднялись с места и, поблагодарив ишхана, сели на коней и скрылись за деревьями.

– Нерсес – умный человек, почему же он позволяет, чтобы подобные люди были служителями Христа? – заговорил царь, когда звуки лесного пиршества затихли у них за спиной.

– Умный, – протянул Иеремия, – но ведь он не может свой ум раздать глупцам. Ум – не пшеница, чтобы посеять ее и получить урожай. Тацит говорил: «На одного умного приходится множество глупцов!»

– Но почему этот епископ прибегает к такому унизительному средству, чтоб получить деньги и поместья? – не мог успокоиться Пап.

– Бездарные норовят прожить без труда и, значит, способны на низость.

– Иеремия, то, что ты говоришь, не утешает меня и не объясняет, почему так должно быть. Только что мы встретили мошенника, который, совершив ложное рукоположение, похитил коня у наивного крестьянина. Здесь епископ, превратившись в животное, собирает деньги и клянчит грамоты на поместья. Что это такое?.. Есть в этой стране власть или нет? И почему такие дела остаются безнаказанными?

Пока Иеремия собирался с мыслями, чтобы ответить, они оба выехали на дорогу, где их ожидал Бат и воины-телохранители.

В течение нескольких дней они проехали всю область Дзорапор, но ничего особенного с ними больше не приключилось.

Потом они пересекли область Ниг, и там, где проходит граница этой области и дорога поворачивает к Араратской долине, произошла другая встреча, сильно взволновавшая Папа. Несмотря на знаки Иеремии, царь больше не мог сдерживаться и, вопреки своей воле, выдал себя, открылся перед чужими людьми.

Пап, Бат и Иеремия, ехавшие рядом, заметили на дороге четырех верховых дьяконов, которые гнали перед собой нескольких крестьян со связанными руками. Узники шагали устало и с трудом,– видимо, путь их был долгий.

Верховые дьяконы и связанные крестьяне! Эта сцена показалась странной. Первым погнал коня вперед Пап – узнать, что происходит.

– Кто они и куда их ведете? – обратился он к верховым дьяконам.

Один из дьяконов, который, чтобы удобно чувствовать себя верхом, подвернул полы длинной черной рясы и заткнул их за пояс,– здоровенный детина, похожий скорее на борца, переодетого в облачение священнослужителя, посмотрел исподлобья.

– Не выполнившие свой долг мужики, господин сепух,– сказал он зычным голосом, вполне подходившим к его крепкому сложению. И посмотрел на путников так, будто рассчитывал на похвалу.

– И куда их ведете? – продолжал Пап, стараясь не говорить ничего лишнего.

– В темницу, господин. В назидание и в пример другим.

– А почему?

– Потому, господин сепух, что не желают ни дань платить монастырю, ни трудиться на монастырь. «Не можем»,– говорят, вот ведь какие наглецы. Если монастырские крестьяне откажутся работать на монастырь, кто же будет работать, господин?..

– А кто приказал их связать? – поинтересовался Пап, сжав губы.

– Преосвященный Даниэл.

– А кто этот Даниэл?

– Наш настоятель, господин.

Бат и Иеремия заметили, что голос Папа срывается, и поспешили подъехать вплотную к нему.

Но Пап тронул коня – поближе к дьяконам – и вдруг приказал высоким дрожащим голосом:

– Стойте!

Дьяконы переглянулись.

– Но зачем, господин сепух?..

– Развязать руки задержанных и отпустить их домой! – еще выше взвился голос Папа, оскорбленного тем, что кроме него еще кто-то пользуется в стране неограниченной властью.

– Но, господин...– самоуверенный, похожий на борца дьякон придвинулся к нему.– Как можно?

— Развязать! — повторил уже разгневанный Пап.

— Но мы не можем этого сделать, господин, — невозмутимо выпрямился рослый дьякон. — Зря вмешиваешься. Бойся гнева святейшего Даниэла.

— Развязать! Вам приказывает ваш царь! — крикнул Пап, больше не в силах сдерживать себя.

Эти слова возымели магическое действие: крестьяне замерли, не зная, что делать, а дьяконы тут же спрыгнули с коней и упали на колени, опустив головы.

— Прости, государь... Прости, государь...

— Тут не кланяться надо! Встаньте и развяжите крестьян!.. — сказал Пап резко и умолк, сжав зубы, чтобы не сказать лишнего.

Дьяконы принялись развязывать веревки. Они медлили, раздумывая, видимо, о том, какой же ответ придется дать настоятелю. Крестьяне, пока им развязывали руки, удивленно смотрели на Папа, словно не веря, что это царь: ведь он был одет как обыкновенный нахарар или сын ишхана. В их глазах сияла и благодарность, но они не смели ее выразить. Когда Иеремия, увидев их растерянность, подошел к ним и сказал: «Царь освобождает вас, идите домой», — крестьяне очнулись, и один из них, пожилой человек со всклокоченной головой, низко поклонился сначала Папу, потом Иеремии:

— Долгой жизни вам, владыка, долгой жизни...

Остальные пятеро тоже стали кланяться, но уйти не решались, пока сам Пап не приказал:

— Идите в свои села...

Дьяконы, понурив головы, стояли, держа в руках уздечки своих коней.

— А вы идите в свой монастырь и расскажите все вашему настоятелю... — сказал им царь.

Прежде чем сесть на коней, дьяконы опять поклонились, при этом зорко посматривая — видно, не были еще уверены, что этот молодой человек в одежде обыкновенного сепуха и есть настоящий царь, а не самозванец, решивший пошутить над ними.

Бат и Иеремия между тем заметили, что Папа охватило не простое волнение — он словно забыл, где он, что делает и куда идет. Оба согласились, что продолжать путь нельзя, и предложили царю вернуться в Двин.

— Да, вернемся... — согласился Пап. — Я сам вижу.

И, не дожидаясь отставших телохранителей, они погнали коней к столице.

На другой день к вечеру запыленные путники въехали во дворец.

Вид Папа обеспокоил царицу Зармандухт. Обычно царь возвращался из своих поездок бодрым и радостным. Но на этот раз он был чем-то взволнован и мрачен, его рассеянный взгляд ни на чем не задерживался.

— Случилась какая-нибудь неприятность, Пап? — не удержалась царица.

— Ничего особенного...

— Однако ты взволнован.

— Скорее, устал, Зармандухт. — И Пап быстро прошел в свои покои.

Чуть позже он вызвал азарапета и Иеремию и распорядился:

— Написать указ для оглашения во всех селах и городах: собираемые церковью, монастырями, пустынями десятина и натура отныне отменяются. Сохраняется лишь государственная дань.

— Отменить дань, собираемую монастырями? — Азарапет удивленно вскинул тонкие брови и посмотрел на царя так, словно увидел перед собой незнакомого человека.

— Почему ты удивляешься, азарапет? — спросил Пап.

— Но этот порядок, государь, установлен издавна, еще со времен блаженного государя Трдата.

— «Порядок, установленный издавна»! — повторил Пап слова азарапета. — Скажи, неужели в стране, где есть царь, может быть несколько властей, несколько повелителей?

— Нет, государь, конечно нет, — ответил азарапет.

— Однако у нас, в Стране Армянской, властвуют все, даже настоятели и дьяконы. Что же мне остается? Пойти к отцам церкви и просить, чтобы они управляли и мною?

— Разреши узнать, государь, что противозаконного совершили наши отцы церкви? — спросил ишхан Аматуни, не отводя глаз от монарших уст.

— Что? Об этом, азарапет, ты должен был узнать раньше меня. Духовные отцы хватают людей и держат их под стражей, вмешиваются в дела светской власти.

— Должен признаться, государь, бывают иногда случаи...

— И ты позволяешь, азарапет, чтобы эти духовные отцы грабили страну! Если церковь и монастыри унесут весь хлеб крестьянина как дань и натуру, чем станет он платить государственную дань и как сможем мы усилить нашу армию? Думал ты об этом, ишхан Аматуни? Нет, конечно.

Азарапет на секунду опустил голову и потом посмотрел на усталое лицо царя.

— А как будут жить монастыри и братии, государь?

— У них есть и другие доходы...

Наступила тишина. Иеремия, видя, что Пап взволнован, решил не вмешиваться. По его взглядам чувствовалось, что он согласен с царем. Азарапет, потирая лоб, смотрел на пол и молчал. Потом опять поднял голову.

— Это вызовет недовольство, государь, — сказал он озабоченно. — Могут быть тяжелые последствия.

— Ты меня запугиваешь, азарапет?

— Нет, государь. Я лишь боюсь, что духовные отцы не подчинятся и...

— И стало быть, азарапет,— перебил его Пап,— советуешь, чтобы им подчинился я? Если в государстве полагается собирать дань, ее соберу я сам — для содержания армии, чтобы охранять пределы страны от врага. Духовные отцы и страну не содержат, и границ ее не защищают... Пусть живут своими землями, которых у них предостаточно. Непонятно мне, почему Нерсес заполонил страну нашу монахами? Давно я уже заметил, что их стало слишком много. Куда ни шагни — встречаешь архимандрита или дьякона, епископа или священника. Почему везде их так много? Почему?.. По-моему, достаточно одного священника в каждом селе, а половина дьяконов, вместо того чтобы собирать дань, может служить в армии... Нужно и это записать в указе,— потребовал Пап.

Азарапет не удержался от удивленного вздоха.

— Это уж слишком, государь...— сказал он мягко и с оттенком досады.

Царь тут же уловил этот тон азарапета. Подумал и сказал:

— Хорошо. В таком случае, Иеремия, запиши пока то, что я сказал раньше.

— Пап...— проговорила вдруг царица Зармандухт. Она незаметно вошла в тронную и, бледная, стояла у двери.— Пап,— повторила она, робко шагнув вперед,— может, ты сначала поговорил бы с патриархом Нерсесом?..

— Нет нужды в этом разговоре, царица,— ответил Пап резко.— Все ясно. Иди, Иеремия...

На другой день указ, записанный на пергаменте, с красной подписью царя гонцы повезли в селения и города Страны Армянской.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Яростный ветер бушевал в этот летний вечер над Вагаршапатом, а на обширном мощеном дворе кафедрального собора после только что закончившейся всенощной небольшими группами толпились священнослужители. Обычно после службы они торопились разойтись по своим кельям. Сегодня же люди в черном о чем-то мрачно переговаривались и чего-то ждали, поворачиваясь спинами к резкому ветру, который сильно раскачивал деревья и, взметая огромные клубы пыли, обрушивал их на головы людей.

О эта пыль... После нашествия персов Вагаршапат пострадал больше всех городов Страны Армянской. На эту знаменитую столицу Аршакидов, достигшую еще при царе Трдате Великом высшей степени своего благоустройства и роскоши, на этот город, где был и престол армянских католикосов, персы и прислуживавший им злой и завистливый нахарар Меружан Арцруни излили всю свою ярость, весь яд. Они сровняли с зе-

млей выстроенный царем Трдатом трехэтажный дворец вместе с пристройками, разрушили окружавшие его усадьбы знатных придворных и все расположенные поблизости строения и сады, разгромили большие постоялые дворы, где некогда останавливались прибывавшие с запада и востока огромные караваны с атласом, шелками и всевозможными украшениями и драгоценностями. Оставаясь в постоялых дворах месяцами, до распродажи этих товаров, купцы снова отправлялись в путь, увозя с собой шерсть, мед, медь и золото Страны Армянской. Персы не пощадили ни больших, ни малых домов, покинутых горожанами, – предали и их огню и разрушению. Но с особой яростью они громили и жгли церковные постройки. Правда, сколько ни старались враги, но кафедральный собор разрушить не смогли: массивные каменные стены собора устояли, и персы, не причинив им вреда, сожгли лишь деревянные двери и перекрытие. Но разрушений в городе было много – так много, что даже легкий ветерок взметал в небо глиняную пыль развалин, и она толстым слоем покрывала все. Виноградники и деревья садов теряли свой зеленый вид, их листва тяжелела от пыли. Под этой пылью столица, лишенная своих зданий и красоты, производила впечатление тысячелетних руин. Не следует, однако, забывать, что Вагаршапат хоть и был столицей, но не единственной. В Стране Армянской не было постоянного стольного города. В зависимости от времени года или политических обстоятельств армянские цари останавливались там, где считали удобным. После Трдата Великого его сын Хосров Второй построил для себя роскошный дворец на холме Двина и большую часть года проводил там. Вокруг новой столицы он посадил виноградники и большой лес из деревьев разных пород. Колышущаяся зеленая масса этого леса простиралась вверх по течению реки Азат. По ее глубоким ущельям и ближайшим к ней холмам лесные массивы, ветвясь, переходили в область Мазаз и область Котайк, достигая прохладного Гарни. Преемник Хосрова – его сын Тиран, пока не был ослеплен и лишен короны, останавливался то в Двине, то в Вагаршапате, а иногда и в Арташате. Его сын Аршак предпочитал жить в небольших городах и из этих мест управлял страной. А Пап вместе с сопровождавшими его нахарарами, только что вернувшийся из Византии, увидев развалины Вагаршапата, предпочел сохранившийся без разрушений Двин с его просторным и красивым дворцом. Католикосу Нерсесу тоже советовали сделать своей резиденцией Двин, где сохранились и церковь, которую персы превратили в капище, и дома, принадлежавшие церкви. Старый католикос не пожелал покинуть кафедральный собор и традиционную резиденцию своих отцов. За короткое время он обновил двухэтажные патриаршие покои, кельи монахов и перекрытие кафедрального собора. Все стало даже прочнее, чем прежде. Церковные украшения и утварь, сохраненные в надежных руках, опять заняли свои места в соборе.

Каждый день утром и вечером в соборе шла теперь служба, и в ней иногда участвовал сам католикос.

В этот летний вечер, когда внезапный ветер поднял в развалинах города клубы пыли и понес ее по улицам и над садами, – в этот час обнесенный каменными стенами просторный мощеный двор собора заполняла вся братия кафедрального собора. Здесь были епископы, архимандриты, иноки и дьяконы. Среди людей в черных рясах и в остроконечных клобуках можно было встретить искусного проповедника – рослого епископа Акопа с волнистой и пышной бородой; стройного, голосистого архимандрита Егиазара, Григориса, который благодаря своим переводам с сирийского назывался Сирийцем, певчего Барсега и Военачальника Зеноба. Последний назывался так потому, что действительно до пострижения был военачальником. Были среди братии Антон Предсказатель из Карина, Аствацатур Мажох, Овсеп Травоед, Мартирос Мясоед, архимандриты Ованнес Длинный и Ованнес Короткий. Пришли сюда даже архимандрит Христофор, ведающий кладовыми, который обычно в службе не участвовал, и хлебник Симон, никогда не выходивший из трапезной в этот час.

К здешней монастырской братии прибавились иеромонахи, съехавшиеся из других монастырей, среди них выделялся худой и длинный отшельник Маруке, живший в пещере горы Ара, одетый во власяницу. Он всегда носил с собой мешок из козьей шерсти, в котором хранил свою еду – фрукты и коренья. Еще был здесь пустынник Минас, о котором говорили, что при виде женщины он закрывает лицо и ждет, пока соблазн не скроется. Пришел и монах Мегрик, всю жизнь просидевший на хлебе и воде, и много других пустынников и отшельников – все худые, жилистые, опаленные солнцем. Большинство из них было облачено или во власяницы, или в сшитые из грубой домотканой материи поношенные рясы, которые мало чем отличались от власяниц. Иные к тому же туго перепоясались веревками – это должно было отбить охоту к еде и прочие желания; от этих жестких веревок у многих образовались раны на пояснице. Эти люди были не просто аскеты, они старались всякую радость плоти превратить в муку духовную; откусив от ломтя хлеба, они тут же вспоминали смерть и Страшный суд, и от ужаса у них пропадал всякий интерес к еде. Некоторые питались только травами или вовсе обрекали себя на голод и жажду.

А вот жители монастырей, наоборот, отличались своим благополучным видом. У них была и летняя и зимняя одежда, большей частью черная, а на иных и ряса из дорогой материи, опускавшаяся ниже колен, подпоясанная дорогим шелковым кушаком или кожаным ремнем. Можно было увидеть в этой толпе шерстяные и простые накидки и ризы, а на них серебряные и золотые застежки. На епископах и архимандритах возвышались клобуки с крестом, а дьяконы были лишь в черных круглых скуфейках. Некоторые из епископов и архи-

мандритов для красоты заплели бороды в две косы – по-сирийски; иные же ограничились одной косой на груди. Но больше всего было широких бород, резкий ветер трепал их и дергал в сторону.

Двор собора постепенно заполнялся служителями церкви, и разговоры становились громче. Слышнее всех говорил высокий худой архимандрит с воспаленными глазами и черной бородой; он был в центре большой группы церковников, собравшихся под деревьями

– Я сам, святые отцы, сам оком своим и ушами был свидетелем того, как толпа мужиков безудержно ликовала по поводу этого указа. «Нет больше десятины! Нет натуры! Нет!» – выкрикивали проклятые прямо в лицо. «Скоро царь и монастырские земли отдаст нам! Скоро! Будем платить только царскую дань, а церкви, монастырям ничего...» А бабы кричали нашим дьяконам: «Разбойники Христовы! Грабители!» Вот вам и дела нашего юного царя... Неужели святейший патриарх еще не слышал об этом?..

Кончив говорить, он глубоко вздохнул и устало понурился, – видно, приехал издалека, устал и от этого еще больше был раздражен.

Со всех сторон послышались возмущенные голоса:

– Горе нам, горе... Господь прогневался на нас, дав нам в цари безусого юнца...

В другой большой группе, укрывшейся от ветра под стеной собора, пожилые архимандриты и епископы тоже толковали о Папе, а дьяконы и иноки почтительно слушали их издалека, не осмеливаясь приблизиться.

– Да, святые отцы, яблоко от яблони далеко не упадет, – говорил епископ Давид, всеми уважаемый старец, видевший царствование Тирана и Аршака и недовольный ими.

– Но этот превзошел и отца и деда, – заметил низенький монах с жидкой бородой и рябым лицом. Чтобы хорошо видеть собеседников, он держал голову откинутой назад. – Те шли против некоторых обрядов церкви Христа, иногда возражали святому патриарху, а этот... Господи помилуй, он уже замыслил лишить нас всех хлеба насущного...

– Не только это, святой отец, не только это, – выступил вперед длинный архимандрит с заплетенной бородой; клобук на его голове покосился от ветра. – Пап – новый Юлиан, – взвизгнул он. – Видно, хочет вместо христианства насадить язычество. Да, язычество, святые отцы, нечестивое и скверное язычество...

Собравшиеся принялись безмолвно креститься.

– Справедливы слова святого отца, – опять заговорил низенький архимандрит с откинутой назад головой и рябым лицом. – Это стало известно в тот день, когда на площади Двина толпа разгульно шумела и плясала и заставляла отцов церкви пить вино и плясать с ней под развратные и бесстыжие песни гусанов. Да, отцы, когда услышал я сие, тут же сказал себе:

«Это новый Юлиан». И вот сей указ. Цель его не что иное, как...

– Нам еще неведома цель царя,– прервал архимандрита грустный голос епископа Давида.– Однако, отцы, указ сей ничего хорошего не предвещает...

– Указ говорит лишь о незрелости,– заметил короткий круглый епископ. Это был отец Кюрег, епископ области Вананд, он уже десять дней как прибыл в монастырь, но отъезд отложил, прослышав об указе.– Это незрелость, ибо царь, издавая указ сей, идет против закона Трдата Великого, который даровал церкви земли и поместья и установил для нее дань, чтобы церковь могла жить.

– Да, да, справедливо говорит святой отец,– согласился епископ Давид.– Наш царь так молод, что и не подумал об этом. Во дворце, видно, нет людей сведущих, чтобы вразумили его о неисчислимых последствиях бедственных...

– Есть, святой отец, есть,– опять вмешался рябой низенький архимандрит.– Разве не знаешь, у Папа есть двое мудрых и многоопытных юношей, они как будто изучали науки в Византии...– Он многозначительно умолк. Видно, побоялся сказать лишнее.

– Ты, святой отец, вероятно, имеешь в виду Бата Сааруни и Иеремию Аматуни? – спросил неуверенный голос из заднего ряда.

– Да, да, их. Их! – опять оживился низенький архимандрит.– В Византии они не научились ничему, кроме ереси. Вот они-то, сговорившись с царем, и издали этот указ...

– Был бы здесь спарапет, Пап не решился бы это сделать,– сказал кто-то.

– Несомненно, несомненно. Спарапет умен и дальновиден,– одобрили несколько голосов.

В стороне от этой большой группы в темной глубине деревьев переговаривалась еще одна кучка иереев, но не громко, как другие, а вполголоса, словно боясь выдать тайну.

– Царь прав,– говорил один.– Епископ Даниэл жадный и злой. Его алчность – причина тому, что царь издал сей указ.

– Да, не ведает он, что истинные слуги Христовы не нуждаются в поместьях, в благах мирских,– тихо гудел второй собеседник.– Мы должны молиться лишь за спасение нашей души и народа нашего...

– Да, отцы духовные, помолимся и да не предадимся чревоугодию и властолюбию, недостойным духовного сана,– грустно согласился пожилой архимандрит.– Царь, несомненно, прав, не следует предаваться алчности. Алчность несовместима с заповедями господними. И государь прав, трижды прав...

В группе, которая собралась под большим ореховым деревом, говорили о последнем путешествии царя, о том, как он с друзьями, скрыв свою личность, вошел в женский монастырь и отчитал настоятельницу.

— Для чего? С какой целью? — Вся группа сразу сдвинулась заинтересованно.

— Для чего? Скажу ясно, не побоюсь, — звенел запальчивый голос. — Хотел со своими друзьями и воинами провести ночь в монастыре.

— Позор!.. Стыд и позор!..

— Царь и такое поведение... Помилуй, господи, помилуй!.. — Все начали креститься.

— И заметьте, отцы, скрыл свое имя, — подчеркнул с особой таинственностью тот же оскорбленный голос. — Скрыл, чтобы утаить свой ужасный поступок. Понимаете, скрыл!

— Горе тебе, Страна Армянская, горе тебе... — вздохнул со стоном престарелый полуслепой епископ. Чтобы не упасть, он прислонился спиной к стволу дерева и, вытянув шею, неподвижно слушал говоривших. — Горе, горе тебе...

На секунду наступила тишина, и можно было подумать, что разговор иссяк. Но вдруг послышался несмелый дискант, который обращался к архимандриту, рассказавшему о монастыре.

— Однако, отец Петрос, я иное слышал. Говорят... Не знаю, насколько удобно рассказывать...

— Говори, рассказывай, отец Овсеп, — поддержал отец Петрос. — Говори, я с удовольствием послушаю.

— Наслышан я, что царь, скрыв свою личность, подъехал к монастырю и спросил, можно ли осмотреть обитель. Настоятельница разгневалась и устыдила его, не ведая, что говорит с царем. И тогда Пап сказал: почему сих юных дев собрали здесь? Надо их отпустить. Пусть, говорит, идут на волю, выйдут замуж и станут матерями...

— Святотатство!.. Святотатство! — зашептали кругом.

— И вот тогда, — оживился робкий отец Овсеп, — тогда настоятельница, осенив себя знамением креста, сказала: «Удались, чтобы твои слова богопротивные не дошли до ушей патриарха нашего...» Тут-то Пап, осердясь, и издал указ об упразднении десятины и натуры.

— Поступок обиженного юнца... — заметил кто-то.

— Обиделся на настоятельницу, а мстит кому? Католикосу! — отозвался голос, полный иронии.

— Не только католикосу, но и всей церкви, ее слугам мстит.

И вся группа зашумела, каждый с гневом или с ужасом обсуждал поведение царя.

Кто-то спросил:

— Однако, отец Петрос, как ты узнал или как настоятельница узнала, что скрывавший свою личность был действительно царь?

— Это тайна настоятельницы, — сказал отец Петрос.

— Знает ли обо всем этом католикос? — послышался задумчивый голос.

— Знает или нет католикос — ничего не могу сказать, а вот

его секретарь отец Фавстос знает. Только что святейший Даниэл рассказал ему, как царь не разрешил его дьяконам привести нечестивых крестьян в монастырь.

— А-а... — протянули сразу несколько человек. — Святейший Даниэл здесь?

— Значит, прибыл уже...

Епископ Даниэл, настоятель обители Святого креста в области Арагацотн, прославился как человек суровой, праведной жизни. В первые годы пострижения он целыми днями морил себя голодом и жаждой, всегда носил власяницу, иногда проводил бессонные ночи на ногах. Питался только кореньями и плодами, считая дикостью потребление мяса животных, тому же наставлял и своих учеников. Но снискал он себе известность еще и тем, что, будучи одним из немногих хорошо образованных священнослужителей, в последние годы отказался от чтения, находя, что книги вводят людей в заблуждение и наполняют души сомнением и суетным движением мысли. «Мысль — это сам дьявол или порождение дьявола, — говаривал он. — Новые мысли — значит, новые муки, новый грех». И пришел к выводу, что надо уничтожить мысль, ибо от нее все зло. Он полагал: если бы человек освободился от мыслей, он был бы счастливым существом. Что касается книг, епископ твердо был уверен, что слово божие не может быть в книгах, оно есть и должно быть в сердце каждого человека, и, кто хранит заповеди божьи, молится, постится и умерщвляет свои желания, тот постигнет суть и слова божии.

Когда епископ Даниэл был назначен настоятелем монастыря Святого креста, он сразу же отошел от некоторых своих суровых привычек. Правда, по-прежнему носил власяницу, был строг и требователен к своей братии, наказывал нерадивых, отлучая от хлеба, но, чтобы хорошо содержать монастырь и его обитателей, делал все возможное. Прежде всего, он сам собирал хлеб и другую дань с тех сел, которые были приписаны к его монастырю. Крестьян, отказывающихся от дани и натуры или медливших с уплатой положенного, запирал в темнице, чтобы уважали людей божьих и пастырей, которые всегда заботились о них и молились.

Этот епископ Даниэл прибыл из своего монастыря с жалобой католикосу на царя. Ведь с тех пор, как Пап отпустил нерадивых крестьян, дьяконы и иноки стали бояться идти в села собирать десятину и натуру. Появившись во дворе кафедрального собора, епископ еще не знал о царском указе. Но, рассказывая о случившемся с его монахами отцу Фавстосу, он тут же узнал и ужасающую новость. Теперь, окруженный архимандритами и епископами, выпрямившись во весь свой длинный рост, епископ Даниэл изливал перед ними свою душу.

— Тяжки грехи наши, святые отцы, — говорил он сухим, хриплым голосом. — А царь ныне новые грехи взваливает на наши души. Не понимает он, что и простолюдина, и крестьянина, и всю Страну Армянскую мы храним молитвами наши-

ми и подвижничеством. Если у крестьянина хороший урожай, скотина не дохнет от болезней и самого его минует кара небесная – всем этим он обязан нашим молитвам. Если ради этого он отдаст десятину ничтожную или натуру – много ли это? Крестьянин с радостью выполняет долг свой перед богом и церковью, а царь своим указом создает сему препону. Я все рассказал главе канцелярии католикоса, расскажу и католикосу. Зачем это, спросить бы, зачем? Что это такое?

– А то, святейший, что царь сказал: «Духовному лицу нет дела до земли, его дело – душа», – прозвенел раздраженный голос со слезой.

– Он сказал и худшее: «Здоровый человек должен быть воином, а не монахом», – вставил кто-то.

– И это еще не все, – жаловался первый голос. – Я слышал, что царь сказал: «Пусть церковь живет своими поместьями, а данью надо содержать войско».

– А я слышал, что он хочет конфисковать в царскую казну и наши поместья. Чтоб церковь навсегда лишилась доходов и перевелось христианство в Стране Армянской.

Все перекрестились.

– Господи, помилуй... Помилуй...

Помолчав, вдруг хором заговорили:

– Откуда сии нечестивые, злые мысли?..

– Наверно, от греческих языческих книг.

– Вот вам и книги, – застонал святейший Даниэл. – Вот вам и вред. Нет, святые отцы! Книги вводят умы в заблуждение и умножают преступления. Лишь одно Священное писание очищает душу, – добавил он тут же, боясь, как бы его не обвинили в неупоминании святой книги, такое не раз случалось.

– Говорят, Пап никогда не читает Священное писание, а лишь языческие книги, привезенные из Византии, – вполголоса заметил кто-то.

– Как и его секретарь Иеремия...

– И Бат Сааруни. Все трое они читают языческие книги – на греческом и на латинщине.

Епископы и архимандриты опять перекрестились:

– Помилуй, господи, помилуй...

– Надо сообщить святейшему патриарху, надо сообщить... – повторило несколько голосов.

– Для этого я и приехал, отцы, – сказал святейший Даниэл и хотел еще что-то добавить, но среди братии – по всему двору – вдруг прокатилась волна смятения.

– Святейший Хад прибыл... Святейший Хад...

Услышав его имя, многие иноки, дьяконы и даже пожилые архимандриты заспешили к воротам встречать епископа Хада. Все знали его как мужа строгих нравов, способного бросить упрек даже царю. Кроме того, он был постоянным местоблюстителем католикоса, епископом города Двина и области Багреванд. Слышали, что пир победы, устроенный Папом в Дви-

не после Дзиравского сражения, сильно разгневал Хада – епископ даже требовал от католикоса Нерсеса сделать внушение царю. Правда, католикос ограничился «мягким назиданием и предостережением». Было интересно, что скажет святейший Хад на этот раз.

Отец Хад приехал со свитой из нескольких дьяконов и архимандритов, которые обычно сопровождали его в пути. Среди них был и высокий худой отец Согомон. Все сопровождавшие Хада были на конях, сам же святейший, по своему обыкновению, приехал верхом на осле, просто одетый, суровый. Суровостью веяло и от его густых, лохматых бровей и все еще сохранившей свой блеск черной с проседью бороды, закрывшей почти всю грудь. Сейчас она была припорошена пылью, как и одежда епископа. Обычно никому не позволялось верхом на коне или осле вступать во двор кафедрального собора, но Хад, как местоблюститель, пользовался этой привилегией еще с тех дней, когда католикос Нерсес был в ссылке и епископ сам вел патриаршие дела.

Проехав на середину двора, Хад, не меняя выражения лица, молча с помощью своих дьяконов сошел с осла и поправил рясу. Пока он приводил себя в порядок, один старый архимандрит, опираясь на посох, смело подошел к нему.

– Отец местоблюститель, святейший Хад, знаешь ли, какое ужасное бедствие пало на наши головы?

– Знаю! – простонал святейший Хад так глубоко и протяжно, что все в одном этом слове почувствовали и горе, и гнев, и решимость. – Знаю, – повторил он, шагая к патриаршим покоям.

– И что нам делать, святейший? – не отставал наивный старик, словно ища опоры и поддержки в авторитете святейшего. – Что делать?

– Что? – выпрямился вдруг Хад, и в глазах его сверкнули огоньки. – То, что мы обязаны сделать...

Его голос был грозным и решительным. Казалось, он нарочно сказал громко, чтобы слышали все. И действительно, его слово как будто воодушевило всех, по двору пробежал как бы ветер.

– Верно говорит святейший, верно говорит...

– Надо заставить, чтобы царь забрал назад свой указ.

– Разве царь послушается? – выразил сомнение кто-то.

– Ужели откажется от своего указа?

– А почему бы и нет? Почему бы и нет? – зачастили хором несколько голосов.

– Надо, надо поговорить с католикосом...

– Поговори, святейший, поговори с блаженным, – раздались другие голоса.

Сопровождаемый просительным и строгим ропотом всего двора, Хад направился к патриаршим покоям. К нему присоединились знатные епископы и старшие архимандриты. За ними на расстоянии последовала большая часть священнослужи-

телей, но у входа в патриаршие покои они остановились плотной толпой, ожидая вестей о том, что скажет католикос и какое будет решение по этому трудному делу.

Пока во дворе происходили эти возбужденные споры и нарастала тревога, в патриарших покоях, находившихся в дальнем конце двора, секретарь и глава канцелярии католикоса — отец Фавстос докладывал патриарху об указе царя Папа. Католикос сидел на троне в просторном зале, который братия называла тронным. Это был зал длиной в пятьдесят локтей и шириной в тридцать, с двумя рядами колонн, подпиравших высокий потолок, и с нишами в стенах. В нишах были маленькие мраморные постаменты, на них поблескивали серебром и золотом кадильницы, покоились написанные на пергаменте толстые книги. Были здесь и большие встроенные в стены шкафы, завешенные атласными или бархатными шторами. Этот зал, где католикос принимал не только людей духовного сана, но даже царей, ишханов и послов, не блистал особыми украшениями и роскошью. И это не потому, что церковь была бедной: правда, часть украшений разграбили персы, но, кроме того, и сам католикос, вернувшись из ссылки, уже не хотел жить в прежней роскоши и неге, окружая себя драгоценной утварью и мебелью. На мозаичном полу зала был постлан большой ковер, вдоль стен стояли простые диваны, накрытые коврами, треножные гравированные столики и кресла. Были тут и медные пяти- и семисвечные светильники — вдоль стен и в углах, а с потолка свисали литые из меди люстры, которые зажигались ради больших праздников или для приема заморских послов, представителей другой церкви.

Был уже вечер, и в зале густели сумерки, но еще не горела ни одна лампада, и отец Фавстос, щуря глаза и делая легкие поклоны, взволнованным, но кротким голосом докладывал патриарху все, что слышал в этот день. Нерсес сидел на троне, то есть в большом глубоком кресле с ковром на спинке и сиденье. Руки католикоса лежали на подлокотниках, инкрустированных перламутром и рыбьими зубами. Нерсес сидел здесь не только в часы официальных приемов, но и во время бесед со своим секретарем или кем-нибудь из епископов; и это не из-за тщеславия, а потому, что на этом троне можно было удобней устроиться, что было весьма желательно для его старого немощного тела. Особенно давали о себе знать быстро устающие ноги, под которыми теперь лежала подушка, накрытая ковром. Над троном, за спиной католикоса, висел на стене большой черный деревянный крест, на нем матово поблескивал горельеф — распятый Христос, произведение высокого искусства, которое известный торговец Тироц, еще до ссылки Нерсеса, привез из Византии в подарок католикосу вместе с дорогой патриаршей ризой — ее Нерсес набрасывал на плечи по большим праздникам, направляясь в церковь на службу вместе

с епископами и архимандритами, сопровождавшими его с кадилами и песнопениями.

Теперь он был в одной синей тафтяной рясе и в шелковой круглой шапочке, которая закрывала его лысую голову, оставив выпущенными пряди седых волос на висках.

Несмотря на то что немощное тело патриарха почти лежало, опираясь на спинку кресла, а изможденное пергаментное лицо выражало предельную усталость, черные, все еще крупные глаза Нерсеса горели особым огнем, сияли любознательностью и напряженной мыслью. А борода, как водопад, белыми волнами ниспадала на слабую грудь и почти достигала шалевого кушака, которым была затянута поясница.

Глава канцелярии католикоса был прямой противоположностью Нерсесу – короткий, круглолицый, с большим лбом Сократа, редкой бородой и маленькими глазами, спрятанными под мясистые веки. Многим эти глаза казались безразличными, но это впечатление обманывало: отец Фавстос был на редкость зорок и наблюдателен – превосходно замечал и слышал все, да еще и записывал и держал в тайне «для передачи грядущим поколениям», как сам говорил. Будучи главой канцелярии католикоса, он не раз бывал с ним в Византии, знал греческую литературу и искусство и был сведущ в тонкостях этикета.

Докладывая об указе царя, он, несмотря на взволнованность, был сдержан в своих движениях и с благоговением смотрел в лицо католикосу, чтобы приметить, какие чувства вызовет в нем неблагоразумный поступок Папа.

Нерсес слушал спокойно, пересчитывая на коленях зерна черных янтарных четок, но потом, когда вник в существо дела, то есть когда Фавстос рассказал, что по указу царя отменяется дань для церкви – десятина и натура, Нерсес выпрямился, двумя руками сжимая подлокотники трона, его огненные глаза словно увеличились, и отцу Фавстосу показалось, что патриарх вот-вот взорвется и проклянет поступок Папа. Однако Нерсес, сжимая своими костлявыми пальцами подлокотники кресла, лишь сказал:

– Так, так... – и замолчал, устремив взгляд в пространство. Потом спокойно кивнул: – Дальше...

– Далее, блаженный, – заморгал маленькими глазками отец Фавстос, явно удивленный тем, что католикос остался спокойным. – Далее должен сказать твоему святейшеству, что царь после языческого увеселения, данного им в честь Дзиравской победы, продолжает замышлять дела дьявольские, кои невозможно сносить. Святотатственны и непристойны замыслы сии, поскольку каждый человек, услышав о них, ослабеет в своей христианской вере... Дошли до меня слухи, например, что царь, беседуя с молодыми нахарарами, сказал, будто женские монастыри и богадельни не нужны и что каждый человек должен работать, создавать семью и иметь детей... И в землях, говорит, церкви нужды нет, ибо ни единый священнослужитель не пашет и не сеет...

Отец Фавстос замолк и опять поморгал, ожидая, что теперь, после всего услышанного, блаженный не останется безразличным и уж непременно разгневается, проклянет и деяния и слова царя. Но и на этот раз святейшего не покинул внутренний покой.

— Справедливо, отец Фавстос, — сказал он, опять взяв в руки четки. Спокойный голос его опять удивил секретаря. — Справедливо заметил царь, что архимандрит и епископ не пашут и не сеют. Справедливо сие. Но не ведает он, что они труждаются господу, возделывая души людские и рассеивая божьи семена плодоносящие.

— Несомненно, святейший патриарх, несомненно, — поклонился отец Фавстос, положив на грудь обе руки. — Однако, блаженный, он и такое сказал: те, кто проповедует, что человек должен жить словом господним, пусть, в таком случае, словом господним и живут и оставят земли тем, кто живет хлебом господним... Злые, недостойные помыслы, блаженный, — вздохнул отец Фавстос и замолк, опять ожидая патриаршего слова.

И Нерсес не замедлил, сказал это слово.

— Да, такие мысли может высказать лишь отрок, отец Фавстос, — начал не спеша католикос. — Наш царь, отец Фавстос, еще юн и не украшен достойным его положения и сана благоразумием. Он еще нуждается в опеке и назидании. Необходимо мне чаще бывать у него или вызывать его сюда. Ибо нет у него во дворце серьезных и умных советчиков. Вокруг него — юнцы. Необходимо чаще беседовать с ним, не оставлять его без назиданий.

— Святейший патриарх прав, — опять поклонился отец Фавстос, мелко заморгав. — И еще дошло до ушей моих: когда Пап с этими юнцами объезжал области, очень он удивился, что в каждой деревне — больше одного священника. И сказал: «Много их... католикос хочет заполнить страну священниками и иноками...»

От этих слов крупные черные глаза Нерсеса прищурились, и он так покачал головой, что по ниспадающей водопадом бороде пошли волны.

— Не стоит внимать каждому слову, отец Фавстос. Ты муж многомудрый. Необходимо тебе быть бдительным, дальновидным и высоким духом...

Круглый лик секретаря побледнел от спокойного, но строгого замечания католикоса: Фавстос не только смутился, но и был оскорблен.

— Позволь сказать, блаженный: сие не слухи вымышленные. От сведущего человека дошло.

И отец Фавстос стал рассказывать все, что слышал от одного дьякона. Но католикос был рассеян, не стал его расспрашивать, как бывало раньше, и почему-то вдруг изменил тему разговора, спросив, написал ли отец Фавстос то, что ему было поручено.

– Конечно, блаженный, конечно, – ответил секретарь, все еще задетый невнимательностью католикоса. Замигав маленькими глазами, затерявшимися на мясистом лице, он почесал мягкий, как слива, нос. Его беспокоило и удивляло то, что католикос не выразил никакой строгости по поводу указа и нечестивых мыслей молодого царя. Что думал патриарх, он так и не узнал. Однако Нерсес умолк и не захотел продолжать беседу – это было несомненным признаком волнения. По опыту знал отец Фавстос, что святейший не любил говорить о неприятных и волнующих его делах.

Отец Фавстос хотел было сказать и о том, как встревожены все епископы и архимандриты царским указом, когда вдруг вошел дворецкий католикоса дьякон Усик – молодой человек в длинной рясе, с рассыпанными по плечам волосами. Он поклонился.

– Местоблюститель святейший Хад, святейший Кюрег, епископ Votananда, настоятель Даниэл и другие святые отцы и старшие архимандриты желают видеть твое святейшество, – сказал дьякон и, приложив руку к груди, опять поклонился.

– Приглашай, – проговорил Нерсес и выпрямился на троне, придав телу более прямое положение, а лицу – выражение смирения и покоя. Отец Фавстос отошел и, став по правую руку от трона, неподвижно замер, как всегда во время приемов.

Вскоре один за другим вошли епископы и пожилые архимандриты. Впереди выступал костлявый епископ Хад с вытянувшимся, словно неспособным к улыбке лицом и строгим взглядом. Хотя нравы здесь были простые и каждый мог войти к святейшему патриарху без излишних формальностей, Хад, хоть и местоблюститель, не переступал патриаршего порога без предварительного доклада и не узнав, соблаговолит ли святейший принять его. До такой степени он уважал порядок и благоговел перед главою церкви.

Вслед за Хадом вошел короткий, полный епископ, у которого все было круглое – как лицо с одутловатыми щеками, так и руки и ноги, тоже короткие и бросавшиеся в глаза своими округлостями. Это был отец Кюрег, епископ области Вананд, известный своим знанием греческого и искусный в риторике. За Кюрегом вошел худой и высокий епископ Даниэл, без клобука, со всклоченными седыми волосами и расстегнутой на груди рясой, приоткрывающей власяницу. Осторожно перешагнул порог отец Давид – кроткий с виду епископ области Аршаруник, за ним – проповедник Акоп с пышной бородой, Военачальник Зеноб, Овсеп Травоед, Мартирос Мясоед и другие – все в черном и в клобуках.

Войдя, все, согласно принятому чину, остались стоять у дверей в зал, Хад свесил длинные руки почти до колен, Кюрег переплел пухлые пальцы на круглом животе, святой Даниэл налег на толстый простой посох. Остальные тоже застыли в позах ожидания. Казалось, вот сейчас они начнут истово молиться или попросят благословения своего пастыря. Но доста-

точно было легкого мановения белой сухой руки Нерсеса, приглашающей их сесть, и выражение лиц духовных отцов сразу же изменилось: на них появились горесть, беспокойство и сдерживаемый гнев.

Все эти сорок или пятьдесят епископов и архимандритов продвинулись вперед и расселись в креслах, на стульях и диванах, и от их одеяний сумрачный зал потемнел настолько, что отец Фавстос вызвал дворецкого – дьякона Усика и велел ему зажечь лампады и люстру. И когда тот с зажженной восковой свечой в руке начал обходить лампады, Хад с тяжелым вздохом начал:

– Пришли мы, святейший патриарх, узнать, какое распоряжение сделает твое святейшество по поводу царского указа.

То волнуясь, то сердясь, он рассказал об указе Папа.

– Святейший патриарх, сей юноша... Извини, блаженный, я иначе не могу назвать его – сей юноша желает превзойти своих предков в нечестивых делах... Если те творили дела языческие или не внимали святым отцам церкви, их поучениям, сей дерзает поднять руку и на священные права церкви. О небо, о милостивый бог! – Голос Хада задрожал от волнения, и он лишь смог прибавить: – Надо предать его анафеме, анафеме, святейший патриарх, чтобы... Надо его проклясть!..

Голос его пресекся от гнева, и он замолк.

И сразу же поднялся с места отец Кюрег, епископ области Вананд, словно для того чтобы помочь своему приятелю-епископу. Но сам он, казалось, смущался от волнения, а может быть, от тучности и перебирал пухлыми пальцами на круглом животе.

– Святейший патриарх! – заговорил он тонким женским голосом, чуть ли не плача. – Думаю, блаженный, нужно без промедления осудить этот ребяческий указ, дабы Пап не осмеливался осуществить его... А если не откажется от злых мыслей и не послушает тебя и твоих назиданий, надо немедленно отписать августейшему императору Валенту или священному митрополиту Кесарии, чтобы обуздали нечестивца...

– Справедливо, – сказал Хад, первым одобрив его предложение.

И еще двое выразили свое согласие, повторяя друг за другом:

– Верно, верно говорит святейший Кюрег.

Нерсес неподвижно слушал, прислонившись к спинке кресла и иногда поднимая крупные воспаленные глаза на седовласых епископов и архимандритов, расположившихся на диванах и в креслах, выстроившихся под стенами и столпившихся перед дверью. Вдруг его словно пробудили их взволнованные голоса. Широко раскрыв крупные глаза, он оторвался от спинки кресла, слегка подался вперед и спокойным задумчивым взором обвел собравшихся.

Все замолкли и, затаив дыхание, смиренно склонившись, почтительно и не отрывая от него взгляда, ждали, что скажет

католикос, какое примет решение, как распорядится. Все чувствовали: речь идет не только о церкви, которая не может жить без доходов, но и о каждом из них в отдельности. И взгляд проницательных глаз католикоса был таким, что каждый чувствовал, будто католикос смотрит на него. Долго смотрел он так, поглаживая седые пряди бороды,— то ли выбирал нужное слово, то ли изучал собравшихся.

— Значит, отцы,— заговорил он густым спокойным голосом, продолжая оглядывать всех,— вы предлагаете, чтобы из-за одного указа нашего юного царя Папа я предал его анафеме или обратился к посредничеству византийского императора и святого митрополита Кесарии. Не так ли?

— Да, да, святейший патриарх,— послышались взволнованные, но почтительные голоса.

— А хорошо ли вы обдумали ваше предложение?

— Да, святейший патриарх, другого выхода нет.

— Значит, вы считаете, что я могу опорочить и обвинить моего царя перед чужеземным императором. Нет, святые отцы,— возвысил вдруг Нерсес свой голос, и его белая борода задрожала на груди.— Нет... Разумный отец сам вразумляет своего сына, а не призывает чужого. Обратиться к императору... Нет, я не смогу этого сделать: моя больная овца мне дороже чужого льва. Это значит — нашу больную овцу отдать на съедение чужому льву.

— Но, святейший патриарх, он не овца и не болен,— заговорил Хад раздраженно, но кротко и почтительно.— Он уже бык рогатый, тигр с острыми когтями!..

При этих словах Хада некоторые епископы и архимандриты задвигались одобрительно в своих креслах, но большинство осталось молчаливым, являя собой покорность, благоговение и любопытство. Были и такие, которых смутили и удивили слова католикоса. «Неужели защищает Папа?» — читалось на их лицах.

А Нерсес опять выпрямился на троне, положил руки на подлокотники кресла и, широко раскрыв горящие глаза, снова оглядел всех.

— Нет, отцы! Нет, святейший Хад! — заговорил он с нажимом.— Не бык он, а овца заблудшая! Наш долг, нет, мой долг — словом божьим объяснить ему все то, что еще темно для него и неясно. Неужели нам не хватает божьего слова, чтобы мы смогли ему открыть свет веры нашей и разъяснить долг христианина? Вы думаете, ваш патриарх не в силах убедить его? Я сочту своим долгом поговорить с ним и объяснить ему, что он на ложном пути. Огненным словом божьим развею его заблуждения. Ваше возмущение преждевременно, ваше требование обратиться к императору Валенту — недостойно.

Все слушали напряженно, иные опустили глаза и головы. От слов католикоса словно угасло, остыло их бурное волнение.

И когда он кончил, в зале несколько секунд стояла тишина.

— Однако, блаженный,— зазвучал вдруг в этой тишине го-

лос Кюрега,— Пап уже разослал указ по всем городам и селам об упразднении десятины и натуры. Он пишет, что крестьяне, по причине разорения войной, не в состоянии платить двойную дань и потому должны платить лишь дань царскую...

— И желание имеет одновременно закрыть богоугодные заведения, учрежденные твоим святейшеством,— заметил разгоряченный Хад, прервав епископа.— Женские монастыри распустить, а монахинь предать скверне... Вот какие злобные замыслы он вынашивает, святейший патриарх... И ты, владыка, неужели ты уверен, что одним лишь словом заставишь его отступиться от безумных затей?

— Злые, святейший патриарх, помыслы у Папа,— вторил Хаду отец Давид, епископ области Аршаруник, который в продолжение всего разговора ерзал, порываясь встать.— Он хочет лишить нас хлеба насущного, чтобы мы покинули божьи обители, и он насадил бы везде язычество, как злодей Юлиан...

Пока епископ Давид говорил, Нерсес все так же спокойно смотрел на своих растревоженных епископов и архимандритов, на молодых монахов, стоявших у дверей и выстроившихся под стенами и с интересом выглядывавших из другого зала. Казалось, он считал излишними их страхи.

После епископа Давида заговорил еще один архимандрит, потом второй — с теми же раздраженными интонациями и резкими движениями, но сам Нерсес оставался спокойным, и, когда высказались все, он проговорил тем же спокойным голосом:

— А я, отцы, все-таки не думаю, что юный Пап осуществит свое намерение. И не думаю также, чтобы у Папа были такие недобрые замыслы; видно, ему внушают это окружающие его юноши, эти увлекающиеся мальчики. Все юноши вообще думают недолго, а рубят сплеча.

— Справедливо заметил, владыко, справедливо...

На дворе было уже совсем темно. В просторном тронном зале патриарших покоев тени от колеблющихся огней люстры и лампад, удлиняясь и укорачиваясь, играли на стенах, и лица собравшихся то освещались, то темнели. Выслушав авторитетное слово патриарха, все призадумались. Некоторых удивила и огорчила его мягкость, иных слово святейшего обнадежило, и они верили, что указ царя не осуществится, уповали на него, на всемогущего Нерсеса, который конечно же сделает все, что нужно, и Пап возьмет свой указ назад и даже придет к патриарху с раскаянием и попросит у него отпущение за свой неблагоразумный шаг.

Некоторые, поднявшись, слезно просили патриарха любой ценой предотвратить опасность, угрожающую церкви и христианству.

Самым последним встал Даниэл. Под ветхой рясой, накинутой на его плечи, виднелась власяница, и от этого епископ был похож на того языческого бога, которого изображали в виде волосатого человека с козлиными ногами.

– Ты сказал, святейший патриарх, что Пап ничего не сделает по своему указу, – начал он зычным голосом горца. – Однако он сделал очень много, и первый удар пал на меня...

Нерсес словно очнулся от этих слов и внимательно посмотрел на говорившего.

– Два дня назад, – продолжал говорить настоятель Даниэл так же громко и четко, – царь отпустил крестьян, не выполнивших свой долг, которых мои дьяконы вели в лавру. Он сказал, что мы, священнослужители, не имеем прав на крестьян, на наших монастырских крестьян... Что это могло значить, святейший патриарх? Это значит, что я, мы все корпим в отшельничестве, ходим в суровых власяницах, молимся, постимся и не имеем права на хлеб. Если это все станет известно крестьянам, – значит, конец нашему существованию, конец христианству. Дурной пример! Богопротивный указ!

– Верно говорит отец Даниэл, – послышались одобрительные голоса среди тех, кто сидел в креслах, и в толпе монахов, стоявших у входа.

Воздух в зале стал очень тяжелым, и секретарь католикоса отец Фавстос, стоявший по правую сторону патриаршего трона, раскрыл рядом с собою окно и, подозвав дьякона Усика, распорядился подлить масла в лампады и насыпать на них арабскую ладанную пыль; так делали всегда, если дышать становилось невмоготу, – от ладанной пыли зал наполнялся ароматным благоуханием, и это было приятно старому католикосу.

Епископ Даниэл опять смутил мысли собравшихся. Католикос, который и сам был взволнован и возмущен, все же сдержался и на этот раз и, чтобы умерить страсти, сказал:

– Помните, отцы, слово сына божьего: «Не противься злу». Волнение и гнев – очень дурные советчики. Предоставьте вашему патриарху поговорить с царем и поступить так, как положено... А теперь идите с миром... – И, выпрямившись на троне, он поднял десницу и, сложив три тонких пальца, перекрестил свою братию.

Когда епископ и архимандриты один за другим, строго в порядке старшинства, вышли, а с ними и отец Фавстос, старый католикос, кряхтя, поднялся с трона и раздраженно зашагал по залу. Его сдерживаемый гнев словно обрел свободу.

– Неразумный, незрелый, зеленый юнец! Подумал ли, против кого выступаешь со своими слабыми силами?..

Во дворе кафедрального собора было темно и тихо. Ветер улегся, все небо затянула густая, черная темнота, не сияла ни одна звезда. Монахи и иереи медленно расходились по своим кельям. Почти все успокоились, верили, что блаженный с его

влиянием и авторитетом не позволит царю довести до дела свой указ.

Однако попозже, когда в пустом дворе уже стояла ночная тишина, из одной кельи вышли двое и, мягко шагая, направились к собору. Под стеной они остановились. За ними неслышно кралась какая-то тень. Человек остановился и замер под стеной собора и, чтобы его не заметили, прислонился спиной к стене.

– Ушли, все ушли, – сказал один из двоих глухим полушепотом. – Здесь никто нас не увидит, святой отец. Я так расстроен, просто не могу сдержать свое удивление. Такое спокойствие, невозмутимость... Постарел, не сознает, какая беда нависла над церковью.

– Да, к сожалению, постарел. А для спасения церкви и христианства нужны решительные меры против этого мальчишки... Когда святейший говорил, я чувствовал, что он уже немощен. Нам остается самим подумать о церкви.

– Что же делать? – так же сдержанно шепнул первый.

– Я думаю, есть средство против всего этого...

– Какое? Говори скорей.

– Теренций, комес Теренций...

– Теренций? – удивленно повторил глухой голос. – Ужели он может подействовать на царя?

Они зашептали, зашипели, и третий, тот, что слился со стеной, как ни напрягал слух, ничего больше не услышал.

Потом двое пошли куда-то, и глухой голос, удаляясь, опять сказал:

– Пусть епископ Даниэл тоже придет с нами.

– Нет, он безумец, наговорит у Теренция много лишнего, да и неприятен он в своей власянице. Хватит нас двоих... Ты искусен в греческом, все расскажешь...

Человек, продолжавший следить за священнослужителями, опять не услышал продолжения их разговора, но по голосам узнал обоих.

Это были епископы Хад и Кюрег.

Пройдя немного, они, услышав за собой шаги, остановились и посмотрели назад.

– Кто это? – строго спросил Хад.

Тень вышла из темноты, склонилась перед Хадом.

– Извини, святейший, я услышал ваш разговор и хочу предложить свои... себя. Я тоже недоволен делами царя...

– А кто ты? – спросил строго Хад, заглушив голос.

– Дьякон Малахия, – сказала тень, опять сгибаясь. – Прикажи, святой отец, я готов... Я опытен в стрельбе из лука... Ведь царь часто ездит на охоту.

– Замолчи, несчастный! – шикнул на него Хад. – Мы не собираемся быть цареубийцами, понимаешь ты это? Если хочешь видеть солнце, молчи. Убирайся и молчи!

Малахия молча выпрямился и даже сделал шаг в темноту.

— Подожди, иди сюда! — подозвал Хад. — Иди скажи чтобы седлали коней, поедешь с нами в Двин!

— Я готов, святой отец.

Спустя два часа три всадника, выехав из восточных ворот Вагаршапата, поскакали в Двин.

Двин спал. Особенно глубокий сон сковал его окраины. По центральным улицам шагали легко вооруженные воины ночной стражи, но так спокойно и осторожно, словно боялись своими шагами нарушить спокойствие города. Была уже полночь, городские огни давно погасли, и только в цитадели, как далекие звезды, мигали одинокие лампады. Это были ночные огни дворца и сторожевых постов у ворот цитадели, которые обычно горели до утра.

В этот час можно было увидеть в городе и другой одинокий свет — в окне двухэтажного дома на центральной улице. Узкой полосой он падал на улицу, как бы деля ее на две части.

Это был дом византийского посла — военачальника Теренция, знакомый каждому двинцу. Все знали, что это красивое здание, принадлежащее торговцу Тироцу, именно из-за его удобств было предоставлено послу. Знали также, что этот свет горит по ночам лишь в то время, когда посол бывает в Двине. А комес Теренций постоянно в Двине не жил... Он останавливался то в Карине, где расположилась византийская восточная армия после Дзиравской битвы, то в Спере, где стояла часть этой армии, и приезжал в Двин в зависимости от политических обстоятельств и времени года. В зимние и осенние месяцы, например, он предпочитал Двин, летом — прохладный Карин, где мог пользоваться лечебными горячими источниками... Однако сейчас, хоть и стояла жаркая летняя погода, комес все же приехал в Двин на несколько дней — на свидание с Папом. Уже четвертый день он был в Двине... Вечерами обычно бывал один, если не считать десяти его греческих слуг, стражников и поваров, которые находились в этом доме постоянно, даже если комес был в отъезде, и византийских воинов-телохранителей, сопровождавших его из Карина в Двин. Что касается его освещенного окна, смотревшего по ночам на одноэтажные и двухэтажные дома Двина, подобно постоянно открытому бессонному глазу, — двинцы не понимали, для чего горит этот свет — то ли для ночных стражников, которые так и кружили перед его домом, или, может быть, для того, чтобы люди знали, что византийский посол на месте, и не осмеливались шуметь перед его домом.

Этой ночью посол был занят в своей комнате. Сняв воинское одеяние и оставшись в одной легкой тунике, стянутой поясом с кистью, он сидел за большим столом и писал, иногда отбрасывая назад седые, почти пепельные волосы. Перед ним стоял подсвечник с зажженными тремя свечами, бросая свет на

аккуратно сложенные навощенные дощечки, медные стили, листы пергамента, толстые, свернутые трубкой листы египетской бумаги и на письмо, скрепленное печатью с гербом византийского императора. Другой – высокий – подсвечник с семью свечами стоял на полу посредине комнаты, освещая деревянную мебель, мягкий диван и дорогие занавеси, прикрывающие своими складками двери и свисающие до пола.

Комес Теренций сосредоточенно, напряженно что-то писал на навощенной дощечке, то и дело зачеркивая и меняя слова, а затем переписывал отделанную фразу на лежащую перед ним толстую египетскую бумагу, похожую на пергамент, стараясь, чтобы письмо было чистым, аккуратным и ясным по смыслу... Он словно бы не писал, а совершал некое священнодействие – столько осторожности и благоговения было в каждом его жесте... Писал он очередной отчет своему императору о делах Страны Армянской, как он говорил – Армении. Письмо еще не было написано и наполовину – он торопился его закончить этой ночью и завтра вручить императорскому гонцу, прибывшему два дня назад, а с ним и письмо своей семье, которая жила в византийской столице. Однако дело как будто подвигалось медленно – боязнь написать императору не то слово или не так заставляла Теренция работать медленно, долго обдумывать фразы и заново перечитывать их.

Он уже успел написать часть донесения:

«Августейшему самодержцу императору Валенту от его верного слуги комеса Теренция низкий поклон!

Божественный цезарь!

В предыдущем письме я писал о положении в Армении после победы в Дзиравской долине в области Багреванд и о том, чем занят царь Пап, этот горячий и все еще неуравновешенный молодой властелин. После этого никаких значительных политических и военных событий не произошло. Замечаю лишь, что после войны, всего только за какие-нибудь семь-восемь месяцев, армены быстро восстанавливают пострадавшие и разрушенные города и села, мосты и дороги, церкви и монастыри, а с весны уже заботятся о посевах и виноградниках, которые дают обильный урожай в этой стране и составляют главный источник питания народа... Одним словом, стараются оправиться и окрепнуть. С другой стороны, стратилат Мушел [1], как я уже писал, опытный стратег и беспощадный по отношению к врагам и изменникам, присоединяет к стране захваченные персами или по персидскому подстрекательству отпавшие от Армении армянские области; к тому же он требует от всех армянских нахараров и бдешхов порвать с обособленной, уеди-

---

[1] Посол употребляет в письме написание армянских имен и терминов, принятое у греков: Мушег – Мушел, Трдат – Тиридат, спарапет – стратилат.

ненной жизнью и безоговорочно подчиниться центральной власти, то есть Папу и ему. Он требует, чтобы в случае войны они давали воинов, коней и продовольствие — чего раньше не делали. Того же хочет и Пап. Недавно он созвал нахараров на царский совет и предложил, чтобы ему дали воинов и коней. Заметно, что армены объединяют свою страну, чтобы опираться на собственную силу и больше не чувствовать нужды в чужой помощи, следовательно, и в нашей. Передают — пока трудно установить, насколько это точно, — что стратилат Мушел говорил об этом в горной области, именуемой Гугарк, имеющей неприступные крепости и граничащей с Иверией. Кстати, правитель этой области, который на языке арменов и персов именуется бдешх, в дни персидского нашествия отделился от Армении, не желая войском и продовольствием помочь царю. Стратилат Мушел предал его смертной казни как изменника. Говорят, сей Мушел решил не оставлять безнаказанным ни одного предателя, ни одного преступника в своей стране. Он пока кажется преданным нам человеком, преследует нахараров-персофилов, хотя, как я писал, отпустил на волю попавшего в плен агванского царя Урнайра, а до этого — жен Шапура... Это, конечно, исходило не от его политических убеждений, а явилось следствием традиционного предрассудка, согласно которому царям нельзя причинять вред, поскольку они — избранники божьи. Мушел, хоть он, как и Пап, имеет византийское образование, не понимает, что это правило не имеет отношения к варварам. Но благодаря этому он пользуется большим авторитетом при персидском дворе. Это, думаю, из-за того, что отпустил на волю жен Шапура... К месту будь сказано, божественный, персидские самодержцы два раза в истории получали обратно своих жен: первый раз Дарий Кодоман от Александра Македонского, второй раз — Шапур от Мушела. Ясно, что Мушел этот пример высокого благородства заимствовал от нашего праотца Александра.

С другой стороны, божественный, царь Пап, кажется, лелеет бредни о создании могущественной Армении. Два раза он в беседе со мной намекнул, что границы Армении при прежних царях были гораздо шире.

После изгнания персов из Армении и объединения разрозненных армянских областей Пап теперь чувствует себя до такой степени в безопасности, что однажды спросил меня, когда же наши войска оставят их города (Карин, Спер, Мцбин) и области, которые наши войска заняли во время войны с персами для обеспечения тыла арменов и чтобы не позволить персам приблизиться к нашим границам. Теперь, однако, царь Пап, не опасаясь более персов, желает, чтобы мы ушли из этих городов и областей. По поводу этого я придерживаюсь того мнения, божественный, что мы не должны уходить из этих городов, пока окончательно не станут ясными позиции царя Папа и намерения персов. Хочу сказать, что Пап, получив все свои города, может вдруг перейти на сторону персов. Если

персы решатся пойти на нас, расположение этих городов, удобное в военном отношении, позволит дать врагу отпор. И наконец, мы, помогавшие Армении во время нашествия персов, должны же получить какое-то вознаграждение?.. Свое требование освободить эти города царь Пап обосновал тем, что война уже закончена. Он надеется, что наши войска теперь уйдут из Карина, Спера и Мцбина, так как, говорит он, населению этих городов, пострадавшему от войны, трудно нести расходы на содержание наших войск. Я ему ответил, что мы облегчим народу эти расходы, однако, прежде чем вывести войска из городов, я должен узнать волю божественного императора. Я добавил также, что, возможно, персы готовят новое нападение и лучше, если мы будем ближе для защиты Армении...»

Когда комес переписывал последние слова, в дворовые ворота кто-то громко постучал три раза.

Комес, удивленный, перестал писать. Кто мог стучаться в этот поздний час – гонец ли, прибывший из Карина от византийских войск, или посланец от царя Папа? Тут же комес вспомнил, что от армянского царя приходят только днем. Заинтересованный, он поднялся с места и остался стоять у стола, ожидая появления дворецкого.

Ждать ему пришлось недолго, дворецкий – пожилой византийский воин, войдя, остановился у двери. Придерживая занавесь, он поклонился удивленному комесу, а потом, будто прося извинения, растерянно сообщил:

– Несвоевременные и странные посетители, светлейший...

– Без лишних слов, Анастас, – недовольно перебил его комес. – Кто такие?

– Два армянских епископа и один ишхан желают видеть ваше высочество. Правда, вы велели не мешать вам, но они так просят... Я, конечно, сказал, что мой господин занят, но они настаивают, говорят, важное и неотложное дело... Не уходят...

Дворецкий не знал, как продолжать, и виновато смотрел на комеса.

– Епископы? Неотложное дело? – еще более удивился комес. Он даже будто забыл о присутствии слуги и несколько раз повторил: – Епископы... В такой поздний час... Что могло случиться? Что может привести ко мне святых отцов?..

– Что прикажет светлейший? – напомнил о себе дворецкий.

«Визит необычен, отказывать нельзя. Может быть, пришли от митрополита Нерсеса», – подумал Теренций.

– Приглашай, – сказал он дворецкому и тонкими белыми пальцами поправил пепельные волосы на голове, затем одернул одежду и только тут заметил, что он в тунике.

Но переодеваться было уже поздно. Тяжелая занавесь перед дверью задвигалась, и дворецкий отвел ее в сторону. Вошли

два священнослужителя в блестящих черных рясах и клобуках. Один – высокий сухощавый Хад с жесткой седоватой бородой, другой – чернобородый Кюрег, коротенький, тучный и круглолицый. За ними вошел ишхан средних лет, епископы звали его Артак.

– Привет и благословение могущественному императорскому послу-военачальнику, – по-гречески сказал епископ Кюрег, он в совершенстве владел заморской речью.

Посол, все еще удивленный, однако сразу же придав лицу выражение кротости, слегка наклонил голову, приветствуя прежде всего епископов. Затем – тот же наклон головы в сторону армянского ишхана. С особой серьезностью и вниманием Теренций быстро оглядел его смуглое лицо, армянскую капу с длинными широкими рукавами и короткий меч на серебряном поясе.

– Сделайте милость, – сказал он, опять поочередно глядя на гостей, словно желая предугадать цель их столь позднего посещения. Усадив их на мягкий диван и извинившись, что принимает гостей в тунике, он опустился на свой стул перед столом. Прежде чем начать разговор, он одной рукой отодвинул в сторону пергамент и египетскую бумагу, а свое недописанное письмо и письмо императора с гербом прикрыл чистым листом. – Сделайте милость, святые отцы и уважаемый ишхан, – сказал Теренций кротко. – Что привело вас ко мне в такое позднее время?

– Да продлит всемогущий господь жизнь благородного комеса, – начал отец Кюрег. – Мы пришли к вашему высочеству просить совета и надеемся получить его.

– Я готов служить вам в меру моих возможностей, – сказал Теренций. Положив руку на грудь, он чуть заметно поклонился епископам и любезно посмотрел на ишхана.

– Мы не отнимем у вас много времени, благородный комес, – продолжал отец Кюрег, польщенный любезностью посла. – Мы пришли поговорить об одной опасности, угрожающей нашей церкви и вообще духовенству.

Теренций поднял голову от удивления, своими умными и спокойными глазами посмотрел на отца Кюрега и словно весь превратился во внимание и любопытство.

– Опасность церкви и духовенству?..

– Да, благородный комес. – И святейший Кюрег рассказал об указе Папа, сообщив, что это вызвало большое волнение среди духовенства.

Посол удивился:

– Неужели? Я не знал... Это новость. – И сразу же, как будто очнувшись, добавил: – Однако, святые отцы, чем в этом деле могу быть полезным я? Ведь это право царя Папа. Разве я могу вмешиваться?..

– Извини, благородный комес, это общехристианское дело, – заметил святейший Кюрег. – Если царь осуществит свою цель, наша церковь лишится своих доходов и больше не смо-

жет существовать как церковь, как очаг христианской веры.

— Говори,— прикоснулся пальцем к колену Кюрега внимательно следивший за беседой Хад.— Скажи: народ вернется к язычеству.

Кюрег перевел слова Хада.

— Но неужели царь Пап захочет, чтобы армянский народ принял язычество? — опять удивился Теренций.

— Он, наверно, этого и хочет, благородный комес,— заговорил ишхан, пришедший с епископами, который до этого молча ждал, чтобы епископы разъяснили суть дела.— Пап, видимо, имеет такие намерения, потому что он уже начал раздавать должности нахарарам-персофилам, а с другой стороны, он не наказывает тех персофилов, которые совершили преступления в прошлой войне. Например, бывшего временно регентом престола и управляющего дворцом Айр-Мардпета.

— Да,— вежливо кивнул Теренций.— Да... Но, насколько мне известно, царь его уже удалил из дворца.

— Да, удалил, но не наказал,— продолжал ишхан, краснея и горячась.— Он, конечно, это сделал с определенной целью...

Комес, заинтересованный, но стараясь, чтобы это не показалось грубым, с вопросом посмотрел на ишхана.

И тот изъяснил свою мысль:

— Это, видимо, с той целью, чтобы быть приятным персам. К тому же он раздает должности сыновьям персофилов.

Теренций опять с вежливой заинтересованностью посмотрел на ишхана.

И тот, словно удовлетворяя любопытство, добавил:

— Например, Гнелу Андзеваци. Его отец был персофилом.

— Гнел Андзеваци, вы сказали? — спросил комес.

— Да, комес, Гнел Андзеваци.

— Однако, ишхан, насколько мне известно, этот молодой человек отважно бился с персами, а в Дзираве спас жизнь царя. А его отец, кажется, убит в Артагерсе. Я его знаю, он стеснительный, но смелый молодой человек, не так ли?

Епископы удивленно переглянулись, изумленные такой осведомленностью посла в армянских делах, и тут же смекнули, что к нему ходят и другие посетители. И почувствовали неловкость. А святейший Кюрег даже недовольно посмотрел на ишхана, как бы сетуя, что тот увел их беседу в сторону.

Однако Теренций, словно желая смягчить неловкость, с открыто-подкупающей вежливой улыбкой заметил:

— Все случается на свете, святые отцы и уважаемый ишхан. Но, насколько я знаю вашего уважаемого царя Папа, он едва ли, извините меня, пожелает такое,— сказал он, с мягкой кротостью склонив голову. Он явно хотел узнать новые факты.— Мне кажется, он не пожелает ухудшить отношения с Византией, поскольку вступил на царский престол с помощью нашего августейшего императора. С другой стороны, как он может это сделать или даже подумать о переходе на сторону персов, если его отца Шапур убил в Замке забвения, а

мать предал мучительной смерти. Неужели после всего этого...

Молодой ишхан покраснел от этих слов комеса и, чтобы не показаться клеветником и оправдаться, сразу же добавил:

– То обстоятельство, комес, что Пап несколько лет был оторван от родителей, мне кажется, и есть причина того, что сыновья любовь теперь не играет особой роли в его поведении.

Сказав это, ишхан смущенно замолк, недовольный своим ответом, прикусив край нижней губы. А святейший Кюрег, видимо желая вернуть разговор в прежнее русло и вытащить ишхана из неловкого положения, объяснил:

– Это верно, благородный комес, верно, что его родителей умертвил Шапур, но то, что он делает, то есть этот указ, который он издал, направлен против церкви, против ее существования, а следовательно, и против христианства, стало быть, и против Византии, ибо Византия – истинный оплот христианства.

Теренций опустил голову.

– Неужели царь Пап может быть врагом моей страны? – сказал он с грустью. – Или желать ей дурного, когда моя страна... Однако я такого шага пока не замечал...

По лицу епископа Кюрега прошла тень, этот молодой ишхан придал разговору совсем ненужный оборот. Но чтобы посол не подумал, что они доносчики или клеветники, епископ счел уместным заметить:

– Целью нашего прихода, конечно, было не это, благородный комес, это так, между прочим. Мы желаем, чтобы вы в самом деле посоветовали, как нам поступить с нашим царем, если он осуществит свой указ и начнет претворять в жизнь свои намерения – захватывать церковные земли, закрывать женские монастыри...

«Превосходный материал для письма», – думал Теренций, глядя на пухлые руки Кюрега и его круглое лицо, обрамленное черной бородой, которое словно еще больше округлялось, когда он говорил. Кюрег, придав голосу почти умоляющий тон, просил, чтобы комес дал им какой-нибудь совет или сам поговорил с Папом и убедил его не делать этого, ибо он, еще будучи молодым, не сознает последствий...

Тут Хад опять нажал пальцем на колено Кюрега и шепнул:

– Скажи, если это трудно для вас... если для него трудно, может быть, всемогущий император сам вмешается в это дело и предотвратит бедствия, которые могут разразиться над армянской церковью...

Епископ Кюрег перевел слова Хада, поправив и отшлифовав их, чтобы достойнее звучало на греческом.

Услышав перевод, посол с уважением посмотрел на Хада.

– Мой император любит Армению, святые отцы, – сказал он приятным и кротким голосом, обводя гостей крупными умными глазами, – и всегда желает благоденствия как ее народу, так и ее церкви. Мой император ничего не пожалеет для

Армении, но я уверен, что царь Пап достаточно благоразумен, чтобы не совершить ошибочных шагов...

— Однако он окружил себя такими молодыми людьми,— опять заговорил ишхан,— от которых не жди полезного совета.

— Я знаю этих молодых людей, уважаемый ишхан,— сказал Теренций,— и должен сказать — неплохого мнения о них. Они, кажется мне, умные молодые люди и получили образование в Византии.

— О благородный комес, вы их, наверно, хорошо не знаете. Они что-то вынашивают. Хотят создать у нас то, чего нет в других странах.

Теренций уже внутренне начал скучать, но, конечно, не показывал этого. Его интересовали факты... Увидев, что посетители не сообщают ничего важного и говорят лишь общие слова, спросил:

— Интересно, что, например, они вынашивают. Чего нет в других странах.— И улыбнулся, словно говоря: что может создать Армения такого, чего нет в других странах?

— Так, мысли, дорогой комес, веяния! — вмешался опять епископ Кюрег, чтобы выручить ишхана.— Есть факты, но мы утомили уже вас... Не хотелось бы, чтобы у вас сложилось впечатление, благородный комес, будто мы пришли наговаривать на нашего царя и его приближенных. Ни в коем случае! Наше пожелание — узнать ваше мнение об указе царя, а в другой раз, если найдется повод, поговорим и о других вещах.

— Почему — если найдется повод? — сказал Теренций.— Прошу, двери моего дома всегда для вас открыты. Я, святые отцы, друг Армении и высоко ценю ее духовенство. О сказанном вами я подумаю и сделаю все необходимое. Прошу, когда пожелаете, двери мои открыты...— И Теренций любезно склонил голову перед епископами.

— Зная это, мы и пришли к вам, благородный комес. Нам известно, что вы друг нашей страны и церкви, уважаемый комес... Знаем также, с какой ревностью вы посещаете церковь нашей столицы...

Это было верно. Когда Теренций бывал в Двине, он в субботние вечера или в воскресные дни ходил в армянскую церковь и, стоя в первом ряду, истово молился и крестился, привлекая внимание и симпатии народа. И это обстоятельство льстило самолюбию и религиозному чувству армянского духовенства.

Сказав еще несколько общих слов, епископы, а с ними и молодой ишхан поднялись и стали прощаться с послом.

— Значит, благородный комес,— сказал Кюрег, протягивая хозяину дома пухлую круглую руку,— не подумайте, что против царя нашего...

— Разумеется, святой отец, разумеется! Я знаю, ваша забота — христианство, армянская церковь и ее интересы,— покорно склонил голову Теренций.— Разрешите теперь один вопрос мне.

– Сделайте милость, благородный комес.

– Как чувствует себя митрополит Нерсес? Давно я не удостаивался свидания с ним.

– Благодарим, благородный комес. По причине старости немного слаб, но всегда бодрствует и в молитвах.

– Прошу передать мое глубокое сыновнее уважение митрополиту Нерсесу.

– С любовью, комес, с большой любовью, – сказал Кюрег и направился к двери.

Когда гости ушли, комес, потирая руки, некоторое время прохаживался по комнате, чтобы размять ноги, долго находившиеся в одном положении, и поразмыслить о новостях, переданных гостями. Об указе Папа он уже слышал мельком, но в его содержание не вник, поэтому все услышанное было для него новостью. Пап упраздняет дань, положенную для церкви, дань, без которой церковь действительно не может жить!.. Он намерен даже отобрать земли и поместья, принадлежащие церкви...

«Вот оно что... А я думал, что этот Пап – человек недалекого, ограниченного ума. Отменить дань... Отобрать земли... Это, конечно, его дело... Но то, что он раздает должности персофилам или терпимо относится к их преступлениям, – это что-то значит. Однако надо все это проверить... Может быть, эти отцы, сильно задетые указом об отмене дани, возводят на него напраслину, чтобы я вызвал гнев императора. Нет, прежде всего надо проверить...»

Заметив, что одна из свечей дымит, комес двумя пальцами снял нагар с фитиля.

«Но могли ли эти почтенные епископы сообщить все это без основания?» – сказал комес про себя, продолжая ходить по комнате.

Много раз энергично прошагав из угла в угол, он опять подошел к столу, снял чистый лист с бумаг и писем и сел, чтобы кончить письмо императору, которое надо было завтра же вручить гонцу.

Он перечитал написанное, затем изложил на навощенной дощечке то, что еще предстояло сообщить императору. Исправив несколько фраз, он придвинул к себе неоконченное донесение и стал его дописывать:

«Далее, божественный, считаю важным сообщить, что в последние дни царь Пап издал указ, коим он запрещает крестьянам платить десятину церкви и монастырям – дань, которую установил в давние времена их царь Тиридат. Вначале я слышал, что царь Пап это делает для облегчения положения крестьян, разоренных и обездоленных войной, однако сегодня видные епископы армянской церкви сообщили мне, что это делается будто бы с целью ослабления церкви, постепенного упразднения христианства в стране и восстановления язычества. Они и это изложили более ясно: будто бы царь Пап намерен таким образом оторваться от Византии и перейти на

сторону персов, и так как наиболее сильная связь между нами и ими – религиозная, то Пап в первую очередь, как они говорят, намеревается упразднить эту связь. Это, конечно, не исключено, особенно если иметь в виду хитрость Шапура, который всячески старается взять Армению под свое влияние, но это обстоятельство ныне нуждается в проверке.

Далее, августейший, поговаривают о каких-то замыслах Папа, будто он намеревается закрыть женские монастыри и богадельни, основанные митрополитом Нерсесом, – все то, что, говорят, связано с христианством.

Об этом пока лишь говорят. Насколько это серьезно – не могу сказать. Я, несомненно, считаю своим долгом все проверить и уточнить. Но вот другая новость, которую я хотел, августейший, сообщить: говорят, будто Пап начал раздавать должности нахарарам-персофилам и их сыновьям. И это, конечно, нуждается в проверке. Если подтвердится, – значит, в настроении Папа имеется серьезное изменение. Однако одно точно: то, что известного старшего нахарара Айр-Мардпета, который совершил много преступлений, как персофил, Пап удалил из дворца, не наказав... Это, несомненно, что-то значит. Словом, проследить и проверить предстоит еще многое. Надеюсь в следующем письме сообщить более проверенные и уточненные сведения».

Окончив, комес облегченно вздохнул, словно сбросил с плеч тяжелую ношу, и осторожно подписал:

«Покорный слуга августейшего императора,

командующий восточной армией – комес Теренций».

Отбросив перо, комес, довольный, откинулся на спинку кресла и хлопнул в ладоши.

Из-за тяжелой дверной занавеси неслышно появился пожилой дворецкий.

– Слушай, Анастас. – Комес наклонил красивую голову и, не глядя на дворецкого, сказал, делая ударение на каждом слове: – Если эти епископы-армены опять придут, прими с уважением, даже если меня здесь не будет.

Дворецкий почтительно склонил голову:

– Слушаюсь, светлейший...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Указ о дани вызвал в стране много самых противоречивых толков. О нем говорили в своих обителях встревоженные духовные отцы, ишханы и нахарары обсуждали его в крепостях и замках, правда, с большой осторожностью, без резких выражений. В городах и селах толковал о нем народ, но слова и мнения людей были разными. Крестьяне надеялись, что указ облегчит их положение, если только осуществится... Так же неуверенно высказывались и в городах. И все – как крестьяне

и простой люд городов, так и священнослужители и нахарары — заинтересованно ждали, чем же это кончится.

Но горячее всех был заинтересован сам Пап. Он хотел знать, что говорят о его указе народ, духовенство и знать.

— И что ты узнал, Бат? — спрашивал он начальника придворного полка, который часто выезжал из дворца и сообщал царю о слухах, распространявшихся в городе.

— Все говорят, Пап, — отвечал Бат. — Всем интересно. Однако не верят, что так и останется.

— И кто же так думает?

— Крестьяне и простой люд города. Хорошее дело предпринял царь, говорит почти каждый. Но сомневаются...

— А почему сомневаются?

Бат рассказывал, что слышал. Однажды он сообщил царю:

— Старик, которого я встретил, идя в полк, сказал: указ долго не проживет. Я спросил: почему же он так думает, и старик ответил: «Архимандриты не позволят. Или уговорят царя, чтобы не поступал так. А то и проклянут. И сделают по-своему». Я говорю: «Царь не позволит». — «Разве они послушаются царя, господин сепух», — сказал он. «Если не послушаются, — сказал я, — царь накажет...» Старик улыбнулся и покачал головой. «А сумеет он это, господин сепух?..» — «А почему бы не суметь?» — «Молод он еще, — говорит старик. — Обманут и не позволят...»

— Обманут, — повторил Пап, усмехнувшись. — Что еще говорят?

— Многие сомневаются, Пап. Другой старик крестьянин, с которым я разговорился, спросил: «А царскую дань будем платить, господин?» — «Конечно», — сказал я. Он покачал головой: «Значит, без дани не обойдется? — говорит. — Значит, у царя другое в мыслях...»

— А ты не спросил, что? — перебил его Пап.

— К сожалению, не спросил, — пожал плечами Бат. — Говорят еще и такое: может ли жить церковь, если крестьяне не дадут десятину и натуру? А как обойдешься без церкви — ни крестин, ни похорон без священника не бывает...

— Крестины и похороны... — протянул Пап.

— Да, — улыбнулся Бат. — А сами духовные отцы распространяют слух, а иногда говорят и открыто, будто царь это делает, чтобы упразднить христианство. Сам, мол, хочет получить дань и делить ее с придворными.

— А народ верит?

— Трудно сказать, Пап. Народ осторожен. Помалкивает.

— А нахарары что говорят? — прищурившись, спросил Пап.

— Обо всех сказать не могу. Одни, я слышал, очень рады, что избавятся от дани для церкви. Но заинтересовались все. Ждут, что будет дальше.

— Так... — сказал Пап задумчиво. Он уже не в первый раз слышал, что народ придает такое значение духовенству, и это не только расстраивало царя, но и оскорбляло. Пока он не го-

ворил еще об этом ни с кем, особенно с царицей, чтобы не расстроить впечатлительную и даже пугливую Зармандухт. Но как раскаты грома бывают и в закрытых домах, так и разговоры об этом указе дошли до дворца, до покоев царицы.

И вот однажды, на третий или четвертый день после указа, когда царица Зармандухт в легкой летней византийской тунике, расшитой золотом, сидела на своей половине перед открытым окном, беседуя с несколькими ишхануи и следя за сыновьями Аршаком и Вагаршаком, которые под деревьями играли с детьми нахараров, одна из ее служанок, старая Асанет, в присутствии придворных дам затеяла разговор о царском указе.

— Не знаю, царица, как сказать, в городе разное говорят,— обронила старушка. Хоть большую часть дня она и проводила во дворце, все же иногда спускалась в город повидать своих знакомых и родню.

Царица, совсем не знакомая с жизнью простого люда, всегда с удовольствием слушала рассказы старой служанки и камеристок.

— А что говорят о новом указе царя, Асанет? — поинтересовалась царица.— Довольны ли?

— Есть, есть люди, моя царица, которые рады, что архимандритам больше ничего не дадут. Чтоб не ели в праздности... Но есть и другие, которые это считают невозможным. Духовные лица, они говорят, люди божьи, могут ведь и проклясть того, кто не даст.

— Та-ак...— задумчиво протянула царица. И, помолчав, спросила: — А недовольных, недовольных нет?..

— Подумаешь, недовольные! В каждом деле бывают недовольные, моя царица. Конечно, есть. Я слышала, что архимандриты и священники очень недовольны. Говорят, ни один царь еще такого не делал против церкви. Чем же, говорят, теперь жить монастырям и обителям, епископам и архимандритам?..

Служанка, поправив черный головной платок, замолкла, не окончив своего рассказа. Она явно сдерживала себя, чтобы не сказать лишнего. Это заметила внимательная царица.

— Еще что, Асанет? Видно, ты многое знаешь.

— Еще?.. Не хочу омрачать сердце моей царицы. Пусть говорят что хотят, не имеет значения, моя царица.

Но любопытство царицы от этого только разгорелось.

— Ты, Асанет, ничего не скрывай от меня. Скажи, что слышала. Ты что-то знаешь и не хочешь сказать.

— Я ничего не скрываю от тебя, моя царица, но боюсь омрачить твое сердце.

— Напротив, Асанет, ты меня огорчишь, если что-нибудь скроешь. Говори все, что знаешь. Я выслушаю спокойно.

— Скажи, Асанет, скажи,— стали просить и дамы, сидевшие вокруг царицы.

— Чтобы ты не была оскорблена, моя царица, скажу. Но, пожалуйста, не придавай значения, я только слышала, это мо-

жет быть и не так...– И на полуслове служанка остановилась, словно взвешивая слова.

– Говори, не стесняйся,– повторила царица.

– Слышала я такое: будто сам патриарх Нерсес разгневан... Будто собирается написать письмо императору ромеев и митрополиту...

Царица побледнела и положила руку на сердце.

– Кто тебе это сказал, Асанет? – спросила она глухим голосом.

– Этого может и не быть, моя царица. Мне рассказал мой брат, а он слышал на городском базаре,– продолжала старуха. Но, увидев взволнованное лицо царицы, сразу же прибавила: – Это так, слухи. Почему это император и митрополит ромеев должны вмешиваться в наши дела?

Но царица Зармандухт больше не слышала ее. Некоторое время она сидела молча, потом вдруг поднялась и, легким движением головы попрощавшись с придворными дамами, ушла в тот уютный и светлый покой, где она любила иногда посидеть одна. Стены и потолок этого небольшого зала расписал придворный художник Батат, отдав работе все свое воображение и способности; на стенах он изобразил растения, цветы и птиц, а потолок сделал похожим на купол, усеянный звездами. Кроме того, зал был украшен коврами и золоченой мебелью, а двери скрыты под свисавшими с серебряных перекладин тяжелыми занавесями, их бахрома касалась пола. Были тут привезенные из Византии серебряные зеркала, золотая и серебряная посуда, флаконы со всевозможными ароматными маслами, золотые и серебряные подсвечники, светильники, треножные лампады, а с потолка свисала люстра, поблескивающая золотом и серебром. На восточной стене висела рамка, затянутая черным бархатом, и на этом фоне сиял серебряный крест тонкой работы, он бросался в глаза прежде всего. Однако взгляд царицы не остановился ни на одной из этих вещей. Ее мысли были словно скованы словами служанки, особенно же – вестью о гневе католикоса, о том, что он хочет написать письмо византийскому императору и митрополиту ромеев.

Письмо императору и митрополиту... Конечно же это против Папа... Царицу била мелкая дрожь... «Неужели это верно... Неужели католикос способен это сделать?» – думала она с ужасом. Ей казалось, что, если император и митрополит получат его письмо, они, несомненно, разгневаются. Как бы ни были они равнодушны к Стране Армянской, к ее делам, но все, что касается церкви, их, конечно, живо интересует. И они не простят Папу его указ... Ей казалось, что из-за одного только этого недовольства Византии может вспыхнуть война... Опять война... Теперь с ромеями... О господи, неужели это может кончиться войной, неужели?..

Долго царица сидела так в своих покоях, комкая платок и тоскуя,– и вдруг к ней вошел Пап в своей летней тонкой тунике до колен, перехваченной красным шелковым поясом. Сра-

зу же заметив, что царица расстроена, он подумал, что она, видно, затосковала вдали от родных...

— Ты опять одна, Зармандухт? — спросил он с нежностью и легким укором.

— Да, Пап, — вздохнула царица.

— Почему? Я же просил тебя, чтобы ты не оставалась одна, чтоб проводила время с придворными дамами.

Царица опять молча вздохнула.

— Знаю, Зармандухт, здесь пока все кажется тебе чужим. Опять, наверно, вспомнила Тайк, родных или Византию, где было столько развлечений. А я опять, как видишь, занят, свободного времени мало... Уж ты прости...

— Нет, Пап, ты напрасно думаешь, что мне здесь грустно. Дни мои теперь всегда чем-нибудь заняты, бываю с детьми, придворные дамы всегда добры и предупредительны со мной, особенно ишхануи Сааруни, жены Бата и Иеремии, мне не на что сетовать, Пап. Однако... — И царица, словно не зная, как продолжить, остановилась.

— Однако сегодня ты что-то грустна, Зармандухт...

— Сегодня у меня есть причина грустить, Пап. Это даже не грусть, это тревога...

Пап внимательно посмотрел в глаза царицы:

— Тревога? И что тебя беспокоит, дорогая Зармандухт? Скажи, если не тайна...

— Нет, Пап. — Царица подняла на мужа небесно-голубые глаза. — У меня нет тайн, да и не могу я их иметь, особенно от тебя. Я тревожусь за тебя, Пап. Очень беспокоюсь...

Пап опять удивленно посмотрел на царицу:

— За меня? Почему? — Он улыбнулся. — Я не чувствую себя больным, и, слава богу, мы выгнали врагов из нашей страны, спарапет Мушег уже присоединил почти все отторгнутые от нашей страны земли, и, надеюсь, отныне все будет хорошо. У меня, кажется, нет врагов. Напротив, я окружен друзьями и не могу сказать, чтобы народ мною был недоволен...

— Народ — да, — проговорила царица все с той же тревогой в голосе. — Народ не может быть недовольным, поскольку ты устроил для горожан радостный и обильный пир... У них, конечно, нет оснований для недовольства...

— Прекрасно, Зармандухт. Если так, почему же ты беспокоишься за меня?

— Я еще не сказала всего, Пап. Есть и недовольные. Их немало.

— Кто такие?

— Неужели ты забыл духовенство, Нерсеса?

— Нет, Зармандухт, не забыл. Они, конечно, не могут быть довольны мной, особенно после указа о дани. Я об этом знаю и иного отношения от них не жду.

— Они не только недовольны. Я боюсь сказать, что слышала, Пап...

— Боишься? — с сомнением улыбнулся Пап. — Меня?.. Нет

нужды бояться. Смело можешь говорить все... Они, наверно, клянут меня, а может быть, и язычником считают за то, что лишаю церковь и монастыри доходов...

— Нет, Пап, хуже...

И царица рассказала об услышанном, о том, что католикос разгневан и собирается писать императору ромеев и митрополиту Кесарии.

— Что будет, Пап, если он действительно напишет?.. А может быть, уже написал... — И царица опять со страхом посмотрела на мужа.

Но Пап был спокоен. Это было видно и по тому, что правая его щека, которая всегда дергалась, если он волновался, теперь была неподвижна.

— Как ты это узнала, Зармандухт? — спросил он улыбаясь.

— Наша старая Асанет рассказала. Она слышала от брата, а брат... Ты не пренебрегай этим, Пап. Я боюсь... Император ведь и впрямь может рассердиться...

Пап опять улыбнулся:

— Успокойся... Неужели у Валента нет других дел, чтобы еще интересоваться, чем мы тут занимаемся? Царица моя, Валента интересует лишь то, чтобы наша страна осталась другом и союзником Византии. А что мы будем делать внутри страны, это его нисколько не волнует. Понятно? И митрополит Кесарии тоже не имеет права вмешиваться в наши дела.

— А если Нерсес напишет и попросит, чтобы вмешались?

— Во-первых, дорогая Зармандухт, это не может случиться. — Пап сел против царицы и уперся в колени руками. — А если напишет и они попытаются вмешаться, мы сделаем все, что нужно.

— А не может случиться так, Пап, что они начнут настаивать, чтобы ты отменил указ, поскольку это причиняет вред церкви... Или, я даже боюсь подумать, вдруг начнут против тебя войну?..

— Ну, это ты напрасно, Зармандухт, напрасно...

— Не знаю, Пап, мне кажется, все может случиться. Ведь духовенство может стать твоим врагом...

— И что?

— Они могут тебе повредить.

— Успокойся, моя царица. А вражды не нужно бояться. Персидский царь Шапур тоже ведь наш враг. Выходит, нам надо бояться и ничего не делать?

— Мне кажется, Пап, — это мой отец всегда повторял, — что враг внутренний всегда опаснее, чем внешний. Внешний — известен, можешь видеть, воевать с ним. А внутренний, когда он скрыт... Что можно сделать?.. Одним словом, я не политик, Пап, и не понимаю этих взаимоотношений. Лишь боюсь и прошу: остерегайся, береги себя, детей наших и... меня.

Голос царицы дрогнул, она чуть не разрыдалась. Пап, взволнованный, поднялся с места.

— Ты лучше не надрывай себя такими тяжелыми думами,

моя царица. Это все – лишнее. Ты должна знать: пока я призван царствовать в этой стране, я буду делать то, что диктуют нужды и интересы моей страны. Неужели ты хотела бы, чтобы разоренные войной крестьяне и простой люд города, которые еле могут платить дань царю на содержание армии, – чтобы они еще платили и дань праздным и ленивым монахам?

Царица с грустью посмотрела на Папа. Ее религиозные чувства были оскорблены.

– Пап, ведь они божьи люди. Они лишили себя всех земных радостей, посвятили себя богу, молитвам за народ и страну...

Она хотела сказать еще что-то важное, но тут открылась дверь зала, и показалась голова старой няни.

– Царица, католикос едет во дворец, – сказала она, с трудом переводя дыхание: видно, спешила поскорее сообщить царице важную весть.

Сказав это, она хотела войти, но, заметив царя, отступила, опустив голову и прикрыв ладонью рот.

Царица, изменившись в лице, подошла к Папу. Схватив его белые руки, пристально посмотрела в его карие глаза.

– Пап, умоляю тебя, будь с ним мягче. Поступай так, чтобы он не сердился. Я боюсь... его проклятия...

Посещение Нерсеса обычно вызывало во дворце большое оживление и любопытство: католикос всегда являлся в сопровождении торжественной и внушительной свиты архимандритов и епископов. Да и сам он был внушителен: высокий, с белоснежной бородой, с посохом, украшенным золотым крестом. Так что все трепетали и благоговейно преклонялись перед ним, особенно перед взглядом его полных огня, крупных пронзительных глаз.

По установленному порядку, вооруженная стража, охранявшая цитадель, не открывала ворота ни перед одним ишханом или нахараром, не получив распоряжения управляющего дворцом, однако перед Нерсесом обе створки ворот открывали, еще издали завидев его карету, – ведь он был духовным владыкой... Не только стражи – все его считали покровителем царя. «Если бы не Нерсес, что мог бы сделать юный Пап? Это Нерсес учит его уму-разуму» – такого мнения придерживались не только крестьянин или нахарар, ремесленник или ишхан, но и сам Нерсес думал так и прибывал в Двин не только как духовный пастырь и верховный патриарх, но и как старший наставник, считая своим долгом поучать молодого царя, как ему следует себя вести, как и с кем советоваться, чтобы не наделать ошибок, которые допускает молодость, не руководимая холодным рассудком. Он обычно разговаривал с Папом как с неопытным юношей, мягко укорял его за тот или иной шаг и всегда призывал к осторожности и умеренности, чтобы его благие намерения не привели к беде и неприятностям. Надо

сказать, молодому царю были не по душе эти увещевания, они угнетали его, задевали самолюбие, и он облегченно вздыхал лишь после ухода патриарха. Пап уже подметил, что во время этих свиданий Нерсес гораздо больше заботился о своих церквах и основанных им богадельнях, чем о государстве. У старца была лишь одна цель – держать высоко власть церкви и распространять ее над всеми, даже над самим царем.

– Он хотел бы, чтобы все мы стали архимандритами и подчинились ему, – пошутил Бат после одного приезда католикоса, когда Нерсес предложил царскому письмоводителю Иеремии постричься в монахи, рукоположиться в архимандриты и посвятить себя церкви. Иеремия ответил тогда: «Это вопрос далекого будущего, святейший патриарх». Его ответ очень понравился Папу и Бату, и они втроем часто смеялись, вспоминая этот случай.

Нерсес приезжал во дворец обычно для того, чтобы поговорить с царем о деле, касающемся церкви, религии и его авторитета. И каждый раз его приход вызывал много толков во дворце.

В то время, когда царица просила Папа встретить и проводить католикоса с должными почестями, уже весь дворец был поднят на ноги – слуги и придворные, служанки и ишхануи, обеспокоенные, заинтересованные, переходили из зала в зал, подбегали к маленьким узким окнам или спускались с верхнего этажа и выбегали во двор, чтобы увидеть прибытие Нерсеса. Большая группа, заняв галерею, смотрела на дорогу, ведущую к цитадели. По ней двигалась карета старого католикоса в окружении верховых епископов и архимандритов – целая процессия людей в черном. В проходах дворца и в углах двора то и дело слышался взволнованный шепот:

– Святейший прибывает... Патриарх...

Некоторые растерянно спрашивали: «А для чего приезжает? Неизвестно?» И многие были уверены, что он, видимо, прибыл, чтобы отчитать царя за указ об отмене дани. И считали, что Пап не устоит перед его авторитетом и святостью – обязательно уступит.

– Устыдится перед патриархом и уступит, – сказал Зенон Гнуни своему другу Ота. – Царь не долго думал, издавая этот указ. Хоть посоветовался бы с нами.

– Если бы спарапет был тогда здесь! Пап не сделал бы этого, – заметил Ота Апауни. – И не было бы таких осложнений. После царя Аршака католикос и дворец еле помирились, а теперь опять...

– Тсс, ишхан Ота, стены здесь имеют уши, – предостерег друга Зенон Гнуни.

– Как же не говорить, если он со своими друзьями помышляет отобрать церковные земли и присоединить их к царским владениям, – продолжал короткий и полный ишхан Ота, часто дыша. – Хоть бы спарапет Мушег прибыл поскорее, хоть бы пресек все это...

— Тсс, ишхан Ота, пойдем встречать патриарха,— сказал Зенон Гнуни.— Нужно дать знать и другим нахарарам и ишханам.

Узнав о прибытии Нерсеса, Иеремия и Бат поспешили вызвать Папа в тронную. С их помощью царь накинул пурпурную мантию, поправил спускающиеся ниже ушей вьющиеся на концах волосы и остался стоять в центре зала, словно не зная, что ему делать. Он и действительно был смущен. Нерсес, конечно, приехал говорить о его указе. Как ему вести себя, как разговаривать с этим старцем? Пап всегда испытывал уважение к его сану и личности и в его присутствии чувствовал себя скованно, не мог говорить обо всем. А теперь вот придется объясняться по такому делу, и эта беседа конечно же сильно взволнует старца.

— Значит, едет,— сказал он Иеремии и Бату и, словно скрывая смущение, улыбнулся.— Наверно, опять будут назидания...

Иеремия, который тоже был смущен и ничего хорошего не ждал от патриаршего визита, лишь сказал: «Посмотрим». А Бат спокойно заметил:

— Пусть едет. Не нужно придавать этому особого значения. Царь — ты, а не он...

— Все-таки вы останьтесь здесь,— сказал Пап Иеремии и Бату, которые хотели выйти и встретить католикоса. Им показалось, что Пап потому не хочет оставаться наедине с Нерсесом, что опасается: как бы не растеряться перед разгневанным католикосом. Видимо, царь хотел предстоящую беседу ввести в спасительные рамки официальной встречи.

Вот широкие позолоченные двери тронного зала раскрылись, и в другом зале показался продвигающийся вперед католикос, высокий, костлявый старец с длинной белоснежной бородой, с золотистым крестом на клобуке, тяжело опирающийся на посох, увенчанный золотым крестом — знак его власти. Его с уважением, склоня головы, сопровождали азарапет Аматуни, управляющий дворцом Зенон Гнуни, плотный Ота Апауни и другие нахарары и с ними епископы и архимандриты. Приблизившись к дверям, большая часть следующих за старцем церковников отстала, а с католикосом вошли лишь придворные, шесть высоких здоровенных епископов и четыре архимандрита, один из них — глава канцелярии католикоса отец Фавстос. Среди гигантов епископов старец Нерсес с его величественной поступью, неторопливыми и благородными движениями казался неким апостолом. Пергамент его лица был покрыт словно сеткой мелких трещин, черные глаза пылали задумчивым и лихорадочным блеском. Едва он, стукнув посохом о пол, переступил порог, Пап, согласно принятому порядку, сделал движение, как бы пытаясь пойти навстречу, однако Нерсес поднял руку и тремя пальцами перекрестил царя, тронный зал и присутствующих придворных и церковников. Все склонили головы.

После этого старец сел в поставленное перед троном боль-

шое мягкое кресло, передав златоглавый посох отцу Фавстосу, и тот встал по правую сторону от него, вытянувшись подобно стражу с копьем. И пока Пап усаживался на троне, проницательный взгляд Нерсеса, словно блуждая, скользнул по толпе собравшихся придворных, задержался чуть-чуть на Бате и Иеремии, которые стояли по правую и левую сторону трона, — патриарх с ними познакомился еще в дороге при возвращении из Византии... Крупные глаза Нерсеса остановились на них и сразу же скользнули дальше.

Нерсес, похоже, был недоволен, что царь принимает его в присутствии этих молодых людей. Так показалось Папу. Оглядев собравшихся, он, не зная, с чего начать разговор, сказал:

— С добром, несомненно, пожаловал, святейший патриарх...

Нерсес прямо посмотрел на Папа.

— Приход патриарха не может таить в себе зла, государь, — сказал он спокойно. — Но я хотел бы поговорить с тобой наедине, в присутствии моего секретаря отца Фавстоса, — добавил он так же степенно, но голосом, не допускающим возражения.

«Вот и начинается», — подумал Пап и невольно посмотрел на Иеремию и Бата, словно говоря им, что вот придется подчиниться, надо выполнить желание старца, как бы это ни было неприятно. Первыми со смирением вышли сопровождавшие Нерсеса епископы и архимандриты, за ними последовали придворные во главе с азарапетом Аматуни. Вместе с ними вышли Иеремия и Бат. Папу было очень неприятно: друзья ушли, а Фавстос остался. Этот архимандрит с маленькими глазами и жидкой бородой был очень неприятен, и он решился было сказать, что хотел бы остаться совсем, совсем наедине. Но потом Пап подумал, что это — мелочь, и постарался умерить свою ненависть к этому смуглому и низенькому архимандриту, который имел обыкновение смотреть на людей, часто моргая глазами.

Когда все ушли, Нерсес некоторое время молча, спокойно смотрел на Папа. Казалось, не смотрел, а старался проникнуть в душу сидящего перед ним молодого царя и одновременно обдумывал то, что хотел сказать.

Однако это молчание было неприятно для Папа, и он, чтобы чем-то пресечь его, спросил:

— Как здоровье святейшего патриарха?

Сказал и сразу же почувствовал, что вопрос был излишним и неестественным — это был всего лишь жест вежливости. Тотчас же он почувствовал, что для такой вежливости не время и католикоса эта вежливость, видимо, не интересовала.

Нерсес обычно говорил с Папом, как с юношей, которого надо либо поучать, либо вразумлять. И на этот раз он начал в обычной своей манере.

— Что это за указ ты издал, государь? — сказал он, вперив

крупные черные глаза в царя. И, не ожидая ответа, спокойно продолжал, не повышая голоса: – Неужели не знаешь, что монастыри и обители – для народа и, стало быть, должны жить и на его доходы?

– Но, святейший патриарх...

– Подожди,– легко поднял руку Нерсес.– Прежде чем предпринять такое дело, ты должен был хорошо взвесить его, сын мой. Потом спросить мнение твоего патриарха, ведь у тебя нет еще жизненного опыта, а дело это очень тонкое и для церкви...

– Но, святейший патриарх...– снова попытался заговорить Пап.

Католикос опять перебил его:

– Подожди. Подожди и слушай, что говорит твой патриарх. Этим указом ты наносишь вред не только нашей церкви и святому делу христианства, но и Стране Армянской...

– Неужели, святейший патриарх,– перебил Пап католикоса, подавшись на троне вперед,– неужели христианству будет причинен вред, если церковь подумает о благосостоянии нашей страны?

– Она так и поступает, государь, так и поступает,– заметил Нерсес спокойно.– Она думает и о стране и обо всех – о простолюдине, о нахараре и о царе.

– Однако собираете дань за прошлые годы в то время, когда даже государство еще не начало сбор дани, когда страна разорена от войны...

– И церковь разорена, сын мой, и ее слуги нуждаются в хлебе насущном, чтобы в трудах выполнять свой святой долг перед богом.

– Но собирать дань с такой алчностью, святейший патриарх! Насколько это к лицу служителю господа? – продолжал Пап, уже начиная волноваться, и тут же, заметив, что повышает голос, умерил тон.– Я, конечно, не тебя имею в виду, а твоих епископов и архимандритов, людей весьма неблагоразумных...

– Не могут все быть благоразумными, Пап,– прервал его католикос.– В стаде бывают и больные овцы. И наконец, невозможно требовать от них мирского ума и рассудительности. Они служители бога, они должны поститься и молиться.

– Так зачем им дань, земля, поместья, да еще так много?

– Эти земли церкви и монастырям подарил царь Трдат, чтобы их доходами жил святой труженик господень.

– Тогда почему эти святые труженики не пашут и не сеют?

Нерсес снисходительно улыбнулся:

– Мирское не должно быть бременем для служителей господа, сын мой.

– Десятина и натура – тоже мирское, святейший патриарх!

– Это жертва, чтобы они могли жить и молиться для страны и народа, для его благоденствия. Они тело свое и душу посвятили господу.

Лицо Нерсеса приняло более строгий вид, в нем появилось повелительное выражение. Казалось, он говорил не с царем, а с провинившимся сыном, который не понимает ни слов своих, ни поступков. Было в его взгляде и снисхождение, говорящее о том, что он может закрыть глаза на ошибки Папа, если тот их осознает.

А Пап слушал католикоса, и ему казалось, что Нерсес, несмотря на свою славу мудреца, говорит вещи несовместимые и противоречивые. Щадя его старость, он не хотел спорить и доказывать непоследовательность сказанного старцем и молчал, ожидая продолжения его слов.

А Нерсес, подумав мгновение, опять обратился к царю:

– Издав сей указ, ты подумал, Пап, чем и как будет жить монастырская братия, женские монастыри, богадельни, священники?

– Прежде чем ответить, святейший патриарх, позволь спросить, для чего так много этой братии, женских монастырей и богаделен? Неужели нельзя распустить часть из них?

– Как можно, Пап, как можно! – опять снисходительно улыбнулся Нерсес.

– А почему же нет, святейший патриарх? Монахини, юные монахини в особенности, пусть бы вышли замуж. А в богадельнях, насколько мне известно, собираются главным образом дармоеды и бездельники.

– Не говори богопротивных слов, Пап, – заметил Нерсес.

– Я думаю, святейший патриарх, что вокруг церкви собралось много людей, и всех их кормить народу будет трудно.

– Бог не забудет своих служителей, – ответил Нерсес. – Страна нуждается в проповедниках и пастырях.

– Но к чему так много?

– Обилие – дар божий.

Папу казалось, что католикос не хочет отвечать на прямо поставленные вопросы. Поэтому, чтобы услышать прямой ответ, он спросил:

– А женские монастыри? Для чего эти женские монастыри, в которых, насколько я знаю, не готовят ни проповедников, ни пастырей? Разве не грех лишать стольких юных дев жизни и радостей земных и обрекать их на подвижничество и на отшельничество? Неужели они в этом возрасте могли уже совершить столько грехов, чтобы нуждаться в покаянии?

– Невинные души должны отречься от мирских грехов, чтобы удостоиться милости божьей. Ты хорошо должен был это знать, Пап.

– Но ведь все живое рождается для радостей земных, святейший патриарх, для семьи и потомства. Почему и в природе, и в человеческой жизни все устроено так, а несколько сот или несколько тысяч юных дев должны отречься от мирских радостей...

– Наш господь Иисус Христос тоже не насладился жизнью и не имел семьи. Неужели не знаешь, что монахини – невесты

Христовы, беспорочные, как весенняя роса и небесная звезда... И по чистоте своей они удостоятся рая.

Пап смотрел на пророческое лицо католикоса, в горящие крупные глаза старца, и опять ему показались темными и непонятными его слова. Не долго думая, словно движимый лишь юношеским пылом, он спросил:

— А кто же взрастит воинов для страны?

— Для этого есть матери.

— Так пусть этих матерей станет больше!

Нерсес улыбнулся — снисходительно, но с горечью.

— Сожалею, Пап. Очень жаль, что эти простые истины я должен объяснять тебе. Кстати, я слышал, что ты был в одном женском монастыре и сказал слова, которые удивили настоятельницу и всех внимавших. Твоя молодость еще малоопытна, и ты должен воспитать в себе подобающие царю такт и обхождение...

«Начались нравоучения,— подумал Пап, удивляясь, что его тайное путешествие стало известным и дошло даже до Нерсеса.— Значит, за нами следили»,— подумал он и спросил:

— А в чем выразилось мое дурное поведение, святейший патриарх?

— В том, что христианство все еще не укрепилось в стране, а ты издаешь подобные указы и говоришь такие слова. Из твоих слов могут заключить, что ты против христианства, а это может разгневать святейшего митрополита Кесарии.

Пап удивился:

— Какое отношение имеет к моим делам митрополит ромеев?

— Он глава христианской церкви, Пап.

— Пусть глава. Но почему он должен вмешиваться в дела нашей страны?

— В те дела, которые касаются церкви, Пап.

Правая сторона лица Папа задергалась.

— Значит, святейший патриарх, ты желаешь, чтобы я подчинился митрополиту ромеев? Почему же тогда я называюсь царем армян? Пусть в таком случае патриарх ромеев придет и сядет на это место! — возвысил голос Пап и вдруг встал с места, указал пальцем на трон.

Нерсес спокойно и снисходительно улыбнулся:

— Ты меня неправильно понял, Пап. Я говорю о делах церкви, а они общие как для нас, так и для ромеев.

— Общие?.. Значит, и ты, святейший патриарх, можешь вмешаться в дела Византийской страны и церкви? Можешь ты распорядиться их делами?

— Ты не вник в суть, государь. Мы, конечно, не можем. Но он должен вмешиваться и интересоваться, поскольку он глава церкви. Мы подвластны ему, как твои нахарары тебе...

— Неужели наша церковь не может быть независимой и сама распоряжаться своими делами?..

— Оставим это, Пап,— быстро перебил его Нерсес как не-

понятливого юношу. – Этот порядок обсуждению не подлежит. Я прибыл сюда говорить о твоем указе. Думал ли ты, что этим ты подаешь крестьянам дурной пример и потакаешь их дурным инстинктам? Запрещаешь им давать церкви десятину и натуру – почему?

– Почему? – протянул Пап, удивленный строгим и резким тоном Нерсеса. – Запрещаю, святейший патриарх, поскольку они не в состоянии одновременно давать дань и царю и церкви.

Нерсес крупными глазами пристально посмотрел на царя.

– Если так, государь, если ты имеешь в виду положение крестьян, уступи царскую дань.

Сказал и замолк, не отводя от Папа испытующего взгляда.

Слова Нерсеса были неожиданны для царя, но он не замедлил с ответом:

– Уступить это, святейший патриарх, невозможно. Царская дань – для защиты страны, для ее войска и оружия, святейший патриарх. Государство противостоит врагу и хранит страну. А церковную дань поглощают бездельники и дармоеды.

– Значит, ты меня считаешь бездельником, государь? – оскорбился католикос.

Для Папа и этот вопрос был неожиданным.

– Не ты, святейший патриарх, не ты, а твои церковники, которые не сеют и не жнут...

– Значит, они должны остаться без хлеба?..

– Нет, святейший патриарх, – перебил Пап католикоса. – Помнишь, патриарх, ты убеждал меня, чтобы я приехал в нашу страну, и обещал помочь мне. Но вот ты думаешь только о своих священнослужителях, тянешь в свою сторону, как тянет любой нахарар, и никто из вас не думает о государстве, о стране. У всех вас одна забота – хорошо жить и пожинать славу, а государство пусть прозябает, как ему придется.

– Ошибаешься, Пап, церковь тоже думает о стране. Паства ведь наша – как не думать о ней?

– Паства не только ваша, святейший патриарх. Эта паства и государя. Прежде всего государя. Без нее нет государя. Стало быть, и я имею право думать о моей пастве, – опять повысил голос Пап, и его правая сторона лица снова задергалась.

Когда царь заговорил этим новым, неспокойным тоном, маленькая деревянная дверь тронного зала, на которой был вырезан орел с распростертыми крыльями, вдруг медленно подалась назад и показалась царица Зармандухт в златотканом платье. Ее лицо порозовело, высокая грудь взволнованно подымалась и опускалась. Узнав о прибытии Нерсеса, она оставила все и стояла за этой второй дверью в тронный зал, напряженно вслушиваясь в каждое слово, доносящееся из-за нее. Ей казалось, что свидание царя и католикоса не выльется в обычную спокойную беседу, и она была готова, если разговор осложнится, войти, чтобы предотвратить бурю. И вот, услышав

высокие нотки в голосе мужа, она не выдержала и вошла.

Ее появление на время приостановило беседу царя и Нерсеса, и Зармандухт — вся почитание и благоговение — подошла к католикосу. Нерсес протянул ей костлявую сухую руку. Царица поцеловала ее и сказала, задыхаясь:

— Благослови, святейший патриарх.

— Будь благословенна, царица,— сказал Нерсес почти с безразличием и перекрестил ее сухими, несгибающимися от старости пальцами. А когда царица, зардевшись, села, все еще встревоженная, он продолжал: — Подумай, государь, ты подаешь этим очень плохой пример и можешь прогневать не только меня — твоего патриарха, но и святейшего митрополита, даже императора... Они не смогут спокойно смотреть, как наша церковь увядает, лишаясь доходов. Своим указом ты поднимаешь против себя всех духовных отцов, чего я тебе не пожелал бы. Наконец, вспомни, Пап, что все установлено не самой церковью, а великим царем Трдатом, давшим нам эти земли и доходы. Вспомни каноны Аштишатского собора и берегись, государь! — Голос Нерсеса стал тверже, старец покачал седой головой.— Берегись! Юлиан тоже выступал против церкви и был предан анафеме тремястами семьюдесятью епископами, и господь покарал его.

— Но неужели я, святейший,— опять повысил голос Пап,— неужели я иду против церкви или христианства, если говорю, что нищий крестьянин не в состоянии платить дань и церкви и государству? Вы можете жить без натуры и десятины, а царские войска — нет. И наконец, ведь вы говорите от имени Христа, а хотите собирать налоги с обездоленных и нищих,— подчеркнул Пап с иронией.

Пергаментное лицо Нерсеса вдруг сжалось, и он поднялся с кресла, выпрямившись во весь рост. Белая борода дрожала на груди, крупные лихорадочные глаза словно извергали огонь. Казалось, во дворец вошел разгневанный пророк.

— Значит, осуждаешь меня, Пап. Ты, еще не созревший для разумения дел церкви и неопытный. Знай, что ты говоришь с верховным патриархом Страны Армянской, который лучше тебя понимает нужды и благо своей паствы.

Царица тоже поднялась на ноги и испуганно смотрела на Папа. А царь, затаив в углах рта ироническую улыбку, молча смотрел на католикоса, потом встал — так неожиданно и быстро, что неподвижный отец Фавстос удивленно заморгал глазами.

— Я и еще мог бы кое-что сказать, но из уважения к твоей старости, святейший патриарх, промолчу.— Пап явно сдерживал свое волнение.— Однако необходимо тебе знать, раз ты верховный патриарх: я — не чучело, чтобы видеть разнузданность отцов церкви и молчать. Я — царь и должен заботиться о своей стране, о ее безопасности. А ты мне угрожаешь анафемой и проклятиями. Делай, что пожелаешь... Ты меня пугаешь

митрополитом и императором ромеев, однако что им до наших дел, до нашей страны? Это не относится к ним... Я думаю о своей стране — это не может быть преступлением.

— Берегись, юнец, берегись! — вдруг погрозил пальцем Нерсес. — Берегись!.. — И, разгневанный, повернулся к двери.

Отец Фавстос, который слушал напряженно и полузакрыв глаза, сразу очнулся и, удивленный, стуча патриаршим посохом, поддержал руку Нерсеса и проводил его в другой зал. Там дрожавшего от волнения католикоса сразу же окружили епископы и повели к выходу.

А царица Зармандухт, бледная, вдруг бросилась к Папу:

— Что ты наделал, Пап? Что ты наделал?.. Ведь я просила: будь осторожен, береги себя, нас... А ты?.. — И, положив руку на лоб, она выбежала из зала через маленькую дверь.

Минутой позже на своей половине она молилась, стоя на коленях перед распятием и двумя кадильницами, из которых поднимался ароматный дымок и рассеивался в светлом зале, затуманивая росписи на стенах и потолке.

А Пап, оставшись один, без царской пурпурной мантии, которая упала с плеч, рассерженно ходил по тронному залу и говорил сам с собой:

— Все хотят, чтобы я подчинился, слушался их и не смел делать самостоятельных шагов... Мушег принимает меня за мальчишку и обращается так, будто я беспомощный юнец, за которым надо ухаживать. Нерсес всегда поучает меня, норовит наставить на верный путь... Даже Теренций и тот хочет, чтобы я внимал его советам... Так кто я — мальчишка, который должен слушать всех? Или я призван самостоятельно совершить что-то для этой несчастной страны?

Пап еще не забыл, как в Дзиравской долине разгневанный Мушег удалил его, не разрешая участвовать в бою. Возможно, Мушег думал о его, Папа, безопасности. Однако что означало его недовольство по поводу изгнания Айр-Мардпета? Недовольство, похожее скорее на укор...

«Больше того, — думал Пап, — это похоже и на приказ, чтобы не осмеливался творить подобные дела без его участия». Папу казалось, что каждый здесь хочет стать его опекуном, чтобы он не вмешивался в дела государства. Чтоб могли делать от его имени все, что захотят... А он? Кто он? Для чего получил образование, для чего унаследовал трон отца?.. Какое жалкое, унизительное положение: быть за все в ответе и не иметь права самостоятельно и свободно действовать!..

— Нерсес угрожает мне митрополитом и императором, — говорил Пап, продолжая ходить по залу. — Значит, при каждом моем шаге я должен оглядываться на византийского митрополита и императора Валента?.. Нет, я обязан делать то, что считаю важным и справедливым. Пусть думают что хотят и Нерсес, и византийский митропо ит... А если совершу преступление или богопротивное дело, пусть судит бог...

Пока придворные смущенно, а дворцовые слуги с любопыт-

ством провожали взволнованного католикоса и его священнослужителей, Иеремия и Бат вернулись в тронный зал и попытались успокоить Папа. Однако гнев царя разгорался все больше.

– Нет, вы только вдумайтесь, что он говорит! Я, царь армян, всегда должен иметь в виду, что подумает митрополит ромеев!..

– Не стоит придавать значения, Пап, словам этого старца, – сказал Бат.

А Иеремия, чтобы отвлечь Папа, сказал, что царица встревожена происходящим и хорошо будет, если Пап пойдет и успокоит ее. И Пап, услышав это, словно смягчился, его гнев улегся, и он поспешил к царице.

В тронном зале остались лишь друзья.

– Власть обычно притупляет сердце даже самых честных людей, заглушает голос совести. Пожалуй, это диктуется государственной необходимостью, – сказал Иеремия. – Но Пап все еще чувствителен. Как юноша.

– И ты думаешь, это хорошо? – заметил Бат. – Плохо! Государственный человек, особенно царь, должен всегда трезво обсуждать свои дела. Ему нельзя думать сердцем или совестью. Только головой, Иеремия, только головой! Должен быть строгим с врагами, не должен бояться крови, и особенно нельзя ему быть легковерным. А Пап боится пролить кровь, а доверчив – на удивление. Безоглядно верит Мушегу, этому надменному Мамиконяну. Мушегу между тем никогда не нравятся дела Папа, и он смотрит на царя как на неопытного мальчика.

– Тем не менее, Бат, Мушег любит родину, смел и все делает для ее благосостояния.

– Для честолюбия своего, для удовлетворения своего властолюбия – вот для чего. Для себя, ради чести Мамиконянов.

– Неплохо, Бат, когда личное совпадает с благом отечества, – заметил Иеремия.

– Посмотрим... Я все-таки сомневаюсь в этом Мамиконяне, – сказал Бат. – И Пап действительно очень чувствителен. Он не должен бояться крови. Кровь – это право и жизнь. Пролей свою кровь и кровь врага – и ты будешь иметь и право и жизнь!

– Странные мысли, – сказал Иеремия. – Я не согласен с тобой.

В другом конце дворца, в углу приемной, нахарар Зенон Гнуни грустно и тихо говорил полному Ота Апауни:

– Нехорошо поступил Пап, напрасно разгневал Нерсеса. Ты заметил, ишхан, как был взволнован патриарх? Что будет, о господи? Кто знает, что вырастет из этого?

– Да, ишхан Гнуни, да, – вздохнул Ота Апауни. – Жаль, спарапета здесь нет. Жаль, трижды жаль...

– Я обо всем этом напишу ему. Попрошу, чтобы срочно прибыл.

– Напиши, ишхан, напиши,– опять вздохнул Ота Апауни.– Не было еще дней тяжелее. Напиши, пусть приезжает поскорей...

Был поздний вечер. Двор Вагаршапатского кафедрального собора был погружен в безмолвие и мрак. Однако этот мрак делал более отчетливым слабый свет, мерцавший в окне одной кельи. Оттуда доносились странные звуки, напоминавшие иногда стук дятла, а иногда глухой шорох мелющего жернова. Окно этой кельи светилось всегда допоздна, и монахи проходили мимо него с уважением и осторожностью. Здесь жил пожилой архимандрит, которого все называли не иначе как «отец лекарь» или «отец Саак». Этот отец Саак был известен своим искусством врачевания. В его келье, непохожей на кельи других братьев монахов, в трех стенах были ниши, а между ними до самого потолка – деревянные полки. В этих нишах и на полках лежали книги отца Саака – греческие и сирийские лечебники – и изготовленные им лекарства, а также сухие пучки трав и цветов. Здесь же он хранил свои инструменты для приготовления лекарств – медную ступу, гладкие камни плоской и круглой формы, небольшие каменные и деревянные валики, которыми он крошил и растирал в пыль высушенные растения и насекомых, смешивая их с порошками, полученными из каких-то камней и кореньев, о которых говорили греческие и ассирийские источники. Из этих высушенных растительных и животных остатков отец Саак изготовлял снадобья против всяческих болей – как внутренних, так и наружных. Из растения, именуемого травой Митридата, он изготовлял лекарство, которое спасало от яда змеи и скорпиона, от укуса бешеной собаки и от язв. Этим же лекарством он лечил головную боль и кашель и вообще телесную немощь и кровотечение, но лишь у мужчин, так как траву Митридата нельзя было принимать ни женщинам, ни детям. Из другого растения он приготовлял лекарство, способное унять ярость хищных зверей и плотскую страсть. Латук с полки отца Саака, если его ели в жару, охлаждал и устранял жжение в животе, но зимой причинял вред. Был у него и ядовитый латук, а также переступень, считавшийся царем всех растений. Его корень напоминал человеческое тело, и, говорят, когда его вырывали из земли, он, как испуганный человек, издавал ужасный крик. Из него отец Саак извлекал всеисцеляющее лекарство. Кроме всего этого он приготовлял ароматные масла, особенно из лаванды. Им в праздничные дни кропили внутри собора и его же применяли вместе с ладаном для благоуханий.

Благодаря всему этому слава отца Саака распространялась далеко по всей стране. Лекарствами отца Саака пользовались и духовные лица, и крестьяне, и жители многих городов. Даже из

нахарарских домов обращались к нему. И никому он не отказывал в помощи – поспевал ко всем и повсюду.

Но в свою келью отец Саак никого не впускал. Он считал, что входящие причинят своим дыханием вред лекарствам, а взяв без его ведома какое-нибудь снадобье, повредят и себе.

Вся братия с верой и почтением относилась к науке отца Саака, ибо многих он излечил как лекарствами, так и советами. Сам патриарх Нерсес высоко ценил отца Саака за его осведомленность в науках и в случае необходимости обращался к нему за советом и помощью. В последнее время патриарх вызывал его чаще, ибо годы, проведенные в ссылке, хоть и укрепили его дух, но тело подточили – его часто одолевали сердечные приступы. И отец Саак со своими лекарствами всегда поспевал на помощь католикосу. Правда, тот, хоть и выздоравливал, каждый раз говорил: «Все равно, отец Саак, из-за этого сердца я и приму свою смерть...» И сколько бы отец Саак ни обнадеживал его, Нерсес настаивал на своем:

– Нет, святой отец, нет, я чувствую точно: не жилец я...

В этот поздний вечер, на третий день после возвращения католикоса из Двина, когда лекарь Саак, сидя на ковре и раскрыв перед собой пергаментные греческие и ассирийские лечебники, при свете лампады и свечей растирал какое-то лекарство, к нему быстро вошел испуганный отец Фавстос и сказал, учащенно дыша:

– Поспеши, отец Саак, блаженный опять занемог. Поспеши...

– Опять, наверно, сердечный приступ,– сказал отец Саак и, надев на домашнюю одежду широкую рясу и крепко заперев дверь кельи, затрусил в патриаршие покои, где Нерсес действительно полулежал в своей спальне, как всегда в таких случаях, в мягком и глубоком кресле. Седая борода его была всклокочена, сухая костлявая рука лежала на груди.

Отец Саак поспешил, но с уважением подошел к нему. Нерсес сказал угасшим голосом:

– Сердце, отец Саак... Опять сердце... Чувствую, напрасно любое лекарство и лечение... Ибо сердце мое устало... Уже неспособно служить телу моему...

Сказав это, он костлявой тонкой рукой отвел шелковую рясу и другие одеяния под ней и указал на сердце, то есть на то место, где кожа будто приросла к костям худого тела и где синели вены. Отец Саак, подойдя, две секунды подержал руку на этом месте, потом нащупал пульс больного и, склонив голову, в молчании долго внимал ему. Озабоченно посмотрев на отца Фавстоса, лекарь покачал головой и предложил Нерсесу успокаивающее лекарство.

Патриарх отказался.

– Достаточно мне жить, отец Саак.– Голос его был еле слышен.– Я уже стар... Лекарства напрасны.

Несмотря на поздний вечер, весть о болезни католикоса быстро облетела братию, почти все вышли из келий на мощеный

двор собора. Старшие епископы поднялись в патриаршие покои и столпились в залах, соседних со спальней католикоса, ожидая новых известий о болезни святейшего. Архимандриты, иноки и дьяконы, разбившись на группы, вели негромкую беседу, обменивались догадками о болезни католикоса.

Вот уже три дня они нетерпеливо ждали сообщений о результате поездки патриарха в Двин. Сумел ли католикос как нужно наставить царя или, может быть, царь пренебрег его назиданиями – никто не знал, потому что Нерсес, вернувшись из Двина, не обронил ни одного слова даже сопровождавшим его епископам. Все с большим интересом ждали результата этого свидания, однако вместо этого сегодня услышали весть о тяжелой болезни святейшего.

Толпившиеся во дворе монахи так и набрасывались с тревожными вопросами на каждого, кто выходил из патриарших покоев. Безрадостные ответы немедленно передавались из уст в уста. Неизвестно, как и откуда в толпе, собравшейся во дворе, вдруг родилось и побежало тяжелое слово, которое шепотом монахи передавали от одной группы к другой.

– Отравление... патриарх отравлен...

– Кто же? Царь?..

– Тсс, тихо...

– Если это правда, нужно ли молчать? – послышался чей-то голос в темноте.

– Тсс, осторожно... Узнаем. Как знать, что правда, что неправда... – предостерег другой.

И опять голоса стихли, перешли в шепот, который, однако, шелестел во всех концах двора, в тени деревьев, под стенами церкви, у патриарших покоев. Что говорила братия, трудно было узнать. Все были обеспокоены, напряженно ждали.

– Отец Саак... Отец лекарь, – вдруг пронеслось во дворе.

Из патриарших покоев действительно вышел отец Саак, печальный, возможно из-за того, что блаженный отказался от предложенного им средства, или просто потому, что состояние святейшего было тяжелым. Толпа архимандритов и иноков надвинулась на него со всех сторон.

– Верно, отец Саак, что блаженный отравлен? – спросил кто-то.

– Царем, – добавил кто-то в темноте.

– Тсс, – пригрозил чей-то голос. – Послушаем отца Саака.

– А почему не спросить, если говорят, что отравлен? – повторил первый голос. – Не дали ли святейшему чего-нибудь смертельного? А, отец Саак?

Лекарь удивленно посмотрел на толпу:

– Откуда эта мысль, глупейшая и ненужная! Он не отравлен... Сердце у него старое и очень слабое...

– Говори правду, отец Саак, правду, – заговорил новый голос. – Ты же всегда был правдолюбцем.

Подошли новые священнослужители и плотнее окружили отца Саака.

– Осмотрел я святейшего по своему разумению, святые отцы. И повторяю, нашел, что сердце у него больное. Я давно предупреждал блаженного, чтобы не садился ни в колесницу, ни на коня. Ибо сердце у него очень больное...

Как бы нараспев заныли голоса недоверия, потом стал расти глухой ропот, и вдруг всплеснулся звонкий взволнованный голос:

– Ты не прав, отец лекарь!.. Не к лицу это... Мы уже знаем, патриарха отравили...

– Отравлен!.. Отравление! – побежало недоброе слово в этой толпе, сплошь одетой в черное. И опять в этом общем ропоте зазвенел тот же голос:

– Вот, святые отцы! Тот, кто отнял у церкви ее доходы, лишает нас и нашего патриарха! – Это кричал высокий иерей, его борода в темноте слилась с черной рясой, но блестящие глаза словно метали молнии.

Все узнали епископа Даниэла. Это его дьяконы вели связанных крестьян, которых освободил затем царь Пап. Он еще не уехал в свою обитель, ожидал распоряжений святейшего, а вернее, ждал, пока Нерсес отправится в Двин, пристыдит Папа и добьется отмены указа. Уже много дней не утихал его гнев, и сегодня он был самым взволнованным и громче всех ругал царя.

Слова известного епископа еще больше распалили взволнованные сердца, и в темноте опять зазвенели голоса и закипели страсти, которые не давали святым отцам покоя последнее время. Да, Пап это делает для того, чтобы положить конец святой вере Христа в Стране Армянской. Блаженный воспротивился – вот Пап и отравил его, чтобы легче было упразднить христианство. То, что раньше остерегались говорить или говорили шепотом, теперь говорили громко и смело: «Отравление!.. Царь отравил святейшего!..»

– Однако отец лекарь Саак говорит – это вовсе не отравление, а немощь сердца, – сказал кто-то.

Но эти слова сразу же затерялись в хоре раздраженных голосов:

– Отец Саак не знает всего... Отец лекарь не хочет говорить!.. Или не может...

Говорили, дав волю сердцу, но не громко, чтобы шум не долетел да патриарших покоев и не нарушил покой святейшего. Переговаривались, шептали, шипели и, поглядывая в сторону патриарших покоев, ждали новых вестей о здоровье патриарха. Над всеми витала одна пугающая мысль: что, если вдруг святейший скончается... Никто не уходил в кельи. Казалось, если уединишься, туда же войдет и некий невидимый, ужасный дух смерти... И жались поближе друг к другу, чтобы избавиться от страха, узнать что-нибудь новое о состоянии патриарха. Только вести все были грустные: «Нехорошо себя чувствует...», «Дыхание слабеет...», «Без сознания...», «Нужно ждать божьей милости...».

Шли часы... Луна поднялась с горизонта и осветила собор, двор и деревья, разостлала длинные тени. Все с тревогой и нетерпением смотрели на большую дверь патриарших покоев и ждали, но каждый, кто выходил оттуда, приносил все ту же безнадежную весть. Она выражалась одним словом:

– Плох...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Во дворце только и говорили что о печальном исходе встречи царя и католикоса. Считали, что эта размолвка приведет к серьезным последствиям.

– Прискорбно... – сдержанно говорили в бесчисленных покоях и коридорах дворца. – Царю следовало бы смириться и уступить.

– Нерсес этого так не оставит.

– Да, тот, кто мог сказать слово осуждения и царю Аршаку, не простит молодому Папу его указа.

Так говорили не только старейшины двора и придворные дамы, но и слуги. А через них эти толки перешли и в город, и прежде всего, конечно, к мастеровому люду на площади. Они совсем по-другому толковали исход свидания между царем и католикосом.

– Нерсес потребовал, – говорил авторитетно варпет Погос, – чтобы Пап издал новый указ. Чтоб все опять платили монастырям десятину и натуру. Пап не согласился, и католикос, прокляв его, ушел.

– А я, варпет Погос, слышал, что царь выгнал католикоса из дворца.

– Неужели такое могло произойти? – сомневались другие. – Как может царь... святейшего...

– Мне говорил один человек из дворца.

– И мне то же сказывал один дьякон, – заметил варпет.

Удивление вместе с беспокойством заставляло собеседников притихнуть.

– Едва наступил мир в стране, и вот опять...

– Чем все это кончится?..

Ничего хорошего не ожидали и горожане от этой ссоры.

Весть о визите патриарха к царю за один-два дня долетела и до ближайших замков, вызвав у всех нахараров удивление и самые разные толки. Считали, что Нерсес своим авторитетом может повредить Папу. Ломали головы над тем, как бы примирить два столкнувшихся авторитета – государственный и церковный. А некоторые откровенно радовались: Папу теперь не до нахараров и он забудет о том, что говорил им на совете, – и о воинах для царской армии, и о конях. В некоторых замках высказывали и такой взгляд: не подобает вмешиваться в дела царя и католикоса. Так думали молодые нахарары.

Не так посмотрели на дело ишхан Гнтуни и еще несколько пожилых нахараров. Услышав тревожную весть, они поспешили в Двин. Особенно обеспокоился старый ишхан Манасп Авнуни, он сразу же с небольшой группой телохранителей поскакал в Двин убеждать царя, чтобы нашел путь к соглашению с Нерсесом.

— Как ни прав Пап, — говорил он, — но обострять взаимоотношения не следовало. Единодушие! Нам нужно быть единодушными... Не допустим раскола в стране... Пап молод, ему нужны советы... — твердил он прибывшим в Двин еще до него ишхану Гнтуни и другим видным нахарарам. — Постараемся сделать, господа нахарары, что сможем.

Пока на улицу и во дворец молва приносила самые противоречивые и тревожные известия, царица Зармандухт никак не могла успокоиться. Ей все казалось, что Нерсес ни за что не уступит и вместе со своей иерархией не только изыщет путь, чтобы отменить царский указ, но и сумеет причинить вред самому Папу. Уже, наверно, пишут императору ромеев или митрополиту, думала она все время с грустью и страхом. А может быть, Нерсес из-за того, что Пап ослушался его, в сердцах предаст государя анафеме, а с ним и царский дом, и все его семейство, как это делали иногда католикосы и епископы. Она слышала, например, о том, как проклял епископ Даниэл царя Тирана. Была уверена, что именно из-за этого ужасного проклятия царя Тирана ослепили и лишили престола.

Думая об этом проклятии, набожная царица приходила в ужас. Ее сердце трепетало от мрачных предчувствий, и она по нескольку раз в день падала на колени перед серебряным распятием на стене, надеясь горячими молитвами предотвратить несчастье. Она молила бога рассеять все злоумышления против Папа, чтобы на Нерсеса и на всех иеромонахов снизошло милосердие и душевный мир и не предавали они Папа анафеме, не писали о его указе императору или митрополиту.

Царице казалось, что причиной всего несчастья конечно же был сам Пап: если бы он послушался ее и азарапета и не издал этот указ, не было бы и всего этого... И теперь она считала, что прежде всего надо убедить Папа, чтобы он указ свой отменил. Это — единственное средство избавления от беды, думала она. Не верилось ей, что духовенство, особенно Нерсес, будет молчать и позволит, чтобы этот указ вступил в силу. Вначале она хотела поговорить с Иеремией и Батом, — может быть, подействуют на Папа, — но потом нашла это бесполезным. Пап не послушался бы их, а может быть, они все — заодно. Для этой роли более подходящей казалась ей ишхануи Саарунн, ведь Пап уважал ее, как мать, и благоговел перед ней. Остановившись на этом выборе, царица немедленно послала служанку за пожилой ишхануи.

Вскоре та пришла, как всегда — одетая в черное с головы до ног, и царица так и припала к ней.

— Ишхануи! — сказала она со слезной мольбой, едва сдер-

живая рыдания. – Я одна здесь, ишхануи, одинока и беспомощна. Помоги мне. У меня нет здесь матери, будь мне матерью...

– Чем могу помочь тебе, царица моя? – сказала ишхануи со спокойной лаской в голосе. – Говори, я к твоим услугам, царица моя. Сначала сядь и успокойся...

– Мне очень страшно, – начала Зармандухт, садясь и усаживая ишхануи. – Боюсь, что Нерсес и духовенство станут теперь враждовать с Папом, напишут императору и митрополиту и вызовут против Папа их гнев. Помоги мне, ишхануи.

– Чем могу помочь, царица моя? – повторила вдова ишхана Сааруни, сочувствуя царице и не зная, чем она могла бы помочь в этих сложных государственных делах.

– Как старшая, как мать, поговори с Папом, чтобы отказался от своих намерений и не выступал против духовенства. Поговори с ним, ишхануи...

Пожилая и много повидавшая в жизни придворная дама задумалась на миг. Она не была уверена в том, что сумеет добиться какого-нибудь результата. Тем не менее сказала:

– Успокойся, царица моя, я поговорю с ним, непременно поговорю... Не огорчайся напрасно...

Но царица не успокоилась. После ухода ишхануи она попросила о том же и ишхана Авнуни, только что явившегося во дворец, чтобы поговорить с Папом.

– Я как раз приехал помочь установить согласие, царица, – сказал старик. – Сочту своим долгом поговорить и убедить государя, чтобы единодушие в нашей стране не нарушалось...

В тревоге и ожидании царица провела четыре или пять дней. И однажды утром, когда она все еще ждала анафемы, из Вагаршапата пришла суровая весть и сразу же распространилась в цитадели и в городе:

– Нерсес скончался... Скончался святейший...

Скончался... Узнав об этом, царица сразу же ушла в свои покои и стала молиться. Вначале она как будто почувствовала облегчение. Значит, беда миновала, не будет того, чего она боялась и чего ожидала. Но, поразмыслив, Зармандухт ужаснулась. Умер!.. Эта смерть показалась ей еще большим несчастьем. Нерсес умер, не простив Папа... И царице показалось, что своей смертью Нерсес может навредить Папу еще больше. Ведь мертвые в потустороннем мире могут сделать все, что пожелают, даже чего не смогли бы сделать, когда были живы... А такой великий мертвый, как Нерсес, способен сделать еще больше, он может жестоко отомстить Папу и проклясть его и всех их – на веки вечные...

Пап сразу почувствовал что-то тревожащее в этой вести. Он распорядился – всей свите подготовиться к отъезду в Вагаршапат.

На этот раз кроме азарапета Аматуни, управляющего дворцом Зенона Гнуни и Ота Апауни в его свите были старый ишхан Манасп Авнуни, нахарары Адам и Аргам Гнтуни и ишхан

Камсаракан, который всего лишь на два дня приехал с персидской границы. Ободряя начинания Папа и считая их «чрезвычайно важными и похвальными», как он говорил в кругу своих близких, ишхан чувствовал, что неожиданная смерть Нерсеса может помешать делу, начатому Папом. Вместе со свитой были царский письмоводитель Иеремия, начальник царского полка Бат Сааруни со своим помощником Гнелом Андзеваци и небольшой охраной и несколько ишханов и сепухов без обычных доспехов и оружия, но, как всегда, пышно разодетых.

Пап ехал впереди на золотистом коне с черной гривой, который неизвестно почему не был спокоен и гарцевал под хозяином, все поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, грызя удила и играя передними ногами. Это раздражало Папа, казалось неуместным. Царь был в черной мантии, застегнутой на правом плече; он был мрачен и в то же время будто растерян и удивлен. То и дело нетерпеливо натягивал поводья, чтобы конь покончил со своими играми. Однако его резвый конь от этого, казалось, становился еще веселее и еще живее играл ногами, выгибал золотистую шею, потряхивая черной гривой.

На всем пути Пап не сказал ни одного слова. Свита тоже ехала молча. Настроение Папа словно передалось всем. Когда они наконец подъехали к каменной ограде Вагаршапатского собора, все, как было принято, сошли с коней и вошли во двор пешком. Впереди всех шагал Пап в длинной черной мантии и красных царских башмаках. За ним шли члены свиты, сохраняя порядок по старшинству и должности.

Просторный мощеный двор кафедрального собора был переполнен людьми в черных одеяниях. Там собралось почти все духовенство, из областей прибыли епископы, архимандриты и священники; были тут спустившиеся из горных пещер отшельники во власяницах, которые набросили на свои худые, костлявые плечи лишь овечьи шкуры. Можно было увидеть и настоятельниц, и старых монахинь в подризниках и черных головных повязках, прикрывавших лоб и уши и плотно затянутых под подбородком.

Увидев царя с его свитой, толпа людей, одетых в черное, разделилась на две части, давая дорогу. Некоторые из иереев были удивлены, иные даже испугались, но большинство смотрело на царя строго и неподвижно. Пап словно бы наткнулся на мрачные взгляды, направленные на него из-под насупленных бровей. Когда царь прошел до центра двора, по толпе вдруг пронесся шелест, и Иеремия, который находился почти в конце свиты, услышал, как один архимандрит прошептал своему соседу:

— Пришел прикрыть свои грехи...

— Прикидывается невинным, — шепнул сосед.

Иеремия не знал, кого имеют в виду, однако сразу заметил: знаков уважения и почтения, которыми духовенство всегда встречало царя, на этот раз не было.

То же почувствовал и Пап.

Однако и Пап и Иеремия приписали это растерянности и скорби, вызванным смертью католикоса.

Процессия во главе с царем продолжала двигаться вперед. Вдруг Пап увидел прямо перед собой старого архимандрита, который словно бы в гневе, широко раскрыв глаза, напряженно смотрел на него и порывался шагнуть вперед. Другие архимандриты, держа его под руки, не пускали и даже оттянули назад, а он и пятясь все что-то бормотал и выгибался, рвался к царю.

«Что ему надо?» – подумал Пап, взглянув на миг в его искаженное, гневное лицо. «Видно, безумец», – мелькнула догадка. И, не придавая значения этой встрече, царь пошел дальше.

«Наверное, на братию имеет жалобу. Не дали дойти», – подумали некоторые нахарары из свиты.

Однако Иеремия, который был в конце шествия, услышал, как этот архимандрит бормотал какие-то угрозы. До его слуха дошли лишь слова «отродье антихриста» и «язычник». Иеремии показалось, что эти слова направлены на кого-то из свиты.

Архимандриты, собравшиеся перед входом в патриаршие покои, встретили царя с той же холодной неподвижностью, без положенных для такого случая знаков уважения и почестей, а один старец даже отвернулся. Все это Пап опять приписал горю духовенства. «В таких случаях, наверно, не принято воздавать почести», – подумал он, поднимаясь впереди свиты по каменным ступенькам на верхний этаж патриарших покоев.

Большой зал, где иногда созывались церковные собрания, был темен от толпы монахов, одетых в черное, и затуманен благоухающей дымкой ладана. Чувствовался и особый запах, который бывает заметен лишь в доме, где есть покойник. В середине зала на возвышении, накрытом ковром, покоилось тело Нерсеса, покрытое шелком. Белела выпущенная поверх шелка борода патриарха. Пергаментно желтело крупное высохшее лицо. Четыре епископа в черных клобуках, стоявшие попарно по обе стороны возвышения, шептали молитву, взмахивая серебряными кадилами. Все епископы и архимандриты, собравшиеся в зале, тоже беззвучно молились; среди них был и Хад, увидев царя, он отвернулся. Отец Фавстос рассматривал царя и его свиту. «Случай, достойный упоминания, – думал он. – Необходимо записать в моей книге: явился и он, притворяясь невиновным, как будто не он – причина сей смерти...»

За царем в патриаршие покои вошло несколько епископов, вместе с ними и Кюрег.

А царь между тем, пройдя со своей свитой к телу патриарха, по совету Зенона Гнуни, остановился у ног усопшего и опустил глаза, как того требовал обычай. Опустили глаза и все остальные нахарары и сепухи, кроме Иеремии. Впервые попав в такое место, он хотел посмотреть, что делается в зале.

И так все стояли довольно долго. Один из епископов гром-

ко прочитал соответствующую моменту молитву, затем подали голоса и другие епископы и архимандриты со своих мест, и зал загудел от стройного, протяжного, как бы неземного песнопения. Запах ладана, поднимающийся из кадил, стал гуще, нахараров свиты клонило в дремоту.

«Кто мог ожидать такой внезапной смерти? – думал Пап, глядя на узоры ковра, прикрывающего возвышение. – Если бы я знал, что он скончается... Я не огорчил бы его... Однако ведь правда, он был давно уже немощен».

Но вот Зенон Гнуни позади него шепнул, что обряд кончен, и Пап, повернувшись, чтобы выйти, опять увидел того самого архимандрита, которого принял за безумца. Теперь он был в толпе духовенства, вошедшего вслед за царской свитой. С тем же искаженным злобой лицом он опять рвался вперед, уставив на царя лихорадочно горящие глаза. Молодые архимандриты и дьяконы крепко держали его под руки. Когда Пап сделал первый шаг к выходу и священнослужители, опять подавшись назад, дали ему дорогу, этот старец вдруг вырвался из удерживавших его рук и оказался на пути Папа – тощий, со всклокоченной бородой и спутанными волосами. Уставив воспаленные глаза на царя, он прорычал три раза:

– Убийца... Владыкоубийца... Патриархоубийца...

Пап удивленно посмотрел в горящие глаза этого растерзанного старика.

– Ты кого это?..

– Тебя, тебя, царь дэвов! Почему убил святого патриарха?

– Безумец, – сказал Пап вполголоса. Бат Сааруни и Гнел Андзеваци бросились вперед, чтобы оттащить старца.

Но пока они проталкивались к нему, архимандриты и дьяконы уже схватили старца за дрожащие руки и утащили в толпу.

Слышно было, как его с трудом заставляли спускаться по каменным ступеням. Вырываясь, он кричал:

– Пустите меня! Пустите!.. Пожалуюсь святейшим Хаду и Кюрегу! Пустите, говорю!.. Он лишает нас дани, чтобы мы все здесь передохли!

«Ах, вот почему он называет меня убийцей...» – подумал Пап, прислушиваясь к замирающим вдали крикам. Щека его чуть заметно дернулась. А Иеремия, выходя из зала, слышал, как епископ Кюрег говорил двум архимандритам:

– Уведите его подальше и держите, чтоб не болтал лишнее... Мое имя чтоб не упоминал...

Выходя из патриарших покоев, царь видел справа и слева две черных стены любопытствующего духовенства. Ему казалось, что эта толпа в черном, как стая черных хищных птиц, может наброситься на него с той же бранью, которую выкрикивал похожий на безумца старик. Только теперь он почувствовал, как задел и встревожил этих людей его указ. Он никогда не видел такого скопления духовенства и почувствовал, что они – большая сила, еще большая, чем нахарары и иш-

ханы, и притом сила единая, как сжатый кулак. Мелькнула догадка: не эта ли толпа в черном подучила старика-безумца прокричать ему бранные слова?

Когда возвращались из Вагаршапата, небо было мрачным, покрылось густыми почерневшими облаками, издалека докатывались звуки грома, вспыхивали ослепляющие зарницы, огненные изломы молний играли в облаках.

Свита ехала молча, красно-желтая пыль, поднятая копытами, кружилась на дороге, слабый ветер относил ее в сторону. Спешили, чтобы не попасть под дождь. Но когда приблизились к Двину, первые тяжелые капли черными точками легли на дорогу.

«Убийца...» – повторял мысленно Пап. Это слово и старец, выкрикивавший его, не выходили из головы. Но он молчал, до самого дворца не говорил ни с кем. В свите тоже чувствовали всю нелепость такого обвинения и не знали, что же сказать, чтобы утешить царя. Пап замечал и это и ничего не говорил. Добравшись до дворца, он уединился на своей половине, все еще думая об услышанных словах. Что же толкнуло старого архимандрита сделать такой вывод? Конечно, указ об отмене дани... Да, они встревожены, даже разгневаны, ведь он отменил десятину, натуру... Привыкли жить в праздности и лени, и вот, вместо того чтобы обрабатывать свои земли и жить скромнее, оскалились на царя...

«Убийца...» Нет, старца-монаха, несомненно, подучили, чтоб сказал эти слова царю прямо в лицо. Видно, хотят напугать, чтоб отступился от затеянного.

– Не видать вам этого, – сказал Пап вслух, шагая по своей комнате еще в дорожной одежде. – Трудно вам отказаться от доходов, прав... Доселе властвовали над народом, хотите властвовать и над царем...

Так он, вышагивая, разговаривал сам с собой, когда вдруг вошла царица Зармандухт с искаженным от волнения лицом:

– Какое несчастье, Пап... Я так просила тебя быть осторожным со святыми отцами... и вот... Он умер! Своей смертью умер, а тебя считают убийцей, отравителем... Какие злые люди, Пап!.. Берегись этих монахов, Пап, пожалуйста, берегись... Лучше оставь им их дань и земли... Отдай им, Пап. Пусть все останется, как было...

Царица говорила, нервно ломая пальцы, ее испуганные глаза были полны мольбы.

– Не волнуйся, Зармандухт, – сказал ей мягко Пап. – Ты ничего не поймешь во всем этом. Я знаю, они хотят оклеветать меня, напугать, чтобы я отказался от своего указа...

– Но что же будет, если в народе вдруг распространится эта клевета? Что будет, если вдруг император и митрополит ромеев узнают?.. – Царица приложила руки к вискам. –

Оставь, Пап, лучше оставь все, что затеял. Все это может обернуться бедой. Побереги себя и нас, Пап...

— Не тревожься напрасно, Зармандухт,— сказал Пап, обнимая ее.— Мы объяснимся с ними, они устыдятся.

— Но их так много.., Распустят слухи везде, кто докажет обратное?

— Иди, царица, иди, отдохни.— Голос Папа стал тверже.— Я сделаю все так, чтобы ты себя чувствовала спокойной.

— Правда, Пап? В самом деле? — обрадовалась она.— Да, да, пусть все будет так, как было. Пусть эти монахи делают что хотят, только нас оставили бы в покое...

— Да, оставят в покое... Сделаю так, чтобы совсем оставили нас в покое, Зармандухт. Совсем...

От слов Папа, его твердого тона тревога царицы как будто рассеялась. Зармандухт шла на свою половину спокойная, умиротворенная. Но все же, чтобы отвести всевозможные напасти, опять зажгла кадильницу и с молитвой припала к распятию.

«Отравил,— повторял про себя Пап.— Для кого эта ложь? Неужели люди поверят в нее?..»

Вдруг подумалось: уж не подсунули ли яд патриарху черноризцы, чтобы взвалить на царя преступление, восстановить против него народ, вырвать из его рук отмену указа?

«Пусть говорят, пусть распространяют»,— прошептал он.

Едва только царица вышла, явились Иеремия и Бат и начали успокаивать Папа, чтобы не придавал особого значения случаю в Вагаршапате и не огорчался из-за этого.

— Огорчался? Из-за чего? — удивился Пап.— Я лишь возмущен, мне кажется, что все это — делишки хитрых епископов и архимандритов. Хотят подействовать на меня, напугать — вдруг я испугаюсь и отступлюсь от своего указа, от всех своих планов. Да, все, что говорил этот безумный старик,— все это не его мысли. Ему внушили. Хотят оклеветать царя... Но это им не удастся... Нет...

Хотя царь и был оскорблен и разгневан, тем не менее он поехал и на похороны Нерсеса, которые состоялись двумя днями позже. Как ни противились этому царица и придворные, полагая, что может повториться такая же неприятность и во время похорон,— он все же поехал в Вагаршапат, словно намереваясь опять испытать и себя и духовенство. Ему следовало быть на этих похоронах. Если бы он не приехал, подумали бы, что царь испугался. К тому же как царь он обязан был присутствовать на похоронах католикоса.

Но на этот раз не случилось ничего неприятного. В толпе духовенства поглядывали на него, шептали что-то, но явного вызова никто царю не бросил. Лишь отец Фавстос думал: «Сие всенепременно надо записать...»

На погребении присутствовал и комес Теренций, придавший своему доброму лицу горестное выражение. Наряд и дорогие доспехи заметно выделяли этого высокопоставленного византийского военного среди военачальников-армян, ишханов и на-

хараров. Несмотря на то что многое в обряде погребения ему казалось непонятным и чуждым, комес оставался до конца и в тот же вечер написал своему императору письмо, где, среди прочих сведений, изложил следующее:

«Сегодня предали земле тело митрополита армян Нерсеса. Говорят, его отравил царь Пап, чтобы легче осуществить задуманное, то есть ослабление христианства и постепенный переход на сторону персов. Но есть и мнения, которые это опровергают. Я, по крайней мере, держусь той точки зрения, божественный, что в Армении наблюдаются серьезные брожения и назревают важные события. Разумеется, я буду следить, куда поворачивает Пап и какова его цель... пока же здесь все умы живут одним: кого выберут или назначат вместо митрополита Нерсеса. Из этого многое станет ясным...»

В эти же дни случилось еще одно событие, которое нужно здесь упомянуть.

На второй день после погребения Нерсеса во дворец прибыли два нахарара с вооруженными телохранителями и попросили, чтобы царь принял их по особо важному делу. Они назвались нахарарами из края Васпуракан и сказали, что хотят поздравить царя, а с чем – этого не сообщили.

И Пап, несмотря на усталость и дурное расположение духа, заинтересовавшись загадочным визитом, а отчасти и ради того, чтобы забыть неприятности, распорядился пригласить их в тронный зал. Он не взошел на трон, как это делал обычно во время приемов. В белой царской мантии на плечах и с непокрытой головой он сел в одно из кресел, поставленных у его подножья. С ним в это время были Зенон Гнуни, Ота Апауни, Бат и Иеремия.

Прибывшие оказались рослыми мужчинами средних лет. Было заметно: в долгой дороге солнце и ветер обожгли их лица, может быть, поэтому глаза их казались такими блестящими и заинтересованными. Оба были одеты в одинаковые шерстяные капы, затянуты серебряными поясами, у каждого на боку короткий меч. Они были одного роста и даже казались похожими друг на друга. Отличались лишь тем, что один носил бороду, а другой был побрит.

Тот и другой, войдя, приложили правую руку к груди и поклонились. Затем оба подняли головы.

– Нахарар края Ахдзник ишхан Артак, – сказал бородатый.

– Сын нахарара Мокса – Арсен, – как эхо, добавил безбородый.

И опять оба вместе, приложив руку к груди, поклонились и застыли, ожидая разрешения говорить.

– Говорите, господа нахарары, – сказал Пап, глядя поочередно на этих смуглолицых и бравых людей. – Какие у вас добрые вести? Что хотите сказать?

— Государь, нас послал Дхак Айр-Мардпет,— начал бородатый нахарар, стараясь смягчить свой грубый густой голос.

— Айр-Мардпет? — удивился Пап. Он уже забыл о существовании этого известного нахарара. — Где он, Айр-Мардпет?

— В своем васпураканском поместье, государь,— ответил опять бородатый. — Он велел нам сказать, государь, что от всего сердца приветствует тебя и поздравляет твое новое начинание.

— О каком начинании его слово? — поинтересовался Пап.

— Твой указ, государь. О церковной дани,— живо объяснил бородатый нахарар края Ахдзник. — Поздравляет и одновременно передает, что готов служить тебе, государь.

Пап, сжав губы, внимательно посмотрел на прибывших нахараров, потом на своих придворных. По его взгляду было видно, что он еще не вник в суть сказанного. Помолчав, сказал:

— Что еще?

— Еще, государь, мы очень обрадовались, что верный путь наконец найден. Да, нужно взнуздать этих людей в женских одеяниях и, отказавшись от Византии, подружиться наконец с нашими постоянными, вековыми соседями — персами, с которыми у нас много общего.

— И которые ближе к нам, чем эти ромеи... — добавил безбородый.

— Да, государь, ближе и родственнее, чем ромеи. Ведь если первые желают лишь дружбы с нами, то ромеи заберут и наши души, и нашу страну.

— И обычаи их нам не подходят,— опять добавил безбородый.

— Да, государь, их обычаи не для нас,— повторил, как выученный урок, бородатый нахарар. — Ромеи всегда смотрят на нас свысока, высмеивают наши обычаи, только и знают, что грабят нашу страну, увозят шерсть, железо и медь, наших коней и скот...

Удивленный царь, стараясь скрыть изумление, продолжал внимательно смотреть на приезжих нахараров, иногда поглядывая на своих придворных.

— Еще что?.. — сказал он опять.

— Еще, государь, мы опять приветствуем и поздравляем... Приветствуем и поздравляем от имени Айр-Мардпета твой указ и твое намерение перейти к персам...

Теперь царь все понял и вдруг с дергающимся лицом поднялся на ноги.

— Подожди, ишхан, подожди,— поднял он руку. — Кто сказал вам, что я перехожу на сторону персов и упраздняю христианство?

Прибывшие нахарары изумленно уставились на царя.

— Мы это заключили из твоего указа, государь,— сказал безбородый нахарар. — Кроме того, до нас дошли слухи, что

ты, государь, собираешься искоренить эту фанатическую веру ромеев... И Айр-Мардпет послал нас приветствовать тебя и поздравить...– И, приложив руку к груди, он поклонился царю.

Но Пап больше не мог притворяться спокойным. Сделав два шага, подошел к посланцам Айр-Мардпета.

– Вы пришли, господа нахарары, меня поздравить,– сказал он, едва сдерживая волнение.– Но я не могу принять ваше поздравление.– Он замолк на секунду, крепко сжав губы, перевел дыхание. Потом продолжал: – Вы говорите, ромеи увозят наших коней, железо, медь... Это верно. Грабят... Но неужели вы забыли, что персы, кроме коней, уводят и ваших жен, дочерей, ваших братьев и, наконец,– Пап возвысил голос и топнул ногой,– увозят ваших нахараров, захватывают и убивают вашего царя, берут в плен вашу царицу, ваших ишханов... И вы хотите, чтобы я после этого перешел на их сторону и забыл все зло, причиненное ими моей стране?.. Если бы даже я захотел перейти к ним, вы не должны это приветствовать, господа нахарары, и должны требовать, чтобы я не переходил ни на чью сторону, чтобы хранил достоинство нашей страны, ее свободную жизнь, ее границы. Если, конечно, не хотите стать рабами персов или ромеев.

Пап говорил взволнованно, нахарары слушали опустив головы, бледные, застигнутые врасплох.

– Поезжайте в свой край и забудьте ваши мысли... И скажите Айр-Мардпету, чтобы не вмешивался в дела, которые к нему не относятся. Пусть не вынуждает меня менять мое царское слово... Идите...

Нахарары поклонились и вышли друг за другом, растерянные, удивленные, что их миссия закончилась так неожиданно.

Было раннее ясное утро. Под лучами солнца ярко зеленели омытые росой поля и холмы, а над ними, подобно чистым струящимся водам, чуть заметно играл прозрачный и чистый воздух.

Резиденция Мамиконянов – замок Вохакан проснулся. Стража уже открыла обитые железом массивные ворота, и слуги усердно подметали, приводили в порядок двор и мощеные дорожки, проложенные между зданиями замка. В парке садовники поливали цветы, несколько человек носили на кухню деревянные ведра и тяжелые медные ковши с водой, скотники выводили в поле лошадей и скотину. Все это слуги делали по возможности бесшумно и осторожно, словно боясь разбудить спящих.

В этот час юный слуга, держа в руках круглый поднос, прикрытый белой кисеей, шел к одной из башен замка. Дверь башни была открыта, виднелись каменные ступени, убегающие со

спиральным поворотом вверх. Юноша с непокрытой головой, легко одетый, бережно держа поднос, поднялся по этим ступеням и плечом толкнул невысокую дверь.

Войдя в круглое помещение, он улыбнулся находившимся там двум молодым людям и, поставив поднос на трехногий столик, снял с него кисею, открыв хлеб, масло, мясо и что-то поджаренное, еще горячее, исходящее паром.

– Принес прямо с огня, чтобы было вкусно, – сказал юноша, опять дружелюбно улыбнувшись. – Госпожа ишхануи спрашивает, братец, как твое здоровье.

– Хорошо, дорогой, – ответил один из молодых людей. – Поблагодари хозяйку.

– Добро. – Юноша опять улыбнулся и проворно вышел.

Этот юноша был слугой матери спарапета Мушега, ишхануи Катранидэ. Три раза в день он приносил в башню еду. Один из молодых людей, находившихся в этой комнате с двумя узкими окнами, был Раат, другой – его друг Атом. Уже три дня, как он прибыл в замок вместе со спарапетом и его свитой и каждое утро навещал Раата.

– Значит, так, – сказал Атом, продолжая прерванный разговор. – Ты хотел бы, стало быть, опять поехать в Двин и увидеть твою Назени?

– Да, если только она там, – сказал Раат грустно. – Если только она вернулась.

– А хорошо ли ты себя чувствуешь?

– Как видишь, – ответил Раат. – Уже больше месяца, как поправился. Рана на шее зажила давно, на ребрах – тоже. А теперь, когда еще вы приехали, я чувствую себя совсем здоровым.

С того дня, как раненого Раата вынесли с поля битвы и перевязали, по приказу спарапета его держали сначала в одной из деревень неподалеку от Дзиравской долины. Через неделю его привезли в Вохакан на лечение. Здесь за ним ухаживал старый Атанас, многоопытный крепостной лекарь. А раны Раата были тяжелые: один удар меча пришелся по плечу, другой – по шее, две раны от копья – в правом боку. Кроме того, упав с коня, он вывихнул руку. В пути до Вохакана он несколько раз терял сознание от боли, хотя везли его на носилках, привязанных к мулам. Два раза его раны открывались, и Раат потерял много крови, так что спутники уже не надеялись довезти его живым.

Однако в Вохакане, благодаря опыту старого Атанаса, его рука была вставлена на место, раны стали заживать, та, что на шее, зарубцевалась за несколько месяцев, а вот раны от копья на правом боку потребовали много времени. Три месяца ему пришлось пролежать на одном боку.

В первые дни и общее его состояние было тяжелым, он лежал в жестокой лихорадке, часто без сознания. Старый Атанас не отходил от него и иногда слышал, как молодой воин бредит в жару. Раату казалось, что он еще на поле боя, и он кричал:

«Вперед, вперед! Бей смелее!..» Иногда он бормотал что-то непонятное. Один раз старик услышал: больной отчетливо сказал: «Подожди, Назени. Я принес тебе подарки. Сейчас, Назени, сейчас...»

Имя Назени Раат часто повторял в бреду; и однажды, когда ему стало лучше, старик спросил:

— Кто такая Назени, сынок?

— Назени... — Молодой человек посмотрел на старика, широко открыв глаза. — Назени? Где она? Ты что-нибудь знаешь о ней, отец лекарь?

— Ты во сне разговаривал с нею, сынок.

— Во сне... — вздохнул Раат и замолчал.

Увидев, что его вопрос опечалил больного, лекарь больше не стал его тревожить. Он продолжал оставаться с Раатом, пока тот не почувствовал себя лучше. Но и после этого он навещал его дважды в день, чтобы сменить повязки или рассеять его тоску.

— Все тяжелое осталось позади, сынок. Скоро ты вылечишься, станешь на ноги, — обнадеживал он, гладя его голову костлявой и сухой, но ласковой рукой.

Навещала Раата и мать спарапета — ишхануи Катранидэ, вдова спарапета Васака. После гибели мужа она посвятила себя уходу за сиротами и ранеными. Это она три раза в день посылала раненому Раату изысканные блюда, следила, как идет его выздоровление.

— Ты не грусти, сынок, быстрее выздоровеешь, — говорила она при каждом посещении, и ее белое, морщинистое, как поверхность закипающего молока, лицо выражало умиление и ласку. — Уж мы позаботимся, чтобы к приходу моего Мушега ты был на ногах.

Два раза посетила Раата и жена спарапета Ашхен, она тоже обещала ему скорое выздоровление и советовала не думать ни о чем грустном.

— Скорее выздоравливай, лучшую девушку замка отдам тебе в жены, — шутила она. — Сама буду крестной матерью твоих детей.

Не догадывалась Ашхен, что и добрым словом можно нанести удар сердцу молодого воина.

— Благодарю вас, госпожа, — говорил грустно Раат, думая о Назени.

Еще в Дзираве он верил, что после победы вернется в Двин и наконец-то увидит ее. А теперь он должен был лежать и ждать выздоровления. А время шло, и он все больше беспокоился за Назени. Ему казалось, что она должна быть уже дома, если только не уведена в плен. Ожидая его и не получая никаких вестей, девушка может подумать, что он погиб в Дзиравской битве. Наверно, очень страдает. Раат все думал о том, как бы послать о себе весточку в Двин. Но как это сделать — не знал, рядом с ним не было близких, кому он мог бы сообщить о своем желании... Несмотря на хороший уход, его

грусть не проходила, он лежал и считал дни, мечтая о том времени, когда наконец сможет поехать в Двин... Закрыв глаза, он представлял себе сад оружейника Зомы с разрушенной стеной и его низенький домик, над которым поднимался мирный голубой дым и, проходя сквозь листву деревьев, таял наверху. А перед домиком ему всегда виделась Назени – то грустная, не сводящая глаз с дороги, то задумчиво бредущая по саду.

Представлялась ему и радостная встреча в семье оружейника Зомы. Вот после первых приветствий он достает подарки, привезенные из Византии. Раат видел, как радуется Назени этим украшениям, тут же прикладывает к ушам серьги, надевает на голову серебряный обруч и говорит: «Благодарю, Раат. Такие украшения имеют лишь дочери ишханов».

– Да, – шептал Раат. – Только дочери ишханов. Вот я и привез, чтобы ты ни в чем не уступала им.

Но потом он приходил в себя и видел, что он не в Двине, не в домике оружейника Зомы, а по-прежнему лежит на постели в круглой башне.

– Лишь бы она оказалась дома. Господи, лишь бы оказалась дома, – говорил он, вздыхая. – Лишь бы не попала в плен.

За время болезни он привык говорить с самим собой.

Иногда в такие минуты его сердце больно сжималось, Раату хотелось выйти во двор, в поле или хотя бы из окна комнаты посмотреть вдаль. Но старый Атанас пока не разрешал подниматься. Лекарь умел прогнать тоску Раата своими беседами. Добрая ишхануи тоже помогала молодому воину забыть на время печаль. Но больше всего успевал в этом юный слуга, приносивший еду. Он наивно рассказывал, что делается в замке, какие вести приходят от спарапета или где сам спарапет: то в крае Ноширакан наказал нахарара, то поехал в страну Тморик, то поскакал с полком в край Ахдзник...

Слушал Раат и грустил, что он не со спарапетом, не со своими товарищами – телохранителями спарапета. Сколько месяцев он не видел их. «Хоть бы Атом приехал», – думал он. Теперь он ничего от него не скроет, расскажет о своей любви и попросит отвезти весточку в Двин.

Наконец, когда его раны достаточно зарубцевались, лекарь разрешил ему ходить – сначала по комнате, а потом и выходить во двор. Желание видеть Назени еще больше разгорелось в нем. Он уже уверенно держался в седле, стал выезжать на прогулки. И однажды попросил ишхануи разрешить ему съездить в Двин.

Для чего, сынок? – спросила ишхануи. – Подожди, пока окончательно выздоровеешь. Скоро Мушег вернется, и будет нехорошо, если не застанет тебя. Он уже в Ахдзнике, гонец привез весть... Может быть, мы нехорошо ухаживаем за тобой? Если есть у тебя в чем нужда, говори, сынок.

Раат смутился.

– Благодарю, госпожа ишхануи. Не нуждаюсь ни в чем.

— Тогда почему же ты грустен? Может, праздность тебя утомляет?

— Да, госпожа.

— Это не беда, сынок. Скоро приедет мой Мушег, возьмет тебя с собой.

И однажды действительно юный слуга сообщил, что спарапет едет в свой замок отдыхать.

— Вчера вечером был от него гонец...

Дорога тянулась вдаль среди полей. Но пока ничего не было видно, даже легкая пыль не выдавала приближения людей. Внезапно из-за поворота дороги показалась большая группа конников, движущаяся торжественной рысью. Впереди всех ехал всадник на белом коне.

Белый гордо нес своего хозяина, по привычке гарцуя и кося глазом, словно он и не прошел большой путь и не нес на себе никакой тяжести.

Увидев прибывающих, Раат пустил коня вскачь и сам не заметил, как оказался около всадников, спрыгнул с коня и, подойдя к спарапету, взял его руку и поцеловал.

— Раат! Ты уже здоров? — удивился спарапет и, притянув к себе молодого воина, поцеловал его в лоб.

Раат побывал в крепких объятиях всех своих друзей-телохранителей, после чего и прибывшие и встречающие все вместе двинулись к замку.

Обитатели замка уже вышли за ворота встретить родного человека. Вышли молодые ишханы и ишхануи Мамиконяны, пожилые женщины, юные девушки, высыпали слуги всех возрастов. Сама госпожа Катранидэ вышла на большой каменный балкон опочивальни, на другом балконе появилась госпожа Ашхен со своими служанками.

Весь замок, его ворота и башни были украшены знаменами с фамильным гербом Мамиконянов. В руках многих слуг были цветы, вокруг бегали и прыгали дети. Когда спарапет со свитой подъехал, под ноги его коня полетели охапки цветов и зеленые ветки. Люди плакали от радости, столпившись вокруг спарапета и его телохранителей.

Когда минуты встречи миновали и спарапет ушел на свою половину, Раат, взяв за руку Атома, повел его к себе в башню.

— Останетесь или поедете в новое место? — спросил он.

— Пока, кажется, должны остаться.

— А в Двин поедете?

— Возможно, — сказал Атом. — А почему спрашиваешь?

— Если поедете, я хочу, чтобы и меня забрали с собой, — сказал Раат и запнулся. Он не знал, говорить ли Атому, почему он хочет поехать в Двин, или не говорить.

Ему хотелось посоветоваться, как послать весточку в Двин, но для этого он должен был раскрыть перед товарищем свою тайну. И Раат и Атом были первыми телохранителями спарапета, их связывала многолетняя дружба, но до сих пор еще Раат не открыл Атому тайну сердца.

Однако несколькими днями позже эта тайна раскрылась сама собой.

Однажды ранним утром, когда Раат еще спал, к нему в башню поднялся Атом. Через полураскрытую дверь он услышал: Раат с кем-то разговаривал – с какой-то Назени.

– О чем это ты говорил, Раат? – спросил он, входя и оглядывая комнату.

Раат очнулся.

– Говорил? Что я говорил?..

– Э-э, дорогой, не скрывай больше. Я уже знаю, – продолжал Атом, хитро улыбаясь и прищелкнув языком.

– Что знаешь?..

– То, что ты влюблен в одну из здешних красавиц по имени Назени. Верно говорю?..

Раат невольно улыбнулся, обнял друга.

– До сих пор скрывал, дорогой Атом, но теперь скажу... как близкому другу...

И он рассказал о своей любви, а заодно поделился и тревогой о судьбе девушки.

– Вот вся моя тайна, – закончил он. – Хотел бы увидеть Назени или только узнать, где она, жива ли. Посоветуй мне, дорогой Атом. Как быть?..

– Советовать легко, – улыбнулся Атом лукаво. – Однако скажи, давно у тебя эта любовь?

– Не скрою и это. Три года.

– Давно замечал я, что у тебя есть какая-то тайна. Теперь понял, почему ты под видом гусана пробрался в Двин через персидскую армию. Понял, почему ты плакал в Нахчаване.

Раат кивнул.

Сегодня, до появления юного слуги, они говорили об этом. Когда он ушел, друзья продолжали негромкую беседу. Раат просил у друга совета, как обратиться к спарапету, чтобы тот отпустил его в Двин. Отпустит ли?

– Если ты выздоровел, конечно отпустит. Но, думаю, спросит о цели поездки. Значит, надо сказать, для чего.

– Как? – удивился Раат. – Сказать, зачем еду?.. Не могу, дорогой Атом...

– Если не можешь, значит, должен что-то выдумать. Сочини что-нибудь.

– Обмануть спарапета?

– Ради любви можно, – засмеялся Атом. – Разве не так сделал в прошлый раз?

– Но тогда у меня было и поручение спарапета.

– Все равно, пусть и теперь что-нибудь поручит, – опять рассмеялся Атом. – Итак, мой совет – надо что-то придумать.

Пока Раат думал, как и под каким предлогом попросить разрешения на поездку в Двин, Атома вызвали к спарапету.

– В чем дело? – поинтересовался он.

– Не знаю, – сказал слуга, передавший приказание. – Приехал гонец с персидской границы...

Вернувшись в родной замок, спарапет не повеселел, как бывало раньше, когда возвращался в семью. Он был чем-то озабочен. Телохранители предполагали, что спарапета расстроили письма, которые он получил из Двина. Читая их, он мрачнел и молчал. Могли, конечно, быть и другие причины – они не знали. Однако их предположение не было ошибочным. Мушег действительно получил из Двина письма, в которых сообщалось, что Пап отменил церковную дань, собирается занять и церковные земли, что Нерсес скончался и что положение в стране серьезное. Писал Зенон Гнуни.

Спарапет получил эти письма с опозданием, теперь хотел на несколько дней остаться в Вохакане и, приведя в порядок некоторые дела, отправился в Двин, чтобы объясниться с царем. Требование войск от нахараров он не считал делом вредным, однако удивился, что Пап созвал совет, не дожидаясь его возвращения, и не посоветовался с ним. Отмена дани, на его взгляд, была делом очень серьезным, а захват монастырских земель грозил многими осложнениями. Во всяком случае, он решил через несколько дней отправиться в Двин и даже намекнул об этом Атому.

Услышав от слуги Мушега, что его вызывают, Атом решил, что спарапет хочет распорядиться о приготовлениях к отъезду в Двин. Однако весть о гонце, прибывшем с персидской границы, немного смутила его. И он ушел, оставив в сомнениях и Раата. Но вскоре Атом вернулся и сообщил, что спарапет едет к персидской границе и приказывает, чтобы телохранители готовились сопровождать его.

– Всего два дня, как прибыл, и опять? – удивился Раат.

– Да, опять.

– А для чего? – поинтересовался Раат.

– Говорят, Айр-Мардпрет ведет себя недостойно.

– Айр-Мардпрет? А что он?.. Восстал?..

– Ничего пока не знаю. Недостойно – вот и все, что я слышал. Значит, будем готовиться. Ты сможешь?

– Конечно! – ответил Раат, обрадованный, что наконец может сесть на коня и присоединиться к друзьям.

Айр-Мардпет... Влиятельный старший нахарар, уезжая из дворца, захватил с собой всех своих слуг, своих коней и мулов, серебряную посуду, оружие, ковры и тафту – все, что накопил почти за тридцать лет своей службы во дворце, и с большим караваном отправился в путь к своим владениям, которые находились в крае Васпуракан и достигали персидской границы. В этих поместьях жили его богатые братья. В пути он молчал, погруженный в тяжелые раздумья, был мрачен и, вопреки своей привычке шутить со слугами, не обменялся с ними ни одним лишним словом, а те, в свою очередь, чувствуя настроение хозяина, боялись не только заговорить с ним, но и помешать его думам, – так вел себя даже его дворецкий Овсеп, ко-

торый обычно держался со своим хозяином свободно. Все они знали, что царь удалил Айр-Мардпета из дворца, знали, что нахарар потерял и уважение и авторитет, нажитые при царе Аршаке. Заметили, что, пока в Двине был Меружан, нахарар чувствовал себя куда радостнее и свободнее, а после прихода Папа он постоянно был чем-то озабочен. Что произошло между ним и царем, они, конечно, не знали, но по всем доступным им приметам заключали, что звезда Айр-Мардпета закатилась, что он лишился своего положения и больше ему не подняться... А так как нахарару было уже под шестьдесят, слуги могли представить себе и дальнейшее: поживет хозяин в своем поместье несколько лет и там же умрет, оставив их на прихоть своей родни.

– Не видать нам больше прежних дней и той жизни, что была, – говорили они с грустью, вспоминая изобилие и роскошь дворца, обеды и праздники. – Кончилось...

Однако не так думал сам Айр-Мардпет. Хоть и грустный, подавленный, он знал: жизнь государственных людей изменчива. Павший сегодня завтра опять может подняться и занять еще более высокое положение, чем прежде. Не отчаяние одолевало его, а новые замыслы и заботы. Правда, половину дороги он был подавлен, думал только о прошлом, о том, что царь, приказав ему покинуть дворец, не захотел даже выслушать его объяснения. Но позднее он стал задумываться и о будущем: прошлое стало прошлым – надо было начинать жизнь заново.

Вернувшись в свое огромное поместье, куда входило более тридцати деревень, необъятные поля, леса и пастбища, он несколько дней провел с родными, а также занимался делами поместья. Потом поинтересовался, кто из соседей-нахараров сейчас на месте, не в отъезде. И вскоре верхом на коне в сопровождении группы вооруженных слуг-телохранителей начал наведываться к соседям.

Случалось, что, погостив, он возвращался к себе в тот же вечер или ночью. Но бывало, что и оставался на день-два, а иногда и дольше. И соседи-нахарары стали его навещать – иногда в одиночку, а подчас и целой группой, но всегда в сопровождении вооруженных телохранителей и слуг. Они угощались, уединившись, подолгу беседовали с хозяином и с темнотой уезжали. О чем они говорили – это оставалось тайной и для братьев Айр-Мардпета, не знали этого ни их семьи, ни слуги, – Айр-Мардпет был очень осторожен. Но многие заметили, что подавленное настроение первых дней постепенно менялось – нахарар ожил и ободрился.

Взвесив обстоятельно все, он понял, что удачно ускользнул от Папа и Мушега, от их гнева. Пап удалил его, несомненно, за то, что он не дал двинцам сопротивляться и принял во дворце Меружана... Царь так и не узнал ничего о столкновении Айр-Мардпета с царицей Парандзем в крепости Артагерс... О, если бы они узнали и это – ему бы несдобровать. Нет, легко, легко он отделался...

И тем не менее на душе было тоскливо: чем он теперь стал? Простой смертный, отверженный, лишенный почестей и славы... Он, конечно, мог и сейчас жить лучше многих, но лишь как нахарар – владетель поместий, и только. Нет уже того авторитета, прав, голоса в делах страны. Весть о его отстранении наверняка уже пошла гулять по областям, многие теперь отвернутся от него... Этому, конечно, посодействует и Мушег – его заклятый враг... «Этот надменный Мамиконян,– часто шептал Айр-Мардпет,– который считает лишь свой род и себя в ответе за Страну Армянскую, думает, что страна будет счастлива, связавшись с Византией... Какое заблуждение!..»

Услышав, что Мушег наказал и обезглавил в краю Васпуракан нескольких нахараров-персофилов и вызвал этим серьезное недовольство, Айр-Мардпет возмутился, но и обрадовался.

«Неужели все это сойдет ему! – подумал он взволнованно.– Неужели мы и дальше будем жить по отвратительным обычаям ромеев, подчиняться надменному Мушегу и неопытному Папу, который, увы, всего лишь орудие в руках этого Мушега и облаченного в женскую одежду Нерсеса».

Еще усерднее стал он наведываться в дома нахараров, особенно нахараров, недовольных действиями царя, а таких было много в крае Васпуракан. Немало было здесь и персофилов, лишь внешне принимавших византийскую дружбу, но сохранивших симпатии к Шапуру и постоянно жаловавшихся на Мушега.

В кругу единомышленников и сочувствующих Айр-Мардпет стал поносить Мушега и Папа, говорил, что они губят страну, держа сторону Византии, рушат старую дружбу армян и персов и разжигают вражду, которая вредна для Страны Армянской.

– Христианство!..– повторял он с иронией.– К чему нам это христианство, если оно сеет вражду между двумя соседними народами. Проповедует любовь и братство, а сеет ненависть и вражду. Вражда между нами и персами началась как раз в те дни, когда проникла к нам так называемая религия Христа.

Вся зима прошла в поездках и беседах. Весной недовольство в кругу друзей Айр-Мардпета удесятерилось, когда пришла весть, что Пап требует от нахараров воинов и коней для усиления царской армии. В эти дни соседи участили свои поездки к Айр-Мардпету. Теперь к нему являлись не только те, кто бывал всегда, но и новые, не приезжавшие ни разу, и все взволнованно, с гневом говорили о требовании царя. И дворецкий Айр-Мардпета Овсеп, который по службе всегда находился в соседней комнате, слушал их – сначала потому, что не мог не слышать, а потом и с интересом. Теперь нахарары говорили не шепотом, как прежде, а открыто выкрикивали свои обиды.

– Я, господа нахарары, нахожу, что цель Папа – не мир

в стране, а наше ослабление,— однажды громогласно заявил нахарар края Ахдзник.

— Да, Пап, похоже, хочет сделать нас нищими, лишить могущества, а затем начнет творить с нами все, что пожелает,— сказал другой нахарар.— Он хочет лишить нас чести и достоинства.

— Верно. Справедливо,— согласился Айр-Мардпет.— Отдать воинов — значит нам самим остаться без военной силы и подчиниться милости Папа, а это для нас все равно что стать, подобно простому люду городов и крестьянам, его данниками. Этого нельзя допустить, господа нахарары. Мы не можем этого позволить...

— Но, говорят, есть нахарары, готовые дать царю и воинов и коней,— заметил кто-то

— Они уже рабы, а не нахарары,— отрезал разгневанный Айр-Мардпет.

Другой раз, когда у него собралось много недовольных нахараров, дворецкий Овсеп услышал, как Айр-Мардпет взволнованно говорил:

— Благородные господа нахарары, Мушег и Пап, также и Нерсес со своим духовенством, ослепленные византийским золотом и обещаниями славы, ведут нашу страну, нашу несчастную страну к погибели. Хотят устранить старый порядок и обычаи, уничтожить священные права нахараров, все захватить в свои руки и нас, потомков старых нахарарских родов, превратить в своих слуг и рабов. Можно ли терпеть такое положение?

— Нет, тысячу раз нет! — отозвались нахарары.— Лучше пусть Васпураканский край отделится, чем будет подчиняться им.

— Да, господа нахарары, мы можем навсегда отделиться, если будем единодушны, и в этом нам поможет Шапур. Нужно лишь попросить его о помощи, если представится удобный повод.

И все единодушно решили, чтобы Айр-Мардпет сам повел переговоры с персами и пообещал им все, лишь бы вывести Васпураканский край из-под власти Папа, Мушега и Нерсеса — «троицы», как выразился кто-то из нахараров.

Айр-Мардпет согласился взять на себя ведение этих переговоров и на другой день в самом деле в сопровождении нескольких верных слуг выехал к персидской границе. Но, конечно, не поехал прямо к границе — армянские воины могли его там заметить и схватить. Он заранее послал одного из слуг с особым письмом к начальнику персидских пограничных войск, прося свидания с ним по важному делу.

Несколько дней спустя это свидание состоялось на персидской земле. Айр-Мардпета знали при персидском дворе, знали как высокопоставленные лица, так и многие из военачальников, которые бывали в Армении. Выяснилось, что и начальник войск на границе тоже знал Айр-Мардпета. Он с радостью

принял его и с почестями проводил, но о чем они говорили, какие вели переговоры – никто этого не узнал. На обратном пути – уже на армянской земле – воины из полка, стоявшего на границе, узнали Айр-Мардпета, но не осмелились даже заподозрить, что он мог совершить что-нибудь непозволительное. Только дали знать своему начальнику, что заметили такое. Начальник армянского войска на границе – смелый военный по имени Артак – тоже постеснялся допросить старого нахарара – откуда он идет, для чего переходил границу. Он тоже не мог заподозрить Айр-Мардпета в непозволительных делах, но счел своим долгом передать об этом весть спарапету Мушегу, который находился в краю Ахдзник.

– Ничего другого я и не ждал от него, – сказал тот и, мысленно посетовав на Папа, распорядился установить за Айр-Мардпетом особое наблюдение и, если будет замечено что-нибудь серьезное, сообщить ему. Если же нахарар попытается перейти границу или сам примет кого-нибудь с персидской стороны – будь то армянин или перс, – немедленно схватить.

– И его самого?

– Да, если попытается перейти границу.

Отпустив гонца, Мушег задумался. Вот ведь какого опасного человека неопытный Пап оставил на свободе и безнаказанным – человека, который пользуется большим влиянием и среди армян, и при персидском дворе и который может многое испортить. Его ведь и не задержишь, как простого человека, не обезглавишь – слишком много у него связей и сторонников в Васпуракане, сразу же возникнут внутренние распри и осложнения, а этим может воспользоваться Персия. И сам Мушег не хотел осквернить свои руки кровью этого человека, не имея точных доказательств преступления.

В это самое время произошла перемена в настроении Айр-Мардпета. Он очень обрадовался, узнав о новом указе Папа. Дни и ночи к нему скакал один из его приближенных, сменяя коней, и принес весть, что Пап повел на церковь и духовенство серьезное наступление, отменяет дань, полагающуюся церкви, и намерен отобрать пять из семи земельных наделов, принадлежавших ей, и присоединить их к царским владениям.

– Наконец, наконец! – воскликнул Айр-Мардпет с необычайной для его возраста живостью. – Я всегда говорил, что этих людей в женских одеяниях нельзя баловать! Нельзя позволять, чтобы они протягивали свои лапы и во дворец, чтоб ухудшали наши взаимоотношения с Персией. Наконец что-то разумное... Теперь вижу, Пап может управлять страной...

Два дня он не мог найти себе места, все повторял, что Пап нашел верный путь. Мушег находится далеко от молодого царя, его зловредное влияние ослабело – вот и начал Пап действовать. И Айр-Мардпет уже видел перед собой блестящую перспективу. Опять, вопреки врагам, он сможет приобрести свое положение и влияние при дворе!

Спустя день он вызвал двоих нахараров-единомышленни-

ков: владетеля края Ахдзник нахарара Артака и сепуха Арсена, сына владетеля края Мокс нахарара Карена – и отправил их к Папу с приветствием, велел передать свою радость по поводу этого мудрого дела.

– Скажите царю, что я всегда готов служить ему и помогать во всем. Смогу даже примирить с персами и восстановить добрососедские отношения, как было прежде.

Отправив нахараров с поручением к царю, Айр-Мардпет в приподнятом настроении стал ждать конца этой миссии. Он был уверен: Пап опять вспомнит его, почувствует в нем нужду и с теми же нахарарами пришлет ему приглашение вернуться во дворец. Заняв свое место при царе, он еще больше ограничит права церкви, посоветует и поможет молодому Папу восстановить старинные армянские обычаи, отойти от ненавистной Византии, постепенно сблизиться и подружиться с персами, забыть старую вражду и заложить основы новой дружбы. Если Пап вызовет его, он убедит царя, что не следует ослаблять нахараров, внушит, что брать воинов и коней бессмысленно. Ведь когда они будут дружны с персами, в большой армии никакой нужды не будет. Персы защитят их и от ромеев... Айр-Мардпет, конечно, не забудет и своих врагов, и в первую очередь спарапета Мушега, этого надменного Мамиконяна, который, презирая его, не желает с ним даже разговаривать и притом такой ярый византофил...

Несмотря на свои преклонные годы, Айр-Мардпет переживал минуты радости и торжества и иногда, не удержавшись, вполголоса говорил сам себе:

– Да, Айр-Мардпет опять вернется во дворец Аршакидов! Опять будет шагать по мраморной галерее назло своим врагам...

Изменив своей обычной скрытности, он однажды сказал дворецкому Овсепу:

– Еще немного, Овсеп, – и мы опять будем в Двине, в прежней нашей половине дворца.

– Значит, царь опять позвал моего хозяина во дворец? – неуверенно спросил дворецкий.

– Пока еще нет, Овсеп, но скоро... – ответил Айр-Мардпет многозначительно.

Вскоре все слуги узнали, что предстоит возвращение во дворец. Теперь они больше не чувствовали однообразие и скуку жизни в поместье, ждали, когда их хозяин прикажет начать приготовления к отъезду.

Однако все это зависело от того, что скажут нахарары, отправившиеся в Двин, какие вести или же какое приглашение они привезут.

До возвращения нахараров Айр-Мардпет не удержался и опять верхом на коне в сопровождении тех же слуг-телохранителей и вместе с другом, нахараром Тиритом, отправился на свидание с начальником персидского войска на границе. Ему хотелось поскорее сообщить, какие отрадные изменения проис-

ходят в Стране Армянской, какой указ издал Пап – указ, целиком направленный против церкви и ромеев. Он хотел, чтобы все это как можно скорее дошло до персидского двора...

Айр-Мардпет и его свита пересекли колосящиеся нивы и ехали по дороге, ведущей к лесу, черневшему перед ними. А издали, из-за пригорка, за ними следили два пеших воина в крестьянской одежде, старающиеся не попадаться на глаза.

Это были люди начальника армянского войска на границе, которым он, по распоряжению спарапета Мушега, приказал следить за Айр-Мардпетом, за тем, кто к нему приходит и куда отправляется он сам.

Больше недели они следили за Айр-Мардпетом, но замечали лишь приезжавших к нему нахараров, которые оставались иногда на ночь или же уезжали в тот же день. Но сегодня двое наблюдателей заметили нечто новое: слуги нахарара готовили коней, собак... Чуть позже они из своей засады увидели, как один из слуг Айр-Мардпета, сев на коня, быстро помчался в сторону леса. Другие слуги вынесли охотничье снаряжение, и Айр-Мардпет вместе с ними выехал верхом в поле. Отряд охотников растянулся по полю, множество собак бежало впереди коней. Было видно: едут на охоту в лес, расположенный у самой границы.

Вот дорога спустилась в заросший кустами овраг, и все скрылись в нем, потом поднялись по тропинке на склон и поскакали к лесу. Собаки рыскали вокруг в поисках дичи или бежали впереди.

Наблюдавшие за ними воины тоже вошли в этот заросший овраг и, перебегая от куста к кусту, неотступно следовали за охотниками до самого леса. Здесь, в густом лесу, было следить легче. Но странное дело – Айр-Мардпет и его спутники, слегка углубившись в чащу, остановились под деревьями и сошли с коней.

Не было никаких приготовлений к охоте. Айр-Мардпет и нахарар Тирит сели отдыхать, а их слуги разбрелись по сторонам и, заняв удобные места, напряженно и внимательно осматривали лес.

Это заинтересовало двоих наблюдателей, они укрылись в засаде и ждали. Прошел почти час – ничто не изменилось. Айр-Мардпет и его люди сидели и стояли на тех же местах и почти в том же положении. Прошел еще час – все было по-прежнему.

Двое воинов заскучали в засаде и думали, что больше ничего не произойдет, но вдруг с той стороны леса, где находился Айр-Мардпет, послышался мягкий конский топот. Айр-Мардпет, нахарар Тирит и люди, которые их охраняли, – все обернулись на эти звуки. Они кого-то ждали.

Конский топот все приближался, но из-за густых деревьев, закрывавших плотной стеной тропинку, пока ничего не было видно. В тишине леса слышно было уже фырканье коней – и тут нахарар Тирит в нетерпении поднялся с места. Вот наконец

показалась голова первого коня, потом и всадник – это был тот самый слуга, который один через ущелье поскакал к персидской границе. За ним показался другой всадник – пожилой черноволосый перс в накидке и короткой остроконечной шапке. Сзади еще ехали три молодых перса, но одетые проще, вооруженные луками и мечами. Это были, похоже, телохранители пожилого перса. Тирит, увидев пожилого, пошел навстречу и, поздоровавшись, повел его к Айр-Мардпету, а телохранители, сойдя с коней, остались стоять чуть поодаль.

Старший перс с уважением подошел к Айр-Мардпету, низко поклонился и сел, после чего они начали беседовать очень любезно, но с опаской – время от времени оглядывались по сторонам. О чем они говорили, конечно, было трудно узнать, но армянским воинам-наблюдателям казалось, что Айр-Мардпет хочет перейти границу и жить в Персии и теперь, видно, договаривается об этом. Опасаясь, как бы он не перешел на персидскую сторону, один из воинов-армян отполз и побежал к начальнику передать, чтобы усилили посты на границе.

Но это было излишней предосторожностью: Айр-Мардпет не собирался переходить границу. После короткого свидания персы ушли обратно, а Айр-Мардпет и ишхан Тирит вместе со своими телохранителями и сворой собак вернулись, так и не поохотившись.

Начальник войска на границе, получив донесение от воинов, в тот же день с двумя гонцами послал письмо спарапету и, описав все, что произошло, попросил указаний – как быть с Айр-Мардпетом, поскольку теперь было доказано его тайное свидание с противником.

Спарапет не послал письменного распоряжения, а приехал сам и со свитой явился прямо в поместье Айр-Мардпета. Все обитатели поместья – даже братья и невестки Айр-Мардпета – высыпали во двор, чтобы увидеть спарапета, узнать о цели его приезда. Не вышел лишь Айр-Мардпет.

«Что привело сюда этого надменного Мамиконяна? – думал он, прохаживаясь в шелковой домашней капе по широкому залу, обставленному мягкими диванами и коврами. – Узнал, наверно, о моем свидании с персидским военачальником и пришел схватить меня... Но вряд ли, для этого он сам не явится, пошлет других людей... Прибыл, видимо, предостеречь, чтобы я впредь не позволял себе таких вещей... Нет, он и этого не стал бы делать...»

Айр-Мардпет недоумевал. Тем не менее, когда дворецкий Овсеп сообщил, что спарапет идет к нему, он, чтобы соблюсти обычай гостеприимства, накинул на плечи шерстяную одежду персидского покроя и по каменным парадным ступеням спустился навстречу нежданному, неприятному посетителю. Внизу, на первой ступени, они и встретились.

— Ишхан Айр-Мардпет, я приехал от нашего государя,— сказал Мушег, по-военному отдав честь.

— От государя?! — невольно повторил Айр-Мардпет, опустив голову в знак уважения к царю.— Надеюсь, с доброй вестью?

— Несомненно,— подчеркнул спарапет.— Наш государь приказал мне сообщить, что по очень важному делу он приглашает тебя в Двин.

«По очень важному делу»,— подумал Айр-Мардпет и с сомнением посмотрел на Мушега. Но когда увидел серьезное и неподвижное лицо спарапета, сразу же изобразил на лице нечто вроде улыбки.

«Гм»,— сказал Айр-Мардпет про себя. Он сразу сообразил: его приветствия и готовность служить, переданные царю через посланных нахараров, пришлись кстати. Тем не менее он спросил:

— А зачем меня вызывает государь, спарапет? Известно это тебе?

— Для чего — мне пока неизвестно,— ответил Мушег, стараясь не смотреть на рябое лицо Айр-Мардпета и в его изучающие желтоватые глаза. Он уже увидел в них искры злорадства и победы.— Наш государь приказал мне с почестями привезти тебя в Двин, и мой долг с особой почетной охраной проводить тебя. Вот и все. Но по слухам,— продолжал спарапет уже неофициально и будто собираясь сообщить небольшую тайну,— лишь по слухам мне известно, что государь намерен послать тебя с ответственной миссией к персидскому двору, к Шапуру. Больше мне ничего не известно...

Рябое лицо Айр-Мардпета сразу же посветлело.

«Вот так ты сам приползешь к моему порогу, змеиное отродье,— сказал про себя Айр-Мардпет, оглядев маленькое и крепкое тело Мушега и вспоминая, с каким презреньем тот к нему относился и в недалеком прошлом, и после возвращения из Византии.— Ты еще поползаешь у моих ног, гордый Мамиконян».

И для приличия опять спросил:

— А когда нужно отправиться, господин спарапет?

— Чем раньше, тем лучше, ишхан Айр-Мардпет,— сказал спарапет, избегая его взгляда.— Как я сказал, некоторые из моих телохранителей будут сопровождать тебя в Двин.

— Благодарю, господин спарапет. Я, однако, мог бы отправиться и со своими слугами, в сопровождении моих телохранителей,— сказал он, сразу заподозрив что-то. Почему это спарапет направляет с ним своих телохранителей?

Однако ответ спарапета рассеял его сомнения.

— Нет, Айр-Мардпет, мне приказано с почестями отправить тебя, и я обязан это сделать. Готовься, значит, отправиться завтра или послезавтра. Если, конечно, нет препятствующих обстоятельств.

— Я постараюсь свято выполнить волю моего госуда-

ря. – И Айр-Мардпет легко склонил голову, что более относилось к царю, нежели к спарапету.

Действительно, на второй день Айр-Мардпет выехал в Двин. Его, как всегда при поездках, сопровождали десять телохранителей-слуг, но на этот раз при нем были и шесть телохранителей спарапета Мушега, и один из них – радостно настроенный Раат: он был счастлив оттого, что едет в Двин и вскоре увидит свою Назени. Кроме того, спарапет доверил ему письмо к царю, которое приказал «хранить как зеницу ока и вручить лично государю». И он был рад, что будет говорить с самим царем и лично ему вручит письмо.

Хотя он и зашил это письмо, чтобы не потерять, в подкладку прямо у сердца, тем не менее то и дело незаметно для других клал руку на грудь, чтобы удостовериться, на месте ли оно.

Ехали по дороге, ведущей через область Цахкотн, – по самой короткой дороге, хотя и несколько трудной. Айр-Мардпет выбрал ее, чтобы быстрее добраться до места. В первый день справа от них плескалось Бзнунийское море, а слева простирались сады, залитые обильными солнечными лучами. Пышность ли и мирная красота природы повлияли на Айр-Мардпета, а может быть, подействовало на его душу яркое солнце, но нахарару все время казалось, будто он возвращается домой, в родные места, и от этого его настроение становилось все лучше. Маленькие зеленые глаза его играли от радости, он хотел как можно скорее добраться до Двина и узнать, что же произошло там за месяцы его отсутствия. Хотел увидеть, и поскорее, как его враги будут посрамлены. Он слышал, что после его ухода должность управляющего дворцом выполнял Зенон Гнуни, этот приближенный спарапета, которого Айр-Мардпет тоже терпеть не мог. Он не сомневался, что Пап опять пожалует ему эту должность и восстановит его во всех правах.

«Если вызвал, значит, все ясно», – говорил он про себя, и, погоняя коня, торопил слуг. Казалось, трехдневный путь он собирался проскакать за один день, не отдыхая и не прикасаясь к пище.

И верно, трехдневный путь они проделали за два дня, даже не задерживаясь долго на ночевках – обстоятельство, которое особенно радовало Раата.

На второй день к вечеру они приехали в Двин. Айр-Мардпет остановился в просторной гостинице цитадели, а Раат, приведя себя в порядок, тщательно умывшись и причесавшись, поспешил во дворец. Когда сообщил страже, что привез царю письмо от спарапета и должен вручить лично, его сразу же по длинным коридорам и залам повели к царю.

Сердце Раата стучало, он не знал, как ему следует вести себя и как нужно разговаривать с царем. Знал лишь, что прежде всего должен приветствовать его и потом вручить письмо.

Когда его привели в последний зал, он среди придворных сразу же узнал царя как по лицу, так и по одежде. Приложив руку к груди, поклонился, потом протянул ему письмо:

– От спарапета, государь.

Взяв письмо, Пап внимательно посмотрел на Раата:

– А сам кто?

– Гонец спарапета Мушега, государь,– ответил Раат, краснея.

Придворные, среди которых в это время были Кенан Аматуни, Зенон Гнуни, Бат и другие, заинтересованно посмотрели друг на друга, потом на Раата и на письмо. Они знали, что спарапет пишет всегда о важных событиях, поэтому, пока Пап читал письмо, напряженно ждали: о чем пишет Мушег – о новой ли опасности или же о новых строгих наказаниях, которым он подверг изменников. А Пап между тем, читая письмо, постепенно становился серьезным, а потом даже побледнел и ударил кулаком о колено.

Спарапет писал, что Айр-Мардпет, вернувшись в свое поместье, занимался тем, что объединял недовольных нахараров, а в последнее время имел на границе свидания с персидскими военачальниками. Свой рассказ о поведении Айр-Мардпета Мушег кончал так:

«Других изменников нашей страны я наказал, государь, своей властью, но этого посылаю к тебе, во-первых, как твоего бывшего воспитателя, чтобы ты сам совершил над ним свой суд, а во-вторых, я не считаю себя вправе наказывать преступника, отпущенного царем...»

– А где сейчас Айр-Мардпет? – спросил царь Раата. Щека его сильно дергалась.

– Здесь, в гостинице цитадели, государь,– ответил Раат, удивившись тому, как изменились и голос и лицо царя.

Придворные, которые со сдержанным интересом следили за чтением письма, переглянулись, услышав имя Айр-Мардпета.

– Ты свободен,– сказал царь Раату.

И Раат, смущенный, чуть склонив голову, попятился назад, не отрывая глаз от мрачного, раздраженного лица царя.

Пап некоторое время молча стоял с письмом в руке. Он не сомневался в верности того, о чем написал спарапет, ведь Айр-Мардпет был известен своими персофильскими настроениями. Было известно царю и то, что два года назад Айр-Мардпет не разрешил населению и гарнизону Двина сопротивляться персам и принял во дворце Аршакидов изменника Меружана. Наконец, он же через посланных им нахараров сообщил Папу, что готов примирить его с персами... Если бы даже Пап не верил письму спарапета, все, что Пап знал до письма, не оставляло сомнения: Айр-Мардпет действительно человек опасный. Кто знает, о чем он говорил с персами! С другой стороны, беспокоила и необходимость вынести приговор Айр-Мардпету – он сам дал слово не трогать его...

И Пап наконец рассказал содержание письма и спросил

своих приближенных, как же поступить теперь с этим человеком.

— Я ничего другого и не ждал от него, государь, — первым заговорил Бат. — Этот человек для меня был опасным, как Меружан, а поэтому и наказать его надо как изменника.

Остальные придворные молчали, они как будто колебались и ждали решения царя. А царь все еще думал, прохаживаясь по залу, и медлил с решением. Наконец он, остановившись, сказал:

— Я дал слово царя не обагрять рук его кровью.

— Ты чрезмерно благороден, государь, — опять заговорил Бат. — Верно, ты своей царской волей отпустил его на свободу, но ведь он совершил новые преступления, и не только против тебя, но и против нашей страны, собираясь вместе с недовольными нахарарами перейти к персам.

— Все это понятно, Бат, — покачал головой Пап. — Однако мне так не хочется начинать свое царствование кровью.

— Кровь — основа власти, государь, — заметил Бат. — Без крови не стоит ни одно государство. Если кто-то совершил преступление против государства, против страны...

— Да, кто совершил преступление против страны, — сказал Пап, — должен, конечно, понести наказание. Должен понести и понесет. Преступление, совершенное против меня, я могу простить, но против страны — нет.

Пройдя длинные коридоры дворца, Раат вышел на солнечный двор и, не заходя к друзьям, сел на коня и погнал его к садам, к дому Назени. Он ехал быстро, иногда пришпоривая коня и наклоняясь вперед, но и в этой спешке не забыл ощупать зашитые в грудном кармане подарки.

Вот и узкая, словно завешенная деревьями улица.

С прошлой осени ничто в ней не изменилось — все было прежнее: те же глинобитные дома, стены садов. Деревья по обе ее стороны переплелись не только кронами, образовав сплошной зеленый покров, но еще и согнулись, отяжелев от плодов, и касались своими ветвями головы и плеч Раата, ехавшего на коне.

Миновав несколько заборов и калиток, он увидел наконец знакомый двор. Калитка была открыта, его сердце заколотилось, и он, спрыгнув с коня и ведя его под уздцы, вошел во двор. Первое, что он заметил в саду, — две овцы и теленок, они паслись среди виноградных лоз. Увидев Раата, они перестали жевать, уставились на него и на его коня и опять опустили головы к траве. А Раат обрадовался: значит, вернулись хозяева вместе со своей скотиной! Он ждал: сейчас покажется Назени или ее мать... Сделав еще несколько шагов, он в глубине сада увидел и домик Зомы. Но дверь его была закрыта. На ней висел все тот же большой замок, который Раат видел и в прошлом году.

«Может, вернулись, только теперь их нет дома... Ведь если не вернулись, чьи же тогда эти овцы и теленок?..»

И тут он заметил, что двор усыпан прошлогодними листьями; по всей видимости, этого места давно не касалась метла; все, что упало на землю, так и осталось лежать, даже штукатурка... Большой пласт глиняной штукатурки отвалился над дверью и лежал прямо перед входом.

«Значит, не вернулись... нет их...» Словно кто-то ударил Раата под колени, и он, почувствовав слабость в ногах, сел на каменную скамью перед дверью.

«Что это означает? Почему их до сих пор нет? – думал он. – Как бы далеко ни уехали – неужели за восемь месяцев не могли вернуться?»

Значит, в плену... Трудно было ему примириться с такой мыслью, но все здесь говорило Раату об этом. Хотя, может быть, Назени тяжело больна, и нет сил приехать... Или вышла замуж на новом месте и осталась там... Вышла замуж? Едва ли... Разве могли бы они бросить свой очаг? Приехала бы хоть мать... Не оставила бы дом и сад...

Долго Раат, оцепенев, неподвижно сидел перед домиком. Ржанье коня заставило его вздрогнуть. Раат, словно бы пробуждаясь, поднял голову и вдруг заметил: пожилая женщина шла к нему спокойным шагом, внимательно изучая его и коня.

Он сразу узнал ее. Это была соседка Назени.

– А, это ты, сынок? – грустно сказала она, подходя к нему. – В добрый час пришел. Не видать было тебя... Что случилось? – И, не ожидая ответа, продолжала: – И не спрашиваешь, где Назени и матушка Марта. Все нет их... Думаю, хоть бы Раат показался. И ты не приходишь...

Раат хотел сказать, что он был ранен и из-за этого не мог приехать, но женщина не давала ему слова молвить.

– Ты не теряй надежду. Они придут, непременно придут...

– А где они, ты знаешь хоть что-нибудь? – спросил наконец Раат.

– Не знаю, сынок, не знаю. Но жду. Придут... Один из наших соседей весной поехал в область Дзорапор. В пути среди монахинь видел одну девушку. Говорит, на Назени была очень похожа. Хотел подойти, поговорить – не удалось.

– Значит, Назени не в плену? – вскочил Раат. – Значит, она здорова?

– Конечно, сынок, конечно, здорова.

– Правда?

– Если не веришь, могу отвести тебя к этому соседу. Он сам и расскажет. Пойдем, сынок, пойдем. – И старуха, взяв Раата за руку, как ребенка, повела его к калитке сада.

Привязанный конь, увидев, что хозяин уходит, заржал ему вслед.

Айр-Мардпет между тем в одной из комнат гостиного дома, переодевшись в свою шелковую капу и повесив на боку короткий меч в серебряных ножнах, ждал, когда царь вызовет его. Он удивился, что идут часы, а о нем никто не вспоминает. Никто не навещает его и не воздает почестей, полагающихся видному нахарару в тех случаях, когда его приглашает сам царь.

Однако больше всего он думал о своей новой должности и о том, с чего ему следует начать свою деятельность. Конечно, первым его делом будет доказать Папу необходимость сближения с персами. Нужно, чтобы он изгнал из страны византофилов, и в первую очередь спарапета Мушега, этого дерзкого Мамиконяна, который перебил так много персофилов... Айр-Мардпет чувствовал, что после смерти Нерсеса не стало главного препятствия его политике и дело его теперь намного облегчится.

Увидев, что уже поздно и его все еще не приглашают к царю, он сообразил: царь, наверно, хочет, чтобы он отдохнул с дороги, и примет его утром...

Утром его вызвали к царю. Он опять тщательно оделся, облачился в свои доспехи и привесил меч, чтобы явиться перед царем в подобающем виде. Но, выйдя из комнаты, он не сделал еще и двух шагов, как вдруг какие-то люди – он так и не узнал кто – накинули ему на голову просторный мешок, в котором Айр-Мардпет словно исчез, и этот мешок сразу же перевязали у ног и вокруг поясницы, так что нахарар лишь подумал о мече, но не смог даже шевельнуть руками.

Он все понял и завизжал своим пронзительным голосом скопца:

– Как вы смеете! Негодные рабы!.. Ведите меня к моему царю... на его суд!..

– Мы исполняем волю царя,– был ответ.

И Айр-Мардпета повели по лестнице вниз в темницу, что была под дворцом.

Комес Теренций, услышав два дня спустя о смерти Айр-Мардпета, очень удивился. Ведь он уже был почти уверен, что Пап собирается перейти на сторону персов. Размышляя о казни знатного главаря нахараров-персофилов, он спрашивал себя: что происходит в Армении? Чего хочет Пап?

«Если отворачивается от нас, то и не сторонник персов,– думал он.– Чего же он хочет?..»

Как ни старался Пап, чтобы в его государстве жизнь текла спокойно и мирно, все время происходили события, которые давали повод волнениям и разговорам. Так случилось и со смертью Айр-Мардпета. Некоторые находили, что казнь была

необходима: «Так и надо было поступить со старой лисой. Царь простил его преступления, а он в ответ собирался поднять против него область Васпуракан и, соединившись с персами, нанести удар единству страны, продолжить дело изменника Меружана». Однако были и люди, считавшие, что Айр-Мардпет ничего особенного не сделал. По их словам, Пап наказал нахарара за старые грехи, дал всем почувствовать свою государеву власть, чтобы другие нахарары не смели противиться его воле и отдали нужных ему воинов и коней.

— Нет, этот царь не шутит, он уже показывает себя,— говорили в замках.— Если он не пощадил такого знатного нахарара, как Айр-Мардпет, не пощадит и других.

Иные рассуждали иначе: в деле с Айр-Мардпетом проявил себя злобный дух Папа. Этого мнения придерживалось и духовенство.

— Нет,— говорили духовные отцы.— Пап собрался уничтожить всех знатных людей страны и веселиться со своими юными друзьями. Отравил Нерсеса, а теперь вот и Айр-Мардпета прикончил...

Служители церкви не любили Айр-Мардпета, но в эти дни вспоминали его имя вместе с именем Нерсеса и осуждали жестокость Папа.

Разговоры, связанные с кончиной Нерсеса, еще не утихли, а в духовенстве уже забродило новое недовольство. На этот раз причина была в том, что Пап, не спросив воли духовенства, назначил местоблюстителем на пустующий патриарший престол епископа области Маназкерт — Усика, который происходил из известного рода Албианидов. Многих обеспокоило то, что царь вмешивается в дела церкви. Сторонников Хада бесило другое: царь обошел святейшего, а ведь он был постоянным местоблюстителем Нерсеса и по праву должен был оставаться в этой должности.

— Какое отношение может иметь Усик из Албианидов к должности местоблюстителя? Это противно воле покойного патриарха Нерсеса.

— Да и образование у него сирийское, не может он сохранить нашу дружбу с Византией.

— Но местоблюститель — должность временная,— успокаивали более уравновешенные, не желавшие, чтобы возникли несогласие и шум.

— Нет,— возражали им,— сие непременно что-то означает. И как знать, что будет завтра, не сделает ли его царь католикосом?

— У святейшего Нерсеса есть сын Саак, едва ли выберут в католикосы другого. Сын заменяет отца, таков порядок.

Ходили слухи, будто Пап действительно собирается возвести этого епископа Усика в сан католикоса, как образованного, ведающего и письменность и науки и знающего языки.

И вот однажды во дворе кафедрального собора в Вагаршапате опять собралась толпа встревоженных монахов.

– Почему Пап не приглашает Саака? Ведь он единственный наследник рода Просветителя, – слышались беспокойные голоса.

– Он еще молод и человек мирской...

– А Нерсес был не мирской? Он еще и военным был, а его избрали. Потому что он был единственным наследником рода.

– Если Саака не изберут, все равно митрополит Кесарии не помажет Усика, – тряс головой недовольный старец епископ.

– Говорят, святейший Хад, узнав о своем отстранении от местоблюстительства и что Усика прочат в католикосы, письменно предал царя анафеме...

– И справедливо поступил святейший Хад, – прозвенел раздраженный голос. – Кто дал царю право нарушать установленный порядок наследования патриаршего престола, установленный Просветителем? Кто против всего этого, тот и против христианства.

– Братья, я говорил и повторяю: Пап – язычник, – громко сказал худой маленький епископ с подвижными глазами.

– Пап делает свое, а мы сделаем свое, – многозначительно отчеканил проповедник епископ Овсеп.

– Поясни твою мысль, святой отец...

– Вот она. Напишем митрополиту Кесарии, чтобы отказал в помазании Усика, так как он не из рода Просветителя и человек с сирийским образованием.

– Верно, справедливо, отец Овсеп. Напишем – и не помажет. Прекрасная мысль.

В это время к говорящим подошел еще один архимандрит. Он, видимо, слышал весь спор и спокойно заговорил:

– Вы говорите, святые отцы, что напишете митрополиту. Вот так... А что вы скажете, если Пап и не собирается посылать Усика в Кесарию? Вот так...

– Как то есть... Он не хочет возвести Усика в сан католикоса? – обрадовались в толпе.

– Не собирается возвести?

– Собирается, собирается, отцы. Но слышал я, что в Кесарию не пошлет. Вот так...

– Непонятно, – сказал маленький епископ. – Кто же тогда должен его рукоположить и помазать?

– Кто? Вы, отцы, вы. Вот так...

Толпа вокруг говорившего стала плотнее.

– Как это мы? Говори яснее, святой отец. Как это может быть?

– Очень просто, – медленно и спокойно произнес архимандрит. – Говорят, Пап хочет, чтобы наши епископы теперь сами совершали помазание католикоса. – И он, усмехнувшись, оглядел всех. – Вот так...

– Ты смеешься, святой отец! – взорвались сразу несколько человек. – Как это можно?.. Нет такого порядка...

— Наши католикосы принимают помазание всегда и только в Кесарии...

— А вот теперь будто бы намерен потребовать, чтобы мы помазали его здесь сами, — продолжал спокойный архимандрит. И опять с улыбкой добавил: — Вот так...

— Здесь... — удивленно повторяли в толпе. — Здесь... Где это видано? Как можем мы помазать? Неужели царь не знает?

— Почему не знает? Знает, но сказал: подобает ли нам, имея столько епископов, посылать своего католикоса для помазания в чужую страну? И еще сказал, — продолжал спокойный архимандрит с грустной и непонятной улыбкой, — случалось ли, чтобы ромеи посылали своего митрополита для помазания к нам? «Не случалось», — отвечали ему. «Стало быть, — сказал царь, — если ромеи помазывают своих митрополитов у себя, помажьте и вы своего католикоса дома. Это, говорит, сделает вам честь».

— Это верно, — сказал один епископ. — Но византийский митрополит Епифанос и епископы предадут нас анафеме за то, что нарушаем порядок.

— Святой отец, мы все равно христиане, — заметил кто-то в толпе, — где бы ни помазали нашего патриарха, все равно.

— Никак нет, не все равно, — возразил епископ с нервной дрожью в голосе. — Разве католикос, помазанный нами, будет иметь авторитет, который дает помазание в Кесарии?

— И народ не поверит нашему помазаннику, — послышался другой голос. — Нет, святые отцы, нет...

Наступила тишина. Потом кто-то вдруг спросил:

— Какая же причина, святые отцы, что царь не желает для католикоса помазания в Кесарии?

— Важный, очень важный вопрос, — загудели архимандриты. — Какая же на самом деле причина?

Спокойный архимандрит поднял руку, чтобы замолчали, и, опустив голову, зашептал, словно сообщая тайну:

— Я сам, отцы, не знаю истинную причину, но слышал, будто причина та, что ромеи не уходят из наших городов. Царь как будто сказал: «Ромеи засели в наших городах и не уходят, а вы хотите пойти к ним на поклон — «помажьте нам патриарха». Он считает это духовным рабством... — И, округлив глаза, архимандрит добавил, словно ставя точку: — Вот так...

— А я слышал, святой отец, — тем же шепотом начал низенький монах, — слышал я, будто царь сказал так: если мы будем ходить на поклон к византийской церкви, можно возбудить еще большую вражду персов. Или они, или византийцы нас в этом случае поглотят...

— Господь всемогущий!.. — перекрестились все сразу. — Опасные слова... Опасные мысли...

Насколько верно были переданы эти слова, приписываемые царю, собирался ли он действительно помазать католикоса в Армении — никто не знал. Однако это так удивило и взбудоражило всех, что почти никто не ушел в свою келью, как и

в тот вечер, когда они услышали про царский указ о дани. Опять разделившись на группы, они подолгу обсуждали странное намерение царя. А когда разошлись по кельям, долго еще не могли заснуть. С этой новостью никто не мог примириться. Казалось, если все будет сделано так, как хочет царь, изменится весь порядок в мире и христианство сильно пострадает. Как они могут сами помазать католикоса? Будет ли приемлем их помазанник?.. Чего хочет, наконец, от них царь Пап? Отменил дань для церкви, а теперь собирается оторвать от византийской церкви и Византии!

Хад чувствовал себя оскорбленным и униженным: местоблюстителем назначен Усик, а не он. Взволнован был и его друг епископ Кюрег, который из-за быстрой смены событий все никак не мог уехать в свою епархию и ждал, какой окончательный оборот примет все. Ему казалось, что церкви и престолу католикоса угрожает большая опасность.

Как-то вечером они оба грустно сидели в епископате Двина и беседовали о последнем намерении Папа.

– Горе тебе, град, коль царь твой младенец, – повторил Кюрег любимую фразу епископа Хада. – Горе тебе...

– Не младенец, а дэв [1], бесноватый и яростный, – добавил Хад. – Мыслями – варвар, делами – тартар. От нахараров требует воинов и коней, от церкви отнимает ее права, дань... Дьявольские деяния... Он превзошел своего злорожденного отца и коварного деда. Оба они понесли свое достойное наказание, бог даст, наступит и его черед...

И когда был уже поздний вечер, когда члены братии уснули в своих кельях и на улицах затихли последние шаги, они вдвоем вышли и в темноте направили свои стопы к дому военачальника Теренция. Им казалось, что только Теренций может понять их и объяснить то, что неясно. По их мнению, в Стране Армянской не было человека, которого бы заботила судьба церкви. Пап не хочет слушать никого. Посла, пожалуй, выслушает, а если и его не станет слушать, пусть тогда скажет свое слово император... В прошлый раз посол любезно выслушал их, но до сих пор не заметно никаких результатов. На сей раз, казалось им, Теренций не останется равнодушным и предпримет решительные меры.

Едва они вышли и сделали несколько шагов по двору к воротам, как кто-то, касаясь стен, стал красться за ними.

Услышав звуки шагов, Хад остановился и посмотрел назад.

– Кто? – изменившись в лице, глухо спросил он.

Длинная черная тень неслышно приблизилась.

– Это я, святейший. Дьякон Малахия.

– И куда идешь? – спросил Хад, сдерживая раздражение.

– За тобой, святейший.

– Зачем?

---

[1] Дэв – чудовище, злой великан.

— Побеседовать желаю с тобой, святейший.

— Почему так не вовремя? Благие у тебя намерения?

— Благие, святейший,— поклонился во мраке дьякон.— Хочу, святейший, чтобы ты заранее помиловал мою грешную душу, хотя и уверен я, что нельзя считать грехом устранение зла.— Дьякон говорил торопливо, словно в лихорадке.

— Какое зло, какое устранение, дьякон?

— Царя, святейший, устранение царя. Чтобы устранились угрожающие церкви бедствия, злодеяния,— одним духом проговорил дьякон.

Хад топнул в темноте ногой.

— Иди, дьякон, и спи с миром в своей келье. И вытрави из сердца мысль об убийстве.

— Не властен я, святейший. Не властен, как и ты.

— Молчи, дьякон, нет у меня таких мыслей,— заметил Хад низким, но угрожающим голосом.— Иди и спи в своей келье, грешная ты душа.

— Не могу уснуть, святейший, как и ты... Нет у меня покоя, как и у тебя. Пока не...

— Замолчи, дьякон! Сгинь! — пригрозил Хад. Голос его опять стал глухим.

Дьякон жался, стоя на месте, и затем с мольбой вытянул шею.

— Разреши хотя бы сопровождать тебя, святейший. До дома посла,— сказал он надломленно.

— Как узнал, куда я следую? — рассердился Хад.— Кто тебе сказал?

— Святой дух, святейший. Святой дух...

— Замолчи, негодник! — шикнул Хад.— И не смей шпионить за мной. Ступай и искупи свои грехи коленопреклоненной молитвой в своей келье.

С этими словами он толкнул дьякона и вышел на улицу, где его нетерпеливо ждал епископ Кюрег.

И они отправились в путь.

Как всегда, окно Теренция светилось, бледная полоса легла поперек улицы.

Комес, все еще не спавший, сидел в своем нарядном просторном зале.

Как и прежде, Теренций с уважением принял знатных армянских епископов, с подчеркнутой почтительностью поцеловал их руки и, усадив на мягкий диван, сам поместился в кресле против них, как покорный верующий перед отцами исповедниками.

— Чем могу служить уважаемым святым отцам? — сказал он, опять поклонившись епископам.— Рад, что удостоили меня посещением... Чем могу?..

— Многим, господин посол,— начал епископ Кюрег на чистом греческом.— Беспокоим вас нашими поздними посещениями, но есть столько труднейших вопросов... Хотели бы, чтобы вы, хотя бы частично, рассеяли наши сомнения.

— Я готов, святые отцы,— склонил голову Теренций.— Готов, насколько позволят мне силы...

Кюрег начал свой рассказ со смерти Нерсеса, сказав, что этот несчастный случай, как выяснилось, был следствием отравления.

— Я это слышал, святой отец,— кивнул Теренций.— Но одновременно мне сообщили, что доказательств отравления нет. Трудно, говорят, доказать, от отравления умер или же своей смертью.

— Это подтвердится позже, благороднейший комес,— продолжал епископ Кюрег, скрывая досаду: посол не верил версии отравления.— Мои дальнейшие слова, надеюсь, подтвердят это. Вот, например,— не знаю, известно вам или нет,— наш царь Пап сместил святейшего Хада, законного местоблюстителя католикоса, избранного епископами.— Тут Кюрег с уважением протянул свою пухлую руку к Хаду, а тот сразу принял оскорбленный вид, и посол опять поклонился ему.— Да, сместил и теперь намерен возвести в сан католикоса человека не из рода Просветителя и не имеющего византийского образования. Это против наших традиций и оскорбительно для нас. Оскорбительно, уважаемый комес, поскольку мы привычны сами избирать своего католикоса. И наконец, уважаемый комес, главное, о чем я хотел бы узнать ваше мнение: он собирается нарушить давно установленный порядок...— Кюрег вздохнул и смолк.

— Что это за порядок, святой отец?— спросил Теренций, заинтересованный.

— Вы ведь знаете: исстари, начиная с нашего Просветителя, армянских католикосов рукополагает и помазывает митрополит Кесарии. Наш царь решил нарушить сей порядок и помазать католикоса здесь, рукой армянских епископов...

При последних словах комес Теренций выпрямился на месте, его лицо стало серьезнее.

— Как это? Без митрополита?— он не сумел сохранить хладнокровие.— Но ведь, кажется, только митрополит и полномочен помазать...— И, словно опасаясь сказать лишнее, повторил: — Как это?..

— Вот так, уважаемый комес,— оживился святейший Кюрег, заметив, что заинтересовал посла.— Мало того, что он лишил церковь дани, мало того, что отравил блаженного Нерсеса. Теперь это насилие, это грубое попрание прав церкви и духовенства.

— А дело уже решено, святые отцы? Или только разговоры?— спросил Теренций с любопытством человека объективного и нейтрального, но вежливого, умеющего поддержать беседу.

— Скажи,— Хад ударил пальцами по колену Кюрега,— скажи комесу, что от нашего царя можно всего ожидать.

Теренций, заметив это, спросил:

— Что говорит святой отец?

Кюрег перевел. Теренций впал в раздумье.

— Но простите меня, святые отцы,— сказал он после минутного молчания, обведя епископов кротким взглядом синих глаз.— Я действительно не понимаю — какую цель преследует этим царь Пап?

— Цель... Неужели не ясно, благородный комес? — вздохнул епископ Кюрег, взяв в руку бороду.— Неужели не ясно, что Пап хочет таким образом оторваться от Византии, чтобы перейти на сторону персов?

— Так...— Теренций приподнял брови.— Вы думаете, царь Пап действительно мог бы пожелать этого?

— Самого бы его спросить,— сказал многозначительно Кюрег.

Воцарилось молчание.

— И это... не отправлять в Кесарию — уже решено? — спросил Теренций.

— Видимо, так, господин комес.

Опять наступило молчание.

— А этот епископ Усик — неужели персофил? Ведь он христианин! — сказал Теренций, помолчав.

— Если не персофил, комес, то и не византофил. Образование у него сирийское.

Опять замолчали. Святейший Кюрег, словно желая положить конец этим неловким паузам, спросил, останется ли комес еще в Двине или отправится в свою летнюю резиденцию.

— Пока я здесь, святой отец,— поклонился Теренций.

Затем они еще немного поговорили о разных незначительных вещах, и, когда поднялись на ноги, чтобы попрощаться, Хад схватил руку Кюрега.

— Скажи комесу: могу ли я надеяться, что обо всем этом он уведомит блаженного митрополита Кесарии?

Кюрег перевел.

— Несомненно, святейшие отцы, несомненно...

— Скажи,— Хад дергал Кюрега за руку,— скажи, что, если мы оторвемся от Византии и Кесарии, погибнет христианство в нашей стране. Скажи, что для спасения христианства мы и пришли сюда.

Кюрег опять перевел.

— Понятно, святые отцы, понятно,— кивнул Теренций.

И посол, как и в первый раз, попросил их посещать его, как друга и христианина, и проводил до выхода, несколько раз отвесив поклоны.

Когда они ушли, Теренций задумался. Верно ли все, что говорят эти монахи о намерении Папа? Что думает Пап, решая не посылать нового католикоса в Кесарию?.. Не боится ли, что этого епископа, который не из рода Просветителя, митрополит не помажет?.. Это излишнее опасение. Для митрополита и всей Византии безразлично, кто он и из чьего рода, лишь бы подчинялся нашей византийской церкви... А если у Папа цель оторвать Армению от Византии и перейти на сторону Персии, как

говорят... Ведь в таком случае вовсе незачем помазывать в католикосы. Но так как Пап все-таки желает, чтобы помазание в католикосы производилось, значит, он не против христианства и вовсе не новый Юлиан, желающий упразднить христианство в Армении, как в прошлый раз твердили эти епископы и как комес написал императору.

Теренций то энергично прохаживался по залу, то вдруг растягивался на римском диване и, закрыв глаза, напряженно думал. Он никак не мог взять в толк, чего хочет достичь Пап новым этим поступком.

«Это, видимо, делается с одной целью,– думал он,– дать нам понять, что пора вывести наши войска из городов и областей Армении, иначе он совсем прервет связи его страны с нами... Ведь он уже несколько раз спрашивал, скоро ли уйдут наши войска. Очень его заботят эти города... А так как мы не уходим, он и задумал: «Раз не оставляете мои города, возьму и не отправлю католикоса в Кесарию – здесь помажу...» Или у него какая-нибудь иная цель?..»

Лучше завтра пойти к нему и поговорить. Может быть, что-нибудь и прояснится.

И на другой день он отправился во дворец.

Как всегда приветливый, он вошел в тронный зал, справился о здоровье царя, затем осторожно завел разговор о новом католикосе, будто слышал, что это человек просвещенный и широкообразованный. Он хотел бы знать, когда же отправится новый католикос в Кесарию на помазание, чтобы сделать соответствующие распоряжения для его достойной встречи.

– Я, как друг Армении, государь, желал бы, чтобы всем ее представителям воздавались почести, ибо эта страна героев достойна их.

– Благодарю, уважаемый комес, за добрые чувства,– сказал Пап.– Я знаю, что ты всегда был моим другом и другом моей страны. И как друг должен сообщить тебе, что наш католикос на этот раз на помазание в Кесарию не поедет.

Лицо комеса Теренция приняло удивленно-заинтересованное выражение.

– Как, государь, может быть, возникли трудности? Готов уладить!..

– Ты очень добр, благородный комес,– сказал Пап.– Мы попросту не хотим беспокоить святого митрополита Кесарии. У нас, как ты знаешь, есть много епископов, которые могут тот же обряд совершить здесь, и так будет лучше – не причиним вам хлопот, освободим от лишних затрат. То есть твое государство, комес...

– О-о, государь, затраты... Об этом не беспокойся. Наш августейший император так благорасположен к Армении и к тебе. Что ему затраты... Об этом и думать даже не стоит...

– Однако дело не только в тратах, комес. Епископ стар, не может проделать такой длинный утомительный путь. Тем более что скоро в наших краях наступит зима, – сказал Пап. – Кроме того, уважаемый комес, мы приняли во внимание, что новому католикосу здесь предстоит много неотложных дел, он должен привести в порядок дела церкви и духовенства...

И Пап, посмотрев в окно и, видимо, желая переменить тему разговора, спросил:

– А как здоровье милостивейшего императора, комес?

– Слава богу, в добром здравии, государь. В своем последнем письме божественный цезарь шлет любезные приветствия – я специально пришел сообщить – и желает тебе, государь, здоровья и всяческой удачи...

Пап наклонил голову в знак благодарности. И вместе с ним поклонились азарапет Аматуни, Зенон Гнуни, Ота Апауни и все остальные придворные, находившиеся в тронном зале: так было принято.

– Того же и я желаю августейшему императору, – сказал Пап и после некоторой паузы спросил: – Кстати, благородный комес, получил ли император твое письмо о наших городах?.. О выводе византийских войск из наших городов?

Вопрос был неожиданным для Теренция. Он удивленно посмотрел на царя и стал серьезнее.

– Я предполагаю, государь, пока нет, поскольку божественный не упоминает об этом в своем письме. Возможно, писцы забыли в свое время сообщить ему об этом, а может он получил и обдумывает благоприятное решение. Во всяком случае, государь, надеюсь вскоре получить радующую тебя весть. И, как всегда, сразу же извещу тебя. А теперь, государь, разреши задать вопрос: когда состоится помазание католикоса?

– Вероятно, в ближайшие месяцы...

– Думаю, нашему святейшему митрополиту прискорбно будет, что он не сможет участвовать в этом священном обряде и не увидит своего собрата, – сказал Теренций грустно.

– Через некоторое время католикос, конечно, сможет навестить митрополита, и тогда они увидят друг друга, – улыбнулся Пап.

По лицу посла прошла мгновенная тень, но он тотчас улыбнулся. Когда он откланивался, многим показалось, что у него был обиженный вид.

Это заметил и Пап и после ухода посла сказал:

– Комес добрый человек, но почему он думает, что нашими делами мы не можем распоряжаться сами?..

Некоторые из придворных закивали, одобряя слова царя, а управляющий дворцом Зенон Гнуни, который все время молчал, чуть позже в коридоре, вздыхая, сказал полному управляющему царской конюшней Ота Апауни:

– Слышал, ишхан Апауни, что говорил царь?

– Да, да, – закряхтел толстяк Апауни. – Жаль, что спарапет не здесь, ишхан Гнуни. Опоздал.

– К несчастью... Видимо, он из замка Вохакан переехал в другое место, иначе получил бы мое письмо. Однако поведение этого юнца уже переходит всякие границы.

– Напиши снова, ишхан Гнуни. Тяжелые времена, не было еще таких. Напиши и пошли с гонцом, пусть спешит, – посоветовал Ота Апауни, часто дыша от полноты. – Лишь он, лишь спарапет может наставить на путь истины этого юношу.

– Тсс, ишхан Апауни. Здесь и у стен есть уши.

Спустя несколько дней по дороге в Ервандакерт через ущелье Еразхадзор мчалась группа всадников.

Летний зной нагрел скалы ущелья и воды Аракса, которые местами текли, словно обессилев от жары, а местами неслись с яростным шумом, словно убегая от раскаленных солнечных стрел. Наверху в небесной синеве кружились мягкие и белые, как пена, облака, не бросая на дорогу никакой тени, и всадники, казалось, мчались, чтоб укрыться поскорей в прохладном месте.

Впереди ехал всадник на белом коне, вслед за ним – десять вооруженных людей на конях разной масти. И все неслись с такой быстротой, что трудно было даже разглядеть их лица, хотя опытный глаз мог бы заметить, что едущий впереди – предводитель, а за ним скачет свита телохранителей. Человек знающий заявил бы с уверенностью, что белый конь, скачущий впереди всех; похож на быстроногого коня спарапета Мушега. И он бы не ошибся. Действительно, это ехал спарапет Мушег со своими телохранителями. Он торопился в Двин.

Несколько дней назад у персидской границы он получил письмо своего верного Зенона Гнуни, в котором тот среди прочего сообщал, что Пап, вопреки воле духовенства, вместо Хада назначил местоблюстителем Усика – епископа области Маназкерт, и сам же собирается возвести его в католикосы...

«Спеши, спарапет, быть может, предупредишь несчастье, – писал Зенон Гнуни. – После внешних бедствий сии нелепые внутренние дела могут причинить стране и нам чрезвычайный вред. Духовные лица очень уж взволнованы, часть нахараров недовольна...»

Из писем того же Зенона спарапет знал, что царь подписал указ о дани, и рассчитывал, приехав в Двин, разобраться в возникшей суете и уладить все. Знал он и о смерти католикоса, но не успел к его погребению. Слух об отравлении долго казался ему сомнительным. Однако теперь, когда из нового письма ему стало ясно, что Пап хочет помазать католикоса не в Кесарии, а на месте – в Стране Армянской, да еще Усика с его сирийским образованием, – спарапетом овладели сомнения.

Прочитав это письмо, Мушег на другой же день поскакал в Двин. Он несся во весь опор, не оглядываясь – отстают от него телохранители или нет. Спешил так, как спешат, когда нужно предотвратить беду или хоть спасти что-нибудь.

«Почему так поступил этот мальчик? Кто внушил ему неразумные мысли?» – думал Мушег под топот копыт, удивляясь, что Пап, не посоветовавшись с ним, предпринял такие шаги, дал такие распоряжения. Ему казалось, что Пап все это сделал конечно же по совету и наущению его друзей – Бата Сааруни и Иеремии Аматуни, особенно последнего, который только и знает, что перенимать мысли из греческих и латинских книг и которого многие считают даже философом и софистом...

«Мальчишки, неразумные мальчишки! – шевелил губами спарапет. – Не понимают, что своими необдуманными шагами могут вызвать гнев византийского императора и митрополита...»

И обеспокоенный Мушег подхлестывал своего и без того быстро мчавшегося Белого и несся вперед. Телохранители, погоняя коней, еле поспевали за ним, удивляясь: что случилось с их спарапетом? После Дзирава его еще не видели таким разгневанным и в то же время настолько ушедшим в себя и мрачным, и все ждали, что вот на каком-то привале он «раскроется» и скажет, куда едут и зачем... Однако спарапет, не говоря ни слова, мчался вперед, лишь на стоянках давая спутникам и коням легкий отдых, и опять пускался в путь с тем же нетерпением и с таким же суровым видом, спеша скорее добраться до места.

Он торопился, чтобы предотвратить новые ошибки Папа, новые нелепости и опрометчивые распоряжения или хотя бы, в первую очередь, предотвратить помазание Усика – ведь это вызовет гнев византийского митрополита и даже самого императора... Византию может и не задеть история с церковными землями и данью, размышлял Мушег, но в назначении и помазании католикоса они кровно заинтересованы...

«Безрассудные, недалекие мальчишки! – повторял спарапет. – За все это мало упрекнуть Папа. О чем он думал, делая такой шаг? Как осмелился?..»

Никакие разумные объяснения не приходили ему в голову. Поэтому спарапет и торопился остановить разыгравшегося юнца.

Прискакав на второй день в Двин, он, не снимая дорожной одежды, как это делал раньше, в пыльной накидке и дорожной обуви вошел во дворец и – прямо в тронный зал.

В первой приемной церемониймейстер удивленно вскочил, увидев его, и, с уважением поклонившись, сообщил, что царя в тронном зале нет.

– Вызови немедленно! – приказал Мушег и сам прошел в зал. Его вид и повелительный голос были ужасны. Дрожа, старик еще ниже поклонился и исчез.

И в тронном зале Мушег не находил себе места. В другое время он туда заходил с почтением и уважением, как привык с юных лет, а теперь ходил взад-вперед размашисто, широкими шагами меряя ковры, словно не замечая ни позолоченного трона на пьедестале, ни выстроенных под стеной резных кресел

и треногих столиков, отделанных золотом и серебром, ни трех украшенных орнаментом дверей в трех стенах. Не видел ничего вокруг себя. Ждал одного: объяснений от царя, так как за все это он считал ответственным перед народом и страной не только царя, но, главным образом, себя. Был уверен, что все — и нахарар и епископ, свой и чужой — будут винить его: Пап еще молод, сделал все это по неопытности, но что думал спарапет страны, человек зрелый и почти опекун царя?

«Мальчишки, мальчишки!» — шептал он, топча пыльными башмаками яркий ковер, и все ходил, ходил с покосившейся на плечах накидкой, и отделанный серебром меч хлопал его по боку.

Быстро открылась дверь в дальней стене тронного зала, и оттуда легкими шагами вошел Пап — в лиловой тунике, в сандалиях и с непокрытой головой. За ним Бат и Иеремия.

— Добро пожаловать, спарапет! — сказал Пап радостно, протянув вперед белые руки, чтобы обнять Мушега. Но, увидев его мрачное лицо, в удивлении остановился. — Какие добрые вести с границ нашей страны? Надеюсь, ты прибыл невредимым, миновав все напасти?..

Услышав этот радостный голос и увидев всех троих вместе, Мушег, обычно уравновешенный и сдержанный, забыл принятый порядок — приветствовать царя — и сумрачно сказал, глядя лишь на Папа:

— Я, царь, пришел лишь узнать, что тут происходит.

— Что взволновало тебя, спарапет? — спокойно спросил Пап и внимательно посмотрел на него.

— То, что здесь совершаются дела без моего ведома.

— Ты взволнован, спарапет, — заметил Пап, почувствовав странное настроение Мушега. — Садись, спарапет. Прежде всего садись...

И Пап сам уселся на первое попавшееся кресло, а Бат и Иеремия сели чуть поодаль.

— Я могу говорить и стоя, государь, — сказал спарапет тем же недовольным тоном.

— Однако, спарапет, после долгого твоего отсутствия я хотел бы поговорить с тобой более любезно и по-дружески. Если тебе это нужно, я могу ответить на все твои вопросы. Что же возмутило тебя из моих деяний?

Спарапет, стоя с высоко поднятой головой, смотрел в лицо Папа.

— Вообще, предпринимая важные начинания, ты должен был бы посоветоваться со своим спарапетом, который не жалеет жизни для родины и царя.

— Но неужели, спарапет, я допустил несправедливость, отменив церковную дань? Неужели ты хотел бы, чтобы крестьянин платил церкви столько, что у него не осталось бы ничего для государственной дани?

— Однако последствия, государь... — не вытерпел Мушег, переступив с ноги на ногу.

– Я нашел, что так справедливее, спарапет. А последствия... Какие могут быть последствия? Ропот, недовольство духовенства? Пусть ропщут...

«Стал смелее и самоувереннее», – подумал Мушег, удивившись. И уже задетый за живое: «Вчерашний безусый юнец, скромный Пап, как независимо ведет себя, как смело».

– Однако ты нарушил вековой порядок, закон, Пап. Ты восстановил против себя все духовенство.

– Не все, спарапет. Кто считает себя учеником Христа, тот не может быть недовольным мною.

«Совсем изменился», – опять подумал Мушег.

– А помазание в католикосы, Пап? Что это такое? Думал ли ты, как посмотрят на это в Византии? Неужели же не стоило посоветоваться, чтобы избежать тяжелых последствий?..

Пап молча и в упор посмотрел на обветренное лицо спарапета, на котором горели круглые темные глаза.

– Неужели, спарапет, в моей стране, предпринимая какое-либо дело, я постоянно должен думать, что скажут ромеи, как они посмотрят на это?

– Однако, государь... – хотел возразить спарапет, но Пап не выслушал его и продолжал, повысив голос:

– Если ты, спарапет, считаешь, что армянский царь должен постоянно руководствоваться мнением чужестранцев, я лишь могу удивляться, что представитель отважного рода Мамиконянов диктует такое недостойное поведение своему царю.

«Нет, совсем стал другим, – опять подумал Мушег. – Теперь он делает мне замечания и как будто не говорит бессмысленных вещей».

– Я не это хотел сказать, государь, – заметил он с легким смущением. – Есть обстоятельства, которые ты должен был принять во внимание. – И спарапет невольно сел.

– Какие обстоятельства, спарапет? – спросил Пап, откинувшись назад и опять внимательно и в упор глядя в круглые умные глаза Мушега.

– Дружба Византии, Пап, это ведь существенно для нас.

– Но разве я поступил враждебно по отношению к Византии?

– Так будут толковать, государь, раз ты проводишь помазание в католикосы здесь и не посылаешь Усика в Кесарию по установленному порядку.

– Значит, по твоему мнению, спарапет, я совершил преступление или проступок? – сказал Пап, нахмурив брови. – Однако хотел бы узнать, спарапет, царь я здесь или нет?

Спарапет словно был застигнут врасплох. Он невольно посмотрел на Бата и Иеремию, сидевших под стеной, потом на Папа.

– Конечно, государь, в этом нет сомнения.

– Значит, могу я действовать самостоятельно?

– Но, государь, скажу опять, есть обстоятельства...

— Требующие, чтобы я спросил мнение византийского митрополита? — подхватил Пап, резко подавшись вперед.

— Не мнение, государь... Нельзя оскорблять их, надо действовать так, чтобы не возникали осложнения.

— А вот они могут оскорблять нас всегда, — вполголоса сказал Иеремия про себя, не вмешиваясь в разговор.

Спарапет услышал это и повернулся к Иеремии.

— Не к лицу тебе, молодой человек, перебивать меня, когда я говорю с государем! — заметил раздраженно, сверкнув грозным взглядом. — Покойный твой отец был примером образцового и подобающего поведения.

Иеремия покраснел, погладил свои длинные волосы и хотел что-то сказать, но Бат потянул его за руку, чтобы молчал. А затем неожиданно сам встал с места и шагнул вперед:

— Спарапет! Неужели помазанием католикоса нарушается дружба с ромеями?

— И тебе тоже, молодой человек, не к лицу прерывать меня, — заметил Мушег с той же строгостью и отвернулся. Да, несомненно, они внушили царю все, что Пап совершил в его отсутствие. И продолжал, уже повернувшись к ним спиной: — Я то хочу сказать, Пап, что, замышляя эти крайне ответственные, важные дела, ты должен был посоветоваться со знающими людьми... Моя цель и забота — это спокойствие и безопасность нашей страны.

— Но неужели, спарапет, я сделал что-то грозящее нашей стране? Ты, кажется, упрекаешь меня? — опять начал горячиться Пап.

— Я говорю то, что чувствую, государь. Твои деяния могут нарушить нашу дружбу с ромеями.

Пап не сразу ответил. Сжав губы, он сначала пристально посмотрел на спарапета, на его маленькую вьющуюся бородку, подобную виноградной грозди, на густые черные брови и в острые, внушительные глаза, смотрящие из-под них, и опять подался вперед всем корпусом.

— Скажи, пожалуйста, спарапет, кто царь этой страны — византийский митрополит или я? — сказал он, часто дыша. — Если он, я могу уйти, пусть он садится на этот трон.

Спарапет удивился такому обороту беседы, этого он не ожидал. Ему казалось, что он оскорбил Папа, но почему же Пап взволновался? Неужели задето его самолюбие? Словно оправдываясь и успокаивая царя, заметил:

— Я думаю о твоем благополучии и безопасности нашей страны, государь. Я не ищу личных выгод.

— Итак, стало быть, чтобы не иметь врагов, нам надо сидеть сложа руки и ничего у себя не делать? Я ценю твою самоотверженную любовь к родине, спарапет, твою военную отвагу, твою волю и энергию, но ведь все это нужно для того, чтобы мы жили свободно, самостоятельно и не зависели от византийского митрополита... Ты заботишься о безопасности нашей страны, спарапет, а я думаю еще и о ее достоинстве. Если

поступаю плохо, осуди меня. Скажи, что мы не должны уважать себя и другие нас уважать не должны. Скажи, что я не прав, скажи, что наша страна не должна жить самостоятельной жизнью, не должна иметь достоинства, не должна сама устраивать свои внутренние дела. И я тогда уйду, оставлю этот трон... – Голос Папа изменился и задрожал. – Скажи! Говори, спарапет! Скажи, наконец, чучело я или царь?..

Холодное мрачное лицо Мушега постепенно изменилось, и строгий взгляд смягчился.

«Совсем изменился и даже стал красноречивым», – сказал он про себя. Почувствовал, что Пап уже выходит из-под его влияния. «Откуда у него эти новые мысли?»

– Пап, я не хотел тебя оскорбить, – сказал Мушег с той же мягкостью, которая звучала в его голосе, когда он утешал Папа, узнавшего о пленении матери. – Я хочу лишь, чтобы мы были осмотрительными, не давали повода к вражде с Византией...

– Но, спарапет, неужели мы для того сражались с Персией, чтобы нас поглотили ромеи? – заговорил Пап с горечью, качая головой. – Мы сражались, чтобы охранить нашу страну, ее достоинство, но не для того, чтобы подчиниться кому-то. Ни персам, ни ромеям, спарапет!

– Однако без друзей на свете не проживешь, Пап. Нам нужна опора.

– Нет, спарапет, для нас чужой не может быть опорой. И ценности в такой опоре нет: она бывает лишь временной и опасной. Вот ромеи пришли будто помочь нам и уже два года сидят в наших городах, не уходят. Вот тебе и опора. Неужели и ты, спарапет, как многие наши недалекие монахи, хотел бы, чтобы мы после этого стали рабами Византии! Вместо того чтобы потребовать наши города, послали бы епископа – покорнейше просим, помажьте его в католикосы! Нет, спарапет, ни персов, ни ромеев! Нам нужна другая опора!

– И что же это за опора? – Мушег пристально смотрел на Папа.

– Этой опорой должны быть мы сами, спарапет. Мы создали свою внутреннюю опору... Мы живем между двумя мечами, а вернее, перед открытыми пастями двух зверей, которые хотят сожрать нас. Стало быть, сделаем так, чтобы эти мечи постоянно не угрожали нам, чтобы эти пасти не проглотили нас... – Пап остановился на секунду и продолжал, часто дыша: – Я не проповедую вражду, спарапет. Я просто хочу сделать нашу десницу могущественнее, чтобы соседи уважали нас. Я хочу, чтобы мы больше не нуждались в помощи и перестали подражать и заискивать... А то ведь что мы собой представляем? Часть нахараров смотрит в сторону персов, другая часть – в сторону Византии, и чуть что-нибудь не так, бегут ищут поддержки или у этих, или у других, укрепляют их мощь. Сегодня многие, оставив наш дом, хотят укреплять дом ромеев. Нет, спарапет, мы должны строить свой дом, свои крепо-

сти и уповать на самих себя... Этого не осознают наши духовные отцы... Но ты! Ведь ты с оружием в руке соединяешь разъединенные части нашей страны, наказываешь изменников ишханов. Помоги же построить нашу собственную крепость! Чтобы мы могли стать собственным оплотом... Ты обязан это сделать, спарапет, ведь помнишь, когда ты приехал, чтобы увезти меня из Византии сюда, обещал, что во всем будешь мне помогать... А теперь скажи, спарапет: как нам жить? Жить ли самостоятельно, имея собственное лицо, или допустить, чтобы наши «друзья» нас съели, и стать ромеями?.. Говори, спарапет... Говори, что думаешь...

Мушег, который неподвижно и удивленно слушал Папа, ответил не сразу. Он сначала отвел задумчивый взгляд к окнам, потом посмотрел на трон и спокойно сказал:

– Большую начинаешь войну, государь. Многих подымешь против себя.

– Наверно, так и будет. Те, кто ищет поддержки у других, конечно, поднимутся, – подхватил Пап с досадой. – Но неужели нам так трудно быть самостоятельными? Ведь к этому стремится любое существо, любое растение, все живое.

– Нужно хорошо подумать об этом, государь. Надо быть осмотрительным и рассудительным, – сказал спарапет и поднялся на ноги. – Надо подумать...

И, словно боясь сказать лишнее, он попрощался и тяжелыми шагами вышел из тронного зала.

Зенон Гнуни, который вместе со своим другом Ота Апауни нетерпеливо ждал в большом зале конца этого свидания, был уверен, что спарапет подействует своим авторитетом на государя, откроет Папу глаза и царь попросит у него прощения и, конечно, проводит Мушега до двери, чтобы смягчить его сердце. Однако каково же было его удивление, когда спарапет вышел один, задумчивый, тяжело шагая.

– Надеюсь, спарапет, царь благосклонно выслушал тебя и понял свои ошибки? – быстро подойдя к нему, спросил Зенон Гнуни вполголоса.

Спарапет лишь молча махнул рукой.

Зенон Гнуни был из тех, кто по одному лишь движению мог понять настроение человека и, поняв, безошибочно решал, нужно продолжать разговор или нет. Так и на этот раз, он больше ни слова не сказал спарапету и, заинтересованный, издалека шел за ним до больших дверей дворца. А когда спарапет уже выходил из дворца, он, догнав его, сказал так же тихо:

– Спарапет, несколько епископов хотят поговорить с тобой.

– О чем? – спросил спарапет.

– О церковных землях, о дани, о помазании нового католикоса... Просят, чтобы ты подействовал на царя...

Спарапет ответил не сразу. Раздумывая, прошел добрых

двадцать шагов. Потом остановился и, не глядя на Зенона Гнуни, резко сказал:

— Скажи им, ишхан Гнуни, что я военный и в дела государя не вмешиваюсь. Я буду лишь защищать границы моей страны и драться против ее врагов...

Зенон Гнуни не уловил: действительно ли он не хочет вмешиваться в эти дела или же недоволен царем и замышляет восстание против него?

А Пап в это время в тронном зале говорил Бату и Иеремии:

— Я бы хотел, чтобы спарапет зря не огорчался, а понял, чего требуют интересы нашей страны и ее достоинство... Я, наверное, не все ему объяснил...

— Но хочет ли он понять? — усомнился Бат.

— Не думаю, чтобы спарапету было приятно, что ромеи засели в наших городах. Вряд ли ему нужно, чтобы мы угодничали перед ними и превратились в рабов... Спарапет думает: вот Пап начинает враждовать с Византией... Вовсе нет! Он забывает, что вражду затевает сам Валент, не выводя войск из наших городов. Он поступает как враг наш, не лучше персов. Мы потребуем у него наши города!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Над Двином опустился весенний вечер, а когда совсем стемнело, поднялся неистовый ветер, который закрутил пыль и мусор на улицах и площадях города. Завыло, засвистело то тут, то там, ветер рыскал по дворам, словно ища жертву, и вдруг, будто найдя ее, уносился куда-то. Опустилась тишина, казалось: теперь в городе наступит наконец покой. Но через несколько секунд озверевший ветер опять налетал и вертел свои круги, выл и свистел, наполняя город шумом. От этих бросков ветра огни цитадели, казалось, потухали и вновь загорались особенно ярко, а свет в окне византийского посла вздрагивал и мигал.

Комес Теренций взволнованно ходил в своей комнате и иногда, прикусив нижнюю губу, качал головой или вдруг, крякнув, хватал тонкой рукой седеющую бороду. Его приветливое лицо изменилось и стало напряженным и грустным, в его глазах появлялись то страх, то раздражение, даже гнев. Шаги тоже были беспокойными, нетвердыми. Когда под ударами ветра время от времени створки его окон вздрагивали, он цедил сквозь зубы:

— Ну и ветер в этой стране... такой же варварский, как и ее народ...

Плохое настроение комеса, конечно, нельзя было назвать беспричинным. Сегодня под вечер через своего гонца он получил одновременно два укоризненных письма, одно от императора, другое — от великого архиепископа Кесарии, или, как сами византийцы говорят, от митрополита. Оба письма были почти одного и того же содержания, и император и митрополит упрекали комеса в слабости, в том, что не сумел удержать царя Папа в руках и позволил ему — так и было написано: «Ты позволил» — совершить дерзкие деяния. Последние слова особенно тяжело подействовали на комеса, и он теперь возбужденно ходил по залу, словно стараясь забыть их. Но чем больше он вышагивал вдоль и поперек зала, тем отчетливее звенело в нем это «позволил».

Походив так, Теренций грустно остановился у стола и посмотрел на лежащее там письмо императора, написанное красными чернилами на тонком пергаменте. В который уже раз он перечитывал это письмо — и все еще не мог ясно понять его содержание, то есть свою вину. Такими неожиданными были для него упреки императора. Чтобы лучше разобраться в них, он снова перечитал письмо:

«От самодержца Валента Августа — всемогущего императора римлян — его слуге комесу Теренцию

привет!

Из твоего письма, а частично и из посторонних источников с болью и огорчением узнали мы о дерзких делах царя Армении Папа и крайне возмутились.

Как ты позволил, чтобы сей юноша вышел из-под твоего влияния и до такой степени обнаглел, что ввел в своей стране новые порядки — вопреки воле христианской. Мы узнали, что он преследует церковь, ее слуг и запрещает, чтобы глава их епископов был рукоположен нашим великим митрополитом. Из этих его поступков следует заключить, что он замышляет измену, подготавливает почву для перехода к персам. Это его намерение я угадываю из того, что он предлагает вывести наши войска из городов Армении. Намеревается стать великим царем...

Поскольку ты, комес, позволил ему все это или не был в состоянии обуздать его — направь его ко мне в Тарс, сказав, что я приглашаю его и желаю побеседовать с ним о нашей общей пользе.

Передай ему приветствие от меня и скажи: пусть поспешит, пока я нахожусь в Тарсе».

Теренций никак не мог понять, где он промахнулся и в чем его вина, особенно перед митрополитом. Тот ведь тоже написал ему. Теренций стал в который уже раз читать его письмо:

«Сыну нашему, благородному комесу Теренцию
патриаршее благословение!

Ты, как посол единственного истинного христианского народа в Армении, являешься в этой стране варваров глазом и ухом не только нашего августейшего императора, но и святой византийской церкви, защищать чью славу и честь, комес, несомненно, была святая обязанность твоя – всегда и повседневно. Однако ты, к сожалению, сделал упущение в святом деле веры и допустил, чтобы какой-то юноша помешал этому делу нашей веры в этой стране варваров. Как ты согласился, чтобы армены сами рукоположили своего католикоса, не явившись к нам? Неужели они думают, что рукоположенный ими католикос будет иметь власть в их стране и голос среди христианских патриархов? Нет, никогда! Мы написали царю Папу, что отменяем власть католикоса и не предоставляем ему права рукоположения епископов. Он может благословить лишь трапезный стол армянского царя, и только. Пусть теперь радуются своему католикосу...»

Теренций удивлялся, что и император и митрополит нашли упущение в тех его делах, по отношению к которым он всегда был особенно внимательным. Ведь он сам без промедлений и не раз писал императору о начинаниях и нововведениях Папа и даже о его скрытых намерениях и получил распоряжение внимательно следить за поведением царя арменов. Доносил он и о том, что рассказали ему армены-епископы, и не раз отметил в донесении, что их тревоги не лишены основания. Он написал даже о слухах, будто Пап отравил Нерсеса, хотя ему самому это казалось маловероятным, он попросту считал, как и многие в этой стране, что Нерсес умер от разрыва сердца или кровоизлияния. Из всего этого, конечно, еще не видно было целей Папа, но ведь Теренций и о том написал, что у Папа будто бы наблюдаются проперсидские настроения. Теперь, когда Пап возвел в сан нового католикоса, не послав его на рукоположение в Кесарию, – теперь было ясно, что Пап этим обнаружил наконец свои тайные намерения отделиться от Византии сначала в делах религии, а затем должен последовать, по мнению Теренция, и политический разрыв. Видимо, Теренций не успел быстро и до конца разобраться во всем и вовремя написать об этом императору.

И он незаметно для себя опять зашагал. Мысль летела дальше: не может ли быть это новое направление в деятельности Папа результатом происков арменов-персофилов или самих персов? Похоже, что, несмотря на убийство Айр-Мардпета, они действуют и оказывают давление на царя... А посол Византии между тем должен был надежно держать Папа под своим влиянием – так думал Теренций и считал это своим просчетом. Он был уверен, что, пока византийские войска стоят в армянских городах и областях, Пап не осмелится предпри-

нять самостоятельные шаги вопреки воле Византии. Но этот царь арменов, можно сказать, в присутствии комеса, находясь под наблюдением Византии, позволил себе такую дерзость — велел рукоположить католикоса... Значит, если византийские войска уйдут из армянских областей, он пойдет еще дальше — может перекинуться и на сторону вчерашнего своего врага — Шапура.

— Неблагодарные армены! — сказал он вслух, поражаясь: как это можно не хотеть подчиниться покровительству Византии. — Пап интересуется, когда мы покинем их города! А помощь, помощь, которую мы оказывали им в Дзираве?!

Ветер становился все яростнее, стучался в двери и окна дома, свистел и шумел в деревьях сада, и это взвинчивало Теренция. Исподволь чувствуя, что император не прав, он тем не менее возмущался, ненавидел Папа, давшего повод для императорского гнева.

— Пап требует свои города! Это уже недоверие и дерзость с его стороны... — шептал он. — И царь Пап, и все армены должны благодарить, что мы, византийцы, остались в армянских городах, ведь только из страха перед Византией персы не решаются пойти на армян. А если Пап хочет, чтобы мы ушли, значит, у арменов уже нет больше страха перед персами. О чем это говорит? Пап, видимо, получил гарантию безопасности от Шапура...

— Неблагодарный армен! Неблагодарный! — повторил Теренций.

Однако кто же еще, кроме него, мог сообщать императору сведения, кто этот «прочий источник»? Кто-нибудь из византийских военачальников? Или опять армены-епископы и нахарары, которые нашли, что комес медлителен, и написали прямо императору?.. Сделано это наверняка для того, чтобы опорочить его. Да, это они навлекли на него гнев императора.

Долго еще он шагал по залу, разговаривая с самим собой. Вдруг в дверь осторожно постучались.

Теренций прежде всего вложил оба письма в их футляры и прикрыл пергаментом. Потом подошел к спускающейся до пола занавеси, скрывающей дверь, и, слегка отодвинув складки, сказал:

— Изволь, военачальник...

Вошел гость Теренция — высокий лысый военный с широкими массивными плечами и тонкой талией. Ему было около пятидесяти лет, лицо его, как у древних римлян, было чисто выбрито, крупные голубые глаза то и дело вращались в глазницах, словно изучая все вокруг.

— Надеюсь, император написал доброе письмо, комес, — сказал он, входя.

Это был Аддэ, начальник византийских войск, расквартированных в армянских областях, и помощник комеса Теренция. Узнав, что гонец привез комесу письмо императора и, кроме того, обеспокоенный событиями, происходящими в Армении,

он приехал, чтобы поговорить обо всем и узнать, что пишет император. А Теренций между тем подозревал, что именно этот Аддэ мог поставлять императору сведения, а теперь пришел узнать, какое впечатление произвело на комеса императорское письмо.

– Сначала садись, мой друг, – сказал Теренций, указывая на кресло. – Ты угадал: письмо императора содержит добрые мысли и советы, полезные для нашего государства. Оно меня обрадовало...

– Это отрадно, – сказал Аддэ, садясь и осматривая зал. – Но извини меня, дорогой комес, – изменил он вдруг тему разговора. – Сегодня, когда мы прибыли, из твоего дома вышли армены, по-моему, епископы. Кто они?.. Говоря откровенно, увидев их здесь, я удивился...

На лице Теренция заиграла усмешка.

– Удивился – и не без основания, друг мой, – сказал он, сев и закинув ногу на ногу. – Да, действительно, странный народ эти армены. С одной стороны, не могут терпеть власть иноземцев, готовы все перенести, лишь бы быть самостоятельными и свободными, а с другой стороны, не уважают и не любят свою родную власть и хотят, чтобы их споры решали чужие. Скажу больше: иногда ради личных интересов они готовы даже плюнуть и на свою власть, и на свою страну... Вот они опять приходили и опять жаловались на своего царя: ограничивает права церкви, хочет отобрать ее земли, закрыть женские монастыри и еще что-то, всего даже не запомнил...

– Очень интересно. – Крупные глаза военачальника Аддэ алчно зашевелились в глазницах. – Этот Пап не новый ли Юлиан?

– Нет, военачальник, нет. Однако довольно странен. Права церкви ограничивает, но, с другой стороны, велит рукоположить католикоса. Будто бы поддерживает христианство, но при этом поощряет увеселения в языческом духе. Этот Пап, насколько я могу понять, вовсе не Юлиан, он не против христианства, нет! Скорее всего, он хочет во всем быть самостоятельным. Например, захват земель...

– Однако захват церковных земель, комес, – не напоминает это тебе братьев Гракхов? – заметил Аддэ. – Здесь я вижу больше смелости, чем самостоятельности.

– Пожалуй, ты прав, военачальник. Видимо, он все это делает под влиянием разных книг и идей. Ты слышал – он читает Плутарха! Царь-армен и Плутарх!.. Говорят, хочет закрыть основанные Нерсесом богадельни, считает их обителью для ленивых. А в селах собирается оставить по одному священнику, остальных думает превратить в государственных служащих или взять в армию.

– Это, по-моему, неплохо, комес, – улыбнулся Аддэ как-то снисходительно. – Даже как будто разумно... Неплохо и нам бы взять пример. И у нас ведь очень много священников...

– В тебе говорит военный, друг мой. Но оставим это, –

прибавил Теренций мягко, думая, что военачальник Аддэ затевает этот разговор, чтобы узнать его мысли.– Все это их внутреннее дело. Пусть делают эти варвары что хотят в своей стране, со своей землей и священниками. Однако есть одно обстоятельство, по отношению к которому оставаться равнодушным я не могу. В который уже раз эти епископы-армены твердят: Пап все это затеял, чтобы перейти к персам. Тут уже, повторяю, я не могу оставаться безразличным, военачальник. Когда речь идет об интересах нашей страны, я должен быть очень бдительным. Мне нужны точные сведения о мыслях и делах Папа. Мне не кажется невероятным, что Пап может перейти к персам, ведь среди арменов есть много нахараров-персофилов. Пап может подпасть под их влияние. Пусть он велел убить ярого персофила и влиятельного нахарара Айр-Мардпета, который ненавидел Византию и нас, византийцев. Тем не менее поворот в его ориентации возможен. У меня еще нет проверенных фактов, но, когда несколько армянских епископов и нахараров в один голос твердят одно и то же, это – факт, о котором я должен сообщить императору.

Военачальник Аддэ уставил свои крупные подвижные глаза на Теренция:

– Однако прости меня, комес, ты говоришь, что они недовольны и, возможно, клевещут. Можно ли доверять им, поскольку, ты сам сказал, они из-за личных обид и интересов готовы плюнуть как на свою страну, так и на царя.

– Да, это так. Но мысль о переходе к персам, мне кажется, заслуживает проверки, и вот почему. То обстоятельство, что армены сами рукоположили католикоса, несомненно, что-то означает. Сегодня порвут с нами религиозную связь, завтра – политическую... и совсем отделятся от нас. А если отделятся, трудно будет опять приблизить. Перейдут на сторону наших врагов и могут причинить нам много хлопот. А между тем страна эта, как отмечает наш августейший император, и это тебе известно, военачальник, в стратегическом отношении и особенно из-за природных богатств нам необходима. У них есть отборные кони, скот, пшеница, железо, медь и серебряная руда.

– Богатая, богатая страна, нельзя ее оставить,– согласился Аддэ.– Но мне кажется, комес, что этим недовольным не очень можно верить.

– Конечно, это несчастные люди, военачальник. С нашей помощью они хотят отомстить Папу за свои обиды. Но дело в том, что сам Пап предлагает... собственно, неясно – предлагает или требует, но все время спрашивает, когда мы выведем свои войска из их городов. Мне кажется, если мы уйдем, он предпримет и более смелые шаги. Воля императора, чтобы наши войска оставались в городах Армении. Они нужны, чтобы сдерживать Папа и сохранить страну под нашим влиянием. Ты, военачальник, думаю, не имеешь ничего против этого?

— Если этого желает император... — низко поклонился Аддэ.

— А ты, вероятно, скучаешь на чужбине, военачальник?

— Должен признаться, да. Но поскольку это необходимо для Византии и для поддержания с этими беспокойными арменами дружеских отношений...

— Ты справедливо сказал, военачальник. Крайне беспокойный народ. Даже перед лицом опасности только и говорят о правах и свободе, о достоинстве своей страны. Но понять не могут, что только наша дружба и покровительство спасут их. А Пап, я слышал, говорит, что Армения уже настолько повзрослела, что может жить и без няньки.

— Кажется, отважный и смелый человек этот молодой царь, — покачал головой Аддэ.

— Да, военачальник, должен признать — отважный и дерзкий, — подтвердил Теренций искренне. — Мечтает о сильной Армении, а теперь, слышал я, поодиночке вызывает ишханов и нахараров своей страны и обязывает их дать ему воинов и коней. Хочет иметь постоянную большую армию. Хорошо еще, что большинство не согласны... А если согласятся? Ведь и в самом деле могут создать большую силу. Да, хочет иметь большую Армению, быть совсем самостоятельным и порвать с нами. Посмотрим теперь, что он скажет по поводу приглашения императора.

Крупные глаза военачальника Аддэ совсем округлились от удивления.

— Приглашение?.. Неужели император приглашает Папа?

— Да, военачальник, — улыбнулся Теренций. — Я забыл это сказать тебе.

— Тогда, комес, все ясно, и твои страхи напрасны.

Тут Теренций и военачальник Аддэ многозначительно переглянулись. Они хорошо знали приемы политики их императора.

— Не знаю, правда, согласится ли поехать, — усомнился Теренций. — Может и не согласиться.

— Согласится, — улыбнулся Аддэ. — Людям Востока всегда льстит внимание императора. И этот будет польщен и поедет.

— Не считай этого Папа таким наивным, военачальник. Он получил образование у нас, знаком с нашими нравами, может проникнуть и в суть приглашения и отказаться.

— Едва ли, комес, он осмелится отказаться от приглашения императора. Я уверен, ты убедишь его своим красноречием. Покажешь, наконец, письмо императора...

— А если все-таки откажется?

— Об этом можно поговорить после его ответа, комес, — сказал Аддэ. — Одно только, комес, я не совсем понял: почему армены недовольны нами?..

— Мы заняли их города...

— Что же они думают — наша помощь против персов должна быть безвозмездной?

— Этого они не понимают, военачальник.

До позднего вечера эти два византийца говорили об армянах, особенно же о царе Папе. Теренций осуждал его дерзость и неблагодарность. Аддэ все же отдавал должное его мужеству.

— Так или иначе, военачальник, — сказал в конце беседы Теренций, потирая руки, — завтра решится его судьба...

На следующий день у Папа был прием.

Жизнь во дворце начиналась рано утром. Почти раньше всех просыпался царский письмоводитель Иеремия Аматуни. Умывшись и причесав длинные волосы, он садился за свое сочинение. Потом приступали к работе сотни слуг и служанок дворца, чистили и приводили в порядок все залы, комнаты и проходы на обоих этажах, винтовые каменные лестницы, каменные балконы и лоджии, здания и площадки, окруженную колоннами галерею — все, что замкнуто стенами цитадели. Садовники ухаживали за деревьями и цветами в парках и цветниках вокруг дворца и в садах, окружающих цитадель и спускающихся к подножию увенчанного ее стенами холма. Потом в цитадели один за другим открывались Дом приказов, Дом сокровищ, Дом оружия, Дом стражи, Дом облачений... Открывались кухни, отпирались кладовые, и дворцовые служащие, распоряжающиеся трапезой, ведающие винными погребами, ведающие одеждой, и другие распорядители приступали к своей работе и распоряжениям. Уставшую и сонную ночную стражу заменяла новая стража в сияющих доспехах и с копьями — у ворот цитадели и у входов во дворец. Проходя по двору, воины тайком от начальника стражи подмигивали встречавшимся на пути или выходившим на балконы служанкам, и те, улыбаясь, сразу же отворачивались, прикрыв рукой лицо. Новые стражи, сменив своих соратников, сразу застывали, держа копья прямо, словно были не людьми, а изваяниями, — особенно у входов во дворец, где каждую секунду мог показаться какой-нибудь нахарар или ишхан, а то и сам царь.

Официальный царский прием происходил два раза в неделю и начинался в полдень, когда Пап с мантией на плечах и в красных башмаках появлялся в тронном зале. Шел прием в присутствии старших придворных, иногда без них, но всегда с письмоводителем, который становился справа от царя, чтобы читать прошения или записывать распоряжения и приказы.

В этот день на приеме присутствовало много нахараров и придворных, возглавляемых азарапетом Аматуни; в нарядных одеяниях из разноцветной шерсти они сидели на своих подушках, а иные — в креслах. Они были приглашены на совет чтоб решить вопрос об увеличении численности войска, стоящего на границе. Совет как раз закончился, когда вошел церемониймейстер и склонил голову перед царем, сидевшим на троне.

— Государь, прибыли представители из областей Мананали, Даранали и Карина и просят свидания с тобой.

— Пригласи, — сказал царь.

Вскоре золоченые двустворчатые двери открылись, и из смежного зала один за другим, по старшинству, вошли семь человек, одетые в одинаковые темные капы, доходившие до колен и подпоясанные одинаковыми матерчатыми кушаками — их концы висели у каждого на левом боку. Первым вошел крепкий старик с совсем белой головой и бородой. Бороды входивших за ним были все чернее и чернее. Сложив обе руки на животе, согнувшись почти вдвое, каждый низко кланялся, и так однообразно, словно кто-то уже натренировал в этом всех семерых. Когда они вошли и выстроились в ряд лицом к царю, низенький седой старик, по всей видимости — их предводитель, со свитком пергамента в руке подошел к подножью трона, отвесил очень низкий поклон, чуть не коснувшись головой ступени, и, не меняя позы, все в том же поклоне протянул царю свиток пергамента. Когда он почувствовал, что послание взяли из его рук, он медленно выпрямился и замер, не отрывая глаз от царя.

А Пап, взяв пергамент, развязал его шелковую ленту и, развернув свиток, пробежал глазами сверху вниз. Потом протянул его царскому письмоводителю, стоявшему справа:

— Читай, Иеремия....

Депутация приехала из областей, где стояли византийские войска. Это были второстепенные дворяне и два торговца. В своем послании они от имени всех горожан, как старых, так и молодых, «жалостно и слезно умоляли» избавить их от притеснений и мучений, чинимых жестокими ромеями.

— «Велики наши муки, государь, — читал Иеремия. — Жизнь наша не безопасна, наше имущество под угрозой, а византиец безжалостлив... живем в постоянной тревоге и страхе...»

Послание продолжалось в таком же духе и завершалось словами: «Спаси нас, государь...»

Пока Иеремия звонко и внятно читал, одиноко стоявший у подножия трона старик — глава депутации — своими внимательными тусклыми глазами смотрел то на царского письмоводителя, то на царя.

Когда Иеремия кончил читать, царь прищурился и посмотрел сначала на сидевших справа и слева от него старейшин, потом, закусив нижнюю губу, обратился к старику:

— Есть у тебя что добавить?

Тот, положив руку на грудь, опять поклонился.

— Все, что мы хотели сказать, государь, написано здесь, — он протянул руку к посланию, находившемуся в руке Иеремии. — Мы пришли молить, чтобы ты спас нас от византийцев. Невозможно жить в притеснениях, чинимых ими, государь. Мало того что живут в наших домах, едят наш хлеб и требуют разные дорогие блюда, но и ночами стучатся в наши двери, заставляют служить им... — Голос старика задрожал, он на

секунду замолчал, опять посмотрел на Иеремию и царя и, слабея от волнения, продолжал: — Смеются даже над нашим хлебом, над нашими кушаньями и обычаями, государь. Наши невесты и дочери не могут выйти на улицу, воины-византийцы, прости, государь, меня, старика, не дают им проходу... Когда жалуемся византийскому военачальнику, он говорит одно и то же: «Преувеличиваете. Наши воины защищают вас от персов, не огорчайтесь из-за чепухи...» Спаси нас, государь, от защиты византийцев.

Голос старика оборвался, и на глазах выступили слезы. В это время, словно желая помочь старику, нетерпеливо шагнул вперед еще один из семерых.

— Топчут честь нашу и достоинство, государь,— заговорил он густым голосом.— Говорят: мы вас спасаем от персов, вы должны, стало быть, выполнять, что требуем. А требуют они невозможное. Нет больше сил терпеть, государь. Молим о спасении.

С рукой на груди этот человек отвесил более долгий поклон, чем было принято. Замерли в поклоне и остальные, кроме стоявшего впереди седовласого старика.

— Дальше? — спросил царь, внимательно посмотрев на этого взволнованного низенького и крепкого старика.

— Вот и все, государь,— опять опустил тот голову.

Минута была тяжелой для Папа. Он чувствовал, что должен дать депутации удовлетворительный ответ, но не знал, что сказать. Обнадежить, что скоро освободит их от ромеев,— невозможно: еще нужно было вести об этом переговоры. Сказать, что не может помочь или освободить, тоже было невозможно. Он пообещал подумать над прошением и сделать все необходимое, потом распорядился накормить депутацию и предоставить всем отдых в царском гостином доме.

Кланяясь, со взорами, направленными на царя, все семеро отступили назад, и двустворчатая дверь тронного зала закрылась за ними. Пап посмотрел на нахараров, сидевших на подушках, особенно на Адама Гнтуни и старого Давида Гнуни, который даже сидя опирался на палку.

— А теперь, господа нахарары, дайте мне совет,— заговорил царь озабоченным и изменившимся голосом.— Помните, сразу после Дзирава, когда я заговорил с вами о выводе из этих областей войск ромеев, вы сказали тогда: «Это преждевременно, ромеи сами уйдут». Прошло шесть месяцев, я опять заговорил о том же, и вы опять посоветовали: «Подождем еще немного». Подождали... Но вот уже второй год они там сидят и не двигаются. Я все же напомнил Теренцию об этом, он пообещал написать императору — и опять ничего. А в другой раз, когда зашел об этом разговор, Теренций сообщил, что якобы есть сведения, будто персы готовят новый поход на нас, а посему император считает благоразумным оставить войско — в помощь Армении... Однако,— Пап глубоко вздохнул,— кажется мне, господа нахарары, что ромеи не собираются уходить из

наших городов и областей. Вы – опытные люди, вот и посоветуйте мне, как поступить... – И Пап опять обвел всех внимательным взглядом.

Минута была тяжелой и серьезной. Каждый чувствовал себя так, будто царь смотрит на него и именно от него ждет решения. Это особенно чувствовал Зенон Гнуни и, сделав беспокойное движение, заговорил.

– Я, государь, – начал он неторопливо, – не хотел бы, чтобы в лице двух великих держав мы сразу приобрели двух опаснейших врагов...

Пап вдруг оборвал его:

– Говоря о наших областях, ишхан Гнуни, мы не выдвигаем несправедливых требований. Ведь они явились к нам под предлогом помощи и, ничего не сделав, засели в областях Карина, Мананаха и Даранали, не считая Урфу и других городов, которые они заняли тоже под предлогом дружбы еще при моем отце. Засели и не уходят. Когда в последнее время я два раза напомнил об этом Теренцию, ответ его был неопределенным, хотя сам он как будто согласен со мной и даже симпатизирует нам...

– Мне кажется, государь, – опять заговорил Зенон, с уважением выждав, пока царь кончит говорить, – кажется мне, что это можно уладить мирным путем.

– Разве до сих пор мы поступали иначе? – развел руками Пап. – К оружию не обращались.

– Я хотел сказать, надо найти убедительные доводы.

– Ишхан Гнуни, я сообщил Теренцию, что народу тяжело обходится содержание войска ромеев. Неужели одно это и доводы, приведенные этой депутацией, недостаточны? Мне кажется, что они попросту не хотят уходить, считают эти области платой за помощь, – усмехнулся Пап. – Стали у нас в тылу и говорят: «Будет тяжело – придем на помощь». И не пришли, даже когда нам было трудно, когда перед нами были превосходящие силы персов! Значит, твой совет, ишхан Гнуни, – терпеть и ждать?..

Наступило тяжелое молчание. Все опять посмотрели в сторону Зенона.

Но прежде чем Зенон собрался с ответом, поднялся его друг Ота Апауни, голова которого из-за короткой шеи будто слилась с плечами. Задыхаясь от полноты, он начал:

– Государь, разреши заметить: ишхан Гнуни верно говорит. Надо все делать так, чтобы не вызвать вражду. Они уйдут и по своей воле. Гнуни дает добрый совет, государь. Можно решить все мирным путем, если быть покладистыми...

Этого было достаточно. Несколько придворных, которые были того же мнения, но молчали, оживились.

– Да, именно покладистыми, государь. Уступчивыми, – послышались несмелые голоса.

Пап, удивленно вытянув шею, посмотрел в сторону этих голосов. На лицо его легла тень, правая щека задергалась,

и вдруг он встал с трона – так стремительно, что мантия упала с плеч.

– Покладистыми, – сказал он, часто дыша. – Уступчивыми... Легко сказать! Это вы, затевающие из-за клочка земли большие ссоры и кровопролития, не уступающие друг другу даже в мелочах, хотите, чтобы я отдал ромеям города и области, отдал им свой народ, хотя у нас есть свое государство и своя власть... Позволит ли наше нахарарское достоинство, чтобы я так поступил? Неужели хотите, чтобы я стал посмешищем перед персами, ромеями и вами? Да, и перед вами: чтобы везде рассказывали и злорадствовали – Пап продает родину, чтобы этой ценой остаться на троне. Нет, этот трон мне не нужен за такую цену... – Пап перевел дыхание, его белые руки дрожали. – Уступчивыми!.. Нет, за такую цену мне трон и корона не нужны, – повторил он и вдруг, сняв корону, положил ее на упавшую мантию и сошел с трона. – Не нужно, если часть земли моей страны должна оставаться в руках ромеев. Я не требую, чтобы мы воевали. Я лишь совета прошу у вас, а вы предлагаете мне быть покладистым! Уступчивым!..

Придворные в недоумении, некоторые даже с опаской переглянулись, а когда царь закончил свое слово, в тишине попросил слова старик Давид Гнуни. Он заговорил, не поднимаясь с подушки:

– Успокойся, государь. Мы даже думать не можем о войне с ромеями, ведь их – множество, а нас – мало, и, кроме того, у нас уже есть один большой враг – Персия. Заводить себе еще второго врага – опасно. Но дело нужно и можно решить миром. Да, государь... Об этом говорит мой многолетний опыт, – сказал он, ударив в пол своей неразлучной палкой.

– Но мне говорят, чтобы я был с ними уступчивым, – перебил его царь, думая, что это мнение большинства придворных. – Кто желает быть уступчивым – пусть сам и сядет на этот трон и действует «покладисто». Я не хотел бы царствовать ценой потери областей... Нет, господа нахарары, нет.

Зенон Гнуни и Ота Апауни опустили головы. Дыхание Ота участилось.

– Успокойся, государь, – опять заговорил старец Гнуни. – Мы по своей воле, конечно, ничего ромеям не уступим, но есть приемы, способы переговоров. Надо попытаться...

Бат Сааруни, который так и жег глазами каждого из говоривших и все время пытался подняться, сказать что-то, вдруг встал с места, поправил на боку меч.

– Я слышал, государь, семерых посланцев и не могу спокойно сидеть. Разреши мне несколько слов. Недостойно, государь, что наши области и города так долго остаются в руках ромеев. Прийти как друг и союзник и засесть коварным врагом... Это не только несправедливо, это бессовестно и унижает нас. Так не может вести себя дружественная держава. Считают ли они это платой за свою мнимую помощь или же со злым

умыслом сидят в наших городах? Прости меня, государь, я не могу спокойно говорить...

– И какой твой совет, ишхан Сааруни? – перебил его Пап.

– Предложений у меня нет, государь. Прошу твоего разрешения отправиться с нашими войсками и выгнать византийцев из наших городов. Там, где не действует слово, должно говорить оружие. Вот моя просьба, государь.

Все задвигались, послышались голоса одобрения.

– Справедливо, справедливо...

– Стремление твое, Бат, благородное, – сказал Пап. – Но чтобы сделать этот шаг, надо спросить мнение спарапета... А его, к сожалению, здесь нет, – добавил он. Пап знал – спарапет будет против.

– Спарапет, как нам известно, не советует браться за оружие, государь, – продолжал Бат. – Ишхан Мамиконян надеется уладить все мирным путем. Но твоя честь, государь, честь нашей страны требуют, чтобы мы, армянские военные, не относились ко всему этому спокойно. Что не решится мирным путем, нужно решать оружием, – повторил он. – Достоинство!.. И наконец, мы же не чужую землю захватываем, а хотим освободить наши города, наших братьев...

Бат еще не кончил, как вдруг открылась дверь, и церемониймейстер, войдя, торжественно объявил:

– Византийский военачальник – посол комес Теренций.

Все удивленно переглянулись.

– В нужный час пришел, – сказал кто-то. – И повод есть подходящий, государь. Можно поговорить о городах...

– И резко, – добавил другой.

А Бат махнул рукой.

– Я не люблю этого человека, государь, – сказал он взволнованно. – Нельзя верить ни ему, ни его обещаниям.

– Опять твои сомнения... – заметил Пап, повернувшись к Бату. – Он нам больше друг, Бат, чем все ромеи, вместе взятые. Пригласи! – распорядился он церемониймейстеру.

Но прежде чем выйти, тот подошел к трону, поднял упавшую мантию и накинул на плечи царя. Затем, сказав: «Разреши, государь», взял двумя руками корону и заботливо возложил ему на голову.

Двери тронного зала опять открылись, и вошел комес Теренций в лиловой накидке. Запахло ароматным маслом – как было принято, комес надушил волосы.

Сделав два шага вперед от двери, он сразу же остановился с кротким и приветливым выражением на лице. Выпростав руку из-под накидки, подняв ее для приветствия и не наклоняясь, опустил голову – совсем не так, как это делали армянские нахарары и ишханы. Потом опять шагнул к трону и опять слегка опустил голову, приветствуя сначала Папа, потом сидевших по обе стороны трона нахараров.

— Радостное известие для тебя, государь,— торжественно начал Теренций.— Мой могущественный августейший император приветствует тебя, государь, и приглашает на братский совет ради общей пользы обоих государств. С великой радостью я пришел сообщить тебе эту добрую весть.

Сказав это, Теренций посмотрел на нахараров, находившихся в тронном зале, словно для того, чтобы проверить, какое впечатление произвело на них приглашение императора.

Пап, поднявшись с трона, поблагодарил за большую честь, коей удостоил его могущественный император Византии, и потом, пригласив посла сесть, доверительно сообщил ему, что обсуждалось на совещании перед его приходом.

— Мои нахарары, комес, интересуются, когда войска императора покинут наши города. Мы часто получаем сообщения, что народ чрезвычайно ими притеснен...— сказал он, внимательно посмотрев в кроткое лицо Теренция.

«Почему так сразу? — подумал Зенон Гнуни, удивляясь Папу.— Какая неискушенность в политике!»

— Очень кстати, государь,— заговорил комес мягко и дружески-интимно.— Когда соизволишь поехать на встречу с моим императором, сам и решишь с ним этот вопрос. Это даже не вопрос, государь,— пребывание наших войск в этих городах всего лишь предосторожность против явных воинственных намерений персов.

Нахарары, довольные, переглянулись, кроме тяжело дышавшего Ота Апауни и Бата, который все еще был взволнован и даже покраснел.

— Ты ведь знаешь, государь, я постоянно просил своего императора распорядиться по этому делу,— продолжал Теренций все так же дружески-интимно.— Однако какие-то соображения мешали... видимо, воинственность персов,— повторил Теренций и обернулся на миг к придворным.— Я, государь, всегда был другом Армении и желал ей блага... Да, согласен, жители этих городов могут испытывать и лишения из-за присутствия наших войск. Может возникнуть и недовольство, но все это из-за персов.— Он опять посмотрел на нахараров и тут же обратился к Папу: — Вот и подходящий повод, государь. Когда лично переговоришь с моим императором — все вопросы, конечно, решатся благоприятно... Я уверен.

— Так, благородный комес. Однако я хотел бы знать, для чего меня приглашает мой большой друг император Валент.

— Вот, государь, позволь прочесть.— И Теренций, поднявшись с кресла, достал из-под накидки свиток, перевязанный лентой,— письмо императора. Уважительно приложив его ко лбу, развернул и стал читать: — «Сообщи брату моему царю Папу, что император приглашает его и желает побеседовать об общей пользе для обоих государств. Передай ему от меня приветствие и скажи: пусть поспешит, пока я нахожусь в Тарсе...»

Некоторые из нахараров довольно переглянулись. А Теренций, закончив чтение, опять свернул письмо императора, поднес его ко лбу и снова положил во внутренний карман накидки, метнув на присутствующих быстрый взгляд, словно проверяя, какое впечатление произвели на них слова императора.

– И теперь, государь,– опять заговорил он,– я желал бы знать, когда ты будешь в состоянии отправиться. Мне нужно ответить моему императору.

Обычно, когда Теренций сообщал Папу об императорских письмах и передавал, что император особо приветствует его, Пап всегда радовался этому вниманию. На этот раз Теренций вместо радости заметил на лице Папа озабоченность и добавил:

– Представляю, сколь приятна будет эта встреча, государь, сколь она будет плодотворна для Армении.

– Не сомневаюсь,– проговорил Пап задумчиво.

– Надеюсь, государь, о дне отправления будет сообщено мне заблаговременно, чтобы я мог сделать все, что необходимо для твоего приема.

– Благодарю тебя, благородный комес,– сказал Пап.– Я подумаю. Когда смогу выехать, сообщу тебе.

– Надеюсь, это произойдет скоро, государь,– пока император в Тарсе.

– И я надеюсь, уважаемый комес,– кивнул Пап и поглядел на сидевших в ряд придворных. Они были довольны честью, оказанной императором. На лице одного из стариков Пап даже подметил улыбку: «Вот мы здесь попусту говорим, спорим об областях и городах, а вопрос этот вмиг решило одно лишь приглашение императора».

Когда Теренций с византийской вежливостью попрощался и ушел, один из старейшин заметил:

– Будем надеяться, что дело о городах на этом кончится. Император, несомненно, прикажет вывести войска.

– И я так полагаю,– сказал другой.

А Пап смотрел на них и думал: почему Валент приглашает его не в Византию, а в Тарс? Нужно ли принимать это приглашение?

«Но можно ли отказаться? – шла дальше его мысль.– Разве можно не принимать приглашение императора?..»

Загадкой для царя был и повод этого приглашения. Сначала его даже обрадовало это внимание императора. Но неопределенность приглашения и особенно то, что приглашение не было послано лично ему,– все это настораживало: не замышляет ли император новую войну? Не хочет ли заручиться поддержкой Страны Армянской? Или есть другие дела? Но что это за дела могут быть, если император выбрал такое необычное место для встречи – приглашает его в Тарс?..

Два дня Пап думал о своей поездке и никак не мог решиться. Вспоминались начатые дела и нововведения – без его участия и руководства они могли задержаться или даже остаться

незавершенными. Ничего приятного не предвещал и долгий путь до Тарса. Правда, будь цель приглашения ясной, это, конечно, устранило бы многие сомнения, смягчило трудности. Однако, взглянув на дело с другой стороны, он видел, что отказаться от такого приглашения было бы трудно, неудобно,— ведь отказ должен быть вызван серьезной причиной. Правда, думал Пап, поездку можно бы и отложить, как следует это обосновав, до того времени, когда выяснится подлинная причина приглашения... Но на этой мысли он долго не задержался. Опять всплыло не дававшее ему покоя рассуждение: ведь если император приглашает его решать важный вопрос, почему же он сам не обратился к нему лично со специальным письмом, как принято у венценосцев? Почему приглашает через посла?

Тем не менее император пригласил Папа. Пожалуй, можно было передать приглашение и через посла. Отказ — дело, чреватое неприятностями, а отсрочка могла быть расценена как вежливый отказ. Из этого могли возникнуть осложнения, такой мнительный и злой человек, как Валент, мог сделать неблагоприятные для Папа выводы. Нужно было принять его приглашение, чтобы мирно разрешить вопрос о городах и областях. Только и только ради этого.

Во время своих раздумий Пап не раз вспомнил Мушега и пожалел, что спарапет не был с ним. Пожалуй, он мог бы дать полезный совет. Но спарапет был обижен за то, что царь без его ведома отменил дань для церкви и запретил католикосу ехать в Кесарию. Он больше не приезжал в Двин, добросовестно исполнял свою спарапетскую должность — объезжал границы и крепости, бывал в войсках, но во дворце не появлялся, заявляя, что он военный — и только.

Все же Пап посоветовался с несколькими придворными и нахарарами. Прибывший из своих полученных обратно поместий ишхан Спандарат Камсаракан, Зенон Гнуни, Адам Гнтуни, Бат и царский письмоводитель Иеремия понимали всю важность решения, перед которым стоял царь. Гнтуни и Зенон Гнуни считали приглашение большой честью и полагали, что надо его принять и ехать немедленно. Особенно потому, что эта поездка поможет решить вопрос о городах. Другие — ишхан Камсаракан, Иеремия и остальные — недоумевали: что же вынудило императора пригласить царя, да еще в Тарс? Если есть какое-то важное дело, мог бы и сообщить вместе с приглашением через того же посла, раз не посчитал нужным прислать царю особое письмо.

Но и первые и вторые приходили к одному и тому же заключению: отказ от приглашения императора или отсрочка будут истолкованы в дурном смысле. Надо ехать. Лишь Бат был против. Он говорил:

— Мне кажется, император вызывает царя не для доброго дела. Если бы с доброй целью, передал бы все через Теренция. Стало быть, ехать не следует.

Когда Пап спросил его почему, он не мог объяснить.

– Я лишь чувствую, что не нужно ехать, – повторил он. – И этому комесу Теренцию я не верю...

ГЛАВА ВТОРАЯ

По извилистому берегу Евфрата ехал к югу большой отряд – около тысячи всадников, все воины, одни с копьями и дротиками, другие с мечами, а часть – с луками на плечах и колчанами, висевшими на боку. Разделенный на группы, с одинаковыми промежутками между ними, отряд двигался размеренной торжественной рысью. Бросалось в глаза не только новое оружие воинов, но и их одежда – новая и чистая. Была среди них группа, разодетая особенно пышно: всадники – в шелке и в бархатных накидках – блистали серебряными и золотыми украшениями. У них и кони своим богатым убранством отличались от коней других групп: на каждом парчовый чепрак с золотистой бахромой, сбруя отделана серебром, украшена дорогими камнями, седла и уздечки – из красной кожи.

Вслед за отрядом двигался целый караван: кони, мулы и верблюды, навьюченные всевозможными вещами и тюками и тоже украшенные разноцветными уздечками и кистями из цветных ниток. Мелодичный протяжный звон бубенцов сливался с шумом реки.

В самом конце каравана степенно ступали три огромных слона, они несли на своих спинах башенки, украшенные парчовыми занавесками и золотистыми кистями. В Индии и Персии в них обычно ездили знатные дамы. Это было и удобно и укрывало их от любопытных взглядов толпы. Однако теперь башенки были пустыми.

То приближаясь к реке, то удаляясь от нее, отряд и караван шли по ровной дороге, вытянувшись в длинную извивающуюся цепь. И спокойная, торжественная поступь каравана, и новые яркие одеяния всадников, и веселый перезвон бубенцов – все это говорило, что вооруженный отряд торопится не на войну, хотя впереди него ехали конные лучники со своими знаменами, всадники с копьями и меченосцы. Лица людей не были искажены чувством мести или яростью, на них лежала печать суровой заботы, что отличает идущих на войну. Напротив, и рядовые, и пышно одетые воины, и люди, ведущие караван, весело переговаривались друг с другом, шутили и смеялись, а иногда доставали из мешочков, приторочённых к седлам, еду и угощали друг друга. И все казались беззаботными, как люди, отправляющиеся на праздник. Видимо, потому многие с интересом осматривались вокруг, любовались высокими горами, изумрудными полями и бурными весенними водами Евфрата. Река все время шумела и грохотала рядом, то одолевая пороги, то вдруг выходя из берегов и заливая низины, питая водой болота и тростники.

Эти тростники!.. Они больше всего удивляли путников. Их заросли иногда полдня тянулись вдоль низких берегов и были так высоки, что всадник мог потеряться в них. Эти тростники и прибрежный кустарник были населены множеством мелких птиц. Малыми стаями или парами они то и дело выпархивали и летели куда-то – то ли за материалом для витья гнезд, то ли за кормом для птенцов. А в вышине над тростниками описывали круги коршуны и другие хищники. Иногда они бросались вниз – в заросли – и тут же поднимались, неся в когтях какую-нибудь беспомощную пичугу... Несколько лучников, проезжавших мимо, тут же натягивали луки и часто отправляли дерзкого хищника, вместе с его жертвой, вниз, в тростник, а оттуда взлетали новые стаи переполошившихся птиц.

Дикие утки, которые стая за стаей проносились над этими тростниками или плавали в спокойных местах Евфрата, будили в воинах охотничий азарт. Увидев их, лучники не могли удержаться и, соперничая друг с другом, посылали стрелы в спокойно плавающих птиц.

Это увлечение охотой передавалось и людям из богато разодетой группы, которые были начальниками отряда и каравана. Иногда тот или другой, взяв лук у воина, целился в парящего хищника или в птицу, плывущую по заводи.

Дорога тянулась, то поднимаясь в гору, то опускаясь в каменистое ущелье, откуда была видна лишь узкая синяя полоска неба. Или, выйдя оттуда, попадала в лес, насыщенный свежими благоуханиями, где исполинские деревья с густой листвой принимали всадников под свою прохладную сень – до нового ущелья или долины. Справа и слева то и дело виднелись утонувшие в рощах или прилепившиеся к склонам гор деревни, над домами мирно поднимался дым, слышался лай собак. Сами жители, видимо занятые весенними работами, не показывались.

И отряд все двигался вперед, то приближаясь к реке, то отходя от нее, но всегда вдоль ее течения. Лучники и копьеносцы ехали в головной части, группа богато одетых – в средней, а тяжело навьюченный караван – позади. Над лошадьми и мулами, как неусыпные стражи, покачивали свои головы верблюды.

Этот конный отряд был полком царских телохранителей. Он сопровождал царя Папа, ехавшего в Тарс на свидание с византийским императором Валентом. Царя окружала богато и красиво одетая свита: управляющий дворцом Зенон Гнуни, толстяк Ота Апауни, нахарар Тачат Труни, несколько других видных нахараров, начальник дворцового полка Бат Сааруни и, наконец, царский письмоводитель Иеремия Аматуни, который, как всегда, вез с собой в кожаной сумке незавершенную рукопись истории Страны Армянской, чтобы работать над ней, где будет возможно. Были здесь также помощник начальника дворцового полка молодой Гнел Андзеваци и телохранитель спарапета Раат – его из уважения к царю прислал Мушег как

знавшего дорогу в Тарс. Вместе со свитой ехало много всякой прислуги – люди, распоряжающиеся палатками, трапезой и винными припасами. На стоянках они сразу же разбивали шатры, расстилали постели, накрывали столы и приводили в порядок одежду и коней.

Пап ехал как бы против воли. Получив через Теренция приглашение в Тарс, он долго колебался, ехать или нет, и под разными предлогами откладывал решение. Но когда от самого императора было получено специальное приглашение, он приказал готовиться в дорогу. После долгих раздумий он пришел к выводу: ради добрых отношений с могущественным соседом, чтобы тот не плел интриг против его страны, и, наконец, ради освобождения армянских городов и областей нужно принять приглашение императора и отправиться в эту поездку, хотя дома осталось много дел.

Было решено сначала, что с царем кроме свиты отправятся триста воинов-телохранителей со всем, что необходимо для дороги. Узнав об этом решении царя, однажды утром Бат стремительно, как умел делать только он, прошел по дворцу и – прямо к царю.

– Государь! Я хоть и против того, чтобы после стольких роняющих наше достоинство действий со стороны ромеев ты ехал к их императору,– скороговорка выдавала его волнение,– однако не могу согласиться, чтобы ты ехал в Тарс только с тремястами телохранителей. Зная коварный нрав ромеев, я хочу и даже настаиваю: возьми полк отборных вооруженных воинов в тысячу человек, поскольку...– он остановился и перевел дух,– поскольку дорога длинная и не совсем безопасная: ты будешь среди ромеев.

– Хочешь сказать, что гостеприимство может обернуться ловушкой? – улыбнулся Пап.

– Мы имеем дело с ромеями, государь.

– Ты слишком осмотрителен, Бат.

– Мне внушает опасения история с нашими городами, государь. И то, что сделал Шапур с твоим отцом...

– Нельзя быть таким мнительным, Бат,– покачал головой Пап.– Не забывай: император был нашим союзником в опасные для нас дни. Думаю, выслушав меня, он все поймет и прикажет вывести войска из нашей страны.

– И все же, государь, нет у меня доверия к этим ромеям. Поэтому прости еще за одно нескромное и дерзкое слово.

– Говори, Бат.

– Я хочу, государь, чтобы с полком телохранителей ты взял и меня. И непременно тысячу воинов. Я бы хотел не только в мирные дни, но и во время опасностей быть с тобой, с моим государем.

Папа взволновало это выражение бескорыстной преданности его друга, он не только согласился с ним, но и повелел, чтобы Бат был распорядителем поездки и быстро готовился к отправлению.

— Мне особенно готовиться не нужно, государь. Мой меч при мне. Что касается моей матери и моей жены — они останутся во дворце, как всегда, с царицей Зармандухт.

Когда все было готово к отправлению, Папу сообщили, что прибыл спарапет Мушег.

— Спарапет? — обрадовался Пап. — Пригласить немедленно! Хотя подожди... Может быть, он отдыхает после дороги.

— Да, государь, — поклонился дворецкий.

— А когда он прибыл?

— Несколько часов тому назад, государь.

Пап секунду подумал и сказал:

— В таком случае сообщи ему, что царь намерен посетить его.

— Слушаюсь, государь. — И дворецкий, поклонившись, вышел.

С того дня, когда у Папа было с Мушегом бурное объяснение по поводу дани для церкви и по другим делам, спарапет впервые приехал в Двин. Как говорили, он был так обижен, что не хотел больше показываться в Двине и вникать в жизнь двора, Пап слышал даже, что он себя считает лишь военным и впредь ни во что другое не будет соваться. Поэтому он хотел видеть его и объясниться. Но повод для встречи не представлялся. Теперь, узнав о его прибытии, Пап, не ожидая его, лишь в сопровождении Иеремии, отправился в гостиный дом. Мушег, предупрежденный о посещении царя, как раз собирался выйти, чтобы встретить его. Но дверь зала открылась, и сам Пап — в мантии и с непокрытой головой — появился перед спарапетом.

— Мушег!..

— Пап! — воскликнул Мушег. И они обнялись.

— Как случилось, что ты наконец вспомнил о нас, спарапет? — первым заговорил Пап.

— В мыслях я всегда был с тобой, государь, — ответил Мушег, подчеркивая слова. — А теперь, узнав, что ты отправляешься в Византию, я пришел... Счел необходимым...

Хотя и обиженный на Папа, Мушег, как только узнал, что царь должен отправиться в Тарс на свидание с императором, поскакал в Двин, чтобы дать молодому царю необходимые советы.

Пап обрадованно посмотрел в его темные задумчивые глаза, крепко держа его руку — руку друга, по которому стосковался.

— Я рад, спарапет, что ты прибыл, — сказал он. — Да, я должен ехать в Тарс. Что ты мне посоветуешь? Отправляться?

— Несомненно, государь. Отказаться от приглашения императора неудобно. Надо ехать. Только мне неизвестно, для чего император тебя пригласил.

Пап объяснил: и ему истинная цель приглашения неизвестна. Император позвал его, чтобы «подумать о пользе, общей для обоих государств».

Мушег, помолчав, сказал:

– Значит, нужно, государь, быть очень осторожным.

– Осторожным... А я, спарапет, хочу сказать ему, чтоб освободил наши города.

– Верно, государь. Однако это нужно сделать тонко. Надо так повернуть разговор и так попросить, чтобы ему стало неловко.

– Почему просить, спарапет? Они обязаны освободить, – заволновался Пап. – Ты же знаешь, наша страна очень страдает от войск ромеев. Я думаю даже сказать, что персы смеются над нами, говорят: ромеи пришли как друзья, а засели как враги...

Мушег опять подумал и сказал:

– Ты, конечно, прав, государь, в своем требовании. Однако правду императору нужно сказать так, чтобы ему стало стыдно и чтобы он не сделался тебе врагом. Нужно, конечно, сказать, что нашей стране тяжело содержать войска ромеев. Однако сделать это так, чтобы он устыдился своего поведения. Ну, а если он предложит участвовать в новой войне против персов? Или против другого государства? – вдруг спросил Мушег.

– Я думал об этом, спарапет, – заметил Пап. – И решил отказаться. Скажу, что наша страна истощена длительной войной и персидскими грабежами. Могу сказать еще, что из-за больших потерь у нас не стало рук обрабатывать поля. Страна еще не залечила свои раны.

Мушег кивнул одобрительно.

– Только будь и тут осторожным, государь. Валент так же хитер и коварен, как и Шапур. Считай, что едешь к зверю...

Они долго беседовали как два друга, и Пап вернулся во дворец радостный: спарапет помирился с ним.

Ишханы Камсаракан и Багратуни тоже одобрили требование царя об армянских городах.

– Ты прав, государь, надо потребовать, чтобы оставили наши города, – сказал Камсаракан. – И напомнить: если это не будет сделано, дружба расстроится.

– И заяви, государь, – добавил ишхан Багратуни, – что твои нахарары очень огорчены. Они считают поведение Византии недружелюбным. И действительно, это большое оскорбление для нас. Ничего себе: отстояли от персов, чтобы отдать ромеям!

И царица Зармандухт в последнюю минуту перед отправлением, обнимая Папа, попросила его быть осторожным.

– Особенно при разговоре с императором о городах, – подчеркнула она. – Если будет возражать – не настаивай. Они в конце концов и так уйдут, не останутся. А еще лучше совсем об этом не говорить.

Пап удивленно посмотрел на царицу:

— Ты подумала, что говоришь, Зармандухт? — Он покачал головой. — Неужели я пришел царствовать для того, чтобы подарить ромеям мои города и народ? Неужели ты хочешь, чтобы я был таким низким честолюбцем, Зармандухт? Нет, или они уйдут из моих городов, или... пусть я погибну...

— Что ты задумал, Пап? — испуганно воскликнула царица, широко раскрыв глаза. — Неужели нельзя решить все мирно?..

— Видимо, нет. Поскольку все их обещания — сплошной обман... — Тут Пап заметил испуг Зармандухт, схватил руку жены. — Будь спокойна, Зармандухт. Все, надеюсь, будет благополучно. Если надменный Валент сам пригласил меня — несомненно, это с дружеской целью. Будь спокойна.

Многие нахарары и придворные сопровождали царя. Некоторые из них простились с Папом в Вагаршапате, остальные провожали его до города Ервандакерта, до монастыря Камрджадзора, а несколько ишханов доехали вместе с ним до самой границы. Комес Теренций верхом на коне и со своими телохранителями сопровождал Папа до Вагаршапата. Прощаясь, пожелав царю счастливого пути, он дружелюбно сказал:

— Потребуй, государь, потребуй, чтобы освободили наконец твои области и города. Император выслушает тебя, как гостя, и, несомненно, сделает все. Я уже написал ему, изложил все в нужном духе.

И учтиво склонил голову...

Как и перед Дзиравской битвой, проводив царя, Зармандухт, не довольствуясь утешениями придворных дам и ишхануи, опять велела вызвать старую Манан, которая гадала на внутренностях птиц и животных.

В народе поездка Папа дала повод к самым разным толкам и догадкам. Говорили, будто император вызвал Папа, чтобы воздать ему почести за победу над персами и изгнание их из пределов страны. Может случиться, думали некоторые, что император для укрепления союза и чтобы приблизить Папа к себе женит его на одной из своих сестер. Не только в простом народе, но и в среде нахараров высказывались такие взгляды. А духовенство в своих монастырях и церковных дворах притихло, выжидая. Большинство монахов считало: император вызвал Папа, чтобы строго укорить его. Пусть впредь не смеет вредить христианской церкви и ее служителям, а, напротив, пусть поможет церкви расцвести. Полагали также, что император, вероятно, потребует от царя объяснений по поводу указа о дани и смерти Нерсеса.

А епископы Хад и Кюрег усмехались многозначительно.

Но во всей Стране Армянской лишь один человек знал, для чего на самом деле пригласил Папа император. Знал и молчал.

Этим человеком был главный начальник византийской восточной армии комес Теренций.

И теперь Пап ехал в Тарс со свитой и в сопровождении тысячи всадников, для которых многочисленные мулы, кони и верблюды везли припасы, еду и палатки. Среди этого груза были и драгоценные дары: златоглавый, писанный золотом посох для императора и золотой пояс, украшенный драгоценными каменьями и жемчугом, – для императрицы. Еще в подарок византийскому властелину вели вороных и белых армянских коней – в их глазах играли звезды, а из-под копыт летели искры, и трех больших персидских слонов – трофеи Дзиравской битвы.

Ехал Пап верхом на своем золотистом черногривом коне и с темно-лиловой мантией на плечах, почти в центре своего торжественного поезда, окруженный свитой. Он беседовал с приближенными и оглядывал местность и реку. О чем бы ни говорил, его не оставлял вопрос: зачем его пригласил император?.. Для себя он видел в этой поездке лишь одну цель – освобождение городов.

– Нужно, нужно сказать все прямо, пусть ему будет стыдно, – говорил он иногда спутникам. – Нужно предложить, чтобы они вывели все войско из наших областей.

Бат подливал масла в огонь:

– Да, Пап, не только предложить – нужно потребовать. Для нас это важное дело. Дело чести, достоинства.

Однако тут же подавал голос Зенон Гнуни, которого спарапет Мушег специально отправил следить, чтобы Пап не совершил опрометчивых поступков.

– Конечно, государь, можно поговорить. Однако... Лучше действовать осторожно, мягко...

И Иеремия, который часто брал свою навощенную дощечку и делал пометки, чтобы затем на стоянке переписать на пергамент, услышав их, сказал:

– Бывает осторожность, равносильная страху. Следует помнить и о достоинстве.

От города Ервандакерта до обильной урожайной области Басен и дальше до границы области Карин конный отряд ехал почти по берегу Аракса, то чуть отклоняясь от него, то приближаясь, но не переставая слышать его шум. Затем несколько дней их сопровождала тихая Арацани, а теперь воды Евфрата.

Все это хоть и отвлекало Папа, заставило забыть многое, но он все время помнил о том, куда едет и что ему предстояло отстаивать. Из-за этого он часто вдруг застывал в раздумье. Молодые ишханы его свиты, чтобы рассеять его мысли и развлечь, шутили или же обращали внимание царя на что-нибудь новое: на торчащие со дна Евфрата камни, которые словно только что выбрались из-под воды, чтобы посмотреть на мир, хотя волны постоянно хлестали их, не давая им открыть глаза, или на коршуна, парящего в поднебесье и вдруг падающего со сложенными крыльями прямо в стаю мелких птиц.

Пристально следя за полетом одного из таких хищников, Пап как-то задумчиво сказал Иеремии:

— Везде одно и то же: сильный преследует слабого, могущественный — беззащитного, и беднягам приходится искать способы и пути, чтобы избежать беды.

Иеремия почувствовал, что Пап невольно выразил то, что занимает его больше всего, и сказал:

— Да, но умной и смелой самозащитой можно отбить и могущественного.

Хотя еще была весна, но в этой части Страны Армянской жара уже началась, и, несмотря на прохладу, веющую от Евфрата, путники чувствовали зной. Чем дальше они продвигались к югу, тем ощутимее были палящие лучи солнца.

Наконец на пятый или шестой день путешествия добрались до того места Евфрата, где обычно переправляются через реку, чтобы идти в Киликию.

Царь со свитой и воины со своими конями и вьючными животными переправлялись через реку по мосту, составленному из лодок и плотов. Некоторые группы переплыли Евфрат, использовав местные плоты — доски, уложенные на надутых бурдюках. На таких плотах армяне возили по Евфрату и Тигру свои товары в Вавилон и Ассирию.

Переправа длилась с утра до полудня. Особенно тяжело было переправлять слонов: огромные животные, казавшиеся более крупными из-за укрепленных на спинах башенок, боялись и упирались, не хотели переходить с берега на плоты. Они при этом странно мурлыкали, вызывая среди воинов взрывы веселья.

Увидев это упрямство слонов, на шеи животных уселись опытные погонщики и применили крайнее средство: стали бить молотами по тому чувствительному месту, где у слонов голова соединяется с шеей. Удары по этому месту покоряют слонов, подчиняют человеческой воле. Первые же удары заставили их подойти к воде и взобраться на плот.

Наконец все переправились. Не разворачивая палаток, отдохнули на другом берегу, пообедали и в том же порядке продолжали путь, с той лишь разницей, что впереди отряда ехали теперь Раат, Гнел Андзеваци и с ними ромей — должностное лицо от византийских пограничных властей. За ними следовали копьеносцы, лучники, меченосцы, дальше — царь со свитой, опять воины-копьеносцы и лучники и, наконец, слуги и погонщики, которые вели вьючных верблюдов и мулов, коней и слонов.

Через несколько дней пути однажды при ярком полуденном солнце ехавшие впереди отряда воины заметили на горизонте устремленные ввысь куполообразные крыши. Вскоре перед путниками открылся большой город, утопавший в садах.

— Тарс!.. Тарс!.. — раздались крики.

Воины обрадовались — они увидели прославленный город,

о котором знали лишь по рассказам. Здесь их ждал отдых после долгой дороги.

Повеселели и нахарары царской свиты. А Пап, услышав раздавшиеся впереди крики, вдруг помрачнел. Никто не понял – почему...

Вид Тарса больше всех заинтересовал Иеремию. Еще отправляясь в путь, он решил внимательно осмотреть этот город и его окрестности. Он думал, что когда-нибудь напишет и об этом путешествии царя, как это делали греческие и римские историки. Иеремия знал: судьба Тарса – одного из самых крупных городов Византии – на протяжении веков была на редкость переменчивой. Город этот, согласно преданию, основал ассирийский царь Сеннахирим, а спустя двести лет Александр Великий сделал его эллинским – по языку и культуре. При Селевкидах он стал богаче, в нем расцвела торговля, он прославился своими искусствами и школами, и в это время за короткий срок Тарс дал таких ученых, как братья Афенодоры, стоики Атропатриос и Акадамос, грамматик Диодор, комедиограф Дионисий и многие другие. Иеремия знал также и то, что в дальнейшем, при Помпее, Тарс впервые подпал под владычество Рима. Юлий Цезарь расширил город и присвоил его жителям звание римских граждан, а Антоний освободил их от налогов, чтобы город процветал.

Глядя издали на стены и купола Тарса, Иеремия вспомнил и ту историю, связанную с Тарсом, которую он вычитал в какой-то рукописной книге. Здесь, в Тарсе, тот же Антоний оказал невиданно пышный прием египетской царице Клеопатре, привезя ее в город в лиловом паруснике по водам Кюдна. Лодка была вся в позолоте, а весла посеребренные. Царица в сияющем звездном одеянии, украшенная восточными драгоценностями и умащенная восточными благовониями, приехала обольщать могущественного римского триумвира, который в те времена одержал большие победы на Востоке. Во всем блеске своего могущества и величия проплыли они вдвоем до лесов Тарса, чтобы выбрать материал для строительства того великолепного флота, который вскоре был разбит Октавианом Августом в морском бою при Акциуме.

Наконец Тарс был еще известен тем, что здесь были похоронены Юлиан-отступник, умерший во время предпринятого им похода против персов, и его преемник император Иовиан, заключивший с персами унизительный договор – в будущем не идти на персов и вдобавок никогда не защищать Армению.

Иеремия знал, что здесь, в Тарсе, родился апостол Павел – тот самый, что из яростных преследователей христианства стал его проповедником и лишь одним острием своего могучего слова завоевал Рим и весь мир.

С Тарсом были связаны и многие другие значительные события. Однако теперь он был известен как город византийской империи и своеобразная столица Малой Азии, куда часто приезжали самодержцы империи на месте решать вопросы, свя-

занные с Востоком, и где собиралась для торговли, игр, развлечений и обучения в школах разноязыкая толпа.

Чем ближе отряд подъезжал к городу, чем отчетливее виднелись стены города и очертания его домов, тем напряженнее смотрел Иеремия вокруг и вдаль, стараясь ничего не пропустить.

Но пока еще многого не было видно – город закрывали стены. По обе стороны дороги темнели тенистые сады, в них росли фиговые деревья, маслины, апельсины, лимоны. Прямо к дороге подступали ряды шелковиц, а между ними виднелись поля хлопка, кунжута и пшеницы. Вскоре показалось полуразрушенное странное сооружение, с которым ромей-провожатый решил ознакомить гостей.

– Акведук римских времен, который местные люди называют крепостью. Настоящая крепость города вон там. – И ромей указал на каменное строение вдали, окруженное двойными зубчатыми стенами. Сама крепость была увенчана башней с зубцами, похожей на восточную корону.

Затем на склоне холма показалось еще одно полукруглое здание. По словам ромея, это был заброшенный цирк или гимнасий. Сразу за ним путники увидели большой мост через реку и собравшихся на нем всадников.

«Эти наверняка выехали встречать нас», – подумал Иеремия и стал одергивать и приводить в порядок свою накидку, шапку и даже сумку с рукописью, висевшую на боку.

Тем же занялись и остальные знатные спутники царя. Зенон Гнуни бережно разгладил посеребренную бороду на груди, а полный Ота Апауни вытянулся на своем коне, чтобы казаться стройнее. Воины тоже позаботились о том, чтобы вступить в город с подобающим видом и осанкой.

– Император будет встречать? Или это не принято? – негромко переговаривались они.

– Кажется, не принято...

– А я слышал, что император и императрица обычно выходят встречать...

«Император сегодня, наверное, не явится. Вышлет придворных...» – услышав этот разговор, подумал Иеремия. Живя в Византии, он присутствовал на нескольких таких встречах.

Бат, как распорядитель отряда, отдал распоряжение едущим впереди воинам и их начальнику, чтобы все вступали в город торжественно, сохраняя порядок. Потом он вдруг повернул коня и, подъехав к Папу, наклонился к нему:

– Я не знаю, государь: вместе мы все будем жить или нас поведут в разные места?

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался Пап.

– Полагаю, государь, лучше нам быть вместе, в одном дворе или хоть в одном квартале. Если не сделают так – надо попросить, чтобы так было.

– Опять сомнения, Бат? – спросил царь, оглянувшись с улыбкой на ехавших рядом нахараров.

— Да, государь, должен признаться, — сказал Бат серьезно.

— Не тревожься напрасно, — проговорил Пап и умолк, и Бат не понял: занят ли царь своими мыслями или просто считает его тревоги пустыми. А между тем Папу казалось, что гость не может ставить условия. Порядок требует, чтобы гость подчинился пригласившему, его условиям и не предъявлял своих требований. Да и странным показался Бат с его подозрениями. Можно быть осторожным, но до такой степени — излишне.

Однако Бат не успокоился. Он опять направил коня к воинам, едущим впереди, чтобы присмотреть за порядком и занять место в голове колонны. Ему почему-то казалось, что их должны встречать с почетным караулом, с музыкой и трубами. Но на мосту он заметил лишь группу всадников, а по ту сторону моста толпилась небольшая толпа зевак. Не было ни воинов, ни музыки, ни труб.

Когда во главе колонны Бат подъехал к мосту, от группы византийских вельмож отделились три пышно одетых всадника и, цокая по каменным плитам, двинулись навстречу. Сняв головные уборы, они склонили головы перед Папом и его свитой. Потом один из них тронул коня еще на шаг вперед и остановился, подняв руку. Это был красиво одетый молодой человек с сытым, самодовольным лицом. Пап и нахарары его свиты сразу поняли, что это придворный.

— От имени императора приветствую, государь Армении, твой приезд в этот древний византийский город, — звонко провозгласил он.

Как потом выяснилось, это был комес Венетос. Несмотря на молодой возраст, он занимал должность советника при императоре и его личного секретаря. Второй из встречавших — пожилой, лысый и полный, с мечом и воинскими знаками — оказался начальником городской крепости и начальником гарнизона. Высокий ромей с белым лицом и широким лбом, производивший впечатление усталого человека, был градоначальником. Приветствуя царя, он преподнес ему хлеб-соль на небольшом серебряном подносе.

Собравшаяся по ту сторону моста толпа — зеваки и нищие, среди которых можно было увидеть представителей самых разных народов и племен, — разделилась на две части, чтобы дать дорогу прибывшим. После коротких формальностей процессия армянского царя двинулась через ворота, которые открывались прямо на мосту. Представитель императора комес Венетос, полный начальник гарнизона, который, как надутый бурдюк, ерзал в седле, белолицый стройный градоначальник — все трое верхом на конях присоединились к свите Папа, чтобы сопровождать гостей в город.

Когда царь со своими приближенными миновал ворота, пестрая толпа любопытных ринулась вслед, стараясь не отстать. Люди бежали, обгоняя и толкая друг друга. Нахарары из

свиты Папа и его воины, которые знали греческий, то и дело слышали справа и слева:

— Это царь или посольство?

— Царь как будто, владетель Антиохии.

— Нет, скорее всего, Ливана.

— Да нет же, царь арменов, царь арменов! Могу поспорить!

— А почему же он приехал? — интересовались в толпе.

— Конечно, чтобы увидеть цезаря!

— А может, взять себе жену из императорского дома?

— Нет, скорее, просить помощи и покровительства.

— Смотрите, слоны! Верблюды! — закричали несколько человек, и вся толпа хлынула к хвосту колонны, где шли разукрашенные слоны. А несколько попрошаек и калек протолкались вперед и полезли почти под копыта лошадей в надежде, что армянский царь подаст им милостыню. Один ромей из провожатых погнал на них коня, показывая бич:

— Пошли вон с дороги!

Чем дальше продвигалась процессия, тем больше росла толпа любопытных. Толкались, тянули вверх шеи и спрашивали:

— А войско для чего? Тоже в гости? Или, может, воевать?

— Нет, наверно, высоко ценит свою особу...

Процессия уже приближалась к центру города, когда Бат подъехал к Папу и, наклонившись к нему, прошептал:

— Государь... Наших воинов, а также вьючных животных и слонов отделили и повели по соседней улице. С нами осталась только головная часть полка телохранителей и твоя свита.

— Нет оснований для беспокойства, — сказал Пап. — Всех нас вместе, конечно, поселить не могут...

Но Бат не успокоился. Он словно кипел на коне, озирался, хмурился. Не понимал он: почему его не спросили? Почему без его ведома отделили от процессии и войско и запасы? Нет ли тут злого умысла?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Полк телохранителей был отправлен в казарму, расположенную в южной части города. Распорядившись об этом, византийские должностные лица проводили Папа и его приближенных в двухэтажный дом. Это здание стояло почти на окраине города, внутри сада, окруженного стеной. Здесь длинными рядами росли фиговые, оливковые, апельсиновые и лимонные деревья, и все это было обрамлено шелковицами с нежной листвой, — выстроившись вдоль стен, они образовали как бы кордон, словно оберегая благородные деревья. В саду царили чистота и порядок. Сооруженный из беловатого камня дом с многочисленными окнами и каменными балконами напоминал дворец патриция. Пап, Иеремия и Бат повидали в Ви-

зантии немало таких строений. Позднее выяснилось – это был действительно дворец, и принадлежал он когда-то Юлиану-отступнику, сюда император приезжал, бывало, отдыхать на один-два месяца от шумной столичной жизни. Давно уже монархи не посещали этот дворец. Лишенный былой славы и заброшенный, он все же сохранил свою былую роскошь и величие, как увядшая красавица, и на склоне лет не утратившая своих благородных манер и тонких очертаний лица.

Разместившись здесь со своей свитой, царь остался доволен удобствами. Ему отвели весь верхний этаж, уставленный византийскими диванами, светильниками и лампадами на треножниках, увешанный тканями, занавесями и восточными коврами.

Удивляло одно – почему во дворце было так много слуг-греков?

– Кто они? – не раз спрашивали нахарары.

– Слуги вашего царя, – неизменно отвечали византийские чиновники.

– Но с нашим царем прибыло достаточно собственных слуг...

– Правила гостеприимства обязывают, чтобы и наши люди обслуживали государя.

Через два часа, когда все разместились в отведенных им покоях, Бат вышел, чтобы посмотреть, как расположен дворец. Он остановился на верхней площадке широкой парадной лестницы, по обе стороны которой сидели два каменных льва – караулили главный вход. Внимательно осмотрел двор, деревья, стены. Его наблюдения прервал голос за спиной.

– Я хотел бы узнать, уважаемый, кто у вас тут за главного? – отдав честь, вежливо спросил толстенький коротыш военный с очень белым лицом – один из тех, кто встречал царя на мосту.

– Я, – сказал Бат и проницательно посмотрел в подвижные глаза этого крепкого молодого человека. – Что вам угодно?

– Значит, я угадал: вы – распорядитель у вашего царя. Я тоже распорядитель – с нашей стороны. Очень рад. – Крепыш протянул руку Бату. – Будем знакомы и, надеюсь, станем друзьями. Зовут меня Анабас. Назначен помогать и всячески обслуживать вашего царя и его свиту. – Ромей любезно улыбнулся и деловито продолжал: – Мы сочли, что неудобно царя и свиту поместить в одном здании с простыми воинами, особенно если учесть их число. Поэтому полк телохранителей с начальниками решили поселить в другом месте. Вы не против, уважаемый?

– Я все это уже заметил, – сказал Бат, не отводя глаз от подвижного и странно улыбающегося лица ромея. – Но где же разместили полк? Далеко отсюда?

– О нет – в южной части города. Место удобное и просторное, – так и сыпал ромей любезными словами, приятно улыбаясь, и верхняя губа его высоко поднималась, обнажая плотный ряд белых острых зубов.

— Знаете, было бы все же желательно, чтобы полк был поближе. Наш царь привык время от времени навещать воинов.

— Когда пожелаете, дорогой, когда пожелаете, можно и навестить и привезти их сюда, — опять улыбнулся ромей.

Бат поинтересовался:

— И когда же я смогу увидеть, где размещены наши воины, куда сложен груз?

— Когда соизволите, уважаемый. Хоть сегодня.

Бат не стал терять времени, сразу же и поехал в расположение своего полка. Его особенно интересовало, как далеко стоит он и нельзя ли под каким-нибудь предлогом перевести воинов поближе к дворцу, где расположился царь.

Казарма, предоставленная полку телохранителей, оказалась большой и просторной — кроме удобных комнат для воинов здесь имелись также конюшня, баня и широкая площадь, где воины могли затевать всевозможные игры, чтобы не скучать. Однако здание это находилось довольно далеко от резиденции Папа.

«Полк телохранителей, а размещен так далеко от царя... Странно распорядились здешние власти, — подумал Бат. — А может, намеренно удалили?» Ожили прежние подозрения. Возвратясь, поделился ими с Папом.

— Вероятно, нет другого места. Ничего не поделаешь, — ответил Пап, досадуя на его чрезмерную подозрительность.

Но Бат продолжал настаивать:

— Разреши мне все же, государь, попросить от твоего имени, если найду поблизости подходящее здание, пусть переведут наших воинов.

— Опять подозрения, Бат?

— Да, государь. Мы — в Византии.

— Ты слишком подозрителен, Бат, — улыбнулся Пап.

— Подозрение — мать истины, государь.

— Но может стать и смертью ее. Лучше отбрось свои подозрения, они причинят тебе только ненужные хлопоты.

— К сожалению, не могу, государь. Таким уж меня создал бог.

Пап рассмеялся.

— Лучше скажи: не говорили ли ромеи, на какой день император назначил прием? — поинтересовался царь.

— Пока ничего не известно, государь.

— Надо полагать, завтра или послезавтра.

— Может, так, а может, и нет, — опять усомнился Бат.

День приема пока был неизвестен. Но Пап считал, что нужно быть все время готовым, чтобы в любой час и без задержки отправиться к императору. Он приказал Бату проследить за приготовлениями свиты и держать дары, привезенные для императора, в полном порядке, чтобы из-за них не получилась заминка.

Прошло три дня в томительном ожидании. О приеме пока не было ни звука. Царь и приближенные не покидали дворца,

ждали – вдруг придет от императора посланный за ними человек. Было решено, что царя будет сопровождать в императорский дворец вся свита, а для придания большей торжественности – и часть воинов-телохранителей. Пап одевался к приему каждое утро. Его примеру следовали и приближенные – старались, чтобы приглашение во дворец не захватило их врасплох. Особое внимание уделял своей внешности Зенон Гнуни. С помощью дворецкого он облачался в свои шелковые одежды, заставлял его тщательно разглаживать на себе складки, оправлять полы платья и одергивать рукава; подолгу холил перед серебряным зеркалом бороду, раскладывал волосы на голове. Дворецкий удивлялся усердию старика, но понимал: предстать перед императором – дело не простое... Старался не отстать от Зенона Гнуни и его близкий друг Ота Апауни, но что он ни делал – внешность не впечатляла, мешала полнота. Особенно досадовал он на свою лысую голову, которая к тому же покоилась прямо на плечах, без шеи, а что касается бороды, редкой и куцей, – тут уж он невольно начинал проникаться завистью к своему другу. Зенон был и статным и шею имел длинную, а серебристая представительная борода особенно красила его внешность.

Остальные тоже усердно занимались своим внешним видом – всем хотелось оставить по себе хорошее впечатление при византийском дворе. Проще других в этом отношении было Иеремии. Прожив многие годы в столице Византии, он знал, в каком виде надо являться к императору. Царского письмоводителя интересовало главным образом другое: он ждал приема с особым нетерпением, хотел собственными глазами увидеть императора Валента, его придворных, его двор и затем описать все это в своем сочинении. Одно его заботило – неловко будет во дворце брать в руки навощенную дощечку и делать пометки. А между тем так хотелось запечатлеть все, каждое слово, и оставить грядущим поколениям.

Дни текли один за другим, а приглашения все не было. Сам Пап все еще не решался покинуть ради прогулок дворец, тем более что по здешним правилам высокому гостю не полагалось выходить на улицу без свиты и хозяев города. Но приближенных царь не хотел томить взаперти и распорядился: свите выходить на прогулки, но не на длительное время.

– Хорошо, только уходить не всем сразу, государь, – внес поправку Бат.

«Опять подозрение», – подумал Пап, но спорить не стал.

Нахарары свиты, обретя свободу, начали по два, по три человека, а иногда и большей компанией прогуливаться по городу и осматривать его достопримечательности. Тарс, как и в первый день, продолжал удивлять пестротой уличной толпы: сирийские и еврейские широкие длиннополые одежды смешивались с короткими белыми и лиловыми накидками византийцев, расшитыми золотистыми фигурами зверей или просто узором

из золотых ниток. За египетскими и еврейскими торговцами следовали темнокожие рабы-эфиопы; полунагие, с высокой шапкой жестких волос, они тащили за хозяевами грузы. Антиохийские гадалки и колдуньи с ярко выкрашенными в разные цвета лицами и ногтями, надев на шею ожерелья из зубов рыб или зверей, гадали на перекрестках и под навесами или же зазывали прохожих. Их часто можно было видеть увивающимися вокруг пышных патрициев, приехавших из столицы Византии. На всех улицах города, рядом с нищетой и страданием, с распростертыми на земле калеками и неизлечимыми больными, веселилась толпа, хохоча над ужимками пестро одетых клоунов и дивясь ловкости фокусников. Невольно привлекали взгляды пляшущие женщины с ярко накрашенными губами и веками. Звеня бубенчиками, пришитыми к широким рукавам и полам платьев, они ударяли в бубны, кричали и пели в такт пляске или предлагали прохожим мужчинам свои недорогие услуги.

Особенно пышно эта пестрая толпа расцветала на городских рынках. Там смешивались люди всех цветов и типов, сливались в общий гам всевозможные голоса, языки и наречия. Крики людей напоминали то мычание скотины, то клекот орлов. Такой смеси племен и языков армянские гости еще не встречали. Смуглолицые и худощавые египтяне, подвижные и гибкие, как морские волны, киприоты, медлительные сирийские торговцы, сидевшие у своих товаров выставив колени, ловкие и всегда сметливые греки, толстогубые и темнокожие африканцы, полунагие, с непокрытыми головами, босые, с загорелыми, обожженными в пустыне лицами и большими глазами — все двигалось, кричало, зазывало.

Некоторые были заняты торговлей, другие каким-либо ремеслом, а иные попросту искали что поесть или же протягивали руку за милостыней. В одном месте продавали коней, в другом — верблюдов, заносчиво поднявших головы над толпой, в третьем предлагали баранов и другую скотину, в четвертом — пленных мальчиков и девушек. Несчастные сквозь слезы взглядывали на каждого хорошо одетого прохожего, надеясь, что он купит их и кончатся наконец их мытарства. В особом ряду рынка торговали фруктами и плодами в корзинах. В другом, распространяя запах жарящегося мяса, готовили шашлык, и жир шипел на углях. Все зазывали покупателей, приглашали различными способами и на разные голоса. В этой смешанной толпе можно было встретить и дантиста: надев на шею длинную нитку выдернутых зубов — знак ремесла, он предлагал страдальцам избавить их от зубной боли. В другом месте полуобнаженный смуглокожий египтянин-татуировщик колдовал над лежащим на циновке из морской травы голым человеком, впрыскивая ему под кожу разноцветные жидкости. Татуирующийся вскрикивал иной раз от боли, но ни в коем случае не двигался, чтобы не нарушить красоту рисунка.

Армянские нахарары посещали и христианские храмы. Там

перед дверьми и во дворах всегда толпились нищие и калеки, а внутри близ алтаря собирались духовные лица. Священники совершали обряд или же читали проповедь о деяниях Христа, а иной раз спорили с приезжими священнослужителями. Спор обе стороны вели с яростной истовостью подлинно верующих. Смуглолицые курчавые епископы, сирийцы и африканцы, резко выделялись лихорадочно горящими глазами и мрачной внешностью. Но и светлоликие греческие епископы не были похожи друг на друга ни одеяниями, ни поведением. Одни, разодетые удивительно пышно в шелка и тафту, показались армянским нахарарам чрезмерно разряженными и надменными. Эти не уважали, просто презирали собеседников во время споров, считая их ниже себя. Другие – таких было больше – производили впечатление спустившихся с гор пустынников: у каждого на плечи накинута шкура, в руке посох, у пояса подвешен глиняный кувшин. Они казались более фанатичными, чем армянские церковники, и всегда были готовыми к спору. Что хотели друг другу доказать эти служители церкви – армянские нахарары так и не смогли постичь, не владея достаточно хорошо языком греков. Разумеется, кроме Иеремии, но он скучал от религиозных споров, считая их «пеной суесловия».

И сами армянские нахарары подчас привлекали к себе внимание местных жителей и гостей Тарса. Но приходилось признать: с наибольшим интересом и уважением все смотрели на длинную серебристую бороду Зенона Гнуни и на его статную фигуру.

Выходил иногда на прогулку и Гнел Андзеваци с одним или двумя из своих десятников. Гнела особенно удивляли темнокожие африканцы. Большой интерес вызывали и военачальники-ромеи в красивых одеждах и с нарядным оружием. Раат прогуливался почти всегда один и чаще всего по рынкам. Узнав, что на рынках Тарса торгуют рабами и пленными, он подумал: а что, если и Назени попала во время своих скитаний в руки работорговцев? И он шел в эти места человеческих несчастий и горько страдал, видя, как раздевают молодых рабов, девушек и даже стариков и, будто у скотины, ощупывают тела. Иметь бы столько золота, чтобы выкупить всех этих девушек и юношей и отпустить! Пусть бы каждый из них нашел своих родных и любимых – думал Раат. Возвращался он всегда угнетенный, в глубокой печали.

По примеру начальников армянские воины тоже, соскучившись в праздности, выходили иной раз из казармы, несмотря на распоряжение Бата и Гнела Андзеваци – оставаться в сборе и далеко не уходить. Томительно было весь день торчать в казарме или во дворе. Воинов влек незнакомый странный город. Группами они кружили по его улицам, дивясь странным нарядам разноплеменных людей, лицам, обычаям. Они хотели видеть все, чтобы было о чем рассказывать дома по возвращении. Конечно, особенно привлекал византийский император с его дворцом. Там, говорили, поставлен трон сплошь из золо-

та, по правую и левую стороны трона будто бы сидят золотые львы, а над изголовьем литые из золота поющие птицы. Если император бывал недовольным или рассерженным во время приема – львы рычали, разинув пасти и ударяя хвостами о пол. А когда император бывал в хорошем расположении духа, золотые соловьи и канарейки начинали петь – так рассказывали сведущие люди.

– Счастливцы наши нахарары, увидят все это, – говорили воины с сожалением. – А вот нам не удастся взглянуть на это чудо.

Вот и шли посмотреть хоть то, что доступно всем.

Только Бат не отходил от дворца, где жил царь. На нем лежало устройство всех дел в этой поездке, и он считал своим долгом быть в любое время готовым исполнить волю царя. Кроме того, всегда могли прийти посетители, и кто знает, что еще могло случиться...

Ему неприятны были греческие слуги во дворце. Бат пристально наблюдал за их поведением и пришел к выводу, что все они воры и народ весьма легкомысленный. Слуги-греки часто впускали во двор посторонних лиц, хоть это запрещалось правилами посольств и высоких миссий. Однажды близ дома Бат заметил двух подозрительных типов, которые толковали о чем-то со слугами.

– Кто такие? – строго спросил Бат.

Один из слуг промолчал, другой угодливо поклонился:

– Это торговцы, господин. Хотят предложить драгоценности вашему царю и вам. Не пожелаете ли, господин мой?

– Торговцы драгоценностями?

– Да, господин мой. Если вы устроите, чтобы царь или придворные купили их товар, они и для вас не поскупятся, – продолжал грек, перейдя на шепот и все с теми же угодливыми ужимками.

– Замолчи! – крикнул Бат. – Чтобы ноги их тут не было! Ясно?

Грек подпрыгнул на месте и униженно поклонился:

– Слушаю, господин мой, слушаю...

Бат проверил – это были действительно торговцы. За взятку греческие слуги пропускали их к царю и нахарарам свиты. Они валом валили во дворец – к арменам, навязывая свои товары. Греческие, египетские и сирийские торговцы, прознав о прибытии царя из далекой Страны Армянской, засылали посредников, обещая в честь царя арменов продать дешево. И кого только не водили слуги – являлись и люди неопределенных занятий, предлагая помочь с покупками, показать город и все, что еще будет угодно – они готовы были на любое дело.

Сколько бы ни распоряжался Бат не впускать посторонних, они опять появлялись – вырастали как из-под земли. Слуги проводили их одним лишь им известными ходами. Бат не знал, чему удивляться – наглости торговцев или бесстыдству греческих слуг. Дошло до того, что однажды один из этих тор-

говцев прямо перед входом во дворец преградил Бату путь и, любезно поздоровавшись, зашептал:

— Благородный господин, разреши одно слово.

— Говори,— нахмурился Бат.

— О благородный господин, если бы ты был ко мне добрым! Ты, конечно, добрый, я вижу это по твоему благородному лицу...

— Что тебе надо?

— Немного, благородный господин! Помоги мне продать вашему царю драгоценные камни — я обещаю тебе двадцать золотых драхм и изумрудное кольцо твоей благородной жене.

Кровь ударила Бату в лицо, он краснел и бледнел, неподвижный, будто прикованный к месту. Не сказав ни слова, вдруг поднял руку и нанес два звонких удара слева и справа по толстым щекам этого проходимца.

— Вот тебе камни, вот изумрудное кольцо!..

Торговец, зажав лицо руками, согнулся, спасаясь от новых ударов, и так, не распрямляясь, выбежал на улицу.

После этого случая торговцы и их посредники больше не показывались у армян. Но греческие слуги по-прежнему были неприятны и подозрительны Бату. Что бы ни делали — ждали вознаграждения и — что еще хуже — во все совали нос. Все им надо было знать: кто куда идет, что делает, что куда ставит. Бат с удовольствием прогнал бы их всех, но тут он был не волен. Единственное, что он сделал немедленно,— вызвал из казармы тридцать армянских воинов и поручил им охрану дворца и двора вокруг него.

— Будьте внимательны и бдительны,— приказал он.— Помните — мы в чужой стране...

Дни шли, а о приеме император будто и думать забыл. Почему так тянули — никто толком не хотел объяснить. Анабас — ему была поручена забота о гостях — уверял, что сам ничего не знает. Прошло уже двенадцать дней, а все было так же туманно. Когда же наконец император надумает принять Папа? Иеремия попытался однажды выведать у Анабаса хоть что-то. Тот лишь вежливо улыбался в ответ, успокаивал:

— Скоро, скоро, уважаемый...

Иеремия передал эти слова царю.

— Может быть, и в самом деле скоро,— обнадежился Пап.— Должно же наконец прийти приглашение!

Решив, что день приема близок, Пап начал сосредоточенно готовиться к встрече. Он и раньше, еще дома, много думал о том, что надо сказать императору. Теперь эти мысли выстраивал в стройный ряд: какие вопросы может затронуть император, что ответит на них сам Пап. Наверное, Валент начнет с городов, о них Теренций писал ему несколько раз... Затем, думалось, император скорее всего заговорит об отношениях

с персами, может быть даже об объявлении им войны... Возможно, замышляет войну против иного государства. В том и другом случае попросит помощи у армян.

«Когда заговорит о наших городах и областях, – в одиночестве раздумывал Пап, меряя шагами длинный зал, – скажу Валенту так...»

И он мысленно повторил все то, о чем много раз думал еще в Двине и за время длинной дороги: объяснит, как тяжело армянскому населению содержать византийских воинов в своих домах, расскажет, что города постоянно шлют к нему, Папу, своих гонцов, просят, чтобы их освободили от непомерных расходов и тягот. Так прямо и скажет: тягот...

Пап надеялся, что Валент поймет его и этот наболевший вопрос разрешится без всяких затруднений.

«Ну, а если замышляет войну против персов?..»

Главное, что заботило его, – уберечь народ от разрушений новой войны. Пусть этот поход пройдет по Междуречью, подальше от Страны Армянской, которая и так уже слишком много раз страдала, разорялась. Надо доказать Валенту, что путь через горы и ущелья их страны представит большие трудности для войска ромеев – задержит его продвижение и помешает развернуть действия. Если речь зайдет о помощи в новой войне, Пап постарается отвести и эту беду от своей земли. Страна Армянская сильно истощилась в последнюю войну, потеряла почти половину армии, значительную часть коней и вьючных животных, и теперь ей надо сначала восстановить разрушенное. Так скажет он Валенту. Скажет, что его страна – друг Византии и за честь сочла бы помочь ей, но, к сожалению, сейчас нет сил для ведения войны. Это Пап заявит в любом случае: пойдет ли речь о вторжении в Персию или же о походе против другой страны. И он надеялся убедить Валента. Самое большое, что могут сделать армяне, – это дать какое-то число коней и вьючных животных, но войско – едва ли...

Так Пап размышлял изо дня в день, шагая в одиночестве в залах своей половины; иногда он беседовал с нахарарами свиты или же вспоминал родину, царицу и детей. И все ждал приглашения императора.

– Однако мне кажется странным, что император заставляет нас так долго ждать... – наконец сказал однажды Пап Иеремии.

– Я тоже не могу этого понять, – ответил Иеремия с сомнением. – Важничает император, ломается...

И еще шли дни. О приеме не было ни слова. Потом передали – император занят срочным делом, вот-вот завершит его и тогда примет. Через некоторое время оказалось – он отправился в ближайший город, пробудет там несколько дней, вернется и тогда обязательно примет. Еще спустя три дня сообщили, что император уехал по важному военному делу в расположенную поблизости армию, ждите, наверное, возвра-

тясь, примет. И так проходили дни, прием все откладывался, и это начало казаться странным не только Папу, но и его приближенным. Однажды Ота Апауни в проходе дворца схватил за руку Зенона Гнуни и предложил вместе прогуляться по саду. Когда они прошли в уединенную аллею, осторожный Ота, посмотрев вокруг, придвинул голову к бороде Зенона Гнуни:

– Ишхан Гнуни, как объяснить, почему тянут с приемом?

– Никак не могу объяснить, ишхан Апауни, – негромко сказал Гнуни, захватив в руку бороду. – Во всяком случае, охота, как нам сегодня сообщили, – причина для такой отсрочки неосновательная. Ведь двадцатый день идет...

– Нет ли здесь иной, особой причины? – Апауни понизил голос и настороженно посмотрел на ближние кусты.

– Не берусь догадываться, ишхан Апауни, затрудняюсь. Не будем спешить с сомнениями.

– Значит, сомнения есть, ишхан Гнуни? – поинтересовался Ота. – Мне кажется, император намеренно тянет, хочет унизить нас, указать нам наше место. Ждет, чтобы сами попросили принять нас.

– Ну, зачем же просить, сам ведь пригласил. Примет, если нет у него иных намерений.

Свита беспокоилась, но больше всех тревожился Пап. Однажды, потеряв терпение, он пригласил к себе дворцового распорядителя Анабаса. Не без умысла поинтересовался, знает ли император о прибытии царя армян.

– Конечно, государь, – с легким поклоном ответил короткий крепыш Анабас и прибавил, поправив умащенные волосы: – Наш августейший император справлялся о твоем здоровье...

Пап наклонил голову – так требовал обычай.

– Благодарю императора за заботу. А как здоровье самого императора?

– К сожалению, цезарь не совсем хорошо чувствует себя, по этой причине пока и откладывается прием, государь.

– Болен? – удивился Пап. – Если так, тем более хотел бы увидеть императора, лично пожелать ему здоровья.

– К сожалению, это невозможно, государь. Лекари предписали ему полный покой. И потом, наш августейший император не может подобного вашей особе высокого гостя принимать в постели.

– Болезнь императора так тяжела? Он даже вынужден лежать в постели? – спросил с сомнением Пап, глядя прямо в глаза Анабасу, словно желал в их глубине прочитать истину и смутить его.

Анабас спокойно выдержал взгляд царя и продолжал в том же духе:

– Да, к сожалению, лежит.

– Очень печально, – сказал Пап. – Значит, прием опять откладывается.

– А зачем вам торопиться, государь? – улыбнулся Ана-

бас.– Неужели скучаете в прекрасном Тарсе? Или, может, наше гостеприимство недостаточно?

– Нет, друг, у меня много дел в моей стране,– невольно высказал Пап свою заботу.

Глаза Анабаса сузились в усмешке.

– Другие могут сделать эти дела...

Слова были двусмысленны, и тон императорского вельможи – независим и прям. Пап в первую минуту удивился, но тут же объяснил себе – ромей хочет успокоить, простая вежливость.

Иеремия – он, как письмоводитель царя, присутствовал при этой беседе – в смелости ромея почуял иное. Ему показалось – с уст Анабаса неосторожно слетела правда. Однако он не хотел расстраивать Папа напрасно и после ухода ромея заговорил о болезни императора:

– Странной мне кажется эта болезнь, государь. То, говорят, поехал на охоту, то вдруг болен.

– И так бывает,– задумчиво сказал Пап.– Человек подвержен любой случайности, и государи – не исключение. Но все же, согласен, странно: пригласил и заставляет столько ждать...

Иеремия записывал обычно не только важные события, но и значительные разговоры. И эту беседу он поместил в свою рукопись.

Весть о болезни императора внесла изменение в распорядок дня Папа. До сих пор он откладывал прогулки по городу, все ждал приема. Теперь, раз император, как говорят, болен, значит, и вовсе приема нечего скоро ждать,– и Пап решил посмотреть Тарс. Этим он нарушал заведенный порядок – не полагалось высоким гостям, прибывшим из другой страны, выходить в город до приема у императора. Поэтому выбрали часы, когда на улицах было мало народу, и в простой одежде, чтобы не привлечь внимания, вышли в город. Прежде всего направились в ту казарму, где разместили полк телохранителей царя. Помощник начальника полка – молодой, пылкий Гнел Андзеваци встретил Папа, покраснев от радости. Улыбаясь, довольный, уверенно показывал помещения казармы. Воины встретили царя почтительно, весело улыбались... Пап видел – они рады его приходу, но замечал и какую-то озабоченность в их лицах. И скоро понял, чем она вызвана. Выходя из казармы, случайно услышал разговор воинов. Один говорил: «Как бы нам узнать, когда император примет?» – «Спросить бы – да неудобно,– отвечал другой.– Что-то долгонько мы здесь засиделись».

«Значит, они тоже что-то чувствуют, беспокоятся»,– подумал царь.

Несколько дней гулял Пап по городу, осматривал места, которые считались интересными, достопримечательности. Однажды с частью свиты и группой воинов поехал посмотреть знаменитый водопад Кидна. У себя дома они видели немало

водопадов, но этот поразил своей буйной мощью. Пенистые волны возникали, казалось, в туманном небе. С ужасающим грохотом низвергались они вниз с высоты почти в шестьдесят локтей, напоминая нескончаемую полосу кружевной ткани, завесившую скользкие скалы. И этот занавес не прерывался никогда, и ни на миг не смолкал бурный грохот воды. Пап и его спутники стояли далеко от водопада, и все-таки их лица и руки стали мокрыми от водяной пыли. Таким властным был разгон низвергающихся вод, что все вокруг питалось ими и буйно росло: округлые кусты, ивы с поникшими ветвями, олеандры — все в крупных цветах, апельсиновые деревья, чьи плоды под ярким солнцем были похожи на золотистые яблоки, — чего тут только не было! Вся эта обильная и пышная зелень, словно не находя себе места, рвалась ввысь, заполняя собой все что ни на есть вокруг.

— В этой гуще, пожалуй, спрячется целая армия, — сказал Пап, удивленный высотой травы и густотой леса.

Бат, усмехнувшись, заметил:

— Может, и спряталась, государь, да не видна.

— Что этим хочешь сказать, Бат? — спросил Пап. — Кто может тут прятаться?

— Те, кто постоянно следят за нами.

— Опять подозрение? — улыбнулся Пап.

— Нет, государь, не подозрение, а истина. За нами следят.

Они стояли вдвоем, и шум водопада защищал от любопытных ушей.

— Говори яснее, Бат, — попросил Пап. — Кто следит за нами?

— Соглядатаи императора.

— Не ошибаешься?

— Я убежден в этом, государь, давно заметил: мы с самого дня нашего прибытия под пристальным надзором.

— К чему это? Ты думаешь, слежка? Если и следят за нами — это забота, беспокоятся, как бы гостям императора здесь, на чужбине, не причинили вреда.

— Разреши, Пап, — продолжал Бат мягче. — Разреши сказать... Не я один заметил, наши воины давно подметили это. Один из них и сообщил мне. Знаешь ли, Пап, следят, даже когда мы спим, подслушивают наши разговоры за окнами из-за деревьев.

— И все-таки, думаю, ты преувеличиваешь, Бат. Мы не заговорщики, чтобы за нами шпионили, и не преступники, чтобы следили.

— Однако это так, Пап. За нами следят.

— Оставь, Бат, свои подозрения, — прервал Пап с добродушной улыбкой. Он не верил. Зачем императору тайная слежка, ведь они его гости, сам Валент радушно пригласил их. Если даже кто-то интересуется, подслушивает — в этом не виделось ничего опасного. Любопытство, и только. Но вместе с тем поведение императора удивляло. Пригласить из такого далека!

Торопил даже: «Пусть приедет, пока я в Тарсе». И вот, когда приглашенный прибыл,— никакого к нему интереса. Двадцать пять дней прошло, и хоть бы намек — когда наконец примет. Это казалось не только странным, но даже оскорбительным, крайне оскорбительным. Неужели все дни Валента были заняты? Неужели так и не может выбрать ни одного дня, да что дня — двух-трех часов для встречи... И потом, для чего, собственно, Пап вызван, по поводу каких вопросов?.. Даже об этом до сих пор не сообщили. Пап много думал, тревожился в последние дни, приближенным, однако, своего беспокойства не показывал. Разговор с Батом все же заставил заново взглянуть на происходящее. В этот же день, сразу по возвращении из Кидна, когда прошел на свою половину, Пап вызвал к себе Иеремию.

— Ты что-нибудь уразумел тут? — спросил, прищурив крупные карие глаза.

Иеремия с полуслова понял, о чем говорит царь, почувствовал, что в нем растет подозрение.

— Скажу по правде, Пап, мне такое отношение к царю армян кажется странным. Срочно вызвать и не принимать столько времени... Я все думал, может, император готовит особенно пышный прием или желает, чтобы ты отдохнул после долгого пути. Но отдых затягивается. Наверно, считает, что пребывание здесь большая честь.

— Да, но сообщить, для чего вызвал и когда примет, он должен.

— Все это действительно странно, Пап.

— И сам я спросить не могу — не принято,— волновался Пап.— Нельзя показывать, что недоволен,— ты гость и наслаждайся этой честью. Но до каких пор?..

Как раз при этих словах Папа открылась и хлопнула о стену красная дверь, и в комнату стремительно вошел Бат. Видно было, что он сильно возбужден.

— Вы и не чувствуете, что в этот самый миг за вами следят?

Пап махнул рукой:

— Ты опять о том же, Бат: следят, подслушивают. Пусть следят и подслушивают, если им нравится. Мы здесь не замышляем заговора против императора.

— Зато они замышляют, государь,— вспыхнул Бат.

— Опять, Бат?

— Нужно доказательство, государь?..

Бат, не выслушав ответа, выбежал.

Не прошло и двух секунд, появился снова, волоча за шею тощего грека.

— Иди, признавайся, низкая тварь! А то задушу тебя...

Пап, изумленный, выпрямился:

— Отпусти, Бат, отпусти!.. Ты забываешься, отпусти сейчас же...

Но Бат, задыхающийся от гнева, и в самом деле словно за-

бился. Глаза его готовы были вот-вот выскочить из орбит, он часто дышал и не мог овладеть собой. Тщедушный грек, которого он приволок, тоже задыхался в тисках крепких пальцев Бата.

– Что это значит, Бат? – повысил голос Пап. – Говори!

Бат отпустил грека, вытер пот со лба.

– Пусть он говорит, государь. Послушай, ты, – обратился он к ошеломленному то ли от страха, то ли от удушья греку. – Выкладывай сейчас же, почему подслушивал у этих дверей, зачем следишь за нами? Для чего у водопада шпионил в кустах? А ну, говори, да поскорее!..

Грек дрожал и не мог вымолвить слова – то ли от страха, то ли от спазма в перехваченной пальцами Бата глотке. Он лишь протягивал к Папу руку, взывая к милосердию. Слегка отдышавшись, осторожно потирая горло, заговорил прерывающимся голосом:

– Не убивайте меня... Прошу. У меня дети...

– Говори, что знаешь, и никто не убьет, – приказал Бат.

– Сейчас скажу, прошу только, государь, пощадите... – Грек поклонился Папу.

– Говори, не бойся, никто не причинит тебе вреда, – ободрил Пап. В нем уже разгорался интерес.

– Человеческая слабость, государь, – заныл грек. – Любопытно было поглядеть на чужеземцев. Не скрываю – из любопытства.

– Из любопытства? – перебил Бат, усмехаясь. – Что тебе тут любопытного, несчастный? Мы что – цирковые звери для тебя? Или шуты? Ну-ка, говори! Признавайся!..

Он поднял кулак.

Грек зажмурился от страха, потом открыл глаза, опасливо посмотрел вокруг.

– У меня семья, государь. Для содержания семьи...

– Ты это брось. Семья твоя нас не интересует. Признавайся, кто тебя послал! – наседал на него Бат. – Признавайся, если жизнь твоя так дорога твоей семье!

Тщедушный человечек, сжавшись и став еще меньше, начал рассказывать. Он действительно вынужден был заниматься тем, что не делает ему чести, и только ради семьи согласился. Надо ведь кормить семью. Да, он приставлен... Да, да, следить за ними... Куда ходит царь, кто у него бывает. И подслушивать велели, о чем говорят армены. Это все потому, что он знает их язык.

Нового тут ни для Папа, ни для Иеремии не было. Обычные византийские приемы. Но грек, наверно, выполняет и другую роль. И Бат продолжал наседать, горячась все сильнее.

– Выкладывай все до конца, что еще поручено тебе?

– Ничего, господин. – Губы грека затряслись.

– Говори! Я по твоему лицу и глазам вижу, что знаешь многое, скрыть все равно не удастся, – опять пригрозил Бат кулаком. – Не скажешь – прощайся с жизнью.

Последние слова разъяренный Бат произнес так зловеще, что грек будто снова ощутил цепкую хватку рук его на своем горле. Он вдруг захлюпал носом, как ребенок, заплакал – и это были не фальшивые слезы, к которым прибегают такого рода люди, нет, – рыданья несчастного человека сотрясли все его существо. И все-таки что-то не менее грозное, чем пальцы Бата, удерживало его. Овладев собой, утирая слезы пальцами, повторил – ничего он не знает. И тут же, взглянув на Бата, торопливо добавил:

– Сказали лишь, что царь арменов здесь в плену – следи: кто идет к нему, куда он сам ходит... Вот и все, государь, вот и все! – закончил грек, сильно дрожа.

В плену!.. Пап, Иеремия и Бат переглянулись растерянно.

– Ты говоришь «в плену», – не выдержал Бат. – Кто это в плену?..

– Не знаю, господин, не знаю, – повторил грек и в страхе сдвинул ладони, закрывая лицо. – Я лишь слышал. Мне сказали... император недоволен вашим царем, который сердцем не на его стороне... И больше ничего...

– Довольно! – сказал Бат. Он взял пленника за рукав и на сей раз спокойно увел в соседнюю комнату. – Посиди здесь немного, пока я проверю твои слова...

Заперев его, вернулся. Понизив голос, предложил:

– Пройдемте в другой зал.

Царь, Иеремия и Бат тихо, вполголоса совещались в соседнем зале.

– Ясно вам, друзья? Теперь поверил, Пап? – говорил Бат. – Не зря я чувствовал, что мы окружены особой заботой. Надо срочно искать выход.

– Да, ясно, все ясно. Здесь оставаться смысла нет, – говорил Пап, подавленный. Он сдерживал себя, считая недостойным царя высказывать вслух обиду и гнев. Однако сжатые губы, стиснутый кулак выдавали его. – Какой же ты предлагаешь выход, Бат? – спросил, помолчав.

– Ты сам назвал его, государь. Уйти отсюда!

– Да, уехать, уехать... – повторил Пап. – Вот единственный верный выход. Но как?.. Нужно обдумать, Бат.

– Я уже обдумал, Пап. Сколько дней уже думаю об этом. Теперь ясно: тебя вызвали сюда, чтобы пленить. И уходить нам надо спешно – это одно. Как? Я предлагаю: этого, – он указал на соседнюю комнату, – мы запрем здесь и сразу же прикажем нашим воинам выйти из казармы. Пусть идут к реке, будто бы мыть коней и купаться. Жара стоит, вот и вышли, мол, пожить на берегу в палатках. Свита двумя группами, как обычно, отправится якобы на прогулку. Я долго обдумывал со всех сторон это предприятие. Считаю, все получается как надо...

Помогая энергичными движениями глаз и рук, Бат объяснил, как обе группы с разных сторон подходят и соединяются у реки, а там готовы уже все. Ну и – на коней и вон отсюда!

— И это все за сегодня? — удивился Иеремия.

— Нет, тронемся завтра, — продолжал Бат. — Сегодня я пойду в казарму и поговорю с Гнелом, он молодой человек со сметкой, сразу поймет положение. Надо, чтобы ромей-надзиратель не заподозрил подвоха.

Бат снова принялся объяснять, как это можно сделать. В качестве дополнительного поощрения надзиратель получит хорошую меру армянского вина, — как известно, ромей за него отдаст душу. Воины возьмут с собой все необходимое.

— И палатки, — добавил Бат.

Иеремия удивленно взглянул на Бата.

— Палатки обязательно, — продолжал торопливой скороговоркой Бат. — Армянские воины, обитатели горной страны, не выносят городской жары, вот и приходится устраивать лагерь на берегу реки, на открытом воздухе, в палатках... Ромеям это будет понятно. Они ничего не заподозрят.

Бат закончил и, глядя поочередно на Папа и Иеремию, спросил:

— Согласны?

— Надо серьезно подумать, — сказал Пап. — Не все получается так легко, как говорится. Надо обдумать и взвесить, Бат.

— Время не ждет, государь.

— Вот и не будем его терять.

Пап попросил Бата и Иеремию срочно собрать нахараров свиты на совет.

В ожидании он зашагал по залу Теперь, после признания грека, многое прояснилось. Понятно, почему его встретили без особых знаков внимания, почему не дают приема. Ясно стало даже то, что император не затрудняет себя никакими объяснениями — зачем вызвал и прочее. Пап вспомнил недавний разговор с Анабасом. Вот почему ромей вел себя так бесцеремонно, сказал, что «другие могут сделать эти дела». Теперь не приходилось эту фразу толковать двояко. Да, дальнейшее пребывание в Тарсе становилось опасным. Нужно было немедленно найти выход, предложение Бата уже не казалось царю беспочвенным. Уезжать!.. Как можно скорее уезжать отсюда.

На совете все согласились с предложением Бата. Сомнений не было. Единственный выход — скорее покинуть Тарс, уйти совсем с этой чужой земли. Только Зенон Гнуни советовал не торопиться. Нельзя, мол, так безоговорочно доверять словам этого грека, необходимо было бы собрать более точные сведения.

— Ишхан Гнуни, Валент нас принять не хочет — это ясно. Иначе разве не нашел бы он за целый месяц одного дня для нас? — сказал Пап огорченно. — Не принял, не сообщил, когда примет, и даже не объяснил, с какой целью вызвал. Чего уж точнее. По всем признакам — не для почестей нас пригласили сюда. Пленниками собрались держать, если не замыслили еще худшего.

— Государь, впечатление может быть ошибочным,— настаивал Зенон Гнуни.

— Ишхан Гнуни, ты ждешь, чтобы мечом тебе доказали, где истина?

Зенон Гнуни опустил голову. Он и сам, говоря правду, находился в сомнениях, где уж тут было продолжать спор. Но вот еще одно возражение пришло на ум: опасно пускаться в путь, не разузнав все досконально. Ведь армянская граница далеко, а дорога совсем незнакома. Это и высказал Зенон вслух.

Бат сразу же разбил этот довод:

— Ишхан Гнуни, ты говоришь об опасностях. Приходится, конечно, быть готовыми к любой опасности, но если ты хотел сказать о войске ромеев, то знай, я осведомлен — на нашем пути таких войск нет, а здешний гарнизон так малочислен, что наша тысяча может помериться с ним силами. Я все разведал.

— Осторожность делает тебе честь, благородный Зенон,— сказал Пап.— Но не кажется ли тебе, что опасность отступления не так велика, как опасность пребывания здесь?

Зенон не нашелся что ответить, почувствовал себя неловко. На его счастье, внимание отвлек другой вопрос — кто-то из свиты поинтересовался, что будет с подарками, привезенными для императора.

— Мы должны спасать нашего царя и наших людей, а не слонов, коней и прочие подарки,— вскинул Иеремия голову. До этого он слушал молча, погруженный в раздумья.

— Значит, завтра? — спросил Тачат Труни, который все время молчал и словно взвешивал всю серьезность предстоящего им дела.

— Да, все будьте готовы, двинемся по сигналу Бата,— твердо распорядился Пап.— Наше пребывание здесь уже излишне. А армянская граница не так далека... Верхами — два-три дня пути.

Нахарары, понурясь, тяжелыми шагами вышли друг за другом. Пап опять задумался. Валент, по всей видимости, недоволен, что Пап потребовал освободить города. Ему неудобен в Стране Армянской такой царь. Задержав Папа в плену, думал освободить себе руки и уж постарался бы прихватить не только армянские города, но и всю страну. Так, несомненно, и поступит Валент, если Пап останется здесь. Но если вернется, этого не случится. Он не допустит этого.

«Нужно, нужно уходить. Надо предотвратить беду»,— сказал он, сжимая кулак.

«А может, Валент и не посягает на твою страну,— прошептал некий голос внутри.— Может, недоволен лично тобой и хочет пленить только тебя?»

«Меня?..— ответил Пап.— Если бы мой плен мог стать благом для моей страны, я не задумываясь остался бы. Но остаться — значит собственноручно сдать города и страну ромеям. Что скажет народ? Что скажут мои преемники, если я добро-

вольно останусь в плену?.. Обманутый ромеями, попал в плен по своей воле, не сумел отстоять свою страну.

Нет, я не стану пленником, уйду отсюда. Наши предки, наши отцы оставили нам страну, города, народ, а я по собственной воле сдам их ромеям? Нет... Я объединю всех нахараров, подниму на ноги все силы Страны Армянской и, если потребуется, вступлю даже в союз с персами. Но ромеям распоряжаться в нашей стране не позволю».

«Ну, а если настигнут и убьют тебя?» – шепнул тот же голос.

«Это будет намного лучше, чем добровольный плен. Никто не скажет, что склонил, как раб, голову».

Так говорил Пап самому себе. Он был уверен, что достигнет армянской земли. Он создаст сильную армию. Его нахарары будут поддержкой ему, дадут войско. А не дадут – бросит клич народу, созовет всех, поднимет всю страну – и возьмут они оружие, как в дни нашествия Шапура. Грудью, сердцем защитят родину... И лучше пасть в этом бою, лишь бы осталась страна родная...

«Валент идет по стопам Шапура... Он пленил отца... Но я не дамся. Нет!..»

«Пленник!..» Пап вдруг подумал: знал ли Теренций о замысле императора? Думалось, что нет. Хоть он и ромей, хоть и дипломат, но он всегда так дружески относился к Папу. Прощаясь, ведь сам посоветовал потребовать у императора города...

По пути в казарму Бат встретил Анабаса. Крепыш, сняв шапку, вытирал пот со лба. Шел он во дворец. Увидев Бата, остановился на полпути.

– Куда, уважаемый, так спешишь? – спросил, как всегда улыбаясь.

– О, очень рад встрече, – вполне искренне обрадовался Бат. – Иду к своим воинам.

– К воинам? И для чего же? – Анабас удивленно посмотрел на Бата.

– Донесли мне – недовольны мною.

– Что случилось, уважаемый? Почему?

– Держим в казарме, в четырех стенах. Они – горные жители, плохо переносят город, не приспособлены к жаре. Просят разбить лагерь у какой-нибудь реки, чтобы могли часто купаться и купать коней.

– И с чем же ты направился туда, уважаемый? – поинтересовался Анабас.

– Попробую успокоить. Мы же гости, неудобно.

– Почему неудобно? – вскинул плечи Анабас.

– Гостям не годится требовать. Должны принимать порядок хозяев.

Анабас надел шапку и задумался.

— Знаешь что, уважаемый, это желание воинов можно удовлетворить. По-моему, это вполне понятно.

— И я согласен, желание само по себе естественное, но стоит ли затевать излишние хлопоты?

— Э, ничего, уважаемый. Какие там хлопоты. Я думаю вот что: сейчас же иди и обрадуй их. Я распоряжусь, чтобы не препятствовали им выйти из города. Даже на родину, если пожелают, пусть едут, мы поможем.

«Вот как — на родину без царя... Знаменательно! Он это говорит по наивности или невольно сорвалось с уст», — подумал Бат, а сам по-простецки сказал:

— Нет, пока не надо, они хотят лишь пожить на открытом воздухе. Если не возражаешь, я передам им твое разрешение.

— Я сам готов пойти с тобой и лично разрешить им это, — оживился Анабас.

— Ты очень добр, благородный Анабас. Зачем такое беспокойство. Идти по жаре... Я сообщу о твоем разрешении.

— В таком случае вот мой перстень. Или написать две строчки надзирателю казармы? — сказал ромей.

— Думаю, перстня достаточно, — невозмутимо заметил Бат.

Пока Анабас снимал перстень, Бат торжествовал: начало удалось. Ему даже казалось — большая часть задуманного прошла удачно. Что могло случиться потом, об этом пока не гадал. Понимал: дело затеяно опасное, но так было нужно, иного выхода из ловушки он не видел. Значит, нечего и охать — как бы не стряслось что в дороге. Лучше умереть на пути к свободе, чем томиться в плену. Бат был очень доволен, что так ловко провел Анабаса. Глядя на его перстень, злорадствовал: не все ромею издеваться над ними. Но тут же и остановил себя: «Дело конец красит».

«А теперь посмотрим, что скажут воины... Захотят ли пуститься в опасный путь или предпочтут плен» — так рассуждал, направляясь к казарме уже с перстнем-пропуском в кармане.

Сомнения Бата оказались напрасными. Прежде всего он велел Гнелу и Раату собрать десятников. И когда сообщил им, какое зло замышляет Валент против царя и против всех, кто с ним прибыл, бывалые воины окаменели. Посыпались крепкая ругань, проклятия.

— Тьфу!.. Коварные ромеи...

— Змеиное отродье...

— Исчадья ада...

Тут и рассказал Бат, что царь и нахарары решили предпринять для спасения из плена. Он ждал: сейчас призадумаются, откажутся от опасной дороги. К его удивлению, все облегченно вздохнули и в один голос воскликнули:

— Сейчас же, ишхан Сааруни! Сейчас и отправимся! Без промедления!

— Нет, сказал Бат, — сейчас нельзя. Это может показаться подозрительным. Одну ночь еще переночуете здесь, а ранним утром трогайтесь. Соберетесь на другом берегу реки. Только

смотрите, без спешки, спокойно. И воинов подготовьте осторожно,— добавил Бат.— С собой возьмете съестные запасы и палатки.

— Запасы, понятно, ишхан Сааруни, а палатки к чему? — спросил один смелый десятник.

— А вот к чему: вы же перебираетесь в палаточный лагерь. Так будет считать ваш надзиратель-ромей, и смотрите, чтоб он ничего не заподозрил.

Этой ночью никто не уснул ни в казарме, ни во дворце, где расположился армянский царь со свитой. Больше всех стал вдруг беспокоиться сам Бат. В эти последние часы не находил себе места. То казалось ему — Анабас почуял неладное, догадался, для чего перебрасывают воинов. То боялся, не сбежал ли запертый грек, не поднял ли шум. Может быть, сюда уже бегут ромеи... Ночью он несколько раз ходил проверять замок на двери и даже успокаивал пленника — утром выпустит... То и дело Бат навещал царя и нахараров из свиты. Так и ходил от нахараров к царю, а от царя к нахарарам. Уточнял план бегства, успокаивал, а заодно ободрял и себя.

Всем было тревожно. Приближенные царя тянулись друг к другу, как бывает в дни больших бедствий или решающего наступления. Всякий раз, когда Бат, сказав успокаивающие слова, уходил от нахараров, Ота Апауни, едва преодолевая сон, отводил Зенона Гнуни в какой-нибудь угол и шептал:

— Это нас погубит, ишхан Гнуни...

— Что мы можем сделать, ишхан Апауни... Сам царь распорядился уходить...— отвечал Зенон Гнуни и закрывал ладонью рот, давая понять, что говорить об этом излишне.

Ждали рассвета. Бат несколько раз выходил смотреть по звездам — который час ночи.

Лишь забрезжил рассвет, Бат поспешил в казарму. Воины уже встали и готовились к переезду: одни снаряжали коней, другие связывали вьюки с едой, третьи грузили палатки — и все с таким спокойным, хозяйственным видом, что Бату захотелось поторопить их. Но сам ведь предупреждал — спешка дала бы повод к подозрению. Ромей-надзиратель стоял во дворе рядом с Гнелом Андзеваци, возглавлявшим переезд, и Раатом и с удовольствием наблюдал работу воинов-армян. Бату показалось, что он даже рад освобождению казармы — и это было правдой. Как позднее выяснилось, ромей поделился с Гнелом Андзеваци: «Хорошо, что перевозят воинов, здесь, в городе, они, пожалуй, могли и дурную болезнь схватить, и натворить со скуки беспорядков».

Бат отозвал Гнела в сторону и сказал:

— Когда все до последнего отправитесь в путь, сообщи мне.

И заспешил во дворец, чтобы и там торопились с подготовкой.

Но торопить не пришлось. Все были готовы со вчерашнего

дня. Ждали только удобного часа, чтобы отправиться в путь. И чем ближе надвигался этот час, тем сильнее била их лихорадка ожидания...

И вот наконец все сели на коней и были готовы тронуться. Неожиданно объявился Анабас – тоже верхом.

– Куда это, уважаемый? – спросил он удивленно Бата, который уже собирался выехать со двора впереди свиты.

«В неурочный час явился, проклятый, – подумал Бат. – Почуял, собака, неладное или случайно явился? Однако так рано, в этот час? Не предпринял ли он каких-либо мер?..»

Бат хоть и волновался, но ответил спокойно:

– Ничего особенного, друг. Царь желает взглянуть, что за место выбрали воины для лагеря.

– Да? И я как раз собирался поглядеть, как они устроились, – сказал Анабас, не сходя с коня.

– Зачем же тебе так беспокоиться? – заметил Бат.

– Какое беспокойство, уважаемый, это моя обязанность, я же распорядитель... Должен знать, хорошо ли моим гостям...

«Простак или разыгрывает простака?» – опять подумал Бат и, подогнав коня к Папу, сказал ему о намерении ромея и о своем подозрении.

– Пусть едет, – решил Пап. – Отказать не можем...

И пятнадцать человек свиты, а с ними и находившиеся во дворце армянские воины, окружив царя, отправились в путь. Шли сначала размеренным шагом, потом быстрее, громким топотом конских копыт привлекая внимание горожан.

Анабас держал своего коня рядом с конем Бата и норовил втянуть его в беседу.

– Я вижу, ваш царь очень любит своих воинов... Так озабочен – какое место выбрали для лагеря, устроились как...

– Каждый царь должен любить своих воинов, – отрезал Бат и опять подумал: «Хитрит или действительно верит?»

– И наши воины тоже привередливы, – продолжал Анабас. – Любят свободные, открытые места. Поэтому император распорядился строить казармы за городом.

– Так, конечно, лучше, – согласился Бат, думая: «Почему так много болтает? Пронюхал ли что, или просто без цели разболтался?».

– А успели они перебраться? – спросил Анабас.

– С рассвета, кажется, начали.

– А-а, сейчас, наверно, разбили палатки, купаются, – улыбнулся Анабас.

– Наверно, – согласился Бат.

Каково же было удивление дворцового распорядителя, когда, добравшись до места, он увидел, что воины и не думали еще разбивать лагерь. Палатки были разбросаны на земле, но многие из воинов сидели на конях, словно наготове. Да и вьючные кони еще стояли под грузом... Анабас решил – видно, ждут царя и своего начальника Бата, чтобы определить место лагеря. Подивился такому послушанию. Воины, завидев

своего царя, оживились, встретили его радостными криками, а Пап, откинув мантию, приветственно помахал им белой рукой.

Из толпы всадников-армян выехал молодой Гнел Андзеваци, глаза его горели. Верхом на буром с белыми ногами коне приблизился он к царю. Что-то сказал ему, и Пап погнал своего коня на восток, за ним – и свита. Конь Анабаса невольно тронулся вместе со всеми, и Анабас не остановил его, решив, что армяне, наверно, хотят подыскать более удобное место для лагеря. Однако всадники уже отъехали от реки слишком далеко. Распорядитель предостерег Бата:

– Вы напрасно удаляетесь, уважаемый.

– Нет, друг, царь хочет познакомиться с местностью, окружающей лагерь, посмотреть, насколько тут удобно и безопасно.

– О уважаемый, вокруг Тарса не найдешь более удобного и безопасного места, чем здесь, – сказал Анабас тоном хорошо осведомленного человека и тут вдруг услышал за собой конский топот. Удивленно посмотрел назад, потянул поводья. – А войско почему идет за нами?

– Наверно, желает отдать честь царю и сопровождать его, – ответил Бат. – Наши воины, знаете, любят царя, как и царь – воинов.

Анабас опять обернулся.

– Но они... Они, кажется, все со своими вещами, и вьючные лошади с ними. – Распорядитель вдруг побледнел. – Что это значит, уважаемый? Уж не хотят ли уехать? Куда?..

Поскольку все уже достаточно отъехали от города, Бат не счел больше нужным скрывать правду.

– На родину, уважаемый, на родину, – сказал не без издевки.

– Ка-ак? – Анабас в удивлении задержал коня.

– Да так. Устали от гостеприимства и едут на родину, – ответил Бат, одновременно подстегивая его коня.

– Вы шутите, уважаемый? – не поверил Анабас.

– Нисколько.

– Но... но, если это правда, вы меня обрекаете на не... несчастье, – начал заикаться Анабас.

– Нет, несчастья не будет... Мы и тебя увезем с собой, – сказал Бат и протянул руку, чтобы схватить за повод его коня.

Но Анабас вдруг резко рванул голову коня в сторону и, увернувшись, поскакал напрямик через поле. Таким образом он сокращал путь и избегал опасной встречи с армянскими воинами, едущими вслед за царем. Он спешил доставить весть в город. Пригнувшись, несся во весь опор. В бешеной скачке из-под копыт его коня в разные стороны летели комья земли.

Бат не стал тратить времени на погоню. Лишь улыбнулся запоздалой энергии ромея и, обернувшись к войску, приказал:

— В галоп! — И к Гнелу Андзеваци: — Большую часть лучников — в задние ряды! Будь готов, Гнел, к сопротивлению!

— Уже приказано, ишхан Сааруни! — отчеканил Гнел, взглянув на начальника горящим взором, и, чуть отстав, погнал своего белоногого коня перед скачущим войском.

Дорога была ровной, и армяне, поднимая пыль, мчались вперед, туда, где вдали сквозь тонкую мглу синели низкие, лесистые горы, будто окутанные легким дымком.

В ясном голубом небе неистово пылало солнце, заливая их путь обильным светом. Размеренный вначале галоп перешел в стремительную скачку, на мощеную дорогу древних римлян словно посыпался град.

Рядом с Гнелом мчался Раат с задумчивым лицом, вперив глаза в синеющие горы. Он невольно вспоминал свое первое путешествие в Византию — спокойное и приятное. Впереди, склонив крупный корпус к коню, скакал Бат. Гнел видел по спине, как напряжен его начальник, и чувствовал в этом напряжении волю, устремленную к цели — скорее отвести опасность от своего царя, от друзей и воинов. А царь, впереди Бата, скакал в окружении всей своей свиты, ни он, ни свита ничем не отличались от воинов. Все они сняли свои накидки и остались теперь в заранее надетых простых воинских доспехах. Об этом они позаботились еще ночью. За царской свитой совершенно вплотную шла большая группа лучников и копьеносцев — заслон.

Все — и едущие впереди лучники, и копьеносцы, и царь со своей свитой, и заслон его, и замыкающие лучники, — все как один скакали собранно, стремительно. Каждый слился со своим конем, и казалось — не бегут они от беды, а сами сосредоточенно преследуют врага. Позади них растянулось длинное облако пыли, и сквозь него вдали виднелись за деревьями дома Тарса. Из труб то тут, то там вился кверху мирный дымок.

Прошло больше часа. Дозорные, едущие в конце колонны, заметили вдали облако пыли. Оно двигалось со стороны города и все увеличивалось. Скоро выяснилось — большая группа всадников как буря неслась на них.

— Погоня!.. Погоня!..

Весть в одно мгновение достигла передних рядов.

Бат приказал: гнать вперед! Сам он задержал коня, присоединился к замыкающим. С ним вместе — Гнел и Раат.

Ромеи стремительно приближались, дорога гудела от резких и частых ударов копыт.

Вот уже между царской конницей и преследующими осталось расстояние полета стрелы. Передний всадник крикнул по-гречески:

— Стойте! Стойте!.. — и подал рукой знак, словно приглашал подождать отставших друзей.

Из замыкающего отряда армянских лучников шутливо отозвались:

– Поворачивайте обратно! Обратно!.. – И показали руками – поворачивайте!

Ромеи не сбавляли хода, продолжали наседать.

Оказалось, за армянами гнался начальник городского гарнизона с отрядом воинов. Он не приказывал, не угрожал, только просил:

– Вернитесь обратно! Избавьте от гнева императора!..

Армяне не отвечали – продолжали свой бег, оглушая конским топотом и лязгом оружия всю окрестность.

Начальник гарнизона не отставал, продолжал молить:

– Воины-армяне! Передайте вашему царю, он совершает ошибку – последствия будут плохие. Пусть вернется, пока не поздно! Все равно к себе вам не добраться... Скажите, пусть остановится! Пусть вернется!..

Замыкающие лучники, держа луки наготове, передавали слова ромея едущим впереди. Те, в свою очередь, передним, и так просьба начальника гарнизона доходила до свиты. Пап уже дал приказ – не пускать стрел в преследующих, пока сами не начнут. «Ни одной стрелы!» – сказал он. Теперь на мольбу начальника гарнизона ответил лишь новым приказом своему войску: «Вперед! Быстрее!..»

Галоп стал еще круче. Всадники слышали лишь топот копыт да лязг оружия и стремян.

Солнце било в глаза, играло на металле копий и конской сбруи. Казалось, кони, опьянев от солнца, уже не скачут, а летят на крыльях – прямо к нему.

Какое расстояние промчались, сколько времени так стремительно неслись – никто из всадников сказать бы не мог. Вдруг дозорные позади заметили на дороге новые клубы пыли, которые быстро приближались. Скоро зоркоглазый Гнел распознал в надвигающихся конниках другую часть гарнизона. Эти конники были гораздо многочисленнее и в полном вооружении неслись на помощь первым.

Две части слились и начали догонять армянских всадников, устрашая стремительностью и шумом.

Однако армяне неслись, как и прежде, слаженно, не сбивая скорости, готовые к бою. Бат то мчал коня к первым рядам, то задерживал его, присоединялся к замыкающим и повторял:

– Не тревожьтесь. Их не больше нас...

Царь опять предупредил:

– Не пускать ни одной стрелы, пока не начнут сами.

Бату – да и воинам – не терпелось пустить несколько стрел, проучить ромеев, но пришлось подчиниться приказу царя. Однако не успел приказ царя достичь замыкающих, как несколько ромеев оторвались от своих и стали настигать армян. Они неслись как ветер, громко крича, грозили, потрясая луками. Один, видно самый отчаянный, выскочил вперед и яростно завопил:

— Сдавайтесь, грязные армены! Сдавайтесь! — и натянул лук...

Стрела со свистом полетела и застряла в руке одного из армянских лучников.

Этого было достаточно. Лучники замыкающего отряда тотчас остановились, и стрелы одна за другой полетели в преследователей.

...Упал дерзкий, пустивший первую стрелу и заоравший «сдавайтесь!». Упал и другой, который только собирался пустить стрелу. И третий повис вниз головой в седле, увлекаемый несущимся вперед конем.

Ромеи завизжали от ярости, ускорили бег коней, на ходу пуская стрелы. Армяне не дрогнули. Все так же, стоя на месте, поражали наступавших стрелами. Но вот расстояние между ними стало опасно близким, стрелы полетели гуще. Армяне выпустили во врага последнюю сияющую под солнцем ленту стрел и с удвоенной скоростью понеслись вперед, сливаясь с конями.

Как только достаточно оторвались от врага, повторили тот же маневр: вдруг остановились и снова встретили противника потоком стрел. Ромеи, захваченные врасплох, схватились за свои луки, но армянские воины, пригнувшись к коням, уже скакали далеко впереди.

Это повторилось несколько раз. Воины-ромеи задыхались от беспрерывной бешеной гонки. Не выдержав очередного снопа стрел, они остановились, некоторые даже повернули коней, закружились на месте. Этим воспользовались армянские лучники и ринулись на них. В отступлении ромеи оказались еще более резвыми, чем в погоне. Тем более что и числом они уступали армянам. Вскоре они скрылись за облаками пыли.

Между тем надвинулись сумерки. Армяне продолжали свой путь в незнакомую даль — к темным лесистым горам. Ехали молча, ожидая, не перережут ли им путь ромеи, не пошлют ли вдогонку войска...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Всю ночь Пап и его свита в кольце армянской конницы неслись без передышки по выбранной дороге. Разведчики и дозорные впереди, зоркие лучники позади отряда готовы были, чуть заметив опасность, подать сигнал.

Армянам помогали звездная ночь и ровная дорога. Это был главный путь из Тарса, связывающий богатый торговый город с восточными областями и странами. По нему обычно, звеня бубенцами, с востока тянулись караваны верблюдов, навьюченные товарами, шагали крестьяне и мастеровые. Но

славная столица Киликии известна была не только как торговый центр. Здесь по нескольку раз в году собирались представители греческого и сирийского духовенства для ожесточенных споров о божественной сущности и рождении Христа... Так что на этом пути нередко можно было встретить и священнослужителей, пеших и конных, самой разной внешности, которые спешили в Тарс или возвращались оттуда.

Всего лишь месяц назад по этой самой дороге ехали армянские воины и нахарары со своим царем, гордые приглашением императора. Их вели большие надежды, ожидание почестей и гостеприимства. И вот теперь спешили они как можно скорее и незаметнее добраться до армянской границы... Ни один воин, ни один сотник, ни один член царской свиты не менял своего места в конном строю, не произносил ни одного лишнего слова. Только размеренный топот тысячи коней, подобно ливню с градом, шумел в ночи.

Армянские всадники мчались во весь опор — каждый подался вперед всем корпусом, пронзая мрак широко раскрытыми глазами... Казалось — ночь бесконечна и рассвет не наступит никогда. Всюду, за каждым кустом мерещилась засада, за поворотом дороги — препятствие... Но ни человек, ни зверь, ни птица не попадались им на пути. Ночь берегла их, грохочущий топот конницы отгонял все живое.

Рассвет застал Папа с войском в густом лесу. Утро едва пробивалось сквозь кроны высоких деревьев. Однако большие и малые птицы уже начали свой день. Одни, спрятавшись в ветвях, весело щебетали, другие хлопотливо куда-то летели, третьи, самые крупные, широко взмахивая крыльями, поднимались ввысь, словно недовольные конским топотом. А совсем мелкие пташки норовили схватить чуть не из-под копыт лошадей свой кусок и с ним стремительно отлетали в сторону.

Всадникам было не до птичьей суеты. Истомленные, обливаясь потом, они все так же стремились вперед, думая лишь об одном: как бы побыстрее проскочить опасные места.

Но вдруг движение остановилось. Впереди была развилка: дорога делилась на две. Пап спешился, приказал вызвать ведущего

— Пока выясним, какая дорога короче и безопасней, как раз и отдохнем,— сказал он Бату и Иеремии, которые все время были рядом с ним. Сойдя с коня, письмоводитель сразу же проверил свой кожаный мешочек, в котором лежала рукопись его незавершенного труда.

Ведущий Раат в это время вместе с Гнелом размещал воинов и их коней на ближайшей поляне, и делал это с расчетом, чтобы в случае опасности воинам удобнее было и сопротивляться и, если понадобится, отступать.

Раат явился перед царем с луком, перекинутым через плечо, с колчаном и мечом на левом боку. Приложив руку к сердцу, поклонился и встал, подняв усталые от бессонницы глаза на Папа «Как воинские доспехи изменили царя»,— подумал он.

— Ответь мне, молодой друг,— начал царь, оглядывая Раата с ног до головы.— Какая из дорог более короткая и безопасная и по какой, считаешь, следует идти?

— Более короткая, государь, дорога справа, по ней мы ехали в Тарс,— сказал Раат.— Но безопасна ли она теперь...

— Понятно.— Пап кивнул. Сам знал: после их бегства, конечно, обе дороги могут быть перерезаны. И это надо было выяснить как можно скорей. Пап велел вызвать воина, знающего греческий язык.

Гнел привел юношу. Поклонившись, тот остановился прямо перед царем, широко раскрыв большие глаза.

Пап в простой одежде сидел на траве, вокруг него, также просто одетая, расположилась свита.

— Как зовут тебя? — спросил Пап.

— Меня? — растерялся воин.— Зора мое имя, государь,— сказал он тихо, недоумевая: зачем царю понадобилось знать мое имя? — Зора,— повторил он еще раз.

— Послушай, дорогой Зора,— обратился к нему Пап задумчиво и дружелюбно.— Садись-ка на своего коня и гони вот по этому направлению,— он протянул белую руку к широкой дороге, ведущей направо через лес.— Чуть увидишь греческое войско, немедленно скачи назад. Не встретишь — доберись до деревни, раздобудь нам еду и корму коням, а потом сразу — назад за нами. Сможешь?

— Будет исполнен твой приказ, государь,— склонил голову воин.

— Молодец. Иди, желаю удачи.

Воин снова поклонился и, не дожидаясь своего начальника Гнела Андзеваци, помчался на крыльях радости к товарищам — там стоял его конь. Надо же, сам царь дал ему поручение! Среди многих выбрал именно его, Зору!

Через несколько минут он уже несся по той дороге в лесу, которая вела направо.

Пап вызвал еще одного воина, знавшего греческий. Имя этого юноши было Ваан. С таким же поручением и с теми же наставлениями царь отправил Ваана по дороге, ведущей налево.

— Если доскачут и вернутся обратно, значит, дороги свободны,— сказал он приближенным.— Если нет — придется искать третий путь, чтобы вывел нас на родину. Не хотел бы терять ни одного воина, но и всеми рисковать нельзя. Больно, но...— голос Папа осекся,— другого выхода нет...

— Жизнь, увы, всегда требует жертв,— заметил Иеремия.

С этой минуты все стали ждать возвращения только что посланных разведчиков. Словно от них одних зависело — спасется отряд или нет. Воины доставали из притороченных к седлам мешочков и сум хлеб и другую еду, устраивались на траве,— ведь со вчерашнего утра куска во рту не было. Некоторые шагали взад-вперед, чтобы размять тело, онемевшее за сутки почти непрерывной езды. Усталые, вспотевшие кони с подтя-

нутыми животами принялись жадно хватать обильную траву на маленьких полянах, тянулись к мягким веткам и листьям деревьев. И воины и командиры, готовые к любой неожиданности, то и дело посматривали на обе дороги: что же придет оттуда – беда или спасение...

Положение и в самом деле было тяжелым. Византийские войска могли нагрянуть каждую секунду и по всем трем дорогам. Окружат и перебьют всех. Это понимали и воины и нахарары. Уверены были – ромеи так легко не дадут им уйти. Уж конечно, послали погоню, и немалыми силами, да и не только вослед; наверно, обе виднеющиеся впереди дороги отрезаны.

– Ромей может нагрянуть сразу и напасть с двух сторон, попробуй тогда сражаться, если ты еще и устал,– говорил кто-то в группе воинов, сидевших под деревом.

– Вот-вот, братец, я и говорю: чем раньше унесем отсюда ноги, тем лучше,– отвечал другой.

– Подальше от опасности – оно всегда веселей...

– Только вот кони... Ведь еле дышат, отдых и им нужен, а то и не унесут далеко.

– И это верно...

Иные из воинов беспокойно переходили от группы к группе, чтобы узнать, надолго ли задержка, когда же двинутся дальше. Многие не знали причину остановки и считали ожидание бесполезным – скорей надо уходить с земли ромеев.

То и дело поглядывали воины и в сторону большого дуба – под ним сидел царь со своей свитой. Царя узнали не сразу. Он еще в Тарсе, прежде чем отправиться в путь, облачился в доспехи простого воина, а теперь сбросил и царскую накидку, так что многие в это утро спрашивали друг друга, где же царь. Вся свита не отличалась одеждой от простых воинов, и только Зенона Гнуни выдавала его серебристая борода. Его и распознавали прежде всего, а потом уже, определив место, где должен быть царь, узнавали белое лицо Папа.

Пап был сейчас нетерпеливее всех. Он задумчиво смотрел то в одну, то в другую сторону дороги, переговаривался с окружавшими, иногда он вставал с места и, пройдя несколько шагов, рассматривал сидящих под деревьями воинов и их коней, снова переводил взгляд на дороги и опять садился. Его все больше тревожила одна мысль: не совершил ли он ошибки, так поспешно оставив Тарс? Не напрасно ли подверг опасности своих армян? Не придется ли им поплатиться из-за него?..

Не меньше тревожились и члены свиты. Бат не мог усидеть на месте, все ходил и посматривал на дороги. Иеремия размышлял о чем-то, прислушиваясь к далеким звукам. Зенон Гнуни мял серебристую длинную бороду и тихо переговаривался со своим другом Ота Апауни, который осторожно кряхтел и повторял: «Нет, теперь я вижу, ишхан Гнуни, наши кости сгниют в чужой земле...» Все напряженно слушали и смотрели. Стоило зашелестеть ветке в лесу, сломаться сухому сучку под копытом

пасущегося коня – и каждый вздрагивал: не возвращается ли один из посланных? А может быть, это разведчик ромеев?..

Но снова наступала тишина, такая глубокая, что слышалось, как кони щиплют траву или жуют зеленые ветки деревьев. Две пустынные дороги скрывались в лесу. Казалось, по ним никогда не проходил человек.

Деятельнее других были Гнел и Раат, они беспрерывно переходили от группы к группе, подбадривали воинов, одним что-то говорили, другим улыбались, чтобы не отчаивались или не уснули, поддавшись усталости. Оба видели, что и сами воины понимают серьезность положения, поэтому и разговоры их негромки, даже коням не дают сделать неосторожного движения – чтоб не услышал разведчик-ромей. Но все-таки предостеречь и поддержать дух считали нелишним.

– Скоро, братья, скоро отправимся, и все хорошо будет, – говорил Гнел, улыбаясь и подмигивая.

– Да и граница совсем недалеко, – добавлял Раат.

Но ожидание было все же тягостным и долгим, погоня казалась неизбежной, а что впереди – было неясно.

Солнце поднялось из-за леса, протянуло свои светящиеся копья и стрелы между деревьями к поляне, к дорогам, к людям и к их коням, весь лес наполнило теплое благоухание испаряющейся росы. Кони начали пофыркивать, бить хвостами по крупам, – это означало, что они уже наедаются. А посланных воинов все не было. Вернулись дозорные, отправленные вслед, сообщили: пока ничего не видно.

Пап мрачнел.

– Как думаешь, Бат, что могло, кроме... – он не договорил, – задержать наших посланцев?

– Только одно: их самих задержали, – ответил тихо Бат.

– Значит?.. – Пап внимательно поглядел на Бата.

– Думаю, государь, – продолжал тот, – обе эти дороги захвачены войсками ромеев. Вместо погони решили просто отрезать нам путь. Мне кажется разумным дать небольшой отдых воинам и коням. А затем со свежими силами ехать самым кратким путем и быстро, как мечом, разрубить цепь ромеев. Только так сможем пробиться. Другого выхода не вижу...

Так же думал и Иеремия:

– Да, надо прорваться через цепь войска ромеев, если она есть. И сходу переправиться через Евфрат, нигде не останавливаясь.

– Все это так, а о потерях вы думали? Если дороги действительно перекрыты войсками ромеев, потери будут тяжелые, – задумчиво сказал Пап. – Очень тяжелые.

– Может случиться и это, государь. Но где другой выход? – сказал Бат. – Из двух наших разведчиков ни один не вернулся. И погони не видно. Значит, ромеи в самом деле отрезали дорогу. Надо атаковать, надо пробиваться!

Пап грустно покачал головой:

— Нет, я не хочу потерь. Хватит и этих двух несчастных воинов, если они действительно пропали.

— Что же делать в таком случае, государь?

— Найти третий путь.

— Но есть ли такой?

Пап молча указал на лес.

— Идти лесом? — удивился даже смелый Бат. — Но здесь не видно третьей дороги, государь.

— И всадникам будет трудно, их около тысячи, — подхватил Иеремия.

— Деревья, государь, деревья не позволят, — веско сказал Зенон Гнуни.

— Да, государь, правду говорит ишхан Гнуни, — часто дыша, подал голос и Ота Апауни. — Деревья помешают.

Вдруг за кустами послышались радостные и в то же время обеспокоенные чем-то голоса:

— Зора, Зора идет!..

Через несколько секунд из-за кустов показался воин Зора — тот, что ушел по правой лесной дороге. Но был он не один. Вел с собой крестьянина-ромея.

Все притихли, напряглись. Кто был этот ромей? Может быть, вражеский разведчик или шпион? Где нашел его Зора?

Гнел уже вел крестьянина-ромея к царю. Это был человек средних лет с заросшим загорелым лицом. Он заинтересованно и удивленно глядел вокруг. Короткая капа при каждом шаге приоткрывала заплаты на коленях его штанов, открытые сандалии обнажали шерстяные пыльные чулки.

— Откуда идешь? — спросил Пап по-гречески.

Крестьянин-ромей назвал какую-то греческую деревню и указал рукой на дорогу, по которой пришел. А направлялся он в другую деревню, он показал в обратную сторону. На вопрос царя, что видел на дороге, крестьянин ответил не задумываясь:

— Войско.

— Далеко? — спросил Пап.

— В двух парсахах от нашей деревни, — ответил грек, нисколько не стесняясь. Откуда ему было знать, что с ним разговаривает переодетый царь. — Раньше войско тут не стояло, пришли недавно, — добавил крестьянин словоохотливо.

Окружающие царя многозначительно переглянулись. По лицу Папа пробежала тень — подозрения оправдывались. Значит, эта самая короткая дорога, ведущая к Евфрату, дорога, по которой они ехали в Тарс, действительно перекрыта. Царь спросил, велико ли войско. Крестьянин ответил неопределенно — войско порядочное, но как многочисленно — он не знает.

— А кто ты такой? — спросил Бат, с сомнением разглядывая грека.

Крестьянина удивил этот вопрос, и сам он изучающе оглядел Папа, Бата и остальных. Остановился на пожилом, с внушительной бородой Зеноне Гнуни. Ему и ответил:

— Я из ближайшей деревни, господин, — и опять с сомнением и опаской посмотрел на всех, не понимая, почему так подробно расспрашивают.

— Правду ли ты говоришь? — опять засомневался Бат. — Боюсь, не из этих ты мест...

— До нашей деревни два парсаха отсюда, господин. Не веришь — иди и спроси нашего священника или старейшину Мелитэ, кто такой Ксанто.

— Хорошо, — перебил Пап. — Коли ты здешний, скажи-ка, как нам пройти через этот лес к берегу Евфрата? Есть кроме этих двух еще дорога?

— Есть, — ответил крестьянин. — Но пройти по ней будет трудно. Узкая она, деревья мешают.

— А все-таки конь пройдет?

— Пройдет, отчего же нет, пройдет. Но для таких благородных людей, — грек с уважением посмотрел в сторону Зенона Гнуни, — это недостойный путь. Ветви деревьев мешают.

— Можешь указать нам эту дорогу? — спросил Пап.

Крестьянин все еще не понимал, кто такие допрашивавшие его люди. Догадывался, что далеко не все греки. Но повести их к лесной тропе согласился охотно. Пап приказал Гнелу взять трех воинов и идти с греком — пусть поглядит, что за тропа. Он сильно сомневался в этом крестьянине-ромее: кто знает, может, он подослан с какой-нибудь тайной целью...

— Теперь все скоро станет ясно, государь, — сказал Бат, — я не очень ему поверил, как только его увидел. Пусть укажет дорогу, но все равно оставить его здесь мы не можем. Придется ему идти с нами до берега Евфрата.

— А не приведет ли он нас напрямик к византийскому войску? — засомневался Иеремия.

— Если задумал предательство — и сам жив не будет. Задушу... — Бат сжал кулаки.

— Но дорога может оказаться очень плохой, — загрустил Зенон Гнуни. Не хотелось старику тащиться по такой дороге..

— Если и плохая — ничего, — сказал Труни, — лишь бы была. Может ведь и не быть.

Сомнениям положил конец Гнел. Оказалось, в лесу действительно есть тропа, и по ней, насколько видит глаз, можно проехать на коне. Правда, тропа так узка, что придется следовать друг за другом цепочкой, наподобие каравана верблюдов. И кроме того, что дальше за этой видимой частью тропы — неизвестно.

— Ромей уверяет, что и до конца будет так, но не знаю, — спеша и краснея, закончил Гнел. Так всегда случалось с ним при разговоре с царем.

Чтобы принять окончательное решение, Пап сам вместе с Батом и Иеремией отправился посмотреть эту тропу. У начала ее они столкнулись с крестьянином-ромеем. Его окружали три копьеносца. Ромей недоуменно посмотрел на Папа и его свиту.

Тропинка действительно была такова, как ее описал Гнел.

— А выходит она прямо к берегу Евфрата? — спросил Пап, поглядев с затаенным сомнением на крестьянина. А тот, казалось, все гадал: что это за люди? Но спросить не решался.

— Да, господин, прямо к Евфрату,— заявил уверенно.— Сколько раз я по ней ходил!

Для Папа, постоянно терзаемого мыслью, что по его вине могут погибнуть люди, тропа казалась той единственной дорогой, которая могла бы спасти их. Немедля приказал всем готовиться в путь. Сам же нетерпеливо погнал своего коня по тропе. Бат бросился за ним, остановил царя, просил подождать: пусть подойдут воины. А сам тут же распорядился: Гнелу приказал послать часть воинов вперед. Остальные будут замыкать движение. Царь же со своей свитой поедет в середине.

— А ты,— он повелительно сверкнул большими глазами на смущенно переминавшегося ромея,— ты пойдешь впереди всех, будешь указывать нам путь.

Приказ для крестьянина был неожиданностью, но, не сказав ни слова, ромей подчинился густому авторитетному голосу Бата и грозному блеску его крупных глаз. Он почувствовал — отказаться опасно. К тому же Бат тайно распорядился, чтобы один из воинов привязал ромея веревкой к своему коню.

И вот все двинулись вслед за греком.

Тропинка пока была нетрудной. Высокие и редкие деревья не докучали, лишь иногда всаднику приходилось наклонять голову, чтобы не задеть свисающую ветвь. Но вот деревья стали ниже и гуще, ветви стали чаще хлестать по головам всадников. Задевали даже плечи, а иногда и грудь. То и дело приходилось наклоняться, пригибать голову. Некоторые воины спешились и пошли возле коней, ведя их под уздцы. Вскоре сошел с коня и Пап, его примеру последовала и свита — не столько из необходимости, сколько из уважения к царю. Не положено — царь идет пешком, а свита — верхом на конях. С трудом и кряхтя сползли с коней и Зенон Гнуни с Ота Апауни. Ота совсем упал духом, считал все безнадежным и пропащим, но вслух не роптал — боялся, как бы не рассердились и не оставили его тут одного, в этом чужом и диком лесу. Он вспоминал свой дом, семью, поместья, этим только и утешал тоскующее сердце. Зенон был как будто безразличнее. Он вверил себя судьбе — будь что будет.

Тропа начала круто подниматься вверх. И люди и кони сразу почувствовали тяжесть подъема.

— Нелегкой для воинов будет эта дорога,— закряхтел Ота Апауни, да так громко, что услышал царь.

— Ничего, ишхан Апауни, армянин привык к горам,— подбодрил старика Пап.— Нет для него недоступных дорог. Там, где прошла горная косуля, пройдет и армянин. Куда заберется барс, вскарабкается и армянский воин.

— Что же, будем подниматься, как воины,— смирился Ота, с трудом передвигая свое тучное тело.

Другие шли безропотно. Иеремия не чувствовал особых трудностей, он просто не замечал их. Голова была занята другим: как изложить подробности этого путешествия, как обосновать уход из Тарса, какими словами осудить заговор Валента. И еще: смогут ли они без помех добраться до берега Евфрата, не отрежет ли им путь войско ромеев. Он почти не сомневался, что ромеи сейчас уже заняли берег реки. Однако считал, что идти все равно нужно, посылать вперед дозорных разведчиков и идти. Мысль его устремлялась и дальше. Пусть они благополучно перейдут Евфрат и в безопасности доберутся до Двина. Но разве Валент – этот коварный, вероломный император – оставит их и страну в покое? Эти мысли Иеремия отгонял. Сейчас главным было – быстро и безопасно добраться до своей страны и избежать бесславного плена... Так и решил записать он в своем сочинении.

Гнел Андзеваци шел впереди, вслед за несколькими воинами-разведчиками и Раатом. Он не отпускал от себя крестьянина-ромея. Иногда переговаривался с ним на своем не совсем правильном греческом, которому выучился сам, общаясь с военными-ромеями. Он расспрашивал о дороге: сколь длинна она, где и какие встретятся трудные места, интересовался и семейной жизнью крестьянина-ромея. А тот с готовностью отвечал на все вопросы. Дорога, по его словам, была не очень длинной, но имела несколько обрывистых мест и спусков. Что же касается его самого – у него пятеро детей, хижина и клочок земли, который едва обеспечивает их жизнь.

Они спокойно беседовали и так же спокойно шли за идущими гуськом воинами-разведчиками, и мягкая дорога, покрытая травою, вилась перед ними, изгибаясь то вправо, то влево, осененная ветвями деревьев. Иной раз она слегка поднималась вверх или спускалась в небольшой овраг к несмело журчащему ручейку, который, словно напуганный тишиной и полумраком леса, пел осторожно, про себя, спеша выйти на открытое место к солнцу и синему небу. Кони, утомленные лесной духотой, достигнув этих ручейков, опускали головы, стремясь глотнуть воды, но, едва их толстые губы касались ее, седоки тут же пускали в ход шпоры – останавливаться было нельзя, подпирали идущие сзади.

– Надеюсь, господин, вы не оставите мой труд без вознаграждения? – поинтересовался крестьянин, осмелев от беседы с Гнелом.

– Конечно. Если только благополучно доберемся до берегов Евфрата, – уверил его Гнел.

– В этом будь спокоен, господин, не впервой ходить мне по этой дороге, – сказал ромей и, помедлив, продолжил: – Я так понимаю, господин, вы – армены и возвращаетесь из Тарса в Армению, верно?

– Так, – подтвердил Гнел.

– Почему же не пошли удобной дорогой, а выбрали эту узкую тропу? – Ромей уже что-то подозревал.

Гнела не удивил этот вопрос. Он спокойно ответил:

– Потому что спешим добраться скорее.

– А! В таком случае вы правы, господин. Этот путь на два дня короче, – сказал он и на некоторое время замолк.

И так армянские воины, наклонив копья и луки, чтобы не ударялись о деревья, с царем и его свитой посередине шли и шли, и время словно остановилось для них. Шли длинной цепью, все по той же тропе, которая, не расширялась и не суживалась, однообразно вилась, и все – под деревьями. Случалось, деревья редели, приоткрывая синие клочки неба, и пропускали щедрые лучи солнца. В другом месте они вставали по обе стороны дороги плотной стеной, непроницаемой для солнечного света. Этот тенистый путь был приятнее, так как в почти недвижном лесном воздухе даже от слабых лучей солнца у людей выступал пот. И становилось особенно трудно, когда всадники вдруг выбирались на залитую светом поляну, где даже зелень сомлела от зноя. Тогда цепь начинала невольно двигаться быстрее, подгоняемая еще и общим чувством – вдруг да заметит их кто-нибудь. Все спешили как можно скорее снова войти в лес.

Идущим в голове отряда и тем, кто замыкал его, было приказано: чуть заметят что-нибудь подозрительное – сразу же условным птичьим свистом дать знать. Оттого и шли молча, если же переговаривались, то очень тихо, шепотом. Даже фырканье коней беспокоило воинов – могут услышать вдали, там, где ромеи наверняка ищут их след.

Чутко и настороженно продолжали продвигаться вперед. И сама лесная тропа, казалось, помогала им, подстилала под ноги мягкую землю и траву, заглушала шаги и конский топот. Шли, движимые одной мыслью, одной и той же целью – быстрее покинуть эту враждебную страну, быстрее перебраться на другой берег Евфрата, – на ту сторону спасительной черты, где ждала их заветная безопасная Страна Армянская.

Но почему же дорога все не выводила их к желанному берегу Евфрата? Казалось, еще полдня – и они будут там. Но вот уже и день начал меркнуть, а они все идут и идут. Уж не обманывает ли их этот крестьянин-ромей, не уводит ли от реки? Люди становились все нетерпеливее, хмурились.

Солнце уже склонялось к закату, когда лес начал вдруг редеть. Высокие деревья с могучими стволами уступили место низкорослым, со стволами не толще руки, а дальше пошли кустарники, кустарники, кустарники – до самого горизонта.

– Лес кончается, господин, – сказал крестьянин-ромей. – Теперь пойдем кустами.

– А сколько еще до Евфрата? – спросил Гнел. Он соображал – если кусок пути большой, то лучше отдохнуть, пока не вышли из леса.

По словам ромея, идти осталось чуть больше полудня. Гнел сообщил об этом Бату. Посоветовались с царем и реши-

ли задержаться на краю леса, отдохнуть в кустарниках и за полночь продолжать путь к реке.

Так и сделали. Усталых коней отпустили пастись, а сами уселись группами и принялись за еду. Каждый воин имел в суме, притороченной к седлу, запас на два-три дня – так приказал Бат. Ели, но не забывали прислушиваться – не раздастся ли свист птицы, возвещающий опасность. А некоторых сморила усталость – вторая бессонная ночь оказалась невмоготу. Они дремали сидя, мягкая трава под прохладными кустами так и звала растянуться и заснуть, какая бы опасность ни грозила. Таких товарищи толкали в бок: «Эй, друг, ты что, под отцовской крышей?..» Дремлющий сразу же приходил в себя, тер лоб и, посидев немного, опять начинал дремать.

Все больше одолевал сон и Зенона Гнуни. Старика доконала непривычная для него дорога. Ничего не вкусив, попросил он у царя разрешения прилечь и сделал это, старательно придерживаясь придворных правил, словно находился во дворце и должен был уйти в свою опочивальню. С помощью телохранителей старик расположился за кустом и заснул.

– Не забудьте разбудить меня, когда станут уходить, – предупредил он телохранителей, и тут же послышалось его мерное сопенье, нарушаемое то свистом, то храпом.

Не отстал от него и друг его Ота Апауни.

Между тем совсем стемнело, звезды золотыми брызгами засияли в небе. Вскоре они высыпали так густо, что небо превратилось в бесконечную сверкающую сеть, сплошь сотканную из одних только звезд. Прилег и Пап на ковре, разостланном для него под кустами. Но отдых не давался ему. Опасность и неопределенность положения угнетали. Мысли одна за другой возникали в голове. Что еще могло ждать их на границе? Вспомнил воина Ваана... Попал ли он в плен? Погиб? Или, может быть, вернулся и уже не застал их? И тут же спохватился: достаточно ли дозорных и стражей поставлено вокруг ночного лагеря?..

Вечер вначале был тихим и спокойным. Таким спокойным, что не только фырканье коней, но и шепот воинов отчетливо доносился с разных сторон. Вдруг все обширное пространство кустарников заволновалось. Внезапно нагрянувший со стороны Евфрата ветер, словно освободившись от цепей, бросился на низкие деревья и кустарники, да с такой силой, что кони перестали пастись и насторожили уши. Воины встрепенулись, некоторые поднялись посмотреть: что случилось?.. Пап в это время беседовал с Иеремией. Он сразу же вскочил – в шуме ветра ему почудился подозрительный шорох. Не разведчики ли это ромеев подошли под прикрытием ночи?..

– Что там, Пап?.. – поднялся с места Иеремия. – Заметил что-нибудь?

– Не знаю, конский топот послышался. – Пап продолжал смотреть в темноту. – Надо выслать разведчиков. Пусть пройдут, проверят – безопасна ли дорога...

Вскоре по распоряжению Бата пять воинов, возглавляемые Раатом, ушли по тропе.

Ветер успокоился, и вместе с ним улеглось и ощущение опасности. Опять послышалось фырканье пасущихся коней, донеслись мерные вздохи спящего Зенона Гнуни, тихо зашелестели беседы бодрствующих воинов. Иногда доносились голоса Бата и Гнела, они ходили от группы к группе, ободряли воинов, призывая собрать все силы для последнего перехода — завтра все будут на берегу Евфрата, так обещал проводник-ромей. А проводник, сидя с группой воинов, что-то объяснял им на пальцах. Воины, не понимая его, смеялись — в темноте усилия ромея казались им странными ужимками.

Пап был все так же нетерпелив. Эта ночь в незнакомой местности тянулась так долго... Иногда в кустах вскрикивали птицы, стрекотали насекомые. Легкий ветерок будто укачивал деревья и кусты. Воины притихли, шелест листьев успокаивал, усыплял. Но не Папа. Настроив слух на шорох шагов, он ждал — когда же вернутся разведчики.

Текли часы. И вот наконец весть: разведчики вернулись. Вскоре Бат привел к царю Раата.

— Ну? Что узнали? — нетерпеливо спросил Пап.

— Ничего особенного, государь, — поклонился в темноте Раат. — Дошли до самой деревни — ничего не увидели.

— Значит, войска ромеев нет?

— Боюсь утверждать, государь. Деревня спала. Но есть один признак. Как подошли мы, собаки залаяли, и на лай никто не вышел. Было бы войско — непременно выскочил бы дозорный посмотреть. А тут — никого.

— Хорошо. Скажи-ка, петухи еще не пропели?

— Нет, государь, но их время подходит.

— Значит, если сейчас отправимся, к утру будем в деревне?

— Совершенно верно, государь.

— Тогда отправляемся.

Приказ царя мигом облетел весь лагерь. Разбудили Зенона Гнуни и его друга Ота. Оба старика кряхтя расстались со своим сладким сном. И вот опять все потянулись по той же тропе, вел их тот же крестьянин-ромей, на этот раз под присмотром Раата.

Сначала двигались с большой осторожностью, молчали прислушивались к ночным звукам. Вдруг по цепи воинов пронеслась волна радости: вдали слышался шум воды...

— Евфрат! Это Евфрат!

Шум реки доносился все отчетливее. «Евфрат!» — объявил ромей. Близко ли река, понять было трудно, но всадники, почувствовав особую бодрость, пришпорили коней. Проехали еще немного, и ветер донес пение петухов — все громче, чаще раздавались их голоса. Петухи словно хотели показать себя — кто откликнется звонче. С их пением пришла уверенность, что все на берегу спокойно и мирно.

Восток постепенно бледнел, звезды одна за другой гас-

ли, шум реки усиливался и скоро поглотил все остальные звуки.

Прошел еще не один час, пока добрались наконец до деревни. Но вот и она. И, как говорил ромей, прямо на берегу Евфрата! Все заметили – деревня была нищая. Достигнув Евфрата, некоторые из воинов решили: бедам конец, можно здесь и отдохнуть. Но царь приказал сразу же переправляться через реку, а отдыхать уже на другом берегу, когда не будет грозить погоня.

Проснувшиеся жители деревни – ромеи, услышав топот конницы, высыпали из домов – мужчины, женщины и дети. Многие даже не успели как следует одеться. Смотрели с любопытством и гадали: кто же это такие? Куда идут? Не думают ли стоять у них в деревне? Кто-то из жителей узнал крестьянина-ромея. Тотчас его окружили. Узнав, что это армяне и собираются переправляться через реку, заохали:

– О, реку на конях трудно перейти...

Действительно, Евфрат в этом месте был очень глубок, стремнина его летела с пугающей быстротой. Всадники могли разбиться о скалы, утонуть.

– Плоты нужны, плоты! – послышались голоса.

Только на плотах и можно было переправить столько людей и коней невредимыми. Группа воинов погнала коней к берегу – искать плоты. Ничего не найдя, стали расспрашивать крестьян, где их плоты. Ромеи отвечали неопределенно: плотов у них немного, всего два, да и те с товаром отправлены вниз по течению.

Бат распорядился искать бревна по дворам и вязать плоты самим. Выделенная для этого команда, поручив коней товарищам, отправилась выполнять приказ. Во всех дворах нашлись и бревна и доски – деревня стояла близ леса. Пока подтаскивали их, несколько нетерпеливых воинов на конях вошли в реку. Сначала вода была лошадям по брюхо. Осмелев, продвинулись дальше, и сразу же дно ушло из-под коней, вода покрыла седла. Всадников подхватила стремнина и понесла вниз... Лошадиные головы и люди то исчезали, то снова появлялись над водой. Казалось, смельчаков так и унесет течением. Все чаще скрывались всадники под водой, все дальше уносило их, уже совсем не стало видно. Но вот всеобщий вздох раздался на берегу. Всадники все-таки одолели волны и один за другим выбрались на противоположный берег.

– Вышли на берег! Вышли! – кричали воины на этой стороне. И дружно принялись за дело.

Берег Евфрата ожил от шума и сутолоки строительных работ. Одни отесывали топорами бревна и подгоняли одно к другому, остальные вязали плоты. Нашлись знатоки в плотницком деле. Они тесали весла, укрепляли доски на плотах, чтобы кони могли стоять... Крестьяне-ромеи издали со своих кровель сумрачно наблюдали эти работы.

Около двух часов провозились с плотами. Связав плоты,

сразу же спускали на воду – один за другим. Первыми по приказу Бата поплыли Гнел и Раат с группой воинов – они должны были выбрать место для высадки. Затем опытные гребцы-воины переправили царя с его свитой.

Перед тем как взойти на плот, Бат подозвал к себе проводника-ромея, который издали наблюдал переправу.

– За твою службу – от армянского царя,– сказал Бат и протянул ему несколько золотых монет.

Ромей так и выпучил глаза – он не столько обрадовался золоту, сколько удивился: кто же тут царь? Его взгляд остановился на Зеноне Гнуни, на его почтенной бороде. Этот человек казался самым степенным и важным. Ромей хотел было уже ему поклониться, но на всякий случай спросил у знакомого ему Гнела, кто же царь. Тот указал на Папа, всходившего на плот. Тут ромей удивился еще больше:

– Выходит, царь арменов одевается так же просто, как воин?..

– Да, у нашего царя нет одежды, занял у нас,– на ломаном греческом сказал один из воинов и шутливо показал на свое одеяние.

Плоты один за другим переправлялись через реку, перевозили воинов, коней, мешки со съестными припасами, вьюки. Всего плотов было четыре. Они много раз пересекали реку: возвращались и снова отплывали к противоположному берегу. Закончив переправу, гребцы-воины перерубили веревки на плотах и пустили бревна по течению, чтобы случайно не попали в руки преследователей.

Переправились – и будто оставили беспокойство, тревогу на том берегу. Все ликовали – обнимались, поздравляли друг друга... Наконец, впервые за эти два дня, уселись спокойно завтракать, ели так, будто месяц не держали во рту куска.

Вдруг один из воинов, случайно поднявшись, закричал:

– Ромеи!.. Войско ромеев!..

Гнел вскочил с места первым, приложил ладонь ко лбу. Поднялись и все остальные. За деревней клубились облака пыли. Они стремительно передвигались. Зоркие глаза армян-горцев вскоре различили в этой пыли – там, где к деревне подходил широкий тракт,– большое число всадников, они неслись во весь опор, передовые уже достигли деревни. Все узнали греческую конницу. Она, не останавливаясь, спешила к берегу.

Бросив свою еду, армяне схватили луки и стрелы и быстро заняли позиции за скалами и береговыми кустами.

Ромеи с берега уже пускали стрелы в сторону армянских воинов. Полетели стрелы и с этого берега – к ромеям. Не долетая, стрелы падали в воду или ударялись о скалы. Увидев бесполезность такой стрельбы, греки, поднявшись в стременах, начали грозить армянам кулаками. Тем же ответили и армяне. Эти взаимные угрозы могли бы продолжаться еще немало времени, но вот ромеи, видно подчиняясь команде, повернули

обратно в деревню. Крестьяне бежали за всадниками и что-то оживленно им рассказывали.

Так и не закончив свой завтрак, армяне пустились в путь среди ровных, вечно зеленых от близости воды лугов. Чувство радости, что они на родной земле, захватило их. Отступили невзгоды, перенесенные испытания, все стали вспоминать родных и друзей. Лишь Пап, Бат и Иеремия не могли успокоиться. Иеремия вспоминал старые истории, когда чужестранные властители так же вероломно поступали с армянскими царями. Вспомнили, как император Каракалла вызвал к себе царя Санатрука, чтобы лишить его трона и захватить всю Армению. Антоний тоже обманул царя Артавазда – любителя искусств, заковал в цепи, увез в Египет и подарил распутной царице Клеопатре. Вспомнили и то, что совсем недавно случилось с отцом Папа: Шапур, обещая мир и дружбу, пригласил царя Аршака, а сам заточил его в Замке забвения... Все эти властители не могли терпеть рядом с собой соседей-армян, которые хотели быть самостоятельными и вовсе не собирались подчиниться им...

Друзья вспоминали все это и возмущались коварством Валента.

– Ты прав был, Бат, – говорил Пап. – Я все-таки не ожидал такого вероломства. Ведь знал все о том, что было раньше, о всегдашнем византийском коварстве. Но почему-то не относил это к себе. И вот сам столкнулся. Не нравится им, что хотим сами устраивать дела в нашем доме, требуем обратно наши города...

– Еще бы! Это не угодно лисе Валенту, – сердито бросил Бат. – Как вы смеете – требовать свои города, рукополагать католикоса...

– Только теперь понял я: захваченные наши города – это начало захвата всей страны. Хотят вообще упразднить наше государство... – Пап вздохнул, и такая сердечная мука была в его вздохе, что Бат и Иеремия невольно посмотрели на него. В глазах царя стояли слезы. – Мы должны отстоять... Все силы положить и отстоять нашу страну... – Голос царя оборвался.

Сколько раз потом возвращались они к этим же мыслям.

– Но Теренций!.. Удивляюсь, – опять начал Пап, – почему Теренций не предупредил меня?.. Он, как уверяет, друг наш. Неужели он знал?

– Он друг своего императора, Пап, а не твой, – сказал Бат. – Не забывай, он – ромей, византиец.

– Византиец, конечно. Но мне казалось, он совсем не похож на других ромеев, – Пап говорил задумчиво. – Теренций как будто всегда был к нам доброжелателен. Помню, как-то он с чувством сказал, что любит нашу страну больше, чем свою родину.

– Вот потому он и не прочь присоединить ее к своей родине, – усмехнулся Бат.

– Нет, все-таки не могу я ожидать подобной низости от

этого человека. Я помню, как он берег меня, не давал мне в Нахчаване и Дзираве участвовать в сражениях... И теперь, перед отправлением в Тарс, по-дружески советовал, чтобы я настаивал на освобождении городов.

При этих словах Бат остановил коня.

– Пап, я – грубый воин и мало смыслю в придворных и дипломатических тонкостях. Но сердце подсказывает мне: нельзя верить в искренность всех этих хитрых политиков, в особенности же в искренность ромеев.

– Насчет Теренция мне трудно согласиться с тобой. В отношении искренности ромеев – согласен. Но Теренций... В день моего отправления он был неподдельно заботливым, просил, чтобы я берег себя, не заболел в дороге. И об интересах Армении пекся. Сам говорил, что наши требования справедливы, писал даже об этом своему императору. Что же, все это было притворство? Ложь?

– Дорогой Пап, дорогой мой государь, – Бат старался смягчить свою грубоватую воинскую манеру разговора дружескими интонациями, – я старше тебя на два года, стало быть, позволь дать тебе совет! Не верь этим людям, даже говорящим от души. Под личиной искренности у них иной раз скрывается чудовище. Бывают же пропасти, заросшие цветами. Не верь...

– А ты, Иеремия, – что ты думаешь о Теренции? – повернулся Пап к своему письмоводителю – тот ехал справа от него. – Ты тоже сомневаешься?

– Я, Пап, всегда считал, что он доброжелателен к нам. Но.. все может быть...

– Дай бог, чтоб я ошибался, – сказал Бат и замолк. Разговор прервался. Они погнали коней быстрее. Воздух родины ласкал лица. Вооруженный отряд несся вперед будто на крыльях. Даже кони, казалось, почуяли родную землю под ногами: мчались вытянувшись, играя гривами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Двин истомился от зноя. Горячее дыхание полудня незаметно захватывало улицы, проникало в сады, входило в дома – не было от него спасенья. Солнце стояло над цитаделью и беспощадно жгло ее мощные, высокие стены, сады и цветники. Даже родники и ручьи, казалось, на глазах пересыхали от зноя. Стража цитадели оставила посты и ушла в тень: воины, опершись о копья, дремали или сидели прямо на земле.

Кругом царила тишина и неподвижность. Каждый из обитателей дворца уединился в своих покоях, ожидая вечерней прохлады. Только царица Зармандухт в этот час, скрестив руки на груди, неслышно ходила по своей опочивальне. Иногда она останавливалась и неподвижно смотрела в одну точку. Две серебряные кадильницы перед висевшим на стене распятием

струили к потолку тонкие колеблющиеся столбики ароматного дыма.

Вот царица опять остановилась. Опустилась на колени перед распятием, начала усердно креститься.

— Боже милостивый... Пресеки, господи, зло... Избавь от напастей страну и моего Папа... Господи...

Царица в тревоге широко осеняла себя крестным знамением опять и опять... Прошло почти два месяца, как уехал царь, и ни одной вести. Что ни день — ждет она гонца. Благополучно ли доехал Пап? Был ли принят императором? Когда вернется? Ничего не знала царица. Но если дети спрашивали: «Когда приедет Пап?» — они отца называли по имени, — Зармандухт отвечала: «Скоро, скоро». Не показывала своей тревоги. А тревога росла. В день по два, по три раза заходила царица в свою опочивальню, молилась перед распятием.

Сегодня ей было особенно не по себе. До ее слуха дошли непонятные толки о Папе. Придворные смущались в ее присутствии. Она чувствовала — они что-то знали, но не хотели сообщить ей. И сны замучили — все к одному. Ишхануи — вдова Сааруни — и жены Бата и Иеремии толковали эти сны в хорошем смысле, старались успокоить. Зармандухт понимала их заботу, но успокоиться не могла. В ожидании гонца даже не хотела перебраться в прохладный Гарни, хоть и видела, как трудно детям в двинской жаре.

— Господи, помилуй, — повторяла она, преклонив колени, простирая руки к распятию, не сводя застывшего взгляда с лика Христа.

Долго так молилась... Вдруг дверь распахнулась, и, едва держась на слабых ногах, вбежала старая няня.

— Царица! Моя царица! — еле выговорила, задыхаясь. — Гонец от царя...

Зармандухт вскочила.

— Где, где он? — задрожала от радости.

— У господина азарапета...

— Вести какие? Здоров царь? Едет?

— Не узнала, царица. Гонец сразу же прошел к азарапету...

— К азарапету?.. Зови азарапета... Нет, лучше мы пойдем...

Но выйти не успели — в комнату вошел сам Кенан Аматуни.

— Радостная весть, царица. — Он поклонился, сияя лицом, захватив рукой свою клиновидную бороду. — Царь едет.

— О, наконец, наконец! — просияла царица. — Я бесконечно рада. Что ты собираешься делать, ишхан?

— Распоряжусь здесь и поеду навстречу, царица.

— Когда же он прибудет? Что сказал гонец?

— Видно, через день-два, если не задержится.

— А что может его задержать? — Царица побледнела.

— Гонец говорит, народ и в селах и в городах горячо встречает царя. Хотят угостить...

— О, как ты меня испугал. Хорошо, ишхан Аматуни, делай, что считаешь нужным.

Весть о прибытии Папа быстро разнеслась по городу. На другой день вся столица украсилась флагами. Особенно нарядными были Главные ворота, через которые царь должен был въехать. Их убрали флагами и зелеными ветками. Люди с утра до вечера толпились на площади, Вагаршапатской улице, собирались у Главных ворот. Ждали с таким же нетерпением, как и в те дни, когда он, прибыв из Византии, впервые как царь въезжал в Двин. Особенно нетерпеливые опять поднимались на городские стены и башни и смотрели из-под ладони на дорогу, надеясь раньше всех увидеть царя. Более сведущие охлаждали их: «Прибудет через два-три дня, не раньше...» Как всегда, в толпе вертелся Грешник Махкос. Сновал от группы к группе и, ударив по земле бычьим хвостом, объявлял: «Царь едет!.. Святые отцы опечалены!..»

Появлялись в толпе и ювелир Газовон, и старик Закарэ. Но не только горожане и ремесленники Двина толпились на площади и у Главных ворот. Собирались тут и крестьяне, приехавшие в столицу по делу. Разговор вертелся вокруг одного — возвращения царя.

— А сказывали, царь не вернется,— говорил кто-то на площади собравшимся вокруг него горожанам.— А он — вот, возвращается, да еще, наверно, с большими почестями.

— А как же, царя без почестей обратно не отправят,— подхватил один из слушавших.— Только слышал я, император призвал царя, чтобы наказать.

— Ну уж, наказать! — вмешался в разговор солидный мужчина.— Не наказать, а вразумить. Почему, мол, притесняет святых отцов, почему рукоположил католикоса не в Кесарии... Я, например, так слышал...

— Все не то,— покачал головой еще один горожанин.— Говорят, император позвал царя, чтобы посоветоваться насчет персов. Чтоб покрепче их на границе держать.

— А насчет городов слыхать что?..— поинтересовался ремесленник, перебив говорящего.— Уйдут из городов войска ромеев или нет?..

— И об этом, наверно, уже распорядился,— сказал первый говоривший и вдруг умолк и указал на двух хмурых монахов в черных рясах.— Вот эти, слыхать, не рады, что царь возвращается.

— Еще бы им радоваться. Знают: как вернется, опять придумает что-нибудь против них...— начал было ремесленник, но тут вмешался солидный горожанин.

— Вряд ли,— авторитетно заметил он густым басом.— Император, скорее всего, сделал ему внушение, чтобы больше не притеснял духовных отцов.

— Внушение? — усмехнулся кто-то в толпе.— Какое внушение?.. Пап, говорят, убежал. Не пожелал говорить с императором...

Собравшиеся удивленно переглянулись.

— Убежал?! — протянули сразу несколько человек.

Но тут выступил вперед тот, что указывал на проходивших монахов.

— Как это «убежал», божий человек? Он что, птица крылатая? Попробуй убеги с тысячью людей!..

— Так говорят...

— Наговорят многое. А ты и верь...

— Да ведь от одного архимандрита слышал.

— Еще бы, архимандриты! Это они и твердили, что царь больше не вернется, император, мол, не отпустит...

— Ожидания не оправдались, вот и распространяют теперь ложные вести, — подхватил ремесленник.

В городе в самом деле неизвестно откуда и как распространился слух, что царь больше не вернется. Молва проникла и в сельские местности. Обеспокоенные крестьяне, приезжая по делам в город, интересовались у мастеровых на площади: «Верно ли, что царь не вернется? Говорят, император ромеев вызвал его к себе, чтоб задержать. Чтоб, значит, больше не захватывал церковные земли, не отменял дань...» Ремесленники делали вид, что ничего такого не слыхали. И хитро интересовались: «Откуда такие вести?» — «От монахов, — был всегда один ответ. — От монахов!»

Среди духовных отцов Двина действительно шли разговоры о том, что царь Пап больше не вернется. Уверенность была так велика, что будто бы даже замыслил отстранить нового католикоса Усика, а на его место избрать святейшего Хада. Кто же, как не Хад, должен был стать законным преемником покойного патриарха, ведь он был его многолетним местоблюстителем и соратником. Да и собрать двухлетнюю дань не терпелось — десятину и натуру...

И вдруг царь — возвращается! Еще бы не ходить им по улицам грустными и хмурыми.

Когда весть о возвращении царя дошла до церкви Двина, Хад покачал головой.

— Значит, дэв возвращается, — сказал он сдержанно и крепко сжал губы, словно боясь проронить лишнее слово.

— О святейший, теперь он еще яростнее кинется творить свои нечестивые дела, — вздохнул длинный отец Согомон.

— Однако сможет ли? — усомнился косматый архимандрит, самоуверенно улыбнувшись. — Думаю, в Тарсе его вразумили. Отныне против церкви ничего не содеет...

— Почему же не содеет? — поинтересовался отец Согомон, глядя на архимандрита исподлобья. — Где для него запреты? Кто теперь попробует встать поперек?

— Если он действительно убежал, как говорят, император это так не оставит, не даст продолжать злые деяния, — заметил косматый.

Отец Согомон вздохнул и с сомнением покачал головой:

— Однако же он едет. Если император задумал бы что сде-

лать, сделал бы, наверно, пока царь был в Тарсе. А раз возвращается, значит, нет для него запретов. Не правда ли, святейший? – обратился он с почтением к поникшему Хаду.

Хад грустно возвел очи и сказал, будто отвечая своим мыслям:

– Да... Змея не расстанется со своим ядом, скорпион с жалом, а бесноватый Пап со своей дьявольской сущностью...

Прошло три дня. И вот Пап прибыл.

Жители города высыпали на улицы, заполнили все пространство от городских ворот до площади. Двинцы всегда были неравнодушны к царским шествиям, а сегодня особенно. Ведь царь возвращался после долгой отлучки, да еще многие слышали, можно сказать, вырвался из плена, убежал.

Все хотели видеть и в каком будет царь настроении, и как одет, и на коня хотели взглянуть, который вывез его, спас, и, наконец, интересно было, что везет царь с собой, кто его сопровождает.

Навстречу царю выехала группа придворных и нахараров во главе со спарапетом Мушегом Мамиконяном и азарапетом Кенаном Аматуни. Были тут и прибывшие из своих поместий ишханы, в их числе Смбат Багратуни и Спандарат Камсаракан. Ишхана Спандарата, как всегда, сопровождали сыновья Газавон и Шаварш.

Прибыл встречать царя и комес Теренций со своим секретарем-греком. За ним ехали верхами телохранители. Сидя удивительно прямо, они свысока взирали на собравшуюся толпу.

Завидя Теренция, кто-то из толпы сказал:

– Гляди, и этот едет...

– А почему не ехать, царь ведь прибывает...

– Однако... Трудно понять...

Разговор заглушили громкие звуки музыки и приветственные крики, которые донеслись от городских ворот. Те, кто стоял на городских стенах, увидели: впереди свиты и полка телохранителей на своем золотистом черногривом коне ехал Пап.

Затих первый шквал ликования, и тут же налетел новый, отозвавшись эхом на улицах и площадях города. Это нахарары и войско приветствовали царя, когда он подъехал к воротам. Обнажив мечи и подняв их, они многократно восклицали: «Да здравствует царь!» И эхо уносило в толпу: «Да здравствует царь!»

Пап, продвигаясь вперед, то и дело приветственно поднимал руку, да так бодро и радостно, что всем подумалось: разговоры о бегстве царя – досужие вымыслы. Но вот царь заметил среди встречавших его нахараров и сепухов Теренция. Лицо стало серьезным, даже помрачнело – это приметили многие. Теренций поднял руку, приветствуя Папа. Но царь ответил лишь легким кивком.

Теренций не мог не почувствовать эту холодность и все-таки до дворца не изменил подобающего минуте радостного, бодрого вида. В пути он несколько раз сделал попытку приблизиться к царю, но было трудно протиснуться между конями окружавших царя нахараров и членов свиты. Однако, когда, сойдя с коней, поднимались по мраморным дворцовым лестницам, комес улучил удобную минуту, подошел к царю. В присутствии нахараров с улыбкой сказал:

– Надеюсь, государь, мой августейший император удостоил тебя благосклонного приема?

Карие глаза Папа, особенно яркие теперь на обветренном и обожженном солнцем лице, на секунду расширились и остановились на лице ромея.

– Нет, уважаемый комес. Выяснилось, что твой император вызвал меня в Тарс, чтобы оскорбить.

Возмущение дрожало в голосе царя.

– Как это? – удивился Теренций.

Царь хотел было ответить, но в это время на верху лестницы заметил царицу. Она стояла, полуобняв сыновей, приникших к ней справа и слева, окруженная придворными дамами, и смотрела на него, не спуская глаз.

– Потом, потом, комес. Позже поговорим, – сказал Пап и с неожиданной резвостью, забыв всякие приличия, почти побежал к царице и сыновьям, перепрыгивая по две ступени. Они улыбались, тянулись к нему навстречу.

Приподняв одного за другим, Пап поцеловал детей. Обнял и царицу, приветствовал придворных дам. Почтительно поклонился вдове Сааруни – матери Бата. И когда первые минуты радости прошли, царица сказала:

– Я так беспокоилась, Пап. Какие только мысли не одолевали меня. Весть о твоем прибытии придала нам сил... Аршак и Вагаршак тоже истосковались по отцу, только и слышно: «Когда же приедет?..» Вот и приехал, – улыбнулась мать детям. – Вот и пришел к нам...

Пап погладил головы сыновей, проводил их и царицу к покоям, попрощался, еще раз улыбнулся детям.

– Я пойду. Нахарары ждут...

Зал приемов был полон придворных и нахараров. Одни сидели на подушках, другие беседовали стоя. Теренций ходил взад-вперед, задумчивый и одинокий. Вошел царь. Все молча встали и склонили головы. Он приветливо поднял руку.

– Благодарю вас, господа нахарары и ишханы, за честь, оказанную мне. Но думаю, что те, которые с дороги, нуждаются в покое. Идите с миром.

Нахарары и ишханы задвигались, кланяясь. Один за другим потекли к выходу.

– Мир государю... Мир государю.

Все вышли. Задержались лишь немногие, среди них спара-

пет Мушег, ишханы Камсаракан и Багратуни. Теренций счел момент подходящим, подошел к царю и начал огорченно:

– Я изумлен, государь... Как это?.. Император?..

– Да так, – перебил его Пап. – Заставил меня ждать более месяца и не соизволил принять.

– И значит?.. – забеспокоился Теренций.

– И значит, я был вынужден уехать, комес. Уехать.

Теренций днем раньше уже узнал о случившемся от гонца. Однако, услышав слова Папа, не только удивленно поднял брови, но и состроил огорченное лицо.

– Государь, я не в силах понять, почему император не принял тебя. Ведь сам и пригласил, к тому же личным письмом. Тут, государь, несомненно, какое-то недоразумение. Необходимо все выяснить...

– Никакого недоразумения, комес, – перебил Бат с места и взволнованно поднялся. – Твой император, комес, не только не принял... он замышлял против государя зло...

– Император замышлял зло против государя? – Теренций пожал плечами. – Этого, молодой и уважаемый военачальник, не может быть, – произнес комес благозвучным голосом и вперил мирный недоумевающий взгляд в разгоряченные глаза Бата. – По какой причине станет он замышлять зло, молодой ишхан?

– Это, пожалуй, тебе лучше известно, комес. Кто из нас еще может знать намерения твоего императора? – бросил Бат и отвернулся.

– Ишхан Сааруни, – остановил Пап строгим тоном, – ты забываешься...

– Я истину говорю, государь. – Бат опять повернулся к Теренцию. – Пусть комес знает, не с тем говорю, чтобы оскорбить кого-то или оклеветать. Поступок императора говорит сам за себя. Больше месяца не принимать царя!.. Но и кроме этого еще имеем сведения о злом умысле императора. Достоверные сведения...

– Достоверные... злой умысел... – повторил Теренций, удивленный и огорченный. – Кто может знать намерение императора?..

– Скорее всего, те, кому был вверен надзор над нами, а может, и осуществление самого намерения.

Теренций сжал губы, оглядел стоявших в зале нахараров, спарапета и спокойно заявил:

– Если эти сведения от кого-нибудь из вашей охраны, он, скорее всего, обманул вас. – Комес сделал упор на словах «скорее всего». И сделал это или из корыстных побуждений, или с целью навлечь на царя беду...

Нахарары молча переглянулись – что все это значит? Пап молча следил за разговором, и только легкий тик в правой щеке выдавал его волнение. Последние слова Теренция озаботили его – а вдруг и правда все это недоразумение? Он вспомнил признание худощавого слуги-грека. Разве не подтвердилось

оно! Император все-таки не снизошел даже сообщить о дне приема. А с какой поспешностью он послал войска в погоню, с какой тщательностью распорядился перекрыть путь по всем направлениям. Но объявить обо всем вслух Пап счел лишним. Однако вместо него это сделал все тот же нетерпеливый Бат. Он так и не садился и весь клокотал от возмущения и ярости.

— Если так, комес, — сказал он, задыхаясь, — если в сердце императора было доброе намерение, почему же он с войском преследовал нас? Почему перекрывал пути нашего возвращения?

Кроткое лицо Теренция от огорчения вытянулось еще более.

— Но зачем же все это приписывать императору, молодой друг! — сказал он, опечалясь и слегка покачивая головой. — Почему не предположить, военачальник, что здесь недоразумение?..

— Комес, ты тоже военачальник и должен знать, что приглашенного в гости царя не станут преследовать самовольно и тем более не будут ему вдогонку метать из лука стрелы.

— Очень сожалею, государь, — Теренций с уважением склонился к Папу, — очень сожалею по поводу случившегося. Я бы просил, государь, не разглашать народу Армении о непроверенном. Доверьтесь мне, — приложил руку к сердцу комес. — Я напишу своему императору, и, надеюсь, недоразумение скоро выяснится. Уверен, что обо всей этой истории император не знает.

Теренций попрощался и, глубоко опечаленный, вышел.

— Может быть, и в самом деле недоразумение, государь? — сказал после его ухода спарапет Мушег. — Если так, все можно уладить... Даже нужно уладить...

Бат удивленно поднял плечо, а ишхан Камсаракан, ишхан Смбат и азарапет Аматуни озабоченно посмотрели на Мушега, ожидая, что он скажет дальше. Вместо него заговорил сам Пап.

— А что уладить, спарапет? — спросил он, пристально глядя на Мушега. — Думаешь, так вот сейчас я и объявлю Валенту войну? Такого помысла не держу, спарапет! Одно, мне кажется, мы все для себя уяснили: надо быть готовыми к любой случайности. Ромеи, это теперь ясно, алчут богатств, земли нашей и нашей крови не меньше, чем персы. Мы должны быть бдительны, если не хотим, чтобы нас ограбили. Я не желаю войны, спарапет, но защищаться мы обязаны. Я знаю, император не простит, что я выскользнул из его рук... Возможно, теперь он вознамерится силой взять меня в плен и заодно присоединить к занятым ромеями городам новые, а может, метит и на всю нашу страну.

— Я думаю, государь, император пока остережется начинать войну, — заговорил ишхан Камсаракан, выпрямившись на месте. — Так как уже и соседним странам, и всему свету известно, что он хотел задержать тебя, но — не удалось. К тому

же опасение, что ты можешь перейти на сторону персов или призовешь их на помощь, сдержит его, не позволит начать войну.

– Стало быть, что? – Пап вопросительно посмотрел на ишхана Камсаракана.

– Я согласен, государь, с твоими начинаниями, – понял царя и поспешил добавить ишхан. – Осторожность не только желательна, но и необходима. Нужно быть готовым к любой случайности.

– Ишхан прав, государь, – спокойно подтвердил Смбат Багратуни, наклонив голову к плечу. – Без осторожности нельзя, когда имеешь дело с ромеями.

Спарапет Мушег, слушая речи ишханов, обеспокоился – как бы оскорбленный ромеями Пап не склонился на сторону персов.

– Однако, государь, – заметил он, – обострять отношения не нужно. Иные подумают, что причиной этому обида.

– О таком и речи нет, спарапет, – сказал Пап. – Мы не принадлежим себе. Ради спокойствия и безопасности страны должны забыть и наши обиды. Но знай, Валент не против меня, а против моей страны. Затем и хочет меня убрать, чтобы проглотить нашу страну. Поперек горла ему, что я требую мои города, что усиливаю армию, что вывожу армянскую церковь из-под владычества надменных митрополитов-ромеев... Он хотел бы меня сделать своим данником, чтобы я безропотно подчинялся ему или, по меньшей мере, ничего не предпринимал. Если бы дело касалось лишь меня, спарапет, я бы мог остаться в плену. Но, захватив меня, он намеревается подчинить себе и всю Страну Армянскую. И не мог я позволить ромеям делать то, что они хотят, – оттого я и здесь сейчас. Лишь раб может остаться добровольным пленником... А теперь пусть приходит Валент, мы восстанем против него все, добровольно не подчинимся. – Пап замолчал, передохнул, задумчиво и внимательно посмотрел на нахараров. – Некоторые говорят, что мы не можем противостоять могущественной Византии. Пчела, как известно, мала, однако человек избегает ее жала и не может безнаказанно ее тронуть... Покорность, какая бы она ни была, – гибель...

Пап говорил вдохновенно, стремясь внушить нахарарам, что война со стороны Византии может стать неизбежной. И надо быть готовыми. От Тарса до Евфрата, до самой границы Страны Армянской, думал он только о безопасном возвращении, но лишь перешел границу – другая забота встала перед ним: император придет с войной. И эта забота все больше и больше захватывала его.

– Сейчас, именно сейчас острее, чем когда-нибудь, стоит перед нами нужда – увеличить наше царское войско, – продолжал Пап. – Будем готовы и сохраним достоинство Страны Армянской, господа нахарары. А теперь идите с миром, – сказал Пап, сразу же поднявшись с места.

Беседа затянулась, была уже ночь.

Военачальники выходили, тяжело ступая, будто плечами чувствуя опасность, нависшую над Страной Армянской.

– Мне кажется, спарапет, Валент отомстит нам,– медленно заговорил Зенон Гнуни. Он еще в Тарсе остерегался бегства, предвидел большую беду.

– От Валента всего можно ожидать,– коротко сказал спарапет Мушег и замолк в тяжелых раздумьях.

Три военачальника и Зенон Гнуни с азарапетом Кенаном Аматуни вышли из дворца и сами не заметили, как направились к галерее – там обычно они обдумывали судьбы страны.

– Да, положение трудное,– размышлял вслух спарапет, шагая между рослыми, плечистыми соратниками.– Нужно обдумать срочные меры для предотвращения опасности и смягчить как можно скорее остроту положения. Папу надо хранить оскорбленное молчание. Я думаю, это будет верно. Очень он неосторожен и может сделать опрометчивый шаг. Вы обратили внимание, как раздраженно он ответил на вопрос Теренция. Сказал: император не соизволил его принять!.. Такой тон не подобает его сану.

– Ответ Папа – следствие крайней обиды, взволнованности глубоко оскорбленного человека,– заметил Смбат.– Молодая кровь не считается с дипломатическими тонкостями и принятым тоном.

Они дошли до галереи и сели на каменные скамьи.

Стояла полночь. Над ними раскинулось небо, все в лучистых созвездиях, внизу – уснувшая столица, а вдали – веками недвижные, застывшие горы, и среди них устремлял снежную вершину к сверкающим звездам Большой Арарат.

– Ты прав, ишхан Багратуни, он вспыльчив, горяч,– опять заговорил спарапет, усевшись.– Тем более должны мы внушить ему, как важно быть рассудительным, особенно сейчас. Поссориться, притом сразу с двумя соседями – это самоубийство.

– Разве после того, что случилось, можно верить ромеям? – закряхтел ишхан Камсаракан.

– Верить? Никогда! – вспылил вдруг Смбат Багратуни.– Честь нашей страны прежде всего! Царь прав.

– Но не рассудителен,– подхватил спарапет.– Воевать против двух держав мы не в силах. Наши нахарары собственную безопасность ставят выше безопасности страны. Уповать на них – пустое дело. Не так легко получить от них войско.– Спарапет безнадежно махнул рукой.– Вот, к примеру, дошла до меня весть: нахарар Григорис, владетель области Кордук, сговорился с соседями-нахарарами – считают, что лучше быть под владычеством персов, чем расстаться с людьми и конями для армянского войска. А владетели области Цопк опасаются, что дадут войско, а сами окажутся на границе беззащитными...

– Считаешь, спарапет, что невозможно объединить их и образовать постоянную армию, как хочет Пап? – спросил Смбат Багратуни.

Спарапет ответил не сразу.

— Потребуются большие усилия...

— Во всяком случае, спарапет,— опять заговорил ишхан Камсаракан,— мы должны быть опорой государю, поддерживать его начинания, помочь объединить нахараров и создать постоянную армию. Чужестранец никогда не защитит нас... Мы сами должны быть нашей надеждой и нашим оплотом...

— Но до этого, благородные ишханы, думаю, прежде всего нужно разрядить напряжение,— настаивал спарапет.— И выяснить: не является ли случившееся в самом деле недоразумением, как заявил Теренций.

— А как разрядишь? — с сомнением сказал долго молчавший азарапет.— Ведь все-таки император хотел пленить царя.

Никто не ответил. Тяжелое раздумье тенью легло на лица.

В это время Пап, оставшись один, решал сам, что и когда надо предпринять. Коварство Валента было для него очевидно. Но знал ли Теренций о намерении императора — это оставалось пока неясным. Думалось, комес не был посвящен, иначе не огорчился бы так натурально. Интересно также и то, что Теренций словно не хочет видеть напряженность отношений армян с его страной.

«Но как бы там ни было, мы должны быть наготове,— сказал себе Пап.— С одной стороны Персия, с другой Византия разинули пасти и точат на страну зубы. Как хищные звери на лань,— пришло в голову сравнение,— и вся вина лани только в том, что желает жить свободно: в свободном божьем мире...»

Шапур готовит губительную пропасть для страны. И Валент не отстанет... Что же можно сделать против них?.. Есть ли путь к спасению? Неужели позволим, чтобы страну проглотили хищники?.. Неужели не сможем создать такую мощь, чтобы защитить себя?

Можно! Пап был уверен в этом. Есть путь — призвать нахараров к единению и их силами создать большую армию,— это одно. А второе — строить крепости...

Он мечтал видеть страну свою восстановленной в ее прежних границах и такой мощной, чтобы не нуждалась в помощи извне и сумела защитить себя. «Да, один лишь выход — объединиться и создать большую армию,— повторил он мысленно несколько раз.— Большую армию. И это нужно сделать скорее, иначе будет поздно...»

Папу казалось, что Валент не сегодня завтра может послать на него войско. Не смог обезглавить страну, пленить царя,— захочет силой оружия осуществить захват земли армянской.

Объединиться... Но пойдут ли добровольно на это нахарары?..

До отъезда в Тарс был уже разговор с ними, и вот — никаких признаков, что они намерены выполнить приказы царя. Ромеи засели в армянских городах и областях, едят хлеб армян и смеются над ними... Для того армяне прогнали персов, чтобы стать пленниками ромеев?.. Никогда! Это должны постигнуть наконец наши нахарары...

И Пап решил — утром прикажет азарапету без промедления разослать гонцов в нахарарские крепости, напомнить о предложении, сделанном на государственном совете.

Утром Пап в присутствии спарапета и нескольких придворных отдавал азарапету продуманный ночью приказ.

— ...И предупредить нахараров, чтобы держали свои войска в готовности и по первому царскому вызову отослали бы их в назначенное место.

Едва царь закончил, появился взволнованный Теренций.

— Прости, государь, за вторжение. Я очень обеспокоен,— начал еще с порога.— Ночью я написал письмо императору с целью выяснить случившееся. А сейчас прибыл гонец с сообщением: император крайне огорчен... Я не ошибся, заявляя вчера, что случившееся — явное недоразумение... Явное недоразумение, государь...— сбивчиво повторял Теренций.— Скорее всего, государь, произошло странное совпадение событий и явлений, и у вас создалось ошибочное впечатление. Словом, сожалею и надеюсь, что император скоро ответит, правда всплывет наружу. А пока просил бы не разглашать непроверенное. Не надо, чтобы народ Армении узнал об этом, государь.

— Он уже узнал, комес,— подчеркнул Пап.— Узнал, и притом еще до моего прибытия. И очень огорчен...

— Прискорбно...— вздохнул Теренций.— Прискорбно. Мне остается, стало быть, выявить истину, и как можно скорее.

Огорченный Теренций ушел.

— Комес, как видно, очень сожалеет по поводу случившегося,— сказал Пап и, желая услышать мнение спарапета, азарапета, Бата и Иеремии, обвел их глазами.

— Хочет оправдать императора, и больше ничего,— отозвался Бат.— Он слуга своего императора, заботится лишь о его интересах. Заодно успокоить и нас, чтоб, не дай бог, мы не предприняли чего-нибудь.

— Что бы там ни было, Бат, однако заметно: все это неприятно ему. То, что сделал император, постыдно и бесчеловечно. Он это и хочет смягчить...

Мушег, сузив черные внимательные глаза, посмотрел на Бата, царя и поднялся с места...

— Позволь, государь.

— Говори, спарапет, — сказал Пап с уважением. — Жду твоего мнения.

— Я, государь, — начал Мушег, поправив висевший на боку меч, — вполне разделяю твои намерения относительно создания армии для защиты нашей страны. Это соответствует моим убеждениям, и я, как военный, готов выполнить любой твой приказ. Если надо, сегодня же пойду сражаться и умру за тебя. Однако выступать против ромеев неосторожно и опасно. Нельзя враждовать, я уже говорил, одновременно с двумя державами...

— Я, спарапет, и не думаю выступать против Византии, — перебил Пап. — Но должны же мы быть готовы к любым случайностям?..

— Это верно, государь, — подхватил Мушег. — Однако, чтобы избежать внезапной опасности, разреши мне, государь, отправиться в Тарс, к императору. Надеюсь, смогу уладить недоразумение. Не зря же Теренций настойчиво повторяет о нем.

Пап удивленно посмотрел на спарапета.

— Поехать к императору? — с расстановкой произнес он. — Думаю, что ни к чему, спарапет. То, что случилось, увы, не недоразумение, и нет нужды подвергать тебя опасности. Валент так же вероломно обойдется и с тобой. Лишнее это, спарапет, — повторил Пап.

Мушег рассчитывал, что его предложение будет принято с признательностью, и резкий отказ царя его обидел.

— Я, государь, думаю только о безопасности нашей страны.

— А я — и о ее безопасности, и о ее достоинстве, — вспылил Пап. — Идти к Валенту после такого оскорбления не делает нам чести, спарапет.

— А если, государь, здесь все же недоразумение? Я и хотел, чтобы это недоразумение не стало причиной вражды. Вот что заботит меня. Но, вижу я, мои советы не по нраву. Выходит, мне здесь больше нечего делать... — И Мушег, кипя обидой, вышел из тронного зала.

В тот же день он отправился в родовой замок Вохакан. С этой вестью пришел к царю Иеремия. Пап был удивлен и огорчен.

— Напрасно спарапет думает, что я распаляю вражду с Византией, — сказал он. — И напрасно считает, что с его прибытием в Тарс Валент сделается добрым и больше не захочет чинить нашей стране вред... Надеюсь, Мушег не долго будет в обиде на меня. Не оставит он меня, своего царя. Уверен, он будет с нами, как только Валент что-нибудь предпримет... Впрочем, оставим Валента и займемся делами нашей страны, — сказал Пап, махнув рукой.

А дел было много. По самому неотложному он уже распорядился, переговорил с азарапетом. Но требовалось подумать, какие еще принять меры, чтобы нахарары перестали упрямить-

ся и дали войска. Говоря о делах, Пап имел в виду также благоустройство городов и сел. В намерения его входило много деяний.

Он мечтал изгнать несчастье и горе из страны. Но самое неотложное – безопасность – пока оттесняло другие дела. Надо было заняться расширением оружейных мастерских. Всеми способами усиливать армию – единственную опору Страны Армянской.

Но случилось так, что одним из первых дел царя оказалось разрешение супружеских уз...

На другой день, когда Пап возвращался со своей свитой из оружейных мастерских, произошло нечто странное, удивившее многих... Проезжали по большой улице Двина. Прохожие старались держаться в стороне, очищая дорогу царю и его свите. Вдруг какая-то женщина, одетая в черное, выбежала на середину улицы и упала в пыли на колени – чуть ли не под копыта лошадей. Чего ждала она, воздев руки вверх и склонив голову, – было непонятно.

Пап, удивленный, натянул поводья, остановил коня.

– Что нужно этой женщине? Пусть подойдет.

Один из телохранителей, подбежав, поднял женщину и за руку подвел к царю. Она снова опустилась на колени, расстелив по земле подол длинного широкого платья.

– Что тебе, женщина? – спросил царь. Женщина молчала, и он повторил свой вопрос: – Что тебе нужно, женщина?

– Твоего милосердия, государь, – тихо сказала она. – Твоего милосердия... – повторила печально.

– Встань и говори! – сказал царь.

– Я несчастная женщина, государь, – начала она, не поднимаясь, однако, с колен. – И молю о твоей помощи.

– Какая же тебе нужна помощь? – спросил царь недоумевая. По одежде она не казалась бедной – что же ей было нужно?

Женщина приподняла голову, посмотрела на золотистого царского коня, но не осмелилась поднять взгляд выше.

– Я в несчастном браке, государь, – заговорила она. В голосе слышались горечь и скромность. – Ни священники, ни епископы не хотят помочь мне. Умоляю, государь, прикажи, пусть или убьют меня, или дадут свободу...

Смелость женщины удивила всех: и царя, и членов его свиты, и горожан – они, собравшись по обе стороны улицы, наблюдали эту сцену. Никто нигде – ни в столице, ни в другом каком-либо месте – не видел и не слышал ничего, подобного этому. Такая невиданная просьба! Да еще на улице, на виду у всех. Поступок женщины был смелым, лицо ее выражало страдание и отчаяние. Жилы на шее так напряглись, черные глаза смотрели так горестно, что казалось, еще немного – и женщина забьется, зарыдает. Пап, не задавая больше вопросов, обратился к своему письмоводителю:

— Узнай, Иеремия, что она просит, и сегодня же сообщи мне.— Потом, повернувшись к еще стоявшей на коленях женщине, добавил: — Встань, женщина, и иди расскажи свое горе царскому секретарю.

Женщина поднялась и встала в стороне, опустив голову и прижав руки к груди. Царь со своей свитой продолжал путь.

В тот же день вечером, когда Иеремия пришел к царю, Пап поинтересовался:

— О чем молила эта женщина, Иеремия? Что заставляет ее расстаться с мужем?..

— Причина серьезная, по всей вероятности, государь.

Иеремия рассказал, что супруги живут мучительной жизнью — детей у них нет. Муж жену постоянно оскорбляет за это.

— Я расспросил многих,— продолжал Иеремия,— и узнал: как муж, так и жена хотят расстаться, и каждый из них желает образовать новую чету, так как оба мечтают о детях. И вот церковь не разрешает.

— И почему? — спросил Пап, хоть и знал ответ наперед.

— Порядок таков, как знаешь. Единожды сочетавшиеся браком должны оставаться верными священному венцу и жить неразлучными до смерти. Это, говорят священники, закон святых патриархов церкви.

— Тяжкий закон,— проговорил Пап, шагая по залу.— Значит, эта женщина до конца своих дней должна жить в унижении, страдать и остаться бездетной?

— Видимо, так, государь.

— А ты как считаешь, Иеремия?

— Я, Пап, думаю, такая жизнь хуже смерти. Жить супружеской четой — благо, но для них такая жизнь становится злом и долгим страданием.

Пап задумался, подошел к сводчатому окну и долго смотрел вдаль, где по синему небу плыли белые облака.

— Вот что, Иеремия,— решительно повернулся царь к письмоводителю.— Пиши! Разрешаю этой женщине образовать новую семью. То же и ее мужу... Пусть родят детей, сколько пожелают.

— Однако подумай, государь, опять ведь навлекаешь на себя гнев отцов церкви,— испуганно заговорил присутствующий при этом Зенон Гнуни.

— Гнев церкви? Почему? За то, что беру на себя тяжесть их дела? — удивился Пап.

— Да, государь, за то, что вмешиваешься в установленные ими порядки и законы.

— Я думаю, ишхан Гнуни, царь в своей стране имеет, во всяком случае, право избавить от страданий хотя бы одну несчастную женщину.

Гнуни без слов свесил голову, коснувшись груди бородой,

и нельзя было понять – соглашался ли он со словами царя или уклонялся от дальнейшего спора.

...Уже несколько дней в Двине, в других городах и селах страны только и говорили об этом новом распоряжении царя. В домах, на рынках, в садах – везде эта история была на устах. Одних восхищала смелость женщины, других, наоборот, возмущало ее бесстыдство. И всех удивлял указ царя, – такой указ был невиданным делом. То, что не делала никогда и не желала сделать церковь, совершил царь одним своим словом.

– Что же предпримут теперь наши святые отцы?

– Ничего. Что можно сделать против указа царя?

Старики охали, жалели духовных отцов. Дерзкая молодежь смеялась – пусть священники идут в пустыни и молятся там, здесь за них все сумеет сделать сам царь.

Поступок царя вызвал бурю среди священнослужителей страны. Особенно взволновалось духовенство Двина, где в первый же день узнали о невиданном указе. «Царь занимается не своим делом!» «Берется вершить вверенное от господа церкви!..» «Ни один армянский царь не посягал на такое!» «Вмешивается в таинство брака. Возмущает порядок, учрежденный святыми патриархами». Подобные речи потрясали стены храмов, духовных собраний.

– А мы-то надеялись, что в Тарсе его вразумят! Ничему он там не научился. Мало ему, что упразднил церковную дань, возжелал теперь сам распоряжаться брачными союзами! – волновался кругленький монах, выходя на улицу после обедни.

– Стоит ли придавать этому значение? – успокаивал его высокий чернориzец. – Единственный случай, пройдет и забудется.

– Нет, нет, святые отцы! – живо вмешался отец Согомон. – Дурные примеры не забываются. Этот печальный случай станет поводом, и потекут вздорящие друг с другом супруги беспрерывным потоком к царю. И царь, возомнивший себя вершителем людских судеб, будет издавать указы один за другим.

Епископа Хада дерзкий указ задел особенно больно. Услышав о нем во время вечерней трапезы, он с силой ударил кулаком по столу и сразу же поднялся на ноги.

– Сей дэв еще немало бед принесет нам, – пророк и взволнованно зашагал по трапезной. Его сотрапезниками в тот день кроме братии были епископ области Вананд святейший Кюрег и настоятель пустыни области Арагацотн святейший Даниэл. Гости и братия тоже прервали трапезу и молчали, боясь неосторожным словом еще больше разволновать святейшего Хада – слишком хорошо знали его вспыльчивый нрав. Но святейший не смог молчать. Сделав несколько нервных, шатких шагов, он вдруг остановился и произнес с сердцем:

— Опять, стало быть, богопротивные и безбожные дела творит царь. Настало время строго внушить ему за мальчишеское сие злобное дело, как делал покойный наш патриарх...

И гости заметили, как задрожала его борода. Это было для них явным знаком — святейший крайне разгневан. Епископ Кюрег и настоятель Даниэл пытались смягчить и успокоить его. Но Хад не слышал их, направился к двери — сейчас же он пойдет прямо во дворец и выскажет все в лицо государю, потребует, чтобы не вмешивался в боговы и церковные дела, пригрозит ему проклятьем трехсот семидесяти патриархов.

Епископу Кюрегу и настоятелю Даниэлу стоило большого труда отговорить Хада.

— Не стоит, святейший брат, тратить драгоценное время на дерзкого юнца, — пренебрежительно сказал епископ.

— Оставь его, святейший брат, и будем лучше наслаждаться нашей трапезой, — добавил настоятель.

Хад хоть и замолчал и отказался от намерения идти во дворец, однако не успокоился ни в этот вечер, ни в следующие дни.

В кафедральном соборе и монастыре Вагаршапата царский указ приняли спокойно. То ли отдаленность возымела действие, то ли страх перед новым католикосом, который считался приближенным царя. Так или иначе, здесь особенно не шумели. Поговорили немного, поудивлялись, что царь занялся не относящимся к нему делом, и вскоре замолчали. Лишь отец Фавстос решил, что такое нельзя предать забвению. Он при новом католикосе низложил с себя должность главы канцелярии и, уединившись в келье, предался только своему сочинению; как и прежде, одно за другим записывал события и были Страны Армянской. Занес он в свою книгу и этот случай. Написал так:

«При патриархе Нерсесе никто не осмеливался в Стране Армянской удалить от себя свою жену или покинуть ее. А после его смерти люди получили от царя разрешение оставлять жен своих...»

Хотел было добавить, что подобное есть дело богопротивное и позорное, но счел затем, что лишнее слово обременяет сочинение, перекрестил лоб и забормотал: «Спаси, господи, Страну Армянскую от всяких напастей и зла...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как ни был Пап поглощен укреплением армии и расширением ее — он даже собирался с этой целью посетить нескольких влиятельных нахараров, — тем не менее не мог он отстраняться

и от повседневных дел страны. Как раньше, так и теперь почти каждый день по утрам царь выслушивал доклады управляющего дворцом, царского письмоводителя и азарапета о том, что случилось в стране, какие произошли события, какие имеются просьбы.

Однажды, это было на пятый или шестой день после возвращения из Тарса, азарапет Аматуни, как обычно, докладывал царю о событиях в стране. Здесь же находился письмоводитель Иеремия. С Папом сидела царица. Среди прочего азарапет Аматуни сообщил, что в одном из монастырей повесилась юная монахиня.

— Повесилась? — ужаснулся Пап. — И что же понудило ее к этому?

Азарапет поведал о том, что узнал днем раньше. Повесившаяся — дочь нахарара области Ширак ишхана Манаваза. Ей едва исполнилось семнадцать лет. Два месяца назад ее насильно заточили в монастырь. Причиной заточения, насколько удалось выяснить Аматуни, была любовь — дочь ишхана влюбилась в крестьянина, одного из телохранителей отца. Ишхан, узнав о том, разгневался, приказал дочери выбросить из головы эту любовь и взять себе в мужья человека в равной ей нахарарской среде. Дочь, опустив голову, покорно выслушала упреки и волю отца. Ни словом, ни жестом не воспротивилась ему. Отцу показалось, что дочь раскаивается и согласна с ним во всем... Однако на второй или третий день ее застигли за приготовлением к бегству. Тогда ишхан в страшном гневе приказал бросить телохранителя в темницу замка, а дочь увезти в монастырь.

— И что дальше? — спросил в волнении царь, когда азарапет умолк. — Что дальше?

— А дальше... Не прошло и месяца — повесилась, государь. Так и нашли ее однажды утром в келье...

— Значит, в монастырь была увезена по приказу отца — ишхана?

— Да, государь.

— И повесилась... — Пап замолчал, долго и мрачно вышагивал по тронной.

Как-то не думал до этого Пап, что девушек могут заключить в монастырь насильно. Правда, ему всегда казалось странным, что юные девы сами себя лишают мирской жизни — естественной радости брака, создания семьи, материнства... Считал, что такие поступки — результат проповедей духовных лиц. Идут в монастырь, дабы избавиться от грехов мирских и мучений потусторонней жизни. Теперь несчастный случай омрачил его и в то же время прояснил: значит, далеко не все идут в монастырь своей волей. Но кто и почему установил этот неестественный порядок — отнимать у человека данные богом житейские радости, заточать его в обителях?.. Невольно вспомнил он, как много развелось монастырей в разных кон-

цах и уголках страны. Сколько же их страдает в каждом монастыре, таких, как эта юная дева...

– Известны ли другие случаи, когда монахини вешались, ишхан Аматуни? – обратился вдруг Пап к неподвижно стоявшему азарапету.

– Вешались? – вскинул брови Аматуни, застигнутый врасплох вопросом царя. – Насколько помню, нет. Но были случаи, когда бросались с утеса или убегали. А вешались – нет. По крайней мере, я не слышал, государь.

Пап опять замолчал. Вешаются, бросаются с утеса, убегают!.. Значит, эти монастыри не только места для молитв и покаяний?.. Это тюрьмы и темницы, места для расправы... Здесь страдают под надзором неумолимых настоятельниц силой уведенные из мира юные девы... И такими безотрадными представились ему эти обители для монахинь, что Пап еще больше нахмурился и снова беспокойно зашагал по залу. В его стране, в его царстве, существует такое! Он ответствен за страну, значит, и в этом он виноват... Как еще мало он знает жизнь своих подданных, думал царь и все вспоминал рассказ азарапета о монахине, лишившей себя жизни. История ее любви глубоко взволновала Папа, он страдал. Как могли его предки допустить такое зло?

– Ишхан Аматуни, – Пап остановился перед азарапетом, – как считаешь, кто виноват в этой смерти?

Тонкие брови азарапета пошли вверх, было заметно, что он не ждал такого вопроса. Смущенно ответил:

– Трудно сказать, государь...

Присутствующие растерянно и недоуменно посмотрели на царя, им этот вопрос тоже показался странным.

– А я, азарапет, скажу, кто виноват, – твердо заявил Пап, правая щека его слегка дернулась. – Мы виноваты: мои предки и я...

Он замолк, глаза туманно скользнули по залу. Всех сковало недоумение и сдерживаемая тревога.

– Я и раньше считал, что эти монахини несчастны и жалки, – заговорил снова Пап, – а теперь, когда убедился в этом, думаю, больше нельзя оставлять их так...

И Пап опять замолчал, уйдя в свои мысли...

– Однако что можно сделать, государь? – все еще недоумевая, поинтересовался азарапет.

– Освободить их!.. Закрыть женские монастыри! Чтоб не повторялись подобные вещи! – ответил Пап скорее самому себе, чем азарапету.

– Но, государь... – Пораженный азарапет хотел что-то сказать. Его опередила царица.

– Не нужно этого, Пап, – заговорила испуганно. – И без того наши духовные отцы возмущены! Не вмешивайся, пожалуйста, в их дела!

– Это прежде всего дело царя, а потом уже духовных пастырей, царица моя. Разве ты хочешь, чтобы я видел надру-

гательство над человеком и оставался равнодушным?.. Чтобы я закрывал глаза на преступления? Обязан царь страны заботиться о своих подданных?

– Конечно, обязан...

– Значит, царь вправе запретить духовным пастырям насильственное заточение девушек в женских монастырях. Нельзя запирать туда тех, кто не желает... Думаю, будет лучше, конечно же лучше,– Пап словно советовался с самим собой,– если эти юные девы, вместо того чтобы страдать и умирать в монастырях, пойдут в мир, выйдут замуж и умножат народ Страны Армянской. Какое доброе дело совершил бы мой отец, если бы закрыл в свое время женские тюрьмы!.. Пиши, Иеремия, указ.– Он подошел к своему письмоводителю, который как всегда, стоял тут же, подтянутый, с приглаженными длинными волосами и в ловко обхватывающей стан одежде.– Пиши: женские монастыри закрываются! И пусть гонцы разнесут этот указ по всей стране...

Азарапет заморгал, с мольбой посмотрел на Иеремию, словно прося: разъясни царю всю сложность такого шага! Но Иеремия был согласен с царем. Единственное только смущало – поспешность. Пап забыл, что в монастырях живут не только юные девы, есть там и пожилые, и даже престарелые монахини. И не всех держат против их воли.

– Но, государь, как будут жить пожилые монахини, покинув стены монастырей? – сказал он, задумчиво глядя в лицо царя.

– Да... Ну хорошо, составь сам, Иеремия. Напиши как подобает. Принесешь – мы обсудим.

Прошло несколько дней, и поскакали к женским монастырям гонцы, везя скрепленный царской печатью и красной подписью указ. Гонцы еще не достигли мест назначения, а указ уже толковали по-всякому на улицах Двина и других городов и сел.

– Закрывать монастыри! Хотят выдать замуж монахинь!..

– Царь монахинь замуж выдает. Готовьтесь! – смеялись молодые люди в городах.– Готовьтесь взять себе в жены по монахине...

Для горожан и крестьян указ был новостью интересной и в то же время удивительной. На духовных же лиц он обрушился подобно землетрясению.

Первой узнала новость церковь Двина. Почти никто не поверил – настолько поразительна и страшна была весть. Иные даже приняли ее за злобную шутку. «Запугать хотят,– считали они.– Не в адрес ли царя эта издевка?» Но когда весть повторили не иноки – мастера слухов, а люди посерьезнее, многих священнослужителей охватил не только страх, но и самая настоящая ярость.

— Бесноватый, дэворожденный! Что ему нужно от невинных монахинь? Беспорочных Христовых невест предать скверне?

— Господи, спаси нас, избави от всяческого зла и напастей, — крестились в монастырях.

А «жалоязычный Согомон», как прозвали его за разящий язык, — отец Согомон объявил во всеуслышание:

— Царь метит, видно, и монахинь записать в армию для защиты своего трона.

Но, как всегда, яростнее всех воспринял весть епископ Хад. Об указе он узнал по пути в церковь и разгневался так, что оставил паству без службы. Остановившись во дворе церкви, приказал:

— Мой посох и клобук! — В голосе было такое нетерпение, что три инока одновременно кинулись к келье святейшего...

Он поспешно надел остроконечный клобук на голову, взял в руки среброголовый длинный посох и, как был, в простой черной рясе, направился к воротам, коротко приказав:

— Двум братьям следовать за мной.

— Осла, святейший, привести сюда? — спохватился один из иноков.

— Не нужно! — бросил святейший и повторил: — Двум братьям следовать за мной.

От безмолвной окаменевшей толпы отделились двое и поспешили за ним. Один — отец Согомон, другой — плечистый священнослужитель, заметный своей бородой — она, широко распластавшись, росла наподобие дикого куста и торчала далеко в стороны — даже со спины ее было видно. Это был дьякон Малахия.

— Дэв, злокозненный дэв! — бормотал Хад себе под нос. — Вернулся из Тарса, чтобы опять творить дела святотатственные!..

По середине улицы, ведущей в цитадель, стремительно двигались три священнослужителя. Прохожие, завидев знакомые высокие фигуры, невольно шарахались в сторону, пугаясь грозного вида святейшего и свирепых лиц сопровождавших его братьев.

— Что их разгневало? Куда спешат? — гадали прохожие. Наиболее любопытные останавливались и следили издали за ними, а вездесущий Грешник Махкос бежал впереди с бычьим волосатым хвостом в руке и громко возглашал:

— Дорогу святейшему! Дорогу!..

Стражники в шлемах и доспехах у наружных ворот цитадели, как и народ на улице, невольно подались назад перед шествием трех мрачных и грозных церковников... Зная Хада, они почтительно уступали дорогу, как будто это был сам католикос.

Какое могло быть сомнение – важные духовные лица идут по важному делу во дворец. С той же готовностью открыла путь епископу Хаду и стража у вторых ворот. Перед входом во дворец навстречу священнослужителям вышел глава стражи – энергичный молодой военачальник. Поклонившись, спросил:

– Кому доложить о вашем прибытии? Церемониймейстеру или царскому секретарю?

– Никому не нужно, – не глядя сказал Хад, сверкнув глазами. – Мы идем к царю.

Он даже не перевел дух после восхождения по многим лестницам и тем же решительным шагом поднялся по мраморным ступеням дворца. В приемной государя перед ним выросли царский письмоводитель Иеремия в легкой летней одежде, с непокрытой длинноволосой головой и старик церемониймейстер, весь в белом.

С уважением поклонившись, они почтительно спросили:

– Кого желают видеть святые отцы?

В ответ святейший Хад, задыхаясь, ударил посохом о пол:

– Где царь?

Не только голос – весь вид его выражал крайнее раздражение: жесткая борода мелко тряслась на груди, покрасневшие глаза лихорадочно блестели – вот-вот полыхнут огнем. Двое провожатых встали справа и слева от него – грозные телохранители. Казалось, они явились мстить врагу.

Иеремия, кажется, понял что-то. Не спрашивая больше ни о чем, прошел в другой зал, закрыв за собой украшенную резьбой дверь.

Духовные отцы – провожатые – посмотрели на закрывающуюся дверь, взглянули на святейшего и еще больше помрачнели: посох в руке Хада дрожал. Встревожился и церемониймейстер. По всему было видно, что поведение царского секретаря оскорбило Хада. Но царский письмоводитель тут же вернулся и, растворив двери, пригласил:

– Соизвольте, отцы духовные...

Святейший Хад охватил двумя руками посох с крестом на конце и, подняв высоко, двинулся вперед со строгим ликом. В тронном зале, не обращая внимания на придворных, прошел прямо к царю. Учащенно дыша, начал:

– Царь Пап, я пришел проклясть тебя! Именем трехсот семидесяти патриархов проклинаю! Именем усопших и отбывших в объятия господа великих владык Григора, Нерсеса, святого Акопа, епископа Мцбина, именем убиенного – мученика патриарха Усика... [1] – Голос его осекся, не хватило дыхания.

---

[1] Упоминаемого здесь патриарха Усика не следует путать с назначенным Папом католикосом Усиком.

Он слишком торопился выговорить имена, будто боясь забыть их, почти крича.

Царь удивленно смотрел на него. Воспользовавшись передышкой, заметил, усмехаясь:

— По-моему, есть еще и другие патриархи, святейший Хад... Прокляни уж и от их имени...

Придворные, стоявшие у трона, улыбнулись словам царя, да и вид запыхавшегося разъяренного епископа Хада тоже мог вызвать улыбку. Но некоторые из них казались подавленными. Их напугала анафема. Притихнув, они ждали: что будет дальше?

Хад наконец отдышался.

— Издеваешься надо мной, царь-христопродавец? — Голос его взвился еще выше. — Еще проклинаю тебя за то, что обратился к язычеству праотцев, к их лжи и заблуждениям... За то, что забыл истинного бога и поклоняешься злу и сатане... Проклинаю за непорочных дев, коих желаешь предать скверне... И пусть, и пусть... — повторил, опять задыхаясь, — и да сойдешь со стези славы и да снидет на выю твою тяжелое ярмо рабства!.. Ты, кто отравил патриарха Нерсеса...

Бат, возмущенный последними словами, повернул лицо к царю, готовый по его приказу удалить неистового епископа, но Пап уже поднялся сам и почти вплотную приблизился к Хаду.

— Так это ты распорядился заклеймить меня патриархоубийцей? — спросил со странным спокойствием и вдруг изо всей силы топнул ногой. — Вон отсюда, спятивший старик! — Правая щека его дернулась, нервно заиграла. Он плотно сжал губы, чтобы не сказать лишнего.

Бат бросился было исполнять волю царя, но святейший уже сам направился к выходу. У двери задержался:

— Как пришел проклиная, так и удалюсь! И да будет проклятие над тобою, пока не отменишь богомерзкий указ твой о женских монастырях!

Указ о закрытии женских монастырей вызвал ропот и среди духовенства Вагаршапата. Однако возмущение здесь не было таким явным, как в Двине, да и не столь большим, как при отмене церковной десятины и занятии церковных земель. Архимандриты, дьяконы, иноки, разделившись на группы, сетовали, возмущались, но недовольство свое выражали тихо, шепотом, в кругу друзей или близких. Все удивлялись — почему новый католикос не протестует против такого святотатственного указа.

Лишь отец Фавстос был в стороне от всеобщей суеты. Не пускался, подобно святым братьям, в разговоры. Как всегда, ходил в церковь к заутрене и вечерне, а в остальное время си-

дел в своей келье, вспоминая дни католикоса Нерсеса и все, что происходило в Стране Армянской. Когда же спускался вечер, отец Фавстос, затеплив масляную лампаду, клал перед собой на стол незаконченную летопись. Вот и теперь, разложив рукопись, он приготовился начать запись о закрытии женских монастырей. Время от времени он крестился и молил бога уберечь страну от новых, худших апастей. Просил господа: «Ниспошли благоразумие юному царю Папу!»

В женских монастырях указ, привезенный царским гонцом, вызвал настоящий переполох, и трудно было различить, где горе, где радость. Настоятельницы, прочитав царский указ, гневно отбрасывали свиток, грозясь, что не выполнят этого распоряжения. Но не все. Более уравновешенные и дальновидные, собрав монахинь, читали им указ, а потом от имени всех сочиняли протест. Выходило, что не только глава монастыря не принимает монаршей воли, но и монахини тоже протестуют.

Первым женским монастырем, куда дошел указ царя, был монастырь Егварда. Настоятельница – полная, с ног до головы в черном монахиня – собрала паству свою в трапезной. Высоким срывающимся голосом прочитала царский указ. Монахини, все – как одна, опустились на колени и громко заплакали. Настоятельница, осенив их крестом, сказала: «Подумайте, сестры» – и вышла. Монахини поднялись с колен, трапезная заполнилась гулом голосов: в одном месте слышались громкие сетования, в другом едва различимый шепот.

– Я не пойду замуж! – сердилась пожилая монахиня. – И не хочу плодить детей, чтоб страдали от мирских бед.

– Указ не заставляет тебя выходить замуж, сестрица Мариам, – отвечала ей соседка. – Можешь поселиться у родных и работать для них. Это царь оставляет на наше усмотрение. Приказывает лишь, чтобы из монастырей ушли молодые. Те, кто в летах, могут остаться, если захотят.

В одном из углов зала, в стороне от всех, юная монахиня со слезами на глазах жаловалась другой – такой же юной, как она сама:

– Смогу ли я теперь найти своего Арама? А вдруг он уже женился? Нет... Думаю, все-таки нет... Он слово дал никогда не жениться, пока я жива.

– Не верь словам мужчин, сестрица Шушаник. Мой тоже обещал. И что же? Женился в первый же год. Все равно, мол, отец никогда не позволит мне выйти отсюда... Словам мужчин верить нельзя.

– Нет, Арам не такой. – И Шушаник кончиком пальца смахнула слезу с ресниц.

– Все одинаковы, сестра...

– Почему? Неужели они ничем не отличаются друг от друга?

– Именами, только именами.

А чуть подальше пожилые монахини сидели на скамье, точно черные усталые птицы, обсуждая не очень радостную для них новость.

– Мне некуда уходить,– говорила одна.– Нет у меня ни отца, ни матери. Моей обителью был и останется монастырь. Как жила, так и умру в этих стенах. Ни один царь не сможет меня выгнать отсюда. Пусть так и скажут царю Папу – сестра Гаянэ свой приют не покинет. И пусть знает – для сестры Гаянэ нет иного царя, кроме небесного...

Упав на колени, она начала молиться, часто крестясь. Ее сестры по обители опустились на пол вслед за ней. В наступившей тишине бормотание молящихся наводило тоску. Юные монахини поспешили в свои кельи. Что они будут теперь делать? Как явятся к родным?

В один из этих дней по дороге в монастырь области Варажнуник скакал всадник со знаком царского гонца на правом рукаве. Он казался грустным и будто через силу гнал коня. Солнце мягко пригревало, прохладный ветерок волнами пробегал по горным полянам, лаская лицо всадника, поигрывая черными волосами, выбившимися из-под шапки. Но лицо молодого человека не прояснялось. Он оставался таким же удрученным. Это был Раат. Куда делась его прежняя живость, подвижность. Еще недавно он с радостью брался за любое поручение, даже сам искал предлога, чтобы послали в то или иное место. Особенно влекли его опасные дела. Теперь – все по-другому. Приехал из Тарса, а в Двине все то же – Назени не вернулась. Вот и померк для него мир. Не приносит прежнего удовольствия должность, не доставляет радости скачка по дальней дороге. Теперь эти дороги лишь будят грустные воспоминания о прошлом. Раат вдруг почувствовал усталость. Всегда в пути, всегда с поручением – вчера для спарапета, сегодня для царя. До каких же пор будут продолжаться эти странствия, эта бродячая жизнь? Исчез дальний огонек, к которому стремился, нет больше надежды, что найдет когда-нибудь свою Назени. Любовь многих лет исчезла в бурях войны... Его любовь!.. Прежде она заполняла сердце, делала мир прекрасным... Теперь она стала болью сердца. Раат гонит от себя воспоминания, боится надежд – в них наверняка лишь новые страдания и новая боль. Раньше, бывало, весело шутил со встречным путником. Теперь даже не смотрит на тех, кто едет мимо. Ничего не видит кругом. Не замечает, что конь замедлил шаг...

Но вот Раат встрепенулся – вспомнил: он все же царский гонец, несет указ, до вечера должен прибыть к месту. Хлестнул коня, поскакал быстрее.

Вечерело. Миновав извилину дороги, увидел на горе мо-

настырь. Тот самый монастырь, который однажды, путешествуя, пожелал осмотреть царь Пап. Его тогда не впустили, приняли за сепуха – искателя приключений. Солнце, прощаясь, заливало обильным светом зубчатые стены обители, башни с бойницами, церковь, видневшуюся из-за гор. Зато лес, растущий в ближнем ущелье, уже начал темнеть, покрылся тонкой пеленой тумана.

По обе стороны дороги зеленели посевы. На болотистых лужайках паслись тучные монастырские коровы.

Раат подъехал к массивным воротам, укрепленным крупными железными гвоздями, ударил в створку висевшим на шнурке молотком. Послышались мягкие шаги, женский голос спросил из-за ворот:

– Кто там?

– Царский гонец, – ответил Раат устало.

– И кого же хочет видеть царский гонец?

– Настоятельницу.

– Что понадобилось в неурочный час?

– Царский указ!

– Царский указ? – удивился женский голос. – Подожди немного...

Мягкие шаги, удаляясь, затихли в глубине двора. Вскоре опять послышались шаги, уже несколько пар ног спешили к воротам. Отскочила маленькая железная дверца в массивной створке, через темный квадрат отверстия на Раата глянуло бледное лицо в черной рамке платка. С любопытством сверкнули темные глаза.

– Ты один, гонец? – спросила монахиня. Высунув голову из прорезанного окошка, проверила – посмотрела направо и налево.

Убедившись, что он один, а на рукаве его действительно знак царского гонца, монахиня опять убрала голову, захлопнула маленькую железную дверцу. Заскрипела массивная створка, отходя назад, и открыла Раату четырех одетых в черное монахинь с копьями в руках.

Дверь для всадника оказалась низкой. Раат сошел с коня и, взяв его под уздцы, прошел в арку. Закрыв ворота, четыре монахини повели царского гонца в глубь двора. Там рядами тянулись маленькие зарешеченные окна, а за ними виднелись жадно смотрящие глаза. Через просторный двор не спеша шли монахини. Выйдя из церкви, они направлялись в свои кельи. Молодые монахини провожали старушек, взяв их под руки.

По знаку одной из сопровождавших его монахинь Раат привязал коня к дереву и в том же сопровождении вошел в келью настоятельницы. Впустив Раата, монахини с копьями остались стоять за дверью.

Раат не сразу заметил, был ли кто в келье. Лишь когда глаза его привыкли к полумраку, он увидел ковры, два кресла и в одном из них настоятельницу. Она сидела, распустив широ-

кие полы черного подризника. Белое, полное, будто без костей, лицо напоминало ком пухлого теста на молоке. Под углом рта на подбородке чернела большая бородавка с пучком волос – настоятельница их не састригала, видимо боясь греха. Откинувшись на подушку, она перебирала темные камни четок. Раат одним взглядом охватил все это, заметил также и гордую осанку, властный взгляд. Приложив руку к груди, поклонился с порога, потом спокойно подошел и, как требовал обычай, поцеловал мягкую молочно-белую руку.

– Какую добрую весть ты принес нам, гонец? – спросила настоятельница спокойно, не меняя позы, четко выговаривая каждое слово.

– Царский указ, благочестивая настоятельница.

И, достав из внутреннего кармана накидки свиток пергамента, Раат с уважением подал его величественной женщине. Она же, еще не развязывая тесемок, приложила свиток ко лбу – так поступали обычно при получении царских указов, – потом со сдержанным интересом развязала, принялась читать. Сначала выражение лица было благостно и почтительно, брови высоко подняты. Чуть позже по плечам ее словно пронеслась дрожь, приподнятые брови опустились, сдвинулись, молочнобелое лицо потемнело.

– Как? – вскочила с места словно ужаленная. – Отпустить молодых монахинь?.. И больше не принимать?.. Почему?.. Кому вредят женские монастыри? Кто внушил государю эту мысль? Неужели все из-за того случая? Мы не приняли государя... Но ведь не узнали же его!... Говори, гонец, что это такое?..

– Я этого не знаю, настоятельница, и знать не могу, – сказал с почтением Раат. – Одно лишь могу сказать – такие указы доставлены во все женские монастыри.

Едва Раат кончил говорить, внутренняя дверь кельи вдруг растворилась, из смежной кельи стремительно вбежала молодая монахиня и, вскрикнув: «Раат!», припала к царскому гонцу.

– Ты здесь? Ты жив? – твердила она задыхаясь.

– Назени! – воскликнул Раат, не веря глазам. – Назени! Ты здесь! – Обняв плечи молодой монахини, он целовал лоб, волосы. – Назени!.. Не думал уже... Считал тебя потерянной...

В глазах настоятельницы помутилось, она в изнеможении упала в кресло и тут же гневно вскочила, забыв свой возраст, сан и царский указ.

– Что все это значит? – крикнула возмущенно, подойдя к молодым. – Именем царя ты пробрался в мою обитель...

Но молодая пара, захваченная радостью встречи, не видела и не слышала больше ничего. Взяв друг друга за руки, почти обнявшись, они шептали одним им понятные полуслова.

– А ты как попала сюда? – очнулся наконец Раат.

Назени взглянула на него, и вдруг радость и горе ее хлынули потоком слез. Она старалась овладеть собой. Говорила, с почтением поглядывая на настоятельницу. Из сбивчивых ее слов Раат понял, что мать Назени скончалась в пути, когда они бежали из Двина, здесь, близ монастыря. Настоятельница, пожалев, приютила Назени, сделала своей воспитанницей, прочила ей духовный сан...

Первая радость встречи улеглась. Огорченная, поникшая настоятельница обратилась к Назени:

– А ты, дочь моя, говорила, будто нет у тебя ни родных, ни брата...

Назени порозовела, опустив голову:

– Не брат мой это, игуменья. Это мой... мой...

– Кто?.. – Настоятельница строго посмотрела на Назени. А та стояла, стыдливо опустив глаза. Стройная фигура, тонкий стан дрожали под черной одеждой. – Кто же тогда он тебе?..

– Жених мой, игуменья, – с трудом выговорила Назени.

Удивление настоятельницы удвоилось, черные глаза округлились, она пристально посмотрела сначала на Назени, потом на Раата. Ее обманули, провели... Она им покажет сейчас!.. Гнев вздымал и опускал ее высокую грудь под черным подризником. Но тут взгляд игуменьи упал на забытый указ. Она глубоко вздохнула, опустилась в кресло и изменившимся, прерывающимся голосом сказала:

– Раз так, идите с миром, дети мои... А я... займусь этим указом...

Раат и Назени поцеловали белую пухлую руку настоятельницы и вышли. Раат – во двор к своему коню, Назени – в соседнюю келью.

Собрав скудные пожитки, Назени вскоре вернулась проститься с игуменьей и в удивлении замерла – эта властная, грозная, неуступчивая женщина плакала, и слезы ее падали на указ царя. Не о своей ли погибшей молодости вспоминала она в эти минуты...

Еще не отшумели разговоры о женских монастырях, а Пап уже издал новый указ: закрыть богадельни, основанные католикосом Нерсесом, – эти «обители тунеядцев», так он называл их. Распорядился призреть там только престарелых. Все остальные, которые не увечны и не больны, должны были «работать ради общей пользы». Едва претворив в жизнь этот указ, приказал сократить в селах число священников. Вместо трех-четырех оставить по одному. Освобожденные от деревенских приходов были обязаны нести государственную службу или завербоваться в армию.

После Тарса царь стал беспокойнее, чем был раньше. Он торопился поскорее сделать все, что давно поставил себе целью.

Пап хочет разрушить все созданное католикосом Нерсесом – говорили в монастырях и церквах. Царь собирается отменить христианство и восстановить язычество – к тому ведет. Удивлялись: что смотрят византийский посол, император и митрополит? Знают всё, видят и молчат...

Были, однако, и такие, кто одобрял дела царя. Понимали, что Пап хочет облегчить жизнь, заботится о стране, решил усилить армию.

А сам Пап, что ни делал, что ни предпринимал, не мог выбросить из головы одного – городов и областей, которые еще оставались в руках ромеев. Ему казалось, все: родные и чужие, в царском дворце и в замках нахараров – украдкой смеются над его беспомощностью – не сумел за это время освободить от ромеев ни одного города. Эти мысли сильно донимали его, особенно ночами. Он подолгу шагал в своей спальне или, по старой привычке, шел к Иеремии.

Сегодня Пап был особенно озабочен.

Стояла ночь. Он один, в летней тунике и сандалиях, сидел в своей спальне и смотрел на мигающие в подсвечниках свечи, но словно бы ничего не видел. Лицо было хмурым, напряженным. Пап целиком ушел в себя. И во дворце и снаружи замерли все звуки, улеглось движение. Но раздайся хоть гром, он, казалось, не шевельнулся бы – настолько был поглощен своими думами. Долго так сидел, глядя в одну точку. Но вот поднялся, медленно подошел к открытому окну, окинул взглядом звездное небо, сиявшее над белоснежной главой Арарата, перевел взор на спящий Двин и покачал головой.

«Мои предки построили города, благоустроили их, заполнили людьми. А я?.. – Он горько усмехнулся. – А я допустил, чтобы наглые ромеи захватили их!..»

Пап сделал несколько шагов и опять остановился.

«Да, конечно, Валент не простит мне этот побег. Не нравится ему и то, что требую наши города. Наверняка если не теперь, то через год может пойти войной... Что мы выставим против него?.. Войти в союз с персами? Подружиться с Шапуром?.. Никогда!.. Можно дружить с честным соседом, но не с ним. Мы!.. Мы сами должны сохранить свою страну... Только мы!..»

И тут Пап вспомнил нахараров и опять покачал головой. Вот и гонцы посланы, уже немало дней прошло, а ответа нет. Никаких вестей! Только приближенные его, нахарары, связанные с двором, понимают тяжелое положение страны – спарапет, ишхан Камсаракан, ишхан Багратуни, еще несколько – немного. А большинство? Неужели не чувствуют опасность, угрожающую стране нашей?.. И Папу казалось, что он остался один, лишь с маленькой группой нахараров. Один – перед Византией, которая плетет интриги, замышляет недобрые дела... Даже почудилось, что вот сейчас, во мраке этой ночи, византийские армии одна за другой движутся к армянской границе.

Он будто воочию увидел, как идут они – от областей Даранаги, Спера и Карина к областям Тайка, Тарона и Басена.

«Что же сделать? – шептал он. – Что предпринять?..»

И захотелось сейчас, немедленно поделиться своими мыслями с другом.

Было за полночь. Иеремия в этот час еще занимался своим сочинением. Придерживая пергамент, писал, весь уйдя в свое дело. Дверь скрипнула, он рассеянно посмотрел назад. Увидел Папа с лампадой в руке – вскочил, пошел навстречу.

– Случилось что, Пап? – спросил, обеспокоенный.

– Нет, Иеремия. Но может случиться большее, чем думаем...

– Ты взволнован, Пап!..

– Да, ты прав – и взволнован и возмущен! Что будет со Страной Армянской? Где ее нахарары? Не знаю... Я думал опять о наших городах... Сумеем ли, Иеремия, когда-нибудь вернуть их, стереть этот позор?..

– Не все потеряно, Пап, – сказал Иеремия, стараясь успокоить царя. – Со стороны ромеев это было коварство, даже, можно сказать, воровство, и мы, конечно, должны постараться взять города обратно.

– Да, но как, Иеремия? Наши нахарары безразличны к делам страны. Сам помнишь – вызвал их на государственный совет, толковал им, что надо предпринять для безопасности нашей, объяснял всю важность объединения общих сил, просил, чтобы помогли мне сохранить страну в мире, просил войско для усиления постоянной царской армии. А что в ответ? Тишина!.. Послал гонцов, думал, хоть сейчас очнутся. И опять – никакого движения! Нет... – Пап с отчаянием махнул рукой и замолчал. – Мне так кажется, Иеремия, – заговорил глухо, – как минула персидская опасность – они и успокоились, не хотят понять, что Византия такой же враг нам, так же алчет нашей земли и крови... Одна забота у них – свое поместье, свой замок. А страна не их дело... Охотно отдают свой разум, даже кровь чужому. Но стране своей – никогда. Ради почетного места за чужим столом, ради одной пустячной почести побегут и в Персию и в Византию. Помнишь, сколько их вместе с Айр-Мардпетом готовы были принять персидское подданство, подчиниться чужому господству? А для чего? Лишь бы не давать воинов нашей постоянной армии. И это – мыслящее, разумное сословие Страны Армянской! Это нахарарство армянское! Те, кто должны быть созидателями и хранителями нашей страны...

Пап опять покачал головой.

– Скажи, Иеремия, сможем мы сохранить страну без общих усилий? Можно дальше так жить?..

– Никогда, Пап, никогда! – горячо заговорил Иеремия. Настроение Папа передалось ему. – Деревья, растущие вразброд, падают при урагане и погибают. Вот если они образуют

лес, опираются друг о друга ветвями – им ураган не страшен.

– Поймут ли хоть когда-нибудь это наши нахарары? – безнадежно вздохнул Пап. – Мы зажаты между двумя могущественными соседями. Чтобы кто-то из них не проглотил нас, нужно образовать лес, прислониться ветвями друг к другу... Поймут они это? Все наши беды оттого, что каждый думает о себе, о своем гнезде... Птичье сознание, Иеремия, птичья мудрость!

Правая щека Папа задергалась. Он присел на диван, покрытый тигровой шкурой, приложил руку ко лбу. В неровном свете свечей лицо его казалось особенно бледным и мрачным.

Иеремия подошел к царю:

– Все, что говоришь ты, Пап, справедливо. Но нет положения, из которого не было бы выхода. Думается мне, Пап, пора предпринять то, что ты собирался сделать. Надо каждого в отдельности вразумить, навестить каждого в его поместье. Тогда поймут...

– Лишь это и остается, Иеремия. – Пап поднял голову. – На наших нахараров можно подействовать или посохом железным, или словом пламенным. Не хотел бы я следовать примеру отца, не по душе мне насилие, угрозы... Уничтожение нахарарских родов... Попробуем еще раз убедить словом. Попробуем зажечь армянского нахарара, чтобы постиг наконец одно: сила страны – его собственная сила. Может, тогда ради ее целостности не пожалеют дать своих людей и свои средства. А если не поможет слово, придется железом вдолбить им все это...

А коли и железо не поможет, Иеремия, – будем обречены на вечное рабство... Превратимся в прихлебателей, попрошаек под чужими порогами. – Пап приложил руку ко лбу, словно там что-то горело и он хотел охладить огонь. – Уже поздно. – Он поднялся с дивана. – Я пойду. А ты, Иеремия, пиши, пиши историю этой несчастной страны! Пиши, как тяжко ее состояние и как скудоумны ее нахарары, – подчеркнул он с горечью. И добавил: – Прости, Иеремия, я всегда нарушаю твой покой, твои занятия... С утра начнем готовиться к отъезду...

И быстро вышел. Иеремия проводил его до длинного прохода и долго смотрел, как, удаляясь, мерцала, подобно скользящему глазу, бледная лампада.

С утра царь отдал приказ азарапету и начальнику полка телохранителей Бату Сааруни быть готовыми к выезду. Затем вызвал придворных и военачальников – сообщить им, куда и с какой целью уезжает из столицы.

Придворные собрались в тронном зале. Пап уже хотел начать свое сообщение. В это время вошел церемониймейстер и доложил:

— Комес Теренций срочно прибыл, просит свидания с государем.

Пап нахмурился.

— И что ему нужно? — заговорил, словно с самим собой.— Новые уверения принес мне?

— Не могу знать, государь,— поклонился церемониймейстер.— Попросил сразу же сообщить о своем прибытии.

— Пригласи! Пожалуй, это единственный ромей, который еще желает оставаться другом и хранить мир между нашими странами.— Сказал и, заметив, что кое-кто из придворных поднимается, собираясь уйти, поднял руку: — Останьтесь, господа. У меня нет тайн с Теренцием...

В зал вошел, как всегда, уверенно, с поднятой головой Теренций — в лиловой накидке на плечах и со свитком пергамента в руке. На доброжелательном лице сияла довольная улыбка — это не часто случалось в последнее время.

Поклонился царю, старейшинам. Подошел к Папу, показывая всем своим видом уважение.

— Вот, пожалуйста, государь,— сказал он радостно и, приложив ко лбу свернутый пергамент, протянул его Папу.— Рад, государь, что мое предположение подтвердилось полностью. Вот письмо императора...

Старейшины задвигались на местах, любопытство томило всех, взгляды устремились к письму императора как к некоему чуду.

Пап не спеша взял свиток, перевязанный лентой и скрепленный знакомой печатью византийского императора. Все так же неспешно развернул пергамент — памятные красные чернила, в верхней части, как обычно, изображены золотистой и синей краской византийская корона, трон и скипетр. Раскрыл послание, бегло просмотрел его и передал пергамент письмоводителю.

— Читай, Иеремия,— сказал, слегка прищурив карие глаза.

Иеремия начал читать. Все, затаив дыхание, слушали, поглядывая на Папа, стараясь понять настроение царя. Внимательнее других за выражением лица Папа следил Теренций, довольная, мягкая улыбка не сходила с его уст.

Император вначале приветствовал царя Папа, затем многословно изъявил сожаление по поводу случившегося. Досадовал на «злополучное недоразумение». Просил по-братски простить его: да, не смог из-за болезни и других неотложных дел сразу принять, не знал, что его собрат по престолу и короне царь Пап так торопится... Он полагал, что государь арменов, его дорогой друг, захочет погостить в их древнем византийском городе и получить удовольствие, осматривая многочисленные достопримечательности и памятники глубокой старины... Писал, что в обычае Византии растягивать прием гостей на несколько месяцев. Причем для такого дорогого гостя не было

бы недостатка в достойных его сана почестях и знаках уважения.

В конце письма император повторял извинения и снова сожалел по поводу досадного недоразумения. Убедительно просил верить его братской любви и дружбе.

Иеремия кончил читать. Напряжение спало, все задвигались, меняя позы, покашливали, очищая горло. Было заметно – письмо понравилось, о том и говорили посветлевшие лица, оживившиеся глаза. Вздохнули с облегчением и радостью: теперь исчезнет натянутость отношений, устранится угроза войны. Не зря же император сожалеет о недоразумении с задержкой приема и заверяет в своей дружбе. Все это ясно читалось в глазах Зенона Гнуни, азарапета и Камсаракана и на лицах других старейшин. Один из них даже сказал: «Доброе письмо, государь...» Лишь Бат был мрачен. Сидел отвернувшись, будто всем своим видом показывая: он к таким делам не причастен.

Молчал и Пап. Колебался – верить или нет искренности императора. На секунду даже подумал – не ошибся ли, покинув Тарс. Однако сразу же очнулся: вспомнил подробности императорского «гостеприимства». Ясно, письмо – обычный дипломатический ход. Но тем не менее Пап был доволен. Валент старается оправдаться, и так обстоятельно, – значит, пока не хочет ссоры...

Эти соображения отняли у Папа всего лишь две-три секунды. Он резко поднялся с места и твердо взглянул на Теренция.

– Однако, комес, император совсем не упоминает о наших городах, – сказал с нажимом, показывая неудовлетворенность.

– Да, государь, пока ничего, – растерянно ответил Теренций, захваченный врасплох. – Но надеюсь, скоро и этот вопрос разрешится... Несомненно, разрешится...

– Уважаемый комес, – Пап проницательно посмотрел на Теренция, – уходите из наших городов, и я охотно поверю, что случившееся в Тарсе действительно недоразумение.

Пап ждал ответа, не сводя взгляда с кроткого лица Теренция. В беспокойных глазах византийского посла заиграли огоньки.

– Города... – протянул он. – Ты прав, государь. Я, как друг армян, как человек, заинтересованный в благополучии страны, сочту священным долгом напомнить императору, что этот вопрос все еще остается нерешенным. Не сомневаюсь, города, которые мы заняли только из стратегических соображений, будут возвращены.

– И нужно это сделать поскорее, иначе могут возникнуть неприятности, – сказал Пап и подумал, что не худо бы припугнуть Теренция персами. – Знай, комес, персы уже высмеивают нашу дружбу. Говорят: хороши друзья ромеи у армян, крепко засели в их городах. Мы, говорят, ради дружбы с армянами не только их – свои города отдали бы.

Старейшины и придворные насторожились. Одни смотрели с удивлением, другие – с любопытством. На лицах некоторых читалась неловкость. Зато Бат, заинтересованный, повернул теперь голову к Папу, глаза его сияли. Меж тем тонкие брови Теренция приподнялись. «Не вступил ли Пап в переговоры с персами?» – забеспокоился он.

– Трудно поверить в щедрость Шапура, государь, сколько мы помним, персы всегда стремились овладеть Арменией, – тонко улыбнулся Теренций. – Видно, хотят посеять вражду между нами...

– И император, к сожалению, дает им для этого повод, – сказал Пап, сверля взглядом Теренция.

На кротком лице посла не дрогнул ни один мускул. Он счел за лучшее уклониться от дальнейшего разговора.

– Я, государь, как друг армян, завтра же напишу императору о заветном желании царя Папа – вернуть себе города – и приложу все для скорейшего и благоприятного разрешения этого дела, – сказал комес и тут же простился – вежливо, благопристойно, в манерах, принятых при византийском дворе: поднял руку, затем, неторопливо приложив ее к груди, сделал легкий поклон и пошел к двери.

Обычно после встреч с Папом он возвращался к себе удовлетворенный. На этот раз Пап его удивил. Во-первых, странно, что царь армян до сих пор твердит о возвращении городов, не хочет понять, что должен уступить эти города и области Византии – ведь надо же платить за оказанную помощь! Во-вторых, что это за намеки на Шапура? Из-за этих городов Пап, пожалуй, может даже перейти на сторону персов, если уже не перешел.

«Какое упорство. Даже Тарс не отрезвил!.. Как бы узнать?» – говорил Теренций себе и очень сожалел, что в последнее время армены-епископы перестали навещать его. Видимо, дуются, что не отстояли их интересов – ведь Пап, вернувшись из Тарса, опять вмешался в дела церкви. Жаль... Если бы епископы навестили его, можно бы узнать о настроениях и намерениях царя.

Дома Теренций продолжал раздумывать, все больше утверждаясь в мысли, что Пап имеет тайные замыслы против Византии.

«Да, он изменился, стал сдержанным, скрытным и даже резким. «Уходите из наших городов, и я поверю», – вспоминал Теренций. Так может говорить только человек, который уже чувствует себя твердо и имеет опору... Да, перешел или замыслил перейти на сторону персов... Откуда бы иначе такая дерзость?.. Однако он, кажется, недоволен не только императором. И я сам ему уже не по душе. Узнал что-нибудь? Подозревает? Или просто идет на ссору с нами?..»

Теренций решил любой ценой выведать намерения царя Папа.

Следующий день еще больше поразил его. Оказалось, Пап с небольшой свитой и полком телохранителей выехал из Двина. Говорили – отправился навестить влиятельных нахараров страны. С ним вместе и ишхан Смбат Багратуни.

«А-а, понятно! – В мыслях Теренция сразу все стало на место. – Пап поехал самолично убеждать! Осуществляет свое давнее намерение – объединит нахараров, создаст большую армию и силой возьмет города...»

– Спешить надо, спешить! – сказал он себе и сразу же заторопился в свою летнюю резиденцию, в Карин.

И на этот раз, как всегда, его сопровождал отряд византийских телохранителей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хороши летом горные долины Карина! Ярка их бархатная зелень, душисты цветы. А сколько тут всевозможных птиц! Они неумолчно поют везде: в кустах, в траве, в небе. В озерах плавают дикие гуси, утки, горделиво изгибают шеи величавые лебеди. Хороши здесь горные долины! Но краше долин леса́ на склонах гор Карина. Под вековыми деревьями-исполинами бродят серны, олени. Вечерами, когда их стада идут на водопой к родникам, кажется – нет конца им. Хороши леса Карина! Но еще прекраснее долин и лесов здешние горы. Целительны их горячие источники, обильны воды студеных родников – с оглушительным шумом падают они со скалистых склонов, бегут вниз бурлящими ручьями, сливаясь по пути, и образуют наконец три полноводных реки Страны Армянской – Чорох, Евфрат и Аракс.

Там, где Евфрат, спускаясь с Цахкунских гор, пронзает подобно мечу тростниковые заросли и болота Карина, а затем спешит к югу, – там на опушке дремучего леса, на зеленом взгорье, стоит каменный замок, окруженный зубчатой стеной. Смотрящему издали он мог показаться мрачным и безлюдным. Однако это лишь на первый взгляд. Зоркий глаз различил бы и человеческие фигуры, и голубей, которые белыми и сизыми стайками взмывали вверх или опускались на зубчатые стены замка.

Это был старинный замок ишханов рода Авнуни, повидавший на своем веку немало бурь и бедствий; не раз осаждали и разрушали его враги, но всегда хозяева восстанавливали его заново, и продолжала гордо стоять твердыня. Замок этот весьма почитали соседи-нахарары, в значительной мере благодаря гостеприимству его хозяев.

Надвигался прохладный вечер. Старый ишхан Манасп Авнуни, по своей послеобеденной привычке, стоял на каменном балконе верхнего этажа замка и наблюдал простиравшееся перед ним широкое поле. Там кипела работа. В одном конце

дворовые люди косили пшеницу, в другом – связывали снопы, а в третьем месте навьючивали лошадей и мулов – да так, что выглядывали лишь головы и ноги животных, – и везли урожай к замку. Выше полей, на холмах и склонах гор, рассыпались отары овец ишхана, стада его коров, издали они казались неподвижными, словно прилепились к земле.

Старый ишхан смотрел то вдаль, на работавших в поле людей, то на свою скотину, пасущуюся на склонах, то вниз – на просторный двор замка, где расположились большие и малые постройки – кладовые, амбары, хлева, курятники и что-то еще. Там тоже работали – парни, девушки и женщины. Рукава засучены, подолы у женщин подоткнуты – все в напряженном движении: кто носил сено и солому в сенник, кто пшеницу в амбары, молоко и масло – в кладовые, а кто – охапку дров в тонратун. Девочки, собрав гусей и уток, сыпали им вечерний корм. Неподалеку от амбаров сидели, поджав под себя ноги, старухи – крутили жернова, а в дальнем углу двора один великан слуга топором величиной с булаву раскалывал огромные чурбаки с такой силой и шумом, будто расправлялся с врагом.

Это была обычная картина двора, которая повторялась изо дня в день, как непреложный обряд. Ишхан наблюдал сверху все это и понимал любое движение, любое действие своих людей. Знал: дрова готовят для завтрашней выпечки хлеба, сыры несут в кладовую солить, а жерновами перемалывают зерно на муку или рушат крупу.

Смотрел ишхан сверху и думал удовлетворенно: вот наконец опять наладилась жизнь в его доме, дела в хозяйстве. А ведь что было всего три года назад, во время персидского нашествия! Совсем разграбили его дом, и старый Манасп Авнуни превратился в странника. Так и бродил с семьей без пристанища. Потерял тогда не только скотину, и лошадей растащили из замка. Много крестьян погибло на войне. Но, слава богу, дом опять восстановлен, хозяйство в порядке. Теперь ишхан доволен, даже его белые длинные усы, казалось, говорили о довольстве...

В самом деле, у ишхана Авнуни не было никаких оснований для недовольства. Его сыновья остались целы и невредимы, невестки, внуки были с ним дома, и все любили, уважали его... Ишхану не на что было жаловаться. Правда, иной раз печаль сжимала его сердце. Чувствовал – стареет, силы на убыль идут, не долго уже осталось наслаждаться тем, что дала ему жизнь. Эта безутешная грусть особенно одолевала его, когда смотрел в сторону леса – там на одном из холмов расположились могилы его предков – ишханов Авнуни. Каждый раз, когда он после обеда выходил на каменный балкон отдохнуть и задерживал взгляд на могильных надгробьях, нападала грусть. Но она тут же исчезала, как только переводил взор на колышущееся поле, где трудились его люди, или на пастбище, где паслись отары его овец и стада коров.

Вот и теперь, посмотрев на могилы, он глубоко вздохнул. Перевел глаза на поле... Вдали на дороге большой конный отряд поднимал клубы пыли. Он приближался к замку.

Не отрывая глаз от всадников, ишхан удивленно воскликнул:

– К нам едут люди! Дорогая, взгляни-ка! – позвал дочь.

Дочь, девушка лет восемнадцати, выбежала на балкон, позвякивая золотыми и серебряными украшениями своего шелкового платья.

– Кто это может быть, отец? – встревожилась юная ишхануи, всматриваясь в даль.

– Гости, доченька, а может...

Ишхан помедлил, боясь произнести вслух то, о чем подумал. Дочь вздрогнула.

– Враги, отец?..

– Я не сказал «враги», доченька, – заметил неуверенно старик. – Но если гости, почему их так много?

– Значит, если не гости, – враги, отец? – упорно добивалась дочь ответа. – Почему враги? Откуда?..

Вместо ответа отец заторопил ее:

– Зови дворецкого, доченька. Зови скорее! – В голосе ишхана слышались волнение и опаска.

Дворецкий, человек лет пятидесяти, он же один из телохранителей ишхана, немедля поднялся на балкон. Старик распорядился:

– Оронт, собери всю стражу замка, пусть будут наготове. К нам движется большой конный отряд. Кто они такие – неизвестно.

Оронт, приложив ладонь ко лбу, посмотрел на едущих.

– Однако очень спокойно едут, мой господин.

– Спокойно, конечно, – сказал старик с сомнением. – Но все же пошли навстречу человека. Сейчас же. Пусть разузнает, кто такие, и скачет назад. Если гости – надо встретить достойно, а если... – Ишхан опять запнулся на неприятном слове и, перескочив его, продолжил: – В обоих случаях надо быть готовыми. Иди распорядись скорее.

– Будет исполнено, мой господин.

Управляющий заторопился, и стало заметно, что одно плечо его выше другого, это был давнишний перелом ключицы.

Ишхан стал еще пристальнее всматриваться в приближающийся отряд. Длинные белые усы его при этом то и дело вздрагивали – от волнения или, может быть, от разговора с самим собой. Рядом с ним, вся светясь любопытством, стояла его дочь и тоже смотрела вдаль.

Всадников и правда было много, и все с оружием. Низкое солнце ярко высвечивало их шлемы, копья, мечи, висевшие у каждого сбоку. Кони шли играя, встряхивая гривами. Поднятая отрядом пыль поблескивала золотом. Отряд ехал медлен-

но и спокойно, воины глядели по сторонам, осматривали поля, — недруг так двигаться не мог.

«Может, это ромеи сбились с пути?» — недоумевал ишхан.

В эту минуту из ворот замка выехал всадник и помчался навстречу незваному отряду. Старый Манасп Авнуни провожал взглядом своего посланца — интересовался, как его встретят. Но в движении отряда не произошло никаких перебоев. Всадники по-прежнему продолжали ехать спокойно, неспешно... Гонец из замка, приблизившись к ним, вдруг повернул и поскакал обратно, да так стремительно, что можно было подумать, будто он пришел в ужас и теперь летит к замку с грозной вестью.

«Кто же они, господи?»

Случай был очень уж необычный. Ишхан никак не мог оставаться хладнокровным. Как только в воротах прогрохотали копыта, старик стал звать дворецкого, чтобы сразу вел к нему гонца. Но дворецкий уже сам, задыхаясь, бежал с новостью.

— Господин мой... Государь!.. Государь едет в наш замок!..

— Государь?! — побледнел ишхан, его белые усы затряслись, затряслись и повисли. — Не может быть!

— Да, господин мой, гонец сообщил: царь едет. Со всей свитой, говорит. И, кажется, с полком телохранителей.

Старый Манасп посмотрел на отряд с новым интересом. Только теперь понял он, почему воинов так много и почему все едут неспешно и торжественно. Он заспешил в свои покои, бросая по пути приказания:

— Привести в порядок замок!.. Знамена повесить!.. Расстелить ковры до крепостных ворот!..

Не успел дворецкий добежать до двери, как ишхан вернул его:

— Оронт, мои наряды! Праздничные наряды! Коня!.. А ты, доченька, беги к матери и невесткам и братьям!.. Оденьтесь все! Я еду встречать!..

И вскоре во главе своих сыновей и телохранителей он выехал из ворот замка навстречу царю. Старик был до предела взволнован. Зачем царь едет к нему — он не знал. Но с чем бы ни прибыл государь — это была честь, и такой чести он не удостаивался еще ни от одного царя. Радость и умиление наполняли его. Старик все пришпоривал, подбадривал коня — быстрее, быстрее! Он хотел встретить царя как можно дальше от замка. Сыновья и телохранители едва поспевали за ним. Расстояние до царской конницы все сокращалось, и вместе с тем все усиливалось волнение ишхана. И наконец он узнал молодого царя — впереди свиты, с мантией на плечах, с легким шлемом на голове для защиты от солнца. На глаза старого ишхана набежали слезы. Хотел было тут же сойти с коня, склонить белую голову к дорожной пыли, но что-то толкало вперед, и он

продолжал свою скачку, а телохранители и сыновья — за ним.

Но вот уже приблизились настолько, что ишхан стал узнавать и знакомых в окружении царя. Тут он торопливо, насколько позволял возраст, спешился, обнажил седую голову и низко поклонился царю. Его примеру последовали сыновья и телохранители. Выпрямившись, старик поднял руку, прочувствованно сказал:

— Добро пожаловать, мой государь!.. Я слуга твой, государь!.. Мой замок, угодья — твои...

— Благодарю, ишхан.— Царь подъехал ближе на черногривом золотистом коне, протянул белую руку.— Лишь одну ночь я пробуду твоим гостем, ишхан. Сядь на коня и веди нас в твой гостеприимный замок.

Старый Манасп от радости совсем растерялся. Не знал, сесть ли на коня сразу или надо поздороваться со знакомыми из свиты. Наконец с помощью двух телохранителей влез все же на коня и поехал рядом с царем, не зная, как и что сказать или спросить. А ведь так хотелось узнать — что привело царя к нему...

Но что бы там ни было — длинные седые усы его выражали полное удовлетворение.

— Я рад и счастлив, государь,— повторял он время от времени, и было видно — сердце его переполнено, оттого и не находит старик других слов.

И вот царь въехал в крепостные ворота замка. По обе стороны въезда длинными рядами стояли воины и дворовые ишхана Авнуни. Перекрестившись, они низко поклонились царю. Один из воинов вдруг воскликнул:

— Да здравствует царь!..

Все словно только этого и ждали: двор и окрестность загремели от радостных криков. Ишхан Манасп пригласил высокого гостя сойти на ковровую дорожку, расстеленную от крепостных ворот до верхнего этажа замка. За Папом последовали Бат, Иеремия, Гнел Андзеваци, молодой нахарар Дзюнакан, который присоединился к ним в поместье отца, и вся свита. Хозяин повел гостей в самые роскошные покои замка, их только что украсили дорогой утварью, диванами, подушками, подсвечниками, красивыми подстилками, атласными и виссонными занавесями. У входа в парадные покои, встречая царя, стояла старая ишхануи, одетая во все темное, с серебряными и золотыми украшениями на груди и рукавах, а с нею — пышно разодетые пять невесток и юная дочь, которая так и сияла от радости — первый раз в жизни ведь видела царя. Ей хотелось, чтобы царь взглянул на нее, заметил ее красоту и наряд.

— Долгой жизни царю,— поклонилась старая ишхануи и выпрямилась, сложив руки на груди.— Мое семейство счастливо, что удостоилось лицезреть тебя.

Царь и свита расположились в гостеприимных покоях.

Старый князь все кружил вокруг царя: входил, выходил, снова вбегал и никак не мог найти слов, чтобы выразить свой восторг – такая большая честь, царь посетил его замок и изволит ночевать под его кровом! Он изнемогал под бременем этой чести, терялся: сидеть ли ему подле царя или бежать и распоряжаться о новых почестях высокому гостю. То вдруг задумывался, не надо ли оставить гостя одного – пусть отдохнет с дороги, и сейчас же начинал сомневаться, не сочтет ли государь это величайшей невежливостью. Как и в пути, он все повторял смущенно:

– Я рад и счастлив, государь! Ты оказал высокую честь мне, старику, твоим государевым посещением. Моя жизнь и мое добро – твои. Прикажи, что пожелаешь...

Когда он, может быть, в десятый раз повторил эти слова, царь улыбнулся:

– Благодарю, ишхан, за твою готовность. Ты очень щедр. Все это твое – твоим и останется. А мне из твоего богатства уступи лишь тысячу воинов для царской армии.

Ишхан чуть не подскочил от удивления.

– Новая война, государь?!

– Нет, дорогой ишхан Авнуни, пока войны нет, – сказал Пап. – Но может и начаться. Так будем готовы к защите и безопасности мира нашей страны, – продолжал царь медленно, взвешивая каждое слово.

Ишхан внимательно слушал, стараясь вникнуть в монаршие слова.

– Готовность – мудрое дело, государь. Опасность предупреждается осторожностью, – заговорил ишхан прочувствованно. – Не только тысячу воинов, все мои воинские силы, все мое золото и серебро – тебе, для укрепления нашей страны. Готов и сам я, когда прикажешь...

– Благодарю, ишхан. Это делает тебе честь. А твои соседи нахарары, как думаешь, готовы помочь мне? Смогут ли дать столько же людей?

– Не сомневаюсь, государь. А уж если сам навестишь их замки, и чтобы они после этого отказали – никогда! И ишхан Вахевуни, и владетели Цопка, и нахарары Труни – все, уверен, смогут дать столько же людей, как и я, если не больше. Прикажешь – они сами вместе со своими полками явятся перед тобой. Чтобы ты, государь, лично поехал в их замки – и они отказали тебе? Никогда!..

– А крепости, укрепления, ишхан, есть в твоих краях? – расспрашивал Пап.

«Для чего он задал этот вопрос?» – подумал старик. Но ответил с готовностью:

– В долинах, государь, нет. Но на подступах и склонах гор и ущелий их достаточно. Каждый нахарар и ишхан кроме замка имеет и крепость и всегда держит укрепления в готовности. Правда, наши крепости немного пострадали от персов, но теперь все восстановлено.

— Так... Хорошо,— сказал царь задумчиво.

Старый Авнуни больше не в силах был сдерживать своего любопытства, слишком уж загадочными показались ему задумчивость и вопросы царя.

— А почему мой государь спрашивает об этом? — несмело сказал, смущаясь, что дерзнул проникнуть в царский замысел.

— Тайны тут никакой нет, ишхан,— ответил Пап просто.— А от тебя тем более мне скрывать нечего. Мы, ишхан, должны быть готовы к любой опасности и неожиданности.

Долго толковал царь с ишханом Авнуни. Доверительно поведал обо всем, ради чего направился в замки нахараров. Сколько еще стране нашей быть беззащитной, когда у нее так много могущественных нахараров? Настала пора осуществить то, о чем говорилось на государственном совете. Рассеянные силы надо объединить и, если потребуется, противопоставить врагам. А их немало, желающих диктовать армянам свою волю и законы.

— Мы, ишхан, вполне можем быть сильными, а значит — свободными и самостоятельными. Так зачем нам становиться рабами? Будем жить в наших горах нашей свободной жизнью, по нашей воле и нашим законам! — взволнованно закончил Пап.

Старый ишхан благоговел, слушая царя. Не осмеливался даже вздохнуть, боясь нарушить ход его мыслей.

Царь объяснил, что побывал уже у владетеля области Басен ишхана Манака, был в поместье нахарара Дзюнакана и в замке ишханов Палуни. Побывал также в Багаване, куда его провожал ишхан Смбат Багратуни, который пока остался там, а затем отправится в Ван, в свою военную резиденцию.

Ишхан Авнуни, узнав, как охотно и с любовью повсюду шли нахарары навстречу замыслу царя, не смог удержать слез радости, и несколько капель скатились по его длинным белым усам, дрожащим больше чем когда-либо.

— Я счастлив, государь, ценю оказанную мне честь,— сказал он, удерживая слезы.— Твое начинание мне дорого, а цель твоя мила моему сердцу... Еще ни один государь не удостаивал этот старинный замок рода Авнуни своим посещением. Я счастлив и готов к любому твоему приказу,— добавил он, поклонившись, при этом длинные белые усы его отделились от щек и выступили вперед, как бивни слона.

В это время дверь в зал медленно подалась назад, и показалась старая ишхануи. С величавой осанкой спокойно прошла вперед, остановилась перед царем. Приложив руки к груди, слегка поклонилась.

— Государь, после утомительной дороги, сделай милость, вкуси со стола, приготовленного твоей покорной служанкой,— пригласила гостя согласно принятому обычаю хозяйка.

— Желание твое доброе, ишхануи,— сказал Пап и готов был подняться. Но тут быстро вошел удивленный Иеремия.

— Государь, сообщили, что прибыл комес Теренций, стоит перед замком, просит свидания с тобой.

— Теренций? — удивился Пап.— Как он узнал, что я здесь?

Иеремия поднял брови, пожал плечами, без слов показывая, что он удивлен не меньше.

— Трудно понять, государь,— сказал он.— Какой будет приказ?

— Что же, однако, привело его сюда? — продолжал Пап, не слыша вопроса письмоводителя, словно разговаривая с самим собой.

— Наверно, узнал, что ты находишься близко от его резиденции. Решил опять принести свои заверения,— усмехнулся Бат, он тоже вошел с Иеремией.

— Едва ли, Бат. Чувствую, его привело что-то необычное. И не принять невозможно,— раздумывал Пап.— Пригласи, Иеремия!

Хозяева дома вышли, чтобы не помешать приему, Иеремия отправился навстречу незваному гостю, а Бат отошел в угол зала.

Теренций появился в малиновой накидке, как всегда подтянутый, с любезным выражением лица. Своих телохранителей он оставил во дворе. Вместе с ним вошли Иеремия, молодой Дзюнакан и Гнел Андзеваци — он успел уже разместить полк телохранителей царя и теперь, заинтересованный неожиданным визитом Теренция, присоединился к свите. Вернулся и ишхан Авнуни.

Теренций поднял руку и слегка наклонил голову.

— Приветствую, государь,— сказал почтительно.— Извини за столь внезапное вторжение. Полагаю, я удивил тебя — откуда и как взялся?

— Не ошибся, комес. Твое посещение для меня действительно неожиданно,— заметил царь.

— Да, государь, и мне так подумалось,— улыбнулся Теренций сдержанно,— я понимал, мое появление вначале покажется весьма странным. Однако, государь, сам увидишь, я должен был посетить тебя, радостный повод...

— Что же это за повод такой, комес? — Пап жестом пригласил гостя сесть.

Теренций сел напротив царя и, значительно оглядев собрание, продолжал:

— Узнав, что ты находишься так близко, государь, я поспешил обрадовать как тебя, так и почтенных ишханов твоей свиты.— Он выдержал паузу.— Я уже побывал в замке князей Палуни, говорили, что ты там. Но ты успел отбыть. Там услышал, что соизволил ты почтить многоуважаемого ишхана,— Теренций уважительно протянул руку в сторону Авнуни.— Поэтому я и поспешил сюда...

— Добро, комес,— сказал Пап.— Но что тебя так обрадовало?

— Приказ моего августейшего императора, государь.— Теренций склонил голову — это уже относилось к его императору.— Приказ, согласно которому византийские войска удаляются из твоих областей и городов — то, чего ты и твои нахарары так добивались, а также и я — твой покорный слуга. Итак, твое желание исполнено полностью.

Еще какие-то слова произносил Теренций — Пап больше не слышал его. Крупные карие глаза вспыхнули радостью, лицо вдруг посветлело. Он почувствовал себя так, словно огромный, давящий груз свалился с груди. Свершилась его мечта, его заветное желание... Эта вспышка длилась всего секунду, он сразу же стал соображать: что вынудило Валента сделать такое распоряжение? Опасается союза армян с персами? Или, может, осознал свою несправедливость, хочет искупить вину?.. Что бы ни было, но Валент, видимо, хочет помириться... Значит, не бывать войне, кровопролитию... Радость с новой силой охватила Папа, он выпрямился и раскрыл руки, будто хотел обнять Теренция, но взял лишь руку его и горячо пожал.

— Рад, комес, рад,— повторил Пап.— Добрую весть ты принес мне. Когда же ты получил этот приказ, комес? — спросил он.

— Два дня тому назад, государь, и, узнав, что ты здесь недалеко, поспешил лично сообщить. Мой августейший император, государь, шлет тебе свое братское приветствие.

— Благодарю августейшего императора Валента,— ответил Пап, не вдумываясь в слова. Перед ним мгновенно пронеслось случившееся в Тарсе. Только один миг. Сразу же забыв о старом, улыбнулся.— Очень обрадовал ты меня. Это еще больше укрепит нашу дружбу, комес, еще больше.

— Не сомневаюсь, государь,— кивнул комес.— Не сомневаюсь.

— И когда войско императора покинет наши области? — не смог сдержать нетерпения Пап.

— Недолго ждать, государь. Я постараюсь ускорить это. За одну-две недели, думаю, армянские гарнизоны заменят наши...

Пап сиял. Победно, с юношеской пылкостью смотрел то на Теренция, то на Бата, Иеремию, Гнела, на старого ишхана Авнуни и, казалось ему, читал на их лицах свою собственную радость: войны больше не будет, города возвращаются без кровопролития.

— Да, комес, я очень рад,— сказал Пап.— Весть, принесенная тобой,— истинная радость. Что еще приятного скажешь, комес?

— Что еще, государь...— проговорил Теренций, сидя, как

всегда, очень прямо. – Я лично желал бы лишь одного, однако не знаю, насколько это будет приятно тебе.

– Говори, комес, я охотно выслушаю.

– Государь, ты удостаиваешь посещением своих высокочтимых нахараров, окажи честь и мне, навести мою скромную обитель воина, тем более что она тут рядом.

Пап сразу не нашелся что ответить, такое отклонение в пути никак не входило в его планы. Невольно взглянул на приближенных, но все же сказал:

– С любовью, комес, с любовью, ты так обрадовал меня...

– Окажи честь, государь, вместе с почтенными ишханами твоей свиты... И ты, ишхан, если пожелаешь, – обратился он к старому Авнуни. Пока старый ишхан благодарил, отказываясь, Теренций поднялся. – Значит, завтра, надеюсь, государь, ты окажешь мне честь, – поклонился он и, сославшись на сумерки, попрощался.

Едва закрылась дверь за Теренцием, Бат взволнованно подошел к царю.

– Государь, кажется мне, не нужно идти к этому человеку.

– Почему? – удивился Пап. – Дал слово и не пойду?.. На дружбу ответить неблагодарностью? Теренций решит – пренебрегаю им. Зачем же обижать...

– Правду говоря, не люблю я этого Теренция, – сказал Бат, – и его приглашение что-то не по душе мне.

– Ты забываешь, Бат, посещения и обеды тоже играют свою роль в поддержании добрых отношений, – перебил Пап. – И у дьявола надо иметь своего человека, так говорили наши предки. Вот и пусть у Валента будет хоть один Теренций...

– Я пока не видел еще достойного человека у ромеев, государь, – покачал головой Бат. – Хорош тот, который уже умер, – это, наверно, наши предки говорили о них.

Пап улыбнулся, улыбнулись и остальные. На том разговор и кончился.

Вечером Иеремия начертал на навощенной дощечке:

«Валент прислал приказ комесу Теренцию вывести византийские войска из армянских городов. Господь помогает нам, города освобождаются без кровопролития...»

Настал следующий день. Пап уже готов был отправиться в резиденцию Теренция, вдруг погода изменилась. Чистое небо затянули темные, мрачные тучи, поднялся ветер, вдали блеснула молния, донесся громовой раскат. Князь Авнуни не советовал пускаться в путь – лучше перенести визит на завтра. О том же просили Иеремия и Бат. Но Пап стоял на своем:

– Нет, Теренций будет ждать. Обещал – стало быть, исполняй обещание.

Выехали из замка. Пап обратил внимание на полк телохранителей – в боевой готовности полк ждал, чтобы сопровождать царя.

– Удобно ли, Бат, брать с собой целый полк? Ведь это значит, хозяину придется угощать и наше войско? Хватит, думаю, и десяти воинов во главе с Гнелом.

Бат настаивал. Полк телохранителей поедет не для угощения и не для пышности, а ради безопасности. Да и неудобно оставлять воинов в доме князя Авнуни. Тем более что, не возвращаясь, продолжим свой путь к югу.

– Полк будет нас сопровождать, но в замок не войдет, – объяснил он.

– Как знаешь, – ответил Пап.

И Бат приказал Гнелу сопровождать с полком их через лес до окрестностей замка. Полк останется в лесу, а когда окончится визит, двинется с царем дальше.

Провожать царя вышли все жители замка во главе со старым ишханом и его величавой ишхануи. Царь тронул коня, и все в один голос пожелали:

– Доброго пути, государь!.. Доброго пути!

Авнуни вместе с сыновьями на конях сопровождал царя до леса. Прощаясь, сказал:

– Буду счастлив, государь, если на обратном пути ты снова заночуешь под моей кровлей.

– Благодарю, ишхан. Если обратный путь пройдет здесь, с радостью остановлюсь в твоем гостеприимном доме.

Дорога шла сначала пшеничными нивами, местами скошенными, то поднимаясь на холмы, то спускаясь. Ветер трепал гривы коней, бил пылью в глаза всадников. Вошли в лес. Здесь показалось спокойнее. Ветви лишь слегка шевелились, чуть шумела листва. Но затишье скоро кончилось. Ветер, словно взбешенный, завыл, засвистел, набросился на вершины деревьев, раскачивал их, готовый сломать. Участились зарницы, все ближе громыхал гром. Временами ослепительные вспышки пронзали густую листву, ярко освещая затененную плотными кронами дорогу. Ждали – вот-вот начнется ливень. Но даже капля не упала из туч.

Пап ехал между Батом и Иеремией. У Бата на боку висел длинный меч. Иеремия, как всегда, вместе с мечом подвесил на боку кожаный мешочек с рукописью. Ехали, переговариваясь и невольно вслушиваясь в шум бури. Он временами перерастал в рев – будто сам дьявол распоряжался в лесу. Полк телохранителей, образовав длинный строй, следовал за ними на расстоянии двадцати шагов, как обычно, вооруженный копьями и луками.

Но вот ветер начал ослабевать. Поднялись лесные благоухания. Вместе с острым ароматом диких цветов запахло сыростью и прелой листвой. Стало совсем тихо. Слышно было даже, как лесные мыши шуршали в траве.

Проехали изрядно. Лес начал редеть. Между деревьями просматривалось поле, приблизились – оказалось, луг, местами поросший кустарником.

– Тут рядом резиденция Теренция, – сказал Бат. – Гнел, прикажи полку остановиться здесь на отдых. За нами пусть следуют десять воинов.

Гнел натянул повод, поворачивая коня, чтобы выполнить приказ начальника.

Вскоре показалась и сама резиденция комеса. Это был нахарарский замок. Здесь Теренций жил в летние месяцы поближе к своему войску и заодно лечился горячими источниками гор Карина. Каменный двухэтажный замок окружала роща, достаточно густая, так что прилегающие невысокие здания были едва заметны за деревьями. На лужайке близ замка стояла группа коней. Они мотали головами, били хвостами по крупу – отмахивались от мух.

Едва Пап со своими спутниками показался из леса, навстречу выехал Теренций, с ним несколько военачальников-ромеев, среди которых армяне узнали полководца Аддэ.

– Добро пожаловать, государь, – приветствовал Папа Теренций, подняв руку.

То же сделали и другие военачальники и присоединились к спутникам царя, предупредительно уступая дорогу гостям.

Во дворе замка гостей встретил приветственный хор труб. Затем, невидимые за деревьями, воины-музыканты заиграли веселый марш, который словно нарочно подлаживался к конской поступи.

На балконе замка, на ступенях лестницы, под деревьями собрались греческие слуги и воины, они с любопытством смотрели на прибывших.

Пап и его спутники сошли с коней, хозяин дома повел их по каменным ступенькам вверх, в замок. В широкий коридор выходило несколько дверей. Теренций провел гостей в просторный зал, уставленный византийскими длинными мягкими диванами и стульями, выстроенными вдоль стен. На стенах висело много всякого оружия, главным образом мечи и кинжалы разных размеров. Были здесь и охотничьи трофеи: головы оленей, серн, горных косуль – все с красивыми большими рогами. Гости заметили и клыкастую кабанью голову. На полу перед стульями, на диванах и креслах распластались шкуры – тигров, барсов и медведей... Зал привлекал взгляд разнообразием вещей. Было заметно, что хозяин неравнодушен к украшениям. Но прежде всего бросались в глаза все же рога и шкуры животных.

– Как видно, комес увлекается охотой, – заметил Пап, садясь в кресло, предложенное Теренцием. – Эти рога и шкуры – неоспоримые свидетели. Ведь верно, комес?

– Иногда балуюсь охотой, – улыбнулся Теренций и, словно уклоняясь от этой темы, добавил: – Но большей частью

это охотничьи трофеи моих воинов, добыты ими в лесах Карина.

Рассадив гостей, Теренций сел тоже и, справившись о здоровье царя, поинтересовался, с какой целью он отправился в путешествие.

– Видимо, царь желает лучше познакомиться со страной?

– Да, верно, ты угадал, комес, чтобы лучше познакомиться,– ответил Пап и подумал: «Теренций, видно, что-то узнал».

– Отличная мысль,– одобрил Теренций с любезным выражением кроткого лица.– И надо сказать, мало кто из царей понимает значение таких поездок по стране.

Поговорив еще немного, он вдруг, попросив извинения, вышел, оставив гостей на полководца Аддэ и двух молодых военачальников.

Гнел, заинтересованно прислушиваясь к беседе, рассматривал утварь, украшения зала, рога и оружие, висевшие на стенах. Не ускользнуло от него и то, что Теренций на мгновение появился в дверях и опять, словно что-то вспомнив, исчез. Гнел в душе похвалил хозяина – видимо, комес отдавал распоряжения, заботился, чтобы обед был достоин царя. Чуть позже Теренций опять вошел, сел на прежнее место и повел разговор на возвышенные темы. Доставал из ближнего шкафа рукописные книги на пергаменте, показывал.

– Я знаю, ты большой любитель книг, государь. Вот взгляни, я получил это месяц назад,– сказал он, перелистывая маленькую книгу в кожаном переплете.– Автор толкует о звездах и других небесных телах, утверждая, что Солнце самое большое небесное тело, теплом которого живет наша Земля... А здесь,– он раскрыл еще меньшую книгу, тоже в кожаном переплете,– здесь автор рассуждает о четырех стихиях и говорит, что Солнце, Луна и другие светила – детища нашей Земли. Солнце, говорит он, тоже Земля, только из-за очень быстрого движения раскалена. Возможно ли это? – спросил Теренций, посмотрев на гостей.

– Это старинный взгляд, комес,– заметил Иеремия.– Его давно уже опровергли и доказали, что...

Разговор долго бы еще мог продолжаться в таком духе, но тут вошел совсем юный военный. Приблизясь к Теренцию, он что-то прошептал, комес сразу же поднялся, поклонился Папу.

– Благоволи, государь, вкусить от нашей скромной воинской трапезы,– сказал и красивым движением руки попросил пожаловать в другой зал. Гнелу такое благородное обращение очень понравилось. Теренций меж тем, слегка наклонив голову к плечу, пригласил других гостей и своих военачальников. «Пожалуйте и вы»,– говорил его жест.

Все встали с мест и двинулись за царем.

Второй зал оказался более просторным, чем первый. На по-

лу, сплошь покрытом коврами, стоял низкий и длинный стол. Он был так уставлен всевозможными закусками и напитками, что с первого взгляда трудно было различить, где что. Бросались в глаза византийские винные кувшины с длинными лебедиными шеями, с повернутыми направо и налево клювами. На подносах высились большие куски мяса ланей. Широкие диваны по обе стороны стола были застелены коврами. Видно было, что их только сейчас приспособили. Стол казался слишком низким, но зато удобным, чтобы трапезничать за ним полулежа на диванах – по обычаю ромеев.

Едва царь ступил в зал, зазвучала тихая мелодия, доносящаяся из глубины помещения. У стен недвижимо стояли воины-ромеи, кто с копьем, кто с секирой – так обычно императорские телохранители стоят во время больших приемов.

Пап оценил все эти знаки уважения и заботу, как он счел, о его безопасности. Вспоминались ему годы, проведенные в Византии, безмятежная юность, когда мир казался обителью наслаждений и не было ни мучительных дум, ни тяжелых обязанностей.

Под звуки музыки Теренций любезно усадил Папа на специально поставленный для него во главе стола красивый диван. Сам, как хозяин дома и первый среди византийских военачальников, занял место по правую руку от царя. Остальные расположились согласно своему положению и званию. Полководец Аддэ слева от Папа, затем еще один военачальник-ромей и, вперемежку с хозяевами, – нахарары свиты Папа. Справа от Теренция тоже сел византийский военачальник, а между ним и другими военачальниками-ромеями – Бат и Иеремия. В конце стола прямо напротив Папа, как младшие гости, уселись Гнел и молодой Дзюнакан. Они очень старались не уступить ромеям в благородстве манер.

Гнел как в первом зале, так и здесь не упустил ничего, с любопытством рассматривал и воинов-музыкантов, и стражей, замерших у стен, особенно же стол, уставленный разнообразными яствами. Были здесь свежая речная форель, мясо ланей и серн, фрукты, вино и многое другое. Теренций, по всей видимости, ничего не пожалел для пышности стола. Между кушаньями были разложены пучки зелени – приправы, любимые ромеями.

Хозяин дома, прежде чем приступить к обеду, перекрестил, согласно византийскому обычаю, стол и поднял руку. Музыканты замолкли. В зале воцарилась такая тишина, что из открытого окна донеслись пение птиц и одинокое ржанье коня, который будто звал кого-то с тоской.

– Государь, – заговорил Теренций в этой тишине, поднося Папу его бокал вина, – вкуси от нашего скромного стола и разреши выпить за здоровье августейшего императора Валента.

Все выпили, Теренций снова подал знак музыкантам. Они

сразу начали выводить какую-то византийскую мелодию, а в другом конце зала откликнулись песней собравшиеся там одинаково одетые юноши. Пели звонко, с молодым задором, а свирель, лютня и бубен, вторя друг другу, казалось, воодушевляли и одновременно направляли их.

Под эту не очень громкую мелодичную песню и начался обед. Сотрапезники предлагали друг другу еду, вино, пили и ели неторопливо, соблюдая этикет. За ними у стен воины, вооруженные секирами и копьями, казалось, окаменели на местах. Гнел видел, как эти каменные фигуры моргали иногда ресницами под шлемами или смачивали языками обсохшие, жаждущие губы. Если бы не незначительные движения, можно было принять их за чучела или статуи – так неподвижно стояли они.

«Хоть бы кто из них кашлянул или вздохнул, – думал Гнел, дивясь их выдержке. – Почему заставили этих бедных окаменеть вдоль стен?» Он жалел их и в то же время гордился, что все это сделано в честь царя...

Музыка то почти замирала, то, соединяясь с голосами поющих, устремлялась к сводам зала. Звуки ее, то тихие, то громкие, располагали к покою. Воины-ромеи молча ели и пили, оставив разговоры за столом старшим. Теренций и военачальник Аддэ – гостеприимные хозяева – то и дело любезно подносили царю различные блюда и вина: «Благоволи, государь...» Иной раз Теренций делал знак рукой, и музыканты умолкали, а затем, по новому мановению руки, опять начинали играть. И так приятны, мелодичны были звуки, что Пап не раз взглядывал на певцов и музыкантов с явным удовольствием.

– Приятны и эта музыка, и пение, – сказал он, когда певцы и музыканты на некоторое время умолкли. – Откуда у вас это, комес?

– Это все наш военачальник, – указал Теренций на Аддэ, – его усилиями имеем и музыкантов и певцов, государь. И те и другие – наши воины.

Аддэ вежливо склонил голову. Он весь был внимание к царю, ел неторопливо и пил в меру – из уважения к гостю. Так, по крайней мере, казалось Гнелу.

Другие военачальники-ромеи, следуя его примеру, тоже ели неторопливо и пили немного. И это Гнел тоже принял за дань уважения к царю.

Теренций с каждым тостом делал несколько глотков и предупредительно следил, чтобы перед царем всегда стояли блюда с яствами и сосуды с вином:

– Благоволи, государь...

Все интересовало Гнела, но в то же время он не переставал следить за царем. Заметил – Пап был сдержан, много не ел и пил в меру. Вежливость ли это, этикет или, может быть, что-то еще – Гнел не понимал. Он смотрел на своих военачальников и видел: Бат и Иеремия тоже не слишком предавались за-

столью. Бат даже как будто тяготился им. Вид у него был сосредоточенный. Ни песни, ни музыка не занимали его. А царь, напротив, как замечал Гнел, получал большое наслаждение от песен и музыки и часто смотрел на играющих и хор, как бы поощряя их своим взглядом.

— Приятно, приятно, — повторял он по-гречески, обращаясь не только к Теренцию, но и к другим сотрапезникам-ромеям, показывал, что он оценил их заботы и благодарит.

Обед под звуки музыки и песни длился... Сотрапезники обменивались шутками, угощали друг друга, а главное — царя. Теренций говорил все реже и реже, предоставив музыке занимать гостей. Повинуясь движению его руки, она то обрывалась, то заполняла зал: заливалась свирель, звенели струны лютни и будто на помощь оркестру вступал хор.

Сколько времени прошло — Гнел не заметил. Теренций неожиданно, словно вспомнив что-то, поднялся:

— Извини, государь, я на несколько секунд. — Он вежливо наклонил голову и пошел к выходу.

У двери он, как заметил Гнел, на миг задержался, посмотрел назад, потом толкнул дверь и скрылся за нею. Вслед за ним, тоже попросив извинения, и в ту же дверь вышел военачальник Аддэ, покачивая крутыми плечами.

Гнел проводил взглядом и его. Повернулся к царю и вдруг увидел: воин-ромей, стоявший за царем у стены, выступил вперед. В его руке был меч...

— Берегись, государь! — закричал Гнел и, сорвавшись с места, понесся к царю. За ним вслед кинулся молодой Дзюнакан.

Еще не успев добежать, оба увидели: царь резко вскочил, выпрямился во весь рост и с усилием потянулся рукой к спине, стараясь схватить вонзенный в нее меч...

— Коварный... — услышал Гнел голос царя. В величайшем волнении, в беге он уже не видел, как царь с потускневшим взором упал на стол, как кровь из его раны смешалась с вином, которым только что его потчевал любезный хозяин. Ничего не замечал Гнел... Выхватив меч, он бросился к сразившему царя ромею. В два прыжка настиг его и не помня себя махнул мечом... Тяжелое тело грохнулось к его ногам. Перед ним лежал поднявший на царя руку...

Бат, услышав крик Гнела, в ту же секунду выхватил меч и бросился к царю. Воины-ромеи выросли перед ним... И он мечом старался проложить дорогу к царю... Вместе с ним рубился с ромеями и Иеремия...

Оставив убитого врага, Гнел кинулся к Бату и Иеремии.

— Врен, помоги! — крикнул молодому Дзюнакану. Но добежать до своих не успел. Тяжелый удар по правому плечу свалил его. Падая, все еще верил, что сейчас поднимется и защи-

тит царя, своего начальника Бата, Иеремию и Врена Дзюнакана...

В этот миг обе створки дверей распахнулись. Появился Теренций – весь вытянувшийся, напряженный.

– Кто? Кто посмел, – раздался его громкий голос. – Царя ранили... Кто, кто?..

Голос начальника остановил ромеев. Бат стрелой метнулся к Теренцию, с силой опустил свой длинный меч.

– Вот тебе, коварный цареубийца! – зарычал нечеловечески. В эти немногие слова вложил всю копившуюся годами ненависть. Пока Теренций падал, как срубленное дерево, Бат, сверкая мечом, бросился в открытую дверь.

– Остановите! Убегает! – услышал за собой крики ромеев. Но не успела погоня броситься за ним, как он уже выбежал на лужайку и прыгнул на спину одного из привязанных под деревом коней.

Никто за ним не погнался. Ромеи толпились вокруг Теренция...

Бат бурей летел к лесу. Сколько ехал – не помнил, казалось, прошли часы. Наконец вот и лес...

Под деревьями отдыхал полк телохранителей. Воины, сидя и лежа, спокойно беседовали.

– Воины!.. Армяне!.. Ромеи убили нашего царя!.. Бейте ромеев!.. – крикнул Бат страшным голосом, исходившим, казалось, из глубины сердца. – Ты скачи в замок Авнуни! – ревел он. – Ты – к ишхану Багратуни!.. Всем сообщить!.. Пусть идут с полками!.. Остальные – за мной!.. – И, дернув за повод, помчал коня обратно, обнаженный меч – в руке.

Ужасная весть, голос Бата, весь дикий вид его потрясли воинов. Один миг – и полк был уже на конях и ураганом понесся за начальником – все, как и Бат, со сверкающими мечами, нагнувшись к гривам коней, – как поток летящих стрел. Казалось, воины преследуют Бата. А он, слившись с конем, в двадцати шагах – впереди. Летели, и каждый хотел первым ударить по врагу.

Бат, подскакав к замку, поднял меч над головой.

– Бей вероломных ромеев!.. Смерть!.. – крикнул полку.

Ответил многоголосый рев. Испуганные ромеи – воины и слуги – все, кто был во дворе, – бежали в замок. В раскрытой двери появились копьеносцы, из окон выглянули луки. Первая стрела полетела к армянским всадникам. Эта стрела и дерзкий вид ромеев окончательно взорвали разъяренных армянских воинов. Тут же упали они с коней, зазвенели тетивы, стрелы полетели в окна. Самые неистовые погнали коней к входу в замок, несколько всадников поднялись по каменным ступеням, и конь одного, получив на полпути удар копьем, забился на камнях.

Это послужило новым сигналом. С копьями в руках бежали

к лестнице, метали стрелы в ромеев, стоявших наверху, рубили с размаху мечами.

— Бей! Бей! — хрипло кричал Бат, и ему диким рычанием вторил полк:

— Бей! Бей!..

Ромеи дрогнули. Бесстрашные, казалось, вначале, они под потоком стрел и натиском копьеносцев отошли в замок, захлопнули двери и окна.

— Камнями бей! Камнями! — крикнул Бат, и конь беспокойно заиграл под ним, будто готовый тоже броситься вверх по лестнице.

По закрытым окнам забарабанил поток камней. Воины подтаскивали большие камни, поднимались по лестнице и изо всех сил били в деревянные двери... От ударов камней дверь скрипела, трещала, но не подавалась... Еще натиск, еще...

Дверь с треском упала внутрь. «У-у-у!» — вырвалось будто из одной груди. Наступавшие вломились внутрь замка.

В проходе застучали и зазвенели копья и мечи. Армяне и ромеи смешались. А с лестницы все подпирали телохранители царя, схватка ожесточилась. Крики, приказы и ругань слышались сквозь звон оружия. Ромеи отбивались яростно — кололи копьями, рубили мечами и секирами. У армян секир не было. Но им хватало и копий с мечами. Не зная страха, рвались туда, где был убит царь.

Сеча шла уже в залах замка, а в пролом двери все протискивались те, кто остался позади, старались прорваться вперед... Вдруг послышался крик:

— Ромеи бегут!.. Бегут из задней двери!..

Часть армянских воинов мигом скатилась вниз с лестницы. Вместе с Батом побежали вокруг замка.

Ромеи выбегали из низенькой двери черного хода. Кто в поле, кто в рощу, а кто — к привязанным коням.

Среди убегавших Бат заметил и военачальника, он бежал с непокрытой головой.

— Догнать! Задержать его!.. — закричал Бат.

Несколько воинов с обнаженными мечами бросились наперерез. Военачальник с группой ромеев уже отвязывали коней, но армянские воины настигли их. Военачальнику скрыться не удалось. Часть ромеев успела вскочить на коней, понеслась к роще.

Воины с обнаженными мечами поскакали вслед.

— Никого не упускайте живыми!.. Не оставить живым ни одного! — закричал Бат вдогонку и приказал старшему из тех, кто был с ним: — Поставить стражу у всех дверей! Кто попробует скрыться — убивать на месте!

Сам он вбежал в здание.

Сражение в залах уже закончилось. В главном проходе, в первом зале лежали тела армянских воинов и ромеев. Бат

спешил в тот зал, где лежал царь. Его гнала надежда: может быть, царь жив. Может, лишь ранен и потерял сознание...

Пап, бездыханный, лежал на диване. Не на столе, куда упал, а на диване. Ромеи, видно, проверяли, жив он или мертв, и, окровавленного, бросили здесь. Бат нагнулся, обнял Папа и только тут наконец понял: царь мертв. Выпрямился и приказал воинам, которые были в зале:

— Всех истребить!.. В живых — ни одного!..

Вокруг стола с едой и винами лежали убитые. Бат сразу узнал Гнела и Иеремию. Было видно: прежде чем умереть, они сами сразили нескольких ромеев. Гнел и мертвый сжимал в руке красный от крови меч. Иеремия, упав ничком, двумя руками прижимал к груди свое сочинение.

Бат осторожно перевернул тело, с трудом высвободил из намертво стиснутых пальцев рукопись — Историю Армении. Все страницы ее были залиты кровью.

. . . .

. . . .

— Ишхан Сааруни...

Бат очнулся, вытер кулаком слезы, удивленно посмотрел вокруг себя.

Слабый голос слышался снизу. Бат нагнулся — у самого края стола на полу лежал молодой Дзюнакан. Как видно, раненный, он лежал здесь без сознания. Теперь, услышав армянскую речь, пытался что-то сказать.

— Врен! — Бат приподнял его, уложил на диване. — Ты жив? Ранен?..

Он приказал двум воинам перевязать Дзюнакану раны.

— Не оставлять в живых ни одного! Ни одного ромея! — гневно закричал Бат.

Но этот приказ был лишним. Воины с волчьим блеском в глазах обшаривали, осматривали все углы замка, и горе спрятавшемуся ромею — его вытаскивали и тут же кончали копьем или мечом!

— Получай! Будь жертвой Папу!.. Жертвой царю нашему...

Пока воины добивали в разных местах замка последних ромеев, Бат распорядился перенести тела царя, Иеремии и Гнела в отдельную комнату. Горе и неутоленная ярость погнали его опять в тот зал, где их принимал Теренций в самом начале, перед обедом.

Едва войдя, с гневом обрушился на какие-то бюсты, сбил их на пол с подставок, сорвал со стены портрет императора Валента и долго топтал. Заметив одежды Теренция, висевшие на стене, стал кромсать их мечом. Хотелось все смести, уничтожить. Кружа по залу, Бат заметил вдруг закрытый шкаф. Он был заперт, и это особенно взбесило Бата. Мечом и ударами ног взломал дверь, она сорвалась, и из шкафа высыпались ка-

кие-то книги, свитки. Один из воинов, сопровождавших Бата, нагнулся, поднял пергаментный свиток и тут же передал его Бату. Бат развернул свиток.

Это было письмо Валента, скрепленное императорской печатью.

Задыхаясь от гнева, Бат прочитал письмо до конца. Его пальцы сжались в кулак, он застонал:

– Ах, Пап, Пап!.. Нет тебя. Не прочесть тебе всего этого, не увидеть, каков негодяй был Теренций. А ты считал его другом!.. Обрадовался – освобождает города, области... Ах, Пап, Пап!.. – Бат без сил упал в подвернувшееся кресло, скомкал в руке пергамент.

Валент писал:

«Надо убрать непокорного и дерзкого царя-армена, который действует вопреки воле Византии, дерзает требовать города, задумал создать большую армию и желает стать абсолютно независимым. Оставляю это на тебя, комес, полагаюсь на твою находчивость...»

Бат долго сидел неподвижно. Скомкав письмо, хотел его отшвырнуть, но раздумал. Крепче зажал в руке.

– Ах, Пап, клянусь над телом твоим! Ни одного ромея не оставим в Стране Армянской... Ни одного!..

Прошел, может быть, час или два, как все утихло. Вдруг воины услышали грохочущий топот. Из леса выезжала многочисленная конница. Всадники неслись прямо к замку. Ромеи? Идут на помощь своим. Такова была первая мысль. Но вскоре все узнали старого Манаспа Авнуни, он сам вел своих конников. Получив грозную весть, ишхан поспешил на помощь и теперь ехал в шлеме, с копьем в руке, среди своих сыновей...

– Какое несчастье, ишхан Мааруни, какое горе! – воскликнул старик, входя в зал. В глазах, горящих гневом, сверкнули слезы... – Коварные, подлые ромеи!.. Трижды подлые ромеи!...

Старый Манасп вместе со своими сыновьями склонился перед убитым царем. Снаружи опять послышался грохот конских копыт.

Вторая конница черным облаком неслась с севера, такая же стремительная, как и войско Авнуни, но еще большая числом.

И опять кто-то подумал – ромеи... Но зоркий юный воин возвестил:

– Ишхан Смбат!.. Глава рода Багратуни!..

Конницы ишханов Авнуни и Багратуни смешались на лугу перед замком. Все слушали горестные слова телохранителей царя, ярость обжигала их. Не стоялось на месте, неудер-

жимо тянуло сейчас же полететь на врага, рубить коварных ромеев.

— Пришли, засели в нашей стране! Нашего царя коварно убили!.. — слышалось везде.

— Змеиное отродье!.. Поганые обманщики!..

Многие, не стерпев гнева и горя, смахивали слезу...

Когда ишхан Смбат Багратуни, прощавшийся с убитым царем, появился на верху лестницы замка, его руки дрожали, он не мог произнести ни слова. Рядом с ним встал Бат, осунувшийся, изменившийся за несколько часов. Он крикнул собравшимся во дворе:

— Воины! Вы уже знаете, коварные ромеи убили нашего царя. Не оставим в нашей стране ни одного ромея!.. Выгоним из наших городов!.. Из наших областей!..

— Оставь это мне! — Ишхан Смбат схватил его руку. — Предоставь это мне, ишхан Сааруни...

И вскоре конница Смбата Багратуни мчалась по дорогам Карина и Спера. С нею вместе и конница ишхана Манаспа Авнуни. А вслед за ними Бат с полком телохранителей царя.

Их кони мчались по долинам, стеля гривы по ветру. Не мчались — летели, едва касаясь земли...

Так все это произошло...

А что было потом?

Убийство царя всколыхнуло Страну Армянскую. Скорбь, гнев, возмущение сроднили всех. Царя армян в Стране Армянской вероломно сразил ничтожный военачальник-ромей!.. Об этом говорили с болью, ужасом.

Скорбели не только те, кто был близок к Папу и любил его. Утрату почувствовали все — даже нахарары и ишханы, которые при жизни царя противились ему. И даже такой судия царских деяний против церкви, как историк отец Фавстос. Роняя слезы на свою летопись, он записал при колеблющемся пламени свечи: «Скорбная гибель молодого великого царя армянского...»

Спустя несколько дней на погребение царя собрались почти все нахарары, ишханы и сепухи Страны Армянской. Явилось и духовенство во главе с католикосом. И, конечно, военачальники. Их возглавляли спарапет Мушег и ишхан Камсаракан. Мушег был особенно грустен и молчалив. Когда гроб опускали в могилу, все заметили: спарапет — этот сдержанный и волевой муж — плакал.

А потом... что было дальше? Где остановились полки, которые под началом Смбата Багратуни и Бата Сааруни выступили освобождать армянские области и города от ромеев?

Продолжая свой стремительный поход, они все так же неудержимо мчались вперед. В пути их ряды росли. Армянские крестьяне, вооружившись тем, что оказалось под рукой, кто верхом, кто пешком, присоединялись к армянскому войску. В короткий срок войско Багратуни и Бата настолько увеличилось, что они, в несколько недель изгнав византийские гарнизоны, очистили области Карина и Спера, вступили в долину Даранали, в область Екехяц, заняли крепость Ани, отбросив ромеев на другой берег Евфрата.

И когда произошло все это – страна насторожилась: теперь уж Валент не замедлит пойти войной на армян...

И что же? Византийский император прислал полное скорби и соболезнований письмо, сваливая все на Теренция... «Преступление Теренция» – так и написал.

А когда Вараздат – из династии царя Папа – занял престол Страны Армянской, император в знак благорасположения прислал ему царскую корону и мантию.

1941 – 1943

СОДЕРЖАНИЕ

АРМЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ. Исторический роман. *Перевод А. Макинцян* 3

ЦАРЬ ПАП Исторический роман. *Перевод В. Дудинцева* . . . 349

Зорьян Ст.

З 86 Армянская крепость. Царь Пап: Исторические романы. Пер. с арм. А. Макинцян, В. Дудинцева. М.: Советский писатель, 1984. – 744 с.

Два исторических романа выдающегося мастера армянской советской прозы Стефана Зорьяна интересны для современного читателя не только остросюжетными событиями, разворачивающимися в них, но и своим социальным и философским смыслом, их национальным содержанием и общечеловеческой сущностью. Романы-эпопеи «Армянская крепость» и «Царь Пап» обращены к IV веку – одному из сложных периодов истории армянского народа, когда внутреннее противоборство и долгая и тяжелая борьба против сасанидской Персии и Восточной Римской империи привела страну к падению государственности в последующем столетии.

З $\frac{4702080200—802}{083(02)—84}$ 259-84 **ББК 84.Ар7**

СТЕФАН ЕГИАЕВИЧ ЗОРЬЯН

АРМЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ. ЦАРЬ ПАП

«Советский писатель», 1984, 744 стр.

План выпуска 1984 г. № 259

Редактор *М. Э. Кузанян*
Худож. редактор *А. С. Томилин*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректоры *Т. В. Малышева* и *Г. И. Ольвовская*

ИБ № 4009

Сдано в набор 16.01.84. Подписано к печати 23.07.84. А 11322. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага тип. № 3. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 39,06. Уч.-изд. л. 51,03. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1264. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

3 р. 30 к.

СТЕФАН ЗОРЬЯН
АРМЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ
ЦАРЬ ПАП